This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 176.25

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

29 Jul.–29 Aug. 1898.

P Slav 176.25

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

29 Jul.–29 Aug. 1898.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXII. — ТОМЪ CCCLXVI. — 1/13 ІЮЛЯ 1898.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДЕВЯНОСТО-ВТОРОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1898

821 52/2 Slav 30.2
PSlav 176.25
1898, Jul. 29 – Aug. 29.
Sever fund

2674

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-я.

ІЮЛЬ, 1898.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1898.

Стр.

I.—ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ.—**О. Тернера** . . . 5

II.—ВЯТКА.—Повѣсть.—**Ал. Лугового** . . . 53

III.—СЛАВЯНСКАЯ СПАРТА.—Очерки путешествія по Далмаціи и Черногоріи.—I.—**Евг. Маркова** . . . 85

IV.—ИЗЪ Ж. РЕНЕНА: Sonnets amers.—1-4.—**О. Михайловой** . . . 139

V.—ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.—L'or en Sibérie Orientale, par Ed. Dav. Levat.—**Ег. Ив. Барановскаго** . . . 142

VI.—АЛЕКСѢЙ ЗАВОДЧИКЪ.—Разсказъ.—**С. Семенова** . . . 182

VII.—Е. М. БАКУНИНА.—Біографическій очеркъ.—**А. Синицына** . . . 214

VIII.—СВИТЕЗЯНКА.—Баллада Мицкевича.—**В. Маркова** . . . 231

IX.—КНИЖНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.—**А. Н. Пыпина** . . . 236

X.—„МЕНЬШАЯ БРАТІЯ".—Романъ.—The nether World, by George Gissing.—I-VIII.—**А. Б—г.** . . . 272

XI.—СОВРЕМЕННЫЕ СОФИЗМЫ.—Новая сословная тенденція въ нашей печати.—**Z** . . . 323

XII.—11 ІЮНЯ 1898.—Стихотвореніе.—**Владиміра Соловьева** . . . 337

XIII.—ХРОНИКА.—Культурныя назначенія и источники покрытія въ финансахъ Германіи.—Письмо изъ Берлина.—**Г. Іоллоса** . . . 338

XIV.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Губернская реформа и отношеніе ея къ земскимъ учрежденіямъ.—Губернскіе органы министерства земледѣлія.—Рѣчь варшавскаго генералъ-губернатора.—Письмо не-дворянина о дворянскомъ вопросѣ.—Еще проектъ „воспособленія".—Продовольственная нужда . . . 360

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Неудовольствіе американцевъ по поводу отзывовъ европейской печати о войнѣ.—Письмо П. А. Тверского.—Возраженіе противъ нашихъ замѣчаній объ американской политикѣ относительно Кубы.—Прискорбныя увлеченія и погрѣшности американцевъ.—Перемѣна министерства во Франціи.—Парламентскіе выборы въ Германіи. . . . 379

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пятидесятилѣтняя память Бѣлинскаго.—**Т.**—Новыя книги и брошюры. . . . 394

XVII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Arvède Barine. Névroses.—Ferd. Carez. Auteurs contemporains.—Georges Pellissier. Etudes de littérature contemporaine.—**З. В.** . . . 415

XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Нѣмецкая книга о политикѣ и значеніе ея для русскаго общества.—Какъ понимаютъ свободу печати нѣмецкіе и русскіе публицисты.—Отголоски чествованія Бѣлинскаго.—Попытка вытѣснить Бѣлинскаго изъ „литературы" въ „публицистику" и провозгласить его „родоначальникомъ легкомысленной интеллигенціи" . . . 431

XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Правленія Спб. Общества вспомоществованія б. воспитанникамъ Кіевскаго Университета. . . . 443

XX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—П. А. Бѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи. 3-е изданіе.—К. Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. Д. Протопопова.—И. С. Бліохъ. Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Т. I-V.—А. Богдановъ. Краткій курсъ экономической науки.—Финляндія. Подъ редакціей Д. Д. Протопопова. Съ 51 иллюстр. Изд. О. Н. Поповой.—Эли Берте. Маленькія школьницы пяти частей свѣта. Сочиненіе, одобренное французской академіей. Съ франц. М. Граинстремъ. Съ 104 рисунками.

XXI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть 1898 года.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ.

Съ уничтоженіемъ крѣпостного состоянія, производительныя силы Россіи были развязаны; онѣ получили полную свободу примѣненія и создали ту новую Россію, которая въ настоящее время играетъ столь преобладающую роль въ мірѣ.

Такой громадный соціальный и экономическій переворотъ не могъ совершиться безъ тяжкихъ жертвъ и страданій. Примитивное патріархальное состояніе, сдерживавшее всякое развитіе, всякую культуру, представляло, однако, въ сравненіи съ послѣдующимъ болѣе высокимъ состояніемъ культуры, бо́льшую обезпеченность относительно удовлетворенія первоначальныхъ потребностей сельскаго люда. Послѣдующее развитіе, происходившее подъ началомъ всеобщей конкурренціи, уже не могло предоставлять каждому отдѣльному лицу того же относительнаго обезпеченія, которымъ оно пользовалось въ первобытномъ состояніи.

Условія соперничества должны были отразиться болѣе или менѣе чувствительно и на крестьянскомъ сословіи, и вотъ почему въ сельскомъ быту, послѣ освобожденія крестьянъ, встрѣчаются ряду со свѣтлыми—и темныя черты.

Земледѣльческое сословіе находится въ исключительномъ по-ѣенія, — оно питается отъ земли, а между тѣмъ, несмотря постоянное приращеніе численности населенія, орудіе произ-ства, т.-е. пространство земли въ данной мѣстности, остается астяжимымъ. Уже по этому одному, положеніе земледѣльче-

скаго сословія, насколько оно не находитъ примѣненія своему труду въ другихъ промыслахъ, или насколько оно лишено, по какой-либо причинѣ, возможности увеличивать производительность данной площади земли улучшенною культурою, должно ухудшаться, становясь менѣе обезпеченнымъ.

Тѣ же условія дѣйствовали несомнѣнно и въ прежнее время, т.-е. въ эпоху крѣпостного быта. Но тогда постепенное возрастаніе неравенства между численностью нарождающагося населенія на пространствѣ земли сдерживалось до извѣстной степени разными обстоятельствами.

Во-первыхъ, приращеніе населенія шло медленнѣе, чѣмъ оно идетъ въ настоящее время. Самое заключеніе браковъ обусловливалось большею частію полученіемъ отдѣльнаго тягла, а потому нерѣдко приходилось выжидать полученія разрѣшенія на вступленіе въ бракъ, пока не освободится одно изъ существующихъ тяголъ. Были селенія, въ которыхъ въ теченіе десятковъ лѣтъ число тяголъ не измѣнялось, не увеличивалось и не уменьшалось. Тѣмъ самымъ сдерживалось естественнымъ образомъ излишнее дробленіе земли.

Затѣмъ, другое обстоятельство заключалось въ томъ, что существовало закономъ установленное переселенческое движеніе, которое переливало образующійся мѣстами избытокъ населенія на новыя земли. Если помѣщикъ и не соблюдалъ, можетъ быть, безусловно требуемаго отъ него закономъ, — зато касательно половины всего сельскаго населенія, т.-е. крестьянъ государственныхъ, требованіе это строго исполнялось, переселеніе было правильно организовано и производилось постоянно.

Было еще одно обстоятельство, вліявшее на нѣкоторое обезпеченіе быта крестьянъ. По самому существу дѣла, помѣщикъ былъ поставленъ въ необходимость — заботиться о содержаніи своихъ крестьянъ, кормить ихъ въ годы неурожая и помогать имъ въ случаѣ появленія какихъ-либо другихъ бѣдствій, подрывавшихъ ихъ скудное благосостояніе; этого требовалъ его собственный интересъ, и это въ дѣйствительности соблюдалось большею частію на дѣлѣ.

Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать степень обезпеченія крестьянъ при существованіи натуральнаго хозяйства въ до-реформенное время. И въ прежнія времена нерѣдко слышались жалобы на бѣдность и разореніе крестьянъ, и въ прежнія времена уже накоплялись громадныя недоимки, которыя по невозможности взыскать приходилось слагать періодически.

Уже въ указѣ 1727 года говорилось: „Извѣстно намъ учи-

нилось, что нашей Имперіи крестьяне, на которыхъ содержаніе войска положено, въ великой скудости находятся и отъ великихъ податей и разныхъ экзекуцій и другихъ безпорядковъ въ крайнее и всеконечное раззореніе приходятъ". Затѣмъ, въ теченіе нашего столѣтія, въ 1814 году, съ крестьянъ было сложено 30 милліоновъ недоимокъ, и, несмотря на то, четыре года спустя, въ 1818 году, недоимки доросли опять до 96 милліоновъ рублей, а при окладахъ того времени и тогдашней стоимости денегъ это представляетъ такую величину, съ которою совершенно не могутъ сравниться недоимки настоящаго времени. И такихъ примѣровъ изъ прежняго крестьянскаго быта можно бы привести нѣсколько.

Со времени великой реформы прошло болѣе 35 лѣтъ,—какъ же этотъ продолжительный періодъ времени отозвался въ крестьянскомъ быту?

Говорить о настоящемъ положеніи крестьянъ вообще довольно трудно въ виду чрезвычайно разнообразныхъ условій, въ которыя поставлено у насъ сельское населеніе различныхъ мѣстностей; и почва, и климатъ, и самые надѣлы разнообразны до крайности въ разныхъ краяхъ нашего отечества. Но все же можно поставить общій вопросъ: въ какой мѣрѣ крестьянское сословіе приняло у насъ участіе въ томъ удивительномъ развитіи благосостоянія страны, которое послѣдовало за освобожденіемъ крестьянъ? При оцѣнкѣ настоящаго положенія крестьянъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что неурожай 1891 года нанесъ ужасающій уронъ крестьянскому хозяйству тѣхъ мѣстностей, которыхъ онъ коснулся —уронъ, отъ котораго до сихъ поръ многія мѣстности не могутъ еще вполнѣ оправиться.

Вотъ почему, для того, чтобы дать себѣ ясный отчетъ о положеніи сельскаго населенія въ настоящее время, необходимо очертить предварительно картину положенія крестьянъ до неурожайнаго года, прослѣдить за тѣмъ, въ какой мѣрѣ несчастный 1891-й годъ отразился на ихъ хозяйствѣ, и, наконецъ, разсмотрѣть, насколько они могли до сихъ поръ оправиться отъ постигшаго ихъ погрома.

Только этимъ путемъ можно будетъ составить себѣ живую картину дѣйствительнаго положенія дѣла.

I.—Экономическое положеніе крестьянъ до 1891 года.

По отношенію къ пространству воздѣлываемой земли, положеніе крестьянъ, съ теченіемъ времени, по самому существу дѣла, должно было становиться все менѣе и менѣе благопріятнымъ. Мы уже видѣли, что общее количество земли, которымъ крестьяне были надѣлены въ моментъ ихъ освобожденія, было нѣсколько меньше того, чѣмъ они пользовались въ предшествующее время. Съ тѣхъ поръ численность сельскаго населенія увеличилась болѣе чѣмъ на 50%, количество же арендуемой и купленной крестьянами земли составляло всего къ концу восьмидесятыхъ годовъ около 17% надѣльной земли. Изъ сопоставленія этихъ двухъ цифръ нельзя не вывести заключенія, что далеко не весь приростъ сельскаго населенія могъ пристроиться къ землѣ съ достаточнымъ для него надѣломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, существовавшіе прежде порядки совершенно измѣнились съ освобожденіемъ крестьянъ. Дѣлимости надѣловъ не было положено предѣла, переселеніе прекратилось—при такихъ условіяхъ нароставшее сельское населеніе, не желая отдѣлиться отъ земли, разбивало существовавшіе надѣлы на все болѣе и болѣе мелкія части. При обнаруживавшемся недостаткѣ полевой земли, стали распахивать всякую землю, которая только могла идти подъ плуги,—пашни стали вытѣснять лѣса и другія сельско-хозяйственныя угодья. Расширеніе поля на счетъ другихъ угодій не могло оставаться безъ вредныхъ послѣдствій; все болѣе и болѣе сталъ ощущаться недостатокъ въ лугахъ, пастбищахъ и выгонахъ; селенія, вырубивъ лѣса, лишались возможности пользоваться своими дровами и своимъ строевымъ матеріаломъ,—съ другой стороны, уничтоженіе лѣсовъ не оставалось безъ вліянія и на климатъ: засухи и вызываемые ими неурожаи стали проявляться все чаще и чаще...

Такимъ образомъ, съ одной стороны измельченіе надѣловъ, а съ другой стороны постепенное сокращеніе необходимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ полевыхъ угодій вслѣдствіе усиленной распашки земли—должны были вызвать весьма неблагопріятныя послѣдствія, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эти неблагопріятныя условія не уравновѣшивались развитіемъ промысловыхъ заработковъ, благодаря свободному примѣненію труда.

Какъ это ни странно, но въ Россіи, величайшемъ земледѣльческомъ государствѣ Европы, причину неблагопріятнаго положенія крестьянскаго сословія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно

проявляется, слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ малоземельѣ и дробленіи надѣловъ. Это можно объяснить недостаткомъ развитія культуры, излишнимъ стремленіемъ населенія къ занятіямъ около земли; но какъ бы то ни было, несомнѣнно, что, при данномъ положеніи вещей, въ этомъ—корень вопроса. Разумѣется, это не единственный регуляторъ. При хорошемъ, даже богатомъ надѣлѣ, крестьяне могутъ быть приведены рядомъ неурожаевъ почти до полнаго разоренія, какъ это доказали уже наши восточныя губерніи; наоборотъ, есть мѣстности, въ коихъ, благодаря хорошимъ промысловымъ заработкамъ, крестьяне благоденствуютъ даже при скудныхъ надѣлахъ; но, въ общемъ, нельзя отрицать, что достаточность надѣла представляетъ одно изъ главныхъ условій обезпеченности крестьянскаго хозяйства, и потому дробленіе земли происходитъ во вредъ хозяйственности и производительности крестьянской экономіи.

А между тѣмъ дробленіе земли идетъ у насъ чрезвычайно быстрыми шагами. Уже въ 1878 году у насъ насчитывалось 754.000 наличныхъ душъ крестьянъ, обладавшихъ надѣлами, не достигавшими даже одной десятины на душу; въ томъ числѣ до 600.000 душъ приходилось на черноземный районъ. Если же взять всѣ мелкіе надѣлы, считая предѣломъ для нихъ по двѣ десятины на душу, то такихъ крестьянъ насчитывалось до трехъ милліоновъ душъ. Съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе прироста населенія, это отношеніе должно было еще ухудшиться [1]).

Параллельно съ уменьшеніемъ надѣловъ уменьшался и размѣръ посѣвовъ по отношенію къ народонаселенію. Въ 1857—63 годахъ всего высѣвалось 70 милліоновъ четвертей при населеніи въ 62 милліона душъ, что составляло, среднимъ числомъ, 1,14 четверти на душу. Въ 1870—79 годахъ высѣвалось 75,5 милл. четвертей, что составляло уже нѣсколько менѣе 0,99 четвертей на душу. Наконецъ, въ 1883—87 годахъ посѣвы достигали 80 милліоновъ четвертей; но такъ какъ численность населенія за это время тоже возросла, то на душу приходилось уже нѣсколько менѣе 0,98 четверти.

Итакъ, съ 1857 по 1887 годъ количество высѣваемаго хлѣба

---

[1]) До какой степени быстро прогрессируетъ дробленіе надѣловъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, мы уже видѣли изъ примѣра нѣкоторыхъ поволжскихъ уѣздовъ. Въ упомянутой мѣстности, изъ числа государственныхъ крестьянъ къ 1886 г. насчитывалось еще до семи общинъ съ надѣлами отъ 7 до 10 дес. на наличную душу, и до 23 общинъ, надѣленныхъ 5—7 десятинами; а семь лѣтъ спустя, изъ первой категоріи не оставалось уже ни одной общины, а изъ 23 общинъ второй категоріи оставалось всего 13,—остальныя же всѣ перешли въ низшія категоріи.

увеличилось на десять милліоновъ четвертей, поднявшись съ 70 до 80 милліоновъ, что̀ равняется увеличенію на 14%, а народонаселеніе возросло, за то же время, съ 61 до 82 милл. душъ, т.-е., приблизительно, на 33%, и потому количество высѣваемыхъ четвертей по разсчету на душу уменьшилось съ 1,14 до 0,98 четверти.

Несмотря на относительное уменьшеніе количества высѣваемаго хлѣба на душу, вывозъ его почти утроился за то же время. Въ 1860—64 гг. вывозилось, среднимъ числомъ, 88 милліоновъ пудовъ; въ 1870—74 г.—214 милліоновъ; въ 1875—79 г.—332, а въ 1895—97 г.—384 милліона.

Естественно поэтому, что количество хлѣба, потребляемаго каждымъ жителемъ, должно было уменьшиться. Уменьшеніе потребленія зернового хлѣба въ значительной мѣрѣ восполнилось необычайно быстрымъ ростомъ въ странѣ производства и потребленія картофеля. Сборъ этого корнеплоднаго растенія за тотъ же періодъ времени увеличился въ Россіи на 226%. Замѣна зернового хлѣба картофелемъ въ народномъ потребленіи не можетъ, однако, считаться благопріятнымъ признакомъ, потому что питаніе картофелемъ—преобладающее явленіе въ странахъ бѣдныхъ и можетъ служить признакомъ уменьшающагося благосостоянія. Извѣстно, что картофель составляетъ главный предметъ питанія ирландскаго сельскаго пролетаріата. Замѣна хотя и части хлѣба въ питаніи народа картофелемъ во всякомъ случаѣ не можетъ считаться доказательствомъ возрастающаго благосостоянія народа.

Замѣчательно, что параллельно съ измельченіемъ надѣловъ идетъ и уменьшеніе процента прироста населенія. Если распредѣлить вообще процентъ приращенія, за двѣнадцатилѣтній періодъ 1858—1878 гг., по категоріямъ соотвѣтственно числу десятинъ надѣла, то оказывается, что въ группѣ, пользовавшейся надѣломъ менѣе одной десятины на душу, приращеніе населенія за это время составляло 16%; въ группѣ, пользовавшейся надѣломъ отъ 1 до 2 десятинъ—17%; отъ 2 до 3 десятинъ—19%; отъ 3 до 4—21%; отъ 4 до 5 десятинъ—27%, и свыше 6 десятинъ—30%. Такимъ образомъ, у богато надѣленныхъ крестьянъ приращеніе идетъ почти вдвое быстрѣе, чѣмъ у пользующихся скудными надѣлами.

Это объясняется естественною связью между степенью благосостоянія и приращеніемъ населенія. Если потому прослѣдить движеніе народонаселенія за все время послѣ освобожденія крестьянъ и до 1891 г., то это доставитъ нѣкоторое указаніе

относительно движенія благосостоянія преобладающаго своею численностью сельскаго населенія въ различныя эпохи этого періода времени и въ различныхъ мѣстностяхъ.

Какъ указываютъ данныя послѣдней переписи, приростъ населенія въ Россіи—вообще довольно значительный, изъ чего можно заключить, что благосостояніе народа движется также въ возрастающемъ направленіи.

Но если обратить вниманіе на степень быстроты прироста, то она значительно измѣняется въ различныя эпохи и въ разныхъ районахъ.

Подраздѣливъ двадцатипятилѣтній періодъ 1865—1870 гг. на пять пятилѣтій, мы увидимъ, что въ началѣ перваго пятилѣтія почти вездѣ проявляется замѣтное уменьшеніе процента прироста, а къ концу этого пятилѣтія, 1865—1870 гг., процентъ прироста нѣсколько возрастаетъ почти во всей Россіи, кромѣ сѣверныхъ губерній. Въ теченіе второго пятилѣтія, степень возрастанія значительно возвышается; она остается, затѣмъ, на достигнутомъ уровнѣ нѣсколько лѣтъ, послѣ чего, въ четвертомъ пятилѣтіи, вновь проявляется замѣтное повышеніе процента прироста, которое оканчивается съ наступленіемъ пятаго періода, 1886—1870 гг., съ которымъ начинается быстрый упадокъ, т.-е. быстрое уменьшеніе процента прироста.

Уже изъ вышеизложенныхъ валовыхъ данныхъ можно вывести заключеніе, что послѣ двухъ, трехъ лѣтъ затруднительнаго положенія вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ,—пока они еще не осмотрѣлись и не начали свыкаться съ новымъ своимъ положеніемъ, — наступаетъ эпоха непрерывнаго развитія благосостоянія въ странѣ: оно ростетъ, затѣмъ останавливается нѣкоторое время на достигнутомъ результатѣ, и затѣмъ опять продолжаетъ идти вверхъ до 1886 года, когда вдругъ начинается довольно быстрое паденіе народнаго благосостоянія. Таковъ средній выводъ для всей Россіи,—но между отдѣльными мѣстностями происходитъ въ этомъ отношеніи значительная дифференцировка.

За исключеніемъ Малороссіи и средне-промышленныхъ губерній, гдѣ процентъ приращенія за послѣднее время оставался неизмѣннымъ,—почти во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ, начиная съ пятаго періода, проявляется болѣе или менѣе сильный упадокъ процента приращенія. Это пониженіе достигаетъ особенно сильныхъ размѣровъ въ двухъ, такъ сказать, крайнихъ по своему характеру мѣстностяхъ, а именно въ средне-черноземныхъ губерніяхъ, отличающихся особенною густотою насе-

ленія, и въ восточныхъ губерніяхъ, находящихся, по своей слабонаселенности, въ прямо противоположномъ положеніи, но зато пострадавшихъ отъ ряда неурожаевъ, начавшихся еще до 1891 г.

Замѣчательна, съ другой стороны, разница между среднечерноземными и среднепромышленными губерніями, несмотря на то, что и тѣ, и другія принадлежатъ къ наиболѣе населеннымъ мѣстностямъ. Между тѣмъ какъ въ средне-черноземныхъ губерніяхъ процентъ приращенія въ послѣдніе годы означеннаго періода сильно падаетъ, въ средне-промышленныхъ онъ остается неизмѣннымъ, т.-е. останавливается на достигнутыхъ передъ тѣмъ повышеніяхъ. По свѣдѣніямъ послѣдней переписи, въ среднечерноземномъ районѣ, за послѣднее время, не только процентъ приращенія уменьшился, но съ 1885 года прекратился даже всякій приростъ населенія. Статистическій комитетъ объясняетъ это частію уходомъ на отхожіе промыслы, частію выселеніемъ; но едва ли тутъ дѣйствуютъ только эти двѣ причины.

Разница, существующая между средне-промышленными и средне-черноземными губерніями, объясняется несомнѣнно тѣмъ, что въ средне-промышленныхъ губерніяхъ сельское населеніе, хотя и слабо надѣленное землею, не находится въ страдательномъ положеніи, имѣя возможность извлекать изъ промышленныхъ занятій на фабрикахъ и мануфактурахъ такія средства существованія, какими населеніе средне-черноземныхъ губерній не обладаетъ.

Для бо̀льшей иллюстраціи характера движенія народонаселенія, необходимо обратить вниманіе еще на сопоставленіе рождаемости и смертности. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что для благосостоянія народонаселенія мѣньшая рождаемость при мѣньшей смертности представляетъ болѣе удовлетворительное условіе развитія благосостоянія народа, чѣмъ обратное отношеніе, хотя въ томъ и другомъ случаѣ окончательный численный итогъ народонаселенія можетъ оказываться однимъ и тѣмъ же.

За исключеніемъ одного второго періода, процентъ рождаемости въ Россіи колеблется безъ существеннаго отклоненія отъ достигнутаго уровня до пятаго періода, съ котораго начинается быстрый упадокъ; процентъ же смертности, хотя также съ разными колебаніями вверхъ и внизъ, идетъ къ постоянному пониженію до половины пятаго періода, и съ этого момента начинаетъ существенно повышаться.

Такимъ образомъ, оказывается, что до второй половины восьмидесятыхъ годовъ условія населенности представлялись довольно удовлетворительными. Рождаемость нѣсколько усиливалась, а смерт-

ность въ общемъ уменьшалась. Но съ конца восьмидесятыхъ годовъ это гармоническое движеніе начинаетъ нарушаться. Уменьшеніе рождаемости доходитъ до 12%, и вмѣстѣ съ тѣмъ смертность увеличивается—условія, которыя нельзя не признать крайне невыгодными. Проявившійся такимъ образомъ застой въ быстротѣ наростанія сельскаго населенія слѣдуетъ приписать отчасти начавшимся уже съ конца восьмидесятыхъ годовъ неурожаямъ, хотя и мѣстнымъ, но все довольно сильнымъ и дѣйствовавшимъ крайне разорительно (особенно на востокѣ), отчасти же—крайнему сгущенію народонаселенія въ центрѣ Россіи.

Такое предположеніе вполнѣ подтверждается разсмотрѣніемъ положенія дѣла въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Самую неблагопріятную картину, набрасывающую свои тѣни на среднія цифры страны, представляютъ средне-черноземный край и восточный.

Въ средне-черноземныхъ губерніяхъ въ первый періодъ послѣ освобожденія крестьянъ замѣчается уменьшеніе рождаемости; это уменьшеніе, за исключеніемъ временнаго благопріятнаго перерыва въ теченіе второго пятилѣтія, продолжается до конца, хотя и съ разными колебаніями вверхъ и внизъ, при чемъ въ послѣднее время упадокъ значительно усиливается. Съ другой стороны, процентъ смертности, понижавшійся постепенно до половины третьяго пятилѣтія, начинаетъ повышаться, и затѣмъ, послѣ новаго кратковременнаго упадка, съ половины пятаго періода, сильно идетъ вверхъ. Итакъ, уже въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, до неурожая 1891 года, положеніе въ этой мѣстности оказывается крайне неудовлетворительнымъ, проявляя одновременно и постоянное почти уменьшеніе процента рождаемости, и возрастаніе процента смертности, за исключеніемъ немногихъ лѣтъ. Въ этомъ сказывается и густота населенія, и отсутствіе промысловъ, и дѣйствіе мѣстныхъ неурожаевъ.

Столь же неблагопріятную картину представляетъ положеніе дѣла въ восточныхъ губерніяхъ. Въ этомъ краѣ, начиная уже съ третьяго періода, процентъ рождаемости, послѣ кратковременнаго возвышенія во второй періодъ, постоянно уменьшается, съ колебаніями вверхъ и внизъ, и это уменьшеніе особенно усиливается въ послѣднее время. Одновременно съ этимъ % смертности послѣ постепеннаго пониженія, также съ колебаніями вверхъ и внизъ, продолжающагося до половины пятаго періода, съ этого момента начинаетъ идти быстро кверху.

Сѣверныя губерніи и Малороссія представляютъ—въ противоположность двумъ вышеприведеннымъ мѣстностямъ—исключительно благопріятныя условія движенія народонаселенія. Въ сѣверномъ

краѣ процентъ рождаемости остается неизмѣннымъ до конца, за исключеніемъ перваго десятилѣтія, представляющаго временный упадокъ, съ нѣкоторымъ пониженіемъ въ послѣдній періодъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, процентъ смертности, за исключеніемъ временной остановки въ теченіе третьяго пятилѣтія, идетъ постоянно на убыль. Почти столь же выгодную картину представляетъ и Малороссія, съ тою особенностью, что въ теченіе третьяго и четвертаго періода она проявляетъ одновременно и значительное возрастаніе % рождаемости, и остановку въ уменьшеніи % смертности.

Среднее положеніе въ этомъ отношеніи, съ различными варіантами, занимаютъ сѣверо-западныя, юго-западныя и южныя губерніи.

Наконецъ, въ средне-промышленныхъ губерніяхъ замѣчается почти постоянное повышеніе рождаемости, хотя и съ разными колебаніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшеніе смертности. Положеніе это, при густотѣ населенія въ краѣ, нельзя не признать благопріятнымъ.

Остается еще сказать, въ дополненіе, нѣсколько словъ о движеніи брачности, имѣвшемъ нѣсколько своеобразный характеръ. Въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, брачность почти вездѣ уменьшается; затѣмъ она начинаетъ возвышаться и постоянно ростетъ, съ нѣкоторыми колебаніями, до половины пятаго періода. Этотъ моментъ, какъ уже можно заключить изъ вышеприведеннаго, во всемъ является какъ бы рубежемъ, за которымъ условія крестьянскаго быта вообще ухудшаются. Съ этихъ поръ и брачность начинаетъ почти повсюду ослабѣвать, за исключеніемъ Малороссіи, средне-промышленныхъ и даже средне-черноземныхъ губерній, въ которыхъ брачность, хотя не увеличивается, но и не падаетъ,—и восточныхъ губерній, въ которыхъ брачность постоянно ростетъ, какъ бы стремясь тѣмъ самымъ наверстать происходившую тамъ за послѣднее время относительную убыль населенія, вызываемую и уменьшеніемъ рождаемости, и усиленіемъ смертности.

Ознакомившись въ общихъ чертахъ съ движеніемъ сельскаго населенія и съ отношеніемъ его къ землѣ, постараемся теперь прослѣдить, въ какихъ размѣрахъ у насъ развивалось въ теченіе этого времени скотоводство, т.-е. главное подспорье сельскаго хозяйства.

Въ теченіе разсматриваемаго періода, количество лошадей увеличилось у насъ на четыре милліона головъ. Съ 16 милліоновъ въ 1851 году—численный составъ лошадей поднялся до

20 милліоновъ. Но такъ какъ народонаселеніе росло быстрѣе, то число лошадей, приходящееся на сто жителей, постоянно уменьшалось: съ 26,5 головъ, въ 1857 году, оно упало на 25,5, среднимъ числомъ, въ періодъ 1861—82, и до 22,7, въ періодъ 1888—1891 годовъ. Вслѣдствіе того должно было уменьшаться и число лошадей, приходящееся на каждый крестьянскій дворъ, а затѣмъ и самое число безлошадныхъ дворовъ.

Болѣе точныя данныя имѣются именно къ концу разсматриваемаго періода времени, благодаря конской переписи 1891 года. На основаніи добытыхъ этимъ путемъ свѣдѣній оказывается, что въ семнадцати губерніяхъ, въ которыхъ была произведена перепись, приростъ лошадей составлялъ всего только 0,35%. Число лошадей, приходящихся на одинъ крестьянскій дворъ, уменьшилось въ этихъ губерніяхъ съ 2,1 до 1,8 головъ. Количество безлошадныхъ дворовъ увеличилось за послѣднее время съ 20,8 до 24,8%; изъ вновь же образующихся дворовъ оказывалось болѣе половины безлошадныхъ.

Несомнѣнно, что средняя численность лошадей чрезвычайно измѣняется въ различныхъ мѣстностяхъ, болѣе или менѣе отклоняясь отъ вышеприведенныхъ среднихъ цифръ. Такъ, напримѣръ, въ средне-волжскомъ районѣ, въ губерніяхъ промышленныхъ, центральныхъ, озерныхъ и московской, съ 1864 по 1882 г. убыль лошадей составляла отъ 2 до 11%; напротивъ того, въ Новороссіи, юго-западномъ краѣ и юго-восточныхъ степныхъ губерніяхъ происходилъ въ теченіе этого же времени постоянный приростъ лошадей, достигавшій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весьма значительныхъ размѣровъ, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ юго-западномъ и юго-восточномъ краѣ, какъ и въ Малороссіи, волы усиленно стали замѣняться въ работѣ лошадьми, особенно въ послѣднее время.

Въ скотоводствѣ мы замѣчаемъ то же явленіе, какъ и въ коневодствѣ; съ теченіемъ времени, число головъ скота ростетъ, но въ гораздо меньшей пропорціи, чѣмъ приростъ населенія, и потому наличность скота по отношенію къ числу душъ постоянно уменьшается.

Имѣющіяся данныя о количествѣ скота, въ кругъ (кромѣ лошадей), содержавшагося крестьянами, представляютъ слѣдующую картину:

Въ	1851	г.	число	головъ	скота	44,8	милл.	головъ
„	1864	„	„	„	„	45,8	„	„
„	1876	„	„	„	„	46,9	„	„
„	1883	„	„	„	„	50,9	„	„

Такимъ образомъ, количество головъ скота, въ кругъ, увеличилось въ теченіе 32 лѣтъ на 6 милліоновъ головъ. Количество же головъ скота, приходившееся на сто жителей, составляло, въ соотвѣтствующіе годы, 87,8 — 74,6 — 69,5 и 64,7 головъ, что̀ представляло уменьшеніе въ 23,1 головъ на сто душъ.

Эти огульныя цифры, выведенныя изъ численности всякой скотины, приведенной въ кругъ, вполнѣ воспроизводятся по своему характеру и въ каждой отдѣльной отрасли скотоводства. Такъ, напримѣръ, численность рогатаго скота ростетъ съ 21 милліона головъ, въ 1851 году, до 22 мил. въ 1871, и до 24 милл. въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, представляя общее увеличеніе въ 3 милліона головъ, и одновременно съ этимъ число головъ рогатаго скота, приходившееся на 100 душъ населенія, падало съ 37,1, въ 1857 г., на 31 голову въ 1870, и на 90 головъ въ 1886 году.

Точно также и овцеводство поднимается съ 42,5 милліоновъ, въ 1861 г., только до 44,5 милліоновъ въ 1888 г., представляя на сто человѣкъ жителей, въ 1857 г., 72,1 штуки, а въ 1888 г. уже только 53,6 овцы,—что̀ даетъ относительное уменьшеніе на 18,5 штукъ, или по 25%.

Еще менѣе удовлетворительно положеніе свиноводства; численность этого сорта скота почти совсѣмъ не увеличилась въ теченіе тридцати лѣтъ, и потому съ 15,3 на сто жителей, въ 1887 г., относительная численность головъ этого скота упала, въ 1888 г., до 11,1 головъ на сто жителей.

Хотя вышеприведенныя свѣдѣнія и имѣютъ нѣсколько отрывочный характеръ и не вездѣ доведены до послѣдняго времени разсматриваемаго періода, однако они вполнѣ позволяютъ остановиться на общемъ выводѣ, что развитіе скотоводства остается у насъ далеко за приростомъ народонаселенія. Этого одного вывода, однако, еще не достаточно для полной характеристики даннаго положенія,—необходимо ближе освѣтить причины, вызывающія это явленіе, и обстоятельства, его сопровождающія.

Наличность лошадей у крестьянъ привыкли признавать однимъ изъ самыхъ наглядныхъ признаковъ степени ихъ благосостоянія; на относительное уменьшеніе числа лошадей обыкновенно смотрятъ какъ на несомнѣнное доказательство упадка благосостоянія въ средѣ сельскаго населенія. Указываютъ на то, что прежде въ любой деревнѣ было не мало зажиточныхъ хозяевъ, выѣзжавшихъ въ поле на двухъ, трехъ и даже четырехъ парахъ лошадей, теперь же такіе дворы принадлежатъ къ исключеніямъ,—рѣдкій дворъ имѣетъ болѣе одной или двухъ ло-

шадей. Прежде безлошадныхъ дворовъ почти совсѣмъ не существовало, теперь же число ихъ ростетъ изъ году въ годъ.

Подобный взглядъ, принимающій мѣриломъ благосостоянія сельскаго населенія численность лошадей, грѣшитъ, однако, нѣкоторою односторонностью. По мѣрѣ увеличенія численности населенія, часть прироста уже не находитъ занятія около земли, и потому очевидно, что число лошадей, содержимыхъ сельскимъ населеніемъ, не можетъ расти равномѣрно съ приростомъ населенія. Одно *относительное* уменьшеніе численности лошадей (абсолютно число ихъ нѣсколько увеличилось) не можетъ потому служить доказательствомъ упадка сельскаго хозяйства въ Россіи. Другой фактъ, гораздо болѣе прискорбный, заключается въ невозможности, при данныхъ условіяхъ, вполнѣ использовать даже то количество лошадей, которымъ владѣетъ сельское населеніе. Какъ это ни странно, но, обращаясь къ вопросу съ разныхъ сторонъ, можно бы одновременно утверждать, что у насъ и слишкомъ мало, и слишкомъ много лошадей. Дѣло въ томъ, что сущность вопроса совершенно не въ относительномъ итогѣ численности лошадей, а въ наличности богатыхъ, многолошадныхъ дворовъ. И при относительномъ уменьшеніи числа лошадей къ числу населенія, это могло бы находить выраженіе въ увеличеніи числа безлошадныхъ дворовъ,—при сохраненіи неуменьшеннымъ состава богатыхъ, многолошадныхъ дворовъ,—причемъ не могло бы быть рѣчи о недостаточномъ использованіи живого инвентаря сельскимъ населеніемъ. У насъ же ростетъ не только число безлошадныхъ, но и число малолошадныхъ дворовъ, а это никакъ нельзя признать благопріятнымъ явленіемъ.

Коренною причиною этого явленія, несомнѣнно свидѣтельствующаго объ упадкѣ крестьянскаго благосостоянія, слѣдуетъ считать измельченіе надѣловъ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется преобладаніе, особенно въ центрѣ Россіи, мелкихъ, изнуренныхъ, захудалыхъ хозяйствъ. Есть извѣстный minimum хозяйственной площади, ниже котораго крестьянское хозяйство не можетъ опускаться, потому что оно становится тогда невыгоднымъ, или даже невозможнымъ. Перейдя этотъ minimum, крестьянину выгоднѣе бросать хозяйство и становиться батракомъ. Уже въ 1882 году, число дворовъ, не имѣвшихъ рабочаго скота, по даннымъ конской переписи, достигало 1.100.000 душъ, съ наличнымъ населеніемъ въ семь милліоновъ душъ обоего пола, что составляло тогда уже 16,3% всѣхъ дворовъ. Съ того времени эта группа сельскаго населенія несомнѣнно еще увеличилась.

Безхозяйственные дворы, однако, еще не составляютъ главнаго

зла. Безхозяйственный крестьянинъ представляетъ населеніе, покидающее самостоятельную сельскохозяйственную дѣятельность и обращающееся къ другимъ занятіямъ, къ наемному труду. Это—неизбѣжное послѣдствіе прироста населенія, не могущаго полностію осѣсть на своей землѣ. Гораздо вреднѣе отзываются на благосостояніи страны порождаемые крайнимъ измельченіемъ надѣловъ мелкіе захудалые дворы, продолжающіе заниматься хозяйствомъ на своемъ небольшомъ надѣлѣ; они-то именно и не въ состояніи использовать свой живой рабочій инвентарь. Слишкомъ малые надѣлы малодоходны для хозяевъ и невыгодны для государства. Заставляя тратить непроизводительно слишкомъ большое число рабочихъ рукъ и содержать массу излишняго скота, подобная культура несомнѣнно наноситъ вредъ общей экономіи страны.

Профессоръ Постниковъ замѣчаетъ, что отношеніе численности населенія и количества рабочихъ силъ къ территоріи сельскаго хозяйства всегда было и останется кореннымъ факторомъ экономическаго быта страны, потому что содержаніе рабочихъ силъ поглощаетъ бо́льшую часть валового дохода въ земледѣльческомъ производствѣ. Избытокъ въ продуктахъ земледѣлія надъ собственнымъ потребленіемъ ихъ земледѣльцемъ, опредѣляющій собою объемъ затраты страны на продукты не-земледѣльческаго труда и общую сумму въ странѣ производства и потребленія, зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ относительной численности рабочихъ силъ земледѣлія въ сравненіи съ воздѣлываемою площадью. При излишкѣ земледѣльческихъ рабочихъ силъ, теряющихся непроизводительно вслѣдствіе праздности или ненормальныхъ условій земледѣльческой техники,—уменьшается общая масса продовольственныхъ запасовъ и отпускаемаго на рынки сырья, а въ то же время теряется для страны цѣнность всего того, что̀ могло бы быть произведено трудомъ избытка населенія. Прокармливая при этомъ огромную массу рабочихъ животныхъ, являющихся ненужными при нормальномъ ходѣ земледѣлія и лучшемъ устройствѣ землепользованія, страна лишается вмѣстѣ съ тѣмъ продукта огромнаго числа десятинъ кормовой площади, которая могла бы быть употреблена болѣе производительно. Статистическія данныя показываютъ, что у всѣхъ разрядовъ крестьянъ и во всѣхъ мѣстностяхъ повторяется тотъ же фактъ, а именно: чѣмъ менѣе у крестьянъ въ общемъ размѣрѣ запашки, тѣмъ болѣе они держатъ скота на данную площадь, и напротивъ того, расходъ крестьянскаго земледѣлія на содержаніе рабочей силы (людей и скота) и инвентаря тѣмъ меньше на деся-

тину, чѣмъ значительнѣе размѣръ посѣва. Экономическая сила двора возрастаетъ не прямо пропорціонально размѣру посѣва, а въ гораздо бо́льшей степени.

Если перевести отношеніе рабочихъ силъ животныхъ на посѣвную площадь, то оказывается, что среднимъ числомъ на сто десятинъ посѣва приходится: у хозяевъ, засѣвающихъ до пяти десятинъ — по одной скотинѣ на дворъ, такъ что на десятину причитается одна пятая голова скота; у сѣющихъ отъ 5 до 10 десятинъ—по двѣ скотины на дворъ; отъ 10 до 25 десятинъ—по три скотины, и, наконецъ, засѣвающихъ отъ 25 до 50 дес.—около пяти съ половиною головъ на дворъ; такимъ образомъ, съ увеличеніемъ размѣра хозяйства и пространства запашки, расходъ на содержаніе рабочаго скота, составляющій главную расходную статью въ сельскомъ хозяйствѣ, прогрессивно уменьшается до того, что запашка въ пятьдесятъ десятинъ требуетъ *вдвое менѣе* скота (около одной-десятой головы на десятину), чѣмъ пятидесятигная запашка.

Г-нъ Короленко посвятилъ обширный трудъ изслѣдованію вопроса объ отношеніи количества лошадей въ Россіи къ данной хозяйственной потребности; достигнутые имъ выводы вполнѣ подтверждаютъ все вышеизложенное.

По его наблюденію, какъ число безлошадныхъ дворовъ, такъ и число лошадей, содержимыхъ вообще крестьянами, зависитъ въ бо́льшей части случаевъ совершенно не отъ степени возможности пріобрѣсти лошадь, а отъ иныхъ, независимыхъ отъ матеріальнаго достатка хозяина причинъ, и главнымъ образомъ—отъ степени необходимости держанія лошади и отъ размѣровъ приносимой ею пользы (здѣсь, разумѣется, идетъ рѣчь не объ анормальныхъ неурожайныхъ годахъ, составляющихъ и въ этомъ отношеніи исключеніе). Крестьянинъ держитъ лошадь только для работы; если же работы для нея не предвидится, то она оказывается для него самымъ убыточнымъ изъ домашнихъ животныхъ. Разсматривая съ этой точки зрѣнія вопросъ о безлошадныхъ дворахъ и вообще о количествѣ лошадей въ крестьянскомъ хозяйствѣ, нельзя не придти къ заключенію, что въ бо́льшей части случаевъ крестьяне обладаютъ значительнымъ избыткомъ лошадей, а никакъ не недостаткомъ, не имѣя зачастую возможности использовать ихъ надлежащимъ образомъ, т.-е. съ выгодою.

Чтобы судить о соотвѣтствіи числа лошадей съ потребностью въ нихъ у крестьянъ, принимая во вниманіе исключительно сельскохозяйственныя цѣли,—необходимо прежде всего опредѣлить, сколько одна лошадь можетъ среднимъ числомъ обработать пашни,

и затѣмъ сравнить количество лошадей у крестьянъ съ площадью ихъ посѣвовъ.

Мы видѣли выше, что въ среднемъ крестьянская лошадь, при существующей у крестьянъ культурѣ, можетъ обработать по крайней мѣрѣ пять десятинъ [1]) пашни. Болѣе пяти—обыкновенно ведетъ къ ухудшенію обработку; при уменьшеніи же, напротивъ того, числа десятинъ, приходящихся на одну лошадь противъ вышеприведеннаго средняго числа, лошадь не вполнѣ ею пользуется, и потому, при отсутствіи другихъ работъ, извоза и т. п., становится убыточною для хозяина.

Считая по этой нормѣ, увидимъ, что въ *семи* губерніяхъ среднимъ числомъ приходится на одну лошадь отъ 4 до 5 десятинъ запашки; въ тринадцати губерніяхъ, среднимъ числомъ, только отъ 3 до 4 десятинъ, а въ *пятнадцати* губерніяхъ—даже менѣе 3 десятинъ.

И въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ въ работу употребляются волы, количество лошадей на крестьянскихъ дворахъ столь значительно, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно, въ губерніяхъ черниговской, волынской, подольской и кіевской, числа однѣхъ лошадей съ избыткомъ могло бы хватить на обработку крестьянскихъ посѣвовъ.

На основаніи вышеизложеннаго можно утверждать, что у крестьянъ не только не замѣчается вообще недостатка въ лошадяхъ для обработки ихъ собственныхъ земель, но даже существуетъ несомнѣнно избытокъ, который прилагается или къ обработкѣ частновладѣльческихъ земель, или къ какимъ-либо другимъ работамъ.

Для опредѣленія—въ какой мѣрѣ крестьянская лошадь участвуетъ въ обработкѣ помѣщичьихъ земель, необходимо сопоставить количество лошадей, содержимыхъ помѣщиками, съ площадью ихъ посѣвовъ. Оказывается, что въ девяти губерніяхъ (московской, смоленской, могилевской, витебской, ковенской, псковской, петербургской, курляндской и лифляндской) количество лошадей частныхъ владѣльцевъ соотвѣтствуетъ площади ихъ посѣвовъ (предполагая, что всѣ существующія лошади употребляются въ работу). Въ четырехъ губерніяхъ (орловской, рязанской, владимірской и волынской) помѣщичьими лошадьми можетъ быть обработано не болѣе одной трети владѣльческихъ посѣвовъ; въ

[1]) Т.-е., имѣя въ виду обыкновенное крестьянское измельченное хозяйство, ибо мы видѣли также, что въ большихъ хозяйствахъ число десятинъ, могущихъ быть обрабатываемыми одною лошадью, доходитъ до десяти, но такія хозяйства составляютъ у насъ нынѣ исключенія.

трехъ губерніяхъ (курской, воронежской и тамбовской)—не болѣе одной четверти; въ нижегородской и симбирской губерніяхъ—не болѣе одной пятой; въ пензенской и казанской—не болѣе одной шестой. Въ остальныхъ же четырнадцати губерніяхъ собственными лошадьми можетъ быть обработано около половины владѣльческихъ посѣвовъ.

При сопоставленіи всей площади частновладѣльческихъ и крестьянскихъ посѣвовъ съ количествомъ всѣхъ лошадей, оказывается, что всюду недостатокъ лошадей у частныхъ владѣльцевъ покрывается избыткомъ лошадей у крестьянъ. При этомъ, въ тринадцати самыхъ населенныхъ губерніяхъ—орловской, курской, тульской, рязанской, тамбовской, пензенской, симбирской, казанской и вятской,—на одну лошадь приходится не болѣе четырехъ, пяти десятинъ посѣва, т.-е. даже нѣсколько меньше нормальнаго пространства. Въ остальныхъ же губерніяхъ оказывается даже избытокъ лошадей противъ потребностей земледѣлія, вслѣдствіе дешевизны корма и развитія извозныхъ промысловъ.

Теперь можно судить, на основаніи этихъ данныхъ, о томъ, какое значеніе имѣютъ безлошадные дворы.

Въ губерніяхъ черноземныхъ, густонаселенныхъ, гдѣ площадь посѣвовъ доведена до крайнихъ, максимальныхъ, предѣловъ, за счетъ даже остальныхъ необходимыхъ для земледѣлія угодій,—оказывается, что лошадей все же больше, чѣмъ необходимо для обработки земли. Если при такихъ условіяхъ существуютъ безлошадные дворы, то это очевидно потому, что хозяева этихъ дворовъ не могутъ завести лошадей не по недостатку средствъ, а потому, что имъ пришлось бы подвергнуться риску держать лошадей непроизводительно, т.-е. безъ работы для нихъ. Каждый вновь выдѣляющійся дворъ по необходимости долженъ или стать самъ безлошаднымъ, или другой дворъ сдѣлать безлошаднымъ, или по крайней мѣрѣ менѣе лошаднымъ, потому что, уже до его выдѣленія, лошадей для воздѣлки земли у крестьянъ было достаточно, а новаго пространства земли, съ выдѣленіемъ новаго двора, не прибавилось. Несомнѣнно, что каждый хозяинъ напрягаетъ всѣ усилія, чтобы удержать хотя послѣднюю лошадь, и готовъ для этого на всякія жертвы, но это ведетъ только къ совершенно безплодной конкурренціи, доводящей чуть не до дарового предложенія крестьянами труда своихъ лошадей и до полнаго разоренія хозяевъ.

Во многихъ мѣстностяхъ эта конкурренція дошла до того, что за полную обработку десятины платится шесть рублей. Между тѣмъ, при самой скромной оцѣнкѣ человѣческаго труда количе-

ство его, потрачиваемое на обработку десятины, слѣдуетъ цѣнить въ 6 р. 19 коп.; слѣдовательно, крестьянинъ не только не добираетъ за свой личный трудъ 19-ти копѣекъ, но и за употребленіе лошади ничего не получаетъ. Девятидневную работу на ней слѣдуетъ считать по крайней мѣрѣ въ 4 р. 50 к. Если же полагать, что онъ свой личный трудъ ни во что не ставитъ, то все-же онъ заработаетъ только 1 р. 50 к. сверхъ того, во что слѣдуетъ считать поденную плату за лошадные дни.

Вотъ почему въ каждой мѣстности, съ увеличеніемъ числа владѣльческихъ лошадей, уменьшается число крестьянскихъ лошадей. Но даже и въ мѣстностяхъ, гдѣ увеличивается число крестьянскихъ лошадей, число безлошадныхъ дворовъ обыкновенно не уменьшается. Лошадному двору легче завести и использовать вторую и третью лошадь, чѣмъ безлошадному — сдѣлаться лошаднымъ.

Совершенно другая причина безлошадности или малолошадности дворовъ — въ губерніяхъ слабонаселенныхъ не черноземныхъ. Здѣсь, при полномъ земельномъ просторѣ и ничтожной цѣнности земли, главную причину тому слѣдуетъ искать въ отвлеченіи населенія отъ земледѣльческаго труда фабричною и кустарною промышленностью, а также разными мѣстными и отхожими промыслами. Крестьянинъ держитъ преимущественно столько лошадей, сколько ему именно необходимо для воздѣлки надѣльной земли, предоставляя эту работу большею частью старикамъ, женщинамъ и подросткамъ, — мужчины же уходятъ на заработки, а часто совсѣмъ бросаютъ земледѣліе, и потому лошадей совершенно не держатъ. Доказательствомъ того, что во многихъ мѣстностяхъ безлошадность дворовъ вызывается именно отвлеченіемъ населенія отъ земледѣльческаго труда, могутъ служить тверская, владимірская и ярославская губерніи. Тамъ число безлошадныхъ дворовъ доходитъ до 29, и мѣстами даже до 31%, а между тѣмъ именно въ этихъ губерніяхъ спросъ на конный трудъ довольно значителенъ, и потому послѣдній хорошо оплачивается. Въ тверской губерніи за полную обработку одной десятины платятъ до 17 рублей, а во владимірской — даже до 20; безлошадность въ этихъ губерніяхъ вызывается потому не бездоходностью земледѣльческаго труда, а большею привлекательностью различныхъ внѣ-земледѣльныхъ промысловъ, дающихъ болѣе значительный заработокъ.

Усматривая въ Россіи нѣсколько милліоновъ безлошадныхъ дворовъ, можно бы вывести заключеніе о недостаткѣ вообще у насъ лошадей при настоящей культурѣ, но, вглядываясь ближе

въ обстоятельства дѣла, оно представляется въ совершенно другомъ видѣ.

Такимъ образомъ, и безлошадные дворы, и совпадающій съ ними избытокъ лошадей въ сельскомъ населеніи, вообще могутъ несомнѣнно служить признакомъ неудовлетворительнаго положенія у насъ крестьянскаго хозяйства вообще, вызываемаго, мѣстами, отвлеченіемъ крестьянъ отъ сельскаго хозяйства, несмотря на достаточность ихъ надѣловъ, а мѣстами—излишнимъ дробленіемъ участковъ, вслѣдствіе сгущенія населенія: тамъ, гдѣ земли довольно, посторонніе промыслы отвлекаютъ населеніе отъ земледѣлія; а тамъ, гдѣ земли недостаточно, гдѣ подобное отвлеченіе было бы желательно, оно не происходитъ, вслѣдствіе недостаточнаго спроса на промышленный трудъ.

Происходящее у насъ сокращеніе численности лошадей по отношенію къ численности населенія могло бы при другихъ условіяхъ, а именно при переходѣ къ лучшей культурѣ, считаться явленіемъ благопріятнымъ, такъ какъ оно имѣло бы послѣдствіемъ сокращеніе расхода на конскій трудъ при обработкѣ извѣстнаго пространства земли. Но при данныхъ условіяхъ, когда перехода къ лучшей культурѣ не замѣчается, это явленіе никакъ нельзя признать благопріятнымъ признакомъ. Повторяемъ, еслибы это явленіе совпадало съ соединеніемъ мельчайшихъ участковъ въ надѣлѣ средней величины, т.-е. съ лучшимъ распредѣленіемъ землевладѣнія, при которомъ рабочая сила могла бы быть производительнѣе использована, — это очевидно можно бы считать успѣхомъ; но такъ какъ дробленіе участковъ не только не останавливается, но даже еще прогрессируется, то при такихъ условіяхъ относительное уменьшеніе численности лошадей только указываетъ на прогрессированіе безхозяйственности въ сельскомъ населеніи т.-е. на увеличеніе числа крестьянъ, уже не воздѣлывающихъ свои участки, или, что̀ еще хуже, на крайне неудовлетворительную обработку земли, при бѣдности отдѣльныхъ мелкихъ хозяйствъ.

То, что̀ мы говорили о лошадяхъ, не можетъ быть отнесено къ прочимъ отраслямъ скотоводства. Лошадь служитъ только какъ рабочая сила, и потому составляетъ расходъ производства: чѣмъ меньше этотъ расходъ, тѣмъ производство выгоднѣе. Но рогатый скотъ играетъ въ хозяйствѣ совершенно другую роль: онъ долженъ питать населеніе мясомъ, молокомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставлять хозяйству необходимый поземъ. Вотъ почему, еслибы при ростѣ населенія потребленіе имъ животныхъ продуктовъ оставалось въ одномъ и томъ же размѣрѣ, — численность ско-

товодства должна бы была рости пропорціонально съ ростомъ населенія. Между тѣмъ, мы видѣли противное: въ 1851 году на сто жителей приходилось на кругъ разной скотины (кромѣ лошадей) 87,8 штукъ; въ 1883 году, это число упало уже на 64,7 штуки; такимъ образомъ, несомнѣнно, что сельское населеніе въ 1883 г. должно было потреблять менѣе мясной и молочной пищи, чѣмъ въ 1851 году, а это служитъ несомнѣннымъ признакомъ прогрессивнаго обѣднѣнія сельскаго населенія; мѣстами могутъ быть исключенія, но въ общемъ это слѣдуетъ признать явленіемъ неблагопріятнымъ въ быту народа.

Посмотримъ теперь, какую картину представляетъ экономическое положеніе крестьянскаго сословія, разсматриваемое чрезъ призму податного вопроса.

Степень поступленія податей можетъ считаться хорошимъ, хотя и относительнымъ, признакомъ удовлетворительнаго состоянія крестьянскаго хозяйства. Несомнѣнно, самое поступленіе зависитъ часто отъ болѣе или менѣе энергическихъ мѣръ взысканія, и если, дѣйствительно, нерѣдко у насъ эти мѣры таковы, что вызываютъ обращеніе на уплату податей и недоимокъ весь свободный остатокъ крестьянскаго хозяйства и даже иногда часть необходимаго продовольствія, то, съ другой стороны, нельзя не принять во вниманіе, что для того, чтобы подати уплачивались даже и этимъ путемъ, необходимо, чтобы нѣкоторый избытокъ въ хозяйствѣ все-таки существовалъ. Иначе, при разорительныхъ мѣрахъ взысканія, крестьянинъ уплатитъ подати годъ, другой, а затѣмъ перестанетъ платить просто потому, что онъ окончательно разоренъ, что не изъ чего платить, какъ бы строго ни взыскивались подати. При такихъ условіяхъ, исправное поступленіе податей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ-рядъ и незначительность размѣра недоимки по данной мѣстности, всегда могутъ служить указаніемъ на то, что положеніе крестьянскаго хозяйства не *ухудшилось*. Несомнѣнно, изъ этого еще нельзя бы было заключить, что положеніе крестьянскаго хозяйства *улучшилось*; что благосостояніе ростетъ, потому что, сплошь и рядомъ, поглощеніе именно всего ежегоднаго избытка производительности крестьянскаго хозяйства, особенно послѣ неурожайныхъ годовъ, препятствуетъ солидному улучшенію крестьянскаго хозяйства. Точно также можетъ и не улучшаться, при исправномъ поступленіи податей, способъ питанія плательщиковъ. Внося исправно повинности, они могутъ питаться очень плохо. Но

какъ бы то ни было, а исправное поступленіе податей служитъ во всякомъ случаѣ указаніемъ на то, что крестьянское хозяйство поддерживается по крайней мѣрѣ на нѣкоторомъ неизмѣнномъ уровнѣ, хотя, можетъ быть, и относительно низкомъ,—что оно не ухудшается. Но, зато, когда недоимки въ данной мѣстности ростутъ, то уже это служитъ большею частью доказательствомъ ухудшенія, упадка крестьянскаго хозяйства; возрастающая недоимка, при существующей энергіи и строгости взысканія податей полиціею, подтверждаетъ неопровержимо, что крестьянинъ уже не можетъ, не въ состояніи уплатить того, что съ него причитается.

Какія же можно вывести, основываясь на этихъ предположеніяхъ, заключенія изъ имѣющихся данныхъ о поступленіи податей?

Прежде всего, необходимо замѣтить, что Россія представляетъ одну исключительную особенность: въ ней до конца всего разсматриваемаго періода времени *не было ни одной вполнѣ безнедоимочной губерніи*; недоимка повсюду является неизбѣжною принадлежностью экономической жизни сельскаго класса.

Самый размѣръ недоимки представлялъ, разумѣется, въ разныхъ мѣстностяхъ существенное разнообразіе. Къ концу 1890 года, въ наилучшемъ положеніи находились: югозападный районъ—со среднею душевою недоимкою всего въ 14 коп.; затѣмъ сѣверозападный районъ—съ 23-копѣечною недоимкой; сѣверный районъ—съ среднею недоимкою, доходившею до 85 коп. на душу, и, наконецъ, Малороссія—съ среднею душевою недоимкою въ 89 коп.

Эти четыре района, благодаря частію хорошимъ климатическимъ условіямъ, частію богатству почвы, частію обезпеченности разными заработками, находились такимъ образомъ въ относительно удовлетворительномъ положеніи.

Совершенно другую картину представляютъ губерніи южныя, средне-промышленныя, средне-черноземныя и восточныя, въ которыхъ средняя душевая недоимка составляла въ 1890 году: 1 р. 88 коп., 2 р. 8 коп., 2 р. 40 коп. и 7 р. 50 коп. Между тѣмъ какъ въ предшествующихъ районахъ мы имѣли дѣло съ копѣйками, въ послѣднихъ оказываются недоимки, исчисляемыя рублями...

Такимъ образомъ, къ концу 1890 года Россія дѣлилась въ отношеніи податной исправности на двѣ половины: одна половина—съ копѣечными, и другая—съ рублевыми недоимками.

При этомъ распредѣленіи, насъ поражаетъ странный фактъ,

а именно,—губерніи, одаренныя самою богатою почвою, какъ весь черноземный районъ, и губерніи, въ которыхъ крестьяне обладаютъ самыми большими надѣлами, т.-е. губерніи восточныя, всѣ онѣ находятся въ самомъ неблагопріятномъ положеніи, между тѣмъ какъ губерніи, обладающія неблагодарною почвою и поставленныя въ болѣе суровыя климатическія условія, какъ, напримѣръ, губерніи сѣверныя, тѣ находятся, повидимому, въ гораздо болѣе удовлетворительномъ положеніи.

Фактъ этотъ не можетъ быть объясненъ ни болѣе возвышенными окладами податей, ни меньшею строгостью взысканій въ многонедоимочныхъ губерніяхъ. Разница въ окладахъ, насколько она существовала, была самая незначительная; доказательствомъ малой зависимости недоимки отъ величины оклада можетъ служить то обстоятельство, что, напримѣръ, курская губернія съ наибольшимъ окладомъ имѣла наименьшую недоимку, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ восточныхъ губерній, которыя были обложены наименьшими окладами, имѣли наибольшую недоимку. Самое же взысканіе платежей при однообразіи системы можетъ различаться въ различныхъ мѣстностяхъ только случайно, въ зависимости отъ большей или меньшей энергіи представителя полиціи, завѣдующаго взысканіемъ податей.

Причины тому—совершенно другого рода.

На востокѣ значительная недоимка объяснялась хроническими недородами. Земледѣліе имѣетъ въ этой мѣстности какой-то азартный, лотерейный характеръ. Одинъ хорошій годъ даетъ столь благодатный урожай, что можетъ вполнѣ вознаградить за два, три неурожайныхъ года. Очевидно, при такихъ условіяхъ о нормальномъ развитіи благосостоянія у крестьянъ не можетъ быть и рѣчи; преобладаютъ постоянныя колебанія то вверхъ, то внизъ, а если долгое время не выходитъ выигрыша, т.-е. богатаго урожая, то мѣстность начинаетъ сильно бѣдствовать.

Совершенно другого рода условія—въ центрѣ Россіи, въ черноземной полосѣ. Можно сказать, что благодатная почва погубила этотъ районъ. Между тѣмъ какъ на сѣверѣ земледѣліе по условіямъ почвы и климата требовало большого труда и большихъ заботъ, въ черноземной полосѣ крестьяне привыкли всѣ свои надежды возлагать на милость Божію, на естественную производительность земли, которую они эксплуатировали, насколько на то хватало силы, нисколько не заботясь объ улучшеніи пріемовъ культуры. Стремясь увеличить свое производство преимущественно за счетъ распространенія пространства запашки, они запахивали всякія угодья, превращая по возможности все въ пашню. Между тѣмъ

какъ въ не-черноземномъ районѣ оказывалась распаханною только около половины всей земли, въ черноземномъ районѣ процентъ распаханной земли доходилъ до 66%. Вслѣдствіе того, въ послѣднемъ районѣ, несмотря на то, что крестьяне держатъ тамъ вообще болѣе скота, сохранилось гораздо менѣе луговыхъ пространствъ; они составляли только нѣсколько болѣе 9% всей удобной земли, между тѣмъ какъ въ не-черноземномъ районѣ луговыя пространства захватываютъ свыше 20% удобной земли. По этой причинѣ черноземные крестьяне, несмотря вообще на достаточность надѣловъ, принуждены арендовать по дорогой цѣнѣ гораздо болѣе посторонней земли, чѣмъ это происходитъ въ другихъ районахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и отчасти по той же причинѣ, крестьяне черноземнаго района не занимались никакими промыслами, кромѣ извоза; изъ посторонніхъ заработковъ у нихъ была единственно полевая работа на запашкахъ сосѣднихъ владѣльцевъ. При такихъ условіяхъ, неурожайные годы были для нихъ сугубо разорительны: не только уменьшалось количество продуктовъ собственнаго хозяйства, но они лишались еще частію или совсѣмъ посторонніхъ заработковъ, т.-е. вознагражденія за работу на поляхъ сосѣднихъ владѣльцевъ, которое въ обыкновенные года составляло довольно значительную статью ихъ доходнаго бюджета. Къ тому же, за отсутствіемъ или уменьшеніемъ въ неурожайные годы подвоза хлѣба на станціи, исчезалъ или сильно уменьшался и этотъ источникъ крестьянскаго дохода.

Все это вмѣстѣ взятое и вызвало такое положеніе дѣлъ, при которомъ населеніе, сидящее на самой богатой и плодородной землѣ, находится, въ экономическомъ отношеніи, въ наименѣе удовлетворительномъ положеніи.

Что же касается положенія крестьянъ въ средне-промышленномъ районѣ, то малоудовлетворительное развитіе ихъ благосостоянія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ обусловливается незначительностью надѣловъ вслѣдствіе постояннаго дробленія, въ виду того, что, несмотря на значительное развитіе въ этой мѣстности фабричной промышленности, весь избытокъ рабочихъ рукъ этой густо населенной мѣстности не находитъ въ фабричныхъ заведеніяхъ достаточнаго для себя примѣненія.

Если не ограничиваться общими итогами по районамъ, а обратиться къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ губерній, то среднія цифры по районамъ значительно измѣняются.

Такъ, въ средне-промышленномъ районѣ, средняя душевая недоимка въ 2 р. 8 коп. образуется только благодаря московской

и нижегородской губерніямъ, въ которыхъ недоимки доходили въ 1890 году до 8 руб. 32 коп. въ первой—и до 5 р. 10 коп. во второй; за исключеніемъ этихъ двухъ губерній, всѣ остальныя губерніи этого района давали только среднюю недоимку въ 41 коп. съ души, т.-е. должны быть потому отнесены къ малонедоимочнымъ губерніямъ. Въ числѣ южныхъ губерній, имѣющихъ среднюю недоимку въ 1 р. 88 коп., находились двѣ малонедоимочныя губерніи: астраханская, съ недоимкою въ 17 коп., и таврическая—32 коп. на душу. Недоимка сѣвернаго района—85 коп. — значительно понизилась, при исключеніи изъ него с.-петербургской губерніи, съ ея недоимкой въ 1 р. 78 к.,—и новгородской, съ недоимкой въ 1 р. 19 к.,—составляя по всѣмъ остальнымъ губерніямъ, среднимъ числомъ, всего 33 к. на душу. Довольно значительная недоимка по Малороссіи понижалась до незначительной цифры 4½ к., при исключеніи харьковской губерніи съ громадною недоимкой въ 2 р. 51 коп. Въ числѣ средне-черноземныхъ губерній имѣлось также три малонедоимочныхъ: курская—съ ничтожною недоимкою въ 14 коп., тульская—съ недоимкою въ 78 коп., и рязанская—съ недоимкою въ 81 коп. Наконецъ, даже въ восточномъ районѣ находится одна малонедоимочная губернія, вятская, съ недоимкою въ 29 копѣекъ.

Такимъ образомъ, при болѣе детальномъ анализѣ, положеніе дѣла представлялось нѣсколько лучшимъ.

Но съ другой стороны, если обратить вниманіе на движеніе недоимки въ одной и той же мѣстности въ теченіе нѣкотораго числа лѣтъ, т.-е. сравнить цифры 1890 года съ цифрами начала семидесятыхъ годовъ, т.-е. съ положеніемъ дѣла въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, то представится картина далеко не утѣшительная. Въ большинствѣ губерній недоимки росли въ теченіе всего этого времени, представляя, особенно по нѣкоторымъ губерніямъ, поразительную разницу между началомъ и концомъ этого двадцатилѣтняго періода, несмотря на происходившія за это время довольно значительныя огульныя сложенія недоимокъ.

Въ особенно мрачномъ видѣ представляется въ этомъ отношеніи средне-черноземный районъ, въ губерніяхъ котораго недоимки росли въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Въ	воронежской	губерніи	съ	5%	до	40%
„	орловской	„	„	15 „	„	81 „
„	пензенской	„	„	14 „	„	35 „
„	рязанской	„	„	22 „	„	26 „
„	саратовской	„	„	24 „	„	60 „

Въ симбирской губерніи съ 5% до 42%
„ тамбовской „ „ 5 „ „ 41 „
„ тульской „ „ 3 „ „ 35 „

Только въ одной курской губерніи недоимка въ 1890 году не превышала недоимки 1871 года, составляя всего 4%.

Въ средне-промышленномъ районѣ недоимки выросли: въ московской губерніи съ 39% до 165%, а въ нижегородской—съ 18% до 62%. Въ остальныхъ губерніяхъ этого района незамѣтно было существеннаго измѣненія, а въ смоленской губерніи недоимка даже понизилась—и въ громадномъ размѣрѣ, упавъ съ 130% до 35%.

Въ восточномъ районѣ недоимка поднялась:

Въ пермской губерніи съ 23% до 34%
„ уфимской „ „ 25 „ „ 115 „
„ оренбургской „ „ 45 „ „ 135 „
„ казанской „ „ 5 „ „ 165 „
„ самарской „ „ 49 „ „ 240 „

Въ Малороссіи оказывалось значительное повышеніе недоимки только въ харьковской губерніи, гдѣ она поднялась съ 2% до 65%.

Уменьшилась же недоимка за этотъ періодъ времени въ западномъ краѣ, въ четырехъ сѣверныхъ губерніяхъ и въ трехъ южныхъ губерніяхъ.

Вообще же, въ теченіе означенныхъ двадцати лѣтъ недоимка осталась безъ измѣненія или болѣе или менѣе понизилась въ 21 губерніи; во всѣхъ же остальныхъ губерніяхъ процентальная недоимка значительно возросла противъ 1871 года.

Нельзя не признать, что это картина довольно мрачная; она заставляетъ предполагать, что со времени освобожденія крестьянъ положеніе сельскаго населенія въ преобладающей части Россіи не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Въ мѣстности, набрасывающей самую густую тѣнь на картину положенія сельскаго населенія, т.-е. въ средне-черноземномъ и восточномъ районахъ, и въ губерніяхъ московской и нижегородской считается по послѣднему народоисчисленію 37,6 милліоновъ жителей. Принимая все населеніе европейской Россіи, безъ царства польскаго и Кавказа, въ 94 милліона душъ, оказывается во всякомъ случаѣ, что болѣе трети всего населенія европейской Россіи находилось въ 1890 году далеко не въ удовлетворительномъ положеніи.

Какое же дѣйствіе на эти губерніи возъимѣлъ неурожай 1891 года?

II.—Періодъ послѣ 1890 года.

Неурожай 1891 года подѣйствовалъ крайне разорительно на крестьянское хозяйство; вредное вліяніе недорода значительно усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ застигнулъ главнымъ образомъ такіе районы, которые и до того уже находились въ страдательномъ положеніи.

Въ полной мѣрѣ неурожаемъ были застигнуты только шестнадцать губерній, но это были именно губерніи средне-черноземныя, восточныя—и губернія нижегородская; неудивительно поэтому, что во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ благосостояніе крестьянъ было потрясено такъ сильно, что большею частью они до сихъ поръ еще не могутъ вполнѣ оправиться отъ постигшаго ихъ экономическаго погрома.

Пять изъ вышеуказанныхъ шестнадцати губерній, т.-е. четыре восточныхъ и нижегородская, уже до 1891 года находились, вслѣдствіе предшествовавшихъ недородовъ, въ крайне неблагопріятномъ положеніи. Въ Самарѣ уже въ 1890 году недоимки доходили до 18 р. 15 коп., въ оренбургской—до 16 р. 18 коп., въ Казани—до 12 р. 60 коп. На нихъ неурожай долженъ былъ подѣйствовать особенно разорительно, и въ дѣйствительности въ этихъ губерніяхъ недоимка поднялась послѣ 1891 г. въ ужасающихъ размѣрахъ.

Въ нѣсколько другомъ положеніи находились губерніи средне-черноземныя. Хотя онѣ почти всѣ принадлежали къ высоконедоимочнымъ, но въ послѣднее передъ неурожаемъ 1891 года время положеніе ихъ начало нѣсколько улучшаться; и въ нихъ, однако, неурожай 1891 года вызвалъ существенное ухудшеніе. Такъ, напримѣръ, въ воронежской губерніи душевая недоимка, постоянно падая, уменьшилась до 2 р. 20 коп.; но затѣмъ неурожайный годъ доводитъ ее вдругъ до 5 р. 9 к.; она продолжаетъ рости и послѣ того и достигаетъ наконецъ 11 р. 69 к. Курская, рязанская и тульская губерніи дошли въ 1890 году почти до безнедоимочнаго положенія,—изъ нихъ первая не особенно пострадала отъ неурожая, но въ послѣднихъ двухъ недоимка поднялась до 6 и 9 р. на душу. Изъ остальныхъ черноземныхъ губерній особенно пострадали пензенская, саратовская и симбирская.

Въ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣніяхъ, публикуемыхъ министерствомъ земледѣлія, заключаются весьма интересныя данныя по каждой губерніи, какъ о непосредственномъ вліяніи неуро-

жая 1891 года въ различныхъ мѣстностяхъ, такъ и о дальнѣйшемъ ходѣ въ нихъ крестьянскаго хозяйства въ послѣдующіе годы.

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ шестнадцати неурожайныхъ губерній.

Въ воронежской губерніи, по отзывамъ корреспондентовъ министерства земледѣлія, крестьяне были въ конецъ разорены неурожаемъ. Только два и три года спустя, въ 1873—1874 гг., крестьянскія хозяйства начинаютъ нѣсколько поправляться, благодаря хорошимъ урожаямъ и заработкамъ этихъ годовъ, но строгое взысканіе податей при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ останавливаетъ подъемъ крестьянскаго благосостоянія, побуждая крестьянъ продавать весь излишекъ хлѣба, а въ 1895 г.—даже и скотъ. Тѣ же жалобы на усиленное взысканіе податей послѣ двухъ урожайныхъ годовъ раздаются и въ курской губерніи, несмотря на то, что по отзывамъ корреспондентовъ курскіе крестьяне находились послѣ неурожая въ убійственномъ положеніи, а потому, очевидно, не могли оправиться въ столь короткое время. Въ тамбовской губерніи, которая тоже была доведена 1891-мъ годомъ до полнаго разоренія, благодаря хорошимъ послѣдующимъ урожаямъ и заработкамъ, недоимка, поднявшаяся до 10 р. 92 к., подъ вліяніемъ энергическихъ мѣръ взысканія, понижается постоянно въ послѣдующіе годы. При такихъ условіяхъ, существеннаго укрѣпленія хозяйственнаго положенія крестьянъ не могло послѣдовать, тѣмъ болѣе, что при низкихъ цѣнахъ они принуждены были продавать массу хлѣба и даже отчуждать скотину, для полученія средствъ на уплату недоимокъ (съ 1892 по 1895 г. они очистили около четырехъ рублей на душу недоимокъ, сверхъ нормальнаго оклада). Тѣ же самыя явленія мы встрѣчаемъ въ тульской, въ рязанской, въ пензенской и симбирской губерніяхъ. Повсюду необходимость я для уплаты податей и недоимокъ продавать по низкой цѣнѣ хлѣбъ и скотину—препятствовала солидному поднятію крестьянскаго благосостоянія.

Самарская губернія находилась въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Хотя и она крайне пострадала не только отъ неурожая 1891 года, но еще и отъ предшествовавшихъ недородовъ, такъ что около половины сельскаго населенія было безъ лошадей, но хорошіе урожаи и удовлетворительные заработки настолько помогли крестьянамъ оправиться, что они не только были въ состояніи уплатить безъ особо энергическихъ понужденій годовые оклады, но еще и уменьшили нѣсколько накопившуюся недоимку. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, 1892-1895 гг., сельское населеніе самарской губерніи могло потому замѣтно

оправиться, чему не мало содѣйствовало благоразумное отношеніе мѣстныхъ властей въ дѣлѣ взысканія недоимокъ. Только нѣкоторыя мѣстности самарской губерніи составляли въ этомъ отношеніи исключеніе; такъ, напримѣръ, въ николаевскомъ уѣздѣ, вслѣдствіе энергическаго вынужденія платежей, не хватало хлѣба для продовольствія на весь годъ, несмотря на хорошіе урожаи.

Въ оренбургской губерніи, повидимому, также не прилагалось крайней энергіи къ взысканію податей и недоимокъ, ибо послѣднія не только не уменьшались, но продолжали расти, несмотря на четыре урожайные годы, послѣдовавшіе за 1891-мъ; но зато благосостояніе крестьянъ оправилось настолько, что почти совершенно изгладились печальныя послѣдствія и бѣдственнаго 1891 года, и предшествовавшихъ ему недородовъ.

Въ уфимской губерніи неурожай коснулся только заводскаго населенія, и несмотря на то, въ мѣстностяхъ губерніи, не затронутыхъ неурожаемъ, строгое взысканіе податей даже до окончанія осеннихъ работъ и при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ—довело крестьянъ до такого положенія, что они принуждены были продавать въ 1894 году скотъ и запасы хлѣба.

Казанскую, нижегородскую и вятскую губерніи неурожай довелъ до полнаго истощенія: продавали,—особенно въ первой изъ нихъ—скотъ, строенія, одежду. Послѣдующіе три хорошихъ урожая позволили затѣмъ крестьянамъ нѣсколько оправиться, хотя возстановленіе ихъ положенія также значительно сдерживалось строгимъ взысканіемъ податей.

Губерніи, застигнутыя въ 1891 году неполнымъ недородомъ—олонецкая, архангельская, кіевская, харьковская, астраханская, херсонская, таврическая — представляли несравненно болѣе отрадное явленіе.

Во всѣхъ этихъ губерніяхъ,—хотя нѣкоторыя изъ нихъ и пострадали значительно въ 1891 году,—напримѣръ, въ архангельской губерніи, мѣстами господствовалъ голодъ и болѣзни,—рядъ послѣдующихъ урожаевъ вполнѣ возстановилъ благосостояніе крестьянъ, которое не было такъ сильно поколеблено, какъ въ вышеприведенныхъ неурожайныхъ губерніяхъ, такъ что къ 1896 году населеніе всѣхъ этихъ восьми губерній находилось уже въ совершенно удовлетворительномъ положеніи, какъ это доказывалось исправнымъ поступленіемъ податей и даже взносомъ недоимокъ, несмотря на то, что жалобъ на энергическое понужденіе къ платежамъ ни въ одной изъ этихъ губерній не было слышно.

Кромѣ послѣдующихъ хорошихъ урожаевъ, помогли, въ нѣ-

которыхъ изъ сѣверныхъ губерній, возстановленію благосостоянія крестьянъ—низкія цѣны на хлѣбъ, а въ другихъ губерніяхъ—хорошіе заработки. Низкія цѣны на хлѣбъ имѣли особенно благотворное вліяніе въ олонецкой губерніи, гдѣ, благодаря имъ, при хорошихъ урожаяхъ крестьянское благосостояніе совершенно оправилось: стали покупать скотъ, исправлять постройки и т. п. Замѣчательное явленіе представляла также астраханская губернія, въ которой хозяйство крестьянъ было доведено до полнаго разоренія недородами 1891, 1892 и особенно 1893 годовъ, и гдѣ, несмотря на то, одинъ хорошій урожай 1894 года, сопряженный съ хорошими заработками, настолько помогъ крестьянамъ оправиться, что они даже завели запасы, благодаря которымъ успѣли безбѣдно просуществовать 1895-й годъ, ознаменовавшійся вновь недородомъ, хотя и не распространившимся на кормы.

Во всѣхъ почти губерніяхъ, въ которыхъ урожай въ 1891 году оказался удовлетворительнымъ, или даже среднимъ, благосостояніе крестьянъ значительно поднялось. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляли только губерніи новгородская, калужская и московская, въ которыхъ народъ вообще не кормится своимъ хлѣбомъ, и гдѣ потому пришлось прикупать хлѣбъ по высокимъ цѣнамъ. Въ значительномъ числѣ другихъ губерній, въ вологодской, виленской, Бессарабіи, въ Землѣ войска донского, въ екатеринославской, подольской и даже с.-петербургской (которая своимъ хлѣбомъ кормится и сохраняетъ даже нѣкоторый избытокъ для продажи только въ особенно урожайные годы), высокія цѣны при среднемъ или хорошемъ урожаѣ послужили, напротивъ того, къ усиленію поднятія крестьянскаго благосостоянія. О многихъ изъ нихъ корреспонденты прямо писали, что *крестьяне благоденствуютъ*. Несмотря на все это, удовлетворительное состояніе крестьянскаго быта поддержалось впослѣдствіи далеко не во всѣхъ изъ означенныхъ губерній, хотя многія изъ нихъ и послѣ 1891 года были облагодѣтельствованы двухъ- и трехъ-лѣтними хорошими урожаями.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ, напримѣръ, въ вологодской, полтавской, черниговской, на положеніи хозяйства крестьянъ отразились невыгодно послѣдовавшія за 1891 годомъ низкія цѣны на хлѣбъ. Въ двухъ послѣднихъ, несмотря на хорошіе урожаи 1893, 1894 и 1895 годовъ, вслѣдствіе упадка цѣнъ, значительно сократились аренды,—крестьянамъ не хватило даже своего хлѣба на всю зиму, такъ какъ они были принуждены распродать значительное количество собраннаго хлѣба для уплаты податей и

удовлетворенія разныхъ другихъ денежныхъ потребностей. Въ другихъ губерніяхъ отразились невыгодно послѣдовавшіе за 1891 годомъ недороды или пестрые урожаи. Такъ, напримѣръ, въ с.-петербургской губерніи, послѣ хорошаго урожая 1891 года, столь замѣтно поднявшаго благосостояніе крестьянъ, послѣдовали три неурожайные года—1892, 1893 и 1894,—которые, при недостаткѣ именно въ эти годы мѣстныхъ заработковъ, довели дѣло до того, что во многихъ мѣстностяхъ, по словамъ корреспондентовъ, крестьяне положительно *обнищали*. Только въ 1895, благодаря хорошему урожаю и удовлетворительнымъ мѣстнымъ заработкамъ, крестьянское хозяйство опять поднялось, но это улучшеніе было нѣсколько сдерживаемо энергическимъ взысканіемъ податей, вслѣдствіе чего крестьяне были принуждены осенью за-дешево продавать хлѣбъ, который весною пришлось опять скупать по дорогой цѣнѣ. Недороды и пестрые урожаи отразились неблагопріятно на крестьянахъ еще въ губерніяхъ костромской и смоленской. Несмотря на три удовлетворительныхъ урожая 1892, 1893 и 1894 годовъ, полный неурожай 1895 года озими, яровыхъ хлѣбовъ и кормовъ—отозвался до того неблагопріятно, что пришлось продавать скотъ. Въ витебской губерніи, несмотря также на трехлѣтніе средніе урожаи, хотя и при неудовлетворительности состоянія кормовъ, неурожай 1895 года довелъ разомъ крестьянъ до бѣдственнаго положенія, при чемъ, по словамъ корреспондентовъ, энергическое взысканіе податей и отсутствіе заработковъ—произвели *удручающее* вліяніе, заставляя крестьянъ продавать послѣдній скотъ. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ неустойчивости благосостоянія крестьянъ представляетъ, между прочимъ, псковская губернія. Въ этой губерніи, благодаря условіямъ 1891 года, положеніе крестьянъ значительно поправилось. Но уже въ 1892 году, при неудовлетворительномъ урожаѣ, крестьяне къ веснѣ были безъ хлѣба. При дешевизнѣ рабочихъ рукъ и дороговизнѣ хлѣба выигрывали только богатые крестьяне. Въ 1893 году урожай опять оказался неудовлетворительнымъ, только ленъ поддержалъ крестьянское хозяйство. Но въ 1896 году пропали и хлѣбъ, и ленъ; корма тоже оказались неудовлетворительными; въ 1895 году опять не оказалось хорошаго урожая; послѣдствіемъ всего этого оказался очень сильный упадокъ благосостоянія крестьянъ,—такъ значительно поднявшагося въ 1891 году,—и поразительное увеличеніе недоимокъ.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, покупающихъ хлѣбъ, низкія цѣны отозвались, напротивъ того, крайне благотворно; такъ, напримѣръ, въ московской и калужской губерніяхъ, по словамъ корреспон-

дентовъ, въ 1893 и 1894 году, благодаря удовлетворительному урожаю и низкимъ цѣнамъ, *народъ ожилъ*.

Вполнѣ удовлетворительнымъ положеніе осталось и въ послѣдующіе годы въ губерніяхъ подольской, виленской, могилевской, минской, гроднепской, екатеринославской, въ Землѣ войска донского и въ Бессарабіи. Въ виленской губерніи, напримѣръ, хорошіе урожаи 1891, 1892, 1893 и 1894 годовъ и высокія цѣны на хлѣбъ въ 1891 году—настолько существенно подняли благосостояніе крестьянъ, что даже недородъ 1895 года не особенно отразился на ихъ положеніи.

Если соединить вмѣстѣ приведенныя нами отрывочныя данныя по отдѣльнымъ губерніямъ, то получится слѣдующая общая картина положенія.

Шестнадцать губерній, застигнутыхъ полнымъ неурожаемъ въ 1891 году, были большею частію доведены имъ до совершеннаго разоренія. Если принять въ соображеніе, что недородъ коснулся не однихъ хлѣбовъ, но и кормовыхъ травъ, въ такой мѣрѣ, что абсолютно нечѣмъ было кормить скотину, что одновременно съ неурожаемъ, т.-е. именно вслѣдствіе его, оказалось почти полное отсутствіе посторонних заработковъ, и наконецъ, что этимъ бѣдствіемъ были застигнуты именно губерніи, и до того уже находившіяся по различнымъ причинамъ въ страдательномъ положеніи,—то легко будетъ понять отзывы корреспондентовъ, утверждавшихъ, что крестьянамъ разоренныхъ мѣстностей и въ десятки лѣтъ не подняться на ноги. Затѣмъ, почти во всѣхъ этихъ губерніяхъ, отъ двухъ до трехъ лѣтъ стояли хорошіе урожаи, и это, противъ всякаго ожиданія, уже помогло крестьянамъ нѣсколько оправиться, но не настолько однако, чтобы они не потерпѣли вновь существенно отъ послѣдовавшихъ послѣ урожайныхъ лѣтъ болѣе или менѣе частичныхъ недородовъ.

Такое положеніе дѣла указываетъ на два замѣчательныя и прямо противоположныя другъ другу явленія въ жизни нашего сельскаго люда.

Съ одной стороны, удивительно, какъ населеніе быстро начинаетъ поправляться при первыхъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ бы велико ни было предшествовавшее разореніе его благосостоянія. Губерніи, казавшіяся въ конецъ разоренными, лишившіяся лошадей, т.-е. рабочей силы, гдѣ крестьяне принуждены были нуждою продавать все—и скотъ, и строенія, и

одежду, и даже сельскія орудія,—послѣ двухъ, трехъ хорошихъ и даже посредственныхъ урожаевъ начинаютъ поправляться, оказываются обезпеченными продовольствіемъ и при хорошихъ заработкахъ находятъ даже средства приступать къ восполненію живого инвентаря, какъ это мы видѣли въ губерніяхъ воронежской, орловской, тамбовской, тульской, рязанской, саратовской, оренбургской и казанской. Но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается и противоположное явленіе, а именно, слабость сопротивленія неблагопріятнымъ условіямъ экономической жизни—явленіе, прямо указывающее на неустойчивость крестьянскаго благосостоянія тамъ, гдѣ оно временно проявилось; одного неурожайнаго года и особенно недорода кормовъ бываетъ достаточно, чтобы привести сельское населеніе данной мѣстности опять въ страдательное положеніе. При удивительной энергіи, стремящейся при новыхъ благопріятныхъ условіяхъ выйти изъ тягостнаго положенія, поражаетъ одновременно совершенное отсутствіе силы и энергіи сопротивленія вліянію неблагопріятныхъ экономическихъ условій въ моментъ ихъ проявленія; отсюда—постоянное колебаніе вверхъ и внизъ, въ виду періодичности нашихъ неурожаевъ и отсутствія возможности сохранить на будущее время извѣстный уровень благосостоянія, при какихъ благопріятныхъ условіяхъ онъ бы ни былъ достигнутъ.

Это печальное явленіе, эта экономическая слабость объясняется отчасти существующею у насъ системою взысканія податей съ сельскаго населенія, которое лишаетъ крестьянское хозяйство первыхъ же накопившихся запасныхъ средствъ, нисколько не соображая, насколько онѣ ему нужны и насколько лишеніе этихъ необходимыхъ средствъ запаса сдерживаетъ возможность поднятія послѣ наступившаго экономическаго погрома.

То, что говоритъ корреспондентъ симбирской губерніи, а именно: „еслибы не старыя недоимки (слѣдуетъ прибавить,—и строгое, несвоевременное взысканіе ихъ), то благосостояніе крестьянъ значительно бы увеличилось“,—можно бы почти стереотипно примѣнить къ каждой изъ пострадавшихъ губерній. Лучшимъ, наглядньмъ примѣромъ тому, насколько поднятіе крестьянскаго благосостоянія идетъ быстро при отсутствіи этого сдерживающаго его ростъ явленія и насколько строгое взысканіе податей съ пострадавшаго населенія задерживаетъ укрѣпленіе его благосостоянія, могутъ служить губерніи самарская и оренбургская, съ одной стороны, и губернія курская—съ другой. Въ первыхъ двухъ губерніяхъ не было жалобъ на излишне настойчивое взысканіе податей послѣ несчастнаго 1891 года, за исключеніемъ

николаевскаго уѣзда, самарской губерніи, и мы видимъ, что, благодаря двумъ, тремъ хорошимъ урожаямъ, благосостояніе крестьянъ, разоренныхъ предшествовавшимъ недородомъ, поднялось такъ быстро, что въ самарской губерніи образовались запасы хлѣба, а въ оренбургской—сельское населеніе считало себя настолько обезпеченнымъ, что даже неохотно шло на работу. Напротивъ того, въ курской губерніи, въ которой вслѣдствіе энергическаго взысканія податей душевая недоимка понизилась за это время на цѣлый рубль, крестьянскія хозяйства, по словамъ корреспондентовъ, клонились къ упадку, число безхозяйственныхъ крестьянъ увеличилось, арендныя цѣны на землю понизились и, несмотря на обезпеченность кормами, крестьяне продавали скотъ.

Населеніе шестнадцати губерній, застигнутыхъ полнымъ неурожаемъ въ 1891 году, не могло выйти изъ бѣдственнаго положенія не потому, чтобы оно не имѣло силы и энергіи подняться, при хорошихъ послѣдующихъ урожаяхъ, отъ разоренія, причиненнаго погромомъ 1891 года, а потому, что способъ взысканія податей являлся прямымъ препятствіемъ къ солидному возстановленію благосостоянія разореннаго народонаселенія.

Девять губерній, застигнутыя въ 1891 году неудовлетворительнымъ урожаемъ, пострадали относительно гораздо меньше, такъ что къ концу разсматриваемаго пятилѣтія положеніе въ нихъ сельскаго населенія могло считаться вполнѣ удовлетворительнымъ, благодаря послѣдующимъ хорошимъ урожаямъ, а также и тому обстоятельству, что неудовлетворительный урожай 1891 года засталъ населеніе не настолько разореннымъ и пострадавшимъ отъ предшествовавшихъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій, какъ это было въ шестнадцати вполнѣ неурожайныхъ губерніяхъ.

Наконецъ, въ остальныхъ губерніяхъ, въ которыхъ въ 1891 году урожай оказался отчасти среднимъ, отчасти хорошимъ, хотя и повысился нѣсколько уровень крестьянскаго положенія, но далеко не настолько, какъ можно бы было ожидать; къ концу 1895 года большинство этихъ губерній находилось все же въ довольно удовлетворительномъ положеніи,—только въ губерніяхъ московской и ярославской проявлялось положительное ухудшеніе. Относительно ярославской губерніи замѣчательно, что несмотря на то, что благодаря благопріятнымъ условіямъ, крестьяне, по словамъ корреспондентовъ, въ 1891 году благоденствовали, двухъ лѣтъ недорода, ниже средняго, было доста-

точно, чтобы пошатнуть ихъ благосостояніе. Положеніе же московской губерніи было на столько неудовлетворительно вообще, что и хорошій урожай 1891 года, и удовлетворительные урожаи послѣдующихъ лѣтъ не могли поднять благосостоянія мѣстнаго населенія.

Въ девяти урожайныхъ губерніяхъ хорошій урожай, сопровождаемый высокими цѣнами на хлѣбъ, значительно поднялъ благосостояніе мѣстнаго населенія, кромѣ новгородской губерніи, гдѣ, несмотря на хорошій урожай, населенію пришлось покупать по высокой цѣнѣ хлѣбъ, котораго у него никогда не хватаетъ на продовольствіе всего года, что подѣйствовало неблагопріятно на его благосостояніе. Но благосостояніе, развившееся въ 1891 г. въ остальныхъ губерніяхъ этой категоріи, не могло, однако, достаточно укрѣпить экономическія силы крестьянъ, и потому, подъ вліяніемъ послѣдующихъ пестрыхъ урожаевъ, это благосостояніе въ большинствѣ изъ нихъ значительно пошатнулось.

Можно было предполагать, что недородъ 1891 года установитъ крайнее различіе между губерніями, которыя были имъ застигнуты, и остальными губерніями, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ послѣднихъ воспользовались и хорошимъ урожаемъ, и хорошими цѣнами. Но если это различіе и проявилось въ началѣ довольно рѣзко,—удержалось оно недолго. Общая грань раздѣленія между губерніями много- и мало-недоимочными несомнѣнно сохранилась, и если она даже нѣсколько расширилась, то это болѣе благодаря упадку благосостоянія въ неурожайныхъ, чѣмъ поднятію благосостоянія въ остальныхъ губерніяхъ.

Столь слабое вліяніе послѣдствій неурожая на различіе положенія въ различныхъ губерніяхъ объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что почти во всѣхъ неурожайныхъ губерніяхъ послѣ 1891 года наступило два или три хорошихъ урожая, помогшихъ разоренному населенію нѣсколько оправиться, между тѣмъ какъ въ большинствѣ другихъ губерній за 1891 годомъ, который для нихъ оказался благопріятнымъ, послѣдовали крайне пестрые урожаи, при чемъ особенно пострадали многія изъ этихъ губерній отъ недостатка кормовъ для скота, что мѣстами еще усугублялось позднимъ наступленіемъ въ нѣкоторые годы весны, а это понуждало хозяевъ держать долѣе обыкновеннаго скотъ на домашнемъ корму, при невозможности выгонять его на подножный кормъ. Кромѣ того, во многихъ изъ урожайныхъ губерній поднятіе благосостоянія было задержано движеніемъ цѣнъ. Въ губерніяхъ, всегда прикупающихъ хлѣбъ, высокія цѣны 1891 года подѣйствовали угнетающимъ образомъ, несмотря на хорошій ихъ урожай, и напро-

тивъ того, въ губерніяхъ, продающихъ хлѣбъ, столь же невыгодно отразился послѣдующій упадокъ цѣнъ.

Вышеизложенныя обстоятельства имѣли большое вліяніе и на поступленіе податей. Если взять по различнымъ районамъ поступленіе податей съ 1890-го по 1895-й годъ, то окажется вообще значительное возрастаніе недоимки. Въ средне-черноземномъ районѣ недоимка поднялась съ 3 р. 34 к.—до 8 р. 17 к. на душу, при чемъ ухудшеніе захватило всѣ губерніи безъ исключенія; въ восточныхъ губерніяхъ средняя душевая недоимка поднялась съ 7 р. 50 к. до 11 р. 94 к., при чемъ по нѣкоторымъ изъ нихъ она возросла даже до 23—33 руб. Въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ районахъ въ общемъ она осталась безъ измѣненія; незначительныя недоимки 1895 года равнялись цифрѣ 1891 года. Въ средне-промышленномъ и сѣверномъ районахъ и въ Малороссіи средняя душевая недоимка увеличилась вслѣдствіе особенно высокой цифры нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерній. Если же эти послѣднія исключить — а именно, по сѣверному району псковскую и отчасти петербургскую, въ средне-промышленномъ— московскую и нижегородскую, а въ Малороссіи — харьковскую губернію, то въ остальныхъ губерніяхъ этихъ трехъ районовъ недоимка остается въ теченіе разсматриваемаго пятилѣтія почти безъ измѣненія. Положительное улучшеніе представляетъ только одинъ южный районъ, въ которомъ недоимка понизилась съ 1 р. 89 к. до 84 к. Итакъ, по этому признаку оказывается къ 1895 г. значительное ухудшеніе въ центрѣ Россіи и на востокѣ, сохраненіе почти полнаго status-quo на окраинахъ и въ большинствѣ сѣверныхъ губерній и даже въ средне-промышленномъ районѣ, за исключеніемъ двухъ особенно недоимочныхъ губерній,—и нѣкоторое положительное улучшеніе только на югѣ. Можно ли удивляться, что при такомъ положеніи дѣла общая недоимка всѣхъ казенныхъ сборовъ—со включеніемъ по не-земскимъ губерніямъ и недоимокъ по земскимъ сборамъ на губернскія и частныя повинности, а также всякихъ разсроченныхъ сборовъ—дошла къ концу 1895 года до колоссальной суммы 108 милліоновъ рублей?

Обращаясь къ другимъ признакамъ, мы находимъ еще менѣе утѣшительные результаты. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ потребленіе вина уменьшилось во всѣхъ районахъ, т.-е. даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя въ податномъ отношеніи находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Такъ, въ сѣверныхъ губерніяхъ потребленіе вина,—считая въ доляхъ ведра на душу,—сократилось съ 0,84 до 0,80 ведра; въ средне-промышленныхъ—съ

0,86 до 0,80 ведра; въ юго-западныхъ—съ одного ведра до 0,65; въ Малороссіи—съ 0,73 до 0,52; въ средне-черноземныхъ—съ 0,65 до 0,54; въ сѣверо-западныхъ—съ 0,65 до 0,44; въ восточныхъ — съ 0,50 до 0,34, и наконецъ, даже въ южныхъ губерніяхъ, единственныхъ, гдѣ замѣчается существенное уменьшеніе податной недоимки въ указанное пятилѣтіе, потребленіе вина уменьшилось съ 0,80 до 0,71 доли ведра.

Питейный доходъ, между тѣмъ, не уменьшался, а постоянно увеличивался, поднявшись съ 231 милліона руб. въ 1885 г.— до 307 милліоновъ въ 1895 году, что составляетъ увеличеніе въ 77 милліоновъ рублей, или около 30%. Часть этого увеличенія объясняется приращеніемъ народонаселенія; наростающее число жителей въ нѣкоторой мѣрѣ могло восполнить уменьшеніе потребленія вина на душу, но, очевидно, это не могло дойти до 30%, а потому увеличеніе поступленія питейнаго дохода объясняется, главнымъ образомъ, постепеннымъ возвышеніемъ акциза. Такъ какъ уменьшеніе потребленія едва ли можетъ быть объяснено распространеніемъ трезвости среди населенія, то этотъ фактъ долженъ служить положительнымъ признакомъ слабой эластичности народа въ податномъ отношеніи; по мѣрѣ увеличенія акциза уменьшалось потребленіе.

Но что еще замѣчательнѣе, это то, что у насъ уменьшается даже потребленіе хлѣба. По приблизительному разсчету, еще недавно это потребленіе составляло у насъ 16,27 пудовъ на душу въ годъ, а въ послѣднее время оно понизилось до 13,90 пуд., т.-е. уменьшилось почти на $2^1/_2$ пуда на душу. Одновременно должно было уменьшиться и потребленіе животныхъ продуктовъ, потому что приращеніе численности молочнаго и мясного скота оставалось, какъ мы видѣли, далеко за приращеніемъ народонаселенія. Зато у насъ въ народѣ распространилось потребленіе картофеля, которое съ 1861 года увеличилось на 200%.

Уменьшеніе размѣра питанія и замѣна болѣе питательныхъ веществъ менѣе питательными—должны были отозваться неблагопріятно на организмѣ жителей, и это предположеніе подтверждается свѣдѣніями, опубликованными по отбыванію населеніемъ воинской повинности. Въ теченіе семи лѣтъ, процентъ сомнительныхъ и отсроченныхъ увеличился съ 37,31 до 46,49,—а процентъ неспособныхъ вообще по отношенію къ числу принятыхъ на службу возросъ съ 64,52 до 78,92. Такимъ образомъ, на каждыхъ 3 человѣка, принятыхъ на службу въ войска оказывается 2 неспособныхъ, а на каждые пять *призываемыхъ*—одинъ неспособный. Въ виду постояннаго роста процента неспособныхъ,

г. Дедюлинъ приходитъ къ заключенію, что населеніе имперіи, живя впроголодь и при самыхъ противо-хозяйственныхъ условіяхъ, идетъ по пути замѣтнаго вырожденія, и этотъ выводъ подтверждается особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ общаго числа болѣзней ежегодно попадающихъ въ ряды арміи новобранцевъ, которые оказываются негодными для службы и впослѣдствіи увольняются, на „золотушное худосочіе", происходящее вслѣдствіе недостатка питанія, приходится 15,8%.

Самое движеніе роста населенія, какъ мы видѣли, также не даетъ никакихъ данныхъ, которыя, въ общемъ, позволяли бы судить объ улучшеніи благосостоянія послѣ 1891 года. Въ этомъ смыслѣ положеніе дѣла рѣшительно измѣнилось къ худшему въ средне-промышленномъ и восточномъ районахъ, такъ какъ въ этихъ мѣстностяхъ, при значительномъ пониженіи % рождаемости, проявилось сильное возрастаніе % смертности. Въ остальныхъ районахъ характеръ движенія народонаселенія мало измѣнился за это время. Въ сѣверномъ и средне-промышленномъ районахъ и въ Малороссіи продолжало проявляться одновременное уменьшеніе и рождаемости, и смертности, въ юго-западномъ—одновременное увеличеніе и рождаемости, и смертности, а въ сѣверо-западномъ и на югѣ—сохраненіе неизмѣннаго процента рождаемости при нѣкоторомъ усиленіи процента смертности; это послѣднее, впрочемъ, только по сравненію съ предшествовавшимъ періодомъ, въ которомъ процентъ смертности значительно понизился.

Наше изслѣдованіе оканчивается 1895-мъ годомъ. Девяностошестой годъ не произвелъ существеннаго измѣненія въ положеніи крестьянъ. Въ этомъ году урожай главнѣйшихъ хлѣбовъ былъ нѣсколько ниже средняго; вполнѣ удовлетворительный урожай озими оказался только въ средне-волжскомъ и юго-западномъ районахъ и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ. Но, вслѣдствіе медленнаго хода весны, ростъ и развитіе озимыхъ хлѣбовъ были задержаны, такъ что и уборка ихъ, особенно въ черноземныхъ губерніяхъ, опоздала, что съ своей стороны повліяло на качество зерна; только въ южныхъ губерніяхъ, юго-западномъ краѣ и въ Приволжьѣ уборка совершилась при благопріятныхъ условіяхъ; въ остальныхъ губерніяхъ положеніе сельскаго населенія въ общемъ не могло представлять значительнаго отличія въ сравненіи съ предшествовавшимъ годомъ; общая недоимка по выкупнымъ платежамъ и по поземельнымъ увеличилась въ этомъ году на 15 милліоновъ рублей.

Нѣкоторыя благотворныя послѣдствія мѣстныхъ хорошихъ урожаевъ 1896 года выказались только въ первой половинѣ 1897 года, въ теченіе которой поступленіе поземельныхъ налоговъ хотя и уменьшилось на 1,2 милліона рублей, но выкупные платежи дали противъ соотвѣтственнаго времени 1896 года избытокъ въ 5,8 милліоновъ рублей. Кромѣ того, во многихъ мѣстностяхъ у крестьянъ накопились немаловажные хлѣбные запасы.

Эти данныя можно бы считать довольно благопріятными, если бы въ 1897 году Россію не постигло новое несчастіе — недородъ хлѣбовъ, соединенный съ недостаткомъ кормовыхъ травъ на весьма обширномъ пространствѣ имперіи, понудившій крестьянъ застигнутыхъ недородомъ мѣстностей уже съ осени продавать за безцѣнокъ лошадей и скотъ. Такое положеніе дѣла должно было отозваться въ общемъ крайне неблагопріятно на экономическомъ положеніи сельскаго населенія, и потому едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что это положеніе должно представлять въ 1898 году гораздо болѣе густыя тѣни, чѣмъ картина предшествовавшаго пятилѣтія. Въ общемъ положеніе крестьянъ не улучшилось, а, надобно думать, ухудшилось.

III. — Общій выводъ.

Со времени освобожденія крестьянъ экономическое развитіе Россіи сдѣлало несомнѣнно исполинскіе шаги,—но насколько участвовало въ этомъ развитіи сельское населеніе, увеличилось ли его благосостояніе въ той же мѣрѣ, въ какой возросло экономическое положеніе всей страны?

Постараемся теперь отвѣтить на этотъ вопросъ, поставленный въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія.

Крѣпостной крестьянинъ вышелъ на волю, обладая весьма немногими изъ тѣхъ условій, которыя были необходимы для того, чтобы удовлетворительно устроить свое благосостояніе въ созданномъ реформой 1861-го года новомъ положеніи.

Не научившійся въ крѣпостномъ бытѣ самодѣятельности, привыкшій къ помѣщичьей опекѣ, онъ вдругъ былъ предоставленъ во всемъ и вполнѣ самому себѣ и своему общинному управленію, безъ всякаго почти контроля надъ послѣднимъ, кромѣ податного надзора со стороны исправника и станового [1]). Общее

[1]) Институтъ мировыхъ посредниковъ просуществовалъ, къ сожалѣнію, не долго.

руководительство экономическою жизнью страны той эпохи едва ли и могло ставить себѣ, по отношенію къ крестьянскому быту, тѣ задачи, которыя составляютъ нашу заботу въ настоящее время. Между тѣмъ, весь прежній экономическій строй страны былъ потрясенъ до основанія крестьянскою реформой; новыя условія экономической дѣятельности видоизмѣнили всѣ экономическія отношенія. Вотъ почему крестьянство пошло по новому пути безъ всякаго опредѣленнаго направленія. Можно ли при такомъ положеніи дѣла удивляться, что оно не всегда попадало на вѣрную дорогу, ведущую къ быстрому экономическому преуспѣянію; что оно подпадало губительному вліянію міроѣдовъ; что общинные капиталы расходовались неправильнымъ образомъ и исчезали, и что стали накопляться тѣ многочисленныя, неблагопріятныя для быта крестьянъ, явленія, на которыя въ настоящее время такъ жалуются?

Параллельно съ этимъ, нельзя не признать, что трудъ, освобожденный отъ крѣпостныхъ оковъ, сталъ производительнѣе, сталъ находить себѣ болѣе выгодное употребленіе, возвышая тѣмъ самымъ общее благосостояніе страны.

При такихъ условіяхъ, и благосостояніе сельскаго населенія должно было увеличиться въ той мѣрѣ, въ какой крестьянину представлялась возможность использовать свой трудъ, примѣняя его къ дѣлу болѣе выгоднымъ образомъ; наиболѣе выиграли потому тѣ группы сельскаго населенія, которыя, не ограничиваясь исключительно работами около земли, могли затрачивать часть своего труда на разныя ремесленныя и промышленныя занятія. Изъ общей среды крестьянской массы стало выдѣляться значительное число лицъ, достигшихъ вполнѣ обезпеченнаго благосостоянія; но вся остальная масса сельскаго люда, занятая преимущественно обработкою своей земли, менѣе другихъ могла воспользоваться благотворными послѣдствіями освобожденія труда, и потому менѣе другихъ сословій приняла участіе въ томъ колоссальномъ экономическомъ развитіи, которое совершилось въ Россіи.

Лишенное долгое время всякаго руководительства и всякой посторонней помощи и поддержки въ видѣ кредита и всякаго рода пособій въ нуждѣ, поставленное въ необходимость прилагать свою сельскохозяйственную работу къ пространству земли, постоянно уменьшающемуся вслѣдствіе дробленія хозяйствъ,—сельское населеніе, въ общемъ, при такихъ условіяхъ не могло существенно развивать своего благосостоянія. Были, разумѣется, исключенія; были отдѣльные крестьяне, которые богатѣли; были

цѣлыя общины, благосостояніе которыхъ развивалось; были цѣлыя мѣстности, поставленныя въ болѣе благопріятныя условія, въ которыхъ благосостояніе всего народа поднималось,—но въ общемъ нельзя было ожидать значительнаго прогресса;—его и не было. Поддерживался нѣкоторый средній уровень, но личности, падавшія въ экономическомъ отношеніи ниже этого уровня, уже съ трудомъ могли подняться и большею частію переходили въ разрядъ захудалыхъ крестьянъ и даже совершенно бросали хозяйство.

Въ своемъ изслѣдованіи по московской губерніи, покойный В. И. Орловъ старался выяснить причины большого распространенія въ крестьянскомъ быту маломощныхъ и безхозяйственныхъ дворовъ. Главную причину онъ находилъ, по словамъ крестьянъ, въ неустойчивости и случайностяхъ, которымъ подвержено крестьянское хозяйство, въ виду отсутствія для него кредита и помощи въ трудныхъ случаяхъ неурожая и разныхъ несчастій. Эта неустойчивость не есть явленіе временное и случайное, которое можно бы было устранить одной организаціей сельскаго кредита. Въ значительной части населенія ее порождаетъ постепенно уменьшающійся размѣръ крестьянскихъ хозяйствъ, не дающій отдѣльнымъ хозяевамъ избытка, изъ котораго они могли бы составить себѣ запасы на черный день;—малый размѣръ хозяйствъ позволяетъ лишь сводить хозяйственный балансъ потребностей безъ дефицита лишь до поры до времени...

Очеркъ г. Орлова представляетъ какъ бы иллюстрацію того, что происходитъ въ большинствѣ мѣстностей, особенно—центра Россіи, и вотъ почему съ теченіемъ времени число маломощныхъ крестьянъ все болѣе увеличивается. Главное основаніе благосостоянія крестьянъ—земля, а между тѣмъ уже въ 1874 году было 754.000 наличныхъ душъ, обладавшихъ надѣломъ менѣе одной десятины; съ тѣхъ поръ число ихъ несомнѣнно увеличилось. Параллельно съ этимъ увеличивалось число безлошадныхъ дворовъ, и не столько потому, что крестьянину не на что было пріобрѣсти лошадь, сколько потому, что на своемъ незначительномъ участкѣ ему нельзя было ни прокормить лошади, ни использовать ея силы, —на десятинномъ надѣлѣ и одной лошади мало дѣла. Въ послѣднее время изо ста вновь образующихся дворовъ можно было считать, среднимъ числомъ отъ 30 до 50 безлошадныхъ.

Съ другой стороны, площадь посѣвовъ, какъ мы видѣли, тоже уменьшалась относительно; въ шестидесятыхъ годахъ приходилось до 1,14 десятины на душу посѣва, а въ восьмидесятыхъ годахъ эта норма упала уже до 0,98 десятинъ; сообразно съ

этимъ уменьшалось и потребленіе хлѣба въ населеніи, который отчасти замѣщался картофелемъ; увеличеніе же потребленія картофеля на счетъ хлѣба всегда служитъ признакомъ обѣднѣнія населенія.

Такимъ образомъ, намъ представляется слѣдующая картина. Изъ массы крестьянъ выдѣляются отдѣльныя хозяйства и отдѣльныя личности, которыя богатѣютъ; параллельно съ этимъ значительное число хозяевъ ниспадаетъ на степень маломощныхъ, безлошадныхъ и даже безхозяйственныхъ крестьянъ; но вся средняя масса крестьянства, пребывающая между этими двумя крайними типами, остается въ положеніи неизмѣняемости,—благосостояніе этихъ среднихъ хозяевъ не ростетъ, а только колеблется,—то, подъ вліяніемъ хорошихъ урожаевъ, оно нѣсколько поднимается, то, при неблагопріятныхъ условіяхъ, опять понижается,—но рѣшительнаго поднятія благосостоянія, укрѣпленія хозяйственныхъ основъ въ этой средѣ не замѣчается; поднятіе же благосостоянія именно этой среды наиболѣе необходимо для благосостоянія государства.

Несомнѣнно, эта общая картина не вездѣ однообразна. Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи какъ краски, такъ и тѣни—то усиливаются, то слабѣютъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ.

Въ наименѣе благопріятныхъ условіяхъ находится, какъ мы видѣли, сельское населеніе въ губерніяхъ средне-черноземнаго района, въ двухъ губерніяхъ средне-промышленнаго района—московской и нижегородской,—и наконецъ въ восточныхъ губерніяхъ, щедро надѣленныхъ землею, но разоренныхъ рядомъ неурожайныхъ годовъ. Напротивъ того, въ сѣверномъ районѣ, за исключеніемъ псковской губерніи, въ юго и сѣверо-западныхъ губерніяхъ, въ Малороссіи, за исключеніемъ харьковской губерніи, и на югѣ положеніе крестьянъ можно признать относительно благопріятнымъ. Мы говоримъ: относительно—потому, что и въ этихъ мѣстностяхъ незамѣтно общаго сплошного подъема благосостоянія сельскаго класса. Лучшимъ доказательствомъ тому могутъ служить южныя губерніи, находящіяся несомнѣнно въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. О таврической губерніи, напримѣръ, профессоръ Постниковъ пишетъ слѣдующее: „лица, проѣзжающія чрезъ большія селенія таврической губерніи, обыкновенно выносятъ убѣжденіе о большой зажиточности мѣстныхъ крестьянъ. Но можно ли назвать село зажиточнымъ, если въ немъ половина населенія состоитъ изъ богачей, а остальная—бѣдствуетъ? Это разнообразіе въ таврической губерніи особенно значительно. Зажиточными хозяевами можно бы считать около

одной-шестой всего населенія, средніе домохозяева составляютъ около двухъ-пятыхъ, и остальная часть, т.-е. болѣе двухъ-пятыхъ всего сельскаго населенія, составляетъ бѣднѣйшую группу. Между тѣмъ, таврическая губернія представляетъ одну изъ наиболѣе многоземельныхъ въ европейской Россіи, съ наибольшими крестьянскими надѣлами. Въ ней повсемѣстно существуетъ общинное землевладѣніе съ болѣе или менѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ земли по душамъ, земледѣліе составляетъ почти исключительное занятіе мѣстнаго сельскаго населенія, и, несмотря на то, подворная перепись показала 15% селеній, населеніе которыхъ не имѣетъ у себя никакого рабочаго скота, и около одной-трети селеній, не обладающихъ достаточнымъ инвентаремъ для обработки своей надѣльной земли"...

Особенно неблагопріятно то, что съ теченіемъ времени общее экономическое положеніе сельскаго населенія въ Россіи не улучшается, а ухудшается,—по крайней мѣрѣ, это можно сказать за послѣднее время,—вслѣдствіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій и обстоятельствъ.

Одною изъ самыхъ благопріятныхъ эпохъ, въ смыслѣ поднятія общаго крестьянскаго благосостоянія, можно считать срединные годы восьмидесятаго періода. Рядъ урожайныхъ годовъ при удовлетворительныхъ цѣнахъ значительно поднялъ общее благосостояніе сельскаго населенія Россіи; даже въ средне-черноземномъ районѣ положеніе крестьянъ стало замѣтно улучшаться. Но къ концу восьмидесятыхъ годовъ все это рѣзко измѣняется, опять появляются значительные мѣстные неурожаи, а затѣмъ несчастный 1891 годъ окончательно разорилъ громадную часть нашего сельскаго населенія, оставивъ печальные слѣды на долгое время.

Неурожай 1891 года сопровождался безкормицей, и потому населеніе пострадало, такъ сказать, вдвое; пришлось отчуждать скотъ задаромъ, продавая корову и лошадь за стоимость шкуры—такъ что, по окончаніи этого несчастнаго года, у крестьянъ не оказалось ни хлѣба, ни скота; когда же, при наступленіи лучшихъ условій, оказалась возможность нѣсколько восполнить уничтоженный живой инвентарь, его пришлось покупать по высокимъ цѣнамъ, а вслѣдствіе упадка цѣнъ на хлѣбъ у крестьянъ оказывалась и безъ того нужда въ деньгахъ. Вслѣдствіе уменьшенія численности скота, крестьяне лишились на нѣкоторое время необходимой рабочей силы, и вмѣстѣ съ тѣмъ оказался почти совершенный недостатокъ въ поземѣ,—обстоятельство крайне прискорбное для губерній, въ которыхъ крестьяне унавоживаютъ свои поля. Обезсиленные экономически и лишенные значитель-

ной части рабочаго инвентаря, крестьяне принуждены были во многихъ мѣстностяхъ сократить площадь посѣвовъ. Въ томъ же году повсюду сократились лѣтніе заработки, потому что вслѣдствіе неурожая потребность въ рабочихъ рукахъ значительно уменьшилась у владѣльческихъ хозяевъ; почти совершенно прекратился и извозъ, потому что нечего было возить на желѣзную дорогу. Сокращеніе заработковъ не ограничилось, притомъ, однимъ 1891 годомъ; вслѣдствіе уменьшенія лошадей въ крестьянскихъ хозяйствахъ, помѣщики, во многихъ мѣстностяхъ, не имѣя уже возможности разсчитывать на наемъ конныхъ рабочихъ, стали увеличивать наличность собственныхъ лошадей, такъ что тѣмъ самымъ крестьяне лишились обычныхъ заработковъ по этой части и на будущее время. Такъ, напримѣръ, въ курской губерніи крестьяне работали на владѣльческихъ поляхъ, выѣзжая пароконными подводами и получая за пароконную подводу по рублю въ день. Когда же въ 1891 году число лошадей уменьшилось у крестьянъ до minimum'а, то землевладѣльцамъ пришлось заводить собственный рабочій скотъ, а затѣмъ крестьяне лишились на будущее время этого источника дохода. Это только одинъ изъ многихъ примѣровъ, доказывающихъ, до какой степени неурожай 1891 года потрясъ всѣ основанія крестьянскаго благосостоянія, и потому не удивительно, что крестьянамъ не легко было поправиться послѣ подобнаго погрома.

Почти во всѣхъ неурожайныхъ губерніяхъ послѣ 1891 года послѣдовалъ одинъ средній и два или три хорошихъ урожая; несмотря на коренное разореніе ихъ въ 1891 году, этого было достаточно, чтобы поставить крестьянъ опять нѣсколько на ноги и дать имъ возможность—хотя и въ скромныхъ размѣрахъ приступить къ возобновленію своего хозяйства. Но о полномъ возстановленіи утраченнаго благосостоянія, разумѣется, не могло быть и рѣчи.

Мало-отрадную картину представляютъ и многія изъ губерній, не только не пострадавшихъ въ 1891 году, но даже значительно возвысившихъ свое благосостояніе, благодаря особенно высокимъ цѣнамъ. Даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ, по словамъ корреспондентовъ, крестьяне въ 1891 году благоденствовали,—при первыхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ мы видѣли, это благоденствіе исчезало, и крестьянское хозяйство разстроивалось.

Вышеизложенное указываетъ, какъ мы уже выше обратили на это вниманіе, съ одной стороны—на силу и выносливость нашего крестьянскаго сословія, обладающаго удивительной энергіей реагировать противъ самыхъ неблагопріятныхъ бытовыхъ и

естественныхъ условій, и съ другой стороны—на отсутствіе выдержки и на слабость, не допускающія крестьянина сохранить нерушимымъ благопріятно сложившееся экономическое положеніе. Крестьянинъ, въ конецъ разоренный, немедленно начинаетъ оправляться и поднимать свое хозяйство послѣ одного, двухъ хорошихъ урожаевъ, но совершенно крѣпко стать на ноги ему все же не удается; при первомъ сколько-нибудь значительномъ недородѣ его хозяйство опять разстраивается. Можно сказать, что прочное экономическое положеніе среди крестьянъ, въ Россіи, за немногими исключеніями—не встрѣчается.

Слабость нашего сельскаго населенія, проявляющаяся въ отстаиваніи разъ достигнутаго, болѣе или менѣе обезпеченнаго положенія, объясняется, главнымъ образомъ, двумя причинами: во-первыхъ, послѣдствіями податной системы и, во-вторыхъ, отсталостью культуры.

Крестьянинъ можетъ обезпечивать свое положеніе на будущее время накопленіемъ зерновыхъ запасовъ и увеличеніемъ своего живого инвентаря. Въ запасъ можетъ быть откладываемъ, однако, только излишекъ противъ годового потребленія, — какъ же дѣлать ему запасы, когда весь излишекъ дохода отбирается у крестьянъ на пополненіе недоимокъ и на окладные платежи, безъ всякаго соображенія съ его хозяйственными потребностями? Мы видѣли изъ вышеприведенныхъ корреспонденцій, что даже въ губерніяхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ недорода 1891 года, при первомъ же хорошемъ урожаѣ стали раздаваться жалобы на энергическое взысканіе податей. Крестьяне, въ конецъ разоренные неурожаемъ, при присущей имъ естественной энергіи и выносливости, могли бы, благодаря ряду хорошихъ урожаевъ, вполнѣ оправиться и привести свое хозяйство въ удовлетворительно обезпеченное положеніе—но энергическое взысканіе недоимокъ, побуждающее ихъ обращать весь полученный избытокъ не на улучшеніе хозяйства, а на восполненіе этихъ недоимокъ, ставитъ ихъ въ рѣшительную невозможность вполнѣ поднять свое разоренное хозяйство; вслѣдствіе того, они остаются въ такомъ хозяйственномъ положеніи, которое при первомъ же недородѣ должно приходить опять въ разстройство. Некультурность нашей грубой системы взиманія податей, несомнѣнно, служитъ, поэтому, однимъ изъ главныхъ препятствій солидному развитію крестьянскаго благосостоянія; она же противится улучшенію обработки земли, потому что улучшеніе сельскохозяйственной культуры возможно только при наличности запасовъ, т.-е. оборотныхъ средствъ, а скопить запасы крестьянину, находящемуся

постоянно въ недоимкѣ, очевидно, невозможно. Уже не говоря о томъ, что у насъ нѣтъ ни одной вполнѣ безнедоимочной губерніи, такія недоимки, какъ у насъ, въ культурныхъ странахъ немыслимы. Въ Европѣ у крестьянъ всегда имѣются запасы, и потому неурожайный годъ хотя и отзывается на нихъ тяжело, налагая на нихъ стѣсненіе, но не разоряетъ ихъ. У насъ мы видимъ противное, и можно ли при такихъ условіяхъ жизни тому дивиться. Въ послѣднее время министерствомъ финансовъ было сдѣлано многое въ смыслѣ отсрочки, разсрочки недоимокъ, въ видахъ приведенія крестьянскихъ платежей въ соразмѣрность съ платежными силами населенія. На основаніи закона 7-го февраля 1894 года, по 1-е мая 1898 года, отсрочено и разсрочено всего 62 милліона податныхъ и недоимочныхъ платежей. Эти мѣропріятія немедленно отозвались на образованіи у крестьянъ многихъ мѣстностей запасовъ хлѣба, послѣ хорошихъ урожаевъ,—запасовъ, которые, можно надѣяться, нѣсколько ослабятъ бѣдственныя послѣдствія неурожая 1897 года. Но этого еще недостаточно,—необходимо предупредить самое образованіе недоимокъ, предоставляя крестьянамъ разоренныхъ мѣстностей продолжительныя льготы по уплатѣ лежащихъ на нихъ повинностей, а это возможно только при измѣненіи самой системы взиманія. Исключительно этимъ путемъ можно будетъ достигнуть вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ и въ смыслѣ возвышенія благосостоянія народа, и въ смыслѣ поднятія его платежной способности. Исправнымъ плательщикомъ податей можетъ быть только населеніе экономически крѣпкое и состоятельное, и потому первое и главное вниманіе слѣдуетъ обратить на поднятіе благосостоянія народа, а не на взысканіе съ него послѣдней копѣйки на уплату недоимокъ.

Вторая причина экономической слабости нашего сельскаго населенія заключается въ отсталости пріемовъ сельскохозяйственной культуры. Неудовлетворительность способа воздѣлки земли ведетъ и къ уменьшенію производимыхъ ею продуктовъ съ даннаго пространства земли, и къ уменьшенію силы сопротивленія произрастаемости — неблагопріятнымъ атмосферическимъ условіямъ; отсюда—тѣ губительныя послѣдствія, которыя вызываются у насъ постоянными неурожаями.

Говоря о крестьянскомъ хозяйствѣ, не можетъ быть и рѣчи ни о строго интенсивной культурѣ, ни о примѣненіи культурныхъ усовершенствованій, составляющихъ послѣднее слово агрономической науки. Но есть такія усовершенствованія, которыя не требуютъ ни совершенной ломки существующаго крестьян-

скаго хозяйства, ни приложенія особыхъ познаній и капиталовъ къ землѣ, и которыя, несмотря на то, могли бы имѣть громадное значеніе въ смыслѣ улучшенія положенія крестьянскаго хозяйства и предотвращенія, хотя до нѣкоторой степени, столь частаго появленія мѣстныхъ неурожаевъ, — таково, напримѣръ, въ черноземныхъ губерніяхъ введеніе болѣе глубокой вспашки и такъ-называемаго чернаго пара, въ не-черноземныхъ губерніяхъ — травосѣяніе и т. п.

Отзывы корреспондентовъ о положеніи у насъ вопроса объ улучшеніи культуры чрезвычайно различны; есть пессимисты, и ихъ не малое число, есть и нѣкоторые оптимисты.

По отзывамъ многихъ корреспондентовъ министерства земледѣлія, сообщеннымъ въ 1892 году изъ разныхъ губерній, крестьянское хозяйство изъ году въ годъ падаетъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ условій. Земля истощается и быстро высыхаетъ, лѣса истребляются, рѣчки сохнутъ и урожаи понижаются. Улучшеній въ техникѣ земледѣлія никакихъ не вводится, объ удобреніи не имѣютъ понятія, обработка самая небрежная, пары хотя и имѣются, но безъ всякаго порядка,—то слишкомъ ранніе, заростающіе передъ посѣвомъ, то недостаточно разрыхленные, то пересушеные; результаты такого хозяйства — самые плачевные. Зажиточные крестьяне стараются засѣвать возможно больше земли, арендуютъ землю у помѣщиковъ, цѣна на которую понизилась, и, пользуясь дешевизной рабочихъ рукъ, увеличиваютъ свои запашки (самарск. губ.), но при этомъ, будь то на арендованной, будь то на купленной землѣ, нисколько не заботятся о хорошей ея обработкѣ, а лишь стремятся запахать возможно бо́льшее число десятинъ; бѣдняки же, задолжавшіе кулакамъ, обязаны являться обрабатывать ихъ земли, хотя бы изъ того, чтобы получить отъ богачей нѣсколько земли въ аренду.

Но въ тѣхъ же публикаціяхъ встрѣчаются и противоположные отзывы: корреспондентъ смоленской губерніи, напримѣръ, опровергаетъ мысль, что крестьянское хозяйство ведется рутинно; напротивъ того, по его словамъ, оно приспособляется къ требованіямъ времени; культура тѣхъ растеній, которыя становятся невыгодными, сокращается, а воздѣлываніе выгодныхъ растеній расширяется. Въ самомъ крестьянскомъ инвентарѣ происходитъ аналогическая перемѣна; по мѣрѣ того, какъ дорожаетъ соха и дешевѣетъ плугъ, крестьяне все болѣе и болѣе прибѣгаютъ къ послѣднему. При этомъ вводятся, хотя и медленно, тѣ улучшенія, которыя необходи́мы и выгодны и, главное, которыя въ данный моментъ по силамъ крестьянину; такъ, напримѣръ, крестьянинъ,

арендующій землю и имѣющій свой надѣлъ, сознавая пользу травосѣянія, производитъ посѣвы клевера не на своей надѣльной, а на арендованной землѣ, признавая послѣднее при данныхъ условіяхъ болѣе легкимъ. Затѣмъ, есть свѣдѣнія изъ орловской, екатеринославской и вологодской губерній, что тамъ начинаетъ распространяться осенняя вспашка полей, предназначенныхъ подъ яровые посѣвы,—такія поля даютъ двойной урожай. Въ могилевской, витебской, ковенской и псковской губерніяхъ даже крестьяне стали употреблять суперфосфаты для удобренія полей. Въ самарской и саратовской губерніяхъ начинаютъ вводить орошеніе полей. Во многихъ мѣстностяхъ у крестьянъ начинаютъ появляться сельско-хозяйственныя машины; въ волынской, полтавской и даже московской губерніи улучшаются плуги, въ вятской и пермской—молотилки, въ таврической и екатеринославской у крестьянъ появились даже жатвенныя машины и т. д.

Такимъ образомъ, оказывается, что данныя чрезвычайно разнообразны. Одни видятъ темное, другіе видятъ свѣтлое въ крестьянскомъ быту,—не только по своему индивидуальному настроенію, но и потому, что разныя мѣстности, даже иногда одной и той же губерніи, представляютъ различныя картины. Но вообще можно утверждать, не боясь ошибиться, что въ общемъ, и особенно въ центральныхъ и черноземныхъ губерніяхъ, улучшеніе крестьянской культуры составляетъ пока только счастливыя исключенія,—въ общемъ эта культура мало идетъ впередъ.

Возвращаясь къ вопросу о положеніи сельскаго населенія за послѣднее время, нельзя не придти къ заключенію, что, кромѣ запада, юга, Малороссіи и нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерній, во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ положеніе это сравнительно съ 1890-мъ годомъ ухудшилось.

Со времени 1895 года, которымъ мы заключили наше изслѣдованіе, прошло два года, которые не только не повели къ улучшенію дѣла, но во многихъ мѣстностяхъ вызвали еще сильнѣйшее разореніе крестьянскихъ хозяйствъ. Девяносто-шестой годъ не произвелъ существенныхъ измѣненій, какъ мы уже видѣли, но зато несчастный 1897 годъ оставилъ на обширномъ пространствѣ Россіи тяжелые слѣды.

Изъ вышеизложеннаго оказывается, что почти весь послѣдній десятилѣтній періодъ отразился крайне неблагопріятно на положеніи сельскаго населенія. Постепенный упадокъ благосостоянія значительной части этого населенія представляетъ фактъ чрезвы-

чайно удручающій, тѣмъ болѣе, что сельское сословіе составляетъ у насъ хотя и низшую, но зато широкую основу всего государства. При этомъ, къ сожалѣнію, нельзя ожидать и въ будущемъ быстраго поворота къ лучшему, такъ какъ причины, могущія вліять на поднятіе экономическаго уровня сельскаго класса, могутъ дѣйствовать только медленно.

Тѣмъ болѣе необходимо, не теряя времени, приступить къ принятію такихъ мѣропріятій, которыя могли бы противодѣйствовать дальнѣйшему упадку крестьянскаго хозяйства и крестьянскаго быта, потому что благосостояніе сельскаго сословія служитъ однимъ изъ существенныхъ основаній благосостоянія государства.

Ѳ. Тернеръ.

ВЗЯТКА

ПОВѢСТЬ.

I.

Въ небольшомъ кабинетѣ, тѣсно заставленномъ шкафами, столиками и этажерками съ книгами, газетами и цѣлыми стопами дѣловыхъ бумагъ, сидѣли двое.

За широкимъ письменнымъ столомъ, положивъ ногу на ногу, небрежно откинулся на спинку кресла хозяинъ, плотный, здоровый мужчина, лѣтъ уже подъ пятьдесятъ, брюнетъ съ сильной просѣдью. Онъ съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ чистилъ костянымъ ножичкомъ свои ногти, что, казалось, совсѣмъ забылъ о присутствіи гостя. А гость между тѣмъ молча, съ едва замѣтнымъ нетерпѣніемъ, смотрѣлъ на его гладко-выбритое, доброе и въ то же время серьезное лицо, и какъ будто хотѣлъ предугадать, чѣмъ разрѣшатся эти долгія размышленія.

Обоюдное молчаніе длилось уже минутъ десять, и хозяинъ самъ замѣтилъ, наконецъ, его неумѣстную продолжительность.

Ему стало досадно,—но именно теперь еще труднѣе было дать въ приличной формѣ отпускъ неожиданному посѣтителю. Еще, пожалуй, приметъ это молчаніе за колебаніе, когда тутъ никакихъ колебаній быть не должно! Остается развѣ только прямо сказать:—убирайтесь вонъ!

Но, вмѣсто этого, хозяинъ посмотрѣлъ на часы, и гость самъ догадался, что нужно удалиться.

— Простите, я задержалъ васъ, ваше превосходительство,— сказалъ онъ, вставая и вытягиваясь.

— Нисколько,—отрѣзалъ хозяинъ, взглянувъ на него умными

и пронизывающими глазами.—Но я дѣйствительно долженъ сейчасъ ѣхать, а разговоръ нашъ, кажется, конченъ.

— Ваше превосходительство все-таки не соблаговолили высказаться окончательно,—замѣтилъ скромно, но твердымъ голосомъ гость.

— Какого же вы еще хотите отвѣта?—нѣсколько раздражаясь, возразилъ хозяинъ.—Я, кажется, ясно сказалъ вамъ, что я не могу исполнить вашей просьбы... не могу принять вашего предложенія. Повторяю, я не капиталистъ, а чиновникъ. Я живу только своимъ жалованьемъ и не имѣю возможности дѣлаться акціонеромъ какихъ бы то ни было предпріятій; дѣйствительнымъ—не могу, фиктивнымъ—не желаю.

— Но, ваше превосходительство, я и не посмѣлъ бы предложить вамъ ничего фиктивнаго... Наше предпріятіе...

— Извините меня, господинъ Смолинъ,—прервалъ хозяинъ гостя:—но вы, кажется, не такъ поняли меня, и я скажу вамъ, наконецъ, прямо, что ваше предложеніе означаетъ ни больше, ни меньше, какъ взятку...

„Господинъ Смолинъ“ на минуту замялся, безотчетно повелъ глазами въ сторону, но сейчасъ же опять обратилъ ихъ на хозяина. Тотъ пересталъ теперь чистить ногти и взглядомъ, выражавшимъ нетерпѣніе, смотрѣлъ на Смолина. Гость, въ своемъ узкомъ, наглухо застегнутомъ рединготѣ, продолжалъ торчать передъ нимъ, какъ длинная жердь.

— Я не хочу,—продолжалъ хозяинъ,—чтобъ кто-нибудь могъ не только сказать, но даже и подумать, что Пожарскій беретъ взятки въ какой бы то ни было формѣ.

— Ваше превосходительство изволите смотрѣть на это съ иной точки зрѣнія, чѣмъ мы,—съ лукаво скромной улыбкой возразилъ Смолинъ, пощипывая свою русую бородку:—на нашъ взглядъ привлеченіе въ качествѣ участниковъ лицъ, могущихъ быть такъ или иначе полезными нашему общеполезному предпріятію, и вознагражденіе этихъ лицъ за ихъ труды, не можетъ быть названо взяткой...

— Ну, эти объясненія вы можете приберечь для другихъ,—рѣзко прервалъ его Пожарскій.

— Простите, ваше превосходительство!—поспѣшилъ поправить дурное впечатлѣніе Смолинъ.—Я бы никогда не осмѣлился явиться къ вамъ съ этимъ предложеніемъ, но я уже имѣлъ честь докладывать вашему превосходительству, кто направилъ меня къ вамъ. Алексѣй Христофоровичъ прямо сказалъ:—если Павелъ Константиновичъ...

— Тѣмъ хуже-съ, тѣмъ хуже-съ,—опять прервалъ его Пожарскій.—Алексѣй Христофоровичъ не можетъ служить для меня примѣромъ: онъ богатый человѣкъ, и ему есть на что играть на биржѣ, а у меня не накоплено никакихъ суммъ, ни большихъ, ни малыхъ. Я, правда, получаю большое жалованье, но при моемъ положеніи и съ такой семьей, какъ моя, я все и проживаю—это всѣмъ извѣстно.

— Мнѣ кажется, что мое предложеніе именно... удобный случай... — началъ-было Смолинъ.

— Извините, я ничего не имѣю добавить къ тому, что я уже сказалъ,—круто оборвалъ разговоръ Пожарскій съ легкимъ наклоненіемъ головы.

— Прошу извинить за причиненное безпокойство, ваше превосходительство, и имѣю честь откланяться,—съ унылымъ видомъ произнесъ Смолинъ, отвѣшивая глубокій поклонъ и дѣлая шагъ въ сторону.

Пожарскій, не вставая, съ видимымъ безразличіемъ подалъ ему руку и сказалъ:

— Прощайте.

Смолинъ молча и почтительно пожалъ протянутую руку и молча же, отвѣсивъ еще поклонъ, вышелъ.

II.

Павелъ Константиновичъ недолго оставался за своимъ столомъ по уходѣ Смолина; онъ перебралъ нѣсколько бумагъ, сложилъ ихъ въ портфель, позвалъ лакея, перемѣнилъ пиджакъ на вицмундиръ и уѣхалъ.

За служебными дѣлами онъ, по обыкновенію, забывалъ обо всемъ, кромѣ тѣхъ вопросовъ, которые возникали при ихъ обсужденіи; но одно изъ дѣлъ какой-то акціонерной компаніи напомнило ему о визитѣ Смолина, и, совершенно помимо воли, Пожарскій, забывъ о дѣлѣ, задумался о сдѣланномъ ему Смолинымъ предложеніи.

...Большой кушъ!..

...И почему это его мысли могли возвратиться къ этому, когда онъ и наотрѣзъ отказался отъ предложенныхъ акцій, да и не допускаетъ возможности взять... взятку. Ну, да, взятку,— онъ назвалъ это настоящимъ именемъ.

...И однако, онъ вспомнилъ сейчасъ безъ всякаго негодованія объ этомъ предложеніи. Да и выслушалъ онъ его спо-

койно... Онъ не прогналъ отъ себя Смолина послѣ перваго же его слова... Что же это значитъ? Колебаніе?.. Нѣтъ. Просто ему, въ его положеніи, неприлично браниться. Онъ долженъ быть выше боязни подозрѣній, выше мелочнаго негодованія. Не слѣдовало даже и произносить этого слова: *взятка*. Къ чему? Онъ не могъ принять такого *предложенія*, и все тутъ. Стоило ли объясняться такъ долго...

...Можетъ быть, лучше всего было совсѣмъ не принимать Смолина?.. Но это значило показать свою недоступность, а онъ не хотѣлъ этого; онъ всегда боялся упрека въ желаніи корчить аристократа, выскочившаго изъ вчерашнихъ „мѣщанъ“. Онъ добился виднаго положенія только умомъ и трудомъ, и старался быть всегда и со всѣми ровнымъ въ обращеніи, какъ бы допуская, что каждый можетъ современемъ занять такое же значительное мѣсто въ обществѣ, какъ и онъ.

...Конечно, еслибъ онъ зналъ, зачѣмъ явился къ нему Смолинъ, онъ не принялъ бы его. Но... чортъ его зналъ, зачѣмъ онъ пришелъ, этотъ малоизвѣстный ему господинъ. Онъ встрѣчалъ этого Смолина у знакомыхъ, у того же Алексѣя Христофоровича; онъ зналъ, что Смолинъ—неудавшійся адвокатъ и удачливый биржевой коммиссіонеръ, покупающій и продающій процентныя бумаги по порученіямъ и, кажется, даже самъ спекулирующій. Почемъ онъ зналъ, что этому господину нужно, когда онъ явился прямо къ нему на квартиру и велѣлъ доложить о себѣ!..

Павелъ Константиновичъ опять углубляется въ лежащія передъ нимъ бумаги. Однако, непріятный слѣдъ, оставленный въ его головѣ посѣщеніемъ Смолина, рѣшительно мѣшаетъ ему сосредоточиться.

Поработавъ съ полчаса, онъ закуриваетъ сигару и, оставивъ раскрытымъ начатое дѣло, снова задумывается.

...Они для него не новы, эти размышленія о взяткахъ! Пройдя всю лѣстницу служебной іерархіи, онъ не могъ не наталкиваться тысячу разъ, прямо и косвенно, на эти проклятые вопросы. Онъ гордится тѣмъ, что его служебная карьера безупречна; онъ гордъ внутреннимъ сознаніемъ, что онъ безупреченъ не только съ внѣшней стороны, но и въ глубинѣ души; онъ не поддавался искушенію, хотя нерѣдко атмосфера, въ которой онъ вращался, располагала къ этому. Всякое лицепріятіе было противно ему по природѣ. Въ каждомъ дѣлѣ его интересовала сущность его, общій прогрессъ, а не выгода отдѣльныхъ лицъ...

...И однако, жизнь заставила уже его пойти на уступки. Онъ уже привыкъ смотрѣть сквозь пальцы на завѣдомыхъ взяточниковъ. Мало того, не только приходилось подавать имъ руку, величать ихъ „превосходительствами“, но съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ даже близокъ домами... Что же дѣлать! Это вышло какъ-то само собой, шагъ за шагомъ. Въ началѣ онъ даже и не зналъ, съ кѣмъ онъ сближался... Да нѣтъ!—даже и зналъ! Ну, и что же,—развѣ можно было не сближаться, когда этого требовало его служебное положеніе?.. Вѣдь признанными, клейменными взяточниками эти люди не были. Можно было догадываться, про нихъ говорили, шушукаясь, иногда намекали,—но и только. А они занимали свои посты, и въ свое время получали чины и награды. Да еслибъ онъ сто разъ зналъ, что они тогда-то и тогда-то взяли столько-то,—такъ и то: развѣ онъ могъ держаться въ сторонѣ отъ нихъ? Все это были колеса въ одной цѣльной машинѣ, и, исполняя въ ней свою роль, онъ не могъ вертѣться въ одиночку; приходилось цѣпляться за нихъ и вертѣться вмѣстѣ съ ними. Можно было оставаться безупречнымъ самому—да; но протестовать противъ взяточничества другихъ можно было только или доносомъ, или выходомъ въ отставку. Роль доносчика была ему омерзительна. Да и доносъ могъ остаться недоказаннымъ. А выйти въ отставку — еще вопросъ, что добросовѣстнѣе: мириться ли съ неизбѣжнымъ зломъ, когда не можешь бороться съ нимъ активно, и при этомъ не уступать ему добровольно, по крайней мѣрѣ, тѣхъ мѣстъ, которыми владѣешь; или, услаждая себя сознаніемъ своей честности и непримиримости, отойти въ сторону и предоставить злу безпрепятственно развиваться еще шире?.. Онъ искоренялъ и взяточничество, и непотизмъ, гдѣ могъ, въ подвластной ему сферѣ; но тамъ, гдѣ зло было недоступно его вліянію, онъ находилъ безполезнымъ и нетактичнымъ понапрасну „дразнить гусей“. Примирившись съ мыслью, что въ политикѣ не всегда можно быть откровеннымъ, онъ пріучился пропускать мимо ушей многое, на что хотѣлось отозваться горячимъ протестомъ.

Благодаря той же тактичности, онъ съумѣлъ такъ поставить себя, что давно уже никто и не рѣшался подступаться къ нему съ намеками на взятку. У него не было любовницы, такъ часто служащей въ этихъ дѣлахъ посредницей, а жена чуждалась дѣловыхъ разговоровъ. Да и кто посмѣлъ бы пойти къ ней съ грязнымъ дѣломъ: всѣ знали, что она преданно любила мужа, и на все смотрѣла его глазами.

..И вдругъ теперь это предложеніе акцій, учредительства...

правда, не личнаго, но на имя жены или родственниковъ... Въ такой формѣ къ нему еще никогда не обращались... Ужъ не поэтому ли онъ и отнесся такъ снисходительно къ Смолину!

...Въ сущности, что̀ предложилъ ему Смолинъ? Сумму, равную его жалованью за три года — съ шансами еще на значительное увеличеніе ея. Шутка! И за что? *Только* за одно удовольствіе имѣть его въ числѣ замаскированныхъ участниковъ новаго предпріятія. „Теперь эти акціи почти ничего не стоютъ, —говорилъ онъ,—а если въ успѣхѣ предпріятія будутъ заинтересованы вліятельныя лица, цѣнность ихъ можетъ стать вдвое, втрое дороже номинальной“. О, онъ прекрасно понимаетъ, въ чемъ можетъ заключаться „заинтересованность“, и какого содѣйствія ждутъ отъ него господа учредители. Ясно, что какъ только общество учредится и акціи попадутъ въ биржевую котировку, они искусственно раздуютъ его и постараются выгодно сбыть правительству. О, онъ отлично видитъ цѣли и намѣченные пути! Хотя утвержденіе устава совершится помимо его, но они знали, что̀ дѣлали, обращаясь къ нему. Да, вліяніе, которое онъ можетъ оказать на это дѣло, сто̀итъ такой взятки! Не пошли вѣдь они другимъ, болѣе прямымъ путемъ; они поняли, что тутъ онъ—одно изъ двигательныхъ колесъ, могущее и двинуть, и затормазить... И почтеннѣйшій Алексѣй Христофоровичъ человѣкъ осторожный... онъ не дастъ денегъ, если не будетъ увѣренъ въ успѣхѣ... Конечно, тотъ самъ можетъ провести свои планы... его связи позначительнѣе... „Но нѣтъ, они вѣрно разсчитали, насколько мое вліяніе здѣсь важно“!—усмѣхнулся Павелъ Константиновичъ.

...И какъ все это, собственно говоря, благовидно обставлено. Хоть всѣ карты раскрой, такъ и то ничего не найдешь формально противозаконнаго, — нѣтъ, не то что противозаконнаго, а даже формально-противонравственнаго не найдешь! И только вотъ такъ... какое-то внутреннее чувство подсказываетъ, что порядочному человѣку нельзя марать руки около этихъ дѣлъ.

„А что̀ такое это чувство? На чемъ оно основано, это такъ-называемое нравственное чувство“?—подумалъ Павелъ Константиновичъ, вновь закуривая потухшую тѣмъ временемъ въ его рукѣ сигару.

И у него на минуту мелькнула мысль, что вѣдь онъ уже нашелъ необходимымъ отклониться отъ прямолинейной честности въ вопросѣ о знакомствѣ со взяточниками, что онъ нашелъ тамъ прямолинейность эту скорѣе вредной, чѣмъ полезной для прогресса общественности.

„Оппортунизмъ проклятый!—обозлился онъ вдругъ самъ на себя.—Удивительно соблазнительная и предательская штука! Каждый оппортунистъ обыкновенно начнетъ съ выгодъ общаго прогресса, а кончаетъ самой отчаянной безпринципностью и культомъ эгоизма".

Павлу Константиновичу стало вдругъ досадно, что онъ такъ много думаетъ объ этомъ случайномъ дѣлѣ,—стало досадно, что онъ вообще пустился даже въ лишніе разговоры съ Смолинымъ. Ему вспомнились теперь нѣкоторыя фразы, сказанныя имъ Смолину, и краска стыда бросилась ему въ лицо. Къ чему это было объяснять какому-то биржевому зайцу, что онъ проживаетъ все свое большое жалованье... что у него большая семья! Точно онъ выпрашивалъ взятку побольше. „А вѣдь Смолинъ и это могъ подумать"!—мелькнула вдругъ у Павла Константиновича мысль, и ему стало даже жарко.

И теперь уже каждое, самое ничтожное слово изъ разговора вспоминалось и казалось значительнымъ. Зачѣмъ онъ сказалъ: „тѣмъ хуже", когда тотъ упомянулъ, что подосланъ Алексѣемъ Христофоровичемъ. Что за „тѣмъ хуже"?! Развѣ въ этомъ дѣлѣ могло быть „тѣмъ лучше"? Короткій отвѣтъ могъ быть только одинъ во всѣхъ случаяхъ: „нѣтъ"!

Эти мысли такъ разстроили его, что онъ съ какой-то лихорадочной поспѣшностью снова схватился за поданныя ему на просмотръ бумаги, желая отвлечь свое вниманіе въ эту сторону. Сначала онъ хотѣлъ-было даже отложить разсмотрѣніе лежавшаго передъ нимъ дѣла акціонернаго общества. Но потомъ нарочно взялся за него, чтобъ уже оно въ другой разъ не навело его на непріятныя мысли. И теперь въ каждомъ словѣ объяснительной записки по этому дѣлу онъ старался найти какую-нибудь противозаконную закулисную выгоду акціонеровъ-учредителей или правленія.

Въ прескверномъ настроеніи вернулся онъ домой къ обѣду.

III.

Прошло мѣсяца полтора. Смолинъ не являлся болѣе къ Пожарскому; не встрѣтился онъ ему нигдѣ и внѣ дома. Но Павелъ Константиновичъ все еще не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣній, оставшихся у него отъ этого исключительнаго визита. Иногда за дѣлами или въ развлеченіяхъ онъ забывалъ о немъ; но малѣйшій поводъ—и предложенная ему взятка снова становилась предме-

томъ безконечныхъ размышленій. Довелось ему видѣться въ это время не разъ съ Алексѣемъ Христофоровичемъ. Пожарскій все ждалъ отъ него намека, хотя самъ всячески избѣгалъ заводить разговоръ на эту тему. Но Алексѣй Христофоровичъ не обмолвился ни словомъ, не упоминалъ даже имени Смолина, какъ будто не только ничего не зналъ о новомъ предпріятіи, но не зналъ и самого Смолина. Между тѣмъ Павелъ Константиновичъ былъ увѣренъ, что тотъ не совралъ, что тотъ просто не рѣшился бы упомянуть имя Алексѣя Христофоровича всуе; да и само дѣло было такого рода, что участіе въ немъ Алексѣя Христофоровича казалось вполнѣ умѣстнымъ и даже неизбѣжнымъ; а умалчиваніе было въ его характерѣ.

Когда-то важный сановникъ, Алексѣй Христофоровичъ Мироковецъ былъ теперь не у дѣлъ и, обладая большими средствами, охотно участвовалъ въ разныхъ предпріятіяхъ, не требовавшихъ большихъ трудовъ и дававшихъ крупныя выгоды. Но въ обыкновенномъ разговорѣ онъ не любилъ даже упоминать объ этомъ; а съ людьми „дѣла“, когда являлась дѣйствительная надобность, умѣлъ говорить кратко, выработаннымъ уже техническимъ языкомъ, и понимать съ полуслова. Дѣльцы его знали и обращались къ нему всякій разъ, когда затѣвалось новое предпріятіе, гдѣ нужны были ходатайства въ „сферахъ“. Ни князь, ни графъ, а просто родовитый баринъ, — считавшій, впрочемъ, въ своей роднѣ многихъ и сіятельныхъ, и свѣтлѣйшихъ,—Алексѣй Христофоровичъ связи имѣлъ огромныя; а его независимое положеніе давало ему вліяніе и силу тѣмъ бо́льшую, что его всегда прочили на какое-нибудь видное мѣсто. Онъ являлся возможнымъ кандидатомъ въ любое время и въ любой части государственной машины, но всегда говорили, что онъ самъ или отклоняетъ отъ себя бремя заботъ, или не хочетъ похлопотать о своемъ назначеніи на „постъ“ до поры до времени. Одни говорили это съ увѣренностью, другіе—съ ироніей, но всѣ, даже лица самыя вліятельныя, готовы были всегда исполнить всякую его мало-мальски исполнимую просьбу, въ разсчетѣ, что Мироковецъ каждую минуту можетъ очутиться на такомъ мѣстѣ, гдѣ они сами будутъ нуждаться въ немъ. Да и теперь онъ, все равно, каждому могъ быть нуженъ и пригоденъ, не исключая и возможности призанять у него денегъ, и не говоря уже о томъ, что всѣмъ было пріятно кушать его лукулловскіе завтраки, на которыхъ собирался весь дѣловой Петербургъ.

Зато, если про кого можно было открыто сказать, что беретъ взятки, такъ это про Алексѣя Христофоровича; онъ, ничѣмъ не

стѣсняясь, бралъ ихъ во всѣхъ видахъ, но непремѣнно крупныя, гомерическія, и только отшучивался: „если ѣсть свинину, такъ ужъ жирную“. Всѣ про это знали, однако никто не называлъ эти взятки взятками: онѣ назывались коммиссіей, гонораромъ, куртажемъ, паями и другими благородными словами, но не взятками, потому что Мироковецъ былъ человѣкъ независимый, а не служащій, не чиновникъ. Очень часто Алексѣй Христофоровичъ говорилъ своимъ „взяткодателямъ“, что беретъ столько-то именно себѣ, а такія-то и такія-то суммы—на долю разныхъ вліятельныхъ лицъ, которыхъ онъ даже не всегда называлъ по именамъ.

— Я тутъ являюсь только временнымъ „взяткодержателемъ“, —шутилъ онъ въ такихъ случаяхъ.

Дѣлился ли онъ дѣйствительно этими или меньшими суммами съ тѣми „взяткополучателями“, на которыхъ указывалъ, но успѣхъ дѣла, если въ немъ участвовалъ Мироковецъ, былъ всегда обезпеченъ, и это только еще болѣе поднимало авторитетъ Алексѣя Христофоровича въ глазахъ и дѣльцовъ, и „сферъ“. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ онъ не брался давать взятку самъ, а только указывалъ, какимъ путемъ, къ кому и съ какой взяткой слѣдовало обращаться.

Одной изъ характерныхъ чертъ Алексѣя Христофоровича, украшавшихъ его ореоломъ особенной дѣловитости и ума и дававшихъ поводъ ожидать, что онъ когда-нибудь, „когда придетъ его время“, займетъ видный постъ, было его фрондёрство. Онъ умѣло бранилъ, или—вѣрнѣе—побранивалъ, всѣ существующіе порядки и возмущался тѣмъ самымъ взяточничествомъ, благодаря которому устраивалъ свои дѣла. Доставалось отъ него и либераламъ, и консерваторамъ, и правящимъ, и управляемымъ. Въ одномъ случаѣ онъ бранилъ тормазы, рутину, бюрократизмъ, въ другомъ—косность, недостатокъ энергіи, выдержки, рознь, вѣчное ожиданіе какихъ-то благъ и благоустройства свыше и неумѣнье взяться и создать свое благосостояніе самимъ. Иногда онъ, подбадривая другихъ, намекалъ, что мы переживаемъ переходное время; иногда, напротивъ, впадалъ въ безнадежный пессимизмъ, мрачно смотрѣлъ на будущее Россіи и говорилъ:

— Все идетъ вѣрнымъ путемъ къ упадку, и по неволѣ дѣлаешься космополитомъ. А такъ какъ и въ Европѣ мало отраднаго, то умному и понимающему дѣло человѣку остается одно—жить въ интересахъ собственнаго „я“, держась принципа: après nous le déluge!

Иногда у него въ этихъ словахъ звучала иронія по адресу малодушныхъ, не умѣющихъ ждать, сохраняя чувство долга, или

дѣйствовать вопреки препятствіямъ; иногда же онъ просто давалъ волю своему безпринципному цинизму,—все въ зависимости отъ того, какое настроеніе требовалось вызвать въ слушателѣ для успѣха стоящаго на очереди дѣла. Если же кто-нибудь рѣшался иногда намекнуть ему, что еще небольшая заслуга всегда будировать и только будировать, онъ лукаво перефразировалъ знаменитую фразу:

— On ne boude pas, on se recueille.

— Il serait temps d'agir,—возражали ему.

— Mais c'est ce que nous faisons en nous recueillant,—улыбался Алексѣй Христофоровичъ.

И, когда надо было, онъ умѣло давалъ понять, что у него есть даже какая-то цѣлая партія, и всѣ охотно или съ извѣстной дозой сомнѣнія вѣрили ему, и Алексѣй Христофоровичъ былъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ—достаточно вліятельнымъ лицомъ во всѣхъ сферахъ, хотя и нигдѣ не имѣлъ непосредственной власти.

Все это давно и хорошо было извѣстно Павлу Константиновичу, и теперешнее молчаніе Мироковеца отчасти интриговало его, отчасти и радовало: онъ боялся, что непосредственный разговоръ съ Алексѣемъ Христофоровичемъ о предложеніи, сдѣланномъ ему Смолинымъ, могъ бы вызвать новыя осложненія, а желчное настроеніе и безъ того не покидало Павла Константиновича. Онъ самъ не зналъ, чего ему хотѣлось, какого именно удовлетворенія требовало нарушенное равновѣсіе его душевной жизни, но что-то говорило ему, что его отказомъ Смолину дѣло не кончено, что оно еще должно заявить о себѣ.

Всего болѣе раздражало его теперь то, что Смолинъ безъ всякаго повода вспомнился ему, когда рѣшался вопросъ о переѣздѣ на дачу. Дача у Пожарскаго была собственная, въ Павловскѣ, и такъ она надоѣла ему со всѣмъ складомъ дачной жизни и постоянными служебными поѣздками въ Петербургъ, что каждое лѣто онъ перебирался въ Павловскъ не иначе, какъ скрѣпя сердце. Нынѣче какъ-то особенно казался ему противенъ Павловскъ, а доктора къ тому же настойчиво посылали его на-воды за-границу и потомъ куда-нибудь на море.

Но поѣздка за-границу была бы сопряжена съ экстренными расходами, а расходовъ въ этомъ году было и безъ того довольно. Коля кончалъ курсъ въ кавалерійскомъ училищѣ и послѣ лагернаго сбора долженъ былъ быть произведенъ въ офицеры; нужно было покупать дорогую лошадь, обмундироваться — чего все это стоило! Осенью же и свадьба Оли—это вызывало рас-

ходы уже совсѣмъ экстраординарные. И Павелъ Константиновичъ начиналъ подумывать, гдѣ бы совершить удобный въ его положеніи заемъ. При мысли о неизбѣжныхъ въ такомъ дѣлѣ посредникахъ, Смолинъ, какъ коммиссіонеръ, не выходилъ у него изъ головы.

„Ужъ не загипнотизировалъ ли онъ меня? Не внушилъ ли мнѣ, что я долженъ взять его акціи"?—подсмѣивался самъ надъ собой Павелъ Константиновичъ. Но въ душѣ шевелилось скверное чувство отъ сознанія, что этотъ смѣхъ вызванъ искусственно, и что подлая мысль о сдѣланномъ ему Смолинымъ предложеніи, выскакивая откуда-то точно при надавливаніи на потайную пружину всякій разъ, когда дѣло шло о деньгахъ, превращалась теперь уже изъ мысли объ акціяхъ вообще въ мысль о точно обозначенной Смолинымъ *суммѣ*. И сумма эта такъ удобно распредѣлялась на всѣ экстренныя потребности этого года.

Когда уже начали приготовляться къ переѣзду на дачу, Павлу Константиновичу приснился даже скверный сонъ. Снилось ему, что, проснувшись утромъ на своей кровати, онъ видитъ: въ ногахъ у него, свернувшись на одѣялѣ колечкомъ, лежитъ большой, черный ужъ. Съ отвращеніемъ, хотя безъ испуга, сбросилъ онъ ужа на полъ; а тотъ, развившись, вытянулся и, опершись на хвостъ, всталъ передъ нимъ; и вдругъ оказывается, что у ужа голова Смолина; и смѣется она и кланяется; а ужъ все ростетъ и ростетъ, тянется кверху до самаго потолка, и наконецъ, подмигнувъ ему въ послѣдній разъ подъ самымъ потолкомъ, голова пронизываетъ потолокъ, а за ней втягивается туда и хвостъ—и Павелъ Константиновичъ просыпается.

„По ассоціаціи идей, мысль объ искушеніи",—подумалъ про этотъ сонъ Павелъ Константиновичъ, и съ отвращеніемъ плюнулъ.

Въ Павловскъ переѣхали рано. Дача Пожарскаго была зимняя, теплая, и Павелъ Константиновичъ, не имѣвъ возможности поѣхать за-границу, рѣшилъ теперь же начать питье прописанныхъ ему докторомъ минеральныхъ водъ у себя на дачѣ и пользоваться при этомъ систематическими прогулками въ паркѣ. Однако, служба заставляла его проводить значительную часть дня въ Петербургѣ, погода стояла холодная и сырая, питье водъ и прогулки не приносили пользы, а только дразнили, постоянно напоминая, что гдѣ-то тамъ, за-границей, есть и тепло, и голубое небо, и пріятныя впечатлѣнія. Здоровье Павла Константиновича становилось хуже; докторъ все настойчивѣе требовалъ перемѣны климата.

Какъ-то, уже вскорѣ послѣ переѣзда, совершая свою утреннюю прогулку по одной изъ отдаленныхъ аллей парка, Павелъ Константиновичъ наткнулся на Смолина, тоже, очевидно, гулявшаго. Не замѣтить Смолина было невозможно: онъ шелъ на встрѣчу и уже издали почтительно раскланивался. Павелъ Константиновичъ, въ душѣ пожелавъ ему провалиться въ преисподнюю, машинально отвѣтилъ на поклонъ, когда Смолинъ подошелъ къ нему.

— Прекрасный, рѣдкій день сегодня для прогулокъ, ваше превосходительство, — развязно заговорилъ Смолинъ, еще разъ приподнимая шляпу и, какъ подобаетъ независимому человѣку, поворачивая назадъ съ намѣреніемъ продолжать свою прогулку вмѣстѣ съ Павломъ Константиновичемъ.

Павелъ Константиновичъ машинально отвѣтилъ: „да“, но руки не подалъ.

— Ваше превосходительство изволите жить здѣсь ежегодно, —продолжалъ между тѣмъ Смолинъ, не то спрашивая, не то сообщая Пожарскому, что онъ это знаетъ.

— Да,—попрежнему—нехотя отвѣтилъ Пожарскій.

Смолинъ немного помолчалъ, какъ бы обезкураженный холодностью собесѣдника, но сейчасъ же овладѣлъ собой и съ обычной развязностью продолжалъ:

— Я прежде избѣгалъ Павловска, находилъ его и дорогимъ, и слишкомъ многолюднымъ для лѣтняго отдыха. Но теперь онъ мнѣ милъ, потому что я выгодно, по случаю, купилъ здѣсь дачу.

— Да? — на этотъ разъ уже искусственно равнодушнымъ тономъ спросилъ заинтригованный Павелъ Константиновичъ.

— Моя дача не далеко отъ дачи вашего превосходительства. Вы, вѣроятно, изволите знать ее.

Смолинъ назвалъ улицу и имя прежняго владѣльца.

„Чортъ его возьми!—подумалъ Павелъ Константиновичъ.— Да это... это, чортъ его подери, роскошнѣйшая дача“!—и невольно произнесъ:

— Знаю. Дорого дали?

Смолинъ сказалъ цифру и добавилъ, что покупка сдѣлана съ переводомъ долга.

— Сумма большая, — сказалъ Пожарскій: — но все-таки по дачѣ это очень, очень дешево.

— Кому же и покупать дешево, какъ не намъ, ваше превосходительство, — разсмѣялся Смолинъ: — за что-нибудь насъ „дѣльцами“ и ругаютъ. Вотъ я такъ ужъ, разумѣется, ее за такую цѣну не продамъ.

— А вы развѣ ее уже продаете?

— У насъ непродажнаго только жизнь, ваше превосходительство,—снова пошутилъ Смолинъ:—а остальное, все, что можно купить, можно и продать. Но собственно теперь я купилъ эту дачу не для продажи, а для себя.

„Однако, какія же у этого молодца должны быть средства! Эта дача много лучше моей“,— подумалъ Павелъ Константиновичъ и добавилъ:

— На широкую ногу устраиваетесь?..

Они дошли до перекрестка; Пожарскій повернулъ въ боковую аллею, Смолинъ послѣдовалъ за нимъ.

— Что же прикажете дѣлать, ваше превосходительство! — продолжалъ шутить Смолинъ, отвѣчая Пожарскому: — дѣла заставляютъ. У насъ вѣдь все для дѣла. Мнѣ нынче пришлось удачно поторговать бумагами, расширить кругъ кліентовъ, а теперь вотъ еще эта акціонерная компанія, гдѣ я однимъ изъ учредителей и будущихъ членовъ правленія. Ваше превосходительство не изволили забыть: я объяснялъ вамъ это дѣло...

— Да,. п... помню, — отвѣтилъ Павелъ Константиновичъ. Онъ хотѣлъ сказать: „припоминаю“, но это сейчасъ же показалось ему натяжкой, и онъ удержался. — Что же, это общество составилось?

— Окончательно, ваше превосходительство. Мы уже получили утвержденіе устава, и осенью открываемъ наши дѣйствія. Акціи уже расписаны по рукамъ, и мы надѣемся на быстрое повышеніе ихъ... И только условлено между учредителями, что еслибы, по обстоятельствамъ, въ интересахъ дѣла, понадобилось бы до осени ввести въ число акціонеровъ еще кого-нибудь, то каждый уступаетъ соотвѣтственную долю изъ своихъ акцій по номинальной цѣнѣ.

Эту тираду Смолинъ произнесъ уже съ нѣкоторой таинственностью, какъ бы давая понять Пожарскому, что если онъ еще желаетъ взять предложенныя ему акціи, то это можно устроить.

Павелъ Константиновичъ понялъ намекъ, но промолчалъ, и теперь оба шли молча. Смолинъ каждую секунду готовъ былъ пуститься въ подробнѣйшія объясненія, но находилъ болѣе удобнымъ выждать, пока Пожарскій самъ не задастъ ему какой-нибудь новый вопросъ. А Павелъ Константиновичъ уже сердился на самого себя. И зачѣмъ это онъ опять заговорилъ съ Смолинымъ? Добродушіе глупое! Первый попавшійся проходимецъ навяжется ему въ спутники, а онъ не умѣетъ оборвать его, отвязаться!..

Но, браня себя такимъ образомъ, Павелъ Константиновичъ чувствовалъ, что въ этой брани есть какая-то внутренняя ложь, что онъ какъ будто нарочно вызываетъ въ себѣ такое настроеніе, а въ дѣйствительности онъ не прочь бы удовлетворить свое любопытство и относительно того, кто акціонеры и по скольку акцій взялъ каждый изъ нихъ. Но уже разъ замолчавъ и настроивъ себя противъ этого разговора, онъ продолжалъ молчать, пока они не дошли до новаго перекрестка аллей.

— Ну-съ, мнѣ здѣсь домой, — сказалъ Павелъ Константиновичъ, желая отдѣлаться отъ Смолина; и чтобы рѣшительно удалить его, даже протянулъ ему на прощанье руку.

Смолину было бы по пути пойти съ Пожарскимъ къ дому; но онъ счелъ за лучшее не быть излишне навязчивымъ.

— А я еще долженъ зайти къ одному знакомому по дѣлу. Имѣю чѣсть кланяться, ваше превосходительство,—простился онъ, досадуя, что долженъ будетъ, спѣша домой къ завтраку, обогнуть лишнюю аллею.

IV.

У Пожарскихъ завтракали обыкновенно въ часъ. Сегодня, по случаю праздника и ожиданія изъ Петербурга гостей, нѣсколько запоздали.

Когда Павелъ Константиновичъ вошелъ въ калитку своего палисадника, до него уже долетѣлъ шумный говоръ съ террасы, выходившей по другую сторону дачи въ садъ. Слышался звонкій смѣхъ его любимицы Оли, кто-то съ кѣмъ-то спорилъ, кто-то что-то напѣвалъ.

— Папочка, папочка, вѣдь неправда, что всѣ гусарскіе полки сдѣлаютъ пѣхотными, неправда?—бросилась къ Павлу Константиновичу на шею Оля, едва онъ успѣлъ войти.

Павелъ Константиновичъ улыбнулся въ отвѣтъ и нѣжно поцѣловалъ дочь въ голову:

— Неправда, неправда, милая егоза, не вѣрь.

— Ну, вотъ видите, какой вы лгунъ!—шутливо надувъ губки, произнесла Оля, обращаясь къ молодому, красивому гусару, подошедшему тутъ же.

— Я говорилъ это для васъ, а не для Павла Константиновича, — смѣясь, отвѣтилъ гусаръ, поздоровавшись съ Пожарскимъ. — Павелъ Константиновичъ можетъ этого еще не знать, это можетъ быть еще государственная тайна. Я могъ довѣрить ее вамъ, какъ моей будущей женѣ, но даже и Павлу Констан-

тиновичу я не посмѣлъ бы сказать о ней, а вы выдали ее, — продолжалъ онъ шутить съ Олей.

— Подите, вы пустой шалунъ, какія у васъ государственныя тайны!

И Оля хлопнула его по рукѣ.

— Благодарю за аттестацію,—съ комической обидчивостью сказалъ гусаръ, дѣлая видъ, что онъ отходитъ въ сторону.

— Ну, ну! Не извольте и со мной шутить, какъ съ пятнадцатилѣтней—мнѣ уже скоро восемнадцать. Пожалуйте сюда! — настойчиво произнесла Оля, беря гусара за руку и увлекая его къ трельяжу.

А Павелъ Константиновичъ, посмотрѣвъ имъ вслѣдъ, улыбнулся двусмысленной улыбкой. Ну, развѣ можетъ милая, наивнодовѣрчивая Оля понять, какія чувства волнуютъ теперь ея отца! А у него каждый разъ при взглядѣ на ея жениха, на этого добраго, веселаго, во всѣхъ отношеніяхъ хорошаго малаго, закипаетъ въ душѣ чувство какого-то неопредѣленнаго озлобленія и обиды. Молодой человѣкъ ни въ чемъ не виноватъ передъ нимъ; но вѣдь онъ — Поль Черменецкій, родной племянникъ Алексѣя Христофоровича Мироковеца, его воспитанникъ — потому что круглый сирота — и наслѣдникъ всѣхъ его нажитыхъ взяточничествомъ капиталовъ! Пріятное родство для человѣка гордаго своей честностью!

Павелъ Константиновичъ и самъ не замѣтилъ, какъ это такъ вышло, что Оля сдѣлалась невѣстой Черменецкаго. Встрѣчи въ театрѣ, встрѣчи на балахъ, на скачкахъ, встрѣчи вездѣ, гдѣ встрѣчается „весь Петербургъ“ и гдѣ семья Пожарскихъ нерѣдко должна была присутствовать почти по долгу службы, замѣняя собой вѣчно занятого Павла Константиновича,—и молодые люди познакомились, сблизились; а рядомъ съ этимъ шли дѣловыя встрѣчи у дѣловыхъ людей, у самого Павла Константиновича съ Алексѣемъ Христофоровичемъ, и теперь отступленіе было совершенно невозможно—Оля уже любила своего жениха, а партію онъ представлялъ съ общественной точки зрѣнія завидную; предложеніе сдѣлано, согласіе дано, свадьба назначена уже на осень, по возвращеніи жениха изъ лагерей на зимнія квартиры въ Петербургъ.

Но все-таки Павелъ Константиновичъ не можетъ отдѣлаться отъ дурного чувства всякій разъ, когда думаетъ объ этомъ бракѣ; онъ поддается этому настроенію на нѣкоторое время и сегодня, несмотря на видимое оживленіе, съ которымъ онъ принимаетъ участіе въ разговорахъ своихъ гостей. Это были, впрочемъ, соб-

ственно не его гости, а гости его семьи: кромѣ жениха Оли, былъ еще молодой чиновникъ, изъ числа подающихъ надежды и ищущихъ способовъ осуществить ихъ, да двѣ барышни, подруги его дочерей, жившія тутъ же въ Павловскѣ, и наконецъ, его свояченица—вдова генерала, обремененная многочисленнымъ семействомъ и не имѣвшая другихъ средствъ, кромѣ пенсіи. Она жила въ Москвѣ и пріѣхала хлопотать о пособіи.

Завтракъ прошелъ весело и шумно. Оля спорила съ своимъ женихомъ; юный будущій драгунъ—сынъ Пожарскаго—Коля забавлялъ остроумными шутками своихъ сосѣдокъ барышенъ; Аня и Лёля шумѣли со старымъ, слѣпымъ дѣдомъ, сидѣвшимъ около нихъ на концѣ стола; хозяйка дома, Елена Петровна, распоряжалась завтракомъ, какъ опытный капельмейстеръ своимъ оркестромъ, и даже Марья Павловна, старшая дочь Пожарскаго, дѣвица чопорная, выпускала отъ времени до времени какое-нибудь не лишенное ѣдкаго остроумія замѣчаніе.

Павелъ Константиновичъ въ концѣ концовъ забылъ за этимъ семейнымъ завтракомъ всѣ свои заботы и гнетущія мысли.

Но онѣ, эти назойливыя мысли, снова овладѣли его душой, какъ только, вечеромъ, онъ остался одинъ. Послѣ обѣда Пожарскіе всей семьей проводили Поля Черменецкаго, а съ нимъ и Колю, на поѣздъ и хотѣли остаться на вокзалѣ слушать музыку; но вслѣдствіе дождя оркестръ игралъ сегодня внутри вокзала, а тутъ, среди густой воскресной толпы, было душно, тѣсно; и Пожарскіе при первомъ же перерывѣ дождя поспѣшили домой. Павелъ Константиновичъ съ своей стороны нисколько не жалѣлъ объ этомъ: гораздо больше, чѣмъ музыку оркестра, любилъ онъ слушать у себя дома тихіе аккорды рояля. И какъ только вернулись съ вокзала, сейчасъ же Марья Павловна и Оля, чтобы доставить отцу удовольствіе, сѣли играть въ четыре руки. Павелъ Константиновичъ ушелъ въ свой кабинетъ, закурилъ сигару и, полулежа на оттоманкѣ, сталъ вслушиваться въ какую-то новую, еще незнакомую ему пьесу. Но онъ плохо улавливалъ основную мелодію изъ-за безконечныхъ фіоритуръ аранжировки. Въ головѣ между тѣмъ совершалась безсознательная привычная работа, и чрезъ пять минутъ онъ уже снова думалъ о Смолинѣ и о своемъ благородномъ отказѣ отъ его предложенія, а еще чрезъ пять минутъ онъ плюнулъ и подумалъ:—Тьфу!.. Какое мелкое чувство!.. Пріятно, изволите ли видѣть, чувствовать на себѣ этакъ нѣкоторымъ образомъ вѣнецъ отличнаго поведенія. Пріятно самому себѣ повѣсить орденъ... „pour le mérite“!

Ему досадно, что эти размышленія прервали его благодуш-

ное настроеніе. И онъ бросилъ сигару и вышелъ изъ кабинета въ гостиную.

Остановившись въ дверяхъ и прислушиваясь къ музыкѣ, онъ нѣкоторое время съ любовью всматривается въ живую картину. Прямо передъ нимъ, за роялемъ, Оля и Маня, два олицетворенія красоты и въ то же время двѣ противоположности: одна—полная жизни, просыпающейся страсти, другая—блѣдная, спокойная. И тутъ же, недалеко отъ нихъ, на диванѣ, сидятъ двѣ фигуры, удивительно ихъ напоминающія, но только, состарившіяся—мать и тетка. А на другой сторонѣ, у окна—младшее поколѣніе—Аня и Лёля, и вмѣстѣ съ ними самый старый членъ семьи—дѣдъ.

И несмотря на то, что эта картина окутана холоднымъ полусумракомъ сѣвернаго майскаго вечера, отъ нея вѣетъ на Павла Константиновича тепломъ, и барабанящій въ оконныя стекла дождь только еще болѣе подчеркиваетъ теплоту настроенія въ гостиной.

Но ненастье, должно быть, дурно дѣйствовало на нервы маленькой Лёли — она капризничала и шумѣла, и дѣдъ напрасно старался унять ее, уговаривая слушать музыку. Увидавъ отца, Лёля вскочила и бросилась къ нему; побѣжала за ней и Аня. Онѣ обвились около отцовскихъ колѣнъ и кричали:

— Папочка, разскажи что-нибудь, разскажи что-нибудь!.

Павелъ Константиновичъ любилъ иногда разсказывать дѣтямъ сказки; но теперь ему не нравилось, что они мѣшаютъ музыкѣ, и онъ сталъ ихъ уговаривать сидѣть смирно.

— Ну, давай въ карты съ нами играть,—предложила ему Аня.

— Нѣтъ, и этого не хочу.

— Ахъ, дѣти, не надоѣдайте вы отцу! — остановила ихъ Елена Петровна:—дайте ему покой. Подите, играйте въ карты съ дѣдомъ.

— И въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ Павелъ Константиновичъ:—пойдемте, я васъ усажу.

И онъ досталъ изъ столика играную колоду, усадилъ дѣтей съ дѣдомъ по мѣстамъ, сдалъ имъ карты, а самъ опять ушелъ въ кабинетъ.

Но, оставаясь тамъ въ полумракѣ, онъ какъ будто еще живѣе чувствуетъ свою связь съ семьей, свою любовь къ женѣ и дѣтямъ; тамъ они представляются ему не только такими, какими онъ ихъ вотъ сейчасъ видѣлъ, но и въ ихъ прошломъ и ихъ будущемъ, со всѣми радостями... и со всѣми заботами о нихъ...

...Поль Черменецкій знаетъ, что за Олей онъ ни теперь, ни по наслѣдству не получитъ ни копѣйки. Это въ сущности очень успокоительно: есть основаніе быть увѣреннымъ, что невѣста искренно любима женихомъ, и что замужемъ она будетъ счастлива. Но... она дѣлается женой очень богатаго человѣка, и это налагаетъ на ея отца обязанность дать ей тѣмъ болѣе дорогіе туалеты и бездѣлушки, чѣмъ безкорыстнѣе любовь ея жениха. Настоящее разореніе!

...А тамъ еще Маня, старшая—Манѣ уже 24 года, она уже отказала двумъ женихамъ, казавшимся ей недостойными ни ея положенія, ни ея красоты... Что будетъ дальше?.. Пора, пора, охъ, пора бы ей замужъ!.. Она о себѣ слишкомъ высокаго мнѣнія... Да, она красива... Но эта красота какъ-то не привлекаетъ, въ ней что-то холодное, сухое, деревянное... Она слишкомъ занята собой, и поэтому не интересна для другихъ.

Павелъ Константиновичъ хотя и очень любилъ дочь, но всегда умѣлъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какъ люди могутъ относиться и къ нему, и къ каждому изъ членовъ его семьи.

И ему теперь думается, что Маню не легко будетъ выдать безъ денежнаго приданаго или, по крайней мѣрѣ, безъ того, чтобъ пристроить ея мужа на видное мѣсто съ солиднымъ окладомъ. Но мысль о протекціи, которую онъ долженъ будетъ оказать своему зятю, противна Павлу Константиновичу такъ же, какъ мысль о взяткѣ. А Маня еще все ждетъ чуть ли не принца!.. Такъ неужели обречь ее на участь старой дѣвы! Нѣтъ, онъ ни за что не хотѣлъ бы видѣть ее вѣчно около себя, вянущей, дѣлающейся желчной, влачащей сытое, но безцѣльное и безплодное существованіе на родительскихъ хлѣбахъ... Не по скупости не хотѣлъ бы онъ этого, а изъ жалости къ ней. Онъ любилъ дочь за тѣ качества, которыя были въ ней, которыя онъ зналъ въ ней не столько по ихъ проявленію, сколько по догадкѣ, по предчувствію ихъ существованія. Въ ней были честность и порядочность, иногда пробивался тонкій умъ, иногда злая иронія, иногда доброе сердце. Но все это иногда, все это случайными блестками на густомъ фонѣ лѣни и апатіи...

Потомъ соображенія Павла Константиновича перескочили на будущую судьбу его сына.

„Пока я живъ,—подумалъ онъ, — я могу поддерживать его въ его карьерѣ, могу, какъ это ни трудно, держать его въ гвардіи. Ну, а если...“

Если Коля останется безъ поддержки — это будетъ самый заурядный армейскій драгунъ—и больше ничего. Вѣдь и съ воен-

ной службой сына Павелъ Константиновичъ примирился, только убѣдившись, что на всякомъ другомъ поприщѣ его добрый, хорошій Коля въ общемъ конкурсѣ знаній и талантовъ всегда отставалъ бы.

У Павла Константиновича мелькнула мысль, что гдѣ-то онъ читалъ, что сыновья наслѣдуютъ свойства матери, а дочери—свойства отца.

И ему вспомнилось, какъ онъ полюбилъ Елену Петровну, какъ онъ женился на ней, какъ прожилъ съ ней жизнь, всѣ ея достоинства и недостатки.

...Она, какъ теперь ея дочери, тоже была безприданницей, да еще вдобавокъ не имѣла никакихъ, не только родовыхъ, но и чиновно-служебныхъ связей—дочь скромнаго провинціальнаго профессора. Но она какъ-то сразу располагала къ себѣ всѣхъ своей безпечностью и добротой. Она была красива и вмѣстѣ съ тѣмъ равнодушна къ своей красотѣ; увлекательная — она никогда не была кокеткой. Не было у нея и никакихъ дипломатическихъ талантовъ; и однако, она незамѣтно и ненамѣренно сыграла не малую роль въ служебной карьерѣ мужа во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ говорится не „cherchez la femme“, а „ce qu'une femme veut, Dieu le veut“. Всѣ ихъ близкія семейныя знакомства, доходя до самыхъ высшихъ, были заключены и прочно держались, благодаря главнымъ образомъ Еленѣ Петровнѣ. Ее любили въ семейныхъ кружкахъ, и еще прежде, чѣмъ она успѣвала попросить о чемъ-нибудь, ея высокопоставленныя пріятельницы уже хлопотали за ея мужа, подвигая его повыше да повыше, къ себѣ поближе, до тѣхъ поръ, пока, такимъ образомъ, Пожарскій самъ не сдѣлался „особой“. Но такъ какъ, во всякомъ случаѣ, главной причиной его возвышенія были его умъ, его таланты и нравственныя качества, то роль, сыгранная Еленой Петровной, оставалась долгое время никѣмъ не замѣченной. И самъ-то онъ лишь въ послѣдніе годы, наконецъ, понялъ, насколько дорога она была ему не только какъ жена, но и какъ опора при восхожденіи по ступенькамъ общественной лѣстницы.

...А было время, когда онъ, наоборотъ, скорѣе склоненъ былъ думать, что Елена Петровна слишкомъ мало заботится о поддержаніи вліятельныхъ связей; иногда это вызывало у него прежде даже легкую досаду. И если онъ не дѣлалъ ей за это никакихъ упрековъ, такъ только потому, что бывали, въ свою очередь, и другія минуты, когда онъ, сбрасывая съ себя свою чиновничью шкуру, отдавался порывамъ душевной свободы, хватался за чтеніе философскихъ книгъ и начиналъ преклоняться

предъ женой за отсутствіе у нея какого бы то ни было заискиванія и пройдошества, за ея беззаботность о почетѣ и богатствѣ. Онъ какъ-то особенно любилъ и уважалъ ее въ эти минуты; а онѣ являлись у него всякій разъ, когда его раздражало что-нибудь въ обществѣ, когда онъ наталкивался на низкопоклонничество, лесть, лицемѣріе... Какъ онъ бывалъ всегда благодаренъ ей въ эти минуты за то, что своей беззаботностью относительно ихъ общественнаго положенія и даже будущаго обезпеченія семьи она невольно поддерживала въ немъ духъ непоколебимой вѣрности долгу, гражданскимъ идеаламъ, всѣмъ тѣмъ „забытымъ словамъ", которыя онъ такъ твердо зналъ въ дни молодости и о которыхъ напоминалъ себѣ отъ времени до времени и на своемъ служебномъ пути.

... А вотъ теперь пришла скверная минута, когда по вѣдомству этихъ гражданскихъ идеаловъ приходится сдѣлать строгую ревизію, оглянуться на прошлое, подвести итоги.

...Правъ ли онъ былъ, что такъ же беззаботно, какъ и Елена Петровна, относился къ будущему? Забота о будущемъ не была ли долгомъ настоящаго? Чѣмъ меньшій срокъ остается для обезпеченія семьи, тѣмъ эта забота тяжелѣе. А оно, это ожидаемое будущее, можетъ наступить каждую минуту и застать его неподготовленнымъ. Теперь, умри онъ, онъ хоть не оставитъ долговъ; а вотъ уже понадобился заемъ, и если онъ не успѣлъ бы уплатить его, еслибъ вдругъ смерть захватила его неожиданно, онъ уже оставилъ бы въ наслѣдство семьѣ долгъ...

...Вотъ въ гостиной сидитъ свояченица, Ольга Петровна—она и посейчасъ не расплатилась съ долгами покойнаго мужа, да и едва ли когда-нибудь расплатится; ей ихъ до самой смерти хватитъ. А былъ честнѣйшій человѣкъ... отличный боевой генералъ... семьянинъ... и ужъ никакъ не расточитель!

...Да и помимо смерти: онъ уже испытываетъ затрудненія съ займомъ, а не явятся ли еще бо́льшія затрудненія, когда дѣло дойдетъ до уплаты?

...Положимъ, заемъ этотъ вызывается единовременными затратами на Олю и Колю—потомъ можно будетъ сократиться въ нѣкоторыхъ расходахъ и уплатить долгъ... пока не подростутъ Аня и Лёля... или пока не понадобится еще для Мани...

Павелъ Константиновичъ соображаетъ, что единственная крупная собственность, которою онъ владѣетъ, это вотъ эта его дача въ Павловскѣ. Но она уже и куплена-то была съ переводомъ значительнаго долга, и подъ вторую закладную дадутъ пустяки.

...А вексель—срочный вексель—ужасная штука! Онъ испыталъ еще въ юности гнетъ сравнительно ничтожнаго векселя и знаетъ, что̀ это значитъ.

...Но что̀ же дѣлать! Придется прибѣгнуть и къ векселю. Когда онъ былъ въ чинахъ пониже, ему случалось „перехватывать на короткое время“ у болѣе состоятельныхъ сослуживцевъ. Но тѣ времена давно прошли, теперь иногда „перехватываютъ“ у него, а такихъ денегъ, какія ему сейчасъ нужны, и перехватить было бы не у кого.

Мысль Павла Константиновича дѣлаетъ скачокъ: къ кому же, однако, обратиться, чтобъ занять эту сумму?

Нѣсколько извѣстныхъ дисконтеровъ вспоминаются ему. Но ѣхать къ нимъ самому, чтобъ *просить*... и получить... или не получить.

Его коробило это! Нѣтъ, посредникъ необходимъ.

Нельзя ли послать кого-нибудь изъ своихъ чиновниковъ?... Нѣтъ, нѣтъ,—это значитъ развращать подчиненныхъ и терять извѣстную долю своего престижа.

И въ самомъ дѣлѣ, отчего не воспользоваться Смолинымъ для этой цѣли?

„А если онъ подумаетъ, что это я теперь самъ напрашиваюсь на взятку“?

„Ну, и что̀ же—пусть его думаетъ!—отвѣчаетъ самъ себѣ Павелъ Константиновичъ.—Напротивъ, это еще лучше. Онъ видѣлъ, что я не взялъ его акціи, хотя деньги мнѣ и нужны“.

„Да, да,—думалъ онъ чрезъ минуту:—въ этомъ обращеніи къ нему будетъ хоть нѣкоторое оправданіе моего снисходительнаго отношенія къ нему послѣ того, какъ онъ осмѣлился предложить мнѣ взятку. Пусть онъ знаетъ, что я игнорирую то предложеніе... comme nulle et non avenue; а на него, какъ въ томъ случаѣ, такъ и теперь, смотрю просто какъ на маклера, какъ на посыльнаго... да“.

Но сейчасъ же Павлу Константиновичу приходитъ мысль, что отъ Смолина объ этомъ непремѣнно узнаетъ Алексѣй Христофоровичъ. Не отразится ли это какъ-нибудь на Олѣ? Впрочемъ, что-жъ, вѣдь они знаютъ, что за Олей ничего нѣтъ, а какое имъ дѣло до его собственныхъ денежныхъ дѣлъ. Пустяки!

...О чемъ приходится думать, что̀ взвѣшивать, чего бояться!..

...А развѣ онъ, когда давалъ согласіе на бракъ Оли съ его племянникомъ, взвѣшивалъ, что Мироковецъ—взяточникъ? Развѣ онъ думалъ о томъ, что благосостояніе его дочери и его внуковъ

будетъ основано на капиталахъ, которые они со временемъ могутъ унаслѣдовать отъ взяточника?

...Да, думалъ. Эти сомнѣнія и тогда шевелились въ его душѣ. Ну и что-жъ! Онъ долженъ былъ заглушить ихъ въ самомъ зародышѣ. Оля ни минуты не сомнѣвалась въ его согласіи, и развѣ могъ онъ разрушать ея счастье своимъ отказомъ? И во имя чего? Чего достигъ бы онъ этимъ? Кого исправилъ бы онъ? Кому принесъ бы пользу? Мироковецъ нашелъ бы другую невѣсту племяннику, и не задумался бы ни одной секунды ни предъ одной новой взяткой... Оля въ лучшемъ случаѣ примирилась бы съ другимъ женихомъ, быть можетъ, менѣе любимымъ и менѣе безкорыстнымъ въ любви къ ней; а въ худшемъ—это было бы для нея ударомъ, оставляющимъ слѣдъ на всю жизнь... Это могло бы озлобить ее, озлобить или противъ семьи, или противъ всего общественнаго строя, заразить ее пессимизмомъ.

...Что̀ сказалъ бы онъ ей въ оправданіе своего отказа? Что дядя ея жениха—взяточникъ. „Зачѣмъ же вы были знакомы съ нимъ, зачѣмъ съ почетомъ принимали его, зачѣмъ возили меня къ нему въ домъ“? Онъ нужный человѣкъ. „Значитъ, вы сами брали взятку, пользуясь его вліяніемъ для вашихъ нуждъ“? Наивная юная душа никогда не пойметъ той паутины компромиссовъ, въ которой мы путаемся, какъ мухи, въ которой мы бьемся и боремся, пока паукъ—общество—не задушитъ насъ. Вѣдь ужъ если правду говорить, такъ надо было совсѣмъ не пускать свою семью въ подобное общество. А какъ выбрать безупречныхъ людей, гдѣ, въ какой средѣ? Много ли такихъ, которые не возьмутъ, когда имъ предложатъ? Не гораздо ли больше такихъ, которые не берутъ только потому, что никто не предлагаетъ, ибо не за что? И чѣмъ эти лучше и нравственнѣе тѣхъ, которые уже взяли, потому что имъ за что-то дали?

...И развѣ доказано, что Алексѣй Христофоровичъ беретъ взятки? Это *извѣстно*, но *не доказано*. Да и при его независимомъ положеніи его взятки—не взятки.

...Да и наконецъ, у Поля Черменецкаго свое состояніе... Что̀ же, сказать, чтобъ онъ не бралъ наслѣдство дяди? Развѣ возможно не только заставить отказаться отъ этого наслѣдства, но даже и *сказать* это,—развѣ это возможно?

...А и то наслѣдство, которымъ уже владѣетъ Поль,—кто знаетъ, какими путями оно первоначально добыто? О, еслибъ хорошенько покопаться въ родословной разныхъ богатствъ, сколько изъ нихъ оказались бы замаранными! Такъ можно дойти и до полнаго отрицанія богатства вообще.

„Ну, а еслибъ я принялъ отъ Смолина ихъ акціи, — подумалъ Павелъ Константиновичъ:—какими глазами посмотрѣлъ бы на меня тогда Алексѣй Христофоровичъ“?

Павлу Константиновичу сдѣлалось какъ-то не по себѣ при этой мысли, потомъ явилось смутное сознаніе, что Мироковецъ потому и послалъ къ нему Смолина,—если только дѣйствительно онъ его послалъ,—что не рѣшился самъ поговорить съ нимъ. Циникъ, не стыдящійся своей не совсѣмъ чистоплотной дѣятельности, спасовалъ однако, когда приходилось встать лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, мнѣніемъ котораго онъ дорожитъ и въ честности котораго онъ увѣренъ. Да, Мироковецъ потому и уважаетъ его, что чувствуетъ его нравственное превосходство надъ собой. Можетъ быть поэтому-то и къ женитьбѣ племянника на его безприданницѣ Олѣ онъ отнесся съ такимъ горячимъ сочувствіемъ.

„Но я-то, я-то, — подумалъ Павелъ Константиновичъ:—до чего я палъ, что долженъ радоваться сочувствію взяточника и безпокоиться о томъ, что̀ онъ подумаетъ обо мнѣ и моей дочери, если узнаетъ, что я ищу занять денегъ на что бы то ни было за нѣсколько мѣсяцевъ до ея свадьбы“!

„Ну и пусть думаетъ, что̀ хочетъ, пусть!—послѣ минутнаго раздумья говорилъ онъ самъ себѣ, выпуская къ потолку энергичные клубы сигарнаго дыма.—Если изъ-за этого даже свадьба разстроится,—пусть! Я-то объ этомъ ужъ, конечно, не пожалѣю! Я не рѣшился отказать жениху, чтобъ не огорчить Олю, но если это огорченіе произойдетъ не отъ меня, а отъ нихъ, если она озлобится не на меня, а на нихъ, я ничего не потеряю, я выиграю... Моя дочь будетъ возвращена мнѣ... и я съумѣю утѣшить ее, я ей покажу, какова та среда, куда... куда я теперь добровольно ее отпускаю! О, тысяча противорѣчій“!

Павелъ Константиновичъ чувствовалъ, какъ его раздражала невозможность выбраться изъ этого, имъ самимъ созданнаго, лабиринта; чувствовалъ, что онъ почти готовъ предаться на волю теченія обстоятельствъ и искать выхода въ спасительномъ, но и позорномъ оппортунизмѣ. И чтобъ уйти отъ самого себя, онъ рѣшительнымъ движеніемъ руки притушилъ въ пепельницѣ закуренную сигару, всталъ и пошелъ въ гостиную къ семьѣ.

Но еще прежде, чѣмъ онъ успѣлъ дойти до дверей, къ нему въ кабинетъ съ плачемъ вбѣжала маленькая Лёля и, по обыкновенію, охвативъ ручонками его колѣно, горько жаловалась:

— Папочка, дѣда плутуетъ! Папочка, милый, дѣда плутуетъ!

Павелъ Константиновичъ съ улыбкой наклонился къ ребенку,

взялъ Лёлю на руки и, цѣлуя дочурку, участливо спросилъ ее успокаивающимъ тономъ:

— Что ты, милочка, кто тебя обидѣлъ, дѣвочка? Хорошая моя, не надо плакать, не надо.—Но Лёля, прижавшись къ плечу отца своей русой кудрявой головкой, продолжала всхлипывать.

— Ну, попикай, попикай,—шутливо поощрялъ ее Павелъ Константиновичъ:—попикай немножко, а потомъ и скажешь мнѣ, чѣмъ тебя дѣдушка обидѣлъ.

Это поощреніе поплакать всегда дѣйствовало на Лёлю успокоительно, и она и теперь сразу перестала всхлипывать и только полными слезъ черными глазенками смотрѣла на отца, немного оттопыривъ свои смоченныя слезами губки.

Павелъ Константиновичъ, неся ее на рукахъ, вышелъ съ нею въ гостиную.

— Спать ты, Лёлечка, хочешь, вотъ и раскапризничалась,—сказала мать, не вставая съ дивана.

— Марья Васильевна, пора ихъ укладывать,—обратилась она къ появившейся на плачъ ребенка боннѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы еще съ дочкой для праздника чайку вмѣстѣ попьемъ,—сказалъ Павелъ Константиновичъ подошедшей было къ нему боннѣ.—А прежде вотъ еще съ дѣдушкой помиримся. Въ чемъ дѣло?—сказалъ онъ, подойдя къ столу, гдѣ сидѣли Аня и дѣдъ.

— Да вотъ внучка заподозрила меня, что я ихъ обыграть хочу,—смѣясь, сказалъ старикъ.

Оказалось, что дѣдъ и внучки сыграли благополучно нѣсколько партій въ никому невѣдомую игру; сдавали карты всѣмъ поровну, брали взятки—всѣ поровну, чинно по порядку, другъ за другомъ, внучки сами подсовывали дѣдушкѣ карты, если онъ не сразу нащупывалъ ихъ на столѣ, и все шло къ общему удовольствію до тѣхъ поръ, пока слѣпой дѣдъ какъ-то по ошибкѣ не повернулъ сданныя ему карты крапомъ къ себѣ, а фигурами наружу. Не понимая, въ чемъ дѣло, Лёля, уже утомленная игрой, заподозрила въ этомъ какое-то коварное ухищреніе со стороны дѣда, разревѣлась и, по обыкновенію, побѣжала къ отцу искать справедливости и защиты.

— Я говорю дѣдушкѣ: дѣдушка переверни карты,—объясняла Аня:—а онъ говоритъ: „нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ“!—и прижалъ ихъ къ груди. Лёля хотѣла ихъ повернуть, потянулась, а онъ не даетъ, она и заплакала.

— Ахъ ты, дѣвочка моя хорошая,—приласкалъ Павелъ Константиновичъ Лёлю.—Да вѣдь дѣдушка не хотѣлъ тебя обма-

нуть, онъ самъ ошибся, а то развѣ можно карты показывать. Ну, помирись съ дѣдой! — сказалъ онъ, поднося Лёлю къ старику.

— Ну, внучка, обидѣла стараго дѣда понапрасну, да ужъ Богъ съ тобой. Ужъ посердился бы я на тебя, еслибъ это было днемъ. А то что̀ ужъ тебя на сонъ грядущій обижать.

Дѣдъ протянулъ ей руки, и Лёля, все еще молчаливая и обиженная, пошла къ нему на колѣни.

— Ну, хочешь еще играть?—спросилъ дѣдъ.

Но ребенокъ, склонивъ на грудь дѣда свою головку, молчалъ и задумчивыми глазами смотрѣлъ на отца.

— Она дѣйствительно спать хочетъ, — обратился Павелъ Константиновичъ къ женѣ.

— Чай готовъ,—отвѣтила на это Елена Петровна, подходя къ нимъ.—Идемте въ столовую.

— Ну, дѣти, маршъ!—скомандовалъ Павелъ Константиновичъ.

Аня повела за руку слѣпого дѣда́, а дѣдъ понесъ на рукахъ Лёлю.

За чаемъ общее вниманіе сосредоточила на себѣ сестра Елены Петровны. Старая генеральша все время разсказывала о своихъ дѣтяхъ, просила Павла Константиновича похлопотать о переводѣ младшаго изъ того заведенія, гдѣ онъ учился, въ другое, плакалась на средняго, что онъ плохо учится, жаловалась на здоровье дочери, на свое, на бѣдность, на трудность жизни. Павлу Константиновичу все это было давно знакомо, и онъ неохотно слушалъ ее. Въ чемъ могъ, онъ всегда ей помогалъ, давая и денегъ, но разглагольствованій не любилъ. При теперешнемъ же его настроеніи ея разговоры становились для него просто невыносимыми. Они косвеннымъ образомъ какъ будто подчеркивали всѣ тѣ темныя стороны его собственной необезпеченности, которыя онъ разглядѣлъ только въ послѣднее время. Павелъ Константиновичъ любилъ въ кругу своей семьи забываться отъ всякихъ заботъ, любилъ дѣтскія шалости, любилъ дѣтскую невинную болтовню; поэтому и маленькія Аня и Лёля всегда сидѣли за общимъ столомъ, и отецъ обыкновенно шутилъ съ ними все время. Сегодня, благодаря іереміадамъ генеральши, онъ былъ лишенъ этого удовольствія. Но однимъ ухомъ слушая ее, онъ не упускалъ изъ виду и того, что̀ дѣлалось на другомъ концѣ стола, гдѣ дѣти, которымъ, вмѣсто чаю, давалось молоко, весело шумѣли съ сестрой Олей, замѣнившей имъ теперь компанію дѣда; старикъ за ѣдой по обыкновенію молчалъ, весь уходя въ заботу, чтобъ по слѣпотѣ не пролить чай, не пронести кусокъ мимо рта.

Продолжая разсѣянно слушать генеральшу, Павелъ Константиновичъ замѣтилъ, что у дѣтей не хватило булокъ, и, взявъ стоявшую передъ нимъ корзинку, онъ протянулъ ее дѣтямъ; но, еще не отдавая ея, съ вызывающей улыбкой произнесъ:

— Грачи!

Это было извѣстнымъ сигналомъ.

— А! А! А! А! А! А!—закричали на разные голоса, какъ молодые грачи или галчата, Аня и Лёля.

А потомъ, когда дѣти кончили свой ужинъ, онъ, улыбаясь же, обратился къ нимъ съ обычной заученной ими репликой:

— Ну, теперь, дѣти, когда молоко допито, надо..?

— Вставать,—отвѣтила Аня.

— Мо...—началъ Павелъ Константиновичъ.

— ...ментальио,—докончила Аня.

— ...ально,—вторила за ней Лёля.

— ...И прощаться на...

— ...турально.

— ...И убѣгать безъ...

— ...оглядки!

— ...ядки!

— Раздѣваться без...

— ...помощно!

— И засыпать без...

— ...поворотно.

— ...по-во-ротно,—вторила Леля.

— Ну, маршъ!—скомандовалъ Павелъ Константиновичъ.

Дѣти съ радостнымъ смѣхомъ вскочили изъ-за стола и подошли къ отцу и матери прощаться.

Проводивъ ихъ любящимъ взглядомъ, когда они побѣжали въ дѣтскую, Павелъ Константиновичъ подумалъ про себя: „Первѣйшая насущная потребность каждаго человѣка—потребность въ радости. И какъ въ сущности мало, какую бездѣлицу надо иногда, чтобъ создать истинную радость“!

V.

Долго не могъ заснуть Павелъ Константиновичъ въ эту ночь. Спальня его жены была по сосѣдству съ дѣтской, а Павлу Константиновичу стлали постель въ его кабинетѣ на складной оттоманкѣ-кровати. Такимъ образомъ, занимаясь иногда поздно ночью, онъ никому не мѣшалъ, и его ничто не развлекало.

Но сегодня онъ и не думалъ заниматься: онъ сегодня не спалъ послѣ обѣда, и поэтому, простившись съ домашними, по дачному, довольно рано, ушелъ къ себѣ, раздѣлся и легъ и взялъ первую попавшуюся на ночномъ столикѣ книгу.

Но чтеніе не шло. Онъ опустилъ книгу и задумался.

Не Смолинъ ему вспомнился,—хотя онъ чувствовалъ, что за каждой мыслью, которая у него теперь являлась, стояла тѣнь Смолина,—вспомнилъ Павелъ Константиновичъ съ улыбкой о томъ, какъ Лёля прибѣжала къ нему жаловаться, что „дѣда плутуетъ“.

„Откуда у ребенка это понятіе о плутовствѣ, это слово?.. Слово, положимъ, слышала. Но почему ребенокъ-крошка думаетъ, что это нехорошо, если его обманутъ? Вѣдь чтобъ понять это—это цѣлый рядъ послѣдовательныхъ размышленій. А она, даже не понимая, въ чемъ плутовство, чувствуетъ, что ее обидѣли?.. И о чемъ она плачетъ—о нанесенной ли ей обидѣ, или ей горько, что дѣдъ, котораго она любитъ, оказался плутомъ? Откуда у нея это? Наслѣдственное, что-ли?..

„А что если бы она узнала и поняла, что отецъ сталъ плутомъ?!

„Что подумала бы объ этомъ жена и мой старикъ отецъ“?..

. . . . . .

„И съ чего это я вдругъ задаю себѣ такіе вопросы? Точно и въ самомъ дѣлѣ взятку собираюсь взять“! — съ досадой оборвалъ себя Павелъ Константиновичъ.

Онъ погасилъ свѣчу и повернулся на лѣвый бокъ, намѣреваясь уснуть.

Но проклятые вопросы снова лѣзли въ голову, принимая теперь во мракѣ болѣе опредѣленные образы. Длинная фигура Смолина, вытянувшись какъ будто еще длиннѣе, стояла передъ нимъ, и Павелъ Константиновичъ непріязненно поднималъ на него глаза снизу вверхъ и какъ будто разговаривалъ съ нимъ.

А кушъ акцій начинаетъ вдругъ снова дразнить его воображеніе. Совсѣмъ не желая думать о нихъ, Павелъ Константиновичъ какъ будто видитъ предъ собой пачку какихъ-то бумагъ въ рукахъ Смолина и какъ будто старается разглядѣть ихъ рисунокъ. Это не сонъ, не бредъ.

Павелъ Константиновичъ ясно чувствуетъ, что онъ не спитъ, что не можетъ уснуть,—это какія-то безвольныя мечтанія.

И въ самомъ дѣлѣ, какой будетъ внѣшній видъ этихъ акцій?

Павлу Константиновичу представляются какія-то цвѣтныя виньетки, но онъ не можетъ уловить ихъ очертаній. Не все ли равно!

Да въ сущности изъ-за чего онъ топорщится? приходитъ ему въ голову вопросъ. Что казну обкрадываютъ или собираются въ милліонъ-сто-первый разъ обокрасть? Такъ вѣдь на законномъ основаніи! Почему же это онъ долженъ по совѣсти идти вопреки законамъ, когда всѣ безсовѣстнымъ образомъ дѣйствуютъ по закону? Не глупо ли это съ его стороны, это донъ-кихотство! Вѣдь и ему самое это общество могли представить въ такомъ законно-благовидномъ видѣ, что онъ ни минуты не задумался бы содѣйствовать ему. Съ ихъ стороны это былъ только ошибочный ходъ, что они вздумали привлечь его, заинтересовавъ его участіемъ въ качествѣ акціонера. Они достигли противоположнаго результата.

И теперь уже на зло имъ онъ намѣренъ самымъ рѣшительнымъ образомъ встать поперекъ дороги этому акціонерному обществу.

Но за что же? За то, что они хотѣли сдѣлать его участникомъ? Да вѣдь они только хотѣли доставить ему выгоду! Законно ли, нравственно ли будетъ преслѣдовать ихъ за свою личную обиду, за то, что они намѣревались дать ему взятку, когда они могли обойтись и безъ этого? По долгу, по совѣсти, онъ долженъ забыть это и не принимать этого въ разсчетъ, если требованія этого общества, если ихъ предложенія услугъ казнѣ будутъ законны. И онъ долженъ будетъ если не содѣйствовать имъ, то не противиться, хотя бы сто разъ сознавалъ, что всѣ они подлецы и набиваютъ казенными деньгами свои карманы на законномъ основаніи.

— А другіе всѣ возьмутъ и будутъ содѣйствовать,—съ горькой усмѣшкой думалъ Павелъ Константиновичъ:—будутъ даже, гдѣ нужно и можно, прямо и косвенно оказывать давленіе и на меня въ пользу ихъ дѣла. И я буду по прежнему пожимать имъ руки и звать ихъ „превосходительствами“!

Павелъ Константиновичъ чувствуетъ, что уснуть ему не удастся такъ скоро, какъ онъ хотѣлъ. Привычка работать по ночамъ держитъ мозгъ его въ напряженномъ состояніи, и онъ уже и не старается уснуть, а даетъ волю своимъ мыслямъ.

— Мнѣ не нравится, что эти акціонеры намѣреваются поживиться, между прочимъ, на казенныхъ подрядахъ,—анализировалъ теперь Павелъ Константиновичъ уже болѣе спокойно свои отношенія къ взволновавшему его вновь учреждаемому обществу:—но почему именно мнѣ это не нравится? Вѣдь выгоды акціонеровъ еще не означаютъ прямой убытокъ казны. Не можемъ же мы желать, чтобы они разорялись ради казенныхъ сбе-

реженій, которыя въ общемъ государственномъ бюджетѣ потонутъ, не оставивъ даже слѣда на поверхности? Откуда же у меня такое безпричинное недоброжелательство къ этимъ дѣльцамъ?.. Не говоритъ ли это во мнѣ наша русская, вѣками укоренившаяся, привычка смотрѣть на людей богатѣющихъ—какъ на людей непремѣнно кого-то грабящихъ! Любопытно бы прослѣдить историческое развитіе этого взгляда. Быть богатымъ рантьѣ и давать 1% своего дохода на благотворенія, поддерживая тунеядство нищихъ—почетно; богатѣть и давать 80% своего оборота рабочимъ, предотвращая нищенство—предосудительно. Не абсурдъ ли такой взглядъ? Мы все какъ будто боимся, чтобы въ Россіи не развелось слишкомъ много богатыхъ людей, и все стремимся не содѣйствовать личному обогащенію, а ставить ему препятствія. Оттого мы такъ и бѣдны, что у насъ всякая предпріимчивость—чуть ли не синонимъ грабительства. А въ то же время хнычемъ, что этой предпріимчивости нѣтъ, и что мы отдаемъ въ руки иностранцевъ наши естественныя богатства. Попробуйте-ка все затормазить на началахъ самой полной справедливости и честности—и все обѣднѣетъ, все вымретъ. Еще вѣдь вопросъ, что̀ хуже: плутовство или мертвое бездѣйствіе. Да нѣтъ, даже и не вопросъ, потому что несомнѣнно жизнь лучше смерти. Не даромъ же у купцовъ говорятъ про приказчиковъ: „воруй, да чтобы хозяину польза была“.

Рядъ этихъ мыслей вызываетъ теперь у Павла Константиновича желаніе теоретически оправдать взятку вообще. Самъ-то онъ, разумѣется, и не думаетъ серьезно сдѣлать такую гнусность! Но надо же хоть попробовать уяснить себѣ, такъ ли ужъ, дѣйствительно, цѣнно его воздержаніе.

„Да, въ самомъ дѣлѣ, почему не взять“?—задаетъ онъ себѣ вопросъ. Почему не „взять“, когда отъ этого никому худо не будетъ, а будетъ и ему, и нѣкоторымъ другимъ хорошо, и ничьи интересы не пострадаютъ, а развѣ пострадаетъ престижъ отвлеченнаго принципа, и окажется, что онъ, Павелъ Константиновичъ Пожарскій, не всегда безусловно строго держался общепризнанной, но не общепринятой морали. Вѣдь безусловнаго ничего нѣтъ на свѣтѣ, и мораль существуетъ для человѣка, а не человѣкъ для морали. Quod non licet bovi licet Jovi. Въ этомъ дѣлѣ *можно* взять, а въ другомъ можетъ-быть нужно будетъ отказаться. Притомъ же вѣдь если онъ теперь свои выгоды и выгоды еще нѣсколькихъ другихъ лицъ принесетъ въ жертву голому принципу морали, то и эту жертву нельзя назвать безкорыстной. Вѣдь чрезъ нее онъ хочетъ возвыситься надъ этими

другими, хочетъ на счетъ ихъ нравственнаго убожества возвеличить свое нравственное достоинство. Гордыня! Тоже одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ. Покрасоваться хочется. А не самъ ли онъ всегда говорилъ, что афишировать свое нравственное превосходство такъ же смѣшно, какъ драпироваться въ испанскій плащъ и принимать пластическія позы...

„А взятка взяткѣ рознь,—продолжалъ Павелъ Константиновичъ обсуждать этотъ вопросъ теперь уже съ такимъ хладнокровіемъ, какъ будто дѣло вовсе не его касалось.—Можно и безъ взятокъ быть вреднымъ администраторомъ, а можно и взятки брать, и общему процвѣтанію способствовать. По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй“! Сколько есть всѣми признанныхъ маленькихъ слабостей, которыя приносятъ больше зла, чѣмъ многіе изъ всѣми караемыхъ пороковъ. Вотъ все кричатъ, что нужны международныя репрессаліи противъ княжества Монако, что нужно закрыть этотъ разбойничій притонъ, потому что тамъ ежегодно бываетъ столько-то самоубійствъ. А по-моему, глупо обращать не только международное, а и единичное вниманіе на это. Кто тутъ страдаетъ? Нѣсколько глупцовъ, въ руки которыхъ случайно—всегда случайно, а не по праву труда—попали деньги; деньги эти перейдутъ чрезъ рулетку въ другія, болѣе умѣлыя руки—вотъ и все. Статистика говоритъ о самоубійцахъ и никогда не говоритъ о тѣхъ, кто, случайно выигравъ въ рулетку, съ этихъ денегъ, какъ говорится, жить пошелъ. Стоитъ ли опекать дураковъ. Вѣдь дѣльцы и капиталисты не лѣзутъ, какъ мотыльки, на этотъ огонекъ. А вотъ посчитали бы хорошенько, сколько рабочихъ часовъ проигрывается въ Россіи въ винтъ по маленькой. Вѣдь что такое деньги? — Символъ извѣстнаго накопленія рабочихъ часовъ труда. Ну-ка, переведите-ка на деньги время, занятое въ Россіи картами!—Милліарды получатся. Вотъ гдѣ наше разореніе, вотъ гдѣ зло, противъ котораго нужны самыя строгія репрессаліи. А если къ этимъ милліардамъ убытка отъ потери времени прибавить еще все то косвенное зло, которое несетъ страна отъ застоя всякой дѣятельности отъ недобросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей всѣми, кто отдается картамъ, кто будто бы посвящаетъ имъ досугъ, а въ сущности досугъ отъ картъ посвящаетъ дѣламъ? Какая ужасающая картина получилась бы отъ такой статистики“!

Ненависть къ картежникамъ была „маленькой слабостью“ Павла Константиновича и появлялась у него на сцену всякій разъ, когда надо было оправдать какое-нибудь другое общественное явленіе. Даже Алексѣю Христофоровичу онъ труднѣе про-

щалъ его страстишку винтить по маленькой, чѣмъ его взятки, благодаря которымъ Мироковецъ, въ глазахъ Павла Константиновича, провелъ въ жизнь много большихъ дѣлъ, вдохнулъ душу не въ одинъ десятокъ предпріятій.

Какъ только вспомнился теперь Павлу Константиновичу Мироковецъ, его мысль отъ отвлеченныхъ разсужденій перенеслась сразу на конкретный фактъ.

„А что—вѣдь легко можетъ быть, что Алексѣй Христофоровичъ рекомендовалъ Смолину обратиться ко мнѣ съ предложеніемъ акцій именно въ тѣхъ видахъ, чтобъ дать мнѣ нажить вѣрнымъ и совсѣмъ невиннымъ образомъ крупный кушъ“,—подумалъ Павелъ Константиновичъ.

„Быть-можетъ Алексѣй Христофоровичъ именно порадѣлъ мнѣ, какъ отцу невѣсты своего племянника, и быть-можетъ, именно по этой причинѣ поделикатничалъ сдѣлать это предложеніе самъ и не упоминаетъ о немъ теперь“?

„И все-таки это скверно!—чрезъ минуту отвѣтилъ онъ себѣ на этотъ вопросъ.—Что это за подачки такія! Я заработываю свои средства—и большія средства—честной службой государству, и баста! Пусть даже Алексѣй Христофоровичъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и даже порокахъ, человѣкъ тоже въ своемъ родѣ полезный—допустимъ даже и это,—но у насъ съ нимъ разныя функціи... и разныя репутаціи“!

А черезъ часъ Павелъ Константиновичъ, все еще не засыпая, уже думалъ:

„Какое это, собственно говоря, тяжелое бремя—имѣть хорошую репутацію! Едва ли кому-нибудь приходило въ голову, сколько это причиняетъ всякихъ стѣсненій и какъ жметъ этотъ сапогъ. Въ большинствѣ случаевъ репутація того или другого рода составляется не столько въ силу присущихъ ея носителю свойствъ, сколько въ силу излюбленныхъ идеаловъ того круга, въ которомъ она составилась. Моя хорошая репутація—это не *я*, это *ихъ* мнѣніе обо мнѣ. Конечно, извѣстная доля приписываемыхъ мнѣ хорошихъ свойствъ у меня есть, какъ есть и доля дурныхъ. И тѣ, и другія съ самаго начала вложены въ меня природой. Но ихъ развитіе и примѣненіе къ жизни идетъ уже не по моему желанію и не въ моихъ интересахъ, а подъ давленіемъ навязанной мнѣ обществомъ репутаціи... какъ подъ давленіемъ того же общества мнѣ было навязано извѣстное воспитаніе. И хорошая репутація является въ большинствѣ случаевъ прекраснымъ имѣніемъ, требующимъ огромныхъ заботъ и не приносящимъ почти никакого дохода. Моя хорошая репутація—это домъ, гдѣ

я являюсь домовладѣльцемъ, а мнѣнія постороннихъ, иногда непріятныхъ мнѣ людей—жильцами. Извольте угодить каждому! Извольте заботиться, чтобъ они не загрязнили квартиръ, не перессорились между собою и, наконецъ, смрадомъ и гамомъ, исходящими изъ ихъ жилищъ, не выжили изъ дому и самого домовладѣльца. Чѣмъ больше домъ, чѣмъ популярнѣе человѣкъ, тѣмъ страшнѣе гнетъ заботы. О, хорошая репутація,—ты такъ же тяжела, какъ и дурная. Блаженны нищіе, блаженны неимѣющіе никакой репутаціи"!

„...Добродѣтели!.. Что такое ихъ добродѣтели?—восклицалъ Павелъ Константиновичъ чрезъ минуту. Чаще всего это тоже фиктивныя цѣнности, раздутыя акціи, пущенныя въ обращеніе кружкомъ учредителей, извлекающимъ изъ нихъ наибольшую долю выгодъ. О, они очень хорошо знаютъ, эти учредители, какое значеніе имѣютъ эти красиво отпечатанныя и настойчиво рекламируемыя бумажки! А тупая толпа, не умѣющая относиться критически ни къ чужимъ словамъ, ни къ своимъ чувствамъ, хватаетъ ихъ на вѣру, радуется красивымъ картинкамъ и получаемымъ на первыхъ порахъ процентамъ. Она и не думаетъ, что эти проценты выплачиваются изъ самаго капитала. Да, изъ самаго капитала, потому что Ницше правъ, говоря, что быть добродѣтельнымъ—это значитъ убивать въ корнѣ самую жизнь...

„Если же и проценты перестаютъ давать, толпа продолжаетъ вѣрить, что со временемъ, гдѣ-то и когда-то, получитъ сторицею. И только когда она уже окончательно убѣждается, что кругомъ обобрана, тогда она съ азартомъ вымещаетъ свою довѣрчивость и глупость на ни въ чемъ неповинныхъ красивоотпечатанныхъ бумажкахъ, рветъ въ клочки всѣ прекрасныя добродѣтели, топчетъ ихъ ногами... А потомъ такъ же слѣпо и довѣрчиво спѣшитъ помѣстить жалкіе остатки своего духовнаго капитала въ акціи какого-нибудь всепожирающаго порока, чтобъ въ заключеніе умереть нищимъ!.. Гдѣ это сказано, что люди всего чаще и сильнѣе бываютъ наказаны за свои добродѣтели? Кажется, у Ницше... Да, пусть Ницше безумецъ, но какъ онъ былъ правъ, говоря о необходимости der Umwerthung aller Werthe. Именно Umwerthung! Не уничтоженіе, не замѣна однихъ другими, а переоцѣнка. Быть можетъ, девальвація. Во всякомъ случаѣ — генеральная ревизія. Спокойная, холодная, безпристрастная".

Ал. Луговой.

СЛАВЯНСКАЯ СПАРТА

ОЧЕРКИ

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ДАЛМАЦІИ И ЧЕРНОГОРІИ.

I. — Далматское побережье.

Австрійскіе нѣмцы, систематически и тщательно стирающіе всякій признакъ славянства съ славянскихъ земель, славянскихъ городовъ, славянскихъ народовъ, перекрестили въ „Фіуме“ славянскую „Рѣку“. Впрочемъ, они не только перекрестили ее, они и дѣйствительно переродили этотъ важный приморскій портъ старой славянской земли въ цивилизованный нѣмецкій городъ, со всѣми удобствами и чистоплотностью современнаго европейскаго центра. Образцовыя мостовыя, прекрасное газовое освѣщеніе съ какими-то усовершенствованными горѣлками, дѣлающими его похожимъ на электрическое, прекрасные отели, рестораны, кофейни, магазины, громадные пяти-этажные дома по сторонамъ новыхъ широкихъ улицъ, словомъ, все устроено такъ, какъ того требуетъ теперь отъ большого города взыскательный европейскій туристъ. Мы прежде всего отправились на пароходъ заручиться билетами и сдать свой багажъ, а затѣмъ, свободные отъ всякихъ обязанностей, пошли бродить по городу.

Большой „ресторанъ Ллойда“, куда мы зашли пообѣдать, былъ полнёхонекъ жующаго, пьющаго и читающаго народа. На улицахъ вездѣ тоже толпы; всѣ тротуары заставлены стульями и столиками „потребляющей“ публики кофеенъ и ресторановъ. Мы долго и съ искреннимъ наслажденіемъ гуляли по Корсо,

длиннѣйшей улицѣ, широкой какъ любая площадь въ греческомъ городѣ. Мостовая ея—тотъ же паркетъ, выметенный до послѣдней былинки; это не камни и не плиты, а какой-то крѣпкій цементъ, покрывающій улицу сплошною гладкою бронею своего рода, безъ всякихъ швовъ, выбоинъ и трещинъ, по которому колеса каретъ и телѣгъ катятся безшумно и ровно, какъ по упругому ковру. Магазины были большею частью закрыты по случаю вечера субботы, и это еще болѣе переполняло ряды гуляющихъ, къ которымъ мы присматривались съ понятнымъ любопытствомъ. Ночевать, однако, отправились на пароходъ, который, къ счастью, здѣсь придвигается вплотную къ набережной, не вынуждая злополучныхъ путешественниковъ качаться въ яликахъ по волнамъ моря среди ночного мрака. Съ насъ взяли до Каттаро сто франковъ золотомъ за одинъ только проѣздъ, безъ ѣды. Это довольно дорого сравнительно съ цѣнами греческихъ пароходовъ. Дали намъ отдѣльную каюту, помѣстительную и приличную. Мы уже заснули мирнымъ сномъ, когда пароходъ тронулся въ путь. Съ пяти часовъ утра задулъ сирокко, южный вѣтеръ, всегда разводящій легкую зыбь, и пароходъ закачало не на шутку. Но, слава Богу, лежа, даже моя слабая на качку голова страдала гораздо меньше. Это мы проѣзжали нелюбимое моряками Coro-Nero, „черное сердце“, тотъ заливъ къ востоку отъ полуострова Истріи, въ глубинѣ котораго стоитъ Фіуме — единственный приморскій портъ венгерской половины Австро-Венгріи, точно такъ же, какъ Тріестъ, стоящій въ такой же пазухѣ залива съ западной стороны Истріи,—единственный торговый портъ австрійской половины этой двойственной монархіи.

Коронеро окруженъ высокими горами Мажоре, которыя незамѣтно сливаются съ далматійскимъ хребтомъ Велебича—отрогомъ такъ-называемыхъ Динарскихъ Альпъ, и въ немъ постоянно свирѣпствуютъ бури.

Проснулись утромъ—весь полъ каюты въ водѣ, хотя люки наши были крѣпко завинчены; чемоданы, книги, бѣлье, платье—все подмокло и попортилось. Насъ увѣряли, будто вода набралась къ намъ изъ сосѣдней каюты, гдѣ былъ открытъ люкъ, но, кажется, ихъ люки и запертые отлично пропускаютъ воду, если волна шлепаетъ въ бокъ парохода. Насъ перевели въ другую, сухую каюту, но осушить вещи было не легко. Какъ только прикрыли насъ справа гористые острова, обильно разбросанные по Адріатикѣ у береговъ Далмаціи, и мы вступили въ своего рода морской каналъ между этими островами и берегомъ, такъ качка утихла. Плоскіе берега Далмаціи покрыты садами, селами,

католическими храмами, высящимися на каждомъ холмѣ. Сады эти—все больше оливковыя и фиговыя рощи.

Вотъ и Зара, старый славянскій Задаръ, одинъ изъ важнѣйшихъ и стариннѣйшихъ городовъ Далмаціи. Пароходъ нашъ входитъ глубоко въ его бухту, сзади которой тѣснится весь городъ. Времени у насъ было довольно, чтобы обѣгать его. Зара сохранила на себѣ весь средневѣковой характеръ приморскаго итальянскаго городка. Остатки крѣпостныхъ стѣнъ и могучихъ когда-то башенъ еще окружаютъ ее, уже на половину обращенные въ бульвары и цвѣтники. Громадныя каменныя лѣстницы широкими сходами спускаются къ пристани съ вершины стѣны, покрытой теперь тѣнистыми аллеями тополей и разныхъ южныхъ деревьевъ. Веселая толпа дѣтишекъ, вооруженныхъ деревянными ружьями и саблями, играетъ среди цвѣтниковъ этого бульвара, подъ сѣнью аллей, счастливо замѣнивъ собою суровыя фигуры былыхъ копейщиковъ и латниковъ, нѣкогда охранявшихъ подступы къ городу съ моря...

Сводистыя старыя ворота, увѣнчанныя крылатымъ львомъ св. Марка и разною аллегорическою скульптурою, художественно высѣченною по рисунку Санъ-Микели его ученикомъ и племянникомъ Жироламо, ведутъ сквозь нижнюю часть стѣны прямо въ лабиринтъ тѣсныхъ, будто ножомъ прорѣзанныхъ улицъ, иногда не больше 4-хъ аршинъ ширины. Въ этихъ узенькихъ, пересѣкающихся улицахъ, сдавленныхъ многоэтажными старинными домами, иногда закоптѣлыми и замшившимися до-черна, то и дѣло попадаются венеціанскія надписи, гербы, плиты со львами св. Марка, скульптированные фасады и входы. На каждомъ шагу—trattorii, кофеенки, лавчонки, цирюльни, какъ въ любомъ старинномъ городкѣ Италіи или Греціи, пропитанномъ обычаями и вкусами Востока. Старинные католическіе храмы тоже часты и этимъ также напоминаютъ Италію. На piazza del Duomo—огромный каѳедральный соборъ грубаго готическаго стиля, построенный еще въ XIII вѣкѣ знаменитымъ венеціанскимъ дожемъ Дандоло, послѣ того какъ онъ разграбилъ въ своемъ пресловутомъ крестовомъ походѣ вмѣстѣ съ французами одряхлѣвшую византійскую имперію, которой они считались союзниками, и овладѣлъ ея адріатическимъ побережьемъ.

Постройка тяжелая и безвкусная на мой взглядъ, изъ громадныхъ темныхъ камней, окруженная ради легкости рядами колонокъ, почти прилѣпленныхъ къ ея стѣнамъ. Огромная розетка, бѣдная узоромъ, въ верхней части фасада, и другая, еще бо́льшихъ размѣровъ—настоящее колесо съ каменными спицами—

пониже, надъ самою дверью. Тутъ же духовная католическая семинарія, устроенная іезуитами на мѣстѣ бывшаго здѣсь прежде и потомъ, конечно, закрытаго славянскаго глаголитскаго училища. Рядомъ, въ очень старинномъ и характерномъ дворѣ, защищенномъ башнею и похожемъ на крѣпостцу своего рода, быть-можетъ уцѣлѣвшемъ еще со временъ римлянъ, — живетъ католическій архіепископъ, епархія котораго охватываетъ всю Далмацію и Истрію. Зара считается столицею Далмаціи, и въ ней вообще пребываютъ всѣ главныя власти этой провинціи, духовныя, свѣтскія и военныя. Другая католическая церковь Зары (св. Маріи), славящаяся своею картиною кисти Тиціана, еще старше собора и считаетъ за собою уже восемь столѣтій. Новая соборная колокольня изъ бѣлаго известняка съ мавританскими двойными колонками—безъ всякаго стиля. Въ общемъ это множество высокихъ колоколенъ, торчащихъ изъ тѣсно застроенныхъ старинныхъ кварталовъ, сообщаетъ городу характерную средневѣковую и католическую физіономію. Самый типическій памятникъ стараго венеціанскаго режима — это изгрызанная временемъ коринѳская колонна съ обломаннымъ крылатымъ львомъ и съ висящею у нея на ржавой цѣпи каменною плитою, на которой вырѣзанъ крестъ. Странный памятникъ этотъ стоитъ на крошечной piazza della Colonne и, по увѣренію старожиловъ, служилъ въ свое время позорнымъ столбомъ, къ цѣпи котораго приковывался преступникъ передъ казнью. Колонна повидимому— остатокъ римскихъ временъ, уже впослѣдствіи украшенная венеціанскимъ львомъ св. Марка. Зара была нѣкогда столицею римской провинціи Либурніи и называлась въ разное время то Ядерою, то Діодорою. До римлянъ здѣсь, безъ сомнѣнія, была еще эллинская колонія. Но обломки римскихъ построекъ неразличимо заложены теперь въ крѣпостныя стѣны, башни и дома венеціанцевъ. Сохранились только развалины древняго храма Юноны, но и тѣ до того застроены и загромождены позднѣйшими постройками, что развѣ на вѣру можно признать ихъ римское происхожденіе.

Съ искреннимъ любопытствомъ скитался я по улицамъ Зары и любовался на ея оригинальную толпу. Всѣ эти улицы и переулочки, несмотря на свою тѣсноту и темноту, среди которыхъ такъ естественно гнѣздиться всякой грязи, вони и сырости, тѣмъ не менѣе удивительно чисты; всѣ они великолѣпно вымощены плотно притесаннымъ камнемъ, всѣ имѣютъ удобные стоки для воды и нечистотъ, всѣ постоянно метутся и поливаются,—и я увѣренъ, что это именно нѣмецкая аккуратность австрійцевъ из-

гнала изъ нихъ обычную нечистоплотность славянскихъ и итальянскихъ городовъ. Впрочемъ и то надо сказать, что во всемъ городѣ я не встрѣтилъ ни одного ослика, ни одной лошади, ни одного колеса. Здѣсь льется по улицамъ сплошными потоками одна только пѣшая людская толпа, такъ что кажется, будто вы гуляете по Венеціи. Не знаю, случайность ли это, или дѣйствительно тѣсныя улочки города вынуждаютъ жителей избѣгать экипажей и лошадей. Вѣроятно, мы попали въ базарный день, потому что иначе трудно объяснить себѣ движеніе и многолюдство, которое наполняетъ въ настоящую минуту этотъ старинный городъ. Просто не протолкаешься сквозь толпу красныхъ шапочекъ, тѣснящуюся въ каждомъ переулочкѣ, волною текущую по главнымъ торговымъ артеріямъ города. На piazza del' Erbe торговкамъ числа нѣтъ. У каждой въ корзинкѣ какая-нибудь кучка свѣжихъ фигъ, картофеля, гороховыхъ стручьевъ, вишенъ и т. под., — всякаго товару на два гроша и унести можно въ хорошей пригоршнѣ. Кажется, здѣсь сколько людей, столько и продавцовъ. Кто держитъ за лапку одну курицу, соблазняя ею прохожихъ, кто—одно маленькое блюдцо съ какими-нибудь ягодами; какъ на мусульманскомъ востокѣ, здѣсь все наружу: и продаютъ, и мастерятъ, и пьютъ, и ѣдятъ тутъ же, на глазахъ всѣхъ; вездѣ слышатся веселые крики бойкой торговли. На здѣшній народъ не налюбуешься. Море и горный воздухъ поддержали здѣсь славянскую расу во всей ея красотѣ и мощи. Нѣтъ славянъ красивѣе далматинцевъ. Сосѣдство и вліяніе Италіи, а можетъ быть просто сходство природныхъ и бытовыхъ условій воспитали въ славянинѣ-далматинцѣ, росломъ и сильномъ, итальянскую грацію движеній, стройность фигуры и кокетливость наряда. Живописный красный беретъ съ кисточкой на черныхъ какъ смоль, курчавыхъ волосахъ; сѣрый суконный жилетъ, весь разукрашенный серебряными бляхами, цѣпочками, подвѣсками, рядами серебрянныхъ пуговицъ; станъ, перехваченный широкимъ турецкимъ кушакомъ, и удальски накинутая на одно плечо коричневая суконная курточка съ красными выпушками, красными отворотами, красными махрами, часто еще расшитая по красному золотымъ шнуркомъ—вотъ обычный нарядъ зарскаго далматинца. Сбоку у каждаго виситъ еще черезъ плечо тоже ярко расшитая ковровая сумка, вся въ кистяхъ и бахромѣ. Эти красныя мягкія шапочки такъ и переливаютъ сплошною волною по улицамъ и площадямъ Зары, точно вы двигаетесь по полямъ цвѣтущаго краснаго мака. Впрочемъ вы увидите тутъ въ толпѣ и другія, далеко не такія щегольскія и

яркія фигуры, пожалуй еще болѣе характерныя, и уже во всякомъ случаѣ гораздо болѣе славянскія.

Вотъ, напримѣръ, протискивается сквозь толпу, съ какимъ-то тяжелымъ холщевымъ мѣшкомъ на спинѣ, сумрачный, плечистый богатырь въ бѣлыхъ холщевыхъ шароварахъ, бѣлой холщевой рубахѣ, засунутой въ штаны, и, несмотря на лѣто, въ бѣлой же овчинной куртѣ нараспашку. Поищите глазами, и вы найдете въ базарной сутолокѣ не одного такого молодца. Это—далматинскіе горцы, такъ-называемые морлаки, народъ суровый, бѣдный и полудикій, сохранившій среди своихъ трудно доступныхъ горныхъ дебрей въ чистотѣ отъ итальянскихъ и нѣмецкихъ искаженій свою старую сербскую рѣчь, свои старые сербскіе обычаи и даже отчасти свою старую православную вѣру, хотя вѣковыя насилія католическаго духовенства во время господства венеціанцевъ и австрійцевъ успѣли уже подчинить папизму большинство морлацкихъ селъ.

Морлаки, повидимому, произошли отъ тѣхъ средневѣковыхъ бѣглецовъ, или ускоковъ Сербіи и Босніи, которые не могли помириться съ турецкимъ порабощеніемъ ихъ родины, и искали свободы въ далекихъ отъ турецкой власти приморскихъ горахъ, гдѣ они заслужили потомъ славу заклятыхъ враговъ турка, и потому ими всегда старались пользоваться для защиты своихъ владѣній сосѣднія государства, враждовавшія съ Турціею, особенно Венеція.

Далматинки тоже одѣваются нарядно: изъ-подъ темной юбки алѣютъ красные чулки, а спереди ярко вырѣзается красный фартукъ; тальи перехвачены разноцвѣтными поясами; бѣлые рукава рубашки оттѣняются узкою цвѣтною безрукавкою и чѣмъ-то въ родѣ пестраго корсета, подвязаннаго подъ груди...

Вообще, къ удивленію путешественника, всеуравнивающая городская мода еще не коснулась, повидимому, этого приморскаго уголка, и, двигаясь по его тѣснымъ люднымъ улочкамъ у подножія темныхъ старинныхъ домовъ и темныхъ старинныхъ церквей, среди своеобразныхъ національныхъ одеждъ, среди деревенски-скромной торговли, — чувствуешь себя словно перенесеннымъ въ какой-нибудь глухой средневѣковой городокъ. Только телеграфная проволока да электрическія лампочки на своихъ желѣзныхъ баночкахъ, протягивающіяся надъ нашими головами съ одной стороны узенькой улицы на другую, напоминаютъ вамъ безпокойный вѣкъ цивилизаціи и нарушаютъ гармонію вашихъ впечатлѣній.

Если вы изъ лабиринта полутемныхъ переулковъ выберетесь,

наконецъ, къ морю, то тамъ уже вы опять не въ средневѣковомъ, а въ современномъ европейскомъ городѣ. Тамъ все—удобство, свѣтъ, просторъ. Набережная, широкая какъ площадь, на мѣстѣ разрушенной стѣны, съ прекрасными тротуарами, съ чугунными колонками электрическихъ фонарей, съ сплошными рядами большихъ новыхъ домовъ, лишенныхъ всякаго стиля, окаймляетъ берегъ моря. Это—мѣсто обычныхъ гуляній здѣшней достаточной публики.

Нынѣшняя Зара совсѣмъ не отзывается ничѣмъ славянскимъ, и никто не узналъ бы въ ней старый сербскій Задаръ. Далматинская вѣтвь славянства словно самою исторіею осуждена была на поглощеніе Западомъ. Адріатика издревле ставила ее въ такое тѣсное общеніе съ Римомъ, съ Италіею, что она постоянно разсматривалась ими какъ нераздѣльная ихъ составная часть; какъ нарочно, противоположный ей берегъ Италіи бѣденъ удобными пристанями, голъ и непріютенъ; такъ что все манило обладателей Италіи къ этимъ соблазнительнымъ сосѣднимъ берегамъ, изрѣзаннымъ безчисленными бухточками, мысиками, полуостровами, островами, покрытыми богатою растительностью.

Наслѣдникъ Рима, императоръ Карлъ Великій, тоже протянулъ свою властительную длань къ уютнымъ далматинскимъ уголкамъ, и вовлекъ ихъ въ политическую сферу Запада, точно такъ, какъ римскіе папы захватили ихъ въ предѣлы своей церковной власти. Крѣпость Сирмій-на-Савѣ, давшая имя теперешнему Срему, или Сирміи, сдѣлалась франкскою крѣпостью, и по договору съ греческимъ императоромъ вся Далмація была признана, въ 811 г. по Р. Х., франкскою областью.

Этимъ захватамъ Запада больше всего помогло то, что на далматскомъ побережьѣ сохранились до самыхъ среднихъ вѣковъ, среди занявшаго это побережье въ VII вѣкѣ нашей эры славянскаго деревенскаго населенія, старинныя богатыя римскія колоніи ея Либурнской провинціи въ Діодорѣ (Зарѣ), Аспалатумѣ (Спалатѣ), Раузіумѣ (Рагузѣ), Салонѣ, Тетрангуріумѣ (Трогирѣ) и др. городахъ Далмаціи, которые и послужили надежнымъ оплотомъ и естественнымъ ядромъ западно-римскаго вліянія всякаго рода, могучимъ проводникомъ чуждаго славянству языка, чуждыхъ нравовъ, чуждой вѣры, чуждыхъ интересовъ. Разрозненная, невѣжественная и слабосильная деревня не могла успѣшно бороться съ дисциплинированными культурными силами своихъ городовъ, и спасалась отъ враждебныхъ ей стихій только отливомъ въ глубь страны, замыканіемъ себя въ горныя дебри, что,

конечно, не помѣшало побережью, въ которомъ сосредоточивались богатство и сила страны, проникнуться мало-по-малу западными вліяніями и даже войти въ составъ западныхъ государствъ, навсегда отдѣливъ свою историческую судьбу отъ судебъ остального славянства...

Владѣли Далмаціею въ разное время и венгры, и венеціанцы, и французы, и австрійцы, но вѣковѣчными обладателями ея нужно считать венеціанцевъ, утвердившихся на берегахъ Далмаціи еще съ X-го вѣка, а уже особенно прочно съ половины XII-го вѣка, и потерявшихъ ее окончательно только къ началу нынѣшняго столѣтія, когда вѣнскій конгрессъ присудилъ отдать Далмацію подъ власть Австріи. Венеціанцы вездѣ и на всѣхъ клали свою желѣзную руку, съ безпощадною суровостью вводя свои законы, свою рѣчь, свои церковные обряды—въ подвластные имъ народы. Ихъ нравственный и матеріальный гнетъ до сихъ поръ памятенъ славянамъ насильственно объитальяненной ими Далмаціи. Австрія подражала въ этомъ отношеніи венеціанскимъ притѣснителямъ, и въ своей традиціонной ненависти къ славянству, сдѣлавшись владыкою Далмаціи, стала всецѣло на сторону ничтожнаго итальянскаго меньшинства ея населенія и продолжала систематически итальянизировать его, чувствуя свое безсиліе его онѣмечить.

Даже итальянскій языкъ былъ объявленъ оффиціальнымъ языкомъ этой славянской страны, подвластной нѣмецкому государству.

Австрія также систематически убивала матеріальное благосостояніе Далмаціи, облагая ее непосильными податями, строя въ ней множество укрѣпленій, словно въ какой-нибудь враждебной странѣ, ссоря помѣстныхъ владѣльцевъ съ народомъ и старательно разоряя старинные богатые роды вліятельныхъ славянъ. Для развитія торговли и промысловъ Австрія не дѣлала ровно ничего; дороги устраивала только въ цѣляхъ стратегическихъ, для сообщенія гарнизоновъ одной своей крѣпости съ другой, а народное образованіе подавила совершенно, отдавъ славянскія школы въ безконтрольное распоряженіе итальянскихъ іезуитовъ.

Введеніе въ Австріи конституціонныхъ порядковъ было своего рода спасеніемъ для Далмаціи. Отдѣльныя національности, даже самыя придавленныя, получили хотя какую-нибудь возможность громко заявлять о своихъ законныхъ потребностяхъ и о вопіющихъ несправедливостяхъ къ нимъ. Далматинцы тоже подняли энергическій протестъ противъ порабощенія полумилліоннаго славянскаго населенія горстью итальянскихъ пришлецовъ

и мало-по-малу отвоевали законныя права своему родному языку, своей славянской школѣ, своей народной литературѣ...

Лѣтъ тридцать тому назадъ суда еще должны были ночевать въ Зарѣ, подчиняясь безконечнымъ процедурамъ недовѣрчивой и придирчивой австрійской полиціи, видѣвшей во всякомъ появленіи новыхъ людей покушеніе на государственную безопасность Священной имперіи. Русскіе же военные корабли, которыхъ наша сосѣдка спеціально заподозривала въ политическихъ интригахъ среди ея порабощеннаго славянства, не смѣли даже входить иначе какъ по одному въ гавани Далмаціи, и пока не ушелъ изъ этой гавани одинъ русскій корабль, другого не впускали ни подъ какимъ предлогомъ, хотя бы онъ погибалъ отъ бури или оставался безъ питья и ѣды.

Къ счастью, всѣ эти жестокіе порядки отошли теперь въ область преданій, и мы совершенно свободно вышли изъ тихой Зарской бухты опять въ безпокойное Адріатическое море.

Опять двигаемся среди настоящаго архипелага острововъ, набросанныхъ въ волны моря гораздо гуще и тѣснѣе, чѣмъ въ греческомъ архипелагѣ. Всѣ эти островки и сосѣдніе съ ними мысики, бухточки, полуострова населены природными моряками, безстрашными и ловкими, которые смѣло бороздятъ во всѣхъ направленіяхъ своими „трабакулами“ бурныя воды Адріатики, и изъ которыхъ вербуютъ своихъ матросовъ всѣ южныя пароходныя компаніи и военный флотъ Австро-Венгріи. Эти-то отважные славянскіе моряки, а вовсе не австрійцы и не венгерцы, расколотили въ прахъ флотъ итальянцевъ въ памятной еще всѣмъ намъ битвѣ при Лиссѣ. Островъ Лиссу мы тоже проѣзжаемъ въ числѣ безчисленнаго множества живописныхъ, хотя бо́льшею частью пустынныхъ прибрежныхъ острововъ Далмаціи. Всѣ эти острова итальянцы давно перекрестили изъ ихъ прежнихъ славянскихъ именъ въ свои новыя итальянскія названія.

Островъ Хваръ прозвали Лезиной, Корчулу — Курцолой, Ластовъ—Лагостой, Млѣтъ—Меледой, Брачъ—Браццой, а Висъ —Лиссою, и эти итальянскія прозвища закрѣплены теперь за славянскими островами во всѣхъ географіяхъ и морскихъ картахъ, точно такъ, какъ австрійское искаженіе чисто славянскаго, вполнѣ понятнаго и русскому, и сербу, и чеху, прозвища знаменитаго религіознаго вождя чеховъ, Ивана Гуся, получило даже въ русскихъ учебникахъ исторіи право гражданства подъ чуждымъ именемъ какого-то Іоанна Гусса.

Когда-то въ лабиринтѣ этихъ островковъ, словно въ непроходимомъ лѣсу, укрывались отчаянные морскіе разбойники, набиравшіеся изъ бѣглецовъ сосѣднихъ славянскихъ странъ, которыхъ не въ силахъ былъ преслѣдовать въ этихъ запутанныхъ каналахъ и каналъчикахъ, заливахъ и заливчикахъ, среди этихъ скалъ и подводныхъ камней, никакой военный корабль. На многихъ скалистыхъ островахъ еще виднѣются въ грозной живописности башни и стѣны былыхъ замковъ и крѣпостей, изъ которыхъ, впрочемъ, нѣкоторыя поддерживаются и теперь.

Островки особенно часты, проливы особенно узки, когда проходишь около стариннаго городка Шебеника, или Себенико, по выговору итальянцевъ. Здѣсь на каждомъ шагу подводные камни, и капитаны пароходовъ должны не зѣвать. Еще раньше Себеника мы миновали старую Зару,—„Zara vecchia“, римскую Діодору,—и потомъ живописный маленькій городъ Врану, нѣкогда извѣстное гнѣздо рыцарей-храмовниковъ, державшихся здѣсь со временъ крестовыхъ походовъ болѣе двухсотъ лѣтъ...

Въ Себенико, красиво лѣпящійся своими укрѣпленіями по крутизнамъ берега, мы не заѣзжали, а видѣли его только издали.

Въ Сплетъ, или, по-итальянски, въ Сполато, мы пришли въ 5 часовъ вечера. На пароходѣ мы познакомились съ однимъ любезнымъ жителемъ Вѣны, по фамиліи Вагнеръ, который вызвался познакомить насъ со всѣмъ, что̀ есть интереснаго въ городѣ. Какъ только пароходъ остановился у пристани, мы съ женою и нѣмцемъ отправились пѣшкомъ бродить по городу. Сейчасъ же отъ пристани, по берегу моря, тянется широкая, отлично вымощенная набережная съ электрическими фонарями, по которой свободно можетъ прогуливаться какая хотите толпа.

Съ этой комфортабельной современной набережной вы можете охватить однимъ взглядомъ характерную физіономію интереснѣйшаго древняго города.

Прямо передъ вами громадное, чуть не сто-саженное зданіе, поражающее васъ сразу какимъ-то хаотическимъ смѣшеніемъ античнаго художества и казарменной безвкусицы, — не то крѣпость, не то жилье, — не разобрать сразу. Но когда вы всмотритесь поближе, вы чувствуете въ этомъ колоссальномъ четырехугольникѣ стѣнъ, охватывающихъ цѣлый большой кварталъ, еще не стертые вполнѣ слѣды строгаго архитектурнаго стиля; вы съ удивленіемъ замѣчаете остатки изящныхъ фасадовъ и портиковъ, мастерскую скульптуру оконъ, стройныя коринѳскія колонны, вдѣланныя въ стѣну, мраморныя плиты съ древними гербами и надписями. Вы тогда только догадываетесь, что стоите

передъ знаменитымъ нѣкогда дворцомъ римскаго императора Діоклетіана, непримиримаго гонителя первыхъ христіанъ. Въ теченіе почти 16-ти вѣковъ, которые протекли съ тѣхъ поръ, роскошная резиденція римскаго цезаря, конечно, претерпѣвала безчисленныя передѣлки, и у венеціанцевъ играла роль блокгауза и солдатской казармы, въ громадныхъ дворахъ которой могло укрыться отъ вражескихъ нападеній населеніе цѣлаго города.

Четыре башни поднимались по угламъ этого укрѣпленнаго каменнаго четырехугольника, но нѣкоторыя изъ нихъ теперь уже совсѣмъ разрушились и исчезли. Дворецъ обращенъ теперь въ сплошныя жилища, и стѣны его пробиты нѣсколькими ярусами оконъ самой прозаической и пошлой формы, какъ любая солдатская казарма или гостинница дешеваго пошиба.

У западнаго края дворца—настоящая венеціанская Piazzetta, площадка, отлично вымощенная чуть ли не мраморными плитами и окруженная тоже настоящими венеціанскими постройками. Въ большомъ, красивомъ зданіи, когда-то занятомъ городскою думою венеціанцевъ, — съ характерною галереею изъ острыхъ арокъ внизу, съ характерными стрѣльчатыми окнами, напоминающими дворецъ дожа, помѣщается теперь гостинница для пріѣзжающихъ. Старая католическая церковь монастыря капуциновъ тоже смотритъ совсѣмъ по-итальянски. Въ монастырѣ сохранились кое-какія интересныя древности, но сколько ни хлопоталъ для насъ братъ-привратникъ, онъ никакъ не могъ отыскать ключей отъ помѣщенія, гдѣ спрятаны эти древности, очевидно никого здѣсь не интересующія. По срединѣ Piazzetta—большой, роскошный фонтанъ, среди котораго многолюдная толпа мраморныхъ тритоновъ и наядъ, верхомъ на бѣшеныхъ коняхъ, отчаянно трубитъ въ рогатыя морскія раковины, такъ что кажется—сами боги вѣтровъ вылетаютъ во всѣ стороны изъ гудящихъ трубъ этого буйнаго воинства водныхъ пучинъ... Фонтанъ подаренъ городу императоромъ Францемъ-Іосифомъ, который, впрочемъ, только обновилъ древній римскій и венеціанскій фонтанъ.

Но самая драгоцѣнная древность Діоклетіанова Аспалатума—это превосходно сохранившійся великолѣпный храмъ Юпитера, вблизи отъ его же дворца. Этотъ храмъ-ротонда, разумѣется, давно обращенъ въ каѳедральный католическій соборъ, и поэтому первоначальная архитектура его уже значительно искажена позднѣйшими приспособленіями и передѣлками. Но все существенное, однако, уцѣлѣло къ утѣшенію цѣнителей древностей.

Колоннада громадныхъ коринѳскихъ колоннъ темнаго мрамора

окружаетъ темныя мраморныя стѣны ротонды, увѣнчанной благороднымъ римскимъ куполомъ. Внутри круглаго храма — опять цѣлая галерея колоннъ, обходящая двумя ярусами всю окружность его. Большинство колоннъ—подлинныя римскія. На фронтонахъ множество скульптурныхъ изображеній въ ростъ человѣка, гдѣ статуи Діаны и разныхъ божествъ, сохранившіяся отъ классическихъ временъ, перемѣшаны съ фигурами святыхъ христіанскихъ. Особый перистиль, осѣненный коринѳскими колоннами,— этимъ излюбленнымъ украшеніемъ римской архитектуры,—ведетъ къ Тевердской колокольнѣ, сильно напоминающей теперь обычныя campanilla Венеціи и въ настоящую минуту совсѣмъ застроенной лѣсами. Когда-то вся площадь передъ храмомъ Юпитера была охвачена сплошною галереею такихъ же мраморныхъ колоннадъ, которыя оканчивались на противоположномъ концѣ маленькой площади другимъ круглымъ храмомъ Эскулапа. Развалины его еще очень интересны и могутъ дать понятіе о необыкновенномъ изяществѣ и роскоши его былой архитектуры.

Вообще вся эта площадка полна остатковъ старины. Тутъ нѣсколько фасадовъ съ древними коринѳскими колоннами, съ надписями, гербами, статуями. Одинъ изъ этихъ фасадовъ принадлежитъ между прочимъ дому католическаго епископа. Сейчасъ видно, что въ прежнія времена здѣсь было самое сердце городской жизни...

Діоклетіанъ былъ далматинецъ изъ Діоклеи, когда-то славнаго римскаго города, котораго развалины мы видѣли потомъ около Подгорицы вблизи Скутарійскаго озера; родился онъ, какъ предполагаютъ, въ Салонѣ, еще болѣе богатомъ и знаменитомъ римскомъ городѣ, стоявшемъ на берегу моря всего верстахъ въ трехъ отъ Сполато. Понятно, что онъ не щадилъ средствъ на украшеніе этихъ родныхъ городовъ своихъ и наполнялъ ихъ великолѣпными храмами, театрами, дворцами.

Потомокъ раба, простой солдатъ-легіонеръ, одушевленный предсказаніемъ жреца, что онъ будетъ носить вѣнецъ императора, Діоклетіанъ дѣйствительно добился своею настойчивою волею до власти надъ всѣмъ тогдашнимъ міромъ, до божескихъ почестей, воздававшихся ему раболѣпнымъ сенатомъ Рима, но послѣ двадцатилѣтняго владычества надъ людьми почувствовалъ всю пустоту и тягость пресыщеннаго властолюбія и ушелъ назадъ, въ мирную жизнь частнаго человѣка, на цвѣтущіе берега Адріатики, навсегда отказавшись отъ сана императора, и тихо погаснулъ въ той же неизвѣстности, изъ которой онъ такъ удивительно вышелъ.

Хотя до развалинъ Салоны (Солинъ), гдѣ теперь ведутся дѣятельныя археологическія раскопки, отъ Сполато всего полчаса ѣзды, но мы побоялись упустить свой пароходъ и не надѣялись, что успѣемъ осмотрѣть при наступавшемъ уже вечерѣ довольно обширные останки родины Діоклетіана и древней столицы всей Далмаціи.

Поэтому мы ограничились осмотромъ только самаго Сполато. Его старинныя улицы, кажется, еще у́же и темнѣе, чѣмъ улицы Зары, и то-и-дѣло ныряютъ подъ сплошными сводами домовъ. Это настоящій глухой уголокъ Италіи. Такія же маленькія лавчонки и тратторіи, такая же безцеремонность всѣмъ открытой уличной жизни. Какъ въ Италіи, здѣсь то-и-дѣло попадаются надъ входными дверями домовъ, въ карнизахъ оконъ, въ стѣнахъ—старинныя плиты съ надписями, камни съ высѣченными на нихъ гербами, обломки колоннъ или скульптуры. У фонтановъ, гдѣ моютъ бѣлье, вы встрѣтите вмѣсто корыта какой-нибудь древній мраморный саркофагъ съ отбитыми углами; больше всего, конечно, попадается остатковъ венеціанскаго времени, духомъ котораго насквозь пропитана архитектура старыхъ здѣшнихъ домовъ и старыхъ здѣшнихъ улицъ. Только чистота улицъ здѣсь, какъ и въ Зарѣ, истинно — нѣмецкая. Всѣ онѣ превосходно вымощены и выметены, вездѣ удобные стоки для нечистотъ, вездѣ проведены желоба для поливки улицъ...

Мы осмотрѣли въ Сполато и маленькій археологическій музей, помѣщающійся, кажется, въ одной изъ древнихъ башенъ. Тамъ собраны исключительно предметы римской древности, откопанные въ Салонѣ и Сполато: мраморные и каменные саркофаги съ скульптурными изображеніями, надгробныя плиты съ надписями, статуи, обломки колоннъ, монеты, печати, орудія, посуда и всякія домашнія вещи древнихъ римлянъ. Тутъ же и довольно богатая археологическая библіотека.

Находившись пѣшкомъ до устали по лабиринту темныхъ сводистыхъ улицъ и тѣсныхъ базарчиковъ, мы зашли въ знакомую нашему нѣмцу пивную—выпить хваленаго имъ пильзенскаго пива. Тамъ возсѣдала среди благоговѣйно взиравшихъ на нее посѣтителей недоступно-величественная, роскошная какъ Юнона, красавица нѣмка, племянница хозяина, которая, какъ кажется, своимъ могучимъ бюстомъ и своимъ классическимъ профилемъ привлекала въ эту скромную пивную и нашего вѣнскаго нѣмца, и всю остальную публику, гораздо больше, чѣмъ весьма сомнительный пильзенскій нектаръ ея почтеннаго дядюшки.

Когда мы, изрядно утомленные, возвратились на морской берегъ, широкая, освѣщенная фонарями набережная была залита гуляющимъ народомъ. Въ открытой полукруглой бухтѣ, отгороженной отъ моря справа искусственною каменной дамбою, а слѣва природною каменистою косою, качалось нѣсколько новыхъ судовъ, только-что причалившихъ къ ночи въ гавань, а на маякѣ, торчавшемъ у самаго конца косы, около небольшого австрійскаго укрѣпленія, уже горѣлъ сигнальный огонь.

Мы сѣли на одну изъ скамеекъ бульвара и стали глазѣть на продвигавшуюся мимо публику, бесѣдуя со своимъ малосвѣдущимъ нѣмцемъ о Сполато и далматскихъ славянахъ.

Славянства, увы, осталось очень мало въ этомъ австрійско-итальянскомъ городѣ, едва ли болѣе, чѣмъ римскихъ развалинъ временъ Діоклетіана, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ. Конечно, названія улицъ и надписи вывѣсокъ писаны здѣсь не только по-итальянски, но и по-славянски, хотя тѣми же латинскими буквами; конечно, вы слышите здѣсь на каждомъ шагу славянскую рѣчь; но уже весь строй здѣшней жизни, всѣ нравы и обычаи здѣшнихъ жителей до того похожи на жизнь и обычаи прибрежныхъ городовъ Италіи и остальной западной Европы, что странно было бы даже и отыскивать въ нихъ какихъ-нибудь характерныхъ слѣдовъ славянства. Славянство и здѣсь, какъ въ Зарѣ, ушло въ глубь страны, въ горныя деревни и глухіе хутора, хотя и туда проведена теперь желѣзная артерія отъ Сполато до Книна, по которой западно-европейское вліяніе проникаетъ мало-по-малу и въ деревенскую жизнь далматинца. Сполато уже давно, еще бывши славянскимъ Сплетомъ, сослужило далматинскому славянству роковую службу, сдѣлавшись средоточіемъ латинства и религіознаго, и политическаго. Въ IX-мъ вѣкѣ, когда господствовавшіе въ Далмаціи франки довели своею жестокостью до возстанія, этотъ добровольно подчинившійся имъ народъ, когда, по выраженію императора Константина Багрянороднаго, „франки даже грудныхъ младенцевъ убивали и бросали на съѣденіе псамъ“, Терпиміръ, правившій въ это время далматскими хорватами, все-таки не хотѣлъ разрывать ни съ римскою церковью, ни съ западной римской имперіей, и признавая, хотя бы только въ теоріи, политическую власть надъ Далмаціею франкскаго короля Лотарія, особенно старался усилить значеніе сплетской, или солинской, церкви, этого главнаго тогда редута папизма и латинства на берегахъ Балканскаго полуострова. Сохранилась грамота Терпиміра, писанная этимъ славянскимъ княземъ уже на латинскомъ, а не на родномъ языкѣ, въ которой

Терпиміръ обезпечиваетъ обширными землями, жатвами и десятинными сборами церковь Салоны, древней столицы Далмаціи, которая называлась славянами Солинъ, и изъ которой, послѣ разрушенія ея, митрополія была перенесена съ прежнимъ титуломъ салонской церкви въ сосѣдній Сплетъ. Хотя и на короткое время греко-восточная церковь опять привлекла къ себѣ далматскихъ хорватовъ подъ вліяніемъ проповѣди Кирилла и Меѳодія, но эта связь съ Греціею постоянно порывалась настойчивыми усиліями папства и городскихъ жителей Далмаціи, говорившихъ латинскимъ языкомъ и проникнутыхъ преданіями Рима. Наконецъ, въ 492 году такъ-называемый сплетскій соборъ окончательно рѣшилъ поглощеніе далматской церкви Римомъ.

Сплетъ и другіе старые римскіе города составляли тогда изъ себя независимыя общины и постоянно вносили раздоръ въ жившее кругомъ славянское населеніе, то по поводу избранія въ епископы и священники славянина, а не латина, то по поводу желанія славянъ совершать богослуженіе въ славянскихъ городахъ и селахъ на славянскомъ, а не на латинскомъ языкѣ, какъ этого требовало духовенство, по большей части латинское. Чтобы положить конецъ этимъ непрекращавшимся распрямъ, тогдашній князь хорватскій Томиславъ обратился къ папѣ Іоанну X, который и прислалъ двухъ итальянскихъ епископовъ „съ медоточными своими письмами“, какъ выражается лѣтописецъ, устроить порядокъ въ далматской церкви. Въ посланіи къ архіепископу сплетскому и епископамъ сплетской митрополіи папа укорялъ далматинскія духовныя власти, что въ ихъ епархіи „множится другое ученіе, котораго мы не обрѣтаемъ въ св. книгахъ“, именно, „ученіе Меѳодіево“, и увѣщевалъ ихъ „за одно съ нашими епископами Іоанномъ и Львомъ все исправить въ землѣ славянской, дабы въ ней совершалось священное служеніе по обычаю римской церкви, то-есть *на латинскомъ языкѣ, а не на чужомъ*, ибо сынъ не долженъ говорить и знать другаго, какъ то, чему учитъ его отецъ“.

„Кто, будучи такимъ особливымъ чадомъ римской церкви, какъ вы, станетъ имѣть охоту *на варварскомъ, или славянскомъ* языкѣ возносить жертву Богу“?—говорилъ между прочимъ папа въ своемъ посланіи.

Присланные легаты собрали въ Сплетѣ „епископовъ и судей, составили торжественный соборъ“, который опредѣлилъ, чтобы ни одинъ епископъ въ сплетской митрополіи *„не смѣлъ поставлять въ какой бы то ни было священный санъ кого-либо служащаго на славянскомъ языкѣ“*.

Со сплетскаго собора начинается постепенное отчужденіе далматинскихъ славянъ отъ судебъ сербовъ, болгаръ и остальнаго православнаго славянства.

II.—Дубровникъ, итальянская Рагуза.

Мы опять въ безъисходномъ архипелагѣ острововъ... Пароходъ бѣжитъ не моремъ, а какими-то водяными корридорами, извивающимися то между мысами и полуостровками берега, то между скалами острововъ. Качки здѣсь не чувствуешь; направо и налѣво—готовыя картины. Альмиссу съ ея неприступнымъ замкомъ, это старое гнѣздо пиратовъ, съ которыми такъ долго и безплодно боролись галеры венеціанцевъ, мы проѣхали ночью.

Я проснулся рано, когда мы были у острова Лезины; славяне называютъ его Хварь, но я думаю, что и имя Лезина тоже славянское,—Лѣсина. И Лезина, и недалекій отъ нея островъ Лисса (тоже, должно быть, славянскій „лисъ“, лѣсъ), пересѣкающій морской путь изъ Тріеста въ Бриндизи и Грецію, сильно укрѣплены, особенно Лисса, играющая большую стратегическую роль. Недаромъ, падкіе на такіе выгодные пункты, англичане пробовали одно время захватить навсегда въ свою власть этотъ островъ и уже было-устроили на немъ свои склады и укрѣпленія.

Отъ Лезины широкій заливъ, почему-то величаемый Нарентскимъ проливомъ, уходитъ глубоко въ материкъ, отдѣляясь отъ моря длиннымъ полуостровомъ Плѣшацомъ, больше извѣстнымъ подъ итальянскимъ своимъ именемъ Сабіончелло. Изъ этого залива самый удобный естественный доступъ въ Боснію по многоводной рѣкѣ Неретвѣ, или Нарентѣ, впадающей въ заливъ и составляющей главную артерію юго-западной Босніи, на которой стоятъ Метковичъ и Мостаръ. Когда-то по Неретвѣ жило самое воинственное и безпокойное изъ далматскихъ племенъ, долѣе всѣхъ защищавшее свою независимость отъ Рима и отъ франковъ и тревожившее своими отчаянными набѣгами латинскіе прибрежные города и латинскихъ жителей далматскихъ островковъ. Настоящее имя имъ было неретвяне, по имени ихъ рѣки, но звали ихъ обыкновенно „погане“,—вѣроятно, за ихъ упорное язычество.

Императоръ Константинъ Багрянородный говоритъ про нихъ: „Погане же, которыхъ римляне зовутъ арентинами, скрытые въ своей недоступной гористой странѣ, *чуждались крещенія*: Погане на славянскомъ языкѣ значитъ именно: *„не крещенные“*.

Намъ не приходится, однако, углубляться въ Нарентскій заливъ, а нужно круто повернуть, мимо устья его, къ большому острову Корчулѣ, по-европейски Курцолѣ. Этотъ островъ еще до сихъ поръ обиленъ лѣсами, изъ которыхъ въ свое время выстроена была вся подводная Венеція, всѣ корабли ея флота. Корчула интересна для насъ еще тѣмъ, что въ 1806 г. наши русскіе моряки съ помощью черногорцевъ два раза отнимали ее у французовъ и только по тильзитскому миру уступили имъ назадъ этотъ всѣмъ лакомый островъ. Англичане тоже владѣли имъ нѣкоторое время, пока вѣнскій конгрессъ не отсудилъ его вмѣстѣ со всею Далмаціею въ собственность Австріи, счастливой, какъ извѣстно, на подарки и браки, — tu, Austria felix, nube [1]).

Знаменитый средневѣковой путешественникъ по дальней Азіи, венеціанецъ Марко Поло взятъ былъ въ плѣнъ генуэзцами въ жестокой морской битвѣ при Курцолѣ, и только благодаря скукѣ своего плѣна, невыносимой для его дѣятельной натуры купца и путешественника, рѣшился заняться отъ нечего дѣлать тѣмъ описаніемъ своего путешествія къ Великому Моголу, которое сдѣлалось потомъ незамѣнимымъ сокровищемъ для историковъ и географовъ Европы... Генуэзцы XIII вѣка были уже настолько просвѣщенны, и настолько сочувствовали энергіи и предпріимчивости смѣлаго венеціанца, что, восхищенные книгою его, отпустили его безъ выкупа на свободу [2]).

Проѣхали мимо другого большого острова Млѣта (Меледа, по-итальянски), который долго провожалъ насъ справа, въ то время какъ съ лѣвой руки тянулся безконечный полуостровъ Сабіончелло. Млѣтъ въ древности назывался Мелитою; у его береговъ апостолъ Павелъ претерпѣлъ, по преданію, то крушеніе, которое описано въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ.

---

[1]) Городъ Курцола тѣсно сбитъ своими высокими средневѣковыми домами въ стѣнахъ старинной крѣпости, у подножья цитадели, вѣнчающей холмъ. Съ трехъ сторонъ ея на высотахъ еще три венеціанскихъ форта, теперь, кажется, запущенныхъ. Но часть мирныхъ жилищъ торговаго люда не усидѣла въ переполненныхъ крѣпостныхъ оградахъ и выплеснула изъ нихъ вонъ, свободно разлившись по берегу моря.

[2]) Курцола—обычная стоянка австрійскаго военнаго флота. Противъ Курцолы берега Далмаціи отлично обработаны; по крутизнамъ горъ, чуть не до самыхъ вершинъ—виноградники, фиговые и масличные сады. Когда пароходъ нашъ не загораживается со стороны моря массивными горбами какого-нибудь длиннаго острова, въ родѣ Лезины или Курцолы, качка дѣлается очень чувствительной, хотя дуетъ мистраль, сѣверо-западный вѣтеръ, особенно любимый прибрежными жителями, приносящій имъ прохладу среди лѣтняго зноя, безъ котораго все адріатическое побережье, начиная отъ Тріеста и Фіума до Рагузы и Каттаро, пропало бы отъ жары.

Тутъ уже начались бывшія владѣнія рагузской республики, которой, впрочемъ, принадлежали когда-то и Корчула, и Лезина, и Брачъ, и Ластово, и другіе прибрежные острова. Собственно Далмація здѣсь кончается,—потому что отъ Неретвинскаго канала вплоть до Каттарской бухты вся береговая полоса—въ 150 миль длины и въ 15 ширины—искони составляла независимую республику Дубровника, или Рагузы, а прибрежье Каттарской бухты —такъ-называемой Бокка-ди-Каттаро, — тоже не принадлежало къ Далмаціи, а всегда считало себя независимою общиною, населенною особымъ племенемъ сербскихъ славянъ—бокезами, которые, впрочемъ, почти ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ другихъ далматинскихъ сербовъ. Тѣмъ не менѣе бокезы и уже подавно самолюбивые рагузяне, гордящіеся своею многовѣковою независимостью, ни за что не назовутъ себя постылымъ для нихъ именемъ далматинцевъ, бывшихъ постоянно подъ властью Италіи или какого-нибудь другого государства.

Въ самомъ дѣлѣ, прожить вольною и богатою республикою цѣлыхъ 1.500 лѣтъ, какъ прожилъ Дубровникъ,—что-нибудь да стоитъ, и съ такими историческими преданіями народъ не распростится скоро.

Берега, мимо которыхъ мы двигаемся, мало интересны съ точки зрѣнія красоты. И берегъ материка слѣва, и островки справа,—все это большею частью голые каменистые холмы, иногда разграфленные, будто линейкою, террасами виноградниковъ, и только у подножія окруженные садами. Маленькія деревеньки изъ бѣлыхъ и сѣрыхъ каменныхъ домиковъ, крытыхъ красною черепицею, мелькаютъ среди этихъ садовъ въ устьяхъ долинокъ и у береговыхъ заливчиковъ, и между ними снуютъ по голубому морю, стихшему здѣсь какъ расплавленное стекло, парусныя лодочки и игрушечные пароходики. Настоящіе пароходы не приближаются къ этимъ опаснымъ берегамъ, усѣяннымъ рифами и мелями и изрѣзаннымъ скалистыми мысами. На островкахъ то-и-дѣло бѣлѣютъ башенки маяковъ и сбившіяся къ водѣ кучки рыбацкихъ домиковъ, которые одни только нарушаютъ безлюдье этихъ каменистыхъ оазисовъ земли, разбросанныхъ по пустынѣ моря [1]).

[1]) Когда пароходъ нашъ идетъ близко къ берегу, нельзя не удивляться, съ какимъ терпѣніемъ и упорствомъ далматинцы обработываютъ свои горныя кручи; лѣски они бережно сохраняютъ, а всѣ голые скаты тщательно расчищаютъ отъ камней на поразительную высоту. Вырытые камни аккуратно сложены у нихъ копнами, скирдами, цѣлыми валами, такъ что издали кажется, будто громадныя стада скота разлеглись по всѣмъ склонамъ горъ; на освобожденныхъ отъ каменьевъ полянахъ—все

Гравоза—старый славянскій Гружъ—спряталась въ самой глубинѣ узкой бухты, между гористымъ мысомъ, отдѣляющимъ бухту отъ моря, и такимъ же гористымъ берегомъ. Тутъ, въ этой природной теплицѣ, загороженной отъ вѣтровъ, накаляемой солнцемъ, увлажаемой моремъ, — растительность уже гораздо болѣе южная. Черные зонтики кипарисовъ тутъ въ первый разъ выступаютъ какъ характерное дерево пейзажа. Долина рѣки Омблы, которая впадаетъ тутъ въ море, черезъ это дѣлается одною изъ самыхъ живописныхъ. Гравоза — торговый портъ Рагузы, просторный и спокойный въ самое бурное время. Къ самой Рагузѣ большія суда приставать не могутъ. На берегу цѣлые ряды каменныхъ складовъ, таможня, отель. Но городокъ на видъ совсѣмъ не важный.

Мы наскоро позавтракали и поспѣшили въ Дубровникъ. Наняли хорошую коляску съ парою крупныхъ лошадей и покатили себѣ по превосходному, широкому и мягкому шоссе, обсаженному всякими южными деревьями, устроенному еще во времена кратковременнаго французскаго владычества.

Отъѣхавъ всего четверть версты, мы сразу очутились словно въ другомъ мірѣ. Вокругъ насъ—чарующая красота. Это уже не безплодныя скалы, не скучные холмы съ однообразными террасами виноградниковъ,—кругомъ насъ роскошная, цвѣтущая Италія изъ окрестностей какого-нибудь Неаполя или Палермо. Чудные виды на горы, чудные виды на море, и не знаешь, куда обращать радостно изумленные глаза. Надъ нами и подъ нами—ряды прелестныхъ дачъ, потонувшихъ въ цвѣтахъ и садахъ: балкончики, лѣстницы, террасы, статуи—бѣлѣютъ своими мраморами среди густыхъ шапокъ цвѣтущихъ олеандровъ, красныхъ, розовыхъ, желтыхъ, бѣлыхъ; все это виситъ вавилонскими садами своего рода съ высоко поднятыхъ стѣнъ. Пальмы, латаніи, кактусы, алоэ, съ четырехсаженными упругими стволами своихъ цвѣтныхъ ножекъ, розово-желтые пушистые султаны мимозъ исполинскаго роста, цвѣтущія катальпы, магноліи, увѣшанныя по всѣмъ вѣтвямъ огромными бѣлыми чашами своихъ цвѣтовъ,—переносятъ воображеніе на далекій знойный югъ, и вмѣстѣ съ глубокою синевою неба, вмѣстѣ съ нѣжнымъ голубымъ бархатомъ застывшаго моря, и ярко облитыми утреннимъ солнцемъ рѣзкими изломами скалъ, уходящихъ изъ-подъ нашихъ ногъ къ

разбиты виноградники. Любопытна здѣсь горная деревенька подъ оригинальнымъ названіемъ „Свита недѣля“, надъ которою въ глубинѣ отвѣсныхъ скалъ зіяетъ большая черная пещера съ церковью и кладбищемъ—можетъ быть, воспоминаніе какого-нибудь древняго капища подземному богу Аида...

морскимъ безднамъ, создаютъ вокругъ насъ какую-то неописуемую феерію.

А выше всѣхъ этихъ дачъ, садовъ и скалъ хмурится слѣва, забравшись на недоступную вершину горы, въ одно и то же время и надъ Гравозою, и надъ Рагузою, еще съ иголочки новая, сильная австрійская крѣпость, съ пушками огромнаго калибра, господствующая надъ всѣми этими голубыми бухтами и живописными мысиками, обстрѣливающая изъ своего орлинаго гнѣзда всѣ подступы берега...

Рагуза и сама—одна крѣпость. Въѣхали мы въ нее черезъ романтически-живописную старую воротную башню, всю во мхѣ и ползучихъ растеніяхъ, увитую плющомъ, съ изгрызенными временемъ зубцами, съ уступами, на которыхъ успѣли вырости цѣлыя деревья фигъ и олеандровъ. Башня эта только одно звено обширной крѣпости съ массивными высокими стѣнами, съ глубокими и широкими рвами, съ грозными когда-то бойницами. Стѣны и башни крѣпости карабкаются вверхъ по горѣ, спускаются глубоко къ морю, огораживая своими сплошными колоссальными ширмами каждый выступъ и каждую впадину скалы, на которой угнѣздился древній Дубровникъ. Эти маститыя укрѣпленія Дубровника живутъ уже очень длинный рядъ вѣковъ; стѣны, что̀ у самаго моря, построены были еще въ VII вѣкѣ, другія—въ XI, XII, XIV-мъ... Даже съ послѣдняго возобновленія ихъ прошло по 300 и по 400 лѣтъ! Ворота подъ башнею—цѣлая неприступная твердыня, съ обычнымъ поворотомъ внутри,—этою страшною западнею для вторгнувшагося врага; такъ всегда строились входы въ древнія крѣпости; на улицахъ, отлично вымощенныхъ, вездѣ виднѣются надъ дверями домовъ скульптурные гербы старинныхъ мѣстныхъ фамилій, статуи святыхъ въ нишахъ по католическому обычаю. Окна, карнизы, фронтоны крышъ тоже всѣ въ старинныхъ, потемнѣвшихъ отъ времени, орнаментахъ. Старые католическіе храмы особенно богаты скульптурою; на ихъ уступахъ, фронтонахъ, фасадахъ — цѣлое населеніе каменныхъ святыхъ, каменные цвѣты и деревья, затѣйливые каменные завитки колоннъ, каменныя надписи, каменные гербы... Мы заходили въ самые древніе храмы и изумлялись ихъ множеству богатыхъ алтарей, ихъ пестрымъ мраморамъ и мозаикамъ, ихъ прекраснымъ картинамъ итальянской кисти. Храмы эти и внутри наполнены статуями, словно капища идолопоклонниковъ.

Въ главномъ соборѣ службы не было, но человѣка четыре пожилыхъ патеровъ, въ бѣлыхъ кружевныхъ стихаряхъ, не то сидѣли, не то возлежали въ своихъ рѣзныхъ ложахъ за алтаремъ,

уставясь сонливыми глазами въ страницы требниковъ, и врядъ ли слушая съ особеннымъ вниманіемъ монотонное чтеніе на память извѣстныхъ имъ молитвъ сидѣвшаго впереди собрата. Колѣнопреклоненныя фигуры женщинъ и стариковъ виднѣлись въ разныхъ углахъ храма, передъ статуями Мадонны и святыхъ, тускло освѣщенными огоньками лампадокъ...

Храмы Дубровника соперничаютъ своею древностью съ его стѣнами и башнями. Самый старый и самый историческій храмъ св. Власія, патрона Рагузы, основанный въ X-мъ вѣкѣ, по случаю чудеснаго явленія этого святого священнику Стойку и отраженія рагузцами коварнаго нападенія венеціанцевъ, — правда, перестроенъ въ XVII-мъ столѣтіи совсѣмъ заново и совсѣмъ на итальянскій манеръ, такъ что отъ прежняго славянскаго стиля слѣдовъ не осталось; точно такъ же „возобновленъ“ былъ въ XVIII-мъ столѣтіи и другой историческій соборъ св. Маріи, построенный еще въ 1050 г. хорватскимъ княземъ Стефаномъ, современникомъ нашего Ярослава Мудраго, и до сихъ поръ хранящій въ себѣ много древнихъ реликвій; но все-таки сѣдая древность этихъ святилищъ сообщаетъ имъ особенно интересный характеръ.

Теперь вы чувствуете себя въ Рагузѣ какъ въ настоящей Италіи, а вовсе не въ коренномъ славянскомъ поморьѣ. Венеція, хотя всегдашняя соперница и злѣйшій врагъ рагузской республики въ теченіе многихъ вѣковъ тѣснаго сосѣдства и борьбы, наложила на нее незыблемо-крѣпко характерную печать своихъ вкусовъ и обычаевъ. Тутъ и стиль домовъ, и убранство церквей, и внѣшній видъ улицъ—чисто венеціанскіе. А ужъ особенно главная площадь передъ префектурою—прямо уголокъ Венеціи; недостаетъ только воды вмѣсто мостовыхъ и гондолъ вмѣсто фіакровъ. Домъ префектуры—бывшій „дворецъ ректоровъ республики“—выстроенъ еще въ XV-мъ столѣтіи въ явное подражаніе „дворцу дожей“, съ неизмѣнными острыми арками, раздѣленными парочкой сомкнутыхъ колонокъ, съ обычными сквозными рѣшотками балконовъ. Подъ арками въ холодкѣ устроены каменныя сидѣнья съ рѣзьбою въ два яруса для бывшихъ гражданъ республики, имѣвшихъ надобность до властей. Внутренній дворъ этого дворца ректоровъ тоже весь обнесенъ потемнѣвшими отъ времени колонками; старинная массивная лѣстница, высѣченная изъ камня, съ рѣзьбою и скульптурными украшеніями, ведетъ нѣсколькими поворотами наверхъ. Отовсюду смотрятъ характерныя островерхія венеціанскія окна, вездѣ надъ входами статуи папъ и святыхъ въ нишахъ, и неизбѣжныя статуи св. Власія,

патрона города, вездѣ въ промежуткахъ между колоннъ узенькіе каменные балкончики съ балюстрадою...

На главной площади—другой такой жѐ точно домъ, съ гербами, арками, венеціанскими окнами и балкончиками. Это бывшая таможня,—постройка XVI вѣка.

Тутъ же, на площади—довольно безхитростный памятникъ какого-то, изъ камня высѣченнаго, средневѣкового рыцаря съ поднятымъ мечомъ, XIII-го или XIV-го столѣтія, безъ сомнѣнія одного изъ немногихъ былыхъ защитниковъ этой совсѣмъ не воинственной торговой республики. Гораздо болѣе интересный и знаменательный памятникъ стоитъ на фруктовомъ рынкѣ Дубровника—прекрасная бронзовая статуя знаменитаго славянскаго поэта XVII вѣка, рагузянина Франческо Гундулича, перекрещеннаго итальянцами въ Франческо Гондоло. Онъ изображенъ съ перомъ въ рукѣ, въ костюмѣ Гёте, съ задумчиво-восторженнымъ выраженіемъ лица, въ моментъ поэтическаго творчества... На бронзовыхъ доскахъ кругомъ пьедестала представлены сцены изъ его патріотическихъ и фантастическихъ стихотвореній.

Рагуза производитъ впечатлѣніе не только итальянскаго, но еще и средневѣкового города. Отъ ея широкой главной улицы, обставленной сѣрыми высокими домами старинной архитектуры, да и отъ всѣхъ другихъ площадей и улицъ, идутъ въ обѣ стороны узенькіе и глубокіе, будто ножомъ прорѣзанные, переулочки, съ такими же сплошными рядами высокихъ и мрачныхъ темносѣрыхъ домовъ; сквозь устья этихъ переулочковъ видны то поднимающіеся въ горы, то спускающіеся къ береговымъ провальямъ цѣлые ярусы опрятныхъ каменныхъ лѣсенокъ, по которымъ двигаются, съ корзинами и кувшинами, къ фонтанамъ и рынкамъ рагузскіе горожанки и горожане. Они, по крайней мѣрѣ, еще не стали похожими ни на итальянцевъ, ни на нѣмцевъ. Мужи Дубровника—усатые, важные, толстые—даже скорѣе напоминаютъ своею внѣшностью турка, чѣмъ европейца. Красныя фески на всѣхъ, хотя и безъ обычной турецкой кисти; одна ярко-расшитая безрукавка-курточка поверхъ другой, рубаха съ такими же расшитыми рукавами перепоясана широкимъ кушакомъ, за которымъ заткнуты пистолеты, и совсѣмъ турецкія синія широкія шаровары, съ красною выпушкою, низко падающія на синіе чулки или ноговицы... Бабы же Дубровника одѣваются очень похоже на нашихъ малороссіянокъ—въ черные и красные кафтанчики, запаски, платки. Кромѣ чиновниковъ и военныхъ, здѣшніе жители—сплошные славяне, очень мало отличающіеся отъ сосѣднихъ съ ними босняковъ и герцеговинцевъ, развѣ только нѣкоторою

примѣсью къ своей рѣчи итальянскихъ словъ. Намъ пришлось насмотрѣться на населеніе Дубровника особенно удобно, потому что прибывшіе изъ Требинья (въ Босніи) музыканты-трубачи, устроившіе цѣлый концертъ подъ окнами префектуры, двинулись потомъ, трубя и гремя, по всѣмъ улицамъ Дубровника и собрали, конечно, вслѣдъ за собою толпы простого народа, словно нарочно для показа намъ.

Мы добросовѣстно объѣхали на своемъ покойномъ извозчикѣ всѣ уголки Дубровника. Подъѣзжали и къ греческой церкви, затиснутой въ самую гущу старыхъ центральныхъ кварталовъ города, но она была заперта, и никто не могъ даже сказать намъ, гдѣ живетъ сторожъ церкви...

Вообще положеніе небольшой кучки православныхъ въ этомъ старомъ центрѣ приморскаго славянства—очень незавидно. Ихъ насчитывается всего нѣсколько сотъ человѣкъ на десятки тысячъ католиковъ; только недавно и послѣ большихъ усилій православнымъ удалось добиться разрѣшенія построить греческую церковь. До 1804 г., свободолюбивый Дубровникъ не допускалъ въ своихъ славянскихъ стѣнахъ православнаго исповѣданія, и только одни католики пользовались въ немъ правами гражданства. Извѣстный въ нашей исторіи Савва Владиславовичъ, называвшій себя графомъ Рагузинскимъ, еще во времена Петра Великаго пытался построить въ Рагузѣ православную церковь, но не могъ добиться разрѣшенія на это отъ „отцовъ республики“, всецѣло тогда опутанныхъ сѣтями іезуитовъ.

Проѣхали мы и сквозь заднія ворота крѣпости къ самой гавани Рагузы, загроможденной камнями и утесами, и любовались тамъ живописною картиною древнѣйшихъ крѣпостныхъ стѣнъ, спускающихся почти въ самое море, обвитыхъ зелеными простынями плюща, обросшихъ громадными деревьями...

Однако, несмотря на этотъ романтическій видъ, и башни, и стѣны, и ворота старой крѣпости поддерживаются въ отличномъ порядкѣ, и нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда разрушенія и запущенности. Нужно думать, что этотъ строгій порядокъ, точно такъ же, какъ повсемѣстная чистота улицъ, не исключая самаго тѣснаго переулка,—плоды нѣмецкаго вліянія австрійцевъ, а не наслѣдіе Италіи или вольной славянской республики, нѣкогда здѣсь властвовавшей...

Около въѣзда въ Рагузу, въ предмѣстьѣ Пилахъ, стоитъ на высокомъ утесѣ, среди прибоя моря, отдѣльный фортъ св. Лаврентія, построенный еще до временъ крестовыхъ походовъ и возобновленный въ XV-мъ столѣтіи; мы тоже заглянули туда.

Низко въ скалѣ чернѣетъ тамъ отверстіе пещеры, сквозь которую, какъ увѣрялъ насъ возница, былъ въ старину подземный тайный проходъ изъ крѣпости къ морю.

Когда мы возвратились въ Гружъ и двинулись на своемъ пароходѣ дальше, по пути къ Каттаро, пришлось опять проплывать мимо Рагузы. Она видна была намъ вся, съ своими картинными зубчатыми стѣнами и башнями, среди своихъ садовъ и дачъ, на своихъ черныхъ скалахъ, обсыпанная и съ моря скалами и островками, съ высоко забравшеюся надъ головою ея новою австрійскою крѣпостью и раскиданными по вершинамъ горъ фортами...

Островокъ Лакрома, славянскій Крумъ, извѣстный еще въ средніе вѣка высадкою на него Ричарда Львиное-Сердце, возвращавшагося изъ крестовыхъ походовъ, тутъ же противъ Рагузы, и тоже увѣнчанъ фортомъ на своемъ центральномъ холмѣ; среди множества другихъ голыхъ и безпріютныхъ прибрежныхъ островковъ онъ глядитъ такъ заманчиво на насъ изъ глубокой синевы охватившаго его моря своимъ стариннымъ аббатствомъ и красивыми обрывами своихъ скалъ. Когда-то на этомъ островкѣ проводилъ свои дни бывшій адмиралъ австрійскаго флота, а потомъ злополучный мексиканскій императоръ Максиміліанъ, братъ нынѣшняго австрійскаго императора, который купилъ островокъ Крумъ и сталъ-было строить дворецъ изъ аббатства, разрушеннаго въ 1806 г. русскими войсками. Его библіотека и научныя коллекціи, говорятъ, долго хранились въ аббатствѣ [1]). Воспоминанія о злополучной судьбѣ самой Рагузы невольно заслоняютъ здѣсь воспоминанья о несчастномъ австрійскомъ принцѣ, погибшемъ жертвою безсмысленной затѣи Наполеона III.

Рагуза называлась такъ очень давно, когда она еще существовала какъ римская колонія. Всю остальную свою исторію она была славянскимъ Дубровникомъ. Мы проѣхали очень скоро мимо развалинъ этой Raguza Vecchia, „древней Рагузы“, всего часахъ въ трехъ ѣзды къ югу отъ теперешней. Эта древняя римская Рагуза, въ свою очередь, выросла на развалинахъ еще древнѣйшей эллинской колоніи Эпидавра, а когда восточные варвары, готы, славяне и всякія другія степныя орды, нахлы-

[1]) На Крумѣ проживалъ нерѣдко и безвременно погибшій Рудольфъ, наслѣдный принцъ Австро-Венгріи; старинная легенда, связанная съ этимъ островомъ, повѣствующая, что никто изъ жившихъ въ палатахъ Крума владѣльцевъ его не умиралъ своею смертью, случайнымъ образомъ оправдалась и на обоихъ этихъ представителяхъ Габсбургскаго дома.

нувшіе на Балканскій полуостровъ въ первые вѣка послѣ паденія западной римской имперіи, разрушили римскіе города далматскаго побережья, въ томъ числѣ Салону, Рагузу и проч., то жители этихъ колоній засѣли въ неприступныя скалы и въ необитаемыя *дубровы* сосѣднихъ островковъ и мысовъ, и основали тамъ себѣ новое гнѣздо, которое мѣстные славяне, ставшіе мало-по-малу главнымъ населеніемъ новаго города, и прозвали *Дубровникомъ*.

Но все-таки первоначальная римская закваска сказалась на всей дальнѣйшей судьбѣ этой славянской общины, на ея политическомъ и общественномъ устройствѣ, на ея тяготѣніи къ Риму и Италіи, на ея отчужденности отъ остального славянства. Каста патриціевъ, тѣхъ же венеціанскихъ нобилей, — по славянски *властелей*, — рано выдѣлилась изъ народа и захватила въ руки безконтрольную власть надъ нимъ, распоряжаясь его судьбами исключительно ради своихъ сословныхъ и коммерческихъ интересовъ. Ректоры, правившіе республикою, не могли ничего сдѣлать во благо народу, потому что ревнивые и подозрительные „властели“ выбирали своихъ главъ государства всего только на одинъ мѣсяцъ и окружали ихъ цѣлою сложною организаціею недовѣрія и ограниченія власти, точно такъ же, какъ это продѣлывали съ своими дожами и вѣчные соперники рагузцевъ — венеціанскіе патриціи, которымъ они рабски подражали.

Тѣмъ не менѣе славянскій духъ долго еще проявлялъ себя, и въ XIV вѣкѣ, напр., Дубровникъ сдѣлался разсадникомъ славянской литературы, славянскаго просвѣщенія.

Сербскій король Стефанъ Душанъ даже посылалъ въ Дубровникъ воспитываться сербскихъ юнаковъ и снаряжалъ сюда особое посольство съ просьбою прислать къ его двору двадцать благородныхъ молодыхъ людей, которые могли бы служить его сербскимъ придворнымъ образцомъ хорошо воспитанныхъ людей.

Мирный Дубровникъ не увлекался ни военными подвигами, ни завоеваніями, а строилъ школы и корабли, выписывалъ изъ Италіи учителей и распространялъ по всему доступному тогда свѣту свою морскую торговлю, ни съ кѣмъ не ссорясь, со всѣми заключая выгодные для себя торговые договоры, иногда даже торгуя въ чужихъ странахъ безъ всякихъ пошлинъ.

Къ началу XVI столѣтія, корабли дубровничанъ плавали по всѣмъ морямъ Европы, Азіи, Африки и Америки. На своихъ огромныхъ корабляхъ, смѣло переплывавшихъ океаны, дубровничане помогали въ свое время испанцамъ завоевать Америку, за что многіе изъ знатныхъ дубровничанъ получили потомъ званіе

испанскихъ грандовъ. Болѣе 3.000 кораблей Дубровника состояли на службѣ у императора Карла V-го. Много дубровничанъ перебралось по зову Петра Великаго и въ Россію, гдѣ одинъ изъ нихъ (Стулли) достигъ даже чина адмирала русскаго флота. „Въ Европѣ нѣтъ такой глухой и такой враждебной къ иностранцамъ страны, въ которой нельзя было бы найти дубровникскихъ купцовъ", писалъ о нихъ одинъ итальянскій авторъ.

„По какимъ морямъ не плаваютъ дубровникскіе купцы, по какимъ землямъ они не путешествуютъ, въ какія удаленныя и сокровенныя мѣста они не проникаютъ"?—такъ характеризовалъ ихъ другой современникъ.

Якутъ, арабскій географъ XIII вѣка, сообщаетъ, что въ Палермо былъ даже особый „Славянскій кварталъ" для дубровникскихъ купцовъ, а въ другомъ мѣстѣ Сициліи до сихъ поръ существуетъ городъ Рагуза, очевидно, обязанный своимъ именемъ тѣмъ же предпріимчивымъ дубровникскимъ торговцамъ.

Правда, дубровничане не отличались особеннымъ рыцарствомъ и, чувствуя свою боевую слабость, всегда старались присосѣдиться къ сильнѣйшей сторонѣ, за что и получили прозванье „народа, который по семи разъ въ день мѣняетъ свой флагъ". Но зато они и не злоумышляли противъ другихъ народовъ и не затѣвали нигдѣ смутъ, какъ это постоянно дѣлала коварная и гораздо болѣе могучая соперница ихъ—Венеція. Постоянный миръ и дѣятельная торговля наполняли Дубровникъ богатствомъ. Въ XVI вѣкѣ онъ славится уже какъ одинъ изъ самыхъ промышленныхъ и просвѣщенныхъ центровъ европейской жизни. Ювелиры его искусно обдѣлываютъ золото и серебро босній-скихъ рудниковъ; французскій король выписываетъ изъ Дубровника сукна къ своему двору; его шелковыя фабрики получаютъ общую извѣстность; 20 заводовъ льютъ въ немъ свѣчи, другіе—стеклянную посуду, третьи—пушки. Дубровникъ бойко торгуетъ кораллами Адріатики и Архипелага, солью изъ варницъ Неретвы, а еще бойчѣе—своими кораблями, заказы на которые сыплются отовсюду. Академія Дубровника привлекаетъ къ себѣ слушателей изъ чужихъ странъ, создаетъ славянскихъ ученыхъ и литераторовъ. Поэмы Гундулича переводятся на разные европейскіе языки и разносятъ вездѣ его имя.

Но олигархическое управленіе одной привилегированной касты кончается тѣмъ, чѣмъ всегда,—чѣмъ оно окончилось и въ Венеціи—грозной соперницѣ Дубровника, не поглотившей только его одного на всемъ побережьѣ Далмаціи. Безотвѣтственное своеволіе, безумная роскошь и постоянныя междоусобныя ссоры вла-

стелей—вмѣстѣ съ пагубнымъ вліяніемъ на нихъ все усиливавшагося іезуитства, — уничтожили мало-по-малу благосостояніе и силу этого трудолюбиваго счастливаго уголка, одареннаго климатомъ южной Италіи, въ садахъ котораго апельсины, лимоны и пальмы ростутъ какъ въ Неаполѣ, и въ развалъ зимы цвѣтутъ миндаль и розы.

Независимость Дубровника, пятнадцать вѣковъ охранявшаго свою свободу, погибла въ хаосѣ безконечныхъ европейскихъ войнъ, поднятыхъ роковымъ геніемъ Наполеона I. Французы вошли въ него въ качествѣ друзей и защитниковъ его отъ англичанъ и русскихъ, но потомъ безсовѣстно разорили этотъ богатый и роскошный городъ, въ которомъ еще въ средніе вѣка, по выраженію старой сербской пѣсни, было „99 воротъ“,—взыскали съ него цѣлый милліонъ контрибуціи, ограбили государственную казну и общественный банкъ, монастыри и церкви.

Русскіе хотѣли наказать вѣроломныхъ рагузцевъ, нарушившихъ свои торжественныя обязательства, и осадили Дубровникъ вмѣстѣ съ черногорцами и бокезами. 20 дней продолжалась осада, всѣ окрестности были опустошены. Около 9 милліоновъ франковъ денегъ и жизни 2.000 человѣкъ стоила рагузцамъ и ихъ мнимымъ друзьямъ французамъ эта борьба съ русскими. Въ награду за нее Наполеоновъ маршалъ Мармонъ, возведенный потомъ за этотъ подвигъ въ „герцоги Рагузскіе“, явившись по-наполеоновски въ сенатъ Дубровника, безъ дальнѣйшихъ церемоній объявилъ республику уничтоженною, правительство и сенатъ распущенными. Это произошло въ 1808 году, а черезъ пять лѣтъ совѣтъ европейскихъ монарховъ рѣшилъ передать эту свободную республику во власть „счастливой“ Австріи, въ лонѣ которой она пребываетъ и донынѣ.

Рагузцы, надо сказать, никогда не отличались пристрастіемъ къ своимъ русскимъ соплеменникамъ и скорѣе, чѣмъ всѣ другіе далматинцы, забыли свои славянскія преданія. Въ то время какъ, еще начиная съ Петра Великаго, многіе рагузцы находили себѣ въ Россіи радушный пріемъ, наживали тамъ деньги и достигали почестей, эта славянская республика, съ своей стороны, платила за русское гостепріимство другою монетою: при Екатеринѣ II-й рагузцы усердно поддерживали противъ насъ турокъ, снабжали ихъ припасами, управляли ихъ артиллеріей, какъ это оказалось, напр., при осадѣ нами турецкой крѣпости Корона на южномъ берегу Пелопоннеса, а два военныхъ корабля рагузцевъ даже прямо дѣйствовали вмѣстѣ съ турками противъ русскаго флота подъ Наполи-ди-Романіа. Точно такъ же относи-

лись эти объитальянившіеся славяне и къ своимъ кровнымъ братьямъ герцеговинцамъ, доставляя хлѣбъ турецкой арміи въ то время, какъ та огнемъ и мечомъ истребляла возставшихъ за свою свободу геройскихъ горцевъ...

3.—Бокка-Каттарская.

Стало сильно покачивать, когда мы выбрались за Рагузою изъ архипелага прибрежныхъ острововъ и пошли открытымъ Адріатическимъ моремъ вдоль некрасиваго и однообразнаго гористаго берега. Но вотъ этотъ берегъ начинаетъ принимать капризныя и картинныя очертанія, и мало-по-малу передъ нами выросъ далеко выдавшійся въ море утесистый мысъ, самъ по себѣ достаточно неприступный, но сдѣланный еще болѣе неприступнымъ трудами человѣка. Мысъ этотъ, можно сказать, окованъ, какъ корабль бронею, гранитными стѣнами крѣпости, взбирающейся по уступамъ скалы отъ его подножія до его вершины, гдѣ живописно вырѣзается цѣлый замокъ съ башнями, укрѣпленныя казармы и бѣлая каланча маяка... Черные зѣвы бойницъ и черныя жерла тяжелыхъ пушекъ, стоящихъ на нарапетахъ, очень недвусмысленно глядятъ на водную дорогу, которая вдругъ сворачиваетъ здѣсь узкимъ проливомъ влѣво отъ моря, внутрь материка. Съ другой стороны пролива, на другомъ гористомъ мысѣ —такая же крѣпость съ такими же жерлами и бойницами, обращенными съ такимъ же зловѣщимъ вниманіемъ на проходящіе по проливу корабли. Въ подспорье къ нимъ уже въ водахъ пролива, поближе къ правой, т.-е. южной крѣпости, еще маленькій фортъ, угнѣздившійся на подводной скалѣ. Лѣвая, главная крѣпость—это Пунто д'Остро, своего рода австрійскій Гибралтаръ далматскаго побережья. Другая крѣпость, на Пунто д'Арса, называется фортъ Мамула, въ память бывшаго здѣсь въ 50-хъ годахъ генералъ-губернатора генерала Мамулы, кажется, единственнаго православнаго, достигшаго этого званія въ ту эпоху, когда Австрія ухаживала за приморскими славянами. Съ 50-хъ годовъ началось и усиленное укрѣпленіе австрійцами этихъ грозныхъ воротъ въ Бокку-Каттарскую. На взглядъ не-военнаго человѣка нѣтъ, кажется, никакой возможности пробиться черезъ проливъ, со всѣхъ сторонъ обстрѣливаемый орудіями трехъ крѣпостей, но люди знающіе увѣряютъ, что теперешній броненосный флотъ разнесетъ въ щепы эти внушительныя стѣны и башни и пройдетъ цѣлою эскадрою мимо ихъ пушекъ.

Насъ тоже встрѣтили выстрѣлами съ обоихъ фортовъ, только не враждебными, а почетными. Оказалось, что съ нами ѣхалъ изъ Рагузы въ Каттаро австрійскій полковникъ, командиръ форта Мамулы, и солдаты столпились на площадкахъ его крѣпости и усердно махали флагами въ знакъ привѣтствія своему начальству.

Только пройдя проливъ и очутившись въ огромномъ кругломъ озерѣ своего рода, со всѣхъ сторонъ окруженномъ гористыми берегами, я понялъ, какое сокровище оберегаетъ Австрія своими бойницами и пушками. Признаюсь въ своемъ невѣдѣніи, я не имѣлъ раньше никакого представленія о томъ, что̀ это такое Бокка Каттарская. Вѣдь вотъ даже люди, никогда не заглядывавшіе за границу своего отечества, а только кое-что читавшіе и слышавшіе, всѣ хорошо знаютъ, какъ красивъ Босфоръ или Неаполитанскій заливъ; но изъ нихъ, навѣрное, рѣдко кто слыхалъ самое имя Бокки Каттарской. А между тѣмъ красота Бокки-ди-Каттаро, по-русски залива Котòрскаго, не уступитъ своею поразительною оригинальностью никакимъ знаменитымъ мѣстностямъ міра. Это—сплошной рядъ чудныхъ и разнообразныхъ картинъ, отъ которыхъ восторгомъ наполня̀ется сердце художника.

Каттарская Бокка—цѣлая цѣпь озёръ-заливовъ, соединенныхъ между собою узкими проливами и капризно извивающихся у подножія окружающихъ горъ. Три крупныя озера-залива въ свою очередь вдаются въ эти сдавливающія ихъ отовсюду горы многочисленными бухточками, и это придаетъ ихъ ландшафту особенное очарованіе. Мы въѣхали въ первый заливъ съ юга прямо на сѣверъ, потомъ повернули рѣзко на востокъ во второй заливъ, изъ второго опять на сѣверъ, тамъ опять на востокъ и наконецъ—также рѣзко на югъ. Это даетъ нѣкоторое понятіе о томъ, насколько капризны и неожиданны изгибы Бокки Каттарской.

Когда мы очутились по срединѣ перваго громаднаго плёса Бокки Каттарской, въ этой, такъ сказать, прихожей комнатѣ ея, я съ забавнымъ недоумѣніемъ оглядывался кругомъ, стараясь угадать, откуда же это пришли мы, и куда долженъ сейчасъ направиться нашъ дальнѣйшій путь? Но ни входа, ни выхода изъ этого громаднаго голубого бассейна, прекраснаго и тихаго, какъ горное озеро Швейцаріи,—не было видно ни впереди, ни сзади, ни направо, ни налѣво. Хорошенькіе городки, деревеньки, монастыри разбросаны по берегамъ этого мирнаго озера, ярко вырѣзаясь освѣщенными солнцемъ бѣлыми домиками, колокольнями, красными крышами на зелени своихъ садовъ. На каждой вер-

шинкѣ горы, какъ бы ни было высоко, непремѣнно сверкаетъ на солнцѣ какая-нибудь старинная православная часовенька. Здѣсь, въ сосѣдствѣ съ Черногоріей, православное населеніе значительно многочисленнѣе католическаго, составляя по меньшей мѣрѣ $^2/_3$ всѣхъ жителей Бокки... Старинныя башни, тоже раскинутыя довольно обильно по холмамъ и верхушкамъ горъ, съ своей стороны еще выразительнѣе напоминаютъ близость воинственной Черной-Горы...

Налѣво отъ насъ на берегу городъ Новый,—больше извѣстный подъ своимъ итальянскимъ именемъ Кастель-Нуово. Направо, противъ него, другой городокъ—Порте Розе. Хорошее шоссе проведено изъ Рагузы въ Кастель-Нуово, одинъ изъ самыхъ торговыхъ и богатыхъ уголковъ Бокки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на свое имя, одно изъ старѣйшихъ здѣшнихъ поселеній, такъ какъ онъ былъ построенъ еще въ XIV вѣкѣ боснійскимъ королемъ Стефаномъ Твартко, изгнавшимъ изъ Бокки Каттарской властвовавшихъ здѣсь венгровъ.

Топла составляетъ родъ его пригорода, а Милинье—его гавань. Впрочемъ, весь этотъ заливъ-озеро—одна прекрасная колоссальная гавань. Здѣсь могъ бы безъ труда помѣститься чуть не весь военный флотъ всей Европы. Недавно еще и Кастель-Нуово, и вся Бокка отрѣзались отъ остальной австрійской Далмаціи узкою полосою турецкой земли—Сутториною, протиснувшейся издревле между Рагузою и Боккою, вплоть до самаго залива. Рагузская республика, постоянно тѣснимая Венеціей, до того боялась имѣть съ нею общія границы, дававшія частые поводы къ столкновеніямъ, что рѣшилась лучше уступить Турціи полосу земли, отдѣлявшую ея владѣнія отъ Бокки, подвластной въ то время венеціанцамъ. Но съ такъ-называемою „оккупаціею“ Босніи, Сутторина, разумѣется, перестала быть турецкою землею и разобщать австрійскія владѣнія.

Австрійскій флотъ имѣетъ свои обычныя стоянки у Кастель-Нуово, или, вѣрнѣе, у Топлы. Мало кому извѣстно, что и наши русскіе корабли когда-то владѣли живописною Боккою и стояли у Кастель-Нуово.

Адмиралъ Сенявинъ, во время войны съ французами въ 1806 г., захватилъ подъ свою власть, съ помощью храбрецовъ черногорцевъ, и Котòръ, и Новый, и всѣ береговые городки Каттарскаго залива, но тильзитскій миръ прискорбной памяти передалъ Бокку французамъ, къ великому негодованію черногорцевъ, которые не хотѣли помириться съ такою несправедливостью, и уже одни, безъ русскихъ, съ нѣкоторою только помощью Англіи, опять отобрали отъ пришельцевъ-французовъ почти родную имъ область... Когда я читалъ въ дѣтствѣ стихотвореніе Пушкина:

„Черногорцы, что такое?
Бонапарте вопросилъ;
Правда ль это племя злое
Не боится нашихъ силъ...

то, признаюсь, недоумѣвалъ, гдѣ это французы могли встрѣчаться съ черногорцами? Навѣрное, Пушкинъ взялъ сюжетъ своихъ стиховъ просто изъ головы, вопреки всѣмъ историческимъ фактамъ. Только здѣсь, на мѣстѣ, и уже очень поздно узналъ я въ первый разъ, что французы дѣйствительно вели войну съ геройскою кучкою черногорскихъ „орловъ", и что черногорцы дѣйствительно били и побѣждали славныя дружины Наполеона. Между мелинскою гаванью и городомъ Новымъ лежитъ въ апельсинныхъ и лимонныхъ рощахъ, среди прекраснѣйшей мѣстности, древній Саввинскій монастырь, пребываніе православнаго епископа, весь наполненный дарами русскихъ. Но пароходъ нашъ не заходилъ въ Кастель-Нуово, и мы только издали полюбовались на него и на его живописный монастырь.

Кастель-Нуовскій плёсъ, круглый какъ озеро, въ который мы вошли съ моря, повернувъ прямо на сѣверъ, изливается узкимъ проливомъ Катеней въ слѣдующій плёсъ Бокки-Каттарской, или во второе отдѣленіе ея, совершенно на востокъ... Проливъ этотъ мы увидѣли только тогда, когда пароходъ нашъ уже прорѣзалъ его волны,—такъ долго прячутъ его отъ взоровъ прилегающія къ нему скалы. Венеціанцы, былые господа Бокки, всегда недовѣрчивые и осторожные, запирали Катеней желѣзною цѣпью съ одного берега на другой, чтобы не пропускать чужіе корабли торговать съ городками Бокки. Хорошъ и этотъ второй, еще болѣе обширный плёсъ Бокки, отъ котораго отдѣляется къ югу глубоко вдавшаяся въ землю живописная бухта Теода; но когда пароходъ нашъ прорѣзалъ его насквозь и опять повернулъ черезъ новый проливъ на сѣверъ, то видъ сдѣлался просто волшебнымъ: горы здѣсь еще выше, еще разнообразнѣе, еще зеленѣе; деревеньки еще уютнѣе и красивѣе, воды залива еще болѣе чудной лазури. Какой-то сонъ на яву, невѣроятныя картины изъ громаднаго живого альбома. Тутъ и быстро чередующіяся перспективы Босфора, и тихіе, поэтическіе омуты озера Четырехъ-Кантоновъ.

Третій крупный заливъ Бокки уходитъ отъ пролива къ сѣверу, къ городку Ризано, открывая намъ заманчивую панораму своихъ туманно-синихъ горъ, куда не лежитъ, однако, нашъ путь; мы же повертываемъ изъ пролива рѣзко на востокъ въ четвертый и послѣдній плёсъ Бокки Каттарской. Передъ нами слѣва, у подножія пирамидальной горы Кассана, темнозеленой и курча-

вой отъ одѣвающихъ ее лѣсовъ,—прелестный городокъ Перасто, населенный уже не православными, какъ Кастель-Нуово, а ревностными католиками. Передъ городкомъ, среди залива, словно установленные тамъ нарочно для эффектной декораціи, поднимаются изъ лона водъ два миніатюрныхъ островка, обращенные въ католическіе монастыри. Одинъ—во имя Мадонны della Scalpella, другой—во имя св. Георгія. Эти хорошенькія каменныя игрушечки удивительно кстати разнообразятъ своимъ оригинальнымъ романтическимъ видомъ величественную картину горъ и водъ, которая кругомъ охватываетъ здѣсь насъ. И католики, и православные одинаково чтутъ эти крошечныя обители, затерянныя среди широкой глади залива, и окружаютъ ихъ благочестивыми легендами. Монастыри эти играли въ свое время роль и въ исторіи боккезовъ, служа имъ оплотомъ противъ вторженія враговъ, и еще недавно, въ дни французскаго владычества, были политы кровью храбрыхъ. Тѣсныя горныя ворота, за которыми стелется голубая гладь залива Ризано, поднимаются сейчасъ же около Перасто, съ его лѣвой стороны, и придаютъ много суровой живописности всему пейзажу. Самъ городокъ Ризано, построенный на мѣстѣ античной римской колоніи Рициніума, не виденъ намъ съ парохода, но въ глубинѣ залива поднимаются, сквозь туманы, голыя мрачныя горы племени кривошіянъ, ближайшихъ сродниковъ и всегда готовыхъ союзниковъ Черной-Горы, такихъ же, какъ черногорцы, безстрашныхъ, вольнолюбивыхъ и бранолюбивыхъ,—такихъ же кровныхъ ненавистниковъ мусульманства, такихъ же православныхъ, какъ они, несмотря на многолѣтній гнетъ турокъ и австрійцевъ...

Голы и грозны не только горы видной вдали Кривошіи; весь лѣвый берегъ залива, начиная отъ устья ризанской бухты—одна громадная стѣна голыхъ хребтовъ, цѣликомъ опрокинувшихся внизъ головами въ глубокіе омуты залива и погрузившихъ его этимъ колоссальнымъ отраженьемъ своимъ въ какую-то таинственную темнозеленую полутьму; только лѣсистая пирамида Кассана весело выдѣляется своими зелеными кудрями и пестрыми домиками Перасто на этомъ мрачномъ фонѣ сѣрыхъ горъ.

Оглянитесь на правый берегъ — тамъ иная картина: тамъ все зеленыя, мохнатыя отъ лѣсовъ пирамиды горъ, въ упоръ освѣщенныя солнцемъ и оттого, кажется, еще болѣе яркія и веселыя... Съ макушки первой горы пристально смотрятъ черезъ верхушки деревьевъ на устье пролива, на выходъ изъ бухты Ризано, на самый городокъ Перасто, лежащій какъ разъ напротивъ,—пушки двухъ, съ иголочки новыхъ, австрійскихъ фортовъ...

Но въ радостной картинѣ солнечнаго дня, голубыхъ водъ, зеленыхъ лѣсовъ — и эти гнѣзда смерти, забравшіяся подъ облака, кажутся живописными и милыми.

А отъ сосѣдней съ ними горы просто глазъ не оторвешь. Тамъ тоже взобрались высоко на обрывы скалъ ярко освѣщенные малочисленные домики Горнаго-Столива, въ то время какъ Дольній-Столивъ тѣснится своими бѣдными жильями у подножія той же черной громады, совсѣмъ близко къ водѣ.

Деревеньки и сады вообще опоясываютъ почти сплошь, будто разноцвѣтнымъ поясомъ, подножія горныхъ массъ, обступившихъ здѣсь съ обѣихъ сторонъ прекрасный голубой заливъ. Вотъ онъ вдругъ поворачиваетъ уже не узкимъ проливомъ, какъ прежде, а всею своею привольною ширью—рѣзко на югъ, врѣзая мимоходомъ далеко въ толщи горъ хорошенькую бухточку между Перасто и селомъ Добрдтою... Теперь уже это послѣдній заворотъ парохода къ Каттаро, которое открывается, наконецъ, въ глубинѣ залива, на крайнихъ предѣлахъ его. Капитанъ нашъ считаетъ отъ Пунто д'Астро до Каттаро всего 25 верстъ по русскому счету; такова длина чудной Бокки Каттарской, этого Босфора Адріатики. Все время идемъ мы впередъ, шли сначала къ сѣверу, потомъ къ востоку, потомъ опять къ сѣверу, потомъ опять къ востоку, и вотъ теперь, оказывается, идемъ уже прямо къ югу, словно на встрѣчу самимъ себѣ... До того капризны и рѣзки изгибы каттарскихъ плесовъ...

И чѣмъ дальше, чѣмъ ближе къ Каттаро, тѣмъ все могучѣе и грознѣе дѣлается красота горъ. Отъ Перастской бухты пароходъ нашъ уже бѣжитъ въ суровой тѣни титанической черносѣрой стѣны, подпирающей облака небесныя. Стѣна эта загораживаетъ намъ здѣсь полнеба, она не даетъ ни одному лучу солнца пролить свой живительный золотой дождь на городки и деревеньки противоположнаго праваго берега. Стѣна эта тянется на цѣлыя версты, нигдѣ не разступаясь и не отступая, такая же сѣрая, такая же голая, такая же мрачная и неприступная отъ Перастской бухты до самаго Каттаро... Глядишь съ жуткимъ чувствомъ съ палубы своего низенькаго пароходика на эти первозданныя громады, уходящія въ небо, и кажешься самъ себѣ вмѣстѣ съ пароходомъ своимъ такою жалкою мошкою, копошащеюся у пяты этихъ каменныхъ исполиновъ; и самый заливъ, въ сущности еще очень широкій, по сравненію съ отѣнившими его колоссальными хребтами, невольно представляется какимъ-то узенькимъ водянымъ корридоромъ, обставленнымъ высокою стѣною...

— Это Черная-Гора!—какимъ-то словно обробѣвшимъ, стих-

шимъ голосомъ говоритъ мнѣ нашъ спутникъ австріецъ Вагнеръ, указывая рукою налѣво.

— Видите, это Черная-Гора!—крикнулъ мнѣ по-славянски сверху съ своего мостика капитанъ бокезецъ, и его черные глаза, и все его смуглое, сухое лицо вдругъ засверкали какимъ-то радостнымъ и самодовольнымъ огнемъ.

Такъ это, наконецъ, Черная-Гора!..

Я смотрѣлъ на нее съ безмолвнымъ благоговѣніемъ, издавна воспитаннымъ во мнѣ страстною симпатіею къ этому родному намъ племени сказочныхъ героевъ и богатырей, изумительнымъ образомъ уцѣлѣвшихъ на порогѣ XX-го столѣтія среди изнѣженной цивилизаціи современной Европы...

Такъ вотъ она, славная Черная-Гора! Привѣтъ тебѣ и земной поклонъ за доблести твои...

Титаническая каменная броня, одѣвающая молодецкую грудь Черногоріи, со стороны, обращенной къ врагу, — служитъ на своемъ верхнемъ гребнѣ и оффиціальною границею между австрійскою имперіею и княжествомъ черногорскимъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ въ краснорѣчивомъ безмолвіи вдругъ забѣлѣвшій тамъ наверху австрійскій фортъ и казарма австрійскихъ пограничныхъ жандармовъ, стерегущихъ рубежъ земли цесарской...

Но „орлы“ Черной-Горы не стѣсняются жандармами и пушками. Ихъ черныя струки свободно бродятъ по козьимъ тропамъ этихъ головокружительныхъ высей, въ которыхъ они чувствуютъ себя какъ рыба въ водѣ, и въ былыя времена они уже не разъ— нельзя сказать—сбѣгали, а просто слетали съ своихъ дикихъ неприступныхъ утесовъ, сливались съ нихъ быстро и дружно внизъ, какъ волны горнаго водопада, и являлись какъ снѣгъ на голову среди перепуганныхъ жителей Бокки, гомерически-могучіе, гомерически-смѣлые, круша и руша передъ собою тогда еще дряблую австрійскую силу.

Все подножіе Черной-Горы, какъ и другихъ горныхъ береговъ Бокки, одѣто внизу садами оливокъ, смоковницъ, орѣховъ, усѣяно деревеньками и хуторками. Тутъ Мота, Добрóта и много другихъ селъ, а противъ нихъ на правомъ берегу большое красивое мѣстечко Перчань. Добрóта—одно изъ самыхъ богатыхъ селеній Бокки; ея большіе двухъ-этажные каменные дома придаютъ ей видъ изряднаго городка. А такъ какъ жители ея не православные, а все католики, то въ прежнее время, когда между Австріей и Черною-Горою то-и-дѣло возникали пограничныя

ссоры и столкновенія,—набѣги черногорскихъ юнаковъ прежде всего обрушивались на голову злополучныхъ добротянъ,—этихъ самыхъ близкихъ и самыхъ заманчивыхъ по зажиточности своей сосѣдей безплодной и бѣдной Черной-Горы, все-таки болѣе щадившей своихъ единовѣрцевъ...

Каттаро, славянскій Котòръ, хорошо виденъ только тогда, когда вплотную подъѣдешь къ нему. Тамъ, гдѣ горы праваго берега Бокки совсѣмъ готовы сойтись съ утесистыми стѣнами Черной-Горы,—узкая тѣснина, вся заросшая садами, раздѣляетъ ихъ своею глубокою сѣдиною. У начала этого ущелья, на низкомъ берегу, почти вровень съ водою, толпится группа домовъ и церквей, осѣненныхъ сзади отвѣсною голою скалою. Это и есть Которъ, главный административный и торговый центръ Бокки Которской, когда-то столица свободной республики бокезовъ...

Которъ разглядишь хорошо, когда вплотную подъѣдешь къ нему. На набережной хорошенькій садикъ, горящій цвѣтами олеандровъ и золотыми яблоками недозрѣлыхъ еще лимоновъ, бульвары, кофейни, лавочки; нѣсколько кораблей причалили прямо къ пристани; въ Котòрскомъ заливѣ даже у самыхъ береговъ море такъ глубоко, что большіе пароходы могутъ приставать къ нимъ безъ всякой опасности; это дѣлаетъ Котòрскій заливъ идеальнымъ рейдомъ и для военнаго, и для торговаго флота. Но, подъѣхавъ къ Котòру, вы уже не въ силахъ смотрѣть ни на набережную его, ни на его пристань. Вы всецѣло поглощены и поражены чисто-фантастическою декораціею, которая развертывается теперь передъ вашими глазами. Надъ этою узкою полоскою земли чуть не вровень съ моремъ, надъ тѣсно скученными старинными домами и колокольнями города, лѣпящагося по подножію горы, поднимается, словно какой-нибудь волшебный замокъ титановъ, капризно источенная стихіями, сѣрая отвѣсная скала огромной высоты, вся ощетинившаяся камнями, обрывами, утесами, увѣнчанная сверху, на пикѣ своемъ, настоящимъ неприступнымъ замкомъ, на которомъ горделиво развѣвается австрійскій флагъ. Зубчатыя стѣны и башни безконечною тесьмою сбѣгаютъ съ вершины этой скалы-крѣпости, отъ бойницъ этого владычествующаго надъ всѣмъ замка, по обрывистымъ краямъ скалы, извиваясь то вправо, то влѣво, внизъ къ подошвѣ горы, къ самой набережной моря, видныя отсюда снизу едва не въ темя свое—до такой степени отвѣсно спускаются онѣ, становясь

пятами верхнихъ чуть не на головы нижнихъ, образуя мѣстами могучіе бастіоны, скрѣпляющіе связь этой спалзывающей внизъ каменной ограды. Это—старинная венеціанская крѣпость св. Джіованни. Глядя на ея безчисленные зубцы, всѣ открытые вашему взору, вы представляете себѣ издали, будто какая-то безконечная лѣстница громадныхъ каменныхъ ступеней спускается съ высоты скалы къ волнамъ моря... Здѣсь нижняя зубчатая стѣна, вся заросшая плющомъ и разными ползучими растеніями, подпертая массивными круглыми башнями, отдѣляетъ набережную и пристань отъ города. Другая, параллельная ей, сдавливаетъ городъ нѣсколько выше съ противоположной стороны, разобщая его совершенно съ внутренностью отвѣсной скалы-крѣпости. Но и черезъ эту пустынную внутренность зачѣмъ-то проведены такіе же отвѣсно спускающіеся зигзаги стѣнъ и башенъ, а на половинѣ подъема скалы виденъ среди этихъ стѣнъ старый крѣпостной соборъ, въ уныломъ одиночествѣ торчащій среди голыхъ камней и обрывовъ, скорѣе прилѣпленный къ скалѣ, чѣмъ стоящій на ней... Городъ внизу зажатъ между охватывающими его стѣнами, и дома набиты въ немъ какъ сельди въ боченкѣ...

Этотъ ни съ чѣмъ несравнимый оригинальный видъ Каттаро врѣзывается неизгладимо въ память; но только кисть талантливаго живописца способна передать сколько-нибудь наглядно и вѣрно его поразительную романтическую красоту, которою я досыта наслаждался потомъ со всевозможныхъ сторонъ и въ самые разнообразные часы дня.

Вотъ мы, наконецъ, и вылѣзли изъ своего парохода, съ палубы котораго мы долго не рѣшались двинуться, словно заколдованные представшею вдругъ передъ нами чудною картиною. Любезный австріецъ Вагнеръ, какъ законный хозяинъ этихъ мѣстъ, оказывалъ намъ самую радушную помощь. Молодчина-черногорецъ, явившійся въ роли носильщика, легко вскинулъ на спину пятипудовый сундукъ и за полтора гульдена доставилъ чуть не бѣгомъ на своихъ на двоихъ въ недалеко лежавшую гостинницу весь нашъ порядочно сложный багажъ. Гостинница достаточно приличная, достаточно чистая; намъ дали за три гульдена просторный номеръ съ двумя постелями. Кельнеръ оказался тоже черногорецъ, говорящій не только по-сербски и итальянски, какъ говорятъ здѣсь всѣ бокезы, но еще и по-французски, и даже чуточку по-русски.

Къ удивленію нашему, въ Каттаро оказалась таможня, и

нашъ багажъ потребовали-было къ осмотру, но я увѣрилъ австрійскаго стража, что потерялъ ключи отъ своихъ сундуковъ, и тѣмъ избавилъ себя отъ досадной и совсѣмъ ненужной обязанности въ который уже разъ перерывать свой совершенно невинный багажъ.

Подкрѣпившись себя чѣмъ слѣдовало, мы пошли бродить по набережной. Хотя только конецъ іюня, лавки завалены всякими спѣлыми фруктами, арбузами, абрикосами, грушами, мѣстными апельсинами—со шкуркою страннаго цвѣта, на половину желтаго, на половину кроваво-краснаго. Въ саду, въ кофейняхъ, на базарѣ, на пристани—вездѣ солдаты, офицеры; военная форма совсѣмъ заслоняетъ собою мирную штатскую. Половина города—казармы, военные склады, госпитали. Ясно, что Каттаро — прежде всего и больше всего крѣпость,—порубежный оплотъ Австріи противъ удалыхъ сыновъ Черной-Горы, что̀ съ такимъ суровымъ видомъ нависла надъ этимъ лазурнымъ заливомъ и надъ этими благодатными деревеньками.

На плацу производилось солдатское ученье, и нѣмецкая команда, послушно двигавшая ряды рослыхъ славянскихъ воиновъ, громко раздавалась по набережной. Мы изъ любопытства зашли въ казарму зарскаго, или задрскаго, полка, расположенную сейчасъ же за садомъ. Все тамъ очень просто, но и очень чисто, какъ никогда не бываетъ въ нашихъ русскихъ казармахъ. У всякаго солдата желѣзная кровать грубаго издѣлія, тюфякъ, одѣяло; вездѣ вентиляція, вездѣ хорошій воздухъ и соблюденіе всякихъ санитарныхъ условій.

Мы прошли въ городъ съ дальняго конца по цѣпному подъемному мосту, перекинутому черезъ крѣпостной ровъ, или, скорѣе, каналъ, наполненный водою изъ моря. Четыре тяжелѣйшихъ ядра, висящія на цѣпяхъ и блокахъ, служатъ противовѣсомъ при подъемѣ моста. У всѣхъ воротъ города строгій военный караулъ, потому что и городъ заключенъ въ стѣнахъ крѣпости. Но въ настоящую крѣпость никого не пускаютъ. Часовой у моста оказался сербъ, и я завелъ съ нимъ разговоръ, на половину по-русски, на половину по-сербски, что̀, однако, было для него достаточно понятно. Вѣроятно, австрійцы не требуютъ отъ своихъ часовыхъ обѣта молчанія, какъ это водится въ другихъ войскахъ. Я спросилъ его, между прочимъ, какъ же лазаютъ на верхъ по этой отвѣсной скалѣ, когда отсюда на ней ни одной тропинки. Солдатъ увѣрялъ меня, что ходы въ верхнюю крѣпость идутъ въ стѣнѣ и даже подъ землею, такъ что осаждающій крѣпость непріятель совсѣмъ не видитъ передвиженій гарнизона въ крѣ-

пости. Но зачѣмъ эта сама по себѣ неприступная скала, окруженная страшными пропастями, обнесена еще такими длинными, высокими и дорого стоющими каменными стѣнами,—воинъ-сербъ объяснить мнѣ не могъ.

Какъ ни живописенъ городъ Котòръ, а жить въ немъ избави Богъ! Тѣснота въ немъ такая, что дышать нечѣмъ. Площади его—перешагнуть можно, улицы—чистыя трещины между каменныхъ стѣнъ. Часто вмѣсто улицъ какіе-то крытые корридоры подъ сводами домовъ, какія-то каменныя лѣсенки не то на чердакъ, не то на колокольню. Вездѣ тьма и сырость, въ кофейняхъ, харчевняхъ, лавчонкахъ, жилыхъ домахъ, переулкахъ, но какъ вездѣ во владѣніяхъ Австріи—образцовая чистота, всякій закоулочекъ превосходно вымощенъ и выметенъ. Жители, конечно, пріучились давно и къ этой тѣснотѣ, и къ этой темнотѣ, и къ этому сидѣнью взаперти подъ вѣчнымъ карауломъ солдатъ, но мнѣ было бы тошно среди этой духоты и затхлости, одинаково давящей и духъ, и тѣло, въ этихъ узкихъ Kegelbahn'ахъ, въ этихъ мрачныхъ конурахъ безъ солнечнаго луча, безъ зелени дерева, безъ вольной струи воздуха. Лошади, колеса—тутъ не увидите нигдѣ, потому что экипажу тутъ повернуться негдѣ. Къ унынію темноты и тѣсноты прибавляется еще унынie тишины. Городъ такъ тихъ, словно вымеръ. Въ глубокихъ и тѣсныхъ каменныхъ корридорахъ звуки шаговъ рѣдкихъ прохожихъ его глохнутъ какъ въ могилѣ. Лѣтомъ въ Которѣ нестерпимо жарко и отъ скученности каменныхъ строеній, мѣшающихъ всякому движенію воздуха, и отъ тѣсной близости крѣпостной скалы, поднимающейся стѣною надъ городомъ, которая накаляется солнцемъ, какъ кухонная плита, и цѣлый день льетъ сверху на городъ свой сухой каленый жаръ. А зимою, какъ говорили мнѣ жители, здѣсь непрерывные дожди и грязь.

Которъ, кажется, застылъ въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ онъ процвѣталъ еще въ средніе вѣка. Дома его почти всѣ старинные. То-и-дѣло видишь венеціанскія окна, венеціанскіе балкончики, венеціанскіе гербы. Узенькіе мезонины съ каменными балюстрадами балкончиковъ замѣняютъ въ этихъ старыхъ, потемнѣвшихъ отъ времени, домахъ—вторые этажи ихъ. Нерѣдко встрѣчаешь на нихъ интересныя скульптурныя украшенія, а кое-гдѣ даже цѣлыя статуи давнихъ временъ. Магазиновъ настоящихъ нѣтъ, большихъ торговыхъ складовъ тоже — только небольшія лавчонки, которыя ясно говорятъ о паденіи былой цвѣтущей

торговли Котòра. На одной изъ тѣсныхъ площадокъ старый католическій соборъ подъ стать окружающимъ его старымъ домамъ, изъ потемнѣвшихъ отъ времени тесанныхъ камней, съ огромною входною аркою, изобильно украшенною скульптурою, съ огромною рѣзною розеткою надъ аркою, какъ во всѣхъ готическихъ храмахъ; должно быть, тоже отъ старости, онъ, какъ старикъ на костыли, опирается на поддерживающіе его со всѣхъ сторонъ каменные контрфорсы, безцеремонно упершіеся концами въ стѣны сосѣднихъ домовъ. Въ церкви, въ сторонѣ отъ входа, древній каменный саркофагъ, и надпись на немъ гласитъ, что онъ воздвигнутъ благодарными котòрцами нѣкіимъ супругамъ, доблестнымъ гражданамъ города, исправившимъ и возобновившимъ храмъ въ 1340 году; при чемъ прибавлено, что первоначальный храмъ былъ построенъ еще много раньше. Въ городѣ есть и другія старинныя церкви, и вообще много стараго, почти все старое, словно онъ пролежалъ цѣлыя столѣтія гдѣ-нибудь подъ землею и потомъ его откопали. Есть нѣсколько и греческихъ церквей. Мы побесѣдовали потомъ за столомъ съ нашимъ словоохотливымъ австрійскимъ спутникомъ, Негг'омъ Вагнеромъ, о причинахъ бросавшагося намъ въ глаза застоя въ общественной и торговой жизни Котòра,—въ свое время бойкаго центра мореходства и коммерціи. Но вѣнскій патріотъ, вмѣсто объясненія, сталъ распространяться, въ очень цвѣтущихъ нѣмецкихъ фразахъ, о жертвахъ, которыя великодушная Австрія принесла на пользу этого славянскаго края, о неисчислимыхъ убыткахъ оккупаціи Босніи и Герцеговины, о цивилизаціи, богатствѣ, порядкѣ, счастіи, которые посыпались на эти жалкія невѣжественныя страны изъ рога изобилія нѣмецко-австрійской культуры, такъ что теперь даже люди перестали здѣсь быть похожими на прежнихъ людей, и въ концѣ концовъ въ весьма мажорномъ тонѣ далъ понять своимъ русскимъ собесѣдникамъ, что эти когда-то славянскія страны теперь окружены китайскою стѣною своего рода отъ всякихъ вредоносныхъ иноземныхъ вліяній, что по границамъ ихъ воздвигнуты самыя неприступныя крѣпости, и австрійская власть охраняется въ нихъ самыми непобѣдимыми войсками, съ чѣмъ мы отъ души поздравили и его, Негг'а Вагнера, и его великую австрійскую монархію.

Черногорцы, давно уже зорко глядящіе на крѣпкостѣнный Которъ и чудную бухту его съ высоты своихъ заоблачныхъ утесовъ, имѣютъ, однако же, совсѣмъ другія мнѣнія и насчетъ священныхъ правъ на Которъ габсбургской монархіи, и насчетъ изливаемыхъ ею благъ, и даже насчетъ неприступности и не-

побѣдимости ея здѣшнихъ твердынь. Черногорцы искренно считаютъ Котòръ природною пристанью Черной-Горы и ея законною собственностью. Хотя, благодаря Россіи, Черногорія, до сихъ поръ запертая со всѣхъ сторонъ чужими землями и совершенно отрѣзанная отъ моря, получила теперь въ свое владѣніе два морскихъ порта—Дульциньо и Антивари, посредствомъ которыхъ она можетъ, наконецъ, свободно сообщаться съ остальнымъ міромъ, не завися отъ доброй воли своей враждебной и опасной сосѣдки Австріи, но все-таки, и по близости своей, и по удобству, и по торговому значенію, теперешніе черногорскіе порты не могутъ идти въ сравненіе съ великолѣпнымъ рейдомъ Которской бухты.

Которъ и всю Бокку черногорцы считаютъ своею не потому только, что въ средніе вѣка маленькая которская республика была долгое время подъ покровительствомъ Сербіи, какъ бы младшимъ братомъ ея, пока она, по разрушеніи сербскаго царства, не перешла, въ XV столѣтіи, подъ такое же покровительство могущественной сосѣдки своей Венеціи. Помимо этого, Которъ съ своею бухтою былъ еще въ очень недавнее время (въ 1806 году) отвоеванъ у французовъ мечомъ и кровью черногорцевъ въ союзѣ съ русскими, а потомъ, когда по тильзитскому миру русскіе уступили Которъ Наполеону, черногорцы уже сами, безъ помощи русскихъ, еще разъ отняли, въ 1813 г., у французовъ чуть не всю Бокку-Которскую. Ихъ князь-поэтъ, владыка Петръ Нѣгошъ, или Петръ I, котораго черногорцы называютъ не иначе, какъ „Святопочившій Петръ“—поселился-было въ „своемъ“ Которѣ, и когда новая несправедливость дипломатовъ передала на вѣнскомъ конгрессѣ эту законную боевую добычу черногорскихъ орловъ, не спрашивая ихъ и даже не предупреждая, невѣдомо за какія услуги, во власть Австріи, которая не пожертвовала для этого ни однимъ солдатомъ, ни однимъ гульденомъ денегъ, то храбрый владыка и юнаки его стали-было стѣною на защиту необходимаго имъ морского порта, и отказались впускать въ эти естественныя укрѣпленныя ворота своей горной родины — историческихъ враговъ славянства—австрійцевъ. Только настоятельные совѣты русскаго двора вынудили глубоко огорченныхъ черногорцевъ опустить свои побѣдоносные ятаганы и уйти, скрѣпя сердце, опять далеко отъ моря, въ свои безплодныя горы, оставивъ милый имъ Которъ и родныхъ имъ по крови, вѣрѣ и рѣчи бокезцевъ на произволъ нѣмецкихъ пришельцевъ... Этой обиды и этой неправды черногорцы не могутъ забыть до сихъ поръ.

Не забыли ихъ и сами бокезы,—изъ которыхъ огромное боль-

шинство православные, — горячо сочувствуютъ черногорцамъ, и говорятъ, по крайней мѣрѣ, въ деревняхъ тѣмъ же языкомъ черногорцевъ и сербовъ, хотя и съ небольшою примѣсью итальянскихъ словъ. Только въ городахъ, подъ многолѣтнимъ католическимъ вліяніемъ Венеціи на нихъ, и черезъ постоянныя торговыя сношенія съ Италіей, утвердилась на ряду съ родною славянскою и чуждая итальянская рѣчь.

IV.—Подъемъ на Чорную-Гору.

Услужливый вѣнецъ любезно помогъ намъ и въ предстоявшей поѣздкѣ въ Цетинье. Онъ привелъ намъ въ отель просторную коляску-парою, нанятую имъ за девять австрійскихъ гульденовъ до самаго Цетинье, что̀ мнѣ показалось очень милостиво, если принять во вниманіе, на какія сказочныя кручи мы должны были подниматься вмѣстѣ съ своимъ багажомъ. Впрочемъ, мы разочли, что путешествовать по дебрямъ Черногоріи съ сундуками и большими чемоданами было бы уже слишкомъ по-русски и слишкомъ по-барски, а потому рѣшились оставить весь тяжелый свой грузъ въ Котòрѣ у хозяина гостинницы, захвативъ съ собою въ коляску только самое необходимое.

Встали въ 4 часа утра, напились кофе съ молокомъ въ кофейнѣ сада на набережной, гдѣ въ этотъ ранній часъ все уже было готово, и въ пять тронулись въ путь. Надо отдать честь австрійцамъ,—они провели вездѣ въ своихъ горныхъ владѣніяхъ отличныя шоссированныя дороги. Конечно, они провели ихъ для своихъ пушекъ и кавалерійскихъ отрядовъ, а не для удобства туристовъ, которыхъ здѣсь почти не бываетъ, и не для выгодъ мѣстной торговли, которая едва ли окупила бы такія крупныя затраты своими ничтожными оборотами. Сначала дорога идетъ легкими изволоками, кидая длинныя петли то впередъ, то назадъ, и крутясь около однѣхъ и тѣхъ же возвышенностей, такъ что кажется, будто мы все вертимся на одномъ и томъ же мѣстѣ, словно бѣлка въ своемъ колесѣ. Сады фигъ, орѣховъ, айланта провожаютъ нѣкоторое время эту дорогу, но она скоро совсѣмъ вылѣзаетъ изъ ущелья и начинаетъ лѣпиться по ребрамъ горъ. Кучеръ нашъ Бòжо, черногорецъ, давно переселившійся въ Каттаро и совсѣмъ обратившійся въ австрійца, такъ что изрядно теперь болтаетъ по-нѣмецки, показалъ намъ снизу на рѣзкіе и смѣлые зигзаги, которыми словно разлинеена до самой макушки своей стоявшая надъ нашими головами подоблачная сѣрая

стѣна; но мы вѣрить не хотѣли, чтобы дѣйствительно можно было подниматься въ экипажѣ на эту отвѣсную стѣну, загородившую собою полъ-неба. А между тѣмъ это несомнѣнно была предстоявшая намъ дорога, которая искусно одолѣла недоступныя горныя кручи своими безчисленными изворотами, прорѣзанными по груди горы и казавшимися намъ издали и снизу какими-то ступенями титановъ, поднимающимися на самое небо... Пока еще прохладно въ горахъ, на водахъ залива еще неподвижно лежатъ тѣни ночи, и только-что отошедшій отъ пристани пароходъ бороздитъ его своею пѣнистою чертою, словно остріе алмаза темнозеленое стекло... Вотъ мы и на перевалѣ св. Троицы. Неожиданно выросъ сбоку насъ и надъ головами нашими австрійскій фортъ св. Троицы. Пушки наведены на бухту, на море, ружейныя бойницы—прямо на дорогу. Немного ниже форта обильный фонтанъ, обсыпанный кругомъ черногорками водоносицами. Черногорецъ здѣсь вообще обычный поденный рабочій. Черногорскія женщины одѣваются очень траурно: черныя юбки, черные фартуки, на головѣ—свернутые по-сицилійски, черные платки, на ногахъ—бѣлые чулки, да на плечахъ бѣлая чуня—въ родѣ бешмета, закрывающая только спину; словомъ, одно только черное да бѣлое. Женщины эти терпѣливо набираютъ воду въ большіе плоскіе бочонки и тащатъ ихъ потомъ версты за двѣ на крутую гору Вермачь, въ новостроящуюся тамъ крѣпость, которая отлично видна намъ отсюда, и которая—вмѣстѣ съ существующими уже на Вермачѣ двумя батареями—должна представить, по расчетамъ австрійцевъ, неодолимую твердыню для защиты береговъ отъ непріятельскихъ кораблей и для отпора черногорцамъ въ случаѣ ихъ попытки овладѣть Боккою Которской.

Отъ форта св. Троицы дорога перебѣгаетъ совсѣмъ на другую сторону горы, и мы вдругъ очутились на узкомъ горномъ карнизѣ, у ногъ котораго проваливалась глубоко внизу просторная прибрежная равнина, покрытая кукурузниками и оливковыми деревьями.

— Это Крстольское поле!—сообщилъ намъ говорливый Божо. —Оно тянется на пять часовъ пути отъ моря. А вонъ та мощеная дорога, что̀ бѣлѣется по серединѣ, ведетъ въ Будву, къ другому берегу моря...

— На Крстольскомъ полѣ въ прежнее время битва страшная была у бокезовъ съ французами; 3.000 черногорцевъ помогали тогда бокезамъ. Много тутъ народу полегло, и французовъ, и бокезовъ, а ужъ особенно французовъ. Ну, да у нихъ

сила большая была,—забрали они и крѣпость Которскую, и всю Бокку, потому что въ Боккѣ почти и людей тогда совсѣмъ не осталось,—всѣхъ перебили. Церковь, что въ крѣпости, въ пороховой магазинъ обратили французы, святыхъ повыкинули. Богъ сейчасъ же и наказалъ ихъ: стали они по ночамъ неизвѣстно отчего умирать. Вотъ майоръ, начальникъ ихній, и пошелъ самъ ночью крѣпость караулить, чтобы узнать, отчего это войско его умираетъ. Божія Матерь явилась ему и объявила, что это она французовъ убиваетъ, и чтобы они на другой же день убирались вонъ. Проснулся майоръ, а ужъ онъ—вмѣсто крѣпости—внизу лежитъ. Ну, онъ тутъ же всѣмъ своимъ уходить приказалъ. Сколько оружія, припасовъ въ крѣпости бросили! Народъ бокезскій собрался опять, выгналъ французовъ изо всѣхъ своихъ мѣстъ.

— Не отъ однихъ французовъ, я думаю, и отъ австрійцевъ порядочно доставалось бокезцамъ?—замѣтилъ я.

— Не отъ австрійцевъ, а отъ венгерцевъ! — тономъ непоколебимаго убѣжденія объяснилъ мнѣ Бòжо.—Венгерцы стали насильно брать бокезцевъ въ военную службу, а Бокка никогда не была ни завоевана, ни куплена австрійскимъ императоромъ, а по добровольному договору подъ него отдалась, и договоръ былъ—къ службѣ не принуждать; вотъ оттого и возставали бокезцы два раза—въ 69 и въ 82 году. Императоръ не хотѣлъ брать ихъ въ солдаты, а венгерцы хотѣли. Іовановичъ въ 69-мъ году съ 30.000 въ Бокку пришелъ, а ушелъ назадъ всего съ 5-ю! Много битвъ было съ нимъ, даже въ самой крѣпости которской, да и въ другихъ крѣпостяхъ, хоть бы вотъ въ Горазднѣ, гдѣ мы сейчасъ будемъ...

Горазду мы увидѣли очень скоро. Она возвышалась на плоской вершинѣ одиноко стоявшей обрывистой горы въ видѣ земляного холма съ черными жерлами бойницъ—крѣпость искусственная на крѣпости природной! Круглая желѣзная вращающаяся башня, вооруженная двумя колоссальными орудіями, поднимается изъ середины этого холма, на далёко обстрѣливая и море, и горы. Все жилье гарнизона и всѣ его склады—внутри холма; когда мы поднялись потомъ выше и видѣли уже съ птичьяго полета и Вермачь, и Горазду, и Которскую бухту, намъ было ясно видно, что изъ зеленаго холма торчатъ множество трубъ, доставляющихъ свѣжій воздухъ внутрь подземныхъ казематовъ.

— Сильнѣе на свѣтѣ нѣтъ крѣпости, какъ Горазда! — повѣствовалъ намъ Бòжо.—Тамъ артиллеристовъ однихъ сколько,

пушекъ, пѣхоты цѣлый полкъ, и припасовъ всякихъ сложено на 10 лѣтъ, а кругомъ ея ровъ глубокій выкопанъ, полный воды... До войны 82 года въ Боккѣ было 12 австрійскихъ крѣпостей, а теперь ихъ здѣсь до 50-ти!

Дѣйствительно, куда ни взглянешь, вездѣ видишь торчащіе по горамъ австрійскіе форты. Три такихъ форта забрались очень высоко на вершину голаго хребта за Которскою бухтою, около самой границы Черногоріи. Что могли стоить всѣ эти укрѣпленія, и стоитъ ли вообще такихъ затратъ вся маленькая Бокка Которская,—это ужъ пусть рѣшаютъ сами австрійцы. Правда, Бокка—это своего рода ключъ ко всей Далмаціи, по увѣренію бокезовъ, но я думаю, что довѣрчивымъ отношеніемъ къ поморскимъ славянамъ и предоставленіемъ имъ такой же свободы внутренней жизни, какою пользуются Венгрія и Австрія, габсбургская монархія гораздо вѣрнѣе обезпечила бы себѣ и прочность, и доходность своихъ далматійскихъ владѣній, чѣмъ многочисленными пушечными гнѣздами, которыя она съ такими усиліями и жертвами свила себѣ на вершинахъ этихъ горъ.

А отвѣсная сѣрая стѣна все угрюмѣе, безотраднѣе и грознѣе выростаетъ надъ нашею головою. Одна мысль—лѣзть на нее—кажется безумною дерзостью. Однако коляска наша продолжаетъ катиться все впередъ, все вверхъ, и мы незамѣтно одолѣваемъ одинъ зигзагъ дороги за другимъ, гораздо легче во всякомъ случаѣ, чѣмъ обыкновенно привыкли взбираться въ своихъ тарантасахъ и каретахъ на такъ-называемыя „горы“ нашихъ родимыхъ проселочныхъ дорогъ,—горы, которыя бы не удостоились здѣсь даже названія холмика. Мало-по-малу Бокка Которская, показывавшая намъ по очереди то одну, то другую бухточку свою, стала открываться вся цѣликомъ, распростертая внизу, подъ нашими ногами, какъ на громадной ландкартѣ, со всѣми своими прихотливыми мысиками, полуостровками, заливчиками, со всѣми своими хорошенькими городками, деревеньками и садами... Проворными водяными паучками бѣгаютъ тамъ внизу впередъ и назадъ по голубому зеркалу ея быстроногіе пароходы, бѣлыми мотыльками вырѣзаются на синевѣ ея водъ паруса лодокъ. Вотъ и солнце выбралось-таки изъ-за хребтовъ, загородившихъ небо, и озолотило сначала вершины горъ, потомъ ихъ скаты, потомъ загорѣлось огнями на бѣленькихъ домикахъ деревень, пріютившихся у подножія горъ, и наконецъ широко и ярко залило своими золотыми потоками весь сіявшій нѣжною лазурью Которскій заливъ.

Только суровые обрывы Черной-Горы, изъ-за которыхъ под-

нималось солнце, оставались такими же мрачными и непривѣтливыми, погруженные еще съ головою въ тѣни ночи...

Пирамидальный утесъ, на которомъ всего только часъ тому назадъ такъ высоко торчала надъ нашими головами средневѣковая крѣпость Котора, кажется намъ теперь спрятаннымъ гдѣ-то глубоко на днѣ пропасти, и все ничтожество микроскопическихъ человѣческихъ твердыней передъ могучими твердынями природы дѣлается здѣсь до поразительности яснымъ. Чѣмъ выше поднимаемся мы, тѣмъ шире и великолѣпнѣе, тѣмъ глубже и дальше разстилается подъ нашими ногами невыразимая, невѣроятная красота этого райскаго уголка міра божьяго. Ясное голубое небо, ясное голубое море и ласкающая прохлада горнаго утра наполняютъ душу какимъ-то весеннимъ чувствомъ счастья и жизненной радости.

Не только Которскій заливъ со всѣми своими изгибами и бухтами, но и Крстольское поле, и другой берегъ моря у Будвы, и само море на огромное пространство—все разомъ видно намъ отсюда; крѣпость Горазду и крѣпость Вермачь мы видимъ теперь будто съ крыльевъ орла или изъ корзины воздушнаго шара, прямо въ темя, хоть сейчасъ планъ снимай. Бѣлые зигзаги шоссе, избороздившіе невѣроятную кручу, которую мы только-что одолѣли, тоже видны теперь подъ нашими ногами всѣ до послѣдняго, ясно какъ на чертежѣ.

На половинѣ горы насъ нагнала черногорская почта. Молодой почтальонъ, въ неизбѣжной черногорской „капицѣ“ съ особымъ металлическимъ знакомъ, везъ въ Цетинье какую-то машину, выписанную изъ Тріеста. Отъ скуки онъ очень мило наигрываетъ на дудочкѣ простодушныя черногорскія пѣсенки. Нашъ возница вступаетъ съ нимъ, конечно, въ оживленную бесѣду.

— Стой!—возница нашъ съ важнымъ видомъ останавливаетъ лошадей и слѣзаетъ съ козелъ. Останавливается слѣдующій за нами почтальонъ и тоже слѣзаетъ съ козелъ.

— Что такое?

Оказывается, мы уже проѣхали половину пути до Нѣгушей... тутъ обыкновенно даютъ маленькій роздыхъ лошадямъ отъ безконечнаго подъема въ гору.

Возница и черногорскій почтальонъ при этомъ случаѣ даютъ и себѣ маленькій роздыхъ, осуществляя его въ видѣ стаканчика живительной ракіи, за которымъ они заходятъ въ гостепріимный домъ дорожнаго смотрителя. Пятеро дѣтишекъ этого смотрителя, малъ-мала меньше, съ своей стороны, очевидно, тоже хотятъ воспользоваться счастливымъ случаемъ и окружаютъ коляску иностранныхъ туристовъ, далеко не частыхъ на этой дорогѣ, про-

тягивая намъ крошечные пучки горныхъ цвѣтовъ. Въ этой странѣ безплодныхъ камней приходится, кажется, больше насыщаться поэзіею красивыхъ видовъ, чѣмъ прозаическимъ хлѣбомъ, и бѣдная дѣтвора имѣла поэтому вполнѣ законныя основанія обращаться къ кошельку праздношатающихся путниковъ.

Стали попадаться по дорогѣ худые, смуглые черногорцы, — все народъ рослый и сильный; ихъ руками проведены черезъ отвѣсныя неприступныя скалы всѣ эти покойныя шоссе, по которымъ мы катимъ теперь какъ по аллеямъ какого-нибудь Булонскаго-Лѣса. Они и теперь мостятъ и исправляютъ здѣсь дорогу, вооружившись ломами и кирками. Дорога эта проведена австрійцами съ чисто-стратегическими цѣлями. Строилась она года три и стоила очень дорого. Черногорцы съ своей стороны продолжили эту удобную дорогу черезъ горный хребетъ, еще больше австрійцевъ нуждаясь въ ней для своихъ торговыхъ сношеній съ Которомъ, Рагузою и Тріестомъ. Но князь безденежнаго княжества устроилъ это патріархальнымъ способомъ: онъ отпускалъ своимъ рабочимъ только кукурузу для ѣды, а за трудъ ихъ никакихъ денегъ не полагалось. Дорога нужна была для народа, поэтому она и должна была работаться собственными силами народа. Приказывалось коротко и ясно, изъ какого села сколько выслать рабочихъ на дорогу, — вотъ вамъ и вся государственная смѣта дорожныхъ сооруженій черногорскаго государства. Да откуда было бы и взять ему денегъ?

Бо̀жо, въ своемъ наивномъ невѣжествѣ и въ своемъ благоговѣніи передъ могуществомъ Австріи, увѣрялъ насъ, будто черногорскому князю на все деньги даетъ „наша Австрія“.

— Оружіе, деньги, все имъ отъ императора австрійскаго присылается,—болталъ онъ.—Черногорцамъ же неоткуда взять! Горы у нихъ однѣ, камень. И противъ турокъ тоже имъ императоръ всегда помогаетъ: „наши“ артиллеристы и разныя другія войска, переодѣтыя, изъ Бокки къ нимъ въ Черногорію отправлялись и вмѣстѣ дрались противъ турокъ. Даже у князя на дворцѣ знамя австрійское виситъ. Турки какъ увидѣли это знамя, сейчасъ же отступили...

— Отчего же черногорцы такъ не любятъ австрійцевъ, если тѣ помогаютъ имъ во всемъ?—иронически спросилъ я Бо̀жо.

Бо̀жо пожалъ въ недоумѣньи плечами и развелъ руками.

— Богами!—не знаю ужъ съ чего...

— Ну, а боснякамъ развѣ лучше стало при австрійцахъ?—продолжалъ я.

— Конечно, лучше, какое же сравненье!

— Почему же въ Босніи всѣ такъ недовольны и постоянно жалуются императору?

— Турки недовольны, а христіане довольны! — не совсѣмъ увѣренно старался меня разубѣдить Божо.—Императоръ австрійскій прекрасный человѣкъ; и онъ, и вся семья, очень любятъ Боккy. Покойный Рудольфъ даже не хотѣлъ короноваться австрійскою короною, а славянскою. Онъ былъ славянинъ душою: бокезцевъ, черногорцевъ, всѣхъ славянъ любилъ гораздо больше нѣмцевъ. Когда нѣмцы на берлинскомъ конгрессѣ хотѣли отдать Австріи Новый-Базаръ, Рудольфъ явился къ нимъ и объявилъ: —Не нужно! Никто кромѣ меня не будетъ владѣть Новымъ-Базаромъ!—Какъ же ты возьмешь его? Откуда наберешь войско? — спрашиваютъ его нѣмцы. — А онъ отвѣчаетъ:—Мнѣ ничего не нужно, только лошадь да саблю, всѣ славяне сами за мною пойдутъ!.. Вотъ онъ каковъ былъ, Рудольфъ. За это его нѣмцы и застрѣлили!—прибавилъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ Божо.

Я долженъ замѣтить здѣсь, что и въ королевствѣ сербскомъ слышалъ такого же рода глубоко укоренившуюся въ народѣ легенду о погибшемъ наслѣдномъ принцѣ Австріи.

Сербы тоже считаютъ его горячимъ другомъ славянъ, мечтавшимъ создать изо всѣхъ славянъ Австріи и Балканскаго полуострова одну могучую славянскую имперію. Въ Сербіи меня серьезно увѣряли, будто его погубила прусская и іезуитская интрига, послѣ того какъ всѣмъ стали ясны его славянскія симпатіи и его нескрываемая вражда къ нѣмцамъ; старый императоръ будто бы вынужденъ былъ дать свое согласіе на устраненіе отъ престола Габсбурговъ мятежнаго сына, шедшаго на перекоръ политикѣ своего отца...

Божо между тѣмъ продолжалъ:

— Въ 85-мъ году Рудольфъ пріѣзжалъ съ Стефаніей въ Цетинье черезъ наше Каттаро. Четверкою туда проѣхалъ, въ прекрасномъ экипажѣ, изъ Вѣны ему привезли; тамъ его князю Николаю подарилъ. До границы австрійская кавалерія его провожала, а на границѣ черногорцы встрѣтили во всемъ парадѣ! Никогда не было такихъ празднествъ, какъ въ то время. И простой какой былъ этотъ Рудольфъ: всякій черногорецъ ему руку жалъ. Тоже и эрцгерцогъ Іоаннъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Цетиньѣ жилъ, войска черногорскія пріучалъ къ солдатской службѣ.

— А изъ русскихъ кто бываетъ въ Цетиньѣ?—спросилъ я.

— Князь русскій Николай былъ; послѣ того каждый годъ изъ Россіи полный пароходъ хлѣба въ Черногорію присылаютъ, кукурузы и пшеницы; даже пароходъ имъ подарили.

— Русскій языкъ вѣдь похожъ на черногорскій?—спросилъ я.

— А какъ же! Я читалъ въ книжкѣ одной, что больше тысячи лѣтъ тому назадъ тутъ у насъ по всему берегу русскіе жили, потомъ ушли, а отъ нихъ ужъ бокезы произошли. Но одинъ говоритъ одно, другой—другое, трудно вѣрно знать, что было прежде!—довольно основательно разсудилъ Божо.

Небольшіе камушки, положенные на дорогѣ, означаютъ границу Черногоріи. Мы переѣзжаемъ ее, однако, съ какимъ-то особеннымъ волненіемъ. Дорога чертитъ теперь свои смѣлые зигзаги по каменной груди колоссальной горной стѣны какъ разъ надъ бездною, въ глубину которой провалился Каттаро съ своею голубою бухтою. Море намъ видно отсюда уже на огромномъ обхватѣ; нѣжно бархатистый цвѣтъ его сдѣлался невыразимо прелестнымъ; словно оно теперь таетъ въ знойной синевѣ воздуха и неба.

Божо показываетъ намъ частицу старой черногорской „лѣстницы“, которую перерѣзаетъ наша дорога, и по которой до проведенія австрійцами шоссе поднимались изъ Каттаро въ Цетинье, а изъ Цетинье спускались въ Каттаро... Это что-то невообразимое по своей первобытности; козья тропа, карабкающаяся съ уступа на уступъ, съ камня на камень, по осыпямъ и гребешкамъ, на отвѣсныя кручи, надъ головокружительными безднами. Черногорцы, однако, до сихъ поръ предпочитаютъ въ своихъ сообщеніяхъ съ морскимъ берегомъ эту сравнительно короткую головоломную лѣстницу на облака небесныя — безконечнымъ зигзагамъ австрійскаго шоссе, и мы встрѣчали потомъ нагруженныхъ ношами черногорскихъ женщинъ и мальчишекъ, сбѣгавшихъ съ безпечностью и безстрашіемъ дикихъ козъ съ своихъ заоблачныхъ высей, словно по ступенямъ комфортабельной лѣстницы какого-нибудь аристократическаго дома, по неровнымъ выбоинамъ и угловатымъ ребрамъ камней прямо въ распростертую подъ ихъ ногами бездну на нѣсколько верстъ глубины.

Вообще въ черногорской части пути все дѣлается суровѣе, грознѣе, опаснѣе; пропасти налѣво, пропасти направо, одна страшнѣе другой; черносѣрыя громады надвигаются и нависаютъ надъ головою, будто какіе-то враждебные титаны, стерегущіе заповѣдный рубежъ въ недоступное царство горъ...

А „старая черногорская тропа“, то ныряющая между скалъ, то выползающая опять на голые обрывы, еще больше наводитъ на васъ ужасъ, наглядно показывая вамъ, по какимъ недоступнымъ кручамъ предстоитъ вамъ еще подниматься. Но ужасъ вашъ только отъ одного вашего воображенія, отъ обстоящей васъ со всѣхъ сторонъ картины обрывовъ, скалъ, пропастей; коляска же ваша безопасно и спокойно, хотя уже далеко не прытко продолжаетъ описывать свои надоѣдливо крутящіеся около одного и того же мѣста длинные зигзаги, которыми искусство инженеровъ обмануло и осилило мнимую неприступность горъ.

Недалеко еще то время, когда путешественникъ въ Черногорію былъ совсѣмъ въ иномъ положеніи, чѣмъ мы, грѣшные.

Нашъ извѣстный дипломатическій дѣятель и путешественникъ Е. П. Ковалевскій, оставившій намъ такую живую и теплую книгу о Черногоріи, и едва ли не первый изъ русскихъ писателей проникнувшій въ эту сказочную страну, такъ описывалъ въ 1841 г. свой подъемъ изъ Каттаро въ Цетинье:

„Я уже изнемогалъ, а Ловчинъ возставалъ передо мною все выше и страшнѣй; едва переходили мы одну преграду, являлась другая, еще неприступнѣе; едва взбирались на утесъ, по выдавшимся камнямъ или индѣ изсѣченной лѣстницѣ, нерѣдко цѣпляясь за колючій кустъ, и опять скользили внизъ по осыпямъ; казалось, не было конца пути, а солнце, столь привѣтливое въ началѣ дня, дышало пламенемъ; лучи его становились отвѣсными; я задыхался отъ зноя и усталости“...

Вотъ мы, наконецъ, взобрались на какую-то просторную и ровную котловину, кругомъ которой, однако, опять громоздятся высокія, снѣгомъ покрытыя горы. Вотъ и первыя хижины черногорцевъ и даже клочки полей, расчищенныхъ среди каменной осыпи. Дома у черногорцевъ низенькіе и длинные, конечно каменные въ этомъ царствѣ дарового камня; бѣлыя стѣны ихъ, крытыя черепицею, притулившіяся къ зеленому лѣску, все-таки нѣсколько веселятъ этотъ суровый и пустынный видъ...

Немного дальше мы наткнулись и на маленькую деревенскую гостинницу, гдѣ обыкновенно останавливаются для передышки экипажи, съ такимъ трудомъ одолѣвшіе подъемъ на гору. Мѣстечко это называется Крстацъ; отъ него до Нѣгушей—рукой подать. Мы, признаться, съ большимъ удовольствіемъ вышли изъ экипажа размять свои косточки и подышать горнымъ воздухомъ въ радостномъ сознаніи, что окончился наконецъ этотъ нестерпимый подъемъ. Антонъ Рашваничъ, хозяинъ скромнаго отеля—

субъектъ сомнительной національности, говоритъ по-нѣмецки и увѣряетъ, что у него можно получить всякія жаркія и горячія, но пока—устраиваетъ намъ завтракъ изъ яичницы съ ветчиною, овечьяго сыру и бутылки кислаго черногорскаго вина. Мы, впрочемъ, довольны и этимъ нежданнымъ благополучіемъ, и съ искреннимъ аппетитомъ истребляемъ горячую яичницу. Скоро къ этому заоблачному постоялому двору причаливаютъ и другіе путники: молодецъ „байрактаръ", т.-е. княжескій знаменоносецъ, изъ Цетинья, съ серебрянымъ значкомъ своего званія на круглой красной шапочкѣ, въ компаніи съ нѣсколькими черногорскими войниками; потомъ, коляска изъ Каттаро съ какимъ-то богатымъ далматинцемъ, одѣтымъ по-черногорски въ красное и золотое; съ нимъ хорошенькая дама, повидимому жена его, а на козлахъ важный пузатый турокъ за лакея. Они ѣдутъ въ Цетинье на народный праздникъ Петрова дня. Мы поболтали съ ними немного на ломаномъ сербскомъ языкѣ и скоро тоже двинулись въ путь.

Справа у насъ двѣ огромныя горы—Штировникъ поближе, а подальше—славная въ лѣтописяхъ Черногоріи и дорогая всякому черногорскому сердцу гора Ловчинъ, именемъ которой называютъ обыкновенно весь горный кряжъ, отдѣляющій Каттаро отъ Черногоріи.

На самой высокой вершинѣ Ловчина, еще бѣлѣющей снѣгами во всѣхъ впадинахъ своихъ, на такъ называемомъ Язерскомъ Верхѣ, мелькаетъ, поминутно прячась въ облакахъ, маленькая часовня...

Это—могила владыки и князя черногоріи Петра II-го,—вѣрнѣе, Радо Нѣгоша, какъ называютъ его до сихъ поръ черногорцы, и какъ дѣйствительно назывался онъ въ домѣ своего отца Томы Нѣгоша, пока ему не выпалъ жребій стать владыкою Черногоріи послѣ смерти дяди его Петра I-го. Этотъ государь-поэтъ завѣщалъ своему народу похоронить себя въ самой поэтической могилѣ, какую только могла изобрѣсти фантазія поэта, и какую только могъ пожелать вождь черногорцевъ, страстно любившій свою страну. Петру хотѣлось удалиться подальше отъ суеты мірской, повыше къ небу, и въ то же время оставаться въ дорогой его сердцу родинѣ, среди ея дикихъ горныхъ пустынь, на самой высокой и самой любимой народомъ вершинѣ ея, откуда можно однимъ взглядомъ окинуть всѣ нахіи Черногоріи, всѣ ея долины и горы, отъ „Скадрскаго Блата" и береговъ Адріатики до хребтовъ Босніи.

Полна такой же величественной поэзіи, какъ эта могила, была и самая смерть владыки Петра. Красавецъ собою, высокій,

статный, могучій—этотъ молодой черногорскій Геркулесъ умеръ всего 38 лѣтъ, сгорѣвъ отъ какой-то загадочной болѣзни, отъ которой онъ неудержимо таялъ съ каждымъ днемъ. Ни Италія, ни Вѣна, ни врачи Европы, не спасли его, и, увѣрившись въ ихъ безсиліи, онъ безропотно уѣхалъ умирать въ свою милую бѣдную родину. Когда онъ почувствовалъ, что пришелъ его часъ, онъ велѣлъ созвать къ себѣ народъ свой, поднялся съ постели въ кресло и, пріобщившись торжественно Св. Таинъ, сталъ наставлять собравшихся всему тому добру, которое онъ съ такимъ самоотверженіемъ старался ввести въ родной ему бытъ во все продолженіе своего княженія. Такъ умиралъ, поучая народъ, и славный предмѣстникъ его—его дядя, „святопочившій“ Петръ I-й.

Горькія рыданія сѣдоусыхъ воеводъ и сердарей, удалыхъ юнаковъ, не знавшихъ ни страха, ни состраданія въ ежедневной рѣзнѣ съ врагами, мѣшались со слезами прощавшагося съ ними князя...

— Не плачьте, а молитесь за меня и похороните меня на вершинѣ Ловчина!—произнесъ Петръ, приказалъ поправить постель, подошелъ къ ней и, какъ срубленный сѣкирою дубъ, вдругъ упалъ на нее мертвый...

Долго не могли исполнить его завѣщанія: сначала проливные дожди, потомъ глубокіе снѣга не давали возможности даже такимъ смѣлымъ и сильнымъ горнымъ лазунамъ, какъ черногорцы, взобраться съ своею драгоцѣнною ношею на отвѣсныя кручи Ловчина, и гробъ владыки простоялъ съ осени до лѣта въ тѣсномъ храмикѣ цетинскаго монастыря, пока, наконецъ, съ огромными трудами не взнесли его на облюбленную имъ нерукотворную пирамиду заоблачной горы, откуда онъ теперь смотритъ на насъ сверху своею трогательною бѣленькою часовенькой.

Туда поднимаются досужіе путешественники, чтобы полюбоваться широкою панорамою горъ и моря, попозже лѣтомъ, когда совсѣмъ стаютъ снѣга. Туда собираются и черногорцы въ день кончины владыки служить по немъ панихиды. Князь съ семьею тоже бываетъ тамъ.

У подножія Язерскаго Верха—обильный старинный колодезь, извѣстный своею холодною водою и прозываемый оригинальнымъ именемъ „Иванова-корыта“; онъ устроенъ, по преданію, еще первымъ основателемъ черногорскаго княжества Иваномъ-Бегомъ Черноевичемъ, которому черногорскій народъ приписываетъ происхожденіе всего полезнаго, уцѣлѣвшаго съ глубокой старины.

Владыка Петръ, похороненный на Ловчинѣ, не даромъ свѣтитъ тамъ наверху, высоко надъ всею Черною-Горою и Бердою, своей поднятой къ небу бѣленькой часовенькой. Это былъ

дѣйствительно свѣточъ Черногоріи, призывавшій ее къ міру, закону и знанію послѣ долгихъ вѣковъ кровавой борьбы. Геройскій предшественникъ его, „святопочившій Петръ", провелъ все княженье свое въ такомъ водоворотѣ постоянныхъ войнъ и опасностей, былъ настолько поглощенъ борьбою за свободу Черногоріи противъ разнородныхъ враговъ ея, что ему не оставалось ни силъ, ни времени думать о мирномъ устройствѣ своей родины.

„Святопочившій" недаромъ былъ современникомъ перваго Наполеона; несмотря на отдаленность и ничтожество Черногоріи, тревожная волна завоеваній и разрушеній, пробѣжавшая по всему міру подъ знаменами великаго корсиканца, долетѣла и до подножій Ловчина. Берега Адріатики сдѣлались полемъ ожесточенной борьбы, и горсть черногорскихъ героевъ владыки Петра, въ союзѣ съ русскою эскадрою Сенявина, торжествовала надъ всѣми усиліями непобѣдимаго въ другихъ мѣстахъ французскаго войска, отбивая у него крѣпости Далмаціи, нанося ему тяжелыя пораженія.

„Святопочившій" герой во всю свою жизнь не проигралъ лично ни одной битвы, хотя битвамъ этимъ и счету не было. Еще гораздо раньше французовъ онъ съ своими черногорскими львами, вооруженными чуть не одними ятаганами, много разъ разбивалъ на голову многочисленныя войска турецкихъ пашей, пытавшихся вторгнуться въ родныя ему долины. Славнаго албанскаго визиря Кара-Махмута-Буматлія, который сокрушилъ въ Албаніи власть султана, и который уже сжегъ-было цетинскій монастырь въ самомъ сердцѣ Черногоріи, святопочившій, не имѣя ни денегъ, ни пороху, заложивъ въ Вѣнѣ на покупку пороха драгоцѣнную митрополичью митру, подаренную русской императрицей, два раза сряду разбилъ на голову съ его отборнымъ 40.000 войскомъ, уничтожилъ весь отрядъ его въ трехчасовой сѣчѣ и увѣнчалъ, по обычаю черногорцевъ, башню цетинскаго монастыря головою самого Кара-Махмута, долгіе годы сохранявшеюся потомъ въ церкви, какъ драгоцѣнный трофей побѣды. Еще славнѣе и громче была побѣда святопочившаго надъ стотысячною арміею турецкаго визиря, которую черногорскій герой могъ встрѣтить только съ 12.000 своихъ непобѣдимыхъ юнаковъ, составлявшихъ всю тогдашнюю силу Черной-Горы и Берды.

Эта побѣда окончательно утвердила независимость Черногоріи.

Но такое геройство и эти побѣды невольно воспитывали черногорцевъ въ привычкахъ насилія и крови, такъ что даже въ короткіе промежутки мирнаго времени они не могли выносить

спокойной жизни: разбойническія четы и нескончаемые разсчеты кровавой мести наполняли грабежомъ и убійствами внутреннюю жизнь этой безъ того бѣдной страны. Хотя святопочившій и издалъ „судебникъ черногорскій“, по которому кровавая месть и грабежи безпощадно наказывались смертью, но народъ его, чуть не съ колыбели работавшій ятаганомъ вмѣсто плуга, не хотѣлъ повиноваться закону, по прежнему уповалъ только на свой ятаганъ и винтовку, и продолжалъ привычную кровавую расправу съ своими домашними врагами.

Умирая, святопочившій собралъ вокругъ себя сердарей, воеводъ, старшинъ и весь народъ свой и со слезами умолялъ ихъ помянуть его соблюденіемъ общаго народнаго мира хотя бы до Юрьева дня. Народъ, рыдая, поклялся ему не обнажать все это время меча и молиться о князѣ своемъ, что̀ онъ честно и исполнилъ. Трогательное послѣднее завѣщаніе владыки сохранилось до насъ на бумагѣ; послѣднею заканчивавшею статьею его была мольба владыки къ своему народу оставаться вѣрнымъ „къ благочестивой и христолюбивой Руссіи“, не допускать даже помысла когда-нибудь отступать отъ покровительства этой „единородной и единовѣрной“ имъ страны.

Но Юрьевъ день прошелъ, и полилась опять кровь въ междуусобицахъ племенъ и родовъ, опять начались грабежи и насилія.

18-лѣтній Петръ II-й, сынъ роднаго брата святопочившаго, долженъ былъ вооружиться противъ этихъ средневѣковыхъ обычаевъ, уничтожавшихъ все благополучіе и благосостояніе черногорскаго народа, желѣзною строгостью, которая одна только могла сколько-нибудь подѣйствовать на желѣзныя сердца и желѣзные характеры его вольнолюбивыхъ подданныхъ.

Петръ II-й прежде всего установилъ въ своей странѣ единовластіе владыки-князя, уничтоживъ старинную должность гражданскаго соправителя своего и изгнавъ изъ предѣловъ Черногоріи послѣ открытаго имъ заговора весь родъ Родоничей, наслѣдственныхъ „губернаторовъ“ Черногоріи, постоянно враждовавшихъ съ владыками изъ рода Нѣгошей.

Потомъ, чтобы опереться на какую-нибудь собственную силу въ упорной борьбѣ съ непокорными племенами Черной-Горы, отстаивавшими кровавые обычаи самосуда и мести, Петръ учредилъ дружину перянниковъ, тѣлохранителей князя, изъ отборныхъ юнаковъ лучшихъ фамилій Черногоріи, получавшихъ отъ него жалованье и исполнявшихъ всѣ его повелѣнья и рѣшенья сената. Сенаторамъ онъ тоже назначилъ жалованье изъ княжеской казны, чтобы держать ихъ около себя, а не по хуторамъ,

какъ они жили прежде, и требовать отъ нихъ серьезной работы надъ поступавшими къ нимъ судебными дѣлами. Кромѣ того, въ селеніяхъ онъ поручилъ разборъ мелкихъ судебныхъ дѣлъ и исполненіе разныхъ требованій закона особо назначеннымъ имъ надежнымъ людямъ, тоже получавшимъ отъ него жалованье и называвшимся почему-то „гвардіей“, или „малымъ судомъ“, помимо остававшихся тамъ по старому сердарей, воеводъ и родовыхъ старшинъ, унаслѣдовавшихъ большею частью эти почетныя званія отъ отца къ сыну.

Съ помощью этого новаго устройства владыка неутомимо сталъ бороться противъ обычаевъ кровавой мести и постоянныхъ внутреннихъ грабежей и успѣлъ достичь того, что въ самыхъ глухихъ ущельяхъ Черногоріи безоружная женщина и ребенокъ могли безопасно проходить днемъ и ночью. Но главная забота и всѣ силы любви владыки были направлены на образованіе своего полудикаго безграмотнаго народа. Онъ завелъ въ Цетиньѣ типографію, гдѣ печаталъ священныя книги и собственныя стихотворенія, основалъ училище, выписывалъ и распространялъ среди народа русскія изданія священныхъ книгъ; его личный секретарь, Милаковичъ, занимался составленіемъ и изданіемъ книгъ для первоначальнаго обученія грамматикѣ, ариѳметикѣ, исторіи. Самъ владыка искалъ отдыха отъ своихъ правительственныхъ заботъ въ изученіи языковъ и литературы; онъ прекрасно говорилъ и писалъ по-русски и по-французски, могъ объясняться по-итальянски и по-нѣмецки; литературу онъ любилъ страстно и оставилъ послѣ себя много стихотвореній и драмъ; сербы считаютъ его однимъ изъ самыхъ лучшихъ своихъ поэтовъ. При необыкновенной простотѣ въ образѣ жизни, ничѣмъ не отличавшей его отъ обыкновеннаго черногорца, онъ готовъ былъ подѣлиться послѣднею струкою съ бѣднымъ землякомъ своимъ и преисполненъ былъ восторженной привязанности къ своей пустынной горной родинѣ. Вообще личность владыки Петра II-го вселяетъ трогательное сочувствіе, даже когда изучаешь ее по книгамъ и разсказамъ живыхъ людей. Онъ повернулъ, можно сказать, исключительно боевую жизнь Черногоріи на путь человѣчности и мирнаго труда, и въ этомъ его незабвенная историческая заслуга, ставящая его такъ же высоко, какъ высоко поднята теперь надъ нашими головами его поэтическая могила.

Евгеній Марковъ.

ИЗЪ Ж. РИШПЕНА

„SONNETS AMERS".

1.—СТРЕМЛЕНІЕ КЪ БЕЗКОНЕЧНОМУ.

Душу излившій въ одномъ поцѣлуѣ влюбленный;
Бѣлая лилія, къ солнцу стремясь по утру;
Царь океана, порывами бурь опьяненный;
Мученикъ юный, безстрашно идущій къ костру;

Въ чащѣ олень, испускающій крикъ изступленный;
Въ клѣткѣ своей о свободѣ мечтающій левъ;
Древній мудрецъ, надъ рѣшеньемъ задачи согбенный;
Чуткій поэтъ, повторяющій риѳмы напѣвъ,—

Всѣ, не взирая на горе, сомнѣнья, утраты,
Всѣ, какъ одинъ, безконечнаго жаждой объяты,
Тщетнымъ желаніемъ каждаго сердце полнó.
О, неотступное къ вѣчности грозной влеченье!
Въ немъ—наша слабость, и въ немъ же—залогъ возрожденья;
Къ жизни и къ смерти приводитъ собою оно.

2.—СТРАНА ХИМЕРЪ.

Куда стремлюся я? Въ завѣтный край химеры,
Къ волшебнымъ небесамъ, въ обитель свѣтлыхъ звѣздъ,
Гдѣ сердце—соловей, не пересмѣшникъ дроздъ,—
И гдѣ цвѣтетъ душа, полна наивной вѣры.

Тамъ совѣсти укоръ не крадется, какъ тать,
И въ наслажденіи нѣтъ горькаго осадка,
Любовь не мучитъ насъ, какъ грозная загадка,
А женщина нѣжна, какъ любящая мать.

Куда стремлюсь я? Въ край забвенья вѣкового,
Гдѣ сердце—эту смѣсь божественно-плотского,
Какъ павшаго бойца, влечетъ небытіе.
Куда стремлюся я? Въ страну мечты завѣтной;
Я знаю: нѣтъ ея,—и страстью безотвѣтной
За это я люблю тѣмъ болѣе ее.

3.—БЕЗСИЛІЕ.

Подумать только: сумракъ полный
Я озарить могу огнемъ;
Могу бушующія волны
Разрѣзать паруснымъ конемъ.

Могу безъ трепета сомнѣній
Свершить наукой чудеса:
И голубыя небеса
Опутать сѣтью вычисленій.

Систему новую могу
Измыслить я; въ своемъ мозгу
Рѣшить проблему міровую...
Но не пойму я одного:
Запросовъ сердца моего,
Его загадку роковую.

4.—ЖАЖДА ЧЕГО?

Когда бы, отъ всего испробовавъ земного,
Пороку и добру, всему я отдалъ дань,
Увидѣвъ предъ собой моихъ желаній грань,
И въ мірѣ ничего мнѣ не было бы ново;

Когда бъ иллюзіи и чары я постигъ
И недоступнымъ сталъ я сладкому обману,
Когда бъ чудеснаго нежданно я достигъ—
Ужели же тогда желать я перестану?

Нѣтъ, будь я силою верховной надѣленъ
И въ наслажденіяхъ не зная пресыщенья,
Встрѣчалъ я рабское во всѣхъ повиновенье—
Успѣвъ лишь пожелать, я былъ бы утомленъ!
И, тѣмъ не менѣе, въ душѣ моей я снова
Желалъ и жаждалъ бы чего-нибудь иного.

О. Михайлова.

ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ВЪ

ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

— L'or en Sibérie Orientale, par Ed. Dav. Levat, ancien élève de l'Ecole Polytechnique, ingénieur civil des Mines. T. I: Transbaïkalie. T. II: Province Amourienne. Par. 1897.

I.

Свѣдѣнія о русской золотопромышленности еще весьма мало распространены не только въ Европѣ, но и въ самой Россіи. Цифры ежегодной добычи золота, помѣщаемыя въ правительственныхъ отчетахъ, доступны всѣмъ, но числовыми данными обыкновенно и удовлетворяются люди, не близко стоящіе къ золотопромышленному дѣлу. Такое почти общее равнодушное отношеніе къ дѣлу, представляющему одинъ изъ значительныхъ источниковъ государственнаго богатства, объясняется тѣмъ, что добыча золота, по историческимъ причинамъ и по существу самаго дѣла, не могла не сосредоточиться отчасти въ рукахъ правительства, а въ значительной мѣрѣ въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ или золотопромышленныхъ компаній на паяхъ—совершенно особаго устройства и съ рѣзкимъ характеромъ *исключительности* и *недоступности* постороннимъ, и притомъ главная причина малой распространенности свѣдѣній о существѣ, средствахъ, орудіяхъ и пріемахъ производства золотопромышленныхъ предпріятій заключается въ томъ, что добыча золота совершается почти исключительно внѣ географическихъ предѣловъ Европы, а именно

на Уралѣ и за Ураломъ, на всемъ огромномъ пространствѣ Сибири отъ Урала до береговъ Тихаго океана.

Общій характеръ золотопромышленности, какъ на Уралѣ, такъ и въ странахъ по ту сторону Урала, въ Западной и Восточной Сибири, опредѣляется стремленіемъ къ разработкѣ почти исключительно пріисковъ съ богатымъ содержаніемъ крупнаго золота—и только въ верхнихъ, легко доступныхъ слояхъ, и притомъ самыми несложными, дешевыми, первобытными способами; такую добычу золота, по всей справедливости, слѣдуетъ назвать *хищническою*, и она была возможна только на первыхъ порахъ, доставляя огромную прибыль; уменьшеніе этой прибыли началось уже съ 1852 г. и продолжалось до 1867 г., когда открыты были новые богатые пріиски въ Приамурскомъ краѣ, увеличившіе общую въ Сибири добычу золота; нынѣ ростъ сибирской золотопромышленности начинаетъ ослабѣвать вслѣдствіе различнаго рода стѣсненій и также *хищнической* разработки. На Уралѣ наступилъ уже полный золотопромышленный *кризисъ*, конца которому предвидѣть нельзя; все сказанное относится до *разсыпного* золота, почти исчерпаннаго на Уралѣ. Разработка уральскаго *руднаго* золота, ограничивавшаяся легкою добычею изъ верхнихъ слоевъ земли, также исчерпана. *Всѣ сливки сняты*! Для извлеченія менѣе доступнаго, оставленнаго безъ разработки золота необходимы уже значительные основные и оборотные капиталы; первобытные способы оказываются недостаточными, и только тѣ пріиски на Уралѣ могутъ продлить свое существованіе, въ которыхъ случайно окажутся отвалы, оставшіеся отъ промывки песковъ первобытными способами, и въ которыхъ сохранилось достаточно золота для покрытія издержекъ добычи болѣе сложными и усовершенствованными способами. Для добыванія глубоколежащихъ кварцевыхъ залежей требуется масса воды и новые пріемы обработки колчедановъ; при скудности капиталовъ вообще, обнаружившейся на Уралѣ съ давнихъ поръ по всѣмъ отраслямъ горной промышленности, едва ли возможно будетъ обойтись безъ участія иностранныхъ капиталовъ. Въ нѣкоторыхъ слояхъ русскаго общества укоренилось мнѣніе о ненадобности и даже о вредѣ привлеченія въ Россію иностранныхъ капиталовъ; если это мнѣніе окончательно восторжествуетъ, то, вслѣдствіе недостатка и капиталовъ, и иностранныхъ горныхъ промышленниковъ и техниковъ, опытныхъ въ дѣлѣ добычи золота изъ рудныхъ жилъ новыми усовершенствованными способами, у насъ мало извѣстными, золотопромышленность на Уралѣ можетъ впасть въ маразмъ, къ которому она уже сильно приблизи-

лась. Ратовать противъ прилива иностранныхъ капиталовъ и появленія у насъ разумныхъ, искусныхъ дѣятелей изъ-за границы не только въ золотопромышленности, но и во всѣхъ отрасляхъ производительнаго труда, по нашему личному мнѣнію, противно и здравому смыслу, и основнымъ началамъ правильнаго государственнаго хозяйства; мы не мало терпѣли и еще терпимъ отъ смѣшенія экономическихъ условій жизни съ quasi-политическими соображеніями, и отъ подчиненія первыхъ крайне шовинистическимъ, часто неразумнымъ и вреднымъ по послѣдствіямъ мѣрамъ. Здравый смыслъ и наука указываютъ на то, что привлеченіе новыхъ капиталовъ откуда бы то ни было и практическихъ опытныхъ дѣятелей несомнѣнно послужитъ къ правильной, разумной эксплуатаціи русскихъ богатствъ, изъ которыхъ весьма и весьма многія остаются нетронутыми и будутъ долго лежать непроизводительно, безъ участія высокой современной техники, практически нами мало усвоенной не только въ большей части промысловъ, но и въ золотопромышленности, и въ земледѣліи. Еще многому приходится намъ учиться, многое слѣдуетъ намъ заимствовать, на многое не хватаетъ намъ собственныхъ средствъ; на Уралѣ же, гдѣ почти вся горная промышленность до 1863 г. основывалась на дешевомъ подневольномъ трудѣ, въ вотчинныхъ и поссесіонныхъ заводахъ уже издавна обнаружилось крайнее оскудѣніе средствъ для поддержанія и производства желѣза и мѣди. Въ той же, если не въ большей степени, уменьшились и средства для уральской золотопромышленности, снявшей уже всѣ „сливки“.

Переходя отъ Урала къ зауральской, собственно сибирской золотопромышленности, мы имѣемъ въ виду данныя вполнѣ добросовѣстныхъ и основательныхъ изслѣдованій, произведенныхъ французскимъ горнымъ инженеромъ Edouard David Levat, по иниціативѣ, на средства и при дѣятельномъ личномъ участіи Ѳ. В. Сабашникова, одного изъ значительныхъ пайщиковъ въ золотопромышленныхъ компаніяхъ въ Забайкальѣ, на Ононѣ, въ Нерчинскомъ округѣ, а также въ Приамурскомъ краѣ на рѣкѣ Зеѣ, притокѣ Амура, и въ другихъ мѣстностяхъ. Результаты этихъ изслѣдованій изложены въ двухъ тщательно изданныхъ томахъ книги инженера Levat, заглавіе которой выписано въ началѣ настоящей статьи; сочиненіе это, по замыслу издателя Ѳ. В. Сабашникова, должно войти въ составъ сборника сочиненій о Сибири, предпринятаго г. Сабашниковымъ, чему нельзя не со-

чувствовать. I-й томъ сочиненія инженера Levat посвященъ Забайкалью, Ононскимъ пріискамъ, Даурской К^0 въ Нерчинскомъ округѣ; во II-мъ т. изложены изслѣдованія по золотопромышленности въ Приамурской области на значительномъ притокѣ Амура, р. Зеѣ, и на ея системѣ.

Этимъ гг. Лева и Ѳ. В. Сабашниковъ не думаютъ ограничиваться. Въ планъ дальнѣйшихъ ихъ трудовъ входятъ изслѣдованія въ бассейнѣ р. Лены, на Алтаѣ, на пріискахъ Кабинета Е. И. В. и на Уралѣ—этой колыбели всей почти русской горной промышленности. Постараемся вкратцѣ изложить дѣйствительно замѣчательные,—къ сожалѣнію, весьма неутѣшительные,—выводы совмѣстнаго труда инженера Лева и Ѳ. В. Сабашникова.

Изслѣдователи начали съ Забайкалья, предпославъ подробному отчету объ отдѣльныхъ пріискахъ соображенія о золотоносныхъ формаціяхъ, о способахъ эксплуатаціи пріисковъ въ Восточной-Сибири вообще и въ частности въ Забайкальскомъ краѣ.

Восточная-Сибирь, съ золотопромышленной точки зрѣнія, заключаетъ въ себѣ обширную страну на востокъ отъ енисейской губерніи, съ административнымъ горнозаводскимъ центральнымъ для всей Сибири управленіемъ въ Иркутскѣ, гдѣ устроена лабораторія для анализа и сплавки золота.

Восточная-Сибирь производитъ болѣе половины всего количества золота, добываемаго въ Россіи. Инженеромъ Levat составлена карта золотопромышленныхъ мѣстностей, съ показаніемъ добычи золота въ 1894 г., начиная отъ Урала и степей Оренбургскаго края и доходя до рѣки Амгуня и Охотскаго моря. Общее количество добытаго на этомъ пространствѣ въ 1894 г. золота опредѣляется въ 44.061 килограммовъ. Это количество распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Доставили kilogr.
Уралъ (Екатеринбургскій округъ)	10.598
Семипалатинская область (на Верхнемъ-Иртышѣ).	691
Томская губернія по Оби	3.750
Енисейская губ. (на востокъ отъ Красноярска) .	3.225
Ононскіе пріиски въ Забайкальѣ.	3.254
Пріиски между Витимомъ и Олекмой, прит. Лены .	12.313
Бассейнъ Зеи съ приток. въ Приамурскомъ краѣ .	8.335
Приморская область	1.665
Уссурійскій край	230
Кил.	44.061

что составляетъ 2.687 пудовъ съ фунтами; считая пудъ въ

18 тыс. рублей, всего добыто золота въ 1894 г.—на 48.360 тысячъ рублей.

44.061 кил. золота, добытаго въ Россіи въ 1894 г., распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

На долю Кабинета Е. И. В.	.	1.500 кил.
Восточная-Сибирь доставила	.	25.047 „
Западная-Сибирь „	. . .	6.916 „
Уралъ „	. . .	10.598 „
		44.061 кил.

Общее количество добытаго въ Россіи, съ 1883 по 1894 г., за 12 лѣтъ, достигаетъ 455.000 килограммъ.

Сибирская золотопромышленность насчитываетъ 67 лѣтъ существованія; начало ея относится къ 1830 году; добыча въ то время на отдѣльныхъ пріискахъ доходила до 4 пуд. 22 фунт.

Въ 1836 г. добыто 84 пуда, считая по 18 тыс. руб. за пудъ, на сумму											1.512.000 р.
Въ 1837 г. добыто 106 пуд. на сумму											1.908.000 „
„ 1842 „ „ 575 „ „ „											10.350.000 „
„ 1846 „ „ 1238 „ „ „											22.284.000 „
„ 1847 „ „ 1370 „ „ „											24.660.000 „

Съ 1847 по 1852 г., ежегодная добыча золота колебалась между цифрами 1.100—1.200 пудовъ; 1852-й годъ далъ только 900 пудовъ; съ 1852 по 1870 г. добыча золота все понижалась; способы добычи нельзя было не признать хищническими; извлекали только самое крупное, легко доступное золото самыми дешевыми первобытными способами, оставляя въ отвалахъ половину, если не болѣе, разсыпного золота; въ 1875 по 1880 г. выступаетъ на сцену Приамурскій край и увеличиваетъ значительно добычу золота.

Съ 1884 по 1892 г. Россія по добычѣ золота занимаетъ третье мѣсто:

Въ 1892 г. въ	Соед.-Штатахъ	добыто	2.985 пуд.	
„ „ „ „	Австраліи	„	2.242 „	
„ „ „ „	Россіи	„	2.207 „	

Изъ 2.207 пудовъ Сибирь дала 1.749 пудовъ. Уралъ не вошелъ въ этотъ счетъ.

Съ 1893 г. положеніе всемірной добычи золота измѣняется. Пріиски, открытые въ Трансваалѣ, ставятъ эту страну на третье мѣсто въ ряду странъ, добывающихъ золото; въ 1892 г. добыча въ Трансваалѣ не превышала количества русскаго золота; Трансвааль занималъ четвертое мѣсто послѣ Россіи, Австраліи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1893 г. первое мѣсто занимаютъ

Соед.-Штаты,	съ	добычей	золота	на	178	милл.	франк.
Австралія	„	„	„	„	176	„	„
Трансвааль	„	„	„	„	134	„	„
Россія	„	„	„	„	133	„	„

Въ 1894 г., Трансвааль сохраняетъ свое третье мѣсто; причемъ производство золота въ этой странѣ значительно увеличивается и приближается къ производству соперничествующихъ странъ, т.-е. къ Австраліи и Соединеннымъ-Штатамъ, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Австралія добыла золота на		203	милл.	франк.	
Соед.-Штаты добыли	„	198	„	„	
Трансвааль	„	„	194	„	„
Россія	„	„	132	„	„

Очень можетъ быть, что добыча золота въ будущемъ еще болѣе усилится въ Трансваалѣ, и эта страна займетъ еще высшее мѣсто.

Въ 1890 г., сибирская золотопромышленность потребовала для 646 пріисковъ 33.421 рабочихъ.

Въ 1890 г., добыча золота въ областяхъ, лежащихъ на востокъ отъ Иркутска, на 303 пріискахъ доставила 1.220 пуд. 30 фунт.; оцѣнивая пудъ золота въ 50 т. франковъ, получимъ 60.500 тыс., что̀ составитъ, считая по 181 т. рублей за пудъ, 21.973.500 р. Изъ добытыхъ 1.220 п. 30 фунт. наибольшее количество доставилъ бассейнъ Лены, какъ видно изъ слѣдующаго распредѣленія:

Въ бассейнѣ Лены добыто . .	47%	всего количества.
Въ Приамурскомъ краѣ . . .	40%	„ „
Въ Забайкальѣ	10,7%	„ „
Въ Приморской области . . .	2,3%	„ „
	100%	

Изъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ оказывается, что за первоначальнымъ періодомъ огромной добычи золота въ Сибири послѣдовало время застоя; огромная добыча золота объясняется открытіемъ значительнаго числа пріисковъ съ неглубокимъ залеганіемъ крупнаго золота, слѣдовательно, доступныхъ дешевой разработкѣ первобытными способами; увеличеніе добычи золота слѣдуетъ, затѣмъ, приписать образованію сильныхъ компаній, имѣвшихъ отчасти возможность улучшить первобытные пріемы разработки и употребить значительныя средства на открытіе и извлеченіе золота изъ отдаленныхъ отъ всякихъ путей сообщенія, но богатыхъ пріисковъ, что̀, конечно, требовало весьма значительныхъ затратъ.

Приведенныя цифровыя данныя о постепенномъ развитіи русской золотопромышленности съ 1830 г. ясно указываютъ, какъ на государственное значеніе дѣла, такъ и на необходимость точнаго изслѣдованія причинъ постояннаго колебанія въ количествѣ добычи золота. Оба изслѣдователя, какъ инженеръ Levat, такъ и иниціаторъ произведенныхъ изслѣдованій, Ѳ. В. Сабашниковъ, задались чисто практическою цѣлью: основательно изучить тѣ пріиски Восточной-Сибири, въ которыхъ одинъ изъ изслѣдователей принимаетъ участіе, такъ какъ они достались ему и прочимъ членамъ его семьи отчасти по наслѣдству (въ Забайкальѣ на р. Ононѣ и на р. Зеѣ въ Приамурскомъ краѣ) послѣ перваго открывателя и иниціатора дѣла, Вас. Ник. Сабашникова, а отчасти пріобрѣтены имъ и его семьею на собственныя средства (пріиски Моготской, Джолонской, Иликанской и др. компаній въ Приамурскомъ краѣ въ 1880 и послѣдующихъ годахъ). Изслѣдованія эти потребовали двухъ лѣтъ. 1895-й годъ посвященъ былъ изслѣдованіямъ въ южной части Забайкалья, близъ китайской границы, въ Акшинскомъ округѣ, въ долинѣ, носящей названіе *Средній-Хангарокъ*, по р. того же имени, съ притокомъ ея, называемымъ *Баянъ-Зурго*; затѣмъ по р. *Кирѣ*, впадающей въ р. *Ононъ* уже въ предѣлахъ Манчжуріи. Рѣка Кира въ теченіе своемъ принимаетъ съ лѣвой стороны притокъ *Бырцу*. Вся мѣстность между р. Бырцой, Кирой и Онономъ золотосодержима. Пріиски на Ононѣ и притокахъ открыты въ концѣ 60-хъ годовъ покойнымъ отцомъ изслѣдователя Василіемъ Никитичемъ Сабашниковымъ († 1879 г.), памяти котораго посвящена книга изслѣдователя инженера Levat. Пріиски эти въ долинѣ Средн.-Хангарока и въ смежной съ нею долинѣ Баянъ-Зурги, въ теченіе 28 лѣтъ, съ 1868 г. по 31 августа 1895 года, принесли открывателю и семьѣ его 847¼ пудовъ, считая по 18 тысячъ р. пудъ, всего на 15.250.500 р. Изъ составленной инженеромъ Levat, на основаніи пріисковыхъ документовъ таблицы ежегодной добычи золота оказывается, что самая значительная добыча относится до 1877 г. Изъ общаго количества 847¼ пудовъ въ первыя 12 лѣтъ разработки, т.-е. до 1879 года, добыто 589 пудовъ 14 ф.; остальные 257 п. 36 ф. причитаются на остальныя 16 лѣтъ разработки, и добыча съ 27 пудовъ въ 1879 г. понизилась до 9 пудовъ въ 1895 г. Изслѣдовавши во всей подробности всѣ 13 Ононскихъ пріисковъ, на научныхъ основаніяхъ, опредѣливъ геологическое образованіе самой мѣстности этихъ пріисковъ и способъ разработки, какъ ононскихъ золотыхъ розсыпей, такъ и *кварцеваго золота*, инже-

неръ Levat пришелъ къ яснымъ выводамъ *относительно разсыпного золота.*

Прежде всего инженеръ Levat обратилъ вниманіе на самый богатый золотосодержащими розсыпями Благовѣщенскій пріискъ, доставившій съ 1868 по 1894 годъ, въ теченіе 27 лѣтъ, до 603 пудовъ, слѣдовательно болѣе $^3/_4$ всей добычи—на сумму 10.854.000 р.

Высшей производительности Благовѣщенскій пріискъ достигъ въ 1877 г.—именно 79 пудовъ; послѣднимъ значительнымъ, по добычѣ, годомъ былъ 1878 годъ, доставившій около 44 пудовъ; въ слѣдующемъ, 1879 г., добыча упала до 9 пудовъ и уже не поднималась выше 12 пудовъ (въ 1893 г.). Внимательное изслѣдованіе этого богатаго пріиска, въ настоящемъ его положеніи обнаружило, что отвалы; образовавшіеся съ 1868 по 1879 г. (годъ смерти открывателя Василія Никитича Сабашникова), въ теченіе 12 лѣтъ, содержатъ достаточное количество золота, которое, при *вторичной* промывкѣ песковъ, окупитъ съ лихвой издержки производства. Количество отваловъ, подлежащихъ производительной промывкѣ инженеръ Levat исчисляетъ въ 600 т. кубическихъ метровъ; содержаніе этихъ отваловъ опредѣляется имъ, по меньшей мѣрѣ, въ 20 долей на 100 пудовъ, а все означенное количество вторично промытыхъ песковъ дастъ 32 слишкомъ пуда; кромѣ того, пріискъ этотъ заключаетъ золотоносные участки, до сихъ поръ нетронутые, изъ которыхъ инженеръ Levat считаетъ возможнымъ добыть еще до 30 пудовъ золота. Мало того, подробное геологическое изслѣдованіе Благовѣщенскаго пріиска привело инженера Levat къ твердому убѣжденію, что на немъ подвергнутъ разработкѣ только верхній золотосодержащій пластъ; что подъ этимъ пластомъ обнаруживается другой золотоносный пластъ, шурфовка котораго дала бы болѣе золотника содержанія, тогда какъ верхній пластъ въ той же мѣстности представляетъ только около 40 долей; произведенныя изслѣдованія даютъ основаніе предполагать, что при будущей разработкѣ нижняго пласта можно разсчитывать на болѣе или менѣе равномѣрное распредѣленіе въ немъ золота, а не на невыгодное и случайное скопленіе золота, въ отдѣльныхъ гнѣздахъ, иногда встрѣчающееся; разработка этого второго пласта несомнѣнно потребуетъ примѣненія уже механическихъ способовъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, придется снимать значительное количество пустыхъ породъ. Въ такомъ же положеніи, какъ самый богатый типичный Благовѣщенскій пріискъ, найдены и другіе пріиски съ разсыпнымъ золотомъ, какъ, напримѣръ, Васильев-

скій пріискъ, непосредственно прилегающій къ Благовѣщенскому, особенно же Новоалександровскій пріискъ, принесшій въ теченіе 20 лѣтъ, съ 1873 по 1894 г., 90 пудовъ золота; промывка отваловъ этого пріиска принесетъ, по самому скромному исчисленію, не менѣе 12 пудовъ. Такія же надежды подаетъ и Сергіевскій пріискъ, доставившій съ 1880 г., въ теченіе десяти лѣтъ, болѣе 60 пудовъ; въ Иннокентьевскомъ пріискѣ, прилегающемъ къ Сергіевскому и смежномъ съ Новоалександровскимъ, производились подземныя (ортовыя) работы, такъ какъ толщина верхнихъ пустыхъ породъ, подлежавшихъ съёмкѣ, доходила до 10 метровъ; изслѣдованія инженера Levat привели его къ убѣжденію, что эти подземныя работы не исчерпали всего золотосодержащаго пласта, и что изъ него можно добыть болѣе 5 пудовъ золота; этотъ Иннокентьевскій пріискъ съ 1882 до 1892 г., въ теченіе 9 лѣтъ, принесъ 31 слишкомъ пудъ. Михайловскій, прилегающій къ пріиску Новоалександровскому, въ долинѣ *Баянъ-Зурги*, принесъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ около 9 1/2 пудовъ золота и весьма мало разработанъ; въ зиму 1895—96 г. предположено было произвести основательную развѣдку мѣстностей этого пріиска, которыя вовсе были заброшены, хотя толщина пустыхъ породъ не превышаетъ двухъ метровъ и разработка не представляла особыхъ затрудненій.

Во многихъ изъ этихъ пріисковъ первобытная дешевая разработка, оставляя въ землѣ (въ отвалахъ) значительное количество золота, погребала самые отвалы подъ огромною массою сваливаемыхъ на нихъ пустыхъ породъ, отчего разработка такихъ мѣстностей въ будущемъ представляется или крайне затруднительною и убыточною, или просто невозможною. Несмотря на это, основательныя изслѣдованія инженера Levat Ононскихъ пріисковъ для приблизительнаго опредѣленія количества разсыпного золота, содержащагося въ нихъ, какъ въ отвалахъ, удобныхъ для второй промывки, такъ и въ площадяхъ еще нетронутыхъ или недостаточно развѣданныхъ, а также въ сосѣднихъ, никѣмъ еще не занятыхъ мѣстностяхъ, приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Ононскіе пріиски, давшіе съ 1874 по 1895 годъ 847 пудовъ золота, содержатъ еще въ розсыпяхъ достаточное количество для дальнѣйшей выгодной ихъ разработки.

Разработка пріисковъ собственными средствами компаніи въ 1895 г., по 15 сентября, доставила только 2 п. 33 ф. 48 з. 54 доли; пріисковое управленіе, по свидѣтельству инженера Levat, пріурочило собственную разработку къ самымъ скуднымъ, по

содержанію, пріискамъ (даже не дававшимъ болѣе 15 долей), а болѣе богатые пріиски предоставила разработкѣ подрядчиковъ, которые добыли 7 пудовъ 69 золотниковъ. Система отдачи пріисковъ на разработку подрядчикамъ, а также такъ-называемыя старательскія работы, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, по волѣ участниковъ Ононской комп. твердо укоренились въ пріисковомъ ихъ хозяйствѣ. Разработка подрядчиками и старательскія работы, при поверхностномъ взглядѣ, представляются какъ будто выгодными, не требуя затратъ со стороны компаньоновъ; на самомъ же дѣлѣ, оба способа эксплуатаціи приносятъ огромный вредъ; подрядчики, по показанію инженера Levat, въ данномъ случаѣ занимали лучшія розсыпи, съ содержаніемъ не менѣе золотника, а компанія получала не болѣе 70 долей со 100 пудовъ. Сверхъ того, условія съ подрядчиками заключаются на одну операцію; естественно подрядчикъ только и думаетъ о выручкѣ своихъ затратъ и о прибыли, хотя по условію и обязывается строго исполнять требованіе 513-ой статьи Горнаго Устава о частн. зол.: „откидные золотосодержащіе пески сваливать отдѣльно, не смѣшивая ихъ съ пустою породою“; но законъ этотъ дѣлается мертвою буквою, и, по показанію инженера Levat, еще нетронутыя золотосодержащія розсыпи на богатомъ Благовѣщенскомъ, а также на Иннокентьевскомъ и Сергіевскомъ пріискахъ, завалены огромными массами пустой породы; при подрядческихъ и старательскихъ работахъ неизбѣжно также воровство золота, крайне распространенное на сибирскихъ пріискахъ. Оба изслѣдователя, инженеръ Levat и Ѳ. В. Сабашниковъ, на основаніи положительныхъ данныхъ, добытыхъ точными личными наблюденіями, согласно утверждаютъ, что при подрядческихъ и старательскихъ работахъ количество похищеннаго золота достигаетъ 20%, такъ что пятая часть добытаго золота пропадаетъ, чему на Ононскихъ пріискахъ помогаетъ близость китайской границы и воровской притонъ въ с. Кирѣ. Воровство, впрочемъ, неизбѣжно и при самой, повидимому, тщательной разработкѣ золотосодержащихъ розсыпей средствами пріисковаго управленія; только примѣненіемъ усовершенствованныхъ механическихъ способовъ можно прекратить воровство; общеупотребительные нынѣ снаряды промывки песковъ съ ихъ чашками, требующіе ручной работы 9 человѣкъ, въ два пріема ручной съёмки золота со станка, содѣйствуютъ несомнѣнно, по самому своему устройству, воровству.

Первый открыватель богатыхъ Ононскихъ пріисковъ, членъ извѣстной кяхтинской чайной фирмы, В. Н. Сабашниковъ, еще до начала своей золотопромышленной дѣятельности въ 1868

году, доставившей ему въ теченіе 12 лѣтъ 569 пудовъ золота (скончался въ 1879 г. въ Москвѣ), много положилъ заботъ въ теченіе трудовой своей жизни на производство розысковъ золотосодержащихъ мѣстностей. Ононскіе пріиски достались этому замѣчательному труженику не даромъ. Добившись своею дѣятельностью богатства, В. Н. подѣлился имъ со своими братьями, образовавши изъ членовъ своей семьи золотопромышленную компанію въ 25 паевъ, изъ которыхъ на свою долю оставилъ только половину. Пишущій эти строки мало зналъ В. Н. Сабашникова, ему пришлось только разъ посѣтить его въ Москвѣ, вмѣстѣ съ бывшимъ директоромъ „Русскаго Общества пароходства и торговли“ (впослѣдствіи управлявшимъ морскимъ министерствомъ, Н. М. Чихачевымъ), знавшимъ какъ его, такъ и его семью въ Кяхтѣ, чрезъ которую Н. М. Чихачевъ проѣзжалъ, еще будучи молодымъ морскимъ офицеромъ, на возвратномъ пути изъ Иркутска въ Петербургъ. Мы посѣтили В. Н. Сабашникова въ Москвѣ въ началѣ 70-хъ годовъ, послѣ открытія Суэзскаго канала, и не по золотопромышленнымъ дѣламъ, а по дѣлу прямой доставки „Р. Общ. пароход. и торг.“ чаевъ изъ Ханькоу на Одессу въ Москву. Этимъ посѣщеніемъ и встрѣчами въ залѣ московской биржи и ограничилось наше знакомство. Узнать ближе дѣла этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго человѣка мнѣ пришлось уже послѣ его смерти, и убѣдиться въ его замѣчательномъ трудолюбіи, въ ясномъ практическомъ его умѣ, въ гуманномъ отношеніи его къ людямъ, въ рѣдкомъ благодушіи, скромности и сочувствіи ко всему, что истинно дорого всякому хорошему русскому человѣку. Въ бумагахъ его найденъ былъ собственноручный его проектъ обезпечить пожизненнымъ пособіемъ изъ собственныхъ средствъ того изъ педагоговъ на его далекой сибирской родинѣ, дѣятельность котораго общественнымъ мнѣніемъ признана будетъ наиболѣе полезною; черновое собственноручное завѣщаніе его, за внезапною смертью не оформленное, равномѣрнѣе распредѣляло между его дѣтьми его имущество и устанавливало справедливое между ними, по его мнѣнію, равенство; пожертвованія его на Красный-Крестъ, во время послѣдней войны, на добровольный флотъ и на благотворительныя цѣли дополняютъ характеристику человѣка, памяти котораго посвящена разбираемая нами книга однимъ изъ сыновей его, добросовѣстно потрудившимся для дорогого покойному дѣла...

Въ тѣ времена, когда началась и продолжалась золотопромышленная дѣятельность В. Н. Сабашникова, съ 1868 по 1879 годъ, о другихъ способахъ добычи золота изъ *розсыпей*

на Ононѣ, кромѣ общеупотребительныхъ, самыхъ первобытныхъ и дешевыхъ способовъ, думать не предстояло надобности, какъ вслѣдствіе исключительнаго богатства этихъ пріисковъ, такъ и по новости самаго дѣла. На богатство трудныхъ для разработки кварцевыхъ золотосодержащихъ пластовъ основатель Ононскихъ пріисковъ также не обратилъ вниманія. Только теперь настало время для разработки на Ононскихъ пріискахъ залежей руднаго кварцеваго золота, на которыя инж. Levat, при изслѣдованіи каждаго пріиска въ отдѣльности, обратилъ особенное вниманіе, опредѣляя приблизительно, какъ направленіе рудныхъ жилъ, такъ и предполагаемое въ нихъ содержаніе золота. Этому весьма важному и существенному для будущности Ононскихъ пріисковъ предмету инж. Levat посвятилъ 3-ю главу I тома своей книги.

Приступая къ изслѣдованію руднаго золота на р. Ононѣ, инж. Levat счелъ нужнымъ сослаться на свои соображенія, относительно образованія залежей руднаго золота въ Восточной-Сибири, въ видѣ прил. къ I т. подъ лит. С. на стр. 168 и слѣд. Вся Сибирь, какъ утверждаетъ инж. Levat, въ геологическомъ отношеніи представляетъ золотосодержащее пространство съ неравномѣрнымъ, впрочемъ, распредѣленіемъ, такъ какъ Восточная Сибирь богаче золотомъ другихъ сибирскихъ областей и доставляетъ половину всего золота, добываемаго въ Россіи. Начиная отъ Урала — этой колыбели всего металлургическаго производства въ Россіи—и подвигаясь на востокъ, мы вездѣ найдемъ залежи золота; въ этомъ отношеніи оренбургскія степи составляютъ продолженіе золотоносныхъ мѣсторожденій Урала, затѣмъ слѣдуетъ Семипалатинская область въ бассейнѣ Верхняго-Иртыша, гдѣ число разрабатываемыхъ пріисковъ постоянно возрастаетъ; въ связи съ Семипалатинскою областью находятся залежи въ окрестностяхъ г. Вѣрнаго и далѣе на востокъ за Ташкентомъ; потомъ слѣдуютъ значительныя мѣсторожденія золота въ центральной Сибири, въ бассейнахъ рѣкъ Оби и Томи; затѣмъ, переходятъ на Енисей, гдѣ необходимо различать двѣ группы: на югъ отъ Красноярска и на Средней- и Верхней-Тунгузкахъ. Переходя за Байкалъ, мы вступаемъ, съ сѣверной стороны, въ бассейнъ Лены съ богатыми Олекминскими и Витимскими пріисками; на югъ отъ этой мѣстности лежитъ Забайкальскій край съ мѣсторожденіями золота въ бассейнахъ рѣкъ Онона, Удъ, Шилки; далѣе на востокъ бассейнъ р. Амура съ пріисками по Зеѣ, Буреѣ, Уссури и Амгуню. На протяженіи всѣхъ исчисленныхъ мѣстностей, т.-е. на разстояніи въ семь тысячъ верстъ, пріиски сохраняютъ замѣ-

чательно однообразный характеръ, золото залегаетъ въ древнихъ пластахъ глинистаго и слюдяного сланцевъ, вулканическихъ и кристаллическихъ, что̀ указываетъ на происхожденіе ихъ исключительно въ періодъ азоическій или, по крайней мѣрѣ, въ періодъ силлурическій. Если, затѣмъ, самое происхожденіе золота слѣдуетъ отнести къ этимъ древнимъ геологическимъ періодамъ, то образованіе пріисковъ, напротивъ, весьма *недавнее*, и эти недавнія золотосодержащія залежи сохранились въ долинахъ, существующихъ нынѣ, и форма ихъ, а также орографія страны почти съ эпохи образованія *не измѣнились*. Послѣдствіемъ приведенныхъ данныхъ является то, что сибирскія розсыпи залегаютъ въ глубинѣ существующихъ нынѣ долинъ, наклонъ ихъ въ длину весьма незначителенъ, притомъ онѣ покрыты позднѣйшими наносами, торфомъ и водорослями; калифорнскія розсыпи рѣзко отличаются отъ нашихъ сибирскихъ: первыя относятся, по происхожденію, къ міоценамъ, и образованіе ихъ совершилось при совершенно иномъ орографическомъ положеніи сравнительно съ существующимъ нынѣ рельефомъ земли; калифорнскія золотоносныя мѣсторожденія суть русла древнихъ золотоносныхъ рѣкъ, и они не только расположены вверху существующихъ нынѣ долинъ, но пересѣкаютъ ихъ иногда подъ прямымъ угломъ.

Не входя въ дальнѣйшія научныя соображенія инженера Levat, изложенныя въ означенномъ приложеніи, относительно происхожденія золотоносныхъ формацій на Уралѣ и въ Восточной-Сибири, обратимся, соотвѣтственно къ практическимъ задачамъ изслѣдователей, къ спеціальному изслѣдованію инженера Levat Ононскихъ пріисковъ, относительно содержащагося въ нихъ *руднаго золота*. При общемъ описаніи всѣхъ 13 отдѣльныхъ пріисковъ Ононской К°, изслѣдователь указалъ на слѣдующіе пріиски, содержащіе кромѣ разсыпного золота и *рудныя мѣсторожденія*, именно на пріиски Даниловскій, Аннинскій, Ѳедоровскій, Евдокимовскій дополнительный, Серафимовскій, Маргаритинскій и носящій спеціальное названіе „Кварцеваго“ пріиска. Результаты произведенныхъ инженеромъ Levat изслѣдованій, объясняемыхъ тщательно составленными планами и чертежами, приводятъ къ благопріятному заключенію о возможности разработки въ будущемъ пластовъ *руднаго* золота на Среднемъ-Хангарокѣ, подлежащихъ еще тщательному изслѣдованію, относительно содержанія золота; но данныя, добытыя на дополнительномъ Серафимовскомъ пріискѣ и на „Кварцевомъ“, до того удовлетворительны, что будущность Ононскихъ пріисковъ представляется обезпеченною не только разсыпнымъ, но и руднымъ золотомъ. Не говоря

объ исключительно богатомъ содержаніи руднаго золота въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, доходившемъ до 60 золотниковъ на 100 пудовъ,—на что разсчитывать никакъ не слѣдуетъ,—можно надѣяться на 10—12 золотниковъ средняго содержанія въ рудныхъ пластахъ на *Баянъ-Зургѣ;* такое содержаніе вполнѣ достаточно для выгодной разработки, при особенно благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся Ононскіе пріиски; на Ононѣ нѣтъ недостатка въ рабочихъ, такъ какъ мѣстность довольно густо заселена, продовольственные же припасы дешевы. Съ 1884 по 1885 годъ, именно на Баянъ-Зургѣ, на Евдокимовскомъ пріискѣ, предприняты были работы по *добычѣ руднаго* золота, точно обозначенныя на планѣ, составленномъ инженеромъ Levat (I т., стр. 72, пл. VI). Работы эти, разрѣшенныя участниками въ Ононской К°, вслѣдствіе представленія управлявшаго въ то время пріисками г. Геллера, получившаго научное горное образованіе за-границей, признаны нынѣ авторитетнымъ изслѣдователемъ инженеромъ Levat совершенно удовлетворительными; имъ одобряются и выборъ мѣста, и самый образъ производства работъ (I т., стр. 86). Изслѣдованіе трехъ устроенныхъ этими работами галерей привело къ весьма утѣшительному результату: при средней толщинѣ пласта въ $13^1/_2$ вершк. среднее содержаніе золота опредѣлено изъ 19 пробъ въ 11 золотниковъ $77^3/_5$ долей, причемъ исключены двѣ пробы, давшія высшее содержаніе: одно въ 69 з. 32 д., другое—въ 52 з. 18 д.; слѣдующая изслѣдованная мѣстность дала рудную залежь съ содержаніемъ отъ 3 до 12 золотн. на 100 пудовъ; наконецъ, въ третьей мѣстности, при средней толщинѣ пласта въ $11^1/_6$ вершк., содержаніе изъ 12 пробъ оказалось въ 10 з. 73 д. Такое содержаніе руднаго золота, при благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ Ононскихъ пріисковъ, представляется совершенно выгоднымъ; на сосѣднихъ кварцевыхъ пріискахъ Бѣлоголовыхъ съ выгодою работаютъ при содержаніи въ 7 золотниковъ. Опредѣленіе содержанія руднаго золота произведено было обычнымъ простымъ способомъ, т.-е. промывкою раздробленной рудной массы; при такомъ способѣ пропадаетъ большое количество золота; при лабораторномъ опредѣленіи содержанія рудной массы въ Иркутскѣ на 100 пудовъ оказалось 26 зол.; та же самая руда, при промывкѣ на пріискѣ, дала только 9 зол. Извлеченіе изъ кварцевой руды золота посредствомъ устроенной управляющимъ Ононскими пріисками въ 1884—85 гг. Геллеромъ мельницы дало слѣдующіе результаты: въ 1886 г. 88 кубическихъ саженей кварца=1.392 пуд. дали 2 п. 24 ф. 84 зол.,—слѣдо-

вательно, на 100 пудовъ пришлось по 7 з. 5½ д.; въ 1887 г. кубическая сажень кварца вѣсомъ 165 пудовъ доставила 10 ф. 33 зол. 48 д., и содержаніе кубич. сажени кварца опредѣлилось въ 6 зол. 1 долю; въ два года мельница изъ 99 кубическихъ саженей, вѣсомъ 1.494 пуда, извлекла 2 п. 35 ф. 21 з. 48 д.,— между тѣмъ среднее содержаніе извлеченной въ то время кварцевой руды опредѣлялось въ 15 золотниковъ; такимъ образомъ, потеря, при извлеченіи золота посредствомъ мельницы, опредѣлилась 45%. Такой печальный исходъ дѣла инженеръ Levat приписываетъ совершенно справедливо двумъ причинамъ: во-1-хъ, тому, что за постройку мельницы взялся человѣкъ совершенно незнакомый съ дѣломъ, и всѣ машины и принадлежности мельницы сдѣланы на уральскихъ заводахъ, по придуманнымъ имъ чертежамъ, тогда какъ изъ Франціи или Англіи представлялась полная возможность выписать всѣ машины и принадлежности такихъ мельницъ, дѣйствующихъ вполнѣ успѣшно и правильно во всѣхъ золотопромышленныхъ мѣстностяхъ земного шара; г. Геллеръ, при всѣхъ своихъ отличныхъ познаніяхъ въ горнозаводскомъ дѣлѣ, слишкомъ смѣло принялся за неизвѣстное ему дѣло, и потерпѣлъ неудачу, принесшую значительный убытокъ участникамъ Ононской К°, доказательствомъ чему служитъ сравненіе *нормальной*, правильно устроенной мельницы съ мельницею неумѣло и ошибочно устроенною г. Геллеромъ (т. I, стр. 81); другую причину неудачи въ *дѣлѣ* обработки руднаго золота на Ононскихъ пріискахъ, задуманномъ и своевременно, и совершенно правильно, инженеръ Levat видитъ также весьма основательно въ томъ, что постройкѣ мельницы на Баянъ-Зургѣ должно было предшествовать извлеченіе изъ земли рудныхъ золотосодержащихъ пластовъ въ количествѣ, соотвѣтствующемъ производительной силѣ мельницы; такимъ образомъ для правильно устроенной на Баянъ-Зургѣ мельницы потребовалось бы предварительной на два года заготовки кварцевой золотосодержащей руды 30.000 тоннъ = 20.000 кубическимъ метрамъ.

Четвертая глава I-го тома изслѣдованій объ Ононскихъ пріискахъ посвящена изложенію программы правильныхъ и раціональныхъ работъ по эксплуатаціи, какъ *разсыпного*, такъ и *руднаго* золота, и оканчивается слѣдующими соображеніями. Независимо отъ прекращенія вредныхъ хищническихъ работъ съ подряда и старательскихъ, слѣдуетъ озаботиться: 1) правильною разработкою розсыпей, еще не тронутыхъ, и вторичною промывкою отваловъ, изъ которыхъ инж. Levat считаетъ возможнымъ добыть, minimum, до 61 пуда золота; 2) добычу золота изъ откры-

таго въ долинѣ Хангарока, на Благовѣщенскомъ и Васильевскомъ пріискахъ, золотосодержащаго пласта производить не обычными первобытными способами промывки, а *общеизвѣстными* усовершенствованными способами съ устройствомъ драгъ, что, по мнѣнію инж. Levat, усилитъ производительность на 50%, и на что потребуется не болѣе 100 т. рублей; въ 3) устроить правильныя и систематическія развѣдки. Что касается до *разработки рудныхъ* жилъ, среднее содержаніе которыхъ опредѣляется minimum въ 10 зол. на 100 п., то издержки правильнаго устройства добычи золотосодержащей руды также не превысятъ, по мнѣнію инж. Levat, 100 т. рублей, не считая постройки мельницы, къ которой не прежде слѣдуетъ приступить, какъ запасшись на два года потребнымъ количествомъ руды; для приведенія въ исполненіе этихъ предположеній, по мнѣнію инж. Levat, потребуются люди съ большею научною и практическою подготовкою, чѣмъ настоящіе мѣстные дѣятели, о которыхъ онъ отзывается вполнѣ одобрительно, утверждая, что гуманныя традиціи основатели Ононскихъ пріисковъ въ управленіи ими и самое внимательное отношеніе къ служащимъ и рабочимъ—никогда не прекращались.

Отчетомъ объ изслѣдованіи двухъ пріисковъ Даурской компаніи, въ долинѣ Газимура, въ округѣ Нерчинскаго завода, исчерпывается остальное содержаніе I-го тома труда изслѣдователей. Пріиски Даурской К° поступили сначала во владѣніе гр. Шувалова отъ Кабинета Е. И. В., и находятся въ арендномъ безсрочномъ содержаніи нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ Ѳ. В. Сабашникова, съ уплатою графу Шувалову по 1.000 р. золотомъ съ пуда золота, добываемаго на пріискѣ *Маломальскомъ*, и по 1.200 р. кредитными билетами съ пріиска *Ильдиканскаго*. Все дѣло находится въ полномъ завѣдываніи директора-распорядителя, г. Шанявскаго, весьма опытнаго въ золотопромышленности участника.

Въ операцію 1894-95 гг., по 15-е сентября, добыто золота на *Маломальскомъ пріискѣ*:

Самимъ пріисковымъ управленіемъ	5 п.	35 ф.	58 з.	42 д.
Подрядными работами	1 „	8 „	8 „	30 „
На Ильдиканскомъ пріискѣ:				
Пріисковымъ управленіемъ	1 п.	21 ф.	37 „	55 „
Подрядными работами	— „	24 „	53 „	71 „
Всего добыто . .	9 п.	9 ф.	62 з.	6 д.

Проливные весенніе дожди, помѣшавшіе работамъ съемки пустыхъ породъ, нѣсколько уменьшили добычу золота, которое

въ прежніе года получалось въ количествѣ 11—12 пудовъ. Подробное и обстоятельное описаніе обоихъ пріисковъ и способовъ добычи на нихъ золота, подтверждаемое и объясняемое подробно составленными планами и чертежами, оканчивается цифровыми данными о количествѣ добытаго съ 1888-89 по 1893-94 гг. золота, а именно: Маломальскій пріискъ доставилъ въ теченіе шести операцій:

Работами пріисковаго управленія . . .	34 п.	31 ф.	10 з.	13 д.
„ подрядными	23 „	14 „	4 „	53 „
Ильдиканскимъ (Іосифовскимъ) пріискомъ, за время съ 1887 г., въ 8 операцій доставлено:				
Работами пріисковаго управленія въ операціи 1883-94 года	2 „	22 „	11 „	12 „
Подрядными работами съ 1887-1893-94 гг.	9 „	13 „	2 „	84 „
Всего добыто .	70 п.	3 ф.	28 з.	66 д.

Значеніе *подрядныхъ* работъ въ добычѣ золота достаточно опредѣляетъ характеръ эксплуатаціи. Желающихъ познакомиться со взглядами на это дѣло изслѣдователей и съ предлагаемыми ими мѣрами улучшенія отсылаемъ къ самому тексту (т. I, стр. 133—159).

II.

Окончивъ въ 1895 г. обозрѣніе и изслѣдованіе пріисковъ на р. Ононѣ и въ Нерчинскомъ округѣ, оба изслѣдователя посвятили слѣдующій годъ изслѣдованіямъ пріисковъ въ Амурскомъ краѣ, въ бассейнѣ р. Зеи, главнаго притока Амура. Ѳ. В. Сабашниковъ, послѣ неожиданной и преждевременной смерти отца своего въ 1879 г., вмѣстѣ съ братьями и сестрами своими, наслѣдовалъ, кромѣ Ононскихъ пріисковъ, участіе въ золотопромышленныхъ дѣлахъ на р. Зеѣ, которымъ положилъ начало тотъ же неутомимый труженикъ и главный иниціаторъ золотопромышленныхъ дѣлъ въ Восточной-Сибири, В. Н. Сабашниковъ. Изслѣдованія на р. Зеѣ изложены во II-мъ т. книги инж. Levat.

Съ нашей стороны Амуръ принимаетъ слѣдующіе притоки: Амазоръ, Олдой, Зею, Бурею, Амгунь; всѣ эти притоки протекаютъ по золотосодержащимъ мѣстностямъ; самый замѣчательный изъ нихъ р. Зея, по обширности бассейна и богатству пріисковъ. Въ теченіи своемъ р. Зея касается южной части Станового хребта, отдѣляющаго долину Амура отъ долины Лены; здѣсь-то и сосредоточиваются золотоносныя розсыпи.

Пароходство по Зеѣ возможно только во время полноводья; поэтому приходится доставлять кладь преимущественно санным путемъ. Преодолѣвъ трудности плаванія по быстрой и мелководной Зеѣ, на разстояніи 625 верстъ отъ Благовѣщенска, встрѣчаемъ двѣ такъ-называемыя золотопромышленыя резиденціи; одна, носящая названіе *Зейской-Пристани*, принадлежитъ Верхне-Амурской К°; другая, подъ названіемъ *Лунгинъ*, устроена Зейскою К°. Насупротивъ резиденціи *Зейская-Пристань* возникло поселеніе подъ характернымъ названіемъ *Сахалинъ*, исключительно занимающееся воровствомъ золота. Для доставки по Зеѣ на пріиски грузовъ, зейскія компаніи имѣютъ два парохода и три баржи. Резиденцію Лунгинъ составляютъ 12 значительныхъ построекъ; въ лѣтнюю пору число жителей въ резиденціи Лунгинъ, состоящихъ на полномъ продовольствіи пріисковаго управленія, считая женщинъ и дѣтей, не менѣе 120; зимой народонаселеніе увеличивается вдвое, такъ какъ весь скотъ отсылается съ пріисковъ въ резиденцію для прокормленія; кромѣ того, производится пріемка доставленныхъ зимою значительныхъ транспортовъ. Содержаніе резиденцій требуетъ большихъ затратъ, а эфемерное ихъ существованіе прекращается, по мѣрѣ выработки пріисковъ, для которыхъ онѣ устраиваются. Кромѣ поименованныхъ главныхъ резиденцій, обѣ компаніи Зейскихъ пріисковъ и В.-Амурскихъ, вынуждены издерживаться на устройство второстепенныхъ резиденцій; зейскія компаніи имѣютъ двѣ такія резиденціи: на *Инарадѣ*, для надобностей пріисковъ на Уганѣ и Моготѣ, и на *Сунджари*, вблизи отъ впаденія р. Токи въ Зею, гдѣ оканчивается судоходность Зеи. Верхне-Амурская компанія, кромѣ главной своей резиденціи *Зейская-Пристань*, вынуждена была устроить значительную резиденцію въ 130 в. вверхъ по р. Зеѣ, подъ названіемъ *Дамбуки-Складъ*, и далѣе — второстепенную резиденцію *Бамнаки*; золотопромышленныя компаніи зейскія и верхне-амурская устроили всего 6 резиденцій и связали ихъ, съ общаго согласія, для взаимной выгоды почтовыми, телеграфными и телефонными сообщеніями; телефонная линія ихъ, соединяющая пріиски и резиденціи, устроена на протяженіи 310 верстъ. Проведенныя на общія средства зейскихъ и верхнеамурской компаній 63-верстное шоссе и проселочныя дороги, въ 6-ть метровъ ширины и съ канавами по обѣимъ сторонамъ, дополняютъ пути сообщенія по мѣстнымъ первобытнымъ дорогамъ; устройство дорогъ обошлось компаніямъ отъ 200 до 1.000 р. на версту. Хотя лѣса въ описываемыхъ мѣстностяхъ и подверглись большому истребленію, но ни въ строевомъ лѣсѣ, ни въ

дровахъ для отопленія не встрѣчается недостатка; сажень дровъ въ 3 четверти стоитъ $1^1/_2$ рубля.

Всѣ зейскія золотопромышленныя компаніи находятся въ полномъ и исключительномъ распоряженіи компаньона-распорядителя, г. Шанявскаго. Вотъ, извлеченныя изъ II-го т. книги инженера Levat, статистическія данныя о зейскихъ компаніяхъ, съ указаніемъ времени ихъ основанія и результатовъ ихъ дѣятельности. 1) *Зейская К⁰* образована 17-го апрѣля 1877 г.; учредители ея: инспекторъ всего дѣла В. Н. Сабашниковъ, г. Шанявскій и А. П. Колесниковъ; предположено было разработать 10 пріисковъ; дѣло раздѣлено на 100 паевъ, которые распредѣлены слѣдующимъ образомъ: доля В. Н. Сабашникова 27, г. Шанявскаго—48, А. П. Колесникова—25; эксплуатаціонный капиталъ доставленъ былъ преимущественно В. Н. Сабашниковымъ; мѣстность пріисковъ совершенно пустынная—на рр. Уганѣ, Джагда-Уліягиръ и Кангамутъ-Уліягиръ, невдалекѣ отъ береговъ Зеи. Добыча золота, въ теченіе 21 года—123 п. 34 ф. 65 з. 56 д. изъ 6 пріисковъ; остальные четыре были возвращены казнѣ въ 1883 г.; изъ нихъ пріискъ на р. Уганѣ оказался впослѣдствіи золосодержащимъ, и о возвращеніи его компаніи возбуждено ходатайство. 2) *Верхне-Зейская К⁰* образована тѣми же лицами и съ тѣмъ же распредѣленіемъ паевъ, 15-го сентября того же 1877 г.; предполагалось разрабатывать также 10 пріисковъ, находящихся въ той же мѣстности; особенно въ дѣлѣ В.-Зейской К⁰ предгавляется счастливое открытіе р. Безымянки, притока р. Могота, на которую В. Н. Сабашниковъ испросилъ концессію, и которая, благодаря Николаевскому пріиску, обогатила В.-Зейскую К⁰; въ 1880 г. Николаевскій пріискъ доставилъ 25 пуд. 34 ф. золота, среднее же содержаніе оказалось 1 з. 18 д. въ 100 п. При такомъ богатствѣ Николаевскаго пріиска и въ виду сдѣланныхъ въ 1884 г. еще болѣе значительныхъ открытій на Джолонѣ, В.-Зейская К⁰ возвратила казнѣ 6 пріисковъ, чтобы усилить разработку Николаевскаго пріиска; Николаевскій, вмѣстѣ съ тремя другими пріисками значительно мѣньшаго содержанія, доставилъ съ 1876 по 1896 г.: *237 п. 22 ф. 76 з. 25 д.*; такимъ образомъ, принадлежавшій В. Н. Сабашникову пріискъ доставилъ 81% всего пріобрѣтеннаго В.-Зейскою К⁰ золота. Во время дѣятельности этихъ двухъ компаній на р. Уганѣ, на Иннокентьевскомъ пріискѣ, пріисковое управленіе старалось увеличить число пріисковъ; труда положено было много; золота добывалось

незначительное количество; оборудованіе пріисковъ и снабженіе ихъ продовольствіемъ представляли значительныя затрудненія и требовали большихъ затратъ. Поддержка денежными средствами со стороны компаньоновъ упрочила дѣло.

Всѣ эти труды, жертвы и усилія въ 1877 и 1878 гг. подготовили пріобрѣтеніе мѣстностей по р. Моготу и облегчили доступъ къ Иликану и Джолону, доставившимъ самую значительную прибыль; ходъ этихъ дѣлъ подтвердилъ то соображеніе, что самыя основательныя развѣдки, поиски и открытія, и при томъ наиболѣе дешевыя, дѣлаются при постепенномъ естественномъ расширеніи уже разрабатываемыхъ площадей; этому благопріятствовало и то обстоятельство, что не нашлось въ то время другихъ соискателей, обезпеченныхъ денежными средствами. Въ 1878 г. отведена была подъ пріиски вся долина по р. Моготу и представилась возможность образовать въ бассейнѣ р. Зеи новую 3) *Моготскую компанію*; неожиданная смерть въ 1879 году главнаго иниціатора всего дѣла задержала образованіе моготской компаніи, которая могла возникнуть только въ 1880 году (15-го апрѣля).

Учредителями моготской компаніи явились г. Шанявскій, наслѣдники В. Н. Сабашникова, опека надъ малолѣтними его дѣтьми, братъ покойнаго М. Н. Сабашниковъ и П. В. Бергъ. Сто паевъ новой моготской компаніи были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Шанявскіе получили	13 1/3	паевъ.
Подполковникъ Бергъ	53 1/3	„
Наслѣдники В. Н. Сабашникова	33 1/3	„
Всего . .	100	паевъ.

Три лица, именно М. Н. Сабашниковъ, г-жа Родственная и Н. И. Хрѣниковъ, получили право на попудное вознагражденіе съ золота съ предположенныхъ къ разработкѣ пріисковъ, въ размѣрахъ 100, 160 и 300 кредитныхъ рублей съ пуда золота. Такого рода вознагражденія открывателямъ пріисковъ и другимъ лицамъ, принесшимъ извѣстную долю пользы—весьма обычное дѣло въ сибирской золотопромышленности; вознагражденія эти включаются въ условія компаньоновъ, поощряютъ къ дѣятельности лицъ, причастныхъ чѣмъ-либо къ предпріятію, и по размѣрамъ своимъ, не превышающимъ обыкновенно 300 рублей, при цѣнѣ пуда золота въ 18 т., не нарушаютъ выгодъ компаньоновъ; эти вознагражденія, не превышающія 1,10% или 1,60% цѣнности добытаго золота, тѣмъ справедливѣе, что весьма

часто открыватели богатыхъ пріисковъ, по недостатку собственныхъ средствъ, не въ состояніи пользоваться плодами своихъ открытій, стоившихъ много труда и иногда соединенныхъ съ опасностями для здоровья и самой жизни. Эксплуатація пріисковъ моготской компаніи—еще въ періодѣ начинаній; въ 1879 г. разрабатывался одинъ Еленинскій пріискъ; по извлеченіи изъ него 7 пудовъ золота, его забросили и только въ 1896 году допустили на немъ *старательскія работы*; въ томъ же 1896 г. началась разработка Ново-Леоновскаго пріиска на р. Уганѣ и производились развѣдки и шурфовки на Михайловскомъ и Альфонсовскомъ пріискахъ. Очевидная вялость и недостаточность этихъ работъ на р. Моготѣ объясняется тѣмъ, что все вниманіе обращено было на разработку богатыхъ Джолонскихъ пріисковъ съ 1883 по 1892 г. Настанетъ время и для разработки не только Моготскихъ пріисковъ, съ содержаніемъ отъ 60 до 70 долей, но и другихъ, съ мѣньшимъ содержаніемъ, когда богатые пріиски, въ родѣ Джолонскихъ, истощатся. Долина р. Могота находится во владѣніи компаніи болѣе 16 лѣтъ, а между тѣмъ бо́льшая часть Моготскихъ пріисковъ осталась *совершенно неразвѣданною*, хотя за эти пріиски пришлось до сихъ поръ компаніи заплатить одной поземельной подати 75 т. рублей. Между тѣмъ Моготскіе пріиски вполнѣ заслуживаютъ особаго вниманія, какъ по топографическому своему положенію, такъ и по близости къ резиденціямъ, снабжающимъ пріиски всѣмъ необходимымъ; разработка ихъ несомнѣнно можетъ, по мѣстнымъ условіямъ, быть выгодною въ экономическомъ отношеніи; произведенныя изслѣдованія позволяютъ надѣяться на открытіе значительныхъ золотосодержащихъ залежей; Моготъ соприкасается къ мѣстностямъ своего притока, р. Безымянки, на которой открыты богатыя разработанныя уже розсыпи. При всѣхъ изложенныхъ благопріятныхъ условіяхъ добыча золота на Моготѣ ограничилась, съ двухъ пріисковъ, 9 п. 37 ф. 42 з. 67 д.

Джолонская компанія учреждена 4-го февраля 1883 г.; учредителями ея были: Шанявскіе, всѣ наслѣдники В. Н. Сабашникова, подполковникъ Бергъ и др.; предположено было разрабатывать 8 пріисковъ. Предпріятіе раздѣлено было на сто паевъ.

Отдавая справедливость распорядителямъ, нельзя однакоже не признать совершенно справедливымъ замѣчаніе инженера Levat, что безгласность большинства участниковъ во всякомъ благоустроенномъ дѣлѣ весьма нежелательна, какъ нежелательны и пассивное отношеніе къ дѣламъ, и абсентеизмъ со стороны огром-

наго большинства участниковъ въ золотопромышленныхъ компаніяхъ на паяхъ, основанныхъ на смѣтныхъ взносахъ по каждой ежегодной отдѣльной операціи и не обезпеченныхъ ни основнымъ, ни оборотнымъ капиталомъ, о неудобствахъ чего, соглашаясь вполнѣ съ доводами противу такихъ неустойчивыхъ компаній инженера Levat, предоставляемъ себѣ выразить и нашъ взглядъ, въ заключеніе выводовъ настоящей статьи.

Сравнивая учредительскіе акты по зейскимъ компаніямъ 17-го апрѣля и 15-го сентября 1877 г., составленные при участіи и подъ вліяніемъ В. Н. Сабашникова, съ учредительскимъ актомъ 12-го января 1894 г., нельзя не согласиться со взглядомъ инж. Levat, что все дѣло потеряло характеръ ассоціаціи равноправныхъ учредителей, чтобы принять характеръ какого-то особеннаго общества, основаннаго на вѣрѣ (d'une commandite d'un genre spécial, какъ выражается г. Levat), съ независимымъ совершенно управленіемъ и съ такими исключительными правами распорядителя, которыя нарушаютъ равноправность прочихъ учредителей.

Изъ таблицъ, составленныхъ инженеромъ Levat, оказывается, что съ 1877 по 1896 годъ производительность всѣхъ 6 зейскихъ компаній опредѣляется слѣдующими цифрами: 1.325 п. 5 ф. 21 з. 6 д., цѣнностью на 23.852.250 рублей; среднее же содержаніе Зейскихъ пріисковъ оказалось въ 1 золотникъ 36 долей. Количество добытаго золота распредѣляется между 6 зейскими компаніями слѣдующимъ образомъ:

Зейская компанія доставила	. . .	124	п.	5	ф.	8	з.	94 д.
Верхне-Зейская „	. . .	238	„	17	„	68	„	93 „
Моготская „	. . .	10	„	2	„	42	„	67 „
Джолонская „	. . .	837	„	21	„	79	„	66 „
Иликанская „	. . .	97	„	11	„	7	„	90 „
К° Соединенныхъ пріисковъ	. . .	17	„	27	„	5	„	35 „

Съ 71 пріиска компаніи уплачиваютъ ежегодно поземельной подати 30.960 рублей.

Вторая глава II-го тома книги инж. Levat посвящена подробному описанію самыхъ пріисковъ 6-ти зейскихъ компаній. Распредѣленіе пріисковъ между компаніями, т.-е. присоединеніе того или другого пріиска къ извѣстной компаніи основано было въ большей части случаевъ на совершенно случайныхъ временныхъ обстоятельствахъ, не имѣвшихъ весьма часто ничего общаго съ соображеніями геологическими, техническими и даже экономическими. Г. Levat при описаніи пріисковъ принялъ болѣе *естественное*

и правильное основаніе распредѣленія ихъ по системѣ рѣкъ, опредѣляющаго точно принадлежность ихъ къ опредѣленному орографическому бассейну; это дало возможность изслѣдователю въ описаніяхъ своихъ указывать сначала на главныя, болѣе богатыя залежи и мѣсторожденія, и затѣмъ переходить ко второстепеннымъ, иногда не менѣе надежнымъ и богатымъ; этотъ способъ изслѣдованія имѣетъ то практическое удобство, что для опредѣленія мѣстности пріисковъ достаточно указаніе рѣки, въ бассейнѣ которой они расположены. Описаніе пріисковъ сопровождается снятыми г. Levat планами, полною монографіею ихъ, указаніемъ количества добычи золота на каждомъ пріискѣ и средняго содержанія золота, а относительно многихъ пріисковъ—и соображеніями о количествѣ предстоящей добычи золота. Такому систематическому описанію пріисковъ 6-ти зейскихъ компаній г. Levat предпослалъ соображенія о геологической формаціи зейскаго бассейна, ссылаясь на труды русскихъ изслѣдователей, Обручева, Степанова, Боголюбскаго, Бацевича, и на „Вѣстникъ Золотопромышленности“, издаваемый въ Томскѣ. Въ этомъ введеніи къ описанію Зейскихъ пріисковъ читатель найдетъ основанный на научныхъ соображеніяхъ выводъ, что розыски въ бассейнахъ Амура и Зеи далеко не исчерпаны, что, по удачному выраженію Карла Снайдера, періодъ „сниманія сливокъ“, т.-е. періодъ относительно легкой добычи изъ рѣчныхъ розсыпей или изъ поверхностныхъ аллювіальныхъ породъ еще не окончился, и что добыча золота подземными, ортовыми работами—дѣло не совсѣмъ еще близкой будущности. Затѣмъ, г. Levat даетъ краткій очеркъ общаго направленія золотоносной формаціи Зеи, отношенія гранита къ золотоносной формаціи, соображенія о происхожденіи золота, о золотосодержащемъ гранитѣ, объ образованіи аллювіальныхъ розсыпей, объ атмосферическихъ вліяніяхъ, о произведенныхъ имъ анализахъ и объ общихъ его выводахъ.

Въ четвертой главѣ II-го тома книги инж. Levat, посвященной изученію экономическаго положенія Зейскихъ пріисковъ, содержатся слѣдующія соображенія и данныя объ издержкахъ добычи золота и принятыхъ вообще въ Сибири, съ самаго возникновенія въ ней золотопромышленности, пріемахъ и способахъ составленія смѣтъ по отдѣльнымъ годичнымъ операціямъ. Сибирская золотопромышленность вообще *не признаетъ* естественнаго, казалось бы, опредѣленія издержекъ добычи *каждаго* добытаго на отдѣльномъ пріискѣ *золотника* золота. Въ сибирской золотопромышленности все измѣряется такъ-называемой *поденщиной*; что же такое эта поденщина? Въ составъ поденщины входятъ: 1) общая

сумма всѣхъ издержекъ, опредѣленныхъ смѣтою компаньона-распорядителя и требуемыхъ имъ отъ прочихъ участниковъ дѣла для добычи золота на пріискахъ въ теченіе каждой операціи, продолжающейся 100—110 и не болѣе 120 дней; 2) общіе расходы по управленію и содержанію пріисковъ на мѣстѣ въ Сибири; 3) суммы, требующіяся для покупки всѣхъ необходимыхъ для добычи золота на пріискахъ припасовъ и матеріаловъ; суммы эти, какъ и всѣ прочія, непремѣнно должны быть выручены и возвращены компаньонамъ немедленно по окончаніи каждой операціи; и 4) рабочая поденная плата за время операціи.

Разность поденщинъ обусловливается разстояніемъ пріисковъ отъ населенныхъ мѣстностей, трудностью транспортированія кладей сухопутно и водою и другими мѣстными условіями, затрудняющими работы. Огульное исчисленіе всѣхъ предполагаемыхъ издержекъ добычи золота поденщиной, *безъ точныхъ изслѣдованій, просто на авось,* есть продуктъ легкой хищнической добычи золота, *того сниманія сливокъ*, о которомъ говоритъ Карлъ Снайдеръ. На извлеченіе, промывку и отвозку кубической сажени золотосодержащаго песка требуется обыкновенно *четыре поденщины*. Поденщина есть та единица, которая служитъ для опредѣленія числа рабочихъ и лошадей, необходимыхъ для операціи; поденщиною опредѣляютъ всѣ издержки добычи, часто *безъ вниманія къ насущнымъ потребностямъ* мѣстности; на ней же основанъ разсчетъ прибылей, въ совокупности съ содержаніемъ золота. Дѣло съ перваго взгляда представляется крайне простымъ и яснымъ; объяснимъ это примѣромъ. Возьмемъ 45.000 кубическихъ саженей золотосодержащихъ песковъ на пріискѣ уже *разработанномъ* и съ *котораго сняты сливки*; предположимъ, что эти выработанные пески содержатъ еще 17 долей на 100 пуд. (т.-е. 2 золотника приходится на кубическую сажень). Разрабатывая эти пески съ помощью таратаекъ, при поденщинѣ въ 3 р. 66 к., на 45.000 кубич. саж. песковъ, считая по 4 поденщины на сажень, потребуется 180.000 поденщинъ; 180.000 по 3 р. 66 к.=658.000 р. Въ 45.000 кубич. саж. по 2 зол. золота=90.000 золотниковъ=23 пуда золота, считая по 18 т. за пудъ, получимъ 414.000 р. Чистый убытокъ 244.800 р.

Выводъ одинъ: *дѣло слѣдуетъ бросить*! Если же содержаніе отваловъ таково, что можно разсчитывать на выручку 50% съ употребленныхъ на вторичную промывку песковъ,—что весьма часто основано не на точномъ, а на *самомъ поверхностномъ изслѣдованіи*,—то дѣло пойдетъ въ ходъ. Изложенный методъ разсчета поденщиной очень легокъ и удобенъ, но онъ ведетъ къ

тому, что многіе надежные пріиски бросаются; притомъ же контроль дѣлается совершенно невозможнымъ. По удостовѣренію инженера Levat, кромѣ указанныхъ выше, въ составъ *поденщины* входятъ самыя разнообразныя статьи, не говоря уже о поденной платѣ, содержаніи рабочихъ, издержкахъ доставки всего необходимаго, издержкахъ по поѣздкамъ въ мѣста осѣдлости занимаемыхъ людей и разныхъ тамъ расходахъ, встрѣчаются, напримѣръ, при опредѣленіи размѣра поденщины, и издержки на вознагражденіе адвоката въ Благовѣщенскѣ; пишущій эти строки, по личному опыту, можетъ упомянуть при этомъ и о „темныхъ" расходахъ, включенныхъ въ смѣты. Собственно поденная плата на Зеѣ рабочимъ—отъ 1 р. 80 к. до 1 р. 90 к.; но прочія издержки доводятъ поденщину до 4 р. 50 к., даже до 5 руб. Поденщина, какъ мѣрило всѣхъ издержекъ и основаніе смѣтъ, повторяемъ, есть продуктъ первобытной, хищнической разработки и устраняетъ возможность удовлетворенія неотлагательныхъ нуждъ, возникающихъ изъ мѣстныхъ условій, мало или вовсе не изслѣдованныхъ; поденщина дѣлаетъ невозможнымъ составленіе вѣрныхъ, основательныхъ смѣтъ, въ которыя должны собственно входить: поденная плата, продовольствіе рабочихъ, опредѣленіе количества лошадей, скота и фуражъ ихъ, содержаніе резиденцій, издержки на управленіе, амортизація капитала и общія издержки. Каждая изъ 6 зейскихъ компаній (учредители все тѣ же, за исключеніемъ двухъ вновь вступившихъ въ дѣло) не только ведетъ отдѣльную отчетность, но по каждому пріиску завела особое счетоводство, а это—въ соединеніи съ допущеніемъ *старательскихъ* работъ, трудно усчитываемыхъ—еще болѣе усложняетъ счетоводство. Условія найма и продовольствія рабочихъ съ раздѣленіемъ ихъ, по занятіямъ, на разряды, и съ установленіемъ нормальной платы, съ точностью опредѣлены правительствомъ, но состоящія обыкновенно изъ семи человѣкъ артели рабочихъ, съ ихъ старостою во главѣ, стараются всячески обойти постановленія нормальнаго договора; рабочіе отлично понимаютъ, что въ 100, или въ 110, или въ 120 дней (при особенно благопріятной погодѣ), должны *быть выручены съ прибылью* всѣ сдѣланныя на операцію затраты; что не только всякій день, но всякій часъ дорогъ, а работать можно только до первыхъ чиселъ сентября; вслѣдствіе этого, условія нормальнаго контракта становятся весьма часто *мертвою буквою*, артели рабочихъ пользуются своимъ выгоднымъ положеніемъ, зная, что ихъ замѣнить въ пустынной странѣ нѣтъ возможности, и достигаютъ повышенія платы; дѣло отъ этого, конечно, не терпитъ; пріисковымъ упра-

вленіямъ при спѣшности работъ приходится, во что бы ни стало, ладить съ артелями рабочихъ, каковы бы они ни были; притомъ въ настоящее время сибирская желѣзная дорога отвлекаетъ всѣхъ лучшихъ рабочихъ, получающихъ большія заработки при менѣе тяжелыхъ работахъ. Бо́льшая часть рабочихъ на Зеѣ—изъ тобольской и томской губерній; едва десятая часть приходитъ изъ-за Урала. Приведенныя данныя о поденщинѣ и издержкахъ производства относятся до 1895 и 1896 годовъ; основаніемъ для выводовъ объ издержкахъ производства съ 1868 на Ононѣ и съ 1877 г. на Зеѣ всего добытаго въ этихъ мѣстностяхъ золота, въ количествѣ 2.172 пудовъ, эти данныя служить не могутъ.

Нѣкоторымъ указаніемъ размѣра прибылей компаньоновъ, а слѣдовательно и издержекъ производства могутъ служить приводимыя инженеромъ Levat данныя о трехъ зейскихъ компаніяхъ: Джолонской, Зейской, Иликанской.

Въ 1896 году этими тремя компаніями добыто золота:

Джолонскою	34 п.	19 ф.	15 зол.	46 д.
Зейской	18 „	35 „	43 „	15 „
Иликанской	5 „	13 „	92 „	90 „
Всего. . . .	58 п.	28 ф.	56 зол.	1 д.
На добычу этого количества издержано				673.482 р.
Стоимость золота				962.000 „
Прибыль. . .				288.518 р.
т.-е. 42% на затраченный капиталъ.				
Внѣ Сибири изъ этой прибыли израсходовано по 3 комп.				65.030 р.
Пошло въ раздѣлъ между участниками				223.488 р.
Слѣдовательно, прибыль ихъ выражается 28,86%.				

III.

Подробное, добросовѣстное и дѣльное описаніе посѣщенныхъ и внимательно осмотрѣнныхъ изслѣдователями 13 пріисковъ на Ононѣ, двухъ пріисковъ Даурской К° въ Нерчинскомъ округѣ и 39 пріисковъ въ бассейнѣ рѣки Зеи (изъ 71 пріиска, владѣемыхъ шестью зейскими компаніями), а также статистическія данныя о тѣхъ 6 пріискахъ въ системѣ рѣкъ Агра и Уліягира, притоковъ Зеи, которыхъ изслѣдователи, по отдаленности и недостатку времени, не посѣтили, *привели ихъ самихъ къ заключенію*, что добыча съ 1868 по 1896 годъ на Ононѣ и въ бассейнѣ рѣки Зеи *2.172* пуда золота достигнута была умѣ-

лыми и дѣятельными иниціаторами и хозяевами ононскихъ и зейскихъ пріисковыхъ дѣлъ посредствомъ тѣхъ самыхъ первобытныхъ, дешевыхъ, несовершенныхъ способовъ и орудій производства, которые болѣе 50 лѣтъ тому назадъ утвердились на Уралѣ, перешли, во всей неприкосновенности, въ золотосодержащія мѣстности центральной Сибири, въ енисейской губерніи, по двумъ противоположнымъ направленіямъ на сѣверъ и на югъ отъ Красноярска, и затѣмъ, тѣ же пріемы, безъ значительныхъ измѣненій, водворились какъ въ мѣстностяхъ тщательно изслѣдованныхъ гг. Levat и Ѳ. В. Сабашниковымъ, такъ и въ прочихъ частяхъ въ Забайкальѣ и Амурскомъ краѣ. Весьма замѣчателенъ тотъ фактъ, что, какъ заявляетъ г-нъ Levat, эксплуатація тѣхъ немногихъ кварцевыхъ рудныхъ залежей на Уралѣ, которыя доставляли значительные доходы золотопромышленникамъ, вслѣдствіе поверхностной дешевой разработки, приходитъ или уже пришла къ концу, а попытка разрабатывать въ 1885—87 годахъ на рѣкѣ Баянъ-Зургѣ изслѣдованныя отчасти залежи руднаго золота, по указаніямъ управлявшаго въ то время Ононскими пріисками горнаго техника Геллера, подтвержденными и г. Levat, окончилась совершенною неудачею. Вслѣдствіе неудачной постройки мельницы, незначительная разработка кварцевыхъ рудъ съ помощію мельницъ производится на сосѣднихъ съ Ононскими, Сабашниковыхъ, пріискахъ Бѣлоголовыхъ. На всемъ пространствѣ на востокъ отъ Урала, во всей Сибири разрабатывались и нынѣ разрабатываются только легко поддающіяся добычѣ аллювіальныя золотосодержащія розсыпи. Двадцать лѣтъ тому назадъ было еще возможно въ дѣвственной, дикой, вообще мало извѣстной странѣ, какова Сибирь, а особенно восточная ея часть, устраивать значительныя золотопромышленныя дѣла для поверхностныхъ розысковъ и эксплуатаціи золотоносныхъ розсыпей; эти розсыпи, какъ мы видѣли, съ огромнымъ избыткомъ возвращали затраченныя деньги. Предпріимчивые люди брались за дѣло, сами не зная, достигнутъ ли какого-либо успѣха; не знали и того — придется ли имъ поселиться въ краѣ, въ случаѣ успѣха, или искать счастія въ другихъ мѣстахъ. Понятно, что въ этихъ условіяхъ представлялось естественнымъ, благоразумнымъ и выгоднымъ не думать объ упроченіи дѣла, а ограничиваться спѣшной и самой дешевой разработкой верхняго слоя золотосодержащихъ мѣстностей съ богатымъ содержаніемъ, затѣмъ искать новыхъ богатыхъ пріисковъ, а если то не удавалось, бросать страну, довольствуясь добытымъ.

Нынѣшнія условія разработки пріисковъ—совершенно иныя;

иначе приходится смотрѣть на дѣло: страна сдѣлалась гораздо доступнѣе; не говоря уже о строящейся сибирской ж. д., окончанія которой ожидаютъ въ недалекомъ будущемъ, сообщенія по Амуру и по Зеѣ постоянно увеличиваются, правительство принимаетъ мѣры къ обезпеченію личности и имущества въ этихъ отдаленныхъ и пустынныхъ странахъ; уже представляется возможность съ полною безопасностью оставаться на пріискахъ и зимой. Число пріисковъ, стоющихъ разработки, велико; это доказывается успѣхомъ существующихъ эксплуатацій, несмотря на несовершенство орудій производства; теперь Приамурскій край нельзя считать, какъ прежде, краемъ мало доступнымъ, въ которомъ затраты весьма рискованны,—теперь можно уже работать съ положительною надеждою на успѣхъ. Но нынѣшнимъ условіямъ не соотвѣтствуютъ ни организація, ни существенныя основанія существующихъ компаній на паяхъ, безъ основного капитала, съ ихъ безконтрольными компаньонами-учредителями, съ произвольно назначаемыми взносами и съ другими нелѣпостями, имъ присущими. Это вполнѣ подтверждается теперешнимъ положеніемъ большинства этихъ компаній на паяхъ. Не говоря о менѣе значительныхъ компаніяхъ, раскроемъ положеніе извѣстныхъ намъ компаній, которыя въ теченіе пятнадцати, двадцати лѣтъ пользовались баснословнымъ успѣхомъ, которыя еще и теперь владѣютъ большимъ количествомъ пріисковъ, съ несомнѣнно достаточнымъ содержаніемъ золота; въ этихъ-то значительныхъ компаніяхъ замѣчается не только ежегодное уменьшеніе прибылей и количества добываемаго золота, но и этотъ minimum добычи становится болѣе и болѣе ненадежнымъ и едва покрываетъ смѣтныя издержки; чтобы свести концы съ концами, приходится пріисковымъ управленіямъ прибѣгать къ весьма неблаговиднымъ мѣрамъ, вреднымъ для будущности дѣла.

Съ цѣлью сократить по возможности годовую смѣту издержекъ, компаньоны-распорядители отдаютъ пріиски, съ которыхъ, такъ сказать, *сливки уже сняты*, на жертву *старателей* и *подрядчиковъ;* въ этихъ пріискахъ слои золотосодержащей розсыпи уже разработаны болѣе или менѣе неумѣло и будущность ихъ безвозвратно погублена, а между тѣмъ золотосодержащіе пласты, будучи разработаны экономическими, разумными способами, могли бы принести очень значительную прибыль; это—полное разореніе богатствъ, совершенно безсмысленное, въ пользу однихъ воровъ золота; отданные старателямъ и подрядчикамъ, пріиски просто подвергаются разграбленію; отъ старателей въ пользу компаніи поступаетъ самое незначительное количество изъ добытаго золота;

изъ этой даваемой старателями доли слѣдуетъ уплатить еще пошлину и нести издержки надзора.

Далѣе, самымъ яркимъ доказательствомъ несообразности господствующей нынѣ въ золотопромышленности Сибири системы служитъ то, что, въ видахъ сокращенія смѣтныхъ издержекъ и для увеличенія временной прибыли, изъ смѣты исключаются всѣ тѣ издержки, которыя не ведутъ прямо и немедленно къ извлеченію хищническими способами золота; въ числѣ этихъ исключаемыхъ изъ смѣты необходимыхъ издержекъ первое мѣсто занимаютъ предварительныя развѣдки, требующія нѣсколькихъ лѣтъ труда и издержекъ при разумной, не-хищнической разработкѣ пріиска.

Основательныя предварительныя развѣдки требуютъ такого множества систематическихъ разрѣзовъ на каждомъ пріискѣ, что для нѣкоторыхъ большихъ компаній такія развѣдки могутъ обойтись *въ милліонъ* рублей; не въ томъ дѣло, чтобы завладѣвать все новыми пріисками,—это довольно легко и недорого обходится,—а въ томъ, чтобы правильными изслѣдованіями если не всѣхъ состоящихъ въ вѣдѣніи компаніи пріисковъ, то находящихся на очереди, къ разработкѣ опредѣлить кубическое содержаніе золотосодержащихъ мѣстностей каждаго пріиска; только при такомъ положеніи основательнаго изслѣдованія всѣхъ или большей части принадлежащихъ компаніи пріисковъ дѣло не представляется рискованнымъ.

Издержки такихъ работъ, имѣющихъ цѣлью вполнѣ основательно опредѣлить приблизительное по возможности кубическое содержаніе золотосодержащихъ песковъ данной мѣстности не могутъ быть относимы на смѣту какой-либо отдѣльной годичной операціи, а между тѣмъ такая несообразность обусловливается самой организаціей теперешнихъ компаній на паяхъ, требующихъ непремѣнно возврата съ прибылью всѣхъ сдѣланныхъ ими на годичную операцію затратъ, тотчасъ по окончаніи операціи. Издержки эти должны имѣть значеніе аванса на извѣстный пріискъ и должны быть показываемы въ дебетѣ неразработаннаго пріиска, пока не наступитъ очередь его разработки, и только тогда издержки эти подлежатъ возвращенію; самыя же издержки оправдываются тѣмъ, что основательно развѣданный участокъ представляетъ уже опредѣленную цѣнность.

Пріисковъ такъ много, что есть изъ чего выбирать; весьма рѣдко можетъ встрѣтиться такой пріискъ, чтобы издержки основательнаго его изслѣдованія не окупились; только въ такомъ случаѣ эти издержки уже не могутъ быть показываемы по счетамъ

въ числѣ подлежащихъ возвращенію авансовъ, а должны быть показываемы по счету убытковъ, да и убытки такого рода не могутъ быть значительны; безнадежность пріиска легко и скоро можетъ быть опредѣлена линіями шурфовъ въ разныхъ направленіяхъ; кромѣ разрѣзовъ и шурфовъ, золотопромышленная техника дошла уже и до другихъ усовершенствованныхъ способовъ развѣдки и изслѣдованій, и притомъ такихъ способовъ, которые сокращаютъ издержки; этого достигаютъ съ помощью драгированія.

Для достиженія предполагаемыми золотопромышленными акціонерными компаніями полной правильности въ ежегодной добычѣ золота, а слѣдовательно и въ распредѣленіи прибылей,—съ чѣмъ связана возможность прочной капитализаціи акцій,—необходимо разрабатывать по возможности большее число пріисковъ, чтобы уравновѣшивать прибылями отъ болѣе богатыхъ содержаніемъ пріисковъ убытки и недочеты, всегда возможные во всякомъ дѣлѣ; весьма полезно вести золотопромышленное дѣло, опредѣливъ подробными и основательными изысканіями нѣсколькихъ мѣсторожденій золота кубическое содержаніе пластовъ, а слѣдовательно и настоящую цѣнность пріисковъ, которую уже легко будетъ капитализировать.

Въ Восто́чной-Сибири бѣдными называютъ пріиски, содержащіе отъ 30 до 50 долей (отъ 1,60 gr. до 2,70 gr. на куб. метръ) въ 100 пудахъ розсыпи; средними считаются пріиски съ содержаніемъ отъ 60 до 80 долей (3,25—4,32 gr. на кубич. метръ), богатые пріиски содержатъ 1 золотникъ на 100 пудовъ (5,20 gr. на кубич. метръ).

Усовершенствованные способы обработки сдѣлаютъ возможною и выгодною эксплуатацію всѣхъ указанныхъ трехъ разрядовъ пріисковъ, такъ какъ при примѣненіи этихъ способовъ количество обрабатываемыхъ золотоносныхъ песковъ увеличится, а рабочихъ потребуется меньше; при этомъ общія издержки производства сократятся.

Для здраваго сужденія о сибирскихъ золотыхъ промыслахъ необходимо имѣть въ виду прежде всего *поденную заработную плату*, включая и издержки на продовольствіе рабочихъ; все это обходится отъ 1 р. 75 к. до 2 р. въ день. Затѣмъ вся стоимость рабочаго дня, т.-е. поденщина, представляющая совокупность всѣхъ ежедневныхъ издержекъ по пріиску, опредѣляется цифрами отъ 4 р. до 4 р. 50 к., т.-е. на 100% превышаетъ поденную заработную плату рабочаго.

Заработная плата, которую золотопромышленникъ уплачиваетъ,

на основаніи заключеннаго съ рабочимъ и утвержденнаго правительствомъ контракта, не можетъ быть значительно уменьшена, да и плата эта не очень велика.

Качество поденной работы очень посредственно; рабочіе въ Сибири отличаются грубостью и неразвитостью; часто приходится дѣлать уступки ихъ нерѣдко неосновательнымъ требованіямъ, но такова природа сибирскаго рабочаго, съ которою приходится считаться. Тутъ ничего не подѣлаешь. Изъ другихъ издержекъ, входящихъ въ составъ поденщины, издержки на лошадей, *около одного рубля* на каждую лошадь, могутъ быть значительно сокращены употребленіемъ механическихъ способовъ перевозки, всѣмъ извѣстныхъ. Что касается до издержекъ на жалованье и продовольствіе служащихъ въ пріисковыхъ управленіяхъ, то безъ надлежащаго, удовлетворяющаго потребностямъ вознагражденія, соотвѣтствующаго техническому образованію и практической дѣловитости, привлечь честныхъ и порядочныхъ людей невозможно; при ничтожномъ вознагражденіи порядочный человѣкъ не согласится на тяжкую трудовую дѣятельность на пріискахъ. Ничтожное вознагражденіе служащихъ почти всегда ведетъ къ злоупотребленіямъ, которыя часто недешево обходятся компаніямъ. При 40 доляхъ въ 100 пудахъ добыча золота можетъ удвоиться, но только въ томъ случаѣ, если количество промысловыхъ песковъ увеличится втрое и втрое больше будетъ снято пустой породы. Такое соотношеніе добычи золота къ количеству промываемыхъ золотосодержащихъ песковъ и удаляемыхъ пустыхъ породъ приведетъ къ сокращенію всѣхъ издержекъ *на половину*, даже при настоящихъ первобытныхъ способахъ разработки, безъ усовершенствованныхъ орудій. Положеніе сибирскихъ компаній на паяхъ пошатнулось; чтобы обезпечить свою будущность, слѣдуетъ имъ не щадить ни капиталовъ, ни энергіи, и усилить всѣ работы земляныя и другія, прибѣгнуть къ усовершенствованнымъ механическимъ орудіямъ, разрабатывать *правильно* и *богатые*, и *бѣдные пріиски*, не ограничиваясь разработкою одного слоя, а разрабатывая всѣ золотосодержащіе пласты, которые стоитъ разрабатывать.

Все это возможно только при условіи и рѣшимости затраты значительныхъ капиталовъ, которые могутъ возвратиться собственникамъ не вдругъ, а по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Изъ всего изложеннаго очевидно, что существующія нынѣ монопольныя компаніи на паяхъ, не имѣющія ни основного, ни

опредѣленнаго оборотнаго капитала, дѣйствуютъ хищнически, въ виду возвращенія въ возможной скорости всѣхъ сдѣланныхъ на одну годичную операцію затратъ и полученія возможно большей прибыли, при самой первобытной разработкѣ. Компаніи эти неспособны вести дѣло подъ условіемъ — постоянно совершенствовать способы производства, придерживаются по необходимости самыхъ дешевыхъ и простыхъ способовъ, ограничиваются эксплуатаціей самыхъ богатыхъ содержаніемъ пріисковъ съ крупнымъ золотомъ, а менѣе богатыя мѣста оставляютъ безъ вниманія или заваливаютъ пустою породою и *навсегда погребаютъ* содержащееся въ нихъ золото; дѣятельность этихъ компаній на паяхъ для будущности сибирскаго золотопромышленнаго дѣла просто гибельна; кромѣ того, она основана на произволѣ компаньоновъ-распорядителей или пріисковыхъ управляющихъ, дѣйствующихъ безконтрольно, при совершенно пассивномъ отношеніи къ дѣлу прочихъ компаньоновъ, при добровольномъ или вынужденномъ ихъ абсентеизмѣ.

Взамѣнъ этихъ компаній на паяхъ, необходимо учрежденіе золотопромышленныхъ компаній на другихъ правильныхъ основаніяхъ съ разумно устроенною мѣстною пріисковою администраціею, дѣйствующею подъ надлежащимъ контролемъ, а главное—такихъ компаній съ основными капиталами, которые были бы достаточны для дѣятельности на широкихъ основаніяхъ, вводя усовершенствованныя орудія производства, не расхищая богатыхъ содержаніемъ пріисковъ и не оставляя множество другихъ безъ разработки. Такія новыя золотопромышленныя товарищества принесутъ дѣлу золотопромышленности, а слѣдовательно и государству, болѣе пользы, чѣмъ хищническая эксплуатація нынѣшнихъ компаній.

Кромѣ изложенныхъ причинъ неудовлетворительнаго положенія сибирской золотопромышленности, нельзя не указать на зло, приносящее значительный вредъ этому промыслу: это—воровство и расхищеніе золота, производимое въ весьма значительныхъ размѣрахъ, постоянно увеличивающихся, и грозящее будущности промысла, и вотъ тому неопровержимое доказательство. Дѣло идетъ объ извѣстномъ, очень богатомъ содержаніемъ пріискѣ въ бассейнѣ р. Зеи на берегу одного изъ притоковъ рѣки Гилуя; пріиску этому присвоили знаменательное названіе *Милліонъ*; какъ только распространилась вѣсть о значительномъ богатствѣ этого пріиска, болѣе тысячи бродягъ водворились на немъ, и въ короткое время совершенно разграбили пріискъ, несмотря на то, что онъ на законномъ основаніи принадлежалъ лицу, не поза-

ботившемуся о его охранѣ; пришлось прибѣгать къ военной силѣ, чтобы справиться съ этой ватагой; по совершенно вѣрному разсчету, воровски расхищено болѣе 100 пудовъ золота, цѣнностью въ 1.800.000 руб.

Ни установленныя въ Горномъ Уставѣ 1893 г. мѣры къ охраненію цѣлости пріисковъ, ни дѣйствія мѣстныхъ властей, указываемыя необходимостью къ устраненію хищничества, не достигаютъ цѣли; мѣры къ охранѣ пріисковъ, содержащіяся въ законѣ, не совсѣмъ цѣлесообразны, если принять во вниманіе практическія затрудненія къ прекращенію хищничества при огромныхъ разстояніяхъ въ дикой, незаселенной странѣ, и незначительность полицейскаго персонала для дѣйствительнаго приведенія въ исполненіе мѣръ охраны.

Число бродягъ, занимающихся воровствомъ золота, постоянно увеличивается; ряды ихъ пополняются пріисковыми рабочими; многіе изъ нихъ предпочитаютъ воровской, свободный промыслъ труду, по найму, на пріискахъ; притомъ мечты о внезапномъ обогащеніи счастливыми находками не оставляютъ ихъ. Нѣкоторые изъ этихъ хищниковъ успѣли заручиться дозволеніями на розыски, въ которыхъ имъ нельзя было отказать по закону; такого рода личности мало или вовсе не надежныя на берегахъ Зеи и насупротивъ резиденціи верхне-амурской компаніи основали большое поселеніе, изъ котораго совершенно открыто, подъ предлогомъ розысковъ, производятъ хищническіе набѣги на неохраняемые никѣмъ пріиски; они обзавелись и лошадьми, и барками, и получаютъ продовольствіе изъ Благовѣщенска.

Добываемое такими людьми воровское золото естественно пропадаетъ для правительства, вмѣстѣ съ пошлинами; золото спускается въ Манджурію; посредниками въ воровской торговлѣ служатъ многочисленные китайцы, называющіе себя торговцами, но ничѣмъ не торгующіе, кромѣ воровского золота; этихъ китайцевъ множество и ихъ можно встрѣтить во всѣхъ пограничныхъ мѣстностяхъ Сибири съ Китаемъ, начиная отъ Иркутска до Владивостока; никакихъ торговыхъ дѣлъ, кромѣ тайнаго промысла золотомъ, у нихъ нѣтъ, а они наживаются отъ воровского золота; посредниками ихъ и банкирами въ этомъ темномъ дѣлѣ часто являются мѣстные жители — русскіе и другіе европейцы; живущіе въ Сибири люди, близко стоящіе къ золотопромышленному дѣлу, утверждаютъ, что отъ этого воровского промысла погибаетъ для правительства и для Россіи четвертая или пятая часть всего золота; производимая Восточной-Сибирью воровская

торговля золотомъ развращаетъ народонаселеніе и требуетъ настоятельныхъ мѣръ искорененія.

Лучшимъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для этого—учрежденіе золотопромышленныхъ товариществъ со значительнымъ капиталомъ, которыя несомнѣнно и сами примутъ энергическія мѣры къ прекращеніи воровской торговли золотомъ, и окажутъ всевозможное къ тому содѣйствіе полицейскимъ властямъ. Съ учрежденіемъ сильныхъ капиталами золотопромышленныхъ акціонерныхъ компаній несомнѣнно улучшатся и увеличатся средства сообщенія въ краѣ, проведутся новыя грунтовыя и почтовыя дороги, увеличится число пароходовъ, телеграфовъ и телефоновъ; все это можетъ возникнуть на средства солидныхъ золотопромышленныхъ товариществъ; отъ нихъ же можно ожидать существенной помощи правительству для охраны пріисковъ, еще не отведенныхъ окончательно, но подвергшихся развѣдкѣ. Что касается до отводимыхъ и утверждаемыхъ за компаніями и частными лицами пріисковъ, то они двоякаго рода: одни, отведенные сильнымъ и серьезнымъ владѣльцамъ и компаніямъ, будутъ охраняемы ими самими и во время работъ, и въ остальное время года, а пріиски, достающіеся спекуляторамъ, единственно въ виду выгоднаго сбыта ихъ въ будущемъ, за которые вносятъ владѣльцы весьма умѣренную поземельную подать только для сохраненія права на нихъ,—не будучи разрабатываемы, могутъ естественно подвергнуться разграбленію.

Правительство, съ первыхъ временъ присоединенія Забайкалья къ Россіи, взяло на себя, какъ и во всемъ со временъ Петра Великаго, иниціативу добычи золота; мѣры по золотопромышленности, по добычѣ серебра и другихъ металловъ, вошли въ кругъ дѣятельности Кабинета Его Величества, и подчиненныя Кабинету горнозаводскія учрежденія на Алтаѣ и въ нерчинскомъ заводѣ имѣютъ главною цѣлью ознакомить жителей съ практическими пріемами горнаго дѣла.

Постепенное уменьшеніе правительственныхъ пошлинъ съ золотопромышленнаго дѣла послужило первымъ шагомъ къ поощренію его; нельзя при этомъ не указать на то, что для пріисковъ съ небогатымъ содержаніемъ и для разработки въ Забайкальѣ руднаго золота необходимо еще *большее пониженіе* пошлинъ; разработка бѣдныхъ пріисковъ, чтобы сдѣлаться доходною, требуетъ механическихъ усовершенствованныхъ способовъ обработки, а для этого необходима затрата значительныхъ средствъ; того же и

еще въ большей степени требуетъ разработка рудныхъ мѣсторожденій золота.

Золотопромышленность, какъ видно изъ всего сказаннаго, дошла до той точки своего развитія въ Восточной-Сибири, когда дальнѣйшее существованіе этого промысла уже потребовало и болѣе значительныхъ капиталовъ, и, главное, иммобилизаціи ихъ. Единственно образованіе золотопромышленныхъ товариществъ на правильномъ, строго законномъ основаніи, съ предоставленіемъ каждому участнику равныхъ правъ и съ возложеніемъ однородныхъ обязанностей, можетъ потому привлечь къ золотопромышленности капиталы.

Русская золотопромышленность, благодаря почти исключительному господству въ ней компаній на паяхъ безъ основныхъ капиталовъ, попала въ „circulum vitiosum", изъ котораго нѣтъ другого выхода, кромѣ слѣдующаго: необходимы новыя золотопромышленныя общества, товарищества, компаніи (не въ названіи дѣло) со значительными основными и оборотными капиталами, и столь же необходимы новые усовершенствованные способы производства; необходимо привлеченіе новыхъ разумныхъ силъ и денежныхъ средствъ; тогда только прекратится теперешнее разграбленіе пріисковъ, начнется правильная, дѣйствительно выгодная эксплуатація огромнаго числа пріисковъ заброшенныхъ, подъ предлогомъ мнимой ихъ скудости. Тѣ же, кто обогатились сибирскою золотопромышленностью, кому мѣстныя условія болѣе или менѣе извѣстны, далеки отъ всякаго желанія приносить для упроченія будущности какія-либо матеріальныя жертвы, не понимая собственной пользы.

Для золотопромышленности въ Восточной-Сибири наступило время преобразованій, въ родѣ тѣхъ, къ которымъ для избѣжанія гибели пришлось прибѣгнуть въ недавнее время на Уралѣ, относительно желѣзодѣлательныхъ и мѣдноплавильныхъ заводовъ, а въ донецкомъ бассейнѣ по каменно-угольному дѣлу. Благодаря приливу иностранныхъ капиталовъ, большею частью изъ Франціи и Бельгіи, и участію въ дѣлахъ опытныхъ техниковъ тѣхъ же странъ, производство металловъ на Уралѣ и каменнаго угля въ донецкихъ копяхъ возросло, заработныя платы возвысились, способы добычи улучшились, а издержки производства сократились. Металлургическій промыселъ на Уралѣ, созданный геніемъ Петра В., клонился къ упадку, вслѣдствіе недостатка оборотныхъ капиталовъ у большей части уральскихъ заводчиковъ, ихъ постояннаго абсентеизма, наконецъ вслѣдствіе прекращенія подневольнаго крѣпостного труда на поссесіонныхъ и вотчинныхъ

заводахъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Что касается до абсентизма, то намъ извѣстны случаи отсутствія на Уралѣ собственниковъ заводовъ съ самаго начала текущаго столѣтія, и мѣстныя административныя власти во время приведенія въ исполненіе положеній объ освобожденіи помѣщичьихъ и заводскихъ крестьянъ, вынуждены были приглашать крупныхъ и мелкихъ заводовладѣльцевъ принять дѣятельнѣйшее личное участіе въ управленіи ихъ заводами, въ виду замѣны крѣпостного труда свободнымъ и благополучнаго разрѣшенія рабочаго вопроса. Къ счастью, освобожденіе заводскихъ крестьянъ отъ обязательнаго труда обошлось спокойно. Естественно, что такая коренная перемѣна въ условіяхъ заводскаго производства не обошлась зато безъ убытковъ заводчикамъ, безъ застоя въ самомъ производствѣ металловъ. Съ теченіемъ времени, отношенія свободныхъ рабочихъ къ заводовладѣльцамъ и ихъ управленіямъ вышли изъ первоначальнаго неопредѣленнаго положенія и установились на болѣе или менѣе прочныхъ началахъ, благодаря мѣрамъ правительства и естественному ходу дѣлъ; но металлургическая промышленность пережила на Уралѣ трудное время, вслѣдствіе недостатка капиталовъ, и только въ послѣднее время начала оживляться, благодаря приливу новыхъ средствъ, а также усовершенствованію способовъ производства, чего не могла достигнуть безъ иностранныхъ капиталовъ и безъ опытныхъ техниковъ. Будемъ надѣяться, что и золотопромышленность Восточной-Сибири пойдетъ по той же дорогѣ улучшеній.

Конецъ текущаго столѣтія отличается непреодолимымъ стремленіемъ обращенія капиталовъ на золотопромышленность. Доказательствомъ тому служитъ Трансвааль, а въ послѣднее время полярная Аляска съ новооткрытыми богатѣйшими пріисками по р. Юкону (см. въ сентябрьской кн. „Вѣстн. Европы“ 1897 г., стр. 363—70, письмо П. А. Тверского изъ Лосъ-Анжелесъ въ Калифорніи о пріискахъ въ Аляскѣ, по Юкону и притоку его р. Клондайкѣ). Рѣка Юконъ, одна изъ самыхъ большихъ на земномъ шарѣ, судоходна на разстояніи почти 2.500 англійскихъ миль на протяженіи территоріи Аляски, купленной въ царствованіе императора Николая I у Россіи американцами за 6 милліоновъ рублей. Теченіе Юкона захватываетъ отчасти и территорію Канады; граница между Канадой и американскими владѣніями пересѣкается этою рѣкою; такимъ образомъ, вновь открытый въ Алтаѣ золотоносный районъ, принадлежащій Аме-

рикѣ и Канадѣ, легко можетъ сдѣлаться спорнымъ между Соединенными Штатами и Англіею, но это не мѣшаетъ огромной добычѣ золота, которая уже началась и въ короткое время выразилась десятками милліоновъ долларовъ. Климатическія условія полярной Аляски, можетъ быть, еще тяжелѣе, чѣмъ Восточной Сибири; мерзлота почвы свойственна обѣимъ странамъ, а борьба съ природой въ Аляскѣ, повидимому, еще тяжелѣе, чѣмъ въ Восточной-Сибири.

Какія бы экономическія послѣдствія огромной добычи золота въ Калифорніи, въ Австраліи, въ Трансваалѣ и въ Аляскѣ ни произошли, но нельзя отвергать тотъ фактъ, что вездѣ, гдѣ водворяется золотопромышленность и даже въ самыхъ пустынныхъ и отдаленныхъ странахъ, при самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ и другихъ условіяхъ, страны эти оживляются, доступъ къ нимъ дѣлается легче, пути сообщенія постоянно улучшаются, являются постоянные и временные жители тамъ, гдѣ было безлюдье или проживало бродячее населеніе, находящееся на низкой ступени развитія. То, что происходитъ въ Восточной-Сибири, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ, несмотря на существующія еще препятствія къ правильному развитію золотопромышленности; если же начнется правильная разработка бросаемыхъ нынѣ, такъ-называемыхъ бѣдныхъ, а въ сущности выгодныхъ, по содержанію золота, пріисковъ, то, несмотря на мерзлоту и прочія неудобства, страна скоро разовьется. Въ Калифорніи предстояло золотопромышленникамъ побороть не менѣе трудностей, чѣмъ въ Восточной-Сибири; тамъ приходилось въ безводныхъ мѣстностяхъ трудиться надъ извлеченіемъ золота изъ каменистой почвы; для этого дѣльными американскими инженерами устраивались на огромныхъ пространствахъ вдоль долинъ и прилѣплялись къ склонамъ горъ (canons) красивые деревянные водопроводы (flumes), дѣйствительное чудо изобрѣтательности и инженернаго искусства. Американскимъ инженерамъ предстояли и болѣе трудныя задачи; представлялась настоятельная необходимость опредѣлить самую мѣстность и направленіе первобытныхъ золотоносныхъ руслъ (rims) эпохи міоценской, прикрытыхъ широкими пластами лавы и базальта, безъ какихъ-либо видимыхъ признаковъ. Американскіе инженеры такъ хорошо разрѣшили эту задачу, очень трудную, что, благодаря имъ, можно пользоваться превосходными орографическими картами этой геологической эпохи, столь же вѣрными, какъ обыкновенныя съемки поверхности земли. Въ Трансваалѣ, чтобы достигнуть возможной очистки золота, при самыхъ трудныхъ для химическихъ манипуляцій обстоя-

тельствахъ прибѣгли къ употребленію ціанъ-кали и начали извлекать золото изъ такой кварцевой массы, которую прежде бросали; затѣмъ, употребляемыя въ Трансваалѣ мельницы устроены такъ раціонально, что легко раздробляютъ ежедневно огромныя массы кварца, а механическіе снаряды, постоянно совершенствуясь, уменьшаютъ издержки производства. Вездѣ человѣкъ, добывая золото, боролся съ природой; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ борьба эта очень тяжела, какъ теперь на Аляскѣ, а со временемъ и у насъ, можетъ быть, на берегахъ Охотскаго моря и въ Камчаткѣ, но до сихъ поръ люди вездѣ выходили побѣдителями, особенно тамъ, гдѣ ручному труду помогали основательныя изысканія, развѣдки и приспособленія, основанныя на опытѣ и на научныхъ данныхъ.

Русской промышленности вообще, во всѣхъ ея видахъ, а слѣдовательно и золотопромышленномъ, приходится уплачивать меньше процентовъ за иностранные капиталы, чѣмъ за добываемые въ Россіи; это фактъ общеизвѣстный и не требующій особенныхъ доказательствъ; приливъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію, съ цѣлью обращенія ихъ на металлургическія предпріятія, потому желателенъ, что наше отечество вообще скудно сбереженіями, и это справедливо, относительно всѣхъ слоевъ русскаго общества. Наши капиталисты отличаются особенною *робостью*, когда дѣло идетъ объ употребленіи капиталовъ на промышленныя предпріятія, хотя бы и совершенно вѣрныя, но съ сущностью которыхъ приходится еще знакомиться, а особенно если съ этимъ соединена перемѣна и перенесеніе дѣятельности въ такую даль, какъ Сибирь. У насъ рутина препятствуетъ многому, и часто хорошія дѣла и начинанія убиваетъ въ зародышѣ. Мнѣніе, высказанное инж. Levat о русскихъ капиталахъ и капиталистахъ, онъ совершенно справедливо примѣняетъ и къ тѣмъ немногимъ личностямъ, кого золотопромышленность обогатила; весьма немногіе рѣшаются часть доставленныхъ имъ золотопромышленностью средствъ обратить на улучшеніе обогатившаго ихъ промысла и временно возвратить тому дѣлу и той странѣ полученную ими отъ нихъ прибыль, въ видахъ упроченія самаго дѣла и доставленія пользы странѣ.

Представивъ въ книгѣ своей настоящее положеніе золотопромышленности, въ возможной подробности, на Ононѣ и въ бассейнѣ рѣки Зеи, и охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ промыслъ этотъ на Уралѣ и въ странахъ за Ураломъ, въ Сибири, инж. Levat третью главу II-го тома своей книги посвятилъ изложенію предположеній о мѣрахъ къ постепенному улучшенію

и измѣненію теперешняго незавиднаго положенія золотопромышленности. Предлагаемыя г-мъ Levat мѣры двоякаго рода: однѣ касаются правильнаго распредѣленія потребныхъ для устройства золотопромышленности на раціональныхъ основаніяхъ средствъ, организаціи труда и примѣненія методовъ осмысленнаго веденія дѣла, которое должно быть основано не на гадательныхъ предположеніяхъ, а на точныхъ и положительныхъ изслѣдованіяхъ и предварительныхъ развѣдкахъ, вслѣдствіе чего все дѣло должно утверждаться не на общеупотребительныхъ нынѣ *приблизительныхъ*, а на *точныхъ*, по возможности, смѣтахъ; другія предлагаемыя мѣры имѣютъ въ виду замѣну первобытныхъ способовъ производства и общепринятыхъ дѣйствующихъ нынѣ несовершенныхъ орудій болѣе совершенными механическими орудіями, примѣненными къ мѣстнымъ условіямъ; обсужденіе въ экономическомъ и техническомъ отношеніяхъ и принятіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ мѣръ—дѣло будущаго; осуществленіе или отверженіе ихъ зависитъ отъ мѣстныхъ золотопромышленныхъ дѣятелей и отъ столь многихъ и сложныхъ условій, что входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ мѣръ не соотвѣтствуетъ цѣли настоящей статьи и ея размѣрамъ.

Въ заключеніе, долгомъ считаемъ заявить, что самымъ цѣннымъ выводомъ изъ изслѣдованій, изложенныхъ въ книгѣ г. Levat, мы считаемъ убѣжденіе, что главныя причины нынѣшняго незавиднаго положенія золотопромышленности коренятся въ противной самымъ простымъ началамъ организаціи всякаго промышленнаго дѣла, а слѣдовательно и золотопромышленныхъ компаній. Всѣ другія препятствія къ развитію золотопромышленности въ Сибири, зависящія отъ климата, отъ огромности разстояній, отъ вопросовъ, связанныхъ съ колебаніемъ заработной платы, наконецъ, отъ глубокой мерзлоты, — всѣ эти препятствія, соединенныя, правда, иногда со значительными затрудненіями, не представляются непобѣдимыми; съ ними можно успѣшно бороться, можно найти способы къ ихъ ограниченію и къ окончательному устраненію. Одни изъ этихъ препятствій постепенно исчезаютъ и со временемъ совершенно исчезнутъ при устройствѣ болѣе удобныхъ и скорыхъ путей сообщенія; другія препятствія несомнѣнно могутъ быть устранены мѣрами, указываемыми наукою, не останавливающеюся въ своемъ развитіи и приведшею къ большему совершенствованію орудія производства; то, что прежде въ техникѣ горнаго дѣла и въ практическомъ примѣненіи механики считалось невозможнымъ, нынѣ уже относится къ числу совершившихся фактовъ; но главнымъ препят-

ствіемъ у насъ къ естественному ходу развитія золотопромышленности, къ улучшеніямъ и къ полезнымъ нововведеніямъ—служитъ самый составъ и формы существующихъ золотопромышленныхъ компаній.

Нельзя не придти къ безспорному выводу изслѣдователей Ононскихъ и Зейскихъ пріисковъ что существующія монопольныя компаніи на паяхъ отжили свой вѣкъ, и что безъ правильно устроенныхъ золотопромышленныхъ ассоціацій съ основными и оборотными капиталами русская золотопромышленность окажется способною только продолжать хищническую разработку аллювіальныхъ богатыхъ розсыпей, которыя, въ концѣ концовъ, будутъ расхищены и истощены, а золотодержащіе пласты руднаго золота еще въ теченіе многихъ лѣтъ будутъ въ нѣдрахъ земли тщетно ожидать для себя разработки.

Ег. Ив. Барановскій.

Мюнхенъ, 1898 г.

АЛЕКСѢЙ ЗАВОДЧИКЪ

РАЗСКАЗЪ

I.

Первый разъ я увидѣлъ Алексѣя лѣтъ шесть тому назадъ. Выйдя въ одинъ осенній вечеръ на улицу нашей деревни, я замѣтилъ на нижнемъ концѣ ея, у двора сапожника Вавилы, толпу народа: кое-кто изъ мужиковъ, бабы и ребятишки собрались у избы сапожника, и между ними то-и-дѣло слышались взрывы веселаго смѣха. Меня затронуло любопытство, и я направился къ этой толпѣ. На вопросъ мой—что тутъ дѣлается—мнѣ объяснили:

— Вавила себѣ работника привелъ; такой ухарь — отойди-пусти! Послушай-ка, что онъ говоритъ.

Вавила и новый работникъ его сидѣли на завалинкѣ избы. Вавила былъ такъ пьянъ, что еле голову на плечахъ держалъ, но работникъ былъ трезвъ. Это былъ молодой еще паренекъ, лѣтъ 19-ти на видъ, худой, съ грязнымъ цвѣтомъ лица и одѣтый въ какія-то лохмотья не-деревенскаго происхожденія. Онъ держалъ себя довольно бодро, говорилъ развязно, хотя при внимательномъ взглядѣ на него и можно было замѣтить, что эта развязность какъ будто не искренняя, напускная. Когда я подошелъ туда, онъ свертывалъ себѣ изъ газетной бумаги папироску.

— Гдѣ онъ такого отыскалъ? — спросилъ я.

— Должно быть, чортъ нанесъ,—крикнула на мой вопросъ жена Вавилы, худая, забитая нуждой и заботой, женщина, стоявшая тутъ же и видимо крайне недовольная тѣмъ, что мужъ

привелъ къ себѣ такого работника. — Яковлевскій бобыль,—добавила она.—Изъ Москвы по этапу пришелъ. Пропился тамъ, вотъ и пригнали сюда выхаживаться, да нашъ деревенскій хлѣбъ ѣсть, а насъ московскими вшами кормить. Велика радость, подумаешь!

— Молчи! Тебѣ говорятъ—молчи! — бурчалъ, топая ногой на жену, Вавила.

— Была неволя молчать!—не унималась баба.—Тебѣ-то все равно, а мнѣ-то, небось, достанется: можетъ быть, онъ и работать-то ничего не умѣетъ, а я гоношись тутъ, стряпай на васъ да обшивай, обмывай васъ,—какая сласть, подумаешь!

— Ну, это ты, тетка, зря городишь,—проговорилъ вдругъ работникъ.—Какъ это такъ я работать не умѣю! Да ты такихъ мастеровъ-то сроду не видала. Мы отъ скуки—на всѣ руки: сапоги точать, головой качать,—мы все могомъ,—и вдругъ умышленно упирая на букву *о*, работникъ добавилъ скороговоркой:—и избу срубимъ, и печку складемъ, трубу выведемъ,—только дымъ-то хоть мѣшкомъ выноси!

Въ толпѣ захохотали.—Ай-да мастеръ! Эти ужъ смастерятъ, что надо! И гдѣ онъ только обучался?

— Дома; знамо, въ люди не отдавали, самъ до всего дошелъ, — серьезнымъ тономъ отвѣтилъ парень.

— А гдѣ у тебя домъ-то?

— Конечно, въ Москвѣ, а не въ Питерѣ. Просто дворецъ, а не домъ: три кола вбито, небомъ покрыто, свѣтомъ огорожено, да со всѣхъ сторонъ землей обложено.

Въ толпѣ опять раздался смѣхъ; потомъ послышался новый вопросъ:

— Что-жъ ты, такъ тамъ жилъ, али дѣломъ какимъ занимался?

— Дѣломъ занимался: заводъ велъ.

— Какой же заводъ?

— Перегонный: перегонялъ водку изъ бутылки въ глотку—дѣла хорошо шли.

При этихъ словахъ нѣкоторыя бабы завизжали отъ хохота; засмѣялась даже сердитая жена сапожника, и, плюнувъ, проговорила:

— Вотъ онъ какой нагрѣшникъ, и жди отъ него путнаго!

И сказавши это, баба повернулась и скрылась на крыльцѣ.

— Что же это ты въ такой жизни и не ужился, вѣдь вдна тамъ какъ хорошо?

— Такая линія подошла: оплошалъ—прохворалъ, Богъ оби-

дѣлъ—пропился!—отвѣтилъ работникъ, и этимъ вызвалъ новый взрывъ хохота.

II.

Съ другого же дня парень сталъ сапожничать у Вавилы. Работать онъ умѣлъ и работалъ усердно. Гулялъ онъ только въ праздники, и очень скромно: выйдетъ на улицу, подойдетъ къ молодежи или мальчишекъ вокругъ себя соберетъ, споетъ имъ какую-нибудь пѣсню, разскажетъ что̀. На разсказы онъ былъ мастеръ. Онъ зналъ не мало сказокъ, исторіекъ, случаевъ изъ московской жизни, иногда правдивыхъ, иногда вымышленныхъ имъ; онъ и дѣлился со всѣми, кто только изъявлялъ желаніе его слушать. За это его, пельзя сказать, чтобъ полюбили, но всѣ встрѣчались съ нимъ съ удовольствіемъ, особенно молодежь. Она окрестила его прозвищемъ „заводчикъ“, имѣющимъ двоякій смыслъ: во-первыхъ, оно намекало на то, что онъ всегда „заводилъ“ что-нибудь интересное, т.-е. былъ шутникъ, затѣйникъ; во-вторыхъ, оно говорило и то, что онъ былъ, по его словамъ, содержателемъ завода, на которомъ перегоняли водку изъ бутылки въ глотку; и этимъ прозвищемъ всѣ стали звать его. Алексѣй на это не обижался, и охотно отвѣчалъ, когда его звали только по одному прозвищу.

Однажды зимой, отъ нечего дѣлать, я зашелъ посидѣть къ Вавилѣ. Вавила съ заводчикомъ были заняты сапожною работой; жена Вавилы помѣщалась на конникѣ за пряжей. Всѣ были поглощены дѣломъ, но прилежнѣе всѣхъ занимался имъ заводчикъ. Онъ такъ-то усердно наколачивалъ каблукъ, что я не удержался, чтобъ не сказать женѣ Вавилы:

— Ну, вотъ, ты тогда безпокоилась, что онъ работать не будетъ,—гляди, какъ старается.

— Теперь-то сама вижу, что мастеръ,—проговорила баба, и усмѣхнулась.

— Небось, не подгадимъ!—весело воскликнулъ Алексѣй.—Коли что̀ умѣемъ, сдѣлаемъ за первый сортъ.

— А ты еще что̀ можешь дѣлать-то?—спросилъ я.

— Водку пить, табакъ курить—мало ли что̀,—по прежнему весело проговорилъ Алексѣй и, отшвырнувъ отъ себя законченный сапогъ, принялся за другой.

— А работы никакой еще не знаешь?

— Вотъ захотѣлъ, работы еще! Одну знаю, и то хорошо; слава Богу, что этой-то кой-какъ выучился.

Я замѣтилъ, что въ тонѣ, какимъ были произнесены эти слова, слышалась дѣловитость, и рѣшилъ воспользоваться этимъ —завести серьезный разговоръ. Мнѣ хотѣлось узнать, какъ онъ росъ, чѣмъ занимался въ Москвѣ, словомъ, узнать его біографію, и не откладывая намѣренія, я сейчасъ же закинулъ вопросъ о томъ, гдѣ онъ родился.

— Въ Москвѣ я родился,—отвѣтилъ на мой вопросъ Алексѣй, и по лицу его пробѣжала какая-то тѣнь.—Старики-то мои смолода туда перебрались, я тамъ и родился.

— Зачѣмъ же старики-то перебрались въ Москву? — спросилъ я снова.

— На легкую работу да вольные хлѣба! Не понравилось имъ въ деревнѣ жить, вотъ они распродали все, да и отправились въ Москву. Сперва-то на мѣсто придѣлились, въ людяхъ жили; а въ людяхъ жить — надо всякому служить. Пожили-пожили они — не понравилось имъ это, задумали они свое дѣло повести. Собрали деньжонокъ, переѣхали на Хитровъ; отецъ началъ тамъ квасомъ торговать, а мать фатеру сняла да жильцовъ пускать стала.

— И теперь они этимъ дѣломъ занимаются?

— Куда тутъ и помину отъ этого не осталось.

— Отчего же они забросили дѣло — невыгодно?

— Куда тутъ, невыгодно, а видно не судьба Макару коровъ доить ко всему нужна своя привычка—что торговать, что еще; а у нихъ откуда она возьмется? Тамъ прозѣвалъ, здѣсь проморгалъ, ну, все на шею да на шею, а тутъ стала полиція придираться да допекать: чистоту спрашиваетъ. Знамо, кто опытный-то, тому и полиція не страшна, онъ знаетъ, какъ ладить съ ней: сунетъ околоточному на штаны—и вся недолга; а нашимъ-то это невдомёкъ — ну, на нихъ, знамо, чуть что — сейчасъ штрафъ. Штрафъ да штрафъ, они съ горя-то на водочку стали налегать. Сегодня штрафъ, завтра торговать не пускаютъ, послѣ завтра пьяные, а тамъ какая-нибудь незакрутка, ну, дѣлото въ упадокъ да въ упадокъ—и прогорѣли они; закрыли торговлю, и фатеру не по силамъ стало держать.

— Такъ что же они теперь тамъ дѣлаютъ?—продолжалъ я свои разспросы.

— Теперь живутъ двое въ одномъ углу. Мать-то еще нанимается куда-нибудь на поденщину—стирать, либо полы мыть, а отецъ совсѣмъ опустился, только и знаетъ христарадничаетъ.

— И ты все время съ ними жилъ?

— Годовъ до 12-ти съ ними; бѣгалъ, баловался, а когда и съ

ручкой пройдешь. Потомъ захотѣли они меня къ дѣлу пристроить, и отдали въ трактиръ на томъ дворѣ, гдѣ наша фатера-то была. Придѣлили меня чашки перемывать. Пристроился я, было,—ничего, и къ дѣлу привыкъ, да изъ-за ихняго пьянства не удержался. Въ вино-то они къ этому времени втянулись, а взять-то ужъ негдѣ стало, ну и давай изъ меня тянуть. Придутъ, это, чай пить—и сейчасъ къ буфету, къ хозяину или, тамъ, къ приказчику: „У васъ нашъ сыновъ живетъ, давай намъ полбутылки". Полбутылки за полбутылкой, — что мнѣ за мѣсяцъ приходится, они за недѣлю заберутъ. А тамъ подошло время: нужно сапожишки справить, рубашонку, а имъ не на что. Ну, хозяинъ глядѣлъ, глядѣлъ, да и говоритъ: „Уходи съ Богомъ, ты для нашего мѣста не подходишь".

— Ты и ушелъ?

— И ушелъ,—проговорилъ Алексѣй и остановился; передохнувъ съ минуту, онъ продолжалъ:

— Перешелъ я опять къ нимъ; стали они думать да гадать, что со мною дѣлать теперь, и порѣшили въ сапожники отдать. Нашли такого хозяина, который на всемъ своемъ бы взялъ, и закабалили меня на семь годовъ. Сперва-то меня, вмѣсто мастерской, придѣлили на кухню: то за водой на бассейну бѣги, то въ лавочку ступай, то товаръ заказчикамъ неси; управишься, придешь въ мастерскую, а тамъ, глядишь, мастера посылаютъ, кто за табакомъ, кто еще за чѣмъ.

— Это ужъ извѣстное дѣло, — вмѣшался въ разговоръ Вавила,— тамъ всегда такъ дѣлается: коль на долгій срокъ попалъ, —сколько годовъ на побѣгушкахъ пробѣгаешь!

— Вотъ и мнѣ пришлось такъ бѣгать; года четыре мнѣ и шила въ руки не давали,—опять продолжалъ разсказъ Алексѣй. —Только на пятомъ году посадили меня къ мѣсту, и дали дѣло въ руки. Мастеръ, къ которому я подъ началъ попалъ, хорошій такой былъ; другіе, тамъ, норовятъ съ ученика-то сорвать что, а этотъ ничего не хотѣлъ, а показывалъ что надо, какъ слѣдуетъ... Проработалъ я годикъ, другой, стало у меня выходить кое-что, начали, это, меня похваливать и мастера, и хозяинъ. Пронюхали про это наши; сейчасъ приходитъ отецъ: „Будетъ, говоритъ, тебѣ здѣсь жить, пойдемъ на фатеру". — Зачѣмъ? спрашиваю. — „Отъ себя, говоритъ, будешь работать. Я, — это отецъ-то говоритъ,—буду старую обувь покупать, а ты починишь ее, а я продамъ". Дѣлать нечего было, пришлось мнѣ покинуть хозяина.

— Ишь вѣдь какіе облоѣды! Не то что дать парню до дѣла

дойти, а какъ бы только пососать его,—вмѣшалась въ разговоръ жена Вавилы.

— Какого-жъ тутъ еще дѣла дожидаться; видишь — водкой пахнетъ — нечего тутъ ждать! — насмѣшливо отозвался и самъ Вавила.

— Только того и нужно было,—замѣтилъ Алексѣй.—Еслибы не глотка-то ихняя, и такъ бы дѣло пошло. Худую-то обувь дешево можно купить, особливо на Хитровомъ; а какъ починишь ее, цѣна-то ей другая. Чуть не втрое, бывало, выручалъ, да намъ-то не показывалъ; что выручитъ, то и пропьетъ. Иной разъ и такъ приходилось: еще-молъ купить не на что, а намъ съ матерью ждать нечего — просто хоть зубы на полку клади, или воровать ступай.

— А что, теперь дѣло прошлое, — снова вмѣшалась въ разговоръ баба Вавилы,—небось при этакой жизни и воровать приходилось?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ,—сказалъ Алексѣй:—ни разу не доводилось.

— Ну, вотъ,—ни разу, это ты не сказываешь.

— Что-жъ мнѣ скрывать-то? Боюсь я, что-ль, тебя, вотъ чудна́я-то!—необыкновенно серьезно проговорилъ Алексѣй.—Приходилось, когда въ мальчикахъ жилъ: когда кусокъ говядины на кухнѣ упрешь, когда калачъ стянешь или пяточекъ отъ сдачи утаишь. А чтобы по настоящему воровать — Богъ миловалъ: должно, руки толсты.—И проговоривши послѣднія слова, Алексѣй вдругъ разсмѣялся.

— Гдѣ-жъ тамъ воровать-то: тамъ, вишь, и народъ-то жилъ яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего,—замѣтилъ Вавила.

— Ну, это ты не скажи! — воскликнулъ Алексѣй и, положивъ работу, вдругъ поднялся съ мѣста, отошелъ къ приступкѣ, сѣлъ на нее и сталъ дѣлать папироску. Сдѣлавши папироску и закуривъ ее, онъ опять заговорилъ.

III.

— Коли захочешь чего, и тамъ можно сдѣлать что угодно,—сдѣлай милость! Самъ не выдумаешь—другіе научатъ, найдутся такіе.

И онъ затянулся папироской, выпустилъ клубы дыма изо рта и изъ носа и проговорилъ:

— Мнѣ разъ подходило такое дѣло, насилу какъ удержался,— можно сказать, на волоскѣ висѣлъ.

— Что-жъ это за дѣло?—съ загорѣвшимися отъ любопытства глазами спросилъ Вавила и, бросивъ работу, повернулся всѣмъ корпусомъ въ сторону Алексѣя.

— А вотъ что. Было это какъ разъ въ ту пору, когда сапожничалъ я у своихъ. Чай-то пить въ трактиръ ходилъ; ну, когда дѣло есть, скоро повернешься, а дѣла нѣтъ, сидишь, на народъ глядишь; а народу всегда въ этомъ мѣстѣ волна—и всякаго народу. Сижу я этакъ разъ за столомъ и подмѣчаю—приглядывается ко мнѣ одинъ паренекъ, на видъ шустрый такой, одѣтъ хорошо. Разъ прихожу въ трактиръ—онъ тутъ, другой—тутъ, и все на меня глаза пялитъ. А на третій разъ сижу я это такъ, курю вотъ какъ сейчасъ, подкатывается онъ ко мнѣ и говоритъ:—дай-ка, братъ, закурить. Я далъ. Закурилъ онъ и къ моему столу подсѣлъ и разговоръ это со мной затѣваетъ: „Гдѣ, говоритъ, живешь, что дѣлаешь“? Я сказываю. „Плохо, должно быть, говоритъ, дѣла идутъ“.— Плохо. — „А не хошь, говоритъ, житья получше“?—Кто, говорю, себѣ врагъ и отъ хорошаго откажется!—„Такъ можно, говоритъ, хорошее житье устроить“.—Какъ же такъ? спрашиваю.—„А вотъ какъ... Пойдемъ-ка въ уголокъ отъ людей подальше“. Перешли мы за другой столъ, онъ и шепчетъ мнѣ: „Вотъ, говоритъ, какія дѣла: я поступаю въ приказчики въ магазинъ и буду тамъ жить; и есть у меня еще приказчики, товарищи, тоже на мѣстахъ живутъ: разскажемъ мы тебѣ всѣ эти магазины, а ты и ходи, говоритъ, по нимъ, покупай, что тамъ тебѣ скажемъ. Справимъ, говоритъ, мы тебя, денегъ дадимъ, а ты только знай этотъ товаръ-то на фатеру относи, а мы у тебя будемъ его принимать да къ мѣсту придѣлять“.

— Что-жъ это такое за штука?..—спросилъ Вавила и недоумѣвающе уставился на Алексѣя.

— Штука очень простая,—объяснилъ Алексѣй:—вмѣстѣ съ этимъ товаромъ-то они положатъ кусочекъ еще какого, да побольше, да подороже, а деньги-то возьмутъ только за дешевый.

— Ишь ты вѣдь проклятые... одумаютъ тоже!—воскликнулъ Вавила и даже покраснѣлъ весь.—Однако, ловкачи!

— Вонъ тамъ какіе огарки водятся, — поддакнула ему и жена его.

— „Тебѣ, говоритъ, очень хорошо будетъ, живи беззаботно“, —опять продолжалъ Алексѣй.—Разъѣло у меня губу. Неужели, думаю, вѣкъ на Хитровомъ болтаться, дай хоть маленько на свѣтъ погляжу. — Согласенъ, говорю. И только я это сказалъ,

молодецъ-то этотъ сейчасъ мнѣ и водки, и пива, колбасы жареной принесъ. Погуляли это мы, и повелъ онъ меня къ себѣ на фатеру. „Вотъ, говоритъ, гдѣ жить будешь“. Гляжу я: фатера хорошая, большая, видно—нѣсколько ихъ такихъ молодцовъ-то живетъ. „А вотъ, говоритъ, тебѣ будетъ обувь, одёжа“, и показываетъ мнѣ сапоги новые выростковые, дипломатъ, пиджакъ съ брюками—всю тройку, какъ слѣдуетъ. „Вотъ, говоритъ, перебирайся завтра, обуешься, одѣнешься во все это“. Побѣжалъ я отъ него домой и ногъ отъ радости подъ собой не слышу. Вотъ, думаю, поживу. Только пришелъ я это домой, легъ спать, и взяло меня раздумье. На что, думаю, я опускаюсь? И теперь-то я не полюдски живу, а тогда-то какова моя жизнь будетъ? Всякій живетъ свое дѣло дѣлаетъ, а я буду мошенствомъ промышлять—значитъ, совсѣмъ отъ людей прочь,—и взяла меня тоска. Всю ночь я не спалъ. Поутру всталъ, приходитъ время на дѣло идти, а у меня духу не хватаетъ. Мялся, мялся—плюнулъ да такъ и не пошелъ.

— Молодецъ! — воскликнулъ одобрительно Вавила.—Лучше по міру ходить, чѣмъ такимъ дѣломъ заниматься.

— Знамо такъ,—опять поддержала мужа баба:—а то еще попадешься да улетишь, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

— Объ этомъ я не думалъ,—сказалъ Алексѣй и, вставши съ приступка, бросилъ на полъ и затопталъ папироску, потомъ опять сѣлъ на прежнее мѣсто и взялъ въ руки работу. — Небось, и тамъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ—люди живутъ. А думалось мнѣ одно, что не людская это жизнь. Когда ты работаешь по чести-совѣсти, ты кусокъ хлѣба спокойно ѣшь; знаешь, что онъ—твой; сегодня съѣшь,—Богъ здоровья дастъ —и завтра опять будетъ; а вотъ какъ если выпросишь или стянешь этотъ кусокъ, тогда другая статья. Тогда завсегда ты не спокоенъ: сегодня добылъ, а завтра удастся-ль? да гдѣ? да какъ? Наглядѣлся я на такихъ людей не мало, пока росъ да жилъ-то на Хитровомъ.

— Это-то вѣрно, про это что говорить! — согласился съ Алексѣемъ Вавила.

— А какъ же ты на этапъ попалъ?—спросилъ я Алексѣя.

— А такъ. Побился, побился я у стариковъ-то своихъ, не въ мочь стало, и порѣшилъ я уйтить отъ нихъ. Подыскалъ себѣ мѣсто у одного хозяйчика и ушелъ. Ну, имъ это не понравилось. Пришли они къ хозяину, стали-было подъ жалованье мое подбиваться, а я отозвалъ хозяина-то въ сторону и говорю: я у тебя живу, я и получать, что слѣдуетъ, буду, а имъ не давай.

Ну, хозяинъ-то имъ отъ воротъ поворотъ да на улицу. Ихъ зло и взяло. Вышли наши паспорта, они и пишутъ въ волость: намъ, дескать, паспортъ высылайте, а ему не надо,—ну и остался я безъ паспорта, выправилъ отсрочку, пожилъ, пока она существовала, а потомъ меня и держать не стали. Получилъ разсчетъ, загулялъ съ горя. Такъ закрутилъ—отойди-пусти: пропился въ пухъ и прахъ. Пошелъ я къ старикамъ, сталъ съ ними ругаться, они меня бить—въ часть насъ взяли; ну, а въ части, знамо, безъ виду назадъ не выпустятъ, а сейчасъ, добраго молодчика, въ кутузку да на Колымажный, да сюда: да и заставили, вмѣсто московскаго-то, деревенскій хлѣбъ ѣсть.

— Такъ какъ же тебѣ нравится деревенскій-то хлѣбъ?—спросилъ я.

— Чего-жъ не нравиться — хлѣбъ и хлѣбъ: голодъ пройметъ—набьешь брюхо за милую душу.

— Такъ може еще что въ Москвѣ лучше?

— Много тамъ хорошаго, только для тѣхъ, у кого въ карманѣ есть. А у кого, стоитъ нашего: въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, а въ другомъ блоха на цѣпи,—такъ тоже не очень сладко. Водочки-то выпьешь, а закусишь-то язычкомъ. Здѣсь, вотъ, нищенка ходитъ: ему и хлѣбца подадутъ, и на ночлегъ отведутъ, а тамъ иной разъ хлѣбъ-то да ночлегъ во что вогнутъ?

IV.

У Вавилы Алексѣй проработалъ всю зиму. Къ Пасхѣ обыкновенно Вавила кончалъ сапожную работу, такъ какъ велъ крестьянство, и послѣ Пасхи, какъ и всѣ крестьяне, брался за соху. Алексѣя онъ расчелъ, а тотъ, недолго думая, нанялся къ нашему пастуху въ подпаски. Подпасокъ изъ него вышелъ хорошій; за стадомъ онъ глядѣлъ какъ слѣдуетъ и на постояхъ никому не надоѣдалъ: былъ не требователенъ ни въ харчахъ, ни въ одеждѣ, и удивлялъ всѣхъ всегдашнимъ веселымъ настроеніемъ. При встрѣчѣ съ каждымъ онъ отпускалъ какую-нибудь штуку, заводилъ смѣхъ. „Экій ты беззабочій-то, живешь, какъ птица небесная, думать тебѣ не о чемъ, вотъ и разбираетъ тебя веселье“,—говорили ему на его насмѣшки. Алексѣй на это говорилъ, что у него заботы больше всякаго, только то его веселитъ, что лѣтомъ въ деревнѣ очень хорошо все:—„Лѣсъ, трава, воздухъ-то какой! А въ Москвѣ въ это время что дѣлается, особливо на Хитровомъ,—не накажи Создатель“!.. Но это вос-

хищеніе природой было мало понятно деревенскимъ жителямъ, зато располагала всѣхъ къ себѣ другая черта въ Алексѣѣ: это его тяготѣніе къ крестьянскимъ работамъ. Бывало, въ яровую, или въ паровую пахоту—идетъ ли обѣдать Алексѣй изъ стада или обратно, и если онъ замѣтитъ, кто недалеко пашетъ, то непремѣнно подойдетъ къ нему и начнетъ просить: дай, дяденька, попахать,—и когда ему дадутъ, онъ схватится за рожки плуга, склонитъ голову на бокъ и идетъ слѣдокъ въ слѣдокъ, ступая по бороздѣ и всѣмъ существомъ своимъ углубляясь въ работу. Проведетъ борозду, другую, раскраснѣется весь, глаза загорятся; смѣнятъ его, побѣжитъ онъ въ стадо, а самъ чуть не прыгаетъ.

Но давалась ему пока изъ крестьянскихъ работъ одна пахота. Прибѣгалъ онъ, бывало, и на покосъ, бралъ у кого-нибудь косу, но у него ничего не выходило: разъ махнетъ, другой махнетъ, а тамъ, глядишь, гребень нескошенный остался, то подъ валомъ недостанетъ; захочетъ поправиться — носомъ въ землю косу воткнетъ; два раза напалки ломалъ, а одинъ разъ совсѣмъ косу изъ пяты вышибъ; и уставиться онъ съ косой почему-то никогда, какъ слѣдуетъ, не могъ. Другой стоитъ прямо, развязно, а у этого ноги согнутся, спина выдастся, и руками машетъ такъ, какъ будто онѣ у него связаны въ плечахъ. Десяти шаговъ, бывало, не пройдетъ, упрѣетъ весь, запышется, точно Богъ знаетъ, какую тяжесть ворочаетъ. Глядя на него, бывало, смѣхъ поднимутъ:

— Гдѣ тебѣ косить: не на томъ, братъ, ты замѣшанъ!

Алексѣй своей неудачи всегда очень конфузился. Глядя на него, бывало, думаешь: ну, теперь шабашъ, не будетъ малый больше работы просить—отучился; но не тутъ-то было: придетъ еще утро, гдядишь, Алексѣй опять выскочитъ изъ кустовъ и опять у кого-нибудь косить проситъ.

Но еще труднѣе давалась парню молотьба. Осень для пастуховъ время болѣе свободное, въ особенности когда начнутся утренники: скотину долго не выгоняютъ. Вотъ, бывало, въ такое время Алексѣй и начнетъ по овинамъ ходить,—то къ одному придетъ, то къ другому, выпроситъ цѣпъ и станетъ молотить. И какъ онъ ни старался, какъ, видимо, ему ни хотѣлось поскорѣй выучиться молотьбѣ, все-таки она ему не давалась. Должно быть, у него былъ плохой слухъ, не могъ онъ ладить; половины посада, бывало, не пройдетъ—и другихъ разстроитъ, и самъ до того извихляется, что на него жалко глядѣть: весь взмокнетъ, глаза осовѣютъ, едва отдышаться можетъ. Его, бывало, отговариваютъ:—оставь, Алексѣй, не мѣшай, ступай одинъ

молоти, сколько хочешь. Отойдетъ онъ въ сторону, повозитъ, повозитъ цѣпомъ, опять въ артель хочется, станетъ въ артель— опять выходитъ то же. Такъ и не выучился онъ въ эту осень молотьбѣ.

На зиму Алексѣй опять-было нанялся къ Вавилѣ, но въ эту зиму у сапожника какъ-то случилось мало работы, и онъ дожилъ у него только до полъ-зимы, а потомъ къ Вавилѣ какъ-то заѣхалъ управляющій изъ сосѣдняго имѣнія, увидалъ парня и переманилъ его къ себѣ. Подговорилъ онъ его на годъ: зимой ходить за скотомъ и чинить сбрую, какъ можетъ, а лѣтомъ пасти стадо.

V.

Алексѣй скрылся изъ нашей деревни, и его понемногу стали было забывать. Забылъ-было и я. Какъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, мнѣ пришлось съ нимъ снова встрѣтиться... Это было прошлой весной. Я ходилъ въ наше волостное правленіе справиться, нѣтъ ли мнѣ чего съ почты. Выйдя изъ конторы, я хотѣлъ-было уже спуститься съ мостенокъ крыльца, какъ справа меня кто-то окликнулъ.

Я оглянулся. Съ лавочки крыльца поднялся и подошелъ ко мнѣ молодой еще малый, лѣтъ 25-ти, въ потрепанной фуражкѣ, кафтанѣ, подпоясанномъ выцвѣвшимъ кушакомъ, за которымъ былъ заткнутъ топоръ. Я вглядѣлся въ его лицо, опушенное молоденькой бѣлокурой бородкой, покрытое веснушками и слегка добродушно улыбающееся, и оно мнѣ показалось знакомымъ. Остановивши на полъ-минуты взглядъ на этомъ лицѣ, я окончательно припомнилъ, кто это: это былъ Алексѣй.

— Домой идешь? Пойдемъ вмѣстѣ,—проговорилъ Алексѣй.

— Пойдемъ, — сказалъ я, и еще разъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на Алексѣя. Мнѣ было удивительно то, что парень имѣетъ такой степенный видъ: и кафтанъ, и сапоги, и топоръ за поясомъ, — прежняго золоторотца въ немъ и слѣда не осталось.

— Ты какъ сюда попалъ?—спросилъ я Алексѣя.

— Да работою здѣсь съ Качадыковымъ. По плотницкой части и орудую.

— Такъ куда же ты идешь теперь?

— Домой; на праздникъ-то дома побывать захотѣлось.

— Гдѣ-жъ твой домъ?

— Въ Николаевкѣ. Мимо вашей деревни идти. Я въ трак-

тирѣ услыхалъ, что ты тутъ, и думаю: побѣгу скорѣй, вдвоемъ-то охотнѣй, вечеръ ужъ.

— А ты развѣ вечеромъ боишься?

— Бояться не боюсь, а все-таки лучше вдвоемъ, веселѣй какъ будто.

— Какъ же ты говоришь—въ Николаевкѣ твой домъ, когда ты яковлевскій родомъ? — опять спросилъ я, вспоминая родословную Алексѣя.

— Былъ яковлевскій, а теперь сталъ николаевскій.

— Какъ же это случилось?

— Въ домъ туда вошелъ, ну и приписался.

— Къ кому же?

— Ко вдовѣ одной молодой.

— Значитъ, ты теперь крестьяниномъ сталъ?

— Какъ есть, въ полной видимости; и домъ на меня числится, и въ бумагахъ вездѣ пишусь.

И сказавши это, Алексѣй расцвѣлъ широкой счастливой улыбкой.

VI.

Мы вышли изъ деревни, гдѣ было волостное правленіе, и очутились среди поля. Я спросилъ, когда Алексѣй вошелъ въ домъ — какъ это устроилось. Алексѣй сталъ разсказывать мнѣ все подробно.

— Такой случай подошелъ, все и устроилось. Я тогда у Ивана Ивановича жилъ (Иваномъ Иванычемъ звали того управляющаго, который переманилъ Алексѣя отъ Вавилы); второй годъ ужъ я у него жилъ. Ну, жизнь была мнѣ хорошая, нечего сказать, и Иванъ Иванычъ былъ мной доволенъ, и мнѣ пожалиться на него не на что было. Работу я, что полагалось мнѣ, справлялъ; пьянствовалъ рѣдко, развѣ когда въ праздникъ на рынокъ куда отпросишься, или еще какой случай выйдетъ. Денежки я зря не тратилъ, справилъ на нихъ одежонку, обувочку; Иванъ Иванычъ ужъ меньше на скотной-то меня держалъ, а все больше около себя: то куда поѣдетъ—за кучера съ собой возьметъ, то послать куда нужно — пошлетъ; ну меня, это, запримѣтили кругомъ; всякъ этакъ къ тебѣ: „Алексѣй, здорово“!.. Въ праздникъ въ гости зовутъ. Одинъ разъ зазвали меня въ Дубровку, въ кабакъ; тамошніе мужики и говорятъ: — Надо тебя, парень, женить.— Жените, говорю, только куда я жену приведу, гдѣ у меня уголъ? — Вотъ, говорятъ, бѣда! мы тебѣ такую отыщемъ — съ

своимъ угломъ, да не съ однимъ, говорятъ, а съ четырьмя, коли хошь.—Дай Богъ часъ, говорю.—Вотъ и повели меня къ одному старику въ этой деревнѣ. Я думалъ, они въ шутку, анъ дѣло-то взаправду затѣяли. Гляжу, принимаютъ насъ честью и все показываютъ въ дому. Домъ исправный, и дѣтей у стариковъ только одна дочь, невѣста, на видъ ничего, толстомясая такая и обходительная. Старикъ говоритъ:—Бей по рукамъ, я на тебя полъ-дома подпишу.—Я говорю:—надо подумать. Такъ пока и оставили, не рѣшёмши, дѣло.

Ушелъ я къ себѣ. Хожу, это, думаю, что̀ дѣлать? какъ быть? И такъ и этакъ разумъ шатается. Если вытти, знамо, будетъ хорошо: свой уголъ, свое хозяйство, жена—чего жъ еще хотѣть... А каковы они люди? Ну, какъ они какими нехорошими окажутся. Ихъ-то трое, они всѣ родные, а я-то одинъ: заклюютъ они меня, коли какая незакрутка. Хожу я этакъ, мозгами раскидываю; дѣло было осенью, въ стадѣ я въ это время находился. Вдругъ приходитъ ко мнѣ въ стадо бабочка одна съ обратью на рукѣ. — Не забѣгала-ль, говоритъ, къ тебѣ, молодчикъ, лошадь? — Нѣтъ, говорю, не забѣгала, а что̀? — спрашиваю. — Да лошадь, говоритъ, отъ сарая ушла, не знаемъ, куда и дѣвалась. — А откуда ты? — Изъ Николаевки. Только сказала она это слово, то мнѣ вдругъ и пришло въ голову: дай-ка я ее про свою невѣсту спрошу,—Дубровка-то вѣдь съ Николаевкой рядомъ,—не знаетъ ли она что̀ про нее? Гляжу я, это, на нее и спрашиваю:—А что̀, голубушка, знаешь ты Савелья Максимова Дубровскаго? — Знаю, говоритъ.—И дѣвку его знаешь?—И дѣвку знаю.—Скажи, говорю, на милость, какіе они люди? — Люди, говоритъ, хорошіе, да жалко Богъ смерти не даетъ.—Отчего?—Да такъ, такой народъ.—Чѣмъ же они плохи-то?—Поглядѣла на меня бабочка и говоритъ:—Вотъ что̀, молодецъ, я догадываюсь, зачѣмъ ты спрашиваешь-то про нихъ; у насъ есть слушакъ, что они какого-то парня въ домъ принимаютъ, такъ это, должно быть, тебя; такъ я тебѣ по правдѣ истинной скажу. Лучше ты не губи своего вѣка, не связывайся съ этими людьми.—Да почему такъ?—А потому: не люди это, а идолы.—Чѣмъ же?—А тѣмъ: старикъ очень скупъ да строгъ, да дурашливъ, съ нимъ и сосѣди-то замаялись, жимши; а дѣвка-то, може, никуда не годится, она у насъ вотъ ужъ третій годъ какъ съ кабатчикомъ живетъ. — Какъ же, говорю, у строгаго отца, а такая слабость?—Онъ насчетъ этого-то не строгъ; кабатчикъ человѣкъ богатый, не задаромъ любитъ, а когда изъ наряду что̀ купитъ, когда деньгами подаритъ, а старику-то это

на руку: на сторонѣ добудетъ—изъ дома меньше спрашиваетъ-молъ. Какъ услыхалъ я это, такъ сразу и порѣшилъ: ну, думаю, эта невѣста мнѣ не подходящая: къ такой въ домъ идти—лучше неженатому ходить.

— Одначе послѣ этого стали въ моей головѣ думки и насчетъ женитьбы похаживать; думаю, мнѣ жениться можно, за себя замужъ не возьмешь—въ домъ войдешь. Только одна бѣда въ такомъ дѣлѣ: нельзя подобрать по душѣ себѣ человѣка; не больно много такого народу, чтобы было изъ кого выбирать. Сталъ, было, я думать, какого мнѣ человѣка лучше бы хотѣлось подыскать, и на какую ни кину, какихъ я зналъ, ни одна не по душѣ, только и носится въ мысляхъ та бабочка, что мнѣ про дубровскую невѣсту разсказала. „Вотъ такая бы, думаю, ничего, а то лучше никакой не надо“. Днемъ ли, ночью задумаюсь, не идетъ она у меня изъ головы да и все тутъ.

Алексѣй остановился и шаговъ десять прошелъ совершенно молча. Я тоже молчалъ, но видя, что онъ долго не начинаетъ продолженія разсказа, не вытерпѣлъ и снова заговорилъ.

VII.

— Ну, такъ что же дальше было?—спросилъ я.

— Дальше пришли-было ко мнѣ сваты изъ Дубровки насчетъ рѣшенья узнать, а я имъ отказъ какъ шестъ.—Не хочу, говорю, жениться, хочу холостымъ ходить.—Ну, говорятъ, вольному воля, а спасёному рай; поищемъ еще гдѣ-нибудь.—Съ Богомъ, говорю...

— Наступили филипповки. У насъ тогда лѣсъ на корню сталъ Иванъ Иванычъ продавать, кому десятину, кому полъ-десятины, кому четвертку. Меня онъ сторожить приставилъ этотъ лѣсъ, то-есть не пускать на полосу того, кто денегъ не отдалъ. Я это ѣзжу туда, слѣжу: кто отдалъ деньги, тому полосу указываю; кто не отдалъ, того прочь гоню. Одинъ разъ выѣхалъ я утромъ изъ имѣнія, подъѣзжаю къ лѣсу, слышу на одной полосѣ крикъ, галдежъ; я—туда. Смотрю: въ одномъ мѣстѣ куча народа такъ-то снуетъ и кричитъ, какъ ни попало.—Что такое?—спрашиваю. —Человѣка задавило. — Какъ такъ?—Пилили березку, онъ зазѣвался, березка-то упала—прямо на него, всю грудь расплюснуло. Гляжу я: правда, лежитъ человѣкъ, молодой еще, вытянулся, глаза подъ лобъ закатилъ, а у него изо рту и изъ носу кровь такъ и пѣнится, такъ и валитъ.—Чей, говорю, человѣкъ?

—Николаевскій.—Подняли его, повезли домой. Объѣхалъ я лѣсъ, тоже домой поѣхалъ. Пріѣхалъ, докладываю Иванъ-Иванычу: все, молъ, благополучно, только бѣда случилась: человѣка задавило. Потужилъ Иванъ Ивановичъ.—Ну, говоритъ, что же подѣлаешь, самъ виноватъ, зачѣмъ подвернулся.—Вечеромъ, гляжу, въѣзжаетъ къ намъ на дворъ какая-то бабочка, закутанная, и сама плачетъ, рѣкой льется. Гляжу: а это та самая, что мнѣ осенью дубровскую невѣсту раскорила.—Что, говорю, иль опять какая бѣда случилась? Тогда, говорю, лошадь пропала, а теперь что вышло?—Бабочка какъ зальется.—Тогда, говоритъ, бѣда поправилась, лошадь нашлась, а теперешнему горю ничѣмъ не поможешь.—Что такое?—спрашиваю.—Мужа, говоритъ, въ лѣсу придавило.—Такъ это твой мужъ? — Мой, говоритъ.—Что же онъ?—Что, говоритъ,—померъ! Пріѣхала къ Ивану Иванычу отъ своей доли лѣсу отказываться да деньги назадъ просить: хоронить-то не на что.—Пошла она къ Ивану Иванычу, а я пошелъ въ конюшню лошадей убирать. Убралъ я лошадей, выхожу, вижу—и баба изъ флигеля, это, выходитъ и такъ-то плачетъ, чуть не навзрыдъ.—Что ты?—опять спрашиваю.—Да какъ же мнѣ, говоритъ, не плакать: не даетъ мнѣ Иванъ Иванычъ деньги, всѣ, говоритъ, барину отослалъ, а своихъ нѣту,—на что мнѣ теперь будетъ оправить его? — Легла это она на сани, а сама рыдаетъ. И такая-то меня взяла жалость къ ней: вотъ, кажется, что хошь, для нея сдѣлалъ бы. Стою я это, гляжу на нее, а сердце у меня—тукъ, тукъ, тукъ. Вдругъ и вспомни я, что у меня есть деньги. Чего, думаю, мнѣ ихъ ей не отдать? Авось не зажилитъ, а поплатится, когда будетъ мочь. Подумалъ я это, подступилъ къ ней и говорю:—не плачь, поможемъ твоему горюшку,—и сейчасъ, это, я маршъ въ людскую, досталъ сундучокъ, отперъ, вытащилъ изъ него свою красненькую—и къ ней. Вотъ тебѣ, говорю, управляйся. Взяла это она деньги, развернула, поглядѣла на нихъ, и словно бы глазамъ не вѣритъ.—Это что жъ, говоритъ, въ честь чего? — Не толкуй, говорю, а завертывай, знай, да поѣзжай домой скорѣй, небось дома-то дѣловъ-дѣловъ... — А какія же это деньги-то? спрашиваетъ.—Взаймы тебѣ даю.—Поглядѣла этакъ она на меня:—Ну, спасибо, говоритъ, подвязала поводъ у лошади и поѣхала домой...

Ну, прошли филипповки, Рождество Христово, наступилъ мясоѣдъ, стало быть. Объ моей бабочкѣ никакого слуху. Мужика, слышно, похоронила, полосу лѣса ихнюю кто-то за себя изъ николаевскихъ взялъ. Вдругъ въ одно воскресенье, послѣ Крещенья ужъ, пріѣзжаетъ, это, къ намъ подвода, слѣзаетъ съ

саней какая-то старуха и спрашиваетъ:—Гдѣ тутъ Алексѣй скотникъ?—Я, говорю, Алексѣй, что̀ надо?—Поѣдемъ, говоритъ, со мной въ Николаевку, тебѣ одинъ человѣкъ велѣлъ.—Какой, говорю, такой человѣкъ?—А вотъ поѣдемъ, тамъ узнаешь.—Что̀ жъ, думаю, отчего не съѣздить? Пошелъ къ Ивану Иванычу.—Отпусти, прошу, Иванъ Иванычъ!—Ступай, говоритъ.—Нарядился я маленько, вышелъ, сѣлъ въ сани, и поѣхали мы.

Подвозитъ меня старуха ко двору, дворикъ не ражій, изобка въ семь аршинъ, крыта соломой. Вхожу я въ избу, а на встрѣчу мнѣ энта бабочка, у которой мужа-то задавило. Ну, поздоровался я;—какъ поживаете? спрашиваю. — Живемъ, говоритъ, по хозяинѣ тужимъ, вотъ сорокъ деньковъ справили, время-то незамѣтно какъ идетъ...

Сѣлъ я на лавку, молодуха, это, прямо начала самоваръ разводить, около ея мальчишка вертится, этакъ годковъ двухъ:—Мама, говоритъ, это тятька? — Нѣтъ, говоритъ, какой тятя, нашъ тятя далеко. — Гляжу я на нихъ, и такъ-то у меня на сердцѣ весело, то-есть такъ-то мнѣ хорошо глядѣть на нихъ, словно я въ какой рай попалъ...

Развела баба самоваръ, старуха въ избу вошла, — оказалась это мать этой бабочки: пріѣхала она навѣстить свою дочку. Раздѣлась старуха:—Что жъ, говоритъ, ты окутавшись сидишь, раздѣвайся и ты.—Нечего дѣлать, раздѣлся и я.

Повернулась, это, старуха, вышла изъ избы вонъ, гляжу, водки полштофъ тащитъ, на столъ ставитъ.—Ну-ка, Авдотья,—на дочь-то говоритъ,—достань-ка закусить намъ.—Полѣзла Авдотья въ печь, достала свинины, нарѣзала, подаетъ; коровашки достала; — Ну-ка, говоритъ, добрый молодецъ, двигайся подъ передній уголъ.

Двинулся я подъ передній уголъ.

Налила старуха стаканъ вина, подноситъ мнѣ и потчуетъ.

— Что̀ же это, говорю, вы меня потчуете, кушайте сами.

— Нѣтъ, говорятъ, мы ужъ—съ дорогого гостя.

— Какой же я дорогой гость; я не знаю, за что̀ вы меня угощаете-то.

— Какъ, говорятъ, за что̀, а кто жъ насъ изъ бѣды-то выручилъ? Еслибы не твоя милость, то что̀ же бы намъ дѣлать-то?

— Вотъ, говорю, въ такомъ случаѣ кто̀ не выручитъ; всякій, небось, понимаетъ.

— Нѣтъ,—говоритъ Авдотья,—не всякій: кто понимаетъ-то, тому самому взять негдѣ, а у кого есть-то, тотъ не понимаетъ.

— Ну, говорю, что̀ объ этомъ толковать, дѣло небольшое...

— Спасибо, спасибо тебѣ,—говорятъ,—вѣкъ твоего благодѣянія не забудемъ,—а сами-то мнѣ и вина подносятъ, и хлѣба подкладываютъ, запотчивали совсѣмъ...

Выпилъ это я, закусилъ, еще выпилъ, и онѣ выпили со мной, и опять стали меня благодарить...

— Лучше, говорю, не благодарите, не за что, нечего зря и языка трепать—велика важность!

Замолчали, это, онѣ; потомъ Авдотья и говоритъ:

— Поблагодарить-то намъ тебя хочется, а еще хочется намъ тебя попросить. Не притѣсняй ты насъ, ради Христа, этимъ долгомъ-то, не тревожь насъ сейчасъ; объизъянились мы съ похоронами-то такъ, что ничего взять негдѣ. Вотъ ко Святой, Богъ дастъ, може, кормку останется, продадимъ, тогда отдадимъ, а не то—корова отелится, теленочка выпоимъ. А сейчасъ, хоть голову долой, взять негдѣ и потянуть нечего.

— Да что вы, говорю, развѣ я съ васъ требую? Да, по мнѣ, хоть сколько хошь держите, мнѣ пока деньги не нужны: я человѣкъ одинокій, хлѣбъ-соль у меня готовая, обутъ-одѣтъ я, чего же мнѣ еще хотѣть?

Услыхали эти слова мать съ дочкой. Потомъ старуха и говоритъ:—А нравится тебѣ твое житье?

— А что-жъ, говорю, есть и хуже моего живутъ.

— А мы думаемъ, не согласишься ли ты его перемѣнить. Ты человѣкъ одинокій, вотъ и дочка моя осиротѣла, —не пойдешь ли къ ней въ хозяева?

Я не то что сказать, что не ждалъ этого,—подумакивалъ и раньше насчетъ этого дѣла,—а все-таки эти слова на этотъ разъ какъ будто врасплохъ меня застали. Не знаю я, что сказать; сидѣлъ, сидѣлъ я, потомъ глянулъ я на Авдотью, и вдругъ такъ-то она мнѣ полюбилась, вотъ, кажись, явись тутъ какая хошь царевна-королевна, и то мнѣ бы она ни по чемъ была. Подумалъ, подумалъ я и говорю:

— Что-жъ, это дѣло подходящее, говорю, — вотъ я съ разумомъ соберусь...

— Собирайся, да давай-ка Богу молиться, да по рукамъ бить.

Отвезли они опять меня домой. Выходился, это, я на другой день и на третій, думаю — подходящее дѣло. И все выходитъ подходящее. Правда, дворъ не Богъ знаетъ какой: да одна бабочка-то, — она да ребенокъ, и все тутъ,—и бабочка-то такая славная, пріятная. Ну, думаю, была не была!—и далъ имъ слухъ, что согласенъ—въ домъ къ нимъ, выходитъ.

И стали тутъ хлопотать объ свадьбѣ, метрики выправлять. Выправили метрики, хотѣли-было въ мясоѣдъ вѣнчаться, да попъ не вѣнчаетъ такъ—проситъ красненькую лишнюю за вѣнчанье. Я, видишь ли, почти съ роду родовъ не говѣлъ,—ну онъ и кладетъ за это дороже. Посовѣтовались мы съ Авдотьей, жалко намъ стало деньги сорить, все равно, думаемъ, надъ нами не каплетъ, и порѣшили мы отложить свадьбу до весны. Я думаю, до той поры у Ивана Ивановича поживу, что-нибудь выживу, а потомъ-то и говѣть будетъ можно, а она зимней порой-то и одна по дому управится,—такъ и отложили дѣло до красной горки.

VIII.

— Ну, дождались мы красной горки — окрутились. Перебрался это я отъ Ивана-то Иваныча въ свой домъ. Съ женою, это, у насъ любовь и согласіе, въ дѣлахъ управка, какъ нельзя лучше; и спахалъ, и посѣялъ я, все самъ,—въ охотку-то и легко, и просто все казалось; въ покосъ и косы отбивать научился, и косить малость притрафился. Пришло жнитво, погода жаркая, рожь перезрѣла; стали жать—сыплется; надо спѣшить; а какъ никогда не жиналъ-то я,—у меня дѣло-то и не спорится. Я такъ и этакъ гнусь—ничего не выходитъ; одинъ разъ поторопился да руку серпомъ обрѣзалъ; стало совсѣмъ мнѣ нельзя и горсти набрать... Разстилается одна моя Авдотья по полосѣ, а я снопики таскаю да крестцы кладу; вижу—и трудно бабѣ, и на меня-то ей досадно, а ничего я не подѣлаю. Ну, кое-какъ сжали рожь, стали снопы возить; нужно въ копну класть ихъ; послала меня моя баба на копну, а я тутъ ничего не умѣю сдѣлать. Пошелъ, поглядѣлъ, какъ люди кладутъ, сталъ самъ такъ заводить; доклалъ до середины—она у меня какъ разъѣдется! Ржи сколько обмолотилось—страсть! Накинулась на меня моя баба, начала ругать. Сталъ я перекладывать копну, склалъ кое-какъ. Пошли мы овесъ косить—опять у меня не выходитъ дѣло: то осыпается, то путается. Подойдетъ ко мнѣ баба, возьметъ сама косу: „Ты вотъ такъ-то, ты вотъ такъ-то“,—учитъ, у ней и не осыпается, и кладется какъ слѣдуетъ; а я возьму косу—опять ничего не выходитъ, просто хоть что хошь,—взяла меня досада на себя: какой ты—думаешь—человѣкъ, когда ты вотъ какихъ дѣловъ не можешь сдѣлать! И такъ послѣ этого мнѣ скучно стало, что въ глаза людямъ не хочется глядѣть. Ну, кое-какъ скосили овесъ, нужно было за сѣвъ приниматься, стали сѣмена

готовить, подошли къ копнѣ-то, сунулись въ нее, а она срослась—мыканка-мыканкой, и не растащишь верхніе снопы-то; послѣ жнитва-то дождички прошли, ну, значитъ, копны-то и пролило. Какъ увидала это моя Авдотья, да какъ завоетъ въ голосъ: „какая я горькая, несчастная, приняла я къ себѣ человѣка, думала, онъ мнѣ будетъ кормильцемъ-работникомъ, а онъ, вмѣсто того, выходитъ моимъ разорителемъ; какъ мнѣ будетъ съ нимъ вѣкъ прожить“?

Она плачетъ, а я молчу; стою да думаю: ахъ, ты, золоторотецъ несчастный, куда ты сунулся съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ, что ты вздумалъ чужой вѣкъ заѣдать? И такое меня въ ту пору взяло унынiе, словно эти дѣла, какихъ я дѣлать-то не умѣлъ, заповѣдныя, будто ихъ и дѣлать нельзя было научиться.

Ну, опосля всего этого, гляжу, моя баба стала ужъ не та: нѣтъ отъ нея ни слова ласковаго, ни смѣшка, ходитъ—въ землю смотритъ, только мнѣ и утѣшенія дома—мальчишка. Полюбилъ, это, меня мальчишка пуще отца родного, такъ и виснетъ у меня на шеѣ, такъ и вьется вокругъ меня, какъ собачонка, а самъ все, это, „тятя да тятя, тятя миленькій, тятя хорошенькій“. Гляжу дальше: она и на ребенка-то стала коситься, когда онъ ластится-то ко мнѣ, да стала оттаскивать отъ меня.

Дошло дѣло до Михайлова дня. Въ Михайловъ день въ той деревнѣ, откуда моя Авдотья родомъ-то, праздникъ справляютъ; ну, мы раньше-то, когда еще въ ладу другъ съ дружкой жили, въ гости туда собирались, и теща, это,—когда у насъ была—звала: „пріѣзжайте, пріѣзжайте—смотрите“. Ладно, говорю, пріѣдемъ. А тутъ, какъ пришло время ѣхать, гляжу, собирается моя Авдотья одна, а мнѣ и помину не дѣлаетъ. Вотъ такъ разъ, думаю, распрогнѣвалась моя баба совсѣмъ, ну да что-жъ дѣлать. Запрегъ, это, я имъ лошадь, усадилъ мальчонка,—отправились они; остался домовничать.

Скучно мнѣ одному дома-то показалось. Убралъ я скотину, заперъ избушку и отправился въ Дубровку въ кабакъ. Прихожу, народу много, и николаевскіе кое-кто сидятъ; за однимъ столомъ, гляжу, Фильчакъ помѣщается,—парень такой у насъ есть тамъ, живетъ онъ въ Москвѣ въ разносчикахъ; лѣто тамъ торгуетъ всякой всячиной, а на зиму-то домой приходитъ. Съ молода-то онъ плохо жилъ, а года три хорошо у него дѣла пошли, рублей по четыреста въ лѣто-то добывалъ онъ и домой приносилъ, хозяйство поправилъ вотъ какъ! Ну, знамо, человѣкъ денежный, рисковой, сидитъ, это, пиво пьетъ, разговоры разгова-

ривается; увидалъ меня,—садись, говоритъ, со мной!—Съ какой стати? говорю.—Садись, познакомимся. Ну, сѣлъ я въ нему за столъ, онъ наливаетъ, это, мнѣ стаканъ пива,—пей, говоритъ. Я выпилъ.—Что-жъ ты, говоритъ, съ женой въ гости не поѣхалъ?—Такъ, говорю, не поѣхалъ.—Дуракъ, говоритъ, ты отъ такой бабы отбиваешься, она, говоритъ, золото, а не баба.—Ну, говорю, какое золото, тѣмъ же добромъ набита, какъ и всѣ люди.—Нѣтъ, говоритъ, ты ее раскусить не можешь; я, говоритъ, холостой былъ, съ ума по ней сходилъ.—Чего-жъ ты, говорю, замужъ ее не взялъ?—Сватался, говоритъ, да не пошла, бѣдностью моей побрезговала, согласилась лучше вотъ за Мишку, перваго-то своего мужа, пойти,—анъ не знаешь, гдѣ найдешь, а гдѣ потеряешь: отъ Мишкина-то добра ничего не осталось, а у насъ чего хочешь, того просишь. Выпилъ онъ тутъ еще и говоритъ: отчего это такого закона нѣтъ, чтобы можно было женами мѣняться; вотъ мы тогда помѣнялись бы съ тобой: ты бы мою взялъ, а я бы твою—согласился бы?—Не знаю, говорю, и думаю, все это шутитъ онъ, а онъ выпилъ еще да такъ разошелся, что въ слезы ударился.—Что мы за несчастные такіе, говоритъ, не можемъ такъ сдѣлать, какъ хочется намъ: полюбилъ я, говоритъ, твою жену, а владѣть ей, говоритъ, не могу.—Стало мнѣ еще тоскливѣе. Пришелъ я домой, легъ спать, лежалъ, лежалъ, ворочался, ворочался и что-то ни что передумалъ. Вспомнится, это, какъ Фильчакъ расхваливалъ Авдотью, словно лестно это мнѣ станетъ, а какъ представлю, какъ она со мной-то обходится, и обольется сердце кровью. И зачѣмъ я, думаю, только связался съ нею, зачѣмъ въ домъ пошелъ, промѣнялъ свою волюшку! И стало мнѣ думаться не знамо что. Думается, что она теперь ужъ не будетъ меня больше и любить, захочетъ, выгонитъ и изъ своего дома — имѣетъ она эту праву: я еще не приписанъ къ ней. И чую я, что бѣды въ этомъ большой нѣтъ,—пока голова на плечахъ, нигдѣ я не пропаду,—а ноетъ мое сердце; понялъ я, что очень ужъ я привязался къ бабѣ съ мальчикомъ. Чтобы утѣшить себя, представилъ я, что это временно баба разобидѣлась на меня, что она вовсе меня не разлюбила,—любила же она меня первое время. Вотъ, думаю, послѣ праздника пріѣдетъ, совсѣмъ другое повернетъ. Успокоилъ, это, я себя немножко и заснулъ.

IX.

— Прошелъ праздникъ, пріѣхала моя Авдотья; вышелъ я ее встрѣчать, думалъ я, она меня лаской встрѣтитъ, а она на меня почти не глядитъ. Снялъ я мальчишку съ саней, выпрягъ лошадь, поставилъ на мѣсто.—Весело ли погуляли? спрашиваю.—Весело,—отвѣчаетъ баба и какъ-то сквозь зубы.—Ты бы мнѣ хоть бражки кувшинчикъ привезла съ праздникомъ-то, говорю шутя.—Побоялась—замерзнетъ, говоритъ.—Ну, это дѣло другое, говорю,—а я тутъ московской бражки отвѣдалъ, и разсказалъ я, какъ Фильчакъ меня угощалъ и какъ ее все хвалилъ. Услыхала это моя баба да какъ расплачется. Я ее уговаривать, утѣшать:—что ты, говорю, что ты, а она мнѣ ни слова. Упало мое сердце и свѣтъ Божій не милъ сталъ.

Дальше-больше, дѣла наши не мѣняются. Баба все насупившись ходитъ, даже ребенокъ не такъ ластиться ко мнѣ сталъ. Потомъ по вечерамъ стала баба уходить куда-то. Разъ ушла, другой ушла,—на третій пошелъ я искать ее и нашелъ у Плотинкиныхъ. Есть такая тамъ семья у насъ, народъ обходительный, изба большая, всѣ, бывало, къ нимъ сходятся, кому дѣлать нечего. Вотъ и моя Авдотья стала туда ходить. Подошелъ я подъ окно,—сидитъ разнаго народу, этакъ, человѣкъ шесть, и моя баба тутъ, и Фильчакъ этотъ тамъ же сидитъ; треплются, должно быть,о чемъ-нибудь хохочутъ. Мою бабу и узнать нельзя, такая-то веселая, тоже смѣется, говоритъ что-то, глаза блестятъ. Позвалъ я ее домой. Пришла она въ свою избу, и опять съ неё все веселье свалилось, опять стала пасмурная такая да нелюдимая; заглодало мое сердце Богъ знаетъ какъ. Любитъ, думаю, и она этого Фильчака, а я-то ей противенъ сталъ. И какъ подумалъ я это, пуще прежняго задушила меня тоска;—что тутъ, думаю, дѣлать?

Думалъ, думалъ,—ничего не придумалъ, а тутъ еще одна непріятность вышла. Надумали наши мужики кусокъ земли дубровскому кабатчику сдать. Земля-то хорошая была, луговина невытрепанная, десятинъ 18,—онъ и наточилъ на нее зубы, подпоилъ кое-какихъ горлановъ и закинулъ крючокъ. Давалъ онъ по 2 рубля за десятину на девять лѣтъ, цѣна дешевая, только одно и лестно—за половину срока деньги впередъ отдавалъ; а все-таки не всѣмъ хотѣлось отдавать землю, и я тоже противъ былъ, потому зналъ, что подпоенный народъ на то клонитъ. Потомъ я слышалъ, когда у Ивана Иваныча жилъ, какъ онъ говорилъ, что цѣльная земля, для нашего мѣста,

только дорогого и стоитъ,—потому съ нея можно и хорошіе урожаи получить, и мягкой землѣ за это время передышку дать. Ну и я кричу на сходу: — не нужно землю сдавать. Эти горланы-то, какъ услыхали да какъ напустятся на меня:—Какую ты имѣешь праву голосъ подавать? Ты, говоритъ, не нашъ, и знать мы тебя не хотимъ. Староста, гони его со схода!—Пришлось мнѣ замолчать. И какъ понялъ я, что это за мое дѣло, и еще пуще разобрала меня тоска, думаю,—никуда я не гожусь, ни въ пиръ, ни въ міръ, ни въ добрые люди.

Подошла зимняя Микола; съ утра опять сходка собралась, стали сговариваться опять лѣсу, какъ лѣтось, деревней, у Ивана Ивановича покупать. Прихожу я къ своей Авдотьѣ.—Что жъ, говорю, баба, возьмемъ лѣсу полоску? Зима-то дѣлать нечего, перевозимъ, а весной перепилимъ, крупные-то въ городъ на рынокъ свеземъ, а сучками сами протопимся—все польза будетъ.—Она мнѣ на это ни слова. „Ну, ни слова—ни слова, думаю, —шутъ съ тобой, надоѣло мнѣ тебѣ кланяться-то; ты отъ меня рыло воротишь, и я тобой не обязанъ очень“,—плюнулъ да и пошелъ вонъ изъ избы.

Послѣ обѣда, гляжу, это, теща пріѣзжаетъ. Сперва-то я подумалъ, не помиритъ ли она насъ, а какъ вошла она въ избу-то, поглядѣлъ я на нее—ну, вижу, не тѣмъ пахнетъ: жена на меня волкомъ глядитъ, а теща—совсѣмъ медвѣдемъ.

Попили чайку, это; пообогрѣлась теща; я наготовилъ корму скотинѣ къ вечеру; вхожу въ избу, а онѣ сидятъ, это, подъ среднимъ окномъ и разговариваютъ. Скинулъ шапку, это, я, сѣлъ по конецъ стола, сижу, молчу. Поглядѣла на меня теща и говоритъ:

— Что жъ, милый человѣкъ, коли хозяйствовать нужно, такъ путемъ; ежели въ полѣ работать Богъ дару не далъ, надо на сторонѣ гдѣ промышлять: другіе мужики въ Москву на зиму-то ходятъ.

— Я, говорю, въ Москву не пойду.

— Отчего не пойдешь, что жъ тебѣ запретъ положенъ?

— Отъ бѣлыхъ грибовъ, говорю, не пойду. Я, говорю, затѣмъ въ домъ вышелъ, чтобы крестьяниномъ быть, въ деревнѣ жить. А если бы мнѣ по Москвамъ-то шляться, мнѣ не зачѣмъ было бъ и въ домъ выходить.

— Въ домѣ жить, безъ помоги на сторонѣ,—трудно справиться: надо приработать на сторонѣ.

— И я говорю, что надо. Вотъ говорилъ ей, что нужно дровъ полоску взять, а она и ухомъ не пошевелила, развѣ такъ

можно? Что̀ я, говорю, хуже васъ, что̀-ли? Дешевле сто̀ю? Если я работать въ полѣ какъ люди не могу, такъ я не научился еще; вотъ погодите, выучусь, такъ и васъ за поясъ заткну.

Схватилъ я шапку, хлопнулъ дверью, да вонъ изъ избы. Пошелъ я въ Дубровку, въ кабакъ, посидѣлъ тамъ, поглядѣлъ на народъ; обошлось мое сердце, воротился я опять домой.

Вхожу я въ избу, гляжу: а у нихъ опять самоваръ на столѣ, селедки, баранки, и гость у нихъ сидитъ, Фильчакъ этотъ. Такъ меня и взорвало: этотъ зачѣмъ, думаю, какое ему дѣло тутъ?

Подошелъ я къ столу, „чай да сахаръ", говорю.

— Просимъ милости, — говорятъ мнѣ, а сами, это, словно не свои стали и на меня не глядятъ, и другъ дружкѣ въ глаза взглянуть не могутъ.

Оборотился это я къ Фильчаку и говорю:

— А ты, Филиппъ Степанычъ, въ родню, что-ли, къ намъ затесался или еще какъ—что пришелъ къ намъ?

— Я,—говоритъ Фильчакъ,—компанію раздѣлить пришелъ отъ нечего дѣлать.

А теща, это, забѣга̀етъ:

— А мы его, говоритъ, позвали посовѣтоваться, какъ намъ быть, дѣло-то у насъ неладное, хозяйство-то у насъ не какъ слѣдуетъ идетъ.

— Плохому хозяйству, говорю, я причина, ко мнѣ нужно и на совѣтъ ходить, а не къ вамъ; меня учить надо, что̀ дѣлать, а не васъ... А это, говорю, тутъ шмоны затѣваются; я, говорю, этого не допущу, не хочу страмить свою голову. Эй, ты, говорю, хорошій человѣкъ, убирайся-ка вонъ, не дожидаясь худого слова! А то мнѣ придется тебѣ дверь показать!

Засуетился, это, Фильчакъ, бѣсомъ сталъ извиваться. „Я, молъ, да ничего, молъ", а я и слушать его не сталъ. Выпроводилъ, это, я его, подошелъ къ тещѣ.—А ты, говорю, вѣдьма старая, до сѣдыхъ волосъ дожила, а совѣсти не нажила; если ты будешь къ намъ ѣздить да бабу съ ума-разума сбивать, я и на порогъ тебя не пущу!—Заревѣли мои бабы, теща домой стала собираться, я говорю:—Съ Богомъ! Хорошо бы было, еслибъ ты и совсѣмъ къ намъ не пріѣзжала!—Проводила домой тещу, входитъ въ избу Авдотья.—Я, говоритъ, съ тобой ночевать не останусь, ты меня убьешь тутъ.—Что̀ жъ, говорю я, дрался я съ тобой когда?—А эва, говоритъ, ты сегодня какую прыть оказалъ, на тебя и глядѣть-то страшно. — А коли страшно —

уходи, не держу.—Стала она, это, мальчонка справлять—одѣваетъ, обуваетъ его, я ей ни слова. Поворочалась, поворочалась, однако, никуда не пошла, раздѣла опять мальчишку, сама раздѣлась, постелила на суденкѣ постель и легла спать.

Опять я долго не спалъ. Лежу я и думаю: „Разсчитывалъ я, когда въ домъ входилъ, что кончатся мои заботы да печали, анъ вышло, что только я ихъ, женившись, узналъ. Такъ что же мнѣ, думаю, мучиться, себя терзать, бабу мытарить? Да пусть она какъ хочетъ живетъ, коли я ей въ тягость, пошли ей Богъ счастья, а я-то опять какъ-нибудь пробьюсь — одна голова не бѣдна, а коли и бѣдна, такъ одна. Мало-что мнѣ хотѣлось бы съ ними пожить всласть, да коли они этого не хотятъ. И только я это подумалъ, такъ такъ-то мнѣ хорошо и легко сдѣлалось, спала съ моего сердца вся печаль-кручина, будто переродился я. Сейчасъ же я заснулъ; проснулся утромъ, и опять таково-то легко и весело. Умылся я, позавтракалъ и подправился въ путь. Помолился, это, Богу и говорю:—Ну, простите меня Христа ради, не поминайте лихомъ! Не обезсудьте, коли чѣмъ какое горе причинилъ.

Поцѣловалъ я мальчишку. Глядитъ на меня Авдотья и спрашиваетъ:

— Ты куда?

— Пойду куда-нибудь себѣ хлѣба искать да тебѣ не мѣшать; живи, говорю, какъ тебѣ угодно, твори во всемъ свою волю.

Сѣла, это, Авдотья на лавку и ни слова не сказала. Надѣлъ я шапку и вышелъ изъ избы.

И пошелъ я опять къ Ивану Иванычу. Прихожу—говорю: —Иванъ Иванычъ, возьмите меня къ себѣ. — Съ радостью, говоритъ.—Давайте, говорю, въ годъ рядиться.—Въ годъ такъ въ годъ!—И заложился я къ нему въ годъ; договорились совсѣмъ.—Ну, говорю, теперь дайте мнѣ три рубля на спрыски и отпустите меня на три дня, погуляю я, отведу душу, а потомъ приду служить вамъ вѣрой и правдой.

Получилъ я отъ Ивана Иваныча три рубля и отправился прямо въ Чередовое. Тамъ, думаю, село большое, трактировъ нѣсколько, и водка лучше, и простора больше. Зашагалъ прямо туда.

Прихожу, думаю: „товарища бы какого подыскать—одному гулять не весело“. Вхожу въ одинъ трактиръ, тамъ кабатчикъ дубровскій сидитъ, и съ нимъ та дѣвка, къ которой меня, было, сперва-на-перво сватали въ домъ. Отецъ-то, вишь, у ней по-

меръ, и она ужъ открыто стала съ кабатчикомъ гулять, и вотъ теперь съ нимъ сюда пріѣхала. Сидятъ это, вино пьютъ, рыбу жареную ѣдятъ. Подошелъ я къ нимъ.—Миръ, говорю, честной компаніи!—а они:—Просимъ милости!—и сажаютъ меня съ собою за столъ. Я не поломался—сѣлъ; они мнѣ вина—я выпилъ. Выпили бутылку, я бутылку заказываю,—пошло у насъ гулянье—разлюли-малина.

Подвыпили мы, разошелся это я, разсказалъ про свою судьбу, и стала мнѣ эта дѣвка-то пенять: отчего я ею тогда побрезговалъ.—Что жъ у насъ хуже, что-ли, было бы, говоритъ, отъ меня бы ты не ушелъ.—Я съ пьяна-то покаялся,—говорю:—И самъ жалѣю.—Услыхала это она, и сейчасъ стала меня въ работники къ себѣ нанимать.—А то какъ-ни-какъ, а безъ мужика трудно обойтись,—говоритъ, и столько наобѣщала мнѣ, что—что хошь. Отвернулся это кабатчикъ отъ стола, дѣвка повернулась ко мнѣ и ну цѣловать меня—въ задатокъ.

Не знаю, сколько мы тутъ гуляли, только вдругъ, гляжу, шасть въ трактиръ моя Авдотья. Подходитъ и говоритъ: Поѣдемъ домой! — Я, говорю, не поѣду, потому въ два мѣста въ работники нанялся и въ обоихъ мѣстахъ задатки получилъ.—Она не отстаетъ—поѣдемъ да поѣдемъ,—и чуть не силкомъ стащила въ сани и повезла домой.

Отъ Чередового до насъ-то верстъ 12 будетъ. Ну, пока ѣхали мы, дорогой я заснулъ, до двора-то проспался маленько, хмель-то вышелъ изъ головы. Пріѣхали мы домой, вошли въ избу, развязалась баба, гляжу — а у ней все лицо опухло, глаза какъ фонарями налились: видно, плакала шибко. — Ты объ чемъ это? спрашиваю. А она какъ бросится на шею да какъ зареветъ: —Прости ты меня Христа ради, говоритъ, и сама не знаю, чего мнѣ втемяшилось такъ обходиться-то съ тобой. Сперва-то случилось это на работѣ, а потомъ въ Михайловъ день матушка меня разбила; ей бы, говоритъ, уговаривать меня, а она меня только растравляетъ: ты съ нимъ пропадешь, да онъ тебя замытаритъ; а тутъ этотъ Фильчакъ подвернулся, сбивалъ меня въ Москву итить: продай, говоритъ, все да пойдемъ въ Москву, я тебя тамъ торговать обучу. Насилу-то я, говоритъ, одумалась.

— Ну, говорю, слава Богу, что одумалась!—А самъ подъ собою мѣста не чую отъ радости.

Ну, помирились мы, и опять пошло у насъ все по хорошему. Въ люди я никуда не пошелъ, а собрался, купилъ коекакого струментишку сапожнаго и сталъ дома работать; кому

валенки подошьешь, кому починочку сдѣлаешь, глядишь—копѣечка и копѣечка.

X.

— Ну, прошло время такъ до святокъ. На святкахъ случилось приговоръ намъ какой-то составлять, стали подписывать приговоръ и записываютъ мою Авдотью, а я-то все еще ни при чемъ; глядимъ это мы съ бабой. Мужики которые, староста—всѣ думаемъ—дѣло не ладно. Староста и говоритъ:—Надо тебѣ хлопотать къ намъ приписываться; а то что же это—какъ будто не порядки.

— Примите, говорю, меня къ себѣ въ общество, все равно я теперь вашъ, припишите по закону.

— Давай, говоритъ, четвертной билетъ—припишемъ.

Посовѣтовался я съ Авдотьей, она говоритъ: — Четвертной такъ четвертной, попроси только не сразу деньги брать; сразу-то намъ не собраться.

Сталъ просить я міръ, согласились въ три срока деньги взять. —Ступай, говоритъ, въ волостную, спроси, съ чего дѣла начинать.

Пошелъ я въ волостную; тамъ говорятъ — нужно увольнительный приговоръ изъ той деревни, откуда родомъ я. Поѣхалъ я въ Яковлевку, туда, гдѣ съ роду не былъ. Пріѣзжаю: такъ и такъ, говорю, я числюсь вашъ, отпустите меня изъ своего общества, я въ другое припишусь.

Согнали сходку. Стали совѣтоваться; кто кричитъ: „пусть идетъ съ Богомъ“, а кто кричитъ: „пусть за отпускъ заплатитъ“; галдѣли, галдѣли, порѣшили съ меня десять рублей взять и стали приговоръ составлять.

Составили приговоръ, поѣхали мы со старостой въ чередовскую волостную, Яковлевка-то туда принадлежитъ. Пріѣзжаемъ, писарь поглядѣлъ, поглядѣлъ на приговоръ,— „мы, говоритъ, его сейчасъ утвердить не можемъ“.

— Почему?—спрашиваемъ.

— А потому, намъ надо пріемный приговоръ представить, тогда мы увидимъ и подпишемъ.

— А пріемнаго не даютъ, говорю, оттого, что отпускного нѣтъ.

— Ну,—говоритъ,—это не можетъ быть; ты попроси хорошенько.

Нечего дѣлать, поѣхалъ я опять къ себѣ въ волость, под-

хожу къ писарю, говорю, въ чемъ дѣло; осердился на меня писарекъ. — Какъ же мы, говоритъ, тебѣ пріемный приговоръ выдадимъ, когда нѣтъ отпускного? Мы на это не имѣемъ праву!

Что тутъ будешь дѣлать-то? Пошелъ я въ трактиръ, сижу этакъ пригорюнившись, подходитъ ко мнѣ сторожъ конторскій: —А я, говоритъ, научу тебя, какъ горю пособить.

— Научи, говорю, сдѣлай милость!

— Дай, говоритъ, писарю-то пятерочку, дѣло-то складнѣй пойдетъ.

Еще пятерочку! Гдѣ ихъ набрать? Однако, дѣлать нечего, поѣхалъ домой, посовѣтовался съ Авдотьей. Продали мы овецъ вчетверомъ, выручили 12 рублей, положилъ ихъ въ карманъ, поѣхалъ опять въ волостную.

Выждалъ случая сунуть писарю пятерку, и пошло у насъ дѣло по другому. Сейчасъ мнѣ и приговоръ подписали, и печать приложили. „Погоняй, говоритъ, теперь въ Чередовое, да подходи-то такъ же, какъ къ намъ подходилъ, дѣло-то скорѣй пойдетъ“.

Поѣхалъ я въ Чередовое, далъ и тому писарю троечку; обѣщалъ и этотъ не задержать.

Прошло недѣли двѣ. Бумаги мои къ земскому пошли. Вдругъ вызываетъ меня къ себѣ земскій. Пріѣзжаю я.—Ты, спрашиваетъ, такой-то и такой-то? — Я говорю:—такъ точно. — Приговора, говоритъ, объ тебѣ утвердить нельзя: у тебя отецъ съ матерью живы; добудь, говоритъ, отъ нихъ подписку, что они тебя отпускаютъ, тогда можно будетъ ихъ на утвержденіе подать.

Услыхалъ я это, у меня, индо, въ горлѣ перехватило: думалъ, кончается моя канитель, а она тутъ только начинается— что будешь дѣлать?

Пріѣзжаю домой, опять совѣтуюсь съ Авдотьей, какъ тутъ быть — бросить дѣло или продолжать? Посовѣтовались: бросать, думаемъ, жалко, много въ него положено, а дальше продолжать —очень ужъ трудно-то, вѣдь еще не мало станетъ. Подумали, подумали, рѣшили продолжать.

Пошелъ я къ старостѣ. Росъ у насъ жеребенокъ-третьякъ, заложилъ я его ему за 20 рублей, получилъ денежки, и поѣхалъ въ Москву у отца съ матерью отпуска просить, въ чужую деревню приписываться.

Пріѣхалъ, разыскалъ ихъ: все они на Хитровомъ живутъ, хуже прежняго оборвались, обрюзгли, постарѣли, просто глядѣть жалко на нихъ. Повелъ я ихъ въ трактиръ, спросилъ чаю,

водки, закуски принесъ цѣлый ворохъ:—ѣшьте, говорю, отводите животы. Выпили они, поѣли, чередъ-чередомъ, говорю я имъ, зачѣмъ пріѣхалъ. Какъ устроился, разсказалъ. Они ничего мнѣ на это, посидѣли, посидѣли, потомъ, вижу, мать—толкъ отца въ бокъ:—Пойдемъ-ка, говоритъ, я тебѣ словечко скажу.

Пошли они въ другую залу, пошептались тамъ, приходятъ:—Мы, говоритъ, отпустить тебя согласны, только ты дай намъ сейчасъ за это четвертной билетъ.—Гдѣ-жъ, говорю, я вамъ такія деньги возьму?—Начали мы торговаться. Торговались, торговались, и сошлись на томъ, что я долженъ былъ поить три дня, то-есть, чего они захочутъ, за то платить. Опричь этого они ни на что не соглашались.

Ну, спросили они сейчасъ себѣ еще водки, по пирогу заказали, потомъ пива напились, какъ стельки, и все требуютъ еще.

Я ужъ тутъ не безъ грѣха шепнулъ половому, чтобы онъ не все, что̀ требуютъ-то, ставилъ, а подавалъ, что̀ похуже да подешевле. Налакались они до того, что заснули тутъ за столомъ, сволокъ я ихъ на фатеру, выспались они—опять въ трактиръ. И такъ три дня они пьянствовали безпробудно. На четвертый день пошли мы росписку писать—опять незакрутка: въ участкѣ нельзя, у нотаріуса очень дорого,—пришлось въ волостное правленіе отправиться; по нашей дорогѣ, верстахъ въ четырехъ отъ заставы, есть Сесвятское село, ну тутъ волость, — туда и прибыли мы; пришли, да не въ урочный день—гражданскій праздникъ какой-то, опять пришлось взятку давать. Ну, написали это росписку—все какъ слѣдуетъ, отдали мнѣ ее на руки, вышелъ я съ своими стариками изъ конторы, они меня это опять:

— Ну, веди насъ, угости въ послѣдній, а тамъ и Богъ съ тобой.

А у меня и денегъ всего семь гривенъ осталось, съ ними мнѣ до двора итти, подводу нанять не на что будетъ, придется пѣшкомъ полтораста верстъ моздылять. — Нѣтъ, говорю, теперь погуляйте на свои, а мнѣ васъ угощать не на что.

— Какъ такъ? — говорятъ.

— Да такъ, очень просто.

— Ну, такъ давай на извозчика намъ.

— Ну, говорю, господа-то невелики, и пѣшкомъ пройдетесь. Побарствовали, говорю, четыре дня, да будетъ. — Грѣхъ, говорятъ, тебѣ будетъ, — ты-то вотъ по-людскому устраиваешься, а мы-то вотъ при чемъ остаемся,—дай хоть что-нибудь намъ.—Жалко мнѣ ихъ стало, далъ я имъ двугривенный, оставилъ себѣ полтинникъ; сталъ прощаться съ ними — какъ заплачутъ они! Не

вытерпѣлъ я, и меня слеза прошибла; выкинулъ еще имъ пятиалтынный. Какъ-нибудь, думаю, и съ остатными доберусь, — и отправился домой.

XI.

Прихожу я домой, являюсь къ земскому. Поглядѣлъ онъ на нее. — Ну, это, говоритъ, ладно, теперь принеси ты мнѣ отъ яковлевскаго общества подписку, въ которой бы они обязались, въ случаѣ чего, сами отвѣчать за твоихъ родителей; они тамъ могутъ въ больницу попасть, или еще какихъ убытковъ надѣлать, а за это вѣдь съ яковлевскихъ взыскивать будутъ.—Какъ услыхалъ я это, такъ меня даже одурь взяла. Сталъ я такъ и этакъ просить: нельзя ли какъ безъ этого? говоритъ: никакъ нельзя. — Ну, думаю, шабашъ, все пропало: да развѣ яковлевскіе согласятся такую обязанность на себя взять! И правда,— пріѣхалъ я къ нимъ, только заикнулся, какъ набросятся всѣ на меня: ишь ты, говоритъ, какихъ дураковъ нашелъ! И сейчасъ же всѣ со сходки долой.

Взяло меня горе, ударился я въ кабакъ, сталъ виномъ душу отводить — ничего не помогаетъ, все гложетъ сердце. Два дня пропьянствовалъ,—вижу, надо выхаживаться. Сталъ я выхаживаться, и послалъ мнѣ Богъ такого человѣка, который надоумилъ меня такъ сдѣлать: а ты, говоритъ, вотъ что̀ сдѣлай: выдай яковлевскому обществу росписку отъ себя, что ты всѣ убытки, которые въ случаѣ твои старики надѣлаютъ, на себя принимаешь. Поѣхалъ я въ Яковлевку, объявилъ это, поставилъ еще вина ведерку, — согласились; переписали приговоръ, отвезъ я его земскому, и пошли мои бумаги куда слѣдуетъ. Полгода не прошло послѣ этого, вызываютъ меня въ волостную и говорятъ, что я совсѣмъ теперь утвердился. Утвердился я въ обществѣ, утвердился и съ бабой: Авдотья еще мнѣ сына родила; только одна бѣда: дома-то разстроилось. Пришло время долги платить: староста требуетъ деньги, что̀ подъ жеребенка взяли; кабатчикъ велитъ одежу выкупать, что̀ заложена была; еще одинъ мужикъ долгъ теребитъ—подъ землю у него занимали. Вѣдь больше полсотни рублей долговъ-то накашляли, ну, а платить-то нечѣмъ. Хотѣлъ-было опять къ Ивану Иванычу заложиться,—не беретъ, осердился, что тогда его обманулъ. Закружились у насъ съ Авдотьей головы, хоть ложись да помирай. И что̀ же вѣдь, какое дѣло, видно не даромъ пословица говорится: „голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ“. Подошелъ случай—и тутъ выкарабкались.

Старая-то лошадь у насъ кобыла была, ну, и вынесла она намъ жеребчика, да такого хорошаго, что рѣдко такіе и въ деревнѣ бываютъ. Гдѣ она его добыла—кто ее знаетъ, у насъ, словно, и жеребцовъ такихъ не было. Ну, ожеребилась, это, кабыла-то, пустили мы ее на усадьбу выгуливаться. И ѣдетъ мимо нашего сарая купецъ Рябцовъ, вотъ Савельевка-то чья. Увидалъ жеребенка—Чей такой?—спрашиваетъ.—Алексѣевъ.—Позвать сюда Алексѣя.—Я подхожу.—Чей такой заводъ у тебя въ лошади?—А кто его, говорю, знаетъ,—въ стадѣ должно погулялась.—Не можетъ быть, у этого всѣ стати заводскія. Продай, говоритъ, вмѣстѣ съ маткой.—Побѣжалъ я къ женѣ:—какъ быть, говорю, Авдотья? — Что-жъ, говоритъ, давай-продадимъ, мы теперь на одномъ жеребенкѣ управимся—четыре года ужъ ему.—Ворочаюсь я къ купцу.—Извольте, говорю, продадимъ—50 цѣлковыхъ имъ цѣна.—Возьми 35.—Слово за слово—40 рублей онъ намъ и отвалилъ. Ну, получили мы денежки, кому должны 20—отдали 15, кому 15, тому 10, и осталось за нами всѣхъ долговъ меньше 20 рублей.

Ну, лѣто-то мы проработали въ полѣ, осенью да зимой я опять сапожничествомъ перебивался, а пришелъ постъ—встрѣтился я въ дубровскомъ кабакѣ съ Качадыковымъ; онъ тогда взялся у кабатчика три избы срубить, ну, а народу-то мало:—Наймись, говоритъ, ко мнѣ въ плотники.—Я думаю—онъ шутитъ: куда, говорю, мнѣ въ плотники наниматься, пожалуй вмѣсто дерева топоромъ-то по носу заѣдешь.—Не заѣдешь, говоритъ, навыкнешь—какъ разъ куда слѣдуетъ попадать будешь.—Подумалъ, подумалъ: постомъ и сапожнымъ ремесломъ можно бы было хорошо заработать, когда бы деньги были на товаръ, а такъ какъ денегъ-то у меня не было, — пойду, думаю, въ плотники: хоть небольшое жалованье полтора рубля въ недѣлю, ну, да дома хлѣба не ѣмъ,—и нанялся.

— И ничего, работаешь? — спросилъ я его.

— Сперва-то плохо дѣло шло, а потомъ понавыкъ, и ничего—пошло. До Пасхи проработалъ, а потомъ онъ пристаетъ: до Петрова дня возьмись; положилъ за все время двадцать-два цѣлковыхъ, вотъ я и работаю.

XII.

Алексѣй замолчалъ. Пока онъ разсказывалъ, мы прошли все разстояніе отъ волости до нашей деревни, и вскорѣ намъ нужно было расходиться.

Я не знаю, что̀ думалъ Алексѣй, но во мнѣ поднялось множество самыхъ разнообразныхъ думъ и чувствъ. Разбираясь въ нихъ, я долго ничего не могъ сказать Алексѣю.

— Однако, ты молодецъ!—нашелся я наконецъ.—Какъ это у тебя хватило духу все это вытерпѣть? У другого бы, пожалуй, руки опустились.

— Богъ помогъ,—молвилъ Алексѣй.—Я не одинъ разъ подумывалъ,—особливо когда это водочки выпьешь,—наплюнуть на все да махнуть рукой. Чего мнѣ въ этотъ хомутъ-то лѣзть: проживу какъ-нибудь, все легче будетъ самому-то по себѣ,—что тутъ забота да тягота, и впереди вѣдь сладости мало.

Ну, а какъ это представишь, что все-таки ты будешь человѣкомъ жить на ряду съ людьми, будутъ у тебя думка на каждый день да забота; ты позаботишься объ нихъ, они объ тебѣ, ну и какъ-то лучше кажется. Думаешь, что въ такой жизни и объ другихъ понимать можешь, и все такое.

— Такъ что̀ же ты задумываешь на будущее время?

— Да вотъ, Богъ дастъ, до Петрова дня проработаю, послѣдніе долги уплачу, потомъ думаю своимъ хозяйствомъ заняться получше. Очень у насъ все плохо идетъ-то, никакого толку въ дѣлѣ нѣтъ.

— Отчего же это, по твоему, такъ выходитъ?

— Да какъ сказать-то? Мало ли отчего. Иные не понимаютъ, отчего что̀ лучше можетъ быть, а иные и понять могли бы, да нужда задавила. Некогда чего получше-то выдумать да испытать, а бери пока что̀ можно получить. Какъ вотъ деньги иной занимаетъ: три шкуры съ него за это содрать могутъ, а все лѣзетъ въ лапы, потому ничего не подѣлаешь.

— А у васъ плохо земля родитъ?

— Надо бы хуже, да нельзя. Рожь приходитъ сама другая, травы почти совсѣмъ нѣтъ, только ломаешь задаромъ. Я, вонъ, у Ивана Ивановича жилъ, тамъ рожь-то сама осьмнадцать приходила, а земля-то такая же, все одно. Попробую, поведу дѣло и я по-другому, а тамъ увидимъ, что̀ Богъ дастъ.

— Ну, желаю тебѣ счастливаго успѣха!—сказалъ я, когда мы подошли къ перекрестку и намъ пришлось расходиться.—Авось

теперь такихъ трудностей не встрѣтится, какія пришлось переживать.

— Какъ придется!—проговорилъ Алексѣй.—Наше дѣло—ко всему надо быть готовымъ; иной разъ не спишь, да выспишь. Такія дѣла бываютъ.

И онъ тихо засмѣялся, поправилъ картузъ на головѣ и, попрощавшись со мной, пошелъ по своей дорогѣ, а я пошелъ по своей.

Послѣ этого я Алексѣя больше не видалъ.

С. Семеновъ.

Е. М. БАКУНИНА

Біографическій очеркъ.

„Воспоминанія“ Е. М. Бакуниной, напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы“ (мартъ, апрѣль, май, іюнь 1898 г.), оканчиваются 1860-мъ годомъ, когда она оставила Крестовоздвиженскую общину. Дальнѣйшая ея дѣятельность принадлежитъ почти всецѣло новоторжскому уѣзду, тверской губ., гдѣ она поселилась по выходѣ изъ общины въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи, сельцѣ Козицынѣ.

Вся жизнь ея, посвященная великому подвигу любви и служенія страждущему человѣчеству, представляетъ столько прекраснаго и поучительнаго, что имя и дѣятельность ея на этомъ поприщѣ должны быть сохранены для потомства. Я зналъ ее болѣе тридцати лѣтъ, и, какъ врачъ, жившій въ то время въ Торжкѣ, принималъ нѣкоторое участіе въ ея дѣятельности, а потому и считаю своимъ долгомъ сообщить мои воспоминанія о ней.

Въ первый разъ я видѣлъ покойную въ началѣ севастопольской осады, будучи еще студентомъ послѣдняго курса медицинской академіи. Въ клиникѣ покойнаго профессора Неммерта была назначена довольно рѣдкая въ то время операція: резекція большеберцовой кости. Передъ самымъ началомъ операціи въ аудиторію вошли три дамы. Одна изъ нихъ была покойная великая княгиня Елена Павловна, вторая — ея статсъ-дама, а третья — пожилая женщина съ золотымъ крестомъ на голубой лентѣ [1]). Эта послѣдняя заинтересовала всѣхъ, бывшихъ въ аудиторіи, студен-

[1]) Въ воспоминаніяхъ Е. М. сказано, что при этой операціи было 7 сестеръ общины. Можетъ быть, ей измѣнила память, но я твердо помню, что при этой операціи изъ сестеръ была только одна она.

товъ. „Что это за женщина, и что значитъ этотъ золотой крестъ на ней"? невольно спрашивалъ себя каждый изъ насъ.

По окончаніи операціи, за которой она слѣдила съ большимъ вниманіемъ, она сдѣлала профессору нѣсколько вопросовъ по-французски относительно исхода операціи и дальнѣйшаго ухода за больнымъ. По удаленіи ихъ изъ аудиторіи, мы окружили профессора и узнали отъ него, что это—госпожа Бакунина, сестра только-что учрежденной по мысли великой княгини Елены Павловны первой общины сестеръ милосердія, Крестовоздвиженской. Мы почти ничего не знали тогда объ учрежденіи общины и ея назначеніи. Профессоръ сообщилъ намъ, что община учреждается съ цѣлью ухода за ранеными и больными, какъ на перевязочныхъ пунктахъ, такъ и въ военныхъ госпиталяхъ, и что госпожа Бакунина отправляется въ Севастополь. Это было для насъ какое-то новое откровеніе. Въ первый разъ русскія женщины вступали на поприще общественнаго служенія въ качествѣ помощницъ врачей, въ качествѣ сестеръ-утѣшительницъ страждущаго воина, на поприще, на которомъ онѣ пріобрѣли потомъ такое высокое уваженіе.

Вскорѣ Екатерина Михайловна уѣхала въ Севастополь, гдѣ она была постоянной сотрудницей и помощницей Николая Ивановича Пирогова на всѣхъ перевязочныхъ пунктахъ, какъ въ печальной памяти домѣ Гущина [1]), а потомъ въ домѣ „Морского клуба". Теперь, когда женскій уходъ за больными и ранеными сдѣлался общимъ явленіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, когда низшій медицинскій персоналъ, вслѣдствіе лучшаго, какъ общаго, такъ и спеціальнаго образованія, а въ силу этого и возвышенія нравственнаго уровня, стоитъ много выше тогдашнихъ собратій своихъ, трудно даже представить себѣ, какое громадное значеніе имѣла дѣятельность г-жи Бакуниной и другихъ сестеръ общины. Она сама работала тамъ съ неустанной энергіей, помогала Пирогову при операціяхъ, ухаживала за ранеными и больными, слѣдила за отправкой транспортовъ больныхъ изъ Севастополя и т. д.

Послѣ сдачи Севастополя она, какъ извѣстно уже изъ ея воспоминаній, неоднократно сопровождала транспортъ больныхъ и затѣмъ завѣдывала военновременными госпиталями въ Крыму и екатеринославской губерніи. Работа эта была не легкая. Если

[1]) Перевязочный пунктъ въ домѣ Гущина памятенъ всѣмъ участникамъ севастопольской кампаніи по большому числу печальныхъ исходовъ происходившихъ въ немъ операцій, что зависѣло, большею частью, отъ недостатковъ въ организаціи медицинскаго дѣла.

и въ послѣднюю войну, несмотря на энергическія мѣры военнаго министерства и широкую постановку дѣла частной помощи, военновременные госпитали далеко не удовлетворяли всѣмъ требованіямъ военнаго времени, то въ крымскую войну дѣло это стояло еще хуже. Не говоря о разнаго рода злоупотребленіяхъ и равнодушіи мелкихъ интендантскихъ чиновниковъ, довольно вспомнить тогдашнее состояніе путей сообщенія, почти полное отсутствіе транспортскихъ средствъ, слабое развитіе частной помощи (пожертвованія-то шли, да не доходили, куда нужно), чтобы понять всю трудность задачи, лежавшей на врачахъ и ближайшихъ ихъ помощницахъ, сестрахъ милосердія.

Не мало трудныхъ дней пережила, по ея разсказамъ, Екатерина Михайловна въ это время, въ заботахъ объ успокоеніи больныхъ. Не забудьте, что въ то время перевязочныя средства не достигали такого развитія, какъ теперь. Употреблялась только одна корпія, а ее то и не было въ достаточномъ количествѣ, да и приготовлять ее было не изъ чего. А транспорты съ больными и ранеными все приходили съ театра войны. Конечно, энергія ея преодолѣвала всѣ трудности, но чего это ей стоило —трудно и разсказать [1]).

По окончаніи кампаніи, она уѣхала въ Петербургъ, гдѣ была назначена сестрой-настоятельницей Крестовоздвиженской общины. И тутъ съ той же энергіей она трудилась надъ организаціей общины вмѣстѣ съ покойнымъ докторомъ Тарасовымъ. Но тутъ же она испытала первыя огорченія и столкновенія, заставившія впослѣдствіи оставить общину. Дѣло въ томъ, что въ то время въ военномъ министерствѣ возникла мысль о заведеніи сестеръ милосердія въ военныхъ госпиталяхъ. Казалось, что эта мысль не должна была встрѣтить противодѣйствія. Примѣръ только кончавшейся кампаніи разительно доказалъ всю пользу учрежденія сестеръ при госпиталяхъ. Но на дѣлѣ вышло не такъ: рутинерство, а можетъ быть и боязнь нѣкоторыхъ не совсѣмъ пріятныхъ разоблаченій тайнъ госпитальнаго хозяйства произвели то, что противъ введенія въ госпиталяхъ сестеръ возстало большинство главныхъ врачей госпиталей. Одинъ изъ главныхъ вра-

[1]) Но, зато, какъ это цѣнилось! Во время послѣдней войны я встрѣтилъ въ Карсѣ завѣдующаго тамошними госпиталями, полковника Залѣсскаго, одного стараго казачьяго офицера, который лечился отъ ранъ во время крымской кампаніи въ одномъ изъ екатеринославскихъ госпиталей. Когда я случайно вспомнилъ имя Екатерины Михайловны и сказалъ, что она на Кавказѣ, старикъ вскочилъ, съ умиленіемъ перекрестился и высказалъ намѣреніе ѣхать поклониться ей, когда утихнутъ военныя дѣйствія.

чей большого провинціальнаго госпиталя въ своемъ докладѣ по этому поводу пустился въ разныя инсинуаціи, даже политическаго характера. Знаю это какъ изъ разсказа самой Екатерины Михайловны, такъ и изъ письма къ ней Пирогова. Вслѣдствіе этого противодѣйствія, сестры были введены на первое время въ видѣ опыта только въ Виленскомъ госпиталѣ. Въ другихъ госпиталяхъ онѣ введены гораздо позднѣе. Это была первая непріятность, поразившая не только Екатерину Михайловну, но и покойнаго Пирогова. Да и въ самой общинѣ дѣло шло не вполнѣ такъ, какъ бы хотѣлось ей. Когда прошло восторженное напряженіе энергіи и самоотверженія, какое обыкновенно вызывается войною, на сцену вышли обычныя житейскія дрязги, борьба самолюбій, результатомъ чего явились разнаго рода коллизіи, недоразумѣнія, глубоко огорчавшія покойную. И не всѣ сестры общины соотвѣтствовали, по своему развитію и нравственнымъ качествамъ, тому высокому идеалу, который жилъ въ душѣ покойной. Н. И. Пироговъ, къ которому она обращалась во всѣхъ своихъ горяхъ, совѣтовалъ ей избрать изъ среды сестеръ трехъ-четырехъ, довоспитать и возвысить ихъ до своего идеала.

И дѣйствительно, это удалось ей до нѣкоторой степени. Нашлось нѣсколько сестеръ, которыя своимъ чуткимъ сердцемъ поняли всю высоту призванія сестры милосердія, прониклись духомъ Екатерины Михайловны и впослѣдствіи въ своей дѣятельности всегда стояли на высотѣ его.

Екатерина Михайловна оставила общину въ 1860 году и поселилась въ Козицынѣ [1]). Здѣсь начинается новый періодъ дѣятельности покойной, продолжавшійся болѣе 30-ти лѣтъ, до самой ея смерти, и, быть можетъ, самый плодотворный по своимъ результатамъ.

I.

Сельцо Козицыно составляло наслѣдственное имѣніе рода Бакунинныхъ и перешло къ покойной вмѣстѣ съ сестрами ея Авдотьей и Прасковьей Михайловнами отъ одной изъ тетокъ, сестеръ ихъ отца. Оно находится верстахъ въ 25-ти къ сѣверу отъ Торжка и стоитъ на берегу довольно живописной рѣчки Повѣди, въ мѣстности очень населенной. Поселившись здѣсь, Екатерина Михайловна сейчасъ же рѣшила устроить на соб-

[1]) Хотя я ни разу не слыхалъ отъ нея подробнаго разсказа о причинахъ, заставившихъ ее оставить общину, но, думается мнѣ, что я не далекъ отъ истины, объясняя вышеуказанными обстоятельствами выходъ ея оттуда.

ственныя средства небольшую лечебницу для больныхъ крестьянъ, для чего поставила деревянное зданіе, невдалекѣ отъ стараго барскаго дома, и открыла въ немъ сначала амбулаторный пріемъ больныхъ, по преимуществу съ наружными и хирургическими болѣзнями, въ распознаваніи и леченіи которыхъ она пріобрѣла большой практическій навыкъ подъ руководствомъ Н. И. Пирогова и врача общины, доктора Тарасова. При своемъ свѣтломъ умѣ и обширномъ разностороннемъ образованіи, она безъ большого труда пополнила свои практическія свѣдѣнія чтеніемъ современныхъ руководствъ какъ по этимъ болѣзнямъ, такъ и по внутреннимъ. Но, строгая къ себѣ, она не довѣряла вполнѣ своимъ познаніямъ и во всѣхъ болѣе серьезныхъ случаяхъ обращалась къ совѣтамъ врачей, которыхъ приглашала на собственный счетъ изъ города, такъ какъ имѣть постояннаго врача, по недостатку средствъ, она не могла. Вскорѣ она устроила въ лечебницѣ нѣсколько постоянныхъ кроватей, также на собственныя средства, и очень порядочную аптеку въ собственномъ домѣ. Приготовленіемъ лекарствъ занималась сама. Чтобы понять все значеніе этого дѣла, какъ для той мѣстности, гдѣ жила Бакунина, такъ и вообще для развитія врачебной помощи народу въ уѣздѣ, нужно перенестись мысленно въ то, хотя и не особенно отдаленное, но глухое время, когда не только не было никакой медицинской помощи въ деревняхъ, но никто даже объ этомъ не думалъ. Въ городѣ былъ, правда, уѣздный врачъ, на котораго между прочимъ возлагалась обязанность лечить крестьянъ въ эпидемическихъ болѣзняхъ; но что онъ могъ сдѣлать? Получитъ онъ изъ полиціи свѣдѣнія, большею частію запоздалыя, о появленіи гдѣ-нибудь въ уѣздѣ какой-либо эпидемической болѣзни, поѣдетъ на мѣсто, осмотритъ больныхъ, дѣйствительно констатируетъ существованіе болѣзни, составитъ объ этомъ протоколъ,—непремѣнно протоколъ, безъ него тогда ни шагу нельзя было сдѣлать,—выпишетъ лекарство—и тѣмъ и кончалось дѣло. Лекарства, большею частью, крестьянами не покупались, потому что имъ и купить-то было не на что. Да и кому же было слѣдить за ихъ употребленіемъ, когда не было въ распоряженіи врача хотя бы мало-мальски свѣдущихъ фельдшеровъ. О принятіи какихъ-либо санитарныхъ мѣръ для ограниченія болѣзни и распространеніи ея на сосѣднія мѣстности и думать было нечего. Въ отдѣльныхъ случаяхъ заболѣванія крестьяне обращались къ знахарямъ и знахаркамъ, къ священникамъ и сосѣднимъ помѣщикамъ. Тѣ, конечно, давали больнымъ изъ скудныхъ своихъ запасовъ, большею частью наугадъ, что попадется подъ

руку. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ не было никакой помощи. Къ тому же даже между многими образованными людьми того времени существовалъ предразсудокъ, что крестьянамъ, по простотѣ ихъ жизни, никакое леченіе не нужно [1]); что крестьяне по своей неразвитости боятся врачей и больницъ и не пойдутъ туда. Крестьяне дѣйствительно не шли ни къ врачамъ, ни въ городскую больницу. Первые по недостатку средствъ никакой помощи подать имъ не могли, а послѣдняя, плохо устроенная и бѣдная необходимыми для леченія средствами, служила главнымъ образомъ мѣстомъ успокоенія для престарѣлыхъ и увѣчныхъ воиновъ. Вотъ въ это-то глухое время Екатерина Михайловна устраиваетъ первую сельскую лечебницу для народа. Лечебница эта впослѣдствіи, по открытіи земства, послужила до нѣкоторой степени прототипомъ устроенныхъ земствомъ сельскихъ лечебницъ въ первые годы его существованія. Въ этой-то небольшой лечебницѣ Екатерина Михайловна работала каждый день. Съ утра и до ночи принимала она больныхъ, давала имъ совѣты и лекарства, перевязывала раны и язвы, нерѣдко накладывала повязки на переломы и т. д. Трудныхъ больныхъ, не только въ своей деревнѣ, но и въ окрестныхъ, она посѣщала на домахъ, давала имъ лекарства и нерѣдко пищу, необходимую больнымъ по роду ихъ болѣзни. Услышитъ о появленіи въ окрестности гдѣ-либо эпидеміи, она тотчасъ же идетъ туда, даетъ нужные совѣты не только по отношенію леченія, но и по отношенію предупрежденія развитія эпидеміи. Все это она дѣлала съ неутомимой энергіей и съ какимъ-то особенно величественнымъ спокойствіемъ, невольно покорявшимъ ей всѣхъ окружающихъ.

Какъ я сказалъ выше, въ серьезныхъ случаяхъ она приглашала врача изъ города. Дни пріѣзда врача,—что случалось разъ, два въ мѣсяцъ,—были для нея истиннымъ праздникомъ. Она оповѣщала объ этомъ по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, созывала сама болѣе серьезныхъ больныхъ, подробно и со знаніемъ дѣла разсказывала врачу исторіи больныхъ и записывала его совѣты. Бывали дни, когда къ пріѣзду врача собиралось около ста и болѣе больныхъ. Въ первый же годъ существованія лечебницы въ нее обращалось за совѣтомъ болѣе 2.000 больныхъ, а че-

[1]) Предразсудокъ этотъ отразился даже отчасти и въ законодательствѣ: такъ, въ уставѣ медицинской полиціи долго сохранялась статья, въ которой было высказано мнѣніе, что по простотѣ образа жизни крестьянъ для леченія ихъ можно довольствоваться простыми средствами изъ дико-ростущихъ растеній, собираемыхъ фельдшерами и даже *лѣсною стражей*.

резъ годъ число это удвоилось и стало возрастать съ каждымъ годомъ. Вскорѣ она стала получать ежегодно по 200 руб. изъ Кабинета покойной императрицы Маріи Александровны. Это дало ей возможность расширить больничку, и уже во второй годъ существованія въ ней пользовалось 105 больныхъ на койкахъ въ годъ. Конечно, это немного, сравнительно съ тѣмъ, что̀ теперь представляетъ земская медицина, но важенъ былъ починъ, первый шагъ, фактически доказавшій, что крестьянинъ не боится ни больницы, ни врачебной помощи, если только онъ встрѣчаетъ не формальное только, но сердечное и разумное отношеніе къ себѣ. Не подумайте, что покойная привлекала къ себѣ больныхъ какими-нибудь любезностями или заискиваніями, которыя вскорѣ послѣ эмансипаціи появились въ отношеніяхъ нѣкоторой части нашей интеллигенціи къ *мужичку*, какъ тогда говорилось. Она скорѣе была строга къ больнымъ и требовала точнаго исполненія своихъ совѣтовъ; но это не отталкивало, а скорѣе привлекало къ ней больныхъ [1]). Дѣятельность покойной имѣла кромѣ того нравственное и воспитательное значеніе. При разспросахъ о болѣзни она часто входила во всѣ подробности домашней обстановки и образа жизни больныхъ, обращала вниманіе на ихъ понятія относительно домашней гигіены, обыкновенно *смутныя*, на ихъ привычки, часто грубыя и прямо вредныя въ гигіеническомъ отношеніи. Особенно она обращала вниманіе на уходъ за дѣтьми и на гигіену дѣтскаго возраста. Не мало, конечно, предразсудковъ пало подъ вліяніемъ настоящій и добрыхъ совѣтовъ покойной.

II.

Въ 1867 году новоторжское земство приступило къ организаціи земско-медицинской помощи населенію. Это трудное дѣло, конечно, развивалось медленно, постепенно. Но съ первыхъ шаговъ земства въ этомъ направленіи, Екатерина Михайловна приняла самое дѣятельное, самое горячее участіе. Лечебница ея вошла въ общеземскую медицинскую сѣть, и земское собраніе ассигновало на содержаніе ея извѣстную, очень умѣренную, впрочемъ, сумму, соотвѣтственно съ другими лечебницами. Назначенъ былъ фельдшеръ, и посѣщенія врача сдѣлались регулярными по три раза въ мѣсяцъ. Тогда большинство земствъ держалось, какъ

[1]) Вообще крестьяне любятъ и цѣнятъ дѣловое отношеніе къ нимъ; оттого-то всѣ попытки сблизиться съ нимъ на почвѣ сантиментальности, вычитанной изъ книжекъ, обыкновенно не удавались.

извѣстно, такъ-называемой разъѣздной системы, состоявшей въ томъ, что въ уѣздѣ устраивалось нѣсколько фельдшерскихъ пунктовъ, посѣщавшихся въ опредѣленные дни врачами. Такую же систему приняло въ началѣ и новоторжское земство. При этой системѣ врачеваніе больныхъ лежало главнымъ образомъ на фельдшерѣ.

Разумѣется, фельдшера въ трудныхъ, особенно хроническихъ случаяхъ совѣтовали больнымъ пріѣзжать въ дни посѣщенія врача для консультаціи. Да и сами больные въ эти дни являлись въ лечебницы въ количествѣ гораздо бо̀льшемъ, чѣмъ въ обыкновенные дни. Эта крайне неудовлетворительная система впослѣдствіи была оставлена во всѣхъ земствахъ, перешедшихъ къ такъ-называемой стаціонарной системѣ, съ постояннымъ пребываніемъ врачей на извѣстныхъ пунктахъ и съ больницами, устроенными въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.

Такъ было и въ Козицынѣ, съ тою только разницею, что здѣсь уходъ за больными и все веденіе больничнаго строя осталось все-таки главнымъ образомъ въ рукахъ Екатерины Михайловны. Затѣмъ земство въ одномъ изъ своихъ собраній предложило ей принять на себя обязанность попечительницы всѣхъ земскихъ лечебницъ, на что она согласилась съ удовольствіемъ. И, конечно, въ исполненіе этой обязанности она внесла ту же энергію, тотъ же свѣтлый, практическій взглядъ, съ какимъ она дѣлала и всякое дѣло. Въ извѣстные дни она объѣзжала лечебницы, вникала во всѣ подробности веденія дѣла, какъ въ отношеніи ухода за больными, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи. Давала совѣты, исправляла по возможности недостатки, или, въ болѣе серьезныхъ случаяхъ, указывала на нихъ земской управѣ.

Помощь, данная ей земствомъ, дала возможность увеличить размѣръ козицынской лечебницы, такъ что въ ней въ то время постоянно лечилось на койкахъ отъ десяти до двѣнадцати больныхъ. Изъ нихъ двѣ трети содержались на счетъ Екатерины Михайловны. Это было самое цвѣтущее время ея лечебницы. Постоянныя кровати были всегда заняты больными. Амбулаторный пріемъ въ обыкновенные дни доходилъ среднимъ числомъ до двадцати человѣкъ, а въ дни посѣщенія врача—до ста и болѣе. И она все съ тою же неутомимой энергіей и съ тою же любовью ухаживала за больными. Чѣмъ было больше дѣла, тѣмъ она дѣлалась энергичнѣе и довольнѣе. Нужно было видѣть ея дѣятельность особенно въ дни посѣщенія врача, когда весь обширный дворъ ея старинной усадьбы наполнялся телѣгами съ боль-

ными,—чтобы понять и вполнѣ оцѣнить всю преданность ея своему дѣлу и всю ея энергію.

Въ 1868 году свирѣпствовала въ уѣздѣ эпидемія возвратной горячки. При тогдашнемъ еще слабомъ развитіи медицинской помощи болѣзнь распространилась почти повсемѣстно. Въ рѣдкомъ селеніи не было нѣсколькихъ домовъ съ больными, пораженными этой тяжелой и продолжительной заразной болѣзнью. Врачи, которыхъ тогда было только два на весь уѣздъ, постоянно разъѣзжали по деревнямъ, гдѣ были больные.

Екатерина Михайловна и здѣсь приняла самое горячее участіе. Дѣятельность ея въ это время была по истинѣ изумительна. Утромъ она осматривала свою лечебницу, часовъ въ 12—1 садилась въ простую крестьянскую телѣгу и объѣзжала пораженныя эпидеміей селенія своего участка. И это почти изо дня въ день, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, несмотря ни на какую погоду, ни на какую дорогу. Я, бывшій свидѣтелемъ ея дѣятельности въ это время, по истинѣ поражался этимъ самоотверженіемъ, этой неутомимой энергіей и этой помощью. И откуда только брались у нея силы? Ей въ это время было уже около 60 лѣтъ! По истинѣ великая душа жила въ этой женщинѣ!

Такъ шло дѣло до 1877 года, когда началась наша послѣдняя война съ турками. Весной 1877 года она получила отъ великой княгини Екатерины Михаиловны приглашеніе принять завѣдываніе однимъ изъ отрядовъ сестеръ Краснаго-Креста, отправляемыхъ на Кавказъ. Какъ ни любила она свою козицынскую лечебницу, ее невольно тянуло туда, на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ ея энергія и дѣятельность могли найти болѣе широкое и обширное поле. Жалко ей было оставлять взлелѣянное ею гнѣздо, и долго она колебалась; но, наконецъ, не выдержала—и въ маѣ 1877 года пріѣхала въ Петербургъ. Покойная великая княгиня Екатерина Михаиловна приняла ее чрезвычайно сердечно и представила Евгеніи Максиміліановнѣ принцессѣ Ольденбургской, принимавшей тогда самое дѣятельное участіе въ организаціи и отправкѣ на театръ военныхъ дѣйствій санитарныхъ отрядовъ. Принцесса Ольденбургская скоро поняла и оцѣнила Екатерину Михайловну, и черезъ нѣсколько времени она съ отрядомъ сестеръ милосердія отправилась на Кавказъ въ качествѣ начальницы отряда.

Составъ сестеръ былъ превосходный. Почти всѣ онѣ принадлежали къ тѣмъ интеллигентнымъ семьямъ, въ которыхъ

общественные и гуманитарные интересы занимали первое мѣсто. Всѣ онѣ были искренно преданы своему дѣлу и соотвѣтствовали тому высокому идеалу сестры, какой жилъ въ сердцѣ Екатерины Михайловны. И всѣ онѣ впослѣдствіи оказались на высотѣ призванія.

По прибытіи на Кавказъ, Екатеринѣ Михайловнѣ было поручено завѣдываніе военновременными госпиталями, расположенными отъ Тифлиса до Александрополя, гдѣ отрядомъ сестеръ завѣдывала княгиня Хилкова. Центръ дѣятельности Екатерины Михайловны былъ въ Делижанѣ, небольшомъ городкѣ, расположенномъ въ прелестной мѣстности, въ ущельѣ того же имени, на высотѣ 5.000 футовъ. Тамъ, въ концѣ 1877 года, помѣщалось два военныхъ госпиталя. Кромѣ того, было еще четыре или пять госпиталей, расположенныхъ въ селеніи по Александропольскому шоссе. Дѣятельность сестеръ была въ эту войну еще обширнѣе, чѣмъ въ севастопольскую. Кромѣ помощи врачамъ въ уходѣ за больными и при перевязкахъ раненыхъ, на нихъ лежала обязанность раздачи больнымъ вина, чаю, сахару и вообще всѣхъ пособій, которыми щедро снабжалъ госпиталя Красный-Крестъ, такъ что онѣ были заняты съ ранняго утра до поздней ночи.

Вскорѣ бо́льшая половина отряда сестеръ Екатерины Михайловны заразилась сыпнымъ тифомъ, свирѣпствовавшимъ тогда въ нашихъ войскахъ. И ей, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, пришлось еще ухаживать за больными сестрами, и, быть можетъ, благодаря ея энергичному и дѣятельному уходу, всѣ онѣ остались въ живыхъ.

Въ январѣ 1878 года, мнѣ пришлось отправиться въ качествѣ врача въ дѣйствующій въ Арменіи корпусъ. Вечеромъ 7-го января, я пріѣхалъ на саняхъ въ Делижанъ и на одной изъ городскихъ улицъ встрѣтилъ Екатерину Михайловну, возвращавшуюся съ вечерняго осмотра госпиталей. Она показалась мнѣ въ первую минуту утомленною, какъ бы сгорбившеюся, ей было уже за 65 лѣтъ. Но это оказалось только первымъ впечатлѣніемъ. Когда Екатерина Михайловна взошла въ квартиру и сняла шубу, она представилась мнѣ той же бодрой, той же энергичной женщиной, какою я зналъ ее всегда. Всѣ сестры жили въ одномъ домѣ съ нею. Однѣ лежали въ тифѣ, другія только-что поправлялись отъ него, и только три, кажется, были здоровы. Она сейчасъ же повела меня къ больнымъ сестрамъ и заставила ихъ осмотрѣть почти всѣхъ. Всѣ онѣ были мои старыя знакомыя по петербургской жизни, и, конечно, наше свиданіе

было самое задушевное. Всѣ онѣ, хотя и молодыя, были утомлены трудами и заботами своего служенія, но на всѣхъ лежала печать сознанія своего призванія. Екатерина Михайловна какъ бы влила въ нихъ свою душу и съумѣла возвысить ихъ до идеала, какой жилъ въ ней самой. До глубокой ночи мы проговорили объ обстоятельствахъ того времени, о положеніи госпиталей и объ общихъ петербургскихъ знакомыхъ. Несмотря на это, Екатерина Михайловна, уже въ семь часовъ утра, была на ногахъ, бодрая, свѣжая, осмотрѣла всѣхъ сестеръ и отправилась въ госпиталь.

Въ Делижанѣ она оставалась до конца августа 1878 года, когда были закрыты военновременные госпиталя.

О дѣятельности ея въ это время мы имѣемъ краснорѣчивый документъ, который и воспроизводимъ здѣсь въ цѣлости. Это—адресъ врачей, служившихъ съ нею въ госпиталяхъ, гдѣ дѣйствовалъ отрядъ ея:

„Многоуважаемая сестра Екатерина Михайловна! Окончивъ высокую свою миссію, вы оставляете насъ. Мы собрались сегодня съ цѣлью почтить васъ и ввѣренный вашему ближайшему попеченію отрядъ сестеръ Краснаго Креста прощальнымъ обѣдомъ и торжественнымъ засвидѣтельствованіемъ вамъ нашей благодарности и признательности за понесенные вами труды. Суммируя все то, что въ теченіе минувшей войны сдѣлано вами для раненыхъ и больныхъ кавказскихъ героевъ, пользовавшихся въ Караклисскихъ, Чурусманскихъ, Каравансарайскихъ, Акстафинскихъ, а въ особенности въ Делижанскихъ госпиталяхъ, мы затрудняемся, всѣми нами уважаемая сестра, опредѣлить—какому изъ вашихъ душевныхъ качествъ отдать предпочтеніе. Во всѣхъ отношеніяхъ вы явили себя достойною имени сестры русскаго воина. Ни жаръ лѣта, ни осеннія ненастья, ни зимній холодъ, ни позднее ночное время, ни утомленіе физическихъ силъ вашихъ, ни дальность разстояній того мѣста, куда васъ звала нужда больныхъ, ничто и никогда не удерживало васъ отъ исполненія своего долга. Отъ начала до конца вы оставались вѣрны программѣ вашей, служить во всемъ примѣромъ младшимъ вашимъ подругамъ, сотрудницамъ. И этотъ примѣръ не остался безслѣднымъ! Но еще въ бо́льшемъ блескѣ достоинства ваши, какъ женщины патріотки и какъ сестры милосердія, выказались въ разгаръ тифозной эпидеміи. Тутъ уже вашему самоотверженію не было предѣла. Вокругъ васъ, подъ неотразимыми ударами тяжкой болѣзни, падали врачи, сестры, фельдшера и госпитальная при-

слуга, и притомъ въ такое время, когда госпиталя переполнены были больными.

„Но въ утѣшеніе болѣвшимъ Богъ хранилъ васъ. Вы поспѣшали вездѣ, являлись тамъ, гдѣ присутствіе ваше было необходимѣе и неотложнѣе. Для высокой идеи, для благородной цѣли вы признавали всякій трудъ себѣ по силамъ, всякую работу на пользу больныхъ, даже самую черную, вы облагораживали личнымъ вашимъ участіемъ. Зато, достойнѣйшая сестра, вспомните, съ какой неподдѣльной радостью, съ какой любовью встрѣчали вездѣ васъ раненые и больные. Зато посмотрите, съ какимъ теперь нескрываемымъ сердечнымъ сожалѣніемъ разстаются они съ вами. Зато же и мы, врачи, для коихъ вы были благонадежнѣйшей и опытнѣйшей помощницей, питаемъ и навсегда сохранимъ къ вамъ чувство безпредѣльной благодарности, искреннѣйшаго почтенія и самаго глубочайшаго уваженія. Имя ваше такъ же останется неизгладимымъ въ памяти нашей, какъ не изгладится оно изъ памяти больныхъ, коимъ вы такъ всецѣло приносили себя въ жертву".

Затѣмъ слѣдуютъ подписи врачей.

III.

По окончаніи кампаніи, Бакунина снова возвратилась въ Козицыно къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Въ 1880 году новоторжское земство рѣшило перейти отъ разъѣздной системы медицинской помощи къ стаціонарной, и предположено устроить, кромѣ больницы въ городѣ, двѣ больницы въ уѣздѣ, съ постояннымъ пребываніемъ въ нихъ врачей, сохраняя, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и фельдшерскіе пункты.

Екатерина Михайловна тотчасъ предложила земству обратить свою маленькую лечебницу въ участковую больницу, для чего предоставляла безплатно землю подъ всѣ больничныя постройки и подъ огородъ. Это была завѣтная мечта ея — рано или поздно ея маленькая лечебница обратится въ настоящую больницу,—мечта, которой она жила много лѣтъ. Но къ ея великому огорченію, земство не нашло возможнымъ по своимъ соображеніямъ принять ея предложеніе. Дѣло въ томъ, что, при раздѣленіи уѣзда на медицинскіе участки, Козицыно оказалось не въ центрѣ своего участка и вдобавокъ отдѣлено отъ большей части его двумя довольно значительными притоками Тверцы—Осугой и Повѣдью, и недѣли на двѣ во время весенняго разлива ста-

новится недоступнымъ для значительной части населенія того участка. Вслѣдствіе этого и по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ, рѣшено было устроить больницу въ 12-ти верстахъ отъ Козицына въ с. Талыжнѣ, оставивъ въ Козицынѣ по прежнему только фельдшерскій пунктъ.

Въ то время среди публики и отчасти между гласными начали высказываться сомнѣнія въ пользѣ земской медицины, слышались голоса, требовавшіе значительнаго съуженія ея задачи. Это была временная реакція противъ первоначальной дѣятельности земства, вызванная отчасти тѣмъ, что разъѣздная система, съ пребываніемъ всѣхъ земскихъ врачей въ городѣ, не вполнѣ удовлетворяла потребностямъ населенія, а отчасти, и даже въ бо́льшей степени, разнаго рода экономическими соображеніями. Большинство гласныхъ, конечно, осталось вѣрно разъ начертанному пути и не только не увлекалось стремленіемъ къ ограниченію земско-медицинской помощи населенію, но даже въ слѣдующемъ году расширило размѣръ ея. Но все-таки всѣ эти толки и предположенія болѣзненно отозвались въ душѣ покойной. У нея появилось какъ бы сомнѣніе въ пользѣ ея многолѣтней дѣятельности, въ ея рѣчахъ обнаружилась извѣстная доля недовольства и раздраженія, чего прежде никогда не замѣчалось въ ней. Въ этихъ тяжелыхъ сомнѣніяхъ она обратилась за совѣтомъ и участіемъ къ своему старому другу, Н. И. Пирогову. Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ ея письма къ нему, написаннаго вскорѣ послѣ празднованія 50-лѣтняго юбилея его.

„Оставивъ съ сокрушеннымъ сердцемъ Крестовоздвиженскую общину, я въ душѣ обѣщала оставаться все такой же сестрой милосердія, и, пріѣхавъ въ деревню, я выстроила простую избу и стала принимать больныхъ, особливо хирургическихъ. Но слишкомъ скоро мои собственныя средства оказались недостаточными, хоть бѣги изъ деревни. На мое счастіе, земство наше стало учреждать медицинскую часть въ уѣздѣ, и вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, какъ я имѣю отъ земства фельдшера, лекарство, содержаніе больныхъ и визитъ доктора три раза въ мѣсяцъ. Теперь у насъ начинаютъ говорить, что все это не идетъ въ пользу, что можно все и уничтожить. Я никакъ не могу согласиться, чтобы мое дѣло не приносило пользы. Очень грустно, если я ошибаюсь, но не могу не думать, что я все-таки за эти 20 лѣтъ принесла пользу многимъ не десяткамъ, а, надѣюсь, сотнямъ людей. Чистота, лучшая пища, много помогаютъ нашимъ во всемъ нуждающимся крестьянамъ. Круглымъ счетомъ въ годъ перебываетъ три тысячи человѣкъ, а съ вторичными посѣщеніями

—болѣе пяти тысячъ. Въ лечебницѣ въ годъ до ста человѣкъ. Еслибъ я была такъ счастлива, чтобы вы отвѣтили мнѣ нѣсколько словъ, то вы сдѣлаете мнѣ истинное одолженіе, написавъ мнѣ ваше всѣми такъ уважаемое мнѣніе о деревенскомъ санитарномъ дѣлѣ. Очень мучительно думать, что во все это время я никому не сдѣлала добра. Въ послѣднюю кампанію я была на Кавказѣ. Сестры моего отдѣленія были распредѣлены по дорогѣ отъ Тифлиса къ Александрополю въ пяти мѣстахъ, и я ихъ объѣзжала, старалась, сколько было силъ, быть полезной и могу одно сказать, что сестры были мною довольны, больные любили, доктора были внимательны.

„Вернувшись, я опять занималась въ деревнѣ. Нынѣшній— очень тяжелый годъ, изъ Петербурга всякій день привозятъ тифозныхъ.

„Простите, многоуважаемый Николай Ивановичъ, что я очень расписалась; но мнѣ такъ живо представилось то незабвенное время, когда я съ вами говорила и писала вамъ, высказывая искренно и довѣрчиво всѣ свои мысли“.

Вскорѣ она имѣла утѣшеніе получить отвѣтъ Пирогова, разрѣшившій ея сомнѣнія. Письмо это приводимъ цѣликомъ:

„Благодарю отъ души, многоуважаемая Екатерина Михайловна, за добрую память обо мнѣ, вашемъ старинномъ почитателѣ. Признаюсь, не понимаю, какъ вы, при вашей опытности и разсудительности, можете еще до сихъ поръ сомнѣваться въ пользѣ, доставленной вами страждущимъ людямъ. Что эта польза относится къ общему итогу зла и добра, какъ капля къ морю, это, конечно, также несомнѣнно, но не уменьшаетъ все-таки значенія и той доли, или дольки, или долечки пользы, которая осуществилась и была вами осуществлена на дѣлѣ. Санитарное дѣло въ нашихъ деревняхъ не достигаетъ того значенія, которое оно должно имѣть, не только по недостатку матеріальныхъ средствъ, но и потому, что наше простонародье не вѣритъ и не хочетъ вѣрить въ дѣйствительность приносимой санитарными мѣрами пользы. Распространять и укрѣплять въ народѣ кредитъ въ дѣйствительность этой пользы можно только наглядно, опытомъ, на дѣлѣ. Поэтому какъ бы ни было мало и незначительно санитарное учрежденіе, если оно находится въ хорошихъ рукахъ, можетъ всегда и много содѣйствовать къ распространенію и укрѣпленію въ народѣ убѣжденій въ приносимой санитарнымъ дѣломъ пользѣ. Достигнувъ этого, можете надѣяться и достиженія прогресса. Ни одной минуты вамъ не слѣдуетъ сомнѣ-

ваться въ значеніи исполняемыхъ вами обязанностей. Взвѣшивать же и мѣрить степень приносимой пользы и добра—дѣло не ваше собственное. Главное, не терять увѣренности въ значеніи дѣла, которому посвящена была жизнь, или долгое время жизни. А какъ мы всѣ своими дѣлами успѣли доказать всю важность дѣла, которымъ занимаемся искренно, съ любовью и самоотверженіемъ,—это дѣло не наше. Мы должны только знать и помнить, что взгляды и мнѣнія судей не могутъ быть у всѣхъ одни и тѣ же: Du choc des opinions jaillit la vérité! Будьте здоровы и продолжайте вашу полезную дѣятельность. Это—мнѣніе вамъ всегда преданнаго и уважающаго васъ—Н. Пирогова" [1]).

Хотя и послѣ устройства талыженской больницы, и другой еще въ уѣздѣ, Екатерина Михайловна осталась попечительницей земскихъ больницъ, но во всякомъ случаѣ непринятіе земствомъ ея предложенія относительно устройства медицинскаго пункта въ Козицынѣ нанесло ей большое огорченіе. Ей казалось, что она дѣлается какъ бы лишнею, что она перечислена въ запасъ, какъ сама она выражалась. Понятно, что открытіе больницы въ такомъ близкомъ отъ Козицына разстояніи естественно повліяло на число больныхъ въ немъ, какъ постоянныхъ, такъ и амбулаторныхъ. Затѣмъ, за смертью покойной императрицы, выдаваемое ей изъ Кабинета Ея Величества пособіе сократилось на половину; ея же собственныя средства уменьшились настолько, что въ послѣдніе годы она не могла даже содержать пары лошадей для разъѣзда по больницамъ. Затѣмъ послѣдовала смерть двухъ сестеръ, съ которыми покойная жила неразлучно. Все это, вмѣстѣ съ годами и неизбѣжными болѣзнями, начало мало-по-малу подтачивать могучій прежде организмъ Екатерины Михайловны. Она по прежнему занималась своею лечебницею и изрѣдка навѣщала сосѣднюю талыженскую больницу, но уже не ѣздила въ городъ на земскія собранія, не принимала участія въ организованномъ при управѣ врачебномъ совѣтѣ и въ общемъ ходѣ земско-медицинскихъ дѣлъ въ уѣздѣ, и, наконецъ, тихо скончалась въ своемъ Козицынѣ, имѣя далеко за 80 лѣтъ отъ роду, въ августѣ 1894 года.

Изъ этого послѣдняго періода ея дѣятельности считаю нужнымъ разсказать одинъ фактъ, доказывающій, какое огромное нравственное вліяніе имѣла покойная.

Въ одномъ изъ засѣданій земскаго собранія, кажется—сессіи

---

[1]) Письмо это хранится въ семейномъ архивѣ Бакунинныхъ въ с. Прямухинѣ

1883 года, по предложенію одного изъ гласныхъ новоторжскаго земства, руководясь отчасти примѣрами другихъ земствъ и экономическими соображеніями, несмотря на протестъ части гласныхъ, сдѣлано постановленіе о взиманіи съ больныхъ, приходящихъ въ земскія больницы, по пяти копѣекъ за посѣщеніе и за лекарство. На другой день въ собраніи было получено письмо отъ Екатерины Михайловны, при которомъ она приложила 25 рублей, съ просьбою употребить эти деньги на уплату за амбулаторныхъ больныхъ. Письмо это произвело такой эффектъ, что тотъ же самый гласный, по предложенію котораго было принято наканунѣ означенное постановленіе, всталъ и умолялъ собраніе отмѣнить вчерашнее постановленіе, что̀, конечно, и было сдѣлано.

Покойная по происхожденію своему принадлежала къ высшему кругу; отецъ ея былъ петербургскимъ губернаторомъ въ 1812 году, а потомъ сенаторомъ. Мать ея была племянница Кутузова-Смоленскаго. Екатерина Михайловна получила въ молодости прекрасное и разностороннее образованіе, которое она постоянно восполняла чтеніемъ какъ литературнымъ, такъ и научнымъ. И въ дѣлѣ, и въ сношеніяхъ съ людьми, она отличалась замѣчательною простотою. При своемъ свѣтломъ, положительномъ умѣ, она сразу понимала всякое дѣло и ставила его на настоящую практическую почву. Она не любила фразъ, не была охотницей до философскихъ споровъ о безконечномъ и всякаго рода разглагольствованій, была строга къ себѣ и строго относилась къ дѣлу, внося въ него свою душу. Того же она требовала и отъ окружающихъ; въ ней не было ни узкой нетерпимости доктринеровъ, ни сухости и лицемѣрія пуританъ. Во всякомъ приближавшемся къ ней человѣкѣ она умѣла открыть хорошую сторону и употребить ее съ пользой для дѣла. Такова была эта замѣчательная женщина.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ крымской войны, современница ея, англійская сестра милосердія, миссъ Найтингель (Nightingale) издала свои записки, переведенныя потомъ на всѣ европейскіе языки и доставившія ей извѣстность и уваженіе всего цивилизованнаго міра. А наша труженица, такая же возвышенная, какъ и ея англійская современница, такой же апостолъ любви и гуманности, тихо, безвѣстно трудилась въ маленькомъ уголкѣ Россіи, и имя ея мало кому знакомо было за предѣлами

этого уголка; только смерть ея дала намъ возможность напомнить о ней современникамъ въ этомъ слабомъ очеркѣ. „*Больше сія любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя*“, сказалъ евангелистъ Іоаннъ. Покойная дѣйствительно положила душу свою во имя этой любви...

А. Синицынъ.

СВИТЕЗЯНКА

Баллада Мицкевича.

Кто юноша этотъ красивый и видный?
Кто чудная дѣвушка эта?
На берегъ Свитѣзя выходятъ пустынный
При отблескѣ луннаго свѣта?

Она ему коробъ малины набрала,
Онъ ей подаетъ незабудки...
Она голубкомъ его, видно, избрала,
А онъ ее—вмѣсто голубки.

Ихъ каждую ночь тутъ, въ обычную пору,
Подъ тѣнью ракиты встрѣчаютъ.
Тотъ парень—охотникъ извѣстный по бору,
Кто жъ дѣвушка эта?—не знаютъ.

Никто не провѣдалъ, откуда приходитъ,
Не видно,—куда исчезаетъ?
Съ туманомъ болотнымъ на берегъ выходитъ,
Болотнымъ огнемъ пропадаетъ.

„Откройся вполнѣ мнѣ, моя дорогая,
„Къ чему намъ таиться съ тобою:
„Родные твои гдѣ? Гдѣ хата родная?
„Какою приходишь тропою?

„Прошло уже лѣто; ужъ листъ золотится;
„Подходитъ дождливая осень...

„Неужли съ тобою я долженъ сходиться
„Средь этихъ лишь сумрачныхъ сосенъ?

„Неужли, какъ серна, являться ты будешь?
„Какъ упырь порою ночною?
„Останься же лучше ты съ тѣмъ, кого любишь,
„Останься на вѣки со мною!

„Отсюда близка моя скромная хата,
„Орѣшникомъ частымъ прикрыта;
„Она молокомъ и плодами богата,
„А дичи,—той вдоволь набито".

„Стой, юноша гордый! къ чему нетерпѣнье?
„Отецъ говорилъ мнѣ, дѣвицѣ,
„Что рѣчи мужчинъ—соловьиное пѣнье,
„А сердце—подобно лисицѣ.

„Боюсь я довѣриться чувству напрасно:
„Ты молодъ еще, легковѣренъ!
„Но просьбу твою я исполнить согласна,
„Да ты-то,—ты будешь ли вѣренъ"?

Беретъ горсть земли онъ, колѣна склоняетъ
И, свѣтомъ весь облитый луннымъ,
Клянется и адъ на себя призываетъ!
Но вѣрить ли клятвамъ безумнымъ?

„Прими же совѣтъ мой: кто разъ измѣняетъ,
„О, юноша! клятвѣ подобной,
„Тотъ кару при жизни еще вызываетъ,
„И горе душѣ его злобной"!

Сказавъ это, дѣвушка больше не ждала,
Головку цвѣтами обвила,
Поклонъ свой лишь издали другу послала
И въ топи болота вступила.

Догнать ее юноша тщетно желаетъ,—
Съ ней бѣгомъ никто не равнялся:
Какъ вѣтеръ летучій она исчезаетъ;
Стрѣлокъ безъ подруги остался.

По зыбкому моху идетъ одинокій
Вдоль узкой, болотной тропинки;
Все тихо; покой нарушаетъ глубокій
Случайный лишь трескъ хворостинки.

Идетъ вдоль воды онъ, идетъ осторожно
И смотритъ кругомъ боязливо;
Вотъ вѣтеръ по лѣсу промчался тревожно,
Вода зашумѣла бурливо.

Кипятъ и волнуются волны сердито,
И чудо вдругъ вновь совершилось:
На волнахъ Свитѣзя, вся свѣтомъ облита,
Красавица-дѣва явилась.

Какъ бѣлая рова лицо ея нѣжно,
Что̀ утра роса лишь обмыла;
Одежда, какъ будто бы мглой бѣлоснѣжной,
Станъ гибкій и стройный обвила.

„О, юноша милый! О, юноша чудный“!
Такъ дѣва ему говорила:
„Иль любишь ты берегъ Свитѣзя безлюдный
„При блескѣ ночного свѣтила?

„Иль сердце твое только та занимаетъ,
„Что̀ манитъ къ себѣ тебя жадно?
„Что̀ голову кружитъ, а послѣ бросаетъ,
„Быть можетъ, смѣясь безпощадно?

„Послушай совѣта: забудь о невѣстѣ,
„Забудь и о думѣ печальной;
„Послѣдуй за мною,—и будемъ мы вмѣстѣ
„Плескаться во влагѣ хрустальной.

„Иль, если захочешь, какъ ласточка, шибко
„Ты рѣять надъ волнами будешь,
„Иль, веселъ и легокъ, какъ рѣзвая рыбка,
„Ты время со мною забудешь.

„А ночью, на лонѣ волны серебристой,
„Подъ этимъ покровомъ кристальнымъ,

„На листикахъ лиліи нѣжной и чистой
„Забудешься сномъ безпечальнымъ.

Лебяжія перси сквозятъ изъ покрова,
Онъ скромно глаза потупляетъ,
А дѣвушка ближе подходитъ и снова
Манитъ и къ себѣ подзываетъ.

Вотъ легкой стопою на воздухъ вспорхнула,
Вся радугой блещетъ лучистой,
Вотъ снова въ пучинѣ волны утонула
И брызжетъ росой серебристой.

Рванулся стрѣлокъ къ ней и сталъ въ онѣмѣньи,
Прильнуть къ ней хотѣлъ онъ,—да страшно;
Вода же у ногъ его въ тихомъ волненьи
Ласкается нѣжно и страстно;

И юношу манятъ тѣ ласки въ объятья,
А сердце въ груди замираетъ,
Какъ будто рука его нѣжно пожатья
Любимой руки ощущаетъ.

Стрѣлокъ забываетъ о дѣвушкѣ милой,
О клятвѣ своей забываетъ;
Въ пучину бросается съ новою силой,
Что̀ новая страсть окрыляетъ.

Плыветъ онъ и смотритъ, достигнуть стремится,
Отдался во власть онъ пучинѣ;
Все дальше и дальше отъ берега мчится,
И вотъ ужъ—на самой срединѣ.

Вотъ страстно онъ нѣжную ручку сжимаетъ,
Глядитъ, красотой пораженный,
Устами къ прелестнымъ устамъ припадаетъ
И мчится, волной окруженный.

Но вѣтромъ пахну̀ло и мглу разогнало,
Которою станъ закрывался,
И юноши сердце въ русалкѣ узнало
Ту дѣву, которой онъ клялся.

„Забылъ ты присягу! Забылъ о совѣтѣ!
„О важности клятвы подобной!
„О! горе тебя ожидаетъ на свѣтѣ,
„И горе душѣ твоей злобной!

„Тебѣ не играть съ серебристой волною
„Въ волшебныя, лунныя ночи,
„Покроется тѣло сырою землею,
„И иломъ замоются очи!

„Душѣ же томиться подъ старой ракитой
„Придется на долгіе годы,
„И будешь ты мучиться, всѣми забытый,
„Не зная минуты свободы“!

Услышалъ стрѣлокъ то и шагомъ неровнымъ
Идетъ, озираясь тревожно;
Вдругъ вѣтеръ промчался по соснамъ нагорнымъ,
И волны вздымаются грозно.

Клокочетъ, шумитъ и бушуетъ волненье,
Стрѣлка за собой увлекаетъ...
Разверзлась пучина и въ то же мгновенье
И парня, и дѣву скрываетъ.

Съ тѣхъ поръ въ полнолунье, на этомъ же мѣстѣ
Вода закипаетъ каскадомъ;
Двѣ тѣни съ туманомъ являются вмѣстѣ:
Стрѣлокъ то и дѣвушка рядомъ.

Рѣзвится въ волнахъ она въ лунную пору,
А онъ подъ ракитой страдаетъ...
Тотъ парень—охотникъ извѣстный по бору,
Кто жъ дѣвушка эта?—не знаютъ...

В. Марковъ.

КНИЖНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ВРЕМЕНЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Время Петра Великаго не создало своей литературы въ художественномъ направленіи. Исторически это было естественно. Художественное творчество требуетъ трехъ основныхъ условій для своего осуществленія: установившихся формъ жизни, которая служила бы предметомъ художественнаго изображенія; установившихся формъ литературныхъ; наконецъ, установившагося выраженія въ языкѣ. Этихъ условій не было. Жизнь была въ періодѣ органическаго броженія: старина не удовлетворяла тѣхъ умовъ, которые наиболѣе были возбуждены; то новое, къ которому стремились, носило для самихъ дѣятелей только неопредѣленныя очертанія, и эта неопредѣленность, при всей рѣшительности практическихъ мѣръ преобразованія, не выяснялась даже къ концу періода реформы, или до послѣднихъ дней жизни Петра. Такую же туманную смѣсь представляли литературныя формы, которыми пользовались или съ которыми знакомились писатели Петровскаго времени. Книжность XVII вѣка, послѣднихъ временъ московскаго царства, была еще слишкомъ близка и привычна; она давала только старыя формы историческаго разсказа, поученія, повѣсти чужеземнаго образца, силлабическихъ виршъ и т. п., но рядомъ съ этимъ болѣе образованные люди конца XVII-го, а тѣмъ болѣе начала XVIII вѣка, которые заглядывали въ иностранныя книги, находили тамъ нѣчто, ранѣе совсѣмъ невѣдомое—цѣлую область поэзіи, въ разнообразныхъ формахъ эпоса, лирики и драмы, съ

широко развитой условностью ложнаго классицизма, но вмѣстѣ и съ возраставшими все болѣе запросами дѣйствительной жизни. Эти новыя формы на первый разъ должны были казаться совершенно чуждыми и неприложимыми къ русской жизни: онѣ могли быть только предметомъ любопытства, которое должно было впрочемъ усиливаться, когда русскіе читатели и писатели стали осваиваться съ содержаніемъ этихъ произведеній; но на первое время для этихъ иноземныхъ формъ не находилось никакого примѣненія. Наконецъ, языкъ. Во времена Петра устный и книжный языкъ той доли общества, которая была захвачена преобразованіемъ, была привлечена къ дѣлу или даже только пассивно испытывала вліяніе реформы, этотъ языкъ представлялъ нѣчто небывало хаотическое. Бурная лихорадочная поспѣшность преобразованій, принадлежавшая именно личности самого Петра, вдругъ приносила въ дѣловой обиходный языкъ такую массу новыхъ, ранѣе неслыханныхъ элементовъ, усвоить которые органически и послѣдовательно не было возможности въ такое короткое время. Раньше мы указывали, что иностранныя слова (въ военной и технической области) стали входить еще задолго, не только при царѣ Алексѣѣ, но даже при Михаилѣ; но теперь онѣ нахлынули въ небываломъ количествѣ, опять въ особенности по личному вмѣшательству Петра. Его кипучая натура требовала прямого непосредственнаго дѣла: чтобы назвать вещь, выразить мысль, онъ не терялъ времени на пріискиваніе словъ, бралъ первое, русское или иностранное, писалъ всегда кратко и всегда реально, и часто чрезвычайно мѣтко: въ его писаніяхъ найдется много словъ иностранныхъ, но много также яркихъ образчиковъ народной рѣчи.

Такимъ образомъ литература художественная не создалась; тѣмъ не менѣе создалась очень оригинальная книжность, которая служитъ выразительнымъ отраженіемъ періода преобразованія и вмѣстѣ исходною точкой дальнѣйшаго развитія. Прежде всего, какъ въ самыхъ фактахъ тогдашней государственной и общественной жизни, такъ и въ этой книжности мы видимъ рядомъ явленія стараго и новаго порядка. Прежняя „письменность“ продолжалась въ грамотной массѣ въ томъ же видѣ, какъ нѣкогда; то новое, что прибавлялось въ началѣ столѣтія, нерѣдко непосредственно примыкало къ тѣмъ начаткамъ, какіе представлялъ уже конецъ XVII столѣтія. Такова была, напримѣръ, та значительная масса переводовъ книгъ свѣтскаго содержанія, которая начинаетъ распространяться еще со второй половины XVII столѣтія: книгъ учебныхъ, историческихъ, повѣствователь-

ныхъ и пр. Многіе дѣятели, работавшіе въ духѣ преобразованія, были въ полной мѣрѣ питомцами предшествующаго періода, старые ученики кіевской или московской академіи. Церковные вопросы продолжаютъ быть тѣмъ интересомъ, на которомъ сосредоточивается особенное вниманіе, и столкновеніе партій по старинному сводится на почву богословскаго спора, какъ было, напримѣръ, въ борьбѣ Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича. Литературная дѣятельность, направленная на важные вопросы государственнаго и общественнаго быта, какъ было, напримѣръ, у Посошкова и нѣсколько позднѣе у Татищева, еще не находитъ себѣ формы, не можетъ стать книгой и является то въ формѣ „доношенія“, то въ формѣ стариннаго „поученія отъ отца къ сыну“ и по прежнему остается чисто личнымъ трудомъ и находитъ только слабое распространеніе въ видѣ списковъ, ходящихъ по рукамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ эту письменность входятъ все болѣе элементы новаго міровоззрѣнія, для котораго не было въ прошломъ примѣровъ или по самому существу или по формѣ ихъ заявленія. И здѣсь опять чувствуется дѣйствіе самой личности Петра. Всѣ тѣ задатки, какіе представляетъ вторая половина XVII вѣка, становятся въ рукахъ Петра могущественною силою, которая заслоняетъ прежнія слабыя начинанія и становится новымъ руководствомъ для цѣлой національной жизни.

Говоря о литературѣ временъ Петра Великаго, Тихонравовъ указывалъ, что полная оцѣнка ея невозможна „безъ того, кто стоялъ въ центрѣ ея, заправлялъ ею, кто самъ поправлялъ вѣдомости, церковныя службы, выбиралъ книги для перевода, писалъ программы для руководствъ, указывалъ идеи, которыя слѣдовало распространить путемъ печатнаго слова, т.-е. самого царя. Взглянемъ хотя на ту литературу, которая развилась въ теченіе великой сѣверной войны—на проповѣди, школьныя драмы, объясненія тріумфальныхъ вратъ, издававшіяся для всенароднаго торжества, на первые опыты публицистики (въ родѣ Разсужденія о законныхъ причинахъ шведской войны), даже эктеніи на супостатовъ, церковныя службы: какое единство мысли, направленія, даже образовъ! Чувствуешь, что сокровенныя нити всѣхъ этихъ произведеній сходятся въ твердыхъ рукахъ одного человѣка, глубоко убѣжденнаго въ правотѣ своего дѣла и не любящаго диссонансовъ“ [1]). Дѣйствительно, какъ въ жизни государственной, такъ и въ книжной дѣятельности того времени мы

[1]) Сочиненія Тихонравова, т. I.

постоянно встрѣчаемъ личную волю и трудъ самого Петра. То, что̀ до него было предчувствіемъ, неяснымъ стремленіемъ, онъ поставилъ какъ опредѣленный планъ, какъ первостепенную государственную и національную задачу.

Этотъ планъ не былъ какой-нибудь систематически обдуманной программой; напротивъ, строгіе историки обвиняютъ Петра въ отсутствіи такой программы: онъ брался вдругъ за все, не обдумывалъ постепенности, не разсчитывалъ средствъ народа умственныхъ и физическихъ, дѣйствовалъ рѣшительно, но отрывочно, безъ связи,—оттого многое изъ его начинаній не бросило корня и въ свое время принималось только по приказу... Иначе это и не могло быть. Его планъ былъ въ его основномъ стремленіи сравнять русскій народъ съ великими народами Европы и политически и умственно; ему могло недоставать, и недоставало, теоретической мысли, умъ его былъ чисто положительный реальный,—но въ этомъ направленіи его интересы отличались необычайною, именно геніальною широтою. По всей вѣроятности онъ сознавалъ себя единственнымъ человѣкомъ своего времени, который принимаетъ эти интересы такъ горячо и такъ стремится къ ихъ осуществленію въ русской жизни: его суровыя мѣры были не только традиціонной волей самодержца, но также настойчивостью убѣжденнаго человѣка, видѣвшаго необходимость преобразованія, поставлявшаго въ этомъ свою любовь къ отечеству. Его мѣры представляются отрывочными; но въ его умѣ были тѣсно связаны его разнообразные интересы: его дѣятельность была необычайна, и сами строгіе историки (напримѣръ, Валишевскій) изумляются тому множеству дѣлъ, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, какимъ онъ могъ отдавать свое вниманіе въ одно и то же время.

Достаточно остановиться на нѣкоторыхъ чертахъ дѣятельности Петра въ области общественнаго образованія, чтобы увидѣть, какія глубокія основы положены были имъ для дальнѣйшаго развитія умственныхъ интересовъ въ обществѣ и для дальнѣйшаго развитія литературы. Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, что съ началомъ его дѣятельности завершаются наши средніе вѣка. Традиціонное міровоззрѣніе среднихъ вѣковъ смѣняется новымъ: на мѣсто стараго „книжнаго почитанія“ и легенды ставится реальное знаніе; старая боязнь передъ иновѣрнымъ Западомъ и его наукой, подозрѣваемой въ чародѣйскомъ происхожденіи, для самого Петра не существуетъ уже съ юношескихъ его лѣтъ и по неволѣ исчезаетъ у его сотрудниковъ, когда онъ, вырывая ихъ изъ умственной лѣни стараго обычая, посылаетъ

ихъ прямо на этотъ иновѣрный Западъ учиться той или другой наукѣ или мастерству. Подъ вліяніемъ его собственнаго примѣра и подъ невольнымъ вліяніемъ новаго опыта и науки, умственная жизнь, а затѣмъ и литература впервые получаютъ характеръ свѣтскій; книжный человѣкъ не есть уже только церковникъ, какъ бывало въ старину; книга говоритъ о реальныхъ предметахъ знанія, о современныхъ политическихъ дѣлахъ, обращается ко всѣмъ грамотнымъ людямъ и говоритъ новымъ языкомъ. Люди стараго поколѣнія, какъ, напримѣръ, самъ Димитрій Ростовскій, человѣкъ просвѣщенный, жалуются на утѣсненіе церкви,—и это было справедливо: Петръ потерялъ традиціонное почтеніе къ іерархіи, когда она, въ лицѣ патріарха Адріана, ставила помѣхи его заботамъ о школѣ; онъ сочувствовалъ только той іерархіи, которая, напримѣръ, въ лицѣ Ѳеофана, умѣла понять его планы и имъ содѣйствовать: казалось, что онъ утѣсняетъ церковь, когда онъ налагалъ контроль на монастырскія имущества, когда онъ требовалъ на солдатскую службу людей духовнаго званія, которые не готовили себя къ этому званію и не учились,—но онъ хотѣлъ только, чтобы народныя средства были употреблены съ пользою и чтобы живыя силы народа не уклонялись отъ труда на пользу государства. Планы Петра направлены были именно на осязательную народную пользу, не только реальную, но умственную и нравственную.

Обращаясь къ подробностямъ школьной, или образовательной, и затѣмъ книжной дѣятельности того времени, мы постоянно встрѣчаемся съ тѣми новыми запросами русской жизни, которые Петръ чувствовалъ сильнѣе всѣхъ своихъ современниковъ и которые настойчиво стремился проводить въ жизнь.

Первой заботой было воинское ученіе. Первое начало иноземнаго военнаго строя было положено давно; Петръ установилъ его окончательно, и уничтоженіе стрѣльцовъ положило конецъ старому военному обычаю. Изслѣдованія новѣйшихъ военныхъ историковъ указываютъ, до какихъ мелкихъ частностей доходилъ Петръ въ своихъ попеченіяхъ о войскѣ, и между прочимъ, какъ онъ впервые заботился о нравственномъ достоинствѣ и обезпеченіи солдата, въ которомъ онъ видѣлъ не одного механическаго исполнителя команды, но охранителя отечества, готоваго отдать за отечество свою жизнь. Какой личный примѣръ онъ подавалъ въ этомъ отношеніи,—извѣстно.

Такъ же рано его великой заботой былъ флотъ. Какъ и войско, это была сначала юношеская „потѣха“; но она быстро разросталась, и какъ потѣшные полки, въ которыхъ самъ онъ

проходилъ службу, стали вскорѣ основою, первыми полками русской арміи, такъ онъ всегда хранилъ память о томъ голландскомъ ботикѣ, въ которомъ онъ сдѣлалъ свое первое дѣтское плаваніе.

Для войска и флота потребовалась первая реальная школа. Надо было научиться прежде всего элементарной наукѣ, которая тотчасъ получила практическое приложеніе. Къ школѣ „цифирной", гдѣ стали въ первый разъ правильно учиться математикѣ, присоединились школы „навигацкія", которыя устроивались даже тамъ, гдѣ навигація была совсѣмъ невозможна, какъ, напримѣръ, въ Москвѣ. Навигація такъ овладѣла мыслями Петра, что, посылая въ 1697 году за границу первую партію молодыхъ русскихъ князей и бояръ, стольниковъ и спальниковъ, онъ всѣмъ имъ велѣлъ учиться именно навигаціи, математикѣ, астрономическому наблюденію, чертежамъ, судостроенію, практическому плаванію и морскому бою, однимъ въ Голландіи и Англіи, другимъ—въ Венеціи и на Мальтѣ. Скрѣпя сердце подъ царскою грозою, молодые князьки и бояре принялись за неслыханную раньше науку. Извѣстно, что изъ первой посылки 1697 года не вышло, кажется, ни одного настоящаго моряка; но ученіе не осталось безъ результата: путешествіе вышло общеобразовательнымъ; болѣе или менѣе, цѣлый контингентъ молодого русскаго боярства познакомился съ общимъ складомъ европейской жизни, увидѣлъ новые нравы, могъ оцѣнить или на первый разъ по крайней мѣрѣ удивиться великимъ произведеніямъ науки и искусства. Пробуждалась первая любознательность, которой предстояло развиться въ стремленіе усвоить себѣ тѣ умственныя и затѣмъ художественныя потребности, какія стали казаться необходимыми. Первые путешественники не сдѣлались кораблестроителями или адмиралами, но большинство изъ нихъ заняли потомъ важныя мѣста во внутреннемъ управленіи и въ дипломатіи, и стали болѣе или менѣе опытными и сознательными исполнителями плановъ Петра. Слѣдующее поколѣніе уже дома начало получать образованіе въ новомъ направленіи.

Навигація вела къ пониманію и составленію картъ, къ топографіи и географіи. До Петра географическія свѣдѣнія были весьма первобытны. Въ шестнадцатомъ и даже семнадцатомъ вѣкѣ читали еще Козьму Индикоплова, который въ благочестивомъ невѣжествѣ шестого вѣка отвергалъ систему Птолемея, какъ несогласную съ Библіей. Теперь русскіе путешественники, учившіеся у голландскихъ и англійскихъ моряковъ и адріатическихъ „маринаровъ", которымъ самимъ случалось ѣздить вокругъ

свѣта, конечно, должны были получить совсѣмъ иное понятіе о формѣ земли. Система Коперника дошла, правда, до старыхъ московскихъ людей, но только въ отрывочномъ видѣ, безъ дальнѣйшихъ выводовъ; въ старыхъ космографіяхъ бывали описанія разныхъ странъ, но теперь эти описанія были отчасти запоздалыя, отчасти странныя и фантастическія. Въ книгахъ Петровскаго времени въ первый разъ являются изложенія географіи, переведенныя изъ иностранныхъ руководствъ съ правильными и точными свѣдѣніями. Вопросы географіи привлекали серьезное вниманіе Петра и къ его времени относятся первыя заботы о географическихъ описаніяхъ Россіи, о правильныхъ „ландкартахъ", о научныхъ изслѣдованіяхъ Сибири, объ опредѣленіи конечныхъ пунктовъ Азіи и Америки. При Петрѣ положено было первое начало тѣхъ знаменитыхъ экспедицій, которыя въ теченіе XVIII вѣка дали описаніе Россіи и внесли въ науку богатый запасъ новыхъ свѣдѣній по географіи, этнографіи и естествознанію.

Въ первый разъ при Петрѣ является возбужденіе къ правильному изученію самой русской исторіи. Послѣднимъ словомъ старой русской исторіографіи былъ „Синопсисъ" и Исторія дьяка Грибоѣдова, т.-е. или крайне отрывочное изложеніе русской древней исторіи съ примѣсью баснословія по польскимъ образцамъ, или безжизненная компиляція, подробная родословная князей и царей. Петръ нашелъ нужнымъ собрать лѣтописи, поручалъ написать русскую исторію,—правда, исполнитель былъ еще слишкомъ старинный человѣкъ, чтобы дать что-либо удовлетворительное, но другіе люди того времени возъимѣли уже о русской исторіи иное представленіе, чѣмъ ихъ предшественники XVII вѣка. Такова была книга Манкіева, писанная въ шведскомъ плѣну, а нѣсколько позднѣе, прямой питомецъ Петровской школы, Татищевъ, хотя далеко не имѣлъ какой-либо правильной ученой подготовки, задумалъ и исполнилъ обширный трудъ, гдѣ были уже любопытные зачатки настоящей исторической критики.

Съ исторіей русской была связана и исторія европейская. Если русскому государству предстояло занять подобающее мѣсто среди государствъ европейскихъ, то, какъ думалъ Петръ, не только правителямъ, но и просвѣщеннымъ русскимъ людямъ слѣдовало знать тѣ общія политическія начала, на какихъ основывается европейская жизнь, и по приказамъ Петра переводятся книги Пуфендорфа. Это была первая забота о сообщеніи русскому обществу систематическихъ понятій о вопросахъ политики и государственнаго устройства.

Рядомъ съ этимъ, Петръ уже съ первыхъ крупныхъ полити-

ческихъ дѣйствій желаетъ объяснять ихъ русскому обществу. Таково было изданіе „Вѣдомостей“, которыя постоянно сообщали важнѣйшія политическія новости, печатали реляціи о военныхъ событіяхъ и т. д. Особая книга составлена была по порученію Петра для объясненія того, почему была начата шведская война. Петръ совершалъ торжества съ военными процессіями, иллюминаціей, фейерверкомъ по случаю каждой побѣды, одержанной надъ опаснымъ противникомъ,—и это опять была не только личная охота къ шумному веселью, но и желаніе привлечь массу къ національному торжеству. Этимъ способомъ народъ былъ впервые привлекаемъ къ государственнымъ событіямъ: власть только вмѣстѣ съ народомъ хотѣла праздновать свои торжества. Приготовленіе торжества было цѣлой задачей: строились тріумфальныя врата, щиты для иллюминацій и фейерверковъ, по тогдашнему вкусу—съ аллегорическими фигурами и надписями, которыя должны были объяснять значеніе событій. Эти фигуры и надписи придумывались учеными людьми, на первый разъ въ славяно-греко-латинской Академіи въ Москвѣ, а въ послѣдующее время въ Академіи наукъ въ Петербургѣ. Такимъ же образомъ, когда предстояло рѣшить первостепенный государственный вопросъ о престолонаслѣдіи, Петръ не довольствуется однимъ указомъ, чтобы сказать свою волю, но опять по его порученію пишется особая книга, гдѣ подробно объясняются всѣ аргументы рѣшенія („Правда воли монаршей“). Когда издаются правила и узаконенія, онѣ обыкновенно сопровождаются мотивами, и тамъ, гдѣ эти узаконенія проходили черезъ руки Петра,—а это было во всѣхъ важныхъ предметахъ,—мотивы излагаются всегда ясно и наглядно; таковъ Воинскій артикулъ и Духовный регламентъ.

Подъ вліяніемъ того общественнаго интереса, какой возбужденъ былъ Петромъ къ дѣламъ государства и особливо къ его собственнымъ предпріятіямъ и нововведеніямъ, такимъ же орудіемъ воспитанія общественнаго мнѣнія стала церковная проповѣдь. Съ самаго начала наша проповѣдь была посвящена исключительно церковному поученію. Іерархія не бывала чужда внутреннимъ политическимъ событіямъ; въ поученіяхъ и въ личныхъ вмѣшательствахъ она различнымъ образомъ вліяла на политическія событія и, въ періодъ установленія московскаго велико-княженія и царства, іерархіи принадлежала большая доля политическаго результата; но собственное проповѣдничество никогда не достигало большого вліянія, а въ теченіе нашихъ среднихъ вѣковъ оно и совсѣмъ упало. Новое оживленіе его явилось только съ кіевской ученостью, которая перенесла въ Москву реторическую

проповѣдь, гдѣ къ общему церковному назиданію стали присоединяться и наличные вопросы внутренней политики. Петру нравилась подобная проповѣдь, и тѣ церковные проповѣдники, именно питомцы Кіева, которымъ болѣе, чѣмъ старому московскому духовенству, были понятны и сочувственны его преобразованія, не только политическія, но и просвѣтительныя, стали горячими панегиристами его дѣяній, защитниками того новаго порядка вещей, который долженъ былъ наступать съ этими дѣяніями. Мы указывали прежде, что такъ бывало даже независимо отъ какихъ-либо внушеній Петра, напримѣръ, у Ѳеофана до его переселенія въ Петербургъ. Бывало, что проповѣдь говорила даже противъ преобразованій или противъ суроваго способаго дѣйствій Петра, какъ, напримѣръ, у Стефана Яворскаго; но условія уже не были таковы, чтобы эта оппозиція съ церковной каѳедры могла получить силу. Но тѣмъ больше распространялся панегирикъ, который въ концѣ концовъ болѣе отвѣчалъ истинному національному интересу, потому что былъ защитой просвѣщенія противъ враждебно относившейся къ нему старины.

Въ области историческихъ свѣдѣній, которыя тогда стали впервые замѣнять древній хронографъ съ его отрывочнымъ и иногда фантастическимъ содержаніемъ, любопытно встрѣтить первую попытку собрать историческія свѣдѣнія о славянскомъ мірѣ. Извѣстно, что и въ этомъ отношеніи Петръ имѣлъ гораздо болѣе широкіе интересы, чѣмъ было до него. Онъ думалъ привлечь южное славянство къ своимъ политическимъ планамъ, разсчитывалъ воспользоваться западно-славянскими людьми для практической работы въ администраціи (думалъ набрать „шрейберовъ“ изъ чеховъ), призывалъ на службу далматинскихъ моряковъ, завязывалъ сношенія съ Черногоріей. Но надъ западно-славянскимъ міромъ еще тяготѣла летаргія; не легко было найти книжныя свѣдѣнія о славянствѣ и выбрана была для перевода старая книга Мавро Орбини,—конечно, весьма мало удовлетворительная, но и она опять послужила первымъ исходнымъ пунктомъ нашего новѣйшаго славяновѣдѣнія. Вскорѣ потомъ Татищевъ могъ уже собрать довольно много свѣдѣній о славянствѣ изъ старыхъ и новыхъ писателей.

Наконецъ, давно уже возникла у Петра мысль о цѣломъ обширномъ учрежденіи, которое послужило бы пріютомъ для настоящей европейской науки и вмѣстѣ разсадникомъ правильнаго образованія въ средѣ русскаго общества. Его первые разсчеты на церковную школу и на помощь іерархіи не оправдались. Патріархъ Адріанъ не понималъ той школы, какую бы хотѣлось

завести Петру: это былъ человѣкъ совсѣмъ стараго вѣка; ему казалась пригодной только такая церковническая школа, какъ понимали ее въ половинѣ XVII вѣка — отъ нея требовалось только благочестіе и наукамъ свѣтскимъ въ ней не было мѣста. Правда, впослѣдствіи славяно-греко-латинская Академія въ Москвѣ, при своихъ новыхъ руководителяхъ, высказывала сочувствіе къ просвѣтительнымъ нововведеніямъ Петра, но все-таки она держалась своихъ спеціальныхъ задачъ, и Петръ для осуществленія своихъ плановъ обратился за совѣтомъ къ иностраннымъ авторитетамъ: это были Вольфъ, но особливо Лейбницъ. Задумана была Академія наукъ, которая открыта была уже при Екатеринѣ I. Академія объединила прежнія начинанія на пользу науки, какъ, напримѣръ, библіотека, которая прежде собиралась подъ управленіемъ „архіатера“; кунсткамера, въ которой еще съ первыхъ путешествій Петра собирались „монстры“ и „раритеты“, первая форма естественно-историческаго музея,—но главное, въ Академію должны были быть призваны авторитетные ученые по разнымъ отраслямъ знанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ должно было быть начато преподаваніе для приготовленія русскихъ ученыхъ людей. Исторія Академіи наукъ, имѣвшей свою оригинальную судьбу въ теченіе XVIII вѣка и при всѣхъ превратностяхъ ея существованія не мало послужившей для русскаго просвѣщенія, начинается съ плановъ Петра Великаго.

Кто же были исполнители этихъ плановъ? Кто вообще представляетъ собою литературу Петровскаго времени? По всему характеру той эпохи мы должны ожидать самаго разнообразнаго состава людей, работавшихъ тогда на книжномъ поприщѣ. Не всѣхъ можно было бы назвать настоящими писателями, — это бывали иногда только книжники въ старомъ вкусѣ, не надѣленные ни достаточнымъ дарованіемъ, ни познаніями, нужными для истиннаго писателя;—но были здѣсь и люди сильнаго ума и несомнѣннаго таланта, которымъ, быть можетъ, недоставало только настоящаго поприща, чтобы могло вполнѣ раскрыться ихъ оригинальное содержаніе. Таковъ былъ, напримѣръ, Ѳеофанъ. Далѣе, были здѣсь люди, не думавшіе о писательствѣ, но которые дѣлались писателями, чтобы высказать свои задушевныя мысли о государственномъ и народномъ благѣ,—мысли, созрѣвшія въ большомъ жизненномъ опытѣ и нерѣдко замѣчательныя. Таковъ былъ Посошковъ. Далѣе, были здѣсь питомцы старой школы, развившейся, наконецъ, въ Москвѣ и оживившейся теперь нѣкоторымъ притокомъ новыхъ знаній. Это были питомцы славяно-греко-латинской Академіи. Были здѣсь иноземцы или полу-иноземцы, какіе

давно уже бывали въ посольскомъ приказѣ. Наконецъ, были писатели разныхъ направленій старообрядства. Это была уже въ полной мѣрѣ старая школа, говорившая стариннымъ полу-славянскимъ языкомъ, отрицавшая всякія новшества, какія нѣкогда вводилъ Никонъ въ церкви, а теперь вводилъ Петръ въ жизни государственной и общественной. Мы упоминали о томъ, что этотъ старообрядческій протестъ доходилъ иногда до послѣдняго предѣла: этимъ предѣломъ было—убѣдиться и потомъ проповѣдовать, что Петръ есть антихристъ. Новѣйшіе историки въ первый разъ начинаютъ спокойно относиться къ этой раскольничей литературѣ, стараются отыскать въ ней ея живую общественную сторону: къ сожалѣнію, съ одной стороны особыя условія ея существованія (она жила только скрытно между единомышленниками), съ другой—полная отчужденность ея отъ новаго движенія, научная сторона котораго была ей совсѣмъ непонятна, отняла у нея возможность литературнаго дѣйствія. Первое время, въ разгарѣ раскола, онъ заявлялъ свои протесты въ видѣ догматическихъ трактатовъ, посланій, „челобитныхъ“, которыя вызывали отвѣты и обличенія со стороны писателей господствующей церкви; но впослѣдствіи и это прекратилось; полемика превратилась въ одно оффиціальное обличеніе, расколъ скрылся въ свою скорлупу, а наконецъ, въ первой половинѣ нашего столѣтія, до „эпохи великихъ реформъ“, изслѣдованіе раскола было совсѣмъ устранено изъ исторической науки. Только теперь начинается реставрація и безпристрастное истолкованіе прошедшихъ судебъ народной старой вѣры.

Такимъ образомъ періодъ преобразованія относительно книжной дѣятельности долженъ былъ дѣйствовать тѣми средствами, какія были на лицо. Естественно, что литература или книжная дѣятельность въ этихъ условіяхъ могла представлять собою только нѣчто среднее, смѣшанное, переходное. Не было цѣлаго движенія, не было установленнаго принципа, силы разрознивались, не было ничего похожаго на литературный кругъ. Наконецъ, эта литература говорила на нѣсколькихъ языкахъ: были книжники стараго московскаго стиля съ обиліемъ ухищренныхъ славянскихъ словъ; были другіе, воспитавшіеся на кіевской латинопольской схоластикѣ; были такіе, у которыхъ пробивался простой дѣловой языкъ; были такіе, на которыхъ сильно подѣйствовала новая манера Петровскаго языка и которые любили украшать свою рѣчь иностранными словами, которыя кажутся рискованными и уродливыми. Установленнаго стиля не было.

Выше мы останавливались на нѣсколькихъ основныхъ дѣя-

телях этого времени, какими были Стефанъ Яворскій (1658—1722), Ѳеофанъ Прокоповичъ (1681—1736) и Посошковъ (1670—1726). Первые два прошли одну латинскую схоластическую школу, но общаго между ними ничего не было. Ихъ раздѣляла разница того времени, когда складывалось ихъ ученое воспитаніе. Стефанъ вышелъ такимъ книжникомъ и риторомъ, какимъ былъ передъ тѣмъ, напримѣръ, Симеонъ Полоцкій. Онъ проникнутъ былъ сполна содержаніемъ своей схоластики, и немудрено, что, бывши одно время уніатомъ и, какъ полагаютъ, сохранивши и впослѣдствіи уніатскія наклонности, онъ могъ однако сойтись съ тою партіей, которая относилась къ Петру враждебно во имя московской старины. Ѳеофанъ былъ человѣкъ совсѣмъ иного закала и гораздо болѣе сильнаго ума и широкаго образованія. Онъ гораздо дальше Стефана и едва ли не дальше всѣхъ остальныхъ современниковъ былъ знакомъ съ настоящей европейской наукой,—впослѣдствіи въ его ближайшемъ кружкѣ бывали нѣмецкіе академики. Съ самаго начала, еще далекій отъ Петра, онъ былъ горячимъ приверженцемъ его начинаній: прежде всего ихъ соединяла общая, быть можетъ, въ различной степени сознательная, вражда къ старому застою, изъ котораго проистекалъ обскурантизмъ... Въ своей литературной дѣятельности Ѳеофанъ пользовался такими формами, какія были на лицо: онъ писалъ богословскіе трактаты, проповѣди, школьныя драмы, латинскіе учебники, латинскіе стихи, наконецъ, по волѣ Петра, составлялъ оффиціальные документы и законы, какъ Духовный регламентъ; но въ сущности онъ былъ публицистъ и даже сатирикъ. Его основнымъ интересомъ была настоящая минута въ жизни русскаго общества, въ средѣ котораго предпринималось преобразованіе: онъ опровергаетъ противниковъ реформы или ихъ осмѣиваетъ. Не даромъ близкія отношенія связывали его съ Кантемиромъ. Это былъ сильный умъ, но жесткій, тяжелый характеръ. Ему принадлежитъ не малая доля въ той суровости, которая впослѣдствіи отталкивала столь многихъ и давала историкамъ оружіе противъ пріемовъ преобразованія.

За Стефаномъ Яворскимъ и Прокоповичемъ слѣдуютъ еще нѣсколько ученыхъ людей кіевской школы, которые различнымъ образомъ служили какъ дѣлу преобразованія, такъ въ частности книжнымъ предпріятіямъ Петра. Таковъ былъ извѣстный впослѣдствіи тверской архіепископъ Ѳеофилактъ Лопатинскій (1685—1741), въ тѣ годы ректоръ московской Академіи. Онъ былъ исполнителемъ переводовъ, какіе приказывалъ дѣлать Петръ Великій. Сохранились любопытныя письма Ив. Алекс. Мусина-

Пушкина, который, завѣдуя монастырскимъ приказомъ по смерти патріарха Адріана, былъ исполнителемъ и передатчикомъ приказаній Петра между прочимъ и въ этихъ книжныхъ дѣлахъ. Въ письмѣ къ Поликарпову въ іюнѣ 1715 передается приказъ царя, „дабы трудились не лѣностно въ переводѣ книгъ съ латинскаго ректоръ Лопатинскій и директоръ Поликарповъ". Въ сентябрѣ 1718 Мусинъ-Пушкинъ извѣщаетъ, что говорилъ съ царемъ на свадьбѣ у князя Голицына: „Да для чего, придалъ (прибавилъ) государь, по сю пору не переведена книга Виргилія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній — книга небольшая, а такъ мѣшкаете? Отпиши о семъ Лопатинскому"... Въ другомъ письмѣ: „Отцу Лопатинскому скажи, чтобъ перевелъ книги, которыя къ нему посланы. А великій государь часто изволитъ напоминать, для чего долго не присылаются, и что бы не навелъ гнѣву"... Или: „писалъ я къ тебѣ многажды о переводѣ книгъ и чтобы говорилъ ты отцу Лопатинскому, дабы скорѣе переводилъ, а нынѣ великій государь приказалъ, ежели не переведутъ книгъ лексикона и прочихъ, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведутъ"...

Другой кіевлянинъ, ревностно служившій Петру, какъ проповѣдникъ и переводчикъ, былъ епископъ рязанскій Гавріилъ Бужинскій (ум. 1731). Онъ былъ нѣкогда преподавателемъ славяно-греко-латинской Академіи и пріобрѣлъ извѣстность своими проповѣдями. Петръ перевелъ его въ Петербургъ, назначилъ оберъ-іеромонахомъ флота; въ этомъ качествѣ Бужинскій написалъ нѣсколько проповѣдей въ защиту флота и военныхъ дѣяній Петра; былъ потомъ архимандритомъ Александро-Невской лавры и совѣтникомъ въ Синодѣ, и еще ранѣе протекторомъ типографій для надзора и цензуры надъ книгами, печатавшимися въ русскихъ типографіяхъ; наконецъ, назначенъ епископомъ рязанскимъ. Проповѣдь Бужинскаго отличается обычными свойствами схоластическаго риторства; онъ вторитъ Ѳеофану въ защитѣ дѣяній Петра, но далеко уступаетъ ему степенью дарованія. Въ Петрѣ онъ восхваляетъ самоотверженную любовь къ Россіи: „Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя. Въ сей любви Петръ, истинный подражатель Христа Господа, не щадяше дражайшія души своея за отечество свое... въ трудахъ и подвизѣхъ, въ мразѣ и зноѣ, въ путешествіи и мореплаваніи, въ бѣдственныхъ на земли странствованіяхъ и въ многомятежнѣйшихъ и бѣдственнѣйшихъ морскихъ обуреваніяхъ; не щадяше души своея въ баталіяхъ, егда въ толикомъ былъ случаѣ, яко на дражайшей главѣ его шляпа

пулею бысть пробита; не щадяше жизни своея въ мореплаваніи, яко единою въ толикомъ былъ на Балтійскомъ морѣ обуреваніи, идѣже уже всякая надежда спасенія пресѣчена бысть; вся же сія претерпѣвалъ за отечество, полагалъ душу свою за други своя". Восхваленія доходили до того, что онъ превозносилъ самое мѣсто новой столицы, какъ не имѣющее себѣ равнаго: „Не только всю Россію расположеніемъ и красотою превосходитъ мѣсто (Петербурга), но и въ иныхъ европейскихъ странахъ не только равное, но ниже подобное обрѣстися можетъ". Впослѣдствіи имя Бужинскаго едва-ли не больше было извѣстно по его переводамъ Пуфендорфа и Стратемана. Прежде всего, въ 1718, было издано „Введеніе въ Гисторію европейскую чрезъ Самуила Пуфендорфія, на нѣмецкомъ языцѣ сложенное, таже чрезъ Іоанна Фрідеріка Крамера, на латинскіи переложенное. Нынѣ же повелѣніемъ Великаго государя царя, и великаго князя, Петра перваго, всероссійскаго Императора, на россійскіи съ латінскаго переведенное". Въ посвященіи панегирикъ Петру, которому поднесенъ былъ переводъ по возвращеніи его изъ-за границы. Бужинскій говорилъ, что слова: „молчатъ музы между оружіемъ" (silent musae inter arma) не идутъ къ Россіи: „царственный орелъ, въ сицевое время (т.-е. въ продолженіе войны) не токмо сохраняетъ и покрываетъ музы, но и самъ въ чтеніи книгъ, паче историческихъ, упражняется... всегда попеченіе имѣлъ, да историческія иноязычныя книги на славенскомъ языкѣ въ Россію происходятъ". О самомъ переводѣ замѣчено, что трудныя и темныя мѣста „Введенія" принадлежатъ не Пуфендорфу, а его переводчику Крамеру, который иногда отступалъ отъ подлинника, „показанія ради ума своего". Поэтому Бужинскій, при переводѣ такихъ мѣстъ, не зная нѣмецкаго языка, „больше послѣдовалъ исторіи смыслу, нежели словамъ и слогу". Бужинскій замѣчалъ дальше, что авторъ о восточной церкви говорилъ, какъ лютеранинъ: это могло бы привести въ соблазнъ православнаго читателя, но переводчикъ ничего не измѣнилъ въ подлинникѣ, чтобы не подумали, что онъ отъ себя сочинилъ книгу: „идѣже кое несогласіе обрѣтается, тамо на брезѣ (т.-е. на полѣ) объявлено имать быти"... Затѣмъ, помѣщено „толкованіе нѣкіихъ реченій трудныхъ, въ книзѣ сей обрѣтающихся". Пекарскій предполагалъ уже, что это уваженіе къ неприкосновенности иностранной книги въ русскомъ переводѣ обязано именно вмѣшательству царя, и приводитъ слѣдующій разсказъ: „Въ 1714 г., Гавріилъ Бужинскій представилъ Петру свой переводъ и царь тотчасъ же началъ его перелистывать съ явнымъ намѣреніемъ отыскать тамъ какое-

то мѣсто. Не находя его, государь съ гнѣвомъ обратился къ переводчику: „Глупецъ, что я тебѣ приказывалъ сдѣлать съ этою книгой?“—Перевести, — отвѣчалъ тотъ. „Развѣ это переведено, —возразилъ царь, указывая на статью о Россіи, изъ которой былъ выпущенъ при переводѣ приговоръ Пуфендорфа о русскихъ, не совсѣмъ лестный для національнаго самолюбія.—Тотчасъ поди,—прибавилъ Петръ,—и сдѣлай, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу вездѣ такъ, какъ она въ подлинникѣ есть“.

То мѣсто Пуфендорфа, которое Бужинскій затруднился перевести, было слѣдующее: „О нравѣхъ и разумѣ народа россійскаго ничтоже вспоминати имѣемъ, еже бы съ великою ихъ славою сопряжено было, ниже бо россіане тако суть устроены и политичны, яко же прочіе народы европейскіе. Въ письменахъ же толь неискусны, яко въ писаніи и прочтеніи книгъ совершенство ученія полагаютъ. Паче же и самые священницы толико суть грубы и всякаго ученія не причастны, яко токмо прочитавати едину и вторую божественнаго писанія главу, или толкованіе евангельское умѣютъ—больше же ничто же знаютъ. Зазорны же и невоздержательны суть, свирѣпы и кровежаждущіе человѣцы, въ вещѣхъ благополучныхъ безчинно и нестерпимою гордостію возносятся; въ противныхъ же вещѣхъ низложеннаго ума и сокрушеннаго. Обаче сами о себѣ высоко мнящіе, ниже высокоуміе ихъ всякимъ, хотя и великимъ почитаніемъ удоволитися можетъ. Ко прибылѣ и лихвѣ, хитростно собираемой, никій же народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ рабски смиряется, и жестокостію власти воздержатися въ повиновеніи любятъ, и якоже всѣ игры въ бояхъ и ранахъ у нихъ состоятся, тако бичевъ и плетей у нихъ и частое есть употребленіе“...

Впослѣдствіи, „Введеніе въ исторію“ въ переводѣ Бориса Волкова, издано было въ 1767—1777: это мѣсто сохранено, но прибавлено примѣчаніе, что нынѣ русскіе уже не тѣ, какими ихъ описывалъ Пуфендорфъ; впрочемъ, это примѣчаніе принадлежитъ не русскому переводчику, а позднѣйшему нѣмецкому изданію книги Пуфендорфа.

Другимъ, въ свое время очень извѣстнымъ, трудомъ Бужинскаго (вмѣстѣ съ помощниками) былъ переводъ „Историческаго Θеатра“ Стратемана, 1724: „Θеатронъ или позоръ историческій, изъявляющій повсюдную Історію священнаго писанія и гражданскую черезъ десять исходовъ и вѣки всѣхъ царей, імператоровъ, папъ римскихъ и мужей славныхъ и прочая; отъ начала міра даже до лѣта 1680 вкратцѣ ради удобнаго памят-

ствованія чрезъ Вилгелма Стратемана собранный". Эта книга вмѣстѣ съ Пуфендорфомъ была первымъ образцомъ изложенія всеобщей исторіи, смѣнявшаго старинный хронографъ. Стратеманъ былъ протестантскій епископъ въ Оснабрюкѣ. Книга писана въ протестантскомъ духѣ, и переводчикъ, вѣроятно наученный примѣромъ перевода Пуфендорфа, передавалъ книгу сполна, что впослѣдствіи повело къ ея запрещенію. Въ предисловіи и посвященіи Петру и Екатеринѣ, подписанныхъ Бужинскимъ и „потрудившимися съ нимъ", объясняется, во-первыхъ, причина посвященія: „вся ученія духовная и гражданская, въ нихъ же попеченіемъ тщаливымъ вашего императорскаго всепресвѣтлаго величества обучается младенчество, на историческомъ познаніи основана суть, сего ради основателю и зодчію приличествуетъ, да сія повсюдная исторія восписана будетъ. Ниже всуе рекъ, яко на семъ основаніи вся ученія зиждутся, иже бо не вѣсть, что прежде сего содѣяся, сей чрезъ все житіе свое отрокъ есть, глаголетъ Цицеронъ, краснорѣчія римскаго отецъ въ книгѣ о гражданской исторіи. Богословскаго познанія аще кто требуетъ, всю христіанскую богословію въ исторіи обрящетъ. Что бо суть иное ветхаго и новаго завѣта скрижали, аще не по вящшей части исторіа?"

Изъ предисловія къ доброхотному читателю опять видно, что переводчикъ понималъ значеніе книги, излагавшей невѣдомыя ранѣе историческія представленія. Сначала объясняется польза исторіи, подтверждаемая авторитетомъ славныхъ отцовъ церкви: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, а также Цицерона: „Гражданская исторія изслѣдуетъ о народѣхъ и ихъ началѣхъ, населеніяхъ и преселеніяхъ, о дѣлахъ во время брани и мира, о лицахъ и ихъ добродѣтелѣхъ и порокахъ, о монархіяхъ и ихъ состояніи и паденіи, о царствіяхъ и ихъ началѣ и окончаніи, о обществахъ и ихъ возрастеніи и пресѣченіи, купно же о вѣрѣ и бозѣхъ языческихъ, о временахъ и властителѣхъ во времена оная и о симъ подобномъ". Далѣе объясняется, почему избрана для перевода книга Стратемана: „Неудобь преплываемый есть окіанъ исторіи, ниже всякъ всѣхъ книгъ изобиліе имѣти можетъ". Онъ знаетъ огромный трудъ магдебургскихъ центуріаторовъ, которые писали исторію по столѣтіямъ отъ Рождества Христова и, такъ какъ совершали свой трудъ по отдѣленіи отъ римской церкви, то открыли во всеобщее свѣдѣніе всѣ „папежскія погрѣшенія, замыслы и высокоумія". Потомъ „Бароній, паки хотяй покрыти, противу ихъ написалъ своя превеличайшія на двѣнадцать вѣковъ книги, яже аще и сокращен-

ныя суть чрезъ Скаргу іезуита, но вездѣ папѣ воинствуютъ, срамъ и безчестіе его покрываютъ, польву же и господство разширяти тщатся. Тѣмъ же воспріяхомъ трудъ надъ сею книжицею, яко хотя имать творца протестантскія вѣры, обаче въ словахъ умѣреннаго, и яко кротшія повсюдныя исторіи доселѣ не видѣхомъ. Намъ же, аще бы и возможно собрати подобную исторію, яже бы ничто же противное содержала, но *препятіемъ есть лишеніе вивліовики, скудость латинскихъ, греческихъ же книгъ, и скудость и невѣдѣніе*". Переводчикъ предвидѣлъ и другое обстоятельство, что читателя „подвигнути къ ненавидѣнію книжицы сея можетъ оное обыкновеніе, еже книгъ иностранныхъ не читати". Онъ находитъ, что „прехвальный есть сей обычай, но съ разсужденіемъ": сами святые отцы повелѣваютъ учиться не только изъ христіанскихъ, но и изъ языческихъ книгъ, и въ послѣднихъ должно только отвращать очи отъ злыхъ нравовъ. „Аще убо лѣть есть книги языческія чести и отъ нихъ что полезное избирати, кое препятіе есть чести христіанскихъ авторовъ, аще и разномудрствующихъ съ нами, но съ таковымъ же разсужденіемъ, да яже противно суть здравому ученію, сія оставимъ или паче сего ради чтемъ, да *на оныя отвѣтствовати обучимся*".

Такимъ образомъ книжники этого времени въ первый разъ сознавали прямо наше „невѣдѣніе" и необходимость ученья хотя бы отъ разномудрствующихъ авторовъ, чтобы почерпнуть отъ нихъ недостающее намъ знаніе: книжники стараго времени не имѣли даже помышленія о томъ, чтобы имъ чего-нибудь недоставало... Историческая преемственность и постепенность сдѣлала, однако, то, что книги, изданныя при Петрѣ, вскорѣ по его смерти оказались слишкомъ смѣлыми для обычнаго уровня русскихъ понятій. При имп. Аннѣ Ивановнѣ въ 1738 году велѣно было отбирать у частныхъ лицъ книгу Пуфендорфа, и она была вновь разрѣшена уже при Елизаветѣ въ 1743; подобное случилось съ книгой Стратемана: при Елизаветѣ, въ 1749, „Θеатронъ" былъ запрещенъ, такъ какъ въ немъ были сполна переданы лютеранскія мнѣнія, напримѣръ даже неуважительные отзывы объ отцахъ церкви,—книгу велѣно было отбирать и отсылать въ Александро-Невскій монастырь.

Вѣроятно, питомцемъ кіевской академіи былъ іеромонахъ Симонъ Кохановскій, служившій при флотѣ. Отъ него остался въ рукописи переводъ одного сочиненія знаменитаго Юста Липсія: „Увѣщанія и приклады политическіе". Любопытно, что въ предисловіи онъ объясняетъ, что въ этой книгѣ „не вездѣ смо-

трѣлъ на латинскія слова Юста Липсія, но точію смотрѣлъ на силу исторіи, чтобы исторія русскимъ языкомъ была истинна, ясна и всякому вразумительна. А то для того, что помянутый авторъ нѣкая увѣщанія и приклады латинскимъ языкомъ написалъ кратко да темно и вельми скрытно, а мнѣ ради объясненія разума исторіи, нужда была тую самую вещь пространнѣйшими словами писать и нѣкія нужнѣйшія окрестности изображати. Вопреки, нѣкія онъ исторіи написалъ по широко, да темно же, а мнѣ возмнилося оныя сократити и объяснить". Полагаютъ, что эта „рукописная книга Юста Липсія" впослѣдствіи играла роль въ дѣлѣ Артемія Волынскаго: на него показывали, что одно мѣсто въ этой книгѣ о королевѣ неаполитанской Іоаннѣ онъ примѣнялъ къ современнымъ событіямъ въ Россіи,—въ обвинительномъ актѣ было сказано, что Волынскій „питалъ на ея величество злобу и уподоблялъ ее описанной въ Юстѣ Липсіи королевѣ".

Тотъ же Кохановскій былъ извѣстенъ и какъ проповѣдникъ. По замѣчанію Пекарскаго, вѣроятно справедливому, Кохановскій былъ именно подражателемъ той манеры, какая отличала проповѣди Ѳеофана Прокоповича. Въ одной изъ его проповѣдей читаемъ слѣдующее изобличеніе раскола и вообще суевѣрія, съ тѣми же реальными бытовыми подробностями и съ тою же защитою новыхъ обычаевъ во имя здраваго смысла.

„Откуду бо бываетъ, что мнозіи отъ насъ съ цѣлыми домами, женами и дѣтьми, оставивше честное гражданское сожительство и общеніе церкви святой, бѣгутъ изъ градовъ въ пустыни и тамо скотское и звѣрское житіе проводятъ? А другіе, покинувъ честную жену и чады, а иные, оставивъ праведную службу государеву, бѣгутъ въ темные лѣса и разбойникамъ сообщаются? А которые, будто лучшіе, бѣгутъ отъ службы государевой въ монастыри и монашествомъ покрываются!.. Мнятъ бо бѣдные и не наученые человѣцы, что въ пустынѣ, ради самой точію пустыни, или въ монастырѣ, ради самого точію монастыря, бо́льшее и скорѣйшее спасеніе неже въ мірѣ, въ честномъ супружествѣ и въ гражданскомъ сожительствѣ. И того ради, прельщенны прелестью нѣкихъ погибельныхъ человѣковъ раскольническихъ или паче еретическихъ учителей, мнятъ, что женитьба скверна и что со женою невозможно спастися. А другіе, подъ видомъ благоговѣнія, бѣгаютъ отъ праведной и богоугодной службы и отъ тяжкихъ трудовъ, ищутъ себѣ отдышки и прохлады въ скитахъ и въ монастыряхъ, будто—они мнятъ—что бо́льшіе труды въ монастыряхъ, нежели въ солдатствѣ, или на

иной службѣ государевой... А того бѣдные не знаютъ, а другіе и знати не хощутъ, что Богъ не зритъ такъ на клобукъ, какъ на парикъ, или на простую шапку, такъ на раздранное и гаусное рубище, какъ на чистую и честную ризу и на прочіе внѣшніе строи и манеры; но зритъ на дѣла и на помышленія человѣческая, что человѣкъ дѣлаетъ и что думаетъ". Весь міръ наполнился бабьими баснями и мужицкими суевѣріями: „уже бо нынѣ не точію священницы и прочіе книжные люди, но и неграмотные мужики и бездѣльныя деревенскія бабы всю тую діавольскую богословію наизусть имѣютъ—которая пятница святѣйшая и которая сильнѣйшая, которая избавляетъ отъ огня, которая отъ воды, которая отъ вѣчной муки; что ясти и чего не ясти; что пити и чего не пити и прочая симъ подобная бездѣлья и идолослуженія. А молитву Господню Отче нашъ развѣ сотый или тысящный мужикъ умѣетъ! На сколько просфорахъ обѣдню служити—всѣ о томъ ссорятся, а что есть причастіе Тѣла и Крови Христовой, того и не поминай... Сказки бездѣльныя, скверныя бабьи пѣсни и продолженныя срамотныя пѣсни и малыя дѣти наизусть умѣютъ, а десять заповѣдей божіихъ и старые мужики того не знаютъ!.." Опять полная противоположность съ недавней стариной, которая придавала такое великое значеніе внѣшности, обряду, буквѣ. Этотъ самый тонъ поученія или обличенія мы видѣли у Ѳеофана, которому и современники и позднѣйшіе историки приписывали наклонность къ протестантскимъ взглядамъ: онъ дѣйствительно отдавалъ предпочтеніе протестантской теологіи предъ католическою, но въ подобныхъ обличеніяхъ Ѳеофанъ, Кохановскій и другіе люди ихъ мнѣній могли просто руководиться антипатіей учившихся людей къ суевѣрію, которое дѣйствительно часто превышало всякую мѣру; а кромѣ того это были малоруссы, которымъ были чужды религіозныя особенности великорусской старины.

Не будемъ перечислять другихъ питомцевъ кіевской школы, которые явились сотрудниками Петра въ его книжныхъ предпріятіяхъ. Назовемъ еще одного человѣка, біографія и самое происхожденіе котораго до сихъ поръ не выяснены и который былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ тружениковъ въ томъ книжномъ направленіи, какого искалъ Петръ. Это былъ Илья Копіевскій или Копіевичъ, работавшій въ Амстердамѣ и печатавшій по приказамъ Петра разнообразныя книги собственнаго сочиненія или перевода. Въ прошеніяхъ Петру онъ называлъ себя „духовнаго чину, вѣры реформатскія, Амстердамскаго собору"; въ привилегіи голландской республикѣ онъ названъ полякомъ, жившимъ

въ Амстердамѣ. Сначала онъ печаталъ свои книги въ типографіи Тессинга, получившаго въ Амстердамѣ привилегію отъ русскаго царя, но потомъ завелъ свою типографію; онъ занимался также обученіемъ русскаго юношества; потомъ онъ переѣхалъ въ Россію, но дѣла его шли вообще неудачно. Онъ составилъ нѣсколько книгъ по грамматикѣ, реторикѣ, ариѳметикѣ, исторіи, воинскому и морскому дѣлу, перевелъ Езоповы басни, Квинта Курція объ Александрѣ Македонскомъ, составилъ разговоры на трехъ языкахъ, даже переводилъ Горація въ стихахъ.

Другой разрядъ книжныхъ дѣятелей происходилъ изъ домашней школы—славяно-греко-латинской Академіи, изъ ея преподавателей и питомцевъ, и московскихъ типографскихъ справщиковъ. Назовемъ изъ нихъ извѣстнаго нѣкогда Ѳедора Поликарпова: это былъ ученикъ Лихудовъ, переводчикъ ихъ твореній съ греческаго, управлявшій потомъ московскою типографіей, наконецъ, усердный слагатель силлабическихъ виршъ, переводчикъ и компиляторъ. Въ московской школѣ, — говоритъ онъ, — „нѣкоторый талантецъ славено-греко-латинскихъ наукъ, божіею помощію, пріобрѣтохъ“. Это былъ книжникъ въ старомъ стилѣ, въ качествѣ ученика Лихудовъ, врагъ „латинской части“, и сначала онъ весьма недружелюбно относился къ появлявшимся книжнымъ нововведеніямъ. Въ 1701 году онъ напечаталъ „Букварь“ славянскихъ, греческихъ и латинскихъ письменъ и въ предисловіи, разсказавъ о сошествіи Святаго духа на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ, онъ восхваляетъ Петра, который изданіемъ книгъ московской типографіи прославляетъ имя Божіе и, наконецъ, замѣчаетъ, что въ его букварѣ находятся не рѣчи Солона, Ликурга, Цицерона, Виргилія и Овидія, но заповѣди Божіи и отеческія творенія, „не Есопа фригійскаго (изданнаго Копіевскимъ) здѣ смѣхотворныя узрите басни типографско зримы; но обрящете себѣ предложенъ стостепенный въ небо восходъ“ (т.-е. Стословецъ патріарха Геннадія, давнюю принадлежность школьнаго обученія) и т. д. По старинному въ букварѣ восхваляется розга и прибавлены даже картинки, изображающія расправу дидаскала со школьниками. Въ 1704 Поликарповъ издалъ „Лексиконъ треязычный, сирѣчь реченій славенскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ сокровище“. Въ „увѣщательномъ извѣщеніи благоразумному читателю“ Поликарповъ предполагаетъ, что многимъ трудъ его покажется ненужнымъ, такъ какъ довольно своего языка, чтобы говорить между собою; но знаніе языковъ одобряетъ самъ Спаситель и оно полезно тѣмъ, что искореняетъ злочестивыя вѣры, и не мало иноземцевъ, имѣя

руководство для изученія славянскаго языка, приходило бы въ благочестіе. Притомъ иностранцы внесли въ нашъ языкъ множество своихъ рѣчей, отчего „чистота славянская засыпася отъ чужестранныхъ языковъ въ пепелъ". Греческій языкъ для русскихъ необходимъ потому, что съ него переведены книги священнаго писанія; латинскій языкъ употребляется особенно въ гражданскихъ и школьныхъ дѣлахъ, а потому необходимъ воину и художнику. Въ 1721 Поликарповъ издалъ съ нѣкоторыми измѣненіями старую грамматику Мелетія Смотрицкаго, противъ которой сталъ скоро возставать Тредьяковскій. Наконецъ, мудрый книжникъ долженъ былъ исполнять переводы и по царскимъ приказамъ. Ему пришлось употребить свой „талантецъ" на переводъ географіи Варенія. Въ предисловіи къ переводу онъ признается въ своей немощи перевести эту многотрудную и премудрую книгу, но по приказу пресвѣтлаго величества „малымъ и худымъ кораблецемъ смысла моего съ прочими на широкій сей океанъ толкованія пуститися дерзнулъ". Онъ замѣчаетъ дальше, что переводилъ не на „самый высокій славенскій діалектъ",—который онъ самъ бы вѣроятно предпочелъ,—но „множае гражданскаго посредственнаго употреблялъ нарѣчія, охраняя сенсъ и рѣчи оригинала иноязычнаго".

Съ тѣхъ поръ, какъ московская школа была въ рукахъ наставниковъ Поликарпова, Лихудовъ, характеръ ея очень измѣнился. Ея новые руководители, опять изъ кіевлянъ, питали сочувствіе къ нововведеніямъ Петра и къ его заботамъ о просвѣщеніи. Петръ любилъ отмѣчать свои побѣды или иныя политическія удачи всенародными торжествами, и московская Академія, какъ разные ученые люди въ Петербургѣ, принимала участіе въ устройствѣ такихъ торжествъ съ миѳологическими аллегоріями и символами, рѣчами и т. п. Полтавская побѣда вызвала цѣлый рядъ торжествъ церковныхъ и народныхъ, и отозвалась книгами и брошюрами. Явилась прежде всего „обстоятельная реляція" о побѣдѣ, которая тогда же вышла въ нѣсколькихъ переводахъ на нѣмецкій и голландскій языкъ. Въ Кіевѣ, „при всенародномъ собраніи въ престольной церкви святыя Софіи" и въ присутствіи самого Петра, произнесенъ былъ „Панегирикосъ, или слово похвальное о преславной надъ войсками свѣйскими побѣдѣ", тогда же два раза напечатанный. Это была рѣчь Ѳеофана; къ ней присоединены были, какъ говорится въ предисловіи, „торжественныя ритмы, во славу тоя же неслыханныя твоея викторіи, тройственнымъ діалектомъ латинскимъ, словенскимъ и польскимъ сложенныя отъ мене (по мѣрѣ малоискусства моего),

яже наипервое по побѣдѣ въ Кіевъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества пришествіе напечатати и произнести тщахся, аще бы нужнѣйшихъ тогда царскихъ дѣлъ не имѣла типографія". Далѣе, была сочинена Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ и напечатана благодарственная служба о дарованной Богомъ побѣдѣ. Наконецъ, въ Москвѣ славяно-греко-латинская Академія воздвигла для встрѣчи Петра торжественныя врата, на которыхъ не только объяснила исторію шведской войны, но и цѣлую исторію россійскаго Геркулеса. Для объясненія вратъ издана была особая книжка: „Політіколѣпная Апоѳеосіс достохвальныя храбрості всеросііскаго Геркулеса... По преславної викторіі надъ хімероподобнымі дівамі гордынею, рекше неправдою, і хіщеніемъ свѣіскимъ, на генералної баталіі въ нынѣшнемъ 1709 году, въ 27 і 30 день мѣсяца іуніа, бывшеі подъ Полтавою близь Переволочної, і на іныхъ премногіхъ Марсовыхъ случаяхъ, со подвігоположнымъ і побѣдоноснымъ православнымъ воінствомъ своімъ, всенароднымъ радованіемъ возвращающагося въ царствующіі градъ своі Москву, въ премудрыя Аѳіны (сі есть Палады) великоросііскія Ареопагъ узаконенная отъ елліно-славено-латінскія же его царскаго пресвѣтлаго величества академіі московскія". Дѣянія Петра сравниваются съ подвигами Геркулеса: „О Геркулесѣ повѣствуютъ, что онъ въ колыбели растерзалъ двухъ змѣй. Видѣла Россія начало царствія пресвѣтлѣйшаго монарха нашего и ужаснулась смущенія, ненависти, бунту, паче Геркулесовыхъ зміевъ царство Его Величества заразившихъ и осквернившихъ. Но прехрабрый сей еще въ юности своей Геркулесъ дерзновенно растерзалъ ихъ, смиривъ и казнивъ крамольниковъ". Авторъ „Апоѳеозиза" говоритъ о дѣтскихъ потѣхахъ Петра, потомъ объ его путешествіяхъ, и доказываетъ необходимость знакомства съ другими землями и народами: „Малодушныя и простолюдинныя души въ дому пребываютъ и привязаны къ своей землѣ. Земля между прочими стихіями самая нечистая и гнили подлежащая, зане пребываетъ на томъ же мѣстѣ, на немъ же бысть создана. Воздухъ же, движенія своего ради, чистъ и легокъ. Вода такожде морская и озерная солона и гнила, рѣчная же и ключевая — самая чистая и здоровая. Такъ поистинѣ всякой доматоръ у политиковъ грубъ и посмѣянію достоинъ... Почему благоразумный опасаться будетъ чуждыя посѣщати страны? Того ли токмо ради, что чужія государства токмо незнакомыя суть страны и привыкать къ нимъ трудно? Но всякая земля человѣку разумному отечество есть, всякъ воздухъ орлу есть проходимый. Если бъ кто, въ отечествѣ живучи, а не въ томъ дому, гдѣ

родился, сѣтовалъ бы сего ради и сокрушался,—поистинѣ за полоумнаго и ничтожнаго былъ бы почитанъ. Убытокъ ли тя устрашаетъ и коштъ на путешествіе? Но, малоумный, возьми только приходныя и расходныя книги свои, по истинѣ увидишь, что многажды вдвое расходу нежели приходу... Телятком ты родился, быкомъ выростешь угодный для сохи и ярма, а не для *политичныхъ функцій*. Всякій благоразумный политикъ премудрость и искусство паче всѣхъ богатствъ почитаетъ... *Свѣтъ сей есть едина превеликая книга*, на нейже Создатель неизреченныя премудрости своей ѳезесъ написалъ: на овой убо части сію, на овой—иную. Не всякая земля всѣ плоды приноситъ. Такъ и премудрый Создатель не всѣ искусства всякой землѣ далъ, но иной—то, другой—иное, да тако разсѣянныхъ человѣковъ приведетъ до *людскости*, взаемныя знакомости и дружества исканіемъ сихъ, что иной имать, иной же не имать".

Изъ московскихъ школъ Петръ приказывалъ выбрать добрыхъ латинниковъ, чтобы послать ихъ въ распоряженіе повѣреннаго въ дѣлахъ въ Вѣнѣ Авраама Веселовскаго, именно въ Прагу, для переводовъ, о которыхъ, какъ дальше увидимъ, Петръ самъ переписывался съ Веселовскимъ. Были посланы Воейковъ и впослѣдствіи довольно извѣстный Кроликъ. Еще одинъ латинникъ, котораго хотѣли отправить за границу, Ильинскій, жилъ въ домѣ князя Кантемира: князь не отпустилъ его, но Ильинскій также переводилъ книги, напримѣръ, Систему магометанской религіи, изданную въ 1722. Потомъ посылали и другихъ въ Прагу „для либеральныхъ наукъ".

Новый рядъ книжныхъ дѣятелей вышелъ изъ стариннаго учрежденія, игравшаго своеобразную роль вѣдомства иностранныхъ дѣлъ и собранія свѣдущихъ книжниковъ. Это былъ посольскій приказъ. Нѣкогда для посольствъ брали прямо иноземцевъ, такъ какъ требовалось знаніе языковъ: это бывали греки, итальянцы, нѣмцы, англичане; наконецъ, находились русскіе, какимъ-либо образомъ научавшіеся иностраннымъ языкамъ. Въ подъячіе посольскаго приказа набирали молодыхъ людей особливо даровитыхъ. Переводчики приказа, иноземцы, а потомъ и русскіе, въ XVII вѣкѣ обязаны были переводить для царя иностранныя газетныя извѣстія, но они переводили также и книги. Въ началѣ XVII вѣка Гозвинскій, „переводчикъ греческихъ словъ и польскихъ", перевелъ басни Езопа; датчанинъ Гельмсъ (Эльмстонъ), котораго зналъ Олеарій, владѣя всѣми европейскими языками,—при царѣ Михаилѣ,—перевелъ на русскій языкъ нѣсколько латинскихъ и французскихъ книгъ; при Алексѣѣ пе-

реводчикомъ посольскаго приказа былъ ученый нѣмецъ Келлерманъ и т. д.

Посольскіе переводчики дѣйствовали и во времена Петра. Таковъ былъ извѣстный Андрей Виніусъ, изъ голландцевъ, давно обжившихся въ Россіи (1632—ум. около 1715). При Алексѣѣ Михайловичѣ онъ былъ царскихъ дѣлъ переводчикъ и тогда уже перевелъ на русскій нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ „Зрѣлище житія человѣческаго, въ немъ же изъяснены суть дивныя бесѣды животныхъ со истинными къ тому приличными повѣстьми“ и пр.; составилъ нѣчто въ родѣ дорожника съ указаніемъ разстояній, между прочимъ, къ иностраннымъ городамъ. Въ 1685 онъ завѣдывалъ въ Россіи почтами, былъ послѣ думнымъ дьякомъ, по праздникамъ „государей царей пресвѣтлыя очи видалъ“; потомъ замѣшанъ былъ въ дѣло Шакловитаго тѣмъ, что переслалъ въ Амстердамъ для новаго печатанія за границей портретъ царевны Софіи, сначала отпечатанный въ Москвѣ; но вскорѣ за тѣмъ онъ сблизился съ Петромъ, который, вѣроятно, увидѣлъ въ немъ полезнаго человѣка, исполнялъ всякія порученія царя, напримѣръ, управлялъ сибирскимъ приказомъ, учредилъ первую навигацкую школу, давалъ указанія объ устройствѣ торжественныхъ въѣздовъ, просматривалъ и самъ дѣлалъ переводы иностранныхъ книгъ. Здѣсь онъ трудился надъ „воинскими правами“, механикой, фортификаціей, „фундаментнымъ строеніемъ“, „огнестрѣльной книжицей“ и т. п. По смерти Виніуса книги его были взяты въ 1718 въ казенную библіотеку и перешли потомъ въ Академію наукъ.

Въ концѣ XVII вѣка въ посольскомъ приказѣ работалъ надъ переводами Петръ Шафировъ, при Петрѣ Великомъ баронъ и вице-канцлеръ, и братъ его Михаилъ. При Петрѣ онъ сталъ политическимъ писателемъ; ему принадлежитъ извѣстное „Разсужденіе, какіе законные причины его царское величество Петръ первый царь и повелитель всероссійскій и протчая, и протчая, и протчая, къ начатію войны противъ короля Карола 12, шведского 1700 году имѣлъ, и кто изъ сихъ обоихъ потентатовъ, во время сеи пребывающей войны, болѣе умѣренности и склонности къ примиренію показывалъ, и кто въ продолженіи оной съ толь великимъ разлитіемъ крови христіянской, и разореніемъ многихъ земель виновенъ; и съ которой воюющей стороны та война по правиламъ христіанскихъ и политичныхъ народовъ болѣе ведена“ и пр.,—гдѣ многія мѣста написаны были самимъ Петромъ. До временъ Петра дожилъ еще иноземецъ, Николай Спаѳарій: валахскій грекъ, родственникъ господаря, изгнанный

изъ своего отечества за политическія интриги, причемъ ему былъ урѣзанъ носъ, онъ съ 1672 года находился на русской службѣ въ посольскомъ приказѣ, принималъ здѣсь участіе въ „строеніи“ книгъ, самъ писалъ и переводилъ и извѣстенъ между прочимъ посольствомъ въ Китай. Молодые люди, учившіеся за границей, попадали въ переводчики государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и независимо отъ того занимались переводами: таковы были двое Волковыхъ, Борисъ и Григорій, двое Зотовыхъ, сыновей перваго учителя Петра, Василій Суворовъ. Послѣднему принадлежитъ: „Истінныи способъ укрѣпленія городовъ, изданныи отъ славнаго Інженѣра Вобана, на французскомъ языкѣ. Нынѣ же преложенъ съ французскаго на россіискіи языкъ“, изданный повелѣніемъ Петра въ 1724. Это былъ отецъ знаменитаго полководца, и послѣдній говорилъ, что отецъ „при ежедневномъ чтеніи и сравненіи съ оригиналомъ сего перевода, изволилъ самъ меня руководствовать къ познанію сей столь нужной и полезной науки“.

Изъ первыхъ посланцевъ за границу одинъ князь Долгорукій, жившій въ Венеціи, перевелъ „Архитектуру цывильную“; П. А. Толстой перевелъ Овидіевы „Превращенія“, которыя остались неизданными.

Изъ новѣйшихъ пришельцевъ былъ переводчикомъ извѣстный Савва Рагузинскій, далматинскій негоціантъ, русскій политическій агентъ, вступившій наконецъ прямо на русскую службу и впослѣдствіи графъ. Онъ перевелъ съ итальянскаго книгу Мавро Орбини о древней славянской исторіи и „Совѣты премудрости“.

Наконецъ, Петръ желалъ воспользоваться для переводовъ даже плѣнными шведами. Въ 1714 онъ писалъ московскому коменданту Измайлову: „Господинъ комендантъ! Посылается къ вамъ роспись шведамъ, которые умѣютъ по-русски и которыхъ мы могли напамятовать; но понеже ихъ болѣе того числа есть, того ради вездѣ провѣдай о нихъ и, собравъ сколько возможно, пришли сюда, а дѣло ихъ то, что имъ переводить книги съ шведскаго на россійскій языкъ“. Извѣстно, что плѣнные шведы заводили школы; имъ предлагали поступать для отправленія дѣлъ въ коллегіи, въ ряду тѣхъ „ученыхъ и въ правостяхъ искусныхъ людей“, которыхъ Петръ для этой цѣли выписывалъ изъ-за границы [1]).

[1]) Позднѣе, въ 1716, велѣно было „послать въ Королевецъ человѣкъ 30 или 40, выбравъ изъ молодыхъ подъячихъ, для науки нѣмецкаго языка, дабы удобнѣе въ коллегіумѣ были... робятъ добрыхъ и умныхъ, которые бы могли науку воспріять, а чтобъ были лѣтами отъ 15 до 20“.

Такъ разнообразны были средства, какими долженъ былъ дѣйствовать Петръ, и изъ такихъ далекихъ одинъ отъ другого круговъ выходили его исполнители. Онъ бралъ всѣ наличные элементы, какіе могли служить его дѣлу. Значительная часть ихъ была уже готова раньше: кіевская академія, московская славяно-греко-латинская школа, посольскій приказъ; но какъ эти прежнія, такъ и новыя силы, которыя были ими привлечены, возъимѣли эту усиленную дѣятельность только и именно потому, что ихъ вела энергическая воля Петра.

Новѣйшіе строгіе судьи говорятъ о недостаткѣ системы, объ отрывочности плановъ Петра, — но, не касаясь политическихъ задачъ, которыя онъ ставилъ и которыхъ достигалъ, довольно остановиться на книжной сторонѣ его трудовъ, на Петровской литературѣ, чтобы увидѣть именно систему и опредѣленный планъ, насколько они были выполнимы при скудныхъ средствахъ того времени.

Предшествующее время дало ему зародыши образовательныхъ интересовъ, но очень мало людей, пригодныхъ къ работѣ, хотя бы только къ переводу. „Писатели“ были ограничены тѣснымъ горизонтомъ мысли и свѣдѣній, незнаніемъ литературныхъ формъ, тяжелымъ искусственнымъ языкомъ. Не трудно видѣть, что теперь свое содержаніе они заимствовали изъ тѣхъ фактовъ, которые создавала дѣятельность Петра, изъ тѣхъ мыслей, которыя онъ заявлялъ въ своихъ нововведеніяхъ или прямо высказывалъ въ своихъ законахъ и бесѣдахъ въ ближайшемъ кругу. Его питомцы, отправляясь за границу, могли только изумляться невиданному богатству науки и искусства; многое осталось имъ невразумительно, но они чувствовали, что въ этихъ наукѣ и искусствѣ есть работа человѣческаго ума и нравственное достоинство просвѣщенія.

Время Петра и затѣмъ весь восемнадцатый вѣкъ упрекаютъ въ подражательности. Дѣйствительно, очень часто она была явная; но забываютъ, что „подражаніе“ прежде и главнѣе всего состояло въ усвоеніи самыхъ элементарныхъ познаній, какъ грамматика, ариѳметика, географія, исторія и т. п., и тѣ практическія знанія, какія были необходимы для техническихъ и военныхъ нуждъ государства. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность Петра была бы шире и цѣльнѣе, если бы онъ нашелъ болѣе подготовленную почву и людей,—теперь многое надо было начинать именно съ азбуки, въ томъ числѣ ему самому: преобразованіе по необходимости становилось разбросаннымъ и поспѣшнымъ. Его собственная природа была такова, что его неудержимая энергія

бралась за все вдругъ; затѣмъ, онъ слишкомъ хорошо зналъ своихъ подданныхъ и соотечественниковъ—слишкомъ давно и крѣпко вкоренилась полу-восточная медлительность, умственная и физическая лѣнь; онъ шелъ впереди своего вѣка, давая образецъ необычайнаго труда и подвижности. Была и еще причина его поспѣшности. Въ половинѣ своего поприща онъ долженъ былъ увидѣть, что ему нельзя ждать преемника своихъ идей, не на кого было оставить продолженіе своихъ предпріятій, и надо было спѣшить самому сдѣлать все, что возможно. Надо было по крайней мѣрѣ оставить примѣръ.

При этихъ условіяхъ дѣло преобразованія и не могло идти иначе. Книжная дѣятельность того времени, въ которой онъ принималъ самое живое участіе, поражаетъ не только разнообразіемъ, но цѣлостью и глубиной его замысловъ: самъ онъ, конечно, никогда не готовился быть книжникомъ, и удивительна та ревность и часто мѣткость, какія онъ вносилъ въ свои книжные труды среди безконечнаго множества крупныхъ и мелкихъ, политическихъ и военныхъ заботъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ Петръ увидѣлъ, что для усвоенія иноземнаго знанія надо обратиться къ иноземнымъ книгамъ. Въ Эрмитажной библіотекѣ сохранилась рукопись, которая свидѣтельствуетъ, что онъ приказывалъ переводить книги, когда ему было всего тринадцать лѣтъ. Это—прекрасная рукопись съ отчетливо нарисованными тушью чертежами, подъ заглавіемъ: „Художества огненныя и разныя воинскія орудія ко всякимъ городовымъ приступамъ и ко оборонѣ приличныя, издателемъ Іосифомъ Бойлотомъ Лангрини изобрѣтенныя. Съ французскаго переведены на нѣмецкій языкъ Яганомъ Бранціемъ. Печатано въ Стразбурхѣ 1603 г., по числу россійскаго счету 7111 году. А по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, переведено съ французскаго и нѣмецкаго языка на русскій языкъ 7193 (1685) году“.

Послѣ перваго давняго опыта, Петръ повелъ заботу о переводахъ систематически. Во-первыхъ, онъ воспользовался тѣми людьми, какіе имѣлись: ученые іерархи, преподаватели школъ, монахи и молодые люди, прошедшіе ученую школу въ Кіевѣ и частію въ Москвѣ; практики посольскаго приказа, иноземцы и русскіе. Во-вторыхъ, онъ старается образовать новыхъ переводчиковъ: какъ онъ собралъ ненужныхъ ему стольниковъ и спальниковъ и послалъ ихъ за границу учиться навигацкому дѣлу,

такъ потомъ отправлялъ способныхъ людей за-границу для „либеральныхъ наукъ“. Всѣмъ этимъ онъ распоряжался самъ. Въ декабрѣ 1716 онъ пишетъ къ Мусину-Пушкину изъ Амстердама: „По полученіи выберите немедленно изъ латинской школы лучшихъ рабятъ, высмотря гораздо которые поострыя, человѣкъ 10, и пришлите моремъ на шнавѣ, которую будетъ отпускать генералъ фельдъмаршалъ и губернаторъ кн. Меншиковъ“. „Рабятъ“ брали вообще безъ особыхъ церемоній, когда они оказывались нужны. Это было исконное, можно сказать, фанатическое представленіе Петра о службѣ государству, представленіе давнишнее, но которое онъ началъ примѣнять съ небывалой прежде строгостью.

Петръ нуждался въ людяхъ, потому что работы все больше разростались. Такъ было и въ книжныхъ дѣлахъ. Онъ самъ выбиралъ или одобрялъ книги, которыя надо было составить, перевести и напечатать. Книги церковныя издавались, какъ прежде, по благословенію духовныхъ властей, въ Кіевѣ по благословенію Кіево-Печерской лавры, и въ нихъ упоминалось только, что онѣ выходили при его царствованіи. Книги свѣтскія, учебныя и научныя по всякимъ спеціальностямъ печатаются „повелѣніемъ“ или „по указу“ царя, начиная съ того „Введенія краткаго во всякую исторію“, которое издано было Копіевскимъ въ друкарнѣ Тессинга въ Амстердамѣ 1699. И это не была только формальность, потому что множество книгъ подобнаго рода дѣйствительно прошло черезъ руки царя. Мы приводили примѣры того, какъ онъ указывалъ книги для перевода, торопилъ переводчиковъ, грозя не давать жалованья; наконецъ, онъ самъ пересматривалъ книги, требовалъ исправленія или самъ исправлялъ дурно переведенное.

Между прочимъ упрекали Петра въ его узко утилитарныхъ интересахъ. Напротивъ, мы видимъ здѣсь, что онъ заботится не только о техническихъ знаніяхъ: рядомъ съ книгами по военному, морскому, артиллерійскому и т. п. дѣлу, онъ настаиваетъ на переводѣ книгъ широкаго научнаго содержанія. Ему нужно было историческое сочиненіе Пуфендорфа, и онъ недоволенъ Бужинскимъ, когда тотъ исключилъ изъ текста неблагопріятные отзывы о русскихъ. Въ 1715 онъ пишетъ Веселовскому въ Вѣну: „...Сыщите книги: Лексиконъ универсалисъ, который печатанъ въ Лейпцигѣ у Томаса Фрича, другой Лексиконъ универсалисъ же, въ которомъ есть всѣ художества, которой выданъ въ Англіи на ихъ языкѣ, и оной сыщите на латинскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ. Такожъ сыщите книгу юриспруденцію, и какъ ихъ сы-

щешь, тогда надобно тебѣ съѣздить въ Прагу и тамъ въ езувицкихъ школахъ учителемъ говорить, чтобъ они помянутыя книги перевели на словенскій языкъ, и о томъ съ ними договоритесь, почемъ они возмутъ за работу отъ книги и о томъ намъ пишитежъ. И понеже нѣкоторыя рѣчи ихъ несходны съ нашимъ словенскимъ языкомъ и для того можемъ къ нимъ прислать русскихъ нѣсколько человѣкъ, которые знаютъ по латини и лучше могутъ несходныя рѣчи на нашемъ языкѣ изъяснить. *Въ семъ гораздо постарайся, понеже намъ сіе гораздо нужно*". Ему же заказываетъ онъ прислать исторію Юлія Цезаря на латинскомъ языкѣ. Въ 1716 году Петръ пишетъ ему же: „Такожъ старайтесь достать книгу лексиконъ Телниковъ (artium et scientiarum), которая выдана въ Англіи, и чтобъ оная была на латинскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, и отдайте переводить въ помянутый кляшторъ къ іезуитамъ, и о цѣнѣ съ ними за переводъ оной договорись. Ежели жъ (паче чаянія) что на латинскомъ или нѣмецкомъ языкѣ такой книги не сыщите, а можетъ быть что сыщутъ тѣ іезуиты и англійскаго языку переводчика, то купите и на англійскомъ языкѣ и пошлите ту, чтобъ переводили съ англійскаго на словенскій языкъ".

Въ послѣдніе годы жизни Петръ опять вспомнилъ о Пуфендорфѣ и, бывши въ засѣданіи синода въ декабрѣ 1721, велѣлъ перевести „на словенскій діалектъ" книгу De officiis hominis et civis. Переводъ былъ оконченъ справщикомъ Кречетовскимъ только къ 1724 году и лежалъ въ синодѣ, когда въ сентябрѣ этого года полученъ былъ собственноручный указъ Петра: „посылаю при семъ книгу Пуфендорфа, въ которой два трактата, первой—о должности человѣка и гражданина, другой — о вѣрѣ христіанской; но требую, чтобы первый токмо переведенъ былъ, понеже въ другомъ не чаю къ пользѣ нуждѣ быть, и прошу, дабы не по конецъ рукъ переведена была, но дабы внятно и хорошимъ штилемъ". Повелѣніе о напечатаніи книги было исполнено только по его смерти.

Другимъ живымъ интересомъ Петра была исторія русская. Наслѣдіемъ отъ старины былъ Синопсисъ, два раза напечатанный при Петрѣ, но едва ли его удовлетворявшій; Петръ рано сталъ думать о необходимости другой книги. Въ 1708, и потомъ въ 1712, Мусинъ-Пушкинъ нѣсколько разъ писалъ объ этомъ Ѳедору Поликарпову, которому поручалось написать русскую исторію отъ начала царствованія великаго князя Василія Ивановича и до настоящаго времени. Повидимому, Петра именно интересовало изложеніе русской исторіи со временъ перваго

установленія того московскаго государства, которое теперь онъ самъ стремился укрѣпить и возвеличить. Для образца Поликарпову велѣно было описать первыя пять лѣтъ, въ двухъ редакціяхъ, краткой и пространной. Въ 1712 Мусинъ-Пушкинъ подтверждалъ: „*съ великимъ желаніемъ* царское величество приказалъ къ тебѣ о семъ писать"; или: „понеже его царское величество желаетъ вѣдать россійскаго государства исторію, и о семъ первѣе трудиться надобно, *а не о началѣ свѣта* и другихъ государствахъ, понеже о семъ много писано. И того ради надобно тебѣ изъ русскихъ лѣтописцевъ выбирать и въ согласіе приводить прилежно. О семъ имѣй стараніе да имаши получить немалую милость; отъ гнѣва же (царскаго) да сохранитъ тебя Боже!" Петръ вѣроятно желалъ исторіи болѣе свѣжей, гдѣ было бы пониманіе политическихъ интересовъ, какъ потомъ онъ желалъ видѣть въ исторіяхъ собственнаго времени, напримѣръ свейской войны; но ученикъ Лихудовъ былъ такой старосвѣтскій книжникъ, что составилъ вѣроятно высокопарную компиляцію въ старомъ вкусѣ, которая не могла удовлетворить Петра. Книга была наконецъ написана, но въ январѣ 1716 Мусинъ-Пушкинъ извѣщалъ Поликарпова: „исторія твоя россійская... не очень благоугодна была". Нѣсколько разъ Петръ дѣлалъ распоряженія о собираніи старыхъ лѣтописцевъ, хронографовъ и другихъ матеріаловъ для русской исторіи: съ 1720 года повелѣвалось пересылать ихъ изо всѣхъ епархій въ сенатъ, потомъ въ синодъ, между прочимъ снимая копіи. Напримѣръ, предписывалось губернаторамъ: „во всѣхъ монастыряхъ, и епархіяхъ и соборахъ прежнія жалованныя грамоты и другія куріозныя письма оригинальныя, такожде и историческія рукописныя и печатныя книги пересмотрѣть и переписать... и тѣ переписныя книги прислать въ сенатъ". Или распоряженіе по духовному вѣдомству: „изъ всѣхъ епархій и монастырей, гдѣ о чемъ по описямъ куріозные, т.-е. древнихъ лѣтъ рукописанные на хартіяхъ и на бумагѣ церковные и гражданскіе лѣтописцы, степенныя, хронографы и прочіе имъ подобные, что гдѣ таковыхъ обрѣтается,—взять въ Москву въ синодъ, и для извѣстія оные списать и тѣ списки оставить въ библіотекѣ". Около того же времени, въ 1722, Петръ опять поручаетъ сенатскому оберъ-прокурору Скорнякову-Писареву составить какой-то лѣтописецъ, и Писаревъ обращался по этому поводу въ синодъ: „императорское величество указалъ мнѣ сочинить книгу лѣтописецъ, и того ради ваше святѣйшество прошу, дабы изволили приказать прислать ко мнѣ для оного дѣла писца, который бы могъ писать правописательно"...

Извѣстно, наконецъ, какъ Петръ заботился о составленіи исторіи его собственнаго царствованія. Къ этому привлеченъ былъ Шафировъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, шведъ Венедиктъ Шиллингъ, баронъ Гюйссенъ; для этого печатались вѣдомости, реляціи о главнѣйшихъ баталіяхъ, велись „юрналы“ и т. п. Въ этихъ работахъ и самъ Петръ принималъ участіе, исправлялъ и дополнялъ. Руководило имъ при этомъ вовсе не мелкое самохвальство, а именно желаніе объяснить происходившее въ государствѣ, указать необходимость войны, тягости которой вызывали жалобы; онъ хотѣлъ, чтобы дѣло, надъ которымъ онъ трудился, было именно понимаемо, какъ дѣло великое, государственное и всенародное.

Петру приходилось заботиться самому о духовномъ воспитаніи народа. Онъ не могъ быть доволенъ духовенствомъ стараго московскаго склада: оно было слишкомъ мало учено, слишкомъ загрубѣло, —этому вѣроятно приписывалъ онъ и происхожденіе раскола, какъ предполагали это и кіевскіе ученые. По мнѣнію историковъ, не безъ прямого вліянія мыслей Петра написано было предисловіе къ московскому букварю, изданному „повелѣніемъ“ Петра въ 1704. Въ этомъ предисловіи восхваляется польза просвѣщенія и сурово обличается невѣжество и особенно среди тѣхъ, кто должны быть учителями. „И сей убо, порокъ невѣжества елико мощно терпѣти въ мірянахъ, церкви святѣй на службу не причтенныхъ, но како мощно толико зло терпѣти въ лицахъ духовныхъ, на служеніе тайнамъ святымъ пріобщится хотящихъ? Кто не возненегодуетъ, зря тьму невѣжества во іереяхъ, ихъ же Христосъ имѣти свѣтъ міру, глаголаше: вы есте свѣтъ міру! Кто христіанскимъ не поболитъ сердцемъ, зря слѣпыхъ отъ слѣпаго водимыхъ и къ ямѣ погибельной грядущихъ?.. Веще во истинну страха исполнена и ужаса—невѣжество въ начальникахъ! Горе кораблю, влающемуся посредѣ волнъ пучины морскія, правителя же невѣжду, управленія неискусна имущу! Горе болѣзнми одержиму и цѣлитися хотяща, врача же проста и въ хитрости врачевной буя стяжавшу! Имѣяй уши слышати, да слышитъ“! Потомъ и самъ Петръ заботился о томъ, чтобы народъ получилъ, наконецъ, то необходимое, простое и здравое вѣроученіе, какого онъ, несмотря на все старое благочестіе, не имѣлъ. Въ апрѣлѣ 1724 Петръ черезъ Ѳеофана Прокоповича передалъ въ синодъ слѣдующую *собственноручную* записку:

„Святѣйшій синодъ! Понеже я разговорами давно побуждалъ, а нынѣ письменно, дабы краткія поученья людямъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ зѣло мало имѣемъ), также сдѣлать

книгу, гдѣ изъяснить: что непремѣнный законъ божій, и что совѣты, и что преданія отеческая, и что вещи среднія, и что только для чину и обряду сдѣлано, и что непремѣнное, и что ко времени и случаю премѣнялось, дабы знать могли, что въ каковой силѣ имѣть.

„О первыхъ кажется мнѣ, чтобъ просто написать такъ, чтобъ и поселянинъ зналъ, или на двое: поселяномъ простяе, а въ городахъ покрасивѣе для сладости слышащихъ, какъ вамъ удобнѣе покажется. Въ которыхъ бы наставленіяхъ—что есть прямый путь? истолкованъ былъ, а особливо, Вѣру, Надежду и Любовь: и о первой, и о послѣдней зѣло мало знаютъ и не прямо что и знаютъ, а о средней и не слыхали, понеже всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и поклоны и прочее тому подобное, въ нихъ же строеніе церквей, свѣчи и ладонъ. О страданіи Христовомъ толкуютъ только за одинъ первородный грѣхъ, а спасенія дѣлами своими получатъ, какъ вышеписано.

„О второмъ же, чтобъ книгу сочинить—мнѣ кажется, не лучше ль оную катихизисомъ, къ тому и прочія вещи послѣдовательно, что въ Церкви обрѣтается, внесть съ пространнымъ толкомъ; такожъ приложить: когда, и отъ кого, и чего ради въ Церковь что внесено?“ [1])

Неудивительно, что Петръ заботился, наконецъ, о распространеніи всякаго рода практическихъ познаній, которыя служили бы прямой пользѣ или удовлетворенію любознательности. Между прочимъ онъ всегда заботился о простотѣ и наглядности, и никогда до его времени не было издано на русскомъ языкѣ столько разнообразныхъ „куншговъ“ въ книгахъ или отдѣльными листами. Въ первый разъ при немъ является правильный календарь, начиная съ того знаменитаго Брюсова календаря (изготовленнаго въ дѣйствительности Кипріановымъ), который на первый разъ давалъ еще своимъ читателямъ, кромѣ точныхъ свѣдѣній, и календарныя суевѣрія въ старомъ вкусѣ, что безъ сомнѣнія содѣйствовало его популярности; но затѣмъ началось и изданіе правильныхъ астрономическихъ календарей. Гравюра поставляла множество вещей, которыя должны были имѣть великій интересъ для читателей новыхъ, а также и старыхъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Въ такъ называемой гражданской типографіи въ Москвѣ, гдѣ начальникомъ былъ Василій Кипріановъ, а надзоръ принадлежалъ Брюсу, изданы были слѣдующія гравюры: Описаніе св. града Іерусалима и предградій его; Святая богошествен-

[1]) Пекарскій I, стр. 181—182.

ная гора Синайская, съ греческаго древняго описанія; Изображеніе глобуса земного и небеснаго; Баталіа царскаго величества съ туркомъ пря Прутѣ (планъ сраженія); Портретъ Петра Великаго въ латахъ и въ порфирѣ съ аллегорическими изображеніями; Хартина меркаторская Америки или Индіи западныя (для навигацкихъ учениковъ); Изображеніе Святыя земли обѣтованныя; Новое небесное зерцало, чрезъ которое возможно небо, землю и море въ скорости размѣряти и раздѣляти по всякой часъ коегождо мѣсяца и числа... (оно было переведено съ голландскаго и латинскаго діалектовъ и 1717 было издано „во славу въ Троицѣ славимаго Бога, трудолюбивымъ юношамъ и всякаго возраста, иже разумѣти желаютъ теченіе, яко неба, тако и земли по *Коперникову* разсужденію: Москвы, Санктъпетербурха, Нарвы, Ревеля, Риги и прочихъ городовъ и провинцій, яже подъ обоими полюсы содержатся всего свѣта“); „Новое и тщательное описаніе Европы, раздѣленное на царствіи и страны наилучшія противо амстердамскихъ картъ“... Тогдашнему граверу приходилось работать самыя разнообразныя вещи; одинъ изъ нихъ такъ перечислялъ свои труды: „антиминсъ большой и средній, ботъ, двѣ баталіи морскія, тріумфальныя ворота, флотъ корабельный, фейерверкъ“ и пр.

Весьма понятно, что уже очень рано, въ 1708, опять „повелѣніемъ“ Петра изданы были (и потомъ еще два раза повторены) „Пріклады како пішутся комплементы разные на нѣмецкомъ языкѣ, то-есть пісанія отъ потентатовъ къ потентатомъ, поздравітельные і сожалѣтелные і іные. Такожде между сродниковъ і пріятелеі“. Около 1718 года издано было „Обьявленіе какімъ образомъ асамблеи отправлять надлежитъ“...

Заботясь о выборѣ книгъ для переводовъ, привлекая къ этому вопросу всѣхъ, у кого ожидалъ найти полезныя указанія, Петръ заботился и о самомъ исполненіи переводовъ. Извѣстно, что онъ пересматривалъ книги до печати, дѣлалъ свои поправки или указывалъ, гдѣ онѣ были нужны, читалъ корректуры (какъ, между прочимъ, исправлялъ и упомянутое Объявленіе объ ассамблеяхъ). Извѣстно, наконецъ, что съ его утвержденія установилась, такъ называемая, гражданская азбука въ печати. Первый опытъ упрощенія шрифта сдѣланъ былъ за-границей, но затѣмъ форма гражданскаго шрифта установлена Петромъ и съ 1708 года принята была во всеобщее употребленіе; прежній шрифтъ остался только для церковныхъ книгъ. Первой печатной книгой гражданскаго шрифта считается Геометрія, 1708, изданная „новотипографскимъ тисненіемъ“: она печаталась въ Москвѣ голланд-

цами, нарочно вызванными для типографскаго дѣла изъ Амстердама и привезшими съ собой три азбуки новоизобрѣтенныхъ литеръ; книга печаталась по рукописи, „въ премногихъ мѣстахъ“ правленной самимъ Петромъ и присланной „изъ военнаго похода“ въ 1707.

Просматривая и поправляя книги, Петръ прилагалъ немалую заботу о самомъ языкѣ. Очень естественно, что эта живая ревность къ дѣлу, реальный характеръ всего его труда, здравое и простое пониманіе вещей отразились на томъ языкѣ, какимъ писалъ онъ самъ и какой онъ желалъ видѣть въ книгѣ. Выше приведены слова его указа, гдѣ онъ желалъ, чтобы книга Пуфендорфа *„не по концу рукъ* переведена была, но *внятно и хорошимъ штилемъ*“. Это была его постоянная забота. Въ письмѣ къ Ивану Зотову въ февралѣ 1709 о переведенной имъ фортификаціи Блонделя онъ указываетъ нѣкоторыя мѣста, гдѣ переведено „зѣло темно и непонятно“, и вообще остерегаетъ о томъ, „дабы внятнѣе перевесть, и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ (т.-е. переводить слово въ слово), но точію сіи выразумѣвъ, на свой языкъ ужъ такъ писать, какъ внятнѣе“. Въ 1724 году, по поводу исполненнаго по его приказу перевода о сельскомъ и домашнемъ нѣмецкомъ хозяйствѣ, Петръ, самъ переправивши нѣсколько главъ книги, далъ переводчикамъ слѣдующее собственноручное наставленіе: „Понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего кромѣ самого дѣла и краткаго предъ всякою вещью разговора, переводить не надлежитъ; но и вышереченный разговоръ, чтобъ не праздной ради красоты и для вразумлѣнія и наставленія о томъ чтущему было, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерня негодное) и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ“.

Наконецъ, Петръ обращалъ вниманіе на самую внѣшность книгъ. Въ 1709, когда только-что введенъ былъ гражданскій шрифтъ, онъ пишетъ Мусину-Пушкину о новыхъ присланныхъ ему книгахъ: „печать во оныхъ книгахъ зѣло предъ прежней худа, нечиста и толста, въ чемъ вамъ надлежитъ посмотрѣть гораздо, чтобъ такъ хорошо печатали, какъ прежнія: а именно противъ кумплементальной и слюзной [1]); такожъ и переплетъ

[1]) Онъ разумѣлъ книгу о комплиментахъ: „Приклады“ и пр., и книгу о „свободномъ водохожденіи рѣкъ“, или объ устройствѣ шлюзовъ.

противъ оныхъ же, ибо нынѣшней присылки переплетъ очень дуренъ, а паче всего дуренъ отъ того, что въ коренѣ гораздо узко вяжетъ, отчего книги таращатся, и надлежитъ гораздо слабко и просторно въ коренѣ дѣлать; такожъ и въ купорштихерсѣ знать, что свершено не гораздо чисто... Литеру буки, также и покой вели переправить—зѣло дурно сдѣланы, почеркомъ также толсты и, напечатавъ новою съ азбукою что̀ малое, паки къ намъ пришли, а штемпели вырѣзать вели отвѣдать саксонцу, который на денежномъ дворѣ у адмирала рѣжетъ штемпели для монетъ".

Въ связи со всѣмъ характеромъ реформы произошло во времена Петра сильное измѣненіе въ языкѣ, какъ письменномъ, такъ и въ живомъ разговорномъ. Противники реформы давно обвиняли Петра за порчу русскаго языка множествомъ иностранныхъ словъ, которыя вошли въ его время въ русскій языкъ. Это обвиненіе очень преувеличено. Лично у Петра было нѣкоторое пристрастіе къ голландскому языку вслѣдствіе его увлеченій морскимъ дѣломъ, которому онъ учился особливо у голландцевъ, но и это пристрастіе было случайное и поверхностное: какъ говорятъ современники, голландскій языкъ онъ зналъ весьма недостаточно. Проникновеніе иностранныхъ словъ въ русскій языкъ происходило даже мимо воли Петра, само собою: съ начатками образованія, съ практическими нововведеніями входило въ жизнь множество новыхъ понятій и новыхъ предметовъ, для которыхъ не было названій въ прежнемъ запасѣ русскаго словаря. Эти новые понятія и предметы были обыкновенно дѣломъ первой необходимости; они относились къ первоначальной терминологіи науки, военнаго и морского дѣла, къ техникѣ разнаго рода,— приходилось или придумывать новыя слова, или прямо называть вещи тѣми иноземными именами, съ какими приходили онѣ отъ иноземцевъ. Оставалось предоставлять будущему такъ или иначе переработать этотъ новый лексическій матеріалъ, или отыскавъ для него новую русскую замѣну, или измѣнивъ чуждые звуки въ русскомъ тонѣ. Такъ это впослѣдствіи и произошло: многія слова, взятыя второпяхъ, когда нужно было дѣло и некогда было думать объ ихъ переводѣ, отпали сами собой, замѣнившись словами русскими; другія, относящіяся къ практической техникѣ, удержались до сихъ поръ, — должно сказать, что и въ свое время эти нововведенія примыкали къ запасу иностранныхъ словъ, который сталъ образовываться гораздо раньше временъ Петра, и, напримѣръ, въ военномъ дѣлѣ еще со временъ Михаила Ѳедоровича. До какой степени естественно, само собою, происхо-

дило заимствованіе иностранныхъ словъ, можно видѣть, напримѣръ, на запискахъ путешественниковъ Петровскаго времени: встрѣчая множество невиданныхъ раньше вещей европейской науки, искусства, быта, нравовъ, они вынуждены были брать прямо иностранныя названія и въ концѣ концовъ совершенно къ нимъ привыкали. Тѣ, кому приходилось оставаться за-границей долго, писали, наконецъ, совершенно макароническимъ языкомъ, какъ, напримѣръ, князь Борисъ Куракинъ,—понятно, что это была чисто личная крайность. Въ концѣ концовъ это было временное броженіе, крайности котораго сгладились уже у первыхъ даровитыхъ писателей, порожденныхъ реформой, какъ, напримѣръ, у Ломоносова. Что касается самого Петра, онъ былъ довольно беззаботенъ о словахъ, потому что прежде всего искалъ дѣла; но, при всемъ томъ, большимъ достоинствомъ его литературныхъ понятій было то, что въ книжномъ дѣлѣ онъ всегда настаивалъ на томъ, чтобы употреблялся русскій, а не славянскій языкъ, требовалъ простоты и „внятности“, требовалъ, чтобы и въ переводахъ, когда дѣло шло о простыхъ практическихъ знаніяхъ, устранялась темнота и ненужное многословіе подлинника. Собственная рѣчь Петра заслуживаетъ внимательнаго изученія: она отличается замѣчательною простотой, наглядностью, мѣткостью и силой; Петръ не боится иностранныхъ словъ, но, въ противоположность застарѣлымъ книжникамъ, не боится и словъ чисто народныхъ, и присутствіе ихъ сообщаетъ его языку, несмотря на нѣкоторыя угловатости, замѣчательную яркость и точность.

А. Пыпинъ.

„МЕНЬШАЯ БРАТІЯ“

РОМАНЪ

„The nether World“, by George Gissing.

I. — Дженни.

Въ тускломъ полумракѣ мартовскаго вечера вдоль Кларкенуэль-Грина шелъ не спѣша старикъ, по виду и по осанкѣ котораго можно было заключить, что онъ только-что вернулся изъ далекаго путешествія. Дойдя до кладбища при церкви Сентъ-Джэмса, онъ на минуту пріостановился, чтобы оглядѣться вокругъ.

Ему было подъ семьдесятъ лѣтъ; но, несмотря на его сильно опустившіяся плечи, на немъ не было замѣтно ни единаго признака того, что онъ гнется подъ бременемъ старости. Его мѣрная походка указывала скорѣе на серьезность и сосредоточенность его характера, нежели на тѣлесную слабость, а свой толстый посохъ онъ сжималъ въ рукѣ совсѣмъ ужъ не такъ, какъ это дѣлаютъ старики, которые ищутъ въ немъ опоры. Одѣтъ онъ былъ тоже какъ-то странно; совсѣмъ не такъ, какъ одѣваются люди обезпеченные, свободные; но въ то же время и не такъ, чтобъ можно было его принять за англійскаго рабочаго на какомъ-нибудь механическомъ заводѣ.

Вмѣсто сюртука и жилета, на немъ было нѣчто похожее на вязаную фуфайку рыбака, а на нее сверху натянутъ короткій сюртукъ или, вѣрнѣе куртка, которую сильно раздувалъ вѣтеръ, и тѣмъ придавалъ ей еще болѣе живописный видъ. На ногахъ у старика были замшевые брюки и высокіе сапоги, доходившіе

почти до колѣнъ; на головѣ самая дешевая поярковая шляпа старинной формы, съ широкими полями. Выраженіе, что у него вообще былъ „довольно почтенный“ видъ, пожалуй, могло бы до нѣкоторой степени обрисовать его наружность, но все-таки не вполнѣ подходило къ нему. По лицу его было замѣтно, что ему пришлось выдержать немалую борьбу съ житейскими мелочными и грубыми препятствіями, которая налагаетъ на каждаго особый отпечатокъ. Эта борьба прямо вытекаетъ изъ самыхъ грубыхъ и обыденныхъ потребностей, а потому и принижаетъ человѣка, мѣшая проявленію въ немъ самыхъ лучшихъ чертъ его врожденнаго благородства чувствъ и стремленій; ихъ отпечатка не ищите у нихъ на лицѣ...

Короткую бороду старика слегка серебрила сѣдина, но длинные волосы на головѣ были уже совершенно бѣлые. Въ лѣвой рукѣ у него былъ узелокъ, въ которомъ, по всей вѣроятности, лежали его пожитки.

Кладбище, у котораго старикъ остановился, было такъ же безотрадно на взглядъ, какъ и большинство подобныхъ лондонскихъ кладбищъ. Оголенныя деревца, которыя здѣсь росли, дрожали отъ вечерняго холода; дернъ казался въ полумракѣ рѣдкимъ и почти отсутствующимъ; большинство надгробныхъ плитъ наклонилось то въ ту, то въ другую сторону, памятники въ верхней своей части были еще довольно бѣлаго цвѣта, но чѣмъ ближе къ землѣ, тѣмъ бо́льше они чернѣли и, наконецъ, у самой земли принимали совершенно грязно-черный, землистый оттѣнокъ; собаки и кошки весело прыгали и шныряли между надгробными камнями. Здѣсь вѣтеръ дулъ съ бо́льшимъ злорадствомъ, нежели гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Небо (если только его можно было назвать небомъ) грозило дождемъ или даже, пожалуй, снѣгомъ. И куда ни оглянись, повсюду виднѣлись признаки суроваго, безпросвѣтнаго труда и нищеты: кричали разносчики, неизбѣжная шарманка бренчала передъ какимъ-то трактиромъ по сосѣдству, калѣка-колченогій поспѣшно ковылялъ мимо, однообразно звеня въ колокольчикъ и мѣрно бормоталъ хриплымъ голосомъ свою вѣчную жалобу..

Старикъ какъ-то разсѣянно смотрѣлъ на надпись надгробной плиты, передъ которой остановился. Тощая кошка скользнула межъ камней, и это почему-то вдругъ заставило его выйти изъ задумчивости и зашевелиться. Онъ вздохнулъ и пошелъ прочь отъ ограды, вдоль по узкой улицѣ, которую называютъ аллеею Сентъ-Джэмса. Въ нѣсколько минутъ онъ прошелъ ее всю до

конца и очутился передъ сѣрой каменной стѣною, въ которой были врѣзаны сводчатыя черныя ворота.

Надъ ними въ полумракѣ еще рѣзче выступало выпуклое, лѣпное изображеніе человѣческаго лица, искаженнаго страданіемъ. Глаза выкатились наружу, волосы всклокочены копной, какъ у сумасшедшаго, шея страшно исхудала, щеки впали, а изъ широко раскрытаго рта, казалось, вотъ-вотъ раздастся громкій крикъ ужаса и отчаянія. На каменной стѣнѣ надъ этимъ страшнымъ изображеніемъ виднѣлась надпись: „Центральная тюрьма".

Старикъ остановился, посмотрѣлъ наверхъ, задумался, и на лицѣ у него промелькнуло выраженіе чего-то бо́льшаго, нежели простое страданіе; губы его дрогнули, какъ бы въ порывѣ гнѣва, а въ глазахъ сверкнули злоба и ненависть. Онъ прошелъ дальше еще нѣсколько шаговъ, а затѣмъ вдругъ остановился у открытой двери, гдѣ стояла на порогѣ какая-то женщина.

— Прошу прощенія! — началъ онъ любезно, однако безъ того оттѣнка вѣжливости, который пріобрѣтается въ приличномъ обществѣ. — Не знаете ли вы здѣсь по близости кого-нибудь изъ Снаудоновъ?

Женщина отвѣтила коротко и отрицательно, улыбаясь на странный костюмъ незнакомца, и поглядѣла вокругъ, какъ бы ища глазами кого-нибудь, съ кѣмъ подѣлиться своимъ впечатлѣніемъ.

— Вы лучше спросите вонъ тамъ, на углу, — прибавила она. Старикъ послѣдовалъ ея совѣту, но и „тамъ", т.-е. въ трактирѣ, никто не могъ ему помочь. Поблагодаривъ все-таки за отвѣтъ, онъ глубоко вздохнулъ и, не поднимая своихъ задумчиво опущенныхъ глазъ, медленно вышелъ вонъ.

Минутъ пять спустя послѣ того, какъ онъ ушелъ, въ трактиръ вошла дѣвочка, худенькій подросточекъ лѣтъ тринадцати на видъ. Она держала въ рукахъ кувшинъ и, подойдя къ прилавку, спросила полкварты пива. Въ это время хозяинъ, наливая кувшинъ, окликнулъ человѣка, только-что вошедшаго за нею слѣдомъ:

— М-ръ Сквибсъ! Не знаете ли вы здѣсь по сосѣдству нѣкоего Снаудона?

Вновь прибывшій казался человѣкомъ неряшливымъ, сонным и повидимому не въ особенной дружбѣ съ людьми вообще. Онъ угрюмо процѣдилъ сквозь зубы что-то такое неопредѣленное, которое можно было пожалуй передать звукомъ: — Ннѣ! —Дѣвочка быстро и пристально взглянула на Сквибса и на хозяина

трактира; ей, очевидно, было до того интересно слушать ихъ разговоръ, что она и думать позабыла про кувшинъ съ пивомъ, который только ее и ждалъ.

— А развѣ кто-нибудь спрашивалъ про Снаудоновъ?—проговорила она послѣ нѣкотораго колебанія.

— Да! Что же тутъ такого?

— Моя фамилія — Снаудонъ, Джэнни Снаудонъ,—краснѣя, отвѣтила худенькая дѣвочка, сама смутившись, какъ только вырвались у нея эти слова.

Хозяинъ смотрѣлъ на нее почти съ любопытствомъ, м-ръ Сквибсъ также уставился на нее своими мутными глазами; ни тотъ, ни другой не могли ни въ комъ допустить сочувствія къ такому тощему, косматому и неряшливо одѣтому, жалкому человѣческому существу. Ея волосы и въ самомъ дѣлѣ были до того сбиты въ копну, что, казалось, вѣтеръ самъ на зло ей спуталъ ихъ. На ногахъ у нея шлепали туфли, которыя держались только на носкахъ; подъ короткимъ и поношеннымъ грязнымъ платьемъ можно было угадать лишь скудное и конечно такое же грязное бѣлье; голая тонкая шейка ясно говорила, что дѣвочка грязна и худа отъ постояннаго, а не отъ временнаго состоянія голода. Тѣмъ не менѣе, черты ея тонкаго лица, ея руки и ноги и прямая спинка указывали на болѣе, такъ сказать, благородное происхожденіе, а глаза и смущеніе, вызвавшее краску у нея на лицѣ, положительно служили доказательствомъ извѣстной доли развитія и чувства.

— А, вотъ оно что! Васъ, значитъ, зовутъ Джэнни Снаудонъ?—переспросилъ цѣловальникъ.—Ну, такъ вы на три и три-четверти минуты опоздали, а можетъ быть къ вамъ прямо такъ и лѣзетъ большое богатство? Чудной какой-то этотъ старикашка!.. Что же подѣлаешь? Ужъ это въ порядкѣ вещей: что ни недѣля, то меньше, чѣмъ въ одну минуту люди то проигрываютъ, то выигрываютъ большіе капиталы. А, что вы скажете, м-ръ Сквибсъ?

М-ръ Сквибсъ отозвался крѣпкимъ словечкомъ.

Дѣвочка взяла свой кувшинъ и пошла прочь.

— Эй, Дженни! Постой: отдай мнѣ деньги, если тебѣ это все равно!

Она вернулась, смущаясь все больше и больше, и положила на прилавокъ свою мѣдь, а хозяинъ спросилъ ее, гдѣ она живетъ. Дженни назвала какой-то домъ въ Кларкенуэлѣ, близко по сосѣдству.

— Кто же тамъ живетъ: отецъ?

Она качнула головой въ знакъ отрицанія.

— Ну—мать?

— И матери у меня нѣтъ.

— Такъ съ кѣмъ же ты живешь?

— Я живу съ миссисъ Пекковеръ.

— Ну, такъ вотъ! Какъ я уже сказалъ, ничего не будетъ мудренаго, если этотъ чудной старикашка, который спрашивалъ про Снаудоновъ, встрѣтится тебѣ на дорогѣ.—И онъ подробно описалъ „чудную“ наружность старика. Дженни задумчиво, почти печально выслушала до конца и пошла себѣ домой. Дорогой она бросала вокругъ тревожные взгляды, но нигдѣ не было видно страннаго старика съ сѣдою головой. Долго задерживаться ей тоже не хотѣлось.

Дойдя до дверей, которыя были открыты, но за которыми было темно, Дженни привычнымъ движеніемъ прошла въ нихъ и дошла до кухни, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ. Оттуда несло сильнымъ запахомъ жареной колбасы и раздавалось присущее колбасѣ шипѣніе.

Не успѣла еще дѣвочка перешагнуть за порогъ кухни, какъ ее уже привѣтствовалъ молодой и сильный, но не мягкій женскій голосъ:

— Ну, сударыня! Нельзя сказать, чтобы вы поторопились! Прекрасно! Такъ извольте же теперь вы сами, въ свою очередь, подождать, пока вамъ дадутъ чаю, вотъ и все! Не я буду, если не сведу съ вами счеты сегодня же вечеромъ. Мать говорила, что за ней осталась еще одна расправа; я вамъ отдамъ за нее этотъ долгъ, только сначала выпью чаю, вотъ и все! Ну, чего ради ты стоишь, какъ дура? Говори! Покажи, покажи: сколько ты отпила пива?

— Я и губами-то къ нему не прикасалась, увѣряю васъ,— умоляющимъ тономъ возразила дѣвочка, и на лицѣ у нея промелькнулъ страхъ, вызванный обычнымъ дурнымъ обращеніемъ.

— Ахъ ты, лгунья! Всегда-то ты была и останешься лгуньей! Вотъ тебѣ, вотъ!

И сильной мускулистой рукою говорившая—дѣвушка лѣтъ шестнадцати—ударила Дженни. Но не только рука ея, а и весь ростъ, вся ея статная, но грубовато-красивая фигура изобличали въ ней силу и самоувѣренность. Тугими, тяжелыми прядями лежали на затылкѣ ея густые волосы, а на лбу была взбита изящная чолка. Ея платье изобличало въ ней рабочую, но было все-таки настолько разсчитано на эффектъ, что било въ глаза своей грубостью и яркими цвѣтами. Огонь разрумянилъ ея щеки, а при свѣтѣ лампы въ глазахъ ея засверкало веселье.

Миссъ Клементина Пекковеръ рада была, во-первыхъ, тому, что пришла сегодня съ работы раньше, чѣмъ обыкновенно, и намѣревалась, какъ у нея было принято выражаться,—„кутнуть“; во-вторыхъ, тому, что мать ея, хозяйка дома, въ тотъ вечеръ находилась въ отсутствіи, а слѣдовательно, бразды правленія и полная власть мучить ихъ общую невольницу и безотвѣтную рабу, Дженни Снаудонъ, сосредоточены въ ея рукахъ; въ третьихъ и послѣднихъ, радовалась Клемъ еще тому, что въ сосѣдней комнатѣ лежало бездыханное тѣло свекрови ея матери. Нѣсколько дней тому назадъ умерла эта старуха, давно лежавшая безъ движенія, и, такимъ образомъ, мать и дочь дождались, наконецъ, что съ ихъ плечъ свалилась обуза разъигрывать изъ себя добрыхъ и великодушныхъ родственницъ. Такова была одна сторона ихъ радости; другая же состояла въ наслѣдствѣ въ семьдесятъ-пять фунтовъ, помимо денегъ, которыя должны были получиться изъ „похоронной кассы“.

— Что? получила на закуску?—обратилась Клемъ къ Дженни, которая отшатнулась, закрывъ лицо руками, чтобы молча побороть свою боль. — Ты думала, небось, что хозяйки дома нѣтъ, такъ ты и будешь сама въ кухнѣ распоряжаться? Ха-ха-ха! Не угодно ли вамъ лучше вычистить мнѣ сковородку, да берегитесь! Смотрите, чтобъ нигдѣ на ней не осталось ни крошечки жиру, а не то я вычищу ее объ вашу физіономію! Возьму тебя вотъ этакъ за волосы и буду теретъ, теретъ... Ну, поняла? Какъ ни верти, а мы съ тобой вдвоемъ проведемъ этотъ вечеръ... Ха-ха-ха...

Откровенность, съ которою Клемъ (какъ звали ее близкіе) была груба, нѣсколько уменьшала этотъ недостатокъ; тѣмъ не менѣе, удовольствіе, которое она заранѣе ощущала при мысли объ истязаніяхъ, угрожающихъ ея беззащитной жертвѣ, совершенно равняло ее съ краснокожими. Между ею и образованностью не могло быть ничего общаго. Какъ знать? быть можетъ, въ крови ея отдаленныхъ предковъ и въ самомъ дѣлѣ замѣшалась извѣстная доля индѣйскаго происхожденія?

На одномъ концѣ большого кухоннаго стола, на раскинутой скатерти, уже появилась тарелка, на которую Клемъ ловкимъ движеніемъ опрокинула со сковороды пять штукъ поджаристыхъ сосисокъ и вылила жирную черную подливку.

Прежде, чѣмъ приступить къ этому новому наслажденію, она отхлебнула глотокъ-другой пива, и тогда только, облегченно вздохнувъ, принялась за ѣду, замѣчательно мѣрно и смачно отправляя себѣ въ ротъ одинъ кусокъ сосиски за другимъ. Минутъ

пять прошло въ такомъ усердномъ и пріятномъ занятіи; и тогда только вспомнила она о присутствіи Дженни, которая, стоя на колѣняхъ передъ очагомъ, усердно скребла бумагой по сковородкѣ. Глядя на нее, Клемъ напала на счастливую мысль еще кое-чѣмъ помучить бѣдную дѣвочку.

Надо замѣтить, что Дженни страшно боялась покойницы, которая уже въ гробу стояла въ сосѣдней каморкѣ, и Клемъ подмѣтила это съ чуткостью настоящаго индѣйца.

— Ступай-ка, да принеси мнѣ оттуда спички! — приказала она. — Я скоро пойду наверхъ, такъ тогда понадобятся, чтобы посмотрѣть, хорошо ли ты убрала спальню?

Дженни внутренно содрогнулась отъ ужаса и, вставши на ноги, потянулась за свѣчою.

— Это еще что!—прикрикнула на нее Клемъ:—ты, кажется, и безъ того должна хорошо знать, гдѣ стоитъ каминъ. Ступай сію же минуту, а не то!..

Дженни побоялась ослушаться и ринулась въ потемки. Очутившись за дверью, она въ первую минуту почувствовала, что, вотъ-вотъ, упадетъ въ обморокъ, но вслѣдъ затѣмъ начала ощупью искать дверь каморки, которая отдѣлялась отъ кухни совершенно темнымъ переходомъ. Конечно, Дженни твердо знала, что почти невозможно не задѣть за гробъ, пробираясь къ камину; но, задѣвъ за него, она чуть не умерла на мѣстѣ отъ испуга. И, какъ на грѣхъ, спички никакъ ей въ руки не давались! Шарила, шарила она на каминѣ... — все напрасно! Вдругъ онѣ сами подвернулись ей подъ руку — и она вылетѣла вонъ, какъ ошалѣлая, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Клемъ весело разсмѣялась: съ нея было пока довольно и этого развлеченія. Она съ наслажденіемъ потянулась, закинувъ назадъ свою красивую голову съ античными, но не добрыми губами. Когда она смѣялась, не было лучшей модели для художника, который пожелалъ бы изобразить воплощеніе силы и физической красоты. Бываетъ, что и тинистая почва этихъ низшихъ изъ слоевъ общества производитъ такіе пышные, хоть и недушистые цвѣты.

— Ты что-нибудь сегодня дѣлала для м-съ Юэттъ?—спросила Клемъ.

— Какъ же, миссъ! Я растопила у нея каминъ, и сбѣгала купить угольевъ на четырнадцать пенсовъ, и кое-что помыла.

— И что она тебѣ дала за это?

— Одинъ пенни, миссъ. Я отдала его м-съ Пекковеръ, когда она поѣхала за своей родственницей...

— А, ты отдала? Ну, такъ послушай, что̀ я тебѣ доложу: чтобы отнюдь впередъ это не повторялось! Все, что̀ ты ни получишь отъ жильцовъ, все отдавать мнѣ, и посмѣй только отдать матери хоть пенни... я съ тобой по-свòему расправлюсь!.. Поняла?

Подъ впечатлѣніемъ минуты, Клемъ напала на эту блестящую мысль, и теперь ей оставалось только наслаждаться задачей, которую она задала бѣдной дѣвочкѣ. А пока не мѣшало, пожалуй, и немного прогуляться...

Вдругъ кто-то постучался, и Клемъ поспѣшила на крыльцо, чтобы посмотрѣть, кто тамъ. Передъ дверью, у самаго порога, стояла женщина въ длинной накидкѣ и въ яркой пестрой шляпѣ; за спиной она держала раскрытый зонтикъ, чтобы защитить себя отъ рѣзкаго дождя, который гналъ порывистый вѣтеръ. Женщина сказала, что желаетъ видѣть м-съ Юэттъ.

— Прямо, во второмъ!—кратко отвѣтила своимъ обычнымъ хозяйскимъ тономъ Клементина.

Посѣтительница посмотрѣла на нее высокомѣрно, и не спѣша, закрывъ свой зонтикъ, пошла вверхъ по лѣстницѣ.

Клемъ подождала нѣсколько минутъ, затѣмъ безъ шума поднялась вслѣдъ за гостьей, къ самой двери м-съ Юэттъ, и прильнула ухомъ къ замочной скважинѣ. Больше четверти часа пробыла она неподвижно на мѣстѣ, и ея быстрый, безшумный уходъ ознаменовался въ скорости уходомъ самой гостьи, которая кликнула ее:

— Миссъ Пекковеръ!

— Чего вамъ?—отозвалась та, выходя какъ бы изъ кухни.

— Будьте любезны зайти къ м-съ Юэттъ на минуту!

— Хорошо, если будетъ время.

Посѣтительница мотнула головой въ знакъ прощанія и пошла прочь. Пять минутъ спустя, Клемъ уже вернулась отъ своей жилицы и приказала Дженни:

— Слушай! Ты знаешь гдѣ м-ръ Керквудъ работаетъ, на площади Сентъ-Джемса? Ты вѣдь и прежде тамъ бывала. Ну, такъ поди и стой тамъ, пока онъ не выйдетъ, чтобъ идти домой; тогда ты къ нему подойди и скажи, чтобъ онъ сейчасъ же шелъ прямо къ м-съ Юэттъ. Поняла? А чайную посуду ты все еще не убрала? Ну, погоди: вернешься, мы сведемъ съ тобой счеты. Да бѣги же скорѣе, а не то...

Въ углу на полу валялось жалкое подобіе женской шляпы; Дженни подхватила ее на ходу и нахлобучила себѣ на голову, за неимѣніемъ ничего другого, что̀ защитило бы ее отъ дождя.

II.—Вѣрный другъ.

Наступилъ тотъ часъ въ который ежедневно рабочіе оставляютъ свое трудовое ярмо, и толпами наводняютъ улицы и переулки, спѣша воспользоваться тѣмъ краткимъ временемъ, когда они вольны жить, какъ имъ угодно. Цѣлые потоки людей—старыхъ и молодыхъ, женщинъ и мужчинъ—полились на улицу, несмотря на то, что еще многіе оставались на своихъ фабрикахъ и въ мастерскихъ, чтобы заработать лишнее, но все-таки громадное большинство обыкновенно освобождалось именно въ этотъ самый часъ, и разъѣзжалось по домамъ въ омнибусахъ, плотно нагруженныхъ пассажирами какъ внутри, такъ и снаружи. Въ вечернемъ туманѣ мелькали мимо огни, грохотали еще другіе экипажи и омнибусы, разбрасывая грязь во всѣ стороны и обдавая пѣшеходовъ, которые шлепали по липкой и скользкой мостовой. Трактиры оживлялись, наполняясь народомъ; въ ихъ окнахъ ярче вспыхивали огни. Улицы, съ самаго утра кишѣвшія народомъ, какъ улей пчелами, теперь погрузились въ полнѣйшее безлюдное молчаніе.

На холмахъ Сёррея въ тотъ же самый день свѣтило солнце; поля и долины благоухали первымъ дуновеніемъ весны; подъ гостепріимнымъ кровомъ полураспустившихся кустовъ подснѣжники поднимали уже къ небесамъ свои трепетныя, робкія головки... Но здѣсь, въ Кларкенуэлѣ, дѣла нѣтъ ни до чего подобнаго: здѣсь одинъ день проходитъ неизмѣнно такъ же точно, какъ другой; и каждый состоитъ изъ столькихъ-то рабочихъ часовъ, которые представляютъ собою такую-то, опредѣленную часть общаго заработка за цѣлую недѣлю.

Въ другихъ улицахъ тянутся длинные ряды домовъ, которые служатъ только жилищемъ для богатыхъ, обезпеченныхъ людей; но здѣсь, въ Кларкенуэлѣ, что̀ ни дверь, что̀ ни окно, то новое объявленіе о какомъ-нибудь ремеслѣ, которымъ занимаются ихъ владѣльцы. Нигдѣ такъ ясно не бросается въ глаза, до чего люди способны разнообразить трудъ, пріумножать его, корпѣть надъ нимъ, убивать жизнь свою на то, чтобы словно нарочно придумывать все новые способы уморить себя работой. Просто не надивишься, до чего неизмѣримые запасы силы и изобрѣтательности расходуются безпощадно здѣсь, въ этихъ трущобахъ и подвалахъ. Но еще того удивительнѣе мысль, что никакого просвѣта, никакой надежды въ будущемъ не питаютъ эти вѣчные труженики, за исключеніемъ права ѣсть и спать и производить

на свѣтъ себѣ подобныхъ, которые вмѣстѣ съ ними будутъ биться изъ-за куска хлѣба; будутъ сидѣть, не разгибаясь, цѣлый Божій день, во всякое время года, во всю жизнь, пока имъ суждено существовать; будутъ напрягать свое зрѣніе и свои мышцы; будутъ переутомлять себя и вынашивать въ себѣ свои недуги и, наконецъ, рѣшительно отстранять отъ себя самую мысль о томъ, что и ихъ существованіе могло бы быть совсѣмъ иное...

Жестяники и слесаря, стекольщики и эмальировщики, столяры и прочіе ремесленники, выдѣлывающіе всевозможные матеріалы, которыхъ во множествѣ даютъ нѣдра земли,—всѣ сосредоточены здѣсь, въ Кларкенуэлѣ; всѣ они—представители тѣхъ ремеслъ, которыя требуютъ скорѣе ловкости въ пальцахъ, нежели грубой силы и мощи. Вывѣски здѣсь могутъ дать вамъ поводъ думать, что вы попали въ царство золота и серебра, алмазовъ и драгоцѣнныхъ камней. Но нѣтъ! Въ глубинѣ темныхъ закоулковъ цѣлыя семьи тѣснятся на чердакахъ и въ подвалахъ, неустанно перебирая въ рукахъ своихъ драгоцѣннѣйшія украшенія, предназначенныя для рукъ и для шеи тѣхъ, которыя родились на свѣтъ, чтобъ только наслаждаться жизнью. Вотъ, въ одномъ домѣ, какъ гласитъ объявленіе, живетъ торговецъ алмазами; а рядомъ, въ какомъ-нибудь сыромъ подпольѣ, кишитъ цѣлое гнѣздо голодныхъ ребятъ, которые ждутъ не дождутся, чтобы вернулась мать со своимъ случайнымъ заработкомъ...

По своему обыкновенію, Дженни Снаудонъ бѣжала сломя голову, пока не запыхалась, пока уже больше не въ состояніи была бѣжать; а затѣмъ начала идти скорымъ шагомъ, усиленно стараясь отдышаться. Она всегда такъ спѣшила; но не изъ любви къ труду, а просто потому, что въ ней живо подымалось сознаніе, что если бы не Пекковеры, мать и дочь, ей бы пришлось жить въ рабочемъ домѣ, гдѣ живется еще того хуже.

Впрочемъ, была и еще другая причина, по которой Дженни такъ спѣшила въ мастерскую, гдѣ работалъ Керквудъ: онъ былъ единственный человѣкъ, который обходился съ нею ласково и котораго она мысленно называла своимъ „другомъ“. Встрѣчались они всего какой-нибудь разъ въ мѣсяцъ, да и то не всегда; но за то воспоминаніе объ этой встрѣчѣ оставалось у нея надолго въ видѣ самаго свѣтлаго, но краткаго мгновенія. Какъ-то разъ ей уже приходилось разыскивать Керквуда, и она хорошо запомнила, гдѣ его мастерская. Теперь она прямо пошла на площадь Сентъ-Джона, и остановилась передъ дверью съ вывѣской:—„Г. Льюисъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ“.

Дженни стояла, терпѣливо выжидая случая увидѣть подмастерьевъ, и уже начинала думать, что всѣ ушли съ работы, какъ вдругъ дверь отворилась и на улицу вышли цѣлыхъ двое мастеровыхъ.

— Позвольте спросить, тутъ ли еще м-ръ Керквудъ?—проговорила она.

— Да!—любезно отозвался одинъ изъ уходившихъ и крикнулъ въ комнату:—Эй, Сидней! Къ тебѣ твоя милая пришла!

Дженни отшатнулась въ сторону; но еще мигъ, и она успокоилась при видѣ ей знакомаго лица, появившагося на порогѣ; она торопливо разсказала, зачѣмъ пришла, и оба двинулись въ путь.

Дождь все еще лилъ; но Сидней не сразу это замѣтилъ и, какъ бы задумавшись, молча шагалъ себѣ впередъ.

— Ну, однако! Ты простудишься непремѣнно, если будешь бѣгать по такой погодѣ. Ты насквозь промокла! На вотъ, надѣнь хоть на голову,—и онъ снялъ съ себя свою куртку.

Никогда еще не говорилъ онъ съ нею такъ рѣзко и нетерпѣливо. Они прошли молча еще нѣсколько шаговъ.

— Какъ поживаетъ м-ссъ Юэттъ?—спросилъ Сидней и опять замолкъ, проворными, большими шагами идя впередъ.—Все еще плохо? А ребенокъ?

Ей мѣшала говорить необходимость поспѣвать за нимъ, но ея растерянная, неуклюжая фигурка только тогда обратила на себя его вниманіе, когда на нее упалъ свѣтъ фонаря. Сидней улыбнулся, но въ его улыбкѣ отразилась жалость.

— Такъ теперь потеплѣе стало?

— Да.

— У тебя нѣтъ кофточки?

— Есть, да очень старая: ее собираются чинить.

Подъ безличной формой „собираются“ Дженни подразумѣвала свою тетку.

— „Собираются“?—переспросилъ Сидней: — не мѣшало бы „имъ“ поторопиться!—И въ тонѣ его голоса послышалась прежняя ласка.

Обрадованная Дженни осмѣлилась взглянуть на него.

— Я, можетъ быть, иду слишкомъ скоро?—продолжалъ онъ.

— О, нѣтъ! Только, мнѣ бы хотѣлось...

Сидней остановился, видя, что она смущается и не находитъ словъ.

— Ну? Ты хочешь мнѣ что-нибудь сказать?

И ободренная дѣвочка разсказала все происшедшее.

— И надо же тебѣ было опоздать! — съ досадою замѣтилъ ея другъ. — Но не тревожься: будемъ надѣяться, что все обойдется благополучно.

— Вы думаете? — горячо спросила Дженни, и Сидней пробурчалъ ей что-то полу-сердитое въ отвѣтъ, на минуту положивъ ей ласково руку на плечо.

Не доходя до дому, Дженни сняла съ головы и съ плечъ его куртку и поблагодарила. Сидней молча взялъ и перекинулъ ее себѣ на руку.

Клемъ, отворившая имъ дверь, приняла не особенно любезно единственнаго изо всѣхъ своихъ знакомыхъ, который никогда не пользовался случаемъ сказать ей грубоватую любезность. Ея кокетливое обращеніе съ нимъ не привело ни къ чему, а потому и Клемъ считала себя вправѣ поступать такъ, какъ еслибы онъ ей нанесъ въ чемъ-нибудь кровную обиду. Сидней тоже угрюмо взглянулъ на нее и не сказалъ ничего.

— Вы, конечно, сами найдете дорогу наверхъ? — промолвила Клемъ такимъ тономъ, какимъ говорила съ чужими.

— Благодарю васъ; конечно! — отвѣтилъ Сидней и вслѣдъ за Дженни пошелъ вверхъ по лѣстницѣ.

Когда онъ постучался, ему изъ-за двери отвѣтилъ слабый женскій голосъ, очевидно принадлежавшій самой м-съ Юэттъ, которая сидѣла на постели съ грудным ребенкомъ на рукахъ. Ея изнеможенная поза, ея истощенное лицо усиливали впечатлѣніе, которое производила вся ея жалкая фигура.

Она была скорѣе закутана, нежели одѣта; ея жидкіе, безцвѣтные волосы небрежнымъ узломъ свѣсились на затылкѣ. Бѣдной женщинѣ было всего двадцать-семь лѣтъ, но ей можно было дать гораздо больше, судя по ея вялому, подавленному виду, который выдавалъ ея безволіе и слабость характера. Такія женщины, не смотря на всю свою доброту, на всю свою готовность идти на встрѣчу малѣйшей ласкѣ, остаются безвольны; если же обстоятельства сложатся для нихъ неблагополучно, онѣ принесутъ больше вреда, чѣмъ пользы тѣмъ, кто для нихъ дорогъ.

Подлѣ нея, на полу, лежали трое дѣтей, старшему изъ которыхъ было семь лѣтъ; но у мужа ея, Джона Юэтта, уже были сынъ и дочь отъ перваго брака, когда онъ на ней женился. Дѣти были бѣдно, но опрятно одѣты; тѣльце, на которомъ платье свободно болталось, было тщедушнаго, нездороваго вида.

Сидней подошелъ къ кровати и поздоровался за руку.

— Я рада, что вы пришли раньше Клары, — начала м-съ Юэттъ: — я такъ и надѣялась! Но она скоро придетъ, а мнѣ

надо успѣть съ вами переговорить. Что̀ погода, очень ужъ дурная? Я это сейчасъ чувствую. Здоровье у меня стало такъ плохо, что я хочу пойти въ больницу.

— А развѣ докторъ къ вамъ не ходитъ?

— Это все денегъ стоитъ, а въ больницѣ все-таки мнѣ что-нибудь пропишутъ. Что̀, очень я на видъ плоха?

— Во всякомъ случаѣ, вы не изъ такихъ, которымъ разрѣшается вставать съ постели, — проворчалъ Сидней, придвигая свой стулъ поближе къ кровати.

— Да не могу же я лежать, поймите! Такъ нечего объ этомъ говорить. Но меня безпокоитъ Клара. Только-что заходила ко мнѣ м-съ Тэбсъ и говорила, говорила безъ умолку. Она даетъ Кларѣ столъ и квартиру и пять шиллинговъ въ недѣлю. Клара настаиваетъ, чтобы уйти изъ дому, а отецъ не хочетъ. Но, можетъ быть, это было бы даже недурно; а, Сидней? Я знаю, вамъ этого бы не хотѣлось, но что̀ же дѣлать?

Голосъ ея зазвучалъ протяжно и плаксиво; ей въ тонъ жалобно запищалъ ея двухнедѣльный крошка, тоже выражая свое неудовольствіе.

— Неужели все напрасно? Неужели она въ самомъ дѣлѣ хочетъ идти на мѣсто и никогда, никогда мнѣ не дастъ слова?— воскликнулъ Керквудъ.

Больная поникла головой; глаза ея наполнились слезами.

— Я сдѣлала все, что̀ могла; ну, право же все, Сидней! Она упряма, а вдобавокъ и въ домѣ у насъ ни гроша. Конечно, не Джонъ тому виною: просто, не судьба! Вы знаете, какой онъ у насъ преданный и добрый; онъ на все готовъ для другихъ, а для меня былъ и будетъ всегда лучшимъ изъ мужей, — умирать буду, а все-таки не могу сказать про него ничего другого!

Нѣсколько минутъ она всхлипывала жалобно. Сидней также не могъ скрыть отъ нея свою тревогу

— Послушайте, однако!—началъ онъ, поборовъ свое малодушіе:—когда все идетъ такъ плохо,—вѣрно ужъ скоро конецъ всему дурному и близка перемѣна къ лучшему. Такія неудачи долго не могутъ тянуться; Джонъ скоро найдетъ себѣ мѣсто, а пока вы *должны* и *не смѣете* мнѣ мѣшать дать вамъ хоть сколько-нибудь взаймы!

— Не смѣю, Сидней; право же не смѣю! Онъ говоритъ: стоитъ только разъ занять,—а тамъ ужъ и пойдетъ, и пойдетъ, и будешь себѣ все занимать да занимать, а самъ ничего не заработаешь! Вы знаете, это—одинъ изъ его излюбленныхъ коньковъ.

— Пустяки! Я его считаю просто неразсудительнымъ и эгоистичнымъ человѣкомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Джонъ никогда въ жизни не былъ эгоистомъ. И вы мнѣ больше этого не говорите! Такая ужъ у него фантазія.

— Отъ этого легко его избавить,—надо только разрѣшить Кларѣ уйти изъ родного дома. А опасаться нечего: если дѣвушка сама себя, въ свои семнадцать лѣтъ, не уважаетъ, такъ никогда больше и не научится себя уважать, и ничего вы съ этимъ не подѣлаете! Скажите, чтобы Джонъ отпустилъ дочь.

Горько звучали его слова; онъ откинулся на спинку стула и такъ его пошатнулъ, что несчастный заскрипѣлъ.

— А что, если съ нею какая бѣда приключится? Ну что тогда?—жалобно продолжала м-съ Юэттъ:—вѣдь намъ хорошо извѣстно, почему м-съ Тэбсъ такъ хочется залучить Клару къ себѣ,—потому что она красива! А еслибъ съ нею что-нибудь случилось, отецъ не вынесетъ, съума сойдетъ. Счастье, что мой отецъ держалъ насъ строго, а не то я давно бы стала поступать какъ Клара. Хорошо, что онъ умеръ еще прежде, чѣмъ я...

— Полноте! Нечего объ этомъ поминать,—перебилъ ее Сидней.—Что было, то прошло и быльемъ поросло.

— Нѣтъ, нѣтъ! Этого забыть нельзя, и Клара знаетъ, и потому меня ни въ грошъ не ставитъ, я это понимаю.

— Не думаю; у нея все-таки доброе сердце...

Тяжелые шаги за дверью перебили его. На порогѣ появился юноша лѣтъ девятнадцати, рослый и красивый, съ нѣжными чертами лица; профиль его указывалъ на острый умъ и живое соображеніе; движенія были быстрыя, но при большемъ запасѣ здоровья онъ могъ бы быть полнѣе. Онъ поклонился Керквуду нѣсколько высокомѣрно.

— Гдѣ та медалька, которую я рѣзалъ вчера?—спросилъ онъ, разбрасывая вещи, въ которыхъ рылся.

— Потише, Бобъ!—остановила его мать.—Она лежитъ въ сосѣдней комнатѣ на каминѣ.

Бобъ бросился туда и вернулся съ блестящей свѣтленькой медалькой, сіявшей особенно ярко въ его черной рукѣ, которая лоснилась, какъ будто онъ имѣлъ дѣло съ желѣзными или вообще металлическими вещами. Юноша подошелъ къ Сиднею и показалъ ему свою работу.

— Ну, какъ вамъ кажется?—и самъ же пояснилъ, указывая на рисунокъ тончайшей работы—жокея, привставшаго на стременахъ на лошади, которую онъ бьетъ ожесточенно.

— Это „Талли-хо!“ на весенних скачках. Я на него ставлю.

И, небрежно кивнувъ головою, онъ бросился вонъ изъ комнаты.

III.—Джонъ Юэттъ.

Не успѣла м-съ Юэттъ возобновить свой разговоръ съ Керквудомъ, какъ на порогѣ появился самъ глава семейства.

— Что́ вы сдѣлали со своими волосами?—съ удивленіемъ воскликнулъ молодой человѣкъ.

Постороннему наблюдателю, конечно, не могло бы броситься въ глаза, что при своемъ старчески-изможденномъ лицѣ Джонъ Юэттъ сохранилъ хоть не густые, но очень темные волосы. Твердость характера, но безъ той рѣзкости, которая была въ чертахъ сына, проглядывала въ его высохшемъ лицѣ. Съ платья струилась вода.

Вмѣсто отвѣта, онъ кивнулъ головой по направленію къ женѣ и проговорилъ:

— Спроси ее.

— Джонъ краситъ волосы,—пояснила м-съ Юэттъ.—Онъ говоритъ, что его научилъ товарищъ, которому тоже долго не удавалось найти мѣста.

— Ему прямо говорили,—продолжалъ Джонъ:—„Какой же вы садовникъ, если вы такъ стары“?—а у него еще только пробивалась сѣдина. Говорю тебѣ вѣрно, Джбнъ,—самое лучшее красить волосы! Ну, а тотъ, Джервэ? Его, шутки ради, послали наниматься въ маляры; такъ онъ оказался слишкомъ старъ, чтобъ лазить по лѣстницамъ.

Сидней нахмурилъ брови. Слишкомъ часто приходилось ему слышать ту же жалобу и отъ другихъ; потому-то онъ и не могъ сомнѣваться въ ея непреложности.

— Чего же больше ждать, если насъ, рабочихъ рукъ, вдвое больше, чѣмъ работы? Ну, старые и должны по неволѣ уступать мѣсто молодымъ; а что́ со стариками будетъ,—проживутъ ли они кое-какъ, или всѣ подохнутъ,—кому какое дѣло?—съ горечью замѣтилъ Джонъ.

— Пойди-ка ты, да перемѣни на себѣ платье: весь промокъ! Того и гляди, опять схватишь свой ревматизмъ,—прервала его жена, ставя на огонь котелокъ.

— Не все ли равно, Магги? Вотъ за тобой бы нуженъ

дѣйствительно уходъ; а то ты все тормошишься вмѣсто того, чтобы лежать въ постели. Вотъ, давай, напоимъ Эми чаемъ!

Дѣти, всѣ трое, подошли къ отцу, какъ подходятъ любимцы, увѣренные, что на долю каждаго найдется у отца и поцѣлуй, и ласка. Приласкавъ ихъ, Джонъ подошелъ къ самому младшему, который жалобно стоналъ, и, постоявъ надъ нимъ, отошелъ прочь, не говоря ни слова. Неопредѣленнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ онъ окинулъ всю комнату, ея голыя стѣны, скудную обстановку и покосившійся каминъ.

Безъ особой поспѣшности усѣлся Джонъ за ужинъ, накрытый на концѣ стола, на грязной, небольшой скатерти. Передъ нимъ стоялъ кусочекъ холодной вчерашней говядины, ломоть простого лавочнаго хлѣба, комочекъ жалкаго подобія масла и въ чайной чашкѣ немножко салатной капусты. Чайникъ, жестяной, помятый, и разрозненныя чашки также имѣли неопрятный, непривлекательный видъ.

Сидней старался казаться веселымъ; бралъ дѣтей на колѣни, крошку Анни на одно, а Тома на другое; Эми, какъ большая, стояла около.

— Который часъ?—вдругъ спросилъ Юэттъ.—Гдѣ Клара?

— Она вѣрно еще работаетъ за плату,—замѣтила жена.

Но и это не успокоило мужа. Онъ дольше минуты не могъ усидѣть на мѣстѣ; то вскакивалъ и прохаживался по комнатѣ, то снова садился или подходилъ безцѣльно къ которому-нибудь изъ дѣтей. Когда тѣ поужинали, ихъ тотчасъ же послали спать, и они ушли въ сосѣднюю комнату.

— Отгадайте, гдѣ я былъ сегодня?—началъ Джонъ, послѣ того, какъ жена уступила его настоянію и легла на постель, отдохнуть.—Ужъ ходилъ я, ходилъ! Говорятъ, двигаться полезно; ну, значитъ, я скоро начну поправляться и стану совсѣмъ здоровякомъ!

— Опять къ Кордеру ходили? — подумавъ, проговорилъ Сидней.

— Конечно, нѣтъ! Очень мнѣ нужно ходить къ такому господину, для котораго только тотъ и хорошъ, кто ему приподноситъ титулъ *почтеннѣйшаго* и *благодѣтеля рода человѣческаго*, кто его увѣряетъ, что безъ него онъ пропадетъ... А этого-то я какъ разъ и не умѣю, *не могу*!.. Не поминайте мнѣ про этого Кордера!

Сидней постучалъ ногой по-полу. Его, какъ человѣка всегда обезпеченнаго работой и вдобавокъ независимаго, холостого, не всегда задѣвало такое озлобленіе товарища; но видъ непригляд-

наго жилища и бѣдствующей семьи Джона наводилъ его на мысль, что его самого это должно бы побудить къ извѣстной долѣ унизительной покорности судьбѣ.

Джонъ угадалъ мысли друга и съ возрастающей горечью продолжалъ:

— Нѣтъ, я былъ не у Кордера... прошу прощенія: у *мистера* Кордера, Джэмса Кордера, эсквайра!.. Нѣтъ! Мнѣ м-съ Пекковеръ принесла объявленіе: требовался человѣкъ для чистки стеколъ и т. д. Ну, я и пошелъ, и былъ тамъ въ половинѣ девятаго утра и... какъ вамъ покажется, сколько народу я засталъ уже на мѣстѣ? *Пятьсотъ* человѣкъ! Вамъ не вѣрится? Серьезно! Даже полиціи пришлось вмѣшаться, чтобы толпа не мѣшала движенію по улицѣ. И, Боже мой, что̀ это были за жалкіе, голодные люди! Каждый, казалось, былъ готовъ бороться со своимъ ближнимъ не на животъ, а на̀-смерть, изъ-за какихънибудь несчастныхъ пятнадцати шиллинговъ въ недѣлю! Пятнадцать шиллинговъ?!.. Ну, чего мнѣ еще стоять тутъ понапрасну? Вѣдь, все равно, ничего не добьешься. А только я самъ чувствовалъ, что готовъ пойти въ рукопашную, готовъ наброситься на кого угодно, какъ взбѣсившійся бульдогъ, и рвать себя, рвать другихъ на части, пока изъ меня не выбьютъ жизнь мою до послѣдняго издыханія.

— Джонъ! Джонъ! — рыдая, перебила его жена.—Сидней! Да не давайте же ему такъ говорить!

Юэттъ вскочилъ и заходилъ по комнатѣ.

— Который часъ? Чего Клара такъ долго не идетъ?

— Можетъ быть, она зашла къ м-съ Тэбсъ?—робко отозвалась м-съ Юэттъ.

— Что̀ ей у нея дѣлать? Кто ей позволилъ заходить туда?

Жена и Сидней молча переглянулись, и первая, запинаясь, разсказала мужу про посѣщеніе, которымъ удостоила ее сегодня м-съ Тэбсъ, и про то, какъ она ее убѣждала отпустить къ ней Клару.

— Полно, Джонъ,—видя, какъ волнуется товарищъ, останавливалъ его Сидней.—Все это вовсе ужъ не такъ ужасно; и, наконецъ, у м-съ Тэбсъ вѣдь не какая-нибудь простая „распивочная“, а скорѣе „съѣстная“, или „закусочная“... и вообще у нея довольно прилично.

— Право, вы оба какъ будто противъ меня сговорились?— горячился Джонъ.—Просто, тебѣ надоѣла Клара, и тебѣ хочется поскорѣе съ нею развязаться.

— Джонъ! Какъ тебѣ не стыдно!—перебила его жена.—

Если ты не можешь говорить иначе, лучше бы ужъ совсѣмъ молчалъ. Сидней, не слушайте его; онъ самъ не свой отъ горя!

— Все равно, пусть онъ говоритъ, что̀ хочетъ: мнѣ подѣломъ!—замѣтилъ Керквудъ угрюмо, но все же сдержанно.

Юэттъ еще ниже, чѣмъ обыкновенно, опустилъ голову и уже совсѣмъ тихо, несмотря на свой недовольный тонъ, началъ опять:

— Ну, что̀ же вы молчите? Говорите, не обращайте на меня вниманія. Теперь ужъ не тѣ времена, когда отецъ хоть что-нибудь да значилъ. Но какъ же это вышло, что вы теперь другого мнѣнія?

— Послушайте, Джонъ, что̀ я вамъ скажу: я самъ, конечно, совершенно такъ же глубоко, какъ вы, способенъ горевать, если бы съ Кларою случилось что̀ дурное; вамъ, кажется, это должно быть хорошо извѣстно! Но мнѣ сдается, что вы избрали ложный путь, и своимъ сопротивленіемъ только еще больше раздражаете ее. Наши дѣвушки, дѣти низшихъ слоевъ общества, вынуждены сами добывать себѣ хлѣбъ насущный, и по неволѣ мы должны полагаться на ихъ личное благоразуміе. Ей ужъ семнадцать лѣтъ, и съ нею вы не можете обращаться такъ же точно, какъ, напримѣръ, съ Эми или съ Анни. Я понимаю, что̀ *вы* должны чувствовать, но понимаю также и ее. Ей хочется, во что̀ бы то ни стало, перемѣны; она устала жить своей обыденной тяжелой жизнью!

— Ну, и прекрасно!—рѣзко перебилъ его отецъ.—Кто же ей мѣшаетъ начать новый образъ жизни? Что̀ на нее нашло? То она соглашалась быть вашей женой, то ужъ теперь раздумала совсѣмъ.

— Что̀ же тутъ удивительнаго? Тогда ей едва минуло пятнадцать лѣтъ; теперь ей ужъ семнадцать. Ея воззрѣнія могли перемѣниться, и что̀ бы вы ни говорили ей наперекоръ, это все только еще больше ее ожесточитъ. Чему суждено быть, того не миновать; подождемъ что̀ будетъ, и постараемся думать другъ о другѣ, какъ если бы между нами не было ничего общаго. Конечно, и у Клары есть свои недостатки; но попробуйте говорить съ нею безъ недовѣрія, безъ раздраженія, и, я увѣренъ, она сама не захочетъ васъ огорчить, и никогда по своей доброй волѣ, сознательно не омрачитъ вамъ жизнь...

Сидней говорилъ съ такой горячностью и такимъ неровнымъ голосомъ, что видно было, какъ ему тяжело дается убѣждать другихъ, противъ своихъ личныхъ душевныхъ убѣжденій. Вдругъ онъ поднялъ руку и прошепталъ:—Тсс!

За дверью послышались знакомые шаги. Наконецъ, пришла Клара!

Съ перваго же взгляда она могла догадаться, что рѣчь шла о ней. Отецъ смотрѣлъ на нее прямо и пытливо; Сидней отвелъ глаза въ сторону; лицо матери выражало тревогу.

Небрежно закрывъ дверь, Клара поставила свой зонтикъ въ уголокъ и начала разстегивать перчатки. На лицѣ ея отражалось равнодушіе, почти холодность, но въ то же время и нѣкоторая озабоченность; она даже прикусила нижнюю губу.

— Гдѣ ты была?—спросилъ отецъ.

Она отвѣтила не сразу; сначала сняла свои перчатки, потомъ вытянула ихъ, закатала и сложила въ комочекъ, вывернувъ одну перчатку на другую; и только тогда проронила небрежно.

— У м-съ Тэбсъ.

— А кто тебѣ позволилъ?

— Я и не думала, что для этого нужно особое позволеніе,— возразила она.—Я знала, что м-съ Тэбсъ зайдетъ къ вамъ сюда переговорить, и зашла къ ней узнать, что̀ вы сказали.

Клара была не выше средняго роста, но держалась такъ прямо и была такъ стройна, что казалась выше. Лицо у нея было совсѣмъ своеобразнаго, но красиваго типа, чувственно-красивое и въ то же время полное энергіи. Умный, тонко-очерченный профиль, выдающіяся скулы и почти прямыя, какъ нарисованныя брови, оттѣняли еще того рельефнѣе большіе, какъ у лани, темные глаза съ неизмѣнно-умоляющимъ взоромъ. Зато, въ противоположность имъ, губы выражали что-то смѣлое, вызывающее, почти дерзкое. Нѣсколько наивная складка легла у нея, какъ у ребенка, въ уголкѣ рта, но и въ ней чувствовалось больше зрѣлой независимости, чѣмъ дѣтской простоты.

Ея скромный короткій жакетъ мало защищалъ ее отъ непогоды, но сидѣлъ на ней безукоризненно, обрисовывая красивый бюстъ и плечи; платье и шляпа также поражали своей изящной и преднамѣренной простотой, которая какъ бы выражала ея протестъ противъ несправедливости судьбы и презрѣніе къ мишурнымъ украшеніямъ.

Отецъ, раздраженный ея тономъ, стукнулъ стуломъ объ полъ и крикнулъ:

— Такъ-то ты говоришь съ отцомъ? Я ли не твердилъ тебѣ, чтобы ты не смѣла никуда ходить безъ нашего вѣдома? Значитъ, ты мое слово въ грошъ не ставишь? Такъ прямо и скажи!

Клара, не торопясь, снимала шляпу, обнаруживъ при этомъ видимое доказательство, что она очень заботится о своей наруж-

ности, а именно: тщательно причесанные, густые волосы, завитые на лбу. Она стояла неподвижно и молча поправляла спереди свою прическу. Отецъ подошелъ къ ней и грубо схватилъ ее за плечо.

— Посмотри на меня! Ну, что же ты?.. Отвѣчай мнѣ... ну, отвѣчай же!

Клара вырвалась и молча подняла на отца свой дерзкій, изумленный взглядъ. Въ этомъ взглядѣ не было ни тѣни страха передъ отцовскимъ гнѣвомъ: ничего, кромѣ удивленія на непривычную для нея грубость и злобы за обиду.

Сидней всталъ, какъ бы желая придти ей на помощь, но этого никто не замѣтилъ. Джонъ Юэттъ тотчасъ же очнулся, какъ только дочь оттолкнула его.

Ему впервые случилось прикоснуться къ одному изъ своихъ дѣтей иначе, какъ съ лаской; взглядъ Клары живо привелъ ему на память только-что происшедшій у него съ Керквудомъ разговоръ, и онъ призналъ справедливость его замѣчанія, что надо попытаться ладить съ нею безъ рѣзкостей и не наперекоръ. Даже безразсудно было съ его стороны пытаться вернуть свою власть посредствомъ грубой силы.

Какъ ножомъ хватилъ его по сердцу взглядъ дочери, его любимой крошки; тщетно старался онъ найти знакомыя, привлекательныя черты на дорогомъ ему лицѣ... Что-то враждебное настроило ее противъ него, разъединило ихъ... Но нѣтъ! Такая рознь между ними немыслима. Джонъ внутренно горячо возсталъ противъ этого.

— Клара, дитя мое!—измѣнившимся глухимъ голосомъ обратился онъ къ ней: — Что же это такое? что съ тобой? Что встало между нами? Развѣ я не всегда старался сдѣлать, какъ бы тебѣ было получше? Еслибъ я былъ злѣйшимъ твоимъ врагомъ, и то ты не могла бы смотрѣть на меня съ такой ожесточенностью и злобой...

— Я думаю, это *мнѣ* слѣдовало бы спросить, что сдѣлалось съ *тобою*? — возразила она съ полнымъ самообладаніемъ. — Ты обращаешься со мною какъ съ грудным ребенкомъ. Я хочу знать, что ты скажешь насчетъ м-съ Тэбсъ. Мать, вѣрно, тебѣ уже сказала?

Прежде чѣмъ Юэттъ успѣлъ ей отвѣтить, Сидней замѣтилъ:

— Я думаю, вамъ лучше переговорить наединѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, останьтесь!—перебилъ его Джонъ.—Клара, онъ уже говорилъ со мною о тебѣ. Онъ думаетъ, что лучше дать тебѣ полную волю. Да, да! Ты можешь себѣ удивляться,

сколько твоей душѣ угодно! Онъ говоритъ (что̀ еще того удивительнѣе!), что ты больше не будешь меня слушать, что не *ты* должна исполнять мои желанія, а *я*—твои. Никогда я не думалъ, что моя Клара будетъ такъ ко мнѣ относиться! Но дѣло на то похоже... да, похоже!

Дѣвушка стояла, потупивъ глаза. Она опять измѣнилась въ лицѣ, съ котораго сбѣжало выраженіе высокомѣрной угрюмости. За минувшія двѣ недѣли она систематично озлоблялась, закаляясь въ своемъ безсердечномъ упорствѣ. Она на все была готова, лишь бы поставить на своемъ; она строила планы, какъ лучше убѣжать изъ дому. Но теперь, когда отецъ самъ ей уступалъ, въ душѣ ея зашевелилось все, что̀ въ ней было мягкаго, и она отъ всего сердца пожелала, чтобы все между ними обошлось тихо и мирно. Разъ, что она добилась своего, она опять могла быть для отца добрымъ и милымъ, но своевольнымъ ребенкомъ.

— Ну, хорошо!—продолжалъ Джонъ, жадно всматриваясь въ лицо дочери. — Хорошо, я больше ничего объ этомъ не скажу; но только помни, дѣвочка моя, что за тебя мнѣ отвѣчаетъ Сидней. Я уступаю *только* его настоянію! Помни же, что я съ него взыщу; смотри!

Голосъ у него дрогнулъ, а въ глазахъ, которые онъ перевелъ на Сиднея, сверкнуло раздраженіе.

— Я охотно готовъ за это поручиться!—тихимъ, но твердымъ голосомъ проговорилъ Керквудъ, не глядя на Клару.—Никто изъ людей не можетъ отвѣчать за другого, какъ за самого себя; но я беру на себя отвѣтственность въ томъ, что Клара не навлечетъ на васъ бѣды. Она слышитъ мои слова и, конечно, понимаетъ, что они говорятся не на̀ вѣтеръ, а лишь глубоко обдуманно.

Клара сидѣла у стола и водила пальцемъ по рисунку скатерти, задумчиво закусивъ нижнюю губу; очевидно, она къ этому прибѣгала для того, чтобы не выдать своего внутренняго ощущенія.

— Я собственно не вижу, при чемъ тутъ м-ръ Керквудъ, —холодно, но почти добродушно сказала она:—и вовсе не нуждаюсь, чтобы кто-нибудь за меня отвѣчалъ. Ты, отецъ, все равно бы меня отпустилъ, и я не знаю, къ чему было примѣшивать сюда м-ра Керквуда?

Юэттъ молча смотрѣлъ въ каминъ, поникнувъ головою, а Сидней, оглянувшись на Клару, увидѣлъ съ удивленіемъ, что она улыбается ему. И, странное дѣло! улыбка тотчасъ же со-

общила особую мягкость линіямъ рта, особую живость умнымъ глазамъ, и усилила тотъ особый трагизмъ, которымъ вѣяло отъ ея взгляда. Сидней зналъ по собственному опыту, что эта улыбка имѣла неограниченную власть надъ кѣмъ угодно, и поспѣшилъ изъ предосторожности отвернуться.

Тогда Клара встала.

— Я сбѣгаю къ м-съ Тэбсъ съ отвѣтомъ; еще не поздно, и она будетъ рада поскорѣй узнать.

— О, еще утромъ успѣешь!—замѣтила мачиха; но Клара, не обращая вниманія, продолжала собираться и только небрежно проговорила на-ходу, обращаясь къ отцу:

— Я—живо!

Юэттъ не шелохнулся.

— Вы мнѣ позволите часть дороги пройти вмѣстѣ съ вами? —вдругъ спросилъ Сидней.

— Конечно, если хотите.

Сидней пожелалъ спокойной ночи оставшимся и пошелъ внизъ по лѣстницѣ вслѣдъ за Кларой.

IV. — Клара.

Дождь пересталъ; но сырой и рѣзкій вѣтеръ разгуливалъ по мрачнымъ, почернѣвшимъ улицамъ.

Клара и Сидней шли молча рядомъ и повернули къ сѣверу отъ тюрьмы до самаго перекрестка, гдѣ стоитъ „Ангелъ“. Тутъ, на скрещеніи множества дорогъ, всегда толпилось множество бродягъ, гулящихъ, торговцевъ и газетчиковъ, которые выкрикивали неутомимо:

— „Эхо-о“!.. „Спеціалъ“!.. „Эхо-о“!.. „Ста-ан-дартъ“! — и т. п.

Огни фонарей отражались тусклымъ сіяніемъ въ дождевыхъ лужахъ и на мокрыхъ плитахъ панели. Вмѣстѣ съ вѣтромъ въ воздухѣ вѣяло запахомъ пива и простого табаку.

Во время своего долгаго путешествія Клара одинъ разъ или два взглянула на своего спутника, но тотъ даже взглядомъ не соблаговолилъ ей отвѣчать, и она была почти рада его упорному молчанію, а на лицѣ ея играла улыбка, какъ будто ей доставляла удовольствіе угрюмость, которую она же сама вызвала въ немъ своимъ поведеніемъ.

Наконецъ она остановилась.

— Я думаю, вамъ не захочется идти *туда* со мною?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ прощайте! Благодарю васъ и за то, что проводили.

— Я лучше подожду и, если вы позволите, провожу васъ обратно.

— А! Ну, и прекрасно! Я всего на двѣ-три минуты.

Клара поспѣшно вошла въ трактиръ, который м-съ Тэбсъ сравнительно недавно возвела изъ простой кофейной и закусочной въ санъ „Королевскаго ресторана съ завтраками".

Его фронтонъ горѣлъ ярко-красными рисунками; внутри ресторана пылало множество газовыхъ рожковъ; въ окнѣ, на выставкѣ, были разложены ломтики и отдѣльныя порціи рыбы, холодной дичи, сандвичей, ветчины и т. п. плѣнительныхъ яствъ; а позади стояла жаровня, на которой аппетитно шипѣли и дымились сосиски съ лукомъ.

Сидней вздумалъ пройтись нѣсколько въ сторону отъ „Королевскаго ресторана" и замѣтилъ, что, несмотря на поздній часъ, еще много народу бродило по широкимъ троттуарамъ. Большинство изъ тѣхъ, которые заходили въ ресторанъ м-съ Тэбсъ, были люди еще молодые, направлявшіеся туда изъ другихъ трактировъ или увеселительныхъ мѣстъ. Вся эта мѣстность и ея отличительныя черты были ему издавна знакомы; но его настоящее настроеніе не подходило подъ ихъ общую окраску, подъ ихъ общій духъ, и лишь усиливало то отвращеніе, которое онъ испытывалъ, глядя на окружающую его среду. Поэттамъ онъ старался все представить въ болѣе смягченномъ свѣтѣ; но самъ болѣе чѣмъ когда-либо возмутился въ душѣ противъ желанія Клары служить въ такомъ мѣстѣ и такимъ людямъ.

Ему показалось, что прошло вѣрныхъ полчаса до той минуты, когда Клара вернулась къ нему. Молча двинулись оба въ обратный путь.

— Вы уже условились?—спросилъ Сидней, когда прохожихъ вокругъ нихъ стало меньше.

— Да. Я поступаю въ понедѣльникъ.

— И будете тамъ жить?

— Да; это удобнѣе, и моимъ домашнимъ дастъ возможность размѣститься пошире. Бобъ можетъ спать съ дѣтьми, а деньги сберегать.

— О, конечно!—съ ироніей замѣтилъ Сидней, и этотъ необычный тонъ поразилъ Клару тѣмъ болѣе, что если Керкъудъ не былъ съ нею въ чемъ-либо согласенъ, онъ былъ все-таки

неизмѣнно вѣжливъ и почтителенъ, или предпочиталъ совсѣмъ отмалчиваться.

— Вы, кажется, сегодня не въ особенно хорошемъ настроеніи, м-ръ Керквудъ?—замѣтила она мягко.

Онъ не обратилъ вниманія на ея слова и, нѣсколько минутъ спустя, оглянулся на нее съ гнѣвнымъ замѣчаніемъ:

— Надѣюсь, вамъ будетъ пріятна такая милая, чисто-„дамская“ служба? Смѣю думать, что прислуживать „джентльменамъ“ Верхней-улицы вполнѣ согласно съ вашимъ уваженіемъ къ себѣ?

— Неужели вы можете вообразить, что я ради собственнаго своего удовольствія поступаю сюда?—холоднымъ, враждебнымъ тономъ спросила она.—Жестоко ошибаетесь, если воображаете, что вы что-нибудь про меня знаете! Постойте, дайте мнѣ только немножко научиться служить, и вы увидите, долго ли я еще останусь въ Верхней-улицѣ?

— А, понимаю!

Они прошли молча еще нѣсколько минутъ. Въ ночной темнотѣ, въ пространствѣ, заключенномъ между тюрьмой и трущобнымъ кварталомъ, рѣзко раздавались крикливые голоса дѣтей, которыя еще продолжали свою возню въ этотъ поздній часъ.

— Врядъ ли мы будемъ теперь часто видѣться, — останавливаясь, замѣтилъ Сидней.

— Чѣмъ рѣже, тѣмъ лучше... если вы намѣрены разговаривать со мною только въ такомъ тонѣ!

— Пожалуй, что вы правы; но неужели же вамъ самой не замѣтно, что дома у васъ дѣла идутъ все хуже и хуже? Ваша мать...

— Мать, да не моя!—сердито вскрикнула Клара.

— Однако, она была къ вамъ добра, какъ мать родная,— замѣтилъ Сидней. — Что вѣрно, то вѣрно, какъ вѣрно то, что вы какъ нельзя хуже отплатили ей за ея доброту. Другая дѣвушка старалась бы ей облегчить ея тяжелую жизнь, но вы... думали только о себѣ! Отецъ изо дня въ день бьется въ поискахъ за мѣстомъ; а вы... Какъ вы встрѣчаете его, когда онъ, усталый, возвращается домой? Вы еще больше мучите, раздражаете его! Вы говорите ему грубости, вы всю его душу истерзали, потому что не хотѣли покориться, когда онъ... онъ готовъ бы жизнь свою за васъ отдать! Другой на моемъ мѣстѣ говорилъ бы съ вами такъ, преслѣдуя совсѣмъ иныя цѣли; но мнѣ слишкомъ мучительно достается въ эту минуту каждое мое слово

для того, чтобы я просилъ васъ припомнить, на что я надѣялся, чего желалъ. Вамъ не такъ мучительно выслушивать все это отъ меня, какъ *мнѣ* мучительно это говорить. Да, смѣйтесь себѣ, смѣйтесь на здоровье! Единственно, о чемъ я васъ прошу: подумайте лишній разъ объ отцѣ и о всѣхъ домашнихъ; помните, что *я* его увѣрилъ, что вы не сдѣлаете ничего такого, чего бы онъ долженъ стыдиться... Теперь, когда вы все-таки поставили на своемъ, можете же вы, наконецъ и о нихъ подумать!

— Ужъ это конечно не ваша вина, если я сама не знаю, какъ я дурна! — съ полуулыбкой отвѣчала молодая дѣвушка. Она, вѣроятно, только потому и не особенно сердилась за его нравоученье, что въ его голосѣ, который дрогнулъ и подъ конецъ даже прервался, она еще разъ видѣла доказательство своей власти надъ нимъ.

— До свиданья!—проговорилъ онъ, уходя.

— До свиданья!—послѣ мгновенной нерѣшимости сказала она, и дошла до дому уже одна.

На порогѣ ее встрѣтила миссъ Пекковеръ.

Клемъ хоть и была на годъ моложе Клары, но казалась такой же взрослой по годамъ и по физическому своему развитію. По красотѣ, она себя считала несравненно выше, и потому для нея было особенно оскорбительно высокомѣрное обращеніе Клары, которое она ей не могла простить.

И Клара, въ свою очередь, презирала ее за то, что Клемъ съумѣла привлечь къ себѣ ея брата, Боба; но за то послѣдняя всегда имѣла возможность безжалостно издѣваться надъ нищетой Юэттовъ.

Такъ и теперь, когда Клара проходила мимо нея, проронивъ холодно:—Покойной ночи! — Клемъ не могла отказать себѣ въ удовольствіи уязвить ее:

— Кажется, на дворѣ свѣжо? Удивляюсь, что вы не надѣли пальто подлиннѣе!

— Благодарю васъ за вниманіе, но ужъ конечно не у васъ я приду просить совѣта, какъ мнѣ одѣваться,—возразила Клара.

Но Клемъ только засмѣялась въ отвѣтъ, зная, что все-таки послѣднее слово осталось за нею.

Вскорѣ послѣ Клары, въ темную „дѣтскую“, гдѣ на одной постели вмѣстѣ спали всѣ три дѣвочки—Эми съ Анни и сама Клара, на полу на тюфякѣ маленькій Томми,—вошелъ отецъ и тотчасъ же обратился съ робкимъ вопросомъ:

— Ну, дѣвочка моя, что ты имѣешь мнѣ сказать?

— Я поступаю въ понедѣльникъ.

Джонъ отошелъ отъ нея на шагъ и, повидимому, намѣревался уйти молча.

— Отецъ, мнѣ вѣдь придется нѣсколько недѣль отдавать миссъ Тэбсъ мои пять шиллинговъ, чтобы покрыть расходъ на платье, которое она мнѣ должна сдѣлать.

— Что ты ни заработаешь, все вѣдь твое.

— Да, но я все-таки надѣюсь въ скоромъ времени дожить до того, чтобы вамъ помогать. Тяжело тебѣ не имѣть работы!

Лицо Джона удивительно прояснилось.

— Не безпокойся, дорогая! Ничего! Все понемногу обойдется, такъ или иначе. Ты доброе дитя! Покойной ночи, голубушка моя!

Онъ поцѣловалъ дочь и, утѣшенный ея лаской, улегся спать.

Миссъ Пекковеръ прохаживалась взадъ и впередъ между входной дверью и кухней. Она только-что подумала, въ видѣ развлеченія отъ скуки, заглянуть въ кухню и придраться къ своей жертвѣ — Дженни, какъ вдругъ ея вниманіе привлекли чьи-то тяжелые шаги: это шелъ домой Бобъ Юэттъ послѣ своихъ вечернихъ развлеченій.

— А, это вы? — протянула Клемъ. — Пожалуйте сюда: мнѣ надо съ вами переговорить.

— Обождите до завтра,—былъ отвѣтъ.

— *Обождите*?! Посмотримъ, какъ это я буду ждать!— воскликнула она и сильнымъ движеніемъ своей мускулистой руки заставила его перевернуться и потащила съ собой на кухню, откуда поспѣшно выслала свою покорную слугу, Дженни.

— Ну, а теперь—не угодно ли вамъ будетъ объяснить мнѣ, съ кѣмъ еще вы болтались сегодня?

— Да чего вы? Ну, съ товарищами, конечно!

— Вотъ какъ? Такъ у васъ и Пеннилофъ [1]) Канди тоже *товарищъ*?

Клемъ стояла въ воинственной позѣ, гнѣвно закинувъ голову назадъ, руками опершись на бедра, всей своей могучей осанкой обрисовывая силу своихъ молодыхъ мускуловъ.

— Пеннилофъ?!—какъ бы презрительно по ея адресу воскликнулъ Бобъ. — Проваливай! Усталъ я слушать все одно и

---

[1]) Простонародный выговоръ имени: „Penelope“; буквально, „penny-loaf“—ломоть хлѣба за пенни.

то же про нее. Да я ужъ три недѣли, какъ въ глаза ея не видалъ!

— Врешь, врешь!—и Клемъ прибавила непередаваемое ругательство.—Джоллопъ васъ видѣлъ вмѣстѣ, и Бартлей тоже.

— Это онъ-то видѣлъ? Да онъ ѣздилъ къ матери своей, въ Голертонъ. Не будь же дурочкой набитой! Мало ли чего они еще наскажутъ! Потому только, что эта самая Сю-Джоллопъ для меня все равно, что трынъ-трава,—вотъ она и пускается болтать про меня вздоръ... Погоди, я ее ужо заставлю на колѣняхъ попросить у меня прощенья... Вотъ увидишь!

Въ манерѣ Боба оправдываться было столько смѣлой, подкупающей простоты, что она видимо убѣдительно подѣйствовала на миссъ Пекковеръ. Однако, она еще нашла нужнымъ подбочениться и посмотрѣть на него такъ пытливо, какъ это не всякій бы выдержалъ. Но Бобъ не сморгнулъ.

Вообще въ объясненіяхъ съ женщинами онъ не имѣлъ обыкновенія прибѣгать къ особымъ нѣжностямъ для того, чтобы усыпить докучную ревность; дѣвушки были для него „все равно, что трынъ-трава“. Его ухаживаніе всегда велось какъ-то *свысока*, точно изъ милости.

„Не будь же дурочкой набитой!“—вотъ выраженіе, котораго (по его мнѣнію) было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы смягчить сердце женщины.

Полчаса спустя, Клемъ дѣйствительно сочла свои спорные вопросы изсякшими и, смягчившись, спросила, любуясь своимъ Бобомъ:

— А когда же ты мнѣ купишь медальонъ, чтобъ я могла носить въ немъ твои волосы?

— Пока я тебѣ скажу только: подожди! На будущей недѣлѣ свершится нѣкое событіе... Ну, словомъ, ты можешь подождать.

— Да ждать-то я устала!.. Смотри! Ты меня не надуешь?

— Что? Я тебя надую?.. Не будь же дурочкой набитой, Клемъ!

И Бобъ, сердечно разсмѣявшись, не противился, чтобъ его цѣловали до тѣхъ поръ, пока не отправили на покой въ его каморку на чердакѣ, подъ небесами.

Въ домѣ все затихло.

Клемъ затворила на ключъ входную дверь, а затѣмъ ни мало немедля приступила къ своему главному развлеченію,—ссорѣ съ Дженни. Ничего не могло быть проще: ей стоило только высказать свое приказаніе, чтобъ бѣдная дѣвочка горячо запротестовала:

— О, миссъ! Я не могу! Не лягу! Пожалуйста, не надо!..

Но миссъ была неумолима. Она насильно тащила Дженни въ темную каморку, къ покойницѣ; Дженни упиралась, вырывалась и, наконецъ, крикнула такъ отчаянно, такъ громко, что ея крикъ разнесся по всему дому. Съ невѣроятнымъ усиліемъ ей удалось вырваться. Она стремглавъ побѣжала наверхъ и упала на колѣни передъ женщиной, которая вышла на крикъ со свѣчою въ рукѣ:

— О, помогите, помогите! Не пускайте ее!

— Что̀ съ тобой?—спросила Клара, за платье которой дѣвочка хваталась, истерически рыдая.

Тѣмъ временемъ вышелъ и Джонъ Юэттъ:

— Что̀? Горимъ?.. Кто тутъ кричитъ?

— Это Дженни,—пояснила Клемъ, стоя на нижней площадкѣ.—Я ей задала заслуженную трепку. Пошлите ее внизъ, ко мнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! О, ради Бога, будьте такъ добры, позвольте... Я не пойду! Мнѣ страшно! Она хочетъ меня запереть съ покойницей въ каморкѣ...

— Ахъ, лгунья ты этакая! — воскликнула Клемъ. — Безсовѣстная лгунья. Въ жизни своей другой такой дѣвчонки не видала!

— Я вѣрю ей гораздо больше, чѣмъ вамъ!—рѣзко возразила Клара.—Всякій видитъ, что она говоритъ правду, и что она перепугана до смерти. Дженни, пойди сюда, ты у насъ пробудешь до утра!

Тѣмъ временемъ сбѣжались на шумъ еще жильцы, и каждый высказывалъ свое мнѣніе, причемъ пользовался случаемъ насолить хотя на словахъ этой гордячкѣ и занозѣ Клемъ, на которую многіе были въ обидѣ. Даже Бобъ, воздерживаясь отъ всякаго мнѣнія, стоялъ, молча усмѣхаясь, на верхней площадкѣ и поглядывалъ внизъ на шумѣвшихъ. Громче всѣхъ кричалъ кучеръ, м-ръ Марпль, открыто осуждавшій звѣрскую жестокость Клементины. Сюда же поспѣшила миссисъ Юэттъ, страшная, какъ призракъ смерти, и тоже принялась громко стыдить ее за дурное обращеніе съ Дженни. Клара твердо стояла на своемъ. Она увела къ себѣ бѣдную дѣвочку, дала ей воды и успокоила ее:

— Можешь всю ночь спать себѣ спокойно,—говорила она.—А утромъ пріѣдетъ и сама миссисъ Пекковеръ; тогда посмотримъ, что̀-то она скажетъ?

Дженни не спускала съ нея глазъ, въ которыхъ отражалась и ея безграничная признательность, и страхъ за будущее. Выплакавъ понемногу свое горе, она послушно легла на тюфякѣ,

рядомъ съ малюткой Томомъ... Скоро свѣча потухла, и только завыванье вѣтра въ трубѣ прерывало ночную темноту.

На разсвѣтѣ Клара, сама не зная почему, проснулась.

Она посмотрѣла вокругъ и удивилась, что Дженни громко плачетъ и кричитъ, очевидно въ бреду переживая опять минувшее волненіе. Клара съ трудомъ растолкала ее:

— Тебѣ не хорошо?

— Да, миссъ; у меня что-то голова болитъ, и такая жажда! Можно мнѣ хлебнуть немножко изъ кувшина?

— Лежи, я сейчасъ принесу тебѣ попить.

И Дженни, утоливъ жажду, опять задремала, но, какъ и прежде, сонъ ея былъ прерывистый, тревожный. Клара позвала отца, и оба могли убѣдиться, что Дженни становилось все хуже и хуже.

V.—„Материнское сердце".

На слѣдующее утро миссисъ Пекковеръ вернулась домой. Высокая, съ широкими костями, немолодая (ей было уже за пятьдесятъ), съ грубымъ лицомъ, на которомъ только и было красиваго, что густые усы; отъ ея темныхъ волосъ несло жирной помадой. Такова была эта особа, полагавшая, что честь ея семейства требовала, чтобы на похоронахъ присутствовало какъ можно бо̀льшее число родственниковъ и родственницъ. Съ этой цѣлью она сама съѣздила за м-съ Гелли,—толстой женщиной, съ краснымъ носикомъ и слезящимися глазками,—м-съ Пекковеръ знала, что иначе послѣдняя не будетъ въ состояніи явиться на погребеніе въ трезвомъ видѣ. Впрочемъ, м-съ Гелли было разрѣшено слегка прибѣгнуть къ рюмочкѣ, но лишь въ такомъ размѣрѣ, который только развилъ бы въ ней пріятную словоохотливость. Она же сама дала слово воздержаться отъ какого бы то ни было излишка въ питіи до окончанія погребальной церемоніи.

Новости, которыя м-съ Пекковеръ узнала по прибытіи домой, не могли быть ей особенно пріятны. Особенно же ее поразило рѣшеніе Клары требовать судебнаго слѣдствія, если съ Дженни приключится что-нибудь дурное. Поглядѣвъ на больную дѣвочку, безъ которой ей теперь трудно было обойтись, она сошла внизъ и, заперевъ за собою дверь, какъ буря, какъ вихрь, налетѣла на дочь:

— А, такъ вы, кажется, изволили вообразить, что теперь будетъ на вашей улицѣ праздникъ? — говорила разгнѣванная

мать.—Вамъ все равно; вамъ лишь бы себя тѣшить! Я вамъ, сударыня, этого не спущу!

Тррахъ!—тотчасъ же вслѣдъ за ея словами раздался звукъ пощечины, да такой увѣсистой, что даже дородная Клемъ пошатнулась.

— Отстань отъ меня!—заревѣла она.—Попробуй, сунься въ другой разъ, и я тебѣ тоже задамъ жару! Вотъ увидишь!

Поднялся страшный шумъ и гамъ, который, впрочемъ, кончился довольно мирно тѣмъ, что Клемъ пошла за докторомъ, пользовавшимся полнымъ довѣріемъ м-съ Пекковеръ. Онъ собственно былъ не только не докторъ, но даже не лекарь, и лечилъ (въ качествѣ свѣдущаго аптекаря) только въ тѣхъ случаяхъ, когда настоящій докторъ, заваленный приглашеніями, не имѣлъ возможности лично явиться къ больному. Впрочемъ, ему болѣзнь Дженни показалась пустячкомъ:

— Маленькая лихорадочка, — замѣтилъ онъ и глубокомысленно прибавилъ: — Мы ее живо поставимъ на ноги. Пораненій нѣтъ, никакихъ? А? О, мы ее живо поставимъ на ноги!.. Пошлите-ка скорѣе за лекарствомъ!

— Какъ только окончится погребеніе, мы ее перенесемъ обратно въ каморку за кухней,—говорила м-съ Пекковеръ своей жилицѣ. Не безпокойтесь только, не разстраивайте себя, моя душечка! И безъ того уже большое одолженіе съ вашей стороны, что вы взяли на себя эту обузу на цѣлую ночь!

Родные и знакомые, явившіеся на погребеніе, начали съѣзжаться. Прежде всего ихъ ввели въ роскошно убранную гостиную Пекковеровъ.

Посреди нея красовался большой круглый столъ, весь уставленный яствами и прохладительными напитками; на полированномъ открытомъ буфетѣ стояли ребромъ ряды дессертныхъ тарелокъ и множество стеклянныхъ сосудовъ, цѣль которыхъ была, по всей вѣроятности, служить только украшеніемъ, такъ какъ никакого иного употребленія для нихъ нельзя было бы прибрать. Въ углубленіи стѣны, на низенькомъ шкафчикѣ стояли чайный приборъ, овальный подносикъ съ цвѣтами, а на самой верхушкѣ, подъ стекломъ, виднѣлась картонная модель собора св. Павла. Надъ каминомъ — зеркало, обтянутое желтой кисеей, а по обѣ его стороны—силуэты предковъ и множество другихъ картинъ, изъ которыхъ самая внушительная изображала не то корабль, не то (съ тѣмъ же вѣроятіемъ) какіе-то виды Альпійскихъ горъ. Были тутъ нѣмецкія иллюстраціи момента казни англійскихъ преступниковъ; портреты королевской фамиліи,

„Разрушеніе Ниневіи“. На подоконникахъ были разставлены горшки искусственныхъ цвѣтовъ, и ихъ безпрестанно сваливали и ломали то ставнями, то занавѣсками.

Послѣ того, какъ гости поочередно отвѣдали элю или водки, ихъ ввели въ каморку полюбоваться на гробъ и на покойницу. (Ставлю на первомъ планѣ гробъ, потому что онъ возбуждалъ въ зрителяхъ больше любопытства, чѣмъ сама усопшая). Еслибы можно было похоронить старуху поскромнѣе, м-съ Пекковеръ сама была бы этому рада, но ей надо было отличиться. И въ самомъ дѣлѣ, долго еще послѣ похоронъ люди добрые поминали роскошь обстановки и щедрость м-съ Пекковеръ. Гробъ осмотрѣли снаружи и внутри, похвалили и его, и даже самую покойницу,

— Красивая, несмотря на свои годы, — было общее мнѣніе. Потомъ всѣ пошли назадъ, въ гостиную, и опять „подкрѣпились“. Въ комнатѣ запахло виномъ, какъ въ пивной.

— Все какъ нельзя болѣе прилично, право!—говорили другъ другу кумушки, столпившись въ гостиной.

— Да такъ оно собственно и подобаетъ!—воскликнула одна изъ нихъ въ благородномъ негодованіи:—еслибы м-съ Пекковеръ не съумѣла сдѣлать все такъ отлично,—кто бы тогда съумѣлъ на ея мѣстѣ? — И говорившая вызывающимъ взоромъ окинула окружающихъ, какъ бы готовясь возражать другимъ; но эти *другіе* только одобрительно зашумѣли въ подтвержденіе ея словъ. М-съ Пекковеръ вообще слыла женщиной богатой и еще при жизни мужа, гранильщика, съ успѣхомъ открыла пивную, которая оказалась маленькой, но отличной. По смерти его вдова реализировала свою пивную и выручила кругленькій капиталецъ. Чувствуя влеченіе къ частной жизни, посвященной воспитанію своего единственнаго дѣтища—Клементины, она удалилась отъ дѣлъ и занялась своимъ домомъ и жильцами.

По возвращеніи съ похоронъ, вся компанія приглашенныхъ „на домъ“ до того перепилась, что даже м-съ Гелли уже было разрѣшено дать себѣ волю. Но въ ту самую минуту, когда шумъ и разгулье дошли до апогея, м-съ Пекковеръ показалось, что кто-то постучался. Она послала Клемъ отворить, и та быстро вернулась:

— Тамъ какой-то старикъ спрашиваетъ, нѣтъ ли здѣсь у насъ кого изъ Снаудоновъ?

— А что же ты ему сказала?

— Я сказала, что пойду спрошу.

— Останься тутъ. Молчи, и никому ни гу-гу!

М-съ Пекковеръ вышла и увидала на порогѣ сѣдовласаго старика, на которомъ было какое-то странное длинное пальто и такая же странная шляпа. Онъ молча посмотрѣлъ на хозяйку дома:

— Что вамъ угодно, *мистеръ*?—спросила она.

— Мнѣ сказали, что у васъ въ домѣ живетъ ребенокъ, фамилія котораго Снаудонъ,—ясно и серьезно проговорилъ гость.

Закраснѣвшіеся отъ вина глазки м-съ Пекковеръ пытливо уставились на говорившаго:

— Я, что-жъ, пожалуй, могу вамъ сказать, что въ этомъ домѣ дѣйствительно есть ребенокъ по фамиліи Снаудонъ, то-есть, по крайней мѣрѣ, есть дѣвочка, приблизительно лѣтъ четырнадцати или пятнадцати.

Старикъ какъ бы собрался съ мыслями и замѣтилъ:

— Нѣтъ, если это та, про которую я думаю, ей еще далеко до четырнадцати лѣтъ.

М-съ Пекковеръ измѣнилась въ лицѣ и на минуту отвела глаза въ сторону.

— Ну, я вѣдь такъ и говорю, что она *приблизительно* такихъ лѣтъ. Я въ нѣкоторомъ смыслѣ замѣняла ей мать и даже хорошую мать, могу сказать по совѣсти!.. вотъ уже седьмой годъ. Конечно, я могла бы отдать ее въ воспитательный,—продолжала она, шевеля въ каминѣ,—какъ только мнѣ перестали за нее платить тѣ, которые отдали ее на мое попеченіе. Нѣтъ, я не такая! Я все дѣйствую себѣ въ убытокъ.

— Ея родители поручили вамъ эту дѣвочку?

— Отецъ ея; мать умерла давно, и, надо ему отдать честь, онъ похоронилъ ее (изъ нашего же дома) вполнѣ прилично: да я и не допустила бы ни за что, чтобы изъ *моего* дома вынесли покойника кое-какъ; я бы скорѣе согласилась доплатить изъ своего кармана. Вотъ и мой гробовщикъ самъ вамъ это скажетъ. Онъ распоряжался похоронами моего мужа; сегодня онъ былъ тоже здѣсь: мы только-что похоронили мою свекровь. Потому-то я немножко... не въ себѣ какъ видите!—болтала обыкновенно неразговорчивая м-съ Пекковеръ.

Впрочемъ, ей нужно было къ тому же выиграть время, чтобы подыскать подходящія выраженія для свѣдѣній, которыя онъ могъ отъ нея потребовать. Это волненіе, однако, вызывала въ ней не встревоженная совѣсть, а просто ей было жутко передъ его прямымъ взглядомъ.

— Вы еще не сказали мнѣ, дѣйствительно ли отца дѣвочки звали Джозефомъ Снаудономъ?—спросилъ онъ.

— Мнѣ нечего скрываться; да, онъ дѣйствительно былъ Джозефъ Снаудонъ. Это вашъ сынъ?

— Да! Имѣете вы основаніе думать, что онъ умеръ?

— Умеръ? Нѣтъ, я что-то не слыхала. А только, какъ умерла его жена, онъ мнѣ и говоритъ: „м-съ Пекковеръ, говоритъ, я знаю, что у васъ материнское сердце (а это вѣдь сущая правда!)... материнское сердце, и мнѣ бы, говоритъ, хотѣлось оставить на вашемъ попеченіи мою Дженни. (Она тогда ходила въ ту же школу, что и моя Клемъ, т.-е. Клементина). Я уѣзжаю на работу въ Бирмингамъ, такъ вы ужъ, говоритъ, пожалуйста, за нею присмотрите,—ну, годикъ, другой, а то и третій, смотря по обстоятельствамъ“.

— О!.. говорю я, не увѣренная, что̀ мнѣ собственно надо сказать: О!..— „Да!“ — проговорилъ онъ и, никого не предупредивъ, взялъ да и уѣхалъ. А послѣ него мой сынъ соблазнился, да махнулъ въ Австралію.

Ея проницательный взглядъ подмѣтилъ въ старикѣ что-то такое, что̀ показалось ей подозрительнымъ, и она поспѣшила спросить:

— Пожалуй вы и сами, мистеръ, успѣли въ Австраліи побывать?

— Да, успѣлъ... Но вы мнѣ не сказали, что̀ же было дальше съ ребенкомъ.

— Про нее я могу только сказать, что такая дѣвочка всякаго способна вознаградить за возню съ нею. Она таки довольно старательный ребенокъ, но еще не очень аккуратна, слишкомъ молода! Я все старалась, какъ бы ей было полезнѣе и лучше, но теперь, когда она больна...

— Больна?! Чего же вы давно не сказали? Гдѣ же она теперь?

— У нашихъ сосѣдей и жильцовъ — Юэттовъ. (Могла ли я отдать ее чужимъ?) Ей вѣдь теперь всего нужнѣе покой и удобства...

— Ведите меня къ ней!—перебилъ старикъ, но м-съ Пекковеръ напомнила ему, что у него нѣтъ другихъ доказательствъ своего родства, кромѣ его словъ, что будто Дженни — его внучка.

— Да, я могу только на словахъ сказать вамъ, что ея отецъ Джозефъ—мой самый младшій сынъ. Я вернулся въ Англію доживать свой вѣкъ, и надѣюсь, что мнѣ удастся разыскать его, а пока, живъ онъ или нѣтъ, я все равно увѣренъ, что онъ ничего не скажетъ противъ, если я позабочусь о его дочкѣ, какъ

о родной дочери. Вы потратились на нее... — началъ онъ, но умолкъ, и напрасно ждала м-съ Пекковеръ, что онъ договоритъ такъ интересно начатое. Мысли его повидимому приняли иное направленіе.

— А вы могли бы показать мнѣ эти письма, которыя вы говорите, что мой сынъ вамъ писалъ?

— Понятно, могла бы!—отвѣчала она грубо, какъ человѣкъ, котораго поймали на мѣстѣ преступленія, и которому это досадно.

— Ну, послѣ, послѣ! Пойдемте поскорѣе къ ней!—и мягкій голосъ старика твердо и повелительно отозвался въ ушахъ у м-съ Пекковеръ, которая поспѣшила встать и уйти въ квартиру Юэттовъ. Минутъ десять спустя послѣ ея ухода появилась Эми и повела старика къ его больной внучкѣ.

Тѣмъ временемъ Дженни, которая бредила, мигомъ перенесли съ тюфяка на настоящую кровать, и комнату, также насколько возможно, привели въ порядокъ. М-съ Пекковеръ было довольно шепнуть на ухо м-съ Юэттъ, что ей простится плата за цѣлыя полъ-недѣли, чтобы это магическое средство по прежнему дало ей полную свободу дѣйствій въ чужой квартирѣ.

Наконецъ, нежданнаго посѣтителя позвали къ больной, и онъ долго, сочувственно смотрѣлъ на воспаленное лицо бѣдной дѣвочки. Дженни привставала и садилась на кровати и жалобно кричала:—М-ръ Керквудъ!.. м-ръ Керквудъ!..—протягивая руки въ воздухѣ, чтобы за него ухватиться.

— Кто это м-ръ Керквудъ?

— Просто нашъ знакомый,—сама встревоженная, отвѣчала м-съ Пекковеръ и поспѣшила увести прочь Снаудона, подъ предлогомъ, что волненіе можетъ быть вредно для больной.

VI.—Сидней и его другъ.

Сидней Керквудъ жилъ на Тайсо-Спунтѣ, въ Кларкенуэлѣ. Какъ и большинство улицъ въ Лондонѣ, она начинается прилично и, несмотря на свою ограниченную длину, какъ и полагается, переходитъ въ грязную улицу, самый конецъ которой находится во власти у разныхъ рабочихъ и фабричныхъ. Свободное, открытое пространство обращено здѣсь въ довольно большой садъ съ деревьями, клумбами, дорожками. Изъ окна у Сиднея былъ хорошій видъ на эту площадь, а нижній этажъ этого дома отличался красивымъ сводчатымъ окномъ, за кото-

рымъ виднѣлись восковыя изображенія всевозможныхъ фруктовъ подъ стекляннымъ колпакомъ; ступеньки на крыльцѣ бѣлѣлись, чисто вымытыя; за окнами висѣли чистыя бѣлыя занавѣски.

Только на другой день утромъ, идя на работу въ свою мастерскую, на площади Сентъ-Джона, вспомнилъ Сидней про свой разговоръ съ Дженни и еще разъ подосадовалъ на судьбу, которая изъ-за какихъ-нибудь пяти минутъ лишила бѣдную дѣвочку, быть можетъ, вѣрнаго защитника и друга. Онъ рѣшилъ, что ему лучше всего самому навѣдаться въ тотъ трактиръ, куда приходилъ старикъ, чтобы самому узнать на мѣстѣ подробности, и ему пришлось проходить мимо арки св. Іоанна, послѣдняго остатка жилища рыцарей милосердія, которое еще существовало лѣтъ сто-пятьдесятъ тому назадъ; теперь же отъ него уцѣлѣлъ только остатокъ развалившейся стѣны, да въ немъ нѣсколько оконъ. Лѣтъ сто-пятьдесятъ тому назадъ, тамъ жилъ нѣкій Эдуардъ Кэвъ, издатель „Журнала Джентльменовъ“, и тамъ же, у него сиживалъ частенько одинъ изъ его журналистовъ, нѣкій Самюэль Джонсонъ, про котораго ходила молва, что ему будто бы подали обѣдать за ширмами, потому что очень ужъ его нарядъ былъ неприличенъ, а у издателя былъ какой-то знатный гость. Во время обѣда, послѣдній заговорилъ съ похвалою о какой-то статьѣ еще неизвѣстнаго автора Самюэля Джонсона, и тотъ отъ восторга поднялъ возню за своими спасительными ширмами.

Послѣ продолжительнаго пути по лондонскимъ улицамъ и закоулкамъ, прохожаго поражаетъ, что эта развалина еще могла здѣсь уцѣлѣть. Но не одни эти воспоминанія вставали въ воображеніи Сиднея: въ памяти его эта мѣстность была связана съ его дѣтствомъ, съ тѣми счастливыми временами, когда онъ былъ еще мальчишкой и засыпалъ разспросами своего отца, который служилъ вальцовщикомъ и зарабатывалъ весьма немного. Человѣкъ развитой, сердечный, онъ только о томъ и мечталъ, чтобы въ будущемъ оградить сына своего отъ суровой нищеты. Въ своемъ стремленіи улучшить свое типографское дѣло Керквудъ зарвался, и на своей новой типографской краскѣ потерпѣлъ большіе убытки. Въ довершеніе горя и самъ Сидней не подавалъ надеждъ на что-либо основательное, опредѣленное: то онъ увлекался рисованіемъ и цѣлыми днями рисовалъ въ своемъ альбомѣ, то бросался на что-нибудь другое, поражая отца своимъ непостоянствомъ.

Смерть Керквуда была для его сына настоящимъ счастіемъ: она спасла юношу; она заставила его оглянуться на себя. Онъ остепенился и сталъ по неволѣ вести болѣе трудовую, воздерж-

ную жизнь, чѣмъ юноши его лѣтъ. Въ то время онъ уже былъ въ ученьѣ у своего дяди ювелира, и тѣ немногіе гроши, которые ему оставилъ отецъ, пошли на уплату за его содержаніе, столъ и квартиру. Не по нраву было юношѣ, что дядя м-ръ Рочъ, не стѣсняясь, корилъ своего племянника всѣмъ тѣмъ, въ чемъ онъ и самъ могъ упрекнуть себя; онъ не захотѣлъ оставаться у него и перешелъ къ другому хозяину. Тогда-то и познакомился онъ съ Джономъ Юэттомъ, своимъ сосѣдомъ по комнатѣ: они встрѣтились и сошлись впервые на вечернихъ сборищахъ въ Клоркенуэль-Гринѣ, гдѣ говорилось множество не особенно правильныхъ грамматически, но зато горячихъ рѣчей. Однимъ изъ самыхъ впечатлительныхъ, хоть и не самыхъ краснорѣчивыхъ, былъ новый знакомый Сиднея.

Въ ту пору онъ уже вдовѣлъ, съ двоими дѣтьми на рукахъ, послѣ шестилѣтней супружеской жизни. Частенько въ разговорѣ со своимъ юнымъ другомъ Джонъ Юэттъ самъ признавался въ своихъ погрѣшностяхъ и недостаткахъ, всегда добромъ поминая жену, которая много облегчала ему тяготу его трудовой жизни.

— Нехорошо и несправедливо,—говаривалъ онъ,—что людямъ такъ трудно живется! Иной разъ, къ одному человѣку предъявляется слишкомъ много требованій, которыхъ онъ не въ состояніи исполнить. И я вправѣ сердиться на безцѣльную, глупѣйшую работу, которая меня замучитъ, но не прокормитъ. Что же мудренаго, если меня влечетъ къ поискамъ чего-нибудь лучшаго? Теперь, когда у меня нѣтъ жены, которая бы меня ободряла, а есть дѣти, которымъ въ будущемъ предстоитъ такая же безпросвѣтная жизнь, какъ моя, я чувствую себя совершенно несчастнымъ... Вотъ еслибы у насъ была всеобщая подача голосовъ!..

Сидней былъ еще очень юнъ, но, несмотря на свои восемьнадцать лѣтъ и на свой ярый радикализмъ, онъ смотрѣлъ на вещи совершенно здраво, а потому подобный выводъ удивлялъ и въ то же время забавлялъ его. Зато горячность и чувствительность Джона подкупали въ его пользу, и Сидней искренно привязался къ нему, самъ чувствуя, что вообще все идетъ какъ-то неладно...

Въ томъ же домѣ жила молодая дѣвушка лѣтъ девятнадцати, которая занимала тѣсное помѣщеніе на чердакѣ и вообще рѣдко показывалась иначе, какъ идя на работу или возвращаясь домой. По наружности своей это было существо простодушное, смиренное, вполнѣ отвѣчающее типу безотвѣтныхъ, подвластныхъ труженицъ. Но въ одинъ прекрасный день въ домѣ распро-

странился слухъ, что миссъ Барнсъ арестована по подозрѣнію въ воровствѣ. Какъ ни странно было это слышать, но это подтверждалось и газетнымъ отчетомъ, который Сидней сохранилъ у себя.

— Въ пятницу Маргарита Барнсъ, дѣвушка девятнадцати лѣтъ, обвинялась въ кражѣ шести жакетовъ, цѣною въ пять фунтовъ, принадлежащихъ ея хозяйкѣ, Мэри Оксъ. Обвиняемая съ горькими слезами повинилась. Истица одинокая (не замужняя) женщина, зарабатываетъ деньги шитьемъ верхнихъ платьевъ. Она потребовала, чтобы миссъ Барнсъ все-таки „прикончила" эти жакеты, т.-е. выметала петли и пришила пуговицы. Обвиняемая также была обязана носить работу въ магазинъ и изъ магазина, а седьмого сентября ей надо было отнести шесть жакетовъ, и она больше домой не возвращалась. Сержантъ Смитъ, производившій дознаніе, заявилъ, что до настоящей минуты обвиняемая была совершенно честной, трудолюбивой дѣвушкой. Она бросила свою прежнюю квартиру и жила, когда ее арестовали, въ совершенно пустой комнатѣ. На допросѣ истица подтвердила, что обвиняемая работала у нея съ девяти утра и до восьми вечера

— И сколько же вы платите ей въ недѣлю?

— Четыре шиллинга.

— Вы ей и столъ давали?

— Нѣтъ, гдѣ же! Я и сама-то получаю только по шиллингу за штуку, когда жакеты готовы. Для этого мнѣ приходится держать двѣ швейныя машинки, свои нитки, иголки; работая особенно прилежно, я могу сдѣлать въ день такихъ жакетовъ только два, то-есть заработать два шиллинга.

Судья заявилъ въ свою очередь, что такое положеніе дѣлъ „весьма прискорбно".

Обвиняемую допросили, и она отвѣчала:

— Я три дня ничего не ѣла и, наконецъ, поддалась искушенію, въ надеждѣ, что найду другое мѣсто, получше.

Но судья разсудилъ иначе: онъ объявилъ, что отчаяніе и голодъ не могутъ служить оправданіемъ безчестному поступку, и приговорилъ подсудимую отсидѣть шесть недѣль въ тюрьмѣ.

Прошли и эти шесть недѣль, и еще двѣ недѣли.

Однажды Джонъ Юэттъ явился въ комнату къ Сиднею, и тотъ замѣтилъ въ немъ какое-то особенное, странное возбужденіе. Глаза его заблестѣли, а рука его дрожала; взглядъ тоже былъ какой-то необычайный.

— А у меня есть для васъ новость,—проговорилъ онъ.— Я опять женюсь!

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Ну, что жъ,—я очень радъ за васъ.

— Но, какъ вамъ покажется, на комъ?.. На миссъ Барнсъ.

Въ первую минуту Сидней былъ ошеломленъ.

До ея заключенія, Джонъ вовсе не встрѣчался съ нею; но по окончаніи его исполнилъ свое намѣреніе „дать ей немножко денегъ“, и Сидней вошелъ съ нимъ въ долю. Принимая въ разсчетъ матеріальныя условія Юэтта, это былъ съ его стороны довольно диковинный поступокъ; но складъ его характера достаточно могъ это разъяснить.

— Да! Я на ней женюсь!—восклицалъ онъ возбужденно.— И я правъ. Я ее уважаю несравненно больше, чѣмъ всякихъ другихъ, которыя никогда не грѣшили, потому что у нихъ обстоятельства не такъ сложились. Я сдѣлаю изъ нея мать моихъ дѣтей и постараюсь, чтобы она сама была счастливѣе прежняго. За послѣднія двѣ недѣли я видѣлъ ее почти каждый день и узналъ про нее рѣшительно все. Сначала она ни за что не соглашалась; говорила, что она не хочетъ меня опозорить... А вы... Если вы не можете уважать ее въ такой же мѣрѣ, какъ всякую другую женщину—вамъ лучше никогда не переступать за порогъ моего дома!

Но Сидней сіялъ тоже самой великодушной радостью. Онъ трясъ Юэтта за руку и бормоталъ безпорядочныя, неясныя, но восторженныя слова...

Джонъ поселился въ глухой части Клоркенуэля и сразу какъ будто бы помолодѣлъ. Жалобы его утихли; работа у него закипѣла такъ что на диво! Онъ говорилъ, что жена спасла его отъ бѣдъ.

Тутъ кстати подоспѣла одна изъ тѣхъ счастливыхъ случайностей, которыя какъ будто для того только и создаются, чтобы укрѣпить въ нѣкоторыхъ людяхъ вѣру въ то, что добрыя дѣла дѣйствительно не остаются безъ награды.

Умеръ братъ Джона и оставилъ ему четыреста фунтовъ.

Что жъ ему оставалось больше дѣлать, какъ не ухватиться за удобный случай открыть *свою* мастерскую? Юэттъ началъ свою трудовую карьеру тѣмъ, что дралъ дранки, потомъ былъ настоящимъ столяромъ и, наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ, спеціально занялся изготовленіемъ упаковочныхъ ящиковъ, то-есть работой, которая была ему какъ нельзя болѣе противна. И вотъ, бѣдняга суетится, нанимаетъ рабочихъ и повсюду кричитъ, что пришелъ и на его улицѣ праздникъ... наконецъ-то!..

Дѣти могли теперь спокойно ходить въ школу: плата за обученіе обезпечена! Квартиру можно взять подороже; кормиться можетъ хвóрая м-съ Юэттъ получше, какъ это и подобаетъ; ея первый ребенокъ, которому было суждено, вѣроятно, быть только лишнею обузой въ семьѣ, обратился въ „настоящее благословеніе Божіе“.

Сначала у Юэттовъ было только одно „благословеніе“, потомъ явилось и второе, и, наконецъ, третье. Передъ рожденіемъ послѣдняго Юэттъ опять сталъ понемножку хмуриться, задумываться: его предпріятіе хромало отчасти вслѣдствіе его чрезмѣрной честности, отчасти же благодаря его непостоянству. Работниковъ мало-по-малу распустили; единственнымъ работникомъ остался въ мастерской лишь самъ хозяинъ; а тамъ и онъ пошелъ разыскивать себѣ работы.

Бобъ въ то время учился въ красильнѣ; туда же помѣстили и Клару—ставить клеймо на вещахъ. Для молодой дѣвушки это была работа совсѣмъ легкая и обѣщала быть даже выгодной, хотя бы впослѣдствіи. Но Клара была совершенно не къ тому подготовлена, и отнюдь не умѣла или не хотѣла войти въ положеніе отца; даже сшить что-нибудь совершенно простое она не умѣла. Тѣмъ временемъ Юэтты безпрестанно переѣзжали съ квартиры на квартиру, пока не устроились окончательно у м-съ Пекковеръ. Всѣ лучшія вещи были обращены въ деньги; комнаты стояли пустыя, непріютныя, и совсѣмъ бы нельзя ихъ было нанимать, еслибъ старшія дѣти—Бобъ и Клара—не ходили на работу: онъ зарабатывалъ по фунту, а она—по тринадцати шиллинговъ въ недѣлю. М-съ Юэттъ была, къ тому же, полубольная и совсѣмъ не-хозяйка, какъ, впрочемъ, и большинство женщинъ ея класса, которыя заняты на работѣ и не умѣютъ дома управляться съ деньгами. Но, зато, у нея была такая добродѣтель, которая въ ея кругу большая рѣдкость и вѣское доказательство нравственной высоты: она не любила посѣщать трактиры и пивныя.

Въ противоположность Юэттамъ, собственная жизнь Сидней протекала совершенно обезпеченно, спокойно; онъ зарабатывалъ больше, чѣмъ могъ истратить, и каждую недѣлю откладывалъ свои сбереженія. Но въ душѣ онъ не былъ доволенъ ни своей работой, которую не считалъ художественной, ни самимъ собою. Сердечныя дѣла шли у него тоже не такъ, какъ бы ему хотѣлось. Клара успѣла вырости и изъ маленькой дѣвочки, которую онъ сажалъ къ себѣ на колѣни, превратилась въ красивую дѣвушку. Юэтты уже много лѣтъ были его близкими друзьями и

ихъ общей мечтой было—породниться. Когда Кларѣ минуло пятнадцать лѣтъ, Сидней объяснился, и она какъ будто довольно охотно согласилась съ его планами о женитьбѣ. Но тѣмъ не менѣе, при всей своей любви къ ней, онъ не могъ не замѣтить ея крупныхъ недостатковъ, которые шли, все возрастая. Онъ весь ушелъ въ свое чувство: его занимала Клара—одна только Клара, которую судьба, какъ ему казалось, сама избрала ему въ жены; и чѣмъ больше онъ присматривался къ ней, тѣмъ больше и тревожнѣе задумывался надъ шероховатостями, сгладить которыя, какъ онъ убѣждался, было невозможно.

Разочаровавшись въ своихъ стремленіяхъ развить въ себѣ талантъ живописи, онъ бросился въ горячіе политическіе споры, съ увлеченіемъ предаваясь твердымъ и честолюбивымъ замысламъ радикальнаго оттѣнка. Увлеченіе политикой было тѣмъ болѣе въ немъ естественно, что онъ былъ отъ природы развитѣе многихъ людей своего круга, и вслѣдствіе того не обладалъ способностью ограниченныхъ натуръ успокоиться на чувствѣ самодовольства, столь естественнаго у людей недалекихъ. Такимъ образомъ онъ дошелъ до извѣстнаго пункта, возможнаго лишь въ человѣкѣ, который самъ, будучи честнаго и благороднаго направленія, вѣритъ искренно въ то, что и всѣ другіе одинаково достойны уваженія. Но такое настроеніе молодого и чуткаго юноши ушло, какъ и пришло—своимъ чередомъ.

Какъ ни жаль ему было своихъ прежнихъ свѣтлыхъ заблужденій, но съ теченіемъ времени онъ не могъ не отдать себѣ въ нихъ яснаго отчета. Печально, но зато болѣе сознательнымъ и просвѣтленнымъ взоромъ смотрѣлъ онъ теперь на житейскія дѣла. Положимъ, часто въ немъ опять поднималось возмущеніе; но теперь оно ужъ не выливалось, какъ бывало, въ горячихъ, увлекательныхъ рѣчахъ; теперь онъ даже не ощущалъ потребности излить въ словахъ свое негодованіе.

Вполнѣ сознательно и твердо рѣшился онъ взять на себя новую цѣль—сдѣлаться человѣкомъ практичнымъ, полагающимъ, что главнѣйшее благо въ жизни—это умѣнье брать отъ нея все, что въ ней есть лучшаго, и наоборотъ, избѣгать всего, что волнуетъ воображеніе и вызываетъ злобу, безсильную, какъ самъ Джонъ Юэттъ.

— И, наконецъ, кто я такой для того, чтобы имѣть право требовать себѣ лишь всего самаго пріятнаго на жизненномъ пути?—уговаривалъ онъ своего друга.—Мы—низшіе слои общества. Мы—рабочая сила, „меньшая братія“!

И горечь, звучавшая въ его словахъ, была, казалось, окон-

чательнымъ, прямымъ отвѣтомъ на всѣ его мечты и пылкія стремленія.

VII.—Юное хозяйство.

Въ понедѣльникъ, вернувшись домой съ работы, Сидней помылся, переодѣлся и, наскоро пообѣдавъ, собирался уходить изъ дому, какъ вдругъ въ дверь постучались.

— Вы м-ръ Керквудъ?—спросилъ вѣжливо вошедшій.—Я—Снаудонъ. Мнѣ бы хотѣлось съ вами поговорить... если у васъ есть время.

Сидней тотчасъ же, по внѣшности сѣдовласаго старика въ странной курткѣ, успѣлъ заключить, что онъ и есть тотъ самый таинственный незнакомецъ, котораго ему описала Дженни со словъ продавца въ трактирѣ. Онъ съ удовольствіемъ пригласилъ старика войти и садиться. Оглядѣвшись, Снаудонъ замѣтилъ, что комната молодого человѣка имѣла нѣсколько иной отпечатокъ, нежели обычная обстановка юноши-подмастерья, главнымъ образомъ, благодаря стѣнамъ, на которыхъ виднѣлись всюду, куда ни падалъ свѣтъ, гравюры и недорогія хромолитографіи съ изящныхъ оригиналовъ; рѣзьба на деревѣ, работы Гэнсборо или Констэбля, ясно говорила о художественномъ пониманіи Сиднея.

Усѣвшись, гость, повидимому, не сразу почувствовалъ себя спокойно; онъ раза два молча взглянулъ на молодого человѣка прежде, чѣмъ съ нимъ заговорить.

— М-ръ Керквудъ, вы хорошо знакомы съ моимъ сыномъ, Джозефомъ Снаудономъ?

— Нѣтъ, и не былъ никогда знакомъ. Я только знаю, гдѣ онъ жилъ,—по близости отсюда.

— Вы вѣрно удивляетесь, что̀ могло меня привести сюда?—продолжалъ гость.—Я о васъ слышалъ въ той семьѣ, гдѣ живетъ теперь моя внучка, Дженни,—въ Кларкенуэлѣ.

— А, вы, значитъ, ее нашли!—радостно воскликнулъ Сидней.—Я васъ дня три ужъ какъ ищу по улицамъ, и не могу найти.

— Какъ? Вы—меня?

— Ну, да,—и Сидней передалъ все, что̀ узналъ отъ Дженни.

— Бѣдная дѣвочка! Она очень больна и... Я къ вамъ съ просьбой: провѣдайте ее, она все васъ зоветъ. Можетъ быть, она васъ узнаетъ, и ей это будетъ большой отрадой.

Сидней колебался, не зная, что̀ собственно ему надо сказать. Его будничный житейскій опытъ научилъ его, что даже

въ мелочахъ слѣдуетъ опасаться сплетенъ—этого бича невѣжественныхъ людей, будь они бѣдны или богаты,—безразлично.

— Хорошо, сейчасъ выйдемъ вмѣстѣ,—поспѣшилъ онъ проговорить, видя, что его колебаніе производитъ замѣшательство.— Я только-что самъ собрался навѣстить Юэттовъ: это мои друзья; бывая у нихъ, я познакомился съ вашей Дженни. Нѣсколько дней тому назадъ, я ее видѣлъ: она была совсѣмъ здорова.

— Мнѣ она показалась вообще худенькой и жалкой,—замѣтилъ старикъ, повидимому не договаривая своей мысли.

— Вы помѣстились въ томъ же домѣ?—спросилъ уже дорогой Керквудъ.

— Я остаюсь у нея въ комнатѣ всю ночь,—отвѣчалъ старикъ.—А доктора я пригласилъ другого, получше: тому, который раньше былъ, я не очень-то довѣряю.

Когда они дошли, имъ отворила Клемъ, а въ комнатѣ больной сидѣла м-съ Пекковеръ.

— Только-что уснула!—зашептала она имъ на встрѣчу.—Я бы полагала, что не совсѣмъ хорошо ее теперь будить, но вы, конечно, сами знаете, что̀ лучше!

Таковъ былъ тонъ, въ которомъ м-съ Пекковеръ нашла удобнымъ пѣть въ данную минуту. Сидней ничѣмъ не выразилъ своего удивленія и только взглянулъ на нее съ такимъ суровымъ выраженіемъ, которое она не могла понять двояко.

Дженни очнулась на одинъ только мигъ. Сидней поспѣшилъ нагнуться надъ нею такъ, чтобы свѣтъ падалъ прямо ему на лицо, и спросилъ, узнаётъ ли она его? Чуть замѣтная, но несомнѣнно-довольная улыбка дрогнула у нея на губахъ; она шевельнула рукой, какъ бы протягивая ее ему на встрѣчу. Онъ исполнилъ ея желаніе, и бѣдная дѣвочка, уже впадая въ забытье, опять сложила свои запекшіяся губы въ тихую улыбку.

Дѣдъ убѣдился, что она снова задремала и попросилъ м-съ Пекковеръ уступить ему мѣсто у кровати больной. Та нехотя повиновалась. Сидней тоже вышелъ и направился къ м-съ Юэттъ.

Тамъ, на первый взглядъ, все шло по старому, если не хуже. М-съ Юэттъ кашляла больше обыкновеннаго; малютка все пищалъ безъ перерыва; въ комнатѣ стало тѣснѣе, потому что м-съ Пекковеръ просила пока уступить дѣтскую одной только Дженни.

— А я надѣялся, что вы совсѣмъ здоровы, — замѣтилъ Сидней.

— Какое тутъ здоровье!—возразила м-съ Юэттъ. — Была я и въ больницѣ; да тамъ еще сильнѣе простудилась. Весьма

естественно: у этихъ докторовъ въ пріемной сиди по нѣскольку часовъ подъ-рядъ и простужайся! Такое ожиданіе сдѣлаетъ больше вреда, чѣмъ докторская консультація принесетъ пользы...

— Конечно, у насъ тѣсновато стало,—продолжала она, отвѣчая на разспросы Сиднея:—вотъ и хорошо, что Клара не дома. Вы слышали,—Джонъ получилъ работу?

Дѣйствительно, онъ пристроился въ какой-то столярной мастерской, и сегодня долженъ былъ придти домой лишь часовъ въ десять. Разговоръ перешелъ на старика Снаудона, на дикое звѣрство Клемъ, про которое еще не зналъ Сидней.

— И м-съ Пекковеръ боится очень, какъ бы про это не узнали. Понятно, я не хочу никому дѣлать непріятности, а все-таки очень довольна, что теперь есть кому защитить нашу бѣдную Дженни! Эта Клемъ все равно, что хищный звѣрь, такая лютая, что страсть! Клара терпѣть ее не можетъ. Она говоритъ: „если надо, говоритъ, пойду на судъ, говоритъ; покажу всю правду, никого не побоюсь, говоритъ; если ни у кого другого, говоритъ, храбрости не хватитъ“. А только этотъ дѣдушка ея чудной, и вѣрно съ деньгами?

— Не знаю право; впрочемъ, можетъ быть, у него есть кое-какія крохи: онъ вѣдь недавно изъ Австраліи. Мнѣ онъ тоже понравился.

И Сидней свелъ разговоръ на тему о необходимости для всей семьи устроиться получше, хотя бы призанявъ немного денегъ. Горячо убѣждалъ онъ больную, что нехорошо распускаться и, въ бездѣйствіи, мириться съ нищетой; предлагалъ занять у него, но переѣхать въ другую, болѣе здоровую мѣстность. Но все напрасно! Онъ не впервые потерпѣлъ пораженіе и только даромъ кипятился.

Дня черезъ три, Сидней опять зашелъ узнать о здоровьѣ Дженни, которое было уже довольно хорошо, и тамъ впервые онъ узналъ отъ самого Снаудона, что тотъ ищетъ себѣ квартиру въ двѣ комнаты, чтобы перевезти Дженни въ болѣе тихій и приличный домъ.

— Кстати, не знаете ли вы гдѣ по сосѣдству чего-нибудь подходящаго? — спросилъ старикъ. Сидней охотно предложилъ ему—разузнать.

Первымъ дѣломъ, онъ прошелъ въ Ислингтонъ, въ Гановеръ-Стритъ, гдѣ жилъ его знакомый, нѣкто Біасъ.

Молодая, здоровая, круглолицая м-съ Біасъ обрадовалась его приходу.

— А я еще сегодня утромъ говорила Саму,—зазвенѣлъ ея

сильный голосъ.—Сходи къ нему или хоть напиши два слова! И чего вы такъ рѣдко ходите? Нѣтъ силъ, какой несносный! Сидитъ себѣ дома и чего-то дуется... Я вѣдь такъ и думала, что вы за что-нибудь дуетесь! Хотите знать, какъ поживаетъ крошка? Спитъ, разбойникъ, спитъ. Молодецъ становится; только мучаетъ меня, бутузъ, ужасно! Самъ будетъ дома черезъ нѣсколько минутъ... а можетъ и гораздо позже: теперь никогда нельзя знать навѣрное, когда онъ вернется. Ну, чего вы пришли сегодня, говорите? Про ваше событіе на Верхней-улицѣ можете ничего не говорить: сама вамъ могу разсказать все преотлично!

— Да? Отъ кого? Отъ самой Клары?

— Лучше мнѣ про нее не говорите,—вотъ что я вамъ скажу! Опротивѣла она мнѣ и надоѣла... И вамъ бы должна опротивѣть не меньше моего,—если вы еще хоть сколько-нибудь въ своемъ умѣ. А я совсѣмъ не умѣю съ нею ладить. Встрѣчаю ее, напримѣръ, въ воскресенье,—и какъ бы вы думали?—она относится ко мнѣ свысока, точно она служитъ въ Виндзоръ-Кастлѣ, а не въ какомъ-нибудь трактирѣ. Я было-предложила ей зайти къ намъ на чашку чаю; такъ нѣтъ, ей нѣкогда! Еще бы! Такую особу кто же, какъ не принцесса Уэльская, поджидаетъ здѣсь гдѣ-нибудь за угломъ!.. Ха-ха-ха, ха-ха!—звонко и добродушно разсмѣялась на свою остроту молодая женщина.

— Но я увѣренъ, что вы далеко не все сдѣлали для того, чтобы сохранить эту дружбу?—полу-вопросительно и серьезно замѣтилъ Сидней.

— Валяйте, валяйте!—воскликнула м-съ Біасъ. — Понятно, передъ такой прекрасной королевной, какъ наша красавица-дѣвица (этотъ ангелъ во плоти!!), всѣ мы, простые смертные, грѣшны! Бѣдняжечка! Какъ мы ее здѣсь обижаемъ, а она-то не подозрѣваетъ!.. Я вѣдь не какая-нибудь задира, со мной можно дружить, и я даже, чтобы не ссориться, пошла на уступки, вмѣсто того, чтобы попросту выдрать ее за уши, какъ дрянную дѣвчонку, которая слишкомъ много о себѣ думаетъ. Эхъ, не будь вы мужчина, вы увидали бы ее въ ея настоящемъ свѣтѣ. Да ну же, расшевелитесь, говорятъ вамъ, экій вы...

И она покатилась со смѣху, наклоняясь то вправо, то влѣво и закрывая лицо руками. Да и нѣчего ей было смотрѣть на Сиднея: онъ довольно смиреннымъ жестомъ показывалъ, что отказывается спорить и тотчасъ же перешелъ къ вопросу о квартирѣ.

Разсказавъ, насколько могъ подробнѣе, про дѣдушку и внучку, онъ вызвался вести переговоры о контрактѣ:—какъ разъ двѣ комнаты въ верхнемъ этажѣ что-то долго не сдавались, и м-ръ

Керквудъ вызвался пойти предложить будущимъ жильцамъ сначала ознакомиться съ черновой квартирнаго условія.

Въ эту минуту вернулся самъ хозяинъ дома,—м-ръ Самюэль Біасъ, стройный молодой человѣкъ съ блѣдными глазами и бѣлокурыми волосами, подстриженными подъ гребенку; лицо у него такъ и свѣтилось шаловливымъ лукавствомъ. Онъ служилъ въ приказчикахъ у оптоваго торговца писчебумажными и канцелярскими принадлежностями.

Войдя въ комнату, онъ снялъ прежде всего свою темно-коричневую шолковую шапочку и положилъ ее на стулъ, все время лукаво подмигивая своему другу и гостю правымъ глазомъ. Затѣмъ, преважно подойдя къ камину, вооружился кочергой, сталъ во фронтъ, по военному, и скомандовалъ строгимъ голосомъ:

— На кра-улъ!

Послѣ чего, дѣлая презабавныя гримасы, съ тою же кочергой, шутникъ напалъ на своего гостя при громкихъ и визгливыхъ приступахъ смѣха разрумянившейся м-съ Біасъ; въ довершеніе спектакля-импровизаціи, кочерга очутилась у Сама на носу и, падая съ грохотомъ и трескомъ, прямо водворилась на своемъ обычномъ мѣстѣ у камина.

— Самъ, перестань! Самъ, ты меня уморишь со смѣху!— захлебываясь слезами, которыя выступили у нея на глазахъ, умоляла Бесси.—Какой ты глупый, право!

Довольный такимъ блестящимъ успѣхомъ, Самъ сдѣлалъ важное, сосредоточенное лицо и торжественно подошелъ пожать руку Сиднею, проговоривъ въ носъ:

— Какъ поживаете? Давненько не видались!

— Ну, не шутъ ли онъ? — въ восторгѣ воскликнула его супруга.—Хватите его хорошенько... а ты, Самъ, поди пока, вымойся, и мы тогда сядемъ поужинать. Чего ты такъ поздно?

— А гдѣ младенецъ? Подать сюда младенца! — заревѣлъ Самъ.—Нѣжному родителю угодно посмотрѣть на свое родное дѣтище.

— Ступай, ступай прочь; да смотри ты у меня, не разбуди младенца, а не то...

Сидней хотѣлъ уйти; но безъ ужина его не соглашались отпустить.

— Будемъ кутить сегодня, не скупясь!—возгласилъ м-ръ Самъ. — Ну, хозяюшка, извольте намъ послать за всѣмъ, что я вамъ назову: во-первыхъ, три бутылки элю, а во-вторыхъ, ну, во-вторыхъ, бутылочку „Тома“. Прошу васъ, цѣною не стѣсняйтесь!

Жена послала ему вдогонку подушку съ дивана, но повѣса

уже успѣлъ спастись за дверь и оттуда, высовываясь только головою въ щелку, прокричалъ еще:

— Послать сейчасъ на главную улицу за тремя порціями жареной дичи; да пусть возьмутъ еще пирога съ говядиной, да готовую драчону, да пирожковъ съ бешемелью и французскихъ печеній! И еще ананасъ, и имбирнаго варенья! Ну, кто же теперь скомандуетъ:—Крррругомъ ма-аршъ!

М-съ Біасъ не выдержала, бросилась за нимъ. Изъ корридора послышался шумъ возни, крики и возгласы, и въ концѣ концовъ звуки поцѣлуя... М-съ Біасъ высунулась въ дверь и, вся красная, проговорила:

— Ну, не паяцъ ли онъ? Потерпите немножко, я только на столъ накрою!..

И въ самомъ дѣлѣ, столъ быстро оказался накрытымъ, и всѣ усѣлись кушать въ уютной, свѣтлой кухнѣ. Холодная баранина, кусокъ сыру, маринованная свекла, пирогъ и малиновое варенье—таковъ былъ ужинъ, который Бесси Біасъ предложила своимъ собесѣдникамъ.

Сбоку, у стѣны, на отдѣльномъ столѣ, въ нѣсколькихъ почтовыхъ коробкахъ безъ крышекъ стояли искусственные цвѣты и листья. Бесси иногда исполняла заказы на цвѣты, и такимъ образомъ прибавляла къ доходу, который получали оба супруга. При мысли о томъ, что на верхнія комнаты найдется жилецъ, Бесси еще болѣе, чѣмъ когда-либо, повеселѣла; а когда Самъ услышалъ эту добрую вѣсть, онъ не могъ удержаться отъ побѣдоносныхъ кувырканій и скачковъ; онъ только-что вернулся изъ пивной съ кувшиномъ пѣнистаго пива и мимоходомъ, въ порывѣ восторга, столкнулъ съ буфета двѣ тарелки.

На мигъ (на одинъ только мигъ!) Бесси не помнила себя отъ гнѣва; и тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ принялась осыпать своего милаго самыми веселыми шутками и ласками.

Сидней ушелъ отъ нихъ въ одиннадцать часовъ вечера и, улыбаясь, думалъ всю дорогу о вечерѣ, проведенномъ такъ весело и безпечно у очага счастливыхъ супруговъ. Ихъ счастье не отвѣчало его идеаламъ супружеской жизни; но все же ихъ семейныя условія были лучше, чѣмъ у Юэттовъ, или вообще у многихъ другихъ, которыхъ онъ зналъ за всю свою жизнь; во всякомъ случаѣ, это было лучше, чѣмъ неопредѣленное мечтаніе Клары,—бѣдной Клары, которая стремилась, сама не зная куда и зачѣмъ? Имъ овладѣло искушеніе зайти въ „Королевскій Ресторанъ“, но онъ поборолъ его, зная по опыту, что въ результатѣ

онъ только проведетъ ночь въ безсонницѣ и тревогѣ, и это ничему не поможетъ.

Не прошло и недѣли, какъ старикъ Снаудонъ, которому понравились и комнатки Біасовъ, и сами радушные супруги, перебрался туда вмѣстѣ съ чисто одѣтой дѣвочкой-подросткомъ. Казалось, Дженни сама себя не узнавала въ такомъ превращеніи и какъ бы ушла въ себя, ошеломленная всѣмъ происшедшимъ.

— А что? Развѣ я вамъ не говорилъ тогда же, помните?— Будемъ надѣяться, что все обойдется благополучно!—привѣтливо напомнилъ дѣвочкѣ Сидней.

Дженни промолчала; но на ея истомленное личико набѣжало какъ бы свѣтлое облачко, а на губахъ появилась улыбка радости, которая еще несовсѣмъ сознательно ею овладѣла.

VIII.—„Воротнички“ и „рубашечница“.

Низшіе слои общества, или собственно рабочіе классы населенія, къ которымъ принадлежитъ бо́льшая часть нашей „меньшой братіи“, совершенно опредѣленно распадаются на двѣ категоріи: одна изъ нихъ неизмѣнно ходитъ безъ воротничковъ и вообще не носитъ бѣлаго бѣлья; другая, напротивъ, имѣетъ возможность носить не только бѣлье, но даже крахмальные воротнички, и вообще любитъ щегольнуть опрятностью въ одеждѣ. Къ послѣднимъ, по самому роду своихъ занятій, принадлежалъ и Бобъ Юэттъ.

Никогда не отличавшись прилежаніемъ въ наукахъ, онъ тѣмъ не менѣе былъ пріятный собесѣдникъ, искусный концертантъ и даже пѣвецъ-самоучка: у него былъ мягкій голосокъ, который прекрасно звучалъ съ аккомпаниментомъ и плѣнялъ всѣхъ женщинъ, въ кругу которыхъ Бобъ вращался. Отъ природы неглупому юношѣ всѣхъ этихъ свойствъ было вполнѣ достаточно для того, чтобы выдѣлиться даже изъ ряда ему подобныхъ,— такъ же точно, какъ выдѣлялась его сестра, красавица и гордячка Клара.

Несмотря на это, Бобъ, какъ многіе даровитые люди, водилъ дружбу съ тѣми, которые во всѣхъ отношеніяхъ стояли ниже его. Джэкъ Бартлей, напримѣръ, былъ его закадычнымъ другомъ и пріятелемъ до того времени, когда ихъ разлучила Клемъ Пекковеръ—тѣмъ, что плѣнила собою ихъ обоихъ.

Этотъ Джэкъ не чувствовалъ потребности хотя бы въ день воскресный украсить себѣ шею туго-накрахмаленнымъ воротнич-

комъ. Мало того, онъ водилъ дружбу съ самыми отъявленными бродягами и негодяями, которые ухитрялись безнаказанно проживать на окраинахъ столицы. Но Джэкъ, въ сравненіи съ другимъ его пріятелемъ, Эми Стэпомъ, былъ аристократъ и джентльменъ: до того грязнаго и отталкивающаго свойства былъ этотъ послѣдній. Что же мудренаго было въ нестерпимомъ запахѣ, который онъ всюду носилъ съ собою, если онъ тайкомъ занимался продажей собакъ и... крысъ? Зато, этотъ непріятный субъектъ умѣлъ увеселять впечатлительнаго юношу Боба самыми любопытными *новостями* и *событіями*, которыя были внѣ его обычной среды. На любовныя приключенія Бобъ не былъ падокъ, медлилъ остановить свой выборъ на комъ-либо изъ знакомыхъ ему дѣвицъ; зато, ему только-что исполнилось шестнадцать лѣтъ, а онъ уже твердо заявилъ родителямъ о своемъ намѣреніи жениться на дочери Салли Беджъ, продавщицы кресс-салата. Большого труда и горячей борьбы стоило тогда отговорить его; но теперь, за неимѣніемъ лучшей партіи, родные вынуждены были смотрѣть снисходительно на его помолвку съ Клемъ Пековеръ. Все же эта невѣста имѣла за собой хоть то преимущество, что не особенно затрудилась въ произношеніи придыхательный „h“ и могла свысока смотрѣть на дѣвушекъ, не учившихся играть на роялѣ. За послѣднее время, однако, Клемъ была несовсѣмъ довольна своимъ женихомъ; Джэкъ Бартлей успѣлъ наговорить ей на него и на бывшую ея жилицу—Пеннилофъ Кэнди, которую, вмѣстѣ съ матерью, попросили выѣхать за неплатежъ и за частыя похмелья самой м-съ Кэнди.

Пеннилофъ была рубашечница и, работая съ утра до ночи, едва зарабатывала по десяти пенсовъ въ день или, говоря вѣрнѣе, въ пятнадцать часовъ. Въ обыкновенное время Клемъ только посмѣялась бы возможности ревновать своего блестящаго Боба къ жалкой, безцвѣтной дѣвчонкѣ-работницѣ; но теперь, когда съ уходомъ Дженни ей не на чемъ было излить свою злобу и горячность, она рада была и этому случаю расшевелиться.

Въ одинъ прекрасный понедѣльникъ, въ концѣ апрѣля, Боба на улицѣ обогнала Пеннилофъ, нагруженная большимъ узломъ.

— Эй! Вы куда?—крикнулъ онъ, останавливая ее за рукавъ.

— Оставьте; некогда! Бѣгу отнести вещи; а не то опоздаю.

— Приходите въ Пассажъ, часовъ въ десять.

— Не могу обѣщать. У насъ дома такое творится!! Мать пожаловалась на отца: его сегодня утромъ судили.

— Слышалъ, слышалъ. Придете, если можно будетъ? Я приду непремѣнно.

Пеннилофъ побѣжала, что было силъ.

На безкровномъ личикѣ этой бѣдной семнадцатилѣтней дѣвочки, полу-ребенка, въ глубоко-ввалившихся глазахъ свѣтилось выраженіе какого-то постояннаго недоумѣнія,—какъ будто все, что встрѣчали ея взоры, возбуждало ея удивленіе. Въ общемъ, она отличалась той особой миловидностью, которая присуща молоденькимъ, изнуреннымъ работой бѣлошвейкамъ; когда же ей случалось разсмѣяться, глаза ея расширялись и блестѣли. Но ей это рѣдко приходилось.

Вещи она должна была, дѣйствительно, „отнести"... въ кассу ссудъ, которая съ восьми часовъ была на запорѣ. Къ счастію, она поспѣла за десять минутъ до конца; съ бьющимся сердцемъ подошла она къ прилавку и положила на него свои вещи, выжидая, чтобы кто-нибудь подошелъ ихъ принять. Но за прилавкомъ стояли двое молодыхъ людей, служащихъ, которые были заняты своимъ дѣломъ и, повидимому, совсѣмъ ея не замѣчали. Говорили они вполголоса; тишина, спертый воздухъ и газовые рожки, освѣщавшіе лавку, оставляя мѣста за прилавкомъ въ полумракѣ,—все это производило впечатлѣніе чего-то потайного, постыднаго...

Наконецъ, одинъ изъ приказчиковъ подошелъ и взялъ узелокъ Пенни, развязалъ его, вытрясъ оттуда юбку съ кофточкой отъ стараго платья и сурово спросилъ:

— Сколько?

— Три шиллинга шесть пенсовъ, если можно.

Нарядно-одѣтый, припомаженный, въ модныхъ безобразныхъ воротничкахъ, онъ съ пренебреженіемъ касался ея тряпокъ своими холеными пальцами въ блестящихъ кольцахъ и съ такимъ же пренебреженіемъ проронилъ:

— Восемнадцать пенсовъ.

— О, сэръ! За кофту намъ еще такъ недавно выдавали за одну два шиллинга. Пожалуйста, дайте намъ хоть два шиллинга, прошу васъ!

Но молодой человѣкъ оставлялъ ея слова безъ вниманія; онъ покручивалъ свои усики и обмѣнивался улыбочками со своимъ сослуживцемъ по поводу какихъ-то постороннихъ дѣлъ.

Вдругъ онъ къ ней снова обернулся и спросилъ:

— Ну, что-жъ: берете или нѣтъ?

Пеннилофъ вздохнула и кивнула головой.

— Полъ-пенни сдачи найдется?

— Нѣтъ.

Приказчикъ сходилъ за холстомъ, въ который полагалось завернуть ея тряпки, сложилъ ихъ поплотнѣе и закололъ свертокъ; затѣмъ надписалъ два одинаковыхъ билетика, свободными взмахами пера, послѣ чего ткнулъ одинъ изъ нихъ въ песочницу (по просту—въ коробку съ пескомъ, такъ какъ въ этомъ консервативномъ учрежденіи и порядковъ держатся консервативныхъ). Швырнувъ его затѣмъ на прилавокъ посѣтительницѣ, онъ отсчиталъ ей одинъ шиллингъ и пять съ половиною пенсовъ грязными монетами.

Шутеръ-Гарденсъ,—грязный и зловонный кварталъ, въ который теперь спѣшила обратно Пенни,—не ей одной давалъ пріютъ. Для многихъ онъ являлся единственнымъ доступнымъ и даже желаннымъ убѣжищемъ, съ которымъ они быстро свыкались такъ, что не замѣчали его неряшества и безобразій. Собственно говоря, сюда ихъ, вѣроятно, привлекала свобода предаваться какимъ угодно недостаткамъ и порокамъ: здѣсь никого никто ничѣмъ не удивитъ.

Пеннилофъ безъ малѣйшаго чувства страха или хотя бы неловкости прошла по его мрачнымъ, зловоннымъ закоулкамъ, твердо заучивши свою дорогу, и вскорѣ подошла къ дому изъ котораго до нея донесся громкій, скрипучій голосъ, вопившій:

— „Вы, твари Господни, благословите Бога небеснаго! Хвалите Господа и возвеличьте Его во вѣки вѣковъ“!.. То былъ голосъ сумасшедшаго, который жилъ во дворѣ и всякое время дня и ночи упражнялся въ пѣніи псалмовъ.

Взрывъ хохота пронесся въ толпѣ мальчишекъ и мужчинъ, которые собрались подъ воротами...

Пеннилофъ прошла мимо, не обращая на нихъ вниманія и, ощупью взобравшись по лѣстницѣ, вошла къ себѣ въ комнату, гдѣ кромѣ нея помѣщались еще мать, отецъ и братъ.

Въ то утро, какъ разъ, разбиралось дѣло по обвиненію отца ея въ покушеніи на убійство матери, и послѣдняя выиграла дѣло: съ него взыскали штрафъ. Но зато м-ръ Кэнди, уплативъ что̀ полагалось, отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ и удалился изъ своего дома, объявивъ, что „они еще свидятся... когда онъ вернется“.

Братъ Пенни, Стефенъ, былъ горшечникъ и, работая ежедневно отъ восьми часовъ утра до двѣнадцати часовъ ночи, только разъ въ мѣсяцъ освобождался въ шесть часовъ. Въ комнатѣ не было постелей, а лежали только одни матрацы, съ наброшеннымъ на нихъ тряпьемъ.

У огня сидѣла сама м-съ Кэнди, опустивъ на руки свою отяжелѣвшую голову, обмотанную мокрымъ полотенцемъ.

На стѣнахъ—никакихъ украшеній, кромѣ грязныхъ пятенъ и пяти цвѣтныхъ листовъ бумаги такого вида, какъ обыкновенно дѣлаютъ росписки, гласящія, что нижеподписавшійся своей подписью удостовѣряетъ о своемъ желаніи воздержаться отъ пьянства.

На каждомъ изъ этихъ листовъ стояла, дѣйствительно, полностью ея подпись: „Марія Кэнди“, и съ каждымъ разомъ почеркъ несчастной становился все болѣе и болѣе дрожащимъ. На каждомъ листѣ бѣдная женщина обѣщала, „что если Богъ поможетъ“... она воздержится отъ спиртныхъ напитковъ, и каждый разъ каялась вполнѣ чистосердечно.

— Пойди, сбѣгай за угольями, да за чаемъ, — сказала она дочери, когда та вошла; — да захвати немножко молока!

Пеннилофъ опять ринулась въ ночную темноту исполнять порученіе. Котелка не было; а потому, какъ только она возвратилась, воду вскипятили въ жестяномъ чайникѣ, и Пенни, заботливо напоивъ мать, уложила ее на покой.

Прошло еще полчаса... Старуха спала, а Пеннилофъ опять надѣла шляпу и кофточку и тихонько вышла изъ комнаты.

А. Б—г—

СОВРЕМЕННЫЕ СОФИЗМЫ

Новыя сословныя тенденціи въ нашей печати.

Среди нашихъ общественныхъ заботъ, а иногда и печалей, по случаю неурожая и его послѣдствій, запустѣнія плодородныхъ нѣкогда земель и обѣднѣнія значительной части крестьянства, отсутствія необходимаго числа народныхъ школъ и т. п.,—съ наибольшею горячностью и съ наибольшимъ постоянствомъ выставляется печатью на первый планъ вопросъ о поддержаніи и возвышеніи дворянскаго сословія. Повидимому, нѣтъ у насъ болѣе жгучаго и важнаго вопроса, чѣмъ дворянскій: имъ однимъ вдохновляются самыя патріотическія газеты, имъ однимъ живутъ и волнуются многіе публицисты, считающіе себя призванными водворять благонадежныя чувства въ русскомъ обществѣ.

Новые подражатели испанскихъ „гидальго“ не могутъ говорить иначе, какъ въ качествѣ дворянъ и отъ имени дворянства; они говорятъ напыщенно, высокимъ слогомъ, не скрывая своего пренебреженія къ народной массѣ, какъ и подобаетъ, по ихъ мнѣнію, людямъ благороднаго происхожденія. Они настойчиво и весьма краснорѣчиво доказываютъ, что дворянскій вопросъ есть центральный вопросъ русской государственной жизни, и что не существуетъ такихъ жертвъ, которыхъ не стоило бы принести ради укрѣпленія и возвеличенія господствующаго привилегированнаго класса въ нашемъ отечествѣ.

Откуда взялся у насъ въ печати этотъ сословный аристократизмъ, этотъ какъ-бы шляхетскій духъ, чуждый всему нашему историческому прошлому и противорѣчащій коренному характеру русскаго дворянства? Чѣмъ объяснить тѣ смѣлыя притязанія и требованія, которыя предъявляются къ государству самозванными

глашатаями этой новой партіи? Наконецъ, въ чемъ заключается сущность дворянскаго вопроса съ точки зрѣнія новоявленныхъ россійскихъ „гидальго“?

Чтобы получить отвѣтъ на эти вопросы, естественно обратиться прежде всего къ спеціалистамъ, пишущимъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“; но, къ сожалѣнію, они пишутъ большею частью такъ туманно и обнаруживаютъ такое презрѣніе къ обычной человѣческой логикѣ, что понять ихъ не всегда возможно. Они противорѣчатъ себѣ и другъ другу на каждомъ шагу, и въ концѣ концовъ приходится заключить, что они сами не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ своихъ идеяхъ и стремленіяхъ.

Почтенный органъ новаго „шляхетства“ часто изображаетъ наше дворянство въ видѣ сословія, управляющаго Россіею и русскимъ народомъ отъ имени верховной власти подъ своею сословною отвѣтственностью. Русскій дворянинъ, по словамъ газеты, долженъ „смотрѣть на себя какъ на перваго слугу своего Царя, какъ на члена того сословія, на которое падаетъ наибольшая отвѣтственность передъ Царемъ за цѣлость, единство и благополучіе всего государства“ (№ 145). Мы думаемъ, что никто не можетъ претендовать на роль „перваго слуги“ царя, не будучи къ тому призванъ Высочайшею властью, и что забота о „цѣлости, единствѣ и благополучіи всего государства“ вовсе не входитъ въ кругъ компетенціи дворянства, какъ сословія; поэтому на послѣднемъ не можетъ лежать и отвѣтственность за судьбы государственнаго управленія. Газета приписываетъ также дворянамъ опекунскую власть надъ всѣмъ остальнымъ народомъ, который „и нынѣ, какъ и встарь, дворянство призвано державной волей монарха просвѣщать свѣтомъ государственности, оберегать отъ лжеученій, пріобщать къ началамъ гражданственности и порядка, въ предѣлахъ вѣрноподданническаго долга предъ престоломъ и отечествомъ, долга общаго по существу для всѣхъ сословій“ (№ 147). Подобной опеки дворянства надъ другими сословіями, кромѣ (и то лишь отчасти) крестьянскаго, не было и во времена „боярской думы“, и этой опеки не существуетъ. „и нынѣ, какъ и встарь“; ссылка же на „державную волю монарха“ употреблена здѣсь всуе, согласно постоянной, впрочемъ, практикѣ „Московскихъ Вѣдомостей“. Любопытно, что, рисуя наше дворянство по старому западно-европейскому шаблону, въ видѣ правящаго сословія, газета однако твердо увѣрена, что она слѣдуетъ „русскимъ историческимъ завѣтамъ“, не имѣющимъ ничего общаго съ западными представленіями о дворянствѣ.

Трогательно читать „Московскія Вѣдомости“, когда онѣ опи-

сываютъ счастливую жизнь русскаго народа, добродѣтели и подвиги дворянина, попечительную мудрость чиновничества и благодушное процвѣтаніе всѣхъ вообще вѣрноподданныхъ, стойко отвергающихъ тлетворныя идеи Запада. Дворянинъ, отъ колыбели до могилы, занятъ самоотверженнымъ исполненіемъ вѣрноподданническаго долга, безкорыстною службою престолу и отечеству; онъ не разсуждаетъ и не критикуетъ, даже когда мѣрами государства нарушаются его кровные матеріальные интересы. Такъ это было и при отмѣнѣ крѣпостного права: „если въ знаменательную эпоху крестьянской реформы дворянское сословіе оказалось на высотѣ своего положенія, какъ первенствующее сословіе въ государствѣ, и съ доблестною, самоотверженною готовностью стремилось на встрѣчу благимъ предначертаніямъ Монарха на пользу всей Россіи, то этимъ дворянство исполнило лишь свой вѣрноподданническій долгъ, что̀, конечно, возвышаетъ еще болѣе значеніе этой исторической заслуги дворянства предъ Россіей“ (№ 147). Работая на мѣстѣ, въ земствѣ, дворянинъ почтительно воздерживается отъ сужденій о дѣйствіяхъ мѣстной администраціи, ибо „не ему, съ его кругозоромъ, входить публично въ оцѣнку широкой дѣятельности государственной“, а администраторъ „не можетъ относиться къ какому бы то ни было вопросу иначе, какъ съ точки зрѣнія общегосударственной“ (№ 136, статья г. Дм. Бодиско). Что касается народа, то онъ радостно и спокойно совершаетъ свой жизненный путь. „Какъ неиспорченная дѣтская душа, чистъ и цѣломудренъ духъ русскаго народа, стоящаго на неизмѣримо высшемъ, чѣмъ западные народы, нравственномъ уровнѣ, въ завѣтныхъ для него вопросахъ вѣры и государственной власти“. Отношенія народа къ дворянамъ—самыя безукоризненныя: „народъ всегда относится съ довѣріемъ къ высшему служилому сословію—дворянству, потому что видитъ въ его представителяхъ царскихъ „ставленниковъ“ и слугъ, исполнителей царской воли; онъ довѣряетъ дворянству, потому что̀ считаетъ дворянство достойнымъ державнаго довѣрія монарха“ (№ 147). Въ жизни осуществляется такимъ образомъ идеалъ, начертанный въ достопамятныхъ правилахъ устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій: „всѣмъ и каждому вмѣняется въ обязанность жить въ незазорной любви, въ мирѣ и согласіи, другъ другу по достоинству воздавать почтеніе, послушнымъ быть кому надлежитъ“...

Но рядомъ съ этою высоко-благонамѣренною идилліею, подтверждаемою каждодневными повтореніями текста вѣрноподдан-

нической присяги, мы встрѣчаемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ картины другого рода, способныя поколебать увѣренность въ господствующемъ у насъ благополучіи. Вотъ какъ характеризуетъ, напр., газета дѣятельность государственныхъ людей, исполнявшихъ „благія предначертанія императора Александра II на пользу всей Россіи“, въ ущербъ нѣкоторымъ существеннымъ привилегіямъ дворянства: „Дѣло въ томъ, что, не будучи въ состояніи покончить съ нашимъ сословнымъ строемъ прямо и откровенно, наши отечественные поборники принциповъ первой французской революціи повели дѣло иначе: не имѣя возможности прямо съ фронта аттаковать сословное зданіе, они стали вести подъ него подкопы и мало-по-малу разрушать и растаскивать его фундаментъ. Не было никакой реформы, клонившейся прямо и откровенно къ упраздненію нашего высшаго служилаго сословія, и тѣмъ не менѣе цѣлымъ рядомъ реформъ это сословіе было, если не вполнѣ уничтожено, то низведено до того небольшого значенія, какое осталось за нимъ нынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянская реформа лишила помѣщиковъ всякаго участія въ крестьянскомъ управленіи; реформа полиціи лишила дворянство права замѣщенія, путемъ сословныхъ выборовъ, должности начальника уѣздной полиціи; земская реформа устранила дворянство отъ первенствующей роли въ завѣдываніи общественнымъ хозяйствомъ губерніи; судебная реформа нарушила екатерининскую жалованную грамоту, по которой дворянинъ могъ быть судимъ только дворяниномъ, и кромѣ того, устранила дворянство отъ замѣщенія судейскихъ должностей въ уѣздахъ; всеобщая воинская повинность отняла у дворянства привилегію необязательной службы (!) и заставила его отправлять воинскую повинность на ряду съ другими сословіями и т. д., и т. д. Словомъ, не было реформы, которая не вытаскивала бы хоть одинъ камешекъ изъ фундамента, на которомъ зиждилось зданіе нашего сословнаго строя вообще и зданіе дворянства въ частности“ (№ 138).

Спрашивается: неужели эти коварныя реформы, столь рѣзко осуждаемыя газетою, не были сознательными актами самодержавной власти? Какимъ образомъ „поборники принциповъ французской революціи“ могли оказаться ближайшими виновниками и исполнителями преобразованій, предпринятыхъ и совершенныхъ волею русскаго государя? Можно ли говорить объ отнятіи у дворянъ „привилегіи необязательной службы“, когда весь смыслъ существованія дворянства, по многократно выраженному мнѣнію

„Московскихъ Вѣдомостей“, исчерпывается „Государевою службою“, неустаннымъ служеніемъ престолу и отечеству?

Очевидно, почтенная газета, незамѣтно для себя самой, становится здѣсь на указанную выше точку зрѣнія старыхъ западноевропейскихъ сословныхъ притязаній; она забываетъ, что, по нашимъ основнымъ законамъ, права́ и привилегіи дворянства не изъяты отъ свободнаго воздѣйствія верховной власти и не могутъ служить преградою общимъ государственнымъ мѣрамъ, признаннымъ необходимыми или полезными для страны. Нашъ сословный строй не составляетъ чего-то неподвижнаго, священнаго и неприкосновеннаго для русскихъ государей; онъ не выросъ самъ собою въ отдаленномъ прошедшемъ, а созданъ только Екатериною II, притомъ вовсе не въ смыслѣ ограниченія правъ верховной власти. Вопреки предположенію „Московскихъ Вѣдомостей“, императоръ Александръ II и государственные люди, облеченные его довѣріемъ въ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ, имѣли полную возможность не только „прямо съ фронта аттаковать сословное зданіе“, но и совершенно разрушить его, если бы находили его устарѣлымъ и негоднымъ съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ государства, и никто не осмѣлился бы отрицать законную силу принятыхъ рѣшеній или связывать ихъ съ „принципами первой французской революціи“. Если дворянину не полагается „входить публично въ оцѣнку широкой государственной дѣятельности“ мѣстнаго администратора, то тѣмъ болѣе, казалось бы, не подобаетъ прилагать узкую сословную мѣрку къ великимъ дѣламъ цѣлаго царствованія и осуждать широкія государственныя преобразованія, обновившія Россію послѣ тяжкихъ ударовъ и разочарованій крымской войны.

„У насъ все отняли,—восклицаетъ одинъ изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“,—и значеніе, и власть, и права, а общественное мнѣніе, не русское общественное мнѣніе, а либеральное, интернаціональное, и печать—посадили насъ на всесословную скамью подсудимыхъ и 33 года били насъ по щекамъ и по затылку (?), къ вящшему удовольствію русской интеллигенціи и на потѣху самихъ гг. ренегатовъ-дворянъ. И все это для вразумленія сихъ отсталыхъ гражданъ передовой всесословной Россіи! Можно ли было устоять? И несмотря на этотъ 33-лѣтній мартирологъ, дворянство устояло и живо... Но сколько настоящихъ дворянъ пало въ этомъ мученичествѣ, и въ какомъ ужасномъ видѣ стоитъ предъ нами уцѣлѣвшее дворянство!“ (№ 145, статья г. Брониславa). При всей каррикатурности и явной неосновательности этихъ возгласовъ, въ нихъ отражается тотъ же духъ

протеста противъ всего хода государственной жизни, во имя сословныхъ правъ и привилегій,—духъ, совершенно несовмѣстимый съ служебнымъ значеніемъ русскаго дворянства. Кто же это отнялъ у дворянъ все—и значеніе, и власть, и права? На кого здѣсь жалуется дворянинъ, подписавшійся именемъ Брониславa? Если у дворянъ отнято верховною властью что-либо изъ дарованныхъ ею же правъ, то позволительно ли дворянину роптать за это противъ власти и выдумывать по этому поводу какое-то фантастическое битье „по щекамъ и по затылку"? Наконецъ, называть ренегатами тѣхъ дворянъ, которые участвовали въ проведеніи извѣстныхъ государственныхъ реформъ и раздѣляли взгляды, положенные верховною властью въ ихъ основу,—значитъ, прямо ставить сословіе впереди государства и допускать между ними антагонизмъ, напоминающій исторію польской шляхты.

Защищая на дѣлѣ сословную обособленность дворянства, какъ самостоятельной силы въ государствѣ, „Московскія Вѣдомости" въ принципѣ категорически отрекаются отъ этой идеи,—такъ что читателямъ предоставлено самимъ догадываться насчетъ истиннаго предмета мечтаній газеты. „Дворянство, какъ самодовлѣющая величина,—говорится, напримѣръ, въ № 136,—составляетъ принадлежность западнаго государственнаго строя, какъ отголосокъ былого феодализма, но не имѣетъ ни малѣйшихъ основаній, ни историческихъ, ни бытовыхъ, на существованіе у насъ въ Россіи, гдѣ всѣ сословія суть въ равной степени вѣрноподданные самодержавнаго монарха, призванные въ равной мѣрѣ, хотя и на различныхъ ступеняхъ государственной службы и въ различныхъ сферахъ дѣятельности, къ исполненію своего вѣрноподданническаго долга". Газета не разъ заявляетъ также, что наше дворянство—не замкнутая каста, и что доступъ къ государственной службѣ остается открытымъ и для лицъ другихъ сословій. Въ такомъ случаѣ вся агитація противъ государственныхъ порядковъ и учрежденій, несогласныхъ будто бы съ интересами дворянства, какъ „самодовлѣющей силы",—теряетъ свой смыслъ и цѣль.

Недоразумѣнія и противорѣчія, въ которыя впадаетъ шляхетскій органъ, представляются иногда чрезвычайно странными и мало вѣроятными. Такъ, напримѣръ, газета весьма обстоятельно и подробно доказываетъ необходимость устройства особыхъ дворянскихъ школъ для подготовленія юношества привилегированнаго класса къ военной и гражданской службѣ, — т.-е. школъ, издавна уже существующихъ въ видѣ кадетскихъ корпусовъ, спеціальныхъ военныхъ училищъ, училища правовѣдѣнія, алексан-

дровскаго лицея и др. „Никто не возмущается,—говоритъ газета,—желаніемъ купечества имѣть собственныя учебно-воспитательныя заведенія. Всѣ находятъ вполнѣ естественнымъ, что купецъ хочетъ вооружить своего сына возможно лучше для предстоящей ему торгово-промышленной дѣятельности. Между тѣмъ вопросъ о спеціально-дворянскомъ воспитаніи возбуждаетъ ожесточенные споры. Оказывается, что купцу естественно и позволительно подготовлять своего сына къ той роли, которую онъ долженъ играть въ жизни,—дворянинъ же, добивающійся того же самаго, совершаетъ чуть ли не преступленіе! А между тѣмъ царская служба требуетъ несравненно болѣе тщательной этической подготовки, чѣмъ какая бы то ни было коммерческая дѣятельность“, и т. д. (№ 145). „Никто, напримѣръ, не удивится, что воспитаніе и спеціальная подготовка моряка или воина существенно разнится,—и не только въ смыслѣ различія преподаваемыхъ отраслей знанія, но и по духу,—отъ системы обученія и воспитанія представителей промышленности, искусства или земледѣльческаго труда. Можетъ ли быть иначе? Своеобразныя условія боевой жизни, безстрашіе предъ опасностью, чувство товарищества, доходящее до высочайшихъ степеней самопожертвованія, особая духовная степенность, создающая для воина родную семью въ той части войска, къ которой онъ принадлежитъ, честь мундира и званія, которыя онъ долженъ оберегать, не останавливаясь ни передъ какими личными жертвами,—все это составляетъ тотъ особый циклъ нравственныхъ началъ и понятій, въ атмосферѣ которыхъ воспитывается и развивается съ юныхъ лѣтъ человѣкъ, предназначающій себя къ вооруженной оборонѣ отечества. При иномъ совершенно освѣщеніи тѣхъ же по существу вѣрноподданническихъ обязанностей предъ престоломъ и отечествомъ воспитывается юноша, посвящающій себя въ будущемъ мирной практической дѣятельности, наукѣ, искусству, промышленности“ (№ 136). Другими словами, нужны кадетскіе корпуса и спеціальныя военныя училища, которыхъ, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, еще не существуетъ. Рѣшительно недоумѣваемъ, почему газетѣ понадобилось такъ настойчиво ломиться въ открытую дверь и съ такими усиліями краснорѣчія добиваться того, что̀ уже есть.

Приведемъ другой примѣръ. Недавно орловскій предводитель дворянства, М. А. Стаховичъ, повторилъ слова, сказанныя однимъ изъ предмѣстниковъ его, г. Апраксинымъ, 33 года тому назадъ: „Въ новомъ обществѣ, всесословномъ, отъ насъ самихъ будетъ зависѣть поставить себя такъ, чтобы остаться высшимъ сосло-

віемъ. Въ новомъ дѣлѣ, земскомъ, предстоитъ намъ и новая роль: мы должны будемъ удержать за собою то довѣріе, которое удѣляло намъ само правительство и которое мы должны теперь пріобрѣсть у народа". Ссылка на народъ до того возмутила шляхетское чувство сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей", что они забыли о существованіи земскихъ выборовъ, предполагающихъ довѣріе населенія или народа къ избираемымъ лицамъ. Привычка смотрѣть на народъ, какъ на безправное „быдло" или какъ на враждебную опасную силу, сказалась въ этомъ случаѣ съ особенною ясностью. Невинная и вполнѣ понятная фраза о необходимости для земскихъ дѣятелей заслужить довѣріе населенія принята была газетою за призывъ къ народовластью со всѣми его ужасами. Въ простомъ указаніи на выборное начало, установленное нашимъ земскимъ положеніемъ, „Московскія Вѣдомости" усмотрѣли одно изъ „утопическихъ изреченій западныхъ оракуловъ, давно осмѣянныхъ и изобличенныхъ во лжи выдающимися представителями западно-европейской мысли, но еще сохраняющихъ у насъ свое тлетворное обаяніе моднаго заграничнаго продукта"! Газета съ паѳосомъ ставитъ вопросъ: „Имѣетъ ли основаніе современное русское дворянство замѣнить въ своемъ девизѣ традиціонныя слова: „довѣріе правительства"—новомодными словами: „довѣріе народа"? (№ 147) — и, конечно, отвѣтъ получается отрицательный, причемъ мотивы его еще разъясняются обычными высокопарными соображеніями. Совѣстно встрѣчать подобную постановку вопросовъ въ большой политической газетѣ. Развѣ довѣріе правительства исключаетъ собою довѣріе общественное или народное? Или, наоборотъ, довѣріе населенія несовмѣстимо съ довѣріемъ государственной власти? Тутъ опять-таки обнаруживается мысль о какой-то коренной противоположности между интересами власти и народа—мысль нездоровая, порожденная тѣми же шляхетскими иллюзіями. Однако, если стоять на почвѣ существующихъ законовъ о земскихъ и городскихъ выборахъ, то для кандидатовъ въ гласные и въ должностныя лица по мѣстному самоуправленію нужно именно довѣріе избирателей, т.-е. то самое довѣріе, которое показалось чѣмъ-то обиднымъ и преступнымъ въ глазахъ „Московскихъ Вѣдомостей". Какъ ни лестно довѣріе правительства, но, во-первыхъ, оно выпадаетъ лишь на долю сравнительно немногихъ лицъ, извѣстныхъ правительству, и не можетъ относиться къ массѣ мѣстныхъ обывателей, хотя бы и дворянъ, участвующихъ или заинтересованныхъ въ дѣлахъ земскаго и городского самоуправленія; и во-вторыхъ, оно не замѣ-

няетъ довѣрія общественнаго или народнаго, ибо гласные выбираются, а не назначаются правительствомъ.

Новѣйшая полемика о дворянствѣ вертится большею частью около софизмовъ, едва ли способныхъ ввести кого-либо въ заблужденіе. Между прочимъ, многія статьи московскаго новошляхетскаго органа построены на той идеѣ, что „всесословный" и „безсословный"—одно и то же,—что, слѣдовательно, сторонники совмѣстнаго участія всѣхъ сословій въ земскихъ и городскихъ дѣлахъ отрицаютъ самыя сословія вообще и дворянство въ частности. Орловскій предводитель, г. Апраксинъ, а за нимъ г. Стаховичъ, назвали новое земское общество „всесословнымъ", какъ это и есть въ дѣйствительности. „Какъ вамъ нравится это сословіе во всесословномъ, *то-есть безсословномъ*, обществѣ?"—спрашиваетъ съ негодованіемъ дворянинъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 125). Если лица разныхъ сословій сходятся вмѣстѣ и дѣйствуютъ сообща, напр. въ собраніи городской думы, то значитъ ли это, что сословныя различія исчезаютъ или упраздняются? Интересно бы знать, какъ думали бы наши непреклонные „гидальго" оградить себя отъ „всесословности" въ дѣлахъ городского и даже земскаго самоуправленія. Такъ какъ, по терминологіи названной газеты, всесословность равносильна безсословности, а послѣдняя—сверхъ ожиданія—„пропитана чистокровнѣйшимъ соціализмомъ" (№ 136), то положеніе оказывается совершенно безвыходнымъ. Можно только утѣшиться сознаніемъ, что погоня за невозможнымъ ни для кого не обязательна,—impossibilium nulla obligatio.

Эта странная, болѣзненная жажда недостижимой сословной обособленности проявляется, впрочемъ, лишь отдѣльными публицистами, которые скромно приняли на себя роль истинныхъ и лучшихъ представителей дворянскаго сословія. Публикѣ предлагается вѣрить, что подлинное „дворянское самосознаніе" болѣе свойственно г-ну Бодиско, чѣмъ осуждаемому имъ графу Владиміру Бобринскому, и болѣе сродно г-ну Брониславу, чѣмъ бывшимъ и настоящимъ орловскимъ предводителямъ дворянства. Трудно отнестись серьезно къ безконечной, запутанной и сбивчивой фразеологіи „Московскихъ Вѣдомостей" по дворянскому вопросу; едва ли кто даже пойметъ намѣреніе газеты „сложить для дворянства новый фундаментъ (!), соотвѣтствующій потребностямъ настоящаго времени" (№ 138). Еслибы предстояло еще создать „фундаментъ „для дворянства, то послѣднее уже фактически не имѣло бы права на существованіе, и никакіе призывы къ „историческимъ завѣтамъ" не воскресили бы его остывшихъ остатковъ; но

дворянство существуетъ—и существуетъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно выработалось на русской почвѣ историческимъ ходомъ вещей. Фундаменты для общественныхъ классовъ не создаются искусственно и произвольно; всякія попытки въ этомъ родѣ заранѣе могутъ быть признаны безнадежными. Исторія не возвращается вспять, а эпоха великихъ реформъ есть уже также исторія. Мечты о бывшемъ когда-то сословномъ строѣ, столь ярко отраженномъ въ безсмертныхъ произведеніяхъ Гоголя и Грибоѣдова, могутъ увлекать лишь фантазёровъ, не имѣющихъ понятія о современныхъ условіяхъ и потребностяхъ государственной жизни.

Газетные споры о томъ, какъ избѣгнуть совмѣстнаго обученія дворянскихъ дѣтей съ дѣтьми изъ низшихъ сословій въ нашихъ гимназіяхъ и университетахъ, переносятъ насъ какъ будто въ давно забытый міръ Простаковыхъ и Скалозубовъ. Въ Германіи принцы королевскаго дома не считаютъ ниже своего достоинства посылать дѣтей въ общедоступныя гимназіи, не стѣсняясь возможностью соприкосновенія съ сыновьями сапожниковъ, а у насъ потомки чиновниковъ, вышедшихъ изъ народа, не могутъ будто бы встрѣчаться въ школѣ съ дѣтьми мѣщанъ и разночинцевъ! Мы не говоримъ о высшемъ дворянствѣ, потому что оно уже имѣетъ для себя особыя привилегированныя учебныя заведенія. Хороши были бы нравственные задатки домашняго воспитанія и семейныхъ традицій, еслибы въ самомъ дѣлѣ имъ грозила опасность отъ внѣшней встрѣчи дворянскихъ дѣтей съ дѣтьми изъ низшихъ сословій? По здравому смыслу, надо полагать, наоборотъ, что дѣти дворниковъ и швейцаровъ, попавшія, по счастливой для нихъ случайности, въ гимназію, неизбѣжно испытаютъ на себѣ облагораживающее вліяніе благовоспитанныхъ товарищей и станутъ вполнѣ приличными людьми, ничѣмъ не отличающимися отъ представителей высшихъ классовъ, — какъ это мы видимъ сплошь и рядомъ въ дѣйствительной жизни. Въ аристократической Англіи Гладстонъ, сынъ коммерсанта, могъ получить воспитаніе въ Итонѣ и Оксфордѣ, вмѣстѣ съ сыновьями герцоговъ и графовъ, а у насъ предъ нимъ закрылись бы двери не только александровскаго лицея, но и любого кадетскаго корпуса. Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что Россія по существу аристократичнѣе Англіи? Дизраэли, сынъ плебея, сдѣлался главою британскаго правительства и вступилъ въ среду высшей аристократіи; Чамберлэнъ, сынъ фабриканта, недавній еще промышленный дѣятель, руководитъ политикою Англіи наравнѣ съ первыми аристократами страны — маркизомъ Сольсбери и его племянникомъ Бальфуромъ, и англійскіе лорды, потомки государственныхъ

людей и феодальныхъ владѣльцевъ, считаютъ подобныя вещи вполнѣ естественными и нормальными,—а въ нашемъ „мужицкомъ царствѣ“ серьезно поднимаются толки о необходимости искусственнаго отдѣленія дворянства отъ другихъ сословій, въ видѣ привилегированнаго служилаго класса. Единственная страна, сохранившая понынѣ вѣрность „историческимъ завѣтамъ“ сословнаго строя, Испанія—расплачивается теперь, на нашихъ глазахъ, за грѣхи своихъ безпутныхъ „гидальго“, и этотъ примѣръ едва ли покажется соблазнительнымъ даже дворянину Брониславу изъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Никто, разумѣется, не станетъ отрицать великія историческія заслуги русскаго дворянства; но прежде чѣмъ дѣлать изъ этого общаго положенія какіе-либо практическіе выводы, надо было бы еще предварительно выяснить въ точности современный составъ и характеръ нашего первенствующаго сословія. Во главѣ стоятъ потомки удѣльныхъ князей, оставившихъ свои имена въ исторіи русскаго государства; но изъ нихъ княжескіе роды, занимавшіеся преимущественно междоусобіями и дѣятельно боровшіеся противъ политики единенія и согласія, имѣютъ, конечно, мало правъ на благодарность нынѣшней Россіи. Далѣе идутъ боярскіе и затѣмъ старые дворянскіе роды,—но и тѣ и другіе крайне различны по своему значенію въ прошломъ и по характеру своихъ составныхъ элементовъ. Наконецъ, новые выслуженные дворянскіе роды сливаются уже съ чисто-чиновничьимъ классомъ и не занимаютъ никакого самостоятельнаго мѣста въ судьбахъ русскаго дворянства. Сверхъ того, существуетъ множество иноземныхъ, татарскихъ и прочихъ титулованныхъ фамилій, не имѣющихъ ничего общаго съ нашимъ историческимъ прошлымъ и тѣмъ не менѣе причисленныхъ къ нашему привилегированному классу,—на что горько жалуются нѣкоторые защитники дворянскихъ привилегій. Въ лучшихъ гостинницахъ Петербурга и другихъ городовъ,—пишетъ, напр., одинъ изъ предводителей дворянства, А. А. Плансонъ,—„есть много лакеевъ, утвержденныхъ герольдіею въ дворянскомъ и даже княжескомъ достоинствѣ“; въ западныхъ и восточныхъ губерніяхъ встрѣчаются многія деревни, населенныя сотнями дворянъ-землепашцевъ; „въ одной деревнѣ Абзановкѣ есть 127 утвержденныхъ герольдіею князей Сакаевыхъ“. Можно ли поэтому говорить о дворянствѣ вообще, какъ о чемъ-то цѣльномъ и однородномъ? И среди несомнѣннаго служилаго сословія бывали разные дворянскіе роды, въ томъ числѣ, вѣроятно, и такіе, которые отличались главнымъ образомъ хищеніями и взяточничествомъ,—и разо-

браться въ этомъ хаосѣ старины для подведенія правильнаго баланса заслугамъ и грѣхамъ дворянства было бы крайне мудрено, да и безцѣльно. Замѣтимъ только, что при оцѣнкѣ исторической роли высшаго сословія не слѣдуетъ забывать и о народной массѣ, вынесшей государство на своихъ плечахъ и получившей за это въ награду тяжелое бремя крѣпостного права. Если держаться легенды о призваніи варяговъ, то нельзя отрицать заслугу тѣхъ темныхъ людей, которые впервые ихъ призвали и поддержали для водворенія порядка въ русской землѣ. Не надо также упускать изъ виду, что кромѣ собственно служилаго класса принимала дѣятельное участіе въ дѣлахъ государства и земщина: нерѣдко она спасала государство въ самые трудные историческіе моменты, послѣ чего возвращалась скромно къ прежней мирной жизни, — тогда какъ служилые люди щедро награждались помѣстьями и даровымъ крестьянскимъ трудомъ. Очень часто вполнѣ заслуженное положеніе лицъ высшаго сословія напоминало щедринскихъ двухъ генераловъ, попавшихъ на необитаемый островъ и нашедшихъ тамъ, къ счастью, мужика, который и сталъ кормить ихъ, за что и получилъ впослѣдствіи пятачокъ на чай. Вообще вопросъ о дворянствѣ несравненно сложнѣе, чѣмъ думаютъ иные публицисты, рѣшающіе его сплеча, при помощи избитыхъ и безсодержательныхъ фразъ.

Дѣйствительно, серьезная сторона дворянскаго вопроса, связанная съ кризисомъ землевладѣнія и сельскаго хозяйства, всего менѣе обсуждается шляхетскими органами нашей печати,—быть можетъ потому, что въ экономической области имѣются у нихъ готовые рецепты для исцѣленія отъ всякихъ золъ и болѣзней. Одинъ изъ газетныхъ патріотовъ уже вычислилъ, сколько сотенъ милліоновъ рублей пришлось бы государству добавить помѣщикамъ, еслибы при отводѣ крестьянскихъ надѣловъ оно оцѣнило всѣ выкупаемыя земли по тѣмъ возвышеннымъ цѣнамъ, какія установились впослѣдствіи для однѣхъ удобныхъ земель. Но никакіе новые милліоны, еслибы даже они нашлись для подобныхъ цѣлей, не помогутъ дворянскому землевладѣнію при существующихъ его условіяхъ. Болѣе разумные и опытные представители дворянскихъ интересовъ даже обвиняютъ правительство за напрасную раздачу чрезмѣрныхъ денежныхъ суммъ помѣщикамъ, не умѣющимъ или не желающимъ правильно хозяйничать въ своихъ имѣніяхъ. „Мы видимъ,—говоритъ г. Плансонъ въ брошюрѣ, вышедшей еще пять лѣтъ тому назадъ,—что какъ Испанія, получивши изъ Америки милліарды золота, не будучи подготовлена къ утилизаціи этихъ капиталовъ, разорилась, ослабла и дошла

до ничтожнаго положенія, такъ и русское дворянство разорилось и ослабло нравственно, именно вслѣдствіе того, что люди, стоящіе во главѣ разныхъ вѣдомствъ, засыпали его деньгами, къ полезному употребленію которыхъ оно не было подготовлено"... „Лица, учреждавшія дворянскій банкъ, знали или должны были знать, что сотни милліоновъ, данныя при освобожденіи крестьянъ, и еще бо́льшія суммы, полученныя дворянствомъ изъ земельныхъ банковъ, принесли не пользу, а разореніе 90 помѣщикамъ изъ ста, и только едва десять человѣкъ разумно воспользовались этими деньгами и прочно поставили свои хозяйства. Зная это, составитель законовъ о дворянскомъ банкѣ не долженъ бы завѣдомо губить 90 дворянъ для помощи 10-ти, которые, при своей опытности въ сельскомъ хозяйствѣ, при своемъ умѣ, при своей энергіи и трудолюбіи, достигли бы благосостоянія и безъ залога имѣнія, и даже безъ выкупныхъ денегъ послѣ 19 февраля" [1]). Само собою разумѣется, что обвинять теперь законодательство за то, что оно слишкомъ легко уступало настойчивымъ желаніямъ и ходатайствамъ дворянства, было бы явною несправедливостью со стороны дворянъ; но такова уже человѣческая благодарность! Если отъ имени высшаго сословія предъявляются государству все новые счеты, требованія и жалобы, то и государство въ свою очередь могло бы спросить: что́ сдѣлали дворяне съ данными имъ когда-то помѣстьями, почему уничтожили лѣса и превратили богатѣйшія земли въ безплодныя пустоши? На эти вопросы едва ли получился бы удовлетворительный отвѣтъ, хотя можно было бы привести много смягчающихъ обстоятельствъ и въ пользу владѣльцевъ, очутившихся лицомъ къ лицу съ совершенно непосильными для нихъ задачами въ труднѣйшій поворотный моментъ современной экономической исторіи.

Безъ сомнѣнія, значительная часть помѣщичьихъ имѣній уйдетъ изъ рукъ дворянства: заложенныя и перезаложенныя земли фактически уже не принадлежатъ владѣльцамъ, получившимъ за нихъ почти сполна соотвѣтственные денежные капиталы. Желаніе одновременно и сохранить землю, и пользоваться ея продажною цѣною, было пагубною и непонятною иллюзіею, отъ которой пора окончательно отдѣлаться. Дворянское землевладѣніе удержится только въ той мѣрѣ, въ какой оно сдѣлается хозяйственнымъ. Кто забрасываетъ свое деревенское хозяйство и разоряетъ или даетъ разорять землю, тотъ причиняетъ вредъ не только себѣ, но и обществу и государству. Толковое веденіе хозяйства, безъ ущерба

[1]) О дворянствѣ въ Россіи. Спб., 1893, стр. 61—2, 98—9 и др.

для окрестныхъ крестьянъ, или даже съ прямою для нихъ пользою, есть тоже своего рода служба, и не менѣе почтенная и важная, чѣмъ канцелярская, составляющая будто бы жизненную задачу дворянства по мнѣнію ново-шляхетскихъ публицистовъ. Но чтобы вести хозяйство и исполнять обязанности, соединенныя съ правами землевладѣнія, необходимо жить въ деревнѣ, а прочная осѣдлость въ деревнѣ, въ провинціальной глуши, крайне затруднительна и часто даже невозможна для людей съ культурными требованіями и привычками, особенно для людей семейныхъ, желающихъ дать своимъ дѣтямъ надлежащее воспитаніе и образованіе. Когда кругомъ на сотни верстъ нѣтъ ни учебнаго заведенія, ни библіотеки, ни читальни, и когда на всю губернію, равную по пространству какому-нибудь западно-европейскому государству, имѣется лишь одна или двѣ гимназіи, то самый преданный своему дѣлу землевладѣлецъ-хозяинъ чувствуетъ себя заброшеннымъ и по неволѣ стремится переѣхать въ городъ, въ столицу; онъ покидаетъ усадьбу, бросаетъ хозяйство на произволъ судьбы или превращаетъ имѣніе въ деньги, и на мѣстѣ начавшагося хозяйственнаго оживленія опять водворяется мертвенное прозябаніе. Повторяясь повсюду и захватывая цѣлые обширные районы, этотъ процессъ запустѣнія угрожаетъ насущнымъ интересамъ страны и выдвигаетъ на первый планъ задачи и вопросы, имѣющіе общее государственное значеніе. Нужно оживить провинцію, дать ей возможность культурнаго существованія и развитія, предоставить большій просторъ мѣстной самодѣятельности и самоуправленію, открыть закупоренные нынѣ источники жизненной энергіи и иниціативы, расширить доступъ къ свѣту и знанію, —и тогда нашъ образованный высшій классъ будетъ въ состояніи исполнять свое назначеніе для блага всего государства, не требуя себѣ новыхъ льготъ и привилегій. Въ этомъ одномъ заключается сущность вопроса о дворянствѣ и дворянскомъ землевладѣніи.

Z.

11 ІЮНЯ 1898

Стая тучъ на небосклонѣ
Собралася и растетъ...
На земномъ изсохшемъ лонѣ
Все живое влаги ждетъ.

Но упорный и докучный
Вѣтеръ гонитъ облака.
Зной все тотъ же неотлучный,
Влага жизни далека.

Такъ душевныя надежды
Гонитъ прочь житейскій шумъ,
Голосъ злобы, крикъ невѣжды,—
Вѣчный вѣтеръ праздныхъ думъ.

Владиміръ Соловьевъ.

КУЛЬТУРНЫЯ НАЗНАЧЕНІЯ

и источники покрытія

ВЪ ФИНАНСАХЪ ГЕРМАНІИ

Письмо изъ Берлина.

I.

Общественное хозяйство въ жизни современныхъ европейскихъ народовъ занимаетъ несравненно большее мѣсто по отношенію къ частному хозяйству и несравненно сильнѣе отражается на благосостояніи населенія, чѣмъ въ предшествующую намъ эпоху. Бюджеты ростутъ съ быстротой, о какой наши предшественники не имѣли понятія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣднюю четверть вѣка богатство европейскихъ народовъ увеличилось, и положеніе всѣхъ слоевъ ихъ улучшилось; точно такъ же, однако, безспорно, что общественные расходы значительно опередили ростъ народнаго благосостоянія. Если бюджетъ Франціи до войны съ Германіей не достигалъ 2-хъ милліардовъ, тогда какъ въ нынѣшнемъ году онъ равенъ почти $3^1/_2$ милліардамъ, то народное богатство Франціи и годовой доходъ всей французской націи ни въ какомъ случаѣ за эти 27 лѣтъ не увеличились пропорціонально росту бюджета. Точно такъ же самые крайніе оптимисты въ Германіи не станутъ утверждать, будто увеличеніе народнаго дохода происходило пропорціонально росту имперскаго, прусскаго и мѣстныхъ бюджетовъ. То же явленіе заключается въ Англіи, Швейцаріи, Бельгіи, Скандинавскихъ странахъ, и на первый взглядъ поражаетъ тѣхъ, у которыхъ на вопросъ о причинахъ роста бюджетовъ готовый отвѣтъ: это—послѣдствіе милитаризма.

Далека отъ насъ мысль отрицать, что военные и морскіе расходы играютъ видную роль среди причинъ роста государственныхъ бюджетовъ и становятся все бо̀льшимъ бременемъ для массы трудового населенія. Кто, однако, справедливую антипатію къ милитаризму переноситъ на увеличеніе государственныхъ расходовъ вообще и признаетъ ростъ бюджета зломъ, тотъ выражаетъ недостатокъ пониманія культурныхъ задачъ общежитія, вполнѣ понятный лишь въ странахъ, въ которыхъ такія задачи мало осуществляются. Въ дѣйствительности, при строѣ нынѣшней европейской жизни, не допускающемъ осуществленія главныхъ потребностей личности собственными силами и тѣсно связывающемъ существованіе индивидуума съ задачами общества, цѣлый рядъ обязанностей, лежавшихъ прежде на отдѣльномъ лицѣ или семьѣ, перешелъ къ общинѣ, союзамъ и государству. Раздѣленіе и сочетаніе труда точно такъ же сдѣлали огромные успѣхи въ общественной дѣятельности, какъ и въ промышленной сферѣ. Заботы о воспитаніи дѣтей, объ огражденіи здоровья, о развлеченіи на досугѣ, о пріисканіи работы, передвиженіи съ мѣста на мѣсто, объ обезпеченіи на старости и многія другія дѣла уже вышли изъ круга индивидуальной и семейной дѣятельности, ставъ общественными задачами. Неудивительно, если вслѣдствіе этого все болѣе значительная доля личныхъ доходовъ переходитъ въ бюджеты государства, самоуправленія или вольныхъ союзовъ. Весьма немногіе имѣютъ ясное представленіе о томъ, какъ велика уже теперь эта связь между личными и общественными бюджетами. Весь годовой доходъ германскаго населенія, напр., опредѣляютъ въ 18—20 милліардовъ въ годъ; расходы же имперіи, входящихъ въ составъ ея государствъ и о̀ргановъ самоуправленія, составляютъ приблизительно $3^1/_2$ милліарда, и такимъ образомъ отношеніе общественнаго къ частному хозяйствамъ, если даже игнорировать дѣятельность государства и самоуправленія въ области промышленности и сельскаго хозяйства, уже равна 1 : 5,5. Если же присоединить сюда государственныя и коммунальныя предпріятія въ сельскомъ хозяйствѣ, рудникахъ, желѣзныхъ дорогахъ, водопроводахъ и т. д., то значеніе общественнаго хозяйства еще замѣтнѣе.

При такомъ значеніи общественнаго хозяйства въ современной европейской жизни вполнѣ естественно, если населеніе относится къ вопросамъ объ источникахъ государственныхъ доходовъ и ихъ назначеній—какъ къ первостепеннымъ въ народной жизни. Бюджетное право парламентовъ, издавна составлявшее драгоцѣнную ихъ прерогативу, становится правомъ контроля и надъ осуществленіемъ въ государственномъ хозяйствѣ важнѣйшихъ культурныхъ задачъ общежитія. Въ парламентахъ нападаютъ на милитаризмъ и на новые налоги, но почти такъ же часто народные представители считаютъ своей задачей ука-

зывать на необходимость новыхъ затратъ для школъ, суда или публичныхъ работъ. Оппозиція, обрушивающаяся на правительство за его расточительность въ непроизводительныхъ расходахъ, готова дать тому же правительству средства для обезпеченія инвалидовъ труда или улучшенія положенія учителей. Одна изъ наиболѣе часто повторяемыхъ въ Германіи фразъ—„культурныя задачи страдаютъ".

Нынѣшній прусскій министръ финансовъ, Микель, къ которому съ этими упреками чаще всего обращаются, счелъ полезнымъ дать на нихъ отвѣтъ подробнымъ отчетомъ о своей дѣятельности съ 1890 г., когда онъ сталъ во главѣ прусскихъ финансовъ. Министръ, впрочемъ, не ограничивается этимъ короткимъ періодомъ, и относительно приходо-расходныхъ статей приводитъ главныя цифры начиная съ 1880 г.

Отчетъ Микеля, въ формѣ непосредственнаго доклада императору Вильгельму, доведенъ былъ до свѣдѣнія народа черезъ Reichsanzeiger. Очень вѣроятно, что опубликованіе его наканунѣ выборовъ, подобно обнародованію результатовъ страхованія рабочихъ, имѣло цѣлью повліять на избирателей. Результаты выборовъ показали, что цѣль эта, если ее имѣли въ виду, не достигнута. Мы сомнѣваемся также, удастся ли Микелю своимъ отчетомъ переубѣдить своихъ критиковъ и прекратить жалобы на пренебреженіе культурными задачами, хотя самъ министръ, повидимому, искренно убѣжденъ, что государство уже теперь дошло до границы, дальше которой оно не вправѣ идти. Для кого, однако, отчетъ прусскаго министра имѣетъ высокій интересъ, это —для читателей въ другихъ странахъ, для которыхъ сравненіе условій собственнаго бюджета съ прусскими открываетъ почти такой же контрастъ, какъ сравненіе, напримѣръ, въ условіяхъ народнаго образованія. Мы вѣдь слышимъ отъ нѣмцевъ, дорожащихъ развитіемъ своей страны, что и школы ихъ не удовлетворяютъ запросамъ народа, и что стыдно такъ мало заботиться о просвѣщеніи. Нужно ли, однако, удивляться, если наблюдатель изъ страны, въ которой $^2/_3$ дѣтей остаются безграмотными, находитъ и нынѣшнее состояніе нѣмецкой школы идеальнымъ? Совершенно такимъ же образомъ онъ, съ своей точки зрѣнія, долженъ будетъ согласиться съ прусскимъ министромъ, что отчетъ объ его управленіи рисуетъ назначеніе прусскихъ финансовъ по истинѣ блестящимъ. Если этотъ посторонній наблюдатель и пойметъ тѣхъ нѣмцевъ, которые жалуются на „страданіе культурныхъ интересовъ", то лишь потому, что вспомнитъ о различіи масштабовъ, которыми такіе вопросы измѣряются у разныхъ народовъ и въ разное время.

Прежде чѣмъ перейти къ обзору измѣненій, происшедшихъ въ государственномъ бюджетѣ Пруссіи за послѣднія два десятилѣтія, я долженъ вспомнить, что при выдающемся значеніи собственнаго хозяй-

ства казны, а въ особенности казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, валовыя цифры прусскаго бюджета не даютъ вѣрнаго представленія объ истинныхъ размѣрахъ государственныхъ доходовъ и расходовъ въ общепринятомъ смыслѣ [1]). На первый взглядъ васъ поражаетъ колоссальная цифра въ 2.195.247.000 марокъ, которой сведена роспись доходовъ и расходовъ на 1898—99 г., невозможно великая для страны съ 32 милліонами населенія, къ тому еще не знающей въ своемъ собственномъ бюджетѣ расходовъ на армію, флотъ, внѣшнее представительство и нѣкоторыя другія назначенія, входящія въ компетенцію имперіи, фигурирующія въ имперскомъ бюджетѣ. Всматриваясь въ отдѣльныя статьи, вы видите, что противъ $1^1/_4$ милліарда доходовъ отъ желѣзныхъ дорогъ приходится 770 милліоновъ расходовъ на нихъ, и точно также болѣе или менѣе крупныя цифры фигурируютъ въ доходахъ и расходахъ отъ государственныхъ горныхъ предпріятій, лѣсовъ и т. д. За выключеніемъ всѣхъ статей такихъ расходовъ, получается частный бюджетъ, сведенный съ 789 милліонами марокъ, въ которыхъ заключаются чистые доходы и которые идутъ на управленіе страной и исполненіе всѣхъ ея обязанностей за исключеніемъ тѣхъ, которыя взяла на себя имперія. Отношеніе прусскаго бюджета къ имперскому выражается въ томъ, что (по послѣдней росписи) полученные, причитавшіеся на ея долю, 269 милліоновъ изъ таможеннаго дохода Пруссія возвращаетъ обратно съ приплатой въ $8^1/_2$ милліоновъ, но имперія снова возвращаетъ Пруссіи около 35 милліоновъ расходовъ по взиманію таможенныхъ и др. пошлинъ. Такъ какъ имперскій бюджетъ обходится слишкомъ въ 900 милліоновъ, то фактически на долю Пруссіи, составляющей 61% Германіи по населенію, приходится около 550 милліоновъ имперскихъ расходовъ, покрываемыхъ изъ источниковъ, не имѣющихъ больше отношенія къ прусскому бюджету. Обратимся теперь къ Пруссіи и разсмотримъ, какъ увеличились ея собственныя задачи.

II.

„Въ развитіи и величіи прусской монархіи,—замѣчаетъ министръ въ докладѣ императору, — выдающееся значеніе имѣла постоянная забота страны и ея королей о народномъ образованіи, о школахъ“. Неудивительно, что съ улучшеніемъ государственныхъ финансовъ крупная часть новыхъ доходовъ посвящена была дѣлу народнаго образованія и, въ особенности, народной школы. Нужно, однако, принять

[1]) Подробнѣе мы останавливались на этомъ въ статьѣ о Финансахъ Германіи. См. „Вѣстн. Европы“. 1896, январь.

во вниманіе, что всѣ новыя средства, идущія въ Пруссіи на народныя школы, имѣютъ теперь цѣлью не осуществленіе задачи всеобщаго образованія: обязательная народная школа давно уже достигла элементарнаго своего назначенія—сдѣлать весь народъ грамотнымъ".

По ст. 25 прусской конституціи, учрежденіе и содержаніе народныхъ школъ—дѣло общинъ, и государство обязано давать средства на школы лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда та или другая община или школьные союзы окажутся не въ состояніи исполнить свою обязанность. Соотвѣтственно тому, до 1871 г. расходы на элементарное образованіе въ прусскомъ бюджетѣ были крайне незначительны и не превышали 4½ милл. марокъ въ годъ. Послѣ франко-прусской войны, когда „школьный учитель побѣдилъ Францію", правительство и общество сознали свою обязанность поднять матеріальное положеніе этого великаго труженика. Въ прусскомъ бюджетѣ, вслѣдствіе того, увеличиваются назначенія на пособія общинамъ для увеличенія учительскихъ жалованій—и предпринятія школьныхъ построекъ. Къ 1887 году государственные расходы на народныя школы, такимъ образомъ, были доведены до 26 милл. марокъ, но по закону для государства не существовало обязанности нести такіе расходы постоянно. Законами отъ 14 іюня 1888 г. и 31 марта 1889 г. правительственная палата, однако, урегулировала свои отношенія къ общинамъ, включая въ бюджетъ *обязанность* платить часть жалованій школьныхъ учителей и учительницъ, и притомъ такъ, чтобы въ деревняхъ и небольшихъ городахъ государственная приплата составляла болѣе значительную часть школьныхъ расходовъ, чѣмъ въ большихъ городахъ; зато общины обязались отмѣнить плату за ученіе. Въ слѣдующемъ (1890) году, въ интересахъ сельскихъ и небогатыхъ городскихъ общинъ, проведено было требованіе о назначеніи изъ общихъ бюджетныхъ средствъ страны дополнительнаго вознагражденія народнымъ учителямъ, остающимся подолгу на службѣ школы. Этими мѣрами расходы прусскаго государства на народныя школы доведены въ 1890 г., когда министерство финансовъ поручено было Микелю, до 59 милл. марокъ въ годъ. За восемь лѣтъ его управленія министерствомъ, расходы на народныя школы поднялись до 83½ милл. марокъ (по росписи 1898 г.). Кромѣ естественнаго роста расходовъ, вызываемаго увеличеніемъ населенія, расширеніе бюджета народныхъ школъ въ послѣднее десятилѣтіе вызвано въ особенности закономъ 3 марта 1897 г., по которому минимумъ жалованья народнаго учителя поднятъ на 900 марокъ, при даровой квартирѣ, съ тѣмъ, чтобы съ годами службы жалованье учителя постепенно увеличивалось и достигало на 27 году службы школѣ 1.800 марокъ. Мы уже имѣли случай указать, что въ Берлинѣ и всѣхъ другихъ большихъ городахъ матеріальное положеніе народнаго

учителя значительно выше, что его начальное жалованье не ниже 1.200 марокъ, черезъ 10 лѣтъ службы достигаетъ 2.200—2.500 и на 28 году рѣдко ниже 3.200 марокъ. Минимумъ, установленный прусскимъ закономъ, имѣетъ въ виду деревенскаго учителя, которому до того жилось значительно хуже. Для сельскихъ учительницъ первоначальное жалованье опредѣлено въ 700 марокъ (съ квартирой) и должно быть доведено до 1.420 марокъ. О значеніи этой реформы можно судить уже по тому, что отъ нея для государственнаго бюджета проистекло увеличеніе расходовъ на учительскія жалованья въ $9^1/_2$ милл. марокъ въ годъ. Другія статьи расходовъ на народную школу, потребовавшія крупныхъ добавленій, состоятъ въ пенсіяхъ тѣмъ же народнымъ учителямъ и въ затратахъ на школьныя постройки. Государственное участіе въ дѣлѣ народнаго образованія опять особенно интенсивно въ деревняхъ: для большихъ городовъ послѣдняя реформа въ этой области означаетъ даже уменьшеніе государственной субсидіи, такъ какъ изъ общихъ средствъ бюджета для содержанія народныхъ учителей отпускаются суммы не болѣе какъ на 25 учительскихъ мѣстъ въ каждомъ городѣ, что для Берлина, напримѣръ, вызвало потерю въ милліонъ марокъ. Тѣмъ существеннѣе, однако, опора, которую мѣстные бюджеты въ деревняхъ и небольшихъ городахъ находятъ въ государствѣ, и если въ этомъ случаѣ политика Пруссіи тоже аграрная, то она аграрная въ лучшемъ смыслѣ слова.

Сравнительно слабо увеличились за послѣднія 10 лѣтъ расходы министерства народнаго просвѣщенія на техническое образованіе: въ 1890 г. они составляли $1^1/_2$, теперь 2 милліона; нужно, однако, принять во вниманіе, что главныя статьи этихъ расходовъ падаютъ на другое вѣдомство—министерство промышленности и торговли, въ которомъ сосредоточены промышленныя школы. Расходы на нихъ за это десятилѣтіе увеличились съ менѣе 2-хъ на 4 милл. въ годъ. Точно также произошло увеличеніе субсидій—„дополнительнымъ“ школамъ, Fortbildungsschulen, съ 400 на 700 тысячъ марокъ въ годъ; независимо отъ того, для Fortbildungsschulen въ двухъ наиболѣе отставшихъ прусскихъ провинціяхъ, Познани и западной Пруссіи, съ 1890 по 1897 г. отпущено изъ казны болѣе 3 милл. марокъ. Отчетъ самъ, однако, сознаетъ, что и этихъ средствъ недостаточно, такъ какъ въ остальной, особенно южной, Германіи, промышленное образованіе поставлено выше, чѣмъ въ Пруссіи. „При серьезномъ значеніи Fortbildungsschulen для образованія и благосостоянія страны,— замѣчаетъ Микель, — государственное управленіе и въ будущемъ должно будетъ, по мѣрѣ силъ, увеличивать свое содѣйствіе имъ и предоставляетъ имъ бо́льшія средства, чѣмъ до сихъ поръ“. Въ новой

росписи (на 1898—99 г.) снова произошло увеличеніе бюджета промышленныхъ школъ почти на милліонъ марокъ.

Что касается среднихъ учебныхъ заведеній и университетовъ, то за послѣднее десятилѣтіе изъ средствъ министерства произошло увеличеніе расходовъ на гимназіи и реальныя училища съ $6^1/_4$ на $9^1/_4$ милл. марокъ въ годъ. При этомъ нужно замѣтить, что очень значительную часть расходовъ на средне-учебныя заведенія несутъ и города: въ Берлинѣ, напримѣръ, $^4/_5$ всѣхъ гимназій содержатся на городской счетъ. Постоянные расходы на университеты увеличились съ 1890 на 1897 г. съ $7^3/_4$ на $8^1/_2$ милл. марокъ въ годъ; кромѣ того, государство ежегодно тратитъ около 2 милл. изъ чрезвычайнаго бюджета на улучшеніе клиникъ, библіотекъ, лабораторій и т. п. Статья „наука и искусство", въ которую входятъ издержки на академію, музеи, библіотеки, субсидіи школамъ художествъ и консерваторіямъ, поглощаетъ болѣе 5 милл. марокъ въ годъ.

Къ числу наиболѣе производительныхъ затратъ принадлежатъ расходы, фигурирующіе въ прусскомъ бюджетѣ подъ титуломъ „общаго управленія построекъ". Главную статью ихъ составляютъ работы, предпринимаемыя для регулированія рѣкъ, расширенія и соединенія водныхъ путей каналами и меліораціи. Въ Пруссіи это съ начала 80-хъ годовъ совершается по обширному и хорошо обдуманному плану. Изъ предпринятыхъ до сихъ поръ работъ отмѣтимъ прорытіе двухъ большихъ каналовъ между Одеромъ и Шпрее и Дортмундъ-Эмсомъ, на которые затрачено почти 68 милл.; участіе Пруссіи 42 милліонами въ прорытомъ на обще-имперскія средства каналѣ императора Вильгельма; 23 милл. пошли на улучшеніе Одера и Шпрее; 19 милл.—на регулированіе теченія Вислы. Этими и нѣкоторыми другими, болѣе мелкими, предпріятіями, которыя обошлись въ 138 милл., полученныхъ путемъ займа, далеко, однако, еще не исчерпаны всѣ водныя работы Пруссіи за послѣднія 10 лѣтъ: изъ текущихъ бюджетныхъ средствъ съ 1890 по 1897 г. затрачено не менѣе 184 милл. на углубленіе Майна, на устраненіе препятствій судоходству по Фульдѣ, на мѣры противъ обмелѣнія Рейна, на постройку гаваней, плотинъ. Съ начала 80-хъ годовъ по настоящее время Пруссія вложила въ предпріятія для улучшенія и расширенія водныхъ путей не менѣе $^1/_2$ милліарда марокъ, и что̀ всего замѣчательнѣе: несмотря на несомнѣнную производительность этихъ затратъ, большая половина ихъ совершена безъ займовъ, изъ текущихъ бюджетныхъ средствъ.

Одной изъ главныхъ причинъ увеличенія государственныхъ расходовъ является также улучшеніе жалованій служащимъ въ государственныхъ учрежденіяхъ. Съ 1872 г. жалованья чиновниковъ, учителей, судей и т. п. не подвергались общему пересмотру: правитель-

ство и палата ограничивались лишь нѣкоторыми частичными измѣненіями и улучшеніями въ крайне необходимыхъ случаяхъ; такъ, напримѣръ, въ 1890 г. въ бюджетъ включены были 15 милл. на прибавки мелкимъ канцелярскимъ служащимъ и на увеличеніе пенсій; въ 1892 г. назначено было $1^3/_4$ милл. на улучшеніе жалованій учителямъ средне-учебныхъ заведеній. Только съ 1897 г. осуществлено было всеобщее повышеніе жалованья и пенсіи, что составляетъ ежегодную затрату только на жалованье слишкомъ въ 20 милл.; пенсіи же повышены отъ 20 до 40%, такъ что для вдовы послѣдняго канцелярскаго сторожа не ниже 216 марокъ; максимумъ поднятъ съ 1.600 на 3.000 марокъ. О значеніи пенсій въ государственномъ бюджетѣ можно судить по тому, что въ росписи 1898—99 г. онѣ поглощаютъ болѣе 102 милл. марокъ.

Прусскому министру можно повѣрить, когда онъ говоритъ въ своей докладной запискѣ императору, что „финансовое управленіе съ особенною готовностью поддерживало всѣ мѣры, ведущія къ борьбѣ съ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ". Большая часть этихъ мѣръ относится къ области таможеннаго и податного законодательствъ. Микель считаетъ болѣе благоразумнымъ не доводить ихъ до свѣдѣнія публики въ ихъ цифровыхъ результатахъ: „Тутъ главнымъ образомъ имѣютъ значеніе измѣненія законовъ о взысканіи налога на спиртъ и сахаръ, отмѣна доказательствъ тождества (Identitätsnachweis) при вывозѣ хлѣба и реформа личныхъ и реальныхъ налоговъ". Затѣмъ въ Reichsanzeiger'ѣ слѣдуютъ точки, и читателю остается только догадываться, что умный министръ въ этомъ мѣстѣ сообщаетъ своему королю, что Рихтеръ и другіе злые демократы не совсѣмъ не правы, утверждая, что преміи на сахаръ и на винокуреніе, такъ-назыв. Giebesgaben, содержатъ въ себѣ десятки милліоновъ, приносимыхъ въ жертву аграріямъ. Зато министръ подробнѣе останавливается на другихъ мѣрахъ, тоже потребовавшихъ государственнаго содѣйствія и кредита, но которыхъ во всякомъ случаѣ, хотя мнѣнія о нихъ и расходятся, не нужно стыдиться въ культурной странѣ. Съ 1880 по 1897 г. бюджетъ министерства сельскаго хозяйства увеличился съ 9 на 17 милл. въ годъ, и это произошло главнымъ образомъ вслѣдствіе увеличенія расходовъ на меліораціи (на которыя, сверхъ ординарнаго бюджета, ежегодно ассигнуется еще изъ экстраординарнаго 5—6 милл.) и на сельскохозяйственное образованіе. Въ качествѣ примѣра Микель приводитъ затрату въ 850.000 на учрежденіе школы-лабораторіи для промышленности, пользующейся процессами броженія (пивовареніе и т. п.). Въ связи съ этимъ записка упоминаетъ о рентныхъ имѣніяхъ, на которыя выдано государственнаго кредита болѣе 10 милл., о стомилліонномъ кредитѣ для крестьянской колонизаціи въ Познани и

Западной Пруссіи, и о другихъ мѣрахъ, ведущихъ, какъ Микель на старости лѣтъ осторожно выражается, „къ постановкѣ условій землевладѣнія въ монархіи на лучшія основанія“. Мы можемъ не касаться этихъ вопросовъ, такъ какъ имѣли уже случай упоминать о нихъ при разсмотрѣніи отчета министерства сельскаго хозяйства.

Изъ статей расходнаго бюджета особаго упоминанія заслуживаетъ еще расходъ на единовременныя пособія, имѣющія своимъ назначеніемъ содѣйствіе трудящимся классамъ. Въ эту категорію входитъ, напримѣръ, 40 милл. мар., въ 3 пріема разрѣшенные палатой для центральной кассы товариществъ (Central-Genossenschaftskasse), которая несомнѣнно способствуетъ расширенію личнаго кредита для крестьянъ и ремесленниковъ. Независимо отъ своего участія въ расходахъ имперіи на страхованіе рабочихъ, Пруссія ассигнуетъ въ послѣднемъ бюджетѣ 16½ милл. мар. на соціально-политическія задачи, преимущественно идущія въ пользу рабочаго класса. Въ 1895 г. палата, по предложенію правительства, ассигновала единовременно 5 милл. мар. на постройку новыхъ жилищъ для мелкихъ чиновниковъ и рабочихъ въ государственныхъ предпріятіяхъ; въ нынѣшнемъ году эта сумма была удвоена, хотя въ отдѣльныхъ вѣдомствахъ, какъ въ управленіи горными заводами и копями, изъ спеціальныхъ суммъ еще затрачиваются значительныя средства на постройку домовъ для рабочихъ и выдачу строительныхъ премій служащимъ и рабочимъ, которые пріобрѣтаютъ собственные домики. Не забудемъ упомянуть также и о томъ, что въ нынѣшнемъ прусскомъ бюджетѣ на содержаніе фабричной инспекціи ассигновано милліонъ марокъ.

Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ государственные расходы Пруссіи, имѣющіе своимъ назначеніемъ внутреннее управленіе въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. администрацію, судъ, народное образованіе и содѣйствіе народному благосостоянію, такимъ образомъ увеличились *съ 279 до 502 милл.*: чрезвычайное увеличеніе общественной дѣятельности, выражающееся въ этихъ цифрахъ, по вѣрному замѣчанію прусскаго министра, свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ „идеальномъ и матеріальномъ успѣхѣ“, достигнутомъ страною, ибо „каждый шагъ впередъ по пути народнаго развитія создаетъ для государства новыя задачи и выражается въ необходимости усилить изъ бюджета пособія на прогрессирующія культурныя назначенія“. Тѣмъ больше чести странѣ, если она съумѣла удовлетворить этому безъ увеличенія податного бремени и даже съ облегченіемъ повинностей, лежащихъ на бѣднѣйшей и самой многочисленной массѣ населенія. Столь, повидимому, неразрѣшимая задача Пруссіи удалась, и въ этомъ отношеніи, несмотря на нѣкоторые частные недостатки своего финансоваго управленія, она можетъ служить образцомъ для всѣхъ другихъ странъ. Не

всѣ только такъ счастливы, что съумѣли перенести въ новую эпоху хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній жизненные элементы стараго фискальнаго хозяйства: прусская казна осталась собственникомъ-предпринимателемъ горныхъ промысловъ и угольныхъ копей, обширныхъ земельныхъ владѣній, въ особенности—лѣсовъ. Первая въ Европѣ, Пруссія почти всецѣло взяла въ государственное управленіе желѣзныя дороги, чистый доходъ отъ которыхъ покрываетъ значительную часть государственныхъ расходовъ. Кромѣ того, въ государственные финансы своевременно,—раньше, чѣмъ увеличеніе общественной дѣятельности вызвало потребность въ значительныхъ средствахъ,—проникли справедливыя идеи обложенія, получившія на нашихъ глазахъ, въ реформахъ подоходнаго и промысловаго налоговъ, въ введеніи въ податную систему прогрессивнаго налога на имущество, въ разграниченіи государственныхъ и мѣстныхъ финансовъ и, наконецъ, въ относительномъ сокращеніи косвенныхъ налоговъ (правда, парализуемомъ увеличеніемъ косвенныхъ налоговъ для имперскаго бюджета), наиболѣе полное и яркое выраженіе. Нынѣшній доходный бюджетъ Пруссіи на $^3/_4$ состоитъ изъ прибыли государственныхъ предпріятій: по росписи на 1898—1899 г. чистый доходъ долженъ составить 789 милл., изъ нихъ 74,5% падаютъ на превышеніе доходовъ надъ расходами въ государственныхъ предпріятіяхъ, 19,6%—на прямые и менѣе 6% на косвенные налоги.

Въ доходахъ бюджета отъ собственныхъ предпріятій и владѣній казны, какъ въ зеркалѣ, отражаются успѣхи Германіи въ промышленности и торговлѣ, путяхъ сообщенія, и болѣе слабое развитіе сельскаго хозяйства. Послѣднее имѣетъ послѣдствіемъ уменьшеніе доходовъ отъ государственныхъ земельныхъ имуществъ, въ то время какъ прибыль отъ горныхъ промысловъ и желѣзныхъ дорогъ чрезвычайно увеличилась. Съ 1880 по 1890 г. казенныя имѣнія (съ земледѣльческимъ хозяйствомъ) давали почти одинаковый доходъ—валовой въ $29^1/_2$ милл., чистый—въ 21—22 милл.; въ нынѣшнемъ году валовой доходъ не превышаетъ 27, чистый—19 милл. Нельзя, однако, согласиться съ прусскимъ министромъ, что въ этихъ цифрахъ выражается картина упадка сельскаго хозяйства: цифры говорятъ лишь объ уменьшеніи ренты, не слишкомъ значительномъ, стоящемъ, правда, въ контрастѣ къ процвѣтанію промышленности; самое существованіе ренты служитъ, однако, доказательствомъ, что и при нынѣшнемъ неудовлетворительномъ состояніи, сельское хозяйство даетъ возможность приложить къ землѣ трудъ [1]). Въ управленіи государственными лѣсами

[1]) Мимоходомъ отмѣтимъ, что въ бюджетѣ государственныхъ имуществъ тоже фигурируютъ 400.000 марокъ на улучшеніе жилищъ для рабочихъ и значительная сумма на меліораціи.

о кризисѣ нѣтъ рѣчи: въ 1880 г. казенные лѣса давали бюджету 51½ милл. валового и 20½ милл. чистаго дохода,—теперь же валовой доходъ, безъ измѣненія площади лѣсовъ, превышаетъ 67, чистый—26¾ милл. Въ промежуткѣ этихъ 20 лѣтъ были годы, когда валовой доходъ отъ казенныхъ лѣсовъ достигалъ 70 и даже 78 милл. Но максимумъ доходовъ относится не къ золотому вѣку въ прошломъ, а къ 1894 г. и къ 1896 г., когда жалобы на конкурренцію иностраннаго лѣса раздавались очень громко. Не менѣе рѣзкія колебанія происходили въ доходахъ казны отъ ея собственныхъ угольныхъ копей, желѣзныхъ заводовъ и другихъ горныхъ промысловъ: въ 1880 г. валовой доходъ отъ нихъ составлялъ 87½ милл., въ 1890 г.—149 милл.; 3 года спустя онъ понижается до 119 и въ нынѣшнемъ году снова повышается до 135 милл. Чистый доходъ казны теперь составляетъ 15½ милл. „Государственное управленіе, — читаемъ мы въ отчетѣ министра,—стремилось, по мѣрѣ силъ, исполнить по отношенію къ горнорабочимъ указанія, данныя императоромъ, предпринимая многія мѣры къ улучшенію и поднятію ихъ положенія; 8 лѣтъ тому назадъ изъ казенныхъ средствъ отпускалось въ пенсіонныя и другія страховыя кассы рабочихъ на горныя школы, пріюты для дѣтей, библіотеки, общества для устройства чтеній и развлеченій и т. п.—почти 3 милл. мар., теперь же на указанныя назначенія ежегодно ассигнуется болѣе 5 милліоновъ".

Несравненно болѣе крупнымъ источникомъ доходовъ являются желѣзныя дороги. Въ послѣднемъ прусскомъ бюджетѣ чистый доходъ отъ нихъ предусмотрѣнъ въ 439 милл. мар., при 1.210 милл. валового дохода. Изъ превышенія приходовъ надъ расходами для другихъ цѣлей бюджета взято, однако, лишь 175 милл., такъ какъ болѣе 250 милл. уходитъ на проценты и погашеніе желѣзнодорожныхъ долговъ, а также въ пенсіонный фондъ для служащихъ. Эти 175 милл., такимъ образомъ, въ полномъ смыслѣ слова составляютъ чистую прибыль желѣзнодорожнаго хозяйства, которая при системѣ частныхъ желѣзныхъ дорогъ составляла бы прибыль акціонеровъ. Прусская система не безупречна; ей справедливо ставятъ въ вину, что она нуждается многихъ реформъ, какъ, напримѣръ, удешевленія пассажирскихъ тарифовъ, которому въ Пруссіи, впрочемъ, сопротивляются не столько по фискальнымъ, сколько по аграрнымъ мотивамъ. Миквелю лично, какъ и нынѣшнему министру путей сообщенія, Тилену, общественное мнѣніе ставитъ въ вину неумѣстную экономію въ расходахъ на содержаніе служащихъ, на увеличеніе штатовъ, улучшеніе передвижного состава и многое другое. Эти упреки, благодаря тому, что нашли нестѣсняемое выраженіе въ палатѣ и печати, возъимѣли свое дѣйствіе, подобно другимъ упрекамъ, которые относились къ положе-

нію народныхъ учителей или недостаточности средствъ, ассигнуемыхъ на судъ, университеты, музеи. Та широкая дѣятельность государства въ области культурныхъ затратъ общественныхъ средствъ, которою теперь такъ гордится министръ въ своемъ отчетѣ,—продуктъ не свободной его инициативы, а упорнаго и разумнаго требованія общественнаго мнѣнія. Вліяніе его выражается и въ улучшеніяхъ, предпринятыхъ за послѣдніе годы въ желѣзнодорожномъ управленіи. Вслѣдствіе настойчивыхъ указаній въ печати на необходимость сокращенія труда желѣзнодорожной прислуги, какъ ради нея самой, такъ и для безопасности пассажировъ, въ нынѣшнемъ году число машинистовъ, кочегаровъ и стрѣлочниковъ увеличено сразу на 11 тысячъ; продолжительность дневного, а въ особенности ночного труда сокращена; за послѣдніе два года на увеличеніе жалованій и вознагражденіе новаго состава низшихъ чиновъ и рабочихъ желѣзныхъ дорогъ изъ бюджета отпущено 50 милл. Къ самостоятельнымъ заслугамъ желѣзнодорожнаго управленія надо отнести его систематическую товарно-тарифную политику, имѣющую въ виду экономическіе интересы страны. Не фискальными, а широкими экономическими мотивами объясняются большія затраты на постройку узкоколейныхъ дорогъ и подъѣздныхъ путей, на которые, напр., въ нынѣшнемъ году ассигновано 150 милл.

Косвенные налоги, какъ мы уже замѣтили, въ прусскомъ бюджетѣ почти не играютъ роли и притомъ не носятъ характера налоговъ на предметы потребленія. Самый обильный изъ нихъ—гербовый, падающій преимущественно на торговыя сдѣлки, даетъ въ годъ около 27 милл. Единственнымъ темнымъ пятномъ во всей прусской податной системѣ остается доходъ отъ лотереи, составляющей около 10 милл. мар. На упреки въ безнравственности азартной игры, покровительствуемой государствомъ, Микель постоянно отвѣчаетъ, что склонность къ азартной игрѣ—продуктъ психическихъ и соціальныхъ факторовъ, которая не исчезнетъ отъ отмѣны государственной лотереи, но приметъ лишь болѣе вредное направленіе и послужитъ къ обогащенію частныхъ спекулянтовъ.

Съ понятной гордостью прусскій министръ останавливается на реформѣ подоходнаго налога, составляющей несомнѣнную его заслугу, даже въ глазахъ его политическихъ противниковъ. Когда Микель вступилъ въ управленіе министерствомъ, старый подоходный и классный налоги давали вмѣстѣ государству $79^1/_2$ милл. мар. въ годъ. Послѣ введенія новаго закона доходы государства въ 1892—93 г.г. поднялись до 125 милл., и получившееся такимъ образомъ увеличеніе на свыше 45 милл. главнымъ образомъ явилось результатомъ, во-1-хъ, введенной новымъ закономъ деклараціи (каждый плательщикъ налога

съ дохода выше 3.000 мар. въ годъ обязанъ самъ показать размѣръ своего дохода и его источники); во-2-хъ, привлеченія къ платежу подоходнаго налога банковъ, акціонерныхъ обществъ и другихъ юридическихъ лицъ, давшихъ налогъ въ первый годъ по осуществленіи реформы до 10 милл. Какъ велико значеніе обязательной декларации для осуществленія подоходнаго налога въ полномъ его размѣрѣ, можно судить по тому, что въ 1891—93 г.г., *до* реформы, весь подлежавшій налогу доходъ физическихъ лицъ опредѣленъ былъ въ 4.273.703.217 мар., тогда какъ въ 1892—93 г.г., *послѣ* реформы, доходъ, показанный плательщикомъ, оказался равнымъ 5.724.323.767 мар., т.-е. на 34% болѣе. Нѣкоторая часть увеличенія государственныхъ доходовъ отъ подоходнаго налога падаетъ также на измѣненіе тарифа въ духѣ большей прогрессивности или, какъ Микель выражается, „передвиженія податного бремени различныхъ группъ доходовъ въ пользу экономически слабѣйшихъ элементовъ“: новый законъ увеличилъ ставки налога съ доходовъ выше 8.000 мар. въ годъ, вслѣдствіе чего государство выгадало около 9 милл. мар.; такъ какъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ налогъ съ доходовъ отъ 900 до 8.000 марокъ былъ пониженъ, и это пониженіе въ общей суммѣ составило около 5 милл. въ годъ, то фактически отъ измѣненія размѣра обложенія доходность налога увеличилась лишь на 4 милл. Присоединивъ къ нимъ 10 милл., полученныхъ съ акціонерныхъ и др. обществъ, мы приходимъ къ выводу, что отъ введенія обязательной декларации для среднихъ и высшихъ доходовъ государство выиграло около 31 милл. марокъ (45—14 милл.).

При огромномъ принципіальномъ значеніи прусскаго подоходнаго налога, мы считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько детальныхъ цифръ изъ тѣхъ, которыя сообщены министромъ финансовъ императору, для иллюстраціи справедливости и цѣлесообразности, какъ подоходнаго налога вообще, такъ и того его вида въ особенности, который онъ принялъ въ Пруссіи послѣ реформы 1891 г. Изъ всей массы плательщиковъ около 87% располагали доходомъ отъ 900 до 3.000 м.; въ то время однако, какъ до реформы на долю этихъ относительно мелкихъ плательщиковъ (не забудемъ, что бѣдное населеніе вовсе освобождено отъ налоговъ) падало болѣе 35% всего налога, они теперь платятъ лишь немногимъ болѣе 28%. Не меньшее облегченіе испытали люди средняго достатка, имѣющіе отъ 3.000 до 6.000 мар. годового дохода: составляя $8^1/_2$% всѣхъ плательщиковъ, вмѣсто 9% до реформы, они несутъ на себѣ лишь $16^1/_3$% всего налога, тогда какъ раньше на нихъ падали $23^1/_2$%. Въ среднемъ, каждый плательщикъ низшей категоріи (900—3.000 мар.) платитъ теперь $15^1/_2$ мар. въ годъ налога, что составляетъ 1,1% съ его дохода; средній же плательщикъ второй категоріи несетъ $91^1/_2$ мар. налоговъ, что составляетъ $2^1/_4$%

его дохода. Въ третьей группѣ доходовъ, отъ 6.000 до 9.500 марокъ, процентъ налога остался почти безъ измѣненія — $2^3/_4$%, и средній взносъ каждаго плательщика уменьшился лишь съ 207 на 202 мар. въ годъ. Группа четвертая, обнимающая большіе доходы съ 9.500 до 30.500 мар. въ годъ, представлена лишь 46.000 гражданъ, платящими въ совокупности болѣе 18% всего налога—$21^1/_2$ милл. въ годъ, тогда какъ до реформы на эту долю населенія приходилось лишь менѣе 13 милл. Въ среднемъ каждый плательщикъ этой группы вноситъ въ пользу государства 465 мар. въ годъ, и процентъ обложенія здѣсь достигаетъ 3 со 100. Въ пятой группѣ, очень большихъ доходовъ, отъ 30.500 до 100.000 въ годъ, всего 9.000 плательщиковъ, но это вдвое больше, чѣмъ до введенія обязательной деклараціи; они платятъ теперь болѣе $15^1/_2$ милл., или въ среднемъ на одного плательщика по 1.730 мар. въ годъ, тогда какъ въ 1891 г. эта группа платила лишь 6 милл. въ годъ. Наконецъ, на высшей ступени пирамиды фигурируетъ 1.658 крезовъ съ доходомъ выше 100.000 мар., уплачивающихъ почти 15 милл. въ годъ, т.-е. 13% всего подоходнаго налога, хотя по численности они составляютъ менѣе $^1/_{20}$ процента всѣхъ плательщиковъ. Средній налогъ съ каждаго изъ этихъ богачей—9.000 мар. въ годъ; раньше онъ былъ только 6.000 мар.

Разсматривая движеніе подоходнаго налога въ Пруссіи со времени осуществленія реформы Микеля, мы находимъ, что съ 1892 по 1898 г., при увеличеніи населенія съ 29,9 на 31,8 милл. душъ, число плательщиковъ подоходнаго налога увеличилось съ 2,43 до 2,76 милл., и такимъ образомъ процентъ плательщиковъ подоходнаго налога увеличился съ 8,15 на 8,68 всего населенія. За тотъ же періодъ годовой доходъ плательщиковъ подоходнаго налога увеличился съ 5.724 на 6.375 милл. мар., сумма же полученнаго государствомъ съ физическихъ лицъ налога поднялась съ 114,8 на 126,9 милл.; налогъ съ акціонерныхъ и другихъ обществъ подвергался большимъ колебаніямъ: съ 10 милл. въ 1892 г., онъ понизился до 6,9 милл. въ 1895 г., и поднялся до 8 милл. въ 1897 г. Различіе между городомъ и деревней очень рѣзко выражается въ показаніяхъ подоходнаго налога: въ 1892 г. изъ 114,8 милл., полученныхъ государствомъ, болѣе 84 милл. уплачено городскими и $30^1/_2$ милл. сельскими жителями; въ нынѣшнемъ же году изъ 126,9 милл. болѣе 95 уплачено городами и менѣе 32 деревней. Микель въ своемъ отчетѣ усматриваетъ и въ этихъ цифрахъ ясное выраженіе угнетеннаго положенія сельскаго хозяйства. Вполнѣ можно присоединиться къ прусскому министру, замѣчающему по поводу колебаній въ поступленіи налоговъ отъ акціонерныхъ и другихъ обществъ: „Именно это непосредственное вліяніе измѣненій въ хозяйственной жизни на результаты подоходнаго налога, которое еще

гораздо сильнѣе выражается по отдѣльнымъ мѣстностямъ страны, ясно доказываетъ, въ какой степени подоходный налогъ считается съ фактическими условіями и насколько оправдался принципъ декларацiи, имѣвшій задачей привести къ обложенію дѣйствительныхъ доходовъ".

Вслѣдъ за реформой подоходнаго налога въ Пруссіи, какъ извѣстно, съ 1895 г. введенъ т.-н. дополнительный налогъ (Ergänzungssteuer), вызванный той справедливой идеей, что при одинаковомъ размѣрѣ дохода лица, имѣющія прочный или „фундированный" доходъ съ капитала или имущества, могутъ платить больше, чѣмъ тѣ, которыя зарабатываютъ себѣ существованіе личнымъ трудомъ. „Этотъ налогъ,— прибавляетъ Микель въ своемъ докладѣ,—падаетъ не только на недвижимое имущество и промыслы и торговлю, но и на самый прочный и „обоснованный" изъ всѣхъ доходовъ, именно—на доходъ съ движимаго капитала". Подобно подоходному налогу, дополнительная подать также освобождаетъ болѣе слабые элементы нацiи, къ которымъ въ данномъ случаѣ причислены всѣ владѣльцы имущества менѣе 6.000 марокъ, а также и имуществъ менѣе 20.000 мар., если общая сумма годового дохода не превышаетъ (съ капитала и труда) 900 мар. Такимъ образомъ, только 3% прусскаго населенія подлежатъ этому налогу, въ абсолютныхъ цифрахъ число его плательщиковъ было въ 1897—98 г.г. нѣсколько болѣе 1 милліона (1.180 тыс.), но общая сумма ихъ имуществъ выразилась въ почтенной цифрѣ 65½ милліардовъ мар., съ которыхъ государство получаетъ въ свою пользу почти 32 милл. въ годъ (½ мар. съ 1.000). Равно половина всѣхъ плательщиковъ принадлежитъ къ категоріи мелкихъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ, имущество которыхъ не превышаетъ 6—20 тыс. мар.; съ нихъ государство, однако, беретъ всего лишь 3 милл. въ годъ, тогда какъ 9% всѣхъ плательщиковъ, располагающихъ капиталомъ или владѣніемъ болѣе 100 тыс. мар. каждый, несутъ 59% всего налога. Милліонеровъ во всей Пруссіи оказывается 5.440, и съ нихъ государство, въ этой формѣ налога, получаетъ болѣе 7 милл. въ годъ, или болѣе 22% всего налога.

Тѣми же идеями прогрессивности обложенія и перенесенія податной обязанности съ плечъ неимущихъ на болѣе платежеспособное населеніе проникнута реформа промысловаго налога, осуществленная въ 1891 г. „Старый промысловый налогъ, — замѣчаетъ Микель,—былъ прогрессивнымъ сверху внизъ, новый же прогрессивенъ снизу вверхъ". Это достигнуто прежде всего совершеннымъ освобожденіемъ отъ налога мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ: въ 1892 г., въ послѣдній годъ дѣйствія стараго промысловаго налога, число его плательщиковъ былъ 890.420; послѣ введенія же въ слѣдующемъ году новаго промысловаго налога плательщиковъ осталось 438.940, т.-е. число ихъ

уменьшилось на половину. При этомъ доходъ казны отъ налога не уменьшался: онъ равнялся 19,2 милл.—до и 19,9 милл.—послѣ реформы промысловаго налога.

Въ тѣсной связи съ измѣненіями въ государственномъ обложеніи стоитъ реформа городскихъ и земскихъ финансовъ, осуществленная въ это же десятилѣтіе. Основная ея идея та же, что и въ реформѣ государственныхъ налоговъ—„стремленіе уменьшить податное бремя болѣе справедливымъ и цѣлесообразнымъ его распредѣленіемъ"; къ ней, однако, присоединилась и другая: сферы обложенія государственныхъ и земскихъ налоговъ должны быть по возможности разграничены, такъ что одинъ и тотъ же налогъ лишь въ крайнихъ случаяхъ можетъ взиматься одновременно, какъ въ пользу государства, такъ и для мѣстнаго самоуправленія. До этой реформы мѣстныхъ финансовъ центръ тяжести городскихъ бюджетовъ Пруссіи заключался въ подоходномъ налогѣ, земскихъ же—въ подоходномъ и поземельномъ налогахъ. Понимая и цѣня значеніе подоходнаго налога, прусскій министръ не желалъ устранить его вовсе изъ мѣстныхъ бюджетовъ, но сознавалъ въ то же время, что употребленіе, которое дѣлали изъ него города и общины, можетъ повести къ дискредитированію справедливѣйшей формы обложенія, если не поставить ему границъ. Достаточно сказать, что въ 80-хъ годахъ въ Пруссіи насчитали 233 общины, въ которыхъ доплата къ государственному подоходному налогу для мѣстнаго самоуправленія составляла отъ 300 до 500% всего налога, а въ 13 городахъ превышала 500%. По реформѣ мѣстныхъ финансовъ закономъ 1891 г., подоходный налогъ остается въ распоряженіи общинъ, но лишь въ крайнихъ случаяхъ можетъ превышать размѣры государственнаго налога. По отношенію ко всѣмъ другимъ налогамъ осуществленъ принципъ устраненія двойного обложенія: государство сохраняетъ за собою изъ прямыхъ налоговъ лишь подоходный и дополнительный на имущества; поземельный налогъ и налоги на строенія и промыслы всецѣло предоставлены городамъ и общинамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на мѣстное самоуправленіе возложено обязательство болѣе, чѣмъ до сихъ поръ, черпать источники для покрытія мѣстныхъ расходовъ въ пошлинахъ и сборахъ, составляющихъ вознагражденіе за новыя услуги тѣмъ или другимъ лицамъ и категоріямъ мѣстнаго населенія. За отказъ отъ поземельнаго и промысловаго налоговъ государство, однако, вознаградило себя тѣмъ, что взяло для себя ту часть доходовъ отъ пошлинъ на хлѣбъ, которая раньше распредѣлялась между общинами.

Нѣкоторые результаты этой реформы, несмотря на то, что она вступила въ силу лишь съ 1895 г., уже теперь можно опредѣлить. До ея осуществленія, въ 1169 городахъ подоходный налогъ давалъ

общиннымъ бюджетамъ 142½ милл. мар.; въ первый годъ послѣ ея введенія эта сумма понизилась на 104,7 милл., или на 25%, и подоходный налогъ, при увеличеніи общей суммы прямыхъ налоговъ въ этихъ городахъ съ 170 на 187 милл., составлялъ лишь нѣсколько болѣе 44% всего покрываемаго прямыми налогами бюджета. Тѣмъ не менѣе въ приведенныхъ 1169 городахъ подоходный налогъ, взимаемый въ пользу общины, и теперь еще составляетъ 114% государственнаго налога. Вслѣдствіе передачи государствомъ поземельнаго налога и налоговъ на строенія общинамъ городскіе бюджеты получили въ свою пользу около 48 милл., что вмѣстѣ съ прежде взимавшейся приплатой къ государственнымъ налогамъ на землю и строенія составляетъ теперь болѣе 82 милл. въ годъ. Что касается сельскихъ общинъ, то для нихъ отказъ государства отъ поземельнаго налога означаетъ почти избавленіе отъ этого вида обложенія: послѣ введенія закона о коммунальныхъ налогахъ число общинъ, вовсе свободныхъ отъ поземельнаго налога, повысилось съ 1046 на 1953; въ 1894 г. насчитали 6288 общинъ, въ которыхъ поземельный налогъ достигалъ 150% государственнаго сбора, въ 1895 же такихъ общинъ было лишь 4890; точно также число общинъ съ 150—200% земельнаго налога уменьшилось съ 4200 на 2835. Недаромъ поэтому Микель такъ популяренъ у прусскихъ землевладѣльцевъ; справедливо будетъ, однако, вспомнить, что не одни крупные землевладѣльцы, но и крестьяне-собственники воспользовались этой льготой.

Бросимъ еще взглядъ на состояніе прусскихъ государственныхъ долговъ. Къ началу 1897 г. общая сумма государственнаго долга Пруссіи достигала почти 6—6½ милліардовъ, проценты по которымъ составляли 237 милл. въ годъ. Нигдѣ, однако, государственный долгъ не вызванъ столь производительными назначеніями, какъ именно въ Пруссіи: онъ почти весь созданъ пріобрѣтеніемъ и постройками желѣзныхъ дорогъ, портовъ, каналовъ и т. п. И что, однако, еще гораздо важнѣе: государственныя имущества, какъ желѣзныя дороги, горные промыслы, лѣса и имѣнія, даютъ странѣ болѣе 547 милл. въ годъ, на 322 милл. больше, чѣмъ странѣ приходится уплачивать проценты по долгамъ, такъ что на душу населенія еще остается отъ государственнаго хозяйства прибыль въ 10 мар. въ годъ.

„Не многія государства въ мірѣ могутъ похвалиться столь невысокимъ размѣромъ налоговъ, — гордо замѣчаетъ прусскій министръ, — какъ Пруссія, въ которой прямые налоги составляютъ 5 м., косвенные—1 м. 42 пф. на душу населенія“. Конечно, прибавляетъ онъ, для опредѣленія размѣра общаго податного бремени прусскаго плательщика налоговъ, нужно еще принять во вниманіе пошлины и косвенные налоги, взимаемые въ пользу имперскаго бюджета, равно какъ

и мѣстные налоги. Однако и съ присоединеніемъ этихъ налоговъ, податное обложеніе въ Пруссіи еще существенно благопріятнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ большихъ странахъ Европы. По даннымъ, относящимся къ 1891—93 гг., сумма государственныхъ налоговъ, падающихъ на одного средняго жителя во Франціи, составляетъ 77 мар. въ годъ; въ Англіи она равна 61 мар., въ Италіи 44, въ Австріи 38, въ Пруссіи же (со включеніемъ всѣхъ косвенныхъ имперскихъ налоговъ) 35 мар. въ годъ. Безспорно, что если народное благосостояніе во Франціи и Англіи выше, чѣмъ въ Пруссіи, то разница однако не такъ велика, какъ въ величинѣ налоговъ; не менѣе безспорно, что народный достатокъ въ Германіи гораздо выше, нежели въ Италіи и Австріи, жители которыхъ платятъ больше налоговъ, чѣмъ пруссаки.

Фактъ, отмѣчаемый этими словами доклада Микеля, такъ много содѣйствуетъ пониманію германскихъ финансовъ, что мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что по другому оффиціальному источнику его можно провѣрить и дополнить.

III.

Въ числѣ документовъ, розданныхъ рейхстагу морскимъ министерствомъ для обоснованія проекта объ увеличеніи флота, находится сопоставленіе расходовъ на армію и флотъ главнѣйшихъ государствъ и отношеніе этихъ расходовъ къ другимъ статьямъ бюджетовъ [1]). Въ 1891 г. правительство Каприви, внесши въ рейхстагъ проектъ объ увеличеніи арміи, обратилось къ содѣйствію проф. Кауфмана, чтобы статистически доказать, что военные расходы Германіи, сравнительно съ расходами другихъ европейскихъ странъ, необременительны для народа и не исключаютъ заботъ государства о культурныхъ задачахъ. Совершенно такимъ образомъ морское вѣдомство при помощи статистики стремится доказать, что и въ настоящее время Германія въ своихъ бюджетахъ не носитъ печати военнаго государства, игнорирующаго другія задачи общежитія. Несомнѣнно, что и тогда, и теперь статистика должна была служить постороннимъ цѣлямъ. Тенденціозность выражается, однако, не въ искаженіи цифръ, а въ извѣстномъ освѣщеніи, и только изрѣдка въ злоупотребленіи нѣкоторыми статистическими методами. Матеріалъ, который даютъ намъ новѣйшія изслѣдованія морского вѣдомства, тѣмъ не менѣе сохраняетъ свою цѣну,

[1]) Die Ausgaben für Flotte u. Landesheer u. ihre Stellung im Haushalt der wichtigsten Grossstaaten. Reichstag. 9-te Legislatur-Periode. V Session 1897—98, № 107 (4 Februar 1898).

если устранить тенденціозные выводы и пользоваться лишь безспорными цифрами.

По бюджету 1897—98 гг., на каждаго пруссака приходилось 36,06 мар. государственныхъ расходовъ, считая въ томъ числѣ и расходы имперскаго бюджета (60% всего на долю Пруссіи). Изъ нихъ 14,66 мар., или 40,65%, падаютъ на расходъ для арміи, 2,21 мар., или 6,14%,—на флотъ (включая—и въ арміи, и во флотѣ—расходы на пенсіи). Если присоединить еще проценты по имперскому займу, то на каждаго пруссака окажется 18,55 мар., или 51,44% непроизводительныхъ расходовъ, и на производительныя цѣли останется 17,51 м., или 48,56%. Другая картина получается, однако, если къ государственному бюджету присоединить общинные. Послѣдніе почти исключительно носятъ производительный характеръ и составляютъ въ среднемъ 56,70 мар. на душу населенія. Принимая общинные расходы всецѣло производительными, за исключеніемъ платежей по коммунальнымъ долгамъ, и относя къ непроизводительнымъ (да и то лишь въ ковычкахъ) расходы на армію, флотъ и долги, наше изслѣдованіе приходитъ къ заключенію, что изъ 92,76 мар. всѣхъ расходовъ по государственному и общиннымъ бюджетамъ на одного жителя 20,85 мар. или 22,47% непроизводительны, 77,53% остаются для производительныхъ назначеній. Другими словами, расходы Пруссіи въ цѣломъ, какъ государства, такъ и городовъ и сельскихъ общинъ, при всей тяжести военныхъ расходовъ, все еще на $^3/_4$ имѣютъ своимъ назначеніемъ благосостояніе и культурныя-задачи. Вся страна затрачиваетъ на воспитаніе народа, науку и искусство не менѣе того, что она отдаетъ на содержаніе арміи—14,59 мар., или 15,73% всѣхъ расходовъ идутъ на школы, университеты, музеи и т. п. Приблизительно $^1/_2$ всѣхъ расходовъ страны, 30,08 м. на душу населенія, посвящается расходамъ на улучшеніе народнаго хозяйства. Подъ этимъ понимаютъ въ обще-имперскихъ расходахъ средства, отпускаемыя на содержаніе каналовъ, для борьбы съ филоксерой и т. п.; изъ прусскаго бюджета въ эту рубрику входятъ всѣ расходы на поднятіе земледѣлія, промышленности и торговли, на профессіональныя школы и т. д.; изъ коммунальныхъ бюджетовъ—всѣ издержки на канализацію, рынки, чистку, промышленныя школы, скотобойни и т. п. Третья статья расходовъ —соціальная политика и общественное призрѣніе, въ которой подъ соціальной политикой, главнымъ образомъ, понимаются расходы государства на страхованіе рабочихъ—поглощаетъ около 10 мар. на душу населенія, или болѣе 0,1 всѣхъ общественныхъ и государственныхъ расходовъ.

Въ предъидущемъ коммунальные расходы исчислены были на основаніи бюджета Берлина, и вотъ тутъ-то несомнѣнная передержка.

Предъ нами фигурировали не расходы *средняго пруссака*, а *средняго берлинца*. Тенденціозность, о которой мы упоминали выше, выражается въ такихъ именно обобщеніяхъ, не сразу бросающихся въ глаза. Понятно, что бюджеты провинціальныхъ городовъ и деревни не могутъ соперничать съ берлинскими, и не дали бы въ связи съ государственнымъ бюджетомъ такой культурной картины. По изслѣдованію 1892 г. средній размѣръ мѣстныхъ расходовъ на душу населенія въ Пруссіи былъ не 56,7, а только 39 марокъ. Однако, если мы не познакомились съ состояніемъ всей страны, то получили ясное представленіе о томъ, что̀ платитъ средній житель Берлина, и на что̀ идутъ его платежи.

Подобно тому какъ условія Берлина не типичны для всей Пруссіи, точно также налоги въ Дрезденѣ, Мюнхенѣ или Штутгартѣ, не даютъ еще типическаго представленія о платежахъ и расходахъ средняго саксонца, баварца или вюртембергца. Однако сравненіе финансовыхъ условій этихъ столицъ въ связи съ государственными бюджетами даетъ возможность судить объ отношеніи повинностей и расходовъ на общественныя цѣли въ различныхъ центрахъ Германіи.

Министерская записка на основаніи тѣхъ же пріемовъ, какъ и въ Пруссіи, анализируетъ платежное бремя мюнхенца (котораго онъ хочетъ превратить въ типичнаго баварца), дрезденца, жителя Штутгарта и Карлсруэ. Въ Мюнхенѣ при 86,02 всѣхъ расходовъ государственныхъ 33,98 м., а общинныхъ 52,04; только 23,94 мар., или 27,83%, идутъ на непроизводительные расходы. Въ Дрезденѣ изъ 89,22 м. на каждаго жителя, армія, флотъ и долги поглощаютъ 22,24 м., т.-е. 25%,—еще 75% остаются на производительные расходы. Въ Карлсруэ изъ 88,83 м. 18,64 непроизводительны, остальныя — производительны. Въ Штутгартѣ отношеніе съ культурной точки зрѣнія еще болѣе благопріятное: при 93,55 м. налоговъ на душу, непроизводительные расходы поглощаютъ 19,52%; болѣе 80% остаются на народное благосостояніе, школы и т. д.

Сравнивая Германію съ Франціей, или, вѣрнѣе, Пруссію-Берлинъ съ Франціей-Парижемъ, мы прежде всего замѣчаемъ, какъ велики абсолютно и относительно требованія, предъявляемыя къ французскому плательщику. Франція—болѣе богатая страна, чѣмъ Пруссія, но ни въ какомъ случаѣ нельзя думать, чтобы средній парижанинъ былъ вдвое богаче средняго берлинца; между тѣмъ, на 93 м. платежей въ пользу государства и общины средняго берлинскаго жителя, оказывается 181 м. такихъ платежей у средняго парижанина. Государственные расходы на 68% выше въ Парижѣ, государственные и коммунальные вмѣстѣ—почти на 100%. Мы видѣли, что въ Берлинѣ изъ государственныхъ расходовъ болѣе 51% идутъ на непроизводитель-

ные расходы; во Франціи они составляютъ еще бо́льшую долю общегосударственнаго бюджета — 67,72%. При колоссальности французскаго бюджета на производительныя назначенія, во Франціи остается, однако, бо́льшая абсолютная цифра, чѣмъ въ Германіи: хотя французы отдаютъ на управленіе, народное благосостояніе, школы и т. д. только 32,38% своего государственнаго бюджета, Германія же 48,56%, но на голову населенія изъ государственныхъ средствъ во Франціи на эти производительныя цѣли ассигнуется 19,56 м., а въ Германіи—17,51 м. Складывая парижскій бюджетъ съ падающей на него долей государственныхъ расходовъ, мы для Парижа получаемъ 77,76 м., или 42,95%, расходовъ на непроизводительные и 103,30 м., или 57,05% —на производительные расходы; въ Берлинѣ же эти цифры—20,85 м., или 22,47%, и 71,91 м., или 77,53%. По отдѣльнымъ статьямъ производительныхъ расходовъ болѣе благопріятныя условія Германіи бросаются въ глаза въ рубрикѣ „Народное образованіе, наука и искусство, народное здравіе, соціальная политика и общественное призрѣніе".

Сравнивая Германію съ Австріей въ совокупности государственныхъ и общинныхъ расходовъ, подобно тому, какъ мы это сдѣлали по отношенію къ Франціи, и имѣя съ одной стороны въ виду общинный бюджетъ Берлина, а съ другой Вѣны, мы узнаемъ, что противъ 92,76 мар. на душу берлинскаго населенія всѣ расходы по государственному и общественному управленію въ Австріи (Вѣнѣ) не превышаютъ 64,71 м. на одного жителя. На непроизводительные расходы каждый вѣнецъ, однако, отдаетъ 22,39 мар., т.-е. на 2,50 мар. больше, чѣмъ берлинецъ, и такимъ образомъ у перваго на производительныя затраты остается лишь 42,32 м., тогда, какъ у второго для этого остаются 71,91 мар. Австріецъ тратитъ на 12% болѣе, чѣмъ пруссакъ, непроизводительно и на 70% менѣе для производительныхъ цѣлей. На экономическія задачи, для сельскаго хозяйства, промышленности и т. д., пруссакъ отдаетъ почти вдвое больше, чѣмъ австріецъ (13,77 противъ 7,23). Точно такъ же въ Берлинѣ больше расходуется государствомъ и общественнымъ самоуправленіемъ на школы, соціально-политическія задачи и общественное призрѣніе. Въ то время какъ изъ общегосударственныхъ австрійскихъ средствъ на духовныя нужды населенія отпускается лишь 5,33 процента всего бюджета, въ прусскомъ государственномъ бюджетѣ эта культурная статья поглощаетъ 10,69%. Менѣе замѣтная разница оказывается въ этомъ случаѣ между берлинскимъ и вѣнскимъ самоуправленіемъ. Въ Берлинѣ на каждаго жителя приходится 10,74 мар. для цѣлей народнаго образованія, въ Вѣнѣ же—9,61 мар.

По отношенію къ другимъ странамъ сравненіе, къ сожалѣнію, возможно лишь для государственныхъ бюджетовъ. Италія съ 36,73 мар.

расходовъ на душу населенія близко подходитъ къ Германіи, но въ то время, какъ послѣдняя отдаетъ на армію, флотъ и государственные долги лишь 18½ мар., Италія тратитъ на это 21½ м., а для культурныхъ и вообще производительныхъ цѣлей тяжко обремененному итальянскому народу остается менѣе 28%; болѣе 72% поглощаются милитаризмомъ. Въ этомъ отношеніи страннымъ образомъ на одной доскѣ съ Италіей оказывается Англія, отдающая изъ своихъ 44,88 мар. на одного жителя болѣе 32 м., или 72%—на армію, флотъ и проценты по государственнымъ долгамъ. Надо, однако, принять во вниманіе, что при относительномъ богатствѣ англійскаго народа и при традиціонномъ англійскомъ обычаѣ—удовлетворять мѣстныя культурныя нужды безъ государственнаго содѣйствія, неблагопріятная картина англійскаго бюджета не можетъ выражать состоянія общественной культуры. Да и въ Германіи, какъ мы видѣли, общинные доходы, идущіе почти исключительно на производительныя цѣли, превышаютъ государственные. Другое дѣло Италія, гдѣ поглощеніе государственныхъ доходовъ милитаризмомъ при бѣдности населенія и плохомъ общинномъ устройствѣ оказывается истиннымъ бичомъ для страны.

Наиболѣе благопріятнымъ положеніе Германіи представится, если разсмотрѣть государственные расходы по отношенію къ источникамъ ихъ покрытія. Нигдѣ въ остальной Европѣ такая значительная часть государственныхъ расходовъ не покрывается собственными предпріятіями и промышленными доходами государства: съ состояніемъ Пруссіи въ этомъ отношеніи мы уже знакомы по запискѣ Микеля. Замѣтимъ лишь, что по вычисленію оффиціальнаго нѣмецкаго отчета, у насъ въ Россіи, несмотря на обиліе государственныхъ имуществъ, собственные доходы государства въ тѣсномъ смыслѣ не достигаютъ еще и 10% бюджета, въ Англіи 6%, а въ Австріи, Франціи, Италіи не превосходятъ 2—3%. Понятно, какъ велика разница между *платежами населенія* во Франціи и Германіи на непроизводительныя задачи, если въ Германіи, при общей суммѣ расходовъ на эти цѣли въ милліардъ марокъ, только около 600 милліоновъ должны быть почерпнуты изъ налоговъ, тогда какъ во Франціи при полутора милліардахъ непроизводительныхъ расходовъ почти вся сумма покрывается налогами.

Берлинъ, (12) 24 іюня.

Г. Іоллосъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1898.

Губернская реформа и отношеніе ея къ земскимъ учрежденіямъ.—Губернскіе органы министерства земледѣлія. — Рѣчь варшавскаго генералъ-губернатора. — Письмо недворянина о дворянскомъ вопросѣ.—Еще проектъ „воспособленія".—Продовольственная нужда.

Въ газетахъ появляются въ послѣднее время извѣстія о предстоящей реформѣ губернскихъ учрежденій, въ смыслѣ бо̀льшаго ихъ объединенія. Въ принципѣ эта мѣра была рѣшена еще въ 1895 г., при преобразованіи губернскаго управленія въ Сибири. Въ 1896 г., при открытіи новой, черноморской губерніи, на мѣсто губернскаго правленія и разныхъ губернскихъ присутствій было поставлено одно *общее присутствіе*. Весьма вѣроятно, что на аналогичныхъ началахъ будетъ устроено и проектируемое *губернское управленіе*, съ принятіемъ, конечно, во вниманіе земскихъ учрежденій, которыхъ нѣтъ въ черноморской губерніи. Если вѣрить одному изъ газетныхъ сообщеній, губернское управленіе должно замѣнить собою всѣ губернскія коллегіальныя учрежденія *министерства внутреннихъ дѣлъ*, за исключеніемъ ученыхъ и благотворительныхъ—статистическаго комитета, приказа общественнаго призрѣнія, тюремнаго комитета и училищнаго совѣта. Менѣе важныя дѣла будутъ рѣшаться единолично губернаторомъ, вице-губернаторомъ или начальникомъ отдѣленія, болѣе важныя —единолично губернаторомъ, но по обсужденіи ихъ присутствіемъ губернскаго управленія; другими словами, губ. управленіе будетъ имѣть голосъ только совѣщательный. Въ этомъ сообщеніи есть одна явная ошибка: губ. училищный совѣтъ состоитъ въ вѣденіи не министерства внутреннихъ дѣлъ, а министерства народнаго просвѣщенія. Весьма сомнительна, въ нашихъ глазахъ, достовѣрность и нѣкоторыхъ другихъ частей сообщенія. На какомъ основаніи, во-первыхъ, можно было бы выдѣлить изъ общаго состава губернскаго управленія (въ губерніяхъ не-земскихъ) приказъ общественнаго призрѣнія? Изъ того,

что онъ завѣдуетъ больницами, богадельнями, пріютами и другими, такъ-называемыми богоугодными заведеніями, вовсе не слѣдуетъ еще, чтобы онъ былъ учрежденіемъ *благотворительнымъ*: это—просто присутственное мѣсто, дѣйствующее въ томъ же порядкѣ и на тѣхъ же началахъ, какъ и всякое иное. Можно ли допустить, во-вторыхъ, чтобы въ составъ губернскаго управленія, если его голосъ будетъ только совѣщательный, вошли *всѣ* нынѣшнія коллегіальныя учрежденія (кромѣ благотворительныхъ и ученыхъ), подвѣдомственныя министерству внутреннихъ дѣлъ? Къ числу такихъ учрежденій принадлежитъ губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе, являющееся, во многихъ случаяхъ, настоящимъ административнымъ судомъ, постановляющимъ опредѣленіе по большинству голосовъ. Неужели губернатору въ дѣлахъ городскихъ и земскихъ будетъ предоставлено рѣшать дѣла земскія и городскія вопреки мнѣнію большинства губернскаго управленія, т.-е. отмѣнять, своею властью, постановленія городской думы или земскаго собранія [1])? Ничего подобнаго не предполагалось, кажется, даже въ самыхъ неблагопріятныхъ для самоуправленія проектахъ восьмидесятыхъ годовъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о губернскомъ присутствіи; какъ ни странно это учрежденіе, не судебное по своему составу, судебное по своему назначенію и исполняющее, при закрытыхъ дверяхъ и почти внѣ всякаго компетентнаго контроля, функціи маленькаго кассаціоннаго суда, но еще болѣе странно было бы ввѣрить тѣ же функціи единоличному усмотрѣнію администратора, обремененнаго массою другихъ дѣлъ и часто лишеннаго самыхъ элементарныхъ юридическихъ познаній. Скажемъ болѣе: даже между административными дѣлами, подвѣдомственными губернскому присутствію, немало такихъ, которыя крайне опасно было бы отдавать на рѣшеніе единоличной власти (напр., всѣ дѣла по земельному устройству крестьянъ). Въ проектѣ устава о служебныхъ провинностяхъ, составляющемъ дополненіе къ проекту уголовнаго уложенія и внесенномъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ, на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, идетъ рѣчь о дисциплинарныхъ присутствіяхъ, которыя предполагается учредить въ каждой губерніи для сужденія о дисциплинарныхъ проступкахъ должностныхъ лицъ (не судебнаго вѣдомства); неужели и эти присутствія должны быть слиты съ губернскимъ управленіемъ, низведеннымъ на степень совѣщанія при губернаторѣ?.. Наоборотъ, губернское управленіе, облеченное правомъ *рѣшенія* дѣлъ, могло бы замѣнить собою не только большинство смѣшанныхъ присутствій, состоящихъ теперь въ вѣдомствѣ министерства

[1]) Чтобы понять всю несообразность такого порядка, достаточно припомнить, что губернатору пришлось бы рѣшать единолично дѣла, большею частью имъ же самимъ и возбужденныя, т.-е. фактически имъ предрѣшенныя.

внутреннихъ дѣлъ, но и нѣкоторыя аналогичныя учрежденія, состоящія въ вѣдомствѣ другихъ министерствъ,—напр., присутствія или комитеты по дѣламъ податнымъ, питейнымъ, фабричнымъ, воинскимъ, лѣсоохранительнымъ. Если всѣ эти присутствія будутъ продолжать свое существованіе рядомъ съ вновь учрежденнымъ губернскимъ управленіемъ, то цѣль объединенія достигнута не будетъ и неудобства дѣйствующей системы будутъ только уменьшены, но не устранены совершенно. Мы продолжаемъ держаться мысли, высказанной нами при обсужденіи закона объ образованіи черноморской губерніи [1]). Общее губернское управленіе только въ такомъ случаѣ можетъ соотвѣтствовать своему назначенію, если его *постоянными*—т.-е. участвующими въ *рѣшеніи всѣхъ подвѣдомственныхъ ему дѣлъ*—членами будутъ какъ чины министерствъ, непосредственно участвующихъ въ внутреннемъ управленіи (т.-е. министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія), такъ и представители городовъ и земства. Членами *временными*, т.-е. призываемыми къ разсмотрѣнію только извѣстнаго рода дѣлъ, могли бы быть какъ уполномоченные отъ вѣдомствъ, рѣдко соприкасающихся съ текущей администраціей (напр., военнаго), такъ и завѣдывающіе отдѣльными частями, главные начальники которыхъ состоятъ постоянными членами управленія (напр., губернскій землемѣръ, губернскій инженеръ, губернскій ветеринаръ, непосредственно подчиненные губернатору). Само собою разумѣется, что въ кругъ дѣйствій такой коллегіи не зачѣмъ было бы вводить *всѣ* дѣла, производящіяся теперь въ губернаторской канцеляріи, губернскомъ правленіи и различныхъ губернскихъ присутствіяхъ и комитетахъ. Чисто исполнительная сторона управленія могла бы остаться въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, въ особенности губернатора. Только къ ней примѣнимы доводы, приводимые обыкновенно въ пользу единоличной административной власти. Тамъ, гдѣ нужно только *распорядиться*, всего важнѣе, безспорно, рѣшительность и быстрота, недоступная для коллегіи; столь же несомнѣнно преимущество коллегіальнаго устройства, когда требуется всестороннее обсужденіе дѣла, соображеніе съ законами, взвѣшиваніе сталкивающихся между собой интересовъ. На этомъ существенно важномъ различіи основанъ, въ общемъ, современный строй губернскихъ учрежденій; одно „присутствіе“ возникало вслѣдъ за другимъ не случайно, а именно потому, что каждая новая реформа создавала категорію дѣлъ, рѣшеніе которыхъ не могло и не можетъ быть предоставлено усмотрѣнію одного лица, хотя бы и окруженнаго компетентными совѣтниками. Недоста-

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 10 „Вѣстн. Европы.“ за 1896 г.

токъ, подлежащій исправленію, заключается не въ рѣшительномъ голосѣ, предоставленномъ присутствіямъ, а въ ихъ многочисленности и несогласованности между собою. Значеніе губернатора ограждено болѣе чѣмъ достаточно правомъ остановить исполненіе постановленія присутствія, состоявшагося вопреки его мнѣнію, и перенести разрѣшеніе дѣла въ высшую инстанцію; дальше этого не слѣдовало бы идти и при организаціи „губернскаго управленія". Замѣтимъ, въ заключеніе, что прокурору окружного суда могли бы быть предоставлены, по отношенію къ „губернскому управленію", функціи аналогичныя съ тѣми, которыя принадлежали, въ до-реформенное время, губернскому прокурору по отношенію къ губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ. Систематическимъ противникамъ общественной самодѣятельности хотѣлось бы, повидимому, обратить губернскую реформу въ смертельный ударъ для земства. Они затрудняются понять, почему проектируемое объединеніе губернскаго управленія не распространено „на одно изъ самыхъ главныхъ учрежденій, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ", т.-е. на губернское земство. „Проектъ"—жалуются „Московскія Вѣдомости" (№ 151)—„совсѣмъ не затрогиваетъ общественно-хозяйственныхъ органовъ, какъ будто бы не возникаетъ никакой практической необходимости въ объединеніи учрежденій земскихъ и правительственныхъ, какъ будто бы постоянный и обусловливаемый самою различною природою антагонизмъ ихъ не составляетъ главнѣйшаго недостатка нашей губернской организаціи". Въ основаніи этихъ ламентацій лежитъ, прежде всего, логическая ошибка. Нельзя разсматривать земство какъ „одно изъ учрежденій вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ". Земскія собранія выбираются населеніемъ, уѣздныя—прямо, губернскія—косвенно. Ихъ постановленія могутъ быть окончательно отмѣнены только высшими государственными учрежденіями — государственнымъ совѣтомъ, комитетомъ министровъ, прав. сенатомъ. Это, очевидно, не присутственныя мѣста, а учрежденія sui generis, не входящія въ составъ „вѣдомства", хотя и подлежащія его надзору. Своеобразное положеніе занимаютъ, далѣе, и земскія управы, хотя предсѣдатели ихъ и члены и считаются, со времени послѣдней земской реформы, должностными лицами вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. Съ одной стороны, земскія управы обязаны исполнять вошедшія въ законную силу постановленія земскихъ собраній, хотя бы они и не соотвѣтствовали видамъ губернскаго начальства; съ другой стороны, онѣ въ правѣ апеллировать отъ губернатора къ губернскому по земскимъ дѣламъ присутствію, опредѣленіе котораго, если оно постановлено вопреки мнѣнію управы, можетъ быть обжаловано земскимъ собраніемъ въ прав. сенатъ. Такое учрежденіе, пока оно существуетъ не только по имени, пока оно

остается самимъ собою, т.-е. общественно-хозяйственнымъ органомъ, не можетъ быть введено въ составъ общаго губернскаго управленія—не можетъ уже потому, что земство, какъ признаютъ и „Московскія Вѣдомости", отличается отъ администраціи *по самой своей природѣ*. Сліяніе губернской земской управы съ „губернскимъ управленіемъ", т.-е. предоставленіе послѣднему исполненія постановленій губернскаго земскаго собранія, было бы равносильно уничтоженію земства или, по меньшей мѣрѣ, полнѣйшему его извращенію. Земское собраніе сдѣлалось бы чѣмъ-то въ родѣ совѣщанія свѣдущихъ людей, ничего не рѣшающаго, ничего не создающаго, ничѣмъ не руководящаго — и вмѣстѣ съ тѣмъ потеряло бы всякую привлекательность для большинства гласныхъ, для всѣхъ тѣхъ, кто выноситъ на своихъ плечахъ земское дѣло. Гораздо проще, поэтому, говорить откровенно и прямо объ упраздненіи земства, а не о какомъ-то неосуществимомъ объединеніи его съ администраціей.

Къ счастію для Россіи, мысль о поглощеніи земства администраціей не выходитъ, покамѣстъ, изъ области газетныхъ мечтаній (говоримъ: *покамѣстъ*, потому что за будущее ручаться нельзя, въ виду существованія тенденцій, принципіально враждебныхъ земскому самоуправленію). Въ одномъ изъ административныхъ вѣдомствъ проектируется даже нѣчто почти противоположное: введеніе въ составъ губернской земской „сельско-хозяйственной коллегіи" (экономическаго или сельско-хозяйственнаго совѣта и т. п.), а если ея нѣтъ, то губернской земской управы, уполномоченнаго отъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Въ первомъ случаѣ онъ признается полноправнымъ членомъ коллегіи, во второмъ случаѣ—приглашается въ засѣданія управы лишь при разсмотрѣніи ею сельскохозяйственныхъ вопросовъ, и только съ совѣщательнымъ голосомъ. Это вполнѣ понятно: земскій сельско-хозяйственный или экономическій совѣтъ является самъ по себѣ учрежденіемъ *совѣщательнымъ* и вѣдаетъ только вопросы, соприкасающіеся съ кругомъ дѣйствій министерства земледѣлія; губернская земская управа—учрежденіе *исполнительное*, вѣдающее *всѣ* вопросы земскаго управленія и земскаго хозяйства. Отсюда вытекаетъ само собою различіе роли, отводимой, въ томъ и другомъ случаѣ, представителю министерства земледѣлія. Столь же правильно и руководящее начало, принятое теперь министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Проектированные имъ, въ 1894 г., губернскіе и уѣздные сельско-хозяйственные комитеты [1]), увеличивъ собою безъ того уже слишкомъ большое число смѣшанныхъ присутствій, привели бы, по всей вѣроятности, только

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 11 „В. Европы" за 1894 г.

къ стѣсненію сельско-хозяйственной дѣятельности земства; создать что-нибудь новое или развить существующее едва ли оказалось бы имъ подъ силу. Несомнѣнная заслуга министерства заключается въ томъ, что оно отказалось отъ своего первоначальнаго плана, поставивъ на его мѣсто столь же простую, сколько и плодотворную мысль совмѣстной работы съ земствомъ. Уполномоченный министерства (одинъ на губернію; со временемъ, вѣроятно, число это будетъ увеличено), находясь въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ мѣстными сельско-хозяйственными обществами и съѣздами сельскихъ хозяевъ, наблюдая за всѣми сельско-хозяйственными учрежденіями въ губерніи (училища, фермы, опытныя поля и т. п.), участвуя въ выдачѣ ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія и въ веденіи всѣхъ вообще сельско-хозяйственныхъ начинаній, предпринимаемыхъ соединенными силами правительства и мѣстныхъ установленій, является, въ одно и то же время, агентомъ центральной администраціи и сотрудникомъ земства, т.-е. становится въ условія, какъ нельзя болѣе благопріятныя для успѣха общаго дѣла. Губернскіе и уѣздные совѣты предполагается открыть только тамъ, гдѣ еще нѣтъ земскихъ учрежденій.

Бываютъ законы, задача и цѣль которыхъ вытекаютъ съ полною ясностью изъ буквальнаго ихъ смысла, не оставляющаго мѣста для недоумѣній; бываютъ и такіе, значеніе и назначеніе которыхъ можетъ быть понято безошибочно только при помощи соображеній, вызвавшихъ ихъ изданіе. Къ послѣдней категоріи особенно часто принадлежатъ постановленія, ничего не измѣняющія въ матеріальномъ правѣ и ограничивающіяся созданіемъ новаго учрежденія, безъ подробнаго опредѣленія его функцій. Такимъ постановленіемъ является законъ 30-го марта нынѣшняго года, образовавшій „совѣщаніе“ при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ. Говоря о немъ въ предъидущемъ обозрѣніи, мы руководствовались, не столько его текстомъ, допускающимъ различныя толкованія, сколько формальнымъ характеромъ его, какъ *закона*. Намъ казалось невозможнымъ предположить, что *въ законодательномъ порядкѣ* призвано къ жизни учрежденіе, дѣйствіе или бездѣйствіе котораго будетъ зависѣть всецѣло отъ усмотрѣнія одного лица. Мы думали—и продолжаемъ думать,—что совѣщаніе, которое можно созывать, но можно и не созывать, не требовало бы ни санкціи законодательной власти, ни даже разрѣшенія высшей администраціи, какъ не требуетъ ни того, ни другого приватная бесѣда начальника края съ должностными или частными лицами. Другого мнѣнія держались—и продолжаютъ держаться—„Московскія Вѣдомости“, обвиняющія насъ въ намѣреніи умалить „престижъ“ варшавскаго гене-

ралъ-губернатора. По истинѣ „финляндскимъ лже-толкованіемъ“ кажутся московской газетѣ слѣдующія наши слова, воспроизводимыя ею курсивомъ: „варшавское совѣщаніе есть *учрежденіе*, которое не только *можетъ*, но и *должно* дѣйствовать; генералъ-губернаторъ *не можетъ не созывать его вовсе или созывать его только въ исключительныхъ случаяхъ*“. Отвѣтомъ на спорный вопросъ пускай послужитъ рѣчь, произнесенная варшавскимъ генералъ-губернаторомъ при открытіи совѣщанія и напечатанная въ № 7999 „Новаго Времени“. „Вскорѣ по вступленіи моемъ въ должность варшавскаго генералъ-губернатора“,—таковы подлинныя слова князя Имеретинскаго,—„мнѣ неоднократно пришлось обращаться къ содѣйствію тѣхъ или другихъ должностныхъ лицъ, для совмѣстнаго обсужденія болѣе важныхъ вопросовъ по управленію краемъ. Успѣшные результаты этихъ случайныхъ совѣщаній, въ связи съ сознаніемъ несовершенства разрѣшенія подобныхъ же вопросовъ обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ, привели меня къ мысли о необходимости образованія при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ *постояннаго коллегіальнаго учрежденія* съ совѣщательнымъ характеромъ... Настаивая на необходимости образованія при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ особаго совѣта, я руководствовался побужденіемъ исключительно практическаго свойства, а именно: усовершенствовать тотъ порядокъ разрѣшенія болѣе важныхъ дѣлъ, который я засталъ при вступленіи моемъ въ должность генералъ-губернатора. Привислинскій край, слишкомъ своеобразный въ этнографическомъ и культурномъ отношеніяхъ, притомъ и донынѣ не вполнѣ освободившійся отъ особыхъ политическихъ условій, находится на пути прочнаго органическаго сліянія съ остальными частями Имперіи. Совокупность всѣхъ этихъ мѣстныхъ особенностей чрезвычайно усложняетъ само по себѣ нелегкое дѣло администраціи и требуетъ отъ нея особой осмотрительности. Цѣль совмѣстнаго съ вами совѣщанія главнаго начальника края отнюдь не заключается въ томъ, чтобы выслушать сужденіе того или другого изъ васъ по спеціальной, технической сторонѣ разсматриваемаго вопроса, ибо для этого генералъ-губернатору было бы вполнѣ достаточно лишь переговорить по каждому дѣлу съ подлежащимъ спеціалистомъ. Всю же важность и пользу совѣщанія я полагаю въ вашихъ сужденіяхъ относительно общей принципіальной стороны каждаго вопроса... Ваша задача будетъ заключаться въ томъ, чтобы высказать принципіальный взглядъ по каждому вопросу“. Итакъ, совѣщаніе, образованное закономъ 30-го марта, есть *учрежденіе*, и притомъ учрежденіе *постоянное*, т.-е. функціонирующее непрерывно; это *совѣтъ* при генералъ-губернаторѣ—а совѣтъ, учрежденный закономъ, очевидно, не только *можетъ*, но *долженъ* собираться, для обсужденія, съ принципіальной стороны, *болѣе важныхъ вопросовъ*. Что ни

одно *важное* дѣло (конечно, кромѣ не терпящихъ отлагательства) не будетъ разрѣшено генералъ-губернаторомъ безъ предварительнаго обсужденія его въ совѣщаніи—это явствуетъ изъ смысла приведенныхъ нами словъ кн. Имеретинскаго и еще болѣе подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ его рѣчи: „быть можетъ, ваша энергія будетъ до извѣстной степени ослабляться тѣмъ постояннымъ сознаніемъ, что учрежденіе, въ которомъ вамъ придется работать, имѣетъ строго совѣщательный характеръ, и что бразды правленія по прежнему покоятся всецѣло въ рукахъ главнаго начальника края. Дѣйствительно, всю фактическую отвѣтственность за то или другое рѣшеніе дѣла, разсмотрѣннаго совѣщаніемъ, будетъ нести на себѣ генералъ-губернаторъ. Но на каждомъ изъ васъ будетъ лежать не менѣе, если даже не болѣе тяжелая нравственная отвѣтственность за правильность высказываемаго въ совѣщаніи мнѣнія, такъ какъ при безусловномъ полномъ довѣріи къ членамъ совѣщанія генералъ-губернатору невозможно не опираться въ своихъ рѣшеніяхъ на вашъ авторитетный голосъ“. При такомъ взглядѣ на значеніе совѣщанія не можетъ, очевидно, быть и рѣчи о созывѣ его въ видѣ исключенія, когда вздумается; засѣданія его пріобрѣтутъ, по всей вѣроятности, періодическій характеръ. Само собою разумѣется, что отъ этого ни мало не пострадаетъ „престижъ“ генералъ-губернатора, такъ какъ *рѣшеніе* дѣлъ всецѣло остается въ его рукахъ. Само собою разумѣется также, что къ числу *дѣлъ*, подлежащихъ обсужденію совѣщанія, не будутъ отнесены *исполнительныя дѣйствія*, вовсе не требующія обсужденія. Только такія дѣйствія совершаются моментально; только здѣсь обращеніе къ совѣту было бы несовмѣстно съ необходимой быстротой распоряженій. Гдѣ предстоитъ надобность въ *совѣщаніи*, тамъ—за исключеніемъ, повторяемъ, экстренныхъ случаевъ—отсрочка на нѣсколько дней повредить не можетъ, а оказаться полезной можетъ очень часто.

„Если какой-нибудь вопросъ“—читаемъ мы въ рѣчи кн. Имеретинскаго—„окажется настолько спеціальнымъ, что потребуетъ техническихъ познаній, превосходящихъ наличныя силы канцеляріи, то законъ предоставляетъ намъ право приглашать въ совѣщаніе свѣдущихъ людей, которые представятъ ему всѣ данныя, необходимыя для предварительнаго выясненія дѣла“. Изъ этихъ словъ видно, что третій пунктъ закона 30-го марта („въ совѣщаніе могутъ быть приглашаемы, по распоряженію предсѣдателя, и другія лица, познанія коихъ будутъ признаны полезными для выясненія обстоятельствъ обсуждаемаго дѣла“) истолкованъ нами, въ предъидущемъ обозрѣніи, несогласно съ мыслью составителей закона. Мы думали, что подъ именемъ *другихъ лицъ* слѣдуетъ понимать „свѣдущихъ людей“, въ томъ,

если можно такъ выразиться, государственномъ или политическомъ смыслѣ, какой имѣетъ у насъ это слово съ семидесятыхъ, и особенно съ восьмидесятыхъ годовъ [1]),—т.-е. людей, пользующихся общимъ довѣріемъ, хорошо знакомыхъ съ требованіями жизни, съ нуждами народа, и могущихъ, благодаря этому, сослужить цѣнную службу при обсужденіи того или другого вопроса законодательства или управленія. Такъ поняли законъ и „Московскія Вѣдомости", усмотрѣвшія въ „призывѣ свѣдущихъ лицъ — русскихъ, поляковъ, нѣмцевъ и другихъ обывателей края"—стремленіе русской власти „не упустить ничего способнаго дать администраціи необходимую освѣдомленность о запросахъ управленія". Мы разошлись съ нашими всегдашними противниками только во взглядѣ на возможные и желательные результаты такого призыва. Оказывается теперь, что ошиблись одинаково обѣ стороны: „другія лица", упомянутыя въ законѣ 30-го марта—это, по разъясненію варшавскаго генералъ-губернатора, свѣдущіе люди въ *процессуальномъ* значеніи слова, т.-е. обладающіе *техническими*, профессіональными познаніями (напр., врачи, инженеры, технологи и т. п.). Если толкованіе закона, выразившееся въ рѣчи кн. Имеретинскаго, останется единственнымъ и окончательнымъ, то, конечно, онъ не поведетъ къ *сліянію* или *сближенію*—ни къ тому, о которомъ хлопочутъ „Московскія Вѣдомости", ни къ тому, о которомъ мы говорили. Дальнѣйшій споръ о характерѣ сближенія становится, такимъ образомъ, ненужнымъ; приведемъ только небольшой отрывокъ изъ статьи московской газеты, чтобы лишній разъ показать всю прелесть ея полемическихъ пріемовъ. Подчеркивая наши слова о „свободномъ выраженіи *мнѣній, распространенныхъ въ польскомъ обществѣ, представителями* различныхъ классовъ и группъ мѣстнаго населенія", „Московскія Вѣдомости" ставятъ на видъ, что подобныя рѣчи могутъ возбуждать мечтанія о дальнѣйшихъ шагахъ въ „парламентарномъ" направленіи и „усложнять", этимъ самымъ, положеніе высшей варшавской администраціи. Въ польскомъ обществѣ „чрезвычайно распространены" мнѣнія о „Польшѣ отъ моря до моря", о „патріотическихъ заслугахъ жандармовъ-вѣшателей", о „конституціонныхъ ограниченіяхъ власти императора всероссійскаго, какъ царя польскаго": и всѣ эти мнѣнія — восклицаютъ „Московскія Вѣдомости" — должны „свободно выражаться" въ Варшавѣ, и генералъ-губернаторъ обязанъ приглашать въ свое совѣщаніе *представителей* такихъ мнѣній"?!.. Чтобы оцѣнить по достоинству значеніе всѣхъ этихъ восклицаній и вопросовъ, достаточно замѣтить, что мы говорили не о представите-

[1]) Мы имѣемъ въ виду двукратный призывъ свѣдущихъ людей въ 1881 г., въ періодъ „народной политики".

ляхъ мнѣній, а о представителяхъ различныхъ *классовъ и группъ населенія*, приглашаемыхъ, притомъ, генералъ-губернаторомъ, для обсужденія вопросовъ, иниціатива которыхъ принадлежитъ опять-таки генералъ-губернатору. Въ какой степени вѣроятно при такихъ условіяхъ восхваленіе, въ присутствіи совѣщанія, жандармовъ-вѣшателей или требованіе границъ 1772 г. — это не нуждается въ объясненіи. Допустимъ, наконецъ, что въ совѣщаніи было бы выражено кѣмъ-либо изъ „свѣдущихъ людей“ не вполнѣ цензурное мнѣніе; кому и чему это могло бы повредить, разъ что засѣданія совѣщанія происходятъ при закрытыхъ дверяхъ и оглашеніе ихъ протоколовъ не обязательно для генералъ-губернатора? Если существуютъ такъ-называемыя „опасныя мнѣнія“, то опасность заключается не въ выраженіи ихъ передъ оффиціальными слушателями, а въ самомъ ихъ существованіи... Съ нашей точки зрѣнія, поэтому, нельзя не пожалѣть о томъ, что роль свѣдущихъ людей въ совѣщаніи поставлена въ такіе узкіе предѣлы.

На совѣщаніе, по словамъ кн. Имеретинскаго, возлагается „серьезная отвѣтственность не только по отношенію къ одному начальнику края, но и къ цѣлому ряду слѣдующихъ другъ за другомъ генералъ-губернаторовъ. Совѣщаніе, являясь учрежденіемъ постояннымъ, дѣятельность котораго запечатлѣвается въ письменной формѣ журналовъ засѣданій, должно служить вѣрнымъ охранителемъ преемственности основныхъ началъ политики высшаго правительства по отношенію къ здѣшнему краю. Смѣна лицъ, занимающихъ должность варшавскаго генералъ-губернатора, и сопряженная съ этимъ перемѣна личныхъ взглядовъ, отнынѣ не будутъ болѣе вызывать рѣзкихъ колебаній въ системѣ управленія краемъ, такъ какъ въ предшествующихъ трудахъ совѣщанія всякій новый начальникъ края несомнѣнно будетъ почерпать драгоцѣнныя для себя указанія“. Итакъ, совѣщаніе должно, между прочимъ, обезпечить единство взглядовъ на управленіе краемъ—единство не въ данную минуту, которое, de facto, всегда существовало, а единство въ различные періоды времени, знаменуемые смѣною главныхъ начальниковъ края. Безспорно, *постоянный* характеръ совѣщанія и *письменный* слѣдъ, оставляемый его сужденіями, могутъ способствовать послѣдовательности въ дѣйствіяхъ администраціи, но только въ извѣстной степени. Перемѣны направленія, сопровождавшія иногда назначеніе новаго генералъ-губернатора, едва ли зависѣли отъ того, что послѣдній не былъ достаточно ознакомленъ съ дѣятельностью своихъ предшественниковъ; едва ли даже здѣсь играли большую роль личныя свойства и мнѣнія начальника края. Если генералъ Альбединскій во многомъ дѣйствовалъ не такъ, какъ графъ Коцебу, генералъ Гурко—не такъ, какъ генералъ Альбединскій, то разгадку этому

слѣдуетъ искать не столько въ Варшавѣ, сколько въ Петербургѣ, т.-е. въ общемъ теченіи государственной жизни. Сколько бы ни накоплялось актовъ „совѣщанія", съ какою бы тщательностью ни разрабатывались въ нихъ текущіе вопросы управленія, не здѣсь будетъ искать для себя указаній новый генералъ-губернаторъ, если его задача, вслѣдствіе измѣнившихся условій, окажется не вполнѣ аналогичной съ прежними.

Отвѣчая, въ чрезвычайномъ дворянскомъ собраніи, на нападенія своихъ противниковъ, орловскій губернскій предводитель дворянства, г. Стаховичъ [1]), привелъ, между прочимъ, слѣдующія слова одного изъ предшественниковъ его по этой должности, В. В. Апраксина, сказанныя въ 1865 г.: „до сихъ поръ дворянское сословіе всегда было высшимъ, главнымъ. Оно и теперь осталось высшимъ, но отъ многихъ правъ, прежде намъ исключительно принадлежавшихъ, мы сами отказались въ пользу другихъ сословій. Въ новомъ обществѣ, всесословномъ, отъ насъ самихъ будетъ зависѣть поставить себя такъ, чтобы остаться высшимъ сословіемъ. Въ новомъ дѣлѣ, земскомъ, предстоитъ намъ и новая роль: мы должны будемъ удержать за собою то довѣріе, которое удѣляло намъ правительство и которое мы должны теперь пріобрѣсти у народа. Это довѣріе послужитъ намъ самымъ прочнымъ основаніемъ еще болѣе важнаго, нежели прежде, гражданскаго значенія нашего". Тридцать три года тому назадъ эти слова не возбудили, повидимому, никакого неудовольствія въ средѣ дворянства и не уменьшили уваженія, которымъ до конца жизни пользовался В. В. Апраксинъ; повторенныя въ настоящее время, они вызвали бурю негодованія, какъ crime de lèse-noblesse. Сначала выступилъ на сцену нѣкій г. Брониславъ („Московскія Вѣдомости" № 145), утверждая, что „бывшій предводитель Апраксинъ сказалъ абсурдъ", что „во всесословномъ, т.-е. безсословномъ обществѣ", не можетъ быть и рѣчи о сословіи, что не отъ дворянства, у котораго (въ шестидесятыхъ годахъ) „все отняли—и значеніе, и власть, и права, и средства", зависѣло удержать за собою прежнее положеніе въ государствѣ. Слова Апраксина о довѣріи г. Брониславъ называетъ „либеральными, но глупыми" и приписываетъ покойному предводителю ту же точку зрѣнія, которая проводилась и „Голосомъ", и „Современникомъ", и Герценомъ (!! каково сопоставленіе: Герценъ—и „Голосъ"!). Тему г. Брониславa поспѣшила подхватить редакція московской газеты (№ 147), усмотрѣвшая въ рѣчи Апраксина—и въ повтореніи ея г. Стахови-

---

[1]) См. Общественную Хронику въ предъидущей книжкѣ „Вѣстника Европы", стр. 874—5.

чемъ—преклоненіе передъ „народовластіемъ", „эгалитаризмомъ" и вообще передъ „западными оракулами". Ко всему этому набору бранныхъ эпитетовъ и тенденціозныхъ обвиненій можно было бы примѣнить формулу: „своя своихъ не познаша", еслибы за ними не скрывалась задняя мысль, довольно, впрочемъ, прозрачная. Въ рѣчи В. В. Апраксина нѣтъ ни одного слова, которое бы шло въ разрѣзъ съ средними дворянскими взглядами. Онъ повторяетъ обычную фикцію о правахъ, отъ которыхъ „добровольно отказалось" дворянство; онъ выражаетъ надежду, что оно не только останется высшимъ *сословіемъ*, но пріобрѣтетъ *еще большее* гражданское значеніе. Говоря о *сословіи въ всесословномъ* обществѣ, онъ отнюдь не впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: *всесословное* общество, по буквальному смыслу слова, не исключаетъ, а наоборотъ, предполагаетъ существованіе сословій. Общества *всесословное* и *безсословное*—понятія не тожественныя, а, наоборотъ, во многомъ противоположныя одно другому. Называя новое общество—т.-е. общество, созданное великими реформами 1861 и 1864 гг.—*всесословнымъ*, В. В. Апраксинъ констатировалъ фактъ, не подлежавшій тогда никакому спору, да и теперь не совсѣмъ еще отодвинувшійся въ прошедшее. До освобожденія крестьянъ общество, въ Россіи, было почти синонимъ дворянства: одно дворянство обладало чѣмъ-то хоть издалека похожимъ на корпоративную жизнь, на политическія права. Освобожденіе крестьянъ опрокинуло главную перегородку, отдѣлявшую дворянъ отъ народной массы; судебные уставы и положеніе о земскихъ учрежденіяхъ создали почву, на которой въ первый разъ должны были встрѣтиться всѣ сословія. Безспорно, это измѣняло положеніе дворянства; безспорно, ему нужно было пріобрѣсти довѣріе другихъ сословій, чтобы занять первенствующее мѣсто въ земствѣ, тогда еще не обезпеченное за нимъ прямыми постановленіями закона. На это и указывалъ В. В. Апраксинъ, отнюдь не замѣняя довѣріемъ народа довѣріе правительства, а считая необходимымъ соединеніе того и другого. „Эгалитаризма" онъ не могъ проповѣдывать уже потому, что вѣрилъ въ возможность сохраненія перваго мѣста за дворянствомъ; онъ зналъ, что земство, объединившее сословія, не облечено никакою *властью*—и уже потому не могъ думать о „народовластіи". Подобно многимъ другимъ дѣятелямъ того времени—напримѣръ, Б. Н. Чичерину, до сихъ поръ сохранившему вѣрность тогдашнимъ своимъ взглядамъ—онъ находилъ, что за дворянствомъ осталось еще не мало *правъ и средствъ*, позволяющихъ существовать, дѣйствовать и даже идти впередъ. Если нынѣшнимъ ультрасословникамъ такія мнѣнія кажутся не только ошибочными, но прямо возмутительными, то это—лучшее доказательство тому, какъ низко пали ихъ идеалы, какъ слаба, въ сущности, даже ихъ вѣра въ защи-

щаемое ими дѣло. Домогаясь не вліянія, а власти, выгодъ, привилегій, они разсчитываютъ исключительно на внѣшнюю поддержку и съ особымъ ожесточеніемъ возстаютъ именно противъ умѣренныхъ сторонниковъ сословности, считающихъ возможнымъ обойтись безъ этой поддержки. Умершій Апраксинъ возбуждаетъ ихъ злобу въ такой же мѣрѣ, какъ и здравствующій г. Стаховичъ. И тотъ, и другой виновны въ одномъ и томъ же: они не противопоставляютъ дворянство остальнымъ сословіямъ и, признавая его совершеннолѣтнимъ, считаютъ его способнымъ къ самостоятельному развитію.

Газетнымъ ультра-сословникамъ очень хотѣлось бы убѣдить публику, что на ихъ сторонѣ стоятъ всѣ „истинно-русскіе люди“, безъ различія классовъ и состояній. Изъ *одного* письма, написаннаго недворяниномъ, они спѣшатъ вывести заключеніе, что *каждый* русскій человѣкъ, проникнутый національными воззрѣніями, *одинаково* признаетъ значеніе и необходимость дворянства (см. № 157 „Московскихъ Вѣдомостей“). Торопливость сослужила имъ, однако, плохую службу: она помѣшала имъ замѣтить, что въ мысляхъ, высказанныхъ г. Иванюшенковымъ („по рожденію—мѣщаниномъ, по заслугамъ—потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ“), обычные взгляды реакціонной прессы находятъ скорѣе опроверженіе, нежели поддержку. „Подраздѣлять дворянство на помѣстное и непомѣстное“—говоритъ корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ — „не только трудно, но и невозможно... Вопросъ о поддержаніи дворянскаго землевладѣнія или о воспособленіи ему — вопросъ спорный и очень щекотливый, затрогивающій имущественные интересы всѣхъ остальныхъ сословій... Всѣ бюджетныя суммы получаются лишь путемъ прямыхъ или косвенныхъ обложеній платежныхъ силъ страны; поэтому-то всѣмъ министерствамъ и приходится цѣнить, обсуждать и взвѣшивать каждый рубль государственныхъ текущихъ расходовъ“. Перечисливъ *общія* мѣры помощи землевладѣнію, не обусловливаемыя званіемъ владѣльца, г. Иванюшенковъ продолжаетъ: „помощь *дворянскому* землевладѣнію не можетъ быть огульною и общею, а лишь *частичною*, сообразно видамъ и требованіямъ государственной пользы... По части воспособленія дворянскому землевладѣнію вопросъ въ общемъ съ государственной точки зрѣнія разсматриваться не можетъ“. Допуская воспособленіе дворянину, лучшіе годы своей жизни убившему на службу и вслѣдствіе этого запустившему свое имѣніе, г. Иванюшенковъ рѣшительно возстаетъ противъ поддержки разорившихся по собственной винѣ дворянъ, которые „теперь въ числѣ другихъ, и даже болѣе настойчиво, ратуютъ о воспособленіяхъ всему вообще помѣстному дворянскому элементу“. Не ясно ли, что вся эта аргументація идетъ прямо въ разрѣзъ съ ультра-дворянской программой, установляющей существенное различіе между

дворянствомъ помѣстнымъ и не-помѣстнымъ, домогающейся помощи *дворянскому* землевладѣнію *вообще*, *огульно* (а не только нѣкоторымъ отдѣльнымъ, не по своей винѣ обѣднѣвшимъ дворянамъ-землевладѣльцамъ)? Находя, что „дворянство стояло, должно и будетъ всегда стоять во главѣ другихъ сословій", г. Иванюшенковъ не предлагаетъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ *искусственному* удержанію за нимъ этого положенія; наоборотъ, онъ прямо заявляетъ, что „безъ ущерба для высшихъ государственныхъ интересовъ страны одно изъ сословій не можетъ быть выдѣляемо у насъ въ какую-либо особую единицу". Признавая, что „дѣти служившихъ и служащихъ царю и родинѣ могутъ и должны быть обучены и воспитаны на государственный счетъ", онъ далекъ повидимому отъ мысли, что такое обученіе и воспитаніе должно быть получаемо непремѣнно въ спеціально-дворянской школѣ. О неотчуждаемости или нераздробляемости дворянскихъ имѣній, о новыхъ служебныхъ привилегіяхъ дворянства, о расширеніи его власти на мѣстахъ, о вознагражденіи его за потери, понесенныя имъ при освобожденіи крестьянъ, у г. Иванюшенкова нѣтъ и рѣчи. Единственное его право на званіе „истинно-русскаго человѣка" сводится къ двумъ-тремъ общимъ фразамъ, лишеннымъ всякаго реальнаго значенія. Восхищаясь этими фразами, московская газета закрываетъ глаза на основную тему письма, съ достаточною рельефностью и даже рѣзкостью выраженную въ слѣдующихъ словахъ: „*воля ваша*, а мнѣ кажется, что для второй категоріи помѣстнаго дворянства (т.-е. для тѣхъ дворянъ, разореніе которыхъ зависѣло отъ нихъ самихъ) было бы *прямо преступнымъ дѣломъ* государственное воспособленіе за счетъ платежныхъ силъ страны". Говоря: „воля ваша", авторъ письма прямо подчеркиваетъ свое несогласіе съ газетой, гостепріимно, но легкомысленно открывшей ему свои столбцы. Противъ нея направлено, очевидно, и заключеніе письма: „ничѣмъ не вызываемое воспособленіе одной части (населенія) за счетъ другой, прямо и нежелательно, и невозможно. „*Принципъ справедливости есть основной камень государственной жизни*".

Комментируя письмо г. Иванюшенкова и слегка возражая противъ нѣкоторыхъ его деталей, „Московскія Вѣдомости" увѣряютъ, что съ проведеніемъ неотчуждаемости дворянскихъ земель „всякія спеціальныя воспособленія сами собою сократятся или даже уничтожатся". Иначе думаетъ постоянный сотрудникъ московской газеты, кн. Цертелевъ. Его статья о неотчуждаемости дворянскихъ имѣній („С.-Петербургскія Вѣдомости" № 137) заканчивается такъ: „прежде чѣмъ говорить о запрещеніи дворянамъ отчуждать свои земли, слѣдуетъ, очевидно, рѣшить вопросъ, какъ помочь тѣмъ, которые желали бы удержать ихъ за собой, но не могутъ этого сдѣлать въ силу черезчуръ

неблагопріятно сложившихся условій". И конечно, *фактически* правъ оказался бы кн. Цертелевъ: запрещеніе отчуждать дворянскія имѣнія (даже условное, т.-е. запрещеніе отчуждать ихъ въ не-дворянскія руки), безъ сомнѣнія, послужило бы исходной точкой для цѣлаго ряда домогательствъ, общихъ и частныхъ. Исторія послѣдняго пятнадцатилѣтія свидѣтельствуетъ о томъ, что дворянскія притязанія crescunt eundo— въ данномъ случаѣ для такого crescendo нашлись бы мотивы, которые предугадать нетрудно: убытки, понесенные при освобожденіи крестьянъ и вообще въ эпоху недостаточной заботливости о дворянствѣ, потеря выгодъ, которыя могла бы дать продажа имѣнія не-дворянину, необходимость удержать давнишнюю связь извѣстной земли съ извѣстной семьею, и такъ далѣе въ томъ же родѣ. „Спеціальныя воспособленія" и ультра-дворянская программа — понятія неотдѣлимыя одно отъ другого. Какой размѣръ, въ разгоряченной фантазіи, принимаютъ „воспособленія"—это мы видѣли еще недавно, говоря о милліардѣ, требуемомъ однимъ изъ прожектеровъ на „изпомѣщеніе" четырехъ тысячъ дворянскихъ семействъ. На аналогичныхъ основаніяхъ построенъ проектъ новоладожскаго уѣзднаго предводителя дворянства, Д. К. Нарышкина, напечатанный на дняхъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 158),—но въ выводахъ своихъ онъ идетъ не такъ далеко: предлагается возмѣстить дворянамъ землевладѣльцамъ хотя бы части убытковъ, понесенныхъ ими при реализаціи процентныхъ бумагъ, въ которыхъ были выданы выкупныя ссуды. Здѣсь нѣтъ такимъ образомъ ни суммы, запугивающей своею колоссальностью, ни явно нелѣпаго обращенія потерь, понесенныхъ одними, въ основаніе къ обогащенію другихъ. Чѣмъ менѣе фантастичны, однако, предложенія, направленныя къ „воспособленію" дворянства, тѣмъ, въ сущности, они опаснѣе. Къ „милліарду на изпомѣщеніе" едва ли кто-нибудь, кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей", отнесся серьезно; записку г. Нарышкина называютъ „чрезвычайно интересной" „С.-Петербургскія Вѣдомости". Между тѣмъ, всѣ главные ея аргументы—капитализація оброка изъ 6%, сбавка 20% при обязательномъ выкупѣ, низкій курсъ выкупныхъ свидѣтельствъ и пятипроцентныхъ билетовъ, вынужденная, въ большинствѣ случаевъ, ихъ реализація — лишены всякаго серьезнаго значенія. Не повторяя сказаннаго по этому поводу въ предъидущемъ обозрѣніи, остановимся только на практической сторонѣ проекта г. Нарышкина. „Возвратъ помѣщикамъ хотя бы удержанной части ссудъ" — говоритъ авторъ проекта — „положитъ достаточно прочное основаніе дальнѣйшему и дѣйствительному преуспѣянію среди дворянъ-помѣщиковъ: всѣ недоимки были бы уплачены, часть ссуды могла бы быть погашена и маленькій капиталъ, для веденія хозяйства, остался бы еще на рукахъ". Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что право на „воспособленіе", въ

формѣ дополненія къ выкупной ссудѣ, г. Нарышкинъ предлагаетъ признать только за тѣми дворянами, которые, понеся убытокъ отъ недостаточности (будто бы) выкупной суммы, продолжаютъ (сами или въ лицѣ своихъ наслѣдниковъ) владѣть имѣніемъ (тѣмъ же самымъ, которое принадлежало имъ въ моментъ выкупа, или хотя бы другимъ, болѣе или менѣе къ нему подходящимъ). Въ самомъ дѣлѣ, разъ что цѣль „воспособленія" заключается въ поддержкѣ помѣщичьихъ хозяйствъ, оно, очевидно, должно быть выдаваемо только тѣмъ, у кого есть хозяйство, и при томъ приблизительно такое же хозяйство, какъ прежде. Кто не состоитъ болѣе въ числѣ помѣщиковъ, тотъ не можетъ воспользоваться пособіемъ, имѣющимъ столь спеціальное назначеніе; кто владѣетъ имѣніемъ гораздо мѣньшимъ, тому нѣтъ причины выдавать, на поправку хозяйства, сумму, размѣръ которой соотвѣтствуетъ прежнему его владѣнію; кто владѣетъ имѣніемъ гораздо бо́льшимъ, тотъ, по всей вѣроятности, не пострадалъ отъ выкупа и не нуждается въ пособіи. Намъ могутъ возразить, что всѣ эти соображенія теряютъ свою силу при распространеніи вознагражденія на *всѣхъ* помѣщиковъ, которыхъ коснулся выкупъ, помимо того, продолжаютъ ли они (или ихъ наслѣдники) владѣть землею; но въ такомъ случаѣ во что же обратится главный аргументъ г. Нарышкина, непосредственно связанный съ поддержкой дворянскаго землевладѣнія? Можно ли представить себѣ, далѣе, что-нибудь болѣе ненормальное, чѣмъ огульное вознагражденіе массы лицъ, находившихся и находящихся въ самыхъ различныхъ условіяхъ? Самъ г. Нарышкинъ называетъ *справедливымъ* пониженіе выкупныхъ платежей, состоявшееся въ 1881 г.; но почему же оно было справедливо? Именно потому, что оброкъ былъ назначенъ *вообще* слишкомъ высокій и, слѣдовательно, слишкомъ высока была, вообще, и выкупная сумма—а въ нѣкоторыхъ случаяхъ непропорціональность между оцѣнкой земли и ея дѣйствительной стоимостью достигала *очень* большихъ размѣровъ. Если и допустить, что извѣстная часть помѣщиковъ понесла при выкупѣ нѣкоторую потерю, то другая—и гораздо болѣе значительная — получила отъ него чистую прибыль. Вознаградить однихъ лишь первыхъ, значило бы возбудить массу претензій и жалобъ, правильное разрѣшеніе которыхъ оказалось бы невозможнымъ: какъ установить въ настоящее время ту цѣнность, которую имѣла земля лѣтъ двадцать, тридцать и болѣе тому назадъ?.. Основанія для выкупа и для выкупной операціи были приняты государствомъ такія, какія соотвѣтствовали тогдашнему его финансовому положенію: они вошли не только формально, но и реально въ законную силу, и для пересмотра ихъ въ настоящее время нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній. Что уплата милліарда эмигрантамъ была со стороны правительства реставраціи большой ошибкой — это теперь при-

знается почти всѣми, хотя имѣнія эмигрантовъ были конфискованы, въ революціонную эпоху, безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ; что же сказать о добавочномъ, черезъ нѣсколько десятилѣтій, вознагражденіи помѣщиковъ, получившихъ въ установленномъ порядкѣ и на строго обдуманныхъ началахъ цѣнность земли, перешедшей во владѣніе крестьянъ?.. Безъ сомнѣнія, низкій курсъ государственныхъ бумагъ, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, былъ невыгоденъ для помѣщиковъ; но не въ меньшей степени онъ былъ невыгоденъ и для казны, т.-е. для всего народа. Потери, причина которыхъ коренится такъ глубоко, должны быть безропотно переносимы всѣми гражданами государства. Между мѣрой, проектируемой г. Нарышкинымъ, и пониженіемъ выкупныхъ платежей нѣтъ ничего общаго. Послѣднее было вызвано необходимостью облегчить податное бремя, подъ которымъ изнемогали цѣлые милліоны; оно ни на кого не наложило новыхъ тягостей, никому не нанесло никакого ущерба. Дополнительное вознагражденіе помѣщиковъ было бы, наоборотъ, — говоря словами г. Иванюшенкова,—„воспособленіемъ одной части населенія за счетъ другой“ и обремененіемъ, безъ надобности, „платежныхъ силъ государства“.

О продовольственной нуждѣ, въ теченіе послѣдняго мѣсяца, рѣдко и мало шла рѣчь въ газетахъ. Хорошо было бы, еслибы это можно было считать благопріятнымъ признакомъ; но слишкомъ трудно предположить, чтобы существенная перемѣна къ лучшему могла произойти въ іюнѣ, еще до новаго хлѣба, какъ разъ одновременно съ прекращеніемъ во многихъ мѣстностяхъ выдачи продовольственныхъ ссудъ. По словамъ одного изъ корреспондентовъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, г. А. Стаховича, елецкаго уѣзднаго предводителя дворянства,—именно во второй половинѣ мая долженъ былъ наступить самый острый періодъ нужды, въ виду истощенія у большинства населенія всѣхъ запасовъ хлѣба (въ томъ числѣ и полученнаго въ ссуду) и денегъ. Елецкій уѣздъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, гдѣ всего лучше была организована общественная и частная помощь; пожертвованій, до половины мая, въ распоряженіе уѣзднаго продовольственнаго комитета поступило почти семь тыс. рублей—а въ этотъ счетъ не входятъ ни средства, полученныя отъ Краснаго-Креста (болѣе 3.000 р.), ни суммы, напрявленныя въ елецкій уѣздъ комитетомъ при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ (до начала іюня—почти 4.000 р.), ни, по всей вѣроятности, многія другія, прямо посланныя мѣстнымъ дѣятелямъ или затраченныя ими изъ собственныхъ средствъ. Если, несмотря на это, въ елецкомъ уѣздѣ нужда могла принять острый характеръ, то тѣмъ легче это могло случиться въ мѣстностяхъ, болѣе

или менѣе предоставленныхъ самимъ себѣ. Вотъ, напр., что пишутъ въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ изъ села Чуева, старооскольскаго уѣзда: „Узнавъ изъ газетъ, что есть сочувствующіе нуждѣ люди, осмѣливаешься сказать слово и о нашихъ жителяхъ, требующихъ немедленной помощи. Всего въ селеніи до двухсотъ дворовъ, и изъ нихъ около 150 не имѣютъ куска хлѣба. Продаютъ послѣдній скотъ, и на эти жалкія деньги пріобрѣтаютъ себѣ хлѣбъ. Нанимаются на работы за полъ-цѣны. Но есть много семей такихъ, у которыхъ въ домѣ одинъ работникъ, а дѣтей много. Что такимъ можно сдѣлать, какъ прокормиться? А кормиться (до новаго урожая) нужно еще $1^1/_2$ мѣсяца“. Объ одной изъ волостей льговскаго уѣзда корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ приводитъ слѣдующую справку изъ данныхъ текущей земской статистики: „земскаго продовольствія, и то въ слишкомъ незначительномъ количествѣ (по 30 ф. въ мѣсяцъ на нерабочую душу), хватило только на два мѣсяца. Дальнѣйшая выдача прекратилась за неимѣніемъ хлѣба у земства, вслѣдствіе чего крестьяне стали продавать скотъ. Бываютъ случаи, что по два дня не ѣдятъ хлѣба“. И сколько наберется еще такихъ уѣздовъ или волостей, гдѣ нужда велика, а частная помощь такъ мало распространена, что о существованіи ея приходится узнавать изъ газетъ! Чѣмъ слабѣе организація помощи, тѣмъ меньше и самые ея размѣры: весьма естественно, что она направляется преимущественно туда, гдѣ есть на лицо надежныя силы для ея распредѣленія и раздачи [1]). Слѣдуетъ пожелать, чтобы неурожай, если ему суждено повториться, засталъ русское общество болѣе подготовленнымъ къ борьбѣ съ его послѣдствіями.

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько выписокъ изъ частнаго письма, полученнаго нами изъ той мѣстности бирючскаго уѣзда (воронежской губерніи), о которой мы говорили, на основаніи нашихъ собственныхъ наблюденій, въ апрѣльскомъ „Внутреннемъ Обозрѣніи“. Первоначально предполагалось всю, или почти всю сумму пожертвованій, направленныхъ въ эту мѣстность [2]), распредѣлить между жителями одной деревни (Апухтина), но это оказалось невозможнымъ. „Какъ только разнеслась вѣсть объ оказанной апухтянамъ помощи, такъ со всѣхъ сторонъ потянулись къ усадьбѣ (гдѣ была сосредоточена раздача по-

[1]) Этимъ объясняется, по всей вѣроятности, незначительность суммъ, отправленныхъ комитетомъ Вольнаго Экономическаго Общества въ уѣзды льговскій (300 р.) и старооскольскій (200 р.). Замѣтимъ, кстати, что результаты дѣятельности этого комитета, особенно если принять во вниманіе неблагопріятныя условія, при которыхъ она началась и продолжалась, оказываются по истинѣ блестящими: по 6-е іюня, т.-е. въ два съ небольшимъ мѣсяца, имъ собрано болѣе 90 тыс. рублей.

[2]) Отчетъ о способѣ распредѣленія этихъ пожертвованій напечатанъ организаторомъ частной помощи въ Ливенской волости, бирючскаго уѣзда, мѣстнымъ землевладѣльцемъ В. А. Литошенко, въ № 148 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

собій) цѣлые таборы, пѣшкомъ и на сборныхъ подводахъ, дѣти и старики. Блѣдныя, истомленныя лица лучше всего говорили, какую нужду переживали они. Чуть занималась заря, цѣлыя толпы стояли на дворѣ. Въ иной день бывало до ста и болѣе просящихъ". Пришлось, по необходимости, уменьшить размѣры помощи каждому отдѣльному семейству, чтобы оказать ее бо̀льшему числу семей. Даже самое незначительное пособіе принималось съ величайшею радостью; за пудомъ или полпудомъ муки пріѣзжали изъ-за пятнадцати верстъ!.. [1]) А вѣдь есть много мѣстностей, пострадавшихъ еще гораздо больше, чѣмъ знакомая намъ часть бирючскаго уѣзда!

[1]) Нѣкоторымъ крестьянамъ, особенно въ Апухтинѣ, была оказана, впрочемъ, и болѣе прочная помощь: они снабжены яровыми сѣменами, а для четырехъ хозяевъ куплены лошади.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1898.

Неудовольствіе американцевъ по поводу отзывовъ европейской печати о войнѣ. — Письмо П. А. Тверского.—Возраженія противъ нашихъ замѣчаній объ американской политикѣ относительно Кубы. — Прискорбныя увлеченія и погрѣшности американцевъ. — Перемѣна министерства во Франціи. — Парламентскіе выборы въ Германіи.

Кровавыя схватки между американцами и испанцами на Кубѣ и Филлиппинахъ не производятъ въ Европѣ того впечатлѣнія, какого ожидали почему-то въ Соединенныхъ Штатахъ, и самая война, предпринятая вашингтонскимъ правительствомъ, нигдѣ не пользуется особенными симпатіями; даже въ Англіи она послужила лишь предлогомъ къ эгоистическимъ попыткамъ эксплуатировать воинственное возбужденіе американцевъ въ пользу мысли о союзѣ, выгодномъ и желательномъ только для англичанъ. Въ Америкѣ замѣчается понятное неудовольствіе по поводу отзывовъ европейской и въ частности русской печати о новѣйшихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ великой республики; отголосокъ этого неудовольствія дошелъ и до насъ, въ видѣ обстоятельнаго письма нашего почтеннаго американскаго корреспондента, П. А. Тверского, возражающаго противъ взглядовъ и соображеній, высказанныхъ въ нашемъ майскомъ „Иностранномъ Обозрѣніи“. Охотно удѣляемъ мѣсто этому письму, въ интересахъ безпристрастнаго разъясненія вопроса, имѣющаго во всякомъ случаѣ серьезное принципіальное значеніе. Между прочимъ, П. А. Тверской пишетъ:

„Автономія была de facto объявлена на Кубѣ за полгода передъ этимъ (т.-е. передъ оффиціальнымъ сообщеніемъ, сдѣланнымъ американскому правительству испанскимъ посланникомъ, 10-го апрѣля),— фарсъ, названный выборами, былъ произведенъ еще въ февралѣ, — и все вмѣстѣ признано безусловнымъ неуспѣхомъ со всѣхъ сторонъ. Юрисдикціи Испаніи подлежали только немногіе, сравнительно, города, съ maximum'омъ населенія въ 350.000 изъ полутора милліона, вся внутренность острова находилась въ рукахъ инсургентовъ, — какимъ образомъ могли быть произведены хоть какіе-нибудь выборы? Автономическій кабинетъ былъ назначенъ маршаломъ Бланко—и даже большинство коренныхъ жителей самой Гаванны не признало его. Такъ-называемое перемиріе, чтобы имѣть какую-либо силу, должно было быть признано инсургентами; до его дарованія, мадридское правительство требовало отъ вашингтонскаго, чтобы сами инсургенты

обратились къ нему съ просьбой о немъ, и когда таковой, конечно, не воспослѣдовало, мотивировало его просьбой папы и иностранныхъ „дружественныхъ“ европейскихъ державъ. Въ своихъ переговорахъ Вашингтонъ никогда и не упоминалъ о „перемиріи“, а инсургенты не только отказались принять эмиссаровъ Бланко съ предложеніями о немъ, а вездѣ вѣшали и разстрѣливали ихъ какъ шпіоновъ и подкупателей. Кубанское правительство и вожди возстанія имѣли уже два года своихъ уполномоченныхъ въ Нью-Іоркѣ и Вашингтонѣ, и настроеніе возставшихъ было, конечно, достовѣрно извѣстно вашингтонскому правительству; они публично заявляли много разъ, что ни въ какомъ случаѣ не примутъ перемирія, — очевидно одна Испанія могла получить отъ него выгоду весной, когда съ наступленіемъ дождливаго сезона ея армія дѣлается совершенно безсильной. Предложеніе передать дѣло о взрывѣ „Maine“ третейскому суду было сдѣлано Испаніей уже послѣ того, какъ американская коммиссія представила свой докладъ, а гаванскія власти взорвали динамитомъ затонувшій корпусъ судна, уничтоживъ такимъ образомъ навсегда corpus delicti своего преступленія и сдѣлавъ всякое дальнѣйшее изслѣдованіе невозможнымъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что остовъ этотъ, якобы, затруднялъ мореплаваніе въ гавани—огромной и даже въ самый разгаръ дѣловыхъ сезоновъ всегда на $^{9}/_{10}$ совершенно пустой!

„...10-го апрѣля никто въ Америкѣ не вѣрилъ и не имѣлъ права вѣрить испанскимъ увѣреніямъ и считать ихъ чѣмъ-либо инымъ, какъ дипломатическими уловками. Вся исторія Кубы и всѣхъ другихъ американскихъ и испанскихъ колоній не могла не привести весь нашъ народъ къ этому выводу—а письмо дю-Лома только подтвердило его вѣрность и для даннаго момента.

„Вы правы, что Америкѣ слѣдовало выгнать испанцевъ съ Кубы еще два года тому назадъ,—но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы это не было необходимо и теперь,—лучше поздно, чѣмъ никогда, и сущность дѣла нисколько не измѣнилась съ тѣхъ поръ, а если и измѣнилась, то къ худшему. Два года тому назадъ президентомъ былъ Кливелэндъ, приверженецъ теоріи абсолютнаго невмѣшательства, котораго ничто не могло сдвинуть съ этой позиціи, а общественное мнѣніе въ то время еще недостаточно кристаллизовалось и не могло оказать нужнаго давленія. Едва ли правильно обвинять настоящую администрацію за политику прошлой; никто никогда не ставилъ въ вину Александру II объявленіе крымской войны Николаемъ I, и нѣмцы не отказались отъ Эльзаса и Лотарингіи и 5 милліардовъ военной контрибуціи только потому, что Бонапарта прогнали, а подтянули Францію за его преступленіе. Если бы Испанія была дѣйствительно способна на реформы, она поняла бы еще 4-го марта 1897 года, что ей слѣдуетъ

торопиться,—но она упустила время. Вспомните „уступки“ Орлеановъ въ 1848 году—онѣ приходили всякій разъ слишкомъ поздно. Событія не ждутъ, и сдѣланнаго не воротишь, — политика Сагасты-Бланко не могла уничтожить вліяній политики Кановаса-Вейлера; наконецъ, мадридскій кабинетъ и Бланко не могли перемѣнить всего личнаго состава своего управленія на Кубѣ, своихъ чиновниковъ и офицеровъ, а составъ этотъ цѣликомъ противился всяческимъ реформамъ, и, тайно поддерживаемый Вейлеромъ и стоявшей за нимъ стѣной консервативной партіей, оставлялъ ихъ умышленно съ самаго начала на бумагѣ. Весь этотъ составъ—вейлериты чистѣйшей крови, и при ихъ посредствѣ нельзя ввести реформъ. Извѣстная рѣчь Вейлера въ кортесахъ какъ нельзя болѣе краснорѣчиво доказываетъ это. И Америка, и кубанцы, конечно, знали все это. Независимость въ концѣ 1897 г. была уже единственнымъ выходомъ, тогда какъ еще въ его началѣ дѣйствительная автономія, въ родѣ канадской, можетъ быть, и могла бы быть успѣшна,—хотя во всякомъ случаѣ не съ тѣми представителями Испаніи, которые наполнили островъ. Да и ничего подобнаго канадской автономіи, даже по формѣ, мадридское правительство никогда не предлагало Кубѣ; его проектъ представляетъ собою нѣчто весьма туманное и неопредѣленное, оставляющее вездѣ и всюду тѣ лазейки, которыя дѣлаютъ деспотизмъ въ концѣ концовъ всемогущимъ“.

„Въ 4-мъ пунктѣ резолюцій конгресса „Америка торжественно отказалась отъ всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, и я лично не сомнѣваюсь, что, несмотря на временный воинственный задоръ, она останется вѣрна этому заявленію. Нельзя ставить намъ въ вину спекулятивный задоръ европейскихъ газетъ по этому поводу. Всякіе захваты всякихъ острововъ окажутся въ концѣ концовъ только праздными мечтами, если та же Европа не вынудитъ Америку къ чему-либо неожиданному несвоевременнымъ вмѣшательствомъ. Если вы вѣрите испанскимъ обѣщаніямъ „исправиться“, на какомъ основаніи вы не вѣрите торжественному заявленію представителей Америки? Вся исторія Испаніи, все ея поведеніе въ настоящемъ конфликтѣ—одно безконечное вѣроломство; а когда Америка не выполнила своихъ обязательствъ? Есть ли хоть одинъ фактъ въ этомъ направленіи въ вашемъ распоряженіи?

„Представителю исполнительной власти выйти въ отставку только потому, что онъ несогласенъ съ большинствомъ, — чего въ данномъ случаѣ не было, такъ какъ резолюціи конгресса въ окончательной формѣ почти вполнѣ соотвѣтствовали посланію 11-го апрѣля,—совсѣмъ не въ духѣ американскаго народа и его учрежденій. Вся наша государственная система основана на компромиссахъ, на относительномъ подчи-

нѣніи меньшинства большинству. Попытка удалиться отъ этого принципа вызвала самую кровавую междоусобную войну въ исторіи. Я не знаю во всей нашей исторіи ни одного примѣра выхода въ отставку президента Союза или губернатора штата, хотя знаю тысячи несогласій между ними и законодательной властью. Дальше, вы говорите, что Америка объявила войну „съ безпринципной легкостью"... Это—послѣ цѣлаго столѣтія безконечной возни съ Испаніей и послѣ семи кубанскихъ возстаній, изъ которыхъ каждое стоило Союзу не меньше войны!

„Какъ ультиматумъ, такъ и трехдневный срокъ были результатомъ соглашенія администраціи съ конгрессомъ. Уступая признаніе кубанской республики, сенатъ потребовалъ взамѣнъ немедленнаго приведенія резолюцій въ дѣйствіе,—какъ текстъ ихъ, такъ и послѣдующее исполненіе были компромиссомъ со всѣхъ сторонъ, приведшимъ къ единодушію всѣхъ участниковъ. Въ такіе историческіе моменты, для достиженія такого результата, не только можно, но и слѣдуетъ поступиться очень многимъ. Неустойчивость французскихъ республикъ и испанскихъ правительствъ и объясняется, по моему глубокому убѣжденію, именно неспособностью довольствоваться мудростью цѣлаго, выражаемаго американской системой компромиссовъ.

„Напрасно вы думаете, что тотъ поверхностный шумъ, который производитъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ наша сенсаціонная пресса, составляющая, къ счастію, только извѣстную часть нашей печати, какъ „Московскія Вѣдомости" и „Гражданинъ"—вашей, и шайка безпринципныхъ политикановъ и аферистовъ разнаго рода имѣютъ въ концѣ концовъ вліяніе на рѣшеніе нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣлъ. Шумъ этотъ, къ сожалѣнію, неизбѣженъ въ свободной странѣ, составляя одно изъ ея необходимыхъ золъ,—но это только шумъ, и больше ничего. Здравый народный смыслъ преобладаетъ всегда и вездѣ, несмотря на этотъ шумъ. Я лично—какъ и всякій, впрочемъ, интеллигентный американецъ—безусловный противникъ всякой войны и сторонникъ мира; но и я думаю, что въ данномъ случаѣ война была неизбѣжна, и что Америкѣ не видать мира до тѣхъ поръ, пока испанцы не изгнаны съ Кубы. Никакіе компромиссы не пособили бы дѣлу, и всякая отсрочка только увеличила бы опасность въ будущемъ. Испанія не могла очистить островъ или безъ внутренней революціи, или безъ войны—по всѣмъ вѣроятностямъ, безъ обѣихъ вмѣстѣ, а у Америки не могло быть мира, пока испанцы хозяйничаютъ у самыхъ ея предѣловъ.

„Обращу ваше вниманіе еще на одинъ фактъ. Г. Южаковъ въ „Русскомъ Богатствѣ" (апрѣль) упрекаетъ Макъ-Кинлея и въ томъ, что онъ не наложилъ veto на резолюціи конгресса. Но онъ не имѣлъ этого права, еслибы даже и не былъ согласенъ съ ними, чего de facto

не было. Исполнительная власть можетъ останавливать своимъ veto только законы, а не резолюціи. Резолюціи выражаютъ желаніе и настроеніе конгресса, и не подлежатъ праву veto. То, что онѣ были приняты не единогласно, не значитъ, что меньшинство было противъ нихъ,—напротивъ, оно только не находило ихъ достаточно радикальными. Изъ 35 голосовъ, поданныхъ противъ нихъ въ сенатѣ, только одинъ, Elkins, былъ безусловно за миръ; остальные 34 голоса были за признаніе настоящаго кубанскаго республиканскаго правительства въ прибавку къ тексту резолюцій. И конгрессъ, и весь народъ единодушно требовали изгнанія испанцевъ съ Кубы, даже не останавливаясь передъ войной, только потому, что были убѣждены, что дѣйствительнаго мира не можетъ быть, пока это не достигнуто такъ или иначе. Вотъ главная причина войны.

„Наконецъ, вы совершенно упускаете изъ виду во всѣхъ вашихъ разсужденіяхъ самую главную силу всей нашей государственной и общественной жизни—силу общественнаго мнѣнія. Наше правительство никогда не занимаетъ положенія нѣмецкаго или русскаго,—а въ минуты такихъ общественныхъ возбужденій, какъ теперь, оно еще безсильнѣе и менѣе способно къ сопротивленію. Если въ 1876-1877 г. добровольческое движеніе и славянская агитація принесли-таки за собой русско-турецкую войну даже въ Россіи, то какимъ же образомъ Макъ-Кинлей, или кто-либо другой, могъ противостоять подобнымъ же общественнымъ теченіямъ здѣсь? De jure ему дѣйствительно принадлежитъ право объявленія войны, но de facto онъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ народа. Только абсолютизмъ и могъ бы проявить ту устойчивость, въ недостаткѣ которой упрекаетъ его вся ваша статья отъ первой до послѣдней строчки. Наше общественное мнѣніе думаетъ совершенно наоборотъ,—именно, что онъ проявилъ слишкомъ много устойчивости, не соотвѣтственной всему духу нашихъ учрежденій. Если Кливелэндъ устоялъ два года тому назадъ, то не потому, что онъ былъ сильнѣе Макъ-Кинлея, а потому, что общественное движеніе не достигло тогда тѣхъ размѣровъ, до которыхъ оно дошло теперь, и общее возбужденіе не было такъ сильно и широко распространено,—острые инциденты—убійство Мацео, письмо ди Лома, взрывъ „Maine“ и масса другихъ, болѣе мелкихъ, но такъ же раздражающихъ, довели съ теченіемъ времени и то и другое до maximum'a, передъ которымъ ничто и никто не могли бы устоять.

„Мнѣ лично кажется, что широко и глубоко роспространенное въ Европѣ предубѣжденіе, что Америка—страна всемогущества доллара и ничего болѣе, съ одной стороны, и искусное пользованіе Испаніей

возможностью вліять на европейскую прессу [1]) и недостаточность и отрывочность прямыхъ извѣстій изъ Америки, съ другой,—мѣшаютъ въ значительной степени усвоенію съ достаточной ясностью и точностью какъ самихъ фактовъ, такъ и нашихъ мотивовъ и дѣйствительнаго народнаго отношенія къ этой войнѣ. Америка и не ожидала безпристрастія отъ оффиціальной и финансовой Европы, но она, мнѣ кажется, имѣетъ право на него отъ европейской „либеральной“ прессы, и этой послѣдней слѣдовало бы поддерживать ее изъ принципа,—это, все-таки, прежде всего война за освобожденіе, противъ насилія и варварства одряхлѣвшаго, выжившаго изъ ума деспотизма“.

Признавая безусловную справедливость всѣхъ фактическихъ указаній и разъясненій П. А. Тверского, мы, однако, не находимъ въ нихъ ничего такого, что опровергало бы по существу высказанные нами взгляды; напротивъ, настроеніе, которое отражается въ письмѣ почтеннаго автора, какъ нельзя рѣзче оттѣняетъ печальную сторону совершающихся нынѣ событій. Никто, кажется, не сомнѣвался въ негодности испанскаго режима, и насколько намъ извѣстно, ни въ западно-европейской, ни въ русской печати не поднималось ни одного разумнаго голоса противъ освобожденія Кубы отъ испанскаго владычества, разорительнаго для самой метрополіи; въ частности, мы съ своей стороны не разъ высказывались съ достаточною ясностью по поводу нелѣпаго упорства Испаніи въ ея традиціонной политикѣ по кубанскому вопросу. Поэтому предположеніе о сочувствіи испанцамъ въ ихъ борьбѣ за власть надъ Кубою падаетъ само собою, и упрекъ, дѣлаемый въ этомъ смыслѣ европейской и либеральной русской журналистикѣ, долженъ быть признанъ совершенно неосновательнымъ. Но изъ того, что мы стоимъ за полную автономію и независимость Кубы, вовсе еще не слѣдуетъ, что мы обязаны сочувствовать войнѣ, предпринятой Соединенными Штатами,—ибо война вообще не представляется намъ тѣмъ правильнымъ и цѣлесообразнымъ способомъ, которымъ должны разрѣшаться международные споры, подобные настоящему. Отъ великой американской республики можно было ожидать, что она не увлечется подражаніемъ старымъ европейскимъ державамъ и не прибѣгнетъ къ избитымъ политическимъ пріемамъ для достиженія своихъ цѣлей, хотя бы самыхъ возвышенныхъ и безкорыстныхъ; можно было думать, что она покажетъ Европѣ, какъ надо дѣй-

[1]) По словамъ П. А. Тверского, „не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, еще до объявленія войны, большой и широко распространенный синдикатъ французскихъ газетъ требовалъ отъ нашихъ (американскихъ) властей огромной взятки за „нравственную поддержку“, — нѣчто въ родѣ панамскаго гешефта,—въ чемъ ему было рѣзко отказано“.

ствовать въ крупныхъ международныхъ конфликтахъ, и что она изберетъ въ этомъ отношеніи новый, самостоятельный путь, не имѣющій ничего общаго съ традиціонною старо-европейскою системою „крови и желѣза“. Американцы стояли во главѣ того реформаторскаго движенія въ области международнаго права, которымъ ознаменовались семидесятые годы; американскіе ученые и публицисты, какъ Фильдъ, за-одно съ нѣкоторыми англійскими дѣятелями, въ родѣ сэра Генри Ричарда, старались выработать и установить практическія условія, при помощи которыхъ культурныя націи избавлены были бы отъ необходимости разсчитывать лишь на силу оружія въ своихъ взаимныхъ счетахъ и столкновеніяхъ. Извѣстное алабамское дѣло, долго грозившее разрывомъ между Соединенными Штатами и Англіею, было удачно разобрано и рѣшено третейскимъ судомъ, и этотъ первый великій примѣръ оживилъ надежды лучшихъ друзей человѣчества. Наступала какъ будто новая эра въ исторіи. Казалось, что Америка, свободная отъ традицій стараго свѣта, призвана осуществить идеалы, къ которымъ тщетно стремились передовые умы въ Европѣ. Что же мы видимъ въ настоящее время? Американцы заурядиѣйшимъ образомъ вовлеклись въ „хорошую“ войну, путемъ грозныхъ трехдневныхъ ультиматумовъ, послѣ односторонніхъ поспѣшныхъ рѣшеній о виновности противника, отклоняя всякую мысль о посредничествѣ или третейскомъ разбирательствѣ.

Говорятъ, что вашингтонское правительство не могло дѣйствовать иначе, въ виду настроенія, охватившаго народную массу въ Соединенныхъ Штатахъ послѣ взрыва крейсера „Мэнъ“ въ бухтѣ Гаванны; но въ такомъ случаѣ чѣмъ отличаются американцы отъ французовъ или пруссаковъ, для которыхъ вопросъ о мирѣ и войнѣ—и то въ былое время—рѣшался настроеніемъ, въ зависимости отъ случайныхъ пограничныхъ инцидентовъ или мелочныхъ дипломатическихъ обидъ? Притомъ, если истинною причиною негодованія, побудившаго американцевъ рѣшиться немедленно на войну, была гибель „Мэна“, то нельзя уже утверждать, что единственнымъ мотивомъ рѣшенія было неодолимое желаніе спасти отъ бѣдствій Кубу; тогда нѣтъ уже надобности придумывать искусственныя объясненія того факта, что заступничество за кубанцевъ внезапно приняло острый характеръ въ періодъ сравнительно мирный, послѣ отказа самой Испаніи отъ безчеловѣчныхъ мѣръ генерала Вейлера, губившихъ населеніе острова на глазахъ Соединенныхъ Штатовъ. Допустимъ, что дѣйствительно крейсеръ „Мэнъ“ былъ коварно взорванъ испанскими властями и что виновность послѣднихъ могла быть удостовѣрена потерпѣвшею стороною—Америкою—безъ выслушанія обвиняемыхъ и безъ всесторонняго разсмотрѣнія дѣла третейскимъ судомъ, какъ предлагала Испанія.

Отдѣльные испанцы совершили преступленіе, отъ котораго погибло около двухсотъ американцевъ, и вмѣсто того, чтобы требовать для виновныхъ строгаго суда и расправы, вашингтонское правительство обращаетъ свой гнѣвъ противъ всей вообще испанской націи и бросаетъ въ жертву многія сотни посторонникъ человѣческихъ жизней, совершенно непричастныхъ къ преступному дѣянію. Гдѣ тутъ логика и здравый смыслъ?

Можно, пожалуй, согласиться, что нынѣшняя война отчасти напоминаетъ борьбу Россіи за освобожденіе балканскихъ народностей отъ турецкаго ига; но началу русско-турецкихъ военныхъ дѣйствій 1877—1878 годовъ предшествовала двухлѣтняя упорная дипломатическая работа, къ которой привлечены были всѣ великія державы Европы,—хотя разсчитывать на добросовѣстныя уступки Турціи въ пользу автономіи ненавистныхъ ей христіанскихъ племенъ было чрезвычайно трудно и даже невозможно, чего никакъ нельзя было бы сказать о результатахъ подобнаго же настойчиваго мирнаго давленія на Испанію относительно Кубы. Такихъ мирныхъ и всеобщихъ усилій въ пользу кубанцевъ мы не видали,—ихъ не было совсѣмъ; ихъ даже въ принципѣ не допускали Соединенные Штаты, разсматривающіе почему-то кубанскій вопросъ какъ свое домашнее дѣло, въ которое не должны вмѣшиваться европейскія націи, въ силу доктрины Монроэ. Теперь идетъ рѣчь о посылкѣ американской эскадры къ берегамъ Испаніи для бомбардировки ея приморскихъ городовъ;—не будетъ ли это явнымъ вмѣшательствомъ Америки въ дѣла Европы, столь же недопустимымъ, какъ и европейское вмѣшательство въ американскія дѣла по доктринѣ Монроэ?

Оставаясь вѣрными своимъ собственнымъ традиціямъ, американцы могли поступить двояко, съ цѣлью освобожденія Кубы: во-первыхъ, они могли предложить Испаніи полюбовную сдѣлку, по которой островъ перешелъ бы подъ власть Соединенныхъ Штатовъ, съ уплатою за это хотя бы половины тѣхъ огромныхъ суммъ, которыя тратятся нынѣ на войну; во-вторыхъ, они могли прямо и откровенно предъявить свои настоятельныя требованія не только самой Испаніи, но и всѣмъ заинтересованнымъ въ сохраненіи мира культурнымъ государствамъ, чтобы поставить вопросъ о свободѣ и независимости Кубы на широкую общечеловѣческую почву, — угрожая неизбѣжностью войны въ случаѣ окончательной неудачи мирныхъ усилій, при чемъ срокъ долженъ бы быть назначенъ, напр., трехмѣсячный, а никакъ не трехдневный, оскорбительный не только для противника, но и для здраваго смысла. Ничего этого не пробовали дѣлать американцы, и потому нельзя удивляться, что ихъ внезапное увлеченіе грубою политикою международныхъ насилій, наканунѣ двадцатаго вѣка, возбу-

дило горькое, непріятное чувство въ прогрессивной части европейской печати, не забывшей еще, чѣмъ была и обѣщала быть сѣверо-американская республика въ концѣ прошлаго столѣтія.

Мы не раздѣляемъ также мнѣнія П. А. Тверского о важности безкорыстія въ военныхъ предпріятіяхъ: государство не имѣетъ права быть безкорыстнымъ, когда оно жертвуетъ людьми и обширными матеріальными средствами для одержанія побѣды надъ непріятелемъ; оно обязано подумать и объ обезпеченіи себя на будущее время отъ повторенія опасныхъ замѣшательствъ и о нѣкоторомъ по крайней мѣрѣ возмѣщеніи страшныхъ потерь и убытковъ, посредствомъ какихъ-либо политическихъ или нравственныхъ выгодъ, способныхъ хотя бы отчасти утѣшить и удовлетворить страну послѣ войны. Еслибы оказалось, что Куба не можетъ сама управлять собою и рискуетъ сдѣлаться театромъ внутреннихъ междоусобій, то присоединеніе ея къ Соединеннымъ Штатамъ въ видѣ особаго штата было бы благодѣяніемъ для жителей острова; и съ этой точки зрѣнія будетъ крайне ошибочно считать заслугою безкорыстное соблюденіе принципа, выраженнаго въ 4-мъ пунктѣ резолюцій американскаго конгресса,—какъ думаетъ и надѣется нашъ почтенный корреспондентъ.

Новая палата депутатовъ во Франціи, какъ и слѣдовало ожидать, почувствовала потребность въ новомъ министерствѣ и сочла своимъ первымъ долгомъ свергнуть кабинетъ Мелина. Засѣданія 13-го и 14-го іюня (нов. ст.), посвященныя этому важному дѣлу, не отличались ничѣмъ особеннымъ. Никакихъ новыхъ талантовъ въ палатѣ не обнаружилось, никакихъ оригинальныхъ и интересныхъ мыслей не высказывалось, и все краснорѣчіе ораторовъ вращалось около тѣхъ же избитыхъ общихъ мѣстъ, которыми питается французскій парламентаризмъ со временъ Гамбетты. Борющіяся между собою политическія партіи, республиканскія и консервативныя, одинаково носятъ на себѣ печать посредственности; единственная разница между ними—только та, что первыя проникнуты самодовольствомъ, котораго лишены ихъ противники. Въ палатѣ нѣтъ Жореса, одного изъ лучшихъ парламентскихъ ораторовъ Франціи, нѣтъ язвительнаго Гоблѣ,—но за то есть Мильвуа, легкомысленнѣйшій, невѣжественный буланжистъ, котораго избиратели „города-свѣта“ (ville-lumière) предпочли ученому экономисту, Полю Леруа-Больё. Въ числѣ новыхъ депутатовъ мы видимъ и стараго фантазера „войны возмездія“, Деруледа, мечтающаго понынѣ о смѣломъ генералѣ на борзомъ конѣ, и антисемита Дрюмона, нашедшаго источникъ всѣхъ бѣдъ въ милліонахъ Ротшильда, и другихъ, менѣе славныхъ патріотовъ того же типа, привыкшихъ выра-

жать одолѣвающія ихъ чувства шумными возгласами и фразами, въ которыхъ тщетно было бы искать какого-нибудь опредѣленнаго смысла.

Битва началась уже при выборѣ президента палаты: умѣренныя партіи возстали противъ кандидатуры „радикала“ Бриссона и провели своего фаворита, деликатнаго и щепетильнаго проповѣдника буржуазно-нравственныхъ идеаловъ, Поля Дешанеля. Пораженіе бывшаго президента, никому никогда не вредившаго своимъ радикализмомъ, предвѣщало грозную аттаку соединенныхъ лѣвыхъ противъ министерства. За паденіе Бриссона долженъ былъ отвѣчать Мелинъ, поддерживаемый нѣкоторыми группами правой. Радикалъ-соціалистъ Милльеранъ—соціалистъ въ особомъ французскомъ смыслѣ—первый открылъ огонь, въ засѣданіи 13-го іюня. Онъ горячо напалъ на правительство за то, что оно допустило сближеніе правой съ умѣренными республиканцами. Всякій союзъ съ правой, говорилъ онъ, есть измѣна демократіи; его партія окажетъ поддержку только министерству лѣвой. На эту рѣчь отвѣчалъ Мелинъ, и отвѣтъ его былъ вялый и скучный. Глава кабинета доказывалъ, что и соціалисты часто дѣйствовали за-одно съ правою, что они не имѣли, впрочемъ, успѣха на выборахъ, что ихъ проектъ подоходнаго налога отвергнутъ страною, что опасность грозитъ республикѣ со стороны соціалистовъ, а не консерваторовъ, и что страна жаждетъ успокоенія „для того, чтобы великій международный праздникъ 1900 года могъ быть подготовленъ въ полномъ мирѣ“. Внѣшнее положеніе Франціи, закончилъ министръ, требуетъ единенія сердецъ. „Кто не видитъ этого, тотъ беретъ на себя тяжкую отвѣтственность. Мы возвращаемъ вамъ Францію сильную, уважаемую извнѣ, опирающуюся на прочный союзъ. Передъ палатою поставленъ вопросъ болѣе важный и общій, чѣмъ простой споръ о министерствѣ; дѣло идетъ не о министерскихъ портфеляхъ, а о самой будущности страны“.

Отъ имени лѣвыхъ выступилъ бывшій радикальный министръ-президентъ, Леонъ Буржуа. Подобно Милльерану, онъ негодуетъ и возмущается по поводу допущенія къ участію въ дѣлахъ республики людей, которые „вчера боролись противъ нея, сегодня ее терпятъ, а завтра готовы ее разрушить“. „Мы не хотимъ больше этой политики — восклицаетъ онъ, — а мы составляемъ половину палаты и большинство республиканской партіи. Первый долгъ республиканскаго правительства—порвать съ правою, потому что политика правой направляется властью, которой не признаютъ республиканцы,—авторитетомъ папы. Мы также ждемъ наступленія 1900 года, но мы желали бы тогда дать міру зрѣлище осуществленія всѣхъ реформъ, необходимыхъ для великой демократіи, въ области политической и соціальной“.

На слѣдующій день, 14-го іюня, опять говорилъ Мелинъ; онъ въ прежнемъ духѣ защищалъ свое министерство отъ нападокъ Буржуа и уличалъ оппозицію въ чрезмѣрной слабости къ соціализму, который ведетъ Францію къ гибели. Вторично ораторствовалъ Буржуа на тему о демократическихъ реформахъ, объ уменьшеніи податного бремени для бѣдныхъ, съ возложеніемъ его на богатыхъ, о защитѣ мелкой собственности противъ крупной, при чемъ рѣшительно отрицалъ свою солидарность съ коллективистами, отвергающими всякую вообще собственность.

Говорили еще радикалъ-соціалистъ Трульо, умѣренный Рибо и антисемитъ Дрюмонъ, неожиданно заявившій, что онъ нападаетъ не на однихъ только еврейскихъ биржевиковъ, но и на христіанскихъ, и что надо непремѣнно смѣнить алжирскаго генералъ-губернатора Лепина;—въ пренія вмѣшался также Поль де-Кассаньякъ, горько упрекавшій президента совѣта министровъ за постыдное отреченіе отъ правой, содѣйствіемъ которой онъ, однако, пользовался довольно долго; въ свою очередь, консерваторъ Дени Кошенъ, вслѣдъ за Кассаньякомъ, указалъ на свободу дѣйствій, которую отнынѣ пріобрѣтаетъ правая. Наконецъ, суровый Анри Бриссонъ далъ понять палатѣ, что и онъ стоитъ на стражѣ истинной республики; съ свойственною ему категоричностью сужденій онъ въ краткихъ словахъ формулировалъ глубокую идею, выраженную болѣе пространно Леономъ Буржуа: „Одинъ только вопросъ долженъ быть разрѣшенъ этими преніями,—хочетъ ли правительство или не хочетъ порвать съ правою? Единственною преградою единенію республиканцевъ является это упорное желаніе нѣкоторыхъ соединяться съ правою. Мелинъ принималъ поддержку правой въ прошломъ и не отказывается отъ нея для будущаго. Нужно знать, согласна ли палата освятить эту политику, предоставляющую правой извѣстную долю участія въ завѣдываніи дѣлами республики. Умоляю моихъ друзей, даже тѣхъ, которые отдѣлились отъ меня въ послѣдніе дни (при выборѣ президента палаты), умоляю всѣхъ республиканцевъ настаивать на этомъ разрывѣ съ правою. Только этимъ путемъ палата дастъ республиканской странѣ тѣ обезпеченія, на которыя послѣдняя имѣетъ право". Настало время голосованій. Къ умѣренному предложенію—одобрить заявленія правительства и выразить рѣшимость слѣдовать „политикѣ демократическихъ реформъ, основанной на единеніи республиканцевъ", — прибавлены радикалами слова: „и опирающейся на большинство исключительно республиканское", и эта прибавка, предложенная Рикаромъ и Буржуа, была принята палатою, вопреки возраженіямъ Мелина, большинствомъ 295 голосовъ противъ 246. Вся резолюція, одновременно и одобряющая и осуждающая министерство, утверждена большинствомъ 284 противъ 272 го-

лосовъ. Среди торжествующихъ криковъ оппозиціи: „отставка!“, Мелинъ вышелъ изъ залы засѣданій. Умѣренный кабинетъ, удивлявшій всѣхъ своею долговѣчностью и успѣшно лавировавшій между разнородными парламентскими направленіями въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ, пересталъ существовать.

Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ этой двухдневной парламентской битвы можно отмѣтить нѣкоторые болѣе забавные. Деруледъ счелъ нужнымъ объяснить, что онъ держится цезаризма, но не Августа и его преемниковъ, а Юлія Цезаря, „убитаго сенаторами покровителя народа“; поэтъ-буланжистъ упустилъ при этомъ изъ виду, что Цезарь обыкновенно имѣетъ или старается имѣть преемниковъ, отъ которыхъ уже не могутъ отказываться приверженцы цезаризма. Патріотъ Кастеленъ требовалъ немедленнаго обсужденія дѣла Дрейфуса, которое, по его мнѣнію, должно господствовать надъ всѣми другими вопросами, въ виду великихъ опасностей, возбужденныхъ сторонниками пересмотра процесса. Въ печати были даже намеки, что Германія добивается обнародованія актовъ этого процесса, чтобы, основываясь на нихъ, объявить Франціи войну; эта замѣчательная догадка вполнѣ соотвѣтствуетъ понятіямъ того круга французскихъ дѣятелей, къ которому принадлежатъ Кастеленъ и Мильвуа. Послѣдній также участвовалъ въ преніяхъ, хотя и не произнесъ никакой рѣчи; онъ только выразилъ свой образъ мыслей громкимъ крикомъ, когда кто-то заговорилъ объ арміи: „Да здравствуетъ армія! Долой измѣнниковъ!“ Вѣроятно, этого патріотическаго возгласа было достаточно для того, чтобы парижскіе избиратели Мильвуа были довольны своимъ избранникомъ.

Министерство Мелина имѣло жалкій конецъ; оно ни на минуту не поднялось выше мелкихъ партійныхъ счетовъ и взглядовъ—не поднялось даже до пониманія тѣхъ законовъ и началъ, на которыхъ построены республиканскія учрежденія нынѣшней Франціи. Мелинъ могъ бы сказать оппозиціи, что притязанія и доводы ея несовмѣстимы съ конституціею, что никакая отдѣльная партія не имѣетъ права считать себя воплощеніемъ республики и что члены правой суть такіе же законные избранники народа, какъ и члены крайней лѣвой. Буржуа и Бриссонъ, своимъ явнымъ забвеніемъ этихъ азбучныхъ истинъ, прямо давали противъ себя оружіе противникамъ. Республиканцы радикальнаго оттѣнка, по словамъ Буржуа, имѣютъ за собою половину палаты, а потому другая половина не должна участвовать въ дѣлахъ республики; но откуда почерпнулъ Буржуа тотъ чудовищно-нелѣпый принципъ, что заправлять дѣлами республики предоставлено только половинѣ палаты, а не всей палатѣ? Бриссонъ договорился до того, что сослался на ожиданія и требованія какой-то несуществующей „республиканской страны“ (pays républicain), въ отличіе

отъ консервативной, которую надо безусловно отвергнуть,—какъ будто консерваторы явились въ палату не въ качествѣ легальныхъ представителей той же страны, а навязаны парламенту извнѣ. Мольбы Бриссона объ устраненіи правой отъ участія въ дѣлахъ государства были тѣмъ болѣе комичны, что онъ говорилъ отъ имени республики вообще, какъ вѣрный хранитель и защитникъ чисто-республиканской идеи, въ силу которой верховная власть принадлежитъ всему народу, посылающему въ палату и консерваторовъ и радикаловъ, и соціалистовъ и умѣренныхъ. Никто не напомнилъ радикальнымъ ораторамъ о забытой ими основѣ конституціи—о народномъ верховенствѣ, одинаково проявляющемся въ выборѣ депутатовъ всевозможныхъ направленій. Поразительнѣе всего, что между многочисленными представителями правой не нашлось ни одного, который вступился бы за права значительной части народа, столь легкомысленно отрицаемыя мнимыми сторонниками народовластія. Очевидно, сами члены правой почувствовали себя какъ будто самозванцами, незаконно попавшими въ республиканскую палату; они съ пассивнымъ смущеніемъ выслушивали грозныя рѣчи ораторовъ, требовавшихъ преданія ихъ остракизму, и ничего не съумѣли возразить имъ. Слабый лепетъ Кассаньяка и Дени Кошена еще рѣзче обнаружилъ все ничтожество и безсиліе политической мысли среди консервативныхъ группъ французскаго парламента.

Министерскій кризисъ, послѣ обычныхъ колебаній въ выборѣ лицъ, разрѣшился образованіемъ кабинета Бриссона, съ участіемъ Буржуа, Кавеньяка, Пейтраля, Делькассе, Локруа, Саррьена и другихъ менѣе извѣстныхъ дѣятелей. Президентъ Форъ обращался сначала къ Саррьену и Рибо,—хотя трудно было понять, почему эти старые оппортунисты имѣютъ болѣе шансовъ держаться при новой палатѣ, чѣмъ свергнутый ею Мелинъ. Затѣмъ призванъ былъ Пейтраль—тоже по неизвѣстной причинѣ, и только послѣ неудачи этихъ искусственныхъ комбинацій поручено было наконецъ Бриссону составить новое министерство. Бриссонъ имѣетъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что онъ пользуется авторитетомъ въ палатѣ и въ странѣ; около него легко могутъ сгруппироваться лучшія республиканскія силы,—но прочность его кабинета весьма сомнительна. Умѣренные и консервативные элементы палаты не могутъ относиться къ нему иначе, какъ враждебно, и они воспользуются, конечно, первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отомстить ему за свое пораженіе. Министромъ иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто Ганото, назначенъ Делькассе, бывшій уже министромъ колоній, посредственный ораторъ и публицистъ, одинъ изъ тѣхъ скромныхъ по талантамъ дѣятелей, которымъ удалось устроить себѣ блестящую карьеру при республикѣ. Ганото былъ министромъ-

дипломатомъ; онъ не принадлежитъ къ составу парламента и не числится въ рядахъ какой-либо политической партіи, такъ что, собственно говоря, онъ могъ бы войти въ новую министерскую комбинацію безъ ущерба для парламентской рутины и съ несомнѣнною пользою для государства; но съ перваго же момента кризиса и до послѣдняго не было и рѣчи о сохраненіи этого министра для французской и европейской дипломатіи, несмотря на всѣ его заслуги и на пріобрѣтенную имъ популярность. Почему это такъ вышло—судить трудно; быть можетъ, недостаткомъ Ганото именно и считается отчужденность его отъ дѣятельности политическихъ партій и группъ, озабоченныхъ распредѣленіемъ министерскихъ портфелей во время кризисовъ.

Въ Германіи парламентскіе выборы, по своимъ результатамъ, существенно отличаются отъ французскихъ: они не приводятъ къ перемѣнѣ министерства, въ случаѣ побѣды оппозиціонныхъ партій, и угрожаютъ только усиленіемъ контроля и критики относительно хода правительственной машины, оказывая въ то же время рѣшающее вліяніе на законодательные и финансовые вопросы, стоящіе на очереди. Выборы въ имперскій сеймъ, происходившіе 16 и 24 іюня (нов. ст.), не доставили правительству желаннаго большинства, и однако изъ-за этого никто изъ министровъ не выйдетъ въ отставку, и нѣтъ никакого кабинетнаго кризиса. Этотъ порядокъ вещей гораздо болѣе соотвѣтствуетъ истинному, реальному смыслу представительныхъ учрежденій, чѣмъ французская система, неудачно возведшая въ принципъ англійскую практику, которая имѣетъ свой raison d'être только при особыхъ политическихъ условіяхъ Англіи.

Необыкновенный успѣхъ соціалистической партіи составляетъ главную характерную черту послѣднихъ германскихъ выборовъ. Соціаль-демократовъ выбрано было сразу вдвое больше, чѣмъ національ-либераловъ, и немногимъ меньше, чѣмъ членовъ нѣмецкой консервативной фракціи; только при перебаллотировкѣ изгладилось отчасти это впечатлѣніе удара, полученнаго буржуазными партіями. „Свободно-мыслящимъ“ удалось одержать верхъ надъ соціалистами въ трехъ округахъ Берлина, которые считались уже завоеванными соціаль-демократіею; національ-либералы и консерваторы также наверстали потерянное, и въ общемъ новый составъ имперскаго сейма мало разнится отъ прежняго. Соціалистовъ будетъ около 53 или 54, членовъ партіи центра—107, нѣмецкихъ консерваторовъ — 68, имперской партіи — 23, національ-либераловъ—52, свободно-мыслящей народной партіи—25. Такъ какъ всего числится въ палатѣ 397 человѣкъ, то наиболѣе многочисленная партія центра остается по прежнему дѣйствительнымъ центромъ, необходимымъ оплотомъ правительства въ парламентѣ.

Что касается соціалистовъ, то ихъ численность должна увеличиваться по природѣ вещей: это единственная партія, обѣщающая лучшую будущность народнымъ массамъ, т.-е. большинству населенія страны. Но на практикѣ, по мѣрѣ своего политическаго роста, соціаль-демократія будетъ постепенно проникаться тѣмъ же духомъ оппортунизма, какимъ проникнуты новѣйшіе французскіе радикалы и соціалисты, даже самые крайніе. Когда-то было однимъ изъ догматовъ французскаго радикализма упраздненіе постоянныхъ армій; этотъ догматъ входилъ въ программу Гамбетты до паденія второй имперіи,—но кто изъ передовыхъ радикаловъ во Франціи помнитъ теперь объ этомъ коренномъ радикальномъ принципѣ? То же самое мы видимъ уже отчасти въ Германіи: недавно еще одинъ изъ ораторовъ соціаль-демократіи публично доказывалъ законность новыхъ вооруженій и возбудилъ этимъ протесты только потому, что говорилъ въ спеціальномъ собраніи соціалистовъ и высказывался ужъ слишкомъ откровенно въ заурядномъ буржуазно-патріотическомъ духѣ. Весьма немногое измѣнится въ странѣ даже послѣ того, какъ соціалисты получатъ большинство въ парламентѣ, и только очень наивные люди могутъ серьезно ожидать или опасаться какихъ-то переворотовъ въ случаѣ торжества соціаль-демократіи надъ всѣми другими партіями на выборахъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1898.

Пятидесятилѣтняя память Бѣлинскаго.

Задолго до 26 мая 1898 шла въ печати рѣчь о томъ, какъ общество и литература должны помянуть знаменитаго критика, скончавшагося въ этотъ день пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Высказывалось много предположеній, подготовлялись болѣе или менѣе крупные или мелкіе труды къ этому дню; въ газетахъ появлялись извѣстія о предстоящихъ торжествахъ, чтеніяхъ, устройствѣ библіотекъ и читаленъ имени Бѣлинскаго въ столицахъ и провинціальныхъ городахъ и т. д. Наконецъ, наступило 26 мая, и дѣйствительно память Бѣлинскаго была почтена многочисленными панихидами и литературными собраніями, между прочимъ на его родинѣ и на мѣстѣ первой его школы, въ Чембарѣ и въ Пензѣ. Газеты передали болѣе или менѣе подробныя извѣстія, между прочимъ о собраніяхъ въ Пензѣ, куда прибыло нѣсколько представителей литературнаго міра изъ Петербурга и Москвы (наиболѣе обстоятельное описаніе „Дней Бѣлинскаго въ Пензѣ“ мы встрѣтили въ „Саратовскомъ Дневникѣ“, № 111, 112, 114—116, май и іюнь). Извѣстно литературное чтеніе, собравшее многочисленныхъ слушателей въ залѣ городской думы въ Петербургѣ. Въ Москвѣ Общество любителей россійской словесности, кромѣ чтенія, устроило замѣчательную выставку, гдѣ собраны были разнообразныя біографическія, литературныя и художественныя воспоминанія о Бѣлинскомъ [1]). Всѣ рѣчи, стихотворенія, читанныя на этихъ собраніяхъ, проникнуты однимъ настроеніемъ, восторженной оцѣнкой съ разныхъ точекъ зрѣнія, великой заслуги Бѣлинскаго въ дѣлѣ развитія

[1]) Каталогъ выставки, устроенной Обществомъ любителей россійской словесности, въ память Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго, 8—11 апрѣля 1898 года. Изданіе Общества любителей россійской словесности при Импер. Моск. Университетѣ, ко дню торжественнаго засѣданія, 8 апрѣля 1898 года, съ 12 фототипіями. М. 1898.

русской литературы и общественнаго сознанія: сказано было много словъ, проникнутыхъ глубокимъ почтеніемъ къ дѣятельности знаменитаго критика, и горячихъ настояній, чтобы общество слѣдовало его завѣтамъ — самоотверженному труду и высокому идеализму его стремленій. Много разъ повторена была исторія его многострадальной жизни — съ однимъ впечатлѣніемъ высокаго подвига и однимъ призывомъ найти въ исторической памяти возбужденіе къ собственному общественному труду.

Во всемъ этомъ была дѣйствительно оказана достойная историческая память писателю совсѣмъ исключительному, который однако представляетъ собою и явленіе типическое, именно типическое явленіе той тяжелой борьбы, какую должна выносить въ русскомъ обществѣ идея истиннаго просвѣщенія среди подавляющихъ условій традиціоннаго застоя. Бѣлинскій былъ не одинъ, выносившій подобную борьбу, и въ его лицѣ достигала общественнаго признанія цѣлая историческая работа, начавшаяся раньше и идущая до нашихъ дней, работа въ защиту высокихъ идеаловъ человѣчности.

Въ этихъ чествованіяхъ памяти Бѣлинскаго приняла участіе безъ сомнѣнія очень значительная доля такъ называемаго „образованнаго общества“; но среди самыхъ „дней Бѣлинскаго“ слышались не только равнодушные, но и прямо непріязненные голоса; находились люди, для которыхъ имя Бѣлинскаго было тѣмъ же, чѣмъ оно было для обскурантовъ сороковыхъ годовъ,—это и высказывалось если не прямо, то косвенно. Съ другой стороны, среди людей, сочувствовавшихъ общественному чествованію памяти Бѣлинскаго высказывалось недовольство его формой и размѣрами. „Какъ это ни печально,—говоритъ г. Я. Абрамовъ въ „Недѣлѣ“, — но нужно признаться, что празднованіе вышло далеко не соотвѣтствующимъ ни достоинству того, чья память чествовалась во время этихъ празднествъ, ни обязанностямъ тѣхъ, кто чувствовалъ себя имѣющимъ право принять участіе въ этомъ праздникѣ интеллигенціи“. Авторъ сожалѣетъ или негодуетъ, что современная литература сдѣлала очень мало, чтобы почтить память Бѣлинскаго: нѣсколько книгъ и больше брошюръ, посвященныхъ біографіи и изложенію его мыслей; два-три извлеченія изъ сочиненій Бѣлинскаго, но „нѣтъ самаго главнаго—нѣтъ полнаго изданія сочиненій Бѣлинскаго, достойнаго имени великаго критика“. „*Какъ извѣстно*,—продолжаетъ г. Абрамовъ, — существующія изданія сочиненій Бѣлинскаго даютъ намъ понятіе не о томъ, что̀ писалъ Бѣлинскій, а о томъ, въ какомъ видѣ написанное имъ появлялось въ свое время, и эти два текста настолько рознятся другъ отъ друга (?), что когда будетъ возстановленъ подлинный текстъ написаннаго Бѣлинскимъ, мы будемъ значительно лучше понимать нашего великаго критика, чѣмъ понимаемъ его те-

перь, и лишь тогда (?) оцѣнимъ его значеніе. Но когда мы дождемся и дождемся ли появленія подобнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго"? За это не взялся никто,—„но совсѣмъ печально то, что за подобное дѣло не взялось и ни одно изъ тѣхъ литературныхъ и ученыхъ обществъ, которымъ было бы всего естественнѣе выполнить такую работу. Такимъ образомъ ни московское „Общество любителей россійской словесности", ни петербургское „Русское общество", ни „Союзъ писателей", ни Академія наукъ не остановились на этой задачѣ и не сдѣлали рѣшительно ничего, если не для осуществленія ея, то хотя бы для пропаганды мысли о необходимости выполненія работы, въ результатѣ которой общество имѣло бы возможность познакомиться съ настоящимъ Бѣлинскимъ". (Во-первыхъ, степень искаженности текста Бѣлинскаго *извѣстна* до сихъ поръ очень мало и для опредѣленія этого осталось очень мало данныхъ; во-вторыхъ, задача подобнаго изданія вовсе не такъ проста, какъ автору кажется). Далѣе авторъ отмѣчаетъ „печальное обстоятельство", что въ „праздникѣ" приняла участіе только интеллигенція нѣсколькихъ крупныхъ центровъ; потомъ, что она обнаружила весьма мало изобрѣтательности особливо въ томъ отношеніи, что въ празднествахъ былъ забытъ „народъ". Напримѣръ: „Юбилей (?) Бѣлинскаго совпалъ съ тяжелымъ годомъ, который приходится переживать съ большими страданіями многимъ милліонамъ нашего народа. Это естественно наталкивало на мысль ознаменовать наше уваженіе къ великому народному печальнику помощью тѣмъ, кто страдаетъ въ настоящее время отъ недостатка простого куска хлѣба. Соединеніе имени Бѣлинскаго съ такою помощью было бы такъ трогательно". Авторъ приводитъ въ примѣръ солдатъ Куринскаго полка, которые въ свой полковой праздникъ пожелали, чтобы деньги, на него назначенныя, отправлены были для голодающихъ,—„а намъ, русской интеллигенціи, эта симпатичная мысль не пришла, и мы предпочли произносить рѣчи и услаждать свой слухъ декламаціей, нагоняя на слушателей скуку". Вмѣсто собраній, „которыя стоятъ немалыхъ денегъ", по мнѣнію автора, слѣдовало бы „на эти деньги" накормить голодающихъ: авторъ забылъ, что собранія съ рѣчами были даровыя, а собранія обѣденныя были единственной формой, гдѣ могъ сойтись значительный кружокъ людей и обмѣняться мыслями. Авторъ думаетъ, что еслибы мы были болѣе культурны, то „день 26 мая оказался бы вписаннымъ въ исторію просвѣщенія страны, что въ этотъ день открылись бы многочисленныя народно-просвѣтительныя учрежденія, посвященныя имени Бѣлинскаго, во всѣхъ концахъ нашей родины... что былъ бы устроенъ не одинъ вечеръ въ народной аудиторіи, какъ это произошло теперь, а сотни такихъ вечеровъ, на которыхъ слушателямъ изъ народа было бы дано понятіе о томъ, кто и

что такое былъ Бѣлинскій“ и т. д. Все это очень странно. Помощь голодающимъ есть, безъ сомнѣнія, благое и необходимое дѣло, но объ этомъ надо заботиться и говорить независимо отъ случайнаго литературнаго событія; точно также независимо отъ него надо заботиться о другомъ необходимомъ и благомъ дѣлѣ—народныхъ школахъ, библіотекахъ и читальняхъ; литературные интересы самого общества пробуждаются такъ рѣдко въ той мѣрѣ, какъ мы видѣли теперь, что надо было бы желать умноженія, а не уменьшенія литературныхъ собраній. Авторъ скорбитъ о малой культурности русскаго общества, но онъ забылъ объ условіяхъ, въ какія поставлена его умственная жизнь. Наконецъ, если авторъ столь поглощенъ интересами народа, ему слѣдовало бы высказать свои народолюбивые взгляды на вопросъ раньше, чѣмъ состоялись всѣ эти собранія, да и не говорить такихъ странностей, какихъ онъ наговорилъ.

Другого рода недовѣрчивое настроеніе высказалъ авторъ книги, вышедшей незадолго до 26 мая, г. Евг. Соловьевъ: „Еслибы я вѣрилъ въ „предчувствія, примѣты“,—говоритъ онъ въ предисловіи,—то, видя, съ какой настойчивостью начинаетъ повторяться на страницахъ нашихъ журналовъ имя Бѣлинскаго, сказалъ бы: „это хорошій знакъ“. Нѣкоторое—быть можетъ, совершенно несправедливое—недовѣріе ко всероссійскому прогрессу въ частности и къ всероссійскому климату,—набрасываетъ тѣнь на мои радужныя надежды. А какъ, въ сущности, пріятно предаваться имъ, какъ пріятно дѣлать историческія сопоставленія и говорить о нихъ хотя бы самому себѣ! Сорокъ лѣтъ тому назадъ авторъ „Очерковъ гоголевскаго періода“ извлекъ мысли Бѣлинскаго изъ-подъ спуда, не смѣя назвать его, однако, по имени, и тѣ вѣчно юныя, свѣжія, высказанныя съ такимъ задоромъ и убѣдительностью мысли, вновь появившись на свѣтъ Божій, сыграли роль голубя, котораго праотецъ Ной привѣтствовалъ изъ своего скучнаго и тѣснаго ковчега послѣ долговременнаго странствованія по волнамъ морскимъ. Цѣлое поколѣніе за этимъ увидѣло, или, лучше сказать, подумало, что видитъ обѣтованную землю. Не предвѣщаетъ ли того же самаго и вторичное извлеченіе Бѣлинскаго изъ-подъ спуда десятилѣтій?

„Не очень, не очень“—шепчетъ мнѣ недовѣрчивая тѣнь. Что собственно случилось? До пятидесятилѣтія „со дня смерти“ осталось очень немного. Русь проведетъ этотъ день, какъ всегда, въ своихъ мелкихъ обыденныхъ заботахъ: вѣдь „почтила“ же она такъ годовщину смерти Лермонтова. Появятся нѣсколько новыхъ изданій „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“ на сквернѣйшей бумагѣ, съ грубѣйшими опечатками; ихъ раскупятъ и поставятъ на полку, какъ раскупили и поставили на полку сочиненія Писарева. А затѣмъ?.. затѣмъ?.. франко-

русскія симпатіи, русско-германскіе договоры, новая надоѣдливая повѣсть какой-нибудь г-жи, новый разсказъ съ тѣми же претензіями, тѣмъ же безсиліемъ творчества! Старыя пѣсни!.. Что на самомъ дѣлѣ случилось пока"?

Ожиданіе автора было конечно преувеличено. Неужели только данный срокъ долженъ былъ оказывать вліяніе, а не давнее присутствіе Бѣлинскаго въ нашей литературѣ, когда его вліяніе подвергалось тѣмъ или инымъ колебаніямъ, но въ концѣ концовъ должно было оказаться въ той, во всякомъ случаѣ, замѣчательной силѣ, свидѣтельство которой мы теперь видѣли. За полъ-вѣка русскимъ обществомъ и литературой пережита была великая и сложная исторія, и нѣтъ ничего удивительнаго, что интересы, наполнявшіе Бѣлинскаго, были въ этой исторіи заслонены другими столь же законными, потому что между прочимъ исполнялись на самомъ дѣлѣ тѣ пожеланія, какія нѣкогда питалъ онъ для русскаго общества. Идеалъ и теорія смѣнялись реальными жизненными вопросами, которые необходимо отвлекали общество въ иную область изученій и стремленій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ взгляды Бѣлинскаго были пополнены, напримѣръ въ историческихъ объясненіяхъ русской жизни и литературы; въ другихъ они были исправлены, напримѣръ въ пониманіи народа, народнаго быта и народнаго творчества. Новый фазисъ общественной жизни, кромѣ новыхъ цѣлей для идеализма, приносилъ также и тяжелыя испытанія, которыя имѣли нерѣдко печальное дѣйствіе на умы и настроеніе новыхъ поколѣній (въ литературномъ отношеніи довольно назвать такъ называемый символизмъ, декадентство и новѣйшее возвращеніе теоріи искусства для искусства): старый идеализмъ былъ забываемъ, для новѣйшихъ извращенныхъ теорій бывалъ непонятенъ,—и если теперь интересъ къ Бѣлинскому несомнѣнно является снова, въ этомъ нельзя не видѣть историческаго оправданія его дѣятельности и свидѣтельства о томъ, что въ русскомъ обществѣ, при всѣхъ превратностяхъ его духовной жизни, хранится здоровое преданье его развитія. Можно бы желать болѣе широкихъ размѣровъ для проявленій этого общественнаго интереса, но мы должны наконецъ сознать, что размѣры, въ какихъ вообще движется этотъ интересъ, въ нашей общественной средѣ, очень скромны. Напомнимъ, между прочимъ, какъ прошло двадцатипятилѣтіе смерти Добролюбова.

Пятидесятилѣтняя память Бѣлинскаго по нашему закону совпадаетъ съ тѣмъ срокомъ, когда сочиненія писателя становятся общею собственностью. Поэтому явилось нѣсколько изданій сочиненій Бѣлинскаго въ различномъ составѣ. Еще раньше срока вышло изданіе г. Павленкова; раньше срока вышло также двухъ-томное компактное изданіе „Избранныхъ сочиненій" съ обширной вводной статьей г. Кот-

ляревскаго, по своей дешевой цѣнѣ разсчитанное на большой кругъ читателей; предпринято дешевое четырехъ-томное изданіе въ Москвѣ; отдѣльныя части сочиненій выходятъ въ дешевыхъ изданіяхъ г. Суворина; затѣмъ въ Библіотекѣ „Дѣтскаго Чтенія“, въ Москвѣ, изданы „Избранныя статьи для семьи и школы“, подъ редакціей В. П. Острогорскаго; особое изданіе сдѣлано Коммиссіей преподавателей русскаго языка, при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній: „Эстетика В. Г. Бѣлинскаго. Избранныя статьи и отрывки съ вопросами и дополненіями, сост. Ц. Балталонъ“, съ предисловіемъ, гдѣ составитель объясняетъ высокое значеніе эстетическихъ взглядовъ Бѣлинскаго, до сихъ поръ сохранившихъ свою цѣнность, и пріемъ, какимъ составитель собралъ эту эстетическую хрестоматію. Наконецъ однимъ изъ самыхъ любопытныхъ новыхъ изданій Бѣлинскаго является: „Юбилейное изданіе. 1848—26 мая—1898. Семь статей В. Г. Бѣлинскаго. Текстъ дополненъ и исправленъ по подлиннымъ рукописямъ подъ редакціей П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина“.

Эта небольшая книжка очень любопытна какъ первый приступъ къ опредѣленію вопроса о текстѣ Бѣлинскаго. Мы видѣли раньше, напримѣръ изъ словъ г. Абрамова, что текстъ Бѣлинскаго, извѣстный по изданію Солдатенкова, приготовленному Кетчеромъ, считается неисправнымъ, даже „искаженнымъ“, даже такимъ, по которому мы не можемъ составить понятія о „настоящемъ“ Бѣлинскомъ. Что Кетчеръ былъ редакторъ неаккуратный, это было замѣчено уже давно (напримѣръ Я. К. Гротомъ): онъ не сполна повторилъ текстъ старыхъ журналовъ, гдѣ печатались первоначально статьи Бѣлинскаго, кое-что въ нихъ измѣнялъ и сокращалъ,—но въ какомъ размѣрѣ въ концѣ концовъ были имъ сдѣланы эти перемѣны, до сихъ поръ не было извѣстно, т.-е. сличено. Съ другой стороны были „искаженія“ иного рода, именно —цензурныя. Судить о нихъ можно было бы только при одномъ условіи—если бы сохранились цензурныя корректуры стараго времени; но объ ихъ существованіи до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Старинная боязливость и потому придирчивость цензуры довольно извѣстна; что отъ нея страдалъ Бѣлинскій, какъ и всѣ безъ исключенія тогдашніе писатели, не подлежитъ сомнѣнію,—извѣстна каррикатура Степанова (въ свое время, опять, недопущенная цензурой до печати), гдѣ изображенъ былъ Бѣлинскій съ корректурнымъ листомъ въ рукахъ и съ подписью: „собственной статьи не узнаю въ печати“, но эти цензурныя корректуры рѣдко сохранялись писателями и редакторами. Если не ошибаемся, онѣ бывали даже возвращаемы цензорамъ для удостовѣренія, что сдѣланныя цензоромъ поправки и исключенія дѣйствительно выполнены. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ ничего не было слышно о цензурныхъ корректурахъ Бѣлинскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ цен-

зурное бѣдствіе было столь обыкновенно, къ нему такъ привыкли, что при какомъ-нибудь подобномъ случаѣ огорчались, негодовали, но въ концѣ концовъ мирились съ бѣдой и не сохраняли историческаго документа.

Книжка гг. Ефремова и Якушкина ставитъ вопросъ о текстѣ Бѣлинскаго по слѣдующему поводу. На московской выставкѣ, устроенной „Обществомъ любителей россійской словесности“ въ память Бѣлинскаго 8—11 апрѣля, находились между прочимъ: „подлинныя черновыя рукописи В. Г. Бѣлинскаго изъ собранія П. В. Толченова, купленныя имъ съ бумагами Н. Х. Кетчера. Собственность книгопродавца М. Семенова. Всего 357 листовъ“. Эти рукописи заключали нѣсколько статей Бѣлинскаго отъ 1837—1847 года. Какъ попали къ Кетчеру эти рукописи и были ли въ его бумагахъ еще другія, пока не выяснено, какъ и то, сохранились ли рукописи статей Бѣлинскаго или ихъ корректуры въ чьихъ-либо другихъ рукахъ; т.-е. остается пока неизвѣстно, какой матеріалъ существуетъ для возстановленія подлиннаго текста,—какъ говорятъ, „искаженнаго“ въ новомъ изданіи.

Эти сохранившіяся послѣ Кетчера рукописи послужили матеріаломъ изданія, за которое историки литературы будутъ очень благодарны гг. Ефремову и Якушкину. Въ рукописяхъ заключается одиннадцать статей, но такъ какъ рукописи поступили въ распоряженіе издателей только послѣ закрытія выставки, то издатели по недостатку времени (т.-е. желая приготовить книжку къ 26 мая) рѣшили выбрать для печати на первый разъ только семь статей, а остальныя четыре—издать впослѣдствіи. Цѣль изданія состояла въ томъ, чтобы дать текстъ статей „въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ-подъ пера Бѣлинскаго, безъ посторонннихъ сокращеній и измѣненій“.

„Текстъ статей Бѣлинскаго,—говорятъ издатели,—имѣетъ иногда по четыре послѣдовательныхъ редакціи. *Первая*—подлинная редакція, въ томъ видѣ, въ какомъ, послѣ поправокъ и передѣлокъ, статья была сдана для напечатанія. Въ этомъ подлинномъ текстѣ уже редакторъ журнала нерѣдко дѣлалъ свои измѣненія, и получалась *вторая* редакція; *третья* редакція, это—печатный текстъ журнала, съ измѣненіями и сокращеніями, сдѣланными цензурою; наконецъ *четвертая* редакція образовалась при изданіи сочиненій Бѣлинскаго въ 1859—1862 гг. Редакторъ этого изданія, Н. Х. Кетчеръ, воспользовался рукописями Бѣлинскаго, но не вполнѣ: изъ рукописей были внесены многія поправки и частію возстановленъ подлинный текстъ Бѣлинскаго, уничтоженіемъ чужихъ измѣненій, но сдѣлано это было далеко не вездѣ, и во многихъ мѣстахъ изданіе сочиненій сохранило пропуски и измѣненія журнальнаго текста. Кромѣ того, Н. Х. Кетчеръ съ своей стороны дѣлалъ измѣненія и сокращенія въ текстѣ

печатаемыхъ статей. Наконецъ, при отдѣльномъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго цензура иногда не пропускала даже того, что̀ было раньше напечатано въ журналѣ: такъ въ статьѣ о русской литературѣ 1846 г. (стр. 146—147 „юбилейнаго изданія“) выпущено было замѣчаніе по поводу „Московскаго Сборника“. Такимъ образомъ, текстъ, напечатанный въ первомъ собраніи сочиненій Бѣлинскаго и потомъ перепечатывавшійся въ послѣдующихъ изданіяхъ, представляется по отношенію къ журнальнымъ статьямъ отчасти исправленнымъ и дополненнымъ, хотя и недостаточно, а отчасти—сокращеннымъ и измѣненнымъ.

„Въ нашу задачу не входило полное сопоставленіе всѣхъ четырехъ редакцій печатаемыхъ статей Бѣлинскаго: мы напечатали тексты подлинныхъ рукописей, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ авторомъ. Въ примѣчаніяхъ мы указываемъ на особенности послѣдующихъ редакцій, образовавшихся изъ первой при помощи чужихъ поправокъ, но при этомъ всѣ мелкія, незначительныя отличія мы оставили неоговоренными“.

Относительно другихъ статей, которыя отложены до слѣдующаго изданія, въ предисловіи замѣчено, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ нихъ есть значительныя отличія отъ печатнаго текста. Объ этомъ, конечно, можно будетъ судить по ихъ появленіи въ печати. Что касается „Семи статей“, то въ ихъ отношеніяхъ къ печатному тексту можно замѣтить слѣдующее. Издатели отмѣтили довольно значительное количество варіантовъ (вслѣдствіе редакторскихъ поправокъ въ рукописи), бо̀льшею частью неважныхъ, и весьма небольшое число мѣстъ, находящихся въ рукописи и отсутствующихъ въ печати. Между прочимъ, въ каталогѣ выставки отмѣчены „значительныя добавленія къ печатному тексту въ статьѣ: „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“, но, просмотрѣвъ статью, мы такихъ добавленій не замѣтили: есть только нѣсколько редакторскихъ варіантовъ, довольно много фразъ, зачеркнутыхъ еще въ рукописи (можетъ быть, самимъ Бѣлинскимъ?); въ немногихъ мѣстахъ рукопись довольно характерно возстановляетъ текстъ самого Бѣлинскаго противъ печатнаго.

Къ какимъ же заключеніямъ о текстѣ Бѣлинскаго приводитъ настоящее изданіе? Прежде всего общій выводъ, конечно, невозможенъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ приведены въ извѣстность всѣ уцѣлѣвшія рукописи, или цензурныя корректуры статей Бѣлинскаго; но по настоящему изданію возможно частное заключеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящемъ критическомъ изданіи, которое будетъ со временемъ предпринято, необходимо будетъ насколько возможно установить точный текстъ и отмѣтить тѣ варіаціи, какимъ онъ по той или другой причинѣ подвергался; но можно ожидать, что это будущее изданіе не подтвердитъ тѣхъ опасеній, какія высказывались въ послѣднее время,

будто мы знаемъ теперь только „искаженнаго Бѣлинскаго“. Въ *такой* мѣрѣ Бѣлинскій, конечно, искаженъ не былъ. Та разница тона, какую указываютъ въ его статьяхъ и его письмахъ, была совершенно естественна: говорится весьма различно въ печатной книгѣ и въ интимномъ письмѣ, и, конечно, ни въ какой статьѣ Бѣлинскаго не могло быть сказано того, что было написано въ письмѣ къ Гоголю. Редакторскія измѣненія, какія узнаемъ изъ „Семи статей“, бывали незначительны, а иногда и не лишни (напр., стр. 81, прим. 2). Каковы бы ни были цензурныя измѣненія и сокращенія, онѣ могли удалить ту или другую подробность, не лишенную своего значенія, но не могли уничтожить самаго существа тѣхъ идей, какія вдохновляли Бѣлинскаго, не могли затемнить его пламенныхъ сочувствій къ тому, что онъ считалъ святыней русской литературы, его непримиримой вражды къ тому, въ чемъ онъ видѣлъ зло для литературы, общества и цѣлаго народа. Тѣ, кто говорятъ объ „искаженіи“, должны признать тотъ фактъ, что вліяніе Бѣлинскаго создалось не его рукописями, а тѣмъ самымъ печатнымъ текстомъ, который прошелъ черезъ редакціонныя и цензурныя руки. Дѣло біографіи, литературной исторіи и критики возстановить дѣятельность Бѣлинскаго во всей полнотѣ его идей, его писательскаго труда и, наконецъ, той интимной жизни, гдѣ его внутренній міръ могъ раскрываться иногда съ такою силой, какой не могла бы вынести тогдашняя русская печатная книга, да не совсѣмъ можетъ книга вынести ее и теперь.

Ожиданіе пятидесятилѣтней памяти Бѣлинскаго вызвало за послѣдніе годы нѣсколько новыхъ свѣдѣній и матеріаловъ для біографіи Бѣлинскаго. Особливо важны были здѣсь два сообщенія. Во-первыхъ, изданіе юношеской трагедіи Бѣлинскаго „Дмитрій Калининъ“ (1831), которая была нѣсколько лѣтъ тому назадъ отыскана и напечатана Тихонравовымъ въ Сборникѣ московскаго Общества любителей россійской словесности,—какъ говорятъ, эта трагедія именно послужила нѣкогда главной причиной къ исключенію Бѣлинскаго изъ московскаго университета, и до изданія въ „Сборникѣ“ была извѣстна біографамъ только по разсказамъ товарищей Бѣлинскаго, слышавшихъ ее нѣкогда въ чтеніи. Вторымъ сообщеніемъ было изданіе писемъ Бѣлинскаго къ его невѣстѣ, потомъ женѣ. Изъ воспоминаній современниковъ давно уже напечатаны были важныя замѣтки и объясненія Анненкова; извлечены были изъ записокъ Сатина интересныя сообщенія о встрѣчахъ Бѣлинскаго съ Лермонтовымъ. За послѣднее время отмѣтимъ статью г. Шугаева (въ „Живописномъ Обозрѣніи“ 1898, № 21—22) о жизни Бѣлинскаго дома въ Чембарѣ и въ Пензѣ и о выѣздѣ его въ Москву въ университетъ; въ этой статьѣ помѣщено между прочимъ длинное письмо Бѣлинскаго объ его путе-

ществіи и первыхъ впечатлѣніяхъ въ Москвѣ. И. Н. Захарьинъ (Якунинъ) напечаталъ (въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1898, мартъ) разсказъ о Бѣлинскомъ и Лермонтовѣ въ Чембарѣ. Въ газетѣ „Сынъ Отечества“ (№ 140, 26 мая) помѣщенъ разсказъ мѣстнаго жителя: „Бѣлинскій въ Чембарѣ“. Не упоминаемъ частныхъ біографическихъ замѣтокъ о Бѣлинскомъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ. Цѣльныхъ, нѣсколько обширныхъ біографій было немного. Нѣсколько лѣтъ назадъ вышла біографія, написанная г. Протопоповымъ, въ серіи жизнеописаній, издаваемыхъ г. Павленковымъ. Къ 26-му мая явилась довольно пространная книга г. Евг. Соловьева (Скрибы): „В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ“. Книга написана не безъ живости, но отрывочно, въ видѣ очень большого фельетона, съ большими извлеченіями изъ писемъ Бѣлинскаго. Этимъ письмамъ авторъ придаетъ великое значеніе.

„Я знаю, — говоритъ г. Евг. Соловьевъ, — что Бѣлинскій былъ честнымъ искреннимъ литературнымъ дѣятелемъ, и я не только уважаю, но даже люблю его, но все же я знаю не одного, а двухъ Бѣлинскихъ. Одного—по его письмамъ, другого—по его сочиненіямъ. И если бы меня спросили, кому я отдаю предпочтеніе, я сказалъ бы не задумываясь: первому... Быть можетъ, такое мнѣніе—ересь, не знаю, но говорю то, что̀ думаю. За связку писемъ Бѣлинскаго къ Боткину я бы не взялъ половины напечатаннаго нашимъ критикомъ въ „Отеч. Зап.“ и „Современникѣ“ и не взялъ бы потому, что даже въ литературномъ отношеніи „Письма Бѣлинскаго“ безусловно выше его сочиненій. Когда онъ писалъ для журнала, онъ часто исполнялъ обязанность, которая тяготила его самого... Когда онъ писалъ для себя—онъ говорилъ какъ свободный человѣкъ, у котораго что̀ на умѣ, то и на языкѣ. Лучшаго по искренности и краснорѣчію, чѣмъ знаменитое его письмо къ Гоголю, я и не знаю ничего во всей русской литературѣ, а лучше статей Бѣлинскаго изъ „От. Зап.“ и „Совр.“ я знаю очень многое“.

Въ своихъ вкусахъ всякій воленъ,—можетъ только представиться вопросъ, насколько они интересны для другихъ; и историко-литературное значеніе писателя состоитъ не въ тѣхъ письмахъ, которыя были его личнымъ дѣломъ и стали извѣстны только слѣдующему поколѣнію изъ его біографіи, а именно въ тѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ обращался къ своимъ современникамъ и какими на нихъ дѣйствовалъ. Напротивъ, къ сочиненіямъ г. Соловьевъ относился какъ будто безъ достаточнаго вниманія: „Читая сочиненія Бѣлинскаго,—говоритъ онъ,—я рѣшительно недоумѣваю, почему отъ Шеллинга онъ перешелъ къ Гегелю, отъ Гегеля къ полному индивидуализму, отъ полнаго индивидуализма къ соціализму и т. д. Перевернувъ послѣднюю стра-

ницу XII-го тома, я остаюсь при самомъ печальномъ интересѣ: человѣкъ не только переходилъ, а перескакивалъ отъ одного міросозерцанія къ другому; то ненавидѣлъ французовъ и восхвалялъ Шиллера, то ненавидѣлъ Шиллера и восторгался французами, то искалъ успокоенія въ мысли, что я „ничто", то требовалъ для этого „ничто" чуть ли не всего міра и всей полноты жизни и счастья и т. д." Авторъ прибавляетъ, что „только письма и даютъ ключъ къ пониманію всего этого, потому что въ нихъ-то нашъ критикъ и раскрывалъ свою душу, пребывавшую въ вѣчномъ томленіи, въ вѣчномъ исканіи недававшейся истины и пока недоступной человѣческому разуму". Но, собственно говоря, „ключъ" былъ данъ и ранѣе изданія писемъ въ тѣхъ біографическихъ свѣдѣніяхъ, какія были сообщены современниками.

Было издано еще нѣсколько небольшихъ брошюрокъ, доходящихъ цѣною до 10 и даже до 5 копѣекъ, г. Алферова, Ив. Ив. Иванова, С. Орловскаго. Для популярнаго чтенія составлены книжки Я. Абрамова: „Памяти Бѣлинскаго. I. Избранныя мысли Бѣлинскаго. II. Романъ Бѣлинскаго"; Ив. Ѳеоктистова: „Сводъ мнѣній Бѣлинскаго о дѣтской литературѣ". Одинъ издатель, повидимому, поздно догадавшійся о возможности предпріятія, обѣщаетъ дешевое изданіе „полнаго собранія" сочиненій Бѣлинскаго къ осени въ пяти выпускахъ по 20 копѣекъ (?). Отмѣтимъ, наконецъ, нѣсколько трудовъ, посвященныхъ исторической и нравственной оцѣнкѣ Бѣлинскаго. Мы упомянули книгу г. Евг. Соловьева. Повидимому, довольно обширная работа предпринята г. Венгеровымъ („Великое сердце", въ „Русскомъ Богатствѣ" 1898, мартъ и д.). При изданіи избранныхъ сочиненій, фирмы О. Н. Поповой, находимъ вводную статью г. Котляревскаго, которая представляетъ лучшій изъ историко-литературныхъ очерковъ, какіе явились къ пятидесятилѣтней памяти Бѣлинскаго.

Это—сжатый обзоръ литературно-общественной дѣятельности Бѣлинскаго, написанный безъ всякой шумной юбилейной фразеологіи, съ спокойной, иногда какъ будто холодной критикой прошедшаго, но и съ высокой оцѣнкой историческаго явленія. Точка зрѣнія высказана въ слѣдующихъ начальныхъ словахъ:

„Съ совсѣмъ особымъ чувствомъ произносимъ мы имя Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. Даже тогда, когда мы затруднились бы въ точности припомнить, чѣмъ именно мы обязаны ему въ нашемъ умственномъ развитіи, на какія именно мысли еще на школьной скамьѣ навелъ насъ этотъ писатель,—мы, вспоминая о немъ, не можемъ не чувствовать духовной связи, какая существуетъ между нимъ и нами—имъ, давно уже умершимъ человѣкомъ, и нами, которыхъ жизнь, по-

видимому, такъ далеко отъ него умчала. На эту связь время какъ будто не наложило своей печати.

„Слова Бѣлинскаго принадлежатъ исторіи; по крайней мѣрѣ, многое, что̀ ему казалось истиной, за что̀ онъ такъ „неистово“ ратовалъ, противъ чего боролся съ такой страстностью и желчностью,—теперь либо забыто, либо стало общимъ достояніемъ. Мы даже не всегда справедливы къ этимъ словамъ: мы часто готовы забыть, что именно благодаря Бѣлинскому многое, прежде спорное и недоказанное, теперь окончательно утвердилось въ нашемъ сознаніи; мы такъ спокойны въ обладаніи нѣкоторыхъ истинъ философскихъ, нравственныхъ или эстетическихъ, что не даемъ себѣ труда припомнить, сколько крови, желчи и, можетъ быть, слезъ стоили эти истины тѣмъ людямъ, которые впервые почувствовали надъ собой ихъ силу и вмѣстѣ съ тѣмъ сознали свою обязанность стать ихъ глашатаями. Бѣлинскій былъ однимъ изъ немногихъ такихъ добровольныхъ мучениковъ идеи, и цѣной его жизни куплены нами взгляды, понятія, вкусы, съ которыми мы такъ теперь освоились и сжились, что они кажутся намъ прирожденными.

„Но не объ этомъ очень значительномъ умственномъ богатствѣ, которое досталось намъ по наслѣдству отъ Бѣлинскаго, думаемъ мы, когда о немъ теперь вспоминаемъ; мы сознаемъ прежде всего, что мы этому человѣку обязаны нравственно. Когда въ юномъ возрастѣ мы впервые знакомимся съ его сочиненіями, когда обиліе мыслей, въ нихъ заключенныхъ, впервые открываетъ намъ глаза на многія стороны жизни, мимо которыхъ мы проходили равнодушно,—мы и тогда находимся не только подъ властью его мысли, но и подъ властью той нравственной силы, которая даетъ себя чувствовать въ каждой имъ написанной страницѣ. Когда затѣмъ въ зрѣлые годы мы опять перечитываемъ эти страницы, смыслъ ихъ для насъ уже не новинка, но ихъ обаяніе все-таки не исчезаетъ. Трудно опредѣлить, въ чемъ оно заключается, какъ вообще трудно передать словами впечатлѣніе, вынесенное изъ встрѣчи съ человѣкомъ, нравственное преимущество котораго мы ощущаемъ. Такой человѣкъ можетъ и не обольстить нашего ума, и не ослѣпить насъ оригинальностью своей мысли,—ему все-таки дана власть надъ нами, кроткая власть, но зато наиболѣе прочная и неотразимая. Такой властью обладали всѣ пророки; они бывали и мудрецами, но не въ одной мудрости была вся ихъ сила.

„Бѣлинскій былъ изъ ихъ числа“.

„При всей ея невольной недосказанности [1]),—продолжаетъ авторъ,—критика Бѣлинскаго—самый важный историческій документъ цѣлаго десятилѣтія въ исторіи нашей культуры... Въ немъ разсказана исторія

[1]) Исправляемъ вѣроятную опечатку; въ текстѣ стоитъ: „недоказанности“.

нашего самосознанія въ одинъ изъ очень важныхъ моментовъ нашего развитія,—разсказана, быть можетъ, не всегда объективно, но зато искренно, очень полно, съ рѣдкой широтой и глубиной критическаго взгляда.

„Бѣлинскаго можно, конечно, отдѣлить отъ его эпохи; его можно разсматривать, какъ совсѣмъ самостоятельную величину, какъ оригинальнаго русскаго мыслителя, критика, сатирика и стилиста; въ его статьяхъ найдется не мало матеріала для такой характеристики. Но только взятая въ связи съ своей эпохой его личность пріобрѣтаетъ настоящую цѣнность. Когда видишь, чѣмъ былъ этотъ человѣкъ для цѣлыхъ поколѣній, какъ искусно въ общемъ хорѣ лицъ, не уступавшихъ ему въ талантѣ и знаніяхъ, онъ игралъ роль дирижера, какъ онъ умѣлъ всегда выдѣлять господствующіе мотивы современной жизни,—тогда только получаешь правильное понятіе объ его силѣ, и нравственной, и умственной. Сила эта была громадна; если мы ее и теперь еще чувствуемъ, то какое же впечатлѣніе она должна была производить на современниковъ“!

И въ своемъ очеркѣ авторъ излагаетъ исторію развитія этой силы, зависимость ея отъ окружающей ее культурной обстановки и, наконецъ, ея вліяніе на современную жизнь.

„Статьи Бѣлинскаго теперь,—кончаетъ авторъ,—обширный некрополь; но не смертью, а жизнью вѣетъ отъ этихъ страницъ, въ которыхъ все говоритъ о прошломъ, давно пережитомъ, прочувствованномъ и передуманномъ.

„Иногда художественная красота и энергія выраженія даютъ этимъ словамъ власть надъ нами, иногда глубокая мысль заставляетъ насъ надъ ними задумываться; но чаще и сильнѣе всего приковываетъ насъ къ нимъ таящаяся въ нихъ сила любви, сила гуманныхъ движеній сердца.

„Проходятъ вѣка, и слова, рожденныя отъ пламени любви, не тускнѣютъ, на нихъ лежитъ та же печать безсмертія, которой отмѣчены и геніальная мысль человѣка, и красота, воплощенная имъ въ художественномъ образѣ“.

Въ общихъ выводахъ автора отмѣтимъ еще прекрасныя слова, въ которыхъ онъ опредѣляетъ историческую связь Бѣлинскаго съ послѣдующимъ литературнымъ періодомъ, именно съ такъ называемой критикой шестидесятыхъ годовъ, связь, мало замѣченную въ ея существѣ другими историками и панегиристами Бѣлинскаго.

„„Теперь предстоитъ надобность въ человѣкѣ трезвомъ, добромъ, дѣятельномъ, который бы смотрѣлъ на вещи прямо и любилъ бы землю, жилище наше и нашихъ потомковъ“,—писалъ Бѣлинскій за годъ до смерти. Эта мысль о дѣятельномъ и трезвомъ человѣкѣ, смотрящемъ

прямо на вещи, приходила нашему критику часто въ голову, и онъ съ большой любовью отмѣчалъ тѣ литературныя новинки, въ которыхъ она высказывалась (см., напр., его разборъ „Обыкновенной исторіи“ Гончарова). На этого будущаго „реалиста“, какъ говорили въ 60-хъ годахъ, Бѣлинскій смотрѣлъ какъ на законнаго наслѣдника всѣхъ тѣхъ общественныхъ типовъ, въ которыхъ попеременно выражались основныя теченія русской мысли и настроенія.

„Дѣйствительно, на смѣну старымъ романтикамъ, о которыхъ въ концѣ 40-хъ годовъ никто уже не помнилъ, на смѣну прежнимъ идеалистамъ — метафизикамъ и эстетикамъ, которые къ этому времени также давно уже умолкли, наконецъ вслѣдъ за славянофилами, въ ученіи которыхъ было столько и романтическаго, и метафизическаго,— пришелъ въ 60-хъ годахъ человѣкъ непосредственнаго дѣла, очень трезвый въ своихъ философскихъ взглядахъ и очень строгій и послѣдовательный въ своихъ взглядахъ общественныхъ. Онъ, какъ выражался Бѣлинскій, „полюбилъ землю, жилище наше и нашихъ потомковъ“. Глубокій гуманистъ и демократъ по своимъ убѣжденіямъ, онъ, съ юношескимъ пыломъ и рвеніемъ, сталъ осуществлять ту программу, которую намѣтилъ Бѣлинскій; онъ сталъ воспитывать въ себѣ и въ другихъ свободную гуманную личность — энергичную и полную иниціативы, и поставилъ своей первой задачей—служеніе духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ той массы обездоленныхъ и непросвѣщенныхъ, съ судьбой которыхъ онъ такъ тѣсно связалъ свою жизнь.

„Этотъ трезвый и практическій идеалистъ, смотрѣвшій на жизнь просто, не терявшійся въ мечтаніяхъ и работавшій упорно на разныхъ, иногда очень скромныхъ, поприщахъ, былъ въ 60-хъ годахъ центральной фигурой въ исторіи русской жизни. Бѣлинскій не дожилъ до того времени, когда этотъ типъ достигъ своего полнаго развитія и выраженія; но Бѣлинскій предугадалъ его, и самъ былъ предвѣстникомъ его появленія... Люди 60-хъ годовъ могли съ полнымъ правомъ назвать Бѣлинскаго своимъ учителемъ, и не въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ его называемъ мы, но въ смыслѣ прямомъ и тѣсномъ. Онъ первый набросалъ ту общественную программу, которую они потомъ проводили въ жизнь; изъ его рукъ получили они ее, и имъ не пришлось вырабатывать свои взгляды и убѣжденія съ такимъ трудомъ, съ такимъ напряженіемъ мысли и нравственнаго чувства, съ какимъ ихъ вырабатывалъ Бѣлинскій. Онъ сберегъ ихъ силы“...

Въ ряду лучшихъ характеристикъ Бѣлинскаго было чтеніе Алексѣя Н. Веселовскаго въ московскомъ Обществѣ любителей русской словесности: „Orlando furioso“. Заглавіе и параллель нѣсколько искусственны, но опредѣленіе личности Бѣлинскаго сдѣлано яркими и исторически вѣрными чертами.

Приводимъ нѣсколько словъ изъ этой горячо и задушевно написанной статьи:

„Дарованія такихъ избранниковъ — не тѣ свойства натуры, не тѣ спеціальные таланты, которыхъ рутина требуетъ отъ литературнаго критика. Мы привыкли къ совсѣмъ инымъ оттѣнкамъ этой профессіи. Безстрастный лѣтописецъ, вносящій въ свой конторскій отчетъ балансъ добра и зла, успѣховъ и неудачъ; хлесткій, „танцующій на фразѣ“ или остротѣ полемистъ, полный тонкаго вкуса и личныхъ усмотрѣній критикъ леметровскаго пошиба, изрекающій приговоры подъ настроеніемъ минуты; эссеистъ, обставляющій писателя и произведеніе картинами ихъ среды и времени; представители научнаго метода,— критикъ-соціологъ, критикъ-натуралистъ и т. д.,— привычныя явленія. Но нигдѣ, ни въ западной литературѣ съ ея Лессингами, Гердерами, Тэнами, Сентъ-Бёвами, Брандесами, ни въ русской, несмотря на дѣятельность трехъ замѣчательныхъ критиковъ пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ, столь близко сходившуюся съ идеями Бѣлинскаго, не повторилось удивительное сліяніе въ одномъ лицѣ великихъ критическихъ способностей не только съ талантомъ публициста, но и съ энергіей общественнаго дѣятеля, достойнаго иной арены, чѣмъ то дряблое общество, которое представлялось ему „младенцемъ въ англійской болѣзни, спеленатымъ въ тискахъ желѣзныхъ“. Вспомните, что̀ говорили о Бѣлинскомъ наиболѣе авторитетные современники, близко его знавшіе. Гончаровъ называетъ его „трибуномъ“, Герценъ — „гладіаторомъ, бойцомъ, проповѣдникомъ“, Кавелинъ— „образцомъ гражданской и политической безупречности“, Тургеневъ указываетъ „на силу и опредѣлительную рѣзкость его политическихъ и соціальныхъ убѣжденій“. Всѣ они сознали, что въ этомъ человѣкѣ, приставленномъ ходомъ обстоятельствъ къ будничной механически-однообразной прозѣ критическихъ отчетовъ и превратившемъ ихъ въ важное орудіе общественнаго воспитанія, таились еще бо̀льшія, быть можетъ, способности двигателя соціальнаго прогресса...

„„Священный огонь“ мечтателя-студента, „неистовыя“ вспышки крайняго эстетика и философа не остыли, но превратились въ воодушевленіе гуманными и освободительными идеями; краснорѣчіе утратило свой вулканическій характеръ, не обдавало слушателя огненными брызгами, не изумляло эксцентрической горячностью, но воспламеняло сердце, вело людей впередъ не только во имя старой, звучавшей общимъ мѣстомъ, но все-же богатой содержаніемъ формулы „добра, правды, красоты и свободы“, но ради опредѣленныхъ способовъ добыванія этихъ благъ для народной массы. Оно воспитало все поколѣніе общественныхъ и литературныхъ дѣятелей слѣдующаго періода русской жизни; оно звучало въ ихъ памяти въ лучшія минуты ихъ само-

стоятельной дѣятельности, какъ завѣтъ дорогого учителя, какъ напоминаніе о посланномъ имъ судьбою великомъ счастьѣ быть сподвижниками его. Если бы вы видѣли, какъ преображалось лицо старика Тургенева, когда рѣчь заходила о Бѣлинскомъ и о невозвратныхъ свѣтлыхъ дняхъ ихъ близости! Какимъ благоговѣніемъ сіяло лицо, какъ увлажнялись глаза въ то время, какъ вереницей проходили воспоминанія, проникнутыя удивленіемъ и благодарностью"!

Другую характеристику и вмѣстѣ краткую біографію далъ В. П. Острогорскій (въ книжкѣ: „В. Г. Бѣлинскій какъ критикъ и педагогъ, заключающей въ себѣ двѣ публичныя лекціи). Въ общихъ очеркахъ, какихъ требуетъ публичная лекція, авторъ далъ наглядное изложеніе дѣятельности Бѣлинскаго и тѣхъ тяжелыхъ условій личныхъ и общественныхъ, въ которыхъ она совершалась. Нѣсколькихъ неточностей изложенія лучше было бы избѣжать. Напримѣръ, говоря о тридцатыхъ годахъ, авторъ упоминаетъ кружокъ Станкевича и замѣчаетъ, что „въ одно время съ нимъ существовалъ еще и другой кружокъ молодежи, почти исключительно богатой, гдѣ всецѣло царилъ Герценъ, авторъ романа „Кто виноватъ?", повѣсти „Сорока воровка", „Доктора Крупова", и т. д.",—но Герценъ былъ ихъ авторомъ только лѣтъ 10—15 спустя. Желательна вообще, а въ книжкахъ для популярнаго чтенія, можетъ быть, въ особенности—исправная корректура; здѣсь она оставляетъ желать многаго: систематически, послѣдователи Шеллинга называются „шелленгисты", систематически пишется „атмосѳера" и т. п.

Раньше наступленія нынѣшней юбилейной литературы напечатанъ былъ очеркъ Н. И. Стороженка: „Бѣлинскій и Шекспиръ" (въ журналѣ „Міръ Божій"). Въ связи съ воспоминаніями о Бѣлинскомъ, С. А. Адріановъ указывалъ состояніе художественныхъ идей, приготовившее Бѣлинскаго (въ прекрасной статьѣ „Наканунѣ Бѣлинскаго", въ „Историческомъ Вѣстникѣ"). Ц. Балталону принадлежитъ, кромѣ упомянутаго труда объ эстетикѣ Бѣлинскаго, совпадающая съ нимъ книжка: „Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго". Авторъ извѣстной книги: „Эпоха великихъ реформъ", присоединилъ къ послѣднему ея изданію историческое воспоминаніе о Бѣлинскомъ, и именно собралъ изъ описываемой имъ эпохи чрезвычайно характерныя свидѣтельства о томъ, какое живительное и возвышающее вліяніе оказалъ Бѣлинскій на дѣятелей непосредственно за нимъ слѣдовавшаго литературнаго періода. Въ числѣ этихъ свидѣтельствъ одно изъ самыхъ любопытныхъ явилось недавно въ письмахъ другого замѣчательнаго лица, И. С. Аксакова: „Много я ѣздилъ по Россіи—писалъ онъ въ 1856, во время своихъ переѣздовъ по Россіи: — имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха... „Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ", говорятъ мнѣ вездѣ

молодые, честные люди въ провинціи... И въ самомъ дѣлѣ.... если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу,—ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго"...

Всѣ газеты, вѣроятно безъ исключенія, отозвались болѣе или менѣе обширными статьями по поводу пятидесятилѣтней годовщины смерти Бѣлинскаго. Онѣ говорили обыкновенно въ одномъ тонѣ высокой оцѣнки его историческаго значенія и его характера; было лишь два-три исключенія. Не останавливаясь на нихъ, укажемъ на сказанное объ этомъ въ „Общественной Хроникѣ" и укажемъ также статью Old Gentleman'a („Новое Время", 31 мая), который далъ уже отзывъ объ одномъ изъ этихъ исключеній, указавъ ихъ нравственную цѣну и степень историческаго пониманія. Отмѣтимъ еще оригинальную статью В. Розанова въ той же газетѣ (26 мая).

Наконецъ, г. Д. Я., въ статьѣ „Бѣлинскій въ русской литературѣ" („Историческій Вѣстникъ", май), далъ весьма обстоятельный обзоръ литературы о Бѣлинскомъ съ 1876 г. до послѣдняго времени.

Всѣмъ этимъ еще не оканчивается участіе учено-литературнаго круга въ историческихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ. Нынѣшней осенью предполагается рядъ чтеній о Бѣлинскомъ въ трехъ ученыхъ обществахъ при Петербургскомъ Университетѣ: Нео-филологическомъ, Философскомъ и Историческомъ.—Т.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алферовъ, А.—Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. Съ портретомъ. М. 1898. 22 стр. Ц. 5 коп.

Арцимовичъ, Анна В.—Задачи и условія народныхъ школъ въ Швеціи. Изъ путевыхъ замѣтокъ о поѣздкѣ на Стокгольмскую выставку 1897 г. Спб. 98. Стр. 23, съ 2 план.

Балталонъ, Ц.—Эстетика В. Г. Бѣлинскаго. Избранныя статьи и отрывки съ вопросами и дополненіями. Изданіе Коммиссіи преподавателей русскаго языка при Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. М. 1898. XV и 262 стр. Ц. 1 р.

Бліохъ, И. С.—Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Т. I, стр. 628. Т. II, стр. 828. Т. III, стр. 521. Т. IV, стр. 686. Т. V. Стр. 634. Т. VI, стр. 426. Прилож. къ т. IV, табл. 285. Спб. 98.

Блоцишевскій, Казиміръ.—Ссуды подъ залогъ хлѣба, какъ средство упроченія нижайшихъ его цѣнъ, покрывающихъ затраты по его производству. Варшава, 1898, 16°. Стр. 16. Ц. 30 к.

Борзаковскій, П.—Краткія біографіи русскихъ писателей. Пособіе для учениковъ Городскихъ по Полож. 1872 г. училищъ. Од. 98. Стр. 90. Ц. 50 к.

Бѣлинскій, В. Г.—Семь статей. Юбилейное изданіе. По подлиннымъ рукописямъ подъ редакціею П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина. Москва, 1898. Стр. 160. Ц. 1 р.

——— Избранныя сочиненія. Съ предисловіемъ и вступительной статьей Н. Котляревскаго. Въ двухъ томахъ. Спб. 98. Стр. 828 и 922. Ц. 2 р. 40 к.

Венгеровъ, С. А.—Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Изданіе Г. В. Юдина. Вып. XXIV. Бочи-Бринкъ. Спб. 1898. Стр. 145—192. Ц. 35 к.

Гациштовъ, Н.—О періодахъ. Пособіе для духовныхъ училищъ. Зарайскъ, 1898. Стр. 32. Ц. 20 к.

Глюкке, Н. Э.—Янъ Кохановскій и его значеніе въ исторіи польской образованности XVI вѣка. Кіевъ, 1898. VI, IV, 296 и 11 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

Гулевичъ, А., ген. шт. подполковникъ.—Война и народное хозяйство. Спб. 98. Стр. 188. Ц. 1 р.

Джемсъ, Вильямъ.—Стоитъ ли жить. Перев. съ англ. Н. Н. С. М. 1898. Стр. 42. Ц. 20 к.

Еврейновъ, А. А.—Систематическій сводъ узаконеній, распоряженій министра финансовъ и разъясненій Правительствующаго Сената. М. 98. Стр. 415. Ц. 2 р.

Захарьинъ (Якунинъ) И. Н.—Хива: „Зимній походъ въ Хиву Перовскаго“ въ 1839 г., и „Первое посольство въ Хиву“ въ 1842 г. Спб. 1898. Стр. 205. Ц. 50 коп.

——— Люди темные. Очерки и разсказы изъ народнаго быта. Спб. 1897. Стр. 399. Ц. 1 р.

Злотчанскій, П.—Сборникъ упражненій и задачъ прямолинейной тригонометріи для среднихъ учебныхъ заведеній. Од. 98. Стр. 122. Ц. 75 к.

Іохельсонъ, В. И.—Очеркъ звѣропромышленности и торговли мѣхами въ Колымскомъ округѣ. Съ 37 рис. (Труды Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отд. III. Т. X: ч. 3). Спб. 98. Стр. 167. Ц. 1 р. 50 коп.

Ивановъ, Ив. Ив. Бѣлинскій. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ и факсимиле. М. 1898. 50 стр. Ц. 10 коп. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“).

——— Національная героиня Франціи Жанна д'Аркъ. Біографическій очеркъ. М. 98. Стр. 108. Ц. 30 к.

Ивановъ, И. С.—Сборникъ статей о нѣкоторыхъ выдающихся событіяхъ въ современной жизни Болгаръ. 1) Болгары русскіе. 2) Болгары княжескіе: Кишинъ. 96. Стр. 225.

Коржуновъ, Н. М.—Сборникъ статей. 1877—1897 гг. Общіе вопросы права. —Исторія права.—Государственное право.—Международное право. Спб. 98. Стр. 567. Ц. 3 р.

Лалаевъ, М.—Юбилейное празднество въ Николаевскомъ кавалерійскомъ Училищѣ, бывшей Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, 9-го мая 1898 г. Спб. 98. Стр. 14.

Ланге, Н., проф. Новоросс. унив.—Учебникъ логики. Удостоенъ малой преміи имени Петра Великаго. Одесса, 1898. 12°. Стр. 237. Ц. 1 р.

Ле-Дантекъ, Ф.—Живое вещество. Перев. съ франц. В. Агаѳонова. М. 98. Стр. 220. Ц. 75 к.

Меньшиковъ, М. О.—Думы о счастьѣ: Семья, Народъ, Природа, Трудъ, Цивилизація, Прогрессъ, Богъ. Спб. 98. Стр. 176. Ц. 1 р.

Мордовцевъ, Д. Л.—Послѣдніе дни Іерусалима. Историческая повѣсть. Спб. 98. Стр. 138. Ц. 75 к.

Пантюховъ, д-ръ И. И.—Къ статистикѣ кавказской патологіи. Тифл. 98. Стр. 140. Ц. 1 р. 50 к.

Познякова, Н. П.—По захолустьямъ. Очерки и разсказы. Спб. 98. Стр. 204. Ц. 75 коп.

Полиновскій, М. Б.—Письма дѣвушекъ. Второе, значит. доп., иллюстрированное изданіе. Одесса, 1898. 16°. Стр. 129. Ц. 40 к.

Поповъ, И. П.—Самоубійство. Этико-психологическій этюдъ. Сергіевъ-Посадъ, моск. губ. 98. Стр. 36. Ц. 25 к.

Протопоповъ, Д.—Финляндія. Спб. 98. Стр. 480. Ц. 3 р. 50 к.

Пругавинъ, А. С.—Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. Спб. 98. Стр. 785. Ц. 3 р. 50 к.

Рачинскій, С. А.—Сельская школа. Сборникъ статей. Изд. 3-е, дополн. Спб. 98. Стр. 371. Ц. 75 к.

Регельсбергеръ, Ф.—Общее ученіе о правѣ. Переводъ И. А. Базанова. Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова. Москва. 1897. Стр. XII+295. Ц. 1 р. 40 к.

Риббингъ, Севедъ, проф. Лундскаго университета.—Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Переводъ д-ра мед. Н. Лейненберга, 4-е изданіе. Одесса, 1898. 8°. Стр. 159. Ц. 1 р.

Ромеръ, Ѳ. Э.—„Сказки и Правда". Повѣсти, разсказы и статьи. М. 98. Стр. 227. Ц. 1 р. 50 к.

——— Стихотворенія. Спб. 98. Стр. 83. Ц. 50 к.

Рузье, Поль де.—Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. Переводъ П. Струве. Спб. 98. Стр. 340. Ц. 1 р. 50 к.

Рущій, Петръ.—Къ оазамъ Сахары и по Италіи. Путевыя впечатлѣнія. Съ 32 видами Африки. Спб. 98. Стр. 201. Ц. 1 р.

Салова, В. В.—Историческій очеркъ петербургскихъ наводненій и предположеній относительно предохраненія низменныхъ частей г. С.-Петербурга отъ затопленія. Спб. 98. Стр. 63. Ц. 50 к.

Сессэ, Эм.—Еврейская философія. Маймонидъ и Спиноза. Перев. съ франц. А. Бернштейнъ, съ 2 портр. Од. 98. Стр. 56. Ц. 30 к.

Симоновъ, д-ръ Л. Н.—Пивовареніе, заводское и домашнее, квасовареніе и медовареніе. Производство солода, хмѣля и дрожжей. Съ 75 рис. въ текстѣ. Спб. 98. Стр. 204. Ц. 3 р. 50 к.

——— Квасовареніе и домашнее пивовареніе. Спб. 98. Стр. 204. Ц. 1 р.

——— Медовареніе заводское и домашнее. Спб. 98. Стр. 119. Ц. 75 к.

——— Сахаро-метрическія таблицы, съ необходимыми объясненіями. Спб. 98. Стр. 26. Ц. 25 к.

Соколовъ, М. Е.—Великорусскія свадебныя пѣсни. Причитанія, записанныя въ Саратовской губерніи. Сарат. 98. Стр. 69. Ц. 60 к.

Соколовъ, С. И.—Казенная продажа питей. Законоположенія и правительственныя распоряженія по казенной продажѣ питей. Спб. 98. Стр. 352 и 205. Ц. 2 р. 50 к.

Тайлоръ, Эд.—Антропологія. Введеніе къ изученію человѣка и цивилизаціи. Перев. съ англ. д-ра И. С. Ивина. Изд. 2-е. Съ 78 рис. въ текстѣ. Спб. 98. Стр. 434. Ц. 2 р.

Уоллесъ, Альфредъ Руссель.—Дарвинизмъ. Изложеніе теоріи естественнаго подбора и нѣкоторыхъ ея приложеній. Переводъ проф. М. А. Меньзбира. Съ

приложеніемъ статьи: Уоллесъ и его научное значеніе. Съ портретами и рисунками въ текстѣ. М. 1898. Стр. XLIV+753. Ц. 3 р.

Филимоновъ, Ф.—Стихотворенія. I. Пѣсни Сибиряка. II. Шутки и пародіи. Спб. 98. Стр. 208. Ц. 1 р.

Флёри, Морисъ, д-ръ.—Лѣнь и ея леченіе. Перев. съ франц. П. Л. М. 98. Стр. 56. Ц. 25 к.

Хрулевъ, С. С.—Нашъ ипотечный кредитъ. Опытъ статистическаго выясненія состоянія землевладѣнія въ зависимости отъ его задолженности. Спб. 98. Стр. 160. Ц. 1 р.

Чичеринъ, Б. Н.—Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Выпускъ I—II. Москва, 1897. 12°. Стр. XII+469 и 433. Ц. за оба вып. 3 р. 50 к.

Шантепи-де-ла-Соссей, Д.—Иллюстрированная исторія религій. Съ нѣм., п. р. В. Н. Линдъ. Вып. III и IV. М. 98. Стр. 161—320.

Шапировъ, Б. М. д-ръ.—Кавказскія бригады Отдѣльнаго Корпуса Пограничной Стражи въ санитарномъ отношеніи. Спб. 98. Стр. 57.

Шахрай, Л.—Исторія Израиля для евр. юношества. Отъ македонскаго владычества до нашего времени. Вып. IV и послѣдній. Одесса, 1898. 8°. Стр. 154. Ц. 60 к.

Шерръ, I.—Всеобщая исторія литературы, въ 2 том. Перев. съ нѣм. П. И. Вейнберга. Т. II. Вып. 25 и послѣдній. М. 98. Стр. 393—612. Съ приложеніями.

Ярышкинъ, Я. И.—Царство зла. Бесѣды о пьянствѣ. Вып. 1. Од. 1898. Стр. 32. Ц. 35 к.

Ячевскій, Л.—О свободномъ золотомъ промыслѣ въ связи съ водвореніемъ этого промысла въ Охотскомъ краѣ. Спб. 98. Стр. 21.

De Larivière, Ch.—De l'enseignement du russe en France et du rôle commercial de la France en Russie. Par. 98. Стр. 32.

Edward, G.—Aus russischen Dichtern (Puschkin und Lermontoff). Uebertragungen in Originalversmassen. Reval. 98. Стр. 51.

— Алфавитъ дачамъ генеральнаго межеванія Александрійскаго у. Изд. Александрійск. Земск. Управы. Стр. 42 Александрія. 1898.

— Возможно ли русско-польское сближеніе? Письма и статьи наблюдателя. Спб. 98. Стр. 165.

— Вѣдомость о начальныхъ училищахъ г. Москвы. Къ 1-му января 1898. М. 98. Стр. 295.

— Выборный Мировой Судъ. Сборникъ статей: Бруна, Джаншіева, Оболенскаго, Окунева и др. Спб. 98. Стр. 104. Ц. 1 р.

— Движеніе населенія въ Александрійскомъ у. Херсонской губ. въ 1886—95 гг. Стр. 46. Изд. Александрійск. Земск. Управы. Александрія. 1898.

— Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1896—97 гг. Ред. А. Е. Молчановъ. Спб. 98. Стр. 448.

— Изъ народовѣдѣнія.—Чтеніе для народа: 1) Афганцы. 2) Голландцы. 3) Греки. 4) Евреи. 5) Индѣйцы. 6) Испано-американцы. 7) Поляки. 8) Румыны. 9) Сіамцы. 10) Финны. 11) Цыганы. 12) Швейцарцы. Спб. 98. Цѣна каждой тетради 5 коп.

— Изъ сочиненій *В. Г. Бѣлинскаго*. Избранныя статьи для семьи и школы подъ редакціей В. П. Острогорскаго, съ предисловіемъ, біографическимъ очеркомъ, портретомъ и факсимилэ (е). Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“. М. 1898. XXXVII и 427 стр. Ц. 1 рубль.

— Лѣтняя колонія для начальныхъ евр. учебныхъ заведеній г. Одессы. Од. 98. Стр. 66.

— Матеріалы для изслѣдованія грунтовыхъ дорогъ Херсонской губерніи. В. 1. Грузовое движеніе. Изд. Херсонской Губ. Земск. Управы. Стр. 134. Херсонъ, 1898.

— Открытое письмо къ графу Л. Н. Толстому. М. 98. Стр. 52.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. В. II. Изд. Мин. Иностран. Дѣлъ. Стр. 100. Спб. 1898.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губерніи. Т. I: Уфимскій уѣздъ. П. р. С. Н. Валецкаго. Уфа, 98. Стр. 778. Ц. 3 р. 25 к.

— Состояніе землевладѣнія въ Александрійскомъ у. Херсонск. губ. въ эпоху генеральнаго межеванія. Стр. X+41. Александрія. 1898. Изд. Александр. Земск. Управы.

— Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земства по сельскому хозяйству по даннымъ 1897 г. Изд. М. З. и Г. И. Стр. 512. Спб. 1898.

— Статистическое обозрѣніе поселковъ изъ безземельныхъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Александрійскаго у. LXXII+135. Александрія. 1898 г. Изданіе Александрійск. Земск. Управы.

— Энциклопедическій Словарь. Изд. Ф. Брокгауза и И. Ефрона, п. р. К. К. Арсеньева и Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго. Т. XXIII, А: Петропавловскій—Поватажное. Спб. 98. Стр. 475—958. Ц. 3 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Arvède Barine. Névrosés (Hoffmann. Quincey. Edgar Poé. G. de Nerval. Paris, 1898. Стр. 362.

Изъ критиковъ, доставляющихъ французскимъ читателямъ свѣдѣнія объ иностранной литературѣ и жизни, Арведъ Баринъ — одинъ изъ самыхъ видныхъ. Писательница, избравшая этотъ псевдонимъ, хорошо знакома главнымъ образомъ съ нѣмецкой литературой, о чемъ свидѣтельствуютъ ея многочисленные газетные и журнальные очерки, касающіеся то быта Германіи прошлаго вѣка, то новѣйшихъ литературныхъ событій „по ту сторону Рейна". Но въ своихъ книгахъ и статьяхъ Арведъ Баринъ не ограничивается Германіей. На ряду съ цѣлымъ рядомъ представителей космополитизма, съ виконтомъ де-Вогюэ, Теодоромъ Вызевой и другими, она поддерживаетъ во Франціи пробудившійся еще сравнительно недавно интересъ къ общеевропейской культурѣ. Кромѣ Германіи, она посвящаетъ историческіе и литературные очерки итальянской и англійской жизни—и всегда справляется со своими сюжетами чисто по-французски, удовлетворяя своихъ читателей изяществомъ изложенія, умѣньемъ обновить и пріукрасить въ сущности мало-оригинальныя мысли и сужденія. Она принадлежитъ къ числу прекрасныхъ популяризаторовъ, и во Франціи чувствуется такая настоятельная потребность въ „просвѣтителяхъ" по части нефранцузской литературы, что писатели, подобные г-жѣ Арведъ Баринъ, находятъ обширный кругъ цѣнителей.

Новая книга Арведъ Баринъ, „Névrosés", имѣетъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ то, что она писала прежде. Это не объективный пересказъ жизни и произведеній иностранныхъ писателей, а оцѣнка нѣсколькихъ избранныхъ авторовъ, уже съ точки зрѣнія понятій, требованій и вкусовъ, которымъ они соотвѣтствуютъ въ наше время. Задача автора „Névrosés" двойная: во-первыхъ — нравоучительная и во-вторыхъ—литературная. Какъ всегда, такое сочетаніе накладываетъ роковую печать на свободу сужденій. Моралистъ мѣшаетъ критику и вѣчно находится съ нимъ въ противорѣчіи,—принужденный часто осуждать то, что дорого эстетическому чувству. И трудно себѣ представить сюжетъ, менѣе поддающійся эстетико-нравоучительному обсуж-

денію, чѣмъ тотъ, который избрала Арведъ Баринъ. Въ „Névrosés“ она поэтому не выходитъ изъ противорѣчій самой себѣ. Она начинаетъ съ того, что указываетъ на возрастающій въ современной литературѣ интересъ къ предметамъ, выходящимъ за предѣлы непосредственной дѣйствительности, къ спящему въ человѣкѣ міру фантазій и грезъ, настроеній, не связанныхъ съ міромъ явленій, ко всему, что окружено тайной и что какъ бы раздвигаетъ узкія границы бытія. Она объясняетъ этотъ новый расцвѣтъ отчасти мистической, отчасти сказочно-фантастической литературы великими завоеваніями науки, которая все болѣе раздвигаетъ границы познаваемаго, такъ что волшебная сказка вчерашняго дня превращается въ трезвый научный фактъ сегодня.

Едва ли это объясненіе справедливо. Только очень простодушная фантазія Жюля Верна и его продолжателей зависитъ отъ научныхъ открытій. Мистицизмъ же болѣе глубокихъ современныхъ поэтовъ и художниковъ касается тайнъ, не входящихъ въ область науки и никогда ею не разрѣшаемыхъ. Мистическая литература и порождаемыя ею фантазіи касаются не міра явленій, доступныхъ знанію, а загадочныхъ отношеній человѣка къ скрытому въ природѣ, къ тому, что было такъ же таинственно для Софокла, какъ и для Эдгара Поэ и для чуткаго поэта нашихъ дней. Разбираемые въ „Névrosés“ фантастическіе разсказы Гофмана, Эдгара Поэ, такъ же, какъ и метафизическія грезы де-Квинси, порождены именно чувствомъ тайны, окружающей человѣка и дающей свободу и просторъ творческому воображенію. Говоря объ этихъ художникахъ и о тѣхъ литературныхъ явленіяхъ, которымъ они соотвѣтствуютъ въ наше время, было бы наивно приводить ихъ въ связь съ изысканіями невропатологіи, телепатіи и т. д., какъ это дѣлаетъ авторъ.

Но, объясняя по своему и, какъ мы видимъ, слишкомъ узко происхожденіе современнаго мистицизма, г-жа Арведъ Баринъ права по существу. Она отмѣчаетъ дѣйствительно характерную черту современности, говоря о мистицизмѣ въ искусствѣ и поэзіи, и указывая на нѣсколькихъ прежнихъ писателей, какъ на непосредственныхъ иниціаторовъ этого нынѣ распространеннаго влеченія къ таинственному въ литературѣ. Переходя къ изученію этихъ писателей, Арведъ Баринъ впадаетъ въ новую ошибку. Мистицизмъ она объясняла научнымъ прогрессомъ, смѣшивая чувство тайны съ трезвымъ нарочитымъ вымысломъ сказочниковъ реалистовъ; созидателей же новаго мистицизма (исходящаго изъ глубинъ невѣрія, въ противоположность средневѣковому мистицизму, порожденному полнотой вѣры) она объясняетъ ихъ физическими слабостями и пороками. Въ книгѣ четыре очерка: Гофманъ, де-Квинси, Эдгаръ Поэ, Жераръ де-Нерваль, — и каждый изъ

очерковъ имѣетъ подзаглавіе: вино,—опіумъ,—алкоголь,—безуміе. Всѣ вмѣстѣ они какъ бы составляютъ исторію одного общаго пагубнаго невроза. Въ каждомъ изъ очерковъ Арведъ Баринъ, опираясь на авторитетъ разныхъ свѣтилъ въ области невропатологіи, рисуетъ физическое паденіе, къ которому ведетъ злоупотребленіе виномъ или наркотическими средствами, и не находитъ достаточно словъ для осужденія несчастныхъ жертвъ своего порока, которыхъ она, впрочемъ, еще болѣе жалѣетъ, чѣмъ осуждаетъ. Вся книга является горячей проповѣдью противъ губительныхъ излишествъ, неминуемо ведущихъ къ неврозу. Эта проповѣдь сама-по-себѣ, конечно, очень убѣдительна, и никто не возьметъ на себя защиту очевидно унизительнаго для человѣческаго достоинства состоянія, когда и воля и разумъ парализованы и силы души направлены на уродство. Но въ книгѣ Арведъ Баринъ проповѣдь трезвости утрачиваетъ силу и служитъ только источникомъ противорѣчій. Нельзя съ одной стороны доказывать пагубность опьянѣнія, а съ другой—приводить примѣръ талантливыхъ, даже геніальныхъ художниковъ, и говорить, что ихъ творчество неразрывно связано съ ихъ неизлечимымъ порокомъ. Одно изъ двухъ: или творчество ихъ велико, несмотря на униженіе жизни, или бываютъ случаи, когда пороки и зло — необходимый элементъ высокаго подъема духа. Можетъ быть, великій художникъ—жертва своего генія; жизнь его превращается для него въ мучительный кошмаръ для того, чтобы, отражаясь въ его творчествѣ, самый кошмаръ претворился въ красоту, отразилъ бы все, что̀ слито въ душѣ человѣка — и величіе, и паденіе. Во всякомъ случаѣ, если жизнь и творчество художника такъ сложны и полны противорѣчій, какъ жизнь Эдгара Поэ и другихъ подобныхъ ему писателей, то трудно или даже невозможно выводить какія-нибудь положительныя нравоучительныя истины изъ ихъ примѣра. Что̀ бы ни разсказывалось въ книгѣ Арведъ Баринъ объ унизительныхъ поступкахъ Эдгара Поэ, о томъ, какъ одурманенный опіумомъ де-Квинси становился все болѣе и болѣе невозможнымъ въ обществѣ, какъ Гофманъ пугалъ всѣхъ своимъ видомъ,—всѣ эти біографическія подробности перестаютъ казаться отвращающимъ примѣромъ, когда самъ же моралистъ видитъ въ нихъ почти необходимое условіе творчества всѣхъ этихъ художниковъ, которые, искусственно отдѣливъ себя отъ обыденной дѣйствительности, обставили свой обособленный міръ видѣній образами великой красоты и отразили въ нихъ недоступныя другимъ настроенія. Читатель выноситъ только убѣжденіе, что если художники эти создали себѣ особенный міръ, и міръ этотъ прекрасенъ, то они подлежатъ только законамъ своего духовнаго міра и неподсудны требованіямъ житейской морали. Въ сущности всякаго рода нравоучительные выводы изъ явленій искусства ошибочны, — и

заблужденіе Арведъ Баринъ заключается въ самомъ замыслѣ ея книги: она разсматриваетъ изучаемыхъ ею художниковъ какъ неврастениковъ и сокрушается объ ихъ болѣзняхъ и порокахъ, высоко ставя въ то же время то, что она считаетъ результатомъ ихъ физическаго паденія, т.-е. ихъ далекое отъ обыденной дѣйствительности творчество. Она злоупотребляетъ біографическими свѣдѣніями, обращая ихъ не на объясненіе произведеній писателя, а на судъ надъ нимъ. Этимъ искажается назначеніе литературной критики, для которой жизнь писателя, помимо ея отношенія къ его творчеству, не можетъ имѣть значенія.

Если исключить изъ „Névrosés“ нравоучительный элементъ и все, что относится къ неудачному, тенденціозному заглавію книги, то останется рядъ интересныхъ, содержательныхъ очерковъ; въ нихъ нѣтъ, правда, большой новизны, но они написаны съ твердостью и даютъ вѣрныя характеристики литературныхъ эпохъ и отдѣльныхъ личностей. Въ статьѣ, посвященной Гофману, Арведъ Баринъ очень удачно опредѣляетъ нѣмецкій романтизмъ: „Въ концѣ прошлаго и началѣ нашего вѣка,—говоритъ она,—нѣмецкій романтизмъ былъ настолько же извѣстной манерой жить и относиться къ жизни, какъ и литературной школой. Молодежь съ увлеченіемъ примыкала къ этому теченію, радуясь освобожденію отъ общественныхъ узъ, такъ какъ романтизмъ обозначалъ въ то время прежде всего мятежъ, походъ противъ общепринятой морали, противъ моды или противъ жизненныхъ устоевъ. Никакой разницы между значительностью объектовъ борьбы не дѣлалось—едва ли даже она замѣчалась. Всѣ исповѣдовали одинъ единственный жизненный принципъ. Все, что мѣшаетъ мужчинѣ или женчинѣ быть „геніальнымъ“, будь то фасонъ шляпы или предразсудокъ брака, одинаково возмутительно и должно быть устранено изъ уваженія къ собственной личности. И оно устранялось“.

Изъ этого „культа геніальности“ вышелъ и Гофманъ, который рѣшилъ еще въ ранней юности, что должно сначала „жить поэтомъ“, а потомъ уже писать. Средствомъ, которое онъ избралъ для воплощенія поэзіи въ жизни, было вино. Онъ не сталъ вульгарнымъ пьяницей, а виртуозомъ, умѣющимъ извлекать изъ различныхъ винъ и смѣшенія ихъ очень разнообразные оттѣнки настроеній. Презирая дѣйствительность, равнодушный еще болѣе, чѣмъ Гёте, къ политикѣ и общественнымъ вопросамъ, Гофманъ проводилъ тревожное для Германіи время наполеоновскихъ войнъ въ непрерывномъ разгулѣ,—пока не измѣнились его матеріальныя обстоятельства. Тогда стремленіе вести поэтическій образъ жизни сдѣлало его богемой, искателемъ приключеній, капельмейстеромъ бродячей театральной труппы, а постоянное взвинчиваніе себя виномъ привело къ галлюцинаціямъ, питавшимъ его природную

склонность ко всему фантастическому. Сама его внѣшность—угловатаго, тонкаго, какъ тѣнь, гномообразнаго существа—дѣлала его приспособленнымъ къ вымыслу небывалыхъ и невозможныхъ приключеній;—самъ онъ казался героемъ какого-нибудь неправдоподобнѣйшаго изъ его собственныхъ разсказовъ, а жизненныя неудачи дополнили его романтическое воспитаніе, породивъ въ немъ основное чувство позднѣйшей, болѣзненной, поры романтизма—иронію. Причины, по которымъ романтизмъ неминуемо долженъ былъ проникнуться ироническимъ отношеніемъ къ жизни, выясняетъ одинъ изъ теоретиковъ романтизма слѣдующимъ образомъ: иронія порождается мучительнымъ контрастомъ между идеей и тѣми преходящими формами, въ которыхъ идея воплощается на землѣ. Совершенное является нашему взору лишь переставая быть совершеннымъ. Оно существуетъ для насъ лишь исчезая, и такимъ образомъ естественно „мистицизмъ порождаетъ иронію, когда опускаетъ взоры на землю".

Жизнь Гофмана, несмотря на всю ея безпорядочность или, на романтическомъ жаргонѣ, „геніальность", нельзя, конечно, назвать поэтичной ни тогда, когда, нуждаясь въ средствахъ, онъ тратилъ свой талантъ на грошовыя музыкальныя рецензіи, жалкія каррикатуры и т. п., ни тогда, когда, достигнувъ славы, онъ все болѣе и болѣе предавался пьянству и умеръ отъ послѣдствій постояннаго опьянѣнія. Но все-таки нельзя считать его порокъ пагубнымъ уже потому, что творчество его питалось ощущеніями, вызванными виномъ. Онъ дожилъ до 46 лѣтъ и написалъ 12 томовъ разсказовъ,—среди которыхъ строгій критикъ его образа жизни насчитываетъ болѣе тридцати „шедевровъ"; это могло бы наполнить самую долголѣтнюю и добропорядочную жизнь. Едва ли поэтому Гофманъ—жертва своего „невроза". Близокъ же онъ намъ не своей неврастеніей, приведшей его къ вину, а тѣмъ, что въ этомъ неврастеникѣ жилъ человѣкъ съ вдохновенной фантазіей. Всѣ созданія его, несмотря на свою фантастичность, кажутся реальными, именно благодаря галлюцинаціямъ Гофмана, тому, что онъ *видѣлъ* ихъ самъ и изображалъ ихъ такими, какъ онѣ представлялись его глазамъ. Гофманъ—поэтъ насколько онъ духовидецъ, и разсказы его чаруютъ отсутствіемъ надуманности. При всемъ своемъ безуміи они кажутся простыми и естественными происшествіями, какъ бы изъ иного, но понятнаго намъ своимъ внутреннимъ значеніемъ міра.

Арведъ Баринъ указываетъ на то, что Гофманъ нашелъ болѣе всего цѣнителей во Франціи. Сентъ-Бёвъ отмѣтилъ тотчасъ же послѣ появленія первыхъ хорошихъ переводовъ Гофмана лучшія его сказки. Онъ превозносилъ Гофмана за то, что онъ открылъ тамъ, гдѣ кончается видимое, на границѣ міра реальнаго, таинственный уголокъ, не замѣченный до него, и въ немъ научилъ насъ видѣть „неожидан-

ную внутреннюю сторону естественныхъ вещей и привычныхъ человѣческихъ судебъ". Чрезвычайно ошибочно полагать, какъ это дѣлаетъ французская писательница, что таинственный міръ, открывавшійся Гофману въ его галлюцинаціяхъ,—тотъ же, въ который ведетъ изученіе патологическихъ явленій. Гофманъ принадлежитъ искусству именно потому, что никакихъ реальныхъ фактовъ за его видѣніями нѣтъ, что это только образы, отражающіе отвлеченныя идеи.

Наиболѣе интересенъ въ книгѣ Арведъ Баринъ — этюдъ о Томасѣ де-Квинси. Въ этомъ блестящемъ англійскомъ писателѣ такъ неразрывно слита исторія его болѣзни, т.-е. злоупотребленія опіумомъ, и его творчество, что, разсказывая въ подробностяхъ постепенное поглощеніе организма де-Квинси убивающимъ его ядомъ, Арведъ Баринъ тѣмъ самымъ знакомитъ съ его произведеніями. Въ де-Квинси нѣтъ той сложности, которая поражаетъ въ Гофманѣ или въ Эдгарѣ Поэ, нѣтъ противорѣчія и вмѣстѣ съ тѣмъ взаимодѣйствія великихъ силъ души и внѣшнихъ стимуловъ воображенія. Де-Квинси—необычайно талантливая, мечтательная натура съ наклонностями къ занятіямъ метафизикой,—и эти природныя данныя получили содержаніе отъ случайно развившейся у него въ юности страсти къ опіуму. Физическое дѣйствіе яда дало толчокъ его умственной работѣ, такъ что все, что онъ писалъ, имѣетъ нѣсколько внѣшній характеръ, открытый полу-медицинскому анализу г-жи Арведъ Баринъ. Она невѣрно истолковала Гофмана, придавая символическимъ образамъ реальный смыслъ, но де-Квинси, съ его маніями, съ его грезами и откровеніями опіофага, выступаетъ очень цѣльно и ярко въ ея очеркѣ, потому что образъ человѣка является здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ и образомъ писателя.

Де-Квинси такъ полно и художественно „разсказалъ себя" въ своей „Исповѣди" (Confessions of an English Opium-Eater), что критику остается только напомнить ее, чтобы воскресить образъ автора. Въ „Исповѣди" де-Квинси говоритъ о своемъ раннемъ сиротствѣ, о неумѣньѣ объяснить своей матери свою внутреннюю жизнь и о бѣгствѣ отъ родныхъ, которые хотѣли сломить его волю и заставить его избрать практическое дѣло въ жизни. Мытарства въ Лондонѣ, годъ нищеты и голода, необходимость скрывать свои страданія, питаніе крошками хлѣба со стола своего случайнаго патрона, мелкаго ходатая по дѣламъ, дружба съ заброшенной, обиженной судьбой дѣвочкой, которая трогательно доставляла ему пищу, разставаніе съ нѣжной подругой на мрачной лондонской улицѣ,—всѣ эти факты пріобрѣтаютъ особую трагическую красоту и значительность въ передачѣ де-Квинси. Самое начало страсти, доставившей де-Квинси величайшія муки, также какъ и высокія радости, было случайное; долгое голоданіе повлекло за собой мучительное желудочное страданіе, отъ котораго де-

Квинси долженъ былъ спасаться опіумомъ. Впослѣдствіи, когда привычка стала неизлечимой, де-Квинси доходилъ до чудовищныхъ пріемовъ яда, до графина чистаго опіума въ день, и если онъ уменьшалъ порціи, то физическія страданія и угнетенность духа становились невыносимыми. Арведъ Баринъ разсказываетъ, основываясь на показаніяхъ друзей и родныхъ де-Квинси, какъ расшатана была воля и память больного въ позднѣйшіе годы жизни. Разсѣянность его стала легендарной: онъ записывалъ свои мысли и писалъ свои сочиненія на клочкахъ бумаги, разбрасывалъ ихъ вокругъ себя, такъ что въ комнатѣ его постоянно сыпался „снѣгъ бумажекъ". Когда же комната настолько засыпана была бумажками, что, не оставалось мѣста для самого сочинителя, онъ запиралъ комнату и переселялся въ другую. У него оказывалось множество квартиръ, о которыхъ онъ самъ забывалъ. Такія же чудачества онъ выказывалъ въ обращеніи съ деньгами, въ неряшливости костюма, въ манерахъ, неспособности приходить куда бы то ни было въ опредѣленное время и еще болѣе уходить, вообще мѣнять мѣстопребываніе. И все-таки, по общему свидѣтельству, де-Квинси былъ обаятельный человѣкъ, и несмотря на всѣ его маніи, всякій стремился залучить его къ себѣ въ домъ, чтобы насладиться его бесѣдой. Странно также, что, несмотря на губительность опіума, де-Квинси дожилъ до 74 лѣтъ и былъ чрезвычайно плодовитымъ писателемъ, занятымъ не только передачей своихъ ощущеній, но и отвлеченными философскими разсужденіями, изученіемъ и полемикой съ Кантомъ и т. д. Долголѣтіе Квинси и многочисленность его трудовъ, свидѣтельствующая о долгой и упорной работѣ, противорѣчатъ намѣренію г-жи Арведъ Баринъ показать на примѣрѣ англійскаго эссеиста пагубность его страсти. Еслибы онъ не сталъ опіофагомъ, жизнь его несомнѣнно протекла бы болѣе свѣтлой, но мы не имѣли бы ни его вдохновенной „Исповѣди", ни „Suspiria de profundis"—гимновъ Скорби, великой благотворной богинѣ, созидательницѣ міровой жизни. Нужно было самому пережить всѣ муки, выпавшія съ дѣтства на долю де-Квинси, испытать живые ужасы галлюцинацій, чтобы воспѣть такъ властно и нѣжно „мадоннъ печали" („our Ladies of Sorrow"), которыхъ онъ насчитываетъ три: Mater Lacrymarum, Mater Tenebrarum и Mater Suspiriorum; всѣ три — покровительницы угнетенныхъ, заброшенныхъ жертвъ судьбы.

Очеркъ г-жи Арведъ Баринъ объ Эдгарѣ Поэ слабѣе другихъ. Къ геніальному американскому поэту трудно подступить со стороны его „невроза", т.-е. пьянства, которому онъ предавался временами, превращаясь изъ аккуратнаго, исполнительнаго въ своихъ дѣлахъ человѣка въ жалкаго бродягу, лгуна и мучителя своихъ близкихъ. Но эта сторона его жизни, конечно, очень печальная, мало связана съ его

творчествомъ. Его юморъ, также какъ и его паѳосъ — чисто духовнаго происхожденія, и онъ не черпалъ содержанія своей поэзіи въ ощущеніяхъ, вызванныхъ виномъ. Въ самыхъ фантастическихъ разсказахъ онъ наиболѣе трезвъ, наиболѣе виртуозъ, способный, по желанію, вызвать то или другое впечатлѣніе и вызывающій его съ необычайнымъ мастерствомъ. Творчество Поэ не безсознательное. Душа его полна мистическихъ настроеній, но, чтобы передать ихъ, онъ пользуется всѣми рессурсами своего холоднаго, остраго, насмѣшливаго ума, создаетъ искусственныя формы, наиболѣе отвѣчающія его намѣреніямъ, и никогда не даетъ стихійнымъ элементамъ творчества выходить изъ-подъ сдерживающей власти разсудка. Поэтому безпорядочная жизнь Эдгара Поэ не можетъ быть исходнымъ пунктомъ для изученія его творчества, и всѣ подробности, которыя сообщаетъ Арвенъ Баринъ о скитаніяхъ и приключеніяхъ Э. Поэ, связанныхъ съ періодами запоя, имѣютъ лишь второстепенный интересъ.

Гораздо интереснѣе и содержательнѣе послѣдній очеркъ въ „Névrosés“—о жизни Жерара де-Нерваля и его безуміи.

II.

Fcrdinand Carez. Auteurs Contemporains. Etudes littéraires. Стр. 331.

Книга Карѣза посвящена Брюнетьеру. Проповѣдникъ догматической критики имѣетъ въ Карезѣ не только почитателя, но и ученика, который воспринялъ вмѣстѣ съ теоретическими взглядами учителя также его литературныя симпатіи и антипатіи. Впрочемъ, о положительныхъ вкусахъ Кареза нельзя судить по „Auteurs Contemporains“. Эта книга написана въ полемическомъ тонѣ и направлена противъ нѣсколькихъ поэтовъ и романистовъ, пользующихся очень громкимъ именемъ, но не сочувствіемъ Кареза, ученика Брюнетьера. Чтобы яснѣе и опредѣленнѣе установить свои литературные взгляды, Карезъ нападаетъ не на безразличныхъ писателей, которыхъ можно упрекать въ отсутствіи таланта, а на безспорно даровитыхъ художниковъ—представителей непризнаваемыхъ имъ литературныхъ школъ. Такого рода полемическій пріемъ—въ сущности очень правильный. Только въ борьбѣ противъ сильнаго противника можно—въ литературѣ, какъ и въ жизни — выяснить нѣчто важное, т.-е. въ данномъ случаѣ идейное несогласіе, и возвысить вопросъ о личныхъ вкусахъ критика до обсужденія отвлеченныхъ эстетическихъ принциповъ.

Противники, съ которыми мѣрится силами Карѣзъ—Верлэнъ, Анатоль Франсъ, Метерлинкъ. Карезъ руководствуется въ сужденіяхъ о

нихъ тремя принципами: католицизмомъ, требованіями здраваго смысла (который во Франціи часто отождествляется съ буржуазнымъ духомъ) и нравственной щепетильностью, т.-е. протестомъ противъ свободнаго обращенія съ такъ-называемыми „щекотливыми“ вопросами морали.

Съ легкой руки Брюнетьера, католицизмъ пріобрѣлъ во Франціи право голоса въ обсужденіи общихъ литературныхъ вопросовъ. Опираясь на его авторитетъ, Карезъ выступаетъ противъ Верлэна и Анатоля Франса за то, что оба они оскорбляютъ чувства благочестиваго католика своими языческими порывами и за то, что они слишкомъ нескромны въ изображеніи страстей. Поля Верлэна авторъ признаетъ значительнымъ поэтомъ, примыкая такимъ образомъ къ установившемуся во Франціи мнѣнію объ авторѣ „Sagesse“. Давно уже прошло время, когда Верлэнъ былъ кружковымъ кумиромъ и причислялся къ „отверженнымъ“—poètes maudits,—внушавшимъ ужасъ среднимъ читателямъ. Лишь недолгое время онъ былъ главой своего рода поэтической секты; потомъ индивидуальныя черты его таланта взяли верхъ надъ всякой тенденціозностью и личность поэта пріобрѣла цѣльность и многосторонность, ставящія его внѣ всякой школы. Эту крупную самобытную личность Карезъ вѣрно опредѣляетъ, показывая въ ней и бездны паденія, и высоты экстаза. Онъ сравниваетъ Верлэна съ его братомъ по духу и таланту, Франциском Виллономъ, поэтомъ XV вѣка. У обоихъ были одинаково грубые инстинкты и пороки, оба вели одинаково невоздержную жизнь и стремились къ самымъ низкимъ наслажденіямъ, безсильные бороться противъ своей плоти. Но оба порочные и погрязшіе въ развратѣ поэта имѣли странно кроткія и нѣжныя души, особую воспріимчивость чувства и грустную задумчивость: оба они знали внезапныя вспышки совѣсти и самую мрачную тоску. Карезъ понимаетъ, что творчество Верлэна сложилось изъ этихъ двухъ противоположныхъ элементовъ его души и что чередованіе религіозныхъ настроеній „Sagesse“ и эротическихъ стихотвореній въ „Parallelement“ и „Chansons pour Elle“ вполнѣ объясняется сложной природой его таланта. Но не ограничиваясь пониманіемъ поэзіи Верлэна, Карезъ, вѣрный принципамъ догматической критики, судитъ ее—и, одобряя тѣ стихотворенія, въ которыхъ проявилось искреннее раскаяніе грѣшника и его возвратъ къ церкви, осуждаетъ другой родъ его поэзіи, даже не входя въ разсмотрѣніе художественной стороны стихотвореній, мелодичности стиха и другихъ несомнѣнныхъ красотъ поэзіи Верлэна.

Вооружаясь строгими требованіями здраваго смысла, или того, что̀ понимается подъ этимъ словомъ въ буржуазной сферѣ, Карезъ дѣлитъ стихотворенія Верлэна на доступныя и на такія, въ которыхъ „разлитъ тревожный, смутный полумракъ“. Къ послѣднимъ онъ причис-

ляетъ все, что̀ есть новаго въ Верлэнѣ, всю тревогу его души, выраженную искусными стихами и неожиданной музыкой звуковъ. Поэзія Верлэна прежде всего чаруетъ особой музыкальностью, тѣмъ, что въ ней разлита своеобразная гармонія; благодаря этому качеству, Верлэнъ, не добивавшійся успѣха, достигъ его, однако, еще при жизни, и въ особенности за тѣ нѣсколько лѣтъ, которыя прошли со времени его смерти. Многое въ немъ возмущало и возмущаетъ привычки и предразсудки общества, но его прозрачный стихъ, иногда наивный, иногда смутный, какъ сонъ, его гибкая и нѣжная „ariette de toutes lyres“ отвоевала себѣ прочное мѣсто въ пантеонѣ французской поэзіи.

Карезъ говоритъ о непонятности нѣкоторыхъ стиховъ Верлэна. Въ этомъ критика уже давно перестала упрекать поэта, который отличался умѣньемъ находить соотвѣтствія между настроеніями и передающими ихъ въ стихахъ звуками, но всегда оставался яснымъ и прозрачнымъ, не выходя изъ предѣловъ классической французской рѣчи, въ противоположность нѣкоторымъ своимъ преемникамъ, которые старались затемнить простой смыслъ словъ своими стилистическими и звуковыми экспериментами. Примѣромъ несправедливыхъ упрековъ Карэза являются его нападки на стихотвореніе „Reversibilités“, которое онъ объявляетъ лишеннымъ всякаго человѣческаго смысла. Говоря такимъ образомъ, онъ, однако, только свидѣтельствуетъ о своемъ неумѣньѣ или, быть можетъ, нежеланіи вдуматься въ настроеніе, изъ котораго стихотвореніе вышло. Его смущаетъ повторяющаяся въ концѣ каждой строфы перестановка нарѣчій — „уже и еще“, „никогда и всегда“. Но въ томъ, что эти слова, выражающія надежду и безнадежность, могутъ совершенно мѣнять свое значеніе для человѣка, смотря по настроенію и условіямъ жизни, въ этомъ—идея тоскливаго, и примиреннаго съ тоской жизни стихотворенія; отсюда и заглавіе его—„Измѣнчивость“. Поэтъ передаетъ впечатлѣнія больного, который изъ своего грустнаго заточенія внимаетъ, среди „огромныхъ бѣлыхъ стѣнъ“, медлительному капанію воды изъ чановъ, какимъ-то далекимъ свисткамъ, смутному звуку вечерняго колокола, вздохамъ и отдаленнымъ рыданіямъ больныхъ или безумныхъ, и въ этой грустной обстановкѣ умираетъ всякая надежда, всякое ожиданіе: вмѣсто будущаго—вѣчно длящееся сегодня (Les Déjàs sont les Encores), безнадежность наставшая навсегда (Les Jamais sont les Toujours). Всякая поэзія настроеній имѣетъ, конечно, свои законы ясности, отличные отъ наглядности геометрическихъ доказательствъ, но художественное чутье дѣлаетъ смыслъ поэтическаго языка открытымъ и прозрачнымъ.

Къ Верлэну, впрочемъ, Карезъ относится сравнительно мягко, примиренный возвратомъ раскаявшагося грѣшника въ лоно церкви и его набожными смиренными пѣснопѣніями. Больше негодованія возбуж-

даетъ въ немъ Анатоль Франсъ, которому онъ не можетъ простить его язычества. Онъ высоко ставитъ художественный талантъ Франса. „Въ нашей странѣ,—говоритъ онъ,—гдѣ такъ много романистовъ и столь значительныхъ, Франсъ несомнѣнно одинъ изъ самыхъ утонченныхъ". Карезъ очень вѣрно подмѣтилъ основную черту таланта Франса—его книжность: „книги,—говоритъ онъ,—для него счастливое убѣжище, куда онъ скрывается отъ шумной толпы и ея криковъ и жалобъ". Онъ любитъ создавать себѣ спокойные, привѣтливые уголки, куда могла бы залетать мечта, и откуда бы ничто не могло спугнуть ее. Онъ полонъ нѣжныхъ экстазовъ, изысканныхъ сновидѣній. Книги помогаютъ ему погружаться въ нихъ. Онъ находитъ большое умственное наслажденіе въ томъ, чтобы упиваться идейной жизнью, которую онъ черпаетъ въ произведеніяхъ ума. Но онъ понимаетъ, до чего съ теченіемъ времени книги возбуждаютъ нервы и парализуютъ волю человѣка, опьяняя его красками и ароматами: „Тѣ, которые читаютъ много книгъ,—пишетъ Франсъ,—подобны курильщикамъ гашиша. Они живутъ во снѣ. Тонкій ядъ пропитываетъ ихъ мозгъ и дѣлаетъ ихъ нечувствительными къ внѣшнему міру; они становятся жертвами призраковъ... Книга—гашишъ западной культуры".

Конечно, это нѣсколько парадоксальное изреченіе Франса имѣетъ въ виду болѣзненно-утонченную культуру Запада и показываетъ, что изощренность эстетическаго чувства стоитъ людямъ нашего времени тяжелыхъ жертвъ, доставляя духовныя страданія, которыя равны наслажденіямъ или даже, быть можетъ, превосходятъ ихъ. Но критикъ, вѣрный католическому взгляду на свѣтскую культуру, понимаетъ ядъ образованности болѣе непосредственно. Онъ считаетъ творчество Франса отравленнымъ любовью къ языческой древности. Онъ ставитъ ему въ упрекъ ново-эпикурейское пониманіе жизни, изложенное въ „Jardin d'Epicure", его скептицизмъ, иронію и презрительную снисходительность къ людямъ, также какъ и его тревожный, пытливый умъ. Онъ не можетъ отрицать обаяніе прозы и поэзіи Франса, именно тамъ, гдѣ онъ касается взаимоотношенія христіанства и язычества, и, конечно, художественныя достоинства Франса заставляютъ критика еще суровѣе относиться къ его вреднымъ не-христіанскимъ книгамъ. Съ нѣкоторымъ содроганіемъ онъ говоритъ объ одномъ изъ раннихъ стихотвореній Франса,—очень выдержанныхъ по формѣ,—гдѣ поэтъ, по поводу постриженія молодой дѣвушки, возмущается противъ религіи, которая укрываетъ въ монастыряхъ самыхъ прекрасныхъ и чистыхъ дѣвушекъ и женщинъ... „Плача о себѣ самомъ я, горестный, увидѣлъ, что ты похитилъ у меня эту женщину, о, прекрасный властелинъ съ терновымъ вѣнкомъ на кудряхъ! Душа твоя была глубокой и голосъ твой нѣженъ. Женщины внимали тебѣ у колодцевъ, женщины покры-

вали благовоніями твои волосы, а потомъ онѣ окружили сіяніемъ твое чело—о, Богъ мудрыхъ и безумныхъ дѣвъ! Такъ сказано. И всегда къ тебѣ будетъ приходить самая прекрасная любовь, которая лишь загорается вблизи насъ. Всякая женщина въ слезахъ—уже твоя супруга; до конца дней наши Магдалины будутъ приносить къ твоимъ ногамъ свою красоту. Христосъ! Она отвергла мою душу ради твоего неба, и сладость устъ ея—въ молитвахъ тебѣ".

Оригинальность этого обращенія, мятежнаго и въ то же время покорнаго, примиряетъ критика съ духомъ этого стихотворенія, но онъ болѣе строгъ къ романамъ Франса, въ особенности къ „Thaïs", гдѣ язычница оказывается болѣе благочестивой и добродѣтельной, чѣмъ отшельникъ Ѳиваиды. Въ другихъ сказкахъ и повѣстяхъ Франса авторъ отмѣчаетъ то, что въ нихъ есть грѣшнаго и страстнаго. Въ сущности Карезъ сильно преувеличиваетъ эту сторону произведеній Франса. Никто не ставитъ такъ высоко чистоту души и невинность, какъ Франсъ, и въ описаніяхъ нѣжныхъ праведниковъ и наивно чистыхъ женскихъ образовъ онъ достигаетъ истинной поэзіи. Въ общемъ оцѣнка произведеній Франса очень страдаетъ отъ католическихъ тенденцій критика. Болѣе удачны этюды о Тёрье и о Дерулэдѣ—болѣе безразличныхъ и менѣе сложныхъ писателяхъ.

III.

Georges Pellissier. Etudes de littérature contemporaine. Paris. 1898. Стр. 362.

Новый сборникъ литературныхъ очерковъ Пелиссье́ отличается свойствомъ довольно рѣдкимъ въ французской критикѣ, когда она обращена на вопросы текущей литературы. Скользя по явленіямъ современности, французскіе писатели слишкомъ часто теряютъ объективную мѣру вещей и придаютъ мимолетнымъ литературнымъ новинкамъ значеніе серьезныхъ литературныхъ явленій. Журнальная критика и рождающіеся изъ нея ежегодно безчисленные сборники очерковъ и статей поражаютъ отсутствіемъ строгаго раздѣленія литературы отъ случайно модныхъ писаній. Конечно, у серьезныхъ авторовъ, какъ Леметръ, Франсъ, Брюнетьеръ, меньше этого шовинистскаго восхваленія и возвеличенія (въ положительную или отрицательную сторону) не стоящихъ того литературныхъ модъ, но у нихъ отсутствуетъ спокойное отношеніе къ важности совершающихся передъ ихъ глазами движеній въ литературѣ. А у средней массы критиковъ, столь многочисленныхъ, благодаря широкому развитію журналистики, возвышенный тонъ господствуетъ съ утомительнымъ однообразіемъ. Вотъ почему производитъ особенно пріятное впечатлѣніе общій трезвый тонъ новыхъ „Etudes" Пелиссье.

Въ прежнихъ своихъ сборникахъ авторъ являлся скорѣе историкомъ, чѣмъ критикомъ. Онъ касался общихъ литературныхъ темъ, изучалъ писателей безспорно значительныхъ и стремился охватить какъ можно полнѣе ихъ дѣятельность, познакомить съ ними безпристрастнымъ, нѣсколько профессорскимъ тономъ. Нѣчто совершенно иное представляютъ его новые Etudes. Въ нихъ онъ болѣе показываетъ себя, свой находчивый умъ, схватывающій смѣшную сторону вещей, умѣнье легкими штрихами нарисовать силуэтъ писателя, и вмѣстѣ съ тѣмъ свои серьезные вкусы, не поддающіеся гипнозу моды. Пелиссье очень твердъ въ своихъ эстетическихъ убѣжденіяхъ; у него даже есть упрямое преклоненіе передъ классическими традиціями. Онъ—носитель культурнаго прошлаго Франціи и не согласенъ обмѣнять его сразу, безъ провѣрки, на ученія новомодныхъ писателей, художниковъ и теоретиковъ. Если въ этой вѣрности традиціямъ и сказывается нѣкоторая узость, то въ ней же, однако, и главное достоинство книги Пелиссье. Цѣльность его собственнаго эстетическаго пониманія побуждаетъ его предъявлять серьезныя требованія къ текущей литературѣ. Онъ разбираетъ произведенія писателей, имѣющихъ успѣхъ, но принимая во вниманіе не породившіе ихъ вкусы общества, не условія времени, а безотносительныя требованія искусства. Разсматривая модныхъ писателей и модныя книги, онъ старается вникнуть въ отвлеченное, идейное ихъ содержаніе. Серьезность требованій обнаруживаетъ большей частью несостоятельность самыхъ широковѣщательныхъ книгъ,—и потому тонъ Пелиссье въ его портретахъ и очеркахъ становится большей частью ироническимъ. Онъ останавливается и на положительныхъ сторонахъ текущей литературы, выдвигаетъ даже малоизвѣстныхъ молодыхъ авторовъ, но главнымъ образомъ онъ стремится установить правильный взглядъ на писателей, громкая извѣстность которыхъ принимается какъ бы на вѣру. Говоря о пафосѣ ихъ произведеній, критикъ незамѣтнымъ образомъ все болѣе проникается иронiей, по мѣрѣ того какъ обнаруживается бездна между модными „maîtres'ами" романа и отчасти драмы и тѣми задачами, которыя они, повидимому, ставятъ себѣ.

Самому рѣзкому разбору подвергаетъ Пелиссье романы Поля Бурже. Этому романисту особенно посчастливилось во Франціи и за ея предѣлами. Онъ не только любимецъ читателей, и въ особенности читательницъ, но и критика относится къ нему съ особой благосклонностью, установивъ за нимъ славу творца психическаго романа и одного изъ пророковъ „модернизма" въ чувствахъ и мысляхъ. Ссылаясь на эти ходячія мнѣнія о Бурже, Пелиссье даетъ въ свою очередь портретъ романиста, показывая, къ чему сводятся широкія намѣренія, съ которыми Бурже выступаетъ въ романахъ. „Выступая въ роли мора-

листа, — говоритъ онъ, — Бурже сталъ добросовѣстно прививать себѣ всѣ болѣзни современной души и заражать ими окружающихъ, съ особымъ удовольствіемъ занимаясь анализомъ больныхъ душъ... Много молодежи, не переварившей порядкомъ школьныхъ учебниковъ по философіи, сочли себя больными „острымъ интеллектуализмомъ“... Интеллектуальный скептицизмъ Бурже всегда соединяется съ мистицизмомъ воображенія. Его духовная индивидуальность двулична, и онъ попеременно является то съ однимъ, то съ другимъ. Уже болѣе десяти лѣтъ онъ безъ усилія балансируетъ между „преступнымъ обаяніемъ отрицанія“ и „лучезарнымъ свѣтомъ глубокой вѣры“. Мистицизмъ отлично уживается въ немъ съ чувственностью. Грѣхи, возбуждающіе въ немъ наибольшее негодованіе, онъ описываетъ съ волненіемъ сочувствія. Онъ снисходителенъ къ своимъ согрѣшившимъ красавицамъ и осуждаетъ ихъ со слезой во взорѣ. Онъ проклинаетъ ихъ изъ чувства долга и вознаграждаетъ себя тѣмъ, что говоритъ о нихъ съ нѣжной лаской“.

Этотъ бѣглый портретъ, указывающій на неустойчивость нравственнаго облика Бурже, не является еще осужденіемъ. Гораздо рѣзче Пелиссье опредѣляетъ степень его таланта и свойства ума въ пространномъ очеркѣ, гдѣ Бурже разсматривается какъ бытописатель свѣтскаго общества, какъ психологъ и какъ моралистъ. Отмѣчая пристрастіе Бурже къ описаніямъ подробностей туалета, обстановки, мелочей жизни, авторъ иронически оправдываетъ его, находя, что праздные герои и героини его романовъ только и отличаются между собой фасонами шляпъ и формой ботинокъ. „Для того, чтобы объяснить увлеченіе какой-нибудь изъ своихъ героинь, Бурже долженъ ввести читателя въ уборную обольстительнаго фата, показать шкафъ съ восемьюдесятью парами ботинокъ и т. д.,—тогда становится понятнымъ, почему молодая женщина забываетъ ради него и мужа, и своего перваго возлюбленнаго“. Но Пелиссье считаетъ, что Бурже не рожденъ быть бытописателемъ свѣтскаго общества; серьезность въ описаніи мелочей, которыя ускользали бы отъ него по своей обыденности, если бы онъ описывалъ ихъ, какъ свою родную стихію; а не какъ наблюдаемое извнѣ зрѣлище—доходитъ у него до смѣшной наивности, а разсужденія объ утонченныхъ оттѣнкахъ чувствъ отзываются педантизмомъ. „У Бурже,—говоритъ Пелиссье,—нѣтъ нужныхъ для свѣтскаго романиста качествъ. Добросовѣстный и тяжеловѣсный, онъ не обладаетъ искусствомъ игры. Въ немъ недостаетъ легкости, ловкости и граціи. То, о чемъ нужно едва дать понять, онъ выкладываетъ съ однообразной многорѣчивостью. Гдѣ нужно скользить, онъ завязаетъ. Онъ не знаетъ ни иронiи, ни шутки. Онъ проницательный наблюдатель, моралистъ, но лишенъ всякаго остроумія. Въ пятнадцати или

двадцати томахъ его романовъ единственныя шутки, которыя можно встрѣтить, это—выраженіе Франсуазы („Mensonges“), говорящей: „en coquelicot“, вмѣсто: „incognito“, и въ „Disciple“ фраза о. Карбоннеля, сказавшаго: „entre quatre et minuit“, вмѣсто: „en catimini“. Психологію романовъ Бурже критикъ справедливо считаетъ монотонной. Бурже не создаетъ людей съ живымъ душевнымъ обликомъ, а разсуждаетъ весьма пространно объ однихъ и тѣхъ же душевныхъ состояніяхъ. По удачному выраженію Пелиссье, это „психологъ на поляхъ книгъ“ (une psychologie marginale). Онъ даетъ психологическіе анализы отдѣльно отъ романа. Большинство его романовъ состоятъ изъ грубаго остова, и къ каждому гвоздю какъ бы прикрѣплена страничка анатомическаго атласа. Онъ накапливаетъ психологическія замѣчанія по поводу каждой мелочи и загромождаетъ текстъ этими разсужденіями, не относящимися ни къ дѣйствію, ни къ развитію характеровъ дѣйствующихъ лицъ.

Что касается психологіи героевъ и героинь Бурже, то Пелиссье считаетъ ихъ кажущуюся сложность наборомъ фразъ. Самую пошлую сентиментальную интригу, гдѣ нѣтъ ничего непонятнаго, Бурже превращаетъ въ „cruelle énigme“, затемняя то, что на самомъ дѣлѣ не интересно и банально. Кромѣ того Бурже освободилъ себя отъ цѣльности характеровъ, при помощи теоріи „множественности человѣческаго я“ (le „moi“ multiple). Одна и та же женщина имѣетъ „душу, жадную къ роскоши“, „душу, требующую любви“ и „душу, нуждающуюся въ уваженіи къ себѣ общества“. Эти три „состоянія души“ нуждаются каждая въ соотвѣтствующемъ мужчинѣ и потому у нея мужъ и двое возлюбленныхъ („Mensonges“). Эту сложную героиню съ тремя душами одно изъ второстепенныхъ лицъ романа опредѣляетъ самымъ простымъ образомъ въ двухъ словахъ: „это—жалкій звѣрокъ, послушный своимъ инстинктамъ“. Конечно, это самое вѣрное опредѣленіе, и оно убиваетъ замысловато-пустыя психологическія разсужденія (le fatras psychologique) автора. То, что въ длинномъ романѣ трактуется какъ непонятная, сложная тайна души, разрѣшается въ концѣ въ двухъ словахъ. Весь „модернизмъ“, вся изысканность нервной натуры, всѣ „изгибы настроеній“—сводятся къ вѣчному противорѣчію тѣла и души, къ сочетанію ангела и звѣря въ человѣкѣ. „Я не ставлю въ упрекъ Бурже,—говоритъ Пелиссье,—то, что онъ разрабатываетъ все эту одну вѣчную тему; но дѣло въ томъ, что онъ разнообразитъ ее только пустыми осложненіями и схоластической фразеологіей“. Пелиссье ставитъ Бурже-психолога ниже Бурже-моралиста. Онъ видитъ въ немъ интересъ къ вопросамъ совѣсти, и это конечно—несомнѣнная заслуга романиста. „Disciple—“неудачная вещь по своему основному положенію, но самый замыселъ доказываетъ

серьезное отношеніе къ существеннымъ вопросамъ жизни. Въ остальномъ мораль Бурже слишкомъ свѣтская, чтобы нравиться его критику. Онъ слишкомъ снисходителенъ къ своимъ изящно-одѣтымъ героинямъ, которымъ онъ всегда прощаетъ измѣну мужу; онъ сокрушается объ ихъ грѣхахъ лишь начиная со второго возлюбленнаго,—первый ставится какъ-то даже въ заслугу.

Пелиссье заканчиваетъ свой очеркъ рѣзкими заключеніями о талантѣ и умѣ романиста, котораго иногда сравниваетъ даже съ Жоржемъ Онэ. Такое осужденіе моднаго романиста даетъ тонъ всей книгѣ Пелиссье. Онъ нападаетъ, въ очеркѣ „Littérature Dialoguée“, на манеру другихъ модныхъ разсказчиковъ и новеллистовъ — рисовать пустую свѣтскую жизнь въ сценахъ и діалогахъ, написанныхъ телеграфнымъ стилемъ,—и одинаково осуждаетъ и авторовъ этихъ ненужныхъ для литературы книгъ (Жипа, Лаведана и др.), и общество, которое любитъ и дорого оплачиваетъ эти каррикатуры. Онъ отмѣчаетъ паденіе интереса къ чтенію, замѣну книги газетой, которую пробѣгаютъ въ вагонѣ, или передъ сномъ, или „на велосипедѣ“.

Возмущаясь противъ избытка „модности“, Пелиссье останавливается съ любовью на писателяхъ, стоящихъ поодаль отъ общей погони за новизной. Очень обстоятельный, интересный очеркъ въ его книгѣ посвященъ Фердинанду Фабру, сравнительно мало извѣстному талантливому романисту, изображающему нравы французскаго духовенства. Пелиссье выдвигаетъ общечеловѣческій интересъ „Abbé Tigrone“ и другихъ романовъ Фабра, и указываетъ на то, что въ нихъ есть прочно литературнаго, что останется на ряду съ романами Жоржъ Зандъ, когда многіе изъ нынѣ модныхъ романистовъ будутъ забыты. Эстонье (Estaunié), авторъ „Empreinte“, тоже сравнительно мало извѣстный. выдвигается Пелиссье за его серьезное талантливое изображеніе религіозныхъ кризисовъ въ молодой душѣ. Изъ другихъ молодыхъ поэтовъ онъ отмѣчаетъ Андрэ Беллессора (Bellessort), Грега,—т.-е. тѣхъ, кто умѣетъ соединять оригинальность и талантъ съ простымъ и твердымъ исканіемъ правды, а не новизны, съ серьезностью и вѣрностью традиціямъ національной культуры.

Пелиссье—представитель если не академическаго, то во всякомъ случаѣ строго-традиціоннаго, классическаго пониманія искусства. Но его открытый умъ и острое критическое чутье дѣлаютъ его способнымъ понимать и цѣнить новизну, насколько она не противорѣчитъ требованіямъ эстетики. Во всякомъ случаѣ его критика „модной“ литературы въ высшей степени убѣдительна и интересна.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1898.

Нѣмецкая книга о политикѣ и значеніе ея для русскаго общества.—Какъ понимаютъ свободу печати нѣмецкіе и русскіе публицисты.—Отголоски чествованія Бѣлинскаго.—Попытка вытѣснить Бѣлинскаго изъ „литературы“ въ „публицистику“ и провозгласить его „родоначальникомъ легкомысленной интеллигенціи“.

Тридцать четыре года тому назадъ намъ довелось прослушать въ бонискомъ университетѣ курсъ „политики“, читанный извѣстнымъ историкомъ Зибелемъ. Онъ поразилъ насъ своею оригинальностью—не оригинальностью взглядовъ, въ которыхъ было, наоборотъ, много рутиннаго, но оригинальностью постановки и обстановки. Профессоръ философскаго (или, точнѣе, историко-филологическаго) факультета [1]) касался, на каждомъ шагу, предметовъ, входящихъ въ сферу государственнаго права; профессоръ говорилъ передъ студентами о вопросахъ, горячо обсуждавшихся, въ то же самое время, въ парламентѣ и прессѣ—и говорилъ, сплошь и рядомъ, въ духѣ прямо противоположномъ тогдашнему настроенію правительства; его слушалъ, сидя среди студентовъ, молодой принцъ Альфредъ, второй сынъ королевы Викторіи (нынѣшній владѣтельный герцогъ Саксенъ-Кобургскій). Никого не приводилъ въ ужасъ, никого даже не удивлялъ тотъ фактъ, что одинъ изъ вождей оппозиціи (это была эпоха „конфликта“ между прусской палатой депутатовъ и Бисмаркомъ, и Зибель былъ выдающимся ораторомъ лѣваго центра) свободно излагаетъ, съ университетской каѳедры, мысли о политикѣ, далеко не ортодоксальныя въ политическомъ отношеніи. До извѣстной степени это объяснялось, быть можетъ, тѣмъ, что кое-что въ курсѣ Зибеля соотвѣтствовало видамъ Бисмарка, не выразившимся еще тогда (въ 1864-65 г.) съ полною опредѣленностью, но уже обрисовавшимся, отчасти, по поводу франкфуртскаго съѣзда государей (1863) и во время шлезвигъ-голштинской войны (1864). Зибель—какъ и молодые ученики его, тогдашніе приватъ-доценты (впослѣдствіи извѣстные профессора) Ноорденъ и Мауренбрехеръ—склонялись на сторону прусской гегемоніи, на сторону союзнаго государства (противополагаемаго союзу государствъ: Bundesstaat—Staatenbund); они не были свободны отъ покло-

[1]) Въ большинствѣ германскихъ университетовъ философскіе факультеты до сихъ поръ обнимаютъ собою всѣ каѳедры, раздѣленныя у насъ между факультетами историко-филологическимъ и физико-математическимъ.

ненія силѣ, незадолго передъ тѣмъ формулированнаго Бисмаркомъ въ словахъ: Macht geht vor Recht. Въ воздухѣ начинали носиться очертанія будущей національ-либеральной партіи; рядомъ съ теченіемъ, не допускавшимъ компромиссовъ и безусловно враждебнымъ Бисмарку, слагалось, мало-по-малу, другое, готовое простить и забыть нарушеніе конституціи, если оно будетъ искуплено внѣшнимъ усиленіемъ государства—и такая готовность слышалась уже довольно ясно въ лекціяхъ Зибеля. И безъ этого элемента, однако, онѣ едва ли встрѣтили бы серьезныя препятствія со стороны прусской учебной администраціи. Академическая свобода пустила глубокіе корни еще въ до-конституціонной Пруссіи; широкое пользованіе ею вошло въ привычки и нравы еще прежде, чѣмъ было освящено основнымъ закономъ. Въ непосредственной связи съ нею нашла мѣсто, между предметами преподаванія, и „политика", какъ наука о цѣляхъ, къ которымъ стремится государство, и о средствахъ къ достиженію этихъ цѣлей. Подобная наука знакома, безъ сомнѣнія, не одной Германіи, но, кажется, только здѣсь она завоевала себѣ университетскую каѳедру. Нѣмецкія правительства свыклись съ мыслью, что въ обсужденіи такъ называемыхъ жгучихъ вопросовъ, облеченномъ въ научную форму, нѣтъ и не можетъ быть ничего опаснаго и вреднаго. При конкурренціи между лекторами крайность, если она и встрѣтится, всегда можетъ быть уравновѣшена другою, противоположною, или правильно освѣщена объективнымъ изложеніемъ спорной темы. Знакомясь съ задачами политической жизни не изъ газетъ, не изъ партійныхъ брошюръ, а изъ строго-обдуманныхъ лекцій, проникнутыхъ сознаніемъ той нравственной отвѣтственности, которую принимаетъ на себя учитель юношества, студенты гораздо меньше рискуютъ сбиться съ пути и увлечься первой попавшейся, кое-какъ усвоенной доктриной.

На воспоминанія о лекціяхъ Зибеля насъ навело посмертное изданіе курса политики, читаннаго Трейтшке въ берлинскомъ университетѣ („Politik", Лейпцигъ 1897; покамѣстъ вышелъ только первый томъ, за которымъ скоро послѣдуетъ еще одинъ). Безспорно даровитый историкъ, но весьма односторонній мыслитель, человѣкъ партіи до мозга костей, Трейтшке менѣе всего былъ способенъ говорить о политикѣ съ спокойствіемъ и безпристрастіемъ ученаго. Публицистическій элементъ часто береть у него верхъ надъ научнымъ; лекція становится похожей, мѣстами, то на проповѣдь, то на передовую статью, то на рѣчь, произнесенную съ платформы политическаго митинга. И все-таки его чтенія могли быть полезны для студентовъ, самою рѣзкостью своею, возбуждая въ нихъ самостоятельную мысль, наталкивая на сомнѣнія и на критику. Для насъ онѣ представляютъ интересъ со-

вершенно особаго рода. Какъ и многіе другіе бывшіе національ-либералы, Трейтшке сохранилъ вѣрность только половинѣ своего прежняго девиза: оставаясь націоналистомъ, онъ пересталъ быть либераломъ. По многимъ вопросамъ онъ могъ бы подать руку не только германскимъ консерваторамъ, но и нашимъ реакціонерамъ. Мало того, что онъ стоитъ за смертную казнь: онъ находитъ, что тѣлесное наказаніе и теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ было бы далеко не излишне, а въ отмѣнѣ позорнаго столба видитъ „настоящее несчастье". Распространеніе политическихъ и общественныхъ правъ женщины кажется ему нежелательнымъ и нецѣлесообразнымъ. Побои, нанесенные мужемъ женѣ, могутъ, по его мнѣнію, служить поводомъ къ разводу только для образованной женщины; крестьянка должна переносить ихъ терпѣливо и безропотно, потому что у крестьянъ существуетъ поговорка: „ein guter Einschlag gehört zur Ehe". Онъ настаиваетъ на вѣроисповѣдномъ характерѣ начальной школы (допуская, однако, необходимость смѣшанныхъ школъ въ Познани и западной Пруссіи, для обнѣмеченія поляковъ) и считаетъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, изъ которыхъ нѣкогда набирались учителя народныхъ училищъ, лучшими педагогами, чѣмъ слишкомъ много знающіе и потому склонные къ самомнѣнію воспитанники учительскихъ семинарій. Его взгляды на дворянство, какъ на служебное сословіе по преимуществу, во многомъ напоминаютъ обычныя разсужденія нашей ретроградной прессы; въ такъ называемыхъ „юнкерахъ" (малообразованныхъ и надменныхъ дворянахъ Помераніи и Бранденбурга) онъ видитъ лучшій элементъ нѣмецкаго дворянства. Къ евреямъ онъ относится какъ настоящій антисемитъ, осуждающій только грубыя проявленія національной ненависти. Войну онъ прославляетъ по мѣрѣ силъ, утверждая, что ея „величіе состоитъ именно въ безстрастіи совершаемыхъ въ это время убійствъ". И все-таки между Трейтшке и нашими обскурантами лежитъ цѣлая пропасть. На томъ уровнѣ развитія, котораго достигла Германія, совершенно немыслимымъ становится многое, у насъ встрѣчающееся еще на каждомъ шагу, безспорнымъ—допускаемое у насъ сравнительно немногими. Весьма поучителенъ, съ этой точки зрѣнія, взглядъ Трейтшке на свободу печати. Отрицая теорію прирожденныхъ правъ, а слѣдовательно и прирожденное право на свободу, Трейтшке различаетъ свободу политическую, какъ право гражданина на участіе, въ той или другой степени и формѣ, въ управленіи государствомъ, и свободу личную, какъ совокупность правъ, признаваемыхъ за человѣкомъ въ средѣ новѣйшихъ культурныхъ націй. Къ числу этихъ послѣднихъ правъ онъ относитъ право свободно выражать свои мнѣнія и убѣжденія, принадлежащее человѣку, какъ разумному существу. Отсюда не вытекаетъ еще само собою право „усилять дѣйствіе слова путемъ

печати"; но оно выводится авторомъ изъ характера современнаго государства, „нуждающагося въ публичной критикѣ". Трейтшке вспоминаетъ, по этому поводу, знаменательное рѣшеніе берлинскаго каммергерихта, состоявшееся при Фридрихѣ Вильгельмѣ II, т.-е. въ эпоху полнѣйшаго господства абсолютизма: разсмотрѣвъ сочиненіе, порицавшее дѣйствія короля, каммергерихтъ нашелъ, что признать такое сочиненіе опаснымъ, значило бы допустить оскорбленіе величества; что государство должно принимать мѣры противъ злоупотребленій печатнымъ словомъ, это, въ глазахъ Трейтшке, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но каковы должны быть эти мѣры, предупредительныя или карательныя? Главною предупредительною мѣрой,—говоритъ Трейтшке,—„въ продолженіе многихъ столѣтій была цензура. Она изобрѣтена папами: этимъ все сказано. Цензура—воплощенная тираннія (sie ist tyrannisch durch und durch); ея дѣйствіе въ высшей степени опасно для государства. Долгій опытъ показалъ, что она страшно ожесточаетъ умы (die Cenzur wirkt furchtbar erbitternd)... Подъ ея гнетомъ очень скоро научаются выражать свою мысль обиняками, намеками—а это гораздо бо̀льшій источникъ вреда, чѣмъ прямое, свободное слово. Цензура настолько осуждена фактами, что о возстановленіи ея нельзя и думать". Менѣе рѣзко, но не менѣе рѣшительно, Трейтшке высказывается противъ требованія залоговъ отъ періодическихъ изданій, и противъ экзамена, какъ условія для доступа къ журналистикѣ. Предварительную конфискацію изданія, при самомъ приступѣ къ судебному преслѣдованію, онъ допускаетъ, но думаетъ, что къ ней слѣдуетъ прибѣгать съ большою осмотрительностью. Ему до крайности антипатична анонимность газетныхъ и журнальныхъ статей, но удобный моментъ для установленія обязательной подписи онъ считаетъ упущеннымъ: это нужно было сдѣлать нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда свобода печати была еще въ зародышѣ и писатели были готовы купить ее цѣною личной отвѣтственности за каждое сказанное ими слово. Остаются, затѣмъ, только карательныя мѣры—и Трейтшке находитъ ихъ достаточными, лишь бы только подсудность по дѣламъ печати ничѣмъ не отличалась отъ общей (т.-е. суду присяжныхъ были подвѣдомственны только важнѣйшія преступленія печати), и за редакторами не признавалось право выгораживать авторовъ статей, содержащихъ въ себѣ разглашеніе служебной тайны. А между тѣмъ, о нравственномъ и политическомъ значеніи печати, въ особенности ежедневной, Трейтшке весьма невысокаго мнѣнія: по необходимости легкомысленная и легковѣсная, она ничего не создаетъ, ничему не научаетъ, не залечиваетъ наносимыхъ ею ранъ, ослабляетъ привычку къ серьезному чтенію, понижаетъ уровень общественнаго развитія; за исключеніемъ немногихъ честныхъ и способныхъ людей, журналисты—неудачники другихъ

поприщъ, представители антисоціальнаго элемента („Catilinarische Existenzen", по выраженію Бисмарка). Въ этомъ пессимистическомъ взглядѣ на печать Трейтшке сходится очень близко съ нашими новоявленными врагами свободнаго слова; но тѣмъ поразительнѣе различіе заключеній. У насъ выдвигается на первый планъ контрастъ между овцами и козлищами, т.-е. между писателями благонамѣренными и неблагонамѣренными; первымъ приписывается монополія ума, знаній и честности, послѣднимъ—монополія противоположныхъ качествъ. Трейтшке не говоритъ ничего подобнаго; онъ понимаетъ, что не въ образѣ мыслей—или, лучше сказать, не въ мнѣніяхъ, выставляемыхъ на показъ,—слѣдуетъ искать гарантію добросовѣстности и критерій вреда или пользы. У насъ изъ предпосылокъ, неблагопріятныхъ для печатнаго слова, выводится необходимость обратить его въ привилегію небольшой группы, менѣе всего расположенной къ критикѣ; Трейтшке, наоборотъ, видитъ въ критикѣ главное назначеніе печати, утверждая, что опасны не столько излишества свободной прессы, сколько та глубокая горечь, которая накопляется при вынужденномъ молчаніи. У насъ стараются увѣрить, что отвѣтственность передъ судомъ — вовсе не охрана противъ злоупотребленій печати; Трейтшке не предлагаетъ ничего иного, кромѣ полнаго уравненія преступленій и проступковъ печати со всѣми остальными. Ошибочно было бы думать, что такая разница взглядовъ обусловливается несходствомъ государственныхъ порядковъ Германіи и Россіи. Во многихъ другихъ случаяхъ, какъ мы уже видѣли, это несходство отнюдь не исключаетъ единодушія между Трейтшке и нашими газетными „охранителями"; Трейтшке былъ такъ прямодушенъ и прямолинеенъ, что не затруднился бы высказаться за цензуру, какъ высказался, напримѣръ, за тѣлесное наказаніе и позорный столбъ. Онъ отвергаетъ цензуру и аналогичныя ей мѣры вовсе не потому, что онѣ не соотвѣтствуютъ нѣмецкому политическому строю, а потому, что онѣ представляются, въ его глазахъ, безполезными или вредными. Онъ возражаетъ противъ нихъ, говоря языкомъ юридическимъ, *по существу*, отнюдь не пріурочивая своихъ возраженій къ одному государству или къ одной группѣ государствъ. Конечно на него вліяетъ духъ среды, въ которой и для которой онъ пишетъ,—но вліяетъ въ томъ лишь смыслѣ, что предохраняетъ его отъ слишкомъ грубыхъ заблужденій. У нѣмцевъ, — даже у тѣхъ, которые смотрятъ больше назадъ, чѣмъ впередъ, существуетъ цѣлый рядъ понятій, окончательно сданныхъ въ архивъ (überwundene Standpunkte); нашими газетными и журнальными „охранителями" нѣкоторыя изъ этихъ понятій разсматриваются еще какъ аксіомы, оспаривать которыя можетъ только безумный или дерзновенный... Въ свободѣ личности

какъ и въ свободѣ печати, Трейтшке видитъ не абсолютное право, а принадлежность благоустроеннаго государства. Признавая за полиціей право арестовать подозрительныхъ людей, онъ обставляетъ его двумя гарантіями: обязанностью въ извѣстный срокъ допросить арестованнаго и объявить ему причину ареста—и правомъ привлекать къ отвѣтственности должностныхъ лицъ, виновныхъ въ неправильномъ пользованіи дискреціонной властью. Свободу религіознаго развитія (das Recht einer freien religiösen Entwicklung) Трейтшке относитъ „къ числу тѣхъ основныхъ правъ, въ которыхъ теперь никто не сомнѣвается". Непосредственно изъ этого права вытекаетъ только свобода частныхъ религіозныхъ упражненій (private Andachtsübung)—но косвенно оно приводитъ къ признанію крупныхъ религіозныхъ общинъ, такъ какъ религія предполагаетъ общеніе людей между собою. Нужно ли объяснять, какъ далеко и въ этихъ случаяхъ мнѣнія Трейтшке расходятся съ мнѣніями, распространенными въ извѣстныхъ органахъ нашей печати?..

Приведенными примѣрами значеніе книги Трейтшке для русскаго общества обрисовывается съ достаточною ясностью. Раскрывая громадную разницу между русскими и нѣмецкими „охранителями", она показываетъ этимъ самымъ, какъ далеко отстало наше общественное развитіе, съ какими препятствіями должна бороться наша общественная мысль. Русскихъ „либераловъ" упрекаютъ иногда въ повтореніи задовъ, въ настойчивомъ возвращеніи къ избитымъ темамъ. Но что же дѣлать, если эти темы выдвигаются впередъ самою жизнью, если въ концѣ второй половины столѣтія все еще приходится только мечтать о многомъ, поставленномъ на очередь ея началомъ?.. Во всей книгѣ Трейтшке есть только одна страница, дѣйствующая на русскаго читателя не удручающимъ, а ободряющимъ образомъ: она касается высшаго женскаго образованія. Допуская, что женщина пригодна, быть можетъ, для врачебной дѣятельности, Трейтшке предлагаетъ учредить, „въ небольшомъ, но порядочномъ городѣ (anständige kleine Stadt), маленькое учебное заведеніе для подготовки женщинъ-врачей. Если этотъ опытъ окажется удачнымъ, то можно присоединить къ медицинской школѣ философскій факультетъ для учительницъ. Въ деревняхъ женщины лечить не могутъ, развѣ магнетизмомъ и тому подобными фокусами; дѣятельность женщинъ-врачей ограничилась бы, поэтому, большими городами, и ихъ число осталось бы незначительнымъ". Дальше Трейтшке сожалѣетъ, что лицей Викторіи (высшее женское учебное заведеніе въ Берлинѣ) не получилъ большаго развитія, но объясняетъ это тѣмъ, что „истинно-хорошіе преподаватели въ такихъ школахъ остаются недолго; поступивъ туда по убѣдительной просьбѣ любезныхъ дамъ, они бѣгутъ

оттуда по прошествіи какихъ-нибудь двухъ семестровъ". Любопытно было бы знать, вѣрно ли Трейтшке передаетъ здѣсь факты—и если вѣрно, то отъ чего зависитъ такая громадная разница между русскими и нѣмецкими учащимися женщинами, а также и между учащими обѣихъ націй? У насъ и на бывшихъ женскихъ „врачебныхъ курсахъ, и на высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, и въ вновь открытомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ профессора всегда были и продолжаютъ быть довольны своими слушательницами; они остаются на своихъ каѳедрахъ, бо̀льшею частью, по многу лѣтъ и, уходя, сохраняютъ самое лучшее воспоминаніе о своей дѣятельности. Неужели въ Германіи въ самомъ дѣлѣ наблюдается противоположное явленіе? Это по меньшей мѣрѣ весьма сомнительно: вѣдь Цюрихъ такой же, въ сущности, нѣмецкій городъ, какъ Берлинъ или Лейпцигъ—а занятія женщинъ медициною уже нѣсколько десятилѣтій сряду идутъ тамъ вполнѣ успѣшно. Если онѣ могутъ изучать ее вмѣстѣ съ студентами, то что̀ же могло бы помѣшать процвѣтанію спеціально женскаго медицинскаго факультета? Столь же сомнительно и увѣреніе Трейтшке, что женщины-врачи не найдутъ себѣ мѣста въ нѣмецкихъ деревняхъ. Если консерватизмъ привычекъ, вообще свойственный крестьянамъ, не помѣшалъ имъ такъ быстро оцѣнить дѣятельность женщинъ-врачей у насъ въ Россіи, то трудно повѣрить, что она не найдетъ благопріятной почвы въ Германіи. Соображенія, говорящія въ пользу женщинъ-врачей, особенно при леченіи женскихъ болѣзней—одни и тѣ же для всѣхъ народовъ. Какъ бы то ни было, отрадно думать, что учрежденія, цѣлесообразность которыхъ въ Германіи составляетъ еще предметъ догадокъ и предположеній, у насъ пустили глубокіе корни и болѣе не вызываютъ принципіальныхъ нападеній. И здѣсь, конечно, есть оборотная сторона медали: невольно приходитъ на память пятнадцатилѣтній перерывъ въ существованіи женскихъ врачебныхъ курсовъ—и не отмѣненное до сихъ поръ закрытіе всѣхъ высшихъ женскихъ курсовъ, кромѣ с.-петербургскихъ...

Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до пятидесятилѣтней годовщины смерти Бѣлинскаго въ средѣ „охранительной" печати начались попытки умалить значеніе великаго критика и набросить тѣнь какъ на его заслуги, такъ и въ особенности на благонамѣренность его сторонниковъ. Разсчетъ былъ, повидимому, таковъ: или вовсе помѣшать публичному чествованію памяти Бѣлинскаго, или, по меньшей мѣрѣ, уменьшить его торжественность, ограничить его огласку и выставить его дѣломъ небольшого кружка, а не значительной части русскаго общества. Ни та, ни другая цѣль достигнута не была: Москва, Пе-

тербургъ, Пенза, многіе другіе города заплатили Бѣлинскому долгъ народной признательности, и его имя давно уже не было окружено такимъ блестящимъ ореоломъ, какъ въ настоящую минуту. Начатое празднествами будетъ довершено дешевыми изданіями всѣхъ или избранныхъ сочиненій Бѣлинскаго; они широко распространятся въ такихъ сферахъ, для которыхъ были до сихъ поръ мало доступны. Съ этимъ никакъ не могутъ примириться посмертные враги Бѣлинскаго; тщетно усиливаясь казаться безпристрастными, они все больше и больше раскрываютъ свои истинныя чувства—и вмѣстѣ съ тѣмъ все больше и больше обнаруживается вся безнадежность предпринятаго ими дѣла. Имъ хотѣлось бы, прежде всего, вытѣснить Бѣлинскаго изъ области *литературы* и пріурочить его всецѣло къ *публицистикѣ*, да еще, вдобавокъ, „передовой“ (въ ковычкахъ), т.-е. „вредной“; отсюда оставался бы только одинъ шагъ до наложенія опалы на его сочиненія не въ смыслѣ безусловнаго изъятія ихъ изъ обращенія, а въ смыслѣ подчиненія ихъ разнымъ ограниченіямъ, создавшимъ у насъ, въ послѣднее время, небывалый прежде разрядъ полу-запрещенныхъ книгъ. И дѣйствительно, пока за Бѣлинскимъ признается почетное, видное мѣсто въ исторіи русской словесности, до тѣхъ поръ трудно положить конецъ ссылкамъ на него въ учебныхъ курсахъ, чтенію отрывковъ изъ его статей въ учебныхъ заведеніяхъ: нельзя изгнать его сочиненія не только изъ публичныхъ, но даже изъ гимназическихъ библіотекъ. Другое дѣло, если Бѣлинскій будетъ объявленъ—сначала оффиціозно, а потомъ и оффиціально—*публицистомъ* неблагонадежнаго направленія: тогда достаточно будетъ сдѣлать логическій выводъ изъ этой предпосылки—и имя Бѣлинскаго перестанетъ раздражать нервы его непримиримыхъ противниковъ. Забыто оно, вслѣдствіе этого, не будетъ, для многихъ оно сдѣлается, наоборотъ, еще болѣе дорогимъ,—но оно уйдетъ съ поверхности въ глубину, въ которую не проникаетъ взоръ газетныхъ „добровольцевъ“. И вотъ они пускаютъ въ ходъ всѣ возможные аргументы, чтобы доказать свой невозможный тезисъ. „Въ литературѣ“—говоритъ одинъ изъ нихъ—„вліяніе и мѣсто Бѣлинскаго далеко не таковы, чтобы воздвигнуть пьедесталъ его литературнымъ заслугамъ... Вліяніе его на нашу критику было вредное... Талантливые художники его времени въ большинствѣ случаевъ стояли, по своему развитію, выше Бѣлинскаго и смотрѣли на него очень критически (Тургеневъ, Достоевскій)... Нельзя дать Бѣлинскому сколько-нибудь виднаго мѣста и въ какой-либо другой отрасли русской культуры.—Ничего не можетъ сказать Бѣлинскій ни русскому художнику, ни русскому ученому, ни русскому государственному дѣятелю... Роль его состояла въ одномъ лишь популяризированіи чужихъ идей“. „Пускай бы *передовая публицистика*“—читаемъ мы въ

другой статьѣ той же газеты — „чествовала теперь въ Бѣлинскомъ своего родоначальника: это нисколько не огорчило бы друзей *литературы* (курсивъ въ подлинникѣ). Но Бѣлинскому отводятъ исключительное мѣсто въ *литературѣ* (id.). Такимъ образомъ вопросъ ставится категорически: или мы должны признать за Бѣлинскимъ это мѣсто въ литературѣ и принять всѣ послѣдствія такого признанія, какъ вполнѣ желательныя и законныя, или же, не мирясь съ такими послѣдствіями и отрицая ихъ желательность, *вернуть Бѣлинскаго публицистикѣ, которой и да принадлежитъ онъ всецѣло*". Да, вопросъ поставленъ категорически — но самая его постановка заключаетъ въ себѣ приговоръ надъ тѣми, кто его ставитъ. Забудемъ, на время, что *публицистику* нельзя противополагать *литературѣ*, къ которой она относится какъ часть къ цѣлому; допустимъ, что подъ именемъ литературы наши противники разумѣютъ не что иное, какъ чисто-литературную, исключительно эстетическую критику; допустимъ, наконецъ,—вопреки очевидности,—что публицистъ не можетъ, въ то же самое время, быть и литературнымъ критикомъ. И все-таки останется безспорнымъ, что замыкать Бѣлинскаго „всецѣло" въ публицистику можно только закрывая глаза на цѣлые періоды и на цѣлыя стороны его дѣятельности. Публицистическій элементъ играетъ крупную роль только въ статьяхъ, относящихся къ послѣднему періоду жизни Бѣлинскаго. Что публицистическаго можно найти хотя бы въ первой, по времени, статьѣ Бѣлинскаго — въ знаменитыхъ „Литературныхъ Мечтаніяхъ", составившихъ эпоху въ исторіи русской мысли? Публицистъ ли назвалъ здѣсь литературу „собраніемъ художественно-словесныхъ произведеній, которыя суть плодъ свободнаго вдохновенія и дружныхъ усилій людей, созданныхъ для искусства, дышащихъ для одного его и уничтожающихся внѣ его"? Публицистъ ли провозгласилъ назначеніемъ искусства „воспроизведеніе идеи всеобщей жизни природы"? Что общаго съ публицистикой въ самой задачѣ статьи — показать, что у насъ, въ 1834 г., были писатели, но не было литературы?.. И такихъ статей у Бѣлинскаго много, очень много, не только въ тридцатыхъ, но и въ сороковыхъ годахъ. Ихъ нельзя не знать—ихъ можно только намѣренно игнорировать, стремясь, per fas et nefas, къ предвзятой цѣли. Писателямъ той группы, которая еще недавно возвеличивала свыше мѣры дарованіе Аполлона Майкова, непозволительно упускать изъ виду—или не хотѣть видѣть,—что дарованіе это раньше всего было понято и оцѣнено Бѣлинскимъ, въ статьѣ, написанной въ 1842 г. и столь же далекой отъ „публицистики", какъ далеки отъ нея раннія стихотворенія Майкова. „Стихъ въ поэзіи—то же, что слогъ въ прозѣ, а слогъ—это самъ талантъ, и талантъ необыкновенный": могли ли эти слова быть сказаны писателемъ, который былъ бы

только публицистомъ?.. Возьмемъ, наконецъ, одну изъ предсмертныхъ статей Бѣлинскаго—„Взглядъ на русскую литературу 1847 г.“; припомнимъ, какъ высоко въ ней ставится „Обыкновенная Исторія“, съ какимъ сочувствіемъ авторъ относится къ Гончарову, хотя и признаетъ его только „поэтомъ-художникомъ“, единственнымъ изъ современныхъ ему писателей, „приближающимся къ идеалу чистаго искусства“. И въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, къ которымъ нетрудно было бы присоединить цѣлую массу другихъ, аналогичныхъ, насъ хотятъ увѣрить, что Бѣлинскій былъ *только* публицистомъ! Что онъ былъ „популяризаторомъ чужихъ идей“ въ области философіи — это совершенно вѣрно: но чьи же идеи онъ популяризировалъ въ своихъ критическихъ статьяхъ, опять-таки начиная съ „Литературныхъ Мечтаній“? Кто подсказывалъ ему сужденія о новыхъ литературныхъ произведеніяхъ, большихъ и малыхъ — сужденія, такъ вѣрно отличавшія золото отъ мишуры, такъ мѣтко схватывавшія все характерное въ созрѣвшемъ талантѣ, такъ чутко угадывавшія еще не развившееся дарованіе?... Имѣлъ ли Бѣлинскій вліяніе на современныхъ ему писателей — это вопросъ сложный, на который нельзя отвѣтить въ немногихъ строкахъ; но не отъ разрѣшенія его въ томъ или другомъ смыслѣ зависитъ оцѣнка роли, сыгранной Бѣлинскимъ въ исторіи нашей литературы. Задача критика состоитъ не въ томъ, чтобы воспитывать художниковъ, а въ томъ, чтобы воспитывать общество — и эту задачу Бѣлинскій исполнялъ, какъ никто другой, съ одной стороны—уча понимать и любить Пушкина, Лермонтова, Гоголя и ихъ преемниковъ, съ другой—разрушая незаслуженныя репутаціи (Марлинскій, Кукольникъ, Бенедиктовъ, Брамбеусъ, e tutti quanti), свидѣтельствовавшія о младенчествѣ общественнаго вкуса. Если бы онъ не сдѣлалъ ничего другого, это одно было бы достаточнымъ „пьедесталомъ“ для его памяти и достаточнымъ „оправданіемъ всероссійскаго чествованія“ ея. И нужно отдать справедливость лучшимъ современникамъ Бѣлинскаго: они очень хорошо знали, какимъ сокровищемъ обладаетъ въ его лицѣ русская литература. Утверждать, что они смотрѣли на него *очень критически*, значитъ выдать самому себѣ аттестатъ въ очень большой... смѣлости. Правда, Достоевскій наговорилъ, въ „Дневникѣ писателя“ и особенно въ частной перепискѣ немало оскорбительнаго для Бѣлинскаго: но когда? Когда онъ, послѣ коренного внутренняго перелома, сжегъ многое изъ того, чему прежде поклонялся. Чтобы опредѣлить вліяніе Бѣлинскаго на Достоевскаго, важно знать не то, что̀ думалъ авторъ „Бѣсовъ“, а то, что̀ чувствовалъ авторъ „Бѣдныхъ людей“, въ моментъ появленія этой повѣсти, до суровыхъ сужденій Бѣлинскаго о „Двойникѣ“ и „Хозяйкѣ“. Что касается до Тургенева, то требуется особенное искусство, чтобы усмотрѣть въ его воспоминаніяхъ „очень

критическое отношеніе" къ Бѣлинскому, и только такое отношеніе... Какъ смотрѣлъ на Бѣлинскаго Гончаровъ, это извѣстно всякому по читателю покойнаго романиста; какъ глубоко любилъ его Некрасовъ—объ этомъ громче всего говоритъ вдохновенная страница въ „Медвѣжьей охотѣ".

Отрицая „литературныя заслуги" Бѣлинскаго, представители „охранительной" прессы имѣютъ еще побочную цѣль: нанести ударъ „интеллигенціи" вообще, а „культурнымъ людямъ", шедшимъ, въ данномъ случаѣ, рука объ руку съ „толпою"—въ особенности. „Бѣлинскій,—говорятъ намъ,—былъ истиннымъ духовнымъ родоначальникомъ той легкомысленной, самоувѣренной интеллигенціи, которая, какъ и онъ, не доучившись, не узнавъ глубоко ни науки, ни жизни, относясь съ поверхностнымъ дилеттантизмомъ какъ къ европейскимъ странамъ, такъ и къ собственной родинѣ, не зная ни человѣка вообще, ни русскаго народа, преисполнилась увѣренности, что готова и способна къ великому историческому дѣлу... Вотъ для какого слоя Бѣлинскій есть *историческая личность* (курсивъ въ подлинникѣ). Никто болѣе его не способствовалъ нарожденію этого слоя, никто сильнѣе Бѣлинскаго не ободрялъ, какъ своимъ личнымъ примѣромъ, такъ и своею проповѣдью, всѣхъ такихъ недоучекъ къ рѣшимости судить о томъ, чего не понимаешь, и браться за то, чего не знаешь". Чествованіе Бѣлинскаго—это чествованіе, устроенное безсознательными рабами „передовыхъ" идей во славу своего „первоначальника", бывшаго въ свое время такимъ же „послушнымъ ученикомъ невѣдомой ему толкомъ культуры". Что вся эта аргументація держится на грубой неправдѣ—это мы уже видѣли: рожденный критикъ, развившій свою природную способность неусыпнымъ трудомъ и общеніемъ съ лучшими людьми своего времени, Бѣлинскій отлично *зналъ* свое дѣло и *понималъ* свое призваніе. Не въ самоувѣренности невѣжества или полуобразованія заключается, слѣдовательно, разгадка связи, до сихъ поръ соединяющей съ нимъ значительную часть русскаго общества. Эта связь коренится не въ слабостяхъ интеллигенціи, а напротивъ, въ сильныхъ сторонахъ ея. Она чувствуетъ свою близость къ Бѣлинскому, когда порывается впередъ, сознаетъ свои обязанности передъ народомъ и черпаетъ въ великихъ примѣрахъ прошлаго бодрость для борьбы за болѣе свѣтлое будущее. Такое настроеніе, возвышающее надъ суетой настоящаго дня, приходитъ рѣдко и продолжается, большею частью, недолго; тѣмъ болѣе цѣнны тѣ минуты, когда оно переживается обществомъ—и тѣ имена, благодаря которымъ оно возникаетъ. Въ „Рудинѣ" Лежневъ, разсказывая про свои студенческіе годы, вспоминаетъ о давно умершемъ Покорскомъ, одно имя котораго, коснувшись слуха бывшихъ его товарищей, производитъ такое

впечатлѣніе, какъ будто въ мрачной душной комнатѣ раскупорили склянку съ духами. Думалъ ли Тургеневъ о Бѣлинскомъ, когда писалъ эти строки—не знаемъ; но что онѣ какъ нельзя лучше выражаютъ собою чувство, владѣвшее тысячами или десятками тысячъ людей во время чествованія Бѣлинскаго—въ этомъ для насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

„Культурные люди", которыхъ московская газета выдѣляетъ, на этотъ разъ, изъ среды „интеллигенціи", теперь, какъ и во времена Бѣлинскаго, виновны въ томъ, что „оказались малодушными передъ толпой самоувѣренныхъ недоучекъ"; „вмѣсто того, чтобы, воздавъ Бѣлинскому должное за его—не Богъ знаетъ, впрочемъ, какія заслуги,—указать современнымъ недоучкамъ на истинное поученіе этой неудавшейся жизни, они съумѣли только присоединиться къ толпѣ и въ памяти Бѣлинскаго прославить именно эту толпу". Другими словами, вмѣсто того, чтобы пролить, по примѣру „Московскихъ Вѣдомостей", нѣсколько крокодиловыхъ слезъ надъ талантливымъ, но самоувѣреннымъ „недоучкой", „бравшимся за то, чего не зналъ, и судившимъ о томъ, чего не понималъ", писатели, говорившіе о Бѣлинскомъ въ Москвѣ и Петербургѣ, осмѣлились „имѣть свое собственное сужденіе" и освѣтить Бѣлинскаго не тѣмъ свѣтомъ, который льется на него изъ консервативнаго окошечка. Они могутъ утѣшиться тѣмъ, что находятся въ хорошемъ обществѣ; упрекъ, дѣлаемый имъ, падаетъ вѣдь и на всѣхъ тѣхъ, кто высоко цѣнилъ Бѣлинскаго при жизни—на Станкевича и Герцена, на Кавелина и Грановскаго, на Тургенева и Некрасова, на Боткина и Гончарова. Весьма естественно, что *этому* обществу современные хулители Бѣлинскаго предпочли общество Греча, Булгарина и Бурачка; не даромъ же существуетъ нѣмецкая поговорка: gleich und gleich paart sich gern...

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Правленія Спб. Общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Кіевскаго Университета.

Лѣтомъ 1895 года скончался Николай Христіановичъ Бунге, Предсѣдатель Комитета Министровъ, незабвенный Профессоръ и Ректоръ Кіевскаго Университета. Николай Христіановичъ въ Кіевѣ родился, въ Кіевѣ воспитался, въ стѣнахъ Кіевскаго Университета получилъ высшее образованіе и на каѳедрѣ Кіевскаго Университета создалъ себѣ имя, почетное въ наукѣ, уважаемое всѣми просвѣщенными людьми Россіи.

Немного осталось теперь въ живыхъ его товарищей по Университету, помнящихъ его студенческіе годы; но еще много насъ, Кіевскихъ студентовъ, помнящихъ и неспособныхъ забыть нашего дорогого Профессора, нашего достойнѣйшаго Ректора. Сколько самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній соединяется съ этимъ именемъ: онъ воплощалъ въ себѣ наши лучшія представленія о Профессорѣ и руководителѣ студенческой молодежи.

Не станемъ перечислять всѣхъ заслугъ покойнаго: онѣ достаточно запечатлѣны въ сердцахъ его учениковъ. Скажемъ только, что его нравственный авторитетъ былъ такъ же великъ, какъ и авторитетъ ученаго, а можетъ быть и болѣе того. Вотъ почему во время его продолжительнаго ректорства Кіевскіе студенты не помнятъ серьезныхъ столкновеній съ университетскимъ начальствомъ, не помнятъ студенческихъ злоключеній и въ то же время прекрасно помнятъ, какое серьезное уваженіе къ Университету, этому храму науки, умѣлъ вселить въ насъ Ректоръ нашего университета Н. Х. Бунге.

Его высокія личныя достоинства и только они одни создали ему почетное положеніе въ Университетѣ, въ наукѣ, въ обществѣ и государствѣ. Призванный на высокій постъ Министра Финансовъ, Николай Христіановичъ и въ столицѣ всегда участливо и сердечно относился къ интересамъ родного Кіева, родного ему Кіевскаго Университета, къ бывшимъ Кіевскимъ студентамъ. Онъ былъ старѣйшимъ и щедрѣйшимъ членомъ существующаго издавна въ Петербургѣ Общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Кіевскаго Университета и, умирая, завѣщалъ значительную сумму на нужды этого Общества.

Признательные и всегда глубоко уважавшіе своего Профессора члены Общества порѣшили почтить память достойнѣйшаго и дорогого ихъ сердцу человѣка основаніемъ въ Кіевѣ городской школы его имени, и для этого въ Общемъ Собраніи своемъ 9-го Ноября 1895 г. постановили исходатайствовать чрезъ г-на Министра Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшеніе на открытіе повсемѣстной подписки для сбора пожертвованій среди бывшихъ Кіевскихъ студентовъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему Министра Внутреннихъ Дѣлъ докладу, въ 16-й день января 1897 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на разрѣшеніе Правленію С.-Петербургскаго Общества для пособія бывшимъ воспитанникамъ Императорскаго Университета Св. Владиміра открыть повсемѣстно между бывшими воспитанниками названнаго Университета подписку на образованіе капитала для устройства школы въ Кіевѣ имени покойнаго Предсѣдателя Комитета Министровъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге.

На основаніи такого Высочайшаго разрѣшенія, Правленіе Общества приглашаетъ всѣхъ бывшихъ Кіевскихъ студентовъ къ пожертвованіямъ на устройство городской школы имени Н. Х. Бунге въ г. Кіевѣ. Правленіе питаетъ твердую увѣренность, что этотъ призывъ найдетъ радушный откликъ въ сердцахъ товарищей по Кіевскому Университету, съ воспоминаніями о которомъ такъ ярко выступаетъ имя Николая Христіановича, которое съ любовью и гордостью произноситъ каждый Кіевскій студентъ предъ лицомъ всей Россіи. Нашъ нравственный долгъ, какъ людей, обязанныхъ своимъ высшимъ образованіемъ Кіевскому Университету, создать этому имени достойный его памятникъ въ родномъ ему Кіевѣ. Такимъ памятникомъ можетъ быть вполнѣ благоустроенная городская школа.

Устройство такой школы потребуетъ, конечно, значительнаго капитала, но Правленіе вѣритъ, что усиліями бывшихъ воспитанниковъ Кіевскаго Университета намѣченная задача успѣшно будетъ выполнена, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказано будетъ, насколько образованные русскіе люди умѣютъ цѣнить высокія гражданскія доблести лучшаго изъ своихъ согражданъ.

Пожертвованія могутъ быть доставляемы въ С.-Петербургъ—въ Правленіе Общества вспомоществованія бывшимъ Кіевскимъ студентамъ или передаваемы довѣреннымъ Правленіемъ лицамъ по особымъ сборнымъ листамъ за печатью Правленія и подписями членовъ онаго.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Н. А. Бѣлоголовый. Воспоминанія и дятя статьи. 3-е изданіе. Москва, 1898. Стр. XXXVIII + 560 + X. Ц. 1 р. 50 к.

Необыкновенный успѣхъ этой книги, вышедшей въ сравнительно короткій срокъ тремя изданіями, свидѣтельствуетъ о большихъ и заслуженныхъ симпатіяхъ, которыя оставилъ послѣ себя д-ръ Бѣлоголовый въ значительной части русскаго общества. Симпатичная личность автора обрисовывается весьма живо въ его интересныхъ воспоминаніяхъ о декабристахъ, въ статьяхъ о Некрасовѣ и Тургеневѣ, о Салтыковѣ и Боткинѣ, о графѣ Ларисѣ-Меликовѣ, о встрѣчахъ съ Герценомъ и гр. Львомъ Толстымъ, и въ очеркахъ юношескихъ сибирскихъ впечатлѣній. Многія любопытныя свѣдѣнія и подробности, сообщаемыя авторомъ, бросаютъ свѣтъ на нѣкоторыя характерныя стороны нашей общественной жизни въ дни пережитыя имъ и столь различныя эпохи—Николая I и Александра II. Книга снабжена десятью портретами и біографическими очерками и воспоминаніями Г. А. Джаншіева и В. А. Крылова.

К. Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. Д. Протопопова. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1898. Стр. VIII + 379. Ц. 1 р. 50 к.

Въ сочиненіи Гуго собрано много фактовъ, указывающихъ на благотворные результаты, достигнутые въ области городского хозяйства въ Англіи энергіею и настойчивостью городскихъ управленій въ борьбѣ съ устарѣлыми законодательными и сословными порядками. Хотя историческія условія англійскаго быта имѣютъ очень мало общаго съ нашими, тѣмъ не менѣе очерки Гуго даютъ поучительный матеріалъ для сближеній и выводовъ, которыми могли бы воспользоваться лица, интересующіяся дѣлами городского хозяйства въ Россіи.

И. С. Бліохъ. Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Т. I-V. Стр. 628 + 828 + 521 + 686 + 634. Съ приложеніемъ картъ къ IV тому (285) и книги: Общіе выводы, стр. 426 + XXVII. Спб., 1898.

Обширное изслѣдованіе г. Бліоха обнимаетъ столько различныхъ и сложныхъ вопросовъ, что надо удивляться энергіи автора, рѣшившагося предпринять и довести до конца подобный трудъ, который съ перваго взгляда казался бы непосильнымъ для одного человѣка. Мы имѣемъ здѣсь, во-первыхъ, спеціальные трактаты о техникѣ военнаго дѣла на сушѣ и на морѣ, объемомъ почти въ двѣ тысячи страницъ (первые три тома); во-вторыхъ, обстоятельное изслѣдованіе экономическихъ, финансовыхъ и административныхъ задачъ, связанныхъ съ войною (т. IV), и, наконецъ, обстоятельный обзоръ международнаго права и международной политики, имѣющій съ разсматрѣніемъ важнѣйшихъ вопросовъ, способныхъ послужить поводомъ къ разрыву и войнѣ между культурными націями (т. V). Общее заглавіе сочиненія не вполнѣ соотвѣтствуетъ основной мысли автора, такъ какъ оно указываетъ на „будущую войну", которой въ самомъ тѣсномъ смыслѣ вѣроятно не будетъ и не должно быть съ точки зрѣнія И. С. Бліоха. Существенные выводы и выводы, вытекающіе въ этомъ изслѣдованіи, заслуживаютъ во всякомъ случаѣ внимательнаго обсужденія, и мы надѣемся въ скоромъ времени вкратцѣ ознакомить съ ними читателей.

А. Богдановъ. Краткій курсъ экономической науки. Москва, 1898. Стр. 290. Ц. 2 р.

Въ предисловіи авторъ выражаетъ надежду, что его „работа окажется не лишнею въ нашей, далеко не богатой, литературѣ руководствъ по политической экономіи"; но, къ сожалѣнію, эта надежда совершенно не оправдывается содержаніемъ и характеромъ его работы. Трудно даже понять, для чего и для кого печатаются подобные обрывки мнимо-научныхъ свѣдѣній и опредѣленій, заимствованныхъ изъ общепзвѣстныхъ популярныхъ книгъ, безъ подобія критики, безъ плана и смысла. Между прочимъ, г. Богдановъ, во второмъ отдѣлѣ своей книги, излагаетъ „исторію экономическихъ воззрѣній", въ которой двѣ неполныхъ страницы (280—1) посвящены Прудону, какъ одному изъ „мелко-буржуазныхъ (!) экономистовъ"; авторъ такъ характеризуетъ и уничтожаетъ Прудона (не называя ни одного изъ его сочиненій), что для насъ совершенно ясно, что онъ не только никогда не читалъ, но даже и не видалъ его сочиненій. Правда, и Марксъ ругаетъ Прудона и говоритъ объ его „мѣщанскихъ" идеяхъ, но онъ знаетъ, почему вооетъ съ нимъ; притомъ г. Богдановъ забылъ пословицу: quod licet Jovi, non licet... другимъ.

Финляндія. Подъ редакціей Д. Д. Протопопова. Съ 51 иллюстр. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1898. Стр. 180. Ц. 3 р. 50 к.

Эта чрезвычайно полезная и поучительная книга впервые представляетъ русскому читателю возможность составить себѣ вѣрное понятіе о внутреннемъ состояніи Финляндіи, объ ея общественномъ и экономическомъ бытѣ, объ условіяхъ ея развитія и процвѣтанія, по безспорнымъ фактическимъ даннымъ, собраннымъ въ достаточномъ изобиліи, безъ всякой задней мысли. Отдѣльные очерки, вошедшіе въ этотъ сборникъ, написаны лицами, изучившими страну на мѣстѣ и хорошо знакомыми съ ея жизнью; нѣкоторые изъ авторовъ—финляндцы, и общій тонъ книги—безусловно сочувственный народу, неразрывно связанному съ ними въ государственномъ смыслѣ и съумѣвшему выработать у себя культуру при самыхъ неблагопріятныхъ для нея условіяхъ. Содержаніе книги можетъ также служить отвѣтомъ нѣкоторымъ нашимъ галетнымъ патріотамъ, поставившимъ себѣ почему-то цѣлью вызывать и поддерживать у насъ непріязнь и недовѣріе къ Финляндіи, безъ малѣйшаго къ тому разумнаго повода и основанія.

Эли Берте. Маленькія школьницы пяти частей свѣта. Сочиненіе, одобренное французской академіей. Съ французскаго М. Граштремъ. Съ 104 рисунками. Спб., 1898. Стр. 312. Ц. 2 р.

Въ пяти интересныхъ разсказахъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, маленькія героини различныхъ странъ — гречанка, чернокожа, японка, индуска, мексиканка, негритянка — сами излагаютъ свои дѣтскія впечатлѣнія и приключенія, рисующія семейный бытъ, нравы и обычаи ихъ родныхъ мѣстъ, причемъ параллельно съ описаніемъ необыкновенныхъ происшествій приводятся какъ бы мимоходомъ полезныя географическія и историческія свѣдѣнія. Книга напечатана весьма изящно и снабжена художественно исполненными рисунками.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1898 Г.

(Тридцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;

— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ И. П. Мамонтова, на Кузнец.-Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и въ Конторѣ И. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. Е. П. Распопова, Дерибасовская улица.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Новый-Свѣтъ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если изъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣны адресса* должна быть сообщаемы Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объясненію изъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

RD COLLEGE LIBR
AUG 13 1898

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1898.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1898.

Стр.

I.—СЛАВЯНСКАЯ СПАРТА.—Очерки путешествія по Далмаціи и Черногоріи.—V-VII.—**Евг. Маркова** 445

II.—ВЗЯТКА.—Повѣсть.—Окончаніе. — **Ал. Лугового** 481

III.—ГРИГОРІЙ VII И АВГУСТИНЪ.—Божье царство и теократія. — **В. И. Герье** 511

IV.—ДРУГЪ-КСАНТО.—Разсказъ.—**В. І. Дмитріевой** 546

V.—ПОѢЗДКА КЪ ШАМИЛЮ ВЪ КАЛУГУ ВЪ 1860 ГОДУ. — Изъ записокъ и воспоминаній.—I-VIII.—**И. И. Захарьина** 601

VI.—„МЕНЬШАЯ БРАТІЯ“.—Романъ.—The nether World, by George Gissing.—VIII-XVI.—**А. Б—г.** 641

VII.—ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ.—**Ю. А. Веселовскаго** 697

VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I-VIII.—**А. М. Оедорова** 724

IX.—АНАТОЛЬ ФРАНСЪ.—**Зин. Венгеровой** 731

X.—НА ТОМЪ ЖЕ МѢСТѢ.—Стихотвореніе.—**Вл. С. Соловьева** 762

XI.—ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ ПО УСТРОЙСТВУ ЖИЛИЩЪ ДЛЯ БѢДНЫХЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ.—**М. И. Покровской** 764

XII.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Народная школа въ Финляндіи, въ городѣ и въ деревнѣ.—**И. К. Ирье-Коскинена** 775

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Побѣды и пораженія въ испанско-американской войнѣ.—Важнѣйшіе итоги событій.—Французскія дѣла.—Торжество патріотовъ надъ „дрейфуссарами“ и популярность Бисмарка † 800

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Сборникъ учено-литературнаго Общества при импер. юрьевскомъ университетѣ, т. I.—Журналы дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Царствованіе импер. Елисаветы Петровны. Выпускъ 1-й.—Хива, И. Захарьина (Якунина).—**Д.**—Новыя книги и брошюры 813

XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Henry Berenger, La Conscience Nationale.—Jean Richepin, La Martyre. — Emil Faguet, Drame Ancien. Drame Moderne.—**З. В.** 832

XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Характерныя черты трехъ Городовыхъ Положеній, изданныхъ въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія (1846—1892). — Видоизмѣненія главныхъ началъ, лежащихъ въ ихъ основаніи и опредѣляющихъ: 1) отношеніе городской администраціи къ городскому общественному управленію, и 2) предѣлы избирательнаго права обывателей столицы. — Можетъ ли государственный квартирный налогъ возмѣстить городу ущербъ отъ закрытія, по закону, нѣкоторыхъ источниковъ городскихъ доходовъ? Необходимость, при этомъ, распространенія избирательныхъ правъ на плательщиковъ новаго налога. 852

XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ Правленія Спб. Общества вспомоществованія б. воспитанникамъ Кіевскаго Университета.—II. Отъ Комитета Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ 864

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Иностранные капиталы, ихъ значеніе на экономическое развитіе страны. Часть первая. Теоретическія основанія. Опытъ иностранныхъ государствъ. В. Ф. Брандта. — Поль де-Руссе. Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Струве. Изд. О. Н. Поповой.—С. С. Арнольди. Задача пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. Изд. М. Ковалевскаго.—Аскоттъ Р. Госпъ. Семь мудрыхъ школяровъ. Съ англійскаго М. Граштремъ. Съ 96 рисунками.

XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть 1898 года.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

AUG 29 1898
CAMBRIDGE, MASS.

СЛАВЯНСКАЯ СПАРТА

ОЧЕРКИ

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ДАЛМАЦІИ И ЧЕРНОГОРІИ *).

V.—Нѣгоши и Цетинье.

Зеленый лѣсъ, тѣсно столпившійся у подножія Штировника и Язерскаго Верха, одинъ только оживляетъ сколько-нибудь суровый видъ заоблачной равнины Черногоріи; камни, камни и камни, и ничего другого кругомъ! одна гигантская каменоломня, въ которой сѣрые известковые утесы и осколы навалены другъ на друга, какъ въ дни первобытнаго хаоса. Скудость и безплодіе вездѣ, куда ни обращается взглядъ вашъ.

Даже Наполеонъ I, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, обратилъ вниманіе на этотъ однообразный сѣрый цвѣтъ черногорскихъ горъ и обѣщалъ черногорцамъ „окрасить ихъ сѣрыя скалы въ красный цвѣтъ черногорскою кровью".

„И однако наши горы все такія же сѣрыя, а Наполеона и слѣда тутъ не осталось",—съ патріотическою гордостью прибавляютъ черногорцы.

„Нѣгоши" прячутся среди этой безотрадной каменоломни, въ широкой котловинѣ голыхъ сѣрыхъ скалъ, всего въ получасѣ ѣзди отъ Крстаца.

Когда съѣдешь къ нимъ, они кажутся у самаго подножія Ловчина и Штировника.

Тутъ уже среди моря сухихъ камней попадаются изрѣдка

---

*) См. выше: іюль, стр. 85.

не островки, а скорѣе маленькія лысинки темнокоричневой мягкой, какъ табакъ, земли, окруженныя каменною грядочкою, настоящіе цвѣточные горшки, въ которыхъ однако посѣяна не резеда и не розы, а прозаическая кукуруза и рожь, фасоль и картофель. Эти игрушечные огородики разсѣяны тамъ и сямъ, очевидно, на полянкахъ, въ потѣ лица очищенныхъ отъ камней, которыми почва даже и внутри начинена, какъ пирогъ горохомъ.

Нѣгоши—это цѣлая цѣпь отдѣльно разбросанныхъ хуторковъ, каждый хуторокъ—небольшая кучка домиковъ, грубо сложенныхъ изъ дикаго камня и прикрытыхъ крышами изъ почернѣвшей полугнилой соломы, удоженной ступенчатыми слоями, какъ въ Галиціи и у насъ на Подолѣ. Окна рѣдко увидишь въ этихъ домахъ-сараяхъ, развѣ какое-нибудь маленькое оконце безъ рамы, задвинутое изнутри деревянной ставней. Внутри этихъ бѣдныхъ жилищъ темно, безпріютно, безпорядочно. Потолки и стѣны заросли черною копотью, сѣсть не на чемъ, ѣсть не на чемъ. Зато церквочки-часовни тутъ, какъ въ Греціи—на каждомъ шагу. Въ котловинѣ Нѣгошей я насчиталъ ихъ сразу пять. Онѣ и построены совсѣмъ какъ въ Греціи: продолговатые низенькіе домики съ полукруглымъ выступомъ алтарика сзади, съ вытянутою вверхъ, въ видѣ арочки, стѣнкою передняго фасада; на каменной арочкѣ этой виситъ жалкій маленькій колокольчикъ.

Нѣгоши—старая родина нынѣшняго княжескаго дома Нѣгошей, родина и самого князя Николая.

Божо увѣрялъ насъ, что князь Никола самъ пасъ мальчикомъ по этимъ горамъ козъ и барановъ своего отца Мирко, не помышляя тогда ни о какомъ княженіи. Онъ прыгалъ по скаламъ, какъ серна, и отличался среди родной молодежи смѣлостью, ловкостью и силой.

Домъ князя, повидимому, недавно обновленъ и замѣтно выдѣляется изъ ряда другихъ хижинъ: это уже обыкновенный сельскій домъ помѣщика средней руки, какіе встрѣчаются въ нѣмецкихъ и австрійскихъ деревняхъ, двухъэтажный, подъ красною черепичною крышею; четыре окна его верхняго этажа и два окна нижняго съ зелеными ставнями; кругомъ дворика каменная бѣлая ограда, маленькая четырехугольная башня,—остатокъ боевой старины,—прислонена къ углу дома; новый садикъ изрѣдка насаженныхъ деревьевъ разбивается около дома. Рядомъ съ усадьбою князя—домъ его двоюродной сестры, тоже съ красною крышею и садикомъ... Деревца здѣсь точно также сажаются въ цвѣточные горшки своего рода, въ круглыя блюдца расчищенной

отъ камней земли, обнесенныя ожерельемъ изъ тѣхъ же камней. Но вообще растительности здѣсь очень мало, и она идетъ очевидно очень туго, такъ что не играетъ никакой роли въ унылomъ общемъ пейзажѣ сплошныхъ сѣрыхъ глыбъ, насыпанныхъ другъ на друга и вылѣзающихъ другъ изъ-подъ друга.

Изумительно, чѣмъ и какъ живетъ здѣшній народъ? Чѣмъ и изъ чего платитъ онъ подати своему князю?

Его суровая жизнь по истинѣ поучительна. Нужно много терпѣнія и скромности потребностей, чтобы переносить унылое однообразіе вѣчно окружающихъ его голыхъ скалъ и постоянныя лишенія всего, что краситъ человѣческую жизнь. Нужно особенное умѣнье, чтобы извлекать изъ этихъ безплодныхъ камней источники своей жизни, обходиться, можно сказать, ничѣмъ, да еще щеголять въ яркихъ одеждахъ съ серебромъ и золотомъ, въ драгоцѣнномъ оружіи, безъ котораго черногорецъ стыдится показаться на глаза честнымъ людямъ. По неволѣ придетъ въ голову воспользоваться этими сѣрыми камнями, какъ удобной хищнической засадой, и попытаться добыть ятаганомъ то, чего не даетъ жестокосердая мачиха-природа. Во всякомъ случаѣ эта суровая школа скудости, лишеній, преодолѣванія на каждомъ шагу всевозможныхъ трудностей и препятствій—могучая и въ своемъ родѣ плодотворная школа. Она выковываетъ сильныхъ и стойкихъ мужей, а не нервныхъ и требовательныхъ баловней жизни, какъ та разслабляющая школа, что старается подстилать человѣку соломку вездѣ, гдѣ онъ можетъ и даже не можетъ ушибиться...

Посмотрѣвъ на страну, гдѣ живетъ черногорецъ, не будешь удивляться хладнокровному безстрашію, съ какимъ онъ встрѣчаетъ опасности и самую смерть.

Что терять этимъ людямъ, и что можно отнять у нихъ? Даже сама жизнь, казалось бы, не должна имѣть особенной привлекательности въ подобныхъ безотрадныхъ условіяхъ; а между тѣмъ черногорецъ любитъ свое заоблачное горное гнѣздо, свои скучные сѣрые камни нисколько не меньше, чѣмъ какой-нибудь итальянецъ роскошные берега своихъ голубыхъ заливовъ,—отчаянно бьется за эту скудную родину свою, умираетъ за нее, воспѣваетъ ее въ своихъ пѣсняхъ...

Изъ Нѣгошей намъ особенно хорошо видна старая черногорская „тропа“, что карабкается у подножія Ловчина по опушкѣ густого лѣса на крутую сѣдловину между Ловчиномъ и сосѣднею съ нимъ горою.

Нѣгоши еще не на самомъ перевалѣ. Отъ нихъ мы продолжаемъ лѣзть все выше и выше, и вотъ наконецъ долѣзаемъ до самаго высокаго мѣста, откуда начинается уже спускъ съ горъ на черногорскую сторону. Лошади наши останавливаются отдышаться послѣ долгаго и тяжелаго подъема, а мы съ женою торопимся выйти изъ коляски, чтобы свободнѣе налюбоваться вдругъ открывшейся передъ нами поразительною и своеобразною картиною. Цѣлый міръ сѣрыхъ и голыхъ горныхъ громадъ, сухихъ, безжизненныхъ, будто гигантскія волны взбуровленной ураганомъ застывшей лавы, простирался во всѣ стороны у нашихъ ногъ; тутъ все еще дышетъ тою слѣпою подземною силою, которой дикіе взрывы вспучили, изорвали и всячески изуродовали хлынувшими изъ черныхъ нѣдръ земныхъ потоками расплавленнаго камня свѣтлое лицо земли. Тутъ вся картина горъ кажется проникнутой свѣжими слѣдами вулканической работы: вы видите всюду погасшіе кратеры своего рода, круглыя котловины, глубокія провалья, окруженныя сѣрыми колоссами изгрызенныхъ утесовъ. Словомъ, отсюда сверху—это настоящій Дантовъ адъ, мѣсто скрежета зубовнаго и вѣчной тоски, гораздо болѣе похожее на „юдоль плачевную“, гдѣ долженъ, по вѣрованію евреевъ, произойти страшный судъ,—чѣмъ даже мрачное ущелье кедронскаго ручья, когда-то посѣщенное нами въ Палестинѣ...

Невольно хочется отыскать глазами среди этого хаоса мертвыхъ громадъ дымящуюся поверхность смраднаго „езера геенскаго“, налитаго горящимъ жупеломъ и переполненнаго головами мучающихся грѣшниковъ, какъ это съ потрясающею картинностью умѣетъ изображать на своихъ гравюрахъ талантливый Дорэ...

Но къ успокоенію нашему, вмѣсто „езера геенскаго“ за угловатыми скалами и изорванными конусами голыхъ сѣрыхъ горъ вправо отъ насъ сверкнула далеко на горизонтѣ до краевъ полная голубая чаша Скутарійскаго озера,—„Скадрскаго блата“ черногорцевъ,—словно добрый глазъ свѣтлаго ангела, заглянувшій съ небесныхъ высотъ въ эту юдоль стенаній. Видна намъ и воздушная рамка синерозовыхъ горъ, окружающихъ водную скатерть неизъяснимо-нѣжной лазури, и еще дальше за ними туманные снѣговые хребты Албаніи... Виденъ даже черный паучекъ парохода, разрѣзающій въ эту минуту водную гладь озера. Окрестности кажутся намъ отсюда, съ высоты, приподнятыми къ небу.

Вся Черногорія видна намъ теперь какъ на громадной выпуклой картѣ, прямо въ темя, лежитъ передъ нами какъ жертва,

распростертая у нашихъ ногъ, отъ порубѣжныхъ горъ Дормитора и Кома, за которыми поднимаются уже горы сосѣдней Босніи и Албаніи до Скутарійскаго озера и страны шкипетаровъ. Бѣлопавличи, вонъ Пиперы, вонъ на самомъ глухомъ краю этого глухого края неприступныя страны Кучей и Васоевичей.

Мы наконецъ начинаемъ свой спускъ, извиваясь зигзагами среди котловинъ и провальевъ; надъ головами нашими торчатъ будто толпы уродливыхъ истукановъ сѣрые капризно изломанные утесы; можно вообразить себѣ, что это окаменѣлые бѣсы, когда-то населявшіе эту страну безплодія и ужаса. Какой-нибудь страшный геологическій катаклизмъ дѣйствительно долженъ былъ разразиться здѣсь въ до-историческія времена, чтобы такъ изуродовать каждую гору, каждый камень, и придать этой счастливой южной мѣстности видъ проклятой Богомъ страны...

Жутко дѣлается среди этого молчанія и безжизненности. Ни одного жилья ни вблизи, ни вдали. Ни одного прохожаго, ни одного верхового не встрѣчается по дорогѣ. Только кое-гдѣ на днѣ круглыхъ провальевъ, гдѣ темнокоричневая плодоносная земля расчищена какъ гуменный токъ, видишь издали безшумно работающаго черногорца съ своею бабою. Въ этихъ каменныхъ коробкахъ, разсѣянныхъ рѣдкими пятнышками среди наваленныхъ другъ на друга сѣрыхъ известняковъ, зрѣетъ рожь, полегшая отъ обильныхъ дождей, кукуруза, овесъ... За Дубовикою мѣстность дѣлается немного зеленѣе. Изрѣдка даже какой-нибудь тощій лѣсокъ сбѣгаетъ по крутымъ скатамъ въ пропасть; по остаткамъ кустарниковъ и уцѣлѣвшимъ кое-гдѣ чахлымъ деревцамъ можно думать, что голыя горы Черногоріи были когда-нибудь всѣ покрыты лѣсами. Сколько ни ѣдемъ мы, куда ни поворачиваемъ, а бѣлая часовня владыки Радо не перестаетъ свѣтиться намъ съ своей заоблачной вершины, отовсюду видная, будто вооруженное знамя орла-народа, оберегающее его землю. Ловчинъ, одинъ здѣсь сколько-нибудь обросшій курчавою шерстью лѣса, не выпускаетъ насъ изъ своихъ властительныхъ сѣней. Горы, по которымъ мы спускаемся, кажутся только ступенями его, и теперь намъ понятно, почему въ глазахъ черногорца онъ считается своего рода царственной горой Черногоріи...

Цетинская долина также въ сущности распростерта у ногъ

Ловчина. Она открылась намъ съ высоты широкою котловиною, испещренною разноцвѣтными полями хлѣбовъ и красными кровлями своихъ домиковъ: Скадрское озеро видно теперь какъ разъ надъ нею, за узенькимъ хребтомъ горъ. Скоро мы спустились и въ самую долину. Она кругомъ обставлена кольцомъ деревенекъ и хуторковъ, прислонившихся къ окружающимъ ее скаламъ. Вотъ наконецъ и цѣль нашей поѣздки—Цетинье, старая столица черногорскихъ владыкъ.

Цетинье совсѣмъ деревня, хотя и величается столицею княжества. Низенькіе одноэтажные домики, плохо сложенные, плохо смазанные, тянутся вдоль улицъ, соединенныхъ переулочками и составляющихъ весь городъ. Если и попадаются кое-гдѣ двухъэтажные дома, то и они смотрятъ совсѣмъ просто, совсѣмъ по-деревенски. Изъ коляски своей я вижу сразу весь этотъ скромный маленькій городокъ. Въ Сербіи любое село больше его. Лавокъ въ Цетиньѣ очень мало, и то больше съ питьемъ, да съ какою-нибудь мелочью, такъ что почти за всѣмъ приходится посылать въ Каттаро. Въ концѣ большой улицы, совсѣмъ къ выѣзду, построена не очень давно „гостіоница“ для иностранцевъ; черногорцы, конечно, не нуждаются въ гостинницахъ и никогда не пользуются ею, останавливаясь у своихъ друзей и родныхъ. Сейчасъ же за гостинницею и обширный загородный выгонъ, на которомъ замѣтны неудачныя попытки насадить нѣчто въ родѣ публичнаго садика. Весь городъ, стало быть, мы проѣхали насквозь и вдоль, и волей-неволей должны здѣсь остановиться. Комнатъ въ гостинницѣ немного, и тѣ заняты на это время, въ виду наступающаго народнаго и сербскаго княжескаго праздника — Петрова дня, пріѣхавшими по этому случаю иностранными дипломатами, хотя и аккредитованными при черногорскомъ князѣ, но живущими обыкновенно въ Рагузѣ. Намъ отвели послѣднюю свободную комнату, въ которую нельзя было пройти иначе, какъ черезъ сосѣдній нумеръ, занятый какимъ-то господиномъ; какъ горячо ни протестовали мы противъ такого коммунизма, какъ настойчиво на требовали себѣ болѣе приличнаго помѣщенія, хозяинъ съ самою дружелюбною улыбкою разводилъ руками и клялся, что ничего тутъ подѣлать не можетъ, уговаривая насъ вмѣстѣ съ тѣмъ ничуть не стѣсняться сосѣдомъ, который почти и не бываетъ цѣлый день въ своемъ нумерѣ. Выбора намъ не оставалось,—развѣ только дневать и ночевать въ своей колискѣ, которую мы заранѣе кстати наняли на все время нашего пребыванія въ Черной-Горѣ.

Въ столовой, увѣшанной патріотическими картинами изъ сербской и черногорской исторіи, мы нашли цѣлое общество иностранцевъ, въ томъ числѣ и министра-резидента Франціи съ его дамами. Но не успѣли мы кончить свой завтракъ, вообще довольно сносный и сервированный по-европейски, какъ въ столовую вошелъ господинъ въ черногорскомъ костюмѣ, съ совсѣмъ не воинственнымъ добродушнымъ лицомъ, странно не соотвѣтствовавшимъ удалому наряду горца.

Къ удивленію нашему, онъ подошелъ прямо къ нашему столу и съ милою безцеремонностью отрекомендовался намъ. Оказалось, что это былъ нашъ почтенный изслѣдователь и знатокъ Черногоріи и вообще славянства, извѣстный писатель П. А. Ровинскій. Ему писали изъ Петербурга о моемъ намѣреніи посѣтить Черногорію, и онъ былъ такъ добръ, самъ захотѣлъ познакомиться съ земляками, хотя и непремѣнно былъ бы у него въ первый же день своего пріѣзда. Въ Цетиньѣ, какъ въ русскомъ селѣ, пріѣздъ чужестранца составляетъ событіе своего рода, и устный телеграфъ успѣлъ донести вѣсть о немъ до нашего любезнаго соотчича раньше, чѣмъ мы успѣли даже позавтракать. Мы побесѣдовали съ интереснымъ и всезнающимъ гостемъ нашимъ за стаканомъ чернического вина о многомъ, что было необходимо намъ знать, и съ нимъ же вмѣстѣ отправились осматривать Цетинье.

Ровинскій—своего рода знаменитость въ Черногоріи. „Павло Руса“ знаетъ здѣсь каждый мальчишка, и не только здѣсь въ Цетиньѣ, а по всѣмъ нахіямъ, по всѣмъ селамъ Черногоріи, въ которыхъ онъ исходилъ и изъѣздилъ не одинъ разъ каждый уголокъ въ свое восемнадцатилѣтнее пребываніе на Черной-Горѣ. Намъ сообщали о его недавнемъ проѣздѣ въ Цетинье изъ Вѣны или Тріеста, даже въ городахъ Далмаціи, до того онъ вездѣ здѣсь на Поморьѣ, что называется, „свой человѣкъ“. Замѣчательный, можно сказать, классическій трудъ г. Ровинскаго по географіи, исторіи и этнографіи Черногоріи, подобнаго которому не существуетъ ни въ одной европейской литературѣ, высоко цѣнится въ наукѣ, и наша академія издаетъ его теперь на свой счетъ. Этому труду, всестороннему изученію своей возлюбленной Черной-Горы, Ровинскій отдалъ всего себя. Онъ сердечно полюбилъ этотъ простодушный патріархальный народъ, полный первобытной непосредственности чувствъ и страстей, полюбилъ суровую простоту и дѣтскую честность этого народа-младенца, его пустынныя горы, его южное солнце,—и теперь его уже не манитъ отсюда на родину, хотя онъ оставилъ тамъ своихъ дѣтей.

Только два-три раза въ теченіе 18-ти лѣтъ уѣзжалъ онъ въ Россію и прожилъ тамъ каждый разъ по долгу исключительно за тѣмъ, чтобы издавать свой капитальный трудъ. Въ свиданье наше съ нимъ онъ работалъ надъ второю книгою своего труда, теперь уже изданною. Первый томъ былъ изданъ значительно ранѣе. Ровинскій въ Цетиньѣ не только ученый изслѣдователь, не только ревностный славистъ, но мѣстный дѣятель, потому что князь Николай постоянно пользовался его услугами для разныхъ, иногда научныхъ, а также и практическихъ дѣлъ въ княжествѣ. Ранѣе Черногоріи онъ много путешествовалъ по славянскимъ землямъ Европы, былъ у чеховъ, русиновъ, хорватовъ, и хорошо изучилъ ихъ. Славянство—это призваніе сердца его.

Дворецъ князя стоитъ въ широкомъ проулкѣ, что идетъ отъ большой улицы къ древнему цетинскому монастырю. Это домъ уже европейскій, въ родѣ порядочнаго губернаторскаго дома въ нашихъ русскихъ губернскихъ городахъ. Домъ двухъэтажный, съ балкономъ. Около него поставлены по русскому военному обычаю двѣ будки, съ двухъ сторонъ дома, и у каждой расхаживаетъ вооруженный молодецъ-перяникъ. На крылечкѣ постланъ скромный коврикъ и поставленъ стулъ для князя, часто сидящаго у своего порога, по старому обычаю черногорцевъ.

Два старые развѣсистые дуба,—вѣроятно остатки отъ многовѣковаго лѣса, когда-то шумѣвшаго здѣсь своими зелеными шатрами, — стоятъ противъ дворца, и подъ ихъ густою тѣнью, на круглыхъ скамьяхъ, окружающихъ маститые стволы, отдыхаютъ, куря и болтая, свободные отъ караула перяники князя, такіе же молодцы и такіе же красавцы, какъ и тѣ, что прохаживаются подъ окнами дворца.

Подъ этими дубами любитъ сидѣть и самъ князь, разсуждая съ своими воеводами и сердарями о дѣлахъ княжества, а подчасъ и чиня судъ челобитчикамъ.

Дворецъ этотъ новый, выстроенъ по желанію тетки князя, извѣстной „княгини Даринки“, вдовы князя Даніила, перваго, послѣ владыки Петра II-го, свѣтскаго князя Черногоріи, отъ котораго перешло къ князю Николаю княженье надъ Черною-Горою. И Даніилъ, и его княгиня были большіе почитатели Франціи и всего французскаго; Даніилъ особенно гордился дружбою съ императоромъ Наполеономъ III, и по совѣту его отдалъ воспитываться своего племянника въ лицей св. Людовика въ Парижѣ, гдѣ Наполеонъ нарочно учредилъ нѣсколько вакансій

для знатнѣйшихъ юношей Черногоріи. Эта мало естественная дружба черногорца съ французомъ отражалась иногда довольно печально на политикѣ князя Даніила, который, къ сожалѣнію, не всегда твердо слѣдовалъ историческимъ завѣтамъ святопочившаго Петра и своего предшественника Петра II, и придавалъ слишкомъ много цѣны благоволенію западно-европейскихъ державъ. Эта французоманія могла бы отразиться и на воспитаніи князя Николая, еслибы не окрѣпъ въ скорости его политическій умъ и собственный опытъ не направилъ его на единственно-правильный историческій и народный путь — твердаго единенія съ единокровной и единовѣрной Россіей.

Княгиня Даринка, дочь какого-то австрійскаго коммерсанта, вѣрная своимъ французскимъ вкусамъ, не могла жить въ старинной простотѣ и тѣснотѣ черногорскаго быта, и потребовала устройства себѣ дворца на европейскій образецъ, впослѣдствіи же она и совершенно переселилась въ цивилизованную Венецію. Прежній дворецъ, построенный Даніиломъ, цѣлъ до сихъ поръ; онъ тутъ же, черезъ улицу, и занятъ теперь сенатомъ и разными правительственными учрежденіями, а въ нижнихъ этажахъ его помѣщается четырехклассная мужская гимназія и три высшихъ класса для богослововъ и учителей,—нѣчто въ родѣ духовной и учительской семинаріи въ одно и то же время. Этотъ старый дворецъ представляетъ изъ себя цѣлый дворъ, окруженный длинными низенькими корпусами въ два этажа, похожими на какую-нибудь фабрику или солдатскую казарму, но ничѣмъ не напоминающими дворца; при нуждѣ онъ легко можетъ быть обращенъ въ блокгаузъ своего рода, гдѣ засѣвшіе воины преисправно могутъ отстрѣливаться отъ нападающихъ. Вѣроятно, съ этою же цѣлью онъ подкрѣпленъ по угламъ небольшими башнями. Черногорцы очень забавно называютъ это старое жилище своихъ князей — „биліарда“. Князь Даніилъ, въ своихъ стремленіяхъ оевропеиться, выписалъ себѣ, между прочимъ, изъза границы билліардъ, который 50 дюжихъ черногорцевъ должны были съ большими усиліями дотащить на своихъ плечахъ изъ Каттаро въ Цетинье и поставить въ его новый дворецъ. Покупка Даніила произвела на наивныхъ горскихъ пастуховъ такое сильное впечатлѣніе, что они весь домъ своего князя прозвали именемъ этой невиданной ими диковинки—„биліардою“.

Въ концѣ широкаго проулка, который идетъ между новымъ и старымъ дворцами, цѣлое поле, частью уже захваченное подъ молодой княжескій садъ; на этомъ же выгонѣ, влѣво отъ проулка, новенькая княжеская церковь, а въ концѣ выгона, у подножія

скалистыхъ холмовъ, окаймляющихъ Цетинскую долину, и на нижнихъ террасахъ этихъ скалъ древній Цетинскій монастырь,— истинное сердце Черногоріи, та первичная ячейка, вокругъ которой мало-по-малу собралось и кристаллизовалось нынѣшнее Черногорское княжество.

Цетинскій монастырекъ смотритъ маленькой крѣпостцой; его толстыя стѣны и вѣнчающая его, торчащая наверху скалы башенка прежде всего бросаются въ глаза; да и единственная церквочка монастыря также скорѣе напоминаетъ осадную башню, чѣмъ мирный храмъ молитвы. Строенія монастыря съ ихъ маленькими рѣдкими окошечками, тѣсными проходцами, массивными корпусами, совершенно подъ стать этому общему виду укрѣпленнаго замка. Не особенно давно нашъ извѣстный путешественникъ по Черногоріи, Е. П. Ковалевскій, еще видѣлъ на башенкѣ, стоящей надъ монастыремъ, нанизанныя, какъ монисты на нитку, окровавленныя турецкія головы. Наивные юнаки Черной-Горы, можно сказать, на дняхъ еще почитали священною обязанностью христіанина и патріотическимъ долгомъ черногорца украшать свой историческій монастырь драгоцѣннѣйшими трофеями своего геройства—отрубленными головами турецкихъ беевъ и пашей... Я уже говорилъ раньше, что голова извѣстнаго скутарійскаго воеводы, Кара-Махмуда, также торчала въ свое время надъ этимъ христіанскимъ домомъ молитвы...

Также недавно, даже еще въ началѣ 50-хъ годовъ нашего столѣтія, маленькій цетинскій монастырь служилъ единственнымъ мѣстопребываніемъ владыкъ и князей Черногоріи. Владыка-поэтъ Петръ II жилъ всего въ трехъ тѣсныхъ келейкахъ монастыря, изъ которыхъ одна служила ему спальнею и кабинетомъ, другая—библіотекою и третья—столовою и пріемною. Четвертую, примыкавшую къ нимъ, комнатку владыка отводилъ пріѣзжавшимъ къ нему дипломатическимъ агентамъ и другимъ знатнымъ гостямъ. До того были просты и умѣренны привычки черногорцевъ.

Цетинскій монастырь всего полъ-вѣка тому назадъ составлялъ собою все Цетинье, если не считать нѣсколькихъ грязныхъ заѣзжихъ хатъ для приходившихъ сюда богомольцевъ и просителей. Даже лѣтъ 30 тому назадъ Цетинье было всего небольшою деревушкою изъ нѣсколькихъ десятковъ плохихъ домиковъ.

„Таковъ Цетинъ; онъ похожъ болѣе на пустыню, жилище отшельниковъ, нежели на городъ“,—отзывался о немъ въ 1842 году А. Н. Поповъ, посѣтившій его при владыкѣ Петрѣ II-мъ. А Ковалевскій за годъ передъ тѣмъ (въ 1841 г.) писалъ о Це-

тиньѣ: „Цетинъ, состоящій весь изъ монастырскаго зданія, въ которомъ едва вмѣщается десятокъ келій да тѣсная церковь!.. На немъ даже нѣтъ креста, кромѣ высѣченнаго на монастырскихъ воротахъ... Если мы прибавимъ къ этому 4 или 5 избъ, которыя служатъ гостинницами для черногорцевъ, всегда толпящихся въ Цетиньѣ, то мы со всею подробностью опишемъ наружный видъ Цетина".

Только съ 1870-хъ годовъ князь запретилъ жителямъ Цетинья крыть свои дома соломою, чтобы избѣжать частыхъ пожаровъ, а заставилъ ихъ, несмотря на общій ропотъ, крыть дорого стоющею черепицею, которую приходилось возить вьюками черезъ горы изъ Каттаро. Теперешній городъ Цетинье почти весь возникъ на памяти нашего спутника Ровинскаго. Теперь въ немъ и гостинница, и русскій институтъ для дѣвицъ, содержимый на счетъ вѣдомства императрицы Маріи, и госпиталь, и казармы, и тюрьма, и даже банкъ своего рода, или такъ называемая по-черногорски „заложница", спасшая добродушныхъ черногорскихъ юнаковъ отъ необходимости относить въ черный день дорогіе ихъ сердцу ятаганы, кинжалы, винтовки и пистолеты подъ залогъ за варварскіе проценты которскимъ ростовщикамъ. Словомъ, теперь тутъ такая цивилизація, о которой и помыслить не смѣли сподвижники не только давно уже святопочившаго Петра, но даже и на дняхъ еще жившаго Мирко Петровича, геройскаго отца нынѣшняго князя, знаменитаго побѣдителя турокъ на Граховскомъ полѣ.

Митрополита Митрофана мы нашли гуляющимъ въ монастырскомъ садикѣ, который почти примыкаетъ къ новому саду князя. Онъ бесѣдовалъ, гуляя, съ двумя священниками и какимъ-то штатскимъ господиномъ. П. А. Ровинскій представилъ насъ владыкѣ, и преосвященный, всегда чрезвычайно ласковый къ русскимъ, тотчасъ же повелъ насъ въ свои покои.

Онъ занимаетъ тѣ именно скромныя комнатки, въ которыхъ жили когда-то владыки Черногоріи, бывшіе въ одно и то же время владѣтельными князьями и митрополитами. Петръ II былъ послѣднимъ владыкою въ этомъ смыслѣ и преемникъ его, его родной племянникъ Даніилъ, сдѣлался просто владѣтельнымъ княземъ Черногоріи, не принявъ духовнаго сана; митрополиты же стали поставляться отдѣльно отъ князей обычнымъ церковнымъ порядкомъ. Это сдѣлалось въ послѣднее время совершенною необходимостью, потому что при усложненіи политической жизни Черногоріи владѣтельный князь былъ вынужденъ вести совер-

шенно мірской образъ жизни, участвовать въ битвахъ и дипломатическихъ пріемахъ, заниматься государственными и судебными дѣлами, такъ что у него совсѣмъ не оставалось времени на духовное руководительство своей паствы и на исполненіе церковныхъ обрядовъ. Владыка, разодѣтый, подобно своимъ юнакамъ, въ разноцвѣтные „элени", „джемаданы", „гуни", обвѣшанный ятаганами и пистолетами, пирующій, любезничающій съ женами посланниковъ, не подходилъ уже къ понятію духовнаго главы, служителя религіи.

Митрополитъ Митрофанъ бывалъ въ Петербургѣ, и въ Кіевѣ на 900-лѣтіи крещенія Руси, и порядочно говоритъ по-русски, хотя нѣсколько и стѣсняется своею русскою рѣчью. Онъ еще человѣкъ довольно молодой и бодрый, энергическаго вида. Комнаты кельи его довольно тѣсны и убраны съ монашеской простотою: диваны кругомъ, стулья, по стѣнамъ портреты русскихъ государей и митрополитовъ. Появилось, конечно, сейчасъ же неизбѣжное кофе и разговоръ естественнымъ образомъ перешелъ съ Россіи на исторію цетинскаго монастыря. Владыка захотѣлъ самъ познакомить насъ съ нимъ и повелъ насъ осматривать церковь, кладбище и старыя монастырскія стѣны. Главная церквочка монастыря—крошечная, въ родѣ нашего Спаса на Бору, кажется, 50 человѣкъ не помѣстятся въ ней. Образа въ иконостасѣ почти всѣ русскаго письма и русской жертвы; двѣ большія богатыя иконы, присланныя изъ Москвы, еще не поставлены на свои мѣста. При входѣ въ церковь гробницы Данилы I и Мирка Петровича, дяди и отца князя Николая. У иконостаса съ правой стороны довольно скромная рака съ мощами святопочившаго владыки Петра, безъ всякихъ торжественныхъ балдахиновъ и украшеній. Мощи эти открылись неожиданно, когда преемникъ Петра, владыка Петръ II, въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія, сталъ передѣлывать старую цетинскую церковь, и рабочіе его случайно наткнулись на гробницу и лежавшее въ ней нетлѣнное тѣло почившаго владыки.

— Un santo, un santo! — въ изумленіи закричалъ архитекторъ итальянецъ; сбѣжался народъ, привели владыку, и нетлѣнное тѣло было перенесено въ церковь. Впослѣдствіи и нашъ Синодъ причислилъ святопочившаго Петра къ лику святыхъ православной церкви. Мѣсто для митрополита безъ обычнаго кувуклія надъ нимъ и даже безъ кресла, только прикрыто коврикомъ съ орлами, совсѣмъ по-черногорски. Такъ же простъ и маленькій отгороженный придѣльчикъ съ правой стороны, покрытый ста-

рымъ ковромъ и назначенный для князя и семьи его, какъ разъ противъ гробницы ихъ святого предка.

Снаружи, подъ арками церкви, мраморныя плиты гробницъ, обложенныя вѣнками и букетами цвѣтовъ, въ которыхъ покоятся дочери и другіе родственники князя; тутъ могила его матери Станы, которую еще не успѣли покрыть мраморною плитою.

Монастырскія постройки хотя и не глубокой древности, но тѣмъ не менѣе очень старинныя и характерныя.

Намъ показали и „Орлій Верхъ“ съ историческою „башнею головъ“ и „Дановъ бердо“, на которомъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ монастыремъ стоялъ среди стана двадцати-пяти тысячнаго войска шатеръ побѣдоноснаго Кара-Махмуда, взявшаго Цетинье и потомъ оставившаго свою голову на зубцахъ Цетинской башни.

Монастырь, построенный еще въ XV вѣкѣ Иваномъ Черноевичемъ, уже ранѣе былъ два раза сожженъ турками; Кара-Махмудъ въ свою очередь рѣшился уничтожить историческую обитель, чтобы вырвать изъ груди Черногоріи это кипѣвшее горячею кровью живое сердце ея. Бей Соколовичъ, судя по фамиліи, сербъ-ренегатъ, полѣзъ на крышу монастыря исполнить волю паши и сорвать такъ долго непокорявшійся лунѣ крестъ съ цетинскаго храма. Но вмѣсто креста онъ вдругъ самъ сорвался сверху и разбился на смерть. Пораженные турки сочли это за наказаніе Божіе и въ суевѣрномъ ужасѣ не посмѣли больше прикоснуться къ святому дому христіанъ.

Послѣ посѣщенія митрополита милый спутникъ нашъ повелъ насъ въ домъ русскаго посольства, познакомиться съ нашимъ здѣшнимъ министромъ-резидентомъ—К. Э. Аргиропуло.

Г. Аргиропуло хотя и носитъ греческое имя Кимона, но въ душѣ глубоко русскій человѣкъ, искренно проводившій русскую идею въ этомъ важномъ для насъ уголкѣ Балканскаго полуострова [1]). Онъ уже 11 лѣтъ жилъ въ Цетиньѣ и знаетъ Черногорію, какъ свою комнату. И князь, и черногорцы очень уважаютъ и любятъ его. Онъ сжился съ ними, какъ съ роднымъ народомъ. Насъ онъ встрѣтилъ съ большимъ радушіемъ. Рѣдкіе пріѣзды русскихъ земляковъ всегда нѣсколько оживляютъ довольно однообразную жизнь здѣшней маленькой русской колоніи. Въ бесѣдѣ съ нами о Сербіи г. Аргиропуло, между прочимъ,

[1]) Нынѣ К. Э. Аргиропуло получилъ другое, высшее, дипломатическое назначеніе.

не мало озадачилъ насъ, увѣряя, будто намъ, русскимъ, не слѣдуетъ вовсе вмѣшиваться въ сербскую политику, а достаточно только наблюдать и слѣдить... Я никакъ не хотѣлъ согласиться съ такимъ печальнымъ выводомъ нашего дипломата, котораго многолѣтняя опытность въ балканскихъ дѣлахъ, однако, невольно заставляетъ задумываться надъ его словами. Посланники другихъ государствъ хотя аккредитованы при черногорскомъ князѣ, но живутъ не въ Цетиньѣ, а въ Рагузѣ, и только въ нужныхъ случаяхъ наѣзжаютъ сюда.

— У нихъ тутъ въ Черногоріи ровно никакого дѣла нѣтъ,— замѣтилъ съ улыбкою нашъ посланникъ,—но они считаютъ необходимымъ слѣдить за нами и мѣшать намъ въ чемъ только могутъ. Вотъ ихъ единственная здѣсь обязанность и занятіе!"

Мы исходили пѣшкомъ вмѣстѣ съ милымъ „Павло Руссомъ" рѣшительно всѣ уголки Цетиньи, съ удовольствіемъ выслушивая его горячія восхваленія возлюбленной ему Черногоріи и черногорцевъ и узнавая черезъ него многое, что необходимо намъ было узнать для будущихъ нашихъ поѣздокъ по Черногоріи. Ровинскій высоко ставитъ умъ и благородство духа князя Николая. По его словамъ, прежде князь держалъ себя гораздо проще и доступнѣе, на манеръ старыхъ владыкъ; всѣ, кому было нужно, шли къ нему во всякій часъ дня; но ради иностранныхъ посланниковъ пришлось держаться этикета, установить часы и порядокъ пріема; теперь уже необходимо заранѣе испросить аудіенцію, чтобы видѣть его. Черногорцы, встрѣчаясь, цѣлуютъ ему руку, европейцамъ онъ жметъ руки. Россія постоянно поддерживаетъ Черногорію денежными субсидіями, оружіемъ, хлѣбомъ. Австрія же только помогала Черногоріи при постройкѣ дорогъ, что было гораздо нужнѣе и полезнѣе для австрійскихъ купцовъ, продающихъ сюда всевозможные товары, чѣмъ для самихъ юнаковъ Черной-Горы. Россія вообще сдѣлала много добра Черногоріи: половина ея теперешней территоріи, самая плодоносная и доходная, присоединена къ Черногоріи послѣ турецко-болгарской войны только настояніями императора Александра II, который на берлинскомъ конгрессѣ отстаивалъ интересы этого вѣрнаго союзника своего заботливѣе, чѣмъ свои собственные.

Благодаря Россіи, Черногорія добилась, наконецъ, насущно необходимаго ей выхода къ морю, обладая теперь двумя морскими портами, Антивари и Дульциньо; благодаря Россіи, она отобрала отъ турокъ самыя опасныя для нея и самыя ненавистныя ей крѣпости, оцѣплявшія ее съ юга и съ сѣвера и дер-

жавшія словно въ вѣчныхъ оковахъ маленькую бѣдную землицу—Жаблякъ, Подгорицу, Спужъ, Никшичъ.

VI.—Рѣка Черноевича и градъ Ободъ.

Мы еще съ вечера, по совѣту хозяина гостинницы,—онъ же и городской голова Цетинья,—послали телеграмму въ Рѣку, чтобы намъ приготовили тамъ лодку для прогулки по Скутарійскому озеру или „Скадрскому блату".

Пишу „телеграмму" и самъ не вѣрю себѣ. Черная-Гора, Цетинье, „башня головъ", — и вдругъ телеграфъ! Что-то такое совсѣмъ не подходящее одно къ другому, но тѣмъ не менѣе,—увы!—и телеграфъ, и шоссе, и театръ, и гимназія, и женскій институтъ, все уже теперь къ услугамъ юнаковъ Берды и Кривошіи, можно сказать, на-дняхъ еще не вѣдавшихъ никакихъ другихъ учрежденій, кромѣ ятагана и пистолетовъ.

Туриста съ романтическими вкусами, разсчитывавшаго на однѣ козьи тропы да верхового коня, это немного разочаровываетъ, но зато сильно облегчаетъ и дѣлаетъ гораздо покойнѣе его путешествіе, а особенно съ дамою.

Въ Рѣку тоже ведетъ шоссе, по которому и покатила наша колясва. Отъ Цетинья приходится сбѣгать все внизъ, поэтому и коньки наши, и нашъ извозчикъ въ особенно игривомъ настроеніи духа. А тутъ еще ясный голубой день, прохлада подъ тѣнью скалъ, на душѣ невольно дѣлается беззаботно и весело. Горы здѣсь все-таки нѣсколько зеленѣе, чѣмъ въ Нѣгошахъ. Молодой березнякъ, дубнякъ, грабъ, букъ, кусты „держи-дерева" одѣваютъ курчавою темнозеленою шерстью скалистые черепа этихъ известковыхъ горъ. По словамъ П. А. Ровинскаго, Черногорія была прежде вся покрыта густыми сплошными лѣсами, по которымъ собственно и прозвали ее „Черною-Горою". Есть надежда, что лѣса эти опять поднимутся по старому при строгомъ вниманіи къ нимъ княжескаго правительства. Молодые лѣски между Цетиньемъ и Нѣгошами выросли уже на глазахъ Ровинскаго, который засталъ на мѣстѣ ихъ только голый камень. Мы ѣдемъ все время въ горахъ и скалахъ; среди нихъ то-и-дѣло попадаются такія же круглыя провалья, напоминающія кратеры, какъ и на дорогѣ изъ Нѣгошей. На днѣ одной такой котловинки, обращенной въ поле, мелкими разноцвѣтными голышами выложены буквами громаднаго размѣра имена какого-то Душана Станковича и другихъ хозяевъ этой крошечной землицы. Черногорцы,

черногорки встрѣчаются поминутно, и всѣ пѣшіе, и всѣ почти, къ удивленію моему, подъ зонтиками, даже мужчины, а зонтики, конечно, австрійско-жидовскаго издѣлія; это совсѣмъ неожиданная для меня подробность въ домашнемъ бытѣ народа-героя. Идутъ они, конечно, не по шоссе, описывающему безконечные многоверстные зигзаги вокругъ всякаго выступа горы, а напрямикъ, черезъ пропасти и скалы, по издревле пробитымъ пѣшимъ тропкамъ и вырубленнымъ въ скалахъ ступенькамъ, легко, проворно, весело, не замѣчая ни подъема, ни спусковъ, словно слетая и взлетая на какихъ-то невидимыхъ крыльяхъ; такъ привыкли они съ дѣтства къ этимъ горнымъ странствованіямъ, такъ сильны и неутомимы ихъ стальные мускулы. Мужчины большею частью въ длинныхъ тяжелыхъ струкахъ, перекинутыхъ чрезъ плечо подобно шотландскимъ плэдамъ, въ цвѣтныхъ курткахъ, расшитыхъ снурами и золотомъ, въ неизмѣнныхъ своихъ плоскихъ и круглыхъ „капицахъ“ на головѣ, всѣ рослые, ловкіе, красивые, старики и молодежь. Черногорскія женщины, напротивъ того, приземисты, некрасивы и какъ-то скучны и староваты на видъ; у каждой непремѣнно на головѣ какая-нибудь ноша; удалые воины Черной-Горы въ этомъ отношеніи не далеко ушли отъ лезгина и чеченца; у нихъ женщина исполняетъ самыя тяжелыя полевыя и домашнія работы и играетъ подчасъ роль вьючнаго животнаго; въ военное время этотъ двуногій обозъ служилъ до послѣднихъ лѣтъ единственнымъ средствомъ продовольствія воюющихъ и единственнымъ ихъ госпиталемъ и перевязочнымъ пунктомъ. Слѣды хроническаго утомленія отъ непосильной работы замѣтны поэтому чуть не на каждой пожилой черногоркѣ. Кромѣ того, онѣ одѣваются въ дорогу довольно грязно, сберегая хорошія платья въ своихъ узлахъ для праздника, на который они спѣшатъ, а этотъ темный заношенный нарядъ ихъ дѣлаетъ ихъ фигуры еще болѣе неказистыми рядомъ съ всегда разодѣтыми, всегда веселыми и праздными не только черноволосыми, но и сѣдоусыми юнаками. Даже дѣвушки кажутся слишкомъ блѣдными и плоскими, мало подходящими къ типу горныхъ красавицъ, всегда живущихъ на вольномъ воздухѣ и бѣгающихъ по скаламъ какъ дикія козы. Не понимаешь, какъ же родятся отъ такихъ матерей эти рослые красавцы-богатыри. Зато женщины Черной-Горы цѣломудренны, какъ сама Веста; вы увидите это даже по лицамъ ихъ, скромнымъ, покорнымъ, безъ всякаго лукавства и кокетства. Правда, трудно и не быть здѣсь цѣломудренной, когда за малѣйшій проступокъ противъ заповѣди цѣломудрія, за малѣйшую попытку любовнаго романа,—

бѣдняге грозитъ скорая и рѣшительная расправа тутъ же на мѣстѣ пистолетомъ или ятаганомъ ея благовѣрнаго.

Черногорцы очень привѣтливы и общительны съ чужестранцами. Кто ни встрѣтится, всѣ вѣжливо кланяются, всѣ провожаютъ васъ радушнымъ: „добра ви срѣтя!“ и всѣ непремѣнно заговариваютъ если не съ вами, то съ вашимъ кучеромъ. Появленіе посторонняго человѣка, европейца въ штатскомъ платьѣ, а ужъ особенно дамы въ шляпкѣ, въ этой глухой пастушечьей пустынѣ, населенной средневѣковыми воинами, бросается въ глаза какъ огонь въ темную ночь и возбуждаетъ въ простодушныхъ обитателяхъ горъ самое живое и вполнѣ понятное любопытство. Слово „руссъ“ производило на этихъ добрыхъ людей впечатлѣніе какого-то радостнаго удивленія, они сочувственно улыбались и кланялись намъ, бормотали неизмѣнное „бога ми!“ и долго потомъ оглядывались на насъ недоумѣвающимъ взглядомъ.

Добрско-сéло смотритъ маленькимъ городкомъ на днѣ своей глубокой котловины, обставленной кругомъ горами, а мы смотримъ на его краснокрышіе двухъэтажные домики съ высоты своего шоссе, что̀ лѣпится по скалистымъ выступамъ этихъ каменныхъ громадъ, словно съ крыльевъ птицы. Круглая плодородная долина вся въ кукурузникахъ, въ поляхъ ржи и картофеля; красиво выстроенная церковь святой „Петки“ поднимается среди довольно большихъ каменныхъ домовъ селенія, а въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея, у самаго подножія горы, цѣлый живописный монастырь, во имя Успенія Богородицы,—„Добрска келья“, какъ его зовутъ черногорцы; въ монастырѣ этомъ раньше было постоянное пребываніе цетинскихъ митрополитовъ. Тамъ между прочимъ и погребенъ владыка Савва Очиничъ.

Гора Доброштакъ охватываетъ слѣва котловину Добрска-сéла, Вертличка—справа. Отвѣсные обрывы скалъ нависаютъ надъ дорогою при каждомъ ея поворотѣ. На той сторонѣ отъ насъ черезъ ущелья горы Вертлички спускается по страшнымъ кручамъ дерзкими головоломными зигзагами старая цетинская дорога въ Рѣку. Въ 1690 году на этой горѣ сложилъ свою удалую голову вмѣстѣ съ тридцатью своими товарищами дружинниками воспѣваемый до сихъ поръ въ народныхъ пѣсняхъ Черногоріи герой Байо Пивлянинъ, защищавшій отъ грознаго скадрскаго паши Сулеймана дорогу въ Цетинье.

Горы скоро задвинули отъ насъ Добрскую котловину, но, объѣхавъ ихъ, мы очутились опять надъ новою котловиною, также тѣсно

обставленною горами, и также глубоко провалившеюся у нашихъ ногъ вправо отъ дороги. По подошвѣ горы, по дну долины, разбросаны въ зеленыхъ садахъ, среди сплошныхъ зеленыхъ полей, большіе каменные дома селенія Цеклинъ, ярко и весело сверкающіе на солнцѣ своими красными черепичными крышами. Село это богатое и людное, тоже смахивающее на городокъ; а плодоносная Цеклинская долинка, какъ и ея сосѣдка Добрская, и другія, что спускаются ниже къ Рѣкѣ, — слывутъ житницею Черногоріи. Опять заслонъ изъ горныхъ громадъ, опять мы крутимся вокругъ нихъ и объѣзжаемъ ихъ. На горѣ, какъ бы посрединѣ новой котловины, стоитъ старинная церковь Іоанна Крестителя, куда на 29-е августа стекается все Цеклинье. Теперь мы на горѣ Коштелъ, съ которой открывается намъ чудный видъ на долину Рѣки; гора Коштелъ отдѣляетъ эту нижнюю долину отъ верхнихъ; названа она такъ по имени дерева коштела, напоминающаго намъ дикій каштанъ. На горѣ и кафана, въ которой можно немножко отдохнуть и полюбоваться красивымъ видомъ. „Рѣка“ извивается глубоко внизу, пока не загораживаетъ ей пути и не поворачиваетъ ея теченіе Зеленая гора „града Обода“ съ его бѣлыми домиками и высокою колокольнею наверху; на первомъ планѣ нашемъ голая какъ кость обрывистая гора Костодина. Далеко бѣлѣются внизу, среди кукурузныхъ полей, итальянскихъ тополей и виноградниковъ, змѣистыя колѣна шоссе; за широкимъ разливомъ рѣки опять загораживаютъ ее громоздкіе выступы горъ, и выше ихъ, надъ ихъ головами, видна ярко освѣщенная приподнятая къ самому горизонту, низина плодоносной Зеты, блѣдно голубая гладь Скутарійскаго озера и за нимъ, словно въ воздухѣ нарисованные, далекіе хребты Хотскихъ и Костенскихъ „Проклятыхъ“ горъ,— обиталище вѣковѣчныхъ враговъ Черногоріи, албанцевъ-малисоровъ. Въ ясные дни, какъ увѣряли меня черногорцы, отсюда можно видѣть даже и самый городъ Скутари. Скутарійское же озеро, албанскія горы и знаменитую въ черногорской исторіи крѣпость Жаблякъ на ея пирамидальной скалѣ мы видѣли, хотя и не такъ хорошо, какъ отсюда, чуть не отъ самаго Цетинья, по крайней мѣрѣ отъ того домодѣльнаго павильона, который устроенъ надъ первымъ крутымъ спускомъ шоссе, какъ разъ на старинной грани, гдѣ кончается Катунская нахія и начинается Рѣчьская. Это мѣсто такъ и зовется у черногорцевъ „граница“, и жители Цетинья по вечерамъ обыкновенно ходятъ туда пѣшкомъ, чтобы полюбоваться издали на Скадрское блато и Рѣку.

Старая черногорская дорога отъ Цетинья въ Рѣку видна намъ и здѣсь. Она сползаетъ красножелтою змѣею черезъ лѣса и утесы горы Коштела, словно опасная лѣстница съ поднебесья; а давно ли по ней беззаботно ходилъ и ѣздилъ въ свои лѣтнія резиденціи самъ черногорскій князь, съ дочерьми, женою и всѣмъ домашнимъ скарбомъ.

Въ боковомъ ущельѣ „Рѣки“, подъ горами, бѣлѣетъ длинное одноэтажное зданіе единственнаго оружейнаго завода Черногоріи. Тамъ сейчасъ же и истокъ „Рѣки“. Она вытекаетъ изъ безконечно длинной и обширной сталактитовой пещеры, красоту которой нѣкоторые путешественники ставятъ выше самыхъ извѣстныхъ сталактитовыхъ пещеръ Европы. Но намъ было неудобно терять на ея осмотръ нѣсколько часовъ, такъ какъ необходимо было вернуться въ тотъ же день въ Цетинье, гдѣ съ утра долженъ былъ начаться великій народный праздникъ—Петровъ день.

Ближе къ шоссе, у самыхъ ногъ нашихъ, большія каменныя зданія водяной мельницы покойнаго Мирко Петровича, отца князя Николая, кажется, первая построенная въ Черногоріи. За нею шоссе сбѣгаетъ почти совсѣмъ на дно узкой долины. Тутъ уже настоящій югъ: итальянскіе тополи, виноградники, сады гранатника, фигъ, черешенъ... Тепло и влажно какъ въ паровой банѣ. Зеленое ущелье все время лѣпится по берегу „Рѣки“, испареніямъ которой некуда дѣться изъ каменнаго корридора окружающихъ ее горъ. Вотъ стали появляться по обѣ стороны дороги и домики селенія Рѣки, кафаны, лавочки... Штукъ 40 или 50 ободранныхъ бараньихъ тушекъ, завяленныхъ на солнцѣ, висятъ рядкомъ на жердочкахъ въ придорожной лавочкѣ мясника, будто повѣшенные преступники. Это пресловутая „кострадина“,—чуть ли не главный предметъ вывозной торговли скудной Черногоріи. Толпы народа идутъ намъ на встрѣчу, тѣснятся въ узкой улочкѣ. Черногорки въ своихъ траурныхъ будничныхъ костюмахъ, одѣтыя въ черныя юбки, въ черныя куртки, повязанныя чернымъ, странно выдѣляются среди щеголеватыхъ и яркихъ одеждъ мужчинъ. Вотъ дорога рѣзко поворачиваетъ вмѣстѣ съ рѣкою направо, и мы останавливаемся на широкой деревенской набережной, вдоль которой у подножія горы вытянулись вольнымъ строемъ домики Рѣки, съ своими грошевыми лавчонками и кафанами. Прямо передъ нами и передъ селеніемъ, за рѣкою, на обрывистой лѣсистой горѣ, охваченной съ двухъ сторонъ водами рѣки, бывшая крѣпость, „градъ Ободъ“ знаменитаго родоначальника князей черногорскихъ, Ивана Бега Черноевича. Древній градъ Черноевича

и теперь смотритъ какимъ-то средневѣковымъ замкомъ своею тѣсно сбившеюся наверху кучкою бѣлыхъ каменныхъ домовъ, съ массивными стѣнами и рѣдкими окнами. Въ немъ съ конца XV вѣка существовала славная во всемъ славянствѣ первая славянская „штампарія", на четырехъ-сотлѣтнюю годовщину которой съѣзжались недавно ученые слависты изо всѣхъ странъ Европы и политическіе люди балканскаго славянства. „Штампарня" эта много послужила въ свое время дѣлу славянства и православія. Православный храмъ съ высокою колокольнею очень кстати и очень живописно вѣнчаетъ этотъ старый градъ, цѣлые вѣка стоявшій на своей горной вершинѣ, на самомъ рубежѣ славянства и туречины, словно передовой стягъ сербскаго народа. Налѣво отъ насъ, на самомъ берегу рѣки, на этой сторонѣ ея спускается по скату горы небольшой садикъ и въ немъ простенькій лѣтній домъ князя Николая. Другой чей-то домикъ, весь окруженный ульями пчелъ, стоитъ чуть не на головѣ этой непритязательной сельской резиденціи черногорскаго владыки.

Телеграмма городского головы возъимѣла свое дѣйствіе, и насъ сейчасъ же встрѣтилъ хозяинъ кафаны, уже приготовившій намъ лодку по порученію любезнаго цетинскаго мэра.

Немного отдохнувъ подъ деревомъ у порога кафаны, напившись кофе и закусивъ чѣмъ было можно въ этой буколической гостинницѣ, мы поспѣшили усѣсться въ лодку, чтобы успѣть не торопясь сдѣлать предположенную прогулку и засвѣтло вернуться въ Цетинье.

Большая грузная лодка оказалась не особенно ходка; четверо здоровенныхъ гребцовъ-черногорцевъ „утерли не мало поту" надъ нею. Трое изъ нихъ все время гребли стоя, какъ венеціанскіе гондольеры, а четвертый сидѣлъ на носу, направляя лодку. Считая насъ съ женою и нашимъ толмачемъ Бо̀жо, всего народу въ лодкѣ набралось, стало быть, цѣлыхъ семь человѣкъ. Рѣка „Рѣка", давшая имя и селенью, и всей этой долинѣ, и даже цѣлой нахіи,—очень своеобразная рѣка. Она совсѣмъ не течетъ, за отсутствіемъ какого бы то ни было уклона, а скорѣе стоитъ въ своихъ берегахъ. Въ ущельѣ между горъ она довольно узка и не показна, но по мѣрѣ того, какъ горы раздвигаются и отступаютъ въ стороны, она дѣлается все шире и грандіознѣе, такъ что гораздо болѣе похожа на заливъ Скутарійскаго озера, чѣмъ на обыкновенную рѣку. Это сходство усиливается еще неподвижностью ея водъ и сплошными зарослями камыша и кувшинки, покрывающими почти всю поверхность ея. Только по срединѣ, на такъ-называемомъ стремени, по которому постоянно

двигаются лодки, видна еще узкая полоса чистой воды. Но и она въ иныхъ мѣстахъ съуживается въ такую тоненькую ленточку, что, сидя въ лодкѣ, вамъ кажется, что вы плывете по какому-то сказочному зеленому лугу, усѣянному бѣлыми чашами махровыхъ нимфей. Этотъ болотный характеръ „Рѣки“ очень вредно вліяетъ на климатъ ея низменныхъ прибрежій, на которыхъ въ туманные и холодные дни болотистыя испаренія, стѣсненныя горами, стоятъ съ утра до ночи. Даже и теперь, въ знойный солнечный день, по серединѣ лѣта воздухъ надъ рѣкою насквозь пропитанъ болотными міазмами. Лихорадки и всякія гнилостныя болѣзни свирѣпствуютъ въ этомъ роскошномъ на видъ уголкѣ.

На мой вопросъ: е-ли дóбра вóда?

Старый лодочникъ, нахмурившись, отвѣтилъ:

— Въ Рѣкѣ вóда не здрава. Пить не здрава, купаться не здрава.

А между тѣмъ, будь у черногорцевъ больше средствъ и знаній, эта прекрасная водная артерія могла бы быть обращена въ настоящій судоходный каналъ; нѣмцы, разумѣется, скоро съумѣли бы и увеличить паденье воды и расчистить отъ зарослей русло Рѣки. Лодочникъ увѣрялъ насъ, будто черезъ мѣсяцъ вся эта широкая скатерть рѣки, заросшая камышами и кувшинкой, высохнетъ до-суха, и останется для проѣзда только одно серединное стремя, въ которомъ, по его словамъ, въ иныхъ мѣстахъ глубина достигаетъ до десяти нашихъ саженей.

Понятно, почему старинные люди, имѣвшіе въ своихъ рукахъ еще менѣе способовъ борьбы съ природою, чѣмъ нынѣшніе черногорцы, старались селиться здѣсь, какъ Иванъ-Бегъ Черноевичъ въ своемъ градѣ Ободѣ, на вершинахъ горъ, куда не достигали болотные туманы. Мы долго любовались этимъ древнимъ градомъ, провожавшимъ насъ съ высоты своей зеленой пирамиды, у подножія которой тяжело плыла наша лодка.

Геройскимъ именемъ Ивана-Бега Черноевича полна Рѣка, полна вся Черногорія. До него рѣка называлась просто Ободомъ, также какъ и городъ на ней; послѣ него черногорцы не называютъ ее иначе какъ „Рѣка Иванъ-Бегова-Черноевича“, до того свята и крѣпка среди жителей память этого основателя черногорской независимости. Послѣ Коссовскаго побоища, разгромившаго славное и могущественное сербское царство, Черногорія съ Зетою, тоже входившія въ его составъ какъ области, населенныя сербами, хотя и управлявшіяся полу-самостоятельными жупанами, оторвались отъ побѣжденнаго царства и остались въ

рукахъ зятя злополучнаго царя Лазаря, князя Баоши, женатаго на его дочери. Баоша не поспѣлъ на помощь тестю на Коссово поле и, узнавъ объ измѣнѣ Вука Бранковича и о смерти Лазаря, повернулъ домой свои полки, чтобы по крайней мѣрѣ въ своихъ неприступныхъ горахъ отбиваться отъ страшнаго турчина, сокрушавшаго одного за однимъ славянскіе народы Балканъ.

И Баоша, и его сынъ-богатырь Стратиміръ Черный, прототипъ нынѣшняго черногорца, своимъ исполинскимъ ростомъ и силою, прозвище котораго унаслѣдовало все потомство его, и внукъ Баоши, Стефанъ, — всѣ отказывались признавать власть султана и защищали независимость своей маленькой землицы. Стефанъ жилъ въ половинѣ XV-го вѣка, и былъ современникомъ и самымъ вѣрнымъ союзникомъ знаменитаго Георгія Кастріота, больше извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Скандербега, послѣдняго геройскаго борца за свободу Балканскаго полуострова противъ непобѣдимыхъ еще тогда полчищъ османлисовъ, только что завоевавшихъ византійскую имперію. А Иванъ-Бегъ Черноевичъ былъ его старшимъ сыномъ и наслѣдникомъ не только земель его, но и неумолимой ненависти къ нему турокъ. Все кругомъ было тогда уже раздавлено въ конецъ, даже сосѣднія Албанія и Герцеговина были въ рукахъ турокъ, и Ивану Черноевичу не на кого было опереться въ своей отчаянной борьбѣ съ непобѣдимымъ исламомъ во всѣхъ окрестныхъ греческихъ и славянскихъ земляхъ, порабощенныхъ азіатскими варварами. Его борьба была поистинѣ борьбою Давида съ Голіаѳомъ, босоногаго пастушенка съ исполиномъ, закованнымъ въ мѣдь. Напрасно Иванъ бросался къ западнымъ державамъ, умоляя ихъ придти на помощь погибающему балканскому христіанству. Никто не трогался на его призывы, и онъ одинъ съ ничтожною горстью своего храбраго народа долженъ былъ выдерживать весь напоръ варваровъ. Иванъ жилъ сначала въ Жаблякѣ, старомъ гнѣздѣ зетскихъ жупановъ, на берегу свѣтлаго Скадрскаго блата, но вынужденъ былъ уйти изъ него подальше отъ сосѣдства турокъ въ недоступную глубь горъ, гдѣ основалъ теперешнее Цетинье и поселилъ тамъ митрополита Зеты. Тогда же онъ укрѣпилъ и этотъ свой „градъ Ободъ“, защищавшій доступъ къ Цетинью и къ устью плодородной долины, кормившей его народъ. Кромѣ того, онъ обсыпалъ маленькими укрѣпленіями всѣ порубежныя горы, а своими горячими воззваніями до того одушевилъ свой маленькій геройскій народъ, что онъ поклялся воевать на жизнь и смерть съ врагами христіанства. Народная скупщина въ Цетиньѣ объявила преступникомъ и измѣнникомъ всякаго, кто бу-

деть уклоняться отъ войны съ турками; а кто бѣжитъ съ поля битвы, того постановлено *одѣвать въ бабье платье и съ прялкою въ рукахъ водить по всѣмъ селамъ Черной-Горы* на позоръ народа. И геройскій вождь черногорцевъ не только отстоялъ свою землю отъ страшнаго врага, но еще широко раздвинулъ границы Черногоріи и умеръ среди своего народа въ любви и славѣ... Сильно укрѣпленный „градъ Ободъ“ сталъ въ то время оплотомъ Черногоріи и вмѣстѣ торговою пристанью ея на Скадрскомъ озерѣ, изъ котораго нагруженныя товаромъ рѣчныя суда могли свободно проходить по широкому руслу „Рѣки“. Ободъ, или Рѣка сдѣлалась главнымъ торжищемъ черногорцевъ, куда горцы сгоняли свои стада, везли лѣсъ и покупали привозимые береговыми жителями Адріатики необходимые имъ товары. Это значеніе важнѣйшаго, если не единственнаго, черногорскаго рынка Рѣка сохраняла до послѣдняго времени, и отчасти сохраняетъ и теперь, хотя присоединеніе къ Черногоріи, усиліями Россіи, приморскихъ портовъ Антивари и Дульциньо естественно перенесло на берегъ моря центръ ея привозной и вывозной торговли.

И Иванъ Черноевичъ, и сынъ его Георгій жили по долгу въ Ободѣ, въ его укрѣпленномъ вышгородѣ, на который мы теперь любуемся. Георгій Черноевичъ обезсмертилъ свое имя и прославилъ Ободъ, устроивъ въ немъ первую славянскую типографію. Въ его время торжествующій исламъ соблазнялъ малодушныхъ, и многіе сербы, потурчившись изъ корыстныхъ видовъ, приносили большой вредъ народу. Чтобы поддержать православіе, Георгій купилъ въ Венеціи всѣ принадлежности типографіи и въ собственномъ домѣ, на вершинѣ Ободской горы, сталъ печатать и распространять въ народѣ церковныя книги. Въ 1495 г. была отпечатана имъ первая книга—Октоихъ. Георгій сдѣлалъ и другое очень важное нововведеніе въ жизни своего народа, повидимому, съ тою же цѣлью поддержки православія, которое онъ справедливо считалъ основою независимости Черногоріи, историческимъ знаменемъ, собиравшимъ вокругъ себя народъ и одушевлявшимъ его на отчаянную борьбу съ порабoтителями-магометанами. Утомленный трудами, Георгій рѣшился отказаться отъ власти и уѣхать на покой въ Венецію, на родину своей жены итальянки; но передъ отъѣздомъ онъ собралъ народъ и передалъ свою власть надъ нимъ митрополиту Герману, увѣщевая своихъ подданныхъ, что они не могутъ найти лучшихъ вождей, какъ духовные отцы ихъ.

„Прибѣгайте къ нему въ горѣ и радости, внимайте совѣ-

тамъ его. Вручаю ему гербъ, который употребляли въ Бозѣ почившіе цари сербскіе, предки мои, и я самъ!“

Народъ съ рыданіями проводилъ до Котора своего любимаго князя, и съ тѣхъ поръ цѣлый рядъ владыкъ сталъ во главѣ Черногоріи; въ одномъ и томъ же лицѣ соединилась духовная и мірская власть, архипастыри стали полководцами и законодателями.

Сейчасъ же за горою, на которой высится „градъ Ободъ“, также направо отъ насъ, другая гора, густо обросшая молодыми лѣсами и охваченная кругомъ всей вершины своеобразною оградою изъ наваленныхъ другъ на друга камней; это заповѣдный лѣсъ для охоты князя, полный фазановъ, какъ и разной другой четвероногой и пернатой дичи.

Теченіе Рѣки необыкновенно извилисто; то справа, то слѣва выступающія горы постоянно загораживаютъ ей путь и ломаютъ ея русло. Оттого кажется, что васъ вездѣ окружаетъ какой-то стоячій, горами обставленный прудъ, а не ложе широкой рѣки. Намъ уже не одинъ разъ встрѣчались большіе, длинноносые „ландрасы“, еще просторнѣе и грузнѣе той лодки, на которой мы ѣдемъ, биткомъ набитые мужчинами, женщинами и дѣтьми. Черногорокъ тутъ постоянно видишь за веслами; видно имъ ни по чемъ всякій мускульный трудъ, на которомъ ихъ въ дѣтствѣ воспитываетъ суровая школа жизни. Въ ландрасахъ этихъ можетъ помѣститься нѣсколько десятковъ человѣкъ, и на нихъ обыкновенно возятъ по субботамъ товары на базаръ Рѣки изъ разныхъ прибрежныхъ мѣстечекъ Скутарійскаго озера, и даже изъ Дульциньо и Антивари.

Гребцы наши громко перекликаются и переговариваются съ встрѣчными земляками, и устремленные на насъ любопытные взгляды краснорѣчиво поясняютъ намъ, что мы именно служимъ главною темою этихъ бѣглыхъ переговоровъ.

— Это все народъ въ Цетинье ѣдетъ, на завтрашній праздникъ! Изъ самаго Скутари ѣдутъ, изъ Виръ-Базара, изо всѣхъ мѣстъ!—не безъ хвастовства сообщилъ мнѣ старикъ-кормчій.— Не только черногорцы, и турки, и албанцы къ намъ въ этотъ день наѣзжаютъ; вотъ завтра увидите, сколько ихъ тамъ соберется!..

Я не отрываю глазъ отъ черногорцевъ, и тѣхъ, что̀ мы встрѣчаемъ, и тѣхъ, что̀ ѣдутъ съ нами въ лодкѣ. Они красивы, статны, живописны вездѣ; но здѣсь, на лодкахъ, въ своихъ

разнообразныхъ позахъ, въ своихъ характерныхъ яркихъ одеждахъ, они такъ и просятся подъ талантливую кисть какого-нибудь Верещагина или Маковскаго. Могучія оголенныя руки этихъ богатырей, ихъ обнаженныя груди, вылитыя словно изъ мѣди, огненно-смѣлый взглядъ дикаго орла, красивыя, сурово выразительныя черты смуглыхъ лицъ, сухихъ, какъ голова арабскаго коня, — и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то непринужденная, дышащая спокойной силой и увѣренностью естественная грація всѣхъ движеній ихъ,—приводитъ въ безмолвный восторгъ мое сердце художника. Вонъ одинъ изъ этихъ современныхъ намъ Діомедовъ, рослый, широкоплечій, статный какъ олень, весь сверкающій насѣчками ятагановъ и пистолетовъ, яркими шелками пояса, золотыми позументами малиноваго „элена“, уставъ грести, передалъ весло товарищу, а самъ раскинулся на днѣ глубокой лодки, картинно подперши голову могучею рукою, точно молодой отдыхающій левъ, и вамъ не вѣрится, чтобы этотъ гордый взглядъ, эта благородная осанка, эта тонкая красота—весь этотъ художественный аристократизмъ тѣла и духа принадлежалъ бѣдняку-рыбаку, человѣку черни, котораго мы привыкли у себя въ Россіи видѣть совсѣмъ съ иными привычками, инымъ характеромъ, иною внѣшностью... Свобода, защищенная собственною грудью, солнце юга и вольный воздухъ горъ выковали черногорца такимъ, какимъ онъ есть, какимъ онъ невольно восхищаетъ не предубѣжденнаго путешественника, способнаго что-нибудь видѣть и понимать...

Горы, провожающія съ двухъ сторонъ Рѣку, покрытыя скудными лѣсками и кустарниками, дѣлаются все менѣе интересными. Вонъ надъ одной изъ нихъ, какъ разъ надъ стадами пасущихся козъ, плаваетъ широкими кругами хищнически насторожившййся огромный орелъ, высматривая козлика. Козы тутъ вездѣ, и отъ козъ-то собственно и пропадаютъ здѣшніе лѣса, которымъ они не даютъ подняться послѣ поруба. Но на лѣсныхъ вершинахъ виднѣются кое-гдѣ и кресты старыхъ часовенъ, которыя черногорцы, подобно грекамъ, любятъ устраивать на недоступныхъ и отовсюду замѣтныхъ мѣстахъ.

Недалеко отъ устья, на лѣвомъ берегу, за селеніями Превали и Жупою, бѣлѣетъ вдали на горахъ цѣлый старинный монастырекъ, гдѣ православный архіерей турецкой Албаніи, не рѣшавшійся ѣхать въ глубь Черногоріи, согласился послѣ долгихъ просьбъ посвятить въ архимандриты послѣдняго духовнаго владыку, черногорца-поэта Петра II.

Но все это вдали, и даже въ большой дали. Берега же рѣки глухи и пустынны; ни одного хуторка, ни одной деревни не видно надъ водою. Безмолвіе такое, словно мы плывемъ по водамъ какого-нибудь дѣвственнаго американскаго лѣса, куда еще не проникалъ человѣкъ. Вотъ, наконецъ, мы подходимъ и къ устью рѣки.

Въ не особенно давнее время, при этомъ устьѣ еще на памяти живущихъ, длинная цѣпь была перекинута турками съ одного берега широкой Рѣки до другого. Здѣсь была своего рода застава, гдѣ собирались пошлины съ провозимыхъ товаровъ и запирался проходъ въ турецкія воды тѣмъ людямъ, которые казались опасными сонному турецкому стражу.

VII. На Скадрскомъ Блатѣ.

Устье Рѣки разливается такъ широко, что уже съ трудомъ отличишь его отъ Скутарійскаго озера... Заросль мелкихъ тростниковъ одна только отдѣляетъ его сколько-нибудь замѣтно отъ водъ озера. Горы тутъ уже не сплошныя, а отдѣльными острыми пирамидами, сквозь прорвы которыхъ виднѣется налѣво просторная и гладкая низина Зеты. На береговыхъ отмеляхъ у подошвы послѣднихъ обрывающихся горъ — оригинальные шалаши черногорскихъ рыбаковъ для зимняго лова рыбъ, огромныя плетушки въ формѣ ульевъ... Зимою сюда собираются обыкновенно рыбаки изъ плодородной Цермничской нахіи, этой черногорской Италіи, обильной виноградомъ и фруктами, которая видна теперь намъ на правомъ берегу Скутарійскаго озера. Любимая далматинцами рыба скоранца, родъ нашего головля, по-черногорски „уклевъ“, не выноситъ зимняго холода на глубинѣ озера и, начиная съ января, тѣснится безчисленными стаями поближе къ берегу, къ устью Рѣки, гдѣ ей больше корму и гдѣ ее поджидаютъ въ это время охотники. Громадные морскіе невода завозятся тогда въ озеро, множество лодокъ бороздятъ его поверхность, высматривая по разнымъ извѣстнымъ имъ признакамъ тѣ мѣста, гдѣ сбивается кучами рыба. Зимняя ловля рыбы — это своего рода веселый общій праздникъ для окрестныхъ жителей. Самъ князь съ своими сенаторами, воеводами, перяниками, часто со всею семьею и иностранными гостями своими переѣзжаетъ тогда въ свой домъ въ „Рѣкѣ“ и присутствуетъ на ловлѣ. Огромныя лодки нагружаются пойманною рыбою, князь получаетъ свою щедрую долю въ доходъ государства, начинается здѣсь же про-

стодушный скромный пиръ, варятъ и жарятъ свѣжую скоранцу, форелей, карпію, а по отъѣздѣ высокихъ гостей начинается доморощенное соленіе, вяленье и копченье добытой рыбы въ каменныхъ чанахъ, въ плетеныхъ сарайчикахъ...

Это повторяется разъ до пяти въ годъ. Въ старое время, при туркахъ, скоранцу ловили здѣсь не сѣтями и неводами, а въ большія верши, которыя опускались въ воду около скалистыхъ островковъ, и въ которыя загоняли рыбу не люди, а особенныя птицы, вѣроятно, породы чаекъ, водившіяся тогда во множествѣ на островкахъ Скадрскаго блата. Какъ только собравшіеся на лодкахъ рыбаки поднимали вслѣдъ за муллою отчаянный крикъ, птицы, словно по сигналу, срывались съ деревьевъ и скалъ, на которыхъ сидѣли, и ныряли въ воду за стаями рыбъ, которыя въ испугѣ забивались въ разставленныя верши... Теперь эти птицы давно уже здѣсь не водятся, но скоранца по старинному все-таки остается главною привлекательностью озера для его береговыхъ жителей.

Скутарійское озеро безпредѣльною скатертью стелется на югъ, сливаясь съ далекимъ горизонтомъ... Но правый и лѣвый берега въ этомъ мѣстѣ еще хорошо видны. Направо, гдѣ обрывается береговая цѣпь горъ, можно разсмотрѣть дома и башни Виръ-Базара, укрѣпленнаго порта Черногоріи на берегу озера, а налѣво, выше макушки заслоняющихъ его холмовъ, стелется низменная равнина Зеты, наглядно прорѣзанная руслами нѣсколькихъ рѣкъ и, какъ ея порубежный сторожъ, старая крѣпость Жаблякъ, когда-то мѣстопребываніе Ивана Черноевича, поднимаетъ на своей пирамидальной столовой горѣ, высоко надъ водами озера, свои боевыя стѣны и башни. Жаблякъ былъ присоединенъ къ Черногоріи только въ послѣднюю русско-турецкую войну, а до того нѣсколько вѣковъ сряду оставался въ рукахъ турокъ, какъ одинъ изъ порубежныхъ сторожевыхъ постовъ ислама, недавно еще тѣсною цѣпью охватывавшихъ Черногорію и не дававшихъ ей свободно дохнуть. Жаблякъ связанъ съ однимъ изъ характерныхъ геройскихъ подвиговъ черногорскихъ юнаковъ... Въ 1836 г. подгорицкіе турки, утомленные вѣчною пограничною войною съ сосѣднимъ черногорскимъ племенемъ кучей, „хватили вѣру“ съ ними, какъ выражаются черногорцы; миръ заключенъ, и всѣмъ, кто хочетъ, отворены ворота Подгорицы; кучане, не видавшіе отроду ничего кромѣ своихъ горныхъ деревень, съ любопытствомъ и довѣрчивостью двинулись смотрѣть турецкій городъ. Но турки остались вѣрными себѣ; 17 безоружныхъ кучанъ были вѣроломно захвачены въ плѣнъ, зарѣзаны какъ бараны передъ мечетью, а

окровавленныя головы ихъ вздернуты по обычаю на зубцы крѣпости. Конечно, всѣ кучи всполошились; негодующіе юнаки спустились съ своихъ горныхъ трущобъ и не надѣясь взять такой большой и сильной крѣпости, какъ Подгорица, охватили кругомъ сосѣдній Жаблякъ, хотя онъ былъ всего въ трехъ часахъ пути отъ Скутари, гдѣ сидѣлъ съ большимъ войскомъ главный визирь, правившій Албаніею.

Жаблякъ, кромѣ своей отвѣсной скалы, защищенъ еще рѣкою Морачею, которая съ трехъ сторонъ опоясываетъ его стѣны, какъ естественный крѣпостной ровъ. Но черногорскихъ орловъ не остановила ни скала, ни рѣка. Тома Давидовичъ во главѣ двадцати отчаянныхъ товарищей переплылъ темною ночью рѣку, вскарабкался по утесамъ на стѣны крѣпости, и когда наступило утро; то испуганный турецкій гарнизонъ уже не въ силахъ былъ выбить забравшуюся къ нему кучку богатырей; въ то же время кучане ударили на нижній городъ, ворвались въ него, и послѣ страшной рѣзни въ его тѣсныхъ переулкахъ овладѣли и городомъ, и крѣпостью и ея четырьмя пушками. Пощады, разумѣется, не было никому; но черногорскій владыка не счелъ возможнымъ возбуждать изъ-за пустяковъ серьезный гнѣвъ султана и черезъ два дня велѣлъ своимъ молодцамъ очистить Жаблякъ, „какъ царскую собственность“.

„Царская собственность“ эта была выжжена насколько было возможно; пушки, оружіе, припасы увезены кучанами, но Жаблякъ все-таки остался по прежнему турецкимъ.

Озеро все ширится и ширится съ каждымъ ударомъ весла, а полдневная жара становится все томительнѣе. Хорошо еще, что изъ ущелій, раздѣляющихъ причудливые пики береговыхъ горъ, потягиваетъ по временамъ вѣтерокъ, хотя немножко сдувающій съ васъ этотъ неподвижно застывшій солнечный зной, въ которомъ вы паритесь какъ въ русской банѣ.

На вершинахъ горъ, чуть не на каждой, торчатъ сторожевыя башни черногорцевъ, словно средневѣковые замки на берегахъ Рейна. Въ каждой изъ нихъ могли запереться и отчаянно отбиваться, пока выйдетъ послѣдній зарядъ, нѣсколько десятковъ юнаковъ, и нуженъ бывалъ цѣлый добрый отрядъ турецкаго войска, чтобы одолѣть каждый такой черногорскій улей, сплошь полный отчаянно жалившими пчелами.

Разстоянія на водѣ такъ же обманчивы, какъ и въ горахъ. Намъ уже давно казалось, что островокъ Лессендра, къ кото-

рому мы плывемъ, всего въ какой-нибудь верстѣ отъ насъ, а между тѣмъ мы все еще никакъ не догребемся до него. Скалистый островокъ этотъ съ своею былою крѣпостною стѣною и торчащею изъ нея старою башнею придаетъ характерный видъ всему пейзажу озера. Эта крѣпостца изстари замыкала входъ въ устье рѣки Черноевича и часто переходила изъ рукъ въ руки, отъ албанскихъ турокъ къ черногорцамъ, отъ черногорцевъ къ туркамъ. Лессендра и Жаблякъ долго глядѣли другъ на друга черезъ воды озера такъ же враждебно, какъ глядятъ издалека черезъ ихъ головы „проклятыя горы“ малисоровъ, сѣдыя отъ снѣга, на голые хребты Трновской Планины, что̀ хмурятся вправо отъ насъ сейчасъ за береговыми горами Цернической нахіи. Это живые памятники вѣчной порубежной войны, до сихъ поръ еще далеко не прекратившейся въ этихъ средневѣковыхъ трущобахъ, среди этихъ средневѣковыхъ племенъ, въ сущности такъ близкихъ другъ другу по своимъ вкусамъ и понятіямъ.

Лѣвѣе Лессендры на гористомъ островкѣ Вранинѣ, едва отдѣленномъ узкимъ проливомъ отъ берега, ниже села, забравшагося на скалы, у самаго подножія ихъ виденъ бывшій турецкій блокгаузъ съ бойницами, сторожившій когда-то Лессендру. Тутъ же близко на островкѣ и старинный монастырекъ, куда ѣздитъ на богомолье православное населеніе, и гдѣ покоится прахъ Божидаровича. Намъ на встрѣчу ползутъ двѣ тяжеловѣсныя лодки подъ парусами, которые еле-еле надуваются слабымъ вѣтеркомъ, одна мимо Вранины, изъ самого Скутари, другая изъ Виръ-Базара. На обѣихъ разодѣтый веселый народъ, отправляющійся на праздникъ въ Цетинье. Перекликаются, переговариваются съ нашими гребцами, шутки, громкій смѣхъ на все озеро, во всемъ ихъ видѣ какая-то беззаботная отвага, впечатлѣніе какихъ-то смѣлыхъ и свободныхъ птицъ, съ веселымъ карканьемъ пролетающихъ мимо другъ друга.

Наконецъ и мы пристали къ Лессендрѣ. Этотъ живописный островокъ весь кругомъ обнесенъ крѣпостною стѣною съ башнями. Стѣна, впрочемъ, не больше 3, 4 аршинъ высоты. Въ серединѣ крѣпости старая неуклюжая и уже сильно обвалившаяся „кула“, построенная еще владыкою Радо; у черногорцевъ эта кула одна только и составляла всю крѣпость; но турки взяли потомъ Лессендру и сожгли живьемъ 24 храбреца черногорца, которыхъ захватили въ ней. Они построили здѣсь цѣлое правильное укрѣпленіе, и оно въ такомъ уже видѣ было отнято у

нихъ удалыми юнаками князя Николая въ послѣднюю русско-турецкую войну.

Мы высадились на пустынный, заросшій бурьяномъ, берегъ у крѣпостной калитки. Внутри крѣпостца также заросла, словно давно запущенный выгонъ... Маленькая кучка черногорскихъ воевъ, очевидно, усыпленныхъ полдневнымъ зноемъ, не безъ нѣкотораго изумленія повылѣзли изъ-подъ низенькихъ тѣнистыхъ сарайчиковъ, гдѣ они лежали...

Налицо изъ всего гарнизона, котораго впрочемъ не больше 10—12 человѣкъ, оказался старый сержантъ съ четырьмя дежурными рядовыми. Офицеръ же ихъ и свободные отъ дежурства воины отправились развлекать свою скуку, кто въ монастырь, кто въ Виръ-Базаръ...

Стоило только нашему кормчему заикнуться, что онъ привезъ русскихъ, какъ суровыя лица защитниковъ Лессендры разомъ просвѣтлѣли и все кругомъ весело заговорило...

Старикъ сержантъ оказался истый юнакъ, сломавшій всѣ походы послѣднихъ лѣтъ, рубившійся во всѣхъ знаменитыхъ битвахъ этого времени. Онъ кстати и бралъ ту самую крѣпость Лессендру, въ которой теперь по праву хозяйничаетъ.

Сейчасъ же подъ его предводительствомъ черногорскіе воины повели насъ осматривать крѣпостцу и живописные виды, открывавшіеся во всѣ стороны съ высоты ея стѣнъ. Въ нѣмецкихъ переводахъ нашего Божо почти не являлось надобности, потому что мы какъ-то приспособились уже къ сербской рѣчи и приспособляли къ ней и свою русскую рѣчь настолько удачно, что понимали довольно хорошо другъ друга безъ лишнихъ посредниковъ.

— Вонъ на той горѣ, поправѣе Виръ-Базара, стояли наши черногорцы съ княземъ Николаемъ,—показывалъ намъ старый вояка:—пушки у насъ двѣ были, русскій вашъ царь подарилъ, такъ мы изъ нихъ стрѣляли... Вотъ видите, куда ядра наши попадали!—подвелъ онъ насъ къ одной изъ угловыхъ башенъ, и съ торжествомъ показывая куски отбитой стѣны ея.—Вонъ и въ другихъ мѣстахъ тоже, мы имъ всю стѣну ядрами разбили, больше они не могли держаться, сдались...

Дѣйствительно, проломы и дырья въ стѣнахъ видны были кое-гдѣ и до сихъ поръ, и даже иныя ядра валялись на землѣ среди мусора.

— Мы еще и раньше, въ 1858 году, взяли здѣсь подъ Виръ-Базаромъ два большихъ турецкихъ судна съ пушками;

пушки перетащили на берегъ, а турокъ всѣхъ порѣзали!—хвастался расходившійся старикъ.

— А самъ ты бился когда съ турками въ рукопашную?—спросилъ я.

— Бога ми! кто же изъ насъ не бился съ турками? такого у насъ въ Черногоріи и не найдешь!—громко разсмѣялся моей наивности черногорецъ.—Я въ четырехъ большихъ битвахъ рубился, при Граховѣ, при Вучьемъ Долѣ, а маленькихъ и не сосчитаю... Еще Омеръ-пашу помню, какъ онъ съ большимъ войскомъ черезъ всю Черногорію, отъ Никшича къ Спужу прошелъ. Онъ по долинѣ шелъ, а черногорцы на горахъ стояли, все ждали, что въ Цетинье пойдетъ, думали тогда, что пропали совсѣмъ!

— Молодцы вы, черногорцы! храбрѣе васъ нѣтъ народа...—похвалилъ я его.

— А безъ вашего царя все-таки ничего бы не могли сдѣлать!—отвѣтилъ мнѣ, можетъ быть, и комплиментомъ за комплиментъ, старый рубака.—Все у насъ отъ вашего царя, и ружья, и пушки... Вотъ теперь сколько крѣпостей и городовъ стало въ Черногоріи—и Спужъ, и Жаблякъ, и Подгорица, и Никшичъ, и Ульцинъ, и Антивари... Хоть мы и кровью своею взяли всѣ эти крѣпости, да намъ бы ихъ не отдали, если бы не русскій царь. Жалко только, что всего народа изъ этихъ городовъ не повыгнали, а то черногорцамъ жить уже негдѣ стало... Изъ своей земли въ чужія земли приходится уходить... Пускай бы всѣ турки въ Азію убрались, намъ бы больше мѣста оставили...

— Этого нельзя. Европа не допуститъ,—замѣтилъ я.

— Нельзя, а все-таки будетъ же когда-нибудь!—съ увѣренностью настаивалъ черногорецъ.—Вѣдь давно ли всѣ христіане подъ турками были, а теперь вотъ греки свободны, сербы свободны, румыны свободны, болгары свободны,—„сви слободны!“ Потомъ будетъ такъ, что и турка совсѣмъ вонъ выгонятъ...

До Виръ-Базара отсюда рукою подать; онъ лежитъ какъ разъ противъ, на правомъ берегу; за нимъ начинается самая цвѣтущая и роскошная область Черногоріи, обильная виноградомъ и южными фруктами, примыкающая теперь черезъ округъ Антивари къ водамъ Адріатики—Церничская нахія. Виръ-Базаръ—по-русски „Старый Рынокъ“—одна изъ главныхъ береговыхъ опоръ Черногоріи на Скутарійскомъ озерѣ; тамъ и крѣпость, и разные военные склады, и старинное мѣсто торговаго обмѣна между

албанскими и черногорскими прибрежными жителями. Городъ Скутари нельзя было разглядѣть за туманами дали, хотя увѣряютъ, будто въ очень ясные дни можно видѣть его минареты. Этотъ Скадръ, древняя резиденція сербскихъ князей,—еще болѣе древняя колонія римлянъ,—теперь обратился въ характернѣйшій центръ ислама, въ безусловно турецкій городъ. Народъ черногорскій, также какъ и сербы королевства, удивительно твердо знаетъ свою исторію и свой патріотическій эпосъ.

— Все Скадрско блато было прежде сербское. Въ Скадрѣградѣ Вукашинъ-царь жилъ, отецъ Марка-Кралевича...—сообщилъ мнѣ нашъ старый гребецъ, обходившій вмѣстѣ съ нами крѣпостныя стѣны.

И онъ, и всѣ черногорцы пришли въ искренній восторгъ, когда оказалось, что мнѣ были извѣстны не только Вукашинъ и Марко-Кралевичъ, но даже отрывки старыхъ пѣсенъ ихъ о воеводѣ Момчилѣ, о градѣ Пирлиторѣ, о горѣ Дормиторѣ...

„Пріѣзжай ко мнѣ въ бѣлый Скадеръ на Боянѣ,
Будешь ты мнѣ вѣрною женою,
Будешь ты кралицей-госпожой!“

—писалъ, по словамъ старой пѣсни, краль Вукашинъ Видосавѣ, женѣ воеводы Момчила.

„Будешь шелкъ прясть на золотомъ веретенѣ,
Шелкъ будешь прясть, сидѣть на шелку,
А носить будешь атласы и бархаты,
Все расшитое чистымъ золотомъ.
А каковъ ли Скадеръ на Боянѣ!
Посмотришь вверхъ выше града—
Все поросло смоквой и маслиной,
Полны гроздьевъ виноградники,
Поглядишь ли внизъ подъ градомъ,
Поросла тамъ бѣлая пшеница.
А вокругъ-то все зеленый лугъ,
Сквозь него течетъ Боянa зеленая,
Въ ней плещутся рыбы всякія.

— Бога ми! Бога ми!—въ радостномъ изумленіи переглядывались они другъ съ другомъ, слушая мое посильное коверканье ихъ поэтическихъ легендъ, которыя я передаю здѣсь въ русскомъ переводѣ.

Дѣйствительно, Скутарійское озеро полно для серба историческихъ воспоминаній всякаго рода. До самаго конца XIV вѣка, начиная съ VII, т.-е. цѣлыхъ семь столѣтій сряду, и градъ Скадръ, и Скадрско Блато принадлежали сербамъ, и Черно-

горія только получила бы свое старинное законное наслѣдіе и самую необходимую ей часть древняго сербскаго царства, если бы присоединила къ себѣ, наконецъ, этотъ родной ей уголокъ, это внутреннее море своего рода, проливающее столько свѣтлой поэзіи и мирнаго чувства въ суровый пейзажъ ея неприступныхъ воинственныхъ горъ...

Черногорскій сержантъ не забылъ показать намъ и свою крѣпостную артиллерію; все это большею частью мѣдныя и чугунныя пушки совсѣмъ старыхъ образцовъ; на нѣкоторыхъ замѣтны еще Наполеоновскіе орлы; это трофеи черногорцевъ, кровью добытые у разбитыхъ французовъ, когда тѣ завладѣли Каттаро и Рагузою. Лежатъ тутъ и тѣ двѣ мѣдныя русскія пушки, съ помощью которыхъ князь Николай овладѣлъ Лессендрою. Они тутъ законные владыки взятой ими крѣпости по тому же праву, какъ и старый черногорецъ, показывавшій ихъ намъ. Остальныя орудія—все добыча турецкихъ войнъ.

Войну съ французами въ Поморьѣ черногорцы, къ удивленію моему, еще помнятъ отлично, по разсказамъ отцовъ и дѣдовъ; помнятъ и то, что они бились тогда рядомъ съ русскими, честно и храбро помогавшими имъ.

— Все тогда наше было, вся Бока и Дубровникъ!—со вздохомъ говорилъ старый гребецъ.—Нашъ владыка, святопочившій Петръ, уже и жить переѣхалъ въ Которъ. Да политика проклятая все назадъ у насъ отняла, что̀ мы себѣ ружьями да ханджарами добыли.

Онъ произносилъ слово „политика“ съ какою-то особенною ненавистью и презрѣньемъ, какъ что-то діаметрально противоположное всякой правдѣ, добытой ханджаромъ...

Бесѣда наша особенно оживилась, когда Бо̀жо досталъ изъ нашихъ походныхъ куржинъ двѣ бутылки добраго церничскаго вина съ кускомъ сыру, хлѣбомъ и яйцами, и мы разсѣлись на травѣ подъ тѣнью исторической кулы владыки Радо, куда пригласили съ собою и нашихъ черногорскихъ хозяевъ. Долго они отказывались отъ вина,—можетъ быть, этикета ради,—но я ихъ убѣдилъ, наконецъ, что войникамъ нисколько не предосудительно выпить чарочку виноградnаго зелья, и съ легкой руки сержанта каждый юнакъ опрокинулъ по очереди за наше здоровье по стаканчику краснаго.

И черногорскіе войники, и черногорскіе гребцы оказались изрядно свѣдущими въ политическихъ дѣлахъ своей родины.

Русскаго деревенскаго мужика въ этомъ отношеніи и сравнивать нельзя съ сербомъ, черногорцемъ или грекомъ. Онъ

обыкновенно знаетъ о политикѣ столько же, сколько и лошадь, на которой онъ пашетъ. Собесѣдники же мои черногорцы увѣренно судили и рядили и о „бугарахъ“ (болгарахъ), такъ отблагодарившихъ русскихъ братьевъ за пролитую ими кровь, и о сербахъ королевства, у которыхъ все идетъ дурно потому, что они только политикуютъ да газеты читаютъ, и о ненавистныхъ всѣмъ швабахъ, преслѣдующихъ православную вѣру въ Герцеговинѣ и Босніи.

Всѣ собесѣдники наши единодушно жаловались на тѣсноту своей маленькой гористой родины и разсказывали, сколько ихъ ежегодно уходитъ отсюда въ разные далекіе города и страны, чтобы найти какой-нибудь заработокъ.

„Нашихъ черногорцевъ теперь вездѣ найдешь,—увѣряли они,—и въ Румыніи, и въ Стамбулѣ, и въ Александріи, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, и въ Америкѣ, а ужъ въ Венеціи, въ Италіи—и говорить нечего! Въ Сербіи много нашихъ поселилось навсегда. И въ Россіи у васъ есть кое-кто изъ нашихъ. Вотъ Джуричи, напр., получили отъ русскаго царя около Бердянска по 10—15 десятинъ земли на душу, живутъ себѣ ничего, хвалятъ землю вашу“.

Жаръ уже нѣсколько спалъ, когда мы отправились въ обратный путь; такъ какъ на озерѣ поигрывалъ легкій вѣтерокъ, то и на нашемъ ландрасѣ подняли парусъ. Черногорскіе паруса на Скадрскомъ Блатѣ, въ отличіе отъ турецкихъ и албанскихъ, всѣ отмѣчены большими крестами. Смотря на озеро отъ Лессендры и Вранины, ясно видишь, что тотъ маленькій уголокъ Скадрскаго Блата, что̀ идетъ къ югу отъ нихъ—только расширеніе лимана рѣки Обода, залившаго мало-по-малу свои низменные берега и обратившаго въ цѣпь прибрежныхъ островковъ холмы и горы берега. Настоящее же Скутарійское озеро начинается только за Лессендрою и Враниною, гдѣ оно гораздо открытѣе и шире и гораздо менѣе похоже на „блато“. Замѣчательно, что въ древности, при римлянахъ, Скутарійское озеро было гораздо у́же, не считалось за озеро и составляло, собственно говоря, разливъ по низменной котловинѣ теченія многочисленныхъ рѣкъ, направляющихся сюда съ сѣвера, востока и запада, Рѣки Черноевича, Цермнички, Морачи съ Цевною, Ситницею и проч. притоками своими,—такъ что р. Бояна, вытекающая теперь на югѣ у г. Скутари изъ Скутарійскаго озера и впадающая въ Адріатическое море, въ сущности была прямымъ продолженіемъ и окончательнымъ исходомъ тѣхъ же рѣкъ.

Недалеко отъ устья Рѣки мы нагнали нѣсколько большихъ парусныхъ лодокъ, до краевъ переполненныхъ набившимся въ нихъ народомъ; это были албанцы изъ Скадра, мужчины, женщины, дѣти, горѣвшіе на солнцѣ яркою пестротою своихъ нарядовъ, позументами, шелками, цѣпочками и насѣчками своего богатаго оружія. Всѣ, конечно, ѣхали на праздникъ въ Цетинье. Одна разбитная красивая албанка, съ бубнами въ рукахъ, вдругъ запѣла, акомпанируя себѣ звонкими бубнами и еще болѣе звонкимъ хохотомъ, какую-то подмывающую плясовую пѣсню, и на всѣхъ лодкахъ, не исключая нашихъ суровыхъ черногорцевъ, все разомъ оживилось и запѣло, подтягивая въ тактъ развеселой бабѣ...

Вотъ мы и опять на набережной Рѣки, подъ тѣнью древняго града Обода, сидимъ у дверей „кафаны“ за бутылкою пива и чашками чернаго кофе. Въ открытыя окна кафаны мы любуемся богатырскими фигурами и величественными позами юнаковъ, убивающихъ вѣчно праздное время свое отчаянною игрою въ карты. За лодку пришлось заплатить десять серебряныхъ гульденовъ, и старый гребецъ, получившій отъ меня этотъ гонораръ, съ важностью, но и съ большимъ дружелюбіемъ потрясъ мою руку; остальные гребцы тоже подошли къ намъ, и нисколько не стѣсняясь, одинъ за однимъ пожимали на прощанье руки мнѣ и женѣ, желая намъ всякаго благополучія.

Накупивши въ лавкахъ Рѣки разныхъ характерныхъ принадлежностей мѣстныхъ нарядовъ, мы наконецъ двинулись въ обратный путь, торопясь поспѣть засвѣтло въ Цетинье. По дорогѣ мы нагоняли еще больше народа, спѣшившаго на праздникъ, чѣмъ встрѣчалось намъ утромъ. Многія женщины шли подъ зонтиками, разумѣется, австрійскими, что̀ совсѣмъ не мирилось въ нашей головѣ съ представленіемъ о закаленныхъ женахъ черногорскихъ, выносящихъ на своихъ плечахъ изъ-подъ пуль и ядеръ раненыхъ мужей и братьевъ. Но очевидно, что австрійское цивилизующее вліяніе изъ Котора и Рагузы нечувствительно заражаетъ и глухія долины Черной-Горы; намъ попадаются не разъ даже раскрашенные нѣмецкіе штульвагены на покойныхъ рессорахъ, въ которыхъ мирно возсѣдаютъ съ женами и дѣтьми тѣ самые сѣдоусые черногорскіе богатыри, которые недавно еще не знали другого коня и экипажа, кромѣ собственныхъ рысаковъ въ буйволовыхъ опанкахъ.

То и дѣло обходятъ нашу коляску толпы рослыхъ, крѣпконогихъ и статныхъ юнаковъ и съ ними обыкновенно цѣлая куча

подростковъ; проворные, ловкіе, сіяющіе безпечнымъ весельемъ, красавцы на подборъ, одѣтые поверхъ бѣлоснѣжныхъ рубахъ и штановъ въ малиновыя, золотомъ расшитыя, куртки, обвѣшанныя серебряными цѣпочками съ бирюзой, перепоясанные яркими турецкими шалями съ засунутыми въ нихъ дорогими пистолетами,— они мелькали мимо насъ будто пролетѣвшая стая веселыхъ птицъ, и съ громкими пѣснями, съ шумомъ и болтовнею не сбѣгали, а скорѣе стекали, какъ воды горныхъ ручьевъ, безъ раздумья и остановки, будто по ступенямъ пологой лѣстницы, внизъ по утесистымъ кручамъ и обрывамъ, минуя длинныя петли шоссейной дороги, напрямикъ, какъ летаетъ птица, какъ несется стрѣла...

Шутя и смѣясь взбѣгаютъ они на такіе же кручи и обрывы по козьимъ тропамъ „старой дороги", пробуждая ружейными и пистолетными выстрѣлами безмолвный воздухъ горныхъ пустынь, осушая въ придорожныхъ кабачкахъ стаканчики краснаго вина, постоянно обгоняя нашу тяжко ползущую вверхъ коляску. Догнать ихъ намъ нѣтъ никакой возможности, и это, очевидно, забавляетъ ихъ, заставляя удвоивать быстроту ихъ бѣга, вызывая въ нихъ новый приливъ молодого смѣха и пѣсней.

Догадливая молодая дѣвушка изъ сосѣдняго села, спрятаннаго на днѣ долины, разставила уже своего рода сѣти этой шумно проносящейся молодежи, разложивъ на краю дороги, надъ самымъ обрывомъ пропасти свой скромный столикъ съ кувшиномъ вина, десяткомъ красныхъ яицъ и кускомъ овечьяго сыра. Вонъ уже вся эта поющая и хохочущая юная ватага шумно опустилась кругомъ разставленной приманки прямо на камни и на пыль дороги, и уже звенитъ полными стаканчиками дешеваго мѣстнаго вина, перекидываясь шуточками съ молодою продавщицею. Для этого юнаго народа, переполненнаго весенними соками жизни, самый походъ на праздникъ уже становится радостнымъ праздникомъ...

Мы, сидя покойно въ своей колескѣ, отъ души наслаждались этими картинами удалой и могучей жизни, чудною горною природою, охватывавшею насъ, и такимъ же чуднымъ вечеромъ, въ розовомъ сіяніи котораго далекія снѣговыя вершины Албанскихъ горъ горѣли словно зубчатыя стѣны какого-то изъ огня сотканнаго фантастическаго колоссальнаго замка...

Евгеній Марковъ.

ВЗЯТКА

(*Окончаніе.*)

VI *).

Черезъ нѣсколько дней Павелъ Константиновичъ встрѣтилъ Смолина на музыкѣ. Они раскланялись; но Павлу Константиновичу не хотѣлось тутъ, въ толпѣ, разговаривать съ Смолинымъ, и сначала онъ прошелъ-было мимо; но, сдѣлавъ общій „кругъ" около скамеекъ и снова поравнявшись съ Смолинымъ, онъ самъ приблизился къ нему и сказалъ:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, зайдите, пожалуйста, завтра ко мнѣ.

Смолинъ былъ одинъ и, повернувъ, пошелъ сбоку около Пожарскаго.

— Въ которомъ часу прикажете, ваше превосходительство?— спросилъ онъ.

— Утромъ, если это вамъ удобно, отъ десяти до одиннадцати,—отвѣтилъ, подумавъ, Павелъ Константиновичъ.

— Ровно въ десять, если позволите, ваше превосходительство?—сказалъ дѣловымъ тономъ Смолинъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Пожарскій и прибавилъ.—Такъ до свиданья, до завтра.

— Имѣю честь кланяться, ваше превосходительство,—произнесъ Смолинъ, слегка приподнимая шляпу.—Ровно въ десять я буду у васъ.

Они разстались.

---

*) См. выше: іюль, стр. 63.

— Кто это такой, папа?—спросила Марья Павловна, гулявшая рядомъ съ отцомъ.

— Такъ... биржевикъ одинъ... по дѣламъ,—нехотя отвѣтилъ Павелъ Константиновичъ.

— Какой онъ интересный. Не скажу—красивый, но, знаешь, такой... видный...

— Что ты нашла въ немъ интереснаго,—съ оттѣнкомъ пренебреженія сказала шедшая впереди, съ матерью, Оля.—Я, кажется, его у Мироковецъ видѣла. Только онъ никогда не танцуетъ. Онъ гдѣ-то всегда *тамъ*, въ толпѣ зрителей. Совсѣмъ не интересный.

— Ну, это еще не большая бѣда, что не танцуетъ,—вставила свое замѣчаніе Елена Петровна.—Вниманіе на себя онъ во всякомъ случаѣ обращаетъ. По внѣшности, по манерѣ, я скорѣе приняла бы его за кого-нибудь изъ любого посольства, изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а не съ биржи.

— Не знаю, мнѣ онъ совсѣмъ не нравится,—сказала Оля.

— Что же дѣлать, если на меня онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе,—возразила старшая сестра.

— Да что тебѣ въ немъ понравилось?

— Все. Мнѣ нравится даже его манера говорить. Посмотри, какъ онъ говоритъ даже это слово: „ваше превосходительство". Оно у него выходитъ какъ-то мило и просто, съ достоинствомъ, какъ всякое другое простое слово.

Павлу Константиновичу, однако, было непріятно, что дочери заговорили о Смолинѣ, и онъ упрекалъ себя за то, что неосторожно обратился къ нему въ ихъ присутствіи. Но онъ такъ давно ожидалъ этой встрѣчи, деньги были нужны, и, не встрѣть онъ Смолина сегодня, пришлось бы завтра посылать къ нему съ письмомъ.

На другой день, утромъ, ровно въ десять, Смолинъ уже былъ у Пожарскаго въ кабинетѣ.

— Чѣмъ могу служить вашему превосходительству?—спросилъ онъ, садясь по приглашенію хозяина въ вѣнское кресло у края письменнаго стола.

Павелъ Константиновичъ отвѣтилъ ему непринужденно:

— Мнѣ нужны деньги, и я хотѣлъ спросить васъ, не можете ли вы достать мнѣ ихъ?

Тотъ взглянулъ ему въ лицо, и Павлу Константиновичу показалось, что въ глазахъ Смолина пробѣжалъ насмѣшливо злорадный огонекъ; но Смолинъ самымъ безстрастнымъ тономъ спросилъ:

— Какую сумму, ваше превосходительство?

Пожарскій сказалъ.

— Хорошо-съ, я переговорю и сегодня же вечеромъ или завтра утромъ сообщу вамъ результатъ, — отвѣтилъ Смолинъ такъ же просто, какъ и раньше.

— Мнѣ деньги нужны до будущаго февраля,—сталъ объяснять ему Пожарскій подробности.—Я надѣюсь, что вы найдете мнѣ ихъ за умѣренный процентъ. Мое положеніе служитъ, кажется, достаточной гарантіей. Я выдамъ вексель. Но я попрошу васъ устроить такъ, чтобъ объ этомъ было, по возможности, поменьше разговоровъ. Обращайтесь туда, гдѣ надѣетесь сразу получить утвердительный отвѣтъ, и ужъ только въ рѣшительную минуту назовите мою фамилію. Я не хотѣлъ бы давать векселя кое-кому, не хотѣлъ бы обращаться и къ нѣкоторымъ извѣстнымъ банкирамъ.

Пожарскій назвалъ нѣсколько именъ, кого надо было избѣжать.

— Вообще, найдите солидное лицо и не изъ тѣхъ, кто очень на виду. Вы понимаете?

— Вполнѣ. И всѣ условія будутъ тѣ, какія вы пожелаете, ваше превосходительство,—сказалъ Смолинъ, смотрѣвшій на него теперь задумчиво и серьезно, какъ будто желая еще что-то сказать, но не рѣшаясь.

— Нѣтъ, зачѣмъ же непремѣнно мои условія, — прервалъ его мысли Пожарскій:—вы узнайте, на какихъ условіяхъ можно достать эти деньги и пріѣзжайте сказать мнѣ.

— Хорошо, ваше превосходительство.

— Вашъ куртажъ вы, пожалуйста, включите въ проценты, чтобъ намъ съ вами потомъ не торговаться.

— Объ этомъ не извольте безпокоиться...

— Такъ вы надѣетесь устроить это?—уже болѣе привѣтливымъ тономъ сказалъ Пожарскій.

— Постараюсь, ваше превосходительство.

— Пожалуйста.

Наступило молчаніе.

— Вечеромъ вы меня не застанете, а приходите завтра утромъ въ это же время,—сказалъ Пожарскій, давая понять, что разговоръ конченъ.

— Хорошо-съ,—поклонился Смолинъ, какъ-то нерѣшительно, вставая.—До свиданья, ваше превосходительство.

— До свиданья,—сказалъ Пожарскій, протягивая ему руку.

Смолинъ ушелъ, и Пожарскій, слегка, одними глазами улыбнулся. Въ этой улыбкѣ сказывалось самодовольное сознаніе, что

Смолинъ не посмѣлъ вновь предложить ему взятку, хотя, очевидно, онъ ожидалъ именно разговора объ акціяхъ.

Но спустя минуту, Павелъ Константиновичъ уже иронизировалъ надъ своимъ удовольствіемъ по поводу одержанной имъ побѣды.

„Эка штука!“—думалось ему.—„Не спасовалъ предъ какимъ-то Смолинымъ! И доволенъ, самъ собой доволенъ! Точно и въ самомъ дѣлѣ отечество спасъ. Какъ же, помилуйте—заслужилъ уваженіе человѣка, къ которому относишься свысока и котораго, пользуясь своимъ положеніемъ, немножко третируешь... безъ всякаго права на это“!..

„А какъ посмотришь хорошенько—и всѣ-то наши горести и радости таковы. Чинъ, орденъ, постъ, все это радуетъ насъ тѣмъ, что возвышаетъ... надъ кѣмъ? Надъ тѣмъ же Смолинымъ и ему подобными... Нѣтъ-съ, какъ же, а сознаніе исполненнаго долга!.. Долгъ!.. Предъ кѣмъ?.. Вотъ за то, что я исполняю какой-то никому невѣдомый долгъ, я долженъ взять въ долгъ денегъ у тѣхъ, кто, быть можетъ, *долгъ* свой не исполняетъ, и если я по какимъ бы то ни было уважительнымъ причинамъ долгъ этотъ не уплачу, такъ съ меня его взыщутъ совершенно законно; несмотря на все мое исполненіе долга и несмотря на уважительныя причины. И почему это я долженъ быть не какъ другіе? Вѣдь умремъ всѣ одинаково. Ихъ будутъ хоронить—понесутъ впереди подушки съ орденами, и меня будутъ хоронить—подушки съ орденами понесутъ. Они брали, я не бралъ, а жить будемъ одинаково. И въ исторію наши имена попадутъ или не попадутъ совершенно одинаково“...

„Да и въ чемъ въ самомъ дѣлѣ задача будущаго? Въ нивеллировкѣ или въ созданіи выдающихся людей на подножіи остальной, служащей имъ массы“?

Ужъ онъ-то во всякомъ случаѣ былъ далекъ отъ соціальной нивеллировки!..

Павлу Константиновичу опять вспомнилось прошлое, юность, шестидесятые годы, „забытыя слова“...

...Нѣтъ, онъ, кажется, никогда ничего не забывалъ! Онъ шелъ честно и бодро впередъ. Если онъ иногда уступалъ дорогу людямъ, шедшимъ подъ другимъ знаменемъ, такъ вѣдь потому, что иначе поступать онъ не могъ. Онъ и подобные ему шли сначала въ рядахъ, потомъ эти ряды рѣдѣли. Они пошли вразбродъ, а *тѣ* валили густой толпой, давили. Онъ уступалъ, сторонился, пропускалъ ихъ впередъ, чтобъ не быть растоптаннымъ и сброшеннымъ въ канаву, но пропускалъ съ тѣмъ, чтобъ

при первой же возможности продолжать идти впередъ. И вотъ онъ дошелъ до желанныхъ ступеней власти и вліянія, но гдѣ же онъ, съ кѣмъ онъ? Какъ мало около него единомышленниковъ, какъ много людей враждебныхъ ему воззрѣній!

...Да и самъ онъ, какъ много измѣнился онъ противъ прежняго. Годы ли это охлаждаютъ, среда ли вліяетъ! Нѣтъ той увѣренности, что̀ была въ немъ прежде, въ возможность торжества правды. Напротивъ, онъ знаетъ, что многое изъ того, что казалось ему прежде божественнымъ, не что иное, какъ химеры, обманчивые призраки божества. Онъ извѣрился во все. Какая добродѣтель въ мірѣ восторжествовала, какія завоеванія она сдѣлала? Сколько идеаловъ, казавшихся прежде возвышенными, кажутся теперь нелѣпыми. Во времена крестовыхъ походовъ вся Европа готова была сложить голову за какое-то освобожденіе никому не нужнаго клочка земли, за идеалъ,—теперь идутъ крестовые походы противъ всякихъ идеаловъ для пріобрѣтенія себѣ клочка цвѣтной матеріи на платье.

И торопливо собирая въ портфель свои дѣловыя бумаги, чтобъ ѣхать въ Петербургъ, Павелъ Константиновичъ думалъ:

„Я не опоясусь добровольно мечомъ и не пойду рубить сарацинъ для того, чтобъ русскія богомолки не видали у гроба Господня турецкихъ фесокъ. А, быть можетъ, такъ же точно наши ближайшіе потомки и такіе же просвѣщенные, благомыслящіе, какимъ считаю теперь себя я, осмѣютъ насъ за то, что мы во имя нашихъ такъ называемыхъ высокихъ идеаловъ отказывались отъ такъ называемыхъ благъ земныхъ; что мы даже предпочитали убивать другъ друга и умирать мучительной смертью, но зато называть одинъ клочокъ Руссіей, а другой Боруссіей. „И это, дескать, имъ казалось чрезвычайно важнымъ, и за это они считали себя очень умными, хорошими людьми“!..

„...А нашъ стыдъ предъ обладаніемъ капиталами, когда у массъ ихъ нѣтъ, не подведутъ ли подъ пословицу собаки на сѣнѣ? „Если нѣтъ у нихъ, пусть не будетъ и у меня“. Не глупо ли это? Наши потомки отнесутъ насъ, запоздалыхъ идеалистовъ, къ разряду изувѣровъ-старовѣровъ, а Мироковецы и Смолины явятся носителями передовыхъ идей, идеаловъ будущаго, идеаловъ, дожидающихся еще своей систематизаціи, чтобъ стать признанной истиной и символомъ вѣры всего будущаго культурнаго человѣчества“.

„...И для чего я такъ ношусь со своей честностью? Кому она нужна? Я спрашивалъ себя, какая добродѣтель въ мірѣ восторжествовала, — теперь спрошу, какая подлость не пережила

торжества добродѣтелей? Все, что громилось въ проповѣдяхъ, все живо; а нѣтъ ни тѣхъ проповѣдниковъ, ни ихъ огня и меча!.. Все условно, все въ зависимости отъ даннаго момента и уровня культурнаго развитія общества. Я вотъ много учился, много читалъ и много думалъ, а Мироковецъ и Смолинъ и имъ подобные шли простымъ путемъ: брали, крали и жили. И я теоретически пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, на какіе ихъ давно натолкнула практика. А началъ я съ противоположныхъ идеаловъ, имъ поклонялся, ихъ хотѣлъ провести въ жизнь и былъ такъ наивенъ, что хотѣлъ ихъ навязать и Мироковецу и Смолину, считая эти идеалы за единые святые. А теперь я понимаю Мироковеца такъ, какъ онъ самъ себя не понимаетъ. Я не могу быть имъ на практикѣ, но для меня, посторонняго наблюдателя, онъ любопытный экземпляръ практическаго осуществленія моихъ теоретическихъ выводовъ. И еще вопросъ, что идетъ впереди: жизнь ли складывается по идеаламъ, или идеалы вырабатываются жизнью? Вѣрнѣе послѣднее. Идеалы соотвѣтствуютъ своему времени, подвергаются эволюціи, а жизнь идетъ непрерывно впередъ, и всѣ, кто хотятъ подчинить ее старымъ идеаламъ, только напрасно тормозятъ ее, хотя бы изъ-за самыхъ безкорыстныхъ побужденій. И неужели стоило мнѣ читать и бороться, для того, чтобъ убѣдиться, что я, быть можетъ, одинъ изъ тормазовъ прогресса"?

„...Но если я пришелъ къ такимъ выводамъ теоретически, кто же мѣшаетъ мнѣ примѣнить ихъ и на практикѣ? Странное, непонятное чувство брезгливости... да, и только. Я не буду ѣсть лягушку, а говорятъ изъ лягушечьихъ ногъ дѣлаютъ превкусное рагу. Ну, а еслибъ голодъ заставилъ?.. Да, все дѣло въ толчкѣ. Голодъ бываетъ не только въ желудкѣ — голодъ нравственный, голодъ умственный... Онъ тоже одинъ изъ факторовъ преступленій... И какъ все условно, какъ все условно!.. Сколько историческихъ славныхъ побѣдъ были въ сущности пораженіями... да, пораженіями прогресса. Я вотъ тутъ все еще ношусь съ своимъ служеніемъ какимъ-то идеаламъ, а въ міровой эволюціи все это уже, быть можетъ, давно обречено на смерть, все это уже вянущій цвѣтокъ, отгнивающій плодъ. Все это система Птоломея, и уже новые Коперники работаютъ надъ ея уничтоженіемъ"!..

„...Почему же я такъ крѣпко держусь этихъ излюбленныхъ мною идеаловъ? Въ этомъ и отвѣтъ: *излюбленные*. Я привыкъ любить ихъ предпочтительно предъ другими. Это доставляетъ мнѣ духовное наслажденіе. Только для наслажденія совершаемъ мы тотъ или другой поступокъ. Ну, а если наслажденіе перестаетъ

быть наслажденіемъ? Мы ищемъ замѣнить его другимъ. Если я нахожу и съ теоретической, и съ практической точки зрѣнія, что нѣтъ никакихъ основаній быть честнымъ, не брать взятки, жертвовать своими удобствами и счастьемъ семьи чему-то отвлеченному, что̀ признается еще только мною, а уже давно отвергнуто другими, — воленъ я избрать себѣ другое наслажденіе, такое, какое прежде казалось мнѣ преступнымъ, а теперь кажется истиннымъ? Вѣдь и вопросъ о преступности теперь измѣнился. Прежде судили преступленія по совѣсти, теперь—по шишкамъ на головѣ преступника и по длинѣ его носа. Совѣсть—нѣчто отвлеченное—упразднена, шишка—нѣчто научное—играетъ роль стрѣлки на вѣсахъ Ѳемиды. Это можетъ показаться старовѣру смѣшнымъ и парадоксальнымъ, но вѣдь Шопенгауэръ сказалъ же, что всякая истина до тѣхъ поръ остается парадоксомъ, пока не сдѣлается банальностью"...

Павелъ Константиновичъ всталъ, собираясь уже ѣхать, но, взглянувъ на часы и увидавъ, что времени до отхода поѣзда еще много, онъ только прошелся раза два по кабинету, взглянувъ въ окно, чтобъ убѣдиться, что кучеръ ждетъ его у подъѣзда, и снова сѣлъ въ кресло у своего стола.

„Мы всегда боимся поставить себѣ проклятые вопросы на разрѣшеніе даже теоретически"—продолжалъ онъ думать:—„мы стараемся обходить ихъ, говоря, что на практикѣ этого не бываетъ и не будетъ, такъ зачѣмъ же ставить себѣ пугала въ теоріи? безплодное занятіе. Да, на практикѣ мы всегда ускользаемъ отъ этихъ вопросовъ въ дверку какого-нибудь благовиднаго компромисса, теоретически же можно рѣшать всякіе вопросы абсолютно".

„...Вотъ еслибъ мнѣ сказали: возьми взятку или тебѣ придется оставить службу, и ты потеряешь источникъ теперешняго твоего благосостоянія, а семья твоя пойдетъ по міру,—я бы задумался, но... но рѣшеніе было бы скверное. Я бы взялъ".

„...Поговорить бы объ этомъ съ женой... Я, впрочемъ, могу предвидѣть все, что̀ она скажетъ... Представимъ, что я собралъ бы для этого цѣлый домашній совѣтъ, представимъ, что моя семья согласилась бы терпѣть нищету и даже гоненіе за то, что я останусь „честнымъ",—въ правѣ ли я жертвовать счастьемъ моей семьи, когда я впередъ провижу безполезность нашей жертвы, сомнѣваюсь въ ея разумности и, такъ или иначе, все равно ни на волосъ не измѣняю торжества новыхъ птицъ и новыхъ пѣсенъ. Почему я долженъ въ силу отвлеченнаго шествованія по стезѣ честности уступить мѣсто на жизненномъ пиру какимъ-то

невѣдомымъ мнѣ потомкамъ Мироковецовъ и Смолиныхъ, лишая этого счастія близкихъ и дорогихъ мнѣ членовъ моей семьи".

„...Все говоритъ мнѣ, чтобъ я *взялъ*; всѣ доводы ума, цѣпляясь другъ за друга, стелютъ мнѣ надежный мостъ для этого рѣшительнаго шага; и только такъ какой-то маленькій червячокъ все время ползаетъ между ними и подтачиваетъ ихъ логическую связь, какъ будто для того, чтобъ я на этомъ съ виду надежномъ мосту непремѣнно провалился. Ну, и что-жъ! Взять и раздавить этого маленькаго червяка и только"!

Павелъ Константиновичъ безсознательно брезгливо улыбнулся и съ минуту, безъ опредѣленныхъ мыслей, смотрѣлъ на лежавшій передъ нимъ портфель съ дѣловыми бумагами.

„Дерзости не хватаетъ!" — усмѣхнулся онъ опять, возвращаясь къ прерваннымъ размышленіямъ.—„Но вѣдь чтобъ быть честнымъ между взяточниками, нужна тоже извѣстная доля смѣлости. Чтобъ быть святымъ между грѣшниками, нужно умѣть дерзать. И дерзость святости, взятая сама по себѣ, въ отвлеченномъ видѣ, не граничитъ ли съ дерзостью преступленія".

„...Да и что такое, въ самомъ дѣлѣ, это копошащееся внутри меня чувство какого-то неопредѣленнаго долга? Вѣдь это собственно врожденная привычка кому-нибудь повиноваться. Атавизмъ. Неумѣнье пользоваться своей духовной свободой. Вѣчная вытяжка во фронтъ передъ начальствомъ, строгое исполненіе чужихъ инструкцій. Неужели же цѣлая сознательно прожитая жизнь, неужели годы размышленій надъ этой жизнью не даютъ человѣку такого умственнаго чина, который дѣлалъ бы его правоспособнымъ самому издавать для себя инструкціи?.. Неужели ему все еще нужно пугаться какихъ-то *жалкихъ* словъ, какихъ-то жупеловъ. Долгъ! Что такое долгъ!.. Забота о моей семьѣ есть мой первый долгъ. Это—*естественное* право, шествующее впереди *государственнаго*. Если государство, поглотившее родовой бытъ, неудовлетворительно исполняетъ свою задачу обезпеченія потребностей моего рода, я возстановляю свое естественное, личное и родовое право и нарушаю мой долгъ по отношенію къ чуждымъ мнѣ особамъ, составляющимъ вмѣстѣ со мной государство—вотъ и все"!

VII.

Когда Павелъ Константиновичъ сѣлъ въ вагонъ и, не встрѣтивъ въ купэ никого изъ знакомыхъ, снова погрузился въ свои мысли, онъ вдругъ сообразилъ, что вѣдь незамѣтно для самого

себя онъ пришелъ-таки къ выводу, что и ему можно взять взятку.

Ему стало досадно. И онъ сейчасъ же сталъ доказывать самому себѣ, что его теоретическія разсужденія вовсе не имѣли этого значенія и что, напротивъ, что̀ касается его лично, то все его вниманіе поглощено теперь заботой о томъ, чтобъ сдѣлать честный заемъ и потомъ честнымъ образомъ расплатиться.

„Но... но кого собственно хочу я удивить своимъ душевнымъ величіемъ“?—думалъ онъ спустя лишь нѣсколько минутъ.

„Для кого этотъ заемъ, для чего? Все для того, чтобъ не ударить въ грязь лицомъ предъ Мироѣовецемъ и ему подобными, доставить удовольствіе *имъ*, доставить удовлетвореніе *ихъ* тщеславію. Чѣмъ же такой малодушный образъ дѣйствій менѣе постыденъ, чѣмъ взяточничество, если оно никому не приноситъ непосредственнаго вреда? Кто опредѣлитъ здѣсь степень постыдности? Вѣдь если смотрѣть въ корень вещей, такъ ужъ мнѣ никакъ не слѣдовало бы выходить изъ бюджета... и дѣтей слѣдовало бы вести по колеѣ того же самаго бюджета...

„...Но какъ создается бюджетъ? Только постояннымъ увеличеніемъ расходовъ можно возвысить приходы. Безъ этого никогда не выйдешь на широкій и торный путь“...

„...А этотъ торный путь уставленъ, какъ верстовыми столбами, компромиссами“.

„...И я иду по нему“.

Каково было удивленіе Павла Константиновича, когда въ Петербургѣ къ нему въ присутствіе завернулъ пріѣзжій „черноземный“ помѣщикъ, одинъ изъ его старыхъ товарищей по университету, одинъ изъ немногихъ, съ кѣмъ у него сохранились дружескія отношенія, и просилъ похлопотать о сомнительнаго достоинства концессіи, развязно предлагая ему взять „обычный куртажъ“.

— Ты это шутишь? — спросилъ его Павелъ Константиновичъ.

— Что̀?—недоумѣвалъ тотъ.

— Да вотъ, о куртажѣ?

— А развѣ мало? Я готовъ...

— Да съ чего ты вздумалъ предлагать мнѣ взятки?

— Помилуй, мнѣ сказали...

— Что? Это любопытно.

— Что безъ этого нельзя.

— Можетъ быть, у другихъ, не у меня.

— Мнѣ сказали, что ты...

— Что я беру взятки?! Тебѣ сказали это? Кто, кто? Ради Бога, кто тебѣ сказалъ это? — вскочивъ съ кресла и впиваясь въ своего товарища нетерпѣливымъ взглядомъ, спрашивалъ Павелъ Константиновичъ.

И онъ услыхалъ въ отвѣтъ нѣсколько неизвѣстныхъ ему именъ,—все очень богатыхъ людей, по словамъ его пріятеля.

Ему стало горько, обидно. Или ужъ потеряна въ обществѣ самая вѣра въ возможность существованія честныхъ людей! Или, быть можетъ, на него наклеветали, умышленно распустили про него эту сплетню?.. Кто, съ какой цѣлью?.. Развѣ тотъ же Смолинъ?.. Какой ему разсчетъ?

Павелъ Константиновичъ попробовалъ спросить у пріятеля еще нѣсколько именъ, думая добраться до источника. Но догадки не вели ни къ чему. Откуда бы ни шла эта сплетня, она была искусно запутана, если только не была какимъ-нибудь самородкомъ, возникшимъ изъ нѣдръ духа времени.

...А, можетъ быть, онъ кому-нибудь мѣшаетъ своей честностью? Какъ знать? Хотятъ поколебать довѣріе къ нему, хотятъ заставить его удалиться?

„За что же, за что такое несчастіе?..

„...Но и что же однако дѣлать? Не производить же слѣдствіе?.. Молчать и пренебречь“?..

Когда его старый пріятель ушелъ и Павелъ Константиновичъ остался одинъ, онъ долго не могъ приняться за работу.

...Такъ вотъ что дали ему годы серьезнаго труда и вѣрности долгу! Въ глазахъ невѣдомыхъ ему согражданъ онъ взяточникъ; а матеріальное его положеніе таково, что онъ не можетъ уже покрыть своихъ нуждъ получаемымъ жалованьемъ.

VIII.

На другой день Смолинъ, какъ обѣщалъ, въ назначенный часъ явился къ Пожарскому.

Павелъ Константиновичъ ходилъ по кабинету задумчивый и озлобленный. Онъ встрѣтилъ Смолина сухо; тотъ это замѣтилъ и какъ-то весь съёжился.

Пожарскій молча указалъ ему на стулъ, а самъ сѣлъ въ свое кресло.

Смолинъ произнесъ сразу и рѣшительно:

— Увы, денегъ я не нашелъ, ваше превосходительство.

Пожарскій поморщился, но сейчасъ же овладѣлъ собой и, принявъ обычный спокойно-снисходительный видъ, сказалъ:

— Что же дѣлать, поищу въ другомъ мѣстѣ.

Оба помолчали.

— Стыдно и смѣшно сказать это, ваше превосходительство, что я не могъ найти для васъ такой сравнительно небольшой суммы,—скороговоркой заговорилъ въ свое оправданіе Смолинъ: —но, видитъ Богъ, я приложилъ всѣ старанія и... и... Теперь время лѣтнее, многихъ нѣтъ въ Петербургѣ, другіе не дѣлаютъ въ это время никакихъ дѣлъ, третьи—простите за откровенность, —прямо говорятъ, что если человѣкъ съ такимъ положеніемъ нуждается въ деньгахъ, то это значитъ — онъ или расточитель, или не проченъ на своемъ мѣстѣ. Взысканіе, говорятъ они, будетъ во всякомъ случаѣ неизбѣжно, а оно очень трудно...

— Подробности излишни, — прервалъ его Павелъ Константиновичъ.

Смолинъ смутился и замолчалъ. Но оправившись и стараясь быть въ дѣловомъ тонѣ, онъ сказалъ:

— Конечно, ваше превосходительство найдете... Другой маклеръ, можетъ быть, будетъ удачливѣе, чѣмъ я. Хотя, разумѣется, дѣло не обойдется безъ проволочекъ. Но... если позволите предложить вамъ одну комбинацію, то я ручаюсь вамъ устроить это *завтра же*...

— А именно?

— Тѣ акціи, о которыхъ я вамъ говорилъ... я могу доставить вамъ завтра же всю ту сумму. Онѣ на предъявителя. Онѣ еще не котированы на биржѣ и продать ихъ было бы затруднительно... нельзя найти покупателя. Но я укажу вамъ банкирскую контору, гдѣ ихъ примутъ *отъ васъ* подъ залогъ въ двѣ трети ихъ номинальной стоимости и на срокъ девять мѣсяцевъ.

Павлу Константиновичу хотѣлось оборвать Смолина. Но онъ подумалъ, что совершенно безполезно лишній разъ рисоваться передъ нимъ своей неподкупностью, и только сказалъ съ усмѣшкой:

— За что же такая милость ко мнѣ именно въ *одной* конторѣ, когда всѣ другія не примутъ этихъ акцій?

— Дѣло просто, ваше превосходительство. Наше общество вошло въ соглашеніе съ этой конторой принять извѣстную сумму нашихъ акцій у всякаго посторонняго лица, о которомъ мы заявимъ. Она гарантирована въ этомъ отношеніи ручательствомъ учредителей, независимо отъ валюты акцій.

— Но почему же этимъ лицомъ долженъ быть непремѣнно я? Возьмите эти акціи вы, заложите ихъ и привезите мнѣ деньги,

—сказалъ все съ той же неопредѣленной усмѣшкой Павелъ Константиновичъ.

— Учредители не найдутъ выгодъ поступить такъ. Имъ важно, чтобъ залогъ былъ сдѣланъ лицомъ постороннимъ и вліятельнымъ.

— Но что вамъ за охота навязывать мнѣ во что бы то ни стало эти акціи?

— Извините, ваше превосходительство, если я, въ качествѣ ex-юриста, скажу прямо, что я признаю въ жизни одинъ только законъ: do ut des, а въ качествѣ теперешняго биржевого дѣльца, признаю только одного бога — деньги. Вы меня понимаете и сами же высказали въ прошлый разъ...

— Но я же и сказалъ вамъ тогда, что не возьму взятки.

— Въ данномъ разѣ дѣло нѣсколько видоизмѣняется. Вы можете взять эти акціи хотя бы временно, а потомъ, выкупивъ ихъ, возвратить.

Пожарскій задумался.

— Но чѣмъ я гарантированъ, что никто не вздумаетъ оспаривать у меня право на эти акціи, которыя я, не заплативъ за нихъ ничего, отправлюсь закладывать.

— Вы хотите сказать, ваше превосходительство, что „а вдругъ онѣ окажутся ворованными“,—съ усмѣшкой и взглядомъ, намекавшимъ на обиду, сказалъ Смолинъ. — Не извольте безпокоиться. Вѣдь мнѣ нѣтъ разсчета безкорыстно дарить вамъ акціи, которыя я укралъ. А я не только не возьму съ васъ росписку въ полученіи—я привезу вамъ акціи и выдамъ при этомъ росписку отъ себя, что я вамъ продалъ ихъ и деньги сполна получилъ—не взявъ, разумѣется, ни копѣйки. Меня-то вы, надѣюсь, знаете; въ томъ, что я самоличный, а не краденый, не сомнѣваетесь?

Смолинъ теперь, чутьемъ угадывая происходившія въ душѣ Пожарскаго колебанія, становился развязнѣе и немножко фамильярнымъ тономъ добавилъ:

— Все это очень просто, ваше превосходительство, и только вамъ по непривычкѣ кажется мудренымъ и... стѣснительнымъ.

— А чѣмъ гарантированы ваши учредители, что вы доставили эти акціи именно мнѣ?—продолжалъ шутливымъ тономъ задавать вопросы Павелъ Константиновичъ, все еще дѣлая видъ, что онъ не придаетъ никакого значенія этому разговору.

— А тѣмъ,—серьезно отвѣтилъ Смолинъ:—что вы сами заложите ихъ въ указанной конторѣ.

— Значитъ, я долженъ буду подписать залоговое обязательство?

— Вѣдь вы хотѣли же подписать вексель. Акціи такъ и останутся на предъявителя. А когда вы выкупите ихъ, вы получите обратно и залоговое обязательство, и акціи, которыя тогда можете возвратить. Подумайте, какъ это просто, ваше превосходительство.

Пожарскій задумался.

— Но отчего бы одному изъ вашихъ учредителей просто не дать мнѣ взаймы денегъ,—сказалъ онъ, улыбаясь и покачивая головой.

— У всякаго свои разсчеты, ваше превосходительство.

Минуту помолчавъ, Смолинъ повторилъ:

— Да, подумайте, ваше превосходительство.

Пожарскій взглянулъ на него и сказалъ:

— Хорошо, я подумаю. Но я ничѣмъ и ни въ какомъ случаѣ себя не связываю.

— Я зайду къ вамъ сегодня вечеромъ, ваше превосходительство,—сказалъ Смолинъ, вставая.

— Да, зайдите,—отвѣтилъ Пожарскій небрежнымъ тономъ:— хотя я надѣюсь теперь обойтись и безъ этого залога, — улыбнулся онъ, какъ бы поддразнивая Смолина.

Смолинъ поклонился и вышелъ, не сказавъ ничего.

IX.

Какъ быстро преобразился Павелъ Константиновичъ, когда онъ, наконецъ, „взялъ".

Все вышло какъ по писаному: Смолинъ привезъ акціи, Павелъ Константиновичъ поѣхалъ въ банкирскую контору, безпрепятственно получилъ тамъ подъ залогъ акцій сумму, какая ему была нужна для предстоящихъ расходовъ на Олю и Колю, а часть акцій осталась еще у него на рукахъ и нашла надежное помѣщеніе въ его несгораемомъ шкафу.

Разъ Рубиконъ былъ перейденъ, Павелъ Константиновичъ отбросилъ въ сторону всѣ сомнѣнія, пересталъ волноваться и, съ деньгами въ карманѣ, думалъ теперь только объ устройствѣ своихъ семейныхъ дѣлъ. И только отъ времени до времени онъ все еще успокоивалъ себя разсужденіями, что онъ вовсе даже не взялъ взятку, а сдѣлалъ заемъ въ такой формѣ, какая ока-

залась „единственно возможной“ въ минуту, когда ему деньги были „безусловно“ необходимы.

Но и самый вопросъ о взяткѣ уже не казался ему столь непріятнымъ. Взятка такъ взятка! ...Ну, и что жъ изъ того, что онъ взялъ? Ему дали не за то, чтобы онъ сдѣлалъ что-нибудь преступное, а только за то, чтобы онъ не тормозилъ „предпріимчивости“ дальновидныхъ финансистовъ. Отъ него не требуется вредоносныхъ дѣйствій, ему предстоитъ только благожелательное бездѣйствіе. Это почти-что знаменитая анекдотическая взятка, полученная Мордвиновымъ за то, чтобы онъ молчалъ. Вся разница лишь въ томъ, что Мордвиновъ объяснилъ государю причину своего молчанія и „обнаружилъ любопытство“ относительно суммъ, полученныхъ другими за „разговоры“; а онъ промолчитъ безъ всякихъ объясненій, и только.

„Разница пустая“!—съ иронической улыбкой подумалъ Павелъ Константиновичъ.

Съ Смолинымъ онъ сталъ привѣтливѣе. Мироковецъ сталъ ему какъ-то ближе, милѣе. Да и въ Мироковцѣ произошла какъ будто какая-то перемѣна—онъ чаще и развязнѣе шутилъ съ Павломъ Константиновичемъ, словно чувствуя въ немъ своего человѣка. Павелъ Константиновичъ могъ отнести это и къ все приближавшемуся дню свадьбы Оли и Черменецкаго, могъ объяснить увеличивающуюся фамильярность и тѣмъ, что Мироковецъ зналъ о сдѣлкѣ съ акціями. Павелъ Константиновичъ даже собирался заговорить съ нимъ о нихъ, но все не могъ напасть на какой-нибудь благовидный предлогъ, чтобы поговорить объ этомъ дѣлѣ ponchalamment.

Погода между тѣмъ испортилась, іюнь былъ холоднѣе мая, пошли дожди.

Павелъ Константиновичъ чувствовалъ припадки ревматизма и гастральгіи, и больше чѣмъ когда-либо его потянуло за границу. Онъ упрекалъ себя въ малодушіи и расточительности, но желаніе съѣздить съ каждымъ днемъ становилось все настойчивѣе. Не говоря уже о леченіи, онъ такъ давно не былъ за границей, почти съ юныхъ лѣтъ; ему такъ нужно было освѣжиться, ему, наконецъ, просто нужно прояснить кругозоръ, этого требовали даже его служебныя занятія... Словомъ, тысяча важнѣйшихъ причинъ!

Онъ зналъ, что можетъ взять кратковременный отпускъ и при этомъ получить пособіе на леченіе; но именно пособіе-то брать ему теперь и не хотѣлось по многочисленнымъ служебнымъ соображеніямъ. И всякій разъ, какъ онъ открывалъ шкафъ, гдѣ

хранился остатокъ полученныхъ имъ отъ Смолина акцій, онъ возвращался къ мысли заложить ихъ, чтобъ съѣздить за границу.

...Но вѣдь закладывая первую часть ихъ, онъ еще разсчитываетъ зимой ихъ выкупить и такимъ образомъ быть свободнымъ отъ этого обязательства. На этотъ выкупъ у него имѣлось въ виду полученіе разныхъ добавочныхъ по службѣ суммъ. А выкупить эту послѣднюю, пока еще не заложенную часть, было бы рѣшительно не на что, по крайней мѣрѣ въ эту зиму, и надо было разсчитывать или на болѣе отдаленный срокъ заклада, или на отсрочку.

...А что если вдругъ не захотятъ отсрочить? Развѣ онъ отвѣтственъ за это?.. Во всякомъ случаѣ обязательство остается не выполненнымъ, а онъ должникомъ этихъ акціонеровъ-учредителей.

„Да, мои акціи могутъ оказаться не имѣющими никакой цѣнности"!—съ усмѣшкой подумалъ Павелъ Константиновичъ.

А теперь ему, глядя на эти бумажки, уже хотѣлось, чтобъ онѣ имѣли дѣйствительную цѣнность.

И только теперь онъ понялъ, что уже заинтересованъ въ успѣхѣ этого общества, въ цѣнности акцій, и что въ сущности, поддавшись убѣжденіямъ Смолина, онъ самъ себя подвелъ. Не получивъ никакихъ осязательныхъ выгодъ, а только одну ссуду подъ свое же обязательство, онъ уже связалъ свое имя съ этимъ обществомъ.

И ему стало досадно на самого себя: даже взятки взять не съумѣлъ, какъ слѣдуетъ. Ну, стоитъ ли дѣлать такіе полу-компромиссы! А всему виной рефлексы устарѣлыхъ предразсудковъ!..

При встрѣчѣ со Смолинымъ онъ сказалъ ему:

— Однако вы меня поймали на удочку.

Смолинъ, какъ будто смекнувъ въ чемъ дѣло, улыбнулся.

— Вѣдь вы заставили меня теперь интересоваться успѣхомъ вашихъ акцій, — продолжалъ въ шутливомъ тонѣ Пожарскій. — Вѣдь въ сущности, ничего не давъ мнѣ, вы пріобрѣли во мнѣ союзника, какъ хотѣли.

— Do ut des, ваше превосходительство, — усмѣхнулся Смолинъ. — И не совсѣмъ вѣрно изволили выразиться: ничего не давъ. Отъ васъ будетъ зависѣть, чтобъ акціи, будто бы ничего не стоющія, стали вдвое дороже номинальной цѣны. Надо только провести предложеніе нашего общества относительно эксплуатаціи...

— Знаю-съ, знаю-съ, — прервалъ его Пожарскій: — отлично понимаю, и про это именно вамъ и говорю, что вы поймали

меня, втянули. Но только вотъ что. Я останусь заинтересованнымъ въ тѣхъ акціяхъ, которыя у меня заложены, а тѣ, что у меня на рукахъ, вы должны мнѣ продать по ихъ номинальной стоимости, слышите: *продать* за наличныя деньги.

Смолинъ улыбаясь посмотрѣлъ на Пожарскаго и произнесъ:

— Я вижу, ваше превосходительство, подтвержденіе пословицы: l'appétit vient en mangeant. Будьте увѣрены, что я постараюсь сдѣлать все, что могу, чтобъ устроить это, тѣмъ болѣе, что уже одно ваше желаніе *продать* часть акцій служитъ достаточной гарантіей, что вы постараетесь увеличить стоимость заложенныхъ. L'appétit vient en mangeant,—снова усмѣхнулся онъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь,—улыбнулся въ свою очередь Павелъ Константиновичъ:—но...

—...чтобъ акціи были проданы, хотите вы сказать, ваше превосходительство,—поспѣшилъ прервать его Смолинъ.—Будутъ-съ.

Черезъ день Смолинъ обмѣнялъ акціи, бывшія у Пожарскаго, на наличныя деньги, чрезъ двѣ недѣли Павелъ Константиновичъ уже лечилъ свои застарѣлыя болѣзни въ Баденѣ, а въ концѣ осени на биржѣ распространился слухъ, что новой акціонерной компаніи предстоятъ выгодныя операціи съ казной, и акціи компаніи уже котировались на биржѣ съ 7% надбавки къ номинальной стоимости.

X.

Съ тѣхъ поръ, какъ Павелъ Константиновичъ вернулся изъ-за границы, Смолинъ бывалъ у него раза два въ недѣлю, иногда же и день за днемъ. Этого требовали дѣла. Его приглашали обѣдать, пріѣзжалъ онъ и вечеромъ. Павелъ Константиновичъ пріобрѣлъ по дешевой цѣнѣ еще нѣсколько акцій не только этой, но и другихъ компаній, и фонды ихъ поднимались.

А вмѣстѣ съ тѣмъ поднимались и фонды Смолина въ семьѣ Пожарскихъ. Ловкій, красивый, онъ производилъ съ каждымъ разомъ все большее впечатлѣніе своей холодной безстрастностью дѣльца на гордую Марью Павловну, и ея обращеніе съ нимъ давало ему поводъ надѣяться на еще большее сближеніе съ Пожарскими.

По окончаніи лагерей Коля былъ выпущенъ корнетомъ и теперь, забывъ все на свѣтѣ, каждый день объѣзжалъ подареннаго ему отцомъ великолѣпнаго англійскаго скакуна; вскорѣ послѣ Успенья, наканунѣ переѣзда съ дачи въ городъ, состоялась свадьба Оли съ Черменецкимъ, а передъ Рождествомъ Смолинъ

сдѣлалъ предложеніе Марьѣ Павловнѣ и былъ объявленъ ея женихомъ. Самъ Алексѣй Христофоровичъ явился за него сватомъ, Марья Павловна давно не скрывала своихъ симпатій къ нему, и Павлу Константиновичу не было никакихъ основаній не соглашаться, и только въ эту минуту, какъ легкое облачко, пронеслась у него озаренная ироніей мысль: „еще однимъ компромиссомъ больше или меньше — не все ли равно“! Зато, давая согласіе на этотъ бракъ, онъ пріобрѣталъ возможность равнодушнѣе относиться къ будущему, стряхивалъ съ плечъ извѣстную долю заботъ, такъ или иначе толкавшихъ его на компромиссы.

Въ этихъ семейныхъ „радостяхъ“, въ служебныхъ заботахъ и легонькой „биржевой лихорадкѣ“, которой Павелъ Константиновичъ заразился съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался „акціонеромъ“, незамѣтно пронеслась зима, а съ наступленіемъ весны Пожарскіе опять перебрались въ Павловскъ.

Но скучно было теперь у нихъ на дачѣ. Вносившая наибольшее оживленіе въ ихъ жизнь, Оля уѣхала съ мужемъ на лѣто въ имѣніе Черменецкихъ на югъ, Коля стоялъ съ полкомъ въ лагеряхъ; Марья Павловна съ мужемъ жили, правда, по сосѣдству, но это уже не была ихъ дочь, Маша, членъ ихъ семьи, а жена сосѣда, съ которымъ Павлу Константиновичу часто было все-таки не по себѣ.

Въ первое время его отношенія къ Смолину были дружественныя; онъ старался настроить себя благодушно, придать своему обращенію съ зятемъ извѣстную долю теплоты. И, казалось, сначала это ему удалось. Павелъ Константиновичъ даже примирился съ торжествомъ „взятки“ и, такъ и этакъ разсуждая, начиналъ и самъ интересоваться ея дѣлами, на которыхъ можно было, по биржевому выраженію, „заработать“, и принималъ въ нихъ участіе. Благодаря этимъ дѣламъ и спекуляціямъ, въ его распоряженіи очутились совершенно неожиданно и совершенно на законномъ основаніи такія крупныя суммы, что онъ сполна заплатилъ изъ нихъ Смолину за его первыя акціи. Хотя во мнѣніи Павла Константиновича самое принятіе тогда этихъ акцій, со всѣми проистекшими отсюда послѣдствіями, оставалось и послѣ этой уплаты все-таки „взяткой“, тѣмъ не менѣе, расплачиваясь, онъ хотѣлъ гарантировать себя отъ возможности когда-нибудь услыхать отъ зятя или отъ кого бы то ни было, что ему, Пожарскому, что-то такое дали безденежно. Однако уплатилъ онъ за эти акціи только по номинальной ихъ стоимости. То, что онъ „нажилъ“ отъ повышенія ихъ курса, это въ глазахъ всѣхъ было уже его законной собственностью, а слѣдо-

вательно могло оставаться ею и въ его собственныхъ глазахъ. Пускаясь теперь, подъ руководствомъ Смолина, въ спекуляціи посчетамъ on call не только съ акціями „своего“ общества, но и съ другими бумагами, онъ этимъ, казалось, хотѣлъ еще болѣе измѣнить характеръ перваго полученія отъ Смолина акцій, характеръ первой своей взятки.

Но Смолинъ, сначала осторожный и тактичный, предлагавшій Павлу Константиновичу только такіе „заработки“, при которыхъ его содѣйствіе не нарушало въ сущности государственныхъ интересовъ, потомъ раза два обмолвился уже такого рода проектами in spe, которые показались Павлу Константиновичу преступными даже при самыхъ снисходительныхъ софизмахъ. Это въ концѣ концовъ снова и рѣшительно оттолкнуло его отъ зятя.

И опять имъ мало-по-малу начало овладѣвать прежнее безпокойство и раздумье. Но только мысль его работала теперь въ другомъ направленіи: онъ уже не подыскивалъ доводовъ для оправданія взятокъ, онъ обвинялъ себя. И, чувствуя себя одинокимъ больше, чѣмъ когда-либо, онъ уже спрашивалъ себя:

„Не слишкомъ ли поздно и въ то же время не слишкомъ ли поспѣшно свернулъ я съ своего прежняго честнаго пути. Для жизни въ той или другой средѣ нужна извѣстная приспособленность, и не только внѣшняя, но и внутренняя. Способность приспособляться бываетъ или врожденная, или дается воспитаніемъ. Я же до сихъ поръ гораздо больше старался приспособлять жизнь къ своимъ идеаламъ, чѣмъ самъ приспособлялся къ ней. И теперь я чувствую, что задохнусь въ непривычной для меня атмосферѣ“.

„...Что собственно толкнуло меня „взять“?.. Борьба за существованіе?.. Хорошо, но было ли это естественнымъ шагомъ къ сохраненію вида?.. Нѣтъ,—для меня въ борьбѣ за существованіе взять взятку значило признать себя побѣжденнымъ. Въ этотъ моментъ въ моемъ лицѣ умерла *особь* моего *вида* и родилась особь вида Мироковецовъ, и притомъ особь, которой далеко до пышнаго въ своемъ родѣ прототипа, а такъ себѣ—слабенькая, маленькая, гаденькая...

„...А какіе пышные цвѣтки бывали и въ нашемъ видѣ!.. Какіе образцы стойкости и нравственной силы“!..

Всего тяжелѣе было для Павла Константиновича сознаніе, что „особь“ его прежняго „вида“ дѣйствительно *умерла* въ немъ, погибла окончательно, безвозвратно, а не только претерпѣла временную метаморфозу. Онъ чувствовалъ, что и теперешняя его оболочка, навязанная ему въ борьбѣ за существованіе Смолинымъ,

продержится на немъ не долго, спадетъ, и онъ выйдетъ особью какого-то новаго еще и ему самому неяснаго вида; но несомнѣнно одно: такимъ, какимъ онъ былъ прежде, онъ уже никогда не можетъ возродиться, и ему жаль этого, жаль, какъ потерянаго рая.

И когда у него теперь все чаще и чаще начало появляться мрачное настроеніе, онъ только въ шутку говорилъ самъ себѣ, что это „угрызеніе совѣсти“. Нѣтъ, угрызеній совѣсти онъ не признавалъ. Эти слова могутъ пугать только темныхъ людей, но не его. Неопредѣленное, ни для кого не ясное чувство совѣсти можетъ грызть душу человѣка, нарушившаго, по слабости воли, какой-либо долгъ, представлявшійся ему яснымъ и опредѣленнымъ, долгъ, который ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало нарушать.

„А я сознательно подкапывалъ самое понятіе объ этомъ долгѣ“—говорилъ теперь самъ себѣ Павелъ Константиновичъ:—„я поступилъ не противъ совѣсти, а убѣдилъ себя въ томъ, что не было основаній воздерживаться отъ извѣстнаго поступка, который хотя и казался самъ по себѣ непріятнымъ, но косвеннымъ образомъ доставлялъ цѣлую серію пріятностей, казавшихся даже необходимостями“.

Павелъ Константиновичъ видѣлъ, что чувство, съ каждымъ днемъ все сильнѣе подавлявшее его умъ и волю, было хуже, чѣмъ угрызеніе совѣсти. Съ совѣстью бываетъ примиреніе, бываютъ случаи искупленія, тайнаго и явнаго, бываетъ нравственное исправленіе, и, такимъ образомъ, обрѣтается, наконецъ, душевный миръ. А онъ разрушилъ самыя основы своей совѣсти, и теперь передъ нимъ все шире и шире развертывался мрачный горизонтъ самаго безнадежнаго пессимизма. Доводы ума, изъ которыхъ онъ построилъ свой мостъ для рокового шага, не распадались и теперь; онъ видѣлъ, что эти доводы, увы, не карточный домикъ, а останутся навсегда несокрушимымъ памятникомъ его преступнаго любопытства. Да, любопытства! Всякія „причины“, толкавшія его на преступный путь, можно было побороть доводами столь же убѣдительными, какъ тѣ, которые онъ нашелъ для оправданія своего поступка. Но чѣмъ побѣдить необузданное любопытство человѣка, добравшагося путемъ логическаго мышленія до корня всѣхъ человѣческихъ помысловъ и дѣлъ, любопытство человѣка, жаждущаго перешагнуть грань познанія добра и зла и испытать чувство дьявольски-божественнаго всевѣдѣнія?

...Зачѣмъ, зачѣмъ строилъ онъ себѣ этотъ предательскій мостъ, по которому можно было уйти изъ рая, но нельзя вернуться обратно, нельзя потому, что съ переходомъ на другой бе-

регъ исчезаетъ изъ глазъ и самый рай, и по обѣ стороны этого моста познанія добра и зла оказывается одна голая пустыня—пустыня истины!

...Да, можетъ быть, въ его заключеніяхъ, въ выводахъ были ошибки, быть можетъ, были ошибки и въ самыхъ посылкахъ, но все это только частности, все это ошибки въ архитектурныхъ линіяхъ. А самый матеріалъ, изъ котораго онъ воздвигъ свою башню отчаянія, надеженъ и проченъ, и цементъ, связующій его, будетъ съ годами только крѣпнуть!..

Въ тяжелыя минуты Павелъ Константиновичъ порывался открыть душу женѣ, подѣлиться съ ней волновавшими его мыслями, но сейчасъ же останавливалъ себя и, стараясь быть съ виду спокойнымъ и по прежнему веселымъ, одиноко переживалъ свои нравственныя страданія. Онъ всегда щадилъ душевный покой жены, умалчивая въ разговорахъ съ ней обо всемъ, что̀ бывало у него непріятнаго по службѣ; не посвятилъ онъ ее въ свои соображенія и тогда, когда бралъ акціи у Смолина; а теперь всякій разъ, встрѣчая ея ласковый взглядъ, видя ея все еще наивную любовь къ себѣ, онъ думалъ: „Зачѣмъ я буду взваливать на нее это тяжелое бремя? Меня это не облегчитъ, ее будетъ сокрушать. Пусть живетъ въ невѣдѣніи. Надо беречь тепло и свѣтъ въ ея душѣ, они нужны и мнѣ и дѣтямъ“. И онъ старался даже избѣгать ея общества, когда боялся какъ-нибудь выдать причину своего настроенія.

Зато съ особенной любовью сосредоточивалъ онъ въ такія минуты все свое вниманіе на маленькихъ Анѣ и Лелѣ. Онъ занимался съ ними разговорами на отвлеченныя темы въ удобопонятной для нихъ формѣ, онъ говорилъ имъ о любви къ ближнимъ, о честности, о высокомъ чувствѣ нравственнаго долга, иллюстрируя свою проповѣдь болѣе или менѣе яркими примѣрами изъ сказокъ, изъ исторіи и изъ текущей жизни. Любо было ему видѣть, какъ внимательно слушали его дѣти, какъ подъ вліяніемъ этихъ рѣчей расширялось ихъ сознаніе. И даже въ такіе моменты, когда они задавали ему вопросы, изъ которыхъ было ясно, что онъ плохо говоритъ, а они плохо понимаютъ его или интересуются въ это время вовсе не тѣмъ, о чемъ идетъ рѣчь,—онъ не испытывалъ разочарованія; онъ только улыбался и горячо цѣловалъ своихъ наивныхъ слушателей. Для него, казалось, не столько важенъ былъ результатъ его бесѣдъ съ дѣтьми, сколько то, что онъ самъ-то отводилъ съ ними душу.

Но разочарованіе возникало иногда непосредственно въ немъ самомъ, независимо отъ отношенія къ нему дѣтей. Иногда онъ

вдругъ останавливался на полусловѣ, приводилъ дѣтей въ недоумѣніе своимъ молчаніемъ и если и начиналъ опять прерванную рѣчь, то уже она выходила у него неестественной, натянутой, отрывистой. Это были тѣ минуты, когда онъ вдругъ задавалъ себѣ вопросъ, зачѣмъ онъ внушаетъ дѣтямъ то, во что онъ самъ пересталъ вѣрить. Вѣдь это же съ его стороны ложь, ложь и ложь! Зачѣмъ же вводить ихъ въ заблужденіе, отъ котораго имъ потомъ придется пострадать, когда жизненная правда обнаружится передъ ними.

А потомъ, оставаясь одинъ, самъ съ собой, онъ задавалъ себѣ другой вопросъ: „да что же, какъ не эти чувства любви, честности и долга, могу я внушать имъ“? И приходилъ къ выводу: „Пусть все это ложь для меня; для нихъ это остается еще незыблемой правдой. И дай Богъ, чтобъ оно осталось правдой до конца“. Ему было жутко при мысли, что его дѣти могли бы расти и жить въ обществѣ, гдѣ уже съ дѣтства искоренялись бы всякія альтруистическія бредни и культивировалась бы самая несомнѣнная эгоистическая истина. Нѣтъ, онъ не хотѣлъ этого! И если въ немъ самомъ особь нѣкогда дорогого ему вида погибла, пусть самый видъ продолжаетъ свое существованіе въ его дѣтяхъ... по крайней мѣрѣ въ младшихъ!

Какъ-то разъ, возвратившись съ прогулки, Павелъ Константиновичъ засталъ въ палисадникѣ группу: Леля плакала, бонна ее утѣшала, Аня надъ ней смѣялась, и тутъ около нихъ, на дерновой скамейкѣ, сидѣлъ, задумчиво опустивъ голову, дѣдъ, а на землѣ, у ногъ его, валялось удилище. Павелъ Константиновичъ подошелъ къ нимъ.

— Что такое? о чемъ, дочка?—ласково сказалъ онъ, беря Лелю на руки.—О чемъ, милая? Опять вѣрно дѣда плутуетъ?

Леля, ничего не отвѣчая, залилась тихими слезами.

— Нѣтъ, ужъ на этотъ разъ онѣ сплутовали,—разсмѣялся старикъ, услыхавъ голосъ сына.—Пошутили надъ дѣдомъ, озорницы. Пойдемъ, говорятъ, дѣдушка, рыбу удить на рѣчку. Взялъ я удилище, пошли, а онѣ меня поводили-поводили вокругъ дачи и привели вотъ сюда. Посадили, достали мнѣ червяковъ. Я насадилъ удочку, закинулъ и сижу, жду клева. А вотъ эта красавица вдругъ какъ заплачетъ. Ну, вотъ, Марья Васильевна ужъ и сказала, что онѣ со мной играютъ.

— Ахъ, ты милая,—сказалъ Павелъ Константиновичъ,—лаская и цѣлуя Лелю.—Что же тебѣ, жалко стало дѣда, что вы его обманули?

Жалко,—сквозь слезы произнесла Леля.

— Глупенькая, дѣдушка не сердится, о чемъ же ты плачешь,—пренебрежительно обратилась къ ней Аня.

Долго не выходила у Павла Константиновича изъ памяти эта сцена. Ему было ясно, что Леля плакала не о томъ, что дѣда обидѣли—обиды не было, дѣдъ смѣялся,—а о томъ, что была нарушена справедливость, былъ совершонъ обманъ слѣпого, и она участвовала въ этомъ обманѣ. Конечно, она этого сама не понимала и не въ состояніи была бы отвѣтить, что̀ именно вызвало ея слезы; но для Павла Константиновича, при его теперешнемъ настроеніи, онѣ были лучшимъ аргументомъ, подтверждавшимъ ему, что нормальному человѣку свойственно по природѣ чувство абсолютной справедливости, не мирящейся ни съ какими компромиссами.

И подъ вліяніемъ этой сцены и этихъ мыслей онъ на другой же день послѣ нея сдѣлалъ рѣшительный шагъ: благодаря своему служебному положенію и связямъ, онъ часто могъ по открытымъ имъ въ банкахъ счетамъ on call играть на нѣкоторыхъ бумагахъ навѣрняка; теперь онъ круто ликвидировалъ эти счета и съ этого дня пересталъ разговаривать съ зятемъ о процентныхъ бумагахъ и биржевыхъ дѣлахъ. Смолинъ былъ удивленъ, пожималъ плечами, разводилъ руками, но Павелъ Константиновичъ уже замкнулся въ свой внутренній міръ, и ничѣмъ нельзя было вызвать въ немъ недавней отзывчивости на предложенія выгодныхъ спекуляцій. Смолинъ рѣшилъ переждать этотъ „періодъ блажи“ своего тестя, и на нѣкоторое время и самъ пересталъ заговаривать съ нимъ о дѣлахъ, пересталъ даже попадаться ему на глаза.

А Павелъ Константиновичъ, между тѣмъ, страдалъ, и во что бы то ни стало искалъ выхода изъ своего тяжелаго душевнаго состоянія.

Онъ припоминалъ теперь многія изъ своихъ мыслей, приведшихъ его къ взяткѣ, старался опровергнуть ихъ, успѣшно или безуспѣшно опровергалъ ихъ и доводами собственнаго разсудка, и всѣми когда-либо и гдѣ-либо имъ вычитанными, и все-таки на душѣ у него не становилось свѣтлѣе.

„Ну и что же изъ того, что общество существуетъ для личности, а не личность для общества? Прекрасно. Но суть не въ этомъ“,—разсуждалъ онъ теперь.—„Весь вопросъ въ томъ, какова личность сама по себѣ. Если всякое общество создавалось исключительно для того, чтобъ охранять полноту матеріальной и духовной жизни отдѣльныхъ личностей, но непремѣнно на началахъ взаимности, солидарности, то, конечно, разъ личность

для осуществленія своихъ личныхъ правъ прибѣгаетъ къ явнымъ или тайнымъ способамъ, нарушающимъ права общества, она этимъ самымъ уже объявляетъ ему войну, она ставитъ себя внѣ общества, становится одинокой.

„Но вотъ вопросъ: что такое право личности, что такое право общества, гдѣ ихъ границы? Гдѣ эти права совпадаютъ, гдѣ противорѣчатъ другъ другу? Да и что такое право вообще? Вѣдь отъ времени до времени отдѣльныя личности должны непремѣнно перерастать общество, потому что иначе невозможно было бы прогрессивное движеніе обществъ. А нарожденіе обществъ новыхъ, отличныхъ отъ старыхъ, совершается только благодаря росту отдѣльныхъ личностей. Но если личность перерастаетъ общество, она пріобрѣтаетъ новыя права, которыя могутъ оказаться въ противорѣчіи съ традиціями стараго общества. Является столкновеніе. Если личность нарушитъ эти традиціонныя права общества, она становится одинокой, идетъ на духовную смерть; если она, наоборотъ, уступитъ традиціоннымъ правамъ общества и подавитъ въ себѣ свои личныя права, подавитъ, быть можетъ, зародыши новыхъ правъ и нарожденіе новыхъ обществъ съ новыми правами и новыми задачами,—она обрекаетъ себя на частичное умираніе, неизбѣжно кончающееся смертью полной. А смерть въ одиночествѣ или смерть въ объятіяхъ или тискахъ общества—не все ли равно! И вопросъ—что важнѣе: смерть ли личности для сохраненія общества, или смерть традиціоннаго общества для полнаго расцвѣта новой личности? Когда личность перерастала общество, умирали не только общества, — цѣлые народы!“ [1]).

Павелъ Константиновичъ съ озлобленіемъ чувствовалъ, что сколько разъ ни начиналъ онъ направлять свои мысли къ тому, чтобъ возстановить разрушенную имъ совѣсть и найти примиреніе съ ней, его умъ пока еще не приводилъ его ни къ чему иному, какъ къ дальнѣйшему разрушенію: обломки, которые онъ схватывалъ, чтобъ склеить ихъ, разсыпались въ его рукахъ въ песокъ. Горькое чувство въ его душѣ не уменьшалось, крѣпло, становилось жгучимъ.

...Но вѣдь онъ самъ хотѣлъ найти истину!.. И теперь онъ никуда не можетъ убѣжать отъ этой, уже не желанной, чудовищной истины, ради которой онъ потерялъ весь прежній чудный міръ иллюзій, гдѣ ему жилось такъ тепло и уютно. О, зачѣмъ сорвалъ онъ покрывало съ проклятаго истукана!..

---

[1]) Такъ умеръ языческій древній міръ, такъ умерла до-петровская Русь.

Зачѣмъ такъ старался онъ тогда убѣдить себя, съ чужихъ словъ, что вся его предыдущая жизнь съ ея тысячью ограниченій и нравственныхъ правилъ, съ призраками добра и добродѣтелей, съ общественнымъ и вѣчнымъ общечеловѣческимъ благомъ, съ чувствами собственнаго достоинства и самоуваженія,—что все это только имъ самимъ созданный вымыселъ, кошмаръ, сонъ, сковывающій его личность и мѣшающій ей проявлять себя во всей полнотѣ ея бытія, мѣшающій ей достигнуть истиннаго счастія—счастія безпредѣльной свободы и ничѣмъ не ограниченнаго познанія истины! Зачѣмъ говорилъ онъ себѣ, что искать истину ради какого-нибудь опредѣленнаго блага, значитъ никогда не найти рѣшительно ничего, и что истина есть сама по себѣ высшее благо! О, зачѣмъ, зачѣмъ! Неужели только для того, чтобъ убѣдиться, что та истина, которую онъ такимъ путемъ открылъ, не больше какъ tabula rasa.

Сидя въ ненастную ночь одиноко въ своемъ кабинетѣ на дачѣ, Павелъ Константиновичъ думалъ:

„Еще Пушкинъ сказалъ: „тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“, а теперь этотъ геніальный безумецъ Ницше, ниспровергающій всякую ложь и самую истину, поскольку она можетъ быть или казаться ложью—даже и онъ начинаетъ съ того, что останавливается въ недоумѣніи передъ загадкой: что̀ лучше и что̀ нужнѣе человѣчеству—истина или ложь? Да, въ самомъ дѣлѣ никто еще не доказалъ, что истина дѣйствительно цѣннѣе лжи“.

И, прислушиваясь къ шуму потоками льющагося за окномъ дождя, Павелъ Константиновичъ восклицалъ:

„О, какъ прекрасно было это голубое звѣздное небо до тѣхъ поръ, пока я, повѣривъ великому философу, не убѣдилъ себя, что вся красота его, вся его поэзія заключается въ перспективѣ, и что въ дѣйствительности нѣтъ ни голубой дали, ни всей видимой нами картины неба. И развѣ угрюмая дѣйствительность не хуже той голубой поэтической фикціи, которая заставляетъ нашу душу такъ возвышенно рваться отъ низменной, грязной земли къ усѣянной звѣздами небесной тверди!“

...Какъ онъ былъ счастливъ, носясь съ фетишемъ своей безукоризненной честности! Какъ вѣрилъ онъ во всемогущество принципа и долга! Это было у него какимъ-то почти религіознымъ настроеніемъ... А теперь!

„Я хотѣлъ убѣдить себя, что понятіе о долгѣ, это только слѣды прежняго рабства,—что это только атавизмъ, и что рано или поздно эти слѣды должны быть стерты у освободившейся и

въ своей свободѣ все развивающейся личности. Какое заблужденіе! Счастье только въ атавизмѣ, счастье только въ непосредственности нашихъ впечатлѣній и дѣйствій, непосредственности, основанной на понятіяхъ, выработанныхъ вѣками времени и сотнями прежнихъ поколѣній. Всякое нарушеніе послѣдовательнаго развитія этихъ врожденныхъ понятій—кровавая рана на тѣлѣ человѣчества".

„...О, какъ счастливы, сколь блаженны тѣ глупцы, которые, держа другъ друга за носъ, думаютъ, что въ ихъ рукахъ сочныя гроздья винограда! Надо было быть Мефистофелемъ, чтобъ придумать такую злую шутку для разочарованія".

И вотъ онъ теперь переживаетъ нѣчто подобное. Злой духъ знанія разрушилъ очарованный садъ его святыхъ убѣжденій, и если онъ не держитъ въ своихъ рукахъ ничьего носа, зато чувствуетъ себя какъ будто совершенно голымъ среди многолюднаго общества.

...Да, именно это чувство испытываетъ онъ теперь всякій разъ, когда ежедневно появляется въ кругу своихъ подчиненныхъ. Ему какъ-то всегда хочется скрыться отъ этихъ людей, избѣжать ихъ взглядовъ.

„Какъ понимаю я теперь Адама и Еву, впервые замѣтившихъ свою наготу и искавшихъ чѣмъ прикрыть ее и гдѣ спрятаться отъ всевидящаго Бога! Такъ и я"—говорилъ себѣ Павелъ Константиновичъ.

...Ему стыдно теперь своей наготы и тогда, когда онъ входитъ въ тѣ гостиныя, куда входилъ еще такъ недавно въ своей бѣлой одеждѣ праведника и гдѣ съ гордымъ чувствомъ снисхожденія, едва смягченнаго жалостью, смотрѣлъ на лохмотья растерзанныхъ репутацій, въ которыя, ёжась, кутались разные духовно обнищавшіе гидальго. Теперь и ему стыдно, и онъ самъ теперь ёжится отъ холода.

...А между тѣмъ никто какъ будто не замѣчаетъ его наготы, какъ не замѣчаютъ и наготы многихъ другихъ. Передъ нимъ такъ же лебезятъ по прежнему всѣ, кто, стоя ниже его на ступеняхъ общественной лѣстницы, ждутъ отъ него какихъ-нибудь личныхъ выгодъ. Только теперь ему еще яснѣе, чѣмъ прежде, какъ мало значитъ въ глазахъ всѣхъ этихъ людей онъ самъ, какъ личность, и какъ, напротивъ, всѣ интересы окружающихъ его вращаются только около его общественной функціи. Вотъ передъ нимъ нѣсколько хорошо извѣстныхъ ему людей, всѣми признанныхъ *глубоко честными*, и дѣйствительно честныхъ; они въ свою очередь хорошо знаютъ и *высоко цѣнятъ* его прослав-

ленную честность. И что-жъ? Они тоже при каждомъ удобномъ случаѣ стараются афишировать передъ нимъ свои высокія нравственныя качества, въ разсчетѣ *подкупить* его ими въ свою пользу на случай будущихъ повышеній на служебной лѣстницѣ. Да, даже и этимъ честнымъ людямъ нѣтъ никакого дѣла до него, какъ радующейся и страдающей личности, какъ личности, живущей, во всякомъ случаѣ, своей особой духовной жизнью,—они цѣнятъ въ немъ лишь олицетворенную, ходячую государственную функцію!

„Слѣпцы!—съ горечью думалъ о нихъ Павелъ Константиновичъ:—они не видятъ, что я тѣмъ временемъ уже прозрѣлъ и смотрю на вещи другими глазами, чѣмъ они. Глупцы! они не знаютъ, что я завидую ихъ слѣпотѣ, а уже не въ силахъ сдѣлаться слѣпымъ, какъ они!“

Но онъ сейчасъ же вноситъ поправку:

„Завидую!.. да... но какъ зрячій, обладающій однимъ лишнимъ сравнительно съ ними чувствомъ, я все-таки не могу не гордиться тѣмъ, что духовно богаче ихъ... хотя богатство мое тяжкое, проклятое бремя!.. Оно не приноситъ мнѣ счастья, оно дѣлаетъ меня своимъ рабомъ, я никогда не буду въ состояніи освободиться отъ него! О, еслибъ кто-нибудь научилъ меня, какъ мнѣ разорить себя!.. Но всякое богатство имѣетъ наклонность расти въ геометрической прогрессіи“.

Отъ времени до времени Павелъ Константиновичъ спрашивалъ себя:

„Да что же собственно заставляетъ меня волноваться? Чего мнѣ такъ стыдиться?“

Вѣдь еще въ то время, когда онъ только собирался и все не рѣшался взять взятку, онъ задавалъ себѣ вопросъ: „развѣ въ мірѣ что-нибудь измѣнится отъ его поступка?“ Теперь тотъ же вопросъ возникалъ передъ нимъ въ нѣсколько иной формѣ: „развѣ что-нибудь измѣнилось?“ Нѣтъ. Рѣшительно ничто не измѣнилось. Какъ есть ничего. Міровая жизнь течетъ по старому, и отечество не въ опасности. По прежнему пыхтитъ и движется государственная машина, по прежнему ученые дѣлаютъ великія открытія, по прежнему трудится и пьянствуетъ мужикъ, въ Павловскѣ по прежнему сыро, а въ Петербургѣ душно, и всѣ „ихъ превосходительства“ остались „ихъ превосходительствами“. И что же—пойдетъ теперь что-нибудь хуже, чѣмъ прежде? Нѣтъ. Есть надежда, что со временемъ все пойдетъ даже и лучше, несмотря на взятки и всякія другія несовершенства. Такъ еще разъ: что же измѣнилось? Сущіе пустяки. Онъ, Павелъ Констан-

тиновичъ Пожарскій, *сталъ безчестнымъ*. Только и всего. И никто этого не замѣтилъ и при нѣкоторой ловкости и осторожности это такъ и *пройдетъ*, да такъ и *пойдетъ* незамѣченнымъ; и никому, рѣшительно никому отъ этого хуже не будетъ, ничьи „непосредственные“ интересы не пострадаютъ, а даже нѣкоторымъ образомъ промышленность процвѣтетъ!

„Даже мое собственное благосостояніе будетъ только улучшаться,—съ иронической усмѣшкой думалъ Павелъ Константиновичъ:—и можно будетъ пріобрѣсти нѣсколько лишнихъ „вновь изобрѣтенныхъ предметовъ комфорта“. А вѣдь жить теперь безъ „вновь изобрѣтенныхъ предметовъ комфорта“ становится рѣшительно невозможнымъ! Они съ каждымъ днемъ все болѣе „скрашиваютъ“ жизнь современнаго человѣка... заставляя его, впрочемъ, тоже съ каждымъ днемъ напрягать все болѣе и болѣе свои силы и производительность. Нельзя иначе. Каждому нужно выработать съ своей стороны кучу равнозначущихъ цѣнностей, чтобъ оплатить то, что̀ ему даютъ другіе...“

„...А неужели же въ самомъ дѣлѣ такъ мало значатъ всѣ эти, уже ежеминутно наростающія и наростающія открытія и изобрѣтенія, чтобъ не стоило подумать о пріисканіи средствъ для пользованія ими? Do ut des!—вотъ о чемъ на каждомъ шагу кричитъ прогрессирующая жизнь“.

„...И всѣ берутъ. Въ той или другой формѣ, вещественными или невещественными благами, но всѣ, всѣ безъ исключенія, на всѣхъ поприщахъ, берутъ... и не всегда даютъ что-нибудь въ обмѣнъ“.

„...Такъ изъ-за чего же я упалъ духомъ, что̀ сдѣлалъ я такого, чтобъ все сразу мнѣ опостылѣло? Взялъ взятку! Экая невидаль! Кто ихъ не бралъ? Короли брали! Геніи — Дантъ и Бэконъ—брали! Да, и они: Бэконъ уличенъ, Дантъ остается, но крайней мѣрѣ, въ сильномъ подозрѣніи. А тутъ, видите ли, онъ, Павелъ Константиновичъ Пожарскій,—и вдругъ ему претитъ! Какія нѣжности!.. Вѣдь отношусь же я снисходительно къ этой „слабости“ не только у Данта и Бэкона, но даже и у Алексѣя Христофоровича. И таковую мою снисходительность хорошіе люди назовутъ хорошимъ терминомъ—терпимостью, назовутъ великодушіемъ, чуть-что не христіанской добродѣтелью! Такъ почему же въ самомъ дѣлѣ мнѣ, по рецепту Ницше, не быть немножко снисходительнымъ и къ самому себѣ?“

Но иронія не помогала, и Павелъ Константиновичъ чувствовалъ себя несчастнымъ. Именно снисходительности-то онъ и не хотѣлъ въ отношеніи себя. Ни своей, ни чьей бы то ни было.

Онъ именно тѣмъ и былъ гордъ и счастливъ, что въ снисходительности не нуждался. А теперь ему казался потерянным самый смыслъ существованія не только его собственнаго, но и всего общества, въ которомъ онъ вращался. Эти люди,—его знакомые, его сослуживцы, наконецъ, просто извѣстные ему,—люди, съ которыми онъ привыкъ встрѣчаться, какъ съ живыми людьми, облеченными въ одежды ихъ общественныхъ положеній, ихъ характеровъ, ихъ личныхъ особенностей, привычекъ, симпатій и антипатій, достоинствъ и недостатковъ,—теперь, казалось, плясали вокругъ него какую-то danse macabre въ однообразномъ нарядѣ глупости или преступности. Еслибъ вся ихъ толпа, какъ-нибудь тайно освѣщенная рентгеновскими Х-лучами, ходила около него въ видѣ скелетовъ и эти мужскіе и дамскіе скелеты, не замѣчая, что въ его глазахъ спала съ нихъ вся украшавшая ихъ оболочка, продолжали бы, какъ ни въ чемъ не бывало, разговаривать съ нимъ въ прежнемъ дружескомъ, игривомъ или подобострастно-холопскомъ тонѣ, ему, можетъ быть, было бы менѣе жутко, чѣмъ теперь, когда Х-лучи его собственнаго познанія добра и зла обнажили передъ его духовными очами голые скелеты ихъ сокровенныхъ помысловъ и дѣлъ, скелеты ихъ душъ. Ему были одинаково противны и сознательные подлецы и безсознательно честные подлецы, потому что вся ихъ земная красота торчала на уродливомъ каркасѣ самыхъ низменныхъ и грязныхъ побужденій и потому, что они страдали дальтонизмомъ—они не различали нравственно-возвышеннаго цвѣта, онъ для нихъ не существовалъ въ природѣ; честные глупцы—потому что они не знали и не понимали настоящаго смысла ни своихъ дѣйствій, ни чужихъ—они были слѣпы, и только. Пока и онъ былъ слѣпъ, какъ они, ему было легко и пріятно жить между ними; прозрѣвъ, онъ уже не можетъ выносить ихъ разговоровъ о предметахъ, знакомыхъ имъ только чрезъ чувства осязанія или обонянія, когда онъ-то уже узналъ, что сущность этихъ предметовъ и ихъ красота не въ ихъ отрицательныхъ свойствахъ, не въ ихъ жестокости, шероховатости и отсутствіи аромата, а въ гармоническомъ сочетаніи красокъ. Но слѣпцы о краскахъ, по крайней мѣрѣ, не спорятъ. А съ дальтониками еще хуже. Эти будутъ говорить обо всемъ en connaissance de cause, и ихъ ничѣмъ не убѣдишь, что есть еще краски и множество оттѣнковъ, недоступныхъ ихъ зрѣнію и ихъ пониманію.'

Шли дни за днями, и Павелъ Константиновичъ послѣдовательно, мысль за мыслью начиналъ приходить къ выводамъ болѣе успокоительнаго свойства. Онъ не только не хотѣлъ быть даль-

тоникомъ, онъ не завидовалъ уже и слѣпымъ; онъ не признавалъ возможности *человѣческаго* счастія безъ полнаго, яснаго зрѣнія. Но онъ и не ужасался теперь той tabulae rasae, предъ которой стоялъ, той мрачной пустоты, которую онъ открылъ, вмѣсто ожидаемой свѣтлой истины. Онъ чувствовалъ, что у него еще есть сила жить. Тотъ же разрушительный Ницше говорилъ ему, что не всякій организмъ можетъ воспринимать истину любой крѣпости и что для большинства—ее нужно очень сильно разбавлять хорошей ложью; и тотъ же Ницше говорилъ ему, что не только для экспериментальнаго, но для умозрительнаго изслѣдованія истины все дѣло въ томъ, насколько здорово и сильно сердце. Если оно умѣетъ обуздывать по произволу и держать въ желанныхъ предѣлахъ свои хорошія и худыя чувства, то уму можетъ быть данъ безграничный полетъ, и организмъ выдержитъ любую головокружительную высоту, любую температуру и степень разрѣженности воздуха.

Павелъ Константиновичъ начиналъ теперь уже доискиваться, въ чемъ была его ошибка, вызвавшая у него, послѣ сознательно сдѣланнаго шага, такую сильную реакцію въ настроеніи и такой душевный разладъ.

И онъ говорилъ себѣ:

„Нѣтъ, это не просто кошмаръ, сковывающій свободу личности,—всѣ эти нравственныя ограниченія во имя добра и общаго блага! Вздоръ, что все зависитъ только отъ нашей собственной точки зрѣнія на вещи! Такой же вздоръ, какъ и то, что „все, что я вижу и осязаю, только мое представленіе, только продуктъ моихъ собственныхъ чувствъ“. Какъ правъ Ницше, осмѣивая это положеніе и доводя его до абсурда: „если внѣшній міръ есть созданіе моихъ чувствъ, то значитъ и самые органы этихъ чувствъ есть также ихъ созданіе?“

„...Личность перерастаетъ общество. Да. Но при своемъ ростѣ выше толпы она сохраняетъ жизнеспособность только тогда, когда чувство общественности ростетъ у нея въ пропорціи съ другими,—когда въ ней самой есть элементы для созданія новаго общества, хотя бы только изъ людей одинаковаго съ нею роста, но непремѣнно общества со всѣми основными элементами общественности“.

„...Расцвѣтъ личности въ обществѣ возможенъ только при ея полной свободѣ, физической и духовной. Да. Но свобода личности въ обществѣ заключается не въ совершеніи противообщественныхъ поступковъ. Эта свобода только тогда и можетъ сохраняться, когда свободныя личности ставятъ себѣ такія за-

дачи, которыя содѣйствуютъ расцвѣту всего общества,—и когда эти задачи осуществляются такими путями, которые не нарушаютъ свободы всѣхъ другихъ личностей, составляющихъ общество".

Павелъ Константиновичъ приходилъ теперь къ заключенію, что его ошибка была въ то же время и проступкомъ. И все, что̀ напоминало ему теперь объ этомъ проступкѣ, производило на него угнетающее дѣйствіе. Встрѣчи со Смолинымъ, самое дѣло, у котораго онъ стоялъ, перспективы будущихъ искушеній, своеобразная неловкость положенія его, какъ „раскаявшагося", комизмъ отказа отъ дальнѣйшихъ взятокъ, которыя могли быть предлагаемы ему и людьми, и жизнью, и обстоятельствами,—все это раздражало его, и онъ начиналъ чувствовать себя гораздо болѣе больнымъ, чѣмъ былъ до поѣздки на воды, поѣздки, оплаченной такой дорогою цѣной.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Пожарскій, къ удивленію своей семьи и всѣхъ своихъ знакомыхъ, подалъ въ отставку. Подъ предлогомъ своихъ хроническихъ недуговъ и необходимости перемѣнить климатъ, онъ рѣшилъ переселиться на югъ, съ тѣмъ, чтобъ черезъ годъ занять тамъ какое-нибудь такое мѣсто, гдѣ ничто не напоминало бы ему о взяткахъ и компромиссахъ. На томъ пути, по которому онъ шелъ раньше, и въ томъ положеніи, котораго онъ достигъ, онъ могъ бороться за сохраненіе своего „вида" только до тѣхъ поръ, пока, подъ вліяніемъ нездоровой атмосферы, не заразился нравственной маляріей и не пережилъ тяжелый нравственный кризисъ. Онъ чувствовалъ, что экспериментальное изслѣдованіе истины не прошло ему даромъ: такъ иногда экспериментаторы-медики сохраняютъ на всю жизнь печальные слѣды добровольно привитыхъ ими себѣ, въ видѣ опыта, заразныхъ болѣзней. Оставаться теперь здѣсь казалось ему опаснымъ: каждый день болѣзнь могла вернуться и, обострившись, принять новыя, болѣе яркія формы.

И чтобъ избѣжать этого рецидива, онъ добровольно ѣхалъ въ ссылку, онъ искалъ на неопредѣленное время перемѣны климата не только въ прямомъ, но и въ переносномъ смыслѣ слова.

Ал. Луговой.

ГРИГОРІЙ VII и АВГУСТИНЪ

Божье Царство и Теократія.

Есть книги, которыя можно сравнить съ гладко отесаннымъ въ мастерской камнемъ, прямо пригоднымъ для кладки и безшумно исчезающимъ въ строющемся зданіи. Такого рода книги часто представляютъ собою наши диссертаціи; спеціалисты пользуются ихъ результатами, публика же ими не интересуется и рѣдко о нихъ узнаетъ. Не такова докторская диссертація кн. Евг. Трубецкого. Не всѣ ея тезисы могутъ быть усвоены наукою, но вниманіе, которое она на себя обратила, выходитъ за предѣлы интереса, обыкновенно вызываемаго спеціальными изслѣдованіями. Она была сочувственно встрѣчена журналами, и даже такими, которые не слѣдятъ за спеціальной исторической литературой. При первомъ взглядѣ на появившіеся въ печати отзывы о ней всякому станетъ яснымъ, чѣмъ книга кн. Трубецкого возбудила къ себѣ это вниманіе. Интересъ къ ней обусловливался не столько научнымъ изслѣдованіемъ, въ ней заключавшемся, сколько общими идеями, которыя авторъ положилъ въ основаніе своего изслѣдованія и которыми онъ его украсилъ.

Книга кн. Трубецкого озаглавлена: „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ“; а это заглавіе пояснено другимъ: „Идея Божескаго Царства въ твореніяхъ Григорія VII и публицистовъ его современниковъ“. Какъ ни длинно это заглавіе, оно не выражаетъ собою всего содержанія книги. Въ ней идетъ рѣчь не объ однихъ идеалахъ и идеяхъ. Она представляетъ собою критическій обзоръ политики знаменитаго папы,

основанный на тщательномъ изученіи источниковъ, какъ историческаго, такъ и полемическаго характера. Но надъ массою приведенныхъ въ книгѣ историческихъ и литературныхъ фактовъ господствуютъ идеи Божескаго Царства и Теократіи: авторъ проводитъ мысль, что ключъ къ дѣятельности Григорія VII нужно искать въ Августиновской идеѣ Божескаго Царства и что борьба между Григоріемъ VII и Генрихомъ IV, вообще борьба между папствомъ и имперіей, была борьбой двухъ теократій. Такимъ образомъ книга кн. Трубецкого является попыткой демонстрировать значеніе общихъ идей въ исторіи и указать на ихъ вліяніе въ извѣстную эпоху. Такая попытка есть фактъ знаменательный въ нашу эпоху въ виду моднаго стремленія разслѣдовать исключительно или преимущественно матеріальныя условія жизни прошлыхъ временъ.

Въ подкрѣпленіе своей попытки освѣтить эпоху Григорія VII съ помощью господствовавшихъ въ ней идей, авторъ могъ бы привести отзывъ одного знатока той же эпохи, пришедшаго къ выводу, что подготовленіе современныхъ спеціалистовъ по исторіи (Fachhistoriker) рѣшительно нуждается въ дополнительныхъ занятіяхъ, съ одной стороны, экономическихъ, съ другой же,—*философско-историческихъ*. Этотъ отзывъ тѣмъ интереснѣе, что онъ помѣщенъ въ историческомъ журналѣ, который посвятилъ себя служенію *экономическому* направленію и въ числѣ редакторовъ котораго состоитъ самый вождь этого направленія въ нѣмецкой исторіографіи, Лампрехтъ. Статья Бернгейма, слова котораго мы сейчасъ привели, носитъ заглавіе: „О политическихъ понятіяхъ средневѣковыхъ въ свѣтѣ воззрѣній Августина“. Эта статья, вышедшая въ свѣтъ во время печатанія книги кн. Трубецкого, коснулась и въ другомъ отношеніи предмета его занятій. Въ подтвержденіе того, какъ необходимо историку философское образованіе, знакомство съ *идеями* и понятіями изучаемой имъ эпохи, Бернгеймъ старается прослѣдить вліяніе Августина на папу Григорія VII; съ этою цѣлью онъ беретъ нѣсколько политическихъ и этическихъ понятій, встрѣчающихся въ письмахъ Григорія VII, и доказываетъ, что папа употребляетъ эти понятія именно въ томъ смыслѣ, какой имъ придавалъ Августинъ. Насколько существенно требованіе Бернгейма, чтобы историкъ былъ хорошо знакомъ съ идеями и понятіями изучаемой имъ эпохи,—и какъ иногда и замѣчательные историки впадаютъ въ ошибку вслѣдствіе недостаточнаго вниманія къ „эволюціи“ понятій и словъ, мы подтвердимъ слѣдующимъ указаніемъ. Понятіе справедливости, justitia, имѣетъ существенное значеніе для характеристики

Григорія VII и оцѣнки его личности. Слово justitia не сходило съ его устъ, и, какъ извѣстно, онъ еще на смертномъ одрѣ объяснялъ своею любовью къ *справедливости* свою горькую судьбу и свою смерть въ изгнаніи. Бернгеймъ подсчиталъ, что это слово встрѣчается болѣе 200 разъ въ письмахъ Григорія VII. Но что же оно значитъ? Было бы ошибочно довольствоваться здѣсь обще-принятымъ у римскихъ юристовъ опредѣленіемъ — justitia ea virtus est quae sua cuique distribuit. Бернгеймъ приводитъ на справку мѣсто изъ Августина, гдѣ послѣдній возражаетъ противъ этого опредѣленія и противополагаетъ ему *христіанскій* взглядъ на дѣло—Ubi homo Deo non servit, quid in eo putandum est justitiae? Итакъ, по Августину, служеніе Богу есть источникъ или условіе справедливости. Этимъ взглядомъ руководился и Григорій VII, и для него справедливо только то, что согласно съ Божьей волею; *справедливость* совпадаетъ съ *праведностью*.

Этотъ августиновскій смыслъ понятія справедливости у Григорія VII упустилъ изъ вида и впалъ поэтому въ заблужденіе одинъ изъ лучшихъ историковъ нашего времени. Къ числу таковыхъ, конечно, слѣдуетъ причислить Альберта Гаука, автора еще неоконченной исторіи церкви Германіи, классическаго труда, значеніе котораго выходитъ далеко за предѣлы его спеціальной области. И Гаукъ отмѣчаетъ, какъ выдающуюся черту Григорія, что его мысль была постоянно устремлена къ справедливости. Гаукъ по этому поводу говоритъ: есть люди, надъ которыми извѣстныя общія представленія имѣютъ почти волшебную силу. Кто не испытывалъ въ себѣ нѣчто подобное при звукѣ слова *свобода*? Такое значеніе имѣла для Григорія идея справедливости. Постоянно возвращается онъ къ мысли, что его призваніе—осуществить *право* (das Recht durchzuführen, III, 757). Доказавъ это ссылками, Гаукъ настаиваетъ на томъ, что нельзя сомнѣваться въ искренности папы, но что тѣмъ не менѣе Григорій VII ошибался, ибо „то, что онъ называлъ *справедливостью*, было не поддержаніемъ существовавшаго права, а ниспроверженіемъ его; то, что онъ называлъ несправедливостью, было вѣками признанное право. Этотъ антагонизмъ былъ неизбѣженъ, ибо отвлеченная теорія всегда стоитъ въ противорѣчіи съ исторически сложившимся порядкомъ“. Если читатель вспомнитъ приведенныя выше слова Августина, онъ убѣдится, что отвлеченною теоріею руководился лишь Гаукъ въ своихъ объясненіяхъ, а не Григорій VII, а что понятіе справедливости у Григорія имѣло весьма реальную основу въ тогдашнемъ религіозномъ міровоззрѣніи, и даетъ этому папѣ и всему его вѣку весьма яркую историческую окраску.

Это отступленіе имѣло цѣлью показать, насколько и для историка XI вѣка важно отдавать себѣ ясный отчетъ въ значеніи руководящихъ идей вѣка; но именно поэтому приходится сказать, что главная мысль книги „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства“ заключаетъ въ себѣ недоразумѣніе и анахронизмъ. Главная мысль этой книги, какъ это видно уже изъ самаго ея заглавія, заключается въ томъ, что религіозно-общественнымъ идеаломъ западнаго христіанства въ XI в. было Божье Царство. Но какое же это Божье Царство? Какъ всѣмъ извѣстно, идея Божьяго Царства развита съ необычной глубиной мысли и религіозной страсти бл. Августиномъ въ сочиненіи, носящемъ это названіе. Читатель, знакомый съ первой диссертаціей князя Трубецкого, посвященной изображенію Августиновскаго „Божьяго Царства“, тѣмъ болѣе будетъ склоненъ отождествлять „Божье Царство въ твореніяхъ Григорія VII“ съ Августиновскимъ. Такое отождествленіе найдетъ себѣ кромѣ того полное основаніе въ заявленіи автора, что „Августиновское пониманіе Божьяго Царства господствуетъ въ средніе вѣка“ (стр. 304).

Въ этомъ и заключается недоразумѣніе, о которомъ мы говоримъ и устраненію котораго мы придаемъ существенную важность для правильной оцѣнки среднихъ вѣковъ.

Но прежде чѣмъ выяснить нашу мысль, мы должны коснуться другого повода къ разногласію съ авторомъ книги „Религіозно-общественный идеалъ“ и т. д. Мы не можемъ обойти этого разногласія, потому что оно имѣетъ принципіальное значеніе для исторической науки въ Россіи; при томъ разъясненіе его покажетъ намъ, какъ сильно авторъ *увлеченъ* своей идеей.

Кн. Трубецкой посвятилъ свой трудъ предмету, давно разработываемому наукой и литературой Западной Европы. Онъ имѣлъ поэтому множество предшественниковъ чрезвычайно различнаго достоинства, въ числѣ которыхъ, на ряду съ писателями не научнаго направленія, есть ученые, составляющіе гордость и славу европейской науки. Въ виду этого отношеніе кн. Трубецкого къ его предшественникамъ вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Въ предисловіи его, конечно, не говорится о томъ, чѣмъ онъ, какъ новый изслѣдователь, былъ обязанъ своимъ предшественникамъ, а идетъ рѣчь лишь о *затрудненіяхъ*, съ которыми „сталкивается русскій изслѣдователь“ борьбы папства и имперіи.

Затрудненія эти, какъ поясняетъ авторъ, заключаются въ томъ, что приходится „безпрестанно считаться съ тѣмъ вліяніемъ, какое оказали партійные интересы на труды западныхъ изслѣдователей о Григоріи“—въ тѣхъ „рѣшеніяхъ, которыя

подсказываются патріотическими интересами или увлеченіями тѣхъ или другихъ западныхъ ученыхъ, въ особенности нѣмцевъ". Развивая и обобщая эту мысль, авторъ заключаетъ, что предразсудки вѣроисповѣдные, національные и вообще партійные препятствуютъ западнымъ изслѣдователямъ „сознать", такъ сказать, суть дѣла, т.-е. тѣ *общія начала*, „выясненіе которыхъ и составило главную задачу" его изслѣдованія.

Признавая *понятнымъ*, что „отъ католическихъ изслѣдователей ускользаютъ внутреннія противорѣчія святительскаго идеала Григорія", авторъ еще строже судитъ протестантскихъ изслѣдователей. Имъ онъ въ особенности ставитъ въ вину, что они вообще не въ состояніи надлежащимъ образомъ оцѣнить значеніе того факта, что католическая имперія среднихъ вѣковъ есть государство теократическое по существу, и если многіе изъ нихъ признаютъ эту истину въ принципѣ, то она большею частью остается у нихъ безъ примѣненія. Этимъ авторъ, между прочимъ, объясняетъ неправильное освѣщеніе спора объ инвеститурѣ, господствующее среди многихъ современныхъ нѣмецкихъ историковъ".

Западнымъ изслѣдователямъ авторъ противополагаетъ во всей рѣзкости русскихъ изслѣдователей, „стоящихъ внѣ протестантско-католическаго вѣроисповѣднаго спора" и потому не могущихъ примкнуть къ какой-либо односторонней оцѣнкѣ идей великаго папы. Но не только въ болѣе безпристрастной оцѣнкѣ Григорія VII видитъ авторъ отличительное преимущество русскихъ изслѣдователей передъ западными. „Русскому изслѣдователю,—говоритъ онъ,—приходится расходиться съ его западными предшественниками не только въ тѣхъ или другихъ частностяхъ, но въ пониманіи и оцѣнкѣ самыхъ основъ латинской теократіи среднихъ вѣковъ". Заключающуюся въ этихъ замѣчаніяхъ оцѣнку западной исторіографіи нельзя признать справедливою. Можно подумать, что по вопросу о папствѣ она представляетъ лишь поприще борьбы всевозможныхъ интересовъ и предразсудковъ. Конечно, въ ней не мало сочиненій, написанныхъ съ цѣлью апологіи или полемики, но даже и такія сочиненія нерѣдко содѣйствовали выясненію предмета, какъ, напр., извѣстная книга Лорана, хотя на ней и отразилась борьба либеральнаго бельгійскаго профессора противъ клерикализма, захватившаго власть и школу въ Бельгіи. Но болѣе или менѣе тенденціозными книгами не исчерпывается ученая литература о папствѣ. Странно говорить, что нѣмцы не дошли до пониманія историческаго величія папства въ виду такихъ сочиненій, какъ исторія Рима

Грегоровіуса, какъ труды Ранке и Гаука и еврея Яффе, этого безкорыстнаго труженика, которому и кн. Трубецкой обязанъ тщательнымъ изданіемъ писемъ Григорія VII.

Преувеличеннымъ нужно признать и то, что̀ кн. Трубецкой говоритъ о преимуществахъ положенія русскихъ изслѣдователей, о ихъ призваніи внести свѣтъ въ область исторіи, затемненную слѣпыми страстями. Конечно, русскій изслѣдователь не заинтересованъ непосредственно или практически въ борьбѣ противъ современнаго клерикализма и потому можетъ безстрастно изучать его генезисъ въ XI вѣкѣ. Но если русскому изслѣдователю въ этомъ случаѣ легче держаться въ сторонѣ отъ партійнаго интереса, то національные и вѣроисповѣдные интересы могутъ представлять собою для него такія же препятствія на пути къ истинѣ, какія кн. Трубецкой усматриваетъ на западѣ. Но, къ счастію, значеніе такихъ препятствій преувеличено имъ. Мы говоримъ къ счастью, потому что еслибы принадлежность къ извѣстной націи или извѣстному исповѣданію играла въ наукѣ такую первенствующую роль, то не могло бы и вовсе быть общей научной работы въ исторіи и, по крайней мѣрѣ относительно средневѣковой и новой исторіи, европейскимъ ученымъ, со включеніемъ русскихъ, пришлось бы обратиться за руководствомъ къ молодой наукѣ въ странѣ „восходящаго солнца“.

Оцѣнка западной исторіографіи въ предисловіи книги кн. Трубецкого не только не справедлива, она и не согласна съ интересомъ исторической науки въ Россіи. Такія слова и замѣчанія, особенно въ устахъ даровитаго и серьезнаго ученаго, ведутъ къ обособленію, къ установленію какого-то антагонизма между русской и западно-европейской наукой, къ притязаніямъ на какое-то привилегированное положеніе со стороны первой.

Въ области астрономіи существуютъ такого рода привилегіи: климатъ, обычное состояніе атмосферы, высота положенія обсерваторіи могутъ благопріятствовать одному наблюдателю передъ другимъ; но въ области исторической науки отъ самаго изслѣдователя зависитъ свободно вникать въ сущность явленія, отрѣшившись отъ мѣстныхъ интересовъ. Опытъ показываетъ, что мнимый антагонизмъ между русской и западно-европейской наукой подчеркивается охотно молодыми учеными, которые требуютъ вниманія къ своимъ открытіямъ, но такія требованія не всегда оправдываются въ дѣйствительности.

Указанія на несостоятельность западно-европейской науки въ оцѣнкѣ папства являются въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе излишними, что разногласіе между кн. Трубецкимъ и его пред-

шественниками не во всемъ такъ радикально, какъ оно ему представляется. Та схема, напр., которую кн. Трубецкой, по его выраженію, предлагаетъ и благодаря которой онъ можетъ дать вполнѣ достовѣрныя объясненія политики Григорія VII, основана на представленіи о теократическомъ характерѣ германской или священно-римской имперіи. Но это представленіе не чуждо западно-европейской литературѣ и встрѣчается именно у протестантскихъ изслѣдователей, за которыми авторъ отрицаетъ способность оцѣнить значеніе такого факта. Я укажу въ этомъ отношеніи на рѣчь Зибеля, произнесенную имъ въ мюнхенскомъ университетѣ, рѣчь, съ которой можно начать новую эпоху во взглядахъ нѣмецкой исторіографіи на средневѣковую имперію—Зибель называетъ ее *всемірной* (по своимъ притязаніямъ) *имперіей* съ *теократическимъ оттѣнкомъ*—eine theocratisch gefärbte Weltmonarchie. Кн. Трубецкой видитъ въ имперіи теократію, Зибель приписываетъ ей лишь теократическій оттѣнокъ. Какое изъ этихъ выраженій точнѣе и болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, обнаружится въ дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса. Возражая противъ осужденія современной исторической науки въ книгѣ „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI в.“, я не хочу сказать, чтобы научная литература объ эпохѣ Григорія VII не нуждалась въ дополненіи и освѣженіи. То, чего ей недостаетъ, указано въ вышеупомянутой статьѣ Бернгейма: изъ-за разработки историческаго матеріала слишкомъ часто забывалось *идейное* содержаніе эпохи; историки обсуждали дѣйствія и побужденія людей, не вдумываясь въ ихъ міровоззрѣніе, приводили рѣчи людей, не выяснивъ ни себѣ, ни другимъ, какой смыслъ имѣли эти рѣчи въ устахъ людей, ихъ произносившихъ. Въ виду того автору книги „Религіозно-общественный идеалъ“ и т. д. нужно вмѣнить въ большую заслугу то, что онъ поставилъ въ центрѣ изображаемой имъ эпохи „господствующую идею“ вѣка. Но не было ли въ этомъ такого же увлеченія, какъ и въ строгомъ сужденіи о западно-европейской наукѣ? Господствующей идеей XI вѣка кн. Трубецкой признаетъ Божье Царство, и, полный августиновскихъ традицій, не отличилъ идеала XI вѣка отъ Божьяго Царства Августина!

Дѣйствительно ли, однако, *Августиновское* представленіе о божескомъ царствѣ было душою и движущимъ началомъ политики Григорія VII и исходнымъ пунктомъ теоріи современныхъ ему публицистовъ? Вопросъ этотъ имѣетъ значеніе не для церковной только литературы, или для исторіи идей: отъ его рѣше-

нія зависитъ главная окраска эпохи Григорія VII и оцѣнка его стремленій. Для рѣшенія этого вопроса мы должны прежде всего обратиться къ самому Григорію, и мы имѣемъ полную возможность категорически рѣшить этотъ вопросъ. Если мы просмотримъ творенія Григорія VII, т.-е. дошедшія до насъ письма его, то убѣдимся, что ни въ одномъ изъ 414 писемъ папы не упоминается объ Августиновскомъ божескомъ царствѣ. Обратимся съ тѣмъ же вопросомъ къ современной Григорію публицистикѣ. Благодаря ведущей свое начало отъ Штейна и Перца исторической коммиссіи, задача наша крайне облегчена. Еще недавно публицисты эпохи Григорія VII были мало доступны изслѣдователямъ, и такая задача, которую поставилъ себѣ кн. Трубецкой, была почти неисполнима безъ помощи особой коллекціи рѣдкихъ изданій. Въ настоящее время публицистика вѣка Григорія VII собрана воедино въ прекрасномъ изданіи „Libelli de Lite Imperatorum et Pontificum“ и пр., снабженномъ всѣми желательными ссылками и указателями. Въ трехъ томахъ, заключающихъ въ себѣ 2.048 стр. большого in quarto, напечатаны произведенія 64 авторовъ — трактаты, посланія и т. п., въ числѣ 91, высказывавшихся по знаменитому спору между императорами и папами. И что же мы находимъ? Изъ всей этой массы писателей только восемь ссылаются на сочиненіе Августина „О Божьемъ Царствѣ“, и изъ нихъ только одинъ говоритъ о самой идеѣ Божьяго Царства; остальные же ссылаются на называющееся такъ сочиненіе Августина ради другихъ мнѣній и представленій этого отца церкви—о суровости или снисходительности къ еретикамъ, о судьбѣ умершихъ до крещенія младенцевъ, о дозволенномъ убійствѣ, о честолюбивомъ стремленіи къ духовнымъ должностямъ, о всемогуществѣ Божьемъ и объ упорствѣ въ ереси. Такой отрицательный результатъ имѣетъ тѣмъ болѣе вѣсъ, что тогдашняя ученая работа состояла, главнымъ образомъ, въ обильномъ приведеніи авторитетовъ, т.-е. въ выпискахъ изъ авторитетныхъ писателей—работа, облегчавшаяся существованіемъ особой, такъ сказать, хрестоматіи, изъ наиболѣе популярныхъ и авторитетныхъ писателей, такъ что выписка изъ извѣстнаго сочиненія не всегда обозначаетъ непосредственное знакомство автора съ подлинникомъ. Не менѣе поразителенъ *положительный* результатъ справки, заключающійся въ томъ, что Августиновская идея Божескаго царства встрѣчается не у приверженцевъ Григорія VII, какъ слѣдовало бы ожидать, еслибы его исходнымъ принципомъ была идея Августина, а у противника Григорія, автора трактата „De Unitata ecclesiae“. Разгадку этого

не случайнаго факта мы получимъ, если выяснимъ себѣ, какъ и ради чего авторъ трактата говоритъ о божескомъ царствѣ. Епископъ Вальрамъ наумбургскій—предполагаемый авторъ трактата—говоритъ о *двухъ* царствахъ, но для того, чтобы вывести отсюда преимущество и власть церкви надъ государствомъ; для него противоположность „между царствомъ Бога и царствомъ дьявола" вовсе не сводится къ антагонизму церкви и государства; ибо въ его глазахъ земная церковь не тождественна съ царствомъ божіимъ, а государство не есть царство дьявола. Вальрамъ понимаетъ царство божіе въ болѣе мистическомъ и нравственномъ смыслѣ; оно для него существуетъ *надъ* землею, и совпадаетъ съ идеей *мира*, а потому представляется подъ аллегоріей небеснаго Іерусалима: Hierusalem, quae sursum est et est mater omnium nostrum, visio pacis inrerpretatur. Этому Іерусалиму противополагается Вавилонъ; но подъ этимъ не разумѣется земное царство, ибо „Господь располагаетъ также земнымъ государствомъ... Если Господь все сотворилъ... если перо, птицы, цвѣтокъ растенія и листъ дерева отъ Него получили соотвѣтствіе частей и внутреннюю гармонію, то не слѣдуетъ думать, чтобы царства людскія были чужды его промысла (providentia)... Поэтому великая ересь противиться велѣніямъ Бога, который дастъ царство, кому хочетъ,—Августу и Нерону, кротчайшимъ Веспасіанамъ и жесточайшему Домиціану"...

Итакъ, единственный изъ публицистовъ эпохи Григорія VII, который прямо и неоднократно взываетъ къ Августиновской идеѣ божескаго царства, *видоизмѣняетъ* ее въ интересахъ того учрежденія, которое не пользовалось симпатіями Августина.

Вполнѣ согласно съ источниками разрѣшается вопросъ и учеными, посвятившими вліянію Августина спеціальное изслѣдованіе: Мирбтъ, разсматривая „положеніе Августина въ публицистикѣ грегоріанской распри", подчеркиваетъ, между прочимъ, что Вальрамъ, называя церковь „Царствомъ Божіимъ", обусловливаетъ принадлежность къ этому царству „миролюбіемъ"; а Бернгеймъ, перечисляя понятія, заимствованныя Григоріемъ VII у Августина, не включаетъ въ это число то, около котораго вращается разбираемый нами вопросъ. Изъ всего этого приходится сдѣлать выводъ, что Божіе царство Августина не сдѣлалось достояніемъ Григорія VII. Но, можно было бы возразить, что количество и свойство цитатъ, заимствованныхъ у извѣстнаго писателя, не служатъ безусловно вѣрной мѣркой его вліянія; сила свойственныхъ ему идей могла обнаруживаться на современникахъ, хотя бы они и не высказывали этого. Относи-

тельно августиновской идеи божьяго царства и ея вліянія на Григорія VII—этого нельзя утверждать. Не случайно Григорій и его современники не упоминаютъ о ней, а потому, что идеалъ Августина въ данномъ случаѣ былъ имъ непонятенъ и чуждъ, что воззрѣніе Августина на церковь уступило мѣсто другому, болѣе узкому, воззрѣнію, болѣе соотвѣтствовавшему культурному состоянію эпохи. Идеалъ Августина носитъ на себѣ печать великаго мірового кризиса, сопровождавшаго торжество христіанства и паденіе римской имперіи, и весь проникнутъ идеализмомъ великихъ подвижниковъ и мучениковъ христіанской церкви. Божеское царство Августина хотя и включаетъ въ себѣ видимую конкретную церковь, однако не совпадаетъ съ нею, а обнимаетъ не только всю церковь въ прошломъ, но и церковь въ идеѣ, всѣхъ избранниковъ Божіихъ, всѣхъ праведниковъ съ начала міра, жившихъ и до Христа, и потому не бывшихъ членами Христовой церкви.

Такого Божьяго царства Григорій VII не знаетъ; не о немъ, по крайней мѣрѣ, онъ думаетъ, не для него живетъ, борется и страдаетъ. Всѣ его думы устремлены на церковь видимую, имъ управляемую. И эта самая церковь для него совсѣмъ уже не та, чѣмъ она была для Августина. Августинъ зналъ и разумѣлъ церковь въ ея исконномъ *естественномъ* единствѣ; понятіе церкви для него неразлучно съ понятіемъ вселенской—universalis. Когда онъ говоритъ о единствѣ церкви, онъ имѣетъ въ виду не единство власти и обычая, а единство духа и ученія. Для Григорія VII universalis ecclesia необычное понятіе; оно встрѣчается у него, кажется, только одинъ разъ. На первый планъ становится для папы Григорія другое представленіе о церкви—Sancta Romana ecclesia; правда, ей также присуща универсальность, но въ другомъ смыслѣ: она, по опредѣленію Григорія VII, „глава и всеобщая мать всѣхъ церквей и народовъ“. Всѣ прочія церкви призываются къ единенію съ ней, т.-е. къ *повиновенію* ей. Узнавъ, что въ страну „свеоновъ“ пришли христіанскіе миссіонеры, Григорій спѣшитъ сообщить ихъ царю, что галликанская церковь, отъ которой явились эти миссіонеры, „принесла имъ то, что̀ сама почерпнула изъ сокровищъ матери своей, святой римской церкви“ (Reg. VIII, 11). Григорій призываетъ короля Леона и Кастиліи и испанское духовенство ввести у себя, взамѣнъ мѣстнаго обычая, „чинъ“ матери всѣхъ церквей, св. римской церкви.

Вѣдь всѣ прочія церкви не что иное, какъ „члены святой римской и апостольской церкви“ (R. IV, 16). Къ понятію ма-

тери въ приложеніи къ римской церкви присоединяются у Григорія и другія: она—*госпожа*; она — *невѣста* божья. При этихъ условіяхъ понятіе вселенской *(каѳолической)* церкви уже получаетъ у Григорія тотъ „специфическій" смыслъ, который въ русскомъ языкѣ имѣетъ слово: католическій—какъ въ знаменитомъ воззваніи Григорія „ко всѣмъ вѣрующимъ",—въ этомъ благородномъ крикѣ о помощи окруженнаго врагами и изнемогающаго богатыря: „Всѣми силами я старался, чтобы св. церковь, госпожа и мать наша, возстановившись въ присущемъ ей блескѣ, оставалась свободна, цѣломудренна и католична" (Ep. Coll. № 46). Къ числу достоинствъ изслѣдованія кн. Трубецкого слѣдуетъ отнести новое освѣщеніе, въ которомъ онъ представилъ вслѣдъ за Мартенсомъ значеніе апостола Петра въ церковной политикѣ Григорія VII. Но ни въ чемъ, можетъ быть, не проявляется такъ ярко различіе между Августиновскимъ и Грегоріанскимъ понятіемъ о церкви, какъ въ представленіи о св. Петрѣ у Григорія VII. Здѣсь мы особенно наглядно ощущаемъ различіе эпохъ—эпохи римской имперіи и эпохи феодальныхъ бароновъ; мы чувствуемъ разстояніе вѣковъ между Ѳеодосіемъ Великимъ, царствующимъ въ Римѣ и Константинополѣ, и княженіемъ Генриха IV въ саксонскомъ замкѣ Госларѣ. Контрастъ эпохъ отразился и на представленіи о Петрѣ: какъ понятіе о церкви съузилось, такъ и личность апостола приноровилась къ болѣе конкретнымъ и наивнымъ воззрѣніямъ феодальной эпохи. По прежнему, конечно, Петръ есть камень, на которомъ зиждется вселенская церковь; по прежнему, онъ есть пастырь вселенской церкви; но вмѣстѣ съ тѣмъ выработалось понятіе, что изъ *спеціальнаго* порученія, даннаго Петру, вытекаетъ спеціальная обязанность христіанскаго народа повиноваться его преемнику на римской каѳедрѣ—ut populus christianus tibi specialiter commissus mihi obediat, говоритъ папа. Отсюда же выводится *спеціальное* право папы вязать и рѣшать на небѣ и на землѣ (R. III, 10). Вліяніе феодальнаго принципа характерно выражается въ заявленіи Григорія VII, что княженіе и власть (principatus et potestas) Петра перешли къ нему, какъ къ одному изъ преемниковъ Петра на каѳедрѣ—divino privilegio et jure hereditario—по божественной милости и наслѣдственному праву. Но всего ярче обнаруживается вліяніе духа времени и степени культуры въ тѣхъ выраженіяхъ Григорія VII, въ которыхъ онъ какъ-то особенно наивно отождествляетъ себя съ апостоломъ, видитъ въ себѣ его воплощеніе, сводитъ апостола съ неба и вводитъ его совершенно конкретно въ дѣла папства и злобу дня: когда онъ,

напр., пишетъ Генриху, требуя отъ него бо́льшаго уваженія, что апостолъ лично получаетъ (ipse recipit) все, что̀ король пишетъ папѣ или велитъ ему сказать на словахъ: „и пока мы пробѣгаемъ буквы письма или прислушиваемся къ голосу говорящаго, *онъ* распознаетъ проницательнымъ взоромъ, отъ какого сердца подана вѣсть“ (III, 10). Или когда Григорій пишетъ епископу Мецскому: „о другихъ дѣлахъ, о которыхъ ты спрашиваешь, пусть св. Петръ за меня отвѣтитъ: въ моемъ лицѣ *онъ*, хотя я и слуга его, получаетъ честь или обиду“ (R. IV, 2). Св. Петръ даже прямо выставляется въ образѣ феодальнаго князя — и въ устахъ Григорія VII это не простая метафора,—когда онъ пишетъ, что норманны „хотятъ послѣ Господа имѣть одного только Петра своимъ господиномъ и государемъ“ (imperatorem; R. III, 15“). Итакъ, чѣмъ водружать надъ эпохой Григорія VII знамя Августиновскаго „Царства Божьяго“ и выводить изъ этой идеи помыслы и политику великаго папы, нужно поставить себѣ вопросъ, могъ ли Гильдебрандъ усвоить себѣ упомянутую Августиновскую идею? И если мы представимъ себѣ въ живомъ, конкретномъ образѣ суроваго судью въ Каноссѣ, то не будетъ у насъ сомнѣнія въ томъ, что Григорій VII, ни по натурѣ своей, ни по культурѣ той эпохи, сыномъ которой онъ былъ, не могъ вдохновляться идеей Августиновскаго Божьяго Царства.

У каждой культурной эпохи свой идеалъ и каждая по своему понимаетъ идеалы другой; перейти отъ чтенія писемъ Августина къ „Регистру“ Григорія VII—все равно, что перенестись изъ одного пояса земли въ другой; языкъ ихъ, правда, одинъ и тотъ же—латинскій, но на самомъ дѣлѣ это *два* языка; только звуки тѣ же, но мысли, образы и чувства иные. Въ пламенной рѣчи Августина слышится изящное, хотя уже и вычурное *риторство*—наслѣдіе классической образованности,—звучитъ религіозный пылъ ново-обращеннаго христіанина и страстное вожделѣніе души, неудовлетворенной міромъ, поднятые въ заоблачную, свѣтлую, небесную даль. Съ другой же стороны неуклюжая латынь „Регистра“, испещренная церковными формулами и феодальной варварской терминологіей (infima latinitas), является отраженіемъ эпохи, низкой по образованію и по полету мысли, но эпохи, въ которой забился пульсъ новой исторической жизни; каждое письмо Григорія есть манифестъ іерарха, убѣжденнаго въ своемъ призваніи, въ своемъ правѣ и въ своей обязанности владычествовать надъ міромъ. Въ различіи языка проявляется и различіе индивидуальностей. И Августинъ и Григорій причисляются къ монахамъ. Но одинъ превозмогъ, перестрадалъ свою

жгучую чувственность, отъ избытка „грѣховныхъ влеченій“ сталъ аскетомъ. И Григорій предъ міромъ является аскетомъ; строгій къ другимъ, онъ былъ взыскателенъ и къ себѣ; такъ, напр., привыкши сдабривать лукомъ свою безвкусную пищу, онъ отказался отъ него, когда замѣтилъ, что лукъ доставляетъ ему удовольствіе, но аскетизмъ не волновалъ его души и не въ аскетическомъ совершенствѣ онъ видѣлъ смыслъ жизни. Августинъ извѣдалъ всю глубину греческой метафизики и всѣ тонкости діалектики; онъ былъ способенъ, погружаясь въ мистику, оставить далеко подъ собою реальный, чувственный міръ; реалистическое, такъ сказать, тѣлесное представленіе о Богѣ, которое онъ предполагалъ у христіанъ, долго было для него помѣхой обращенія въ христіанскую вѣру. Въ умѣ Григорія сверхчувственный міръ сливался съ чувственнымъ, проявлялся и становился понятенъ лишь въ чувственныхъ образахъ. Въ своихъ нравственныхъ поученіяхъ Григорій стоитъ на уровнѣ „варварскихъ правдъ“, говоря съ варварами, какъ варваръ; онъ не подлаживался подъ ихъ языкъ и понятія, а выражался совершенно искренно, когда требовалъ въ уплату за небесныя блага матеріальной дани. Убѣждая королей „свеонскихъ“ ввести у себя десятину, онъ имъ писалъ, что никто не долженъ тяготиться уплатой Господу десятой части дохода „за лучшую часть человѣка, за вѣчно живую душу, если у многихъ народовъ мужья обязываются закономъ платить женамъ третью часть имущества за бренное тѣло“ (pro morituro corpore; R. VIII, 37). Августинъ всегда стоялъ далеко отъ мірскихъ дѣлъ; онъ лишь въ крайнемъ случаѣ, въ интересѣ другихъ, для защиты паствы, обращался къ правительственнымъ лицамъ: Гильдебрандъ былъ воспитанъ въ центрѣ тогдашней европейской политики и долго принималъ въ ней участіе прежде, чѣмъ сталъ ею руководить! Въ интересахъ этой политики онъ сталъ человѣкомъ „отъ міра сего“; ради дѣла, которое считалъ праведнымъ,—торжества папства, онъ не боялся наступательной роли, не гнушался воинственности, не колебался ставить ее выше аскетическаго идеала. Онъ самъ собирался повести на Востокъ крестоносцевъ и грозилъ королю Альфонсу лично явиться въ Испанію, чтобы сурово его наказать за его неканоническій бракъ. Такой же мірской отваги онъ требовалъ и отъ другихъ духовныхъ лицъ.

„Итакъ, любезнѣйшій братъ,—писалъ онъ испанскому епископу,—борись (certa) до пота лица и, если нужно будетъ, до пролитія крови. Подлымъ и смѣшнымъ должно казаться то, что міряне за дешевую плату и за ненавистное Богу дѣло подвергаютъ

себя добровольно на произволъ опасности; вѣрующіе же обращаются въ бѣгство предъ наступающимъ врагомъ“ (R. III, 18). Рудольфа, герцога швабскаго, и саксонцевъ, возставшихъ противъ Генриха IV, Григорій ободрялъ и поощрялъ къ неотступному сопротивленію: „не слабѣйте, сыны мои, въ этомъ воинственномъ пылѣ—(nolite in hoc bellico furore deficere), который уже такъ давно васъ обуялъ; не сомнѣвайтесь,—прислушиваясь ко лжи какого-либо обманщика, — въ нашей вѣрной подмогѣ“. Весь Регистръ Григорія VII есть боевой кличъ новыхъ завоевателей міра. Пуніецъ Августинъ—семитическій пророкъ, вдохновленнымъ окомъ узрѣвшій надъ міромъ, внѣ пространства и времени, идеальный градъ Божій и туда призывающій человѣчество; — Гильдебрандъ, несмотря на данное ему лангобардское имя, потомокъ или преемникъ тѣхъ, кто, соединяя въ своемъ лицѣ званіе понтифекса максимуса и римскаго консула, создали и упрочили господство Рима надъ міромъ.

Противопоставляя такимъ образомъ Григорія VII Августину, мы хотѣли указать, какъ трудно было бы Григорію усвоить себѣ представленіе Августина о Civitas Dei, если бы онъ былъ даже знакомъ съ его сочиненіемъ не по случайнымъ отрывкамъ. Если бы Григорій VII даже хорошо зналъ, что̀ разумѣлъ Августинъ подъ Божіимъ Царствомъ, онъ бы не могъ проникнуться этимъ представленіемъ; оно не завладѣло бы его душою... Но такимъ противоположеніемъ Григорія Августину мы не имѣли въ виду умалять ни личности Григорія, ни величія его исторической роли. И онъ служилъ идеѣ, и онъ проводилъ въ мірѣ идеалъ, хотя и не Августиновскій.

Въ этомъ служеніи Григорія VII своему идеалу много глубоко человѣческихъ и благородныхъ чертъ. Нельзя отказать Григорію VII въ симпатіи, когда мы встрѣчаемъ въ его письмахъ заявленія о томъ, какъ онъ изнемогаетъ подъ бременемъ дѣлъ и тревогъ—когда онъ, напр., пишетъ близкому ему человѣку, аббату Гугону: „утомленный стеченіемъ всевозможныхъ народовъ и мыслью о многихъ дѣлахъ, я мало пишу тому, кого много люблю“ (R. V, 21). Или тому же Гугону: „Если бы это было возможно, я желалъ бы, чтобы ты вполнѣ зналъ, какія тревоги меня гнетутъ и какой трудъ, ежедневно возобновляющійся, меня обременяетъ и, все возростая, сильно смущаетъ, для того, чтобы тобой овладѣло братское ко мнѣ состраданіе“ (R. II, 49). Наше сочувствіе къ Григорію ростетъ, когда у него вырывается горькое сознаніе, что страданіе есть удѣлъ истиннаго христіанина и неизбѣжно связано съ положеніемъ, которое онъ занимаетъ. „Ясно

изреченіе апостола, что всѣ желающіе жить благочестиво во Христѣ Іисусѣ будутъ гонимы (2 Тим. 3, 12). Съ апостольскимъ престоломъ сила этого изреченія,—говоритъ Григорій,—перешла и къ нему, какъ бы по праву наслѣдства: съ одной стороны норманны, многократные клятвопреступники, стремятся захватить имущество церкви, съ другой стороны, симонисты съ Генрихомъ, своимъ царемъ, во главѣ пытаются низвергнуть постановленія святыхъ отцовъ и всякую религію" (R. IV, 7). Въ этой увѣренности, что страданіе есть удѣлъ епископа, онъ черпаетъ новую силу сопротивляться врагамъ Господа и чести святой церкви: „если бы мы захотѣли потворствовать злой волѣ и неправдѣ царя и его сторонниковъ, мы нашли бы у этого царя и архіепископа (равеннскаго) такой почетъ и такое преданное служеніе, какого никогда не видалъ никто изъ нашихъ предшественниковъ отъ какого-либо изъ предшественниковъ царя или архіепископа. Но такъ какъ мы ни во что не ставимъ угрозы и услугу ихъ, мы готовы скорѣе смерть принять, если это понадобится, чѣмъ допустить ихъ нечестіе или сойти съ пути праведности".

И даже тогда, когда его церковная политика повергла Германію въ смуту и междоусобную войну, искренность его сожалѣній объ этомъ и чистота его намѣреній не подлежатъ для насъ сомнѣнію. „Какое великое горе засѣло въ моемъ сердцѣ,—пишетъ Григорій анти-королю Рудольфу,—отъ того, что я вижу, какъ царство тевтоновъ, до сихъ поръ благороднѣйшее изъ царствъ міра, разоряется, повергнутое въ смуту, и гибнетъ отъ пожаровъ, убійствъ и грабежей; какъ постоянно я это оплакиваю, тому свидѣтель лишь тотъ, кто вѣдаетъ сердца всѣхъ людей. Но въ виду того, что какъ римская строгость — Romana gravitas, такъ и апостольская кротость меня понуждаютъ идти среднимъ путемъ справедливости, мнѣ необходимо всевозможными способами заботиться о томъ, чтобы быть въ состояніи, по указанію св. Духа, отличить истинную справедливость отъ ложной и искреннее повиновеніе отъ притворнаго и довести дѣло надлежащимъ образомъ до конца" (R. ep. coll. № 26).

Но всего болѣе мы преклоняемся передъ трагическимъ образомъ Григорія послѣ пораженія, въ минуту горькаго разочарованія и глубокаго негодованія на то, что святое дѣло находитъ такъ мало защитниковъ среди христіанъ, и „вѣра Христова, усвоивъ нечестивый мірской обычай, обратилась, о, горе, почти ни во что и не только подпала знаменію дьявола, но и стала посмѣшищемъ іудеевъ, сарацинъ и язычниковъ. *Эти* вѣруютъ въ свой законъ и соблюдаютъ его—хотя онъ и непригоденъ для

спасенія душъ, не освященъ и не подтвержденъ никакими чудесами подобно нашему закону, многократно засвидѣтельствованному предвѣчнымъ царемъ. Мы же, опьяненные любовью къ міру и обманутые тщеславіемъ, ставящіе всякую религію и честь ниже страстей и высокомѣрія, являемся беззаконниками и какими-то безумцами" (R. ep. coll. 46). Жалуясь на то, какъ мало людей, которыми руководитъ страхъ предъ Господомъ или любовь къ нему, Григорій восклицаетъ: „Изъ скоротечности человѣческой жизни и свойства мірскихъ благъ мы заключаемъ, что лучшій епископъ тотъ, кто переноситъ преслѣдованіе ради правды, а потому мы предпочли, повинуясь божественнымъ велѣніямъ, навлечь на себя вражду нечестивыхъ, чтобы не вызвать нечестно, угождая имъ, гнѣвъ Божій" (R. VIII, 25).

Наше сочувствіе переходитъ въ высокое уваженіе, когда личное горе Григорія возростаетъ до міровой скорби: „Какъ часто я молилъ Іисуса, чтобы онъ или взялъ меня изъ этой жизни, или помогъ черезъ меня общей матери (письмо къ аббату Гугону), и однако онъ меня еще не избавилъ отъ великихъ тревогъ. И жизнь моя не принесла пользы, какъ я надѣялся, нашей матери, цѣпями которой онъ меня связалъ. Одолѣваетъ меня горе несказанное (circumvallat me dolor immanis) и скорбь всемірная (tristitia universalis): ибо восточная церковь по наущенію дьявола отступила отъ католической вѣры" и т. д.

Мы поэтому вѣримъ искренности Григорія, когда онъ въ отлученіи Генриха взываетъ къ апостоламъ: „Вамъ извѣстно, что не по охотѣ я принялъ священный чинъ, что противъ воли я удалился за горы съ папою Григоріемъ, но еще болѣе не охотно я съ папою Львомъ возвратился въ вашу опричную церковь, въ которой вамъ служилъ какъ могъ; а затѣмъ уже совершенно противъ воли, съ большимъ горемъ, стономъ и плачемъ я, весьма недостойный, былъ поставленъ на вашъ престолъ" (R. VII, 14).

Ставъ папою, онъ сдѣлался реформаторомъ по глубокому убѣжденію въ необходимости исправленія церкви. Онъ полагалъ, что „никто изъ живущихъ и самъ не видалъ и указать не можетъ въ преданіи и въ исторіи со временъ папы Сильвестра худшей поры для церкви". Съ благородной чистосердечностью онъ причиною главнаго зла выставляетъ епископатъ и выступаетъ его обличителемъ и исправителемъ: „Мы—глава и причина такого великаго зла, мы *вознесенные* (praelati) для управленія народами и поставленные епископами для спасенія душъ. Ибо добро и зло подданныхъ происходитъ отъ власти тѣхъ, кто при-

нялъ мірскія почести или духовное руководительство. Они же, если ищутъ лишь собственной славы и мірскихъ удовольствій, не могутъ жить безъ соблазна для народа и своего собственнаго" (R. II, 45).

Духовная реформа привела къ столкновенію съ мірскими властями, а это столкновеніе послѣ блестящаго торжества окончилось полнымъ пораженіемъ папы. Римъ отворилъ свои ворота отлученному отъ церкви императору, и грѣшникъ, недавно молившій папу о прощеніи въ Каноссѣ, теперь занималъ его дворецъ въ Латеранѣ; а на престолъ апостола на мѣсто Григорія былъ возведенъ отпавшимъ отъ него духовенствомъ его соперникъ и врагъ, архіепископъ равеннскій. Норманны выручили, правда, Григорія; но онъ не могъ оставаться въ опустошенномъ ими Римѣ и послѣдовалъ за ними въ изгнаніе, гдѣ его ожидала смерть. Къ этому времени относится посланіе Григорія, которое можно назвать его *апологіей* предъ міромъ и предъ потомствомъ. Онъ излагаетъ въ немъ свою программу, свои намѣренія и причины своего неуспѣха: „Главы народовъ и главы іереевъ съ великимъ множествомъ людей соединились во едино противъ Христа, Сына всемогущаго Бога, и противъ апостола Петра, чтобы уничтожить христіанскую вѣру и распространить еретическое нечестіе. Но по милости Божіей они не могли привлечь къ своей неправдѣ никакимъ страхомъ, никакой жестокостью, никакими обѣщаніями мірской славы тѣхъ, кто уповаетъ на Господа. Ибо ни по какой другой причинѣ они подняли на насъ руку въ нечестивомъ заговорѣ, какъ лишь по тому, что мы не хотѣли промолчать объ опасности святой церкви и (потворствовать) тѣмъ, кто не стыдился поработить невѣсту Христову. Во всѣхъ странахъ даже бѣднымъ женкамъ предоставляется по закону родины и по своей волѣ брать мужа; святой же церкви, невѣстѣ Господа и матери нашей, по желанію нечестивыхъ и скверному обычаю, не разрѣшается законно принадлежать на землѣ супругу своему согласно съ божественнымъ закономъ и съ собственною волею. Но мы не должны терпѣть, чтобы сыны святой церкви подчинялись власти еретиковъ-прелюбодѣевъ и вторгнувшихся въ нее чужаковъ"...

И примѣняя къ себѣ слова пророка, взываетъ Григорій: „волею или неволею, оставивши всякій стыдъ, всякій страхъ и всякую земную привязанность, я благовѣщаю (evangelizo): взываю, взываю и снова взываю и вамъ заявляю, что христіанская вѣра"... погибаетъ. Но почему же нечестивые торжествуютъ? Съ горькой ироніей указываетъ Григорій на причину: онъ видитъ

ее въ мірскомъ настроеніи людей, въ ихъ преступномъ равнодушіи къ небеснымъ благамъ:

„Посмотрите, — восклицаетъ онъ, — какъ ежедневно многія тысячи людей мірскихъ за своихъ господъ стремятся на встрѣчу смерти! за небеснаго же господина и искупителя нашего не только не идутъ на смерть, но даже остерегаются подвергнуть себя враждѣ горсти людей. И если бываютъ такіе—по милости Божіей они есть, хотя и очень мало,—которые изъ-за любви къ христіанскому закону пытаются открыто воспротивиться нечестивымъ до самой смерти, то они не только не находятъ помощи у братьевъ, какъ бы слѣдовало, но даже признаются неблагоразумными, несдержанными и сумасбродными“ (Dementes R. ep. coll. № 46). Никто не отнесется безучастно къ этому сѣтованію побѣжденнаго героя, который оставленъ своими и при этомъ сознаетъ, что его рвеніе о „христіанскомъ законѣ“ сочтутъ за безуміе. Но это рвеніе имѣетъ свою обратную сторону. Мы не можемъ забыть какъ часто Григорій VII взываетъ къ тому духу злобы, который одушевляетъ ветхозавѣтныхъ пророковъ въ борьбѣ съ отступниками Іеговы: „Ибо страшно гласитъ божественный законъ: да будетъ проклятъ человѣкъ, воздерживающій мечъ отъ пролитія крови“ (Іер. 48, 10). Григорій VII, правда, усвоиваетъ себѣ истолкованіе своего предшественника Григорія I: „воздерживать мечъ отъ крови, значитъ воздерживать слово проповѣди отъ истребленія плоти“. Но, какъ часто эти духовныя поученія съ римскаго епископскаго престола вели къ истребленію плоти не въ одномъ только смыслѣ монашескаго аскетизма. И мы не можемъ забыть, что уже у Григорія VII безпощадность доктрины была соединена съ тѣмъ оппортунизмомъ, который составляетъ характерную черту папской политики. По отношенію къ могущественному королю Англіи, Вильгельму Завоевателю, въ которомъ онъ нуждался, Григорій пишетъ своимъ легатамъ: „Къ его власти нужно относиться бережнѣе, и во вниманіе къ его праведности до нѣкоторой степени терпѣть упущенія его подчиненныхъ и любимцевъ“. Григорій оправдываетъ это тѣмъ, что король, „хотя ведетъ себя не такъ благочестиво, какъ мы бы желали“, но не разоряетъ и не продаетъ церквей, не вступаетъ въ союзъ противъ апостольскаго престола съ врагами креста Христова и т. д. Но этотъ политическій оппортунизмъ примѣняется папою не только къ королю, но и къ вельможамъ. Григорій совѣтуетъ не тревожить отлученіемъ тѣхъ дворянъ, которые помогали легатамъ въ борьбѣ противъ женатыхъ священниковъ и симонистовъ, т.-е. не тревожить ихъ от-

лученіемъ за захватъ церковной десятины. Пусть „ваша мудрость на время смягчитъ строгость каноновъ и въ это смутное время, кое-что щадя, кое-что и тая (dissimulando), пусть постарается такъ устроить, чтобы суровость справедливости не послужила къ ихъ ухудшенію". Григорій высказываетъ по этому случаю надежду, что въ болѣе спокойное время все будетъ возстановлено по *справедливости*. Однако, все это не только случайныя, вынужденныя уступки; проявляющійся въ нихъ взглядъ на дѣло возводится Григоріемъ въ принципъ церковной политики: „Обычай св. римской церкви, которой, по промыслу Божію, мы, хотя и недостойные, служимъ, таковъ: кое-что стерпѣть (tolerare), кое-что даже укрыть (dissimulare), болѣе держась увѣренности и такта, чѣмъ строгости каноновъ"... (R. V, 17).

Въ этихъ словахъ ярко обрисовывается личность того, кто ихъ написалъ. Эти слова служатъ наивнымъ, простодушнымъ выраженіемъ политики, которая потомъ роскошно расцвѣла въ отечествѣ Григорія VII и была возведена въ правило и принципъ знаменитымъ писателемъ, отпечатлѣвшимъ на ней свое имя. Въ устахъ Григорія эта политика служила интересамъ не итальянскаго принципа, а обширнаго духовнаго государства, которое должно было обнять весь міръ. Это было царство апостола Петра и его преемниковъ на римской каѳедрѣ. Это было царство Петра: но такъ какъ Петръ былъ поставленъ на царство Христомъ, то оно могло бы называться и царствомъ Христовымъ, царствомъ Бога—Regnum Dei. Это выраженіе очень рѣдко [1]) примѣняется къ церкви; но во всякомъ случаѣ Regnum Dei Григорія не есть Civitas Dei Августина. Я не настаиваю на различіи терминовъ regnum и civitas, хотя и это не случайно—эти два царства по существу различны. Но несмотря на это различіе, между ними есть тѣсная связь, связь преемственности. Одно царство явилось послѣ другого, развилось изъ него. Эта эволюція, которую можно прослѣдить въ измѣненіи понятія Царства Божія, есть отраженіе величайшаго историческаго процесса средневѣковой Европы, крупный шагъ факта Всеобщей Исторіи—эволюціи христіанства.

Словами: „мое царство не отъ міра сего" Христосъ опредѣлилъ значеніе своей проповѣди: эта проповѣдь обратила всѣ помыслы христіанъ къ сверхчувственному, загробному міру. Христіанство было призывомъ загробнаго міра къ земному. Первые

[1]) Выраженіе Regnum Dei намъ встрѣтилось у Григорія не болѣе 5 разъ; въ 4 случаяхъ оно означаетъ у него царство небесное, какъ въ Дѣян. Ап. 14, 22; при чемъ Григорій два раза прибавляетъ имя Христа — in regno Christi et Dei. Одинъ разъ regnum Dei можетъ быть у Григорія понято въ смыслѣ церкви.

христіане ежеминутно ожидали наступленія этого загробнаго міра. Такое тревожное ожиданіе конца міра не скоро успокоилось и улеглось. Но постепенно, однако, христіане привыкли смотрѣть на себя, какъ на гражданъ земного міра. Паденіе язычества и принятіе императорами христіанства было поворотнымъ пунктомъ этого процесса. И какъ разъ въ этотъ моментъ пламенная религіозность Августина начертала передъ христіанами неизгладимыми чертами образъ вѣчнаго града Божьяго, охватывающаго загробный міръ и тѣхъ странниковъ по землѣ, которые жили мыслью о загробномъ мірѣ. Въ царствѣ Божіемъ Августина проявилась вся сила и глубина христіанскаго стремленія къ небесному и духовному — съ полнымъ отреченіемъ отъ земного. Нѣтъ другого сочиненія, въ которомъ бы такъ ярко обнаружилось, что сущность и цѣль первоначальнаго христіанства подъемъ надъ міромъ—das Jenseits. Будучи памятникомъ высокаго христіанскаго спиритуализма, книга Августина стала живымъ источникомъ для слѣдующихъ поколѣній. Но христіанство не удержалось на высотѣ спиритуалистическаго идеала. Съ исчезновеніемъ антагонизма между языческимъ государствомъ и христіанскимъ обществомъ сталъ ослабѣвать контрастъ между небеснымъ и земнымъ; мірскіе интересы и заботы стали проникать въ міръ духовный; небесное стало представляться въ земныхъ формахъ. То самое учрежденіе, которое должно было вести христіанъ къ ихъ небесному отечеству, подвергнувшись общей матеріализаціи, стало играть первенствующую роль въ приноровленіи христіанства къ земнымъ интересамъ, въ превращеніи царства Божьяго въ земное царство викарія Христа. Зодчіе этого царства строятъ его земными средствами, не пренебрегая ни насиліемъ, ни интригой; самый небесный идеалъ служитъ средствомъ для созиданія того царства, которое все болѣе и болѣе принимаетъ формы земного государства, такъ что административныя и финансовыя учрежденія церкви становятся образцами для земныхъ государствъ, а правители церкви—учителями и руководителями государственныхъ людей. Въ этомъ историческомъ процессѣ исторія Григорія VII представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе интересныхъ моментовъ: его личность, сопоставленная съ Августиномъ, показываетъ, какъ великъ былъ путь, пройденный для созданія земного царства церкви; его политика открываетъ намъ дальнѣйшую программу этого царства. Божье царство Августина есть образъ церкви въ ея неземномъ, спиритуалистическомъ представленіи; царство, являющееся лишь *странникомъ* на землѣ (civitas quae peregrinatur in terris; Aug. De C.

XIX, 17). Божье царство Григорія VII —царство земной церкви, которая крѣпко владычествуетъ на землѣ и самое небо обратила въ одну изъ своихъ провинцій, обладая ключами къ нему, правомъ вязать и рѣшать на небѣ и на землѣ. Августинъ—пророкъ неземной церкви съ ея идеаломъ отреченія отъ міра, Григорій VII—вождь мірской воинствующей церкви, ведущій ее къ власти надъ міромъ; онъ предшественникъ Иннокентія III съ его данниками-королями, съ его крестоносцами, мечомъ завладѣвающими Константинополемъ и истребляющими альбигойцевъ; съ его монахами-проповѣдниками, вооруженными огнемъ инквизиціи.

Нельзя не сдѣлать оговорки относительно идеала „Божьяго Царства", приписываемаго Григорію VII, нельзя оставить безъ возраженій и другой руководящей идеи въ книгѣ кн. Трубецкого, будто бы борьба папства съ имперіей была борьбою *двухъ теократій*. Въ первомъ случаѣ, отсутствіе исторической перспективы привело къ отождествленію идеаловъ двухъ разныхъ вѣковъ, и провозглашеніе священной римской имперіи теократіей вноситъ въ исторію неточную и сбивчивую терминологію. Авторъ книги видитъ не только въ папствѣ святительскую теократію, но и въ средневѣковой имперіи теократію царскую, а въ спорѣ объ инвеституръ—частное проявленіе борьбы двухъ пониманій, двухъ формъ теократіи—царской и святительской.

Чтобы судить о томъ, правильно ли такое опредѣленіе, необходимо условиться относительно смысла слова *теократія*, и въ диссертаціи по государственному праву такое опредѣленіе было бы тѣмъ болѣе необходимо.

Сдѣлать это и теперь не лишнее потому, что мысль о теократическомъ характерѣ священной римской имперіи и о томъ, что борьба между папствомъ и имперіей—борьба двухъ теократій,—была встрѣчена съ сочувствіемъ и грозитъ обратиться въ какую-то аксіому. Нужно признаться, что слово теократія нерѣдко употребляется въ неточномъ смыслѣ этого термина: или въ слишкомъ широкомъ, когда подъ него подводятся всевозможныя явленія политической жизни, въ которыхъ хотятъ отмѣтить преобладаніе религіознаго элемента, или же, напротивъ, въ очень узкомъ смыслѣ, въ примѣненіи только къ одному классу явленій. Такъ, напр., авторъ вышедшей въ 1894 г. книги: „Церковь и государство въ Женевѣ въ XVI вѣкѣ", Р. Випперъ, возражая историку Кампшульте, подводившему „женевскій режимъ подъ понятіе теократіи", съ своей стороны замѣтилъ о „женевскихъ

порядкахъ", что они представляли „нѣчто непохожее на теократію въ смыслѣ подчиненія государства церкви".

Если бы авторъ „Религіозно-общественнаго идеала XI-го вѣка" усвоилъ себѣ приведенную формулу, что теократія означаетъ подчиненіе государства церкви, то онъ имѣлъ бы право называть теократіей средневѣковое папство—по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія его идеала и притязаній, но очевидно лишилъ бы себя права видѣть теократію въ священной имперіи, правители которой, наоборотъ, стремились подчинить папство и церковь государству! Что же разумѣетъ кн. Трубецкой подъ теократіей? Въ его книгѣ мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ этотъ терминъ, но нигдѣ не находимъ его опредѣленія.

Мы допускаемъ, что историку можно предоставить нѣкоторый просторъ въ терминологіи; конкретныя историческія формы такъ разнообразны и сложны, что при обозначеніи ихъ историкъ бываетъ вынужденъ отступать отъ терминологіи юриста; но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ юристомъ и, что въ данномъ случаѣ еще важнѣе, имѣемъ передъ собой не простое историческое повѣствованіе, а *тезисъ*, который проводится въ исторію. Съ точки зрѣнія этого тезиса дѣлается упрекъ всей западноевропейской исторіографіи, что она проглядѣла самую существенную черту одного изъ крупнѣйшихъ историческихъ явленій въ исторіи запада, священной римской имперіи, и не замѣтила, что она теократія!

Но что же такое теократія? Изъ сопоставленія этого термина съ аналогическими и болѣе понятными терминами: монархія, аристократія и демократія,—вытекаетъ прежде всего, что подъ теократіей слѣдуетъ разумѣть такой политическій строй, въ которомъ власть и управленіе принадлежатъ не монарху, не народу, а божеству. Но такое опредѣленіе еще недостаточно потому, что *боговластіе*, т.-е. признаніе Божьей власти или воли высшимъ источникомъ всякой власти, не исключаетъ ни монархіи, ни демократіи; напротивъ, и монархи и народы выводили свою власть отъ Бога и опирались на Божью волю въ своихъ политическихъ притязаніяхъ. Дѣло въ томъ, что политическій порядокъ можетъ быть разсматриваемъ какъ частное проявленіе мірового порядка, и тамъ, гдѣ міръ признается твореніемъ и проявленіемъ воли божества, и государственная власть и ея формы почитаются установленными этою волею. Въ религіозномъ смыслѣ весь міръ есть теократія, т.-е. проявленіе боговластія, а съ этой точки зрѣнія вездѣ, гдѣ почитается слово апостола: „нѣсть бо власти, аще отъ Бога", можетъ идти рѣчь о теократіи. Но

вѣра въ божественный промыселъ въ судьбахъ міра, а слѣдовательно и въ судьбахъ государства, еще не составляетъ признака теократіи въ государственно-правовомъ смыслѣ. Когда во время французской революціи Мирабо отстаивалъ старинный титулъ Людовика XVI: „король, царствующій Божьей милостью", противъ тѣхъ, кто доказывалъ несовмѣстимость этого титула съ провозглашеніемъ принципа народовластія, краснорѣчивый трибунъ заявилъ, что этотъ титулъ въ новой конституціи будетъ выражать собою лишь убѣжденіе французскаго народа, что нѣтъ власти, которая была бы не отъ Бога. И ужъ конечно отъ внесенія словъ „Божіей милостью" въ конституцію 1791 г. революціонная Франція не стала бы теократическимъ государствомъ. Отсюда видно, что господствовавшее въ средніе вѣка представленіе о боговластіи въ мірѣ и о происхожденіи всѣхъ властей отъ Бога не можетъ служить основаніемъ для причисленія средневѣковыхъ государствъ къ теократіямъ. Но существовали ли въ мірѣ безспорныя теократіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ поможетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ установить и существенный признакъ теократическаго государства.

Исторія представляетъ намъ теократію двухъ типовъ: первобытную, основанную на смѣшеніи божественнаго и человѣческаго, вѣчнаго и скоротечнаго, когда правитель непосредственно признается божествомъ или воплощеніемъ божества, какъ, напр., Далай-Лама, и другую, болѣе совершенную, вытекающую изъ болѣе высокаго представленія о божествѣ, какъ о началѣ сверхміровомъ, противоположномъ ничтожеству человѣка. Образчикъ такой теократіи представляетъ намъ первоначальный исламъ. Въ исламѣ Магометъ, посланникъ Божій, возвѣщалъ людямъ волю Аллаха и управлялъ ими на основаніи ему одному извѣстныхъ велѣній Аллаха, соединяя въ своемъ лицѣ пророка и царя, устанавливая „чтеніями", т.-е. кораномъ, и религіозные догматы и политическій строй, и семейный бытъ, и гражданскіе законы правовѣрныхъ. Руководясь изреченными Магометомъ велѣніями Аллаха, управляли мусульманами и намѣстники пророка, Халифы. Исходя изъ этого образчика теократіи, мы можемъ установить ея существенный признакъ: божественность земного правителя, или—въ болѣе высокихъ культурныхъ формахъ—*божественное откровеніе*, какъ источникъ и принципъ власти и законодательства. Чтобы говорить о теократіи, нужно не только, чтобы правитель обладалъ спеціальной религіозной миссіей, монополіей говорить съ людьми именемъ божества, но чтобы его религіозной миссіей регулировалась *вся* жизнь подвластныхъ ему людей,

чтобы не было на ряду съ даннымъ ему откровеніемъ самостоятельнаго источника власти и закона.

Это опредѣленіе даетъ намъ мѣрку для оцѣнки тѣхъ историческихъ явленій, которыя подлежатъ нашему обсужденію. Если мы сопоставимъ христіанство съ исламомъ, Евангеліе съ Кораномъ, то убѣдимся, что христіанство ни по своему существу, ни по историческимъ судьбамъ своимъ не благопріятствовало развитію на его почвѣ теократіи. Слова Христа: „мое царство не отъ міра сего“, не допускаютъ теократіи, которая предполагаетъ земное царство съ мірскими цѣлями и интересами и во всякомъ случаѣ мірскую власть и мірскія средства, хотя бы для осуществленія религіозныхъ задачъ. А затѣмъ христіанство возникло и распространилось не среди вольныхъ кочевниковъ пустыни, а въ цивилизованномъ государствѣ съ сильнымъ развитіемъ политической власти и съ сложными политическими интересами и формами. Послѣдователи Христа составили въ этомъ государствѣ особое религіозное сообщество—экклесію. Между этою *церковью* и языческимъ государствомъ существовалъ полный *антагонизмъ*; а когда языческій глава государства принялъ христіанство, церковь отъ этого не стала государствомъ, а государство не вобрало въ себя церкви, но прежній антагонизмъ между экклесіей христіанъ и государствомъ язычниковъ преобразился, въ христіанскомъ государствѣ, въ дуализмъ между царствомъ и священствомъ, regnum et sacerdotium. Этотъ принципіальный неискоренимый дуализмъ [1]) перешелъ изъ римской имперіи въ средневѣковыя государства и мѣшалъ на христіанской почвѣ установленію теократіи. Какъ ни заходило потомъ далеко смѣшеніе небеснаго и земного, религіознаго и политическаго, церковнаго и государственнаго, какъ ни значительны бывали захваты съ той или другой стороны, всегда въ церкви оставалась область заповѣдная для государственной власти; всегда оставалась съ другой стороны область мірской жизни, на которую не простирала своей власти церковь. Послѣдней въ феодальные вѣка, конечно, было не чуждо стремленіе къ полному подчиненію себѣ міра, и въ этомъ смыслѣ—къ теократическому идеалу. Это было такъ не только потому, что духовенство по образованію и по своимъ болѣе высокимъ идеаламъ преобладало надъ представителями го-

[1]) Мы сошлемся по этому вопросу на того ученаго, которому кн. Трубецкой посвятилъ свою книгу, на Б. Н. Чичерина. См. его „Курсъ государственной науки“, т. I, гдѣ въ главѣ о теократіи не упоминается о священной римской имперіи, несмотря на подробное изображеніе всѣхъ различныхъ полныхъ и неполныхъ формъ теократіи.

сударственной власти; не только потому, что мірскіе интересы церкви, связанные съ ея обширнымъ землевладѣніемъ и феодальными правами, толкали ее на путь захвата мірской власти; главная причина стремленія церкви къ господству заключалась въ томъ, что въ феодальную эпоху въ рукахъ свѣтскихъ властей оказались такіе аттрибуты духовной власти, такія существенныя ея права, что церковь была вынуждена вступить въ борьбу съ государствомъ, а изгоняя его изъ чуждой ему области, сама посягнула на автономію государственной власти. На этой почвѣ и возникли тѣ явленія, которыя могутъ служить оправданіемъ примѣненію терминовъ „теократія“ и „теократическій“ къ католицизму. Въ двухъ случаяхъ встрѣчается такое примѣненіе къ политическимъ явленіямъ, созданнымъ католицизмомъ,—во-первыхъ, по отношенію къ территоріямъ, во главѣ которыхъ стояло духовное лицо, и между которыми далеко выдающееся мѣсто занимаетъ существовавшая до нашего времени Папская область. Но въ строгомъ смыслѣ слова нельзя назвать теократіями ни курфиршества кёльнское и трирское, ни Папскую область. Кёльнскій и трирскій архіепископы были вассалами свѣтскаго государя и были подчинены свѣтскимъ законамъ германской имперіи; папа же хотя и сталъ впослѣдствіи государемъ въ церковной области, но его государственная власть покоилась не на теократическомъ основаніи, а—по римской же традиціи—на дареніи свѣтскаго императора. Конечно болѣе основаній называть теократіей самое папство во время высшаго расцвѣта его могущества: здѣсь мы находимъ теократическое *основаніе* власти—папа присвоиваетъ себѣ званіе намѣстника не только св. Петра, но намѣстника божьяго; онъ стремится сдѣлать одного государя за другимъ данникомъ или вассаломъ св. Петра; заявляетъ право не только на коронованіе императора, но и на назначеніе его; но и здѣсь дѣло не шло далѣе попытокъ и притязаній. При томъ, а это главное, папы никогда не заявляли притязаній на то, чтобы упразднить, *абсорбировать* въ себѣ императорскую власть, никогда не требовали подчиненія всей гражданской и политической жизни церковному началу; каноническое право не вытѣсняло ни римскаго, ни феодальнаго, и дуализмъ сохранился какъ въ гражданскомъ правѣ (doctor utriusque juris), такъ и въ правѣ государственномъ (regimen и sacerdotium); а при такомъ дуализмѣ не можетъ быть настоящей теократіи. И дѣйствительно, католицизмъ и папство представляютъ собою скорѣе *іерократію*, чѣмъ *теократію*, владычество духовенства надъ мірянами, а не единаго боговластія въ мірѣ; теорія двухъ мечей никогда не была забыта, и хотя бого-

словы требовали, чтобы и другой мечъ подчинялся папѣ (alter suo nutu, alter sua manu), но границы между духовною и свѣтскою областью не были совершенно стерты. Затѣмъ католическая *іерократія* взывала только къ божественному, религіозному источнику своей власти, но мало заботилась о томъ, чтобы преслѣдовать въ жизни теократическія задачи, т.-е. дать ей единый религіозный строй. Напротивъ, чѣмъ притязательнѣе становилась власть папской іерократіи, тѣмъ болѣе она утрачивала религіозный характеръ и становилась свѣтскою властью.

Но вотъ іерократія исчезла въ значительной части Европы, и именно тамъ, гдѣ она исчезла, мы встрѣчаемъ вспышки новаго теократическаго духа и попытки организовать полный теократическій строй. Случилось это потому, что съ устраненіемъ іерократіи и ея исключительнаго права быть истолковательницей откровенія, должны были подъ вліяніемъ религіознаго настроенія времени являться другіе глашатаи откровенія. Такъ это и было на почвѣ протестантскаго сектантства во время его бурнаго, революціоннаго періода. Типическимъ представителемъ этого движенія былъ Ѳома Мюнцеръ, который, не довольствуясь протестантскимъ принципомъ возвращенія къ евангельскому откровенію, противопоставилъ ему *внутреннее* откровеніе, пониманіе св. писанія не по *буквѣ*, а по духу. Въ это внутреннее откровеніе Мюнцеръ внесъ всѣ революціонные страсти и идеалы своей среды и выступилъ проповѣдникомъ новаго, божьяго порядка или царства на землѣ, основаннаго на божественной справедливости и истребленіи нечестивыхъ. Подойти ближе къ осуществленію грезившагося ему божьяго царства удалось Яну Лейденскому, установившему на короткое время свою власть пророка и царя на мѣсто епископа мюнстерскаго.

Но и на почвѣ чистаго протестантизма, при господствѣ принципа библейскаго откровенія встрѣчаются формы съ теократическимъ оттѣнкомъ, а именно, въ кальвинизмѣ. Здѣсь на романской почвѣ какъ бы воскресаютъ теократическія стремленія среднихъ вѣковъ; онѣ выражаются не въ притязаніяхъ на божественное происхожденіе власти, такъ какъ іерократіи нѣтъ, а въ задачѣ, которая ставится власти—установить на землѣ основанный на божественномъ законѣ порядокъ.

Въ виду этого правительство, состоящее изъ мірянъ и проповѣдниковъ, опредѣляетъ прежде всего самый божественный законъ, установляя символъ вѣры и катехизисъ; оно принимаетъ мѣры, чтобы граждане знали этотъ катехизисъ и посѣщали проповѣдь; религіозный законъ становится регуляторомъ гражданской

жизни и общественныхъ нравовъ; правительство допытывается до религіознаго образа мысли гражданъ, и гражданскій мечъ караетъ за религіозныя провинности; сфера религіозной вины захватываетъ не только гражданскіе преступленія и проступки, но дѣйствія, безразличныя въ нравственномъ отношеніи, и весь житейскій бытъ; однимъ словомъ, правительство добивается осуществленія политическими средствами религіозно-нравственнаго обновленія общества.

Изъ предшествовавшаго изложенія вытекаетъ, что понятіе теократіи обусловливается тремя существенными признаками: божественностью правителя, божественностью закона, управляющаго гражданской жизнью, и божественностью цѣли, преслѣдуемой государствомъ. Обратимся теперь съ этой точки зрѣнія къ предположенію, что средневѣковая германская имперія представляла собою *теократію*. Нужно при этомъ сказать, что этотъ терминъ употребляется въ разсматриваемой нами книгѣ не какъ метафора; слово теократическій въ примѣненіи къ имперіи не является въ ней лишь красующимъ (ornaus) эпитетомъ, какъ слово *священный* по отношенію къ той же имперіи, или *католическій* по отношенію къ испанской монархіи. Теократическій характеръ имперіи признается въ книгѣ чѣмъ-то настолько реальнымъ, что имъ объясняется политика императоровъ и самыя событія. Мы имѣемъ передъ собою слѣдующій тезисъ: споръ объ инвеституръ въ священной римской имперіи не есть столкновеніе между церковью и чисто свѣтскимъ государствомъ: онъ представляетъ собою частное проявленіе борьбы двухъ пониманій, двухъ формъ теократіи—царской и святительской. Этого нельзя понять иначе какъ такъ: если бы имперія не была теократіей, то не было бы и спора объ инвеституръ; только на теократическомъ характерѣ своей власти Генрихъ IV основывалъ свое право давать инвеституру епископамъ. Но такъ ли это? Что это не такъ, видно изъ самой книги. Мы встрѣчаемъ въ ней, напримѣръ, утвержденіе, что инвеститура—„необходимое жизненное условіе единства и цѣлостности германскаго королевства и имперіи“. Зачѣмъ было бы упоминать о королевствѣ германскомъ, если бы инвеститура истекала изъ понятія теократической имперіи? Королевство германское и имперія германская въ средніе вѣка—два совершенно различныхъ политическихъ понятія. Поэтому, если инвеститура была принадлежностью имперіи, то она не могла бы быть жизненнымъ условіемъ королевства; если же она—принадлежность королевства, то она теряетъ свою связь съ предполагаемой императорской теократіей, и этимъ подрывается

тезисъ, что имперія есть форма царской теократіи. Въ этой дилеммѣ справедлива вторая часть: инвеститура есть принадлежность германскаго королевства, а не имперіи. Въ борьбѣ за инвеституру заинтересована прежде всего власть германскихъ королей; *эта* власть, а не императорская, есть источникъ права инвеституры; эта королевская власть имѣетъ свои права и задачи независимо отъ имперіи; она существовала раньше имперіи. Управленіе церковью въ Германіи было прежде всего дѣломъ ея *короля*. Самый великій изъ императоровъ германскихъ, Оттонъ I, правилъ государствомъ и церковью 26 лѣтъ въ качествѣ короля и только 11 лѣтъ въ санѣ императора. Генрихъ II, такъ усердно занимавшійся церковными дѣлами, половину своего царствованія былъ королемъ и полученіе императорской короны не провело замѣтной черты въ его дѣятельности, а противникъ Григорія VII, Генрихъ IV, короновался императоромъ лишь не задолго до смерти Григорія. Разбираемый здѣсь тезисъ объ инвеституръ, приводя ее въ связь съ теократическимъ характеромъ императорской власти, затемняетъ оба эти представленія. Инвеститура не вытекала ни изъ теократіи, ни изъ идеи имперіи, а изъ положенія епископата въ феодальномъ государствѣ. Въ особенности она была необходима германскому королю, независимо отъ того, удавалось ли ему добыть себѣ императорскій титулъ или нѣтъ. Нужно помнить, что епископства всей сѣверной Германіи были основаны и созданы королями, что ихъ территоріальныя богатства и права были дарованы имъ королями [1]), что политика королей сдѣлала епископовъ главными органами государственной власти—ея сановниками, Beamten,—а потомъ возвысила ихъ на степень владѣтельныхъ князей въ противовѣсъ свѣтскимъ князьямъ. При чемъ тутъ теократія!?

Невыдержанность теократической теоріи, проводимой въ книгѣ, можно отмѣтить и въ другомъ еще отношеніи. Исходнымъ пунктомъ этой теоріи служитъ представленіе о *единствѣ божескаго царства* на землѣ, приписываемое авторомъ публицистамъ XI в. какъ общій идеалъ. Изъ этого представленія о единствѣ божескаго царства на землѣ авторъ выводитъ *два пониманія, двѣ формы теократіи, царскую* и *святительскую*, т.-е. папство и имперію. Если стать на эту точку зрѣнія и считать эту аргументацію достаточною для признанія германской имперіи *теократіей*, то во всякомъ случаѣ существеннымъ условіемъ такой

[1]) Справедливо взываетъ къ своимъ товарищамъ епископъ альбскій: „Въ домѣ Господнемъ вы насаждены руками короля“.

теократіи должно быть *единство* власти; средневѣковая имперія будетъ нами признана теократіей въ силу того, что она—по крайней мѣрѣ по своей идеѣ—міровая держава, что императоръ,—по крайней мѣрѣ по своимъ притязаніямъ,—облеченъ всемірною властью. Но если это все такъ, то можетъ быть только *одно* теократическое государство на землѣ, единая христіанская имперія,—та, о которой мечталъ Данте, когда она была уже въ развалинахъ. Въ XI вѣкѣ съ точки зрѣнія аргументаціи кн. Трубецкого не могло быть другихъ теократическихъ государствъ, а между тѣмъ, мы встрѣчаемъ въ его книгѣ утвержденіе, что „Франція не была въ такой степени, какъ Германія, теократическимъ государствомъ“ (стр. 95). Отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, что Франція при первыхъ Валуа, при тѣхъ слабыхъ корольхъ,—которымъ непокорные вассалы говорили, что ихъ владѣльческія права не хуже королевскихъ,—была теократическимъ государствомъ, хотя и не въ такой степени, какъ Германія. Отсюда далѣе слѣдуетъ, что не только священная римская имперія, но и Германія, т.-е. германское королевство, была теократіей, ибо—какъ сказано въ текстѣ—ея король былъ „первосвященникомъ въ своей странѣ, назначая въ ней епископовъ“. Но если это такъ, то и Англія, гдѣ короли назначали епископовъ, была теократіей. Гдѣ же въ такомъ случаѣ будетъ конецъ теократіямъ, существовавшимъ на ряду съ *единой* императорской теократіей?

Указанная неточность терминологіи есть слѣдствіе увлеченія понятіемъ теократіи со стороны автора книги. Понятіе это внесено имъ извнѣ и прилагается къ фактамъ, ему не поддающимся,—отсюда неизбѣжная натяжка въ ихъ истолкованіи. Разбирая въ одномъ мѣстѣ своей книги „ошибочность аргументаціи“ Григорія VII въ пользу права папы низлагать царей, князь Трубецкой говоритъ: „задача изслѣдователя заключается лишь въ томъ, чтобы объяснить исторически—*почему произошли эти ошибки*“. Примѣнимъ же къ самому автору это заключеніе и объяснимъ, что̀ вводило его въ заблужденіе? Прежде всего, своеобразныя отношенія между церковью и государствомъ въ средніе вѣка—крайняя сложность и запутанность этихъ отношеній. Съ одной стороны, церковь владычествуетъ надъ мірянами, слѣдовательно, и надъ государствомъ; съ другой стороны, свѣтской власти предоставлено столько вліянія въ церкви, что идетъ рѣчь о ея правленіи церковью — regimen ecclesiae, что императору дается титулъ правителя церкви—rector ecclesiae. Но мы не должны забывать, что этотъ regimen ecclesiae—эти права короля надъ церковью не теократическаго происхожденія. При установленіи

своей власти въ завоеванной Галліи франкскіе короли захватили право назначать епископовъ, право, перешедшее и къ германскимъ королямъ; феодализація государства и церкви еще болѣе усилила право свѣтской власти надъ церковью; завоеваніе языческихъ областей и организація въ нихъ церковныхъ учрежденій возвысили положеніе королей въ церкви; необходимость созывать соборы епископовъ для обсужденія церковно-политическихъ дѣлъ предоставила королямъ возможность вмѣшиваться въ чисто-церковныя дѣла; наконецъ, анархія въ Римѣ и паденіе папства дали поводъ германскимъ королямъ брать на себя устроеніе не мѣстной только церкви, а католической, т.-е. вселенской, съ точки зрѣнія Запада. Отсюда та религіозная окраска, которую получила свѣтская власть, въ особенности императорская—тотъ „теократическій оттѣнокъ“ послѣдней, на который указываетъ выраженіе Зибеля: theocratisch gefärbte Weltmonarchie.

Этотъ теократическій оттѣнокъ, которому не соотвѣтствовалъ дѣйствительный характеръ свѣтской власти, былъ кромѣ того наложенъ на нее церковной литературой—другой въ то время не было; характеръ этой литературы—*вторая* причина заблужденія, въ которое впалъ авторъ книги „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства“. Наиболѣе для насъ интересный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слабый отдѣлъ книги представляютъ страницы, на которыхъ авторъ излагаетъ взглядъ публицистовъ императорской партіи на права и положеніе императора въ церкви. Страницы эти интересны, потому что здѣсь собрано авторомъ все, что онъ могъ найти въ подтвержденіе своей мысли о теократическомъ характерѣ и *теократической миссіи* имперіи. Но эти страницы интересны еще потому, что здѣсь особенно ясно обнаруживается причина заблужденія автора—увлеченіе изучаемой имъ литературой, вслѣдствіе котораго онъ изъ-за риторическихъ прикрасъ и политическихъ аргументовъ средневѣковыхъ публицистовъ забываетъ объ исторической дѣйствительности.

На первомъ планѣ защитниковъ „царской теократіи“ поставленъ у кн. Трубецкого Бенцонъ, епископъ города Альбы, въ сѣверной Италіи. Онъ пострадалъ за дѣло императора, лишился своей каѳедры, бѣдствовалъ и былъ принужденъ искать у Генриха IV защиты и даже куска хлѣба. Понятно, что онъ въ своихъ трактатахъ и стихотвореніяхъ является самымъ горячимъ апологетомъ правъ и притязаній императора. Ему нашъ авторъ приписываетъ мысль, что „власть императора теократическая по своему происхожденію и по своей миссіи“. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ, что, по словамъ Бенцона, импе-

раторъ—викарій божій, свыше поставленный надъ всѣми земными властями, какъ надъ всѣми царствами. „Образъ Бога Вышняго, онъ какъ бы второй создатель на землѣ". Далѣе мы, однако, читаемъ, что, по Бенцону, значеніе императора, какъ повелителя вселенной, принадлежитъ ему, какъ римскому цезарю. Дѣйствительно, Бенцонъ восхваляетъ, какъ предшественниковъ императора Генриха, Веспасіана и даже Тиберія, и этого именно въ особенности. Это обстоятельство весьма важно: оно показываетъ, что даже самый крайній приверженецъ теоріи божественной санкціи императорской власти не могъ забыть о языческомъ, мірскомъ ея происхожденіи. Объ этомъ Бенцонѣ кн. Трубецкой далѣе говоритъ: „Въ качествѣ „викарія божія" императоръ въ своемъ царствѣ долженъ распоряжаться чинами и должностями, въ томъ числѣ и епископскими каѳедрами. Не подлежитъ сомнѣнію, что Бенцонъ имѣетъ здѣсь въ виду ту самую императорскую и королевскую инвеституру, законность коей оспаривается папской партіей" (262). Это очень характерно. Вѣдь въ этихъ словахъ ключъ къ теоріи кн. Трубецкого объ инвеституръ. Этотъ авторъ находитъ у одного изъ писателей XI в. мысль о теократическомъ происхожденіи инвеституры и эту мысль возводитъ въ тезисъ своей диссертаціи и основной принципъ средневѣковой исторіи. Кто же, однако, этотъ Бенцонъ? Прекрасно характеризовалъ его одинъ изъ предшественниковъ [1]) кн. Трубецкого въ своей монографіи объ этомъ раннемъ публицистѣ: „Какъ всѣ романтики, Бенцонъ впадаетъ въ дурную (schlimme) ошибку односторонности. Пренебреженіе къ реальнымъ условіямъ жизни повело къ тому, что онъ сталъ нѣсколько фантастическимъ теоретикомъ. Какъ скоро дѣло идетъ о томъ, чтобы расписать императору свой политическій идеалъ, Бенцонъ не принимаетъ въ разсчетъ данныхъ отношеній. Фразы такого публициста не должны быть принимаемы за чистую монету и заслонять дѣйствительности: и какъ разсужденія Бенцона о томъ, что инвеституpa вытекала изъ теократическаго принципа императорской власти не измѣняетъ реальнаго характера инвеституры, такъ точно и титулъ „викарій божій", который даетъ Бенцонъ императору, не превращаетъ имперію въ теократическое учрежденіе".

По отношенію къ другому писателю-имперіалисту мы читаемъ: „Рядомъ ссылокъ на свѣтское законодательство римскихъ императоровъ и на творенія св. отцовъ (стр. 435—437) Крассъ доказываетъ теократическую миссію имперіи". По справкѣ ока-

[1]) Lehmgrübner. Benzo v. Alba, p. 122.

зывается, что на этихъ страницахъ приводится законъ императора Константина о закрытіи языческихъ храмовъ и воспрещеніи жертвоприношеній, а затѣмъ, по обычаю средневѣковыхъ компиляторовъ, слѣдуютъ выписки изъ разныхъ указовъ другихъ римскихъ и византійскихъ императоровъ, а также изъ писемъ нѣкоторыхъ папъ, указывающія на ихъ заботу объ интересахъ христіанской вѣры. Всего этого, конечно, недостаточно, чтобы на этомъ основаніи причислять Красса къ публицистамъ, доказывавшимъ теократическую миссію имперіи XI вѣка. Напротивъ, Крассъ отстаивалъ положеніе, что церковь и государство двѣ *различныя* власти (potestates distinctae), священство и правительство (imperium)—двѣ установленныя Господомъ самостоятельныя области, что Господь поставилъ въ человѣчествѣ два закона, два народа, двѣ власти.

Обсужденіе другихъ мѣстъ, приведенныхъ изъ публицистовъ XI в., было бы неумѣстно на страницахъ журнала и *безцѣльно*. При самомъ благопріятномъ для автора истолкованіи ихъ можно было бы прійти лишь къ слѣдующему заключенію: нѣкоторые изъ публицистовъ императорской партіи представляли императорскую власть въ видѣ теократіи и приписывали ей теократическую миссію. Но такое заключеніе не будетъ служить доказательствомъ тому, что германская имперія *была* теократіей и что борьба имперіи съ папствомъ была борьбою *двухъ* теократій. А въ этомъ-то и суть дѣла. Помимо указанной выше сбивчивости въ употребленіи термина *теократія*, мы замѣчаемъ относительно самой идеи теократіи то самое упущеніе, какое отмѣтили по поводу идеи божьяго царства. Увлекшись самой идеей, авторъ не принялъ въ разсчетъ различія эпохъ, не разсматривалъ явленій, въ которыхъ выражалась идея, съ точки зрѣнія исторической эволюціи.

Если мы приступимъ къ изученію имперіи въ эпоху Генриха IV безъ предвзятой мысли о теократіи, а съ отчетливымъ опредѣленіемъ этого понятія, то мы скоро убѣдимся, что имперія не была теократія. Но откуда же теократическія черты въ твореніяхъ нѣкоторыхъ публицистовъ того времени?

Въ нѣмецкой литературѣ, которую кн. Трубецкой упрекаетъ въ непониманіи теократическаго характера имперіи, существуетъ весьма ясное и дѣльное освѣщеніе этого вопроса [1]). Кромѣ идеи божескаго царства, надъ средними вѣками господствуетъ

[1]) См. Gierke. Die Staats- und Korporationslehre des Alterthums und Mittelalters.

еще другая идея, также связанная съ именемъ Августина—представленіе о единствѣ міроздапія. Сознаніе единства и мірового порядка было такъ глубоко, что самый принципъ единства былъ предметомъ поклоненія, а принципъ раздвоенія и двойственности или *двоица*—предметомъ отвращенія. Единство прославляется и поэтами и богословами, у Данте и у Ѳомы Аквинскаго, какъ принципъ и корень добра (maxime unum есть maxime bonum), а двоица, какъ корень зла признается нечестивою (binarius numerus infamis). Первая глава книги кн. Трубецкого богата относящимися сюда указаніями на литературу XI вѣка.

Понятно, что это увлеченіе религіозно-философскимъ принципомъ единства было великимъ подспорьемъ для папства. Приверженцы папства примѣняютъ принципъ единства къ отношеніямъ церкви и государства и пользуются имъ, чтобы вывести изъ него необходимость подчиненія государства церкви, императора папѣ. Однако даже самые фанатическіе приверженцы не могли отрицать высказаннаго въ св. писаніи принципа, что свѣтское правительство установлено Богомъ, и потому не требовали сліянія двухъ властей въ рукахъ папства, а лишь подчиненія свѣтской власти духовной, что̀ исключаетъ настоящую теократію.

Съ другой стороны и защитники имперіи взывали въ ея интересахъ къ принципу мірового единства. Конечно, въ виду религіознаго настроенія среднихъ вѣковъ и всѣми признаннаго авторитета церкви, положеніе теоретиковъ имперіалистовъ было менѣе благопріятно, чѣмъ положеніе ихъ противниковъ. Въ виду этого упомянутый нами знатокъ средневѣковой публицистики совершенно справедливо утверждаетъ, что „партія свѣтской власти въ средніе вѣка весьма рѣдко рѣшается на попытку (wagt nur sehr vereinzelt den Versuch) обратить теорію въ свою пользу и выводить изъ принципа единства верховенство имперіи надъ церковью“. Названный выше біографъ Бенцона Альбскаго замѣчаетъ, что у этого писателя такая *попытка* развилась въ цѣлую систему, представляющую интересъ потому, что „подтверждаетъ превосходное изложеніе дѣла у Гирке“ и притомъ по отношенію къ эпохѣ, когда этотъ ученый еще не подозрѣвалъ существованія такихъ теорій. Несомнѣнная заслуга кн. Трубецкого заключается въ томъ, что, изучая публицистику эпохи Григорія VII, онъ отмѣтилъ и у другихъ писателей имперіалистовъ мысли, однородныя съ идеями Бенцона Альбскаго. Въ этомъ отношеніи работа кн. Трубецкого можетъ служить дополненіемъ къ исторіи политическихъ идей въ средніе вѣка. Къ

сожалѣнію, онъ преувеличилъ смыслъ указанныхъ имъ мѣстъ. Сколько бы разъ, напр., фарфскій монахъ ни называлъ Генриха IV главою церкви (caput ecclesiae), ему никогда не могла прійти мысль приписывать императору святительскую власть. Подъ главенствомъ надъ церковью онъ могъ разумѣть только право назначенія епископовъ и созванія ихъ на соборы, а отсюда далеко до теократіи. Да и тутъ—и мы это подчеркиваемъ—идетъ рѣчь только о теократіи въ *теоріи*, а невольно вспомнишь при этомъ слова—grau ist alle Theorie,—историку не слѣдуетъ смѣшивать теорію съ историческою дѣйствительностью.

Германская или священная римская имперія не была теократіей. И если мы обратимся къ ея исторіи и разсмотримъ ее съ точки зрѣнія ея отношеній къ церкви, то придемъ къ крайне интересному выводу, не говорящему въ пользу теократической теоріи. Теорія и практика въ этомъ случаѣ не только расходятся, но развиваются въ противоположномъ направленіи.

Теоретическая разработка идеи императорской власти и ея притязаній на господство въ мірѣ и надъ церковью развивается по мѣрѣ того, какъ уменьшается дѣйствительное значеніе имперіи въ Европѣ. Никогда свѣтская власть на Западѣ не носила такого духовнаго облаченія, никогда въ ней не было такъ много *теократическихъ чертъ*, какъ въ самомъ началѣ при Карлѣ Великомъ! Карлъ, не стѣсняясь, назначалъ епископовъ, назначалъ ихъ такъ же, какъ и своихъ графовъ. На его сеймахъ рѣшались церковныя дѣла наравнѣ съ политическими; его государевы послы разбирали по областямъ одинаково свѣтскія и церковныя дѣла. Карлъ въ своихъ капитуляріяхъ давалъ наставленія духовенству и одинъ, напр., изъ его капитуляріевъ (72-й) заключаетъ въ себѣ такой краснорѣчивый призывъ духовенства къ небесному идеалу, что можно подумать, что читаешь посланіе Бернгарда Клервальскаго. Не ограничиваясь поученіями, Карлъ принимаетъ постоянно мѣры къ очищенію духовенства отъ недостойныхъ членовъ. Карлъ давалъ прямо предписанія духовенству и въ эти предписанія включалъ безразлично синодальныя постановленія и собственныя распоряженія. Карлъ назначалъ церковныя молебствія, измѣнялъ литургію, поддерживалъ своими предписаніями стремленіе ввести въ общій обычай исповѣдь. Наконецъ Карлъ во главѣ соборовъ своихъ епископовъ вмѣшивается въ догматическую область церкви, осуждаетъ ересь испанскаго епископа Феликса и въ дѣлѣ почитанія иконъ высказывается противъ рѣшенія греко-восточнаго собора, съ которымъ согласенъ папа. И большая часть всѣхъ этихъ распо-

ряженій и притязаній относится къ эпохѣ, когда Карлъ былъ только королемъ франковъ, а не императоромъ, и когда византійская имперія, еще полная жизни, пользовалась традиціоннымъ почетомъ на Западѣ и въ самомъ Римѣ. Когда же гегемонія на Западѣ и имперія перешли отъ франковъ къ саксамъ, отъ Карла Великаго къ Оттону Великому, картина измѣнилась. Оттонъ и его преемники такъ же, какъ и Карлъ, назначали епископовъ, назначали и низлагали даже папъ, созывали соборы епископовъ и предсѣдательствовали на нихъ, но мы уже не видимъ такого сильнаго воздѣйствія свѣтской власти на внутреннюю жизнь церкви и духовенства. Дворъ Карла Великаго былъ центромъ культурныхъ интересовъ и духовныхъ стремленій своего вѣка и духовная культура изливалась оттуда не широкой, но живой струей по всей имперіи. Этого уже не было при Оттонахъ, и поэтому ихъ воздѣйствіе на церковь гораздо слабѣе. Но тѣмъ не менѣе эпоха Оттоновъ представляется Бенцону Альбскому золотымъ вѣкомъ имперіи и онъ не перестаетъ восхвалять Генриху IV политику его предшественниковъ. Настолько въ вѣкъ Григорія VII вѣсы уже склонились въ пользу папской власти и ея притязаній на руководительство въ мірѣ!

Но несмотря на это и именно въ это время возникаетъ теорія о божественномъ характерѣ и міровомъ назначеніи имперіи. Въ борьбѣ съ теоретиками папской *теократіи* имперіалисты идеализируютъ имперію: теоріи господства церкви надъ міромъ они противопоставляютъ теорію господства императора надъ церковью; громкими эпитетами, какъ *викарій божій* и *глава церкви*, они надѣются вернуть преемникамъ Карла Великаго исчезнувшую изъ ихъ рукъ власть надъ церковью. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше расходятся идеалъ и практика. Жалкому Генриху VII, не добравшемуся до Рима, соотвѣтствуетъ поэтическій грандіозный образъ имперіи у Данте. Но имперіалисты уже чувствуютъ потребность въ другихъ аргументахъ. Все чаще и чаще они сходятъ на почву римской традиціи и римскаго права, пока наконецъ въ лицѣ Марсилія Падуанскаго имперіалистская теорія не пробила оковъ средневѣковой традиціи, пытаясь основать абсолютизмъ государства на раціоналистической почвѣ. Публицисты XI вѣка не превратили имперію въ теократію, но представляютъ собой интересный эпизодъ въ исторіи политическихъ идей, за разработку котораго всякій, кто интересуется всеобщей исторіей, будетъ признателенъ кн. Е. Трубецкому.

В. Герье.

ДРУГЪ-КСАНТО

РАЗСКАЗЪ.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ августѣ мѣсяцѣ, путешествуя по Крыму, я случайно попалъ въ мѣстечко Х., откуда разсчитывалъ на пароходѣ проѣхать въ Севастополь. Но, къ величайшему моему неудовольствію, оказалось, что пароходы заходятъ въ Х. только два раза въ недѣлю и, такимъ образомъ, мнѣ предстояло провести три или четыре дня въ этомъ скучнѣйшемъ и грязнѣйшемъ уголкѣ, все населеніе котораго состояло изъ нѣсколькихъ десятковъ рыбаковъ-грековъ, десятка скучающихъ дачниковъ и двухъ-трехъ предпріимчивыхъ „россійскихъ“ людей, ухитрившихся даже здѣсь, на пустынномъ берегу моря, устроить гостинницу съ „номерами“, портерную съ продажей пива и меда и мелочную лавочку, въ которой продавались окаменѣвшая „московская“ колбаса, копченая кефаль „съ душкомъ“, фруктовыя воды и проч. Эти „россійскія“ учрежденія, въ особенности гостинница и портерная, вносили нѣкоторое оживленіе въ однообразную жизнь мѣстечка и охотно посѣщались публикой, изнывавшей отъ скуки и искавшей хоть какого-нибудь развлеченія въ игрѣ на билліардѣ или въ бесѣдѣ за кружкою отвратительнаго пива. Но меня эти развлеченія не соблазняли, и я предпочиталъ проводить цѣлые часы на берегу моря, гдѣ копошилась своеобразная жизнь. То уходили въ море и возвращались рыбачьи лодки, то разгружалась турецкая фелюга, прибывшая изъ Константинополя съ фруктами и виноградомъ, то

купальщики и купальщицы въ непринужденныхъ костюмахъ, съ патріархальною простотою, ныряли въ бѣлой пѣнѣ прибоя, смѣясь и переговариваясь другъ съ другомъ. Я лежалъ на раскаленномъ пескѣ, смотрѣлъ, слушалъ, и время проходило не такъ замѣтно. Море никогда не надоѣдаетъ; въ его колеблющей шири, въ переливахъ его измѣнчивыхъ красокъ и въ немолчномъ шорохѣ волнъ есть что-то загадочное, таинственное, а тайна привлекательна. И глядя на блестящую полосу воды, сливающуюся съ бездоннымъ и безконечнымъ небомъ, я часто думалъ о тѣхъ первыхъ смѣльчакахъ, которыхъ эта влекущая, невѣдомая даль заставила, наконецъ, забыть страхъ смерти и на хрупкихъ досчатыхъ скорлупахъ пуститься на поиски невѣдомыхъ странъ. Сколько ихъ погибло прежде, чѣмъ они узнали, что напрасно ихъ манила эта голубая обманчивая мечта и что нигдѣ нѣтъ рая на землѣ. И вотъ сколько уже тысячелѣтій пронеслось съ тѣхъ поръ, сколько поколѣній смѣнилось, и міръ одряхлѣлъ, и люди стали старше, опытнѣе и давно вышли изъ области младенческихъ грёзъ, а... все-таки влечетъ и чаруетъ эта таинственная бездна, и глядишь въ нее, и ждешь, что вотъ-вотъ она развернется, и ты увидишь чудо...

Между тѣмъ прошло уже два дня, а чуда все не было, и я продолжалъ сидѣть на берегу и ждать парохода. Путешествія пріучаютъ къ терпѣнію, и я-таки довольно терпѣливъ, но на этотъ разъ сидѣнье въ Х. начало меня немного раздражать, и я сталъ уже подумывать,—не пойти ли мнѣ пѣшкомъ или не нанять ли татарскую маджару? Это было хотя и медленно, но во всякомъ случаѣ интереснѣе, чѣмъ съ утра до вечера лежать на пескѣ и смотрѣть, какъ рѣзвятся въ морѣ х-ія наяды. И вотъ въ то время, какъ я рѣшалъ этотъ вопросъ, на выручку мнѣ явился неожиданный случай. Рано утромъ на третій уже день, выйдя на берегъ, я увидѣлъ кучку рыбаковъ, суетившихся около какой-то лодки и неистово шумѣвшихъ. Всякій человѣкъ, незнакомый съ экспансивностью и впечатлительностью грековъ, подумалъ бы, что произошло какое-нибудь необычайное событіе, но на самомъ дѣлѣ ничего особеннаго не случилось—просто-напросто въ море спускали лодку. При этомъ всѣ присутствующіе, даже тѣ, которые рѣшительно ничего не дѣлали, махали руками, перебранивались и кричали на своемъ странномъ нарѣчіи, имѣвшемъ очень мало общаго съ благозвучнымъ языкомъ древнихъ эллиновъ. Я подошелъ поближе.

— Куда это идетъ лодка? За рыбой?—спросилъ я черно-

мазаго рыбака, который, заложивъ руки въ карманы брюкъ, тоже вмѣстѣ съ другими что-то кричалъ и совѣтовалъ.

— Нѣтъ, въ Ялты, — отвѣчалъ рыбакъ, осклабляясь и показывая бѣлые, блестящіе зубы.—Это лодка Ксанто. Нашъ другъ-Ксанто!—прибавилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто рѣчь шла объ очень извѣстномъ и очень важномъ лицѣ.

Въ эту минуту лодку дружными усиліями сдвинули съ мѣста, и она, скользя по каткамъ, обильно смазаннымъ саломъ, ринулась въ море и, подхваченная волнами, плавно заколыхалась на водѣ. Это была очень красивая лодка, большая, съ широкими бортами, выкрашенная въ греческіе цвѣта—бѣлый съ голубымъ. На бѣлой кормѣ ея, напоминающей грудь лебедя, былъ изображенъ вензель хозяина; по бокамъ его были нарисованы скрещенные флаги—греческій и русскій, а подъ флагами крупными буквами было выведено названіе лодки—„Эстафета“.

— Славная лодка! — говорилъ между тѣмъ бѣлозубый рыбакъ.—Хорошая лодка!—самая лучшая во всемъ Крыму! (Зная наклонность грековъ къ преувеличеніямъ, я сдѣлалъ видъ, что вѣрю). — И хозяинъ хорошій, — смѣлый морякъ, самый лучшій морякъ!

Я смотрѣлъ на „самую лучшую“ лодку, и въ головѣ у меня внезапно родилась мысль,—отчего бы мнѣ, не дожидаясь парохода еще цѣлыхъ двое сутокъ, взять да и не поѣхать на ней въ Ялту вмѣстѣ съ этимъ „самымъ лучшимъ“ морякомъ?

— А какъ вы думаете?—обратился я къ своему собесѣднику.—Не возьметъ ли этотъ Ксанто меня съ собою въ Ялту?

— Отчего не возьметъ?—сказалъ онъ съ оживленіемъ.—Э, Ксанто—хорошій человѣкъ, и ему не въ первый разъ ѣздить съ господами. Гдѣ онъ не былъ, чего не видалъ? Да вотъ онъ самъ идетъ, можно съ нимъ поговорить...

И прежде чѣмъ я успѣлъ что-либо сказать, рыбакъ уже кричалъ кому-то въ толпѣ:

— Э, Ксанто! Филосъ-Ксанто! Эло-до! [1])

Изъ толпы отдѣлился человѣкъ и, на ходу спуская засученные выше колѣнъ штаны, подошелъ къ намъ. Пока онъ обмѣнивался привѣтствіями съ моимъ собесѣдникомъ, — это тоже характерная греческая черта, привѣтствовать васъ при каждой встрѣчѣ, хотя бы вы жили въ одномъ домѣ и видѣлись по десяти разъ на дню,—я разсматривалъ его. Это былъ средняго роста, коренастаго сложенія человѣкъ лѣтъ 50, съ курчавыми, жест-

[1]) Эй, другъ-Ксанто, иди сюда!

кими, какъ проволока, черными волосами, въ которыхъ пробивалась сѣдина, съ короткими бакенбардами и широкимъ бритымъ подбородкомъ, съ бронзовымъ, обвѣтреннымъ лицомъ, на которомъ, казалось, всѣ бури Чернаго моря оставили свой слѣдъ. Изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей выглядывали живые маленькіе глаза неопредѣленнаго цвѣта; глаза эти имѣли одну странную особенность, которую я сейчасъ же отмѣтилъ про себя: въ то время, какъ лѣвый глазъ смотрѣлъ на васъ прямо, открыто, съ веселымъ и добродушно-лукавымъ выраженіемъ, внушавшимъ вамъ полное довѣріе,—правый всегда былъ нѣсколько прищуренъ и, казалось, прятался подъ густою щетиною брови, только изрѣдка и съ крайней осторожностью мерцая сквозь плотную занавѣску вѣкъ. Это придавало лицу Ксанто характерное выраженіе загадочности, затаенности, и въ первыя минуты знакомства вызывало въ душѣ какое-то смутное безпокойство, смѣшанное съ недовѣріемъ... Но стоило только вамъ взглянуть на его открытый лѣвый глазъ, на эту большую, курчавую голову, крѣпко сидящую на могучихъ плечахъ, на огромныя, мускулистыя руки съ короткими, твердыми, какъ желѣзо, пальцами—и всякія сомнѣнія разсѣивались, и вы видѣли передъ собою опытнаго, закаленнаго въ буряхъ моряка и надежнаго человѣка, на котораго можно положиться. Одѣтъ онъ былъ въ сѣренькій, поношенный пиджакъ съ огромными оттопыренными карманами, въ старые, рваные брюки и въ лиловую ситцевую рубашку. На головѣ у него была старая коричневая соломенная шляпа съ черною лентой, а на поясѣ висѣлъ финскій ножъ. Таковъ былъ „другъ-Ксанто“.

Переговоривъ между собою по-гречески, рыбаки обратились ко мнѣ, и черномазый сказалъ:

— Вотъ господинъ хочетъ ѣхать въ Ялты. Что скажешь, Ксанто?

— А отчего же не ѣхать въ Ялты? — сказалъ Ксанто съ легкою усмѣшкой, ласково глядя на меня лѣвымъ глазомъ, въ то время какъ правый, казалось мнѣ, исподтишка пронизывалъ меня насквозь и шарилъ въ самой глубинѣ моей души.—Можно ѣхать въ Ялты! Мнѣ все равно, что два человѣка, что десять.

— А скоро ли мы доѣдемъ до Ялты?—спросилъ я.

— Это какъ погода, господинъ.

— А какова теперь погода?

— Теперь погода хорошая. Вѣтеръ попутный, свѣжій. Если такъ будетъ—къ гулянью будемъ въ Ялтахъ. Прямо изъ лодки пойдете себѣ на бульваръ и больше ничего.

Это было очень заманчиво. Я стоялъ въ раздумьѣ, а тѣмъ временемъ насъ уже окружила толпа и приняла горячее участіе въ нашемъ разговорѣ.

— А вѣтеръ можетъ измѣниться?—спросилъ я.

Ксанто пожалъ плечами.

— Кто знаетъ? Это какъ море, господинъ. Море ничего не говоритъ. Сейчасъ хорошо, а сейчасъ будетъ и худо. Я обманывать не хочу.

— Ксанто вѣрный человѣкъ! — послышалось нѣсколько голосовъ. — Ксанто хорошій морякъ! Онъ знаетъ! Вамъ, господинъ, съ нимъ нечего бояться. Лодка у него хорошая, все есть.

— У насъ все есть! — подтвердилъ и Ксанто.—Вода сладкая [1]), цѣлый боченокъ. Самоваръ есть. Закуску возьмите съ собою.

Я рѣшилъ ѣхать. Оставалось сговориться о цѣнѣ, но тутъ Ксанто съ ласковой улыбкой заломилъ такую неслыханную сумму, что я не могъ удержаться отъ восклицанія изумленія, да и было чему удивляться! Поѣздка въ Ялту на лодкѣ должна была обойтись мнѣ въ 10 разъ дороже, чѣмъ на пароходѣ до Севастополя... Другъ-Ксанто умѣлъ считать.

— Нѣтъ, такой цѣны я не могу вамъ дать,—сказалъ я.— Буду ждать парохода, а пока до свиданія.

Я повернулся уходить. Рыбаки окружили Ксанто, послышался возбужденный говоръ, перешедшій мало-по-малу въ крикъ; глаза у всѣхъ сверкали, руки сами собою сжимались въ кулаки, казалось, спорящіе вотъ-вотъ вцѣпятся другъ въ друга... Однако, ничего подобнаго не случилось, и черномазый рыбакъ, которому почему-то особенно хотѣлось, чтобы я ѣхалъ съ Ксанто, подбѣжалъ ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ.

— Господинъ, господинъ, не уходите, зачѣмъ вамъ уходить, Ксанто васъ повезетъ, Ксанто согласенъ! Вы говорите—пароходъ! Э! Пароходъ... Пусть онъ себѣ перевернется, а вы поѣдете съ Ксанто!

Я вернулся и нашелъ друга-Ксанто уже гораздо сговорчивѣе. Онъ видимо сообразилъ, что я нахожусь по отношенію къ нему въ болѣе выгодномъ положеніи, и съ двухъ словъ мы покончили съ нимъ дѣло. Бѣлозубый морякъ ликовалъ, какъ будто все это близко его касалось; онъ смѣялся такъ, что можно было пересчитать всѣ его зубы, хлопалъ друга-Ксанто по плечу, а мнѣ крѣпко пожалъ руку.

---

[1]) Такъ въ Крыму называютъ прѣсную воду.

Какъ только переговоры кончились, Ксанто неожиданно преобразился. Ласковая улыбка исчезла съ его лица, онъ выпрямился и пріосанился, а лѣвый глазъ его сталъ строгъ и серьезенъ.

— Ну, господинъ, теперь надо ѣхать!—сказалъ онъ, и въ голосѣ его зазвучали повелительныя ноты.—Вѣтеръ хорошій,—нельзя терять вѣтеръ! Гдѣ ваши вещи? Сейчасъ я за ними пошлю своего помощника. Эй, Сасо!—крикнулъ онъ.

— Тату!—отозвался съ Эстафеты юноша лѣтъ 18 съ угреватымъ лицомъ и жиденькими усиками, которыми онъ видимо гордился и занимался съ большою любовью.

— Эло-до! Вотъ съ нами ѣдетъ пассажиръ до Ялты, сходи за вещами въ гостинницу. Это мой помощникъ, Сасо!—отнесся Ксанто ко мнѣ.

Я раскланялся, а Сасо въ свою очередь вѣжливо приподнялъ предо мною свою соломенную шляпу, и такимъ образомъ, представившись другъ другу, мы отправились въ гостинницу. Несмотря на то, что Сасо былъ одѣтъ въ грязную матросскую рубашку, дырявые панталоны и стоптанныя морскія туфли; онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и, идя со мною рядомъ, беззаботно насвистывалъ какую-то шансонетку. Я предложилъ ему папиросу.

— Благодарю, у меня свои есть! — отвѣчалъ Сасо, и доставъ изъ кармана коробочку съ надписью „Экстра“, не безъ граціи закурилъ.

— Вы служите у Ксанто?—спросилъ я его.

— Не то чтобы... Я у него въ ученьѣ!

— А ваши родственники гдѣ же?

— У меня никого нѣтъ... я сирота...

Сасо говорилъ отрывисто, съ видимою неохотой, и я прекратилъ свои разспросы. Кстати въ это время мы уже подошли къ гостинницѣ. Признаюсь, мнѣ стало нѣсколько неловко, когда я увидѣлъ Сасо, навьюченнаго моими вещами, — такъ это не гармонировало съ его джентльменской внѣшностью,—но юноша, нисколько не смущаясь, тащилъ мои чемоданы и продолжалъ весело насвистывать „Тарарабумбію“.

Когда мы пришли на берегъ, ни Ксанто, ни черномазаго рыбака не было, лодку караулилъ старикъ, чинившій громадную сѣть, раскинутую на пескѣ. Сасо обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами по-гречески и пригласилъ меня садиться въ лодку, увѣряя, что „тата“ сейчасъ придетъ. Дѣйствительно, минутъ черезъ пять на берегу показались Ксанто и его черномазый другъ; по ихъ улыбающимся лицамъ, по особенному маслянистому

блеску глазъ не трудно было догадаться, гдѣ они были. Но увидѣвъ меня, Ксанто сейчасъ же сдѣлалъ серьезное лицо, озабоченно крикнулъ что-то своему помощнику и, наскоро распростившись съ пріятелемъ, сѣлъ въ лодку.

— Надо вѣтеръ ловить, вѣтеръ хорошій, скоро въ Ялтахъ будемъ!—на ходу сказалъ онъ мнѣ и взялся за весла.

— Калло-кѣнемо. Адіо [1])!—кричали намъ съ берега.—Адіо, филосъ-Ксанто!

Мы отплыли. Свѣжій береговой вѣтеръ обвѣвалъ наши лица, бѣлый флагъ съ голубымъ крестомъ трепался и хлопалъ на высокой мачтѣ, вода съ ласковымъ шопотомъ билась въ борта Эстафеты.

— Хорошая погода!—съ удовольствіемъ сказалъ Ксанто.—Ну, Сасо, бросай весла, будемъ ставить паруса!

Сасо сбросилъ туфли и, какъ обезьяна, бѣгая по лодкѣ, принялся развязывать веревки. Ксанто, стоя у руля, отрывисто и серьезно командовалъ. Взвилось и затрепетало, словно крыло огромной птицы, бѣлое полотно, напряглись кливера, Эстафета вздрогнула, прилегла лѣвымъ бортомъ и понеслась, какъ бѣлая чайка. Скоро бѣлые домики Х., сизыя горы и блестящая полоса песку скрылись изъ виду; впереди засинѣли смутныя очертанія Судакскихъ вершинъ, и сверкающее море приняло насъ въ свои голубыя объятія...

II.

Ксанто былъ въ великолѣпнѣйшемъ настроеніи. Онъ сидѣлъ на румпелѣ, зорко всматривался впередъ своимъ лѣвымъ глазомъ и разговаривалъ съ вѣтромъ въ шутливо-добродушномъ тонѣ.

— Ну, ну, еще на пять копѣекъ!—поощрялъ онъ, когда вѣтеръ сильнѣе напиралъ на паруса, и Эстафета замѣтно прибавляла ходу.—Старайся, старайся, рюмку водки поднесемъ! А? Хорошо, хорошо, такъ, такъ! Мы знаемъ, что ты молодецъ!

И закрутивъ шкотъ за колокъ, онъ досталъ изъ кармана портъ-табакъ, на крышкѣ котораго была изображена какая-то звѣрообразная рожа съ огромными усищами, и сталъ свертывать папиросу.

— Сасо, кури!—крикнулъ онъ помощнику.

Сасо, все время не сводившій глазъ съ своего капитана и видимо ждавшій позволенія закурить, тоже вытащилъ свою „Экстру“. Мы всѣ трое закурили, наслаждаясь тѣмъ особымъ

[1]) Хорошаго пути, прощайте!

чувствомъ простора и свободы, которое всегда овладѣваетъ человѣкомъ въ открытомъ морѣ. Съ души какъ будто спадаетъ какая-то жесткая скорлупа; всѣ заботы, всѣ тревоги остаются тамъ, на землѣ; сердце бьется ровно, спокойно; мысль пріобрѣтаетъ ясность и опредѣленность. А лодка стройно и легко несется впередъ, бьются и трепещутъ паруса; бѣлыя чайки чертятъ воздухъ, блестя на солнцѣ серебряными крыльями, и надъ вами и вокругъ васъ—всюду звучитъ тихая музыка моря. Хорошо!..

Но мгновеніе, и спутники мои поддались очарованію голубого простора. На толстыхъ губахъ Ксанто блуждала довольная улыбка; узенькіе голубые глазки Сасо приняли мечтательное выраженіе. Мы всѣ трое молчали. Первый заговорилъ Ксанто.

— Хорошая погода!—сказалъ онъ, ни къ кому въ особенности не обращаясь.—Если такъ будетъ, къ 12 часамъ возьмемъ Судакъ, въ 2 будемъ въ Алуштѣ, а вечеромъ въ Ялтѣ.

— Пойдемъ мористо?—спросилъ Сасо.

„Мористо“ на языкѣ крымскихъ рыбаковъ значитъ—далеко въ море.

— Да, будемъ держать мористо. Не надо терять вѣтеръ.

Они оживленно заговорили между собою частью по-гречески, частью, вѣроятно, изъ вѣжливости, по-русски. Особенно часто сбивался на русскій языкъ Сасо, который очень хорошо говорилъ по-русски, безъ малѣйшаго акцента и безъ той картавости на шипящихъ согласныхъ, которая отличаетъ настоящаго грека. Да и наружностью онъ не былъ похожъ на грека: тоненькій, стройный, ловкій, какъ обезьяна, бѣлокурый, какъ житель сѣвера, съ нервнымъ подвижнымъ лицомъ, носившимъ на себѣ явные слѣды близкаго знакомства со всякими пороками, съ вызывающимъ взглядомъ дерзкихъ голубыхъ глазъ, онъ скорѣе напоминалъ испорченнаго уличнаго мальчишку, чѣмъ добродушнаго, немножко дикаго сына моря. Къ своему патрону онъ, видимо, чувствовалъ большую привязанность, смѣшанную съ нѣкоторою боязнью; какъ вѣрная собачонка, онъ не сводилъ съ него глазъ, слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, готовый каждую минуту броситься, куда онъ прикажетъ. Въ свою очередь Ксанто относился къ юношѣ по-отечески, съ оттѣнкомъ покровительственнаго благодушія, иногда переходившаго въ дружескую фамильярность.

Я прислушивался къ ихъ разговору. Рѣчь шла о какомъ-то выгодномъ предпріятіи, которое Ксанто удалось обдѣлать въ Х., и, вѣроятно, очень удачно, потому что лѣвый глазъ его во время разсказа сіялъ удовольствіемъ, и съ губъ не сходила улыбка. Онъ посвящалъ своего молодого товарища въ разныя подробности

дѣла, вспоминалъ обстоятельства, при которыхъ произошло то или другое событіе, и самъ наслаждался этими воспоминаніями. Особенно часто слышалось слово „капити“ (деньги), и судя по тому, что Ксанто произносилъ это слово со вкусомъ, съ ударéніемъ, можно было думать, что въ немъ-то и заключается главная цѣль всей жизни стараго моряка. Сасо слушалъ Ксанто съ интересомъ и увлеченіемъ, поддакивалъ, смѣялся, предлагалъ вопросы; Ксанто снисходительно и охотно отвѣчалъ. И опять „капити“, „капити“...

Вдругъ Ксанто оборвалъ свой разсказъ на полусловѣ, схватился за румпель, выпрямился и закричалъ: „филàксу, филàксу! Васта диксà! О, діаволосъ“ [1])! На встрѣчу намъ летѣла красивая бѣлая лодка съ золочеными украшеніями на кормѣ; въ ней, стоя, работалъ веслами высокій, статный грекъ въ бѣлоснѣжной матроскѣ и въ морской фуражкѣ, сдвинутой на затылокъ. Я едва успѣлъ разсмотрѣть черныя, какъ смоль, бакенбарды, черные глаза, бѣлые зубы, какъ лодка уже промчалась мимо, и Ксанто, успокоенный, снова принялъ прежнюю позу.

— Вотъ скажѐный!—ворчалъ онъ.—Прямо держитъ носъ на носъ! Я такъ и думалъ, что мы съ нимъ поцѣлуемся. Прощай тогда наша Эстафета! И помолчавъ немного, онъ обратился къ помощнику и многозначительно сказалъ:—А знаешь, кто это?

— А кто?—навострилъ уши Сасо.

— Хе! Это—счастливый человѣкъ! А былъ прежде Янко-хамалъ [2]), безъ штановъ ходилъ, кули на набережной таскалъ. Я его хорошо знаю, вотъ какъ тебя, сколько разъ давалъ ему заработать на хлѣбъ. А теперь? Э, теперь у него одинъ костюмъ полтораста рублей стоитъ; домъ есть, виноградникъ есть, лодка есть... вотъ, гуляетъ себѣ по морю, и больше ничего. А почему, ты скажешь?—спросилъ онъ, хитро подмигивая лѣвымъ глазомъ.

— Почему, тàту? — съ разгорѣвшимися глазами сказалъ Сасо.

— Потому что—омурфосъ [3])! Самое простое дѣло.

Сасо понялъ, засмѣялся и, нервно подергивая плечами, спросилъ:

— А *она* кто же?

— *Она* — барыня! Не знаю откуда, забылъ, можетъ, изъ Москвы, можетъ, изъ Одессы. Пріѣхала, наняла дачу, живетъ, каждый день на лодкѣ катается. А Янко тутъ на берегу кули

[1]) Берегись, берегись! Держи направо. О, чортъ!

[2]) Носильщикъ.

[3]) Красавецъ.

носитъ и на барыню смотритъ. Ну... должно быть, понравился. Купила ему яликъ, одѣла, бархатную куртку съ галунами сшила, стали они вмѣстѣ кататься. Годъ катались, другой катались... а теперь Янко не Янко, а Иванъ Андреичъ. Вотъ это счастье, такъ счастье!

— А *она*... молодая была?

— Не видалъ, не знаю. А зачѣмъ молодая? Хе! Деньги не старѣютъ.—И помолчавъ, онъ прибавилъ со вздохомъ:—Да, всякому своя удача! Одинъ работаетъ, какъ гайдýри (оселъ), и нѣтъ ничего; другой—глянетъ глазомъ одинъ разъ и нашелъ свое счастье. Вотъ бы и тебѣ эдакъ, Сасо!

Сасо усмѣхнулся, повелъ плечомъ, какъ будто ему было холодно, и, закрутивъ свои усики, устремилъ мечтательный взглядъ въ голубую даль. И кто знаетъ, что̀ мерещилось ему тамъ...

Ксанто между тѣмъ вытащилъ изъ кармана своего усатаго господина, похлопалъ его пальцемъ по носу и, свертывая папиросу, обратился ко мнѣ:

— А я думаю, господинъ, умный человѣкъ вездѣ свое счастье найти можетъ. Правда?

— Не знаю,—отвѣчалъ я.—Никогда не думалъ объ этомъ. А что̀ вы называете счастьемъ? Деньги?

— Хе, ну, конечно! Съ деньгами—все, безъ денегъ—ничего! Всѣ хотятъ денегъ, никто не отказывается. Одинъ продаетъ, другой покупаетъ—опять нужны деньги. Все деньги, вездѣ деньги! И сколько ихъ на свѣтѣ? Я, когда не сплю ночь, все думаю: и откуда онѣ берутся? И если, думаю, собрать ихъ всѣ вмѣстѣ и насыпать, какъ пшеницу, то какая бы гора вышла? Я думаю, выше Чатырдага, выше Бабугана,—до самаго неба!

На минуту онъ смолкъ, зажмурился и замеръ въ оцѣпенѣніи, мысленно созерцая воображаемую гору денегъ. Потомъ пріоткрылъ лѣвый глазъ и съ лукавой усмѣшкой спросилъ:

— А у васъ въ Россіи, должно быть, много денегъ?

— Почему вы думаете это?

— „Почему что“ изъ Россіи все везутъ деньги въ Крымъ, а назадъ уѣзжаютъ безъ денегъ. И много ихъ здѣсь оставляютъ! Вотъ, думаешь себѣ, на другой годъ не пріѣдутъ, все прожили, ничего нѣтъ, а посмотришь, опять ѣдутъ, опять везутъ! Много денегъ у русскихъ; сколько бѣдныхъ людей отъ нихъ разбогатѣло! И ничего не стоитъ...

Ксанто вдругъ разсмѣялся, вспомнивъ что-то смѣшное.

— Сасо!—крикнулъ онъ.—Помнишь Абибулò? Это татаринъ одинъ,—снова обратился онъ ко мнѣ.—Бѣдный былъ, какъ крыса,

и по домамъ воду разносилъ въ боченкѣ. А потомъ посмотрѣлъ на господъ, почесалъ свою бритую башку и началъ деньги наживать. И сколько онъ теперь нажилъ — Тэосъ-ту-ксэри [1])! А чѣмъ, вы скажите? Чудно говорить! Одинъ курить любитъ,—онъ ему табаку несетъ такого, что самъ султанъ не куритъ... а табакъ-то у него въ огородѣ растетъ, хе! Другой кофе хочетъ по турецки пить — онъ его къ себѣ зазоветъ, жену заставитъ на колѣняхъ передъ гостемъ стоять, да вчерашнюю гущу разбавитъ и на подносѣ подаетъ. А гость пьетъ, алтындань [2]) на подносъ кладетъ... за гущу-то, хе-хе! А то еще что выдумалъ, — Сасо, помнишь, я тебѣ разсказывалъ? Въ печорку (пещеру) посадилъ своего брата, да и говоритъ господамъ: „барынъ, пойдемъ, я тебѣ чудной покажу; въ печоркѣ шайтанъ сидитъ, человѣчьимъ голосомъ говоритъ“! И пошли господа, и пошли въ печорку,— кричатъ, а татарченокъ ихъ передразниваетъ. А Абибуло господъ провожаетъ, да деньги въ карманъ кладетъ... Вотъ тебѣ и „чудной“!..

Они долго хохотали надъ глупостью господъ и восхищались находчивостью хитраго татарина. У Сасо даже слезы выступили на глазахъ.

— Вотъ такъ Абибуло! — воскликнулъ онъ, утираясь рукавомъ рубахи.

— А вы, должно быть, хорошо знаете южный берегъ Крыма? —спросилъ я Ксанто, когда онъ нѣсколько отдохнулъ отъ смѣха.

— Э! Я пятьдесятъ лѣтъ плаваю туда и сюда; вездѣ былъ, всѣхъ знаю и меня знаютъ! Спросите обо мнѣ, — и русскій, и татаринъ, и грекъ, и всякій вамъ скажетъ: „а, Ксанто! другъ-Ксанто,—знаемъ, знаемъ“! Я всѣмъ знакомъ, всѣ меня принимаютъ, угощаютъ. Пить, кушать захочешь, — все тебѣ сколько угодно! И господа меня знаютъ, подарки привозятъ изъ Россіи, —вотъ этотъ ножикъ тоже баринъ подарилъ.—Хорошему человѣку вездѣ хорошо—знаете?—съ скромной гордостью заключилъ онъ, и лѣвый глазъ его увлажнился слезою отъ сознанія собственныхъ благородныхъ качествъ, снискавшихъ ему всеобщую любовь и уваженіе.

Сасо, не мигая, серьезно смотрѣлъ на Ксанто, и въ его глазахъ свѣтилась безграничная преданность.

---

[1]) Богъ знаетъ.

[2]) Золотой.

III.

Мы забирали все мористѣе и мористѣе, и берегъ уже чуть-чуть виднѣлся вдали въ видѣ мутно-лиловыхъ облаковъ причудливой формы, нагроможденныхъ другъ на друга. Казалось, мы были одни во всемъ мірѣ; вокругъ насъ только ласково шумѣло море, да на дальнемъ горизонтѣ что-то вздрагивало, то вспыхивая, то погасая.

— Что̀ это такое? — спросилъ я.

Но зоркій глазъ Ксанто уже замѣтилъ эту вздрагивающую точку.

— Это судно! — сказалъ онъ. — Должно быть, турокъ изъ Константинополя фрукты везетъ.

— А вы бывали въ Константинополѣ?

— Э, гдѣ я не былъ!

— Какъ же вы туда попали?

— Дѣло было, — отвѣчалъ Ксанто неохотно, и заговорилъ съ помощникомъ по-гречески. Опять послышалось: „капити“, „калли-туля“ (выгодное дѣло), и снова „капити“...

Солнце начало сильно припекать. Ксанто снялъ съ себя свой сѣрый пиджакъ, который онъ почему-то называлъ „панихидой“, аккуратно положилъ его на скамью и вынулъ изъ ящика въ кормѣ огромный каравай пшеничнаго хлѣба, нѣсколько крупныхъ, красныхъ, какъ кровь, помидоровъ и горсть зеленаго стручковаго перцу. Отрѣзавъ по ломтю хлѣба, онъ раздѣлилъ перецъ и помидоры на равныя части и крикнулъ помощнику: „кушай, Сасо!“ Они стали закусывать. Я тоже досталъ свои запасы и предложилъ своимъ спутникамъ сыру и колбасы.

— Нѣтъ, благодарю,—вѣжливо отказался Ксанто и за себя и за Сасо.—Мы нынче скоромнаго не кушаемъ, у насъ постъ!

— Развѣ вы такъ строго соблюдаете посты?

— Намъ нельзя,—серьезно проговорилъ Ксанто.—На морѣ всегда надо Бога помнить. Что̀ ѣда? Ѣда—пустое дѣло; набить брюхо не трудно. Наѣлся, напился, а Бога забылъ. Моряку нельзя такъ, на морѣ надо строго! На морѣ и Богъ ближе!..

Такое проявленіе набожности, въ связи съ предыдущими разговорами о различныхъ, и не всегда чистыхъ, способахъ наживы, казалось немножко страннымъ, но я уже привыкъ ко всякимъ парадоксамъ человѣческой натуры, и потому не выразилъ особеннаго удивленія. А Ксанто, между тѣмъ, настроенный соб-

ственными словами на благочестивый ладъ, продолжалъ торжественно:

— Бога не обманешь! Богъ все видитъ, а мы этого не понимаемъ. Мы такъ думаемъ: что̀ Богъ? Богъ далеко, помирать не скоро, еще успѣемъ сдѣлать и то, и это. И себѣ кушаемъ, пьемъ, ходимъ туда и сюда, въ гостинницу, на гулянье, хорошо, весело! А Богъ все смотритъ, и все ждетъ своего часу. А мы развѣ знаемъ, когда будетъ этотъ часъ Божій? Можетъ, завтра, можетъ, черезъ годъ, а можетъ и сейчасъ... Всегда надо это помнить. Слышишь, Сасо?

— Да, тата! — почтительно отозвался Сасо, набивая ротъ помидорами, отъ которыхъ его губы казались вымазанными кровью.

— Калло [1]),—всегда слушай, что̀ я говорю. Э-э, Богъ! Безъ Бога ничего не сдѣлаешь, никуда не уйдешь! Это всѣ знаютъ,— и русскій, и грекъ, и татаринъ. У всякаго своя вѣра, свой Богъ. *Почему-что* — нельзя безъ Бога!

— Ну, ужъ какой Богъ у татарина! — возразилъ вдругъ Сасо. — Татары — поганые, и вѣра у нихъ поганая,—собачья!

— Что-жъ, я и не говорю, что у нихъ вѣра настоящая,— сказалъ Ксанто. — А все-таки по своему они молятся.

— Тьфу!—плюнулъ Сасо. — Видалъ я, какъ они молятся. Ни крестовъ, ни иконъ, ничего нѣтъ,—воютъ, какъ собаки. Не люблю я ихъ!

— Да я и самъ не люблю,—сознался Ксанто.—Худой народъ, дикій, опасный народъ. Ты съ нимъ въ кофейнѣ кофе пьешь, о дѣлѣ говоришь, а у него въ карманѣ ножикъ, онъ тебѣ никогда не вѣритъ. Хорошаго дѣла съ татариномъ никогда не сдѣлаешь,—все испортитъ. Около него и сидѣть-то противно: тридцать разъ въ день моется, а воняетъ, какъ отъ собаки. Да что, говорятъ, татарина и обмануть не грѣхъ!—неожиданно заключилъ онъ и засмѣялся.

Вдругъ на лицѣ его выразилось безпокойство, онъ пробормоталъ какое-то энергическое ругательство и, прищурившись, съ озабоченнымъ видомъ сталъ всматриваться въ далекій горизонтъ. Сасо, лицо котораго, какъ зеркало, отражало на себѣ всѣ чувства Ксанто, тоже обезпокоился и оглянулся; они обмѣнялись отрывистыми, короткими фразами, изъ которыхъ я могъ только понять два слова: „аэросъ“ (вѣтеръ) и „маври“ (чернѣетъ).

— Что̀ такое случилось? — спросилъ я.

---

[1]) Хорошо.

Ксанто мгновенно измѣнилъ озабоченное выраженіе лица на безпечное, и сказалъ, улыбаясь, точно сообщилъ пріятное извѣстіе:

— А ничего,—сейчасъ насъ немножко трепать будетъ.

— Почему?

— Вѣтеръ перемѣнился. Посмотрите!

Онъ указалъ на горизонтъ, и дѣйствительно, я сейчасъ же замѣтилъ перемѣну. Рѣзкой черты, отдѣлявшей небо отъ моря, не было; она исчезла, и вмѣсто нея тамъ волновалась какая-то сѣрая дымка. Она ширилась, росла и, казалось, впитывала въ себя море; сверкающая водная пелена вдругъ потускнѣла, помертвѣла, и даже знойные лучи солнца не могли ее оживить.

— Будетъ зыбь! — сказалъ Ксанто, и поспѣшно сталъ убирать въ корму остатки своего обѣда.

Эстафета наша вдругъ какъ-то присмирѣла, лѣниво опустила паруса, и чуть-чуть вздрагивала, точно ожидая чего-то...

— Лавировать будемъ?—спросилъ я.

— Хе, лавировать!—отозвался Ксанто. — Это еще хорошо, если можно будетъ лавировать! А то совсѣмъ нельзя будетъ идти! Противный вѣтеръ! Вонъ идетъ, идетъ!

Я оглянулся,—съ моря, прямо намъ въ носъ, бѣжала злобящая, черная полоса.

— Трава-та флока! Шаша!—громовымъ голосомъ закричалъ Ксанто, давая понять, что теперь ему не до разговоровъ. Трава-та, трава-та, васта! О, зурлосъ! [1]).

Сасо бросился къ парусу, но запутался въ шкотахъ и чуть-было не упалъ. Ксанто разразился проклятіями.

— А фуризмъ носъ гайдури [2])! Ты не матросъ, ты разносчикъ! Гдѣ твоя голова?

Онъ совершенно преобразился. Оба глаза его были теперь открыты, и, какъ говорится въ старинныхъ романахъ, „метали молніи“; бакенбарды ощетинились и придавали его лицу свирѣпое выраженіе; отъ самодовольнаго благодушія и напускной ласковости не оставалось и слѣда. Выпрямившись во весь ростъ на кормѣ, грудью впередъ и отдавая краткія, отрывистыя приказанія, онъ былъ величественъ и страшенъ.

Черная полоса становилась все шире и шире, ближе и ближе, и вотъ вдругъ море вокругъ насъ закипѣло и запѣнилось, налетѣлъ бурный порывъ вѣтра, паруса безпомощно затрепались

[1]) Тяни паруса! Держи! О, дуракъ!

[2]) Проклятый оселъ!

и захлопали, и Эстафета судорожно зашаталась, словно раненая птица. Несмотря на всю мою неопытность въ морскомъ дѣлѣ, я понялъ, что моментъ былъ опасный, Эстафета каждую минуту могла перевернуться, и мы очутились бы въ волнахъ... Но тутъ Сасо, наконецъ, кое-какъ справился съ парусами, Ксанто далъ рулю энергическій поворотъ, и лодка наша, сильно накренясь правымъ бортомъ и зарываясь носомъ въ волнахъ, полетѣла обратно къ берегу. Высокія волны съ бѣлыми барашками на гребняхъ прыгали въ лодку, обдавая насъ брызгами; вѣтеръ свисталъ въ снастяхъ, и нѣжная музыка смѣнилась гнѣвнымъ ревомъ расходившагося моря. Только солнце, какъ и прежде, знойно горѣло надъ нами.

Скоро порывы вѣтра стали такъ сильны, что пришлось убрать всѣ паруса. Оставили только одинъ кливеръ, но и на этомъ клочкѣ Эстафета мчалась, какъ бѣшеная. Вѣтеръ гналъ насъ прямо на скалы.

— У, скажѐный! — бормоталъ Ксанто, озабоченный и сердитый.

Берегъ былъ уже близко. Сквозь шумъ волнъ и свистъ вѣтра явственно былъ слышенъ грохотъ прибоя. Очертаніе горъ становилось рѣзче, опредѣленнѣе, и ихъ лиловые, облачные тоны мало-по-малу переходили въ болѣе грубые цвѣта. Уже ясно были видны бурые изломы и уступы скалъ, поросшіе какою-то шаршавою растительностью; блеснула ярко-бѣлая полоса песчанаго берега; зачернѣлись мертвенные силуэты кипарисовъ, издали похожіе на иголки, воткнутыя въ небо,—и среди нихъ, наконецъ, показалась крошечная кучка игрушечныхъ домиковъ...

— Ну, что̀ будемъ дѣлать, надо здѣсь выходить, — угрюмо сказалъ Ксанто, обращаясь ко мнѣ.—Идти нельзя, вѣтеръ дурной.

— Значитъ, не будемъ сегодня въ Ялтѣ?

— Какая тамъ Ялта! — съ досадой проговорилъ Ксанто.— Говорю, нельзя идти,—дай Богъ еще на берегъ попасть. Шаша! —зарычалъ онъ, хватаясь за румпель.—На весла!

— Есть!—откликнулся Саша и бросился къ весламъ.

Мы чуть-чуть не налетѣли на подводный камень. Ксанто ругался, и вѣтеръ, точно поддразнивая его, закрутился вокругъ насъ въ бѣшеномъ танцѣ, и Эстафета, подпрыгивая на волнахъ, понеслась обратно въ море.

— Тьфу!—плюнулъ Ксанто, и самъ взялся за весла.

Наступала очень важная и критическая минута: мы должны были причалить къ берегу, а между тѣмъ насъ такъ бросало изъ стороны въ сторону, что каждую минуту Эстафета могла

разбиться въ дребезги о камни. Саша, весь блѣдный, задерганный раздражительными окриками Ксанто, выбивался изъ силъ; самъ Ксанто, всею своей могучей грудью налегая на весла, ругался и посылалъ страшныя проклятія, неизвѣстно кому. Онъ видимо сердился и на неудачное плаваніе, и на Сашу за его мѣшкотность, и на вѣтеръ, и на меня... Между тѣмъ берегъ былъ уже совсѣмъ близокъ, и мы уже видѣли кучку людей, которые смотрѣли на наши отчаянныя усилія въ борьбѣ съ вѣтромъ и волнами, и кричали намъ что-то, размахивая руками.

Цѣлый часъ Эстафета носилась по волнамъ, то уходя въ море, то возвращаясь къ берегу, цѣлый часъ мы лавировали между подводными камнями. Наконецъ, Ксанто удалось поймать счастливую минуту, и мы приблизились къ берегу настолько, что можно было бросить веревку ожидавшимъ насъ людямъ. Но и это оказалось не такъ-то легко было сдѣлать: прибой былъ такъ силенъ, что Эстафету ежеминутно отбрасывало назадъ, и кинутая веревка безпомощно шлепалась въ воду. Тогда Ксанто крикнулъ что-то Сашѣ; Саша засучилъ штаны и ринулся изъ лодки, въ ту же минуту я почувствовалъ, что меня хватаютъ, тащатъ куда-то, и вотъ я уже сижу на чьей-то спинѣ, отчаянно балансируя руками и ногами, чтобы не упасть, и при оглушительномъ ревѣ прибоя, при крикахъ людей, ошеломленный, обрызганный съ ногъ до головы пѣной, опускаюсь на твердую землю. Слава Богу, мы на берегу, и передо мною элегантно приподнявъ надъ головою дырявую фуражку, стоитъ какой-то улыбающійся оборванецъ и очевидно желаетъ получить на чаёкъ. Никогда я не давалъ на чаёкъ съ такимъ удовольствіемъ, хотя и самъ хорошенько не зналъ за что.

IV.

Эстафету вытащили на берегъ, поставили на катки, и Ксанто, все еще взволнованный, но уже улыбающійся, обмѣнивался привѣтствіями съ толпившимися вокругъ него рыбаками, матросами, таможенными солдатами. Его разспрашивали; слышались восклицанія: „А, Ксанто! Другъ! Филосъ-Ксанто!“—нѣкоторые хлопали его по плечу и угощали папиросами; другіе сочувствовали и бранили погоду. Зыбь не однихъ насъ загнала на этотъ берегъ: на пескѣ стояло нѣсколько рыбачьихъ баркасовъ и турецкихъ фелюгъ, ярко раскрашенныхъ, съ синею луной на красномъ полѣ; тутъ же около нихъ, изъ веселъ и па-

русовъ были устроены походныя палатки, дымились костры, кипѣли котелки, наполняя воздухъ ѣдкимъ запахомъ прогорклаго оливковаго масла. Вокругъ костровъ въ неподвижныхъ позахъ, поджавъ подъ себя ноги, сидѣли молчаливые, серьезные турки; какіе-то оборванцы съ безпечнымъ видомъ валялись на солнцѣ, подставляя его жгучимъ лучамъ то одинъ, то другой бокъ; гурьба голыхъ ребятишекъ съ визгомъ барахталась въ пѣнѣ прибоя. Не вдалекѣ отъ берега, за линіей прибоя, обозначенной черною бахромою засохшихъ водорослей, громоздились незатѣйливыя постройки — агентство пароходства, около котораго были свалены груды ящиковъ, тюковъ, корзинъ съ фруктами; лавчонка, гдѣ продавались арбузы, бублики и прочая дрянь; кордонъ таможенной стражи, передъ которымъ со скучающимъ лицомъ прохаживался взадъ и впередъ часовой, въ бѣлой блузѣ съ зелеными погонами. Все это я разсмотрѣлъ не сразу, потому что въ головѣ у меня все еще шумѣло и кружилось, а земля, казалось, то поднималась, то опускалась подо мною. Но мало-помалу я началъ приходить въ себя, и ко мнѣ снова вернулась способность видѣть и слышать.

— Ну, что?—сказалъ Ксанто, подходя ко мнѣ.—Промокли? Что дѣлать! Погода дурная. Проклятая погода!

Онъ ласково посмотрѣлъ на меня лѣвымъ глазомъ и виновато улыбнулся, какъ бы извиняясь и за дурную погоду, и за свою грубость, которую онъ проявилъ въ то время, когда мы носились по волнамъ. Онъ видимо сознавалъ, что немножко пересолилъ, и теперь хотѣлъ замаслить передо мною всѣ промахи и шероховатости своего поведенія.

— И долго будетъ такая погода?—спросилъ я.

— Кто знаетъ? Богъ знаетъ! — съ характернымъ пожиманіемъ плечъ отвѣчалъ Ксанто и поглядѣлъ на море. — Можетъ быть, къ ночи утихнетъ, а можетъ быть, и завтра будемъ сидѣть, и послѣ завтра будемъ сидѣть. Тэосъ-ту ксэри.

Я то же взглянулъ на море. Горизонтъ все гуще и гуще заволакивался сѣрою дымкой, все выше и выше вздымались черныя волны. Прибой, точно разъяренный звѣрь, поднимался на дыбы, бросался на берегъ и, ударяясь грудью о песокъ, снова падалъ въ безсиліи и съ злобнымъ шипѣньемъ отступалъ назадъ. Картина была грозная и внушительная... Я покорно вздохнулъ.

— Ну что жъ, сидѣть, такъ сидѣть.

Ксанто повеселѣлъ.

— Вотъ! Что сдѣлаешь? — сказалъ онъ и уже совсѣмъ пріятельски подмигнулъ мнѣ глазомъ.—Я вамъ скажу, я зналъ,

что будемъ сидѣть, — прибавилъ онъ таинственно. — Спросите Сасу, онъ знаетъ, я ему говорилъ. Тамъ насъ провожалъ одинъ... у-у! дурной глазъ, нехорошій глазъ! Какъ выйдетъ провожать, такъ я всегда думаю: ну, будетъ несчастье! И всегда несчастье: зыбь, идти нельзя, рыбы нѣтъ, неудача... Почему-что глазъ самый злой, не дай Богъ, какой скверный глазъ!

— Ну, а что мы будемъ здѣсь дѣлать?

— Да что дѣлать, въ городъ пойдемъ, тамъ гостинница есть, музыка играетъ, покушать можно, погулять можно. У меня тамъ кстати дѣло есть, повидаться надо.

— У васъ и здѣсь дѣла?

— А что дѣлать! — съ самодовольной усмѣшкой сказалъ Ксанто.—Вездѣ дѣла есть, а гдѣ дѣла есть, тамъ и знакомые есть. Такъ я сейчасъ пойду, а Сасо вамъ, если хотите, самоваръ поставитъ.

— Онъ съ вами не пойдетъ?

— Онъ послѣ пойдетъ, теперь нельзя. Здѣсь такой народъ дурной, не дай Богъ! Татары, турки, матросы́я, никакъ нельзя лодку оставить. Народъ—катыргори [1]). Такъ поставить самоваръ?

Я согласился, и мы пошли къ Эстафетѣ, гдѣ уже хозяйничалъ Саша. Онъ вытащилъ изъ лодки все имущество, потомъ тщательно вымылъ и вычистилъ ее, обтеръ мокрою тряпкой борта, такъ что они блестѣли, и въ заключеніе изъ веселъ и паруса устроилъ на берегу нѣчто въ родѣ палатки. Ксанто приказалъ ему ставить для меня самоваръ, а самъ извлекъ изъ нѣдръ Эстафеты старый чемоданъ и, скрывшись въ палатку, сталъ облачаться въ парадный костюмъ. Онъ надѣлъ новую ситцевую рубашку, которая торчала у него на спинѣ пузыремъ, новые сѣрые брюки съ помочами, синій пиджакъ, ярко вычищенные штиблеты и, расчесавъ свои пушистые кудри, съ новою шляпой въ рукахъ, вышелъ изъ палатки настоящимъ джентльменомъ.

— Ого!—сказалъ я.—Васъ совсѣмъ и не узнаешь!

— Нельзя! — сказалъ Ксанто съ самодовольной улыбкой.— Когда морякъ на берегу, у него праздникъ, всѣ люди смотрятъ, нельзя въ панихидѣ гулять. Пойдешь въ панихидѣ, никакого довѣрія не будетъ. Ну, Сасо, смотри, не ходи отъ лодки! Самъ знаешь, какой здѣсь народъ.

Саша съ восхищеніемъ и гордостью смотрѣлъ на Ксанто.

— Хорошо, тата! А ты скоро вернешься?

---

[1]) Мошенникъ.

— А развѣ я знаю когда? Самъ знаешь, пойдешь туда-сюда, тамъ въ кофейню зовутъ, тамъ въ гостинницу, хочешь-не хочешь, иди, говори, кушай. Нельзя людей обижать; надо такъ, чтобы тебѣ хорошо и имъ хорошо, ты даешь, и тебѣ даютъ; хорошее говори, дурное про себя держи, вотъ и будешь хорошій человѣкъ. Адіо!

Онъ ушелъ, и мы остались вдвоемъ съ Сашей.

— Должно быть, хорошій человѣкъ Ксанто,—сказалъ я.—Вездѣ его знаютъ, уважаютъ. Вѣдь не даромъ же это!

— О, еще бы!—воскликнулъ Саша, и глаза его засверкали.—Тата очень умный, о, какой умный! Онъ всѣмъ умѣетъ угодить, и господамъ, и начальникамъ, и простымъ рыбакамъ. Всѣ его любятъ.

— И онъ тоже, вѣроятно, всѣхъ любитъ?

— А что же ему не любить? Кто хорошо деньги платитъ, того можно любить. За деньги все можно.

— А если денегъ нѣтъ?

Саша подумалъ, нѣсколько озадаченный моимъ вопросомъ.

— Ну, это что же за человѣкъ, у кого денегъ нѣтъ,—сказалъ онъ рѣшительно.—Ужъ это и не человѣкъ совсѣмъ, а просто дрянь. Съ такимъ человѣкомъ тата и дѣло имѣть не захочетъ.

— А какія же дѣла у Ксанто?

При этомъ вопросѣ Саша вдругъ замялся, смутился, отвѣтилъ что-то односложное и началъ собирать чайную посуду. Самоваръ поспѣлъ. Мы разостлали на пескѣ потертый коврикъ, добытый также изъ нѣдръ Эстафеты—чего-чего только не было въ этихъ нѣдрахъ! — разставили посуду, разложили закуски и принялись за чай. — Я попытался возобновить разговоръ, но Саша отвѣчалъ сдержанно и сухо на мои вопросы, избѣгалъ всего, что̀ касалось Ксанто, и видимо относился ко мнѣ недовѣрчиво. Я понялъ свою ошибку и, чтобы разсѣять всякія подозрѣнія Саши на мой счетъ, перемѣнилъ тему разговора. Я сталъ разсказывать ему о своихъ путешествіяхъ, о городахъ, которые я видѣлъ, о людяхъ, съ которыми встрѣчался, и мало-помалу Саша снова разговорился. Съ большимъ любопытствомъ онъ разспрашивалъ меня о Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ и особенно интересовался тѣмъ, много ли въ этихъ городахъ богатыхъ людей, какъ они живутъ, чѣмъ развлекаются и т. д. Не менѣе занималъ его вопросъ о томъ, гдѣ дѣлаютъ деньги, и какимъ способомъ легче всего нажить себѣ состояніе. При этомъ Саша обнаружилъ передъ мной все свое несложное

міросозерцаніе и посвятилъ меня въ свои наивно-безнравственныя мечты. Свѣтъ, по его мнѣнію, дѣлился на бѣдныхъ и богатыхъ; первые заслуживали презрѣнія; вторымъ нужно было всячески угождать, чтобы добиться ихъ вниманія. Понятія о добрѣ и злѣ у него были самыя смутныя: мало работать и имѣть много денегъ было хорошо; много работать и ничего не имѣть—дурно. Кто даетъ денегъ взаймы, кто угощаетъ, кормитъ, поитъ, тотъ добрый человѣкъ, хорошій человѣкъ; у кого не на что купить для пріятеля бутылку вина—тотъ совсѣмъ скверный, никуда негодный, даже вредный человѣкъ, и его надо избѣгать. Поэтому самая главная цѣль въ жизни—нажить состояніе, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Сдѣлать это не такъ трудно: Саша зналъ много такихъ случаевъ, когда простые матросы становились богачами. Онъ не хуже другихъ и тоже надѣется разбогатѣть. Онъ любитъ хорошо одѣться, пройтись по бульвару съ хорошенькой барышней, зайти въ ресторанъ, пустить пыли въ глаза. Ему нравится, когда на него всѣ оглядываются и спрашиваютъ: „кто это такой“?—а лакеи со всѣхъ ногъ бросаются къ нему въ ресторанѣ и предлагаютъ свои услуги! И какъ пріятно заказать себѣ самое лучшее кушанье, приказать подать самаго лучшаго вина, а потомъ вынуть изъ кармана вотъ эдакій толстый бумажникъ и, не мигнувъ, выбросить сторублевую бумажку...

— Вотъ это настоящая жизнь!—съ воодушевленіемъ закончилъ Саша.—Это не то что зимой мерзнуть въ морѣ, да ловить хамсу [1]), а лѣтомъ возить виноградъ изъ Ялты въ Ѳеодосію, изъ Ѳеодосіи въ Ялту! Какая это жизнь? Одно мученье! Постоянно въ грязи, въ водѣ, въ лохмотьяхъ, точно нищій (Саша съ презрѣніемъ поглядѣлъ на свой костюмъ и плюнулъ), удовольствія никакого, заработокъ плохой. Самая проклятая матросская служба, хуже нѣтъ!

— Зачѣмъ же вы служите у Ксанто?

— Не пускаетъ!—мрачно сказалъ Саша.—Я уже отъ него разъ уходилъ на пароходъ, опять назадъ вернулся. Нельзя; я ему долженъ. Онъ меня маленькимъ съ улицы взялъ, кормилъ, училъ, какъ сына держалъ. Нѣтъ, нельзя уйти.

Онъ помолчалъ, задумчиво пуская въ воздухъ колечки дыма, потомъ снова заговорилъ съ мечтательной улыбкой:

— А деньги можно нажить! Вотъ Янко-хамалъ... Или у меня одинъ знакомый былъ, немножко постарше меня, ему тоже счастье вышло. Я вамъ разскажу. Былъ одинъ офицеръ,

[1]) Хамса—мелкая рыба.

очень богатый, морякъ. У него была барышня на содержаніи, красивая, молодая. Моряку нужно было ѣхать въ плаваніе, а барышня остается одна. Ну, сами знаете, непріятно оставлять хорошенькую: одинъ уѣдетъ, найдется другой, а за тысячу верстъ этого не узнаешь, поцѣлуй не оспа, никакихъ знаковъ не оставляетъ. Думалъ-думалъ офицеръ и придумалъ такого человѣка найти, который бы за барышней присматривалъ и все ему доносилъ. Тутъ и подвернулся мой знакомый; онъ тогда безъ мѣста былъ, такъ, по улицамъ шлялся и кое-чѣмъ жилъ. Офицеръ его одѣлъ, отличный костюмъ справилъ, далъ 50 руб. въ мѣсяцъ. Полгода прошло—ничего, а потомъ къ барышнѣ другой началъ ходить. Что дѣлать? Вы думаете, мой знакомый сейчасъ офицеру донесъ? Какъ же, нашли дурака! Онъ пошелъ къ барышнѣ и сказалъ: я все знаю; дайте тысячу рублей—буду молчать; не дадите, напишу офицеру. И что вы думаете, получилъ отъ барышни тысячу рублей, отъ офицера награду, отъ другого кавалера подарокъ, теперь въ Z. магазинъ имѣетъ, бариномъ живетъ... Вотъ какое счастье бываетъ...

— Сколько вамъ лѣтъ, Саша?—спросилъ я.

— Девятнадцать. А что?

— Немного, а какъ вы много знаете! Гдѣ вы всему этому научились?

Саша самодовольно усмѣхнулся, очевидно, принимая мои слова за похвалу, и, безсознательно подражая Ксанто, отвѣчалъ съ характернымъ пожиманіемъ плечъ.

— Э, узнаешь! Я родился и выросъ на улицѣ, а улица всему научитъ! На улицѣ и дуракъ умнымъ станетъ. А съ 10 лѣтъ меня взялъ къ себѣ тата; у него тоже хорошая школа, правда?

Я согласился, а Саша, поощренный моей внимательностью, продолжалъ:

— Э, я столько видѣлъ всего, и хорошаго и дурного! Другой въ сорокъ лѣтъ столько не увидитъ. Если бы все записать, что мы съ татой видѣли, вышла бы хорошая книга, въ родѣ Рокамболя.

— Вы читали Рокамболя?

— Какъ же, читалъ. Я много читалъ и люблю почитать хорошую книжку, особенно гдѣ про барышенъ и про кавалеровъ, про убійство и похищенія. Есть очень хорошія книжки, только тата не любитъ, когда я читаю. Говоритъ, моряку лучше спать, чѣмъ читать; отъ чтенія портится характеръ. Конечно, это пустяки, но я ему уступаю.

— Вы, вѣроятно, очень любите Ксанто?

— Еще бы! Онъ мнѣ вмѣсто отца. Я ему много долженъ!

— А почему же вы отъ него уходили?

— Непріятность вышла! — поморщившись, сказалъ Саша.— Побилъ онъ меня. А я не люблю этого. Кстати и море мнѣ надоѣло, все вода, да вѣтеръ, да качка... я взялъ и ушелъ. А потомъ встрѣтились въ гостинницѣ, онъ сталъ меня просить, звать, выпили мы, поцѣловались, мнѣ стало его жалко, и опять я сѣлъ на Эстафету. Что дѣлать, привыкъ! Да вѣдь и за дѣло онъ меня тогда побилъ. Изъ-за меня тата большія деньги потерялъ; я опаснаго человѣка за-границу отправилъ. Хотите, разскажу?

— Разскажите.

— Опасный человѣкъ одинъ былъ, за нимъ строго слѣдили, чтобы онъ за границу не уѣхалъ. Большую награду обѣщали. Онъ жилъ въ гостинницѣ. Вотъ тата мнѣ и говоритъ: хочешь получить награду, смотри за этимъ господиномъ, куда онъ ходитъ, съ кѣмъ разговариваетъ, что дѣлаетъ, да такъ, чтобы онъ ничего не подумалъ. Что узнаешь, разсказывай мнѣ, больше никому. Ну, я сталъ слѣдить. Господинъ выйдетъ на набережную, я за нимъ. Сядетъ на лавочку, я тоже. Сидимъ, куримъ, потомъ разговаривать начали. Онъ мнѣ понравился, такой смѣлый, красивый и, должно быть, богатый — денегъ не жалѣлъ. Угощаетъ папиросами, фруктами, тѣмъ—другимъ... Мнѣ даже какъ-то непріятно въ душѣ было: думаю, вотъ я ѣмъ, курю съ нимъ, разговариваю, деньги отъ него беру, а онъ и не знаетъ, кто я такой... Дуракъ былъ тогда. Больше оттого мнѣ всякія такія глупыя мысли въ голову входили, что ничего опаснаго въ немъ я не видѣлъ. Что такое, думаю, человѣкъ какъ человѣкъ, одѣтъ хорошо, деньги есть, ходитъ по набережной, посвистываетъ. Сталъ татѣ говорить, онъ заругался. Дуракъ, говоритъ, молчи, не твое дѣло. Твое дѣло награду получить, больше ничего. Ну, я опять хожу, смотрю. Въ нумеръ къ себѣ онъ меня пригласилъ. И въ нумерѣ ничего опаснаго не видно. Потомъ сталъ я его на Эстафетѣ подъ парусомъ катать; онъ любилъ кататься. Съ утра до вечера ѣздимъ, и каждый разъ онъ мнѣ хорошія деньги платитъ. Вотъ однажды вышли въ море, погода была хорошая, онъ и говоритъ: поѣдемъ въ Севастополь! А что, говорю, поѣдемъ! На бульваръ пойдемъ, музыку послушаемъ, съ барышнями погуляемъ. Вѣтеръ былъ попутный, подняли паруса, взяли мористо, къ вечеру пріѣхали въ Севастополь. Онъ далъ мнѣ денегъ на гулянье, а самъ ушелъ и больше не приходилъ. Я всю ночь его ждалъ, все утро ждалъ, когда вдругъ догадался,

какой я дуракъ. Ну, думаю, будетъ мнѣ отъ таты! Пошелъ назадъ и до Херсонеса еще не дошелъ, какъ вижу, задымилъ пароходъ, обогнулъ Константиновскую и раскланялся — до свиданія въ Константинополѣ! Ну, я ему послалъ чорта въ спину и пошелъ домой, точно морского кота проглотилъ. Вотъ тебѣ и бульваръ, и музыка! Вотъ тебѣ и награда!.. И вѣдь развѣ я зналъ, что онъ такъ безъ чемодана, безъ ничего уйдетъ за границу...

Саша разошелся и разсказалъ мнѣ еще нѣсколько подобныхъ случаевъ изъ своей темной, наполненной всякихъ приключеній жизни. Съ наивнымъ безстыдствомъ онъ особенно подчеркивалъ и выставлялъ на видъ самыя грязныя стороны ея и, наоборотъ, немногое хорошее, когда-либо встрѣчавшееся ему, онъ старался осмѣять или затушевать, точно это было что-то очень постыдное. Эта странная черта—похвастаться своими пороками и посмѣяться надъ добродѣтелями, — встрѣчалась, впрочемъ, мнѣ и раньше у многихъ людей, и я думаю, что это тоже своего рода тщеславіе, только для оригинальности вывернутое наизнанку. Добродѣтельныхъ людей черезъ-чуръ много; добродѣтельными хотятъ казаться даже Тартюфы и Іудушки, — и вдругъ на общемъ тусклomъ фонѣ сплошной добродѣтели является лицо безъ маски и объявляетъ: „я—порокъ“! Замѣтно и оригинально!..

Несомнѣнно Саша, по привычкѣ всѣхъ южанъ, немного преувеличивалъ, но въ то же время, я думаю, онъ изъ осторожности многаго и не договаривалъ, особенно, когда рѣчь касалась Ксанто и его таинственной дѣятельности. Во всякомъ случаѣ я много узналъ интереснаго и въ концѣ концовъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ душевной оскомины отъ всей этой грязи и пошлости, которою Саша угощалъ меня во время чаепитія. До заката было еще далеко, и я рѣшилъ побродить по окрестностямъ, чтобы освѣжиться и отдохнуть въ одиночествѣ отъ всѣхъ впечатлѣній пережитаго дня.

— Куда же это вы?—спросилъ меня Саша, когда я всталъ и надѣлъ шляпу.—Въ городъ?

— Не знаю. Пойду вонъ туда, на гору, гдѣ башня.

— Охота вамъ!—съ пренебреженіемъ сказалъ Саша.—Лучше бы пошли въ городъ, я бы вамъ хорошее мѣстечко указалъ... А въ горахъ тамъ что! Чабаны [1]), да татары,—еще убьютъ пожалуй!

— За что?

— Ни за что, такъ себѣ! Татары народъ дикій, русскихъ не любятъ. Не ходите лучше, опасно.

---

[1]) Пастухи.

„Ну, мой другъ, и съ тобою не безопасно"! — подумалъ я, вспомнивъ всѣ разсказы Саши.

— Жалко, что уходите! Я бы вамъ еще разсказалъ хорошенькую исторію... А книжки у васъ почитать нѣтъ?

Къ сожалѣнію, у меня съ собою ничего не было, кромѣ исторіи Пьера Шлемиля на французскомъ языкѣ, и я долженъ былъ отказать Сашѣ.

— Ну, такъ я спать лягу! — рѣшилъ онъ.—Эхъ, напрасно идете... А турокъ-то, посмотрите, все треплется!

Я посмотрѣлъ. Въ дымкѣ тумана, затянувшаго море и небо, въ черномъ хаосѣ волнъ, дѣйствительно, безпомощно трепалось что-то сѣрое, жалкое, маленькое. По временамъ оно совершенно исчезало, потомъ снова появлялось и начинало свои судорожныя движенія, напоминавшія послѣднія вздрагиванія агоніи. Видѣть это было нестерпимо, и я, мысленно пожелавъ удачи несчастному „турку", пошелъ по берегу.

V.

Мѣстность, среди которой мнѣ пришлось такъ неожиданно очутиться, была удивительно живописна, хотя нѣсколько пустынна и сурова. Песчаный пологій берегъ описывалъ полулунную линію и съ обѣихъ сторонъ замыкался скалистыми вершинами горъ, отвѣсно падавшими въ море. На одной изъ нихъ уцѣлѣли развалины генуэзской крѣпости; особенно хорошо сохранилась одна башня съ бойницами, зубцами и воротами. Ея стройный, немного печальный силуэтъ придавалъ мѣстности особую дикую красоту и сообщалъ ей нѣсколько романтическій характеръ. Къ этой башнѣ я и направился. Идти было очень трудно; ноги вязли въ пескѣ; какая-то колючая, щетинистая трава съ отвратительнымъ запахомъ впивалась въ подошвы сапогъ и прилипала къ одеждѣ; круглые камешки, отшлифованные прибоемъ, безпрестанно заставляли спотыкаться. Кое-гдѣ на берегу стояли распряженныя татарскія маджары; худыя лошади, позвякивая сбруей, лѣниво что-то жевали; старики-татары съ бронзовыми сморщенными лицами, въ грязныхъ чалмахъ, обернутыхъ вокругъ шапокъ, сидѣли или лежали тутъ же, вперивъ неподвижные взоры въ бушующее море. Голые, бронзовые мальчишки визжали и кувыркались въ пѣнѣ прибоя; дѣвочки въ красныхъ засаленныхъ фескахъ, съ выкрашенными въ кирпичную краску косичками, съ неестественно черными бровями, соединенными въ одну линію, серьезно и мол-

чаливо рылись въ камешкахъ; женщины, старыя и молодыя, сбросивъ съ себя халаты и оставшись въ однѣхъ ситцевыхъ шальварахъ и короткихъ кофточкахъ, мыли въ мокромъ пескѣ бѣлье, притаптывая его ногами, и ихъ рѣзкіе, крикливые голоса сливались съ грохотомъ волнъ. Завидѣвъ меня, онѣ смолкали и недовѣрчиво на меня косились; мужчины настораживались, и ихъ сморщенныя лица принимали враждебное выраженіе, — только дѣти съ любопытствомъ провожали меня глазами, переглядывались, улыбались мнѣ, а одна дѣвочка бросила въ меня камешкомъ и что-то весело прокричала.

Изнемогая отъ усталости и обливаясь потомъ, я наконецъ прошелъ всю песчаную полосу и уперся въ подошву горы, увѣнчанной генуэзскими развалинами. Крутая каменистая тропинка почти отвѣсно поднималась по голой скалѣ и терялась между желтыми камнями. Собравшись съ силами, я началъ взбираться по ней. Это оказалось не такъ трудно, — гораздо труднѣе было шагать по щиколку въ пескѣ, — и я скоро взобрался на страшную высоту. Внизу глухо шумѣло невидимое море; вокругъ меня разстилалось другое море — море горъ; ихъ закругленныя вершины были похожи на окаменѣвшія волны. А тропинка вилась все выше и выше, поворачивая то вправо, то влѣво; на скалахъ показалась какая-то растительность; въ расщелинахъ камней росли странные синіе цвѣты, грубые, похожіе на искусственные; воздухъ былъ насыщенъ острымъ, пряным запахомъ горныхъ травъ; сухой трескъ цикадъ несся изъ каждаго кустика, изъ каждой трещины. Это былъ совсѣмъ особенный міръ, очаровательный и немножко странный; здѣсь вѣяло стариной, фантастической сказкой, бродили какія-то безформенныя, таинственныя тѣни и всюду была разлита молчаливая печаль.

Я шелъ уже болѣе часа, а между тѣмъ развалины были еще далеко. Мнѣ казалось даже, что теперь онѣ еще дальше, и я началъ подумывать, — не заблудился ли я. Но возвращаться мнѣ не хотѣлось, и я продолжалъ идти впередъ. Вдругъ на одномъ изъ поворотовъ я лицомъ къ лицу столкнулся съ человѣкомъ и отъ неожиданности даже отшатнулся и остановился. Это былъ высокій татаринъ съ вязанкой сухого хворосту за плечами; онъ тоже видимо былъ изумленъ встрѣчей. Мнѣ почему-то вспомнились предостереженія Саши...

— Вахтынытъ хаиръ олсунъ! [1]), — привѣтствовалъ я татарина.

Онъ сдѣлалъ попытку выпрямиться подъ своей тяжелой но-

[1]) Здравствуйте.

шей, и изъ-подъ вязанки на меня выглянуло худое, темное лицо съ добродушнымъ взглядомъ впалыхъ глазъ.

— Вахтынытъ, вахтынытъ!—отвѣчалъ онъ на мое привѣтствіе, улыбаясь, и, вѣроятно, чтобы отплатить мнѣ любезностью за любезность, прибавилъ по-русски:—здараста! Куда идешь? Гора? Кале?

Я указалъ ему на развалины и спросилъ, какъ туда пройти.

— Прямо, все прямо! Кызъ-Кале [1]), большой гора, большой башня! Далеко увидишь, море увидишь, Азадагъ! Царица жилъ!—прибавилъ онъ серьезно.

— Какая царица?

— Не знаемъ! Большой царица, давно жилъ, сто лѣтъ больше. Аллахъ молился, море глядѣлъ. Ступай, увидишь!

Я предложилъ ему папиросу. Татаринъ сбросилъ вязанку на земь, присѣлъ на камень и съ удовольствіемъ закурилъ.

— Тютюнъ яхши!—похвалилъ онъ и, доставъ изъ кармана засаленный шолковый мѣшечекъ, протянулъ мнѣ.—Мой кури!

Вѣжливость за вѣжливость: я свернулъ себѣ крученку изъ крѣпчайшаго доморощеннаго табаку и затянулся. Татаринъ глядѣлъ на меня добродушно и нѣсколько задумчиво, прищуривъ глаза и медленно выпуская изо-рта тоненькія струйки дыма. Нѣсколько минутъ мы молчали.

— А теперь тамъ есть люди?—спросилъ я наконецъ, указывая наверхъ.—Живетъ кто-нибудь?

Татаринъ отрицательно покачалъ головой.

— Ничего нѣтъ, пустой! Давно жилъ, когда русскій не былъ. Пришелъ русскій, все взялъ—море взялъ, лѣсъ взялъ, горы взялъ. Теперь пустой, ничего нѣтъ, люди ушли.

— А вы откуда? Гдѣ живете?

Онъ показалъ внизъ.

— Тамъ, гора, лѣсъ, деревня. Тамъ живемъ!

— Земля есть, садъ, виноградникъ?

— Нѣтъ, плохо живемъ, плохо есть,—земля совсѣмъ мало сталъ. Давно было, лѣсъ былъ, степь была, теперь ничего нѣтъ. Здѣсь чаиръ [2]), тамъ чаиръ, здѣсь казна, тамъ помѣщикъ,—намъ ничего нѣтъ...

Онъ грустно задумался, глядя вверхъ на синѣющія горы, и на его худомъ загорѣломъ лицѣ появилось выраженіе фаталистической покорности волѣ всемогущаго Аллаха и пророка его.

---

[1]) Башня дѣвы.

[2]) Огороженное мѣсто.

Папиросы были докурены. Я всталъ. Татаринъ приложилъ руку ко лбу.

— Савлыхвенъ-варнызъ [1])! Гдѣ живешь? Въ городѣ? Маметку знаешь?

— Нѣтъ, не знаю.

— Мой братъ. Худой, красная куртка. Яйса продаетъ, куры продаетъ. Приходи къ намъ, въ деревня, радъ будемъ. Много нѣтъ, экмекъ [2]) есть, катыкъ [3]) есть. Спроси Кара-бялэлъ. Будешь здоровъ, приходи!

Онъ взвалилъ себѣ на плечи вязанку и, шурша по камнямъ постолами [4]), исчезъ за поворотомъ тропинки. Я пошелъ дальше. Подъемъ становился все круче; тропинка по временамъ совсѣмъ исчезала въ камняхъ и скользкой, выжженной солнцемъ травѣ. Тѣ безжизненные, точно вырѣзанные изъ бумаги, синіе цвѣты, которые встрѣчались мнѣ и раньше, здѣсь пышно разрослись, стали ярче и крупнѣе; полынь и какая-то высокая трава съ темно-фіолетовыми цвѣтами распространяли вокругъ одуряющій запахъ; цикады оглушительно стрекотали. Вдругъ тропинка исчезла; передо мной выросла голая сѣрая скала съ выбитыми въ ней грубыми ступеньками, страшно скользкими. Тощіе, жалкіе кустики выродившагося карагача, береста и шиповника торчали кое-гдѣ изъ расщелины горы. Цѣпляясь за ихъ колючія вѣтви, я сталъ подниматься наверхъ; ноги мои безпрестанно скользили; мелкіе камни съ шорохомъ сыпались внизъ. Все выше, выше... казалось, и конца не будетъ этому подъему. Задыхаясь отъ усталости, я сдѣлалъ послѣднее усиліе... и вдругъ очутился у подножія башни. Величественная, безмолвная, сумрачно высилась она надо мною; отъ ея каменныхъ стѣнъ вѣяло холодомъ смерти и разрушенія. Распластавъ крылья, надъ вершиною ея парилъ орелъ съ сердитымъ клёкотомъ; должно быть, я спугнулъ его, и онъ негодовалъ на мою дерзость. Въ стѣнѣ башни чернѣла хорошо сохранившаяся амбразура; передъ нею громоздилась безпорядочная груда камней,—вѣроятно, остатки лѣстницы. Я вскарабкался по нимъ и проникъ внутрь башни; запахъ смерти былъ здѣсь еще ощутительнѣе. Широкая брешь вела на крошечную площадку; я вышелъ—и окаменѣлъ отъ ужаса и восторга. Необъятная голубая бездна развернлась предо мною... внизу—голубое море, вверху—голубое небо. Направо едва-едва намѣчались лиловые

[1]) Прощай.

[2]) Хлѣбъ.

[3]) Кислое молоко.

[4]) Кожаная обувь въ родѣ сандалій.

контуры Азадага; налѣво сѣрыми облаками громоздились на горизонтѣ горы Ѳеодосіи. Пустынный берегъ лежалъ далеко внизу; строенія казались чуть замѣтными точками. Я тщетно старался разыскать среди этихъ бѣлыхъ точекъ свою Эстафету—и не нашелъ ея. Какъ далекъ я былъ теперь отъ Ксанто, Саши, отъ всей ихъ темной жизни съ грязными разсчетами, съ подозрительными дѣлами, съ мелочной борьбой изъ-за „капити“. Я сѣлъ на уцѣлѣвшемъ парапетѣ площадки, прислонился головою къ стѣнѣ башни, и странное настроеніе овладѣло мною. Блѣдные призраки далекой старины мерещились мнѣ не то во снѣ, не то на яву; какіе-то чуждые голоса на чуждомъ нарѣчіи раздавались въ пустыхъ стѣнахъ; чьи-то тяжелые шаги гулко отдавались и замирали вдали. Кто они были, эти исчезнувшіе люди? Какъ они жили, боролись, страдали, любили? Шумнымъ потокомъ, со смѣхомъ и звономъ кубковъ, съ бряцаніемъ оружія, съ воинственными кликами пронеслась ихъ жизнь и исчезла безслѣдно... гдѣ?.. Были греки, генуэзцы, татары; потомъ пришли русскіе, все разрушили, все взяли; можетъ быть, придутъ и еще какіе-нибудь, теперь невѣдомые,—и опять польется кровь, дикій шумъ борьбы эхомъ прокатится по горамъ, и то, что теперь живетъ, борется, страдаетъ, радуется—будетъ растоптано, уничтожено, забыто, а на развалинахъ исчезнувшей жизни начнется новая, другая жизнь.

Вдругъ я увидѣлъ величественную блѣдную женщину, сидѣвшую на парапетѣ въ неподвижной позѣ. На ней было длинное бѣлое платье, обнаженныя руки были украшены золотыми браслетами; на головѣ блестѣлъ золотой обручъ. Склонивъ голову на грудь, она глядѣла на море... Это та царица, о которой говорилъ татаринъ,—подумалъ я. Но зачѣмъ же она здѣсь? Вѣдь ея нѣтъ давно, она умерла, исчезла,—пришли русскіе, все взяли... Вдругъ она подняла голову и взглянула на меня. Ея мертвое лицо исказилось гнѣвомъ, мрачные глаза засверкали. Она медленно поднялась, протянула руку,—запястья звякнули—и глухой гулъ прокатился вокругъ меня. Слышались чьи-то вопли и стоны, угрожающіе крики, лязгъ желѣза, отдаленный грохотъ выстрѣловъ...

Въ страхѣ я бросился бѣжать—и очнулся. Никого не было; я сидѣлъ на парапетѣ; внизу клокотало море и доносился грохотъ прибоя. Зыбь, вѣроятно, усилилась. Солнце уже скрылось за изломанной линіей горъ, только на зубцахъ башни лежалъ розоватый отсвѣтъ. На югѣ темнѣла туча, и въ ея нѣдрахъ изрѣдка вспыхивала молнія. Мнѣ стало жутко. На югѣ темнѣетъ быстро;

нужно было спѣшить спуститься внизъ до темноты, иначе я рисковалъ потерять тропинку и заночевать въ башнѣ, чего мнѣ вовсе не хотѣлось, особенно въ виду приближенія грозы, — страшной южной грозы съ дьявольскими раскатами грома, со свистомъ и ревомъ урагана, съ оглушающимъ и ослѣпляющимъ ливнемъ. Притомъ я былъ еще подъ впечатлѣніемъ своего сна, и образъ грозной царицы живо рисовался предо мною. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ она появится снова на парапетѣ, вперитъ въ меня свои неподвижные глаза, и золотыя запястья зазвенятъ на ея рукахъ... Непріятный холодокъ поползъ у меня по спинѣ, и я поспѣшилъ выбраться изъ башни. Летучая мышь безшумно пронеслась мимо, слегка, точно паутиной, задѣвъ меня по щекѣ; жалобный плачъ вспугнутой совы громкимъ эхомъ прокатился надъ башней. Не оглядываясь, съ щемящимъ чувствомъ одиночества и страха въ груди, я торопливо началъ спускаться. Камни летѣли вслѣдъ, ударяя меня по ногамъ; казалось, кто-то гнался за мною по пятамъ, и это еще болѣе увеличивало мое волненіе. —Добравшись до того мѣста, гдѣ мы встрѣтились съ татариномъ, я вздохнулъ нѣсколько свободнѣе. Самый трудный путь былъ пройденъ. Въ послѣдній разъ я оглянулся на башню. Розовый блескъ на ея зубцахъ потухъ; окутанная въ сѣрый плащъ сумерекъ, она стояла величественная и безмолвная по прежнему. Но ея романтическій силуэтъ теперь не вызвалъ во мнѣ того жуткаго и торжественнаго настроенія, которое я испыталъ тамъ, наверху; призраки прошлаго, вызванные моимъ воображеніемъ, потеряли надо мною власть,—земля съ ея пошлостью, съ ея будничными заботами и потребностями, тянула меня внизъ. Я думалъ о Ксанто, о Сашѣ, о самоварѣ и ѣдѣ; потомъ мнѣ вспомнился давешній татаринъ съ его грустнымъ, добрымъ лицомъ и словами: „плохо сталъ, мало сталъ; здѣсь казна, тамъ помѣщикъ, — у насъ ничего нѣтъ“... И я почувствовалъ страстное желаніе какъ можно скорѣе увидѣть человѣческое лицо, услышать живой голосъ. Богъ съ ними,—призраками прошлаго; они жили когда-то и отжили свое; теперь мы живемъ и хотимъ жить...

Когда я спустился внизъ, совсѣмъ уже стемнѣло. На берегу мерцали огоньки,—тамъ что-то жило и копошилось во мракѣ.

Прибой ревѣлъ, какъ бѣшеный звѣрь, и вода съ тѣмъ же злобнымъ шипѣніемъ ползла по песку, захватывая все большее и большее пространство. При вспышкахъ молніи я видѣлъ какъ она, точно змѣя, извиваясь и сверкая, подкрадывалась ко мнѣ и снова уползала назадъ.

Я почти обрадовался, увидѣвъ бѣлые бока нашей Эстафеты,

смутно рисовавшіеся во мракѣ; темная фигура отдѣлилась отъ нея и пошла ко мнѣ на встрѣчу.

— Это вы, Саша?

— Я. Ну, вы пропали! Я уже думалъ, что вы заблудились или встрѣтили нехорошаго человѣка.

— И не заблудился, и хорошаго человѣка встрѣтилъ.

— Кого?

— Татарина.

— Тьфу!—плюнулъ Саша.—Какой же хорошій человѣкъ татаринъ?

— Нѣтъ, очень хорошій. Онъ меня къ себѣ въ гости звалъ, въ деревню.

— И вы пойдете?

— Не знаю, можетъ быть, пойду.

Саша замолчалъ, но я чувствовалъ, что онъ въ эту минуту презираетъ меня отъ всей души.

VI.

Мы подошли къ Эстафетѣ. Саша устроилъ надъ нею навѣсъ изъ веселъ и паруса и зажегъ фонарь, привязанный къ мачтѣ. Изъ-подъ навѣса слышался неистовый храпъ, прерываемый бормотаніемъ.

— Это тата,—шепнулъ Саша.—Немножко выпилъ. Нельзя, угощаютъ! А вы вѣдь тоже хотите кушать? Можетъ, поставить самоваръ?

— Зачѣмъ, не надо,—ложитесь спать, вы устали. Тутъ на берегу вѣдь можно гдѣ-нибудь выпить чаю?

— А какъ же, тутъ въ лавочкѣ—и чай, и кофе есть.

— Ну, вотъ я и пойду. Прощайте.

— Кали нихта! [1])—крикнулъ мнѣ Саша и юркнулъ подъ навѣсъ, а я пошелъ бродить по берегу.

На сосѣднихъ лодкахъ еще не спали. Всюду на мачтахъ горѣли фонари, и въ ихъ дрожащемъ свѣтѣ мелькали человѣческія фигуры. Вотъ два рыбака-грека играютъ въ карты; по ихъ оживленной жестикуляціи, по движенію лицевыхъ мускуловъ видно, что они что-то говорятъ, но за шумомъ прибоя рѣшительно ничего не слышно. Около нихъ, поджавъ подъ себя ноги, сидитъ турокъ, куритъ кручонку и безстрастно наблюдаетъ за

[1]) Хорошей ночи.

ихъ игрой. Его неподвижное лицо съ красивыми чертами, его холодные, сѣрые глаза, его поза и красный платокъ на головѣ напоминаютъ мнѣ картины Верещагина.

Это цѣлый историческій характеръ, зачатый въ эпилептическомъ бредѣ великаго пророка, вскормленный суровою поэзіей Корана подъ зеленымъ знаменемъ ненависти. Вотъ онъ сидитъ, погруженный въ свои невѣдомыя думы, безстрастный и равнодушный. Голодъ загналъ его на чужбину, заставилъ служить проклятымъ гяурамъ, съ воловьимъ терпѣніемъ таскать для нихъ огромныя тяжести, переносить брань, можетъ быть, побои. Но настанетъ минута, когда надъ Босфоромъ взовьется зеленое знамя возстанія, и его холодные глаза загорятся пламенемъ убійства и разрушенія, и онъ будетъ рѣзать, душить, жечь, самъ не зная зачѣмъ, пока его окровавленная тѣнь не улетитъ туда, гдѣ обѣщано ему райское блаженство. Узнаетъ ли онъ тогда, что все это былъ одинъ обманъ?..

Поодаль отъ этой группы расположилась другая. Здѣсь ѣли маслины и закусывали ихъ арбузомъ; тутъ же таможенный солдатъ, вывернувъ рубашку, искалъ насѣкомыхъ. Еще дальше, разметавшись прямо на пескѣ, храпѣли въ кучѣ лохмотьевъ какія-то тѣла. Осторожно пробираясь между ними, чтобы не наступить впотьмахъ кому-нибудь на руку или на ногу, я дошелъ до груды ящиковъ, нагроможденныхъ другъ на друга. Тусклый огонекъ блеснулъ мнѣ въ глаза, чей-то темный силуэтъ выросъ передо мною.

— Чего угодно, господинъ? Кефаль свѣжая есть, кофе есть, чай есть, буза, чебуреки...

Я заказалъ себѣ кефали и кофе по-турецки. Темный силуэтъ, оказавшійся предпріимчивымъ молодымъ грекомъ невзрачной наружности, провелъ меня между тюками и ящиками и остановился у дверей скверной лавчонки, сбитой на скорую руку изъ барочнаго хлама. На порогѣ лавочки, рельефно выдѣляясь среди груды арбузовъ, дынь и винограда, сидѣла красивая гречанка въ бѣлой шолковой чадрѣ. Она милостиво улыбнулась мнѣ и снова застыла въ своей неподвижной позѣ, не принимая никакого участія въ хлопотахъ мужа. Прямо передъ дверями за столикомъ сидѣли двое—таможенный офицеръ и статскій; они что-то пили, закусывали и толковали о бурѣ, о пароходѣ, который долженъ былъ придти, но запоздалъ. Между тѣмъ въ глубинѣ лавочки что-то неистово шипѣло, трещало и распространяло удушливый чадъ. Это, должно быть, жарилась моя кефаль. Черезъ минуту хозяинъ вынесъ наружу другой столъ, накрытый подозрительной скатертью,

прислонилъ его къ грудѣ товаровъ, зажегъ лампочку и пригласилъ меня „кушать“. Передо мною очутилась огромная дымящаяся сковорода съ жареною кефалью, обильно приправленною перцемъ и помидорами. Послѣ двухъ-трехъ пріемовъ этого кушанья я почувствовалъ, что у меня во рту загорѣлся цѣлый пожаръ, и я поскорѣе поспѣшилъ залить его двойной порціей кофе. Эта горячая, густая, душистая жидкость сразу меня оживила и привела въ порядокъ мои мысли. Я сидѣлъ, смотрѣлъ, слушалъ и наслаждался. Мнѣ нравилась эта необычная обстановка, среди которой я очутился,—столъ среди груды ящиковъ, гулъ прибоя, напоминавшій отдаленные пушечные выстрѣлы, безмолвная молнія, пробѣгавшая надъ головою, красивое, неподвижное лицо гречанки съ черными глазами, таинственно сверкавшими изъ-подъ бѣлой чадры... Вдругъ подъ ногами у меня что-то зашевелилось, и косматая голова выглянула изъ-подъ брезента. Я отшатнулся.

— Ничего, кушайте, кушайте на здоровье!—сказала голова спокойно.—Это мы,—товаръ караулимъ.—Голова поглядѣла на небо и сладко зѣвнула.—Погодка! Должно, не придетъ пароходъ нынче.—Ну, ты, чортова кукла, подвинься-ка!—отнеслась она къ кому-то подъ брезентомъ и снова скрылась.

— Какой это пароходъ ждутъ сегодня?—спросилъ я хозяина, убиравшаго со стола посуду.

— Да военный, ледоколъ. Да вѣрно не придетъ; зыбь большая, лодку нельзя спустить. Четвертый день товары лежатъ.

— А какъ вы думаете, скоро кончится эта зыбь?

Хозяинъ для чего-то поглядѣлъ на небо и пожалъ плечами.

— Можетъ быть, завтра, можетъ быть, послѣ-завтра, а можетъ быть, и черезъ недѣлю. Кто знаетъ?

Это была настоящая морская философія, и я тутъ только вполнѣ постигъ, что значитъ сидѣть у моря и ждать погоды.

Я вернулся на берегъ. Здѣсь уже все спало, только огоньки на мачтахъ еще бодрствовали и, казалось, внимательно и сторожко вглядывались въ темноту, въ которой безпокойно металась и вздрагивала молнія. Ихъ спокойное и ровное мерцаніе представляло странный контрастъ съ этими судорожными вспышками, въ которыхъ чувствовалось раздраженное безсиліе. Туча свернулась, свилась въ длинную волнистую ленту и тяжело повисла надъ моремъ, словно уставшая змѣя. Слѣва изъ-за горъ въ вуалѣ изъ кружевныхъ облачковъ вышла луна на ущербѣ и вперила свое мертвенное око въ клубящуюся даль. Направо едва-едва намѣчались на сумрачномъ фонѣ неба зубцы Кызъ-Кале;—точно гигантская корона висѣла въ воздухѣ... А здѣсь внизу выло и

бѣсновалось море, разыгрывая свою неистовую симфонію, отъ которой содрогалась земля. Я долго сидѣлъ на бревнѣ, будучи не въ силахъ оторваться отъ этого великолѣпнаго зрѣлища. Но мало-по-малу мысли у меня начали путаться; мнѣ казалось, что я Рубинштейнъ и играю на колоссальномъ роялѣ, но рояль—не рояль, а море, и вмѣсто клавишъ у меня подъ пальцами пѣнятся и звучатъ волны, и съ каждымъ аккордомъ изъ нихъ возникаютъ странные образы, похожіе на чудовищныя созданія Гофмана... Я уже собирался поймать одинъ изъ этихъ призраковъ, чтобы посадить его въ стеклянную бутылку, какъ студента Ансельма, но въ эту минуту клюнулъ носомъ и очнулся. Пора было перебираться въ лодку. Я разыскалъ на кормѣ приготовленную мнѣ Сашей постель и заснулъ, какъ въ воду канулъ.

Не знаю, долго ли я спалъ, но была еще ночь, когда меня разбудили какіе-то крики, говоръ и бѣготня. Я выглянулъ изъ-подъ навѣса. Въ сумракѣ мелькали по берегу фонари, суетились люди, крича и о чемъ-то переговариваясь. Тусклая, желтая половинка луны поднялась немного повыше, и въ ея неполномъ свѣтѣ я увидѣлъ Ксанто, Сашу и еще какого-то третьяго человѣка. Они оживленно разговаривали и жестикулировали. Я былохотѣлъ спросить ихъ, что̀ случилось, но невообразимая слабость оковала всѣ мои члены, и, повалившись на дно лодки, я снова заснулъ.

Проснулся я уже утромъ отъ невыносимой духоты и прежде всего услышалъ тѣ же равномѣрные удары волнъ о берегъ и однообразное шуршаніе песка, увлекаемаго въ море. Значитъ, зыбь продолжалась... Весь въ поту я выбрался изъ лодки и съ наслажденіемъ вдохнулъ въ себя влажный, соленый воздухъ. Солнце уже было высоко и припекало порядочно; Ксанто и Саша сидѣли въ тѣни Эстафеты и пили чай. Лицо Ксанто носило слѣды генеральной выпивки, онъ какъ-то распухъ, волосы его были всклочены, бакенбарды примяты, въ голосѣ преобладали низкія ноты съ изрядной хрипотой и онъ называлъ Сашу снова не „Сасо“, а „Шаша“, что̀, какъ я замѣтилъ, было у него признакомъ нѣкотораго внутренняго недовольства. Вѣроятно, какія-нибудь „дѣла“ не удались или черезъ-чуръ много истратилъ своихъ „капити“.

Я поздоровался съ ними и спросилъ, какъ море. Вмѣсто отвѣта Ксанто мрачно указалъ на прибой, волны котораго докатывались уже почти до Эстафеты, стоявшей довольно далеко отъ берега.

— Значитъ, опять сидимъ?—спросилъ я.

— Сидимъ!—сказалъ Саша.—Вонъ и пароходъ на якорѣ стоитъ,—идти совсѣмъ нельзя.

Я посмотрѣлъ на море и увидѣлъ небольшой пароходъ, который раскачивался на волнахъ, точно игрушечный корабликъ.

— Ахъ, такъ вотъ почему шумѣли ночью,—пароходъ пришелъ!—сказалъ я.

— Вы слышали?—спросилъ Саша.

— Да, чуть-чуть. Очень хотѣлось спать.

Саша переглянулся съ Ксанто, и Ксанто, прочистивъ предварительнымъ откашливаніемъ свое горло отъ хрипоты, сказалъ:

— Пароходъ—пароходомъ, а тутъ еще несчастье случилось: татаринъ казеннаго объѣздчика зарѣзалъ.

— Какъ такъ? Когда?

— Не знаю... ночью. Тутъ всѣхъ перебудили, стража набѣжала,—шумъ, крикъ, ищутъ! Будто бы онъ сюда убѣжалъ, въ море уплылъ. Глупости какія! Развѣ можно въ такую погоду въ море бросаться?

— Такъ его не нашли?

— Гдѣ же найти? Онъ теперь гдѣ-нибудь въ скалахъ сидитъ, развѣ найдешь. Свои спрячутъ. Опасный народъ, разбойники.

— За что же убилъ?

— Лѣсъ карабчилъ [1]). Проклятый народъ,—не разбираетъ, гдѣ свое, гдѣ чужое. Работать не хочетъ, чужое тащитъ.

Мнѣ опять вспомнился мой знакомецъ-татаринъ съ его меланхолическими словами: „гора былъ, лѣсъ былъ, степь былъ, пришелъ русскій, все взялъ“...

— А объѣздчикъ умеръ?—спросилъ я.

— Всѣ кишки наружу вышли, развѣ можно жить? Жалко человѣка, хорошій былъ человѣкъ, строгій человѣкъ. Я знакомъ былъ; сколько разъ кушали, пили вмѣстѣ.

— Да вѣдь вы, тата, и татарина этого знали?—вмѣшался Саша.

Правый глазъ Ксанто на мгновеніе свирѣпо сверкнулъ изъ-подъ опущеннаго вѣка, и Саша прикусилъ языкъ. А Ксанто продолжалъ какъ бы не слыша замѣчанія Саши.

— Конечно, семейству пенсію дадутъ. А все-таки жалко человѣка. Нехорошая смерть; не дай Богъ такая смерть никому. А татаринъ убѣжитъ. Онъ въ скалахъ всякую щель знаетъ.

---

[1]) Воровалъ.

И искать опасно. Зачѣмъ же ему сюда идти? Развѣ онъ дуракъ, чтобы сюда идти?

Ксанто медленно поднялся и началъ искать чего-то въ Эстафетѣ, а Саша обратился ко мнѣ.

— Вотъ, а вы вчера гуляли одни на горѣ. Вотъ вѣдь какъ здѣсь опасно.

— Да мнѣ чего же бояться,—я не объѣздчикъ.

— Имъ все равно, что объѣздчикъ, что нѣтъ. Увидитъ на васъ цѣпочку, часы, а ножикъ у него всегда въ карманѣ. Чикъ и готово!

— Ну, это пустяки вы говорите. Напротивъ, я слышалъ, что татары—очень честный народъ.

— Какой честный! Это вы ихъ не знаете! Вотъ если вы въ гостяхъ у татарина побывали, ну, тогда онъ васъ никогда не тронетъ. Гость это ему другъ и братъ. Вотъ тата разсказывалъ...

— Шаша!—крикнулъ Ксанто.—Когда же ты въ городъ пойдешь? Знаешь, я тоже нынче въ городъ пойду, а болтаешь, теряешь время.

Саша вспыхнулъ и что-то возразилъ по-гречески; между ними начался довольно крупный разговоръ. Саша запальчиво упрекалъ Ксанто въ чемъ-то; тотъ угрюмо ворчалъ, и подъ его правымъ вѣкомъ вспыхивали молніи, не предвѣщавшія ничего добраго. Однако, по обыкновенію, все кончилось самымъ мирнымъ образомъ: Ксанто, пыхтя и отдуваясь, растянулся на пескѣ и закурилъ папиросу, а Саша началъ одѣваться. На сцену опять появился старый чемоданъ со всѣми аттрибутами—сапожными щетками, ваксой, помадой, гребнями и прочими туалетными принадлежностями. Но костюмъ Саши оказался гораздо сложнѣе и потребовалъ вдвое больше времени. Вмѣсто ситцевой рубашки онъ надѣлъ крахмальную съ тугимъ воротничкомъ и огромнѣйшимъ, во всю грудь, бѣлымъ атласнымъ галстукомъ, на которомъ красовались лошадиныя головы, подковы и хлысты. Бѣлый же пикейный жилетъ элегантно выглядывалъ изъ-подъ черной визитки; широчайшіе черные штаны и ярко вычищенныя штиблеты довершали туалетъ. Когда онъ одѣвался, я замѣтилъ у него на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ какой-то странный мѣшечекъ въ видѣ полумѣсяца съ вышитыми на немъ знаками, напоминавшими турецкія буквы.

— Что это у васъ такое?—спросилъ я.

— Это татарская молитва, амулетъ. Говорятъ, если ее носить, никогда не утонешь.

— Какъ же это вы ее вмѣстѣ съ крестомъ носите, а сами говорите, что у татаръ вѣра собачья?

Саша засмѣялся.

— А что же такое, конечно, собачья! А молитва, говорятъ, на морѣ помогаетъ, отчего же ее не носить?

Ксанто съ недовольнымъ видомъ прислушивался къ нашему разговору и торопилъ Сашу одѣваться.

— Сейчасъ, сейчасъ, тату!—откликнулся Саша, прицѣпляя къ карману жилета бронзовую цѣпочку безъ часовъ.—Вотъ все есть, а часовъ нѣтъ,—обратился онъ ко мнѣ.—Тата до сихъ поръ не покупаетъ.

— А ты заслужи, заслужи!—проворчалъ Ксанто.—Пользу отъ тебя увижу, и часы куплю. Языкомъ много болтаешь, вѣтеръ въ головѣ ходитъ. Другой бы давно какой-нибудь понравился и часы отъ нея имѣлъ, а ты не умѣешь.

— Ну, это еще мы посмотримъ!—обидчиво возразилъ Саша и закрутилъ свои усики въ тончайшія ниточки.

— Смотри, смотри! Разбогатѣешь, не забудь тогда стараго Ксанто!—насмѣшливо проговорилъ Ксанто.—Э-эхъ, нѣтъ, не будетъ изъ тебя толку! Ну-ка, подай мнѣ мою „панихиду“.

Онъ порылся въ карманахъ „панихиды“, досталъ какую-то серебряную монету и вручилъ ее Сашѣ.

— На тебѣ, гуляй. Только смотри, не запаздывай, не дай Богъ, дѣло изъ-за тебя пропущу. И назадъ лучше не приходи! Глупый мальчикъ, ничего въ головѣ нѣтъ! — прибавилъ Ксанто вслѣдъ уходящему Сашѣ.—Сколько онъ мнѣ испортилъ дѣла, не дай Богъ! А зачѣмъ я его держу, почему-что жалко... Вѣдь онъ безъ меня пропалъ совсѣмъ. Я его вотъ такимъ на улицѣ взялъ, безъ отца, безъ матери бѣгалъ, какъ скили (собака), когда поѣстъ, когда нѣтъ, ночевалъ на набережной. Много ихъ, такихъ, бѣгаетъ по улицамъ и въ Ялтѣ, и въ Одессѣ. Ну, этотъ мнѣ понравился, я его взялъ, а теперь не могу прогнать, жалко. Ксанто—добрый человѣкъ, это всѣ знаютъ. У Ксанто денегъ нѣтъ, это правда, а душа есть... Всѣ скажутъ!

И растроганный Ксанто вытеръ рукавомъ свои заслезившіеся глаза.

— Ну, а какъ ваши дѣла здѣсь идутъ? хорошо? — спросилъ я.

— Э, какія наши дѣла! — съ гримасой сказалъ Ксанто.— Наши дѣла совсѣмъ пустыя. Думалъ одного человѣка повидать, а онъ уѣхалъ въ Симферополь. Развѣ у бѣднаго человѣка бываютъ хорошія дѣла? Такъ, однѣ глупости: что богатый чело-

вѣкъ броситъ, то бѣдный подберетъ. Знаете, какъ птица одна есть, питонъ у насъ называется. Видали ее?

— Нѣтъ, не видалъ. Чайка, можетъ быть?

— Чайка не чайка, а чайкѣ родня будетъ. Вотъ весной когда хамса въ морѣ идетъ, чаекъ этихъ не дай Богъ сколько собирается—неба не видно. Хамса идетъ, а чайки ее кушаютъ. Накушаются до того, уже животъ не держитъ, все назадъ идетъ, а питонъ сзади идетъ и подбираетъ.

— Это очень любопытно. Отчего же она сама хамсы не ловитъ?

— А это уже Богъ такъ устроилъ, можетъ быть, носъ не такой, или тамъ что-нибудь, только она сама не ловитъ, а что чайка выкинетъ, то она и скушаетъ. Вотъ и бѣдный человѣкъ такъ... Э-э, плохо жить бѣдному человѣку!—со вздохомъ закончилъ онъ и, помолчавъ, спросилъ:—А вы что же, развѣ въ городъ не пойдете? Сегодня вѣдь праздникъ!

Я вспомнилъ, что дѣйствительно день былъ воскресный, хотя вокругъ не замѣчалось никакого праздничнаго оживленія. Такъ же, какъ и вчера, пріѣзжали и уѣзжали татарскія маджары, нагруженныя татарками въ чадрахъ и татарчатами всѣхъ половъ и возрастовъ; такъ же лѣниво лежали и сидѣли около своихъ лодокъ турки и греки, такъ же ходилъ взадъ и впередъ въ томительной скукѣ таможенный часовой. Все это начало мнѣ немного надоѣдать, и для разнообразія я отправился въ городъ.

VII.

Идти пришлось версты двѣ по нестерпимо-раскаленному шоссе, въ облакахъ тончайшей бѣлой пыли, среди унылыхъ, выжженныхъ холмовъ, перерѣзанныхъ глубокими оврагами. Солнце жгло невыносимо, пыль забиралась всюду, и я пожалѣлъ, что ушелъ отъ моря съ его влажнымъ вѣтеркомъ и солеными освѣжающими брызгами прибоя. Наконецъ, показался и „городъ“. Собственно это вовсе былъ не городъ, а татарская деревня, застроенная дачами и превратившаяся въ скучнѣйшій русскій курортъ. Она была втиснута въ узкую долину, на десятки верстъ извивавшуюся между грядами невысокихъ горъ, поросшихъ лѣсомъ, и утопала среди запыленныхъ виноградниковъ и садовъ, тутовыхъ деревьевъ и кипарисовъ. Въ аристократической ея части жили дачники, находилась почтовая станція съ телеграфомъ и почтовой конторой, была церковь, школа, плохенькая гостинница

съ нумерами, нѣсколько жалкихъ лавчонокъ, въ которыхъ продавалась тухлая кефаль и прокисшая „брынза“ (сыръ изъ овечьяго молока), двѣ-три турецкихъ кофейни и неизбѣжная портерная съ вывѣской національныхъ цвѣтовъ. Татарская часть гнѣздилась гдѣ-то въ ущельѣ, подъ охраной гигантскихъ кипарисовъ и орѣховъ, и заявляла о себѣ только невысокимъ минаретомъ, робко выглядывавшимъ изъ-за деревьевъ. Русская часть раскинулась широко и просторно, жила шумно и открыто; татарская—смиренно тѣснилась къ сторонкѣ, молчала и какъ будто пряталась.

Весь бѣлый отъ пыли, я пришелъ прямо на базарную площадь, которая, по случаю воскреснаго дня, была запружена народомъ. Преобладали татары, на огромныхъ маджарахъ вывезшіе на базаръ овощи, арбузы, дрова, угли, яйца, птицу. Визгливые голоса торговавшихся кухарокъ наполняли воздухъ. Въ толпѣ, заломивъ шапочки на затылокъ, въ обнимку ходили подвыпившіе матросы. Вдругъ въ смѣшанный гулъ базара врѣзались какіе-то дикіе пронзительные звуки. „Музыка, музыка“! — закричали вокругъ, и толпа ринулась куда-то, увлекая меня за собою. Я очутился передъ жалкой, полуразвалившейся лачугой и увидѣлъ слѣдующую картину. На крыльцѣ лачуги помѣщался оркестръ, состоявшій изъ четырехъ человѣкъ различныхъ національностей. Въ центрѣ сидѣлъ тощій, блѣдный еврей съ скорбнымъ выраженіемъ лица и въ какомъ-то экстазѣ выводилъ невѣроятнѣйшія фіоритуры на скрипкѣ. Мрачный армянинъ съ подбитымъ глазомъ и распухшею подвязанною щекою извлекалъ замогильные звуки изъ контрабаса. Черный, какъ сапогъ, татаринъ, закативъ глаза подъ лобъ, раздувая щеки и смѣшно присѣдая, шипѣлъ на флейтѣ. Наконецъ, звѣрообразный грекъ, съ огромными усищами и пламенными глазами, изо всѣхъ силъ колотилъ въ бубенъ и для экспрессіи еще притопывалъ ногою. Выходило что-то удивительное, адски оригинальное, но не лишенное особой отвратительной привлекательности. Гофманъ, вѣроятно, нашелъ бы въ этой музыкѣ канву для какой-нибудь фантастической арабески. На дверяхъ, ведущихъ внутрь лачуги, висѣла красная афиша, предлагавшая желающимъ „милліонъ удовольствій“, начиная съ лотереи-аллегри, въ которой разыгрывались великолѣпнѣйшія вещи, и кончая казнью „настоящаго живого человѣка“, съ поднесеніемъ публикѣ отрубленной головы для удостовѣренія, что никакого обмана нѣтъ. Опьяненные дикою музыкой, взволнованные, съ разинутыми ртами и красными ли-

цами, съ выраженіемъ наивнаго восторга въ глазахъ, татары такъ и ломились въ двери. Въ толпѣ я увидѣлъ и Сашу.

— А!—воскликнулъ онъ весело.—И вы пришли посмотрѣть? Не стоитъ ничего! Одинъ обманъ. Вмѣсто живого человѣка—кукла!

— Неужели вамъ хотѣлось бы, чтобы и въ самомъ дѣлѣ убивали живого человѣка?

— Такъ зачѣмъ же писать, если ничего нѣтъ? Потомъ лотерея: всѣ проигрываютъ и никто не выигрываетъ. Сейчасъ одинъ татаринъ пять рублей проигралъ, и опять пошелъ. Смотрите, смотрите, идетъ! Опять проигралъ!

Въ лачугѣ послышался шумъ и, вытолкнутый чьими-то сильными руками, на улицу вылетѣлъ татаринъ. Лицо его было покрыто каплями пота, глаза налились кровью.

— Деньга моя подай! — кричалъ онъ, мѣшая русскія ругательства съ татарскими.—Подай деньга! Деньга бралъ, часы хотѣлъ давать, гдѣ часы? Гдѣ деньга?

Онъ сѣлъ или, вѣрнѣе, упалъ на землю и заплакалъ. Другой татаринъ подсѣлъ къ нему и сталъ утѣшать. Бѣдные дикари ничего не понимали и оказывались безсильными передъ наглыми эксплуататорами ихъ невѣжества, нагрянувшими изъ развратныхъ городскихъ трущобъ въ эту дѣвственную глушь.

Вдругъ оба они вскочили и съ яростной рѣшимостью ринулись на крыльцо. Музыканты въ одно мгновеніе были смяты и опрокинуты. Жалобно простонала лопнувшая струна, глухо прорычалъ бубенъ, полетѣли какіе-то клочья, — все смѣшалось въ общей свалкѣ рукъ, ногъ, головъ. Послышались крики: „полицію! полицію“!.. На горизонтѣ показался городовой...

Когда порядокъ былъ возстановленъ, и татаръ подъ руки повели куда-то, музыканты поспѣшно заняли свою прежнюю позицію. Еще болѣе поблѣднѣвшій еврей, наскоро подвязавъ оборванную струну, продолжалъ свою дикую мелодію; контрабасъ присоединился къ нему, едва успѣвъ вытереть рукавомъ текущую изъ носа кровь, бубенъ загудѣлъ и татаринъ снова началъ присѣдать, размахивая флейтой и бабьимъ голосомъ завывая какую-то пѣсню, въ которой только и можно было разобрать слова: „ой, джанымъ-джанымъ-джанъ“—и потомъ еще, кажется, „баклажанъ“ или что-то въ этомъ родѣ... Тутъ только я вполнѣ могъ оцѣнить мужество этихъ несчастныхъ жрецовъ Эвтерпы, самоотверженно отражавшихъ собственною грудью бурные натиски разъяренной публики, обманутой ихъ предпріимчивыми антрепренерами. А во сколько цѣнился ихъ двойной трудъ?

Я не могъ больше слушать эту ужасную музыку, въ которой мнѣ чудились болѣзненныя вопли и рыданія, и поспѣшилъ выбраться изъ толпы. Зной сдѣлался убійственнымъ; меня томила жажда нестерпимая. Я завернулъ въ первую попавшуюся лавочку, около которой стояла осѣдланная лошадь, тяжело водя потными боками. У прилавка человѣкъ въ формѣ полицейскаго урядника жадно пилъ сельтерскую воду.

— Фу!—отдулся онъ, залпомъ вытянувъ два стакана и вытирая мокрый лобъ запыленнымъ платкомъ. — Чуть не издохъ! Жара анаѳемская! Гонялъ-гонялъ по горамъ, лошадь совсѣмъ зарѣзалъ и все безъ толку!

— Не нашли? — съ участіемъ спросилъ хозяинъ лавочки, вѣжливый еврей.

— Найдешь его, чорта! Ну-ка, Лейба, еще бутылчонку! Удралъ въ горы, ищи его теперь. А ночью сядетъ въ какую-нибудь турецкую фелюгу и айда въ Константинополь.

— Ой, далеко Константинополь, господинъ урядникъ! Очень далеко!

— Имъ, чертямъ, все ннпочемъ. Головорѣзы проклятые.

— А въ деревнѣ были, господинъ урядникъ?

— Былъ, да это все ни къ чему. Бабы воютъ, ребятишки воютъ алла, алла! По угламъ попрятались. Всѣ твердятъ: не знаемъ, не знаемъ!—врутъ, бестіи, все знаютъ, да молчатъ. Ну, прощай!

Онъ вскочилъ на лошадь и уѣхалъ, а еврей обратился ко мнѣ.

— Вамъ воды угодно? Могу предложить „Бисмаркъ“. Самый лучшій „Бисмаркъ“—ой, ой, какой крѣпкій, такъ въ носъ ударитъ, какъ изъ пушки, ей Богу!

— Это вы о татаринѣ говорили, который объѣздчика убилъ?

— Именно о немъ! Не нашли, убѣжалъ. И какъ же это можно убивать людей? я васъ спрашиваю. Человѣкъ жилъ, служилъ себѣ, получалъ жалованье, и вдругъ ему ножикъ въ животъ! Скажите, пожалуйста. Вотъ я сижу себѣ, продаю лимонадъ, сельтерскую воду, и вдругъ приходите вы и мнѣ въ животъ ножикъ...

Я выпилъ своего „Бисмарка“, который хотя и стрѣлялъ въ носъ „какъ изъ пушки“, но немилосердно вонялъ керосиномъ, и вышелъ снова на пыльную улицу. Идти назадъ на базаръ мнѣ не хотѣлось, и я свернулъ въ какой-то глухой переулокъ, заросшій садами. Сначала тянулись каменныя ограды и колючія изгороди, окаймленныя запыленными тамарисами, обвитыя цѣпкимъ клематисомъ, запоздалые цвѣты котораго распространяли

въ воздухѣ свое приторное благоуханіе. Пышныя вѣтви шелковицы, усыпанныя пурпурными ягодами, свѣшивались чрезъ ограды; тополи и кипарисы стояли недвижные и полусонные; все живое попряталось куда-то, все дремало въ этихъ тѣнистыхъ садахъ. Потомъ потянулись млѣющіе подъ солнцемъ виноградники; кудрявыя лозы, какъ бы опьяненныя собственными соками, тяжело висѣли на подпоркахъ, въ безсиліи опустивъ на землю золотистыя гроздья. Идя все впередъ, я пришелъ, наконецъ, въ татарскую деревушку. Это была безпорядочная груда домиковъ, лѣпившихся по скату горы и какъ бы настроенныхъ другъ на другѣ. Плоская крыша одного дома служила дворомъ для другого; дымовыя трубы, похожія на постройки термитовъ, неожиданно выростали подъ ногами, и къ величайшему удивленію вдругъ оказывалось, что ты идешь не по улицѣ, а по крышѣ, а внизу, какъ на ладони, передъ тобой чей-то дворъ со всею интимной обстановкой чужой жизни. Но и здѣсь всюду было такъ же мертво и тихо, какъ и тамъ, въ садахъ и виноградникахъ; наружныя галлерейки домовъ, увѣшанныя гирляндами табачныхъ листьевъ, были пусты; на дворахъ—ни души, нигдѣ ни звука. Было что-то сказочное въ этомъ безмолвіи и безлюдьѣ; воображеніе переносилось въ волшебное царство спящей царевны. Я совсѣмъ заблудился въ этомъ лабиринтѣ трубъ, крышъ и галлереекъ. Вдругъ гдѣ-то близко мнѣ почудился сдержанный шопотъ и тихій смѣхъ. Я быстро оглянулся; за изгородью мелькнула красная шапочка, сверкнули чьи-то черные глаза, и все исчезло. Можетъ быть, со всѣхъ этихъ галлереекъ, изъ рѣшетчатыхъ окошекъ, изъ-за гирляндъ табаку за мною наблюдали, смѣялись надъ моимъ растереннымъ видомъ, а я ничего не подозрѣвалъ. Мнѣ стало досадно, и я громко прокричалъ: „Эй, кто здѣсь есть!“ Но голосъ мой глухо прозвучалъ и затерялся между трубами и крышами, и молчаніе было мнѣ отвѣтомъ. Я пошелъ опять бродить туда и сюда, ища выхода изъ этой заколдованной деревушки. Во рту у меня пересохло отъ жажды, и я тщетно искалъ по сторонамъ какого-нибудь забытаго кувшина съ водой, чтобы напиться. Наконецъ я набрелъ на крошечнаго татарченка, который тащилъ куда-то на веревкѣ выдолбленную сухую тыкву. Я остановилъ его и попробовалъ съ нимъ объясниться. „Су... су воръ [1])?“ твердилъ я ему. Мальчуганъ съ ужасомъ вытаращилъ на меня свои итальянскіе глаза, потомъ заревѣлъ и со всѣхъ ногъ бросился отъ меня бѣжать.

[1]) Вода есть?

Но я вовсе не желалъ терять изъ виду это единственное живое существо, попавшееся мнѣ въ царствѣ сна и молчанія, и послѣдовалъ за нимъ. Скоро я услышалъ невдалекѣ звонкіе дѣтскіе голоса и плескъ воды, а мальчикъ точно вдругъ сквозь землю провалился. Я пошелъ на голоса, звенѣвшіе гдѣ-то совсѣмъ близко, какъ будто подъ ногами, и черезъ минуту очутился на краю каменистаго оврага, въ глубинѣ котораго журчалъ ручей. На берегу его расположилась живописная группа татарчатъ обоего пола; они брызгали другъ друга водой, бѣгали по скользкимъ, мокрымъ камнямъ, падали и визжали, а дѣвочки, очевидно подражая матерямъ, мыли какое-то тряпье и, засучивъ свои кафтанчики, перетирали его босыми ногами. Я спустился по ступенькамъ, высѣченнымъ въ скалѣ, и, какъ бомба, упалъ въ пеструю толпу ребятишекъ. Сначала они перепугались и съ визгомъ посыпались въ разныя стороны, потомъ пріободрились и стали снова собираться въ кучу, какъ звѣрки, любопытно на меня поглядывая. Одна изъ дѣвочекъ даже осмѣлилась до того, что подала мнѣ жестяной кувшинъ, видя, что я собираюсь пить воду горстями. Напившись, я возвратилъ кувшинъ и поблагодарилъ по-татарски. Ребятишки переглянулись, засмѣялись и придвинулись ко мнѣ ближе. Мы разсматривали другъ друга. Всѣ дѣти были худы; у маленькихъ были большіе животы и кривыя ноги, не мѣшавшія имъ, впрочемъ, удирать довольно быстро отъ опасности; среди дѣвочекъ попадались очень миловидныя, но ихъ портилъ нечистый цвѣтъ лица, экзематозные прыщи и другіе слѣды дурного питанія и нечистоплотности. У каждой дѣвочки, даже самой крошечной, волосы были выкрашены и заплетены во множество тончайшихъ косичекъ; на головѣ—неизбѣжная красная феска, на ногахъ — ситцевыя шальвары. И у всѣхъ дѣвочекъ я затѣтилъ на лицахъ общее выраженіе недѣтской серьезности и печали, можетъ быть, это было отраженіе вѣкового рабства, въ которомъ и до сихъ поръ еще находится мусульманская женщина...

Послѣ взаимнаго осмотра мы приступили къ разговорамъ. Одна дѣвочка показалась мнѣ старше и сообразительнѣе другихъ, и я предложилъ ей нѣсколько вопросовъ, склеенныхъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ татарскихъ словъ. Но, очевидно, мой татарскій языкъ былъ неособенно понятенъ, потому что дѣвочка отрицательно покачала головой и сказала: „бенбельмэмъ!“ (не понимаю). Потомъ она въ свою очередь сказала мнѣ что-то, я ничего не понялъ. Дѣти переглянулись и засмѣялись. Я спросилъ еще разъ — не знаютъ ли они, гдѣ живетъ Кара-Бялэлъ?

Опять смѣхъ. Тогда я рѣшилъ прибѣгнуть къ мимикѣ и объяснилъ имъ, что очень хотѣлъ бы чего-нибудь поѣсть. Моя мимика привела дѣтей въ восторгъ, они хохотали, какъ сумасшедшіе, приплясывали и передразнивали меня. Но дѣвочка поняла. Она серьезно взяла меня за руку и повела куда-то. Мы взобрались наверхъ, сопровождаемые гурьбой ребятишекъ, и пустились лавировать по узкимъ переулкамъ и закоулкамъ. Дѣвочка скользила, какъ змѣйка, и я едва поспѣвалъ за нею; ребятишки со смѣхомъ и говоромъ слѣдовали за нами. Наконецъ мы остановились у каменной ограды; дѣвочка юркнула въ калитку и скоро вернулась въ сопровожденіи маленькаго, сморщеннаго старичка въ старенькомъ халатѣ, въ шапкѣ и въ дырявыхъ кожаныхъ туфляхъ безъ задковъ. „Хартъ-бабанъ, хартъ-бабанъ“! [1])—зашептали дѣти. Старичокъ глядѣлъ на меня испуганно, но когда я обратился къ нему съ татарскимъ привѣтствіемъ и прибавилъ при этомъ, что заблудился, усталъ и хочу ѣсть, онъ сейчасъ же успокоился, принялъ важную осанку и пригласилъ меня войти. Мы прошли маленькій, чисто выметенный дворикъ, и старикъ ввелъ меня въ полутемную, прохладную комнату съ низкимъ потолкомъ и крошечными оконцами, завѣшанными кумачными занавѣсками. Полъ былъ устланъ войлокомъ; по стѣнамъ тянулись узкія, длинныя подушки въ ситцевыхъ наволочкахъ; надъ дверью и по угламъ были прибиты печатныя молитвы и надписи изъ Корана; на полкахъ стояла чайная посуда, жестяные кувшины и глиняныя, ярко раскрашенныя кружки.

— Садысь! — сказалъ старикъ, указывая на подушки.

Я нерѣшительно взглянулъ на свои запыленные сапоги, но старикъ еще энергичнѣе повторилъ: „садысь, садысь, поджалуста“! и куда-то исчезъ. Я съ наслажденіемъ растянулся на подушкахъ и оглядѣлся. Въ дверяхъ между тѣмъ происходила давка: дѣти, шушукаясь, меня разсматривали; изъ-за нихъ выглядывали женскія лица и прятались, встрѣтивъ мой взглядъ. Въ комнату вошла толстая рябая старуха съ красными, безпорядочно заплетенными волосами, грязно одѣтая. Она сѣла противъ меня, закурила длинную трубку и, молча, принялась на меня глядѣть своими большими, печальными глазами, сохранившими блескъ молодости. Потомъ явилась другая старуха, помоложе, и тоже закурила трубку. Такъ мы сидѣли, курили и молчали, когда возвратился старикъ. За нимъ съ подносомъ шла хорошенькая татарка съ черными косами, подкрашенными бровями и продол-

[1]) Дѣдушка.

говатыми глазами, похожими на маслины. Она придвинула ко мнѣ табуретку вмѣсто стола и, застѣнчиво улыбаясь, поставила на ней подносъ, на которомъ лежало нѣсколько ломтей пшеничнаго хлѣба и стояла кружка съ густыми топленными сливками. Вѣроятно, это было все, что нашлось лучшаго въ домѣ для угощенія нечаяннаго гостя. Поставивъ все это передо мною, красавица низко поклонилась и ушла; въ дверяхъ послышался сдержанный смѣхъ. Старикъ сердито покосился на шаловливую молодежь и обратился ко мнѣ.

— Кушай!—сказалъ онъ съ добродушной важностью.—Кушай, поджалуста, далеко ходилъ, много усталъ.

Я принялся за ѣду. Старухи курили, не сводя съ меня глазъ и обмѣниваясь между собою замѣчаніями очевидно на мой счетъ; старикъ курилъ молча, погруженный въ какія-то важныя думы и застывъ въ неподвижной позѣ. Когда сливки были выпиты и хлѣбъ съѣденъ, онъ взглянулъ на двери, и та же хорошенькая татарка принесла мнѣ кофе. Вѣроятно, по-татарскому этикету, за кофе можно было разговаривать, потому что рыжая старуха обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Далеко пришелъ? Откуда?

Я сказалъ, что пріѣхалъ изъ Россіи и путешествую по Крыму.

— Россія—яхши, біюкъ шеэръ! [1])—одобрительно сказала старуха.—Русскій яхши, бенъ-северымъ [2]) русскій. Насъ не обижаетъ!

Я поблагодарилъ за комплиментъ. Старуха продолжала.

— Варъ мы сендѣ хашипъ? [3])

Я отвѣчалъ, что нѣтъ, и спросилъ ее, хозяйка ли она здѣсь? Старуха вдругъ взволновалась, прослезилась и, указывая на свою безмолвную сосѣдку, сказала, мѣшая русскія слова съ татарскими:

— Вотъ ханымъ, я не ханымъ... Я одинъ, никого нѣтъ... Мужъ нѣтъ, дѣти нѣтъ, всѣ въ землю ушли...

Она долго что-то разсказывала, утирая слезы грязнымъ рукавомъ бешмета и указывая то на старика, то на старуху. Старикъ видимо былъ недоволенъ ея изліяніями и прекратилъ ихъ нѣсколькими словами, сурово сказанными. Старуха замолчала, всхлипывая и между слезами не забывая затягиваться изъ трубки. Я всталъ.

[1]) Россія—хорошій большой городъ. Я люблю русскихъ.

[2]) Благодарю.

[3]) Есть ли у тебя жена?

— Аллахъ разы олсунъ! [1])—сказалъ я, кланяясь старику.

— Афетъ олсунъ, афетъ олсунъ! [2])—пробормоталъ старикъ торопливо.

Я предложилъ ему денегъ. Старикъ обидѣлся, выпрямился, такъ что сталъ какъ будто больше ростомъ, и гордо затрясъ головою.

— Не надо деньги, зачѣмъ! Кофейня плати, у насъ нѣтъ кофейня! Домъ свой, хлѣбъ свой, зачѣмъ деньги?

Я все-таки успѣлъ незамѣтнымъ образомъ подсунуть деньги подъ подносъ и сталъ прощаться съ гостепріимными хозяевами. Рыжая старуха, уже осушивъ свои слезы, улыбалась мнѣ и звала приходить еще, всѣ вышли провожать меня на улицу. Старикъ разсказалъ, какъ мнѣ найти дорогу „въ городъ“, и я удалился. На поворотѣ въ переулокъ я еще разъ оглянулся, старикъ съ своими домочадцами все стоялъ у калитки и смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ. Не знаю почему, мнѣ стало грустно, точно я уходилъ съ кладбища... и эта бѣдная, затерянная въ горахъ деревушка навсегда осталась въ моемъ воспоминаніи окруженной какимъ-то траурнымъ флёромъ...

VIII.

Потянулись опять дремлющіе виноградники и молчаливые сады за своими колючими недоступными оградами. Зной уже началъ слабѣть, чувствовалось приближеніе вечера и по обѣимъ сторонамъ дороги стали просыпаться ночные сверчки, перекликаясь между собою еще нерѣшительными трелями. Сладкій запахъ клематиса сдѣлался еще слаще и головокружительнѣе... я не могъ больше идти, свернулъ съ дороги, прилегъ въ тѣни ограды и сейчасъ же заснулъ. Когда я проснулся, была уже ночь, и надо мною, точно внимательный и зоркій глазъ, стояла одинокая, крупная звѣзда. Я выбрался изъ своего убѣжища и совершенно не узналъ мѣстности. Все волшебно измѣнилось, все жило и звучало кругомъ. Тополи и кипарисы, точно великаны, закутанные съ ногъ до головы въ темные плащи, величаво шумѣли; милліоны сверчковъ наполняли окрестность своими мелодическими трелями, по дорогѣ скрипѣла маджара, и татарская пѣсня, похожая на вопль отчаянія, сливалась съ этимъ

[1]) Благодарю.

[2]) На здоровье.

однообразнымъ скрипомъ. За оградами, въ сумракѣ деревьевъ, бродили огоньки, слышались голоса, смѣхъ, звуки рояля. Все радовалось и наслаждалось темнотою и прохладой. Вдругъ ярко освѣщенный четырехугольникъ настежь растворенной двери вырѣзался во мракѣ, и желтая полоса свѣта пересѣкла дорогу. Свѣтъ лился изъ лампы съ жестянымъ рефлекторомъ, привѣшенной высоко на стѣнѣ внутренняго помѣщенія. Прямо противъ двери сіялъ ярко вычищенный мѣдный кубъ; у стѣнъ тянулись низкіе диваны съ подушками въ красныхъ наволочкахъ, передъ диванами стояли столики, накрытые раскрашенными клеенками. Это была кофейня, которую я давеча не замѣтилъ, вѣроятно, потому, что шелъ другой дорогой. Я вошелъ. Молодой татаринъ, блѣдный, веснущатый, съ скучающимъ лицомъ, поднялся мнѣ на встрѣчу.

— Сарульникъ [1]) надо?—спросилъ онъ, глядя на мои длинные волосы и запыленную бороду.

— Нѣтъ, дайте кофе.

Татаринъ съ нѣкоторымъ разочарованіемъ пошелъ къ кубу, а я сѣлъ и осмотрѣлся. Въ кофейнѣ было пусто, но за стеклянной дверью, ведущей въ другое помѣщеніе, слышались голоса. Низкіе, хриповатые звуки одного изъ нихъ показались мнѣ знакомыми, и я съ любопытствомъ заглянулъ въ стеклянное оконце, полузавѣшенное изнутри красною занавѣской. Тамъ за столомъ сидѣли двое, одинъ лицомъ ко мнѣ, другой спиною, и я сейчасъ же узналъ эту широкую спину съ курчавой головой на могучихъ плечахъ. Это былъ Ксанто. Онъ, энергично жестикулируя, говорилъ что-то своему собесѣднику, но возня татарина съ посудой, звяканье чашекъ и шипѣніе воды въ кубѣ мѣшали мнѣ слушать, оставалось только смотрѣть. Я пересѣлъ поближе къ оконцу такъ, чтобы все видѣть, не обращая на себя ничьего вниманія, и принялся наблюдать. Теперь мнѣ хорошо было видно лицо собесѣдника Ксанто,—свѣтъ отъ лампы падалъ прямо на него. Это былъ высокій, широкоплечій человѣкъ татарскаго типа, но голова его почему-то была повязана по-турецки краснымъ платкомъ, низко надвинутымъ на глаза. Онъ былъ блѣденъ и, видимо, сильно взволнованъ. Мускулы лица его безпрестанно подергивались, глаза безпокойно сверкали изъ-подъ платка, онъ часто вздрагивалъ, ежился и озирался. Но Ксанто, повидимому, оставался, какъ всегда, невоз-

[1]) Въ татарскихъ деревняхъ очень часто цирюльникъ и содержатель кофейни совмѣщаются въ одномъ лицѣ.

мутимымъ и самоувѣреннымъ, и рѣчь его лилась плавно и убѣдительно.

Татаринъ, наконецъ, подалъ мнѣ кофе и ушелъ дремать на диванъ, въ кофейнѣ стало тихо, и голоса стали доноситься до меня явственнѣе. Иногда я могъ разобрать даже слова и цѣлыя фразы. Говорили они по-татарски, но иногда Ксанто, вѣроятно, не хватало татарскихъ словъ, и онъ переходилъ на русскій языкъ. Насколько я могъ понять, человѣкъ въ платкѣ о чемъ-то просилъ Ксанто, а тотъ увѣрялъ, что все сдѣлаетъ какъ нужно. Часто слышалось слово „достъ“ (другъ), произносимое патетически, съ біеніемъ себя въ грудь кулакомъ и съ рукопожатіемъ, но еще чаще повторялись слова „юзъ“ (сто) и „эльли“ (пятьдесятъ). Ксанто говорилъ „юзъ“, татаринъ съ умоляющимъ выраженіемъ лица повторялъ „эльли“. Ксанто трясъ головой и твердо стоялъ на своемъ: „іоктыръ, іоктыръ, юзъ!“ [1]) Татаринъ мрачно поникалъ и едва слышно шепталъ: „эльли“... Вѣроятно, Ксанто обдѣлывалъ свои таинственныя дѣла, и не знаю почему, мнѣ вдругъ стало ужасно жаль этого довѣрчиваго татарина, который, какъ рыба, безпомощно бился въ сѣтяхъ хитраго грека.

Наконецъ дѣло было улажено, и, вѣроятно, Ксанто уступилъ, потому-что татаринъ повеселѣлъ и, ударивъ ладонью по столу, сказалъ: „яхши“. Они встали и протянули другъ другу руки; опять „достъ“ со стороны Ксанто съ прикладываньемъ руки къ сердцу и закатываньемъ глазъ въ небеса; я не видѣлъ лица Ксанто, но былъ увѣренъ, что въ эту минуту слеза увлажила его вѣки. И мнѣ захотѣлось крикнуть татарину: „не вѣрь Ксанто, не вѣрь, онъ тебя обманетъ“!..

Вдругъ легкій стукъ послышался гдѣ-то снаружи. Татаринъ вздрогнулъ. Ксанто дунулъ на лампочку, стоявшую на столѣ, стало темно и тихо! Я разбудилъ дремавшаго татарина, отдалъ ему деньги за кофе и вышелъ на улицу. Тамъ не было ни души, только въ вершинахъ кипарисовъ и тополей шелъ таинственный шопотъ, да неугомонные сверчки тянули свою безконечную серенаду.

Было уже двѣнадцать часовъ, когда я вернулся на берегъ; тамъ уже все спало, но прибой также ревѣлъ, ударяясь въ песокъ, и на рейдѣ качались зеленые и красные огоньки стоявшаго на якорѣ парохода. Даль была ясна и безоблачна, небо горѣло звѣздами, и зубчатая корона Кызъ-Кале отчетливо вырисовывалась на его бархатномъ фонѣ. Только налѣво за горами что-то

[1]) Нѣтъ, нѣтъ—сто.

трепетало и вспыхивало блѣднымъ огнемъ; оттуда, должно быть, къ морю подкрадывалась горная тучка, и эти голубые отблески давали знать о ея приближеніи. Но мнѣ уже не хотѣлось ни смотрѣть, ни слушать, душа моя была пресыщена впечатлѣніями, я усталъ и спѣшилъ добраться до Эстафеты. Вотъ и она тускло бѣлѣетъ при слабомъ сіяніи звѣздъ. Чуткій Саша, спавшій на разостланной по песку цыновкѣ, вскочилъ, услыхавъ мои шаги.

— Кто тамъ? А, это вы! Ого, долго же вы гуляли въ городѣ! Ну, что, понравилось? Гдѣ вы были?

Чтобы посердить Сашу я сказалъ, что былъ въ гостяхъ у татарина.

— Тьфу!—плюнулъ Саша.—Вотъ нашли хорошее мѣсто! Чѣмъ же васъ угощали? Жаренымъ перцемъ и бекмесомъ? [1])

Я разсказалъ Сашѣ, какъ меня угощали, и особенно подчеркнулъ то, что татаринъ ни за что не хотѣлъ взять отъ меня денегъ и даже обидѣлся, когда я ему предложилъ ихъ. Саша презрительно фыркнулъ.

— Глупый народъ! Оттого они и живутъ, какъ свиньи, ничего у нихъ нѣтъ и всѣ ихъ обманываютъ. Видали, какъ татарина надули въ лотерею?

— Да вѣдь и вы, кажется, играли?

— Ну, что-жъ, и я проигралъ пять копѣекъ. Отчего не бросить пять копѣекъ? А вѣдь онъ, дуракъ, проигралъ всѣ деньги и еще лѣзетъ драться, какъ быкъ! А красавицу вы видали?—оживляясь спросилъ Саша.

— Нѣтъ, не видалъ.

— Какъ же, красавицу показывали, во всѣхъ городахъ медали получила.

— Что же, хороша?

— Да, ничего...—замялся Саша.—Только вѣдь не живая, на картинѣ нарисована. И въ стеклышко надо ее смотрѣть, а то ничего не видно.

— Ну, вотъ видите, и васъ надули!—сказалъ я, смѣясь.

— Да ужъ меня тата ругалъ!—сознался Саша.—Лучше бы ты, говоритъ, эти деньги пропилъ! Онъ по своему разсуждаетъ, по морскому, вышелъ на берегъ, надо напиться! А вотъ я не могу, я думаю, что водка? Водка всегда есть, когда захотѣлъ, тогда и напился. А мнѣ вотъ хочется чего-нибудь необыкновеннаго посмотрѣть, какое-нибудь чудовище, какого на свѣтѣ

---

[1]) Бекмѣсъ—фруктовое питье.

не бываетъ, или такого человѣка, который на другихъ не похожъ. Вотъ, напримѣръ, людоѣды... Вы спите?

— Нѣтъ еще, не сплю.

— Вы видали когда-нибудь людоѣдовъ?

— Нѣтъ, никогда не видалъ.

— Э, какъ же это вы!—съ сожалѣніемъ сказалъ Саша.—Во всѣхъ большихъ городахъ были, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, а людоѣдовъ не видали. Ну, а вотъ я такъ видѣлъ. Въ прошломъ году показывали. Ночи двѣ спать не могъ послѣ этого, такіе страшные! Черные, какъ вакса, а глаза бѣлые, зубы большіе, длинные, ротъ большой, сидятъ и человѣческое мясо ѣдятъ...

— Ну ужъ это вы врете, Саша!

— Честное слово! Кто руку гложетъ, кто ногу. Меня тогда даже лихорадка затрепала, какъ я это увидѣлъ. И долго послѣ этого мяса не могъ кушать; какъ увижу вареное или жареное, такъ въ середкѣ нехорошо станетъ...

Онъ долго еще разсказывалъ мнѣ о разныхъ чудесахъ, которыя ему приходилось видѣть, мѣшая были съ небылицами и сильно прикрашивая своей фантазіей все, когда-либо въ дѣйствительности происходившее. Наконецъ, языкъ его сталъ заплетаться; онъ зѣвнулъ и сонnымъ голосомъ произнесъ:

— А таты все нѣтъ. Долго онъ сегодня пропадаетъ!

Я было-хотѣлъ ему сказать, что видѣлъ Ксанто въ кофейнѣ, но подумалъ, что не стоитъ мнѣ вмѣшиваться въ ихъ темныя дѣла, и промолчалъ. Глаза мои начали слипаться, мысли спутались,—я забылся. Скрипъ шаговъ по песку и чьи-то голоса заставили меня очнуться. Я съ трудомъ открылъ глаза и увидѣлъ темную фигуру, облокотившуюся на бортъ „Эстафеты“.

— Все готово...—слышался изъ глубины лодки хриповатый голосъ Ксанто.—У меня все готово, приходи и бери. Ксанто что̀ сказалъ, то̀ и сдѣлалъ. Теперь ужъ ваше дѣло.

— Ну, мы тоже не прозѣваемъ! — проговорила темная фигура.—Такъ на разсвѣтѣ ты говоришь? Пойду собираться. Ноты, Ксанто, молодецъ; безъ тебя мы ничего бы не сдѣлали.

— Э, Ксанто все знаетъ! Мнѣ и начальникъ сказалъ: ты, Ксанто, умный человѣкъ, умѣешь дѣлать дѣла... Мы тебя знаемъ.

— Это правда! — съ оттѣнкомъ зависти въ голосѣ сказала темная фигура.—Ну, я иду. Когда получишь награду, не забудь угостить, Ксанто.

Онъ повернулся уходить; въ тускломъ сіяніи звѣздъ блеснули свѣтлыя пуговицы...

— Кало, Кало! [1])—проворчалъ Ксанто, укладываясь на дно лодки такъ, что она затрещала.—За что я тебя буду угощать? Развѣ за то, что ты дуракъ, хотя и съ орломъ на шапкѣ? Хе, такихъ дураковъ много, а Ксанто одинъ, на всѣхъ не хватитъ угощать. Да, да... дураковъ много, а когда много дураковъ, умному хорошо. Ну-ка, Саса, брось мнѣ мой тулупъ!..

Онъ легъ, но еще долго ворочался подъ тулупомъ и что-то ворчалъ. Я не могъ больше спать, вылѣзъ изъ лодки и пошелъ побродить по берегу. Смутныя подозрѣнія тревожили меня. Что такое готово? Что затѣваетъ Ксанто? Я начиналъ раскаиваться, что поѣхалъ съ нимъ, и началъ придумывать, какъ бы мнѣ отдѣлаться отъ этой подозрительной компаніи. Мысли одна другой мрачнѣе возникали въ моемъ мозгу; припоминались разные фантастическіе разсказы о контрабандистахъ, о таинственныхъ убійствахъ и морскихъ разбойникахъ... Ночь вполнѣ гармонировала съ моимъ настроеніемъ. Надъ моремъ опять висѣли тучи; голубыя зарницы безпокойно и безмолвно проносились надъ шипящими волнами; прибой пѣнился и грохоталъ. Блѣдный рогъ луны, еще болѣе съузившійся и помертвѣвшій, стоялъ надъ горою. Что-то такое предательское, преступное таилось въ нѣдрахъ этой мрачной ночи съ темнымъ занавѣсомъ тучъ, съ тусклымъ блескомъ умирающей луны, и тягостныя предчувствія грядущаго несчастія, котораго я не зналъ и не могъ избѣгнуть, сжимали мое сердце.

Съ горъ потянулъ свѣжій вѣтерокъ и заставилъ меня придти въ себя. Пожимаясь отъ дрожи, я вернулся къ „Эстафетѣ“ и, услышавъ въ глубинѣ ея мирный храпъ, разсмѣялся. Что можетъ случиться со мною, когда въ двухъ шагахъ кордонъ пограничной стражи, на берегу спятъ десятки людей, на рейдѣ военный пароходъ, а въ карманѣ револьверъ? Да и Ксанто вовсе не похожъ на романтическаго контрабандиста и пирата. Просто эта необычайная обстановка, цѣликомъ выхваченная изъ какого-нибудь рыцарскаго романа, эта башня на скалѣ, вѣчный шумъ прибоя, усталость и бездѣйствіе—все это взвинтило мои нервы. Съ этой успокоительной мыслью я залегъ снова въ лодку и задремалъ.

Кто-то осторожно коснулся моей руки. Я живо вскочилъ.

— Кто здѣсь? Что случилось?

Надо мною стоялъ Саша.

— Вставайте, сейчасъ снимаемся!

---

[1]) Хорошо, хорошо.

— Какъ снимаемся?

— Да, тата говоритъ,—хорошій вѣтеръ и зыбь меньше.

Я, ежась отъ холода, вылѣзъ изъ лодки. Свѣжій вѣтеръ прохватилъ меня до костей. На востокѣ уже свѣтлѣло, но море было еще погружено въ мракъ. Около „Эстафеты“ шла возня; Ксанто, негромко переговариваясь съ Сашей, подкатывалъ катки и толкалъ лодку къ морю. Какіе-то люди въ бѣлыхъ блузахъ и бѣлыхъ фуражкахъ ему помогали. Это были таможенные солдаты. Ксанто отрывисто командовалъ и потому, что онъ называлъ Сашу „Шашей“, я заключилъ, что онъ снова не въ духѣ. Прибой дѣйствительно какъ будто ослабѣлъ, и въ его приступахъ чувствовалась усталость; волны не съ такой яростью обрушивались на берегъ и сейчасъ же отступали. „Эстафету“ скоро спустили въ воду; перекинувшись черезъ бортъ, Ксанто схватился за весло, Саша послѣдовалъ за нимъ и помогъ взобраться мнѣ. Нѣсколько сильныхъ ударовъ веслами, и мы уже далеко отъ берега. Береговой вѣтеръ дуетъ намъ въ спину; „Эстафета“ плавно покачивается; Саша въ темнотѣ бѣгаетъ по лавкамъ и налаживаетъ парусъ.

— Скорѣй, скорѣй! — ворчалъ Ксанто у руля. — Бруста! (Впередъ).

Мы понеслись. Саша предложилъ мнѣ опять лечь и заснуть. Я окутался пледомъ и прилегъ, но спать мнѣ уже не хотѣлось. Я снова слушалъ успокоительную музыку волнъ и глядѣлъ въ сумрачное, задернутое тучами, небо. Мнѣ было хорошо, и я чувствовалъ, что успокоиваюсь отъ всѣхъ моихъ давишнихъ тревогъ и предчувствій. Берегъ былъ далеко, а съ нимъ ушло и все то зловѣщее, темное, что̀ ютилось тамъ по грязнымъ притонамъ и закоулкамъ, гдѣ грабили и обманывали бѣдныхъ, довѣрчивыхъ дикарей.

Вдругъ Ксанто кинулъ нѣсколько отрывистыхъ словъ Сашѣ, и я замѣтилъ, что „Эстафета“ круто повернула. Я поднялъ голову и сталъ наблюдать. Изъ предразсвѣтнаго сумрака на насъ надвигались черныя, угрюмыя тучи—это были горы, и слышно было, какъ волны разбивались о ихъ каменныя подошвы. Мы шли къ берегу, и Ксанто всталъ, какъ онъ это всегда дѣлалъ, когда приближалась какая-нибудь критическая минута.

— Что̀ это такое?—спросилъ я.—Развѣ мы опять къ берегу идемъ?

— Да,—неохотно пробурчалъ Ксанто, вглядываясь впередъ.

— Зачѣмъ?

— Надо... Пассажира одного принять,—еще неохотнѣе вымолвилъ Ксанто.

Я вскочилъ и инстинктивно ощупалъ въ карманѣ пиджака револьверъ.

— Лежите, лежите!—проговорилъ Саша, замѣтивъ мое движеніе. — Мы васъ не потревожимъ, и вамъ совсѣмъ не надо вставать!

— Да что такое? Какой пассажиръ?—продолжалъ я.

Мнѣ не отвѣчали. Горы летѣли на насъ; я уже видѣлъ бѣлую пѣну прибоя, метавшуюся, какъ привидѣніе, въ полумракѣ; я слышалъ гулкіе удары волнъ о камни и эхо, повторявшее ихъ въ черныхъ впадинахъ скалъ, размытыхъ моремъ. Ксанто сердито ворчалъ что-то про себя.

— Стáсу! (стой),—заревѣлъ онъ вдругъ и ринулся къ носу.

Но Саша уже предупредилъ его и выпрыгнулъ изъ лодки. Что-то заскрежетало внизу; „Эстафета“ ударилась носомъ въ камень и остановилась.

— Есть!—крикнулъ Саша съ берега, ловя веревку, которую ему бросилъ Ксанто.

Ксанто сказалъ ему нѣсколько словъ и обратился ко мнѣ:

— Ну, господинъ,—сказалъ онъ, и я замѣтилъ, что голосъ его немного дрожалъ.—Тутъ ничего такого не будетъ, вы только сидите себѣ въ лодкѣ и больше ничего. Это дѣло не ваше и лучше вамъ сидѣть спокойно и ничего не дѣлать. Сейчасъ опять сядемъ и поѣдемъ себѣ дальше...

И прежде, чѣмъ я успѣлъ его что-нибудь спросить, онъ выскочилъ изъ лодки и исчезъ въ камняхъ, грудою наваленныхъ на берегу. Я бросился за нимъ.

— Постойте, куда вы!—остановилъ меня Саша, хватая за руку.—Зачѣмъ вы идете, не надо... Э, напрасно!

Я оттолкнулъ его и началъ пробираться по камнямъ. Это было ужасно трудно; камни были круглые, мокрые и скользкіе; я нѣсколько разъ чуть не упалъ и совсѣмъ промочилъ себѣ ноги. Наконецъ, мнѣ удалось выбраться на сухое мѣсто, и я оглядѣлся, не зная, куда идти дальше. Берегъ былъ страшно мрачный и пустынный; надъ головою громоздились голыя, отвѣсныя скалы; огромныя глыбы камней навалены были внизу. Должно быть, когда-нибудь очень давно, вершина горы оторвалась, ринулась къ морю и разлетѣлась въ куски, засыпавъ обломками берегъ. Никакого слѣда тропинки не было нигдѣ. Я попробовалъ взобраться по камнямъ наверхъ, но и тамъ были все камни и камни, цѣлое море камней, и я, исцарапавъ себѣ руки, спу-

стился опять внизъ. Уже свѣтало; море и небо побѣлѣли, какъ молоко; „Эстафета“ тихонько покачивалась на веревкѣ, обвязанной вокругъ камня, и на носу ея вспыхивалъ блѣдный огонекъ. Это Саша курилъ папиросу.

Прошло съ полчаса. Но вотъ наверху послышались голоса; изъ-за камней показался Ксанто, а за нимъ шелъ еще кто-то. Они говорили по-татарски. Ксанто уговаривалъ своего спутника поторопиться; тотъ, видимо, колебался, пугливо озираясь по сторонамъ. Иногда онъ останавливался и начиналъ прислушиваться; Ксанто бралъ его за рукавъ и тянулъ внизъ, сердито что-то бормоча.

Они спустились внизъ. Я взглянулъ на незнакомца и сейчасъ же узналъ того татарина, котораго видѣлъ вчера въ кофейнѣ съ Ксанто. Тотъ же красный платокъ былъ повязанъ на его головѣ,—и только лицо его было еще блѣднѣе, и глаза лихорадочно горѣли.

— Шаша!—крикнулъ Ксанто, и его голосъ трубнымъ звукомъ прокатился по горамъ.

Татаринъ въ красномъ платкѣ бросился къ лодкѣ, но въ ту же минуту произошло что-то неожиданное и страшное. Послышался пронзительный свистъ; изъ-за камней выскочили люди въ бѣлыхъ рубашкахъ и налетѣли на татарина; грянулъ пистолетный выстрѣлъ, и синій дымокъ разостлался по берегу. Спотыкаясь о камни, я побѣжалъ туда, гдѣ происходила свалка. Но все уже было кончено; несчастный былъ схваченъ, и ему крутили руки назадъ. Онъ молчалъ и плевался кровью, но взглядъ его, устремленный на Ксанто, былъ ужасенъ. Ксанто, весь блѣдный, съ растерянной улыбкой на губахъ, стоялъ въ отдаленіи и, повидимому, не принималъ никакого участія въ происходившемъ.

— Крути, крути крѣпче!—переговаривались солдаты, затягивая веревку и толкая татарина. — Такъ его, с. сына! Ишь, собака, бѣжать хотѣлъ! Къ султану въ Константинополь! Вотъ тебѣ покажутъ султана, шайтанъ! Будешь объѣздчиковъ убивать, да казенный лѣсъ карабчить!

Татаринъ молчалъ и все отплевывалъ красную пѣну, безпрестанно выступавшую у него на губахъ. Вдругъ какой-то жалобный вопль вылетѣлъ изъ его груди и онъ рванулся къ Ксанто.

— Онъ обманулъ меня, проклятая собака!—закричалъ онъ.— Хырзызъ, яланджи! [1]). Онъ обманулъ меня, взялъ мои деньги,

[1]) Воръ, мошенникъ.

двадцать-пять рублей, сертъ-кёпекъ! [1]). А я ему вѣрилъ, я думалъ—другъ; онъ у меня кушалъ, гость былъ! Проклятый!..

Онъ рванулся еще сильнѣе, веревка затрещала.

— О, дьяволъ!—ругались солдаты, удерживая его.—Здоровый, какъ быкъ, такъ и ломитъ. Гляди, ребята, нѣтъ ли у него ножа... Держи крѣпче!

Но татарину удалось вырваться. Онъ подбѣжалъ къ Ксанто и плюнулъ ему въ лицо. Солдаты схватили его и, толкая въ спину, потащили въ гору.

Я взглянулъ на Ксанто. Онъ сгорбился, сталъ какъ будто ниже ростомъ и съ тою же растерянною улыбкой вытиралъ полою „панихиды“ свое оплеванное лицо. Когда шумъ шаговъ и голоса солдатъ потерялись въ горахъ, Ксанто какъ ни въ чемъ не бывало обратился ко мнѣ и, ласково подмигивая лѣвымъ глазомъ, сказалъ:

— Ну, а теперь поѣдемъ! Теперь задержки не будетъ!

Я взглянулъ на него съ отвращеніемъ и ничего не сказалъ. Мы молча сѣли на „Эстафету“ и отплыли отъ этого мрачнаго берега. Я сейчасъ же завернулся въ пледъ, легъ на дно лодки, и во всю дорогу не вымолвилъ ни слова.

Къ полудню мы были въ Ялтѣ. Едва только „Эстафета“ причалила къ каменнымъ ступенямъ мола, я поспѣшно собралъ свои вещи и, не глядя ни на Ксанто, ни на Сашу, положилъ деньги на корму и вышелъ на берегъ. У меня точно камень свалился съ плечъ, и я вздохнулъ свободно, очутившись въ шумной, грязной и пестрой толпѣ носильщиковъ, торговокъ, матросовъ, запрудившихъ набережную. И какія у всѣхъ, казалось мнѣ, были честныя, славныя лица!..

Я свернулъ съ пристани въ первый попавшійся переулокъ, какъ вдругъ за мною послышались чьи-то торопливые шаги, и знакомый голосъ кричалъ: „господинъ, господинъ“! Я оглянулся и увидѣлъ Сашу.

— Господинъ, господинъ!..—запыхавшись, проговорилъ Саша, подавая мнѣ какой-то предметъ. — Вы забыли на „Эстафетѣ“ свой штопоръ,—вотъ!

— Спасибо, — сказалъ я.—Только не стоило изъ-за такого пустяка бѣжать!

— Э, нѣтъ, нельзя! У насъ никогда ничего не пропадаетъ, намъ чужого не нужно. Мы не воры!—съ достоинствомъ прибавилъ онъ.

---

[1]) Злая собака.

Я еще разъ поблагодарилъ его и повернулся уходить.

— Что же это, вы и прощаться уже не хотите?—укоризненно воскликнулъ Саша.—Э, не хорошо, господинъ! Мы васъ не обижали, за что вы разсердились на насъ?

— Я вовсе не разсердился, Саша, — сказалъ я. — Мнѣ просто... страшно стало съ вами! Оттого я и спѣшу уйти.

— Страшно?—удивился Саша.—Почему?

— Помните, вы мнѣ вчера разсказывали про людоѣдовъ? Ну, такъ вотъ, посмотрѣлъ я на васъ сегодня, тамъ, знаете, на берегу, когда татарина схватили... и подумалось мнѣ: „а вѣдь они тоже людоѣды"!..

Саша посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ, пожалъ плечами и разсмѣялся... Мы разстались. Я пошелъ впередъ, онъ повернулъ назадъ, но я долго еще слышалъ за своей спиною его насмѣшливый хохотъ, пока другіе звуки, другія впечатлѣнія не вытѣснили его изъ моей памяти.

В. І. Дмитріева.

ПОѢЗДКА
КЪ ШАМИЛЮ ВЪ КАЛУГУ
въ 1860 году.

Изъ записокъ и воспоминаній.

I.

Жизнь въ глухомъ селѣ пензенской губерніи.—Солдатская школа грамоты.—Вызовъ въ баталіонный штабъ.—Бесѣда съ адъютантомъ и представленіе полковнику Фитингофу —Назначеніе въ командировку въ Калугу.—Село Поимы и его „дурная слава“.—Разбои на большихъ дорогахъ.—Мои попутчицы.

Въ концѣ декабря 1859 года я проживалъ въ селѣ Свищовкѣ, чембарскаго уѣзда пензенской губерніи, гдѣ завѣдывалъ школою грамоты нижнихъ чиновъ 2-й роты 16-го стрѣлковаго баталіона, въ которомъ состоялъ тогда офицеромъ. Учениковъ у меня было около 40 человѣкъ, и самому младшему изъ нихъ было не менѣе 25 лѣтъ. Въ то время, какъ извѣстно, не существовало еще всеобщей воинской повинности, и въ военную службу могли быть принимаемы „рекруты“ даже и 30-лѣтняго возраста. И вотъ, съ такими-то „учениками“ я возился уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, начавъ ихъ обученіе съ половины сентября, т.-е. тотчасъ же, какъ только была закончена наша лагерная стоянка подъ Чембаромъ.

Ученики у меня были молодцы по части пониманія грамоты и, начавъ съ азовъ, они черезъ три мѣсяца порядочно уже разбирали гражданскую печать, а нѣкоторые приступили даже къ

писанію палочекъ и буквъ. Только нѣсколько человѣкъ изъ малороссовъ да два татарина приводили меня въ совершенное отчаяніе своею непонятливостью и выговоромъ... Никакихъ въ то время „системъ“ у насъ, къ сожалѣнію, не было; мы лишь знали, что въ гвардейскихъ войскахъ при обученіи грамотѣ нижнихъ чиновъ была принята система Золотова, но къ намъ, въ стрѣлковые баталіоны, въ самую глушь пензенской губерніи, эти новшества еще не дошли въ то время.

Говоря правду, я порядочно-таки скучалъ въ ту зиму; единственнымъ развлеченіемъ служили поѣздки къ окрестнымъ помѣщикамъ, у которыхъ и приходилось коротать вечера и праздничные дни. Поэтому, легко будетъ понятна моя радость, когда однажды вѣстовой изъ села Полянъ, гдѣ находился нашъ „ротный дворъ“, доставилъ мнѣ казенный пакетъ, въ которомъ заключалось „предписаніе“ командира баталіона, полковника Эмилія Карловича Фитингофа, слѣдующаго содержанія: „Съ полученія сего, предписываю вамъ явиться, немедленно, по дѣламъ службы въ гор. Чембаръ“...

Офицерскіе сборы были, конечно, недолгіе, и на другой же день я былъ уже въ Чембарѣ, отстоящемъ отъ Свищовки всего въ 25-ти верстахъ. Первымъ дѣломъ, конечно, я отправился къ баталіонному адъютанту, чтобы узнать, въ чемъ дѣло и ради чего меня вызвали. Адъютантъ, поручикъ Н. А. Добрынинъ, сказалъ мнѣ:

— Полковникъ предложитъ вамъ поѣздку въ Пензу—отвезти въ дивизіонный штабъ годовой отчетъ [1]). Съ этимъ отчетомъ долженъ бы ѣхать я, но Эм. Карл. не хочетъ меня отпустить отъ себя, а потому и вызвалъ васъ. Предупреждаю васъ, что, не зная нашей канцелярской тарабарщины, вы не справитесь съ этимъ дѣломъ,—и совѣтую отвѣтить прямо, что командировка въ Пензу не по вашимъ силамъ... Тогда Эм. Карл. предложитъ вамъ, вѣроятно, другую—въ Калугу, за пріемкою огнестрѣльныхъ снарядовъ для баталіона на будущій годъ.

Я чрезвычайно былъ обрадованъ послѣднимъ сообщеніемъ Добрынина, такъ какъ, во-первыхъ, это была еще *первая* моя командировка на службѣ, а во-вторыхъ, поѣздка въ Калугу лежала черезъ Тамбовъ, гдѣ жили всѣ мои родные и гдѣ у насъ былъ свой домъ, а по дорогѣ, въ кирсановскомъ уѣздѣ—имѣніе.

На другое утро, облачившись въ полную форму, я отпра-

[1]) Въ то время стрѣлковые баталіоны были еще слиты, въ хозяйственномъ отношеніи, съ тѣми дивизіями, при коихъ состояли. Штабъ 16-й пѣхотной дивизіи былъ въ Пензѣ.

вился къ полковнику, одному изъ самыхъ милыхъ, добрыхъ и честныхъ „командировъ“, какихъ я зналъ потомъ въ жизни.

Когда я вошелъ въ залъ, гдѣ, въ уголку, стояло наше баталіонное знамя, то увидѣлъ, къ крайнему своему удивленію и конфузу, слѣдующую картину: у стѣны, около рояля, прячась за него, стоялъ командиръ—совсѣмъ „безъ галстука“, какъ говорится: волосы его были растрепаны, самъ онъ былъ въ ночныхъ туфляхъ и въ коротенькомъ сѣромъ пальто, а противъ него, на другомъ концѣ зала, стояли два сына—мальчики 10 и 12 лѣтъ—и ихъ бонна; все это было вооружено подушками различной величины, которыя въ видѣ навѣсныхъ бомбъ и летали по комнатѣ... Сраженіе было въ самомъ разгарѣ, такъ какъ на меня, стоявшаго въ дверяхъ, обратили вниманіе лишь тогда, какъ одна изъ подушекъ, брошенныхъ бонной, была ловко отпарирована полковникомъ и полетѣла въ мою сторону: бонна, замѣтивъ меня, вскрикнула „ахъ!“ и убѣжала изъ комнаты...

Полковникъ—худенькій, маленькаго роста, лѣтъ 45, всегда веселый, добродушный и жизнерадостный нѣмецъ, совершенно обрусѣвшій за время своей 25-лѣтней службы на Кавказѣ,—повернулъ ко мнѣ смѣющееся лицо и положилъ на рояль подушку, приготовленную-было къ метанію.

— Ахъ, явились уже! Заходите въ кабинетъ, я сейчасъ приду, — проговорилъ онъ и исчезъ изъ зала, сопровождаемый веселыми криками и смѣхомъ дѣтей.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вошелъ въ кабинетъ (успѣвъ исправить свой костюмъ и шевелюру). Я ему представился...

— Предстоятъ двѣ командировки, — сказалъ полковникъ:— не хотите ли проѣхаться въ Пензу, съ годовымъ отчетомъ?

Я отвѣчалъ такъ, какъ былъ наученъ Добрыниным и какъ въ дѣйствительности и было: что я совершенно несвѣдущъ по части канцелярской и хозяйственнымъ отчетамъ...

Полковникъ подумалъ нѣсколько секундъ и отвѣчалъ:

— Въ такомъ случаѣ поѣзжайте въ Калугу—за пріемомъ пороха и свинца. Кстати Шамиля увидите.

Я поблагодарилъ и сказалъ, что по дорогѣ увижу, прежде всего, своихъ родныхъ, живущихъ въ Тамбовѣ.

— И прекрасно!—заключилъ Эмилій Карловичъ.—Сегодня получите предписаніе, подорожную и деньги; а унтеръ-офицера, себѣ въ помощь, возьмите такого, котораго вы хорошо знаете.

Я поблагодарилъ еще разъ и откланялся. На другой день я обѣдалъ у полковника, и этотъ старый кавказецъ читалъ мнѣ, совершенно уже серьезно и наставительнымъ тономъ, цѣлую

инструкцію, какъ я долженъ былъ ѣхать, изъ Калуги въ Чембаръ, съ военнымъ транспортомъ пороха и какія долженъ былъ принимать предосторожности, чтобы не взлетѣть, грѣшнымъ дѣломъ, на воздухъ...

Въ сумерки того же дня я уже усаживался въ почтовыя сани „обшевни", запряженныя тройкою лошадей, а рядомъ со мною, закутанный въ казенный тулупъ, сѣлъ унтеръ-офицеръ 1-й роты Савельевъ, котораго я выбралъ себѣ въ помощь.

Первая почтовая станція отъ Чембара была въ 17-ти верстахъ и называлась Поимы. Это было большое село, въ нѣсколько тысячъ душъ, съ двумя церквами и расположено было на большомъ сибирскомъ трактѣ, идущемъ съ Чембара на Кирсановъ. Все село состояло изъ старообрядцевъ, крѣпостныхъ крестьянъ гр. Шереметева, и о жителяхъ этого села была очень худая слава. Даже и въ то время, т.-е. въ концѣ ужъ 50-хъ годовъ, крестьяне села Поимъ „пошаливали", какъ о нихъ говорили; то-есть, говоря яснѣе, занимались, при случаѣ, грабежами и убійствами,—по крайней мѣрѣ, тѣ дворы, которые были расположены съ обѣихъ сторонъ большой дороги, проходящей черезъ все село.

Дѣло въ томъ, что почти всѣ дворы этой главной улицы села были постоялые, проѣздъ же по большому сибирскому тракту былъ въ тѣ времена очень большой: всѣ проѣзжіе купцы и помѣщики, направлявшіеся изъ внутреннихъ губерній на Пензу, Казань, Пермь и за Уралъ, должны были проѣзжать чрезъ Поимы; а такъ какъ большинство путешественниковъ ѣздило тогда „на долгихъ", или „на передаточныхъ", то имъ, волей-неволей, и приходилось останавливаться въ Поимахъ—или за тѣмъ, чтобы „кормить" лошадей, или же для ночлега. И вотъ, если неосторожный путникъ, какой-нибудь „недогадливый купецъ", проѣзжающій издалека и никѣмъ не предупрежденный о дурной славѣ Поимъ, рѣшался, уговариваемый своимъ ямщикомъ, заночевать въ этомъ селѣ, то уже далѣе ему не суждено было ѣхать: его ночью же и убивали—преимущественно посредствомъ удушенія, чтобъ не было крови. А затѣмъ, убитаго такимъ образомъ проѣзжающаго относили въ овинъ и въ ту же ночь этотъ овинъ горѣлъ, какъ бы отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, во время сушки сноповъ... И такой уже былъ въ селѣ порядокъ: у кого ночью горѣлъ овинъ, къ тому на другой день собирались всѣ вліятельные мужики-домохозяева, такъ называемые міро-

ѣды, и погорѣлецъ задавалъ имъ пиръ горой. Кости же сгорѣвшей жертвы прибирались обыкновенно куда-нибудь подальше отъ села, закапывались въ оврагахъ, въ лѣсахъ, и все исчезало безслѣдно, и несчастный становился для своей семьи и въ оффиціальныхъ спискахъ своей родины „безъ вѣсти пропавшимъ“...

Въ Поимахъ квартировала наша 3-я рота, командиръ которой, поручикъ В. Я. Яновичъ, только за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ женился и мнѣ еще довелось быть его шафером. Я, поэтому, прямо остановился у него, а Савельеву приказалъ ѣхать на почтовую станцію, перемѣнить лошадей и тотчасъ же заѣзжать за мной, чтобы ѣхать далѣе. Но едва только мы усѣлись за самоваръ, какъ въ квартиру Яновича вошла дама, закутанная по дорожному, и стала убѣдительно просить меня ѣхать вмѣстѣ, такъ какъ она и ея спутницы боялись отправляться однѣ ночью: страшились и людей, т.-е. ночныхъ нападеній, и волковъ... Молодая хозяйка, жена Яновича, пригласила вошедшую раздѣться и войти въ комнаты, и я узналъ, что фамилія дамы Мосолова, что она ѣхала „по обѣщанію“ въ Воронежъ, къ угоднику Митрофанію, такъ же, какъ и двѣ другія ея спутницы—помѣщицы пензенской же губерніи; ѣхали онѣ въ зимнемъ прекрасномъ возкѣ и, какъ и я, на почтовыхъ; пріѣхали въ Поимы немного ранѣе меня и очень обрадовались, узнавъ отъ моего унтеръ-офицера, что я ѣду съ ними по пути. Я охотно согласился ѣхать съ ними вмѣстѣ, и, спустя часъ, мы выѣхали изъ Поимъ и на другой день къ обѣду добрались до Кирсанова, а на третій день были въ Тамбовѣ, гдѣ я и остановился на цѣлую недѣлю—погостить у родныхъ.

Вотъ какой страхъ внушали въ тѣ времена наши большія дороги проѣзжающимъ!..

II.

Турниръ между тамбовскимъ губернаторомъ Данзасомъ и корпуснымъ генераломъ Липранди.—Ограбленные брилліанты.—Пріѣздъ въ Тамбовъ министра М. Н. Муравьева.—Заступничество Липранди за ограбленнаго.—Столкновеніе губернаторши съ генераломъ Липранди и его увольненіе.—Епископъ Макарій и актеръ Милославскій.—Дорога до Калуги.—Ряжскъ и вдова адмирала Кроунъ.—Встрѣча Новаго года на почтовой станціи подъ Зарайскомъ.—Подводные камни на пути.

Въ Тамбовѣ я засталъ въ самомъ разгарѣ страшную войну, которая тамъ велась открыто между тамбовскимъ губернаторомъ К. К. Данзасомъ [1]), съ одной стороны, и командиромъ 6-го ар-

[1]) Карлъ Карловичъ Данзасъ былъ роднымъ братомъ извѣстному полковнику Данзасу, секунданту Пушкина на его дуэли.—И. З.

мейскаго корпуса, генераломъ Липранди—съ другой. Война шла на жизнь и на смерть, съ перемѣннымъ счастьемъ... А началась она, какъ и всегда водится, изъ-за пустяковъ какихъ-то—изъ-за права первенства на балѣ дворянскаго собранія: сначала поссорились между собою жены, за нихъ вступились мужья—и пошла писать губернія.

Совсѣмъ уже въ открытую борьбу противники вступили между собою во время пріѣзда въ Тамбовъ, по дѣламъ служебнымъ, бывшаго въ то время министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева (впослѣдствіи виленскаго генералъ-губернатора и графа). Недѣли за три до пріѣзда Муравьева, въ Тамбовѣ, въ гостинницѣ Пивато, былъ ограбленъ остановившійся тамъ торговецъ брилліантами, какой-то еврей, австрійскій подданный, и ограбленъ, по его показанію, на очень крупную сумму: болѣе чѣмъ на 50 тысячъ рублей чистыми деньгами и камнями. Ограбленіе совершилось ночью: во время сна, въ запертый номеръ вошли неизвѣстные грабители, пригрозили ножомъ проснувшемуся и закричавшему о помощи купцу, закутали ему и обвязали одѣяломъ голову, обобрали все, что было можно, и ушли, заперевъ номеръ по прежнему на ключъ, который, очевидно, былъ заранѣе изготовленъ. На крикъ несчастнаго проснулась вся гостинница, сбѣжались люди, но грабителей и слѣдъ простылъ. Такъ какъ весь грабежъ былъ совершонъ ночью и впотьмахъ, то потерпѣвшій не могъ объяснить примѣты преступниковъ и ихъ лица, но онъ представилъ прямо въ руки полиціймейстера, полковника Колобова, одну чрезвычайно важную улику—форменную пуговицу съ гербомъ тамбовской губерніи (улей и три пчелы), которая, повидимому, принадлежала мундиру полицейскаго офицера. Пуговица эта была найдена на другой день утромъ въ номерѣ ограбленнаго купца, вблизи его постели, и, по его словамъ и завѣреніямъ, могла принадлежать тому именно грабителю, который долго боролся съ нимъ, закутывая и увязывая ему голову.

Поиски и слѣдствіе не привели ни къ чему: всѣ брилліанты и деньги купца канули какъ въ воду. Между тѣмъ, по-городу стали распространяться различные слухи и толки—народная молва прямо винила полицію въ этомъ дѣлѣ, и почему-то было припутано и имя полиціймейстера... Мѣстныя власти стали, наконецъ, обвинять ограбленнаго купца въ клеветѣ и распространеніи ложныхъ слуховъ, а затѣмъ, въ одно прекрасное утро, взяли его и заарестовали при полицейской кутузкѣ, можетъ

быть именно изъ боязни, чтобы онъ не сунулся къ министру Муравьеву, котораго ждали со дня на день.

Генералъ Липранди, бывшій уже на ножахъ съ губернаторомъ, отлично, конечно, зналъ всю эту исторію, и вотъ случилось слѣдующее необычайное происшествіе: когда корпусный генералъ проѣзжалъ по Дворянской улицѣ, гдѣ помѣщалась городская полиція, канцелярія полиціймейстера и кутузка, на запятки его кареты быстро вскочилъ несчастный еврей и подъѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ къ квартирѣ Муравьева. Тутъ уже Липранди открыто принялъ его подъ свое покровительство: спустя всего нѣсколько минутъ послѣ того, какъ онъ вошелъ къ министру, дежурный чиновникъ вышелъ на крыльцо и пригласилъ такъ счастливо ускользнувшаго изъ полицейской кутузки еврея къ министру же, въ его пріемный залъ... Что тамъ говорилось и дѣлалось—это, конечно, осталось для публики неизвѣстно; но только купецъ получилъ въ тотъ же день свои документы и поспѣшилъ, по-добру по-здорову, уѣхать изъ Тамбова, а полиціймейстеръ и губернаторъ получили потомъ изъ Петербурга по этому дѣлу большія непріятности.

Вскорѣ однако турниръ между Данзасомъ и Липранди былъ законченъ и, совершенно неожиданно, полною побѣдою губернатора: генералъ-лейтенантъ Липранди былъ отчисленъ отъ командованія 6-мъ корпусомъ и назначенъ членомъ военнаго совѣта, а на его мѣсто назначался заслуженный артиллерійскій генералъ Стаховичъ (ходившій съ серебрянымъ обручемъ на головѣ, разсѣченной сабельнымъ ударомъ).

Въ Тамбовѣ въ это время были двѣ личности, діаметрально противоположныя по своему общественному положенію и профессіямъ, но, тѣмъ не менѣе, пользовавшіяся одинаково шумнымъ успѣхомъ среди высшаго губернскаго общества и преимущественно у дамъ: это были епископъ Макарій и актеръ Милославскій. Первый изъ нихъ былъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, имѣвшимъ съ небольшимъ 30 лѣтъ, съ темными волосами, высокій, стройный, красивый, обладавшій замѣчательною способностью импровизаціи, которая всего рельефнѣе проявлялась въ его проповѣдяхъ: онъ говорилъ ихъ увлекательно, безъ всякихъ тетрадокъ и безъ аналоя, съ однимъ лишь архіерейскимъ посохомъ въ правой рукѣ, публика такъ и рвалась къ алтарю и амвону, чтобы не проронить ни одного слова церковнаго витіи; многіе пріѣзжали и приходили къ обѣднѣ лишь ко времени

проповѣди. Впослѣдствіи преосвященный Макарій былъ архіепископомъ въ Харьковѣ и Вильнѣ, а затѣмъ назначенъ былъ на митрополичью каѳедру Москвы, гдѣ и скончался весною 1882 года.

Знаменитый актеръ Милославскій пожиналъ, въ свою очередь, лавры въ тамбовскомъ театрѣ, незадолго до того выстроенномъ на Дворянской улицѣ. По происхожденію Милославскій былъ баронъ Фридебургъ, съ прекраснымъ воспитаніемъ и крупнымъ сценическимъ дарованіемъ. Я видѣлъ его въ пьесѣ „Испанскій дворянинъ", въ роли Сезаръ-де-Базана, и хорошо помню его изящную и увлекательную игру и тѣ шумныя овацiи, которыми его привѣтствовали.

Разстояніе отъ Чембара до Калуги было тысячу слишкомъ верстъ; мнѣ по правиламъ полагалось ѣхать 50 верстъ въ сутки, а всего три недѣли, между тѣмъ я легко ѣхалъ почтовыми лошадьми по 150 верстъ въ день и имѣлъ, слѣдовательно, въ своемъ распоряженіи цѣлыхъ двѣ недѣли лишнихъ, поэтому я прогостилъ въ Тамбовѣ и повеселился всѣ первые дни Рождества, а затѣмъ уже двинулся въ дальнѣйшій путь, останавливаясь лишь для ночлега и обѣда.

Пріѣхавъ подъ самый Новый годъ на одну изъ почтовыхъ станцій подъ Зарайскомъ, я засталъ тамъ нѣсколько помѣщичьихъ семействъ, ожидающихъ лошадей уже цѣлыя сутки, такъ какъ станція эта была маленькая, а разгонъ и проѣздъ по случаю святокъ большой. И мнѣ тоже, несмотря на то, что я ѣхалъ „по казенной надобности", смотритель объявилъ, что ранѣе какъ черезъ двѣнадцать часовъ онъ не можетъ дать лошадей, и, такимъ образомъ, я застрялъ на этой станціи, да еще подъ Новый годъ.

Но тогда были совсѣмъ иныя общественныя отношенія, нравы и времена! Благодаря молодости, живо удавалось сходиться съ людьми, да наконецъ—и это самое главное—всѣ застрявшіе на этой станціи оказались помѣщиками—двое калужскими, а остальные мѣстные, рязанскіе, жившіе недалеко отъ Зарайска. Между ними была семья отставного ротмистра Телѣгина, возвращавшаяся изъ Москвы и состоявшая изъ десяти душъ: они ѣхали въ трехъ возкахъ, съ горничными и лакеями, и забирали по три тройки. Семья Телѣгиныхъ состояла преимущественно изъ молодежи: ѣхалъ морякъ офицеръ, старшій сынъ Телѣгина, и двое статскихъ, младшихъ его братьевъ, затѣмъ, мать, тетушка и нѣсколько барышенъ.

Такъ какъ я пріѣхалъ на станцію уже передъ вечеромъ,

то войдя въ залъ и узнавъ, что лошадей ранѣе утра получить невозможно, приказалъ-было Савельеву „разстараться“ самоваръ, а самъ началъ снимать съ себя дорожную шубу. Но въ это время ко мнѣ подошелъ высокаго роста сѣдой и очень почтенный на видъ господинъ и заявилъ мнѣ, что „это никакъ невозможно, чтобы я сидѣлъ за отдѣльнымъ самоваромъ, когда онъ у нихъ уже стоитъ и кипитъ на столѣ“... Это и оказался глава всего путешествующаго семейства, довольно богатый помѣщикъ Телѣгинъ. Я съ удовольствіемъ принялъ его приглашеніе, и не прошло часа, какъ уже перезнакомился со всѣми, „застрявшими“ на станціи, и морякъ-офицеръ разсказывалъ намъ о своихъ плаваніяхъ въ моряхъ далекихъ странъ, а затѣмъ, барышни стали пѣть хоромъ народныя русскія пѣсни, и вечеръ прошелъ совершенно незамѣтно. Когда стрѣлка станціонныхъ часовъ приблизилась къ 12-ти и часы, собираясь бить, страшно зашипѣли, вошелъ человѣкъ Телѣгиныхъ съ подносомъ, стаканами (бокаловъ не оказалось на станціи) и нѣсколькими бутылками шампанскаго.

— Точно чувствовалъ я,—говорилъ г. Телѣгинъ,—не послалъ вино транспортомъ, а приказалъ прямо поставить ящикъ на возокъ и привязать,—вотъ теперь и пригодилось.

Мы всѣ чокались между собою, поздравляли другъ друга и желали всего хорошаго.

Когда пришла ночь, то рѣшено было раздѣлить всю станцію на двѣ части: въ малой комнатѣ лечь дамамъ, а въ большой—мужчинамъ; а такъ какъ въ обѣихъ этихъ комнатахъ было всего лишь два дивана, то прислуга натащила намъ цѣлые ворохà сѣна и устроила постели на полу. Затѣмъ, смотрителю было объявлено, чтобы никакихъ *новыхъ* проѣзжихъ, во время ночи, въ наши комнаты не пускалъ, а приглашалъ бы ихъ располагаться на своей половинѣ,—за что̀ ему и была обѣщана приличная мзда.

На утро мы поднялись рано, но лошади, оказывалось, еще не были для насъ готовы, такъ какъ съ вечера поднялась небольшая метель, и лошади, возившія проѣзжающихъ на сосѣднюю станцію, только-что къ утру вернулись и не были еще вполнѣ выкормлены. Рѣшено было напиться чаю и идти въ церковь. А когда мы вернулись отъ обѣдни, на столѣ былъ готовъ завтракъ, а лошадей намъ уже запрягали.

Выѣхали мы всѣ вмѣстѣ. Меня пригласили сѣсть въ одинъ изъ возковъ,—и я потомъ уже не въ силахъ былъ отказаться отъ радушнаго приглашенія гг. Телѣгиныхъ заѣхать къ нимъ,—и изъ Зарайска поѣхалъ не на Тулу, какъ бы слѣдовало, а

взялъ въ сторону и попалъ въ имѣніе моихъ радушныхъ попутчиковъ, у которыхъ и провелъ конецъ святокъ, едва выбравшись 7-го числа въ дальнѣйшую дорогу къ великому конфузу и смущенію Савельева, который полагалъ уже, что мы едва-ли доберемся до Калуги съ этими подводными камнями, повстрѣчавшимися въ Тамбовѣ и въ Зарайскомъ уѣздѣ на нашемъ пути „по казенной надобности"...

III.

Представленіе полковнику Еропкину.—Знакомство съ шт.-капитаномъ Руновскимъ.—Случайная встрѣча съ братомъ.—Товарищи-офицеры Шаровъ и Орловъ.—Представленіе Шамилю и его внѣшность.—Переводчикъ Грамовъ.—Непріятный инцидентъ во время аудіенціи.

Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Калугу, я облекся въ полную парадную форму и отправился представиться, прежде всего, къ полковнику Еропкину, „командиру баталіона внутренней стражи", изображавшему собою въ Калугѣ и коменданта, и воинскаго начальника, которые въ то время еще не были учреждены. Я имѣлъ къ Еропкину рекомендательное письмо изъ Тамбова отъ его пріятеля, дежурнаго штабъ-офицера нашего шестого корпуса, подполковника Корицкаго,—и, можетъ быть, благодаря этому обстоятельству, встрѣтилъ не только любезный, но и радушный пріемъ: полковникъ познакомилъ меня съ своей семьей и просилъ „бывать" у него въ домѣ.

Когда я уже уходилъ отъ Еропкина, онъ сказалъ мнѣ:

— Вы, конечно, знаете, что здѣсь Шамиль, и, по распоряженію военнаго министра, всѣ пріѣзжающіе въ Калугу офицеры, отъ прапорщика и до генерала включительно, обязаны являться и представляться ему. Поэтому, сейчасъ же, прямо отъ меня, поѣзжайте и разыщите штабсъ-капитана А. И. Руновскаго, состоящаго приставомъ при Шамилѣ, и онъ уже назначитъ вамъ день и часъ, когда вы должны будете явиться къ этому знаменитому нашему плѣннику.

Я такъ и поступилъ: разыскалъ Руновскаго, отрекомендовался ему и, по его желанію, оставилъ ему свой адресъ.

— Я вамъ дамъ знать особою повѣсткою наканунѣ, когда именно вы должны будете прибыть въ домъ, занимаемый Шамилемъ,—сказалъ мнѣ на прощаніе Руновскій.

Затѣмъ, я отправился еще къ другому военному начальству, завѣдывавшему артиллерійскимъ паркомъ и пороховыми складами,

находящимися въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Калуги, съ которыми мнѣ предстояло имѣть дѣло.

Въ тотъ же день вечеромъ, совершенно случайно, въ городскомъ клубѣ, я встрѣтилъ своего двоюроднаго брата, судебнаго слѣдователя А. В. Захарьина, пріѣхавшаго зачѣмъ-то въ Калугу изъ своего медынскаго уѣзда, гдѣ онъ служилъ. Онъ записалъ меня въ члены клуба „на мѣсяцъ", а затѣмъ, познакомилъ съ нѣсколькими семейными домами въ Калугѣ, въ которой онъ жилъ и служилъ ранѣе чиновникомъ особыхъ порученій у губернатора В. А. Арцимовича (впослѣдствіи сенатора).

Въ гостинницѣ, въ которой я остановился, проживало нѣсколько офицеровъ отъ различныхъ частей, командированныхъ въ Калугу, какъ и я же, за пріемкою огнестрѣльныхъ снарядовъ для своихъ полковъ и баталіоновъ. Между ними было нѣсколько человѣкъ, пріѣхавшихъ раньше и уже представлявшихся Шамилю. Мы, новички, разспрашивали ихъ обо всѣхъ подробностяхъ, сопровождавшихъ это удивительное представленіе плѣннику, заклятому врагу Россіи, который велъ съ нами войну болѣе 20-ти лѣтъ и которому правительство, къ великой чести своей, не попомнило зла и отнеслось, вообще, какъ къ „царю плѣненному".

Въ той же гостинницѣ проживали два офицера, пріѣхавшіе въ Калугу одновременно со мною,—и намъ предстоялъ, слѣдовательно, одновременный пріемъ у Шамиля. Офицеры эти были: подпоручикъ Владимірскаго пѣхотнаго полка (16-й дивизіи) Шаровъ, прибывшій изъ Пензы, гдѣ былъ штабъ этого полка, и прапорщикъ Орловъ—Тарутинскаго полка, служившій раньше на Кавказѣ и имѣвшій солдатскій георгіевскій крестъ, полученный имъ въ званіи юнкера за взятіе какого-то аула. Я называю этихъ офицеровъ потому, что съ ними вмѣстѣ мнѣ довелось представляться Шамилю, и упомянутый георгіевскій крестъ поручика Орлова послужилъ поводомъ къ довольно непріятному случаю.

На второй же день моего свиданія съ шт.-капит. Руновскимъ, вечеромъ, вѣстовой принесъ мнѣ повѣстку, приглашающую прибыть на другой день, въ 11 часовъ утра, въ домъ Сухотина, на Одигитріевской улицѣ, для представленія Шамилю. Такія повѣстки получили и два вышеназванные офицера.

На другой день, одѣвшись въ парадную форму, мы, въ назначенный часъ, были уже на своемъ мѣстѣ. Насъ встрѣтилъ А. И. Руновскій и переводчикъ Грамовъ, одѣтые тоже въ эполетахъ и черкескахъ, при оружіи. Когда насъ ввели въ пріемную, во второмъ этажѣ дома, то тамъ оказалось еще нѣсколько офицеровъ, пріѣзжихъ въ Калугу. Мы чинно размѣстились на стульяхъ во-

кругъ низенькаго дивана пріемной, отдѣланной въ европейскомъ вкусѣ, и стали съ нетерпѣніемъ поглядывать на дверь, въ которую долженъ былъ войти бывшій грозный властитель Кавказа. Разговоръ между нами велся вполголоса. Руновскій и еще какой-то, чрезвычайно блѣдный, высокій и смуглый офицеръ, лѣтъ 25-ти, безъ руки, тихо репетировали, такъ сказать, съ нами роли представленія, предупреждая, что Шамиль каждаго изъ насъ о чемъ-нибудь спроситъ, и мы должны отвѣчать коротко и ясно, не вдаваясь ни въ какое многословіе.

Наконецъ, мы услышали сильный скрипъ ступенекъ той небольшой деревянной лѣстницы, которая была вблизи входа въ пріемную... Мимо этой лѣстницы мы только-что проходили, и намъ было объяснено, что она ведетъ въ верхній этажъ дома, гдѣ помѣщается семья Шамиля, т.-е. его двѣ жены и дѣти, и что онъ самъ находится, въ данное время, среди своей семьи. Мы поняли, что это спускается Шамиль, и встали съ своихъ мѣстъ... Еще нѣсколько секундъ—и въ дверяхъ показалась высокая атлетическая фигура знаменитаго имама Кавказа... На видъ это былъ еще мощный и крѣпкій старикъ (Шамилю въ то время было 65 лѣтъ), но лицо его было болѣзненное и измученное на этотъ разъ, и онъ такъ тяжело и порывисто дышалъ, словно только-что поднялся по лѣстницѣ вверхъ, а не спустился съ нея. Борода у него была большая, окладистая, лопатою, и вѣроятно сѣдая, но выкрашена персидскою хиной въ темно-красный цвѣтъ; зеленые глаза подъ густыми насупленными бровями смотрѣли непривѣтливо и еще не утратили своего прежняго блеска; голова Шамиля была въ простой горской папахѣ, вокругъ которой была обмотана чалма изъ бѣлой и зеленой кисеи; одѣтъ онъ былъ въ нагольномъ коротенькомъ тулупѣ изъ бѣлыхъ овчинокъ, и тулупъ этотъ былъ разстегнутъ и подъ нимъ виднѣлся простой, темнаго ситца, бешметъ; на ногахъ были мягкіе сафьянные сапоги съ мягкими же подошвами. Такъ просто было одѣяніе великаго Шамиля, врага всяческой роскоши и излишествъ!..

Шамиль остановился посреди комнаты и сказалъ намъ „селямъ“... Мы всѣ низко поклонились ему,—и затѣмъ, шт.-капит. Руновскій сталъ представлять насъ, называя чинъ каждаго офицера и фамилію. Шамиль протягивалъ руку, кивалъ головою и молча же переходилъ, по очереди, къ слѣдующему офицеру... Когда вся эта предварительная церемонія была окончена, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ дивану и грузно опустился на него, сказавъ что-то по-татарски.

— Имамъ приглашаетъ васъ, господа, садиться!—быстро проговорилъ переводчикъ Грамовъ.

Мы тихо опустились на свои стулья,—и только тутъ я замѣтилъ, что, вмѣстѣ съ Шамилемъ, въ пріемную вошли еще нѣсколько татаръ въ богатѣйшихъ черкесскихъ костюмахъ, съ дорогимъ оружіемъ за поясомъ и въ высокихъ папахахъ. Всѣ они чинно, неслышными шагами, прошли къ дивану, на которомъ сѣлъ Шамиль, и размѣстились, стоя, вдоль стѣны, по правую и по лѣвую сторону отъ своего повелителя. Всѣ эти рослые красавцы мюриды, между которыми, какъ оказалось послѣ, находились два сына имама и его зять, стояли не только безмолвно, но даже и не шевелясь, подобно статуямъ, съ скрещенными на груди руками и глазами, опущенными долу... Этого требовалъ восточный этикетъ и высокое положеніе Шамиля, какъ свѣтскаго владыки и, въ то же время, высшаго духовнаго лица.

Начался разговоръ, отрывочный, несвязный и малоинтересный. Шамиль, пристально глядя на офицера, предлагалъ какой-нибудь неважный вопросъ, переводчикъ быстро повторялъ этотъ вопросъ по-русски и, затѣмъ, передавалъ отвѣтъ по-татарски. Вопросы касались преимущественно самыхъ ординарныхъ вещей: гдѣ стоитъ вашъ полкъ?—какими особенностями отличается мѣсто стоянки?—черезъ какіе города вы ѣхали?—и т. под. Если Шамиль видѣлъ на офицерѣ какой-нибудь орденъ съ мечами, то спрашивалъ — за какое дѣло полученъ былъ этотъ орденъ? Отвѣты наши были, по бо́льшей части, удачные, такъ какъ Руновскій предварилъ насъ о характерѣ вопросовъ.

Когда дошла очередь до меня, то я сказалъ, что пріѣхалъ изъ Чембара, за 1.000 верстъ, и что мнѣ многіе товарищи завидовали, что я ѣду въ городъ, гдѣ увижу его, имама... Шамиль, когда Грамовъ перевелъ ему мой отвѣтъ, слегка качнулъ головою впередъ и какъ-то странно и грустно улыбнулся...

— А чѣмъ отличается Чембаръ?—спросилъ онъ.—Я отвѣтилъ, что въ 12-ти верстахъ отъ этого города находится могила Лермонтова, знаменитаго поэта, бывшаго кавказскаго офицера.

— Я о немъ слышалъ, онъ описывалъ Кавказъ, — сказалъ Шамиль.

Дошла очередь до поручика Орлова. Узнавъ, какого онъ полка и что онъ долгое время служилъ на Кавказѣ, Шамиль спросилъ, въ какомъ дѣлѣ онъ получилъ свой георгіевскій крестъ?

Орловъ отвѣтилъ:

— За штурмъ аула Китури, когда былъ взятъ въ плѣнъ наибъ Хаджи-Магометъ.

Но едва только переводчикъ успѣлъ передать Шамилю отвѣтъ, какъ этотъ усталый и флегматичный съ виду старикъ мгновенно выпрямилъ свой сутуловатый согнутый станъ, брови его нахмурились, а глаза блеснули недобрымъ свѣтомъ. Въ то же время шевельнулась и вся его свита, которая до того стояла манекенами. Руновскій поблѣднѣлъ и завертѣлся на своемъ мѣстѣ. Мы всѣ поняли, что произошло что-то особенное, непріятное. Вдругъ Шамиль быстро проговорилъ, два раза подъ рядъ, какую-то фразу, въ которой упоминалось имя того же Хаджи-Магомета, оказавшаго, какъ объяснилось послѣ, отчаянное сопротивленіе (въ августѣ 1858 года) нашему отряду, которымъ командовалъ генералъ-лейтенантъ баронъ Вревскій, раненый въ этомъ дѣлѣ двумя пулями, отъ которыхъ вскорѣ и умеръ.

— Имамъ говоритъ, что Хаджи-Магометъ былъ взятъ въ плѣнъ мертвымъ,—проговорилъ сконфуженный Грамовъ. А между тѣмъ, Шамиль, все еще хмурый и видимо недовольный, поднялся съ своего мѣста; это означало, что наша аудіенція была окончена, и мы стали откланиваться.

Едва только мы спустились въ нижній этажъ, какъ Руновскій накинулся на сконфуженнаго Орлова:

— Что вы надѣлали!? какъ можно было говорить Шамилю такія вещи!.. и пр.

Орловъ оправдывался, ссылаясь на оффиціальную реляцію о дѣлѣ подъ Китури, въ которой Хаджи-Магометъ былъ показанъ „взятымъ въ плѣнъ“... и что лишь на другой день послѣ битвы было отправлено дополнительное донесеніе, въ которомъ сообщалось, что плѣнный нанбъ „умеръ отъ ранъ“...

Въ дѣйствительности же было такъ, какъ говорилъ Шамиль: то-есть Хаджи-Магометъ былъ найденъ мертвымъ въ башнѣ, въ которой онъ защищался до послѣдняго издыханія, получивъ множество ранъ. А для того, чтобы реляція казалась пышнѣе и побѣдоноснѣе, въ ней начальство немножко прихвастнуло, упомянувъ о такомъ трофеѣ, какъ „плѣнный“ предводитель племени, въ разсчетѣ, конечно, на болѣе щедрыя награды за дѣло.

Такъ неловко закончилось наше представленіе Шамилю. Вскорѣ мнѣ довелось увидѣть этого знаменитаго плѣнника еще нѣсколько разъ—одинъ разъ на вечерѣ, въ домѣ полковника Еропкина, а два раза въ залѣ дворянскаго собранія на происходившихъ въ то время дворянскихъ выборахъ.

IV.

Вечеръ у полковника Еропкина съ Шамилемъ.—Мазурка.—Сыновья Шамиля: Кази-Магометъ и Магометъ-Шеффи.—Мюридъ Хаджіо и Абдуррахимъ. — Представленіе Шамилю бывшихъ плѣнныхъ солдатъ.—Калужскіе нищіе.—Посѣщеніе Шамилемъ дворянскихъ выборовъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ представленія Шамилю, я былъ приглашенъ къ полковнику Еропкину на вечеръ, „къ пяти часамъ“. Я былъ очень удивленъ такимъ раннимъ часомъ, но, тѣмъ не менѣе, постарался пріѣхать къ этому именно часу. Оказалось, что на вечеръ долженъ былъ пріѣхать и Шамиль; а такъ какъ онъ ложился зимою, обыкновенно, не позже восьми часовъ, то всѣхъ гостей и пригласили къ пяти.

Это былъ, какъ я узналъ, *первый* еще выѣздъ Шамиля въ частный домъ въ Калугѣ, да и вообще въ Россіи; въ Петербургѣ плѣнный имамъ бывалъ лишь во дворцахъ, а собственно „въ гости“ ни къ кому не ѣздилъ.

Я засталъ у гостепріимнаго хозяина большое общество, преимущественно изъ военныхъ и ихъ женъ. Хотя это былъ простой „вечеръ“, но дамы были почему-то одѣты по бальному и декольтированы. Было нѣсколько очень красивыхъ дамъ и дѣвицъ.

Въ шестомъ часу въ комнатахъ произошло замѣтное движеніе: дали знать, что Шамиль подъѣхалъ къ крыльцу, и хозяева направились въ переднюю встрѣчать его. Вскорѣ дѣйствительно въ залу вошелъ Шамиль: онъ шелъ тою же тихою и грузною походкой и такъ же тяжело и прерывисто дышалъ; но одѣтъ онъ былъ совсѣмъ уже иначе: взамѣнъ нагольнаго полушубка, на немъ была темнокофейнаго сукна черкеска съ патронами на груди (гозыри), на поясѣ надѣтъ былъ кинжалъ въ ножнахъ, отдѣланныхъ, впрочемъ, не въ золото, какъ, напримѣръ, у его мюрида Хаджіо, а въ серебро; на головѣ тоже была болѣе нарядная чалма. Онъ проведенъ былъ хозяиномъ дома въ гостиную и сѣлъ на диванѣ. Съ нимъ вмѣстѣ вошли въ гостиную два сына, два зятя и нѣсколько мюридовъ, но никто изъ нихъ не осмѣлился сѣсть въ присутствіи имама, и всѣ они смиренно стали по правую и по лѣвую сторону дивана, у стѣны—точь-въ-точь такъ, какъ стояли въ домѣ Сухотина, когда мы представлялись Шамилю. Руновскій и Грамовъ находились тутъ же неотлучно—первый въ качествѣ пристава, второй какъ переводчикъ. Хозяйка дома, ея старшая дочь и нѣсколько дамъ находились также въ гостиной, куда вскорѣ былъ поданъ чай, фрукты и

разныя сласти. О чемъ былъ разговоръ въ гостиной—этого я не могъ знать, такъ какъ мы, т.-е. молодежь обоего пола, находились въ большой залѣ и, по окончаніи чая, должны были сейчасъ же начать танцовать; мнѣ было извѣстно лишь, что Шамиль былъ очень изумленъ присутствіемъ на вечерѣ особъ прекраснаго пола не только съ открытыми лицами, т.-е. безъ чадръ, но даже съ весьма оголенными плечами. Ранѣе онъ видѣлъ такіе откровенные женскіе костюмы лишь въ театрахъ и полагалъ, что *тамъ*, въ общественныхъ мѣстахъ, это допустимо еще кое-какъ, но та же откровенность дамскихъ платьевъ въ частномъ домѣ его видимо ошеломила.

Онъ что-то спросилъ Грамова, и Грамовъ ему что-то отвѣтилъ, но видимо сконфуженный. Когда Ергокинъ спросилъ потомъ переводчика — въ чемъ дѣло? то Грамовъ (молодой свѣтскій человѣкъ и большой волокита) сказалъ: „Шамиль хотѣлъ знать: не холодно ли дамамъ"?..

Затѣмъ, онъ спросилъ у Ергокина—есть ли у него меньшія дѣти, и пожелалъ ихъ видѣть. Когда дѣти подошли, то онъ долго ласкалъ ихъ и не отпускалъ отъ себя до тѣхъ поръ, пока начались танцы.

Танцы начались обычнымъ вальсомъ. Затѣмъ стали танцовать только-что вошедшее тогда въ моду лансье. Шамиль вышелъ въ залу, сѣлъ на стулъ и глядѣлъ на танцующихъ. Ергокинъ спросилъ его о впечатлѣніи, производимомъ на него танцами,—и онъ отвѣтилъ, что удивляется свободному обращенію между собою двухъ половъ, что *у нихъ* этого нельзя; а относительно танцевъ сказалъ прямо, что *эти* танцы ему не нравятся. Хотѣли-было танцовать лезгинку, такъ какъ нашелся умѣющій офицеръ, но на бѣду оказалось, что ни одна изъ дамъ не умѣла танцовать этотъ національный кавказскій танецъ,—и тогда рѣшили начать прямо мазурку. Хотя всей музыки былъ лишь рояль и скрипка,—такъ какъ это былъ собственно не балъ, а просто званый вечеръ,—но едва только раздались по залѣ увлекательные и торжественные звуки Глинки, какъ Шамиль оживился, качнулъ нѣсколько разъ въ тактъ головою и насторожился. Когда начался танецъ, полный граціи и пластики,—Шамиль пришелъ въ окончательный восторгъ: онъ улыбался, взглядывалъ то на Ергокина, то на Руновскаго, и знаками выражалъ имъ свое полное удовольствіе отъ мазурки.

Болѣе часу смотрѣлъ Шамиль на танцующихъ; затѣмъ поднялся съ своего мѣста и сталъ прощаться. Съ нимъ вмѣстѣ уѣхалъ съ вечера одинъ лишь его старшій сынъ Гази-Магометъ

—угрюмый, неразговорчивый и некрасивый горецъ, по внѣшности мало похожій на отца: лишь такой же широкоплечій и высокій и немного сутуловатый; онъ былъ по виду лѣтъ 35-ти, но почему-то безъ всякой растительности на лицѣ, которое онъ, повидимому, брилъ; лицо у него было длинное, глаза узкіе и маленькіе и крайне непріятные.

Съ ихъ отъѣздомъ быстро измѣнился весь характеръ вечера: все оживилось, развернулось и стало непринужденно веселиться. Дамы тотчасъ же овладѣли горцами, изъ коихъ двое особенно привлекали на себя ихъ благосклонное вниманіе: первый былъ Магометъ-Шеффи, младшій сынъ Шамиля, имѣвшій въ то время всего 21 годъ; онъ ростомъ былъ пониже брата и такой же здоровенный и крѣпкій юноша, но во всемъ остальномъ несхожій съ братомъ: чрезвычайно красивый, съ чисто женственнымъ лицомъ, очень разговорчивый и веселый, онъ старательно учился говорить по-русски въ противоположность брату, который наотрѣзъ отказался учиться нашему языку.

Второй горецъ, полюбившійся калужскимъ молодымъ дамамъ того времени, былъ любимый мюридъ Шамиля, по имени Хаджіо—красавецъ собой, типичнѣйшій представитель кавказскаго племени: бѣлоснѣжное лицо, обрамленное изящною, черною, небольшою бородою, черные блестящіе глаза и длинныя рѣсницы, строгій профиль, алый ротъ, жемчужные зубы, маленькая женская рука, средній ростъ и большая физическая сила; на немъ былъ шолковый бешметъ, дорогого сукна черкеска, рѣдкое оружіе—шашка и кинжалъ,—отдѣланное въ золото съ чернью; онъ имѣлъ страстное желаніе не только научиться говорить по-русски, но и танцовать; у него были манеры, полныя почти женственной граціи, постоянная улыбка на лицѣ и со всѣми привѣтливость и любезность—поскольку, конечно, это было возможно при его познаніяхъ въ русскомъ языкѣ. Таковъ былъ мюридъ Хаджіо. За Шамилемъ въ ссылку онъ отправился съ Кавказа добровольно и былъ своему великому повелителю самымъ вѣрнымъ и преданнымъ слугою, другомъ, и въ то же время казначеемъ.

На томъ же вечерѣ обращалъ на себя вниманіе зять Шамиля—Абдуррахимъ, женатый на второй его дочери Фатиматъ: онъ, подобно Хаджіо, настолько быстро усвоилъ пониманіе русскаго языка, что могъ уже, съ грѣхомъ пополамъ, разговаривать. Всѣ эти успѣхи онъ и Хаджіо сдѣлали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ Калугѣ. На своемъ же языкѣ, по-черкесски, они свободно разговаривали съ тѣми казанскими татарами, солдатами калужскаго гарнизона, которые

были отряжены къ Шамилю для постоянныхъ услугъ въ домѣ, въ качествѣ дворниковъ, истопниковъ [1]), конюховъ и проч.; оказывалось, что казанское нарѣчіе было очень схоже съ адербейджанскимъ, на которомъ говорили горцы,—и это значительно облегчало положеніе плѣнниковъ и ихъ сношенія съ мужскою прислугою. Интересно еще слѣдующее обстоятельство: по пріѣздѣ Шамиля въ Калугу, къ нему, какъ мнѣ разсказывали, явилось пять человѣкъ отставныхъ солдатъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, побывавшихъ когда-то въ плѣну у горцевъ. Когда они явились на дворъ дома, гдѣ проживалъ Шамиль, то Руновскій спросилъ ихъ, что̀ именно нужно имъ и съ какою цѣлью они желаютъ представиться?

— Мы желаемъ, ваше благородіе, явиться къ нашему бывшему *хозяину*,—отвѣчали солдатики, и ихъ, конечно, допустили, и Шамиль былъ очень доволенъ, что бывшіе плѣнники вспомнили о немъ, и надѣлилъ ихъ серебряными рублями.

Вообще Шамиль не зналъ счету деньгамъ—правильнѣе, цѣны имъ,—чѣмъ и приводилъ въ величайшее отчаяніе своего казначея Хаджіо, вѣдавшаго всѣ расходы по дому, гдѣ жили знаменитые плѣнники. Калужскіе нищіе прежде всѣхъ провѣдали объ этой сторонѣ характера имама, и простаивали иногда по цѣлымъ днямъ за углами сосѣднихъ домовъ, карауля какъ самого Шамиля, такъ и лицъ его свиты—сыновей, зятьевъ и мюридовъ,—когда они выходили на улицу, чтобы пройтись. Шамиль обыкновенно подавалъ имъ тѣ монеты, которыя были въ данное время въ его карманѣ—были ли то рубли, полтинники, или гривенники,—безразлично. Хорошо еще, что золото стало уже исчезать тогда изъ обращенія; бумажекъ же татары не долюбливали и избѣгали имѣть ихъ.

— Какъ я могу подать нищему одну или двѣ копѣйки,—говорилъ Шамиль:—а вдругъ случится, что ему *въ тотъ день* никто болѣе не подастъ?!.. чѣмъ же онъ будетъ сытъ?..

И только спустя нѣсколько мѣсяцевъ Руновскому удалось, наконецъ, убѣдить и Шамиля, и его ближайшихъ родственниковъ, что они дѣлаютъ довольно сомнительное добро, подавая серебряныя монеты калужскимъ нищимъ.

— Вы помогаете *злому* дѣлу, помогаете *грѣху*,—объяснилъ имъ Руновскій:—на вашу милостыню эти люди напиваются пьяны и потомъ дерутся и буйствуютъ и не хотятъ уже трудиться...

[1]) Эти истопники, когда приходилось топить печи, находившіяся на женской половинѣ, приносили дрова лишь къ дверямъ комнатъ,—и тогда эти дрова брались особыми рабынями, которыхъ дамы Шамиля привезли съ собою съ Кавказа.

Шамиль былъ очень опечаленъ, когда увидѣлъ, что онъ, вмѣсто желаемаго добра, творилъ зло, и съ того времени сталъ подавать милостыню лишь старикамъ и старухамъ.

Въ ту зиму въ Калугѣ не было никакого театра, а между тѣмъ изъ Петербурга шли инструкціи о томъ, чтобы Шамиль не скучалъ и чтобы, по возможности, его развлекали. Въ то время происходили въ Калугѣ дворянскіе выборы, повторявшіеся, обыкновенно, черезъ каждые три года. Шамилю предложили посѣтить эти выборы, и онъ согласился. Намъ, пріѣзжимъ офицерамъ, сказали объ этомъ, и мы, надѣвъ мундиры, отправились въ собраніе.

Мы застали Шамиля и всю его свиту уже въ залѣ собранія. Шамиль сидѣлъ, поджавъ по восточному ноги, на эстрадѣ, или на небольшомъ возвышеніи отъ полу, на которомъ помѣщался громадный, въ натуральную величину, портретъ государя; по обѣимъ сторонамъ отъ него, какъ и прежде, стояли, не шевелясь, его сыновья, зятья и мюриды. Иногда кто-нибудь изъ присутствующихъ на баллотированіи дворянъ подходилъ къ нему и, при помощи переводчика, обмѣнивался нѣсколькими фразами; это позволяли себѣ исключительно тѣ заслуженные военные, которые уже ранѣе были гдѣ-нибудь ему представлены. Затѣмъ Шамиль поднялся съ мѣста и величаво пройдя всю залу, уѣхалъ изъ собранія. Свита же его осталась и тотчасъ же раздѣлилась на двѣ половины: Магометъ-Шеффи и Хаджіо направились прямо на хоры, къ барынямъ, а остальные принялись разгуливать по заламъ и стали курить табакъ, чего отнюдь не смѣли дѣлать въ присутствіи Шамиля, который и самъ не курилъ, и имъ не позволялъ, находя это „роскошью“, съ которой суровые воины горъ не должны быть знакомы.

V.

Клубъ въ Калугѣ. — „Гражданинъ“ Оболенскій. — Шамиль на вечерѣ дворянства въ клубѣ.—Судьба Шамиля и его сыновей. — Ученіе мюридизма. — Знакомство Шамиля съ губернскимъ предводителемъ дворянства Щукинымъ.—Снятіе фотографій съ черкешенокъ. — Исторія съ бриллiантами женъ Шамиля. — Красота Кериматъ, жены Кази-Магомы.

При посредствѣ брата, который долженъ былъ пробыть въ Калугѣ нѣкоторое время по дѣламъ службы, я сталъ бывать въ клубѣ.

Тамъ я встрѣчалъ, между прочимъ, одну интересную личность—высокаго старика съ большою бѣлою бородою, скромнаго, молчаливаго, сидѣвшаго по большей части въ клубной библіотекѣ. На мой вопросъ, кто это?—мнѣ отвѣтили:

— Гражданинъ Оболенскій...

Это былъ бывшій декабристъ, блестящій когда-то гвардейскій офицеръ, князь Оболенскій, возвращенный по манифесту 26 августа 1856 года въ Россію и получившій разрѣшеніе именоваться „гражданиномъ“ Оболенскимъ. Потомъ, какъ извѣстно, права всѣхъ декабристовъ были совершенно возстановлены.

Однажды, когда въ клубѣ устроенъ былъ какой-то торжественный вечеръ, даваемый дворянами избранному вновь на трехлѣтіе губернскому предводителю Щукину, и предположены были танцы, Шамиль явился въ клубъ въ сопровожденіи своей свиты, и по случаю его посѣщенія, я помню, мазурку начали танцовать тотчасъ же послѣ перваго контръ-данса. Такъ какъ музыку оркестровъ вообще Шамиль почему-то не долюбливалъ [1]), то мазурку танцовали, какъ и у Ерошкина, подъ звуки рояля, инструмента, очень нравившагося Шамилю. Болѣе часу смотрѣлъ имамъ на танцующія въ мазуркѣ пары, и, обратясь къ Руновскому, сказалъ:

— Это лучше, чѣмъ балетъ, который я видѣлъ въ Петербургѣ: тамъ почти голыя танцуютъ...

Въ виду того обстоятельства, что Шамиль сталъ изъявлять любовь къ музыкѣ, Руновскій написалъ объ этомъ въ Петербургъ, и оттуда присланъ былъ въ Калугу, въ даръ Шамилю, большой органъ, на которомъ онъ потомъ и игралъ съ величайшимъ удовольствіемъ самъ и часто открывалъ его, стараясь изучить и постигнуть секретъ его внутренняго механизма...

Впослѣдствіи, когда, случалось, Шамиль посѣщалъ частные дома своихъ калужскихъ знакомыхъ и если только видѣлъ въ залѣ рояль, то прежде всего спрашивалъ — умѣетъ ли кто-нибудь на немъ играть? — и такъ какъ отвѣтъ получался всегда утвердительный, то гость просилъ съиграть ему что-нибудь, и хозяева спѣшили исполнить его желаніе. При этомъ было принято избѣгать играть марши и все то, что̀ можетъ ихъ напоминать, даже, напр., и извѣстный маршъ изъ „Фауста“, или „Славься“ изъ „Жизни за царя“.

Но не всѣ желанія Шамиля могли быть исполнимы. Такъ,

---

[1]) Музыка эта, какъ говорили, напоминала Шамилю побѣдные марши русскихъ войскъ въ Веденѣ и Гунибѣ, гдѣ была похоронена его власть и военная слава.

напр., во время моего пребыванія въ Калугѣ, онъ изъявилъ Руновскому желаніе видѣть наше богослуженіе въ самомъ храмѣ и именно архіерейское, торжественное. Начались переговоры: Руновскій далъ знать въ Петербургъ, поѣхалъ къ мѣстному архіерею; но ничего изъ этого не вышло: архіерей, соглашаясь, чтобы Шамиль въ храмѣ сидѣлъ, выразилъ непремѣнное условіе, чтобы онъ снялъ съ головы папаху, а имамъ никакъ не соглашался подчиниться этому условію, въ силу обычая мусульманъ ходить вездѣ съ покрытою головою, и дѣло это не состоялось.

Въ заключеніе о жизни Шамиля и его семейства въ Калугѣ, въ то время, т.-е. въ началѣ 1860 года, нахожу интереснымъ сообщить еще нѣсколько свѣдѣній, которыя мнѣ довелось слышать тогда и узнать послѣ, во второй мой пріѣздъ въ Калугу, спустя годъ, по тому же казенному порученію.

Всего именитыхъ плѣнныхъ горцевъ, считая въ томъ числѣ женщинъ, проживало въ то время въ Калугѣ 22 человѣка. При Шамилѣ, какъ я упоминалъ, жили два его сына; старшій изъ нихъ, Кази-Магометъ, прибылъ въ Калугу нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ отца, и на одномъ изъ собраній у полковника Еропкина усердно благодарилъ представителей высшаго калужскаго общества за вниманіе и ласки къ своему престарѣлому отцу, и обѣщалъ *„заслужить за это вдвойнѣ—и за себя, и за отца“*. И дѣйствительно „заслужилъ“ въ минувшую турецкую войну 1877 года, когда, состоя на службѣ въ Турціи въ чинѣ дивизіоннаго генерала, онъ обложилъ Баязетъ и морилъ голодомъ, принуждая къ сдачѣ несчастный гарнизонъ этой маленькой крѣпостцы, находившійся въ концѣ осады, подъ начальствомъ доблестнаго капитана Штоквича. Еще во времена владычества его отца на Кавказѣ, его хотѣли сдѣлать имамомъ за его выдающіяся военныя способности, которыя онъ проявилъ главнымъ образомъ во время своего знаменитаго по удачѣ набѣга на Кахетію въ 1854 году, когда горцамъ удалось разграбить и сжечь богатѣйшее имѣніе князя Чавчавадзе Цинондалы и захватить въ плѣнъ семейства какъ самого генерала Чавчавадзе, такъ и умершаго князя Орбеліани [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи обѣ плѣнныя княгини были возвращены намъ горцами въ обмѣнъ на старшаго сына Шамиля Джемалалдина, находившагося у насъ въ качествѣ заложника еще съ дѣтства, воспитывавшагося въ 1-омъ кадетскомъ корпусѣ и уже служившаго офицеромъ въ одномъ изъ уланскихъ полковъ. Этотъ несчастный юноша не долго прожилъ въ горахъ: привыкшій уже къ комфорту и совсѣмъ инымъ условіямъ жизни, онъ зачахъ и вскорѣ умеръ.

Кромѣ сыновей при Шамилѣ находились и его зятья, изъ коихъ я запомнилъ лишь одного, Абдуррахима, потому что онъ зналъ много русскихъ словъ, а когда я пріѣхалъ годъ спустя, то онъ и мюридъ Хаджіо могли уже говорить по-русски цѣлыя фразы, а Хаджіо сталъ уже брить голову очень рѣдко, душился, курилъ табакъ, а на пальцахъ носилъ золотыя колечки—сувениры калужскихъ дамъ, которыя *сами* за нимъ ухаживали, и не безъ успѣха... Это былъ единственный горецъ изъ всей свиты Шамиля, имѣвшій въ Калугѣ любовныя приключенія, благодаря прежде всего, конечно, отважности самихъ дамъ, бросавшихся прямо на шею Хаджіо...

Младшій сынъ Шамиля поступилъ впослѣдствіи въ ряды русской арміи, дослужился, если не ошибаюсь, до чина генералъ-маіора и здравствуетъ и понынѣ, проживая въ одной изъ приволжскихъ губерній. Когда въ 1865 году ему поручено было съѣздить на Кавказъ и выбрать въ татарскій эскадронъ (конвойный) джигитовъ, то горцы изъ Чечни и Дагестана, какъ только узнали, что *сынъ Шамиля* прибылъ на Кавказъ, съѣзжались со всѣхъ сторонъ, чтобы только взглянуть на него и убѣдиться, что онъ живъ и служитъ русскому царю... Магометъ Шеффи остался вѣрнымъ разъ принятой имъ присягѣ, и ему вслѣдствіе этого пришлось, кажется, порвать родственныя связи съ братомъ, направившимся по иному пути...

Самъ Шамиль, какъ извѣстно, присутствовалъ въ 1866 году на свадьбѣ цесаревича Александра Александровича въ Петербургѣ, гдѣ и произнесъ на арабскомъ языкѣ свою знаменитую рѣчь, окончившуюся словами: „Да будетъ извѣстно всѣмъ и каждому, что старый Шамиль на склонѣ дней своихъ жалѣетъ о томъ, что онъ не можетъ родиться еще разъ, дабы посвятить свою жизнь на служеніе бѣлому царю, благодѣяніями котораго онъ теперь пользуется"!..

Извѣстно, что вскорѣ послѣ этого покойный государь Александръ Николаевичъ отпустилъ Шамиля, которому было въ то время 72 года, „на честное слово", на богомоленіе въ Мекку, что когда старый имамъ, остановившись по дорогѣ въ Константинополѣ, ходилъ по улицамъ этого города, то турки всѣхъ возрастовъ, состояній и половъ падали передъ нимъ, въ знакъ величайшаго благоговѣнія, ницъ и лежали распростертые на землѣ все время, пока проходилъ мимо ихъ этотъ замѣчательный человѣкъ—духовный глава мюридизма и воинъ, провоевавшій болѣе 20 лѣтъ съ тою самою Россіей, которая обыкновенно разбивала этихъ турокъ на-голову.

Здѣсь, кстати, слѣдуетъ сказать хотя нѣсколько словъ о томъ ученіи, во главѣ котораго стоялъ Шамиль и которымъ онъ былъ такъ силенъ. *Мюридизмъ* не заключалъ въ себѣ особыхъ богословскихъ догматовъ, отличающихъ его отъ общаго магометанскаго ученія; напротивъ, онъ открыто проповѣдывалъ *согласіе и единство шіитовъ и сунитовъ*, чтобы они, въ виду общаго врага, христіанства, забыли свою взаимную нетерпимость и домашніе споры и соединились бы воедино.

Въ Калугѣ было одно высокопоставленное лицо, къ которому старый Шамиль былъ особенно расположенъ,—это былъ губернскій предводитель дворянства Щукинъ. Причины особенной симпатіи бывшаго кавказскаго владыки къ этому почтенному человѣку заключались въ томъ, что сынъ г. Щукина и старшій сынъ Шамиля, Джемалалдинъ, воспитывавшійся въ Россіи, не только служили въ одномъ уланскомъ полку, но были еще и очень дружны между собою. Вотъ это обстоятельство, въ связи съ тою любовью, которую имѣлъ Шамиль къ своему, такъ безвременно умершему сыну, а равно и съ тѣмъ уваженіемъ, которое внушала къ себѣ самая личность Щукина, и были причиною, что Шамиль сталъ открыто выражать свое особенное расположеніе къ предводителю калужскаго дворянства и даже пожелалъ присутствовать въ дворянскомъ собраніи еще разъ—именно въ послѣдній день выборовъ, когда дворяне должны были избрать губернскаго предводителя, на каковую должность вновь баллотировался Щукинъ. Шамиль, какъ разсказывали, очень волновался и безпокоился за участь своего „кунака“, чтобы его не забаллотировали, и былъ чрезвычайно доволенъ, когда, по подсчету бѣлыхъ шаровъ, Щукинъ оказался избраннымъ и привѣтствуемъ громкими криками одобренія со стороны дворянъ.

Но эта же пріязнь Шамиля къ отцу друга и товарища его покойнаго сына послужила поводомъ къ нѣкоторому огорченію для имама. Все дѣло вышло изъ-за фотографіи. Семейство Щукина, т.-е. дамы, познакомившись съ дамами семейства Шамиля, подарили имъ свои фотографическіе портреты и пожелали, конечно, получить взамѣнъ *ихъ* фотографіи. Но это, по мусульманскому обычаю, оказалось невозможнымъ, такъ какъ мужчина не долженъ видѣть лицъ женъ и дочерей у магометанъ, исключая самыхъ близкихъ родныхъ—отца, мужа, братьевъ. А между тѣмъ, фотографіи „дамъ“ семейства Шамиля желали имѣть въ Петербургѣ многія великія княгини, и это дѣло надо было, во что бы

ни стало, устроить. И вотъ, приставъ Шамиля, А. И. Руновскій, переговаривaясь съ фотографами, придумалъ слѣдующій компромиссъ: снимать взялась жена одного изъ калужскихъ же фотографовъ... Шамиль, бывшій вообще противу снятія и ставившій ранѣе главнымъ препятствіемъ магометанскій законъ, долженъ былъ, скрѣпя сердце, согласиться, и такимъ образомъ, были сняты обѣ жены имама, двѣ его снохи и одна замужняя дочь, жена Абдуррахима.

Но наканунѣ дня, назначеннаго для снятія фотографіи, въ семействѣ великаго имама произошла маленькая драматическая сцена, во время которой было пролито не мало слезъ любимою и преданною женою Шамиля—Шуаннàтъ (или Шуаннѣтъ), плѣнною христіанкою, обращенною потомъ въ мусульманство. Дѣло въ томъ, что для фотографіи слѣдовало, конечно, одѣться понаряднѣе, и по этой части дамы Шамиля имѣли все необходимое; но имъ хотѣлось имѣть на себѣ, во время снятія портретовъ, еще и брилліанты... И вотъ одна изъ супругъ, Зейдàтъ, имѣла эти брилліанты, а Шуаннàтъ—нѣтъ; то-есть брилліанты эти, отобранные горцами отъ плѣнныхъ княгинь Чавчавадзе и Орбеліани и доставшіеся женамъ Шамиля, были впослѣдствіи, во время взятія Гуниба русскими войсками, въ 1859 году, разграблены самими же приверженцами Шамиля во время всеобщей паники и суматохи въ конакѣ имама. Но хитроумная Зейдàтъ, предвидя неизбѣжный погромъ, съумѣла припрятать принадлежащія ей драгоцѣнности въ платье и шальвары, которыя въ тотъ роковой день на себя надѣла, а преданная и любящая Шуаннàтъ была занята лишь судьбою мужа и готовилась раздѣлить съ нимъ его участь, т.-е. смерть, каковую легко можно было ожидать [1]), и не позаботилась о своихъ сокровищахъ, которыя и исчезли... И вотъ, теперь, узнавъ, что Зейдàтъ хочетъ сниматься въ брилліантахъ, Шауннàтъ стала горько плакать, а затѣмъ, излила свою печаль не только передъ мужемъ, но, при посредствѣ Хаджіо, и передъ приставомъ Руновскимъ... Не помню, чѣмъ кончилась тогда эта исторія, но что фотографія со всѣхъ „дамъ“ семейства имама была снята — это я знаю навѣрное и, по всей вѣроятности, портреты эти сохраняются въ семьѣ гг. Щукиныхъ и по настоящее время. Особенною красотою на этихъ фотографіяхъ выдѣлялась черке-

[1]) Шамиль не разъ говорилъ потомъ (послѣ взятія его въ Гунибѣ): „Я, сдаваясь, исполнилъ лишь желаніе моихъ женъ и дѣтей; самъ же я рѣшилъ заколоться тотчасъ же, какъ только кн. Барятинскій оскорбилъ бы меня хотя чѣмъ-нибудь“...

шенка Керимàтъ, жена Кази-Магомы, старшаго сына Шамиля, которая, спустя два года,—въ маѣ 1862 года—умерла въ Калугѣ, отъ перемѣны климата, всего 25-ти лѣтъ отъ роду. Она была красоты поразительной, — и суровый мужъ ея не имѣлъ даже, при ея жизни, другихъ женъ, какъ это дозволялъ ему законъ, его богатство и положеніе.

VI.

Какъ жилось горцамъ въ Калугѣ.—Лошади, подаренныя государемъ Шамилю.—Покушеніе на кражу этихъ лошадей.—Рѣшеніе горцевъ перестрѣлять воровъ.—„Кавказъ—въ Калугѣ".—Встрѣча съ Шамилемъ годъ спустя.—Тоска по родинѣ у горцевъ.—Любовь Шамиля къ дѣтямъ.—Открытіе старыхъ ранъ у Шамиля.—Мюридъ Хаджіо цивилизуется.

Въ общемъ, Шамилю, его семьѣ и свитѣ жилось въ Калугѣ недурно: они получали отъ щедротъ государя болѣе чѣмъ достаточное для нихъ содержаніе; имъ отведенъ былъ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ Калугѣ, данъ многочисленный штатъ прислуги, они пользовались полнѣйшею свободой въ Калугѣ, всѣ ихъ самомалѣйшія желанія были немедленно исполняемы, самъ Шамиль пользовался полнѣйшимъ почетомъ и всѣми внѣшними знаками уваженія, приличествующими лишь коронованнымъ особамъ, и пр.; въ одномъ лишь стѣснены были эти именитые горцы—съ нихъ было взято слово, что они не сдѣлаютъ попытокъ къ бѣгству и, вообще, не перейдутъ за городскую черту Калуги.

Заботливость императора Александра II о знаменитыхъ плѣнникахъ доходила до того, что онъ требовалъ иногда къ себѣ подлинныя донесенія Руновскаго. Прочитавъ однажды въ этихъ донесеніяхъ, что Шамиль вздыхаетъ о томъ, что у него нѣтъ лошадей, государь тотчасъ послалъ ему въ подарокъ четырехъ прекрасныхъ коней—пару для выѣзда и пару верховыхъ. Съ этими лошадьми вышла потомъ слѣдующая интересная исторія: калужскіе коноврады едва ихъ не увели: была уже проломана стѣна конюшни, выходящая въ садъ, и лишь простая случайность—лай маленькой собачонки, принадлежавшей истопнику—помѣшала этой дерзкой кражѣ. Шамиль долго потомъ не могъ переварить въ своихъ понятіяхъ этого казуса, что у него осмѣливались увести лошадей, подаренныхъ ему самимъ государемъ, и раза два спрашивалъ Руновскаго, пойманы ли воры и повѣшены ли они?.. А когда узналъ, наконецъ, что воровъ не нашли

и что ихъ, если и найдутъ, то никоимъ образомъ не повѣсятъ, распорядился учредить ночной караулъ, и въ первую ночь отправился сторожить лошадей его зять, мюридъ Абдуррахимъ, съ винтовкою, заряженною пулею, и съ рѣшительнымъ намѣреніемъ перестрѣлять конокрадовъ, если они появятся... Едва-едва потомъ убѣдили горцевъ, что у насъ это „не полагается“...

Слѣдуетъ еще сказать, что всѣ эти горцы, съ Шамилемъ во главѣ, были чрезвычайно признательны и благодарны за оказываемыя имъ милости и вниманіе. Шамиль, напримѣръ, будучи еще въ Петербургѣ (по пути въ Калугу), просилъ своего перваго пристава, полковника Богословскаго, передать его признательность публикѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Скажите имъ, что вниманіе ихъ дѣлаетъ меня вполнѣ счастливымъ и доставляетъ такое удовольствіе, какого я не испытывалъ при полученіи извѣстія объ очищеніи Дарго въ 45 году и какого не доставляли мнѣ даже успѣхи въ 43 году, въ Дагестанѣ“... Въ самой Калугѣ Шамиль не разъ, шутя, конечно, говорилъ окружающимъ его русскимъ лицамъ: „Если бы я зналъ, что мнѣ здѣсь будетъ такъ хорошо, я бы давно самъ убѣжалъ изъ Дагестана!..“ Когда, однажды, высокопочтенный „кунакъ“ его, Шукинъ, спросилъ его: желалъ ли бы онъ вернуться на Кавказъ?—то Шамиль, вздохнувъ, отвѣтилъ: „Зачѣмъ?!. Теперь Кавказъ—въ Калугѣ“...

И дѣйствительно: здѣсь жило, такъ сказать, все *правительство* Кавказа—семья Шамиля, то-есть онъ самъ, двѣ его жены [1]) и его дочери отъ Шауннѣтъ; затѣмъ жили двѣ отдѣльныя семьи его двухъ сыновей, два его зятя, женатые на его дочеряхъ, мюридъ Хаджіо — словомъ, всѣ тѣ, которые ранѣе держали въ своихъ рукахъ судьбу Кавказа и все его разноплеменное, воинственное населеніе.

— Какой я теперь *имамъ*!—говорилъ иногда, вздыхая, этотъ плѣнный левъ и подписывался: „*рабъ Божій* Шамиль“; жена же его любимая, Шауннѣтъ, подписывалась такъ: „жена *бѣднаго странника* Шамуиля“...

Когда я, годъ спустя, въ январѣ 1861 года, пріѣхалъ въ Калугу во второй разъ, семья Шамиля, его родные и свита

[1]) У Шамиля ранѣе была еще третья жена, Аминатъ, самая юная, красивая и веселая изъ его женъ; но она подверглась немилости и была удалена Шамилемъ за свои, иногда очень остроумныя и ядовитыя шутки противъ самой вліятельной и злобной жены имама, старой Зейдатъ, оказавшейся все еще очень опасной соперницей вслѣдствіе долголѣтней привычки, связывавшей съ мужемъ эту женщину, дочь Джемалалдина, бывшаго воспитателя Шамиля.

жили по прежнему въ Калугѣ, но, судя по разсказамъ, тоска по родинѣ начинала уже томить этихъ богатырей кавказскихъ горъ: мужчины становились менѣе общительны и болѣе мрачны, а женщины таяли какъ воскъ... Единственнымъ наслажденіемъ горцевъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, составляло смотрѣть, иногда по цѣлымъ часамъ, съ высокаго берега Оки, на которомъ расположена Калуга, вдаль, по ту сторону рѣки, на просторъ луговъ и полей...

Оффиціальныя представленія Шамилю пріѣзжающихъ въ Калугу офицеровъ были уже отмѣнены, и я видѣлъ имама въ этотъ мой второй пріѣздъ всего разъ, въ домѣ того же генералъ-пріимнаго полковника Ерошкина, на вечерѣ, который посѣтилъ и Шамиль. Объ этой моей послѣдней встрѣчѣ съ Шамилемъ у меня сохранилось въ памяти очень немного. Первое, что поразило меня—это была та страшная перемѣна въ лицѣ плѣнника, за годъ времени: лицо его стало совсѣмъ желтымъ и крайне болѣзненнымъ, а дыханіе было до того прерывисто, что онъ не могъ выговорить подъ-рядъ десяти словъ—ему постоянно приходилось вбирать въ себя воздухъ... Видно, не сладка была для него неволя, хотя и въ золотой клѣткѣ!..

Отъ того вечера остались въ моей памяти еще слѣдующія обстоятельства. Едва только Шамиль вошелъ въ гостиную и сѣлъ, какъ къ нему подбѣжали дѣти хозяина, и онъ, улыбаясь, сталъ ласкать ихъ и посадилъ къ себѣ на колѣни. Оказалось, что Шамиль чрезвычайно любилъ дѣтей и обладалъ особою способностью привязывать къ себѣ сразу дѣтскія сердца. Затѣмъ я помню, что когда перешли въ столовую, къ чаю, то Шамиль, взявъ одно яйцо и съѣвъ его, сказалъ, что красныя яйца, которыя подаютъ на Пасху, гораздо вкуснѣе... Когда Грамовъ перевелъ это, то всѣ улыбнулись, а Шамиль, замѣтивъ это, еще разъ повторилъ свое мнѣніе насчетъ особаго вкуса крашеныхъ яицъ...

Прослушавъ нѣсколько пьесъ, исполненныхъ на фортепіано старшею дочерью хозяина, Шамиль сталъ прощаться, и мы всѣ, мужчины-гости, подошли къ нему и стали откланиваться; онъ почему-то такъ крѣпко пожалъ всѣмъ намъ руки, что у насъ, какъ говорится, кости трещали и мы долго потомъ расправляли пальцы на правыхъ рукахъ... Руновскій объяснилъ эту странность тѣмъ обстоятельствомъ, что у Шамиля открылись старыя раны, полученныя имъ при взятіи русскими войсками извѣстной башни въ Гимрахъ, гдѣ былъ въ это время убитъ первый имамъ

Кавказа, Кази-Мулла, и что Шамиль поэтому сталъ очень нервенъ и страненъ...

Одинъ лишь мюридъ Хаджіо нисколько не измѣнился за протекшій годъ: онъ былъ такъ же веселъ и беззаботенъ, объяснялся по-русски уже безъ переводчика и выучился даже танцовать кадриль, позволяя себѣ, однако, это удовольствіе лишь въ отсутствіе своего повелителя. Любовныя похожденія этого красавца мюрида шли crescendo, и онъ имѣлъ теперь себѣ товарища въ этихъ дѣлахъ—въ лицѣ переводчика Грамова, который ему повсюду сопутствовалъ, раздѣляя съ нимъ если не плоды побѣдъ, то опасности...

VII.

Въ пороховомъ погребѣ.—Поставщикъ подводъ.—Инструкція.—Конвой и путь-дорога.—Постоялые дворы.—Мятель.—Сближеніе съ крестьянами.—Обозы и извозчики.—Разсказъ извозчика на постояломъ дворѣ.

Странное и отчасти жуткое чувство испыталъ я, когда, наконецъ, получивъ предписаніе отъ начальника порохового парка приступить къ пріему, спустился въ первый разъ въ пороховой погребъ, гдѣ справа и слѣва стояли рядами новенькіе боченки, заключавшіе въ себѣ каждый по три пуда пороха. Смотритель склада предупредилъ меня, чтобы я, если имѣю при себѣ спички, оставилъ ихъ внѣ погреба и, попросивъ затѣмъ надѣть на ноги войлочныя калоши, пригласилъ спуститься внизъ. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ боченкахъ не хватало иногда нѣсколькихъ фунтовъ до полнаго положеннаго по правиламъ вѣса (въ 3 пуда), то изъ запаснаго боченка досыпали недостающее количество фунтовъ и затѣмъ боченокъ закупоривался, обертывался рогожей и ставился въ сторонку въ уголокъ, для меня собственно. Пороховая пыль при этомъ носилась въ воздухѣ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ шла работа, освѣщаемая лишь небольшимъ оконцемъ, вдѣланнымъ вверху погреба, въ его земляной крышѣ. Пріемъ этотъ занялъ у меня весь день, который, какъ зимній, былъ очень короткій. На другой день пришлось вновь ѣхать за городъ, въ тотъ же паркъ за пріемкою свинца, пистоновъ, графита, потребнаго при вставкѣ чашечекъ въ пули, и это тоже заняло весь второй день. Затѣмъ начальникъ парка пригласилъ меня и нѣсколькихъ моихъ товарищей по пріему къ себѣ и снабдилъ насъ инструкціями, и устными, и печатными: какъ мы должны были ѣхать и оберегать этотъ опасный транспортъ отъ

всевозможныхъ случайностей—отъ воровства, отъ огня и наводненія, отъ случайностей дождя и пр. Тутъ же мы увидѣли у полковника какого-то подрядчика купца, калужанина, который долженъ былъ поставить намъ подводы подъ кладь и условиться съ нами о времени нагрузки транспортовъ и ихъ выступленія въ путь, который былъ не ближній, такъ, напр., мнѣ до Чембара предстояло проѣхать почти тысячу верстъ (а во вторую командировку, до Кузнецка, саратовской губерніи, много болѣе).

Въ числѣ главныхъ правилъ полученной мною инструкціи были два: во-первыхъ, никуда и ни подъ какимъ предлогомъ не отлучаться отъ транспорта; во-вторыхъ, не дозволять извозчикамъ въѣзжать на постоялые дворы, или даже выпрягать лошадей на улицѣ вблизи этихъ дворовъ: мы должны были останавливаться и оставлять нашъ транспортъ подъ прикрытіемъ часовыхъ, не ближе ста саженъ отъ околицы. Для караула и сопровожденія транспорта въ мое распоряженіе назначались особыя воинскія команды изъ 9-ти рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ, которыя я долженъ былъ смѣнять въ каждомъ губернскомъ городѣ, по пути слѣдованія транспорта, т.-е. принявъ команду въ Калугѣ, долженъ былъ перемѣнять ее въ Тулѣ, Рязани, Тамбовѣ и Пензѣ. Днемъ конвойные должны были наблюдать за общимъ порядкомъ слѣдованія транспорта, требовать, чтобы встрѣчные сворачивали съ дороги, чтобы никто не курилъ вблизи пороховыхъ боченковъ, не присаживался бы на подводы и пр., а ночью у транспорта должны были стоять часовые, по три человѣка, смѣняемые обыкновенно черезъ каждые два часа. На переднемъ возу транспорта развѣвался красный флагъ, обозначавшій, что нашъ „обозъ“ казенный и опасный. Число верстъ въ день намъ полагалось дѣлать по усмотрѣнію, глядя по удобствамъ пути и по погодѣ.

По счастію, у меня былъ хорошій помощникъ въ лицѣ унтеръ-офицера Савельева, взятаго мною изъ Чембара, изъ нашего стрѣлковаго баталіона: онъ дѣятельно слѣдилъ за соблюденіемъ данной мнѣ инструкціи и за правильностью караула при транспортѣ, самъ же я ѣхалъ обыкновенно позади транспорта, въ простыхъ крестьянскихъ саняхъ, на которыхъ сверху была прилажена такъ-называемая „кибитка“ для защиты отъ вѣтра и снѣга, обитая рогожами. Вотъ въ такой-то кибиткѣ, запряженной парою лошадей, принадлежавшихъ подводчикамъ, я долженъ былъ проѣхать шагомъ по большимъ и проселочнымъ дорогамъ тысячу верстъ, останавливаясь уже не на почтовыхъ станціяхъ, какъ это было по дорогѣ въ Калугу, а на постоялыхъ дворахъ,

содержимыхъ ловкими и болѣе или менѣе зажиточными „дворниками“ изъ крестьянъ. При этомъ очень часто случалось, что, по неимѣнію чистой половины, которая оказывалась холодною, мнѣ доводилось помѣщаться въ одной общей избѣ съ извозчиками, сопровождавшими какъ мой транспортъ, такъ равно и другіе обозы, заѣзжавшіе на этотъ дворъ кормить лошадей (днемъ) или ночевать. Эта дорога, длившаяся три недѣли, была хорошею для меня школой: я столько наслушался интереснаго на постоялыхъ дворахъ и такъ близко увидѣлъ нашего несчастнаго крестьянина, что уже во всю дальнѣйшую мою службу и жизнь сталъ относиться къ мужику иначе, съ тою любовью и уваженіемъ, которыхъ заслуживалъ этотъ вѣчный труженикъ, этотъ великій страстотерпецъ русской земли!.. Не слѣдуетъ забывать, что мое странствіе происходило въ началѣ 1860 года, когда было въ полной силѣ крѣпостное право и когда крестьяне, приниженные и разоренные, ждали со дня на день отмѣны этого ужаснаго права, о чемъ ходили уже усиленные толки по всей Руси, не исключая самыхъ глухихъ деревень и хуторовъ.

Крестьяне и ямщики на постоялыхъ дворахъ нисколько не стѣснялись моимъ присутствіемъ, такъ какъ я въ ихъ глазахъ не былъ „бариномъ“, а былъ лишь „старшимъ“ въ военной командѣ, сопровождавшей казенный транспортъ, наконецъ и мои очень юные годы заставляли крестьянъ смотрѣть на меня лишь какъ на офицера, не болѣе. Рѣдко-рѣдко когда, бывало, спроситъ меня кто-нибудь изъ проѣзжающихъ извозчиковъ:

— А ты изъ какѣхъ будешь, ваше благородіе? изъ господъ, аль изъ кантонистовъ?..

Я тогда, по своей юности, даже и не подозрѣвалъ, какая великая сокровищница народнаго богатства раскрывалась предо мною въ видѣ слышанныхъ на каждой остановкѣ, на каждомъ ночлегѣ на постояломъ дворѣ, разсказовъ, легендъ, преданій, кроткихъ жалобъ. Кое-что только, да и то случайно, второпяхъ, записывалось мною и сохранялось въ памяти. Главную роль во всѣхъ этихъ разсказахъ играли ужасы крѣпостного права, такъ какъ въ проѣзжаемыхъ нами губерніяхъ большинство крестьянъ были помѣщичьи. Меня это путешествіе вообще такъ сильно очаровало и раскрыло предо мною такой чудный и дотолѣ невѣдомый мнѣ міръ, что я, годъ спустя, когда уже нашъ баталіонъ перешелъ изъ Чембара пензенской губерніи въ Кузнецкъ—саратовской, то-есть дальше отъ Калуги за 300 верстъ, и предстояло вновь командировать офицера за пріемкою огнестрѣль-

ныхъ снарядовъ, самъ уже напросился въ эту командировку еще разъ и получилъ ее.

Чтобы ознакомить читателя хотя немножко съ тѣми бытовыми картинами и разсказами, которые мнѣ тогда довелось видѣть и слышать, я позволю себѣ привести здѣсь одинъ небольшой разсказъ извозчика, слышанный мною въ одной изъ глухихъ деревень подъ Ряжскомъ, гдѣ насъ захватила метель и намъ довелось простоять болѣе сутокъ.

Пусть читатель представитъ себѣ обыкновенный постоялый дворъ, то-есть большое и длинное, фасадомъ на проѣзжую улицу, деревянное строеніе, раздѣленное на три части. Одну часть занимаетъ большая изба для проѣзжихъ извозчиковъ, тутъ же живетъ и самъ хозяинъ постоялаго двора и его семья. По серединѣ строенія имѣются сѣни, куда входятъ и съ улицы, и со двора. Третью часть постройки составляетъ *чистая* половина: тамъ полы и лавки тщательно выскоблены и бѣлы какъ воскъ, въ переднемъ углу виситъ лампада и имѣется множество образовъ въ кіотахъ и безъ нихъ; по стѣнамъ наклеены лубочныя картинки, изображающія или священныя темы, или батальныя; у дверей въ углу имѣется хозяйская кровать съ массою подушекъ и одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутиковъ. Тутъ же стоятъ хозяйскіе сундуки съ ихъ добромъ, т.-е. съ одеждою. Но вся бѣда въ томъ, что эта „половина“ часто бывала холодная: она не топилась иногда изъ экономіи, а иногда по той простой причинѣ, что въ ней не было печки, постоянно же она открыта для проѣзжихъ „господъ“ и купцовъ только лѣтомъ, когда въ ней и прохладнѣе, и нѣтъ мухъ и блохъ. А когда на дворѣ стоятъ большіе морозы или вдругъ наступаетъ неожиданная мятель, *всѣ* проѣзжіе безъ различія состояній и половъ останавливаются охотнѣе „на черной“, теплой половинѣ, и рады-рады, если имъ удастся размѣститься безъ особенной тѣсноты.

За столомъ, вокругъ миски щей, сидитъ нѣсколько человѣкъ извозчиковъ и ѣдятъ почти молча, лишь изрѣдка перекидываясь короткими, необходимыми фразами, въ родѣ: „Плесни-ка, хозяйка, еще щей-то маленько!“ или: „Отрѣжьте-ка ломтикъ хлѣбца!“ и т. под. Убираютъ пустую миску со стола и ставятъ новую съ кашей. Покончивъ и съ нею, извозчики чинно встаютъ изъза стола, крестятся въ передній уголъ и затѣмъ усаживаются по избѣ гдѣ попало, пока подадутъ самоваръ, и въ это время начинаютъ разговоры, которые получаютъ особенную послѣдовательность и интересъ, когда ожидаемый самоваръ, шумящій и

кипящій, появляется на столѣ, хозяйка завариваетъ чай и извозчики, мало-по-малу, по одному вновь подсаживаются къ столу, за которымъ и пьютъ чай до седьмого пота, какъ говорится. За чаемъ „не грѣхъ“ разговаривать: это не то, что „за хлѣбомъ-солью“.

Вотъ за такимъ-то столомъ, за чаемъ, въ страшнѣйшую зимнюю метель-вьюгу, подъ Ряжскомъ, шла бесѣда у извозчиковъ.

— Метель—что! это не велика бѣда,—говорилъ старикъ-извозчикъ:—лишній денекъ простоишь гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ, да и все тутъ, а вотъ какъ распутица застигнетъ тебя въ дорогѣ, съ возами, ну, тогда ужъ ложись—помирай! Со мной это однова случилось, подъ самой подъ Калугой.

— На своихъ лошадяхъ ѣхалъ, аль на хозяйскихъ?—спросили старика.

— На своихъ, тройка была, на трехъ возахъ.

— Ну и что же—застрялъ?

— Охъ, и таперь вспомнишь, такъ тяжко станетъ!—сталъ разсказывать старикъ-извозчикъ.—Годовъ двадцать тому дѣлу будетъ. Ѣхалъ я съ рыбой изъ Саратова въ Калугу, у купца у одного навалилъ. Ужъ за Ряжскомъ таять началó, пошла капѣль, оттепель... Думаю, авось Господь донесетъ!.. Анъ, нѣтъ: только перевалилъ за Тулу, пошли дожди, туманы, а въ иной день солнце жгетъ, словно весной. Все думаю: авось Господь! потому, больно ужъ кóни у меня были хорошіе, надежные, съ роду кнута не видывали... Оставалось всего-то верстъ семьдесятъ доѣхать, не съ большимъ, да не привелъ Богъ!.. Въѣхалъ я въ сумерки въ зажóру—бился, бился до темной ночи, полны сани снѣгу да воды набралъ, а на самóмъ нитки сухой не осталось. Темь кругомъ, ни души, ни голоса... А къ ночи-то морозъ ударилъ: обледенѣлъ я весь, одѣжа колъ-колóмъ, рукú согнуть нельзя... И лошади обмерзли, а были тоже потныя допрежь-то. Ну, кое-какъ выбрался я изъ зажóры, погналъ-было рысью, думалъ разогрѣть ихъ маленько, нѣтъ, не бѣгутъ, братъ! надорвалúсь ужъ, изъ силъ повыбились... Вижу, дрянь дѣло—испортилъ лошадей!.. Пріѣхалъ я въ село, на постоялый дворъ, ужъ пѣтухи поютъ... Выпрегъ, далъ сѣна, и не тронули, полегли всѣ нà-земь, головы повѣсили... Вбѣжалъ я въ избу, обогрѣлся маленько, обсушился, взялъ фонарь, да опять къ лошадямъ, гляжу: одна лошадь—рыжая кобыла у меня была, домороченная, больше ста рублевъ стоила—лежитъ на боку и стонетъ, братцы мои, ровно человѣкъ!.. Простоялъ я надъ ней съ фонаремъ всю ночь, а на разсвѣтѣ она и извелась... И про-

шибла меня, братцы мои, слеза. Сижу надъ ней и, какъ рѣка, разливаюсь—плачу... А черезъ день и остальныя двѣ лошади пропали... Рыба стала гнить, портиться... становой узналъ, велѣлъ, которая посвѣжѣе, къ нему, а остальную въ оврагъ вывалилъ. Захворалъ я; горячка приключилась, безпамятье... Опомнился я въ городской больницѣ, на самый Христовъ день... А на Ѳоминой недѣлѣ выпустили меня, и я пошелъ пѣшкомъ, за тыщу верстъ, питаясь Христовымъ именемъ подъ окнами... Домой не пошелъ, а прямо въ Саратовъ, къ купцу. Упалъ ему въ ноги: Такъ и такъ говорю!.. Ничего, помиловалъ: „Божья воля!“ говоритъ... Потомъ пошелъ уже домой. Поѣхалъ изъ дому-то на трехъ лошадяхъ, а иду пѣшій—разоръ съ собой въ домъ несу!.. и стыдно, и боязно. А еще батюшка былъ живъ, старенькій старичокъ, а грозѣнъ былъ покойникъ!.. Ну и бурмистръ тоже былъ строгій нѣмецъ, безжалостный!.. Хоша мы и на оброкѣ были, а все же вмѣшивался онъ во всякую нашу домашность. И сталъ тутъ подущать меня нечистый рукй на себя наложить. Пришелъ я наканунѣ самой Троицы въ лѣсъ, забился въ чащу, да и сталъ высматривать дерево, какое покрѣпче... А на дворѣ примеркать ужъ началъ. Вотъ, я и думаю: помолюсь, молъ, Богу, въ послѣдній разъ, чтобъ дѣтей малыхъ не оставилъ.. Сталъ молиться, а рядомъ и запой птичка, я молюсь, плачу, а она все шибче, да лучше поетъ... Кончилъ я молитву и сталъ ее слушать. И такъ-то она, братцы, сладко и умильно пѣла, что перевернулась во мнѣ вся душа!.. И подумалось мнѣ въ тѣ поры, что это не простая птица поетъ, съ роду не слыхивалъ, чтобы такъ птица пѣла!.. Хотѣлъ посмотрѣть на нее, да нѣтъ, за листьями не видно было. Сѣлъ я на траву, слушаю ее... Вдругъ вижу, что-то двигается въ кустьяхъ, идетъ въ мою сторону; я притулился за дерево, не дышу... Маленько погодя, глянулъ, а предо мной стоитъ моя дѣвчёночка, годовъ десять ей тогда было: „Тятька, говоритъ, что ты тутъ дѣлаешь?“ а сама такъ и кинулась ко мнѣ на шею, обняла ручонками и замерла...

— Какъ ты, спрашиваю, сюда попала?

— Насъ, говоритъ, батюшка-попъ послалъ за цвѣтами къ завтрему, церковь убирать. А я брала цвѣты, да услыхала—птичка хорошо поетъ, — и пошла сюда ее послушать. Пойдемъ, говоритъ, тятька, домой! Мы всѣ объ тебѣ стосковались, а мамка-то кажный день плачетъ...

— Ну, говорю, пойдемъ, дочка милая, пойдемъ!

Перекрестился, да и пошелъ за ней... Пришелъ—разсказалъ все, какъ было... Погоревали, помолились Богу,—да и стали жить

да работать по прежнему. Годика черезъ два-три, опять справились,—и опять въ извозъ пошелъ. Таперь вотъ съ работникомъ ужъ ѣзжу, на пяти лошадяхъ... Господь Богъ испытуетъ, но до конца не прогнѣвается на насъ.

VIII.

Русскій „авось".—Взаимный кредитъ у крестьянъ.—Кража пороха и свинца.—Столкновеніе конвойныхъ съ свадебнымъ поѣздомъ.—Тридцатиградусный морозъ.—Шинкарство на постоялыхъ дворахъ.—Замерзшій солдатъ.—Проѣзжая барыня.—Эпизодъ изъ крѣпостного права.—Возвращеніе въ Чембаръ.

Съ своими спутниками, то-есть съ крестьянами-извозчиками, я на первое время не ладилъ: они непремѣнно хотѣли, чтобы я дозволилъ имъ въѣзжать на постоялые дворы *со всѣми* подводами — и съ свинцомъ, и съ порохомъ, — стараясь убѣдить меня обычнымъ русскимъ „авось"; а я разрѣшилъ имъ, и то внѣ правилъ, на свой страхъ, заѣзжать на дворы лишь съ возами съ свинцомъ, который, въ случаѣ пожара, не могъ причинить ничего, кромѣ убытковъ; между тѣмъ, какъ взрывъ порохового транспорта могъ причинить бѣдствія не только мнѣ, военной командѣ и извозчикамъ, но, пожалуй, и всей деревнѣ, гдѣ бы онъ случился. Долго ворчали на меня извозчики и упрашивали разрѣшить имъ это отступленіе отъ инструкціи, но я настоялъ на своемъ — и порохъ оставлялъ за околицами селъ и деревень, гдѣ приходилось останавливаться днемъ или ночевать.

Слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующее интересное явленіе въ бытовомъ отношеніи. Я замѣтилъ какъ-то, что, при разсчетахъ съ содержателями постоялыхъ дворовъ, мои извозчики платятъ что-то уже черезъ-чуръ много,—и полюбопытствовалъ узнать причину. Оказалось вотъ что: извозчики, расплачиваясь „за постоялое", погашали, въ то же время, и старый долгъ, который они сдѣлали, ѣдучи въ Калугу. Порядокъ существовалъ такой: всѣ мои извозчики, оказавшіеся изъ саратовской губерніи, возили въ Калугу рыбу съ Волги; при навалкѣ товара купецъ, хозяинъ рыбы, далъ имъ лишь задатки — „по три рубля на дугу"; остальныя деньги, т.-е. полный разсчетъ, они получали уже въ Калугѣ отъ того купца, которому свалили товаръ; и вотъ поэтому, ѣдучи съ рыбой, они ѣли, пили, забирали сѣно и овесъ въ долгъ до расплаты на обратномъ пути. И содержатели дворовъ имъ вѣрили, хотя нѣкоторые изъ извозчиковъ заѣзжали къ нимъ въ первый разъ въ жизни; и извозчики съ своей стороны вполнѣ теперь

оправдывали это довѣріе, — такъ что происходили иногда слѣдующія сцены. Выѣзжаемъ, мы, напр., послѣ кормежки изъ какого-нибудь села,—и только-что отъѣдемъ верстъ пять-шесть и въѣдемъ въ новое село или деревню, какъ вдругъ транспортъ останавливается и всѣ извозчики вбѣгаютъ въ какой-нибудь постоялый дворъ, расположенный на пути. Я недоумѣваю и посылаю унтеръ-офицера узнать, въ чемъ дѣло. Посланный возвращается и объясняетъ:

— Расплачиваются, в. б., за старое „постоялое".

— Чего же они не заѣзжали сюда кормить?

— Лошади у нихъ заморились: дорога тяжела была очень.

Минутъ десять спустя, мужички выходятъ съ постоялаго двора, прячутъ за пазухи свои кошели съ деньгами, извиняются предо мной, что „задержали" — и мы трогаемся вновь въ путь, стараясь уже, во что бы то ни стало, дотащиться на ночлегъ до того именно постоялаго двора, гдѣ эти самые извозчики кормили лошадей, ѣдучи въ Калугу. Такъ распространенъ былъ въ тѣ времена взаимный кредитъ на Руси между крестьянами, даже незнакомыми другъ другу!

За это трехнедѣльное путешествіе, шагомъ, на разстояніи тысячи верстъ, съ транспортомъ нашимъ происходило нѣсколько эпизодовъ, которые, по счастію, окончились безъ всякихъ особыхъ непріятностей.

Первый такой эпизодъ произошелъ въ Козловѣ, тамбовской губерніи. Былъ прекрасный зимній солнечный день, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы провѣрить цѣлость транспорта. При осмотрѣ боченковъ оказалось, что въ одномъ изъ нихъ пробуравлено было отверстіе, чрезъ которое и похищено было около полъ-пуда пороха; но кѣмъ, гдѣ и при какомъ конвоѣ—этого не удалось выяснить. Точно такъ же, не оказалось налицо и одного куска свинцу, въ пять пудовъ... Это уже приходилось поплатиться лично мнѣ, за свою неопытность, такъ какъ я долженъ бы былъ провѣрять цѣлость транспорта при каждой новой перемѣнѣ конвойной команды—именно въ Тулѣ и Рязани,—чего я не дѣлалъ, надѣясь тоже на русское авось, а главнымъ образомъ потому, что при смѣнѣ команды въ этихъ городахъ приходилось имѣть и безъ того не мало хлопотъ и ѣзды по городу, по начальству—чтобы сдать старый конвой и получить новый,—и по-неволѣ пришлось бы задерживать остановку транспорта еще на нѣсколько часовъ лишнихъ и причинять извозчикамъ лишніе расходы на кормленіе лошадей.

Затѣмъ, подъ Тамбовомъ произошло цѣлыхъ два приключенія: первое—въ самомъ селѣ, называемомъ Лысыя-Горы. Совсѣмъ уже вечерѣло и былъ сильный морозъ—градусовъ 25 слишкомъ. Только-что передъ этимъ одна изъ лошадей въ транспортѣ захромала, и извозчикъ, ея хозяинъ, попросилъ у меня позволенія положить на дно моей кибитки нѣсколько свинчатокъ (каждая была въ формѣ рыбы, вѣсомъ около 5 пудовъ). Это обстоятельство, надо полагать, посодѣйствовало тому, что мои ноги, вслѣдствіе такого холоднаго сосѣдства, совсѣмъ остыли, и я рѣшился заѣхать на первый постоялый дворъ обогрѣться. Извозчики и конвой тоже рѣшили сдѣлать маленькій привалъ — минутъ на 15—20. Затѣмъ, они тронулись въ путь и поѣхали по большой дорогѣ, которая вела вдоль всего села. Прошло не болѣе десяти минутъ, пока я бѣгалъ по избѣ постоялаго двора и отогрѣвалъ свои ноги, какъ вдругъ вбѣгаетъ съ улицы у.-о. Савельевъ и объявляетъ, что мужики бьютъ нашъ конвой... Я, какъ былъ раздѣтъ, въ одномъ военномъ пальто съ погонами, такъ и выскочилъ на улицу и бросился бѣжать вдоль села, къ церкви, у которой, я видѣлъ, собралась огромная толпа народа и слышался страшный шумъ... Когда я добѣжалъ до этой толпы, то увидѣлъ, что мужики держатъ подъ уздцы переднюю лошадь транспорта и сворачиваютъ ее въ сторону, а мои извозчики и солдаты противятся этому. Вижу—лица у нападающихъ мужичковъ красныя, пьяныя... Но какъ только я подошелъ къ толпѣ вблизь и мужики увидали мои офицерскіе погоны, то сейчасъ же разступились и, по обыкновенію, въ нѣсколько голосовъ, разомъ, стали мнѣ объяснять причину ссоры... Оказалась такая исторія: по селу ѣхала свадьба, какъ водится, съ пѣснями и съ пьяными поѣзжанами, изъ которыхъ у многихъ были во рту трубки. Передній конвойный кричитъ имъ:

— Сворачивай въ бокъ! Бросьте трубки!.. Мы съ порохомъ ѣдемъ.

Мужики не сворачиваютъ, трубокъ не бросаютъ и ѣдутъ прямо на транспортъ. Всѣ пьяные... Конвойный унтеръ-офицеръ побѣжалъ впередъ, началъ вырывать у мужиковъ трубки изъ зубовъ и кидать ихъ въ снѣгъ. Курильщики стали не давать трубки и поталкивать унтеръ-офицера... Вотъ тогда мой унтеръ-офицеръ, Савельевъ, и побѣжалъ за мной...

Сообразивъ, въ чемъ дѣло, и видя передъ собой толпу пьяныхъ, я сталъ ихъ уговаривать и успокоивать... Но имъ вообразилось, съ пьяныхъ глазъ, что мы ѣдемъ „порожнемъ“ и что флагъ нашъ

—„простой красный лоскутъ“, — и они поэтому настоятельно требовали вознагражденія за вырванныя у нихъ трубки.

— Возы у тебя, ваше благородіе, порожніе, ничего въ нихъ нѣтъ! — кричалъ какой-то здоровенный мужичина безъ шапки, въ разорванномъ и разстегнутомъ полушубкѣ, съ красными, словно кровью налившимися, глазами:

— Если порожніе, то возьми за задокъ сани и подними!— говорю ему.

Тотъ ухватилъ сани—и ни съ мѣста!—потому что въ нихъ лежало 30 пудовъ свинца, завернутаго въ рогожѣ. Снаружи, съ перваго взгляда, казалось, дѣйствительно, что сани пустыя... Всѣ засмѣялись...

Въ это время къ намъ подбѣжалъ сотскій, съ бляхой на груди,—и мы уже вдвоемъ, изображая изъ себя „начальство“, уговорили пьяныхъ поѣзжанъ оставить насъ въ покоѣ. Тутъ я немного простудился на морозѣ и едва-едва согрѣлся потомъ.

А подъ самымъ Тамбовомъ, на другой день утромъ, морозъ достигъ 30° при рѣзкомъ восточномъ вѣтрѣ, дувшемъ намъ прямо въ лицо,—и болѣе половины людей въ нашемъ транспортѣ поморозили себѣ носы, щеки и даже, отчасти, пальцы на рукахъ. Сидѣть въ саняхъ не было уже никакой возможности, такъ какъ ноги совсѣмъ стыли и деревенѣли,—и я, по неволѣ, долженъ былъ идти пѣшкомъ, вслѣдъ за своею кибиткой, противъ вѣтра...

— Три щеки, ваше благородіе! отморозишь!—крикнулъ мнѣ одинъ изъ извозчиковъ, старикъ Платонъ.

— Да у меня руки закоченѣли, не могу,—отвѣтилъ я.

Тогда Платонъ взялъ въ пригоршню снѣгу, потомъ мою руку, живо оттеръ ее и согрѣлъ снѣгомъ; затѣмъ взялъ другую мою руку и продѣлалъ съ нею ту же самую манипуляцію; а я уже, какъ только получилъ возможность владѣть и шевелить пальцами, принялся оттирать себѣ щеки... Но это, однако, помогло дѣлу лишь отчасти: щеки мои были все-таки уже отморожены немного,—такъ что въ Тамбовѣ пришлось прибѣгнуть къ помощи гусинаго сала и пластыря, и я долго потомъ ходилъ съ слѣдами дѣдушки-мороза на щекахъ.

Въ то время продажа водки была въ рукахъ казны, которая сдавала право продажи откупщикамъ, извлекавшимъ отсюда громадныя выгоды. На каждомъ кабакѣ красовался государственный гербъ—двуглавый орелъ; были особые сидѣльцы—или цѣловальники, какъ прозвалъ ихъ народъ,—ревизоры, подвальные, и пр.;

но все это не мѣшало существованію корчемства, т.-е. тайной продажи водки, въ особенности въ глухихъ деревняхъ, гдѣ откупщики не находили почему-либо удобнымъ или выгоднымъ открывать форменный кабакъ, свой. И вотъ, мнѣ во время пути невольно довелось наблюдать это шинкарство. Пріѣзжаетъ, бывало, нашъ обозъ въ какую-нибудь небольшую деревню, гдѣ надо было остановиться и покормить лошадей; на дворѣ страшный морозъ; заѣзжаемъ на постоялый дворъ, и первымъ дѣломъ мои извозчики и конвойные, какъ только входятъ въ избу, спрашиваютъ:

— А что, хозяинъ, *горячая вода* есть?

— Есть, есть, милости просимъ! — отвѣчаетъ дворникъ и приглашаетъ раздѣвающихся гостей садиться поскорѣе къ столу, на которомъ тотчасъ же и появляются чайныя чашки и чайникъ съ „горячею водой", т.-е. съ водкой... И естественная вещь, что такое шинкарство оправдывалось необходимостью: такъ какъ въ деревнѣ этой совсѣмъ не было кабака, то извозчику пришлось бы везти *съ собой* запасъ водки, которую довелось бы покупать ради соблюденія закона въ какомъ-нибудь кабакѣ, лежавшемъ по дорогѣ. Между тѣмъ это „шинкарство" считалось преступленіемъ и преслѣдовалось такъ же строго, какъ и контрабанда. Но въ послѣднемъ случаѣ нарушались интересы казны, а въ преслѣдованіи *шинкарства* власти усердствовали въ защиту и выгоду откупщиковъ и кабатчиковъ и въ притѣсненіе простого народа, которому запрещалось даже варить къ своимъ престольнымъ праздникамъ русскую традиціонную брагу.

Я заговорилъ здѣсь о шинкахъ потому, что однажды подъ самымъ почти Кирсановомъ, на постояломъ дворѣ, куда заѣхалъ нашъ обозъ (за исключеніемъ, конечно, возовъ съ порохомъ), у насъ совсѣмъ было замерзъ конвойный солдатикъ: его почти уже закоченѣлаго внесли на постоялый дворъ, разрѣзали ножомъ замерзшіе сапоги на его одеревенѣвшихъ ногахъ, раздѣли и оттерли спиртомъ, добытымъ отъ хозяина постоялаго двора подъ видомъ „горячей воды" въ чайникѣ... Не случись тутъ тайной продажи водки, солдата намъ едва ли удалось бы спасти.

Послѣднее происшествіе, случившееся съ нами въ пути, было не лишено нѣкотораго интереса и имѣло бытовой отчасти характеръ.

Случилось это въ деревнѣ Гавриловкѣ, когда транспортъ нашъ приближался уже къ Чембарскому уѣзду. На постоялом

дворѣ, куда мы заѣхали, кормили уже лошадей другіе извозчики, встрѣчные, ѣхавшіе изъ Саратова съ рыбой. Когда я раздѣлся, то-есть снялъ съ себя дорожный тулупъ, и ямщики увидѣли на мнѣ офицерское пальто, то приступили тотчасъ же къ разспросамъ о *волѣ*: гдѣ, дескать, она застряла?.. ждутъ, ждутъ ее мужики, а она все не объявлена еще... Я сталъ разсказывать, что̀ зналъ, что воля-де непремѣнно будетъ и очень скоро, и пр. Въ это время къ постоялому двору подъѣхалъ большой барскій возокъ, запряженный тройкою лошадей, и изъ него вышла старуха-барыня съ двумя горничными, у которыхъ на рукахъ были точно грудныя дѣти, завернутыя въ одѣяла. Все это вошло въ избу и стало отогрѣваться... Постоялый дворъ принадлежалъ старообрядцу и хозяинъ насъ предупредилъ самымъ вѣжливымъ образомъ, чтобы мы не курили табаку въ избѣ. И только-что барыня раздѣлась, какъ достала и закурила папироску... А горничныя, развернувъ одѣяльца, выпустили на полъ двухъ собачонокъ—мопса и болонку... Хозяйка запротестовала и побѣжала за мужемъ, который въ это время былъ на дворѣ и отпускалъ овесъ моимъ извозчикамъ. Хозяинъ пришелъ и началъ просить барыню, чтобы она, во-первыхъ, не курила, а затѣмъ, чтобы приказала своихъ собакъ выгнать на дворъ... Барыня обидѣлась и стала браниться и грозить, а одинъ изъ извозчиковъ, выпившій, можетъ быть, лишнее, схватилъ болонку на руки и, обращаясь къ барынѣ, сказалъ:

— Важный хвостъ у этой собачонки! на метелку бы хорошъ—отрубить его...

Въ одно мгновеніе барыня вырвала свою любимицу изъ рукъ врага и дала ему звонкую пощечину... Мужичокъ опѣшилъ и могъ лишь проговорить:—Ишь ты, какая сердитая!..

Барыня живо начала одѣваться и по требованію хозяина вышла изъ избы на дворъ въ свой возокъ, забравъ съ собой и горничныхъ, и собачонокъ, и поклявшись хозяину двора, что она пожалуется губернатору и что дворъ этотъ „закроютъ“... Меня эта барыня опросила и записала, предупредивъ, что выставитъ свидѣтелемъ. Къ счастію, инцидентъ этотъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій: не потревожили ни хозяина, какъ обвиняемаго, ни меня, какъ свидѣтеля, и когда я, годъ спустя, ѣхалъ еще разъ по этой дорогѣ съ новымъ транспортомъ пороха, уже въ концѣ февраля 1861 года, и остановился въ Гавриловѣ ночевать у того же хозяина, то онъ, вспоминая объ этомъ происшествіи, сказалъ мнѣ:

— Я не боялся тогда, что она пожалуется губернатору, потому что губернаторъ въ такой пустякъ не ввяжется; а вотъ,

пожалуйся она, не дай Богъ, нашему барину, дѣло бы было плохо!.. Теперь, вотъ—слава тебѣ Господи! ослобонили насъ, дай Богъ царю добраго здоровья! теперь не страшно... А въ тѣ поры, что̀ продѣлывалъ съ нами нашъ баринъ — не дай Господи!.. Говорить кому-нибудь объ его дѣлахъ и то боялись!..

Затѣмъ хозяинъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— У меня вотъ родная сестра была, первая красавица во всей деревнѣ, а пропала ни за што! И Богъ вѣсть, гдѣ она теперь живетъ: далеко гдѣ-то; у нехристей въ Персіи, сказывали.

— Какъ же она туда попала?—полюбопытствовалъ я.

— А вотъ какъ. Годовъ пятнадцать тому назадъ, поѣхалъ нашъ баринъ съ барыней на ярмарку въ Нижній; я за кучера былъ, сестра моя за горничную. Въ Нижнемъ сестра и прогнѣви чѣмъ-то барыню; та пожаловалась мужу, а онъ и допрежъ того сердитъ былъ на сестру—не поддавалась она ему... Позвалъ онъ одного знакомаго купца персіянина—страшенный такой, черный, рябой—одно слово, азіятъ!—потолковалъ съ нимъ, да и въ судъ: тамъ и составили бумагу—купчую, значитъ, на имя какого-то приказнаго въ Нижнемъ же, а денька черезъ два пріѣхалъ этотъ самый персіянинъ къ намъ, взялъ сестру и увезъ съ собой на пароходѣ, сначала въ Астрахань, а потомъ къ себѣ. Только мы ее и видѣли!.. Пріѣхали съ ярмарки, сказали матушкѣ покойницѣ—грохнулась она объ земь и стала безъ памяти... Прохворала потомъ деньковъ десятокъ въ горячкѣ, да и померла... И передъ смертью-то все металась, сердешная, по постели, дочку къ себѣ звала, да ровно отымала ее отъ кого!..

А потомъ, помолчавъ немного, добавилъ:—Опосля того, баринъ опасался, видно, держать меня при себѣ, въ кучерахъ—отпустилъ на оброкъ, и я вотъ снялъ этотъ дворъ...

Наконецъ, мой транспортъ достигъ благополучно до города Чембара, и на другой день инструкторъ нашего стрѣлковаго баталіона приступилъ къ пріему отъ меня страшнаго казеннаго „товара“... Когда послѣдній боченокъ съ порохомъ былъ поставленъ на вѣсы и убранъ въ мѣстный пороховой погребъ, я въ первый разъ, по истеченіи трехъ недѣль, проспалъ всю ночь крѣпкимъ и беззаботнымъ сномъ...

Ив. Захарьинъ.

„МЕНЬШАЯ БРАТІЯ“

РОМАНЪ

„The nether World“, by George Gissing.

VIII.—Братъ и сестра *).

„Middelton Passage“ или, проще говоря—проходъ, соединяющій Садъ-Миддельтонъ съ Нью-Риверъ, тянется межъ двухъ каменныхъ угрюмыхъ стѣнъ въ сажень вышиною. Тамъ-то пришлось бѣдной Пенни поджидать своего Боба больше, пожалуй, чѣмъ съ четверть часа. Двѣ газовыхъ лампы освѣщали это узкое пространство, по которому, какъ зловѣщая тѣнь, двигался полицейскій, съ подозрѣніемъ поглядывая на молодую дѣвушку изъ-подъ козырька своей форменной шапки.

Но вотъ появился Бобъ Юэттъ и, въ знакъ привѣтствія, подарилъ Пенни ласковымъ кивкомъ головы и коротенькимъ смѣхомъ. Опершись спиной о стѣну, онъ принялся разспрашивать ее про домашнихъ:

— А что сдѣлаетъ мать, какъ старикъ перестанетъ давать ей денегъ на расходъ?

— Не знаю,—отвѣтила Пенни, качнувъ головою.

Бобъ молча постукивалъ объ стѣну каблукомъ, насвистывая модную пѣсенку. Наконецъ, онъ проговорилъ, какъ бы робѣя:

— Послушай, Пенъ! Вотъ тебѣ мой *тезка*, онъ пока мнѣ не нуженъ, а тебѣ можетъ, пожалуй, пригодиться?

*) См. выше: іюль, стр. 272.

Пенни въ смущеніи отвернулась и отвѣтила тихо, потупившись:

— Не надо, мы пока обойдемся!

Бобъ опустилъ свою монетку обратно въ карманъ и продолжалъ:

— А скажи: давно ты не видала Клемъ?

— Давно, а что? — взглянувъ на него, пытливо спросила Пенни.

— Да ничего такого! Только я далъ ей взбучку...

— Изъ-за меня?—тревожно прозвучалъ ея голосъ.

Бобъ кивнулъ утвердительно и собирался что-то еще сказать, какъ неподалеку показалась чья-то фигура и тотчасъ же скрылась.

Въ ту же минуту раздался рѣзкій свистокъ.

— Это еще кто явился?—проговорилъ Бобъ.—Я почти увѣренъ, что это Джэкъ Бортлей. Ну, ужъ если онъ вздумаетъ мнѣ подставить ножку,—пусть держитъ ухо востро: вѣкъ меня будетъ помнить! Постой-ка тутъ, Пенъ; я сейчасъ!..

Но не отошелъ онъ и на двѣ сажени отъ нея, какъ на Пенни бросилась какая-то женщина, прижала ее къ стѣнѣ (впрочемъ, у Пенни и безъ того ноги подкосились отъ страха) и принялась тузить ее кулаками. Крикъ ужаса и боли заставилъ Боба стремительно вернуться на мѣсто происшествія; онъ увидалъ, что Пенни не можетъ увернуться отъ ударовъ, которые наноситъ ей не кто иная, какъ разъяренная Клементина Пекковеръ. Шляпа Пенни откатилась въ сторону, волосы распустились; удары сыпались ей на голову и она не въ силахъ была защитить себя. Мигомъ Бобъ очутился подлѣ Клемъ и скрутилъ ей руки за спину, какъ это ни было трудно при ея выдающейся мускульной силѣ.

Плачъ Пенни и ругательства Клемъ стономъ стояли, отдаваясь въ каменныхъ стѣнахъ, но голосъ Боба покрылъ этотъ шумъ:

— Бѣги домой... домой!—кричалъ онъ пострадавшей.—А если *она* сунется еще разъ выкинуть такую штуку—я ее уничтожу!

Пеннилофъ скрылась. Тогда Бобъ выпустилъ изъ рукъ свою жертву, у которой руки болѣли до слезъ. Она уткнулась лицомъ въ стѣну и разразилась стонами и проклятіями.

Бобъ залился злорадным хохотомъ, а Клемъ побрела домой, обѣщая отомстить обидчику и его сообщницѣ.

Весь день и весь вечеръ напролетъ Кларѣ приходилось не отходить отъ посѣтителей „Королевскаго Ресторана“ и отъ своего

прилавка. Погасивъ свой долгъ хозяйкѣ, которая сдѣлала ей (по ея мнѣнію) не очень-то хорошее платье, Клара надѣялась, что начнетъ помогать своимъ; но при первой же получкѣ, ее взяло сомнѣніе.

„Въ сущности имъ вѣдь теперь легче стало,—разсуждала она: —отецъ опять досталъ работу и они не могутъ ужъ особенно нуждаться. А мнѣ деньги нужнѣе: надо заблаговременно запастись платьемъ для той цѣли, которую я имѣю въ виду. Мнѣ нужны приличныя перчатки, шолковый зонтикъ, накидка. Было бы даже несправедливо съ моей стороны урывать отъ себя гроши ради родныхъ“.

По своему происхожденію, она была дитя народа, но злополучныя особенности ея темперамента однѣ только могли дать разгадку той жесткости, которую она проявляла по отношенію къ своимъ. Въ улыбкѣ своей безсознательно она обѣщала ту мягкость, ту чуткость душевную, которой въ ней не было,—да и быть не могло: такъ ужъ сложилась съ дѣтства ея жизнь. Отъ отца она унаслѣдовала презрѣніе къ общественному приговору, и, какъ онъ своей второй женитьбой, такъ она всей своей жизнью способна была доказать это на дѣлѣ.

Отъ природы это была натура болѣе тонкая и даровитая, чѣмъ онъ, но безъ тѣхъ благородныхъ и великодушныхъ порывовъ, какіе были вполнѣ естественны въ ея отцѣ. Въ пансіонѣ, гдѣ Клара блистала своей даровитостью, ее не особенно любили: учителя разгадали въ ней не искреннее увлеченіе дѣломъ, а лишь стремленіе затмить другихъ, менѣе способныхъ; подруги же подмѣтили недостатокъ сердечной теплоты. Какъ-то ближе другихъ къ ней стояла Грэсъ Реддъ, хорошенькая дѣвушка на четыре года старше Клары, и учительница—добродушная миссъ Харропъ. Обѣ онѣ принесли дѣвочкѣ больше вреда, чѣмъ пользы; увлекаясь ея красотой и очаровательной улыбкой, онѣ преувеличивали ея таланты и раздули до невѣроятныхъ размѣровъ ея врожденное самолюбіе. Вдобавокъ, миссъ Харропъ имѣла ужасную неосторожность сказать, что ораторскій талантъ Клары напомнилъ ей одну знаменитую актрису; всеобщіе восторги, всеобщія дружныя рукоплесканія, блестящіе экзамены и награды поддерживали въ дѣвочкѣ заблужденіе, что она—существо, выходящее изъ ряду вонъ, и что будущее сулитъ ей блестящую карьеру; тѣмъ болѣе, что миссъ Харропъ видѣла въ ней замѣчательный умъ и прочила ее въ гувернантки или преподавательницы, а Грэсъ любовалась ею, какъ умнымъ и красивымъ ребенкомъ.

Бѣдная Грэсъ! Она два года прожила дома, у родителей,—добрыхъ людей, но такихъ же взбалмошныхъ, какъ и она сама, а затѣмъ исчезла изъ родительскаго дома безъ слѣда! Миссъ Харропъ, въ поискахъ за лучшимъ учительскимъ мѣстомъ, также оставила пансіонъ, гдѣ воспитывалось ихъ общее балованное дитя; и Клара почувствовала себя одинокой, заброшенной. Чувствуя себя нелюбимой, она стала считать себя обойденной, непризнанной; бросила учиться, стала чванной, заносчивой, то-и-дѣло выслушивала упреки учителей.

Къ сожалѣнію, и отецъ ея не мало способствовалъ развитію въ ней дурныхъ сторонъ. Онъ открыто возмущался тѣмъ, что его Кларѣ „только потому нѣтъ свободнаго доступа въ высшее общество, что она не въ томъ кругу родилась". Къ сожалѣнію, въ то время Сидней еще не имѣлъ привычки горячо повторять свое любимое изреченіе:

— Мы—рабочій людъ, мы—низшіе классы общества!

Но этого изреченія вѣдь не могъ себѣ усвоить даже ея отецъ.

Обстоятельства ихъ перемѣнились, но не перемѣнилась Клара и болѣе чѣмъ когда-либо была недовольна всѣмъ окружающимъ; болѣе чѣмъ когда-либо была убѣждена, что ея призваніе не въ суровой, безпросвѣтной черной работѣ. Проходя мимо ярко освѣщенныхъ оконъ магазиновъ, гдѣ выставлены были карточки знаменитыхъ актрисъ, она думала:

— Я такая же красавица, какъ и онѣ; отчего бы *моему* портрету не попасть туда же?

Отецъ рѣдко позволялъ ей бывать въ театрѣ; тогда онъ шелъ или самъ, или отпускалъ ее въ сопровожденіи Керквуда. Глядя на актрисъ и вспоминая про свои декламаціонные успѣхи въ училищѣ, Клара думала:

„Развѣ *я* не могла бы живо выучить это наизусть? Развѣ *для меня* не ясно, гдѣ и что въ этой роли надо исполнять иначе? Развѣ *для меня* немыслимо попасть на сцену"?!

Но всѣ эти планы и мечты она хранила про себя.

Какъ-то въ разговорѣ Бесси Біасъ намекнула ей, какъ бы въ укоръ за ея жестокость къ Сиднею, что такъ не слѣдовало огорчать такого достойнаго человѣка и завиднаго жениха; но въ глазахъ Клары онъ именно и не былъ завиднымъ женихомъ. Она вообще не хотѣла замужъ. Однако, за послѣднее время, она что-то чаще думала о немъ; ждала его самого, или его письма; даже подходила къ окну въ надеждѣ, что онъ пройдетъ мимо,—но все напрасно! Бывая у родныхъ на часочекъ, она

никогда съ нимъ не встрѣчалась, а спросить о немъ не хватало духу. Въ отсутствіе его она, казалось, научилась его цѣнить; тѣмъ болѣе, что среда, въ которой ей приходилось служить, дѣйствительно была незавидна.

М-съ Тебсъ была женщина, которая какъ бы для того и была рождена на свѣтъ, чтобы мучить своихъ рабовъ. Изъ Клары она также силилась добыть какъ можно больше себѣ пользы; съ утра до ночи морила ее работой, несмотря на то, что видѣла для себя чистую выгоду отъ такой хорошенькой и образованной продавщицы.

Круто приходилось Кларѣ, ей все здѣсь было противно, и сама грубая хозяйка бывшей пивной, и ея неотесанная, а нерѣдко и нескромная, нахальная публика, прислуживать которой было для Клары настоящею пыткой. Она готова была бросить свою неудачную затѣю, но Сидней... Сидней! Ей не хотѣлось дать ему случай восторжествовать и она изъ упрямства рѣшалась терпѣть до конца и не подавать никому вида, какія ей приходится выносить муки и униженія.

Однажды (это было въ субботу) она подавала завтракъ молодому человѣку, одѣтому съ бо́льшей пристойностью и вкусомъ, нежели самые лучшіе изъ обычныхъ посѣтителей „Королевскаго ресторана“. Она узнала въ немъ того господина, который только что, проходя мимо, увидѣлъ ее у окна и, вернувшись, вошелъ; спросилъ себѣ завтракъ и, только получая сдачу, позволилъ себѣ замѣтить:

— А мы вѣдь старые знакомые, миссъ Юэттъ! Но, кажется, вы не помните меня?

Клара съ удивленіемъ взглянула на него.

Шолковая шапочка, черный шолковый галстукъ, продѣтый въ золотое кольцо, указывали на то, что онъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ къ числу „горожанъ“, т.-е. жителей Сити. На видъ ему было лѣтъ около тридцати.

— Мы съ вами были хорошо знакомы лѣтъ пять тому назадъ,—замѣтилъ онъ, небрежно опуская въ карманъ сдачу.— Вы вѣрно позабыли про Скауторна, жильца вашихъ знакомыхъ, Реддовъ?

Въ тотъ же мигъ Кларѣ припомнилось, что дѣйствительно за чайнымъ столомъ у Реддовъ она иногда встрѣчала этого самаго господина, и что м-съ Реддъ, превознося его до небесъ, смотрѣла на него, какъ на подходящаго жениха для своей дочери, Грэсъ.

— А вы меня, значитъ, сразу узнали?—спросила Клара.

— Еще бы! Такое лицо, какъ ваше, забыть невозможно!—отвѣтилъ онъ съ вѣжливой, но не особенно теплой, привычной улыбкой.—Впрочемъ, признаться сказать, я нѣсколько дней тому назадъ слышалъ о васъ отъ миссъ Реддъ; она мнѣ и сказала, что вы здѣсь.

Клара съ любопытствомъ выслушала его разсказъ о Грэсъ, которая была на сценѣ подъ именемъ миссъ Данверсъ и выступала пока въ провинціи, а теперь надѣялась получить ангажементъ въ одномъ изъ небольшихъ лондонскихъ театровъ.

— А вы часто бываете въ театрѣ? — спросилъ онъ небрежно.—У меня много знакомыхъ въ артистическомъ мірѣ и я часто имѣю безплатные билеты; если позволите, я буду счастливъ иногда предоставлять ихъ въ ваше распоряженіе.

Клара съ напускной холодностью поблагодарила и такъ же холодно проводила гостя до дверей.

Но болѣе чуткій наблюдатель, чѣмъ м-ръ Скауторнъ, могъ бы многое прочесть на ея блѣдномъ, молчаливомъ лицѣ.

Недѣли двѣ спустя, онъ снова зашелъ и, держась какъ будто еще болѣе непринужденно, долго разсказывалъ ей о ея подругѣ Грэсъ и о театрѣ. Она, наконецъ, получила ангажементъ, но лишь на небольшія роли въ фарсахъ; такъ не захочетъ ли Клара повидать ее на сценѣ?

Клара объявила, что согласна, а сама, въ свою очередь, въ тотъ же вечеръ сообщила объ этомъ м-съ Тебсъ, категорически прибавивъ:

— Если нельзя мнѣ быть иногда свободной, — объявила она:—я больше у васъ не могу служить!

Ею управляла какъ бы невидимая сила и придавала смѣлости ея рѣшенію. Миссисъ Тебсъ согласилась, и въ тотъ же вечеръ Клара очутилась рядомъ съ мистеромъ Скауторномъ въ экипажѣ, который быстро покатился по направленію къ театру. Проѣзжая по Пентовильской дорогѣ, Скауторнъ обратилъ ея вниманіе на одного старика-пѣшехода, который переходилъ черезъ улицу.

— Посмотрите на этого старика. Ну, кто повѣритъ, что онъ человѣкъ состоятельный?

— Я его знаю: это Снаудонъ,—возразила Клара, которой бросились въ глаза длинные сѣдые волосы и странная одежда незнакомца.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ это такъ?—спросилъ Скауторнъ и къ ея разъясненіямъ добавилъ:

— Впрочемъ, лучше не подавать и виду, что вамъ извѣстно его денежное состояніе: онъ такой странный человѣкъ. Я случайно, по дѣламъ службы, самъ узналъ объ этомъ и мнѣ не слѣдовало бы разбалтывать чужія тайны, но я вѣдь знаю, что вамъ можно смѣло все довѣрить...

Мягкость тона и улыбка, которыя сопровождали эти слова, отчасти преступали границы простого знакомства, но въ обхожденіи съ Кларой Скауторнъ былъ все время прилично сдержанъ. Молодая дѣвушка была молчалива и какъ бы вовсе не замѣчала его присутствія; она не смотрѣла на него, не улыбалась. Все ея вниманіе было поглощено сценой; щеки пылали. Она глазъ не сводила съ подруги: ея наружность, ея голосъ были ей совершенно незнакомы, и это ее поражало. Въ антрактахъ Скауторнъ говорилъ о терніяхъ, неизбѣжныхъ на сценическомъ поприщѣ, и, наконецъ, прибавилъ:

— Впрочемъ, вамъ съ вашими данными этого добиться было бы не трудно; только позаняться бы мѣсяца два-три и дѣло въ шляпѣ! Съ своей стороны я берусь употребить всѣ старанія, чтобы помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ. Конечно, вся штука въ томъ, какъ туда пробраться, но на это нужны только деньги, немножко,—очень небольшія деньги!

Клара не отвѣчала и продолжала молчать.

Прощаясь съ нею, Скауторнъ обѣщалъ опять скоро заглянуть въ ресторанъ; и въ самомъ дѣлѣ, за нѣсколько послѣдующихъ недѣль онъ успѣлъ сдѣлаться частымъ посѣтителемъ „Королевскихъ“ завтраковъ. Но за это время Клара страшно исхудала, изнуряя себя внутренней борьбой, съ которой теперь для нея было связано сплошь пребываніе у м-съ Тебсъ. Не разъ она была готова объявить ей, что черезъ недѣлю она ее оставляетъ, но что-то каждый разъ сжимало ей горло, и это малодушіе, эта нерѣшимость еще болѣе разстраивали ее. Скауторнъ часто замѣчалъ, что у нея болѣзненный видъ и совѣтовалъ просить отпуска; но Клара не рѣшалась; наконецъ, она рискнула послѣдовать его совѣту, хоть и знала, что не получитъ согласія хозяйки.

Въ тотъ же вечеръ она обратилась къ м-съ Тебсъ и получила отказъ. Ни слова ни говоря, безъ признака гнѣва, Клара ушла къ себѣ въ комнату, собрала всѣ свои пожитки, а полчаса спустя уже наняла себѣ дешевую меблированную комнатку, за которую и уплатила за недѣлю впередъ, затѣмъ купила кой-какихъ съѣстныхъ припасовъ и, вернувшись, улеглась на постель въ потьмахъ.

IX.—Горе и обида.

Между тѣмъ и Сидней волновался не меньше Клары и думалъ о ней больше, чѣмъ даже она вспоминала о немъ. Какъ ни терзала его тревога, какъ ни хотѣлось ему узнать, хорошо ли ей живется, онъ сдерживалъ себя и даже положилъ ждать еще мѣсяцъ, чтобы потомъ въ длинномъ обстоятельномъ письмѣ допросить Клару о ея житьѣ въ новыхъ условіяхъ, а кстати и признаться ей, что онъ все время не переставалъ ее любить и что ему тяжело далось такое долгое и принужденное молчаніе.

Солнце побѣдоносно врывалось въ окно его мастерской и прихотливо играло на различныхъ украшеніяхъ, которыя его окружали въ ту самую минуту, когда онъ пришелъ къ этому рѣшенію. Невольно Сидней задумался, глядя неопредѣленно въ пространство и машинально прислушиваясь къ жужжанью мухъ у него надъ головою. Вдругъ его окликнули и онъ пошелъ къ выходу, недоумѣвая, кто бы это могъ такъ некстати прервать его мечты. Появленіе м-съ Юэттъ, которая поджидала его у крыльца, уже само по себѣ было признакомъ чего-то недобраго, и тревога Сиднея ясно отразилась у него на лицѣ.

— Я не могла, право, не могла удержаться, чтобы къ вамъ не придти!—какъ бы въ извиненіе проговорила м-съ Юэттъ.— Я знаю, конечно, что вы тутъ не при чемъ; но я никого кромѣ васъ не знаю, кому бы могла такъ довѣриться въ бѣдѣ... Клара у насъ пропала!.. Да, она ушла... отъ м-съ Тебсъ, а за вещами прислала изъ какого-то дома въ Ислингтонѣ. Но что хуже всего, такъ это увѣренность м-съ Тебсъ, будто въ этомъ виноватъ какой-то франтъ, который часто къ ней повадился ходить и, вѣроятно, сбивалъ ее съ толку.

— А почему же м-съ Тебсъ до сихъ поръ молчала? — такъ же тихо, но безъ особыхъ признаковъ волненія спросилъ Сидней.

— Вотъ и я то же говорю! Ей дѣвочку поручили, и она обязана была ее беречь. Какъ я отцу скажу? Ни за что въ жизни у меня языкъ не повернется! Я бы сама пошла ее провѣдать; только она вѣдь не послушаетъ меня. Она и прежде знать не хотѣла, что бы я ей ни говорила, а теперь—и подавно!

— Послушайте! Да если-бъ Клара въ самомъ дѣлѣ затѣяла что-нибудь дурное, она бы не дала своего адреса. Просто онѣ поссорились; и чѣмъ скорѣе вы откровенно все разскажете отцу, тѣмъ лучше. Это единственное, что вамъ остается сдѣлать.

М-съ Юэттъ отвернулась, чтобы скрыть свое смущеніе, и замѣтно огорчилась, что Сидней какъ бы не догадывается о ея желаніи, которое ей все-таки пришлось высказать.

— Повидайте ее, пока еще не поздно,—просила она,—и успокойте, что мы не будемъ звать ее домой, если она не захочетъ добровольно вернуться. Лишь бы только знать, что̀ она теперь думаетъ съ собою сдѣлать?

И Сидней исполнилъ ея искреннее желаніе. На слѣдующій же день, выйдя изъ своей мастерской, онъ пошелъ по указанному адресу и, не найдя Клары дома, принялся поджидать ее у входа въ домъ.

Онъ уже начиналъ бранить себя за то̀, что даромъ потерялъ чуть не весь день, какъ вдали показалась Клара. Его поразила ея худоба, ея темные большіе глаза и какая-то новая складка въ углахъ рта, въ которой отражалось что-то бо̀льшее, нежели простое упрямство.

— А я васъ поджидаю,—началъ онъ:—не пройдемся ли мы вмѣстѣ нѣсколько шаговъ?

— Въ чемъ дѣло? — нетерпѣливо перебила она.—Говорите скорѣй, я очень устала.

— М-съ Тебсъ сказала вашей матери, что вы отъ нея ушли; отецъ пока не знаетъ ничего.

— Да и знать нечего: ушла, ищу другого мѣста; вотъ и все.

— Но почему бы вамъ не вернуться пока домой къ роднымъ?

— А потому, что не хочу! Не понимаю, что̀ вамъ за дѣло, м-ръ Керквудъ.

Ихъ глаза встрѣтились и Сидней почувствовалъ, что ее не переубѣдишь. Вмѣсто желанія успокоить ее, онъ ощутилъ внезапный порывъ озлобленія и даже какъ будто нѣкоторое злорадство, что она уже испытываетъ на себѣ послѣдствія своего безумнаго упрямства. И Клара прочла эту мысль въ его глазахъ; и въ душѣ у нея вспыхнуло злобное чувство.

— Да, конечно, что̀ мнѣ за дѣло?—повторилъ за нею Сидней.—Но, можетъ быть, вамъ не мѣшаетъ знать, что м-съ Тебсъ распространяетъ на вашъ счетъ дурную молву? Какъ мы ни мало значимъ другъ для друга, но я считаю своимъ долгомъ васъ предупредить: будьте осторожны! Надѣюсь, что до вашего отца эти слухи не дойдутъ...

— Какіе слухи?

— Ну, я не хочу ихъ повторять...—началъ онъ и запнулся: сердце его сжалось при взглядѣ на ея изнуренный, жалкій видъ. Голосъ его дрогнулъ отъ порыва страсти и жалости:

— Клара! Вернитесь домой, пока еще не поздно! Идемъ сейчасъ, со мною;—да? Сейчасъ идемъ домой и будемъ ждать, пока для васъ найдется, наконецъ, другое мѣсто.

— Скорѣй умру, чѣмъ возвращусь домой!—почти съ ненавистью возразила она. — Такъ и скажите моему отцу; скажите ему, что̀ и какъ угодно. Я не хочу и не нуждаюсь, чтобы обо мнѣ думалъ кто бы то ни было, а того, чего бы *вамъ* хотѣлось, я не сдѣлаю никогда, хотя бы отъ этого зависѣло спасеніе души моей!

Подобные возгласы и ссоры на улицахъ не рѣдкость. Бѣднякамъ рѣдко удается скрыть свое недовольство въ своемъ уголкѣ; да у многихъ и вовсе нѣтъ собственнаго угла. Давъ волю раздраженію, Клара сердито отвернулась отъ своего собесѣдника, поспѣшно перешла черезъ дорогу и скрылась въ дверяхъ того дома, гдѣ жила.

Она только-что вернулась съ утомительной и тщетной погони за работой. Уйдя отъ своей хозяйки, она лишилась заработка за текущую недѣлю, лишилась мѣста и крова; покупки вещей, какъ необходимыхъ, такъ и безполезныхъ, оставили ее почти ни съ чѣмъ на будущее время. Но все равно! Можно существовать почти безъ денегъ, если ничего не ѣсть: а ей и безъ того кусокъ въ ротъ нейдетъ.

Еще вся дрожа отъ разговора съ Керквудомъ, она торопливо распахнула окно. Рама зазвенѣла и битыя стекла порѣзали ей руку; но утомленіе ея было такъ велико, что она смотрѣла молча, какъ крупныя капли крови медленно выступали у нея на пальцѣ и падали на подоконникъ; двинуться съ мѣста и поскорѣе перевязать рану—ей, какъ ребенку, не приходило въ голову, у нея не хватало силы. Рыдая, съ тихимъ стенаньемъ стояла она на мѣстѣ, а кровь все лила сильнѣе, пока не стала, наконецъ, утихать. Въ памяти у нея возникъ весь разговоръ съ Керквудомъ и въ душѣ пробудилъ вполнѣ естественный, но въ то же время и единственный укоръ, которому она была доступна: онъ ей напомнилъ объ отцѣ и о томъ, что ея поведеніе еще усугубило и безъ того тяжкія бѣдствія его злосчастной жизни...

Весь день прошелъ для нея въ самомъ удрученномъ состояніи. Проведя ночь безъ сна, она встала разбитая, смутно чувствуя только одно, что надо какъ-нибудь убить незанятое время. И вотъ, мысль ея начала работать въ самомъ опасномъ направленіи:

— Ты все равно уже рѣшилась на роковой шагъ! Тебѣ ужъ больше нѣтъ возврата! Въ тебя ужъ брызжетъ грязью

сплетня м-съ Тебсъ; дурному всякій вѣдь охотнѣе повѣритъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не сама судьба тебя толкаетъ на роковой путь? Почему именно такъ вдругъ пришлось порвать съ домашними, со службой?.. И стоитъ ли еще противиться судьбѣ, которая въ концѣ концовъ все-таки заставитъ тебя покориться?

Послѣ полудня она встала, поѣла, попила машинально и подошла къ окну. На той сторонѣ—на троттуарѣ стоялъ какой-то человѣкъ и глазъ не сводилъ съ окна, за которымъ, очевидно, ожидалъ увидѣть знакомое лицо...

Клара отшатнулась и кровь бросилась ей въ голову:

— Дерзкій, онъ еще смѣетъ подсматривать за мной!

Но минутъ пять спустя, когда она опять подошла къ окну, Сидней тамъ уже не было.

Проворно, въ сердечной тревогѣ, не думая ни о чемъ, кромѣ того, чтобы только поскорѣе и поискуснѣе скрыть свои слѣды отъ навязчивыхъ взоровъ этого ненавистнаго соглядатая, Керквуда, спустя часъ она уже запаслась другимъ помѣщеніемъ и тотчасъ же объявила хозяйкѣ, что принуждена неожиданно перемѣнить квартиру. Забравъ съ собой свои пожитки, Клара уѣхала, не оставивъ по себѣ слѣда.

Въ такой рѣшительности и вынужденной быстротѣ дѣйствій Клара нашла себѣ до нѣкоторой степени успокоеніе въ томъ смыслѣ, что отрѣшилась отъ стѣсненій, налагаемыхъ законами общества, которому она покажетъ... (да! покажетъ), до какой высоты можетъ достигнуть слабая женщина, если у нея хватитъ силы воли, чтобы идти на проломъ къ твердо намѣченной цѣли... а какими средствами она этого достигнетъ,—не все ли равно? Ея близкіе и родные тогда съумѣютъ сами оцѣнить ея стремленіе и успѣхъ, благодаря которому она очутится внѣ той среды заурядности и нищеты, которая ихъ самихъ угнетаетъ и томитъ.

Въ праздничный день супруги Біасъ имѣли обыкновеніе завтракать въ десять часовъ утра; но на этотъ разъ, въ видѣ исключенія, Бесси принялась рано тормошить своего Сама и добилась того, что въ восемь часовъ онъ, уже умытый, бритый и одѣтый, сидѣлъ за своей порціей ветчины, которую жена усердно приправляла своимъ неумолчнымъ стрекотаньемъ.

Сегодня у нихъ въ семьѣ былъ день долгожданнаго событія: Бесси должна была везти своего „крошку“ на показъ къ „бабѣ и дѣду“, которымъ она уже не разъ писала длинныя и многорѣчивыя посланія въ похвалу своему разумному дѣтищу.

Какъ она его прихорашивала! Какъ суетилась около своего красавца и любимца, все время неустанно тревожась о томъ, такое ли впечатлѣніе произведетъ онъ на стариковъ, какого они (судя по ея письмамъ) вправѣ ожидать?

— Ну, не говорилъ ли я тебѣ: смягчай выраженія, смягчай!—замѣтилъ, наконецъ, Самъ, послѣ того, какъ Бесси въ десятый разъ заставляла его обратить вниманіе на костюмъ „крошки“.—Припомни, еще на прошлой недѣлѣ ты имъ писала, что этотъ дряннушка ни разу не крикнетъ за всю ночь. Я готовъ прозакладывать три полъ-кроны, что онъ непремѣнно всю ночь будетъ безъ устали орать.

— Прикуси языкъ, Самъ! Или я въ тебя швырну, чѣмъ попало!

Но Самъ не унялся бы еще очень долго, еслибъ не подоспѣлъ легкій стукъ въ дверь.

— Это Дженъ... Войдите! — крикнулъ онъ радушно, какъ всегда.

Въ скромной, но не ободранной и жалкой (какъ бывало) худенькой дѣвочкѣ, съ гладко-причесанными пепельными волосами, едва ли кто могъ бы узнать того несчастнаго, забитаго подросточка, который такъ еще недавно ходилъ косматый и въ лохмотьяхъ. Въ глазахъ у Дженни больше не было выраженія испуга и тревоги: они смотрѣли кротко и тихо, но не такъ, какъ смотритъ животное, которое привыкло, что его то-и-дѣло бьютъ. Ласковое веселое слово способно было мигомъ вызвать откликъ въ ея взглядѣ, который начиналъ свѣтиться отвѣтнымъ огонькомъ, отражающимъ или тихое довольство, или улыбку, въ которую складывались ея губы.

— Подите сюда, подите! — позвала ее Бесси.—Скажите: какъ вамъ кажется мой крошка? Хорошо ли ему такъ? Да не обращайте вниманія на мужа: онъ такой грубый человѣкъ!

Дженни подошла поближе:

— Право же, крошка чудо, какъ хорошъ!

— Ну, конечно! Ну, Господь съ нимъ! Самъ, надѣвай сюртукъ, да почисти шляпу и попроси миссъ Снаудонъ, чтобъ она тебя научила, какъ должны держаться приличные люди. Дженни! Мы весь домъ оставляемъ на ваше попеченіе. Только пожалуйста, не вздумайте ради насъ не ложиться спать: мы пріѣдемъ завтра вечеромъ, но въ какое именно время, я не знаю.

— А куда намъ телеграфировать въ томъ случаѣ, если бы въ кухнѣ загорѣлось, вамъ извѣстно! — напыщенно замѣтилъ Самъ.—Если же среди ночи вамъ послышатся шаги, смотрите, не сходите внизъ: подождите, пока воры унесутъ буфетъ!

Бесси покатилась со-смѣху:

— Ну, какой ты, Самъ! Ты, пожалуй, и Дженни способенъ разсмѣшить... А завтра вы навѣрно къ вечеру ужъ будете дома, Дженъ?

— О, непремѣнно. М-ръ Керквудъ говоритъ, что можно ѣхать обратно въ семь часовъ, а дѣдушка именно такъ и хочетъ.

— Значитъ, къ восьми вы будете ужъ дома. Смотрите, не забудьте потушить огонь въ каминѣ, да покрѣпче затворите дверь... И калитку захлопните, и...

— Неужели у тебя ничего больше не найдется наказать?— перебилъ ее Самъ.

— Молчи, пожалуйста!—крикнула на него Бесси.—Дженни на меня не сердится вѣдь; правда, Дженъ? Ну, Самъ, ты готовъ? Ахъ, Боже мой! У него въ бородѣ застрялъ кусочекъ хлѣба, да какой большой! Ну, какъ это ты ухитрился? Ну, вотъ готово, иди!—И супруги, вмѣстѣ съ крошкой, наконецъ, удалились.

Дженни ушла къ себѣ наверхъ и сѣла за работу.

Дѣдушка по обыкновенію пріютился у открытаго окна и думалъ свои думы; только порой попыхивая трубкой, онъ дѣлалъ вслухъ замѣчанія по поводу Біасовъ или чего-либо касающагося ихъ семьи, и опять надолго умолкалъ. Дженни кончила писать, и дѣдъ подошелъ заглянуть къ ней въ тетрадку.

— Теперь отвѣтить? — спросила она и тотчасъ же принялась отвѣчать ему притчу о милосердномъ самарянинѣ. Съ первыхъ же словъ ея было видно, что она привыкла часто разсказывать прочитанное на память, что ея природное развитіе и аккуратныя занятія ограждали ее отъ обычнаго у дѣтей недостатка путаться и сбиваться. Когда она кончила, дѣдъ началъ объяснять ей смыслъ этой притчи, какъ смыслъ всей жизни человѣческой, которая безъ дара милосердія не имѣетъ цѣли.

— Если бы мы, люди, чувствовали больше жалости другъ къ другу, всѣ наши бѣдствія и муки мигомъ бы прекратились, —говорилъ онъ.—Потому только міръ такъ полонъ всякихъ золъ и бѣдствій, что души людскія очерствѣли. Мы видимъ въ каждомъ своего врага и сами не можемъ быть великодушны, зная, что не дождемся пощады отъ другихъ. Мы всѣ свои силы полагаемъ на то, чтобы какъ можно больше заработать для себя, а не для другихъ, до которыхъ *намъ* нѣтъ дѣла. Подумай объ этомъ и пусть эти слова навсегда останутся у тебя въ памяти: быть можетъ, они тебѣ самой когда-нибудь помогутъ жизнь прожить.

Старикъ опять умолкъ и погрузился въ свои размышленія. Но за прогулкою попозже онъ разговорился, и Дженни съ удовольствіемъ слушала разсказы дѣда о старинѣ, о его житьѣ-бытьѣ въ Лондонѣ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Она не замѣтила, какъ наступили сумерки и пришелъ Сидней. По лицу его, несмотря на улыбку, подъ которой онъ хотѣлъ скрыть свою тревогу, Дженни замѣтила, что съ нимъ случилось что-то неладное. Пока она шла впередъ вверхъ по лѣстницѣ, Сидней, какъ всегда, испытывалъ то особое и отрадное ощущеніе, которое обыкновенно овладѣвало имъ, когда ему на встрѣчу вѣяло миромъ и тишиной, запахомъ скромныхъ душистыхъ цвѣтовъ, которые стояли на открытомъ окнѣ старика Снаудона, и теплымъ воздухомъ, который въ верхнихъ этажахъ всегда чище и пріятнѣе. Въ опрятной комнаткѣ, убранной ея же руками, Дженни безъ шума скользила мягкими шагами, то передвигая стулья, то приводя что-нибудь въ порядокъ. Въ памяти Сиднея эту картину довершала фигура Снаудона съ трубкой въ рукахъ и непремѣнно у открытаго окна. Все вокругъ говорило, что подъ этимъ смиреннымъ кровомъ царитъ душевное спокойствіе, — это главное счастіе въ жизни человѣческой.

— Мнѣ очень жаль, но я не могу завтра съ вами ѣхать,— началъ Керквудъ, обмѣнявшись радушнымъ рукопожатіемъ съ хозяиномъ дома (Лицо Дженни, стоявшей подлѣ него, мгновенно омрачилось). Случилось нѣчто такое, что̀ меня очень тревожитъ и я невольно могу своимъ настроеніемъ испортить вамъ все удовольствіе, а этого я себѣ никогда бы не простилъ.

Общая непринужденность пропала, разговоръ не вязался. Вскорѣ, какъ бы сознавая, что безъ нея имъ будетъ свободнѣе, Дженни ушла спать. И въ самомъ дѣлѣ, какъ только за нею затворилась дверь, Сидней обратился къ Снаудону:

— Вы ничего не слышали про Клару отъ м-съ Пекковеръ?

— Нѣтъ, ничего, только Дженни часто про нее вспоминаетъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, Керквудъ передалъ старику все случившееся и подробно описалъ свои долголѣтнія отношенія къ Кларѣ и ко всей семьѣ Джона Юэтта; въ заключеніе онъ высказалъ мнѣніе, что Клара врядъ ли намѣрена совсѣмъ оставить своихъ родныхъ и друзей.

— Да чего же, наконецъ, она хочетъ!—спросилъ Снаудонъ, подумавъ.

— Она, бѣдная, пожалуй и сама не знаетъ. Все, все до мелочей опротивѣло ей въ той жизни, которою она до сихъ поръ жила и которую еще ведутъ ея домашніе. Она не способна при-

мириться со своей участью и стремится къ цѣли, которая для нея столько же неясна, сколько и недостижима. Впрочемъ такое неукротимое стремленіе подняться куда-то выше своей среды, возстать противъ ея суровой безнадежности она унаслѣдовала отъ отца... Боже, что̀ за проклятая жизнь! Что̀ за ужасное время мы переживаемъ! Видишь, что гибнутъ юныя и дорогія намъ существа, и не быть въ силахъ имъ помочь! Развѣ это не верхъ ужаса?! А сама Клара, она еще дитя: ей только-что пошелъ восемнадцатый годъ, а сколько горя и безобразныхъ сторонъ жизни уже видѣла она на своемъ вѣку? Все это заставляетъ ее стремиться къ чему-то лучшему и болѣе свѣтлому; это у нея врожденное чувство и противъ него она ничего не подѣлаетъ. Клара не изъ такихъ, которыя рабски подчиняются судьбѣ, чтобы только обезпечить себѣ существованіе; родись она богатой, и тотчасъ же всѣ ея погрѣшности, которыя теперь ставятся ей въ укоръ, превратились бы въ достоинство и даже добродѣтель. Но мы люди бѣдные и пусть мы погибнемъ, это все равно; у насъ вѣдь нѣтъ капитала! А люди зажиточные, обезпеченные, такъ прямо и говорятъ, что мы сами въ своей нищетѣ виноваты. Нѣтъ, попробуйте *ихъ* посадить на наше мѣсто!

По мѣрѣ того какъ Сидней говорилъ, выраженіе на лицѣ Снаудона то-и-дѣло мѣнялось.

— Неужели у нея не осталось ни крохи привязанности къ отцу?—спросилъ онъ.—Неужели ей все равно, что она его огорчитъ? Послушайте! Я завтра утромъ пошлю за нею Дженни. Пока я ничего вамъ не скажу навѣрно, но, можетъ быть, это принесетъ пользу?

На этотъ планъ Сидней изъявилъ свое согласіе, но безъ особыхъ надеждъ. Разговоръ перешелъ на Дженни и ея занятія.

Она теперь ходила въ школу, не пропуская ни одного дня, чтобы нагнать потерянное время, которое она провела у м-съ Пекковеръ, а затѣмъ Снаудонъ хотѣлъ, чтобы внучка его научилась какому-нибудь ремеслу, которое давало бы ей возможность заработать себѣ на хлѣбъ насущный. Напримѣръ, хоть ремеслу цвѣточницы, какъ м-съ Біасъ.

— Дженни должна умѣть сама себя прокормить,—проговорилъ онъ, какъ-то странно поглядывая на своего собесѣдника.

По дорогѣ домой Сидней зашелъ въ ту улицу, гдѣ онъ вчера поджидалъ Клару. Въ ея окнахъ было совсѣмъ темно.

X.—Радость и горе.

Въ понедѣльникъ, первый въ августѣ мѣсяцѣ, произошло совершенно неожиданное и поразительное событіе: Бобъ Юэттъ, девятнадцати лѣтъ, перевѣнчался съ Пенелопой Аэнди, на три года моложе его. Робертъ не хотѣлъ никого и ничего слушать: онъ чувствовалъ даже нѣкоторую гордость при мысли, что она ему не пара, что онъ себя „унижаетъ“ бракомъ съ нею, а главное его радовало, что Клемъ Пекковеръ, вѣроятно, скрежещетъ зубами отъ злости и ревности.

Бѣдная, смиренная Пенъ даже плакала и возмущалась, когда узнала о намѣреніи Боба на ней жениться:

— Я не посмѣю, Бобъ, никогда не посмѣю! — восклицала она, рыдая.

Однако, шляпка съ ярко-краснымъ перомъ, которое видно было издалека, модная накидка и „настоящее“ золотое кольцо (каково? Пеннилофъ въ золотѣ!) окончательно примирили ее съ ея новымъ положеніемъ. Она такъ и сіяла во всѣхъ этихъ украшеніяхъ, когда подъ руку съ мужемъ вошла въ вагонъ перваго класса воздушной желѣзной дороги.

Бобъ развалился напротивъ нея съ такой непринужденностью, какъ будто это было для него дѣломъ привычнымъ, и она значительно ободрилась. Въ числѣ ихъ спутниковъ былъ юноша, который заигралъ на концертино, какъ только поѣздъ тронулся, и подъ его звуки товарищей обошла одна общая бутылочка пива, къ которой прикладывались всѣ поочередно. Пенни сама не любила крѣпкихъ напитковъ и въ глубинѣ души радовалась, что Бобъ также не чувствуетъ къ нимъ ни малѣйшаго влеченія.

Въ томъ же поѣздѣ ѣхала и принаряженная Клемъ Пекковеръ съ цѣлой свитой товарищей Боба. Крикъ и хохотъ въ ихъ кучкѣ стоялъ невообразимый, но, несмотря на это, вызывающая красота Клемъ могла понравиться постороннему наблюдателю. Сюкъ Джоллопъ, тоже хорошенькая дѣвочка, еще юная, но миловидная и бойкая, гораздо охотнѣе примкнула бы къ спутникамъ Боба, но ее прельщало одно обстоятельство, а именно (какъ она шопотомъ сообщала всѣмъ и каждому): у Джека въ карманѣ было цѣлыхъ два съ половиною фунта и ихъ всѣ, до послѣдняго пенни, онъ истратитъ на веселье во „Дворцѣ“.

И въ самомъ дѣлѣ, тамъ было гдѣ повеселиться. Качели въ видѣ лодокъ мѣрно крутились въ воздухѣ подъ звуки большого органа; если качели и сопряженное съ ними взвизгиваніе и пе-

рекрикиваніе надоѣдали, тутъ же подъ рукой оказывались еще другія развлеченія. Не угодно ли всадить деревянную палочку въ мишень! Вотъ она: изображеніе изъ папки коварнаго афганца или суроваго кафра. Если бы вздумалось кому испробовать свою ловкость въ игрѣ мячомъ, этотъ мячъ хлопнетъ по головѣ какого-нибудь другого инородца. Силу кулака также измѣрить нетрудно и эта забава здѣсь обставлена такъ же интересно. Стрѣльба въ цѣль еще того веселѣе: деревянный оселъ, ребро котораго служитъ мишенью, лягается каждый разъ, какъ въ него попадешь... Но любопытно прослѣдить, что ни одна изъ игръ народа, который отличается своимъ умственнымъ и духовнымъ развитіемъ, не носитъ этого отпечатка, а наоборотъ: нигдѣ и ни на чемъ незамѣтно и тѣни стремленія пробудить въ человѣкѣ чувства нѣжности и красоты.

Бобъ началъ съ того, что полакомился кокосовыми орѣхами; потомъ покатался на качеляхъ и погулялъ съ женой подъ руку до того усердно, что оба были какъ бы напудрены бѣлой пылью, въ облакахъ которой имъ приходилось двигаться. Бобу весьма естественно захотѣлось пить. Онъ зашелъ въ павильонъ прохладительныхъ напитковъ и принялся пить пиво стаканъ за стаканомъ, не считая. Пенни дергала его за локоть; ничто не помогало! Между тѣмъ въ мужѣ ея заговорила потребность блеснуть своимъ остроуміемъ и игривостью; онъ припомнилъ, что обязанъ поддержать свою славу „сердцеѣда“ и „ловкаго кавалера“. Кстати подвернулась Сюкъ Джоллопъ, которая повздорила со „своими“ и хотѣла примкнуть къ враждебному лагерю.

— Выпьемъ, Сюкъ! — крикнулъ ей Бобъ, какъ только она покончила со своими жалобами на своихъ друзей.

— Отчего же не выпить? Выпьемъ!—повторила та, и въ головѣ Боба промелькнуло: — Ну, что же такое, что я женатый человѣкъ? Это не резонъ, чтобы жертвовать своей славой!

Никакіе доводы Пенни не помогали; Бобъ разсыпался въ любезностяхъ передъ своей хорошенькой знакомой, а женѣ приказалъ знать „свой шестокъ“!

У бѣдной Пенъ глаза заволокло слезами и она окинула миссъ Джоллопъ свирѣпымъ взглядомъ. Между тѣмъ, она до того устала, что была вынуждена просить мужа войти въ самый „Дворецъ“, чтобы спастись отъ пыли и солнца. Звукъ ея голоса разжалобилъ Боба; онъ снова сдѣлался нѣженъ къ женѣ и тотчасъ же направился къ чайному отдѣленію.

„Чай—шиллингъ“. Подъ этимъ названіемъ значилось огромное зало, въ которомъ за шиллингъ, кромѣ чаю, можно было

получить и прочія закуски „на выборъ“; но этотъ выборъ происходилъ съ большими препятствіями, такъ какъ люди безъ разбора накидывались на все съѣдобное, разложенное на столѣ цѣлыми грудами, и доставалось всего вдоволь только тѣмъ, кто былъ сильнѣе и смѣлѣе. Слуги едва поспѣвали приносить новыя порціи; едва поспѣвали унимать ссоры. Громкій говоръ мужчинъ, судя по визгливому смѣху женщинъ, имѣлъ положительный успѣхъ.

Уходя оттуда, на порогѣ, Бобъ встрѣтился съ Джекомъ, который громко подшутилъ надъ краснымъ перомъ новобрачной. Въ тотъ же мигъ Бобъ хватилъ его по носу, а Джекъ не замедлилъ отвѣтить...

Ихъ розняли, но Джекъ, удаляясь, поклялся отомстить. Только гнѣвъ мужа заставлялъ Пенни сдерживать свои слезы! „Молодые“ направились туда, гдѣ игралъ военный оркестръ. Подъ вліяніемъ музыки, на Боба опять нашло мягкое настроеніе и онъ нѣжной рукою поддерживалъ за станъ свою усталую жену; Пенни забыла всѣ обиды и чувствовала себя счастливѣйшею женщиной на свѣтѣ.

У каждаго есть свои средства противъ общечеловѣческихъ бѣдствій, но главными изъ нихъ слѣдовало бы признать только два и притомъ самыя простыя: полнѣйшее измѣненіе экономическихъ условій, а затѣмъ пусть обновленную землю облагородитъ, освятитъ, омоетъ отъ грѣховъ и украситъ собою божественный, незамѣнимый даръ небесъ — музыка, этотъ великій воспитатель и геній многихъ поколѣній людей самыхъ разнообразныхъ возрастовъ и развитій.

И здѣсь, въ большихъ помѣщеніяхъ „Дворца“ собралась самая разнообразная толпа: испитыя, болѣзненныя женщины; истрепанные, разгульные мужчины, съ такими лицами, на которыя нельзя смотрѣть безъ чувства отвращенія. Большинство пожилыхъ женщинъ съ обрюзгшей фигурой и съ печатью разнузданности на лицѣ, зачастую накрашенномъ и тоже обвисломъ. Среди молодыхъ дѣвушекъ много хорошенькихъ и свѣжихъ. И жалко смотрѣть, какое скопище болѣзней и мелкихъ пороковъ судила имъ судьба въ лицѣ ихъ будущихъ мужей!

Одна изъ самыхъ оживленныхъ группъ поднимаетъ невообразимый гвалтъ: кто-то изъ гуляющихъ свалился съ ногъ и по немъ, не стѣсняясь, принимаются шагать подъ дружный смѣхъ толпы.

— Берегись, онъ еще лягнетъ!.. Сядь-ка, сядь ему на-голову, отдохни! Вотъ потѣха!

Надъ толпой гуляющихъ высился какой-то гигантскій господинъ; его ростъ мигомъ подхватили на зубокъ.

— Когда ты соблаговолишь спуститься съ вышины, чтобы взглянуть на насъ?—смѣялись дѣвушки ему вслѣдъ.

По дорогѣ домой невообразимая толкотня и давка въ поѣздѣ. Хохотъ, брань и грубыя шутки стономъ стоятъ надъ толпой пассажировъ. Несчастную Пенни втиснули чуть-чуть что не подъ скамью вагона, а какой-то шутникъ принялся увѣрять, что мѣста ей довольно — ну, хоть у него на колѣняхъ... Пенни цѣпляется за Боба, который самъ чуть живъ отъ усталости и... отъ пива. Оба чувствуютъ тяжкое томленіе въ ожиданіи минуты, когда наконецъ пріѣдутъ. Но на станціи—новая бѣда: Клемъ со своей компаніей выслѣдила Боба, и дрожащая Пенни является жертвой безпощаднаго нападенія на нее соперницы и ея клевретовъ. Они дружно окатили новобрачную цѣлымъ дождемъ мутной воды изъ канавы и тѣмъ погубили ея роскошный нарядъ. Бобъ вступился за жену,—и бывшихъ друзей едва удалось рознять. Всю дорогу со станціи домой Бобъ бранился не переставая; а его жена, едва войдя въ ихъ общую спальню,—темную и невзрачную каморку, вся въ слезахъ, грустно задумалась надъ своей изодранной накидкой, скомканною шляпой и сломаннымъ зонтикомъ. Но еще тяжелѣе стало у нея на душѣ, какъ она вспомнила, что на слѣдующій день ей уже придется отнести въ закладъ свое чудное золотое обручальное кольцо.

Въ понедѣльникъ утромъ, Дженни пошла по адресу, который ей далъ Керквудъ и узнала, что Клара „выѣхала“ еще наканунѣ.

— То-есть уѣхала на цѣлый день, за городъ? — переспросилъ ее дѣдушка, когда она вернулась домой.

— Нѣтъ; уѣхала совсѣмъ, и куда—неизвѣстно. Такъ говоритъ квартирная хозяйка.

Дженни замѣтила тревогу на лицѣ старика и въ то же время чутье подсказало ей, что отсутствіе Керквуда является лишь слѣдствіемъ той же причины; сердце ея усиленно забилось. Ей было глубоко жаль обоихъ, тѣмъ болѣе, что она чувствовала невозможность имъ помочь.

Керквудъ зашелъ къ нимъ подъ вечеръ и тотчасъ же рѣшилъ пойти дать знать Юэттамъ.

М-съ Юэттъ встрѣтилась ему на площадкѣ лѣстницы и шопотомъ сообщила, что мужъ еще ровно ничего не знаетъ про Клару и про ея ссору съ м-съ Тебсъ.

— Такъ я пойду и самъ ему скажу,—проговорилъ Сидней, чувствуя, что было бы съ его стороны послѣдней трусостью возложить эту тяжелую обязанность на бѣдную женщину.

Два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь былъ въ послѣдній разъ, и теперь ему бросилось въ глаза, что вся обстановка какъ-то полиняла, развалилась. Посреди комнаты стоялъ самъ Джонъ Юэттъ и усердно чинилъ поломанный стулъ. Съ удивленіемъ взглянулъ онъ на вошедшаго и съ неудовольствіемъ отвернулся.

— М-ръ Юэттъ!—началъ Керквудъ безъ обычныхъ привѣтствій:—въ субботу утромъ мнѣ случилось узнать нѣчто такое, о чемъ я считаю своимъ долгомъ вамъ сообщить, несмотря на то, что за послѣднее время наши отношенія стали какъ-то не тѣ, что̀ прежде.—Голосъ его упалъ. Джонъ еще враждебнѣе уставился на него:

— Говорите! Чего-жъ вы стали?—съ трудомъ произнесъ онъ.

— Въ ночь на пятницу,—глухо, запинаясь, продолжалъ Сидней,—Клара ушла отъ м-съ Тебсъ. Я уговаривалъ ее вернуться домой, но она ничего слушать не хотѣла. Сегодня утромъ я пошелъ опять съ нею повидаться, но мнѣ сказали, что она вчера выѣхала неизвѣстно куда. Сколько я ни старался, ничего не могъ больше разузнать.

Юэттъ гнѣвно шагнулъ по направленію къ нему и въ неудержимой ярости крикнулъ на Сиднея, который отступилъ назадъ и невольно поднялъ руку, чтобы защититься отъ удара.

— И вы для этого явились сюда?!. И у васъ нѣтъ стыда мнѣ прямо говорить въ лицо такія вещи? Да кто-жъ тому виной, что Клара бросила отцовскій домъ? И почему? Потому только, что вамъ хотѣлось съ нею развязаться, ясно, какъ день! Я такъ вамъ и сказалъ тогда же. Никогда не подумалъ бы, что найдется человѣкъ, у котораго до такой степени нѣтъ ни стыда, ни совѣсти!

М-съ Юэттъ, дрожа отъ волненія, пыталась вмѣшаться и успокоить мужчинъ; но Джонъ продолжалъ горячиться.

— Ты слышала, что̀ онъ говоритъ? Ты знаешь, о, конечно, знаешь! что никто, какъ онъ, старался убѣдить меня, что Клару надо отпустить изъ дому вонъ! А я тогда еще ему сказалъ, что онъ просто хочетъ отъ нея отвязаться... Что̀? Правду я говорю?

— Зачѣмъ такъ говоришь, Джонъ?—слабо возразила жена:—Клара вѣдь сама слышать не хотѣла увѣщаній Сиднея.

— Какъ знать? Быть можетъ, и теперь ей надоѣли эти увѣщанія и она нарочно отъ нихъ убѣжала, чтобъ только ей домой не возвращаться: это было бы на нее похоже!

— Не смѣешь ты такъ про нее говорить!—вспылилъ Юэттъ.—Какой я ни есть старикъ, а тебѣ плохо придется, если ты ска-

жешь еще хоть слово противъ Клары! Убирайся вонъ отсюда! Проклятъ тотъ день, когда ты въ первый разъ сюда явился! Ты мнѣ противенъ! Я тебя видѣть не могу!..

Жилы на лбу Сиднея надулись; кулаки то судорожно сжимались, то разжимались; плечи его нервно передернуло, и онъ молча вышелъ вонъ изъ комнаты. Разсудокъ и человѣчность одержали въ немъ верхъ надъ злобой.

Вскорѣ послѣ Керквуда вышелъ на улицу и Джонъ Юэттъ. Шатаясь, какъ пьяный, онъ шелъ, почти летѣлъ по направленію къ ресторану м-съ Тебсъ; но дома оказалась только дѣвчонка, которая могла лишь подтвердить слова Сиднея. Чуть не до сумерекъ, пробродилъ онъ по сосѣднимъ улицамъ и по смежнымъ кварталамъ, въ надеждѣ набрести на Клару или хотя бы на ея слѣдъ. Уже стемнѣло; народъ толпился на улицѣ, и мальчишки со смѣхомъ указывали пальцемъ на мнимаго пьяницу. Юэттъ, въ самомъ дѣлѣ, шатался какъ пьяный, мутными глазами блуждая въ пространствѣ. Среди длинныхъ рядовъ закрытыхъ ставней его вниманіе вдругъ привлекъ фонарь, ярко освѣщавшій входъ въ питейный домъ.

На душѣ у него было безнадежное горе; сердце невыносимо болѣло при мысли потерять любимое дѣтище. Со всѣхъ сторонъ было мрачно, безпріютно, а впереди былъ веселый шумъ похмѣльныхъ голосовъ, освѣщенная комната, органъ...

Джонъ махнулъ рукой съ тѣмъ выраженіемъ, которое еще больше усилило его сходство съ пьяницей, и вошелъ туда.

М-съ Юэттъ только-что совладала съ дѣтьми, которыя не хотѣли ложиться спать, а готовы были до поздней ночи гулять по улицѣ; малютка, съ минуты рожденія не переставшій кричать, умолкъ, усыпленный порошкомъ. Въ комнатѣ водворилась тишина.

Вдругъ дверь неожиданно распахнулась, и передъ испуганной женой явился Джонъ, но, Боже! въ какомъ видѣ!

Она окликнула его, схватила за рукавъ и заглянула прямо ему въ лицо; но тотъ, не говоря ни слова, стряхнулъ ее прочь, размахнулъ въ сторону рукою и прокричалъ:

— Къ ч-орту ее!!. Ей дѣла нѣтъ до отца!

Грузно навалился несчастный на свою убогую постель и уснулъ тяжелымъ, хмѣльнымъ сномъ.

XI.—Клемъ готовитъ сюрпризъ.

Въ воздухѣ носится то звонъ колоколовъ, то звуки мелодическаго гимна: „Есть чудный край вдали, вдали“... Но слишкомъ поэтично, слишкомъ отвлеченно его содержаніе для того, чтобъ усмирять и облегчать житейскія, слишкомъ реальныя, невзгоды и страданія.

Три года пронеслось съ тѣхъ поръ, какъ исчезла Клара; но м-съ Пекковеръ и ея дочь живутъ все тамъ же, и все такъ же возятся со своимъ маленькимъ хозяйствомъ. Онѣ все тѣ же; только Клемъ еще пышнѣе расцвѣла, еще увѣреннѣе стала въ своей красотѣ; формы ея округлились, а станъ и плечи приняли античноправильныя очертанія.

Склонившись надъ огнемъ и какъ бы углубившись въ наблюденія за нимъ, мать и дочь въ сущности шептались, ничего не видя и не слыша, кромѣ своего разговора. Призывъ къ молитвѣ ихъ не смущалъ нимало, хоть обѣ и были наряжены по воскресному.

— Только-бы онъ не провѣдалъ ничего про старика и про дѣвчонку! — волновалась шопотомъ м-съ Пекковеръ.—Я только этого и боюсь съ тѣхъ поръ, какъ онъ у насъ въ домѣ! Ты, смотри, съ нимъ покруче!

— Да ты знаешь навѣрно?

— Еще бы! Когда самъ нотаріусъ сказалъ, что все должно ему достаться. И старикъ тоже вѣдь говорилъ, что ему хотѣлось бы разъискать сына. Если-бъ намъ приходилось положиться только на письмо Билля, ты еще имѣла бы право разболтать; но теперь... Полно, не прикидывайся дурой!

— Если окажется потомъ, что у него нѣтъ ни гроша за душою, я все-равно его брошу, будь я вѣнчана хоть двадцать разъ!—твердо рѣшила Клемъ.

— Тсъ! идетъ!—прошептала мать.—Вари-ка яйца, а я приготовлю кофе!

Въ дверь слегка стукнули, и въ комнату вошелъ высокій мужчина лѣтъ около сорока, а, можетъ быть, и еще моложе. Лицо у него было чистое, гладко выбритое, но нездороваго оттѣнка; онъ ступалъ не такъ, какъ всѣ, а какъ бы волоча ноги. Въ его движеніяхъ сказывалась какая-то лѣнь или крайняя небрежность; впрочемъ послѣдняя была также замѣтна и въ его нарядѣ, который былъ покрытъ пятнами и истрепался, и держался на самыхъ разнокалиберныхъ пуговицахъ. Воротничокъ блисталъ сво-

имъ отсутствіемъ, а въ полураспахнувшійся сюртукъ виднѣлась красная сорочка.

— О, да вы сегодня „растете и цвѣтете“, миссъ Пекковеръ!—началъ онъ и, грузно опустившись въ деревянное кресло, взглянулъ на Клемъ съ нескрываемымъ восхищеніемъ.—Я скоро начну думать, что ваши розы поддѣльныя и, кажется, готовъ потереть ваши алыя щечки, чтобы убѣдиться въ противномъ... если-бъ у васъ хватило смѣлости, конечно!

— И хватитъ, разумѣется!—кивнувъ головою, согласилась Клемъ.—Но только это съ вашей стороны черезъ-чуръ предпріимчиво, м-ръ Снаудонъ.

— Наоборотъ, я даже черезъ-чуръ запоздалъ,—возразилъ тотъ и самъ усмѣхнулся своей шуткѣ. Мать съ дочерью тоже засмѣялись.

— Вамъ яйца сварить или поджарить?—спросила первая.

— Вы мнѣ хотите дать яичекъ, м-съ Пекковеръ? Что-жъ, я ничего противъ этого не имѣю; только пожалуйста не слишкомъ меня роскошно кормите, чтобъ счетъ не слишкомъ разростался. Я вѣдь еще не знаю, когда получу мѣсто и какое, можетъ быть, и въ тысячу лѣтъ ничего не дождусь!

— Гм! Не могу сказать, чтобы вы „тогда“ дѣйствовали такъ же чистосердечно,—замѣтила м-съ Пекковеръ; но что было, то прошло и я не хочу поднимать изъ-за этого непріятностей. Сами же вы говорите, что уплàтите все сполна, какъ только явится возможность; такъ неужели же я вамъ еще разъ не повѣрю въ долгъ?

М-ръ Снаудонъ откинулся на спинку кресла, запустилъ руки въ карманы и вытянулъ ноги, пріятно и мирно улыбаясь своему грядущему завтраку. Нѣсколько минутъ спустя ему объявили, что „кушать подано“, и онъ со вздохомъ облегченія подтащилъ свой стулъ къ столу.

Его манили къ себѣ блюдо отличной ветчины и яичница; по правую руку отъ него дымилась чашка того напитка, что у англичанъ принято величать именемъ кофе; по лѣвую — красовался порядочный кусокъ масла, привлекавшаго взоры своей желтизною; на тарелкѣ передъ нимъ лежали ломти хлѣба; въ угоду его утонченному вкусу были тутъ же горчица и уксусъ.

— Если угодно, у меня найдется еще парочка яицъ?—предложила мисъ Пекковеръ, подмѣчая, что онъ приступаетъ къ мясному.

— Благодарю васъ, я и этой порціей съѣстного обойдусь,—скромно возразилъ Снаудонъ и молча принялся поглощать пред-

ложенныя ему яства. Такова была его привычка, и притомъ онъ не прочь былъ и поразмыслить кой о чемъ.

„Кой чортъ все это значитъ?—задавалъ онъ себѣ вопросъ.—Недѣлю тому назадъ я зашелъ сюда, чтобы найти себѣ пристанище на̀ ночь, потому-что у меня не было въ карманѣ ни гроша; отчасти же еще и потому, что мнѣ казалось, что я буду не прочь узнать, что̀ сталось съ моимъ ребенкомъ, котораго я здѣсь оставилъ лѣтъ девять-десять тому назадъ. Съ первой же минуты, какъ я здѣсь появился, оказалось, что мнѣ чрезвычайно рады и готовы меня поить и кормить сколько моей душѣ угодно, хоть я не плачу ни полушки и когда заплачу́—самъ чортъ не угадаетъ! А хозяйская дочка, вдобавокъ... какъ будто, я ей приглянулся не на шутку! И что̀-жъ мудренаго? Я вѣдь не уродъ какой и могу нравиться женщинамъ. Про мою дочку онѣ мнѣ сказали, что года три тому назадъ здѣсь объявился ея старый дѣдъ (это мой-то старикъ) и увезъ ее—неизвѣстно куда. Все это очень странно! Какъ такая особа, какъ м-съ Пекковеръ, могла, не получая за это ни гроша, возиться съ моей Дженни и не сдала ее въ воспитательный домъ? Если вѣрить ей на̀-слово, такъ она привязалась къ моей дѣвчонкѣ... Но съ какой цѣлью ей ухаживать еще и за мной? Впрочемъ, между женщинами попадались мнѣ и такія, которымъ это нравилось такъ, просто, безо всякихъ цѣлей,—честное слово! Положимъ, я тутъ напалъ на одного человѣчка, который мнѣ сказалъ навѣрно, что дѣвочку увезъ отсюда ея дѣдъ три года тому назадъ; но куда она потомъ дѣлась—до этого онъ не могъ докопаться... Какъ бы то ни было, а главное,—что у меня есть здѣсь теперь своя койка, а эта дѣвчонка, Клемъ, чудо что̀ за лакомый кусочекъ, и если только она имѣетъ на меня законные виды, я, пожалуй, не прочь и подъ вѣнецъ! У меня не оказывается родной дочки, которая была бы способна меня прокормить; въ такомъ случаѣ, ее можетъ замѣнить красавица-жена. Пусть бы только убралась старуха, я потолкую съ ея дочкой“.—Удобный случай не замедлилъ представиться. Увидавъ, что Снаудонъ удобно примостился въ креслѣ, заканчивая вкусный и обильный завтракъ своей обычной „трубочкой“, м-съ Пекковеръ вышла, пробормотавъ что-то насчетъ того, что надо бы вымыть посуду. Ея дочь осталась, углубившись въ приготовленіе какихъ-то корешковъ и зелени къ обѣду.

— А что̀, Клемъ, сколько вамъ теперь лѣтъ?—нашелся спросить Снаудонъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Сами угадайте.

— Постойте-ка, сейчасъ сочту: вы были чуть-чуть что не грудной младенецъ, когда я уѣзжалъ отсюда. Теперь вамъ восемнадцать, девятнадцать лѣтъ.

— Да; шестого февраля мнѣ пошелъ двадцатый. Жаль, что вы запоздали; могли бы что-нибудь преподнести.

— А! Ну, кто бы могъ подумать, что вы обѣщали быть такой красавицей? А пожалуй, множество молокососовъ бѣгало за вами? Многіе сватались, хотѣли взять васъ непремѣнно въ жены?

— Да дюжины двѣ, пожалуй, — проговорила Клемъ и презрительно повела плечами.

Снаудонъ разсмѣялся и плюнулъ въ огонь.

— А разскажите про кого-нибудь изъ нихъ, — началъ онъ опять.—Ну, напримѣръ: съ кѣмъ вы знаетесь теперь?

— Съ кѣмъ?! Я и смотрѣть ни на кого изъ нихъ никогда не хотѣла! Многіе даже запили съ горя, что я знать ихъ не желала.

Тутъ веселье м-ра Снаудона уже перешло всякія границы: онъ катался по креслу, извиваясь отъ хохота, и чуть не опрокинулся назадъ.

— Но все-таки, я полагаю, вы изрѣдка имъ подаете кой-какія надежды, чтобы потомъ потѣшиться надъ ихъ легковѣріемъ?

— Еще бы! Подаю, конечно. Вотъ, напримѣръ, Бобъ Юэттъ. Онъ прежде жилъ у насъ въ домѣ, я держала его поодаль отъ себя до тѣхъ поръ, пока ему уже не подъ силу было терпѣть обиду; ну, онъ взялъ да мнѣ на зло и женился на дрянной, ничего не стоющей дѣвчонкѣ, думалъ, что это будетъ мнѣ нивѣсть какъ больно и обидно! Ха-ха-ха!! А самъ-то теперь, пожалуй, чуть не отравить готовъ свою супругу, только бы я подала ему надежду, что выйду за него. Потомъ былъ еще нѣкій Джекъ Бартлей, котораго въ одинъ прекрасный день, въ большой праздникъ, я подзадорила подраться съ Бобомъ. Вотъ бы вы посмотрѣли, какая была потѣха! А Джекъ взялъ да и женился на одной дѣвчонкѣ, по прозвищу Сюкъ Джоллопъ. Я чуть не померла со смѣху! Прошлый сочельникъ они разорили свое гнѣздо и вышвырнули его на большую дорогу. У Джека выбитъ одинъ глазъ, а мнѣ смѣшно...

Ея усердный слушатель и самъ залился громкимъ хохотомъ.

— А вѣдь знаете, что я вамъ скажу, Клемъ? Вы просто бой-дѣвица. Чортъ меня подери, если я къ вамъ равнодушенъ! А скажите, что подѣлываетъ моя дочка и какая она стала? Я думаю, вся въ мать?.. Вѣдь вы съ нею жили какъ родныя сестры...

— Гм! Страннаго рода сестры, нечего сказать! Никогда она и пошутить не умѣла.

— Вся въ мать!—подхватилъ Снаудонъ.—А куда, вы сказали, она дѣвалась?

— Куда дѣвалась?—переспросила Клемъ, твердо глядя на него большими глазами.—Ничего я объ этомъ не говорила по той простой причинѣ, что сама ничего не знаю.

— Ну, положимъ, плакать по ней я не намѣренъ! И она сама, я думаю, не очень-то по мнѣ горюетъ. Только я, вѣдь, отъ природы человѣкъ склонный къ семейной жизни и хотѣлъ бы обзавестись своимъ домкомъ, только скажите, гдѣ бы мнѣ найти подходящую невѣсту. У васъ, я думаю, ихъ цѣлыя кучи на примѣтѣ?

— Понятно. Только въ какомъ родѣ?

— Да такъ себѣ, довольно неважную; чтобъ она была желтенькая такая, тощенькая, что казалось бы дунешь на нее—сломается!

— М-ръ Снаудонъ, берегитесь: я пущу вамъ въ лицо пастернакомъ.

— Это еще за что? *Вы*-то, надѣюсь, не считаете себя такою?—Но Клемъ откусила тонкій кончикъ очищеннаго пастернака и пустила его прямо въ лицо Снаудону. Тотъ, однако, во-время уклонился отъ удара и оба покатились со-смѣху.

— А скажите, не найдется ли у васъ дома стаканъ пива?

— Надо подождать, пока лавки откроютъ,—неласково отвѣчала Клемъ, отходя отъ него въ дальній уголъ комнаты.

— Вы на меня обидѣлись?

— Слишкомъ много чести! Очень мнѣ нужно, что вы думаете про меня.

— Будто вамъ такъ уже все равно?

— Конечно!

— А!.. Значитъ, не все равно. Подите сюда, я вамъ кое-что скажу.

— Отстаньте, несносный! Не мѣшайте мнѣ работать. Слышали?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Говорю вамъ добромъ: вернитесь сюда, а не то хуже будетъ, если я самъ отправлюсь за вами!—Клемъ повиновалась. Щеки ея пылали, а въ глазахъ сверкалъ зловѣщій огонекъ...

Десять минутъ спустя, она побѣжала наверхъ и шопотомъ повела съ матерью оживленную бесѣду.

Въ одномъ изъ переулковъ Кларкенуэля довольно трудно предположить присутствіе многолюдной мастерской, которая ютится за дровянымъ дворомъ, въ зданіи, выходящемъ къ лѣсопильнѣ. Но такая мастерская дѣйствительно существуетъ наверху деревянной лѣстницы, которая ведетъ въ нѣсколько комнатъ, гдѣ до шестидесяти дѣвушекъ и женщинъ цѣлый день заняты приготовленіемъ искусственныхъ цвѣтовъ.

Здѣсь есть женщины самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, начиная почти съ дѣтскаго и кончая почти старческимъ; есть лица, изможденныя горемъ и лѣтами, лица безпечно дѣтскія, или въ полномъ расцвѣтѣ дѣвичьей свѣжести и здоровья. Весь этотъ бѣдный людъ, — вся эта часть нашей „меньшой братіи“, на взглядъ, однако, не имѣетъ особенно удрученнаго вида. Въ комнатахъ стоитъ оживленный, даже веселый и иногда довольно громкій говоръ. Всѣ одѣты опрятно и почти изящно; работаютъ не лѣниво, съ довольнымъ видомъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ не быть довольной, если имѣешь обезпеченное содержаніе, столъ и квартиру? Но и работницы „по-штучно“ не унываютъ, если бываетъ безработица, или несвоевременная получка—велика важность! Дѣло привычное.

Въ одинъ прекрасный день, въ концѣ мая, въ мастерскую заглянулъ самый рѣдкій и нежданный изъ ея посѣтителей—солнечный лучъ. Его свѣтъ позолотилъ чистенькое сѣренькое платьице одной изъ ученицъ, ея бѣлоснѣжный воротничокъ, ея лицо и волосы, ея тонкія руки и граціозный поворотъ шеи. Дѣвушка (ей на видъ было лѣтъ шестнадцать), обрадованная появленіемъ солнца, оглянулась вокругъ и улыбнулась милою улыбкой. Она сидѣла въ группѣ дѣвушекъ, которыя въ свою очередь подраздѣлялись на меньшія группы, состоявшія изъ трехъ лицъ: мастерицы, ея помощницы и ученицы. Маленькая дѣвочка-подростокъ печально глядѣла на волдыри, которыми были покрыты ея пальцы. Она пока еще сидѣла на „черной“ работѣ; обвивала бумажкой проволочные стебли и накрѣпляла „серединки“. Дѣвочка молча взывала къ сочувствію своей сосѣдки:

— Ничего, потерпи еще немножко: у меня тоже не меньше твоего болѣли руки первое время; да ничего, прошло! — утѣшала ее та.

— Вамъ хорошо говорить, а я больше не могу... Ну, не могу же! О, Боже, поскорѣй бы пять часовъ!

— Только четверть часа осталось. Ну, Анни, постарайся!

Вотъ и пять часовъ, а съ ними вмѣстѣ чай, закуска и, главное, двадцать минутъ перерыва. Дѣвушкамъ разрѣшалось

приносить свой чай и сахаръ, свою закуску, и большинство, какъ за работой, такъ и за чаемъ, дѣлилось на „партіи“ по три человѣка. Каждая изъ трехъ всыпала въ общій чайникъ свою щепотку чаю, а за покупками бѣгала одна изъ мастерицъ, по очереди.

Во время чаю къ той дѣвушкѣ, которая обрадовалась солнцу, подошла одна изъ мастерицъ—рослая, красивая, совершенная противоположность первой по смѣлымъ движеніямъ и самоувѣренному взгляду. Какъ это ни странно, а за послѣдніе три года Клемъ сама льнула къ Дженни, которая только ей одной не смотрѣла прямо въ глаза своимъ открытымъ взглядомъ, только съ ней одной была сдержанна и молчалива, хоть и старалась быть съ нею вообще привѣтливой, какъ со всѣми.

— Дженни! Я тебѣ должна сообщить кое-что интересное,— начала Клемъ, усаживаясь съ нею рядомъ потѣснѣе.—Только съ уговоромъ: поклянись, что ты никому не разболтаешь.

Дженни молча кивнула головой и Клемъ шепнула ей въ самое ухо:

— Я замужъ выхожу.

— Ну! Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Черезъ недѣлю свадьба. Но за кого? Ты хоть до самыхъ святокъ бейся, ни за что на свѣтѣ тебѣ не угадать!— и Клемъ залилась хохотомъ.—Понятно, потомъ мнѣ на недѣлю дадутъ отпускъ и мы долго съ тобой не увидимся, но ты должна будешь непремѣнно у насъ побывать! Только помни свое обѣщаніе: никому ни гу-гу!

Продолжая весело хихикать, Клемъ отошла прочь, а на лицѣ Дженни тотчасъ же пропало выраженіе, которое она считала нужнымъ принять, чтобы не обидѣть миссъ Пекковеръ; теперь оно смѣнилось напряженнымъ, почти грустнымъ, и больше часу провела она за работой, прежде чѣмъ оно окончательно пропало.

XII.—Дженни и ея друзья.

Прямо изъ мастерской, Дженни чуть не бѣгомъ направилась черезъ дровяной дворъ и вмѣсто того, чтобы идти домой, свернула въ сторону въ такую грязную улицу, которая кишѣла страшно замазанными, худосочными дѣтьми всѣхъ половъ и возрастовъ. Къ тому дому, куда она направлялась, надо было протискаться сквозь сплошную стѣну грязныхъ ребятишекъ; но Дженни уже привыкла и храбро шла впередъ, пока не остановилась пе-

редъ группой, примостившейся на первой площадкѣ лѣстницы: то была дѣвушка, машинально коловшая полѣно, несмотря на то, что на колѣняхъ у нея лежалъ такой же худосочный малютка, какъ и всѣ, ему подобные, а за спину цѣплялся двухлѣтній мальчишка.

— Что, Пенни? Вышла поджидать его домой?—спросила ее Дженни.

— Ахъ, миссъ Снаудонъ, это вы? — воскликнула Пенни Юэттъ, утерявшая прелесть юности, но зато сохранившая дѣвически-миніатюрный, хрупкій видъ. Стыдливо запахивая на груди платье, раскрытое для бо́льшаго удобства малютки, Пенни смотрѣла на свою нежданную гостью, видимо смущенная яркостью своего наряда. Очевидно, она нарочно принарядилась: прическа у нея имѣла праздничный видъ, вокругъ ворота красовался кружевной воротникъ съ претензіей на изящество; но лицо ея было увядшее, безцвѣтное и выдавало тревожную, тяжелую жизнь, а на щекѣ весьма замѣтно красовалось пятно, оставленное грязными пальчиками ребенка,—и это явно указывало на тотъ немаловажный фактъ, что Пенни передъ тѣмъ только-что тщательно умылась.

— Сегодня я къ вамъ на минутку, мимоходомъ,—проговорила Дженни.

— Нѣтъ, нѣтъ; хоть на минуточку зайдите!—просила Пенни и поспѣшно пошла впередъ.

За три года своей супружеской жизни, по примѣру всѣхъ имъ подобныхъ, чета Юэттовъ разъ семь уже успѣла перемѣнить свое мѣсто жительства, что́ обусловливалось вдобавокъ нетрезвостью почтенной миссъ Кэнди.

— Ну, Дженни, пойдемъ домой!—обратилась мать къ валявшемуся на площадкѣ сыну и наслѣднику имени Юэттовъ.— Стоитъ ли тебя мыть и оттирать, если ты валяешься въ грязи? Не могу я добиться, чтобъ они ходили опрятно, какъ ни бьюсь! Право, м-съ Снаудонъ!

— Вы куда-нибудь собираетесь?—спросила Дженни.

Пенни покраснѣла.

— Я это только для того, чтобы онъ былъ доволенъ... Я думала, что это ему можетъ быть пріятно... Онъ обѣщалъ мнѣ, что сегодня будетъ дома...

— Какъ? Развѣ онъ до сихъ поръ еще не возвращался? Съ того дня, какъ я у васъ была въ послѣдній разъ?

— Миссъ Дженнъ! Право, я все, все дѣлала, какъ вы меня учили. И не лѣнилась все держать почище; и не придиралась

къ Бобу и (видите, какъ у насъ теперь чисто?) всю грязь скребла и мыла... Но все напрасно! Онъ такъ и рвется изъ дому, къ своимъ пріятелямъ и къ тѣмъ дѣвчонкамъ, съ которыми кутитъ. Если-бъ вы только знали, какъ тяжело сидѣть тутъ одной. Такъ бы куда-нибудь сбѣжала, пошла бы поработать, — дѣтей нельзя оставить, ихъ вѣдь не бросишь на произволъ судьбы!.. О, какъ я рада, что вы къ намъ заглянули!..

Дженни растерянно смотрѣла на нее. Такъ часто и такъ разнообразно приходилось ей уже воздѣйствовать на несчастныя стороны характера бѣдной женщины, что теперь она больше ужъ не знала, чѣмъ ее ободрить и чѣмъ утѣшить. Какъ это ни странно, но за послѣднее время роли перемѣнились: Дженни, хоть и была моложе Пенни годами, но поступала какъ старшая изъ двухъ, какъ болѣе опытная и серьезная.

— Я знаю, знаю, что̀ меня ждетъ въ концѣ концовъ!—въ отчаяніи восклицала Пенни.—То же, что̀ теперь съ матерью творится. Да и не съ ней съ одной, а со всѣми, кому тошно приходитъ. Всѣ бѣгутъ въ трактиръ, чтобы забыться, чтобы уйти отъ своей горемычной жизни,—и сидятъ тамъ весь вечеръ, всю ночь напролетъ, пока не зальютъ свое горе виномъ. Ну и пусть! Можетъ быть, онъ тогда пожалѣетъ меня...

— Пеннилофъ! Не смѣйте такъ говорить! — сурово остановила ее Дженни.—Если вы не перестанете, я лучше уйду. Прощайте!—и она рѣшительно пошла къ дверямъ.

— Миссъ Снаудонъ!

Дженни оглянулась и на мигъ сдѣлала шутя строгое лицо, но тотчасъ же разсмѣялась веселымъ смѣхомъ, который своими звонкими раскатами оживилъ всю каморку. И не одинъ только смѣхъ, но и слова утѣшенія и ласки,—слова, придающія удрученному человѣку бодрость и упованіе на будущее, нашлись у нея для бѣдной, растерявшейся женщины. Пылкихъ надеждъ они не поднимали въ ея сердцѣ, но зато такъ освѣжали ей душу, такъ ее ободряли, что она думала потомъ каждый разъ, по уходѣ своего юнаго друга:

— Мнѣ все бы ни почемъ! Только бы постараться не такъ распускать себя... пока она къ намъ хоть изрѣдка заходитъ.

Торопливо прошла Дженни напроломъ въ толпѣ ребятишекъ. Она имѣла полное основаніе спѣшить: по середамъ къ нимъ обыкновенно приходилъ гость, который съ дѣдушкой Снаудономъ велъ самыя продолжительныя и самыя интересныя бесѣды, какія только ей приходилось когда-либо слышать. Но впотьмахъ, у дверей, кто-то ее окликнулъ.

— А! Вотъ и она!

Говорившій, сѣдой, но еще бодрый старикъ, былъ ей такъ же незнакомъ, какъ и его голосъ. Но не долго пришлось Дженни съ нимъ говорить, любуясь его дорогимъ платьемъ и золотой массивной цѣпочкой: онъ вскорѣ заторопилъ дѣдушку идти куда-то.

— Ты помнишь м-ра Персиваля, Дженни?—спросилъ Снаудонъ, указывая на гостя, и она припомнила, что тотъ приходилъ уже не разъ и, повидимому, говорилъ все о какихъ-то дѣлахъ.

— Пойдемте поскорѣй, какъ бы не опоздать!—повторялъ м-ръ Персиваль.

Дженни была такъ смущена и озадачена тѣмъ, что встрѣтила гостя,—только не того, котораго ждала,—что даже не сразу почувствовала досаду на отсутствіе *того*, другого. Проводивъ дѣда, она забѣжала на минуту къ Біасамъ.

Тамъ ее странно поразила тишина въ такой часъ, когда обыкновенно супругъ возвращался съ работы и поднималъ въ домѣ что̀ называется „дымъ столбомъ“, заражая своимъ весельемъ всю свою семью. Малютка (понятно, не прежній, а новый) лежалъ въ корзинкѣ около матери и, повидимому, былъ погруженъ въ крѣпкій сонъ; старшій сынъ возсѣдалъ важно на высокомъ креслецѣ и дѣловито постукивалъ кубиками по столу. Сама Бесси даже не оглянулась.

— Что̀ это? М-ръ Біасъ запоздалъ?—спросила Дженни, чуя что-то неладное.

— Онъ гдѣ-нибудь тутъ же, дома, — равнодушнымъ, безцвѣтнымъ голосомъ проронила Бесси.

— Голубушка!—воскликнула Дженни, тотчасъ же уразумѣвъ, что повторились обстоятельства, не напоминавшія о себѣ вотъ уже полгода.—Но что̀ случилось?

— Негодяй онъ! Если ему все равно,—ну, и пусть; я брошу его и уйду.

Дженни попробовала ее разспросить и успокоить, но Бесси ничего и слышать не хотѣла:

— Говорю вамъ: онъ сущій негодяй! — горячилась она:— взялъ да и порѣзалъ себѣ лицо бритвой. Говоритъ: „ребята“ и безъ того порядочная обуза, а тѣмъ болѣе мои! А? какъ вамъ понравится?

— Развѣ малютка опять кричала и мѣшала ему спать?— участливо освѣдомилась Дженни.

— Еще бы! Конечно, она даже имѣетъ полное право такъ кричать! Но это еще не все: онъ заворчалъ, что завтракъ по-

данъ не вò-время; онъ сказалъ, что у насъ съ тѣхъ поръ, какъ явились дѣти, въ домѣ не стало ни тишины, ни порядка; онъ объявилъ, что я въ грошъ его не ставлю, а люблю только „крошку“ и Эрнеста. Наконецъ, онъ раскричался, какъ сущее животное, и ушелъ... О, Боже мой, до чего я его ненавижу!..

— А вотъ—ни чуточки!—попробовала гостья пошутить.

— Да, не-на-вижу! Можете ему такъ и передать!

— Прекрасно. Сейчасъ пойду и передамъ.

Дженни побѣжала наверхъ и постучалась. Откликнулся голосъ Біаса:

— Войдите!

— Не зажечь ли вамъ лампу, м-ръ Біасъ?

— Нѣтъ, благодарю.

— М-ръ Біасъ! М-съ Біасъ просила меня вамъ передать, что она васъ ненавидитъ.

— Ну, и прекрасно! Передайте ей, что мнѣ это давнымъ-давно извѣстно, и что я ухожу... повеселиться!

Дженни сбѣжала внизъ къ раздраженной Бесси:

— М-съ Біасъ! М-ръ Біасъ говоритъ, что ему ваша ненависть давно извѣстна, и что онъ пойдетъ повеселиться.

Но Бесси молчала.

— Что̀ мнѣ передать въ отвѣтъ м-ру Біасу?

— Передайте ему: если онъ только посмѣетъ выйти изъ дому, я сейчасъ иду къ матери и разскажу, что̀ онъ со мной дѣлаетъ... разскажу все, какъ есть!

На это Дженни получила отъ Біаса такой отвѣтъ:

— Передайте ей, что ей въ сущности, должно быть, все равно, дома я или нѣтъ, и скажите, что она жестоко поступаетъ съ мужемъ.—Въ заключеніе, впотемкахъ послышался какой-то подозрительный звукъ и Дженни, передавая Бесси слова ея мужа, сочла себя въ правѣ прибавить, что м-ръ Біасъ, кажется, заливается слезами. Бесси всхлипнула уже вполнѣ опредѣленно, не скрываясь.

— И я тоже!—объявила она сквозь слезы.—Такъ ему и передайте!

— М-ръ Біасъ!—окликнула Дженни разстроеннаго супруга:—м-съ Біасъ плачетъ; такъ не лучше ли вамъ сойти внизъ?

Въ потемкахъ послышалось движеніе. Дженни отошла въ сторонку и, удостовѣрившись, что м-ръ Біасъ дѣйствительно вошелъ въ кухню, пошла къ себѣ домой, на радости напѣвая какую-то пѣсенку: теперь она могла быть спокойна, что все благополучно обойдется. Но несмотря на такую энергію и наход-

чивость, которыя для ея близкихъ были сущимъ благодѣяніемъ, Дженни по временамъ страдала истеріей, сохранивъ еще съ былого времени какой-то смутный страхъ и душевный трепетъ передъ какими-то грядущими, невѣдомыми бѣдствіями; впрочемъ, здоровье ея поправлялось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приступы этой непріятной болѣзни становились все рѣже и уже почти перестали повторяться. Однако, умственныя ея способности, несмотря на ея природный умъ, какъ бы притупились въ ужасной травлѣ, которую ей пришлось въ дѣтствѣ испытать, и все, что она учила, давалось ей хоть основательно и на всю жизнь, но съ большимъ трудомъ. Высшимъ же духовнымъ наслажденіемъ для Дженни было одержать побѣду въ родѣ только-что приведенной выше и, поэтому, отдавшись своему ликованію, она не слыхала, какъ отворилась дверь и вошелъ Сидней Керквудъ.

— О, какая жалость! Дѣдушка ушелъ съ однимъ господиномъ.

— Онъ поздно вернется?

— Не позже половины одиннадцатаго,—былъ отвѣтъ.

Сидней съ огорченіемъ оглянулся назадъ, думая, что вернуться домой значило бы преступить обычай многихъ лѣтъ и вдобавокъ идти такъ скоро опять обратно по улицамъ было для него не очень заманчиво; но колебаться было не въ его духѣ.

— Мнѣ бы хотѣлось, если позволите, посидѣть у васъ хоть немного, — откровенно проговорилъ онъ...—Если только я вамъ не помѣшаю.

— О, пожалуйста! Видите, я шью.

И Дженни снова принялась за работу.

Обыкновенно, бесѣдуя, старикъ Сноудонъ и Сидней съ особымъ удовольствіемъ дымили своими трубками; на этотъ разъ послѣдній воздержался, но несмотря на это чувствовалъ себя замѣчательно хорошо въ привычной, полюбившейся ему обстановкѣ.

Мирную тишину, обыкновенно прерываемую крикомъ малютки м-съ Біасъ, теперь ничто не нарушало; только рука Дженни мѣрно мелькала въ воздухѣ, и Сиднею пріятно было слѣдить за нею.

— А я сегодня была у Пеннилофъ! — проговорила Дженни послѣ довольно долгаго молчанія.

— Да? Ну, какъ же тамъ дѣла: все плохо?

— М-ръ Керквудъ! Не можете ли вы помочь? Поговорить бы съ Бобомъ, напримѣръ...

— Вся штука въ томъ, что я боюсь больше напортить, нежели принести пользы.

— Вы, значитъ, думаете... Но, Боже мой! можетъ быть, я именно такъ и поступаю! — воскликнула Дженни, опуская руки и глядя на Сиднея глазами, полными тревоги.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я увѣренъ, что вы *не можете* принести имъ вреда: ваша дружба—благодѣяніе для бѣдной Пенни. Она скучаетъ по васъ, если долго васъ не видитъ; но Бобъ—другое дѣло. Прежде онъ поддавался убѣжденіямъ даже въ шутливой формѣ и соглашался со мною, какъ съ другомъ, но теперь и видъ его, и обхожденье какъ бы говорятъ: — „Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ“... Вотъ если-бъ я былъ пасторомъ въ его околоткѣ...— онъ запнулся и вдругъ обоимъ до того смѣшно показалось такое смѣлое сопоставленіе, что Дженни весело и заразительно разсмѣялась.

За минувшіе годы Сидней отвыкъ не только смѣяться, но даже улыбаться; но въ послѣднее время на него большое вліяніе имѣло настроеніе тихой, искренней радости, которое вспыхивало иногда въ душѣ у Дженни и, прорываясь наружу, сообщалось окружающимъ. Съ самаго начала ихъ знакомства Снаудонъ и его тихій, сосредоточенный нравъ оказывали благотворное вліяніе на тревожный духъ Сиднея; а Дженни сперва не возбуждала въ немъ ничего, кромѣ того состраданія, какое онъ чувствовалъ нѣкогда, защищая ее отъ дождя и бури, кутая въ свой сюртукъ. Слѣдя за нею почти изо дня въ день, онъ съ удивленіемъ подмѣчалъ, что въ этомъ забитомъ, запуганномъ ребенкѣ кроются врожденные и свойственные всѣмъ счастливымъ дѣтямъ задатки счастья и чисто-дѣтской, беззаботной веселости. Какія муки должна была бѣдная Дженни терпѣть въ душѣ, когда ея чувства попирали безпощадно! Но дни невзгодъ для нея миновали и природа, наконецъ, брала свое. Сидней слишкомъ хорошо узналъ за это время Дженни и ея мельчайшія свойства, чтобы считать ее способной малодушно предаваться только своему личному счастію.

— Если тысячи бѣдняковъ и угнетенныхъ гибнутъ, подавленныя тяжестью своего неизмѣннаго ярма,—неужели не слѣдуетъ радоваться, если хоть одному живому существу судьба милостиво улыбнулась? — думалъ онъ. И ея смѣхъ, — какъ онъ различенъ отъ постоянной, безпричинной, такъ сказать, чисто-физической веселости, которая царитъ въ супружествѣ Біасовъ!—Однажды ея дѣдъ высказалъ Сиднею свое удовольствіе по поводу того, что онъ познакомилъ Дженни съ женою Боба Юэтта, и выразилъ серьезное желаніе, чтобъ она съ этихъ же поръ привыкала при-

нимать къ сердцу горести и нужды другихъ, которымъ она хоть немного въ состояніи помочь.

Итакъ, Сидней невольно подхватилъ ея веселый смѣхъ; но дѣло было серьезное, и Дженни скоро вернулась къ начатому разговору.

— Да, я теперь вижу, что это ужасно!—продолжала она.— Но бѣдная Пенни! она не виновата, что Бобъ относится къ ней такъ небрежно.

— То-есть, она въ этомъ невольно виновата. Но что̀ у нихъ за несчастная семья!

— Правда, она не умѣетъ водворить въ домѣ порядокъ,—согласилась Дженни,—и даже какъ-будто не можетъ понять, когда я объясняю, какимъ образомъ это можно сдѣлать.

— Въ томъ-то и корень зла! Ну, разсудите, Дженни: какую она получила подготовку къ жизни? Гдѣ и чему она могла научиться? Допустимъ худшее,—что Пенни стала бы вдругъ слѣдовать примѣру своей матери; кто же рѣшится ее осудить? Не можемъ же мы требовать какихъ-то чудесъ! Самое бо̀льшее, чего можно для нея желать, это чтобы Пеннилофъ вела себя прилично, но этого далеко еще недостаточно для того, чтобы привязать къ дому такого господина, какъ нашъ Бобъ. Не знаю даже, удалось ли бы это какой другой женщинѣ; но Пенни...

— Постойте! Я сама съ нимъ поговорю,—перебила Дженни.

— И поговорите! На это еще скорѣе есть надежда, чѣмъ на мои слова. Бобъ, къ сожалѣнію, человѣкъ слишкомъ самолюбивый; онъ недуренъ собой, неглупъ и поэтому высокаго мнѣнія о себѣ. Положимъ, ему нечего было такъ рано жениться; онъ и теперь еще почти мальчишка... А что̀, вы не слыхали: ходитъ онъ къ отцу?

— Не знаю,—опустивъ глаза, отвѣчала Дженни.

— А ему не мѣшало бы поберечь такого отца, лучше котораго, кажется, нѣтъ ни у кого на свѣтѣ!

Дженни молча подняла на него глаза, какъ-будто собираясь что-то спросить; но ей отвѣтомъ служили серьезность и задумчивость, написанныя на лицѣ Сиднея. И Дженни промолчала: очевидно, они подумали оба объ одномъ и томъ же—о Кларѣ и о тяжкомъ горѣ, которое она причинила отцу. Какъ разъ о немъ-то и хотѣлось бы Сиднею больше всего поговорить съ милой дѣвушкой, все больше и больше привлекавшей къ себѣ его вниманіе; но свое малодушіе онъ самъ передъ собой оправдывалъ, во-первыхъ, неизвѣстностью, что̀ именно она знаетъ изъ исторіи Клары и его отношеній къ ней; и во-вторыхъ, убѣждалъ

себя, что Дженни еще слишкомъ молода для того, чтобы съ нею говорить о такомъ предметѣ; время еще не ушло и чѣмъ позже, тѣмъ удобнѣе и проще можетъ состояться это объясненіе, которое онъ, Сидней, все-таки считалъ необходимымъ.

Сдѣлавъ усиліе надъ собой, онъ поборолъ волненіе, вызванное еще свѣжими воспоминаніями, и перевелъ разговоръ на безобидную и вполнѣ невинную тему воспоминаній о былыхъ прогулкахъ и лѣтнихъ удовольствіяхъ, которыя ему и Дженни были одинаково пріятны и дороги...

Четверти и половины одного, другого часа не шли, а летѣли незамѣтно для обоихъ собесѣдниковъ; оба беззаботно болтали и смѣялись...

— Дженни, а ты дала поужинать м-ру Керквуду? — раздался надъ ними голосъ Снаудона, который появился на порогѣ съ привѣтливой улыбкой на лицѣ.

— Поужинать? А я и думать забыла! — смѣясь, отвѣтила Дженни. Дѣдушка и Сидней тоже разсмѣялись; но какъ ни упрашивали засидѣвшагося гостя, онъ поспѣшно простился и ушелъ.

XIII.—Вотъ и сюрпризъ.

По многимъ соображеніямъ, Клемъ желала, чтобы ея свадьба была сыграна какъ можно скромнѣе и незамѣтнѣе; къ счастію для нея, женихъ ничего не имѣлъ противъ этого, и срокъ, установленный для оглашеній, прошелъ благополучно. Никому изъ родныхъ или близкихъ со стороны Пекковеровъ или Снаудоновъ въ голову не пришло за это время заглянуть въ листокъ оглашеній, который вывѣшиваютъ у зданія „регистраціи браковъ".

Въ этотъ промежутокъ Снаудонъ замѣчалъ за своей будущей супругой кой-какія странности, но ему въ голову не приходило, что могли означать ея проницательно-тревожные взгляды, ея нервный хохотъ или жестокость, которую онъ, неожиданно для нея, видѣлъ въ ея большихъ красивыхъ глазахъ. Поймавъ на себѣ пытливый взоръ жениха, Клемъ спѣшила ему улыбнуться и отвлечь его вниманіе шуткой или чѣмъ-нибудь постороннимъ.

За два дня до свадьбы она взяла отпускъ, и Джозефъ-Джемсъ Снаудонъ, самъ того не подозрѣвая, сидѣлъ у нея дома подъ строжайшимъ надзоромъ, не отходя ни на шагъ отъ удобнаго кресла, отъ вкусной и обильной закуски и ароматной трубки. На всѣ эти блага жизни, очевидно, не скупились ни м-съ Пек-

коверъ, ни ея дочь; первая даже дала ему взаймы денегъ, чтобы пріодѣться, и это его чрезвычайно подбодрило.

За день до свадьбы мать опять зашепталась со своей Клементиной:

— Нѣтъ, ужъ лучше ты сама!—говорила она.

— Еще что̀ выдумали! съ какой стати?—возражала невѣста. —Сами придумали, сами заварили кашу,—ну, и расхлебывайте! Вамъ-то и надо,—и никому другому!..

— Ага, значитъ, боишься? И кого? „Такого“ господина! Сознайся: просто тебѣ страшно передъ нимъ?

— Вотъ еще! Съ чего вы это взяли? — съ презрѣніемъ произнесла невѣста.

— А вотъ боишься!

— А вотъ нѣтъ!

— Если ты сама ему нѐ скажешь на другой... ну, на третій, что ли, день послѣ свадьбы, я сама еще раньше ему все разскажу, тебѣ на зло, на зло!

— Да, ну ужъ, хорошо: скажу! только у меня тутъ же будетъ наготовѣ ножъ, чтобы въ случаѣ чего такого... Пусть-ка сунется хоть пальцемъ меня тронуть!

Наканунѣ дня свадьбы Клемъ пригласила Дженни къ себѣ на новоселье:

— Приходи въ воскресенье посмотрѣть на мужа,—говорила она.—Это для тебя должно быть очень любопытно!

И Дженни приняла приглашеніе.

Но въ то же воскресенье поутру, когда въ церквахъ колокола призывали вѣрующихъ къ молитвѣ, Клемъ предварительно заговорила съ мужемъ, предупреждая его, что она имѣетъ сообщить ему нѣчто важное. Въ эту минуту правой рукой она опиралась на столъ, на которомъ лежалъ большой ножъ для хлѣба, а лѣвой сжимала какую-то бумажку.

— Ну, я слушаю. Въ чемъ дѣло? — мягко спросилъ онъ, однако покосился на бумажку у нея въ рукѣ.

— Ты ничего, не изъ сердитыхъ? — спросила Клемъ.

— О, мягче меня не найдется человѣка во всемъ мірѣ!— съ улыбкой проговорилъ онъ, а Клемъ отошла отъ стола и стала поодаль.

— Ну, такъ вотъ!—начала она нѣсколько смѣлѣе.—Ты вѣдь сыгралъ съ матерью плохую штуку, когда уѣхалъ, оставивъ у нея на рукахъ ребенка.

— Стой! Это еще что̀ за пѣсня?

— Но, конечно, было бы нехорошо, чтобы и тебѣ при-

шлось въ свою очередь такъ же плохо отъ чьей-нибудь невинной шутки... Такъ ли я говорю?

— Ну, дальше, дальше! Я и самъ чуть не догадался, что затѣвается какой-нибудь фокусъ. Милости просимъ, матушка; вываливай скорѣе!

— Ты, кажется, знаешь, что въ Австраліи у меня есть братъ? Смотри-ка: вотъ онъ что̀ намъ пишетъ.

Новобрачный взялъ въ руки письмо и прочелъ нижеслѣдующія полуграмотныя строки:

„Не начинаю съ любезностей, потому что это ужъ старая штука, и потому что пишу вамъ обѣимъ заразъ; давно уже у меня пера въ рукахъ не бывало. Если вы думаете, что я здѣсь коплю деньги, жестоко ошибаетесь: я ничего домой послать не могу. Я и такъ-то едва самъ существую. Кстати, вотъ что̀ я вамъ хотѣлъ сообщить. Не такъ давно я повстрѣчался съ однимъ молодцомъ Снаудономъ; это братъ того, *нашего* Снаудона. Поговариваютъ, что онъ здорово набилъ себѣ карманъ, а Недъ Вильямсъ говоритъ, что наслѣдство у него считалось будто бы въ нѣсколькихъ тысячахъ и теперь, когда онъ утонулъ (а съ нимъ вмѣстѣ и старикъ-отецъ), эти деньги принадлежатъ его брату. Тотъ теперь должно быть въ Англіи. Не мѣшало бы вамъ его отыскать и вытребовать отъ него все, что̀ онъ вамъ долженъ. Не знаю, что̀ могъ бы я вамъ еще такое сообщить, потому что даже не знаю ни нынѣшняго своего адреса (хитрое такое слово!), ни гдѣ я буду, когда придетъ вашъ отвѣтъ. Желаю счастья и всего хорошаго. Съ совершеннымъ почтеніемъ Вашъ В. П.“

Во время чтенія Снаудонъ почесывалъ въ затылкѣ, а подъ конецъ даже выпятилъ впередъ нижнюю губу. Улыбка на лицѣ у него пропала, но зато не было и взрыва бѣшенаго негодованія, къ которому приготовилась-было новобрачная.

— Ха-ха-ха! Такъ вотъ въ чемъ ваша штука! Что жъ, я не отпираюсь. Только теперь, когда скрываться ужъ не стоитъ, ты можешь мнѣ, надѣюсь, сообщить, гдѣ мой отецъ и моя Дженни?

— Живутъ здѣсь недалеко по сосѣдству!—былъ отвѣтъ, и Клемъ, счастливая тѣмъ, что отдѣлалась такъ благополучно, разсказала мужу все, что̀ знала про Михаила Снаудона, про его внучку и его дѣла. Между прочимъ она вычитала въ нѣсколькихъ газетахъ заявленіе о томъ, что разыскиваютъ наслѣдника Джозефа-Джемса Снаудона чрезъ посредство банкирской конторы „Персиваль и Пиль“.

— Однако, вы съ маменькой пройдохи, нечего сказать!—съ

невольнымъ восхищеніемъ говорилъ Джозефъ. — Одного я въ толкъ не возьму: почему моему братцу вздумалось отказать мнѣ свои капиталы? Такъ старикъ, значитъ, побывалъ въ Австраліи? Что же, и это весьма возможно, только никогда (сколько мнѣ помнится) не видно было особой привязанности между нимъ и „старикомъ“... А право, я не прочь бы, чтобы все это оказалось—чепуха: вотъ бы посмотрѣть, какъ бы ты тогда запрыгала... А въ общемъ для тебя вѣдь все-таки не дурно, что я человѣкъ такой добросердечный?

Такой оборотъ бесѣды, несмотря на улыбку „добросердечнаго“ супруга, заставилъ Клемъ насторожиться. Она подошла опять къ столу, поближе къ ножу.

— Дай-ка мнѣ адресъ моей родни. Пойду хоть погляжу, на что стала похожа Дженни?

— Подожди, ты ее сейчасъ самъ увидишь, она придетъ въ двѣнадцать часовъ.

— А! Ну, что же, и прекрасно! Дай-ка мнѣ сюда пробочникъ, я откупорю водку. Позволите вамъ предложить рюмочку, миссисъ Клемъ? Ну, какъ угодно! Подите, покажитесь вашей маменькѣ, чтобы она знала, что вы живы и невредимы, и дайте мнѣ знать, когда придетъ Дженни. А я пока здѣсь немножко помечтаю... это для меня необходимо...

Черезъ четверть часа Клемъ ввела къ нему въ комнату молодую дѣвушку, которая смотрѣла вокругъ съ любопытствомъ и робостью. Клемъ забавлялась ея смущеніемъ:

— Вы знаете, кто это такой?—спросила она, указывая на своего мужа.—Нѣтъ? А *вамъ* бы, именно *вамъ* надо бы это знать! —Но Дженни сильнѣе прежняго зардѣлась и видимо тщетно старалась сообразить, что бы это значило.

— А я бы, Дженни, ни за что тебя не узналъ! — подходя къ ней и запустивъ руки подъ полы сюртука, проговорилъ Джозефъ.—Да отца-то своего ты развѣ позабыла?

Нѣтъ, теперь она припомнила, узнала. Узнала безъ особенно пріятнаго волненія и лицо, которое никогда не имѣла причины полюбить, и голосъ, звукъ котораго, положимъ, перенесъ ее въ далекую пору ранняго дѣтства, но зато пробудилъ лишь такой трепетъ въ сердцѣ, какой бывалъ у нея, напримѣръ, передъ заболѣваніемъ. И Дженни поводила вокругъ растерянными, затуманенными глазами.

— Присядь, присядь!—заговорилъ отецъ съ искренней лаской въ голосѣ.—Тебѣ это не подъ силу... я только-что самъ испы-

талъ нѣчто въ этомъ же родѣ. Клемъ, подлей-ка въ стаканъ воды; это ей будетъ полезно!

Но самый запахъ ненавистной водки уже помогъ Дженни очнуться; она покачала отрицательно головой и отставила въ сторону стаканъ. Водворилось неловкое молчаніе.

— Дженни!—начала молодая м-съ Снаудонъ.—Вотъ онъ хочетъ повидаться съ отцомъ (на то были особыя причины, почему онъ не могъ собраться до сихъ поръ). Не лучше ли отправиться сейчасъ же, а, Джо?

Дженни встала, дождалась, пока онъ надѣлъ шляпу и перчатки, и вышла на улицу, безсознательно идя рядомъ съ нимъ.

— А изъ тебя вышла премиленькая дѣвушка. Очевидно, дѣдушка хорошо о тебѣ заботился. Я думалъ, что мнѣ лучше его не тревожить, пока не устроюсь... вотъ и не шелъ къ вамъ,— сказалъ онъ, стараясь говорить непринужденно.—Я думаю, онъ часто говоритъ съ тобою обо мнѣ?

— Не очень,—былъ тихій отвѣтъ.

— Ну, ничего, ничего: все скоро придетъ въ порядокъ. Ты у него вѣрно за хозяйку?

— Я хожу на работу.

— На работу? Какъ же такъ?

— Вамъ развѣ миссъ Пекковеръ не говорила?

Джозефъ расхохотался. Дженни, очевидно, не могла сразу освоиться съ происшедшимъ, и это его забавляло.

— Ты хочешь сказать: моя жена? — поправилъ онъ.— Нѣтъ, ничего не говорила, вѣрно такъ къ слову не пришлось. Но я въ восторгѣ, что вы съ нею такіе друзья! Доброй души дѣвушка, а?

Дженни пробормотала что-то въ знакъ согласія.

— Дѣдушка вѣрно часто разсказываетъ тебѣ про Австралію и про твоего дядю, который тамъ умеръ?

— Нѣтъ, онъ не говоритъ ничего про Австралію, про дядю я тоже ничего не знаю.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Гм!.. Гм!..

Джозефъ продолжалъ допросъ до самаго дома.

— Знаешь, я лучше войду къ нему одинъ, — заключилъ онъ, входя на крыльцо.—У него нѣтъ тамъ никого чужого?

— Нѣтъ. Я доведу васъ до дверей.

Затѣмъ Дженни вернулась въ свою комнатку и нѣсколько времени сидѣла безъ мысли, безъ движенія...

XIV.—Снаудонъ-младшій.

Снаудонъ-старшій (т.-е. Михаилъ Снаудонъ) съ дѣтства не имѣлъ случая сдѣлаться формалистомъ въ дѣлѣ религіозныхъ убѣжденій: рабочимъ классамъ некогда передохнуть, не то что ходить въ церковь или изучать тонкости библейской мудрости. Всѣ свои нравственныя убѣжденія старикъ почерпнулъ изъ библіи, которую понималъ скорѣе сердцемъ, нежели умомъ. И Дженни не любила обрядовыхъ сторонъ своей вѣры: ее не тянуло ни въ церковь, ни на крестные ходы; „блестящія шествія арміи спасенія“ ошеломляли, озадачивали ее, но не имѣли для нея притягательной силы. Она, какъ и дѣдъ, почерпала свои нравственныя силы отчасти въ библіи, отчасти же прямо изъ жизни, на которую старикъ старался направлять ея вниманіе съ цѣлью пробудить въ ней чувства любви и состраданія къ ближнему. Получивъ весьма скудное образованіе, Снаудонъ читалъ съ трудомъ и къ книгамъ, кромѣ библіи, его не тянуло; тѣмъ болѣе, что его собственныя житейскія радости и горести за минувшія семьдесятъ лѣтъ давали ему обильную пищу для размышленій.

По обыкновенію углубившись въ нихъ, онъ сидѣлъ однажды у окна, и если бы не открытые глаза, можно было бы подумать, что онъ дремлетъ, судя по склоненной головѣ и опущеннымъ плечамъ. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ сначала его сынъ Джозефъ, пока старикъ не поднялъ головы.

Онъ сразу узналъ сына, приподнялся и протянулъ ему на встрѣчу обѣ руки:

— Джо? Наконецъ-то!.. А я только-что о тебѣ думалъ; только я видѣлъ тебя еще совсѣмъ мальчишкой.

— Я даже удивляюсь, что вы меня вообще узнали,—замѣтилъ Джо.—Шутка ли, семнадцать лѣтъ мы не видались? Дженни только это припомнила, когда меня узнала.

— Дженни? А гдѣ ты ее видѣлъ?

— У меня дома: она туда пришла, не зная, что меня увидитъ. Я вѣдь женился на миссъ Пекковеръ... Да сядь же, отецъ, сядь! Поговоримъ спокойно.

— Женился на миссъ Пекковеръ? Чего жъ ты давно не пришелъ?

Джозефъ далъ отцу приблизительно тѣ же объясненія, что и Дженни; только по разговору и тѣлодвиженіямъ было замѣтно,

что онъ считаетъ старика сильно ослабѣвшимъ умственно и физически.

— Ты хочешь Дженни взять къ себѣ?—спросилъ послѣдній.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Ей, видно, у васъ хорошо живется. И наконецъ, это даже ея долгъ — услаждать, насколько возможно, ваши преклонные годы. Мнѣ теперь жаль, что этого долга не исполнили ни я, ни братъ Михаилъ. А кстати: что онъ? Не можете ли вы сказать?

— Онъ умеръ въ Австраліи; вотъ уже пятый годъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, въ Америкѣ я побывалъ, а до Австраліи не могъ добраться... Онъ, значитъ, умеръ? Ну, надѣюсь, ему везло больше моего?

Старикъ молча оглядывалъ сына.

— Ну, тебѣ, на взглядъ, живется недурно. Какъ твои дѣла?

— Да пока нельзя ни жаловаться, ни особенно похвастать. За тѣ два года, что я здѣсь, я кое-какъ перебивался. Служилъ я то въ агентствахъ, то въ конторахъ объявленій,—словомъ, хоть то хорошо, что жилъ честнымъ трудомъ. Но теперь надо надѣяться, что дѣла пойдутъ немного получше: и у меня есть свой уголъ, и вы съ Дженни тутъ, рукой подать... Если позволите, буду васъ навѣщать?

— Будемъ надѣяться, что ты сдѣлаешься у насъ частымъ гостемъ, — проговорилъ старикъ по прежнему сдержаннымъ и серьезнымъ тономъ: — семнадцать лѣтъ не мало времени; я успѣлъ состариться; я говорю и дѣлаю все не спѣша... и лучше было бы, если-бъ я научился этому съ самаго начала! Такъ вотъ, мы съ тобой, такъ сказать, отвыкли другъ отъ друга и столковаться намъ скоро нельзя. Времени впереди довольно.

— Совершенно вѣрно! Я и самъ думаю, что надо бы намъ обоимъ поставить дѣло такъ, какъ оно и должно быть между сыномъ и отцомъ. Надѣюсь, ты меня понимаешь?

Старикъ, не поднимая глазъ, кивнулъ головой, и Джо предложилъ позвать Дженни, чтобы посидѣть всѣмъ вмѣстѣ „по семейному“.

Бѣдняжка вошла на зовъ дѣда, но ей было все еще не по себѣ, хотя отецъ держалъ себя мило и скромно, и даже выказалъ какъ бы сожалѣніе, что пора разставаться.

Домой онъ вернулся не въ духѣ и, сообщивъ о своей тревогѣ женѣ и ея матери, рѣшилъ отправиться за болѣе точными свѣдѣніями къ тому нотаріусу, о которомъ упоминалось въ письмѣ молодого Пекковера.

Судьба заставила его столкнуться тамъ же, на лѣстницѣ, съ

какимъ-то довольно красивымъ господиномъ, который поднимался вверхъ по лѣстницѣ скорымъ шагомъ, какъ „свой человѣкъ“.

— Вы къ намъ по дѣлу?—спросилъ онъ, и въ тотъ же мигъ оба удивленно взглянули другъ на друга.

— А!.. Какъ поживаете?—какъ-то неувѣренно привѣтствовалъ Скауторна Дж. Снаудонъ.

— Вы, собственно, къ м-ру Персивалю? За справкой? Его нѣтъ дома и онъ еще долго не вернется; но я могу вамъ сдѣлать все, что̀ угодно, какъ онъ самъ бы сдѣлалъ.

— Но въ такомъ случаѣ, не лучше ли намъ пойти потолковать въ другомъ мѣстѣ?—предложилъ Снаудонъ, и вскорѣ знакомые уже сидѣли въ тихомъ ресторанчикѣ, за столикомъ, на которомъ появилось пиво.

— Не знаете ли вы, что̀ произошло дальше съ дѣломъ Снаудона, Джозефа-Джемса Снаудона? Его разыскивала чрезъ объявленіе въ газетахъ ваша же контора.

— А! Какъ же, какъ же! Помню.

— Такъ вотъ, я и желалъ бы знать: можетъ ли быть полезно для этого самаго Снаудона теперь откликнуться на этотъ зовъ? Онъ мнѣ приходится сродни.

— Сродни?

— То-есть, я, кажется сказалъ, что онъ мой хорошій знакомый. Впрочемъ, вамъ не особенно пріятно говорить о дѣлѣ? Такъ прошу васъ представить меня м-ру Персивалю.

— Подъ именемъ Кэмдена?

— Къ чорту его! Мое настоящее имя Снаудонъ. Теперь, когда уже устроились кой-какія дѣлишки, которыя мѣшали мнѣ прежде, я могу говорить прямо.

— Вотъ какъ?!. Но почемъ я знаю?..

— Можете справиться у меня на дому (я вѣдь женатъ и живу въ Кларкенуэлѣ) или, вдобавокъ, у отца моего, въ Ислингтонѣ. Такъ если можете, скажите мнѣ, какъ обстоитъ мое дѣло; только мнѣ хотѣлось бы узнать объ этомъ безъ вѣдома отца.

— Извольте! Могу вамъ сказать, что въ этомъ объявленіи значилось единственно желаніе, чтобы Джозефъ-Джемсъ Снаудонъ явился къ Михаилу Снаудону; только и всего!

— О, я уже являлся къ нему, но онъ ничего новаго мнѣ не сказалъ, насколько я могъ замѣтить.

— Ну, такъ и отъ м-ра Персиваля вы ничего больше не узнаете.

— А сами-то вы больше ничего не знаете навѣрно?

— Этого я не говорю. Сначала вы мнѣ разскажите про себя

побольше! — заключилъ Скауторнъ, и подъ вліяніемъ напитковъ бесѣда вскорѣ приняла такой интимный характеръ, что Джозефъ Снаудонъ, увлекшійся своими признаніями, вынужденъ былъ понизить голосъ.

Разставаясь, они сговорились сходиться часто, но въ разныхъ мѣстахъ; а по дорогѣ домой, удрученный думами, Джозефъ зашелъ еще въ пивную.

Пробывъ тамъ минутъ десять, онъ вышелъ; на лицѣ у него мелькала лукавая усмѣшка.

— Джо! Это ты?—крикнула ему Клемъ, когда онъ входилъ къ себѣ въ домъ.

— Я! А то кто же? Поди-ка сюда. Да поворачивайся, когда говорятъ!—Клемъ сбѣжала внизъ, тревожно глядя ему въ лицо.

— Ну, что-жъ молчишь?—вскричала она внѣ себя.

— Еще успѣешь, матушка, успѣешь! Ты права: старикъ, какъ сыръ въ маслѣ, катается въ деньгахъ.

— А твоя доля?

— Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!..—мужъ ея расхохотался.

— Да говори же, наконецъ!—свирѣпо приказала Клемъ.

— Скажу, конечно, успокойся! Вотъ такъ потѣха! Вамъ, сударыня, *вчера* угодно было потѣшаться; сегодня моя очередь! Имѣю честь вамъ доложить: доли моей не существуетъ! Ни гроша!.. Ни полушки!.. Кушайте на здоровье и скажите, какъ вамъ понравилось такое угощеніе?.. Ха-ха-ха!

— Ты... врешь!—кричала Клемъ, вся красная отъ гнѣва.

— За всю мою жизнь ни разу не совралъ!—заливаясь хохотомъ, повторялъ Снаудонъ, которому послѣдняя кружка пива придала способность веселиться, глядя на разъяренную фигуру своей здоровенной супруги, которая бѣсилась, ругаясь какъ сапожникъ.

— Поддай! Поддай еще, мой ангелъ! Когда ты успокоишься немножко, я тебѣ объясню, какъ это вышло.

Въ эту минуту появилась м-съ Пекковеръ и спросила.

— Ну, что случилось?

— Войдите, войдите, если вамъ угодно знать! Полюбуйтесь, какъ вы меня подвели. Не я ли вамъ тогда же говорила, что мы можемъ промахнуться? Да, да! — кричала Клемъ, не помня себя отъ гнѣва.

— Да, маменька: вотъ какія вѣсти!—кивая головой, поддакнулъ Джозефъ.—Такъ вы, значитъ, воображали, что у меня есть деньги? Ха-ха-ха!

— И есть, конечно! Нечего вамъ комедію ломать; лучше бы вы не притворялись... Намъ хорошо извѣстно...

— Какое уже тутъ притворство! Михаилъ Снаудонъ, мой старшій братъ, умеръ въ Австраліи, а вмѣстѣ съ тѣмъ умеръ его сынъ и наслѣдникъ: оба утонули. Завѣщанія не было никакого; жена умерла еще раньше его, а законъ говоритъ... Ну, какъ вамъ кажется: что говоритъ законъ? Всѣ деньги старику и баста! Я не имѣю права ни на грошъ!

— Ты... врешь!—кричала Клемъ, не помня себя отъ ярости.

— Удивительно, право: почему ты не можешь отнестись къ этому добродушно? Смотри, какъ я отнесся къ твоимъ шуткамъ. Другой на моемъ мѣстѣ избилъ бы тебя, кости твои сокрушилъ бы, а я что сдѣлалъ?.. Такъ-то, ангелъ мой!

Однако, на этотъ разъ, казалось, Джозефъ далеко не съ мирными намѣреніями всталъ и какъ бы готовился грудью дать отпоръ врагу. Но миссисъ Пекковеръ смотрѣла на дѣло гораздо спокойнѣе. Она разняла ссорившихся супруговъ и объявила:

— Совершенно нелѣпо вздорить изъ-за ничего... тѣмъ болѣе, когда дѣло еще поправимо. Конечно, старикъ непремѣнно откажетъ сыну богатое наслѣдство, если только приняты будутъ надлежащія мѣры. Чѣмъ горячиться, лучше бы всѣмъ намъ сойтись, да подумать, что надо предпринять для достиженія успѣха. Поди, Клемъ, принеси бутылочку пива и... не будь дурой!..—прибавила она въ видѣ заключенія.

XV.—Проблески счастья.

По примѣру прошлаго года, старикъ Снаудонъ съ внучкой и съ другомъ своимъ Сиднеемъ разрѣшилъ себѣ провести недѣльку въ деревнѣ, на лонѣ природы. Сидней и Дженни брали отпускъ изъ своихъ мастерскихъ, и послѣдняя всецѣло предавалась пріятному отдохновенію. Та же ферма того же фермера, что и въ минувшее лѣто, пріютила ихъ на эти дни; такой же добродушный, какъ и тогда, м-ръ Памментеръ словоохотливо распространялся своимъ бодрымъ голосомъ на удручающую тему о недочетахъ сельскаго хозяйства. Онъ предавалъ проклятію и несогласія землевладѣльцевъ съ крестьянами-землепашцами, и недостатокъ въ удобреніи, въ которомъ нуждались сельскія нивы; и недоразумѣнія, возникающія безпрестанно между помѣщиками и арендаторами... Сидней выслушивалъ его, сочувственно улыбаясь и любовался весельемъ, которое поднялось въ многочисленной семьѣ

Памментеровъ при появленія Снаудона, а главное Дженни. Старшая изъ семерыхъ дѣтей фермера, румяная, какъ яблочко, но неуклюжая дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, не отходила отъ нея ни на шагъ. Ихъ говоръ и смѣхъ доносились къ собесѣдникамъ все слабѣе и слабѣе; но порой грубоватые раскаты хохота деревенской простушки заглушались звонкимъ, серебристымъ, сердечнымъ голосомъ Дженни.

Деревушка Данбери, въ видѣ густолиственнаго, лѣсистаго пространства, подымалась по направленію къ сельской церкви. Весь фронтонъ фермы тонулъ въ зелени вьющихся и душистыхъ растеній, дикаго винограда, жимолости; въ саду какъ жаръ горѣли подсолнечники и прочіе цвѣты и растенія. На черепичной кровлѣ ворковали голуби; въ конюшнѣ раздавались удары копытъ объ стѣну... Дженни всему радовалась, во всемъ узнавала знакомое и милое ей, вотъ ужъ третье лѣто; Сидней тоже былъ замѣтно счастливъ отдохнуть; и только къ радости старика Снаудона примѣшивалась грусть.

„На слѣдующій годъ они, пожалуй, пріѣдутъ сюда безъ меня, одни“... думалъ онъ, чувствуя, что силы его слабѣютъ, что даже дорога изъ города сюда уже утомила его.

Послѣ ужина Сидней остался одинъ и пошелъ впередъ, въ садъ, на голоса, но не особенно удачно; не онъ—Дженни, а она его нашла, притаившагося за какимъ-то большимъ, густолиственнымъ деревомъ.

— А я-то васъ искала! Думала, вы ушли на село,—проговорила она и, какъ ни тихо звучалъ ея голосъ, умолкла, уступая вліянію обаятельной ночной тиши.

Сидней тоньше и, такъ сказать, болѣе сознательно воспринималъ впечатлѣнія отъ красотъ природы; но Дженни отдавалась имъ всей своей беззавѣтной, дѣтски-ясною душой. Она не поняла его чувствъ и не могла бы раздѣлить его впечатлѣній; но обоимъ было такъ хорошо на сердцѣ и такъ отрадно.

Чуть слышно, какъ бы боясь нарушить чары этой дивной ночи, Сидней заговорилъ о старикѣ, котораго они оба любили:

— Намъ надо быть съ нимъ поосторожнѣе и не слишкомъ его утомлять; мнѣ кажется, что въ сущности онъ гораздо слабѣе, чѣмъ можно предположить, на него глядя...

— Да! И я замѣтила, что онъ какъ-то храбрится, а все-таки чувствуетъ себя хуже съ тѣхъ поръ, какъ отецъ вернулся,—подхватила Дженни.—Ужъ не боится ли онъ, что я отъ него уйду? Но я его ни за что не оставлю! Что бы со мной было,

если-бъ не онъ? Я обязана любить отца; но кто же мнѣ помогъ „тогда“, какъ не дѣдъ?..

Она умолкла, охваченная волненіемъ.

— А мнѣ такъ стыдно самого себя, — помолчавъ, началъ Сидней.—Въ то время я васъ уже зналъ, и хоть немного могъ бы вамъ придти на помощь, и... ничего для васъ не сдѣлалъ, точно какой-нибудь чужой!..

— Нѣтъ, вы сдѣлали, и даже очень многое! — горячо вырвалось у Дженни.—Вы забыли, но я твердо помню! Вы были такъ ко мнѣ добры, вы такъ меня поддерживали своимъ сердечнымъ участіемъ... А помните, какъ вы меня укутывали въ свою куртку, когда лилъ дождь и шумѣла буря?

— Ну, Дженни! Это было такъ давно...

— А все-таки я не забуду никогда! Никогда! Вы одинъ были моимъ другомъ...

— Нѣтъ; еще кто-то другой заботился о васъ...

Дженни подняла на него глаза и тотчасъ же ихъ опустила.

— Вы не забыли;—такъ вѣдь?

— Такъ!..

— Скажите же, кто этотъ другъ?

— Миссъ Юэттъ.

— Я только того и хотѣлъ, чтобъ вы ее назвали сами!— проговорилъ Сидней.—Помните, когда мы съ вами вдвоемъ дожидали вашего дѣдушку? Тогда у меня было то же желаніе,—поговорить о ней, какъ говорятъ о дорогихъ, но безвозвратно отшедшихъ, умершихъ людяхъ...

Тихая, таинственная ночь; мерцаніе и тѣни лунныхъ лучей на умиленномъ лицѣ милой дѣвушки; ароматъ цвѣтовъ, которымъ былъ полонъ воздухъ, ее окружавшій,—все это помогло Сиднею неожиданно заглянуть къ себѣ въ душу и прочесть тамъ нѣчто для него новое и неизъяснимо отрадное... Онъ готовъ былъ признаться ей тотчасъ же въ своихъ думахъ; но не посмѣлъ смутить душевный покой такого юнаго, невиннаго и дорогого ему существа.

— Мнѣ часто случалось желать, чтобъ судьба привела ее увидѣть и поблагодарить за ея заступничество, котораго я никогда не позабуду!—дрогнувшимъ голосомъ сказала Дженни.

— Въ такомъ случаѣ я постараюсь вспоминать теперь о прошломъ съ меньшей горечью и досадой,—рѣшилъ Сидней.— Намъ не дано измѣнить ничего, что прошло; но зато мы можемъ стараться помнить лишь лучшія стороны его. Надѣюсь, вы вообще рѣдко оглядываетесь на прошлое?

— Напротивъ. Дѣдушка желаетъ, чтобы я ничего не забывала,—тихо сказала Дженни, и оба, не спѣша, пошли, задумавшись, домой.

У крыльца они разстались; но Сиднею захотѣлось опять на просторъ, въ открытое поле, гдѣ можно бродить, бродить хоть до утра...

Чуть свѣтъ, Сидней Керквудъ уже проснулся и всталъ, какъ только въ домѣ всѣ зашевелились. Ему живо припомнился вчерашній разговоръ о Кларѣ; онъ почти пожалѣлъ, что заговорилъ о ней. Но къ чему было замалчивать свое признаніе въ любви къ ней самой, къ Дженни? Быть можетъ, еще долго не представится другой такой удобный случай?..

Но случай представился; и даже очень скоро.

Въ понедѣльникъ, по обыкновенію, Паммертонъ поѣхалъ въ городъ, прихвативъ съ собою нѣкоторыхъ изъ дѣтей, чтобы тѣ побывали у своихъ родныхъ. На этотъ разъ была приглашена и Дженни. Ея дѣдъ и Сидней на цѣлый день осиротѣли.

— А я хотѣлъ бы кое-въ-чемъ признаться вамъ, — началъ Сидней.

— Да? Въ чемъ же это?

— Надѣюсь, что вамъ это не покажется особенно непріятно: я хочу поговорить съ вами насчетъ Дженни. Съ тѣхъ поръ, какъ вы взяли ее къ себѣ, она ужъ больше не ребенокъ; и я особенно опредѣленно почувствовалъ это вчера... Я былъ бы счастливъ, если бы и въ ней произошла такая перемѣна... относительно меня!

Старикъ Снаудонъ, видимо, волновался больше, чѣмъ самъ Сидней. Онъ поднялъ руку и прикрылъ ею глаза, какъ бы защищая ихъ отъ свѣта; но въ улыбкѣ, съ которою онъ къ нему обратился, не было ничего, кромѣ ласки и сочувствія.

— Ничто на свѣтѣ не могло бы такъ порадовать меня!— проговорилъ онъ чуть слышно.—И она знаетъ? Вы ей сказали?

— Мы говорили о прежнихъ годахъ и, вспоминая о Кларѣ, я сказалъ, что забылъ про все, за исключеніемъ того, что она была для Дженни другомъ. Вотъ и все!.. Я думалъ, что лучше обратиться къ вамъ сначала. И, можетъ быть, она... Я такъ много старше ея...

— Много старше? Полноте! Въ моихъ глазахъ вы оба еще дѣти,—съ улыбкою проговорилъ старикъ.—Постойте, и мнѣ тоже надо бы кое-что вамъ разъяснить... Дайте только съ мыслями собраться.

Сидней за это время почти не думалъ о томъ, что въ жизни старика было, вѣроятно, много страннаго, что̀ тотъ могъ пожелать когда-нибудь разъяснить. Съ тревогой сталъ онъ вслушиваться въ слова Снаудона.

— Я, кажется, вамъ говорилъ,—началъ тотъ,—что у меня было всего четверо сыновей: двое среднихъ,—самые лучшіе, любившіе меня,—умерли въ молодыхъ годахъ; Джозефъ—младшій, вамъ уже знакомъ, а старшій, Михаилъ,—вылитый я самъ,—больше всего причинялъ мнѣ горя, на ряду съ Джозефомъ. Но я вамъ еще ни слова не сказалъ (и по сейчасъ еще никто не знаетъ), что этотъ самый Михаилъ умеръ въ Австраліи одновременно со своимъ единственнымъ сыномъ, а всѣ его капиталы перешли по наслѣдству... ко мнѣ!

Снаудонъ глубоко, но съ облегченіемъ перевелъ духъ:

— Этимъ надо было бы закончить,—замѣтилъ онъ:—но такъ тяжело мнѣ было скрываться передъ вами, что я радъ облегчить сердце признаніемъ. Я все вамъ откровенно разскажу; я не боюсь, что вы осудите меня: *вы* меня поймете!..

„Такъ вотъ, жизнь начала давить меня, когда я только-что родился; но я не чувствовалъ ея полнаго гнета лѣтъ до тринадцати, когда осиротѣлъ. Мои отецъ и мать умерли отъ голода и холода въ одну и ту же зиму; я сталъ ходить по сосѣдямъ „побираться“: кто дастъ корку хлѣба, кто щепокъ, чтобы развести огонь. Былъ у насъ въ домѣ одинъ старикъ, который держалъ собакъ. На лѣстницѣ я увидалъ какой-то завалящій кусокъ мяса,—вѣрно собака потрепала его и швырнула. Я бросился къ нему и съ жадностью принялся рвать его зубами... Какъ сейчасъ, вспоминаю это страшное ощущеніе холода и жадности отъ голода!.. Объ ученіи, конечно, нечего было думать; читать и писать, съ грѣхомъ пополамъ, я выучился почти самоучкой и къ девятнадцати годамъ, наконецъ, получилъ постоянную работу; а въ двадцать-пять могъ уже заработать фунтъ стерлинговъ въ недѣлю. Какъ же такому обезпеченному человѣку не думать о женитьбѣ?.. И я женился.

„Но моя Дженни, хорошенькая, нѣжная дѣвочка (Дженни похожа на нее, но бабушка была куда красивѣе!) не могла и не умѣла приноровиться къ скудному житью-бытью, въ которомъ я предъявлялъ ей слишкомъ большія требованія. Я думалъ, что могу что-нибудь сберегать на черный день, а ей и на хозяйство не всегда хватало. Тамъ пошли дѣти,—и стало еще того хуже! Я началъ истязать бѣдную женщину своими придирками и грубостью въ первый же мѣсяцъ нашей брачной жизни. Ужасное

дѣло! Чѣмъ дальше, тѣмъ все неосновательнѣе она поступала; тѣмъ туже затягивалась петля недоразумѣній и нужды. Дженни совершенно не умѣла распоряжаться деньгами и терзалась невообразимо, видя, что безпрестанно раздражаетъ меня. Съ горя она стала пить; наконецъ, заболѣла и болѣзнь, кажется, разстроила въ конецъ ея умственныя способности; я потерялъ всякую власть надъ нею и она часто говорила, что давно бы бросила меня, если бы не дѣти. Я тоже часто ей грозилъ, что не выдержу и ее брошу.

„Однажды такъ и случилось, что я вышелъ изъ себя, пробродилъ по городу весь день и даже на ночь не пришелъ домой. Я былъ на работѣ, какъ всегда, и только во время обѣда меня охватилъ страхъ за домашнихъ. Я бросился домой... На лѣстницѣ старшій изъ мальчиковъ, Мика, забавлялся игрушками и сказалъ мнѣ, что мама спитъ. Но Дженни не спала. Она лежала на постели, одѣтая, какъ-то странно раскинувъ руки... мертвая, мертвая!..

„Это я, я убилъ ее своимъ обращеніемъ! Я измучилъ, истерзалъ ее своими требованіями, чтобы она такъ же точно морила себя голодомъ ради экономіи, какъ это дѣлалъ я. Помните того господина, который читалъ лекцію о причинахъ пауперизма? Помните, онъ говорилъ, что бѣдняки сами виноваты въ своей бѣдности; что они не умѣютъ сдерживать себя и экономить? Все это хорошо и прекрасно только на словахъ. Пусть бы богачи попробовали сами, что̀ значитъ „экономія“ для бѣдняка, нуждающагося въ необходимомъ! Такого самоотреченія не только выполнить на дѣлѣ, но даже и представить себѣ не въ состояніи ни одинъ богатый человѣкъ!.. Поняли вы теперь, почему я такъ возмущаюсь, когда при мнѣ заговариваютъ объ этомъ?

„Судьба жестоко и справедливо наказала меня: двое сыновей, самые нѣжные ко мнѣ, рано сошли въ могилу; Джозефъ пропалъ безъ вѣсти; Михаилъ знать меня не хотѣлъ. Однажды, за два года до своей смерти, онъ вызвалъ меня къ себѣ и всѣми силами, повидимому, старался загладить прошлое. Въ то время онъ уже значительно нажился, но на такомъ дѣлѣ, которому я не сочувствовалъ. Онъ былъ, такъ-сказать, барышникомъ: перепродавалъ гуртомъ скотъ, покупалъ и съ большими барышами продавалъ участки земли. Когда онъ умеръ,—будь я помоложе,—я, вѣроятно, хоть немного утѣшился бы возможностью пожить безбѣдно; но на старости лѣтъ мнѣ, человѣку усталому и одинокому, богатство было только излишнею обузой. Я ни въ чемъ не измѣнилъ ни своей одеждѣ, ни образу жизни и началъ-было

уже подумывать о томъ, чтобы пожертвовать весь капиталъ какому-нибудь благотворительному или учебному учрежденію; но вдругъ вспомнилъ, что у Джозефа былъ ребенокъ, по всей вѣроятности, оставленный въ Лондонѣ... Остальное вы знаете.

„Теперь моя сердечная мечта, цѣль всего, что я до сихъ поръ дѣлалъ для этого ребенка, для моей Дженни, это—сдѣлать изъ нея искреннюю, убѣжденную утѣшительницу несчастныхъ и угнетенныхъ.

„А силою собственнаго тяжкаго опыта, цѣной своей жизни, своего личнаго счастья, я пришелъ къ убѣжденію, что истинную помощь подать бѣдняку, понять его нужды и стремленія можетъ только человѣкъ, вышедшій изъ народа и самъ выстрадавшій, вынесшій на своихъ плечахъ тѣ же невзгоды и лишенія, которыя терпитъ весь рабочій людъ, вся наша „меньшая братія“.

„Я задумалъ сдѣлать изъ Дженни такого именно человѣка, такую труженицу и работницу, которая на дѣлѣ была бы знакома со всѣми потребностями рабочихъ классовъ... На это м-ръ Персиваль, которому я открылся, возражаетъ, что она выйдетъ замужъ и мужъ ея можетъ погубить все дѣло, но если найдется человѣкъ единомыслящій и самъ настроенный на такой идеа́льный ладъ...

— И найдется, Богъ милостивъ!—возразилъ я ему.

— А, Сидней? Вѣдь найдется?—заключилъ старикъ, просвѣтленнымъ взглядомъ слѣдя за выраженіемъ лица своего слушателя.

— О, да! Если Дженни сочтетъ меня достойнымъ быть ея мужемъ.

— Я былъ въ васъ увѣренъ, Сидней,—ликовалъ Снаудонъ: —какъ теперь увѣренъ въ самой Дженни! Бѣдное дитя! она и не подозрѣваетъ, что почти всѣ эти три года была для меня предметомъ самой ужасной нравственной пытки! Я пристально всматривался въ каждое ея движеніе, каждый ея взглядъ, каждое проявленіе въ ней тѣхъ чувствъ, которыя считалъ необходимыми для выполненія задачи, которая для меня уже невыполнима по старости лѣтъ. Но я умеръ бы спокойно, если бы могъ быть увѣренъ, что мое дѣло въ надежныхъ рукахъ. Остановка только въ томъ, чтобы сообщить объ этомъ Дженни, но Персиваль не совѣтуетъ:—онъ находитъ, что она еще слишкомъ молода...

— И въ самомъ дѣлѣ, къ чему спѣшить, если уже все складывается по вашему желанію? Значитъ, мое чутье вѣрно подсказало мнѣ, что лучше отложить и мое объясненіе еще на годъ.

— Что же, можетъ быть, оно и въ самомъ дѣлѣ такъ лучше будетъ?—задумчиво промолвилъ Снаудонъ. — Я не очень вѣрю въ опытность и цѣлесообразность помощи всякихъ дамъ-благотворительницъ, но вотъ м-ръ Персиваль знаетъ одну такую, которая дѣйствительно является труженицей и подвижницей на пользу и счастье обездоленнаго и сираго люда. Это нѣкая миссъ Лантъ, которой онъ уже не разъ передавалъ отъ меня небольшія суммы для симпатичныхъ мнѣ цѣлей. Она, кажется, дѣйствительно такая прекрасная особа, какою Персиваль ее считаетъ, и знакомство съ нею можетъ принести Дженни существенную пользу; но сначала надо, чтобы Дженни ознакомилась съ моими намѣреніями. И вотъ еще что̀ меня смущаетъ: я не знаю, будетъ ли въ этомъ дѣлѣ сынъ мой Джозефъ мнѣ подспорьемъ или помѣхой? Дѣлать нечего, надо ждать и присматриваться къ нему, надо постараться узнать его поближе!

Когда Дженни вернулась и Сидней издали услыхалъ, какъ звонко и радостно привѣтствуютъ дѣти ея возвращеніе, у него сердце сжалось и на душѣ стало тяжело... Можетъ быть, его тревожила необходимость отложить на время свои надежды и ихъ осуществленіе?

XVI.—Смерть примиряетъ.

Въ толпѣ, собравшейся въ Кларкенуэль-Гришъ, чтобы пофилософствовать, поспорить и послушать интересныхъ самобытныхъ ораторовъ изъ народа, никто не привлекъ особаго вниманія франтоватаго джентльмена, въ которомъ внимательный наблюдатель могъ бы узнать Джозефа Снаудона.

Но вотъ Снаудонъ невольно обратилъ глаза въ ту сторону, куда тѣснилась толпа слушателей: тамъ виднѣлась тощая фигурка сѣдого изможденнаго человѣчка, который говорилъ съ убѣжденіемъ, поражая слушателей своимъ юношескимъ пыломъ.

— Это старикъ Юэттъ, Юэттъ! — загудѣли въ толпѣ. —Самый настоящій человѣкъ, чтобы задать *имъ* жару!

И въ самомъ дѣлѣ, обличительная рѣчь бурнымъ потокомъ полилась изъ его высохшихъ устъ. Вся его фигура, казалось, была наглядньмъ обличеніямъ несправедливостей судьбы. Онъ горячо взмахивалъ руками, то сжимая, то разжимая кулаки, лицо его подергивалось судорогой, онъ кусалъ себѣ губы до того, что капли крови показались у него на подбородкѣ. Видъ его былъ ужасенъ.

— Въ чемъ корень бѣдствій рабочаго въ столицѣ? — теряя

голосъ, хрипло кричалъ онъ.—Въ томъ, что онъ никакъ не можетъ свести концы съ концами! Проклятые законы не мѣшаютъ домовладѣльцу отбирать у рабочаго половину (а то и больше) его жалованья въ уплату за голыя стѣны. И что за „квартиры“, въ которыхъ принуждены ютиться, рождаться и умирать тѣ самые люди, которые созидаютъ и поддерживаютъ благосостояніе страны?.. Что если бы показать владѣльцамъ Кларкенуэля, чего они заслуживаютъ? Да! Скажите, друзья: что можетъ случиться, и даже скорѣе, чѣмъ мы полагаемъ?

Минутъ двадцать громилъ Джонъ Юэттъ своими филиппиками существующіе порядки; съ глазами, налитыми кровью, съ впалой грудью, изъ которой вырывались хриплые звуки, послушные его ярости, онъ былъ ужасенъ! Когда онъ замолкъ, окончательно потерявъ голосъ, онъ шатался какъ пьяный; ноги и руки окончательно отказывались ему повиноваться; страшно было смотрѣть на его искаженное лицо, когда онъ протискивался сквозь толпу.

Джозефъ послѣдовалъ за нимъ.

— Давно я не слыхалъ такой хорошей рѣчи, м-ръ Юэттъ! Люблю послушать, когда человѣкъ говоритъ то, что думаетъ!

Джонъ посмотрѣлъ на него мутными, слезящимися глазами, но похвала ему пришлась по вкусу.

— Это еще не послѣднее мое слово!—проговорилъ онъ съ трудомъ своимъ охрипшимъ голосомъ.

— Вамъ, кажется, трудно достается такое волненіе?—замѣтилъ участливо Джозефъ.

— Это мнѣ все равно, м-ръ Снаудонъ. А знаете, я думалъ еще заглянуть въ свой клубъ.

— Что же, и я не прочь. Пойдемъ!—предложилъ Джозефъ. Участокъ, равно какъ и домъ, въ которомъ помѣщался „ремесленный клубъ“, имѣлъ не особенно привлекательный видъ. При входѣ посѣтителей просили расписаться въ книгѣ посѣтителей и Джозефъ съ эффектомъ „закрутилъ“ свою подпись.

Въ комнатѣ, гдѣ было душно и такъ накурено, что за облаками дыма ничего не было видно, стукъ кастаньетъ и бренчанье на „бэнджо“ указывали на то, что происходитъ такъ-называемое „увеселеніе негровъ“, дѣло обычное по воскреснымъ днямъ въ „ремесленныхъ клубахъ“; объявленіе о нихъ помѣщаются въ нѣкоторыхъ воскресныхъ листкахъ. На этотъ разъ, слушатели были особенно благосклонно настроены; исполненіе то-и-дѣло прерывалось дружнымъ смѣхомъ и возгласами одобренія.

Юэттъ и его спутникъ сошли внизъ и сѣли въ почти пустой комнатѣ за кружкой пива.

— А что, какъ здоровье жены?—спросилъ Снаудонъ.

— Да плохо, плохо. Съ четверга не встаетъ съ постели, бѣдная.

— Давно вы не видали Керквуда?—не глядя на него, спросилъ Юэттъ.

— Уѣхалъ куда-то въ отпускъ... въ Эссексъ, что ли. А мы съ нимъ еще недавно про васъ говорили.

— Въ самомъ дѣлѣ? Не скажете ли вы ему, когда придется къ слову, чтобы онъ къ намъ зашелъ? Женѣ очень хотѣлось бы его видѣть.

— Хорошо, скажу!—согласился Джозефъ.

Разговоръ уже перешелъ на другую тему, когда въ дверяхъ показался человѣкъ среднихъ лѣтъ и отозвалъ въ сторону Юэтта.

— Слышали вы что-нибудь про похоронную кассу? — спросилъ онъ, понижая голосъ.

— Нѣтъ, ничего. А что?

— Да Дикъ Смэльсъ говоритъ, что ему не выдаютъ долю его сынишки, который умеръ на-дняхъ.

— Не выдаютъ? Это же почему?

— Вотъ я и хочу знать. Тамъ, наверху, только о томъ и разговора.

Оба поднялись наверхъ, гдѣ уже шумѣли всѣ, заинтересованные въ этомъ извѣстіи; волненіе все разросталось.

На слѣдующій же день разъяснилось, что „похоронную кассу“ постигла катастрофа, нерѣдко повторяющаяся въ такихъ учрежденіяхъ: небрежность въ веденіи дѣла и злоупотребленія были удостовѣрены слѣдственной коммиссіей и бѣжавшій виновникъ катастрофы, Макъ-Котъ, разыскивался полиціей.

Джонъ былъ ошеломленъ этимъ новымъ и неожиданнымъ ударомъ судьбы. Вѣдь выплатила же ему касса сполна, когда умеръ его младшій малютка? Если бъ только можно было хоть подозрѣвать что-нибудь недоброе тогда же! Можно было принять мѣры... перейти въ другую... А онъ-то какъ старался платить аккуратно! Даже за Клару всѣ три года не переставалъ платить. Какъ утопающій за соломенку, такъ онъ хватался за надежду, что она когда-нибудь все-таки вернется! Но и эта смутная надежда, казалось, волею судьбы, теряла почву... Но какъ теперь быть? Какъ скрыть это отъ Магги, которую и хоронить не на что будетъ. Докторъ каждый разъ повторяетъ, что она больше не встанетъ. Дѣти растутъ; присмотра за ними надо все больше и больше: вонъ Эми раза два осмѣлилась, вмѣсто школы, шататься

по улицамъ и слишкомъ ее привлекаютъ удовольствія, которыхъ, конечно, она не можетъ имѣть при безъисходной нищетѣ... Кто за ними присмотритъ; кто ихъ поддержитъ, приголубитъ въ тяжелую минуту?..

По дорогѣ домой, возвращаясь изъ деревни, Керквудъ встрѣтился случайно съ Джозефомъ Снаудономъ.

— Миссисъ Юэттъ совсѣмъ плоха, проситъ ее провѣдать!— вотъ первое, что̀ мрачной тучею заволокло его радужное настроеніе.—Джонъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы вы къ нимъ пришли: онъ самъ просилъ!—прибавилъ Джозефъ.

Сидней тотчасъ пошелъ по адресу, который ему указалъ Джозефъ. Юэтты жили теперь въ подвальномъ этажѣ молочной фермы и къ нимъ приходилось спускаться внизъ, по кривымъ ступенямъ.

Сиднею были хорошо знакомы жилища бѣдняковъ; но такого скуднаго, такого унылаго ему еще не приходилось видѣть. Духъ захватило и грудь защемило до боли при видѣ тощихъ дѣтей, глодавшихъ сухой хлѣбъ, сидя на непокрытомъ тюфякѣ. Не сводя глазъ съ постели, на которой въ углу лежала умирающая (а можетъ быть, уже умершая?) м-съ Юэттъ, Эми, проводившая Сиднея сюда, тихонько прошептала:

— Спитъ!..—и, осторожно подойдя къ матери, убѣдилась, что та лежитъ въ забытьи. Окликнувъ ее нѣсколько разъ, Эми увидала, что мать открыла глаза; ея блуждающій взглядъ остановился на Сиднеѣ, губы зашевелились, голова чуть-чуть двинулась на подушкѣ.

— Я знала, что вы придете... знала!—заговорила она тихо и лучъ радости блеснулъ у нея на лицѣ.—Мнѣ такъ нужно было... васъ повидать; сказать вамъ... попросить...

Волненіе не дало Сиднею ничего сказать; горячія слезы жгли ему щеки.

— Гдѣ Джонъ? — тревожно озираясь, спросила, переводя духъ, больная.—Эми, гдѣ отецъ?.. Умоляю васъ, Сидней! Забудьте все, будьте опять друзьями: онъ и самъ знаетъ, что неправъ, но ему тяжко... тяжко. Моя болѣзнь такъ много стоила... Я умру и имъ легче будетъ... но не оставьте ихъ; помогите, будьте другомъ до конца.

— Будьте покойны, я обо всемъ позабочусь,—утѣшалъ ее Сидней.

— И вотъ еще что̀... Наклонитесь ближе... ближе! Если

она найдется... (вы ничего не знаете, гдѣ она теперь?), если она вернется,—не бросайте ее! Женщинѣ тяжко жизнь дается.

— Я буду для нея братомъ и другомъ: я ее не оставлю; обѣщаю вамъ!

— Теперь я могу умереть спокойно! Я знала, что вы... не откажете... придти!..

— О, Боже, отчего я раньше не пришелъ!—горевалъ Сидней, чувствуя, что въ душѣ его шевелится укоръ.

Дверь отворилась и вошелъ Джонъ. Молча они пожали другъ другу руки и Юэттъ въ изнеможеніи упалъ на стулъ у постели. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, котораго пребываніе въ тюрьмѣ,—въ этомъ мірѣ отверженныхъ,—доводитъ до потери разсудка.

М-съ Юэттъ впала въ безсознательное состояніе.

Сидней ушелъ и, выйдя въ сѣни, далъ Эми деньги, чтобы купить все нужное, не обращаясь къ отцу

М-съ Юэттъ тихо скончалась поутру на разсвѣтѣ, безъ страданій. Смерть какъ бы намѣренно хотѣла пощадить ее за то, что она слишкомъ изстрадалась при жизни. Сидней уже не засталъ ее въ живыхъ.

— Что теперь будетъ? Какъ я похороню ее?—въ отчаяніи говорилъ Юэттъ.—Вы слышали,—кассу обокрали? Нечего сказать, хорошъ тотъ міръ, въ которомъ мы живемъ! *Люди* не даютъ *людямъ* жить и даже отнимаютъ возможность умереть спокойно, лечь подъ землю. Нѣтъ, живи и умирай,—какъ песъ! Смотрите, хорошо живется такимъ, какъ мы? Помните, какія у насъ были надежды, когда мы съ нею женились? А теперь—голыя стѣны, голая кровать, голодныя дѣти! Развѣ это моя вина? Развѣ я не работаю, какъ волъ? Я удивляюсь, какъ я еще не пошелъ убивать и грабить по большой дорогѣ!..

— Послушайте! Поговоримъ о ней,—перебилъ его Сидней.—Не тревожьтесь: у меня хватитъ все сдѣлать, за все заплатить. Не думайте, что это подачка; отдадите, когда будетъ можно, понемногу...

— Сидней! Сидней! Мнѣ стыдно смотрѣть вамъ въ глаза! Она была права: вы не перемѣнились. Я ее не слушалъ... О, Боже! Я самъ скоро за ней пойду... У меня силъ нѣтъ, я больше не могу терпѣть!..

И, горячо рыдая, онъ упалъ головою на подушку, гдѣ безмятежно почивала вѣчнымъ сномъ его вѣрная Магги.

А. Б—г—

ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ

„Высокимъ умамъ приличествуютъ другія эпохи и другое мѣсто дѣйствій“,—altri anni ed altro seggio conviene agli alti ingenni“,—говоритъ Леопарди въ стихотвореніи „Ad Angelo Mai“. Въ этой истинѣ ему пришлось убѣдиться путемъ горькаго опыта. Онъ явился въ такую эпоху, которая неспособна была его понять и оцѣнить по заслугамъ, дѣйствовалъ въ такой странѣ, которая еще не доросла до его мыслей, грезъ и сѣтованій. Онъ родился и выступилъ на литературную арену слишкомъ рано, и вынося свои личныя страданія и невзгоды, былъ лишенъ возможности найти извѣстное утѣшеніе въ общемъ всенародномъ признаніи его выдающагося таланта. Впослѣдствіи положеніе дѣла измѣнилось, и слава автора грустныхъ „Canti“ и проникнутыхъ горькою ироніей „Діалоговъ“ стала постоянно возростать. Неизданныя при его жизни сочиненія были собраны и напечатаны; многочисленныя письма его составили объемистый „Epistolario“, впервые вышедшій въ свѣтъ подъ редакціей Просперо Віани въ 1849 году, а впослѣдствіи еще дополненный; были обнародованы Джузеппе Пьерджили (Piergili) и письма къ Леопарди его родныхъ, образовавшія цѣлый томъ. Число крупныхъ и мелкихъ работъ, посвященныхъ поэту, вскорѣ стало весьма внушительнымъ, а по мѣрѣ того, какъ приближалось сначала пятидесятилѣтіе со дня его смерти (1837—1887), потомъ столѣтняя годовщина со дня его рожденія (29 іюня 1798—1898 г.), подобныя работы появлялись все чаще и чаще. Книги и статьи Montefredini, Ridella, Patrizi, De Sanctis'a, Ant. Traversi, Corazzini, Lo Forte Randi, Fogazzaro, Ferrari, Mamiani, Settembrini, Cartucci, Mestica, Буше-Леклерка, Ш. Олара, Эдуарда Рода, Пауля Гейзе и многихъ другихъ свидѣтельствуютъ о ши-

рокой популярности, которою пользуется за послѣднія десятилѣтія авторъ „Consalvo“, „Le ricordanze“, „Amore e morte“, притомъ не только въ Италіи, но и за ея предѣлами. Постепенно появились и переводы сочиненій Леопарди на другіе языки; Гейзе перевелъ по-нѣмецки его стихотворенія, діалоги, „Исторію человѣческаго рода“ и избранныя „мысли“, употребивъ на эту работу нѣсколько лѣтъ; въ 1887 году Эженъ Карръ выпустилъ французскій переводъ стихотвореній Леопарди, въ концѣ 80-хъ годовъ въ журналѣ „Пантеонъ литературы“ появились въ русскомъ переводѣ „Діалоги“ Леопарди, а въ 1893 году былъ напечатанъ отдѣльною книгою первый полный переводъ его лирическихъ стихотвореній по-русски, В. Ф. Помяна. Любопытная работа Ликурго Каппеллетти, „Saggio di una bibliografia Leopardiana“ (Parma 1892) показываетъ, что интересъ критики и читающей публики къ личности и творчеству поэта долженъ быть признанъ весьма значительнымъ. Столѣтіе со дня рожденія Леопарди на нашихъ глазахъ превратилось въ обще-итальянское торжество; особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Кардуччи, взялъ на себя организацію всенароднаго чествованія достопамятной годовщины. Въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, посвященныхъ Леопарди, онъ провозглашается теперь лучшимъ итальянскимъ поэтомъ XIX вѣка, славою и гордостью страны. Въ этомъ торжественномъ признаніи заслугъ геніальнаго человѣка есть, конечно, много симпатичнаго, отраднаго, поучительнаго... Жаль только, что такъ поздно явилась эта слава и популярность, что онѣ почти не скрасили грустной и сумрачной жизни несчастнаго Джакомо! Зачѣмъ ему теперь это запоздалое чествованіе? „Бездушный прахъ не цѣнитъ розъ, любовь по смерти—не награда“!..

Передать въ сжатомъ очеркѣ судьбу и творчество все еще не вполнѣ оцѣненнаго у насъ въ Россіи, а при жизни даже совсѣмъ неизвѣстнаго поэта было главною цѣлью настоящаго этюда, появляющагося въ тотъ самый годъ, когда столѣтній юбилей снова обратилъ вниманіе Европы на автора знаменитыхъ „Canti“. Нами отнюдь не руководило безусловное преклоненіе передъ всѣми произведеніями Леопарди. Странно было бы, напримѣръ, продолжать восторгаться патріотическими стихотвореніями его „All Italia“, „Sopra il monumento di Dante“ и т. д.), въ свое время столь популярными, но теперь поражающими крайнею реторичностью, недостаткомъ оригинальности и искусственнымъ характеромъ (на это обратилъ вниманіе Де-Санктисъ еще въ 1869 году). Странно было бы также и приписывать Леопарди

стройное, гармонически законченное міросозерцаніе, считать его настоящимъ теоретикомъ пессимизма, когда въ его творчествѣ есть мѣстами примѣры явной непослѣдовательности, когда мы знаемъ, что его взглядъ на вещи въ значительной степени сложился подъ вліяніемъ обстоятельствъ его жизни, что онъ не былъ знакомъ съ такимъ своеобразнымъ выраженіемъ пессимистическихъ идей, какъ буддійская философія, и имѣлъ довольно смутное понятіе о новыхъ вѣяніяхъ въ области мысли, объ ученіи Канта, не говоря уже о Шопенгауерѣ, знаменитое сочиненіе котораго „Міръ, какъ воля и представленіе", относится еще къ 1818 году. Это не мѣшаетъ, однако, видѣть въ Леопарди высокодаровитаго поэта, съ искреннимъ вдохновеніемъ, остроумнаго сатирика и изобразителя людскихъ слабостей, наконецъ, несомнѣннаго предшественника новѣйшаго систематическаго пессимизма, главные теоретики котораго, въ родѣ того же Шопенгауера, были ему многимъ обязаны [1]). Что всеобъемлющая характеристика такой сложной натуры, какъ Леопарди, представляетъ громадную трудность, съ этимъ согласятся всѣ, изучавшіе его біографію и произведенія. Каждый изслѣдователь можетъ, однако, думается намъ, внести свою посильную лепту въ дѣло выясненія личности и творчества поэта, столь несчастнаго и мало оцѣненнаго при жизни, столь прославленнаго и возвеличеннаго послѣ смерти.

I.

Подобно Байрону, Гейне и Мюссе [2]), Леопарди принадлежитъ къ числу наиболѣе субъективныхъ поэтовъ, выставленныхъ XIX-мъ вѣкомъ, и въ его непосредственномъ творчествѣ ярко отразилась жизнь, полная неудачъ, разочарованій, неудовлетворенныхъ порывовъ, разбитыхъ надеждъ и тяжелыхъ физическихъ страданій [3]). Было бы слишкомъ рискованно утверждать, что пессимистическое міросозерцаніе Леопарди было всецѣло результатомъ его личныхъ, индивидуальныхъ невзгодъ, что такимъ образомъ лишь чисто внѣшнія причины навели его на мысль о

[1]) См. отзывъ Шопенгауера о Леопарди въ „Die Welt als Wille und Vorstellung". Band II. Leipzig, 1873, стр. 675.

[2]) Параллель между Гейне и Леопарди проведена Т. Масаранни въ его „Studii di letteratura e d'arte".

[3]) Густавъ Брандесъ считаетъ изученіе жизни Леопарди необходимымъ для пониманія его творчества. „Giacomo Leopardi Dichtungen". Hannover, 1869.

несовершенствѣ всего существующаго въ мірѣ, о непрочности и кратковременности земного наслажденія, о спасительномъ значеніи смерти, которая одна только можетъ утѣшить людей; но что горькій опытъ игралъ въ дѣлѣ выработки этого міросозерцанія существенную роль и подѣйствовалъ въ опредѣленномъ смыслѣ на воспріимчивую душу поэта, это несомнѣнно, хотя самъ Леопарди, а за нимъ и многіе критики отрицали это довольно категорически [1]). Трудно себѣ представить болѣе безотрадное существованіе, чѣмъ жизнь несчастнаго выходца изъ Реканати, съ дѣтскихъ лѣтъ слишкомъ хорошо узнавшаго, что̀ такое печаль и страданія... Родился онъ въ „палаццо“ древняго, но захудалаго рода Леопарди, главнымъ представителемъ котораго былъ въ это время его отецъ, графъ Мональдо,—притомъ въ одномъ изъ наиболѣе глухихъ, захолустныхъ уголковъ тогдашней Италіи, въ этомъ Реканати, для котораго у поэта нѣтъ другихъ обозначеній, кромѣ „самаго глупаго города Италіи“, „настоящей могилы живыхъ людей“, „città morta, microscopica e nulla“, „porca citta“, „borgo selvagio“ [2]) и т. д. Никакихъ умственныхъ интересовъ не было у его жителей; они обходились безъ книжныхъ магазиновъ, не выписывали книгъ изъ другихъ городовъ, не любили говорить о научныхъ и литературныхъ вопросахъ, жили такъ, какъ принято было жить при дѣдахъ и отцахъ, имѣли весьма смутное представленіе о томъ, что̀ дѣлается въ остальномъ свѣтѣ, были притомъ очень довольны своею участью и считали мечты о возрожденіи Италіи смѣшными фантазіями праздныхъ людей. Въ дѣтствѣ поэтъ, разумѣется, не чувствовалъ всей затхлости и безжизненности той среды, подъ воздѣйствіемъ которой ему предстояло, какъ и всѣмъ его сверстникамъ, провести свои лучшіе годы, воспитываться и развиваться. Но впослѣдствіи, когда у него оказались культурные вкусы и интересы, когда ему захотѣлось вдругъ поговорить съ умными и отзывчивыми людьми, прочесть хорошія, содержательныя книги, расширить свой кругозоръ и принести пользу обществу,—сознаніе духовнаго одиночества и оторванности отъ цивилизованнаго міра

[1]) Письмо Леопарди къ Луи де-Синнеру отъ 24 мая 1832 года; поэтъ возмущается въ немъ тѣмъ, что „on a voulu considérer mes opinions philosophiques comme le résultat de mes souffrances particulières, et on s'obstine à attribuer à mes circonstances matérielles ce qu'on ne doit qu'à mon entendement. Эд. Родъ присоединяется къ взгляду самого поэта,—„Etudes sur le XIX siècle“, I. Giacomo Leopardi, глава II.

[2]) Первый отрицательный отзывъ Леопарди о Реканати относится къ тому времени, когда ему шелъ всего 19 годъ. См. письмо къ издателю Антоніо Фортунато Стелла отъ 6 декабря 1816 года.

стало тяготить, какъ ужасный кошмаръ. Въ теченіе всей своей жизни онъ смотрѣлъ на Реканати, какъ на тюрьму,—хотя по своему мѣстоположенію это былъ очень живописный, отнюдь не обиженный природою уголокъ, съ зеленѣющими садами и красивыми видами на окрестности, расположенный между Апеннинами и моремъ, хотя тамъ жили такіе близкіе ему люди, какъ нѣжно любимая сестра Паолина и близкій къ Джакомо по духу и воззрѣніямъ братъ его Карлъ [1]). Впослѣдствіи поэту иногда казалось, что его тянетъ вернуться на старое пепелище, пожить снова среди знакомой обстановки, но стоило ему хоть ненадолго пріѣхать въ Реканати,—и онъ начиналъ чувствовать тоску, имъ овладѣвала меланхолія, онъ слишкомъ хорошо видѣлъ, что между нимъ и его согражданами,—не исключая и его отца, о которомъ вскорѣ будетъ рѣчь,—нѣтъ рѣшительно ничего общаго,—и бѣжалъ, куда глаза глядятъ, въ вѣчныхъ поискахъ за чѣмъ-то лучшимъ, болѣе широкимъ, осмысленнымъ, полнымъ жизни. Если въ дѣтствѣ онъ не могъ разгадать всю пустоту и ограниченность реканатскихъ жителей, то все же онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ не имѣлъ основанія ихъ любить, встрѣчая съ ихъ стороны одно только безпричинное враждебное отношеніе. Природа надѣлила его если не совсѣмъ горбатою, то все же сутуловатою и вообще некрасивою фигурою,—и онъ долженъ былъ съ дѣтскихъ лѣтъ слышать насмѣшки надъ своею внѣшностью, за нимъ не разъ гнались по улицамъ мальчишки, съ какимъ-то ожесточеніемъ напоминая ему объ его уродствѣ. Онъ возвращался домой, угрюмый и озлобленный. Такія впечатлѣнія, испытанныя въ раннемъ дѣтствѣ, оставляютъ въ душѣ человѣка неизгладимый слѣдъ на всю жизнь...

Да и было ли у поэта настоящее дѣтство?.. Конечно, оглядываясь назадъ, онъ могъ впослѣдствіи припомнить отдѣльныя пріятныя минуты, дѣтскія шалости, игры и затѣи... Но если съ теченіемъ времени, на извѣстномъ отдаленіи, пора дѣтства стала ему казаться чѣмъ-то очень привлекательнымъ, счастливымъ и беззаботнымъ, то это можно объяснить только старымъ изреченіемъ: „что прошло, то будетъ мило“... На самомъ дѣлѣ

---

[1]) Для характеристики Карла Леопарди см., между прочимъ, статью Траверзи въ его „Studi su Giacomo Leopardi“. Napoli, 1887. Карлъ зачитывался Шатобріаномъ и Уго Фосколо, страдалъ меланхоліей, не разъ думалъ о самоубійствѣ. Паолина, подходившая къ Джакомо и по состоянію своего здоровья, и по сложенію (она страдала рахитизмомъ, была нѣсколько горбата), также предавалась иногда грустнымъ думамъ, хотѣла уйти въ монастырь и говорила, что *не помнитъ дня, когда бы она чувствовала себя счастливою.*

и раннее дѣтство, и первые годы юности протекли для Джакомо Леопарди тускло, безцвѣтно и невесело. Прежде всего, физическіе недуги слишкомъ рано стали мучить и изнурять его слабый и хрупкій организмъ; нервность, отчасти объясняемая наслѣдственностью и выражавшаяся въ безсонницѣ, ночныхъ страхахъ и другихъ явленіяхъ патологическаго характера, также вскорѣ проявилась у мальчика, отравляя ему лучшіе, завѣтные годы жизни. Когда онъ началъ усидчиво заниматься наукою и весь ушелъ въ свои книги, почти не отрываясь отъ нихъ [1]) (онъ былъ такъ радъ забывать хотя на время объ окружающей дѣйствительности), проводя безсонныя ночи за работою, онъ еще болѣе пошатнулъ свое здоровье, безповоротно переутомилъ свою голову и испортилъ свое зрѣніе до такой степени, что оно никогда уже не поправилось, и поэту пришлось всю жизнь страдать глазною болью, иногда очень мучительною [2]). И что это была за работа! Вліяніе среды не могло не сказаться въ этомъ случаѣ, и будущій авторъ Canti проводитъ свою раннюю молодость за старыми трактатами и реторическими сочиненіями, увлекается классическою древностью, притомъ всего болѣе ея книжною стороною, едва не становится узкимъ филологомъ, да еще съ наклонностью къ педантизму, долгое время не сознаетъ своего настоящаго призванія... Впослѣдствіи онъ самъ взглянулъ другими глазами на свою юношескую эрудицію, понялъ, сколько въ ней было мелочного, кропотливаго, далекаго отъ жизни... Но можемъ ли мы удивляться первоначальному направленію его вкусовъ и симпатій? Оно объясняется воздѣйствіемъ окружающей обстановки, тѣмъ, что археологія и педантическая ученость еще сколько-нибудь имѣли доступъ въ Реканати, между тѣмъ какъ все болѣе жизненное, современное, почти не проникало туда..

Въ натурѣ Леопарди вскорѣ обнаружились признаки расположенія къ меланхоліи, къ грустнымъ размышленіямъ, которыя въ началѣ парализовались жаждою дѣятельности, вспышками юношеской энергіи, смутными надеждами на счастье, а потомъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, получили рѣшительный перевѣсъ въ его душѣ. Когда онъ впервые почувствовалъ влеченіе къ самостоятельному поэтическому творчеству, оттѣснившему потомъ въ его умѣ на второй планъ Фронтона и Моска, мы можемъ заранѣе понять, какую окраску получитъ его поэзія. Но намъ пора бросить взглядъ на семейную обстановку, среди

[1]) „Единственнымъ развлеченіемъ въ Реканати являются занятія“, говоритъ поэтъ въ письмѣ къ Джордани отъ 30-го апрѣля 1817 года.

[2]) См. письмо къ Джордани отъ 2-го марта 1818 года.

которой поэтъ выросъ и прожилъ до 24-лѣтняго возраста. Много было написано въ разное время объ отцѣ его, графѣ Мональдо Леопарди [1]). Нѣкоторые отзывы рисовали его деспотомъ и тираномъ, сознательнымъ мучителемъ своихъ дѣтей, человѣкомъ съ холодною, безсердечною натурою. Графиня Тереза Леопарди, вторая жена Карла, въ своей небольшой, тенденціозно написанной книжкѣ „Notes biographiques sur Léopardi et sa famille“, наоборотъ, отзывается о немъ въ самыхъ сочувственныхъ, прямо восторженныхъ выраженіяхъ [2]). У нея, впрочемъ, и Реканата превращается въ жизнерадостный, оживленный городъ, а дѣтство Леопарди прямо называется счастливымъ!.. Правда лежитъ на серединѣ; въ настоящее время достаточно выяснилось, что графъ Мональдо отнюдь не былъ инквизиторомъ по натурѣ, и, по своему, даже очень любилъ дѣтей; но онъ никакъ не могъ примириться съ новыми идеями и воззрѣніями, которыя усвоилъ себѣ Джакомо, а вслѣдъ за нимъ, до извѣстной степени, и Карлъ съ Паолиною; онъ любилъ реканатское затишье, никуда не рвался оттуда и былъ проникнутъ непоколебимымъ недовѣріемъ ко всему внѣшнему міру. Это былъ природный итальянскій аристократъ, типичный гвельфъ, преданный папѣ и его интересамъ, другъ іезуитовъ и вообще католическаго духовенства, представитель традицій стараго дворянства (недаромъ родъ Леопарди восходилъ къ XI вѣку [3]), наконецъ, поклонникъ педантической учености. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самые строгіе біографы, въ родѣ Монтефредини, книга котораго проникнута ненавистью къ клерикализму, не отрицаютъ того, что это былъ человѣкъ благородный, неспособный ни на какую подлость или предательство, очень добрый по натурѣ, и, во всякомъ случаѣ, глубоко убѣжденный въ томъ образѣ мыслей, который онъ испо-

[1]) См. напр., Монтефредини, „La vitae le opere di Giocomo Leopardi“, Milano 1881; Teresa Leopardi, „Notes biographiques, 1881; Траверзи, Studi, etc.; Патрици, „Saggio psico-antropologico su Giac. Leopardi et la sua famiglia“. Torino 1896. Кардуччи, „Giacomo Leopardi deputato“, „Nuova Antologia“.

[2]) Объ этой странной личности см. Траверзи „Studi“, стр. 108, 111, 180—198.

[3]) Патрици, изучавшій жизнь и творчество Леопарди съ психіатрической точки зрѣнія, особенно настаивающій на значеніи наслѣдственности, указываетъ на то, что среди предковъ Джакомо Леопарди на 128 человѣкъ приходится 34 преждевременно умершихъ, 21 мистикъ, 11 нервозныхъ и сумасшедшихъ, 8 даровитыхъ натуръ и т. д. Онъ подчеркиваетъ также тотъ фактъ, что родители Леопарди женились слишкомъ молодыми, что мать его передъ его рожденіемъ была въ тревожномъ настроеніи, такъ какъ Мональдо подвергался преслѣдованію со стороны французскихъ революціонеровъ, что ихъ союзъ былъ восьмымъ въ родѣ Леопарди союзомъ между близкими родственниками.

вѣдывалъ всю жизнь. Прибавимъ, что онъ все же былъ первымъ лицомъ, пробудившимъ въ Джакомо любовь къ научнымъ работамъ; онъ самъ пробовалъ свои силы въ литературѣ и написалъ 55 различныхъ произведеній. Въ числѣ его писемъ къ сыну есть нѣсколько такихъ, которыя могутъ вызвать на нашихъ глазахъ слезы; онъ, видимо, сильно безпокоится иногда за Джакомо, который уѣхалъ вдаль отъ родины, онъ скучаетъ и груститъ безъ него, боится, не испытываетъ ли тотъ денежныхъ затрудненій, а главное, томится тѣмъ разладомъ, который все увеличивается между ними, при чемъ они оба никакъ не могутъ другъ друга понять [1])... Они такъ никогда и не поняли другъ друга, и это доставило бѣдному старику немало грустныхъ минутъ, а для Джакомо сдѣлало пребываніе въ Реканати еще болѣе тяжелымъ. Если Мональдо упорно противился отъѣзду сына изъ родного города, если онъ съ ужасомъ думалъ объ его скитаніяхъ по Италіи и доходилъ до того, что вскрывалъ адресованныя на его имя письма, боясь, что они написаны вредными и неблагонадежными людьми, которые могутъ совратить Джакомо, то это объясняется твердымъ убѣжденіемъ, что правда на его сторонѣ, и что его долгъ—предохранять сына отъ соблазна большихъ городовъ и новыхъ идей... Но отъ этого Джакомо было не легче, и съ каждымъ годомъ разладъ съ человѣкомъ, по-своему очень его любившимъ, становился все болѣе и болѣе мучительнымъ, раздраженіе въ его душѣ увеличивалось, и иногда онъ, несомнѣнно, былъ прямо несправедливъ къ старику.

Мать поэта, графиня Аделаида, урожденная Античи, не имѣетъ за себя тѣхъ смягчающихъ обстоятельствъ, которыя можно привести въ защиту Мональдо. Любила ли она въ глубинѣ души своихъ дѣтей, это такъ и осталось неизвѣстнымъ... Одно несомнѣнно,—ни Джакомо, ни другія дѣти никогда не видали отъ нея никакой ласки; она была холодна, сдержанна съ ними, нетерпима; даже графиня Тереза, называющая ее святою и благородною женщиною, признается, что дѣти никогда не были обласканы ею, что она никогда не прижимала ихъ къ груди, а только давала цѣловать свою руку, притомъ почти не разговаривала съ ними, стараясь импонировать имъ или безмолвіемъ, или односложностью своихъ отвѣтовъ. Не встрѣчая со стороны Аделаиды истинно материнскаго отношенія, дѣти не могли, конечно, питать къ ней особенно нѣжныхъ чувствъ, и въ числѣ 815 напечатанныхъ до сихъ поръ писемъ Джакомо мы находимъ всего *два*

[1]) Lettere scritte a G. Leopardi da suoi parenti. Firenze 1878.

письма къ матери, да и то вызванныхъ случайными обстоятельствами. Графиня отличалась къ тому же крайнею подозрительностью и недовѣріемъ; она учредила что-то въ родѣ домашней полиціи съ тѣмъ, чтобы слѣдить за дѣтьми, ихъ перепискою, прогулками, занятіями. И не нужно думать, чтобы это происходило тогда, когда дѣти были еще подростками и не знали реальной жизни: контроль надъ Джакомо, точно надъ маленькимъ ребенкомъ, продолжался и тогда, когда онъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ, сталъ усиленно заниматься литературою и пріобрѣлъ расположеніе такихъ людей, какъ Пьетро Джордани. Паолина Леопарди не освободилась отъ этого контроля во всю жизнь, а она умерла 57 лѣтъ; она никогда не выходила на улицу одна, но всегда въ сопровожденіи стараго слуги или другого надежнаго лица, по указанію графини [1]). Но самымъ отталкивающимъ свойствомъ Аделаиды была крайняя скупость, съигравшая роковую роль въ біографіи Джакомо; по ея винѣ поэтъ, покинувъ родину, получалъ иногда изъ дому очень ничтожное пособіе, на которое невозможно было прожить. Мональдо видимо хотѣлъ помочь сыну, жалѣлъ его, но не смѣлъ сказать рѣшительнаго слова въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ боялся жены, и только иногда присылалъ ему, тайкомъ отъ нея, какіе-нибудь гроши или совѣтовалъ ему обратиться прямо къ матери, потому что онъ ничего не можетъ добиться [2])... Въ оправданіе графини можно только сказать, что, выйдя замужъ, она застала финансовыя дѣла семьи Леопарди въ самомъ критическомъ положеніи и взяла на себя задачу возвысить благосостояніе этой семьи всѣми средствами, какія были въ ея распоряженіи. Путемъ усиленнаго труда, всевозможныхъ сбереженій и хозяйственныхъ ухищреній ей удалось, наконецъ, добиться желанной цѣли,—къ сожалѣнію, это случилось какъ разъ въ ту пору, когда несчастнаго Джакомо не стало... Можно себѣ представить, какъ финансовая сторона дѣла ухудшала и безъ того незавидное положеніе поэта... Когда ему стало слишкомъ тяжело и душно въ Реканати, онъ началъ рваться на волю; его сначала долго не выпускали, потомъ согласились отпустить,—но тогда представился вопросъ: на какія средства ему существовать? Трудиться... но здоровье не всегда позволяло

[1]) Teresa Leopardi, „Notes biographiques“, стр. 34.

[2]) Дѣло доходило до того, что онъ приносилъ женѣ книги изъ своей собственной библіотеки, увѣряя, что онъ ихъ купилъ, и за нихъ нужно заплатить. Аделаида противъ воли давала деньги, которыя Мональдо пересылалъ тотчасъ же слну. Въ книгѣ Траверзи приведено не мало анекдотовъ относительно семьи Леопарди, собранныхъ на мѣстѣ въ Реканати.

это, иногда голова Леопарди совершенно отказывалась работать, да къ тому же не всегда могла найтись и подходящая дѣятельность... Чтобы получить какія-нибудь деньги, онъ принужденъ былъ иногда брать на себя самыя сухія филологическія работы, къ которымъ у него впослѣдствіи совершенно не лежало сердце [1]). Печально видѣть, какъ поэтъ принужденъ иногда возвращаться въ ненавистный Реканати, потому что на его содержаніе *тамъ* на мѣстѣ и при финансовой системѣ графини Аделаиды хватало средствъ... Онъ долженъ былъ чувствовать, что никогда ему не развязаться окончательно съ этимъ „borgo selvagio", къ которому, несмотря ни на что, нужно было, время отъ времени, являться на поклонъ.

Пребываніе Леопарди въ Реканати носило, такимъ образомъ, тяжелый томительный характеръ; его настроеніе и міросозерцаніе рано получило грустный и безотрадный оттѣнокъ, мысль о смерти еще въ самые юные годы зародилась въ его умѣ,—особенно подъ вліяніемъ преждевременной кончины близкой его сердцу молодой дѣвушки, а также вслѣдствіе того, что *шесть* смертныхъ случаевъ въ самой семьѣ Леопарди напоминали ему слишкомъ часто о бренности всего земного. Но и скитанія поэта по Италіи, наполняющія бо́льшую часть его жизни послѣ перваго выѣзда изъ Реканати, производятъ, въ общемъ, грустное впечатлѣніе. Когда онъ въ первый разъ покинулъ родной городъ и очутился на свободѣ, его здоровье было уже такъ расшатано, и онъ такъ привыкъ, живя постоянно въ захолустьѣ, сторониться отъ людей и не довѣрять имъ, что новая обстановка на первыхъ порахъ не обрадовала, а скорѣе утомила, оглушила, пожалуй, нѣсколько разочаровала его. Онъ какъ будто не этого ждалъ, не къ этому стремился, или, быть можетъ, способность жить болѣе полною и разнообразною жизнью уже притупилась у него?... Конечно, еслибы Леопарди покинулъ Реканати нѣсколькими годами раньше, когда онъ былъ здоровѣе тѣломъ и бодрѣе духомъ, онъ съ бо́льшимъ энтузіазмомъ отнесся бы къ свободѣ и новымъ впечатлѣніямъ. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать и того, что въ остальной Италіи также было тогда слишкомъ мало жизни, общественной и умственной, что вся страна представляла собою, по замѣчанію одного критика, „Реканати въ большихъ размѣрахъ", что многими своими грезами и идеалами

[1]) Филологическимъ работамъ Леопарди посвящена обширная глава въ книгѣ Монтефредини. Первое изданіе ихъ относится къ 1845 году (подъ редакціей Пеллегрини и Джордани). См. также „Opere inedite di Giacomo Leopardi, publicate sugli autografi recanatesi", da Giuseppe Cugnoni". Halle 1878.

поэтъ значительно опередилъ свою эпоху и почти нигдѣ не могъ найти отзвука своимъ желаніямъ и запросамъ. Къ тому же поэтъ слишкомъ мало зналъ жизнь до своего отъѣзда изъ родного городка, и на первыхъ же порахъ долженъ былъ вынести рядъ горькихъ разочарованій. Онъ скитался по Италіи, — мы его видимъ въ Римѣ, Болоньѣ, Миланѣ, Флоренціи, Пизѣ, Неаполѣ, не находя почти нигдѣ настоящаго приложенія для своихъ способностей, тщетно хлопоча о какомъ-нибудь интеллигентномъ занятіи, особенно объ университетской каѳедрѣ, на которую онъ имѣлъ всѣ права, такъ какъ, *для того времени*, отличался значительною эрудиціею, хотя и съ нѣсколько педантическою окраскою [1]). Правда, его поддерживаютъ своимъ сочувствіемъ отдѣльныя лица, почти въ каждомъ городѣ у него находятся друзья и расположенные къ нему люди: Нибуръ, встрѣтившійся съ нимъ въ Римѣ, восторженно отзывается объ его выдающихся способностяхъ; Джордани, съ которымъ онъ вступилъ въ переписку, еще живя въ Реканати, становится его близкимъ другомъ; впослѣдствіи онъ знакомится съ группою флорентинскихъ писателей и любителей просвѣщенія. Но подходящаго, соотвѣтствующаго его вкусамъ занятія онъ все еще такъ и не нашелъ,—одно время и его хотѣли сдѣлать прелатомъ, противъ чего былъ даже самъ графъ Мональдо, а разъ ему предложили, точно въ насмѣшку, каѳедру естественной исторіи, которую онъ едва не принялъ, за неимѣніемъ лучшаго. Когда публика ознакомилась съ его поэтическимъ творчествомъ, его canti вызвали, правда, во многихъ кружкахъ сочувственные отзывы, но большая публика все же не вполнѣ оцѣнила и поняла ихъ, и Джакомо такъ и сошелъ въ могилу, непризнанный современниками, которые не сознавали, какой выдающійся человѣкъ явился изъ захолустья маленькаго городка съ своими грустными думами и пѣснями и странствовалъ по объятому сномъ краю, вѣчно неудовлетворенный, вѣчно больной, слабый, чѣмъ-то озабоченный [2]). Насколько мало современные читатели уловили истинный духъ поэзіи Леопарди, видно изъ того, что когда его отецъ выпустилъ въ свѣтъ свои „Dialoghetti“, проникнутые совершенно другимъ образомъ мыслей, двѣ трети публики въ Римѣ и большинство читателей въ Тосканѣ

---

[1]) Филологическія работы Леопарди въ свое время удостоились похвалы такихъ лицъ, какъ Нибуръ, Бунзенъ, Джордани и др.; теперь они не имѣютъ значенія. См. Ridella, „Una sventura postuma di G. Leopardi“. Torino, 1897, стр. 78.

[2]) Леопарди самъ понималъ этотъ разладъ между нимъ и его современниками. См. A. Bouché-Leclercq, „Giacomo Leopardi, sa vie et ses oeuvres“. Стр. 301.

сочли это произведеніе плодомъ творчества Джакомо [1]). Удивительно ли послѣ этого, что поэтъ съ такимъ равнодушіемъ и ироніею отзывался въ своихъ произведеніяхъ о славѣ, популярности и успѣхѣ у публики [2]).

Въ началѣ странствія по Италіи все же доставляли Леопарди хоть нѣкоторое удовлетвореніе, потому что поддерживали въ немъ надежду на то, что рано или поздно онъ найдетъ такой уголокъ, гдѣ онъ будетъ себя лучше чувствовать, вздохнетъ свободнѣе, избавится отъ томительной меланхоліи. Если Римъ показался ему негостепріимнымъ, безжизненнымъ, затхлымъ, то почему не попробовать счастія въ Болоньѣ или Миланѣ?.. Но постепенно поэтъ долженъ былъ замѣтить, что перемѣна мѣста не приноситъ ему желаннаго облегченія, что грусть не покидаетъ его даже среди самой привлекательной и симпатичной обстановки. По „Epistolario“ можно прослѣдить, какъ почти къ каждому городу Леопарди приближается съ смутными надеждами и ожиданіями; на первыхъ порахъ его письма изъ новаго города иногда носятъ довольно бодрый, почти жизнерадостный характеръ,—но стоитъ поэту немного обжиться въ новой мѣстности, какъ тонъ его писемъ мѣняется, мы чувствуемъ, что меланхолія и мысли о смерти опять тревожатъ его душу и онъ опять стремится куда-то вдаль,—въ минуту слабости вспоминаетъ даже съ сожалѣніемъ о покинутомъ имъ Реканати!.. [3]) Тотъ день, когда онъ пришелъ къ убѣжденію, что „радость и меланхолія—плоды каждой страны“, былъ, безспорно, однимъ изъ самыхъ несчастныхъ въ его жизни. По мѣрѣ приближенія къ роковой развязкѣ, его настроеніе становилось все болѣе мрачнымъ... Онъ, правда, почти никогда не впадалъ въ малодушное уныніе, не терялъ мужества, не склонялся съ пассивною покорностью передъ несчастіемъ; онъ даже ставилъ себѣ въ заслугу то, что онъ можетъ смотрѣть въ глаза житейскимъ невзгодамъ,

---

[1]) Письмо къ отцу изъ Флоренціи отъ 28-го мая 1832 года. Ср. также Кардуччи, „Giacomo Leopardi deputato“, стр. 198—200.

[2]) У Леопарди были и открытые враги, непріязненно къ нему относившіеся или завидовавшіе ему,—напр., Никколо Томмасео. Извѣстно также, что одинъ изъ его современниковъ, считавшійся даже его другомъ, такъ опредѣлялъ философію Леопарди: „Я горбатъ и боленъ,—потому Бога не существуетъ“. Ger. Weiss, „Saggi critici intorno a Giacomo Leopardi“, Milano 1882; стр. 153.

[3]) Патриціи, придерживаясь всюду психіатрическаго метода, видитъ и въ страсти Леопарди къ путешествіямъ болѣзненное, патологическое явленіе. Впрочемъ, его книга вообще страдаетъ обиліемъ крайностей и преувеличеній, отмѣченныхъ во французской диссертаціи финскаго ученаго Hjalmar Hahl'я „Нравственныя тенденціи въ произведеніяхъ Леопарди“ (Гельсингфорсъ 1896).

сознавать неизбѣжность страданій и горя въ жизни каждаго человѣка, и все же продолжать жить и трудиться [1])... Здоровье его между тѣмъ ухудшалось съ каждымъ годомъ. Стоитъ обратиться къ его письмамъ, чтобы вынести тяжелое, почти больничное впечатлѣніе. Въ этихъ письмахъ настолько отразились различные фазисы его недуга, что Патрици получилъ возможность, соединивъ отдѣльные отрывки изъ нихъ въ одно цѣлое, составить весьма цѣнный для спеціалистовъ-медиковъ подробный отчетъ о постепенномъ ходѣ его болѣзни. Прибавимъ къ этому крайне мучительное для всякаго писателя сознаніе невозможности исполнить тѣ широкіе замыслы, которые постоянно рождались въ душѣ поэта, сознаніе своего безсилія передъ безплоднымъ недугомъ, почти лишавшимъ его зрѣнія, дѣлавшимъ его мозгъ неспособнымъ къ работѣ,—и весь ужасъ положенія Леопарди, весь трагизмъ столь небогатыхъ внѣшними событіями послѣднихъ лѣтъ его жизни станетъ особенно очевиднымъ и наглядымъ. Сама смерть его была обставлена исключительно трагическими условіями; онъ умеръ (14-го іюня 1837 года) въ Неаполѣ въ то время, какъ повсюду кругомъ свирѣпствовала холера, вызывавшая общую панику и похитившая множество жертвъ, умеръ, правда, не отъ эпидеміи, а отъ совершенно другой болѣзни [2])... Даже послѣ смерти судьба какъ будто преслѣдовала его; если бы не старанія его друга Ромьери, поэту предстояло быть похороненнымъ въ общей братской могилѣ, вмѣстѣ съ жертвами холеры, и никакой памятникъ не отмѣтилъ бы тогда мѣста его погребенія. Ромьери пришлось не мало хлопотать, прежде чѣмъ ему удалось добиться своей цѣли и получить нужное разрѣшеніе властей; даже въ то время, когда онъ уже везъ тѣло Леопарди ночью въ мѣсто вѣчнаго успокоенія, всѣ препятствія еще не были побѣждены, и на городской заставѣ его едва не остановили и не задержали въ виду строгихъ карантинныхъ мѣръ. Надъ могилою Леопарди въ церкви S. Vitale Fuori Grotta Ромьери помѣстилъ со временемъ доску съ хвалебною надписью, которую теперь рѣшено уничтожить и замѣнить другою, болѣе подходящею, такъ какъ могила Леопарди недавно провозглашена національною собственностью, и надъ нею предполагается воздвигнуть прекрасный памятникъ. Въ этой эпитафіи поэтъ названъ „графомъ Джакомо Леопарди *изъ Реканати*

[1]) Шопенгауеръ считалъ, что подобное сознаніе можетъ даже принести извѣстное утѣшеніе людямъ. „Die Welt als Wille und Vorstellung". B. I, стр. 371—72.

[2]) Описаніе послѣднихъ минутъ и самой смерти Леопарди см. въ книгѣ Марка Монье, „L'Italie est-elle la terre des morts", P. 1860, стр. 162 и слѣд.

(Recanatese)" и прославляется, во-первыхъ, какъ замѣчательный филологъ, во-вторыхъ, какъ философъ, и только, *въ-третьихъ*, какъ поэтъ, „котораго можно сравнить лишь съ греческими авторами". Это тоже, въ своемъ родѣ, грустная иронія судьбы!..

Такова, въ общихъ чертахъ, тяжелая жизнь одного изъ самыхъ выдающихся и талантливыхъ дѣятелей новой итальянской литературы. Болѣе, чѣмъ какой-либо другой пессимистъ, онъ не путемъ отвлеченныхъ построеній, а наоборотъ, основываясь на дорого ему стоившемъ опытѣ, пришелъ къ сознанію несчастной участи всего человѣческаго рода. Онъ обобщилъ свои индивидуальныя страданія и слилъ свою скорбь и тоску съ вѣчною скорбью *всѣхъ людей*, всего міра. Быть можетъ, поэтому его творчество такъ неотразимо дѣйствуетъ на человѣческое сердце даже теперь, когда долгіе годы отдѣляютъ насъ отъ его смерти, когда мы ясно чувствуемъ недостатки внѣшней формы иныхъ его стихотвореній, неумѣстность и искусственность классическихъ реминисценцій въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, преувеличенія и крайности, отъ которыхъ онъ отнюдь не былъ свободенъ. „Sono nato a sopportare", „я рожденъ, чтобы терпѣть",—говоритъ Леопарди въ одномъ изъ раннихъ своихъ писемъ.—Но, конечно, не только для этого былъ рожденъ геніальный неудачникъ: онъ былъ призванъ подѣлиться затѣмъ съ людьми своими грустными думами—отголосками вынесенныхъ страданій, и печальнымъ житейскимъ опытомъ. Онъ завѣщалъ своему народу и всему человѣчеству дышащее правдою творчество, которое въ общемъ такъ же безотрадно и сумрачно, какъ отразившаяся въ немъ страдальческая жизнь.

II.

„Tutto è vano, altro che il duolo", „все, кромѣ скорби,—суета", читаемъ мы въ стихотвореніи къ Анджело Маи, относящемся къ 1819 году. Среди патріотическихъ сѣтованій, среди воспоминаній о минувшей славѣ Италіи, у юнаго поэта вырвалась эта грустная сентенція, которую можно поставить эпиграфомъ къ большей части его произведеній... По мѣрѣ того, какъ характеръ таланта Леопарди мѣнялся и онъ становился прежде всего геніальнымъ пѣвцомъ міровой скорби, эта общая мысль была имъ развита и обоснована съ рѣдкою силою и убѣжденностью. Патріотизмъ Леопарди, внушившій ему, правда, много прекрасныхъ строкъ, выразившійся, между прочимъ, въ знаменитомъ гимнѣ къ Италіи, былъ все же лишь мимолетнымъ элемен-

томъ въ его творчествѣ. Считать Леопарди національнымъ пѣвцомъ, представителемъ тенденціозной лирики мы не имѣемъ никакого права, потому что патріотическія его вещи стоятъ совершенно особнякомъ и впослѣдствіи онъ уже не возвращается къ этому жанру. Всѣ эти вещи принесли въ свое время значительную долю пользы, воодушевляя и ободряя молодое поколѣніе, которое зачитывалось ими; но теперь насъ слишкомъ часто поражаетъ въ нихъ реторическій и декламаціонный тонъ, соединенный съ изобиліемъ отголосковъ классическаго міра, который привлекалъ поэта въ то время гораздо больше, чѣмъ Италія среднихъ вѣковъ и Возрожденія [1]). Если бы скорбь о тяжеломъ *политическомъ* положеніи Италіи занимала болѣе видное мѣсто въ его міросозерцаніи, она, конечно, не могла бы пройти со временемъ почти безслѣдно (*умственный* застой родины возмущалъ Леопарди до конца его дней). Постепенно поэтомъ овладѣваютъ грустныя мысли и сѣтованія болѣе общаго характера, — онъ имѣетъ теперь въ виду всѣ страны и всѣхъ людей: „скорбь полновластно царитъ въ мірѣ, и неумолимая, слѣпая судьба поражаетъ тяжелою карою людей, иногда совершенно того не заслуживающихъ“, — вотъ какова отнынѣ главная мысль многихъ его произведеній. Въ „Ultimo canto di Saffo“ греческая поэтесса спрашиваетъ природу, какой грѣхъ, какое преступленіе совершили ея родители до ея появленія на свѣтѣ, что она съ самаго начала жизни обречена на такія муки и нравственныя страданія въ этомъ мірѣ, гдѣ, впрочемъ, и вообще „все тайна, кромѣ нашего горя“, гдѣ несчастный родъ людской созданъ только для того, чтобы плакать. Все проходитъ скоро и безслѣдно на землѣ,— любовь, молодость, красота; такъ быстро пролетаетъ веселый праздничный день, котораго съ нетерпѣніемъ ждалъ трудящійся, утомленный работою поселянинъ; нѣсколько часовъ отдыха, веселья и радости съ пѣніемъ, пляскою, пирушками прервали однообразное теченіе его трудовой жизни; но вотъ насталъ уже вечеръ, праздникъ конченъ, все стихаетъ кругомъ, а завтра утромъ снова начнется „il giorno volgare“—царство будничной, житейской прозы [2]). Жизнь—только тяжелый, томительный сонъ, ко-

[1]) Подробную и въ общемъ очень вѣрную, хотя и строгую характеристику юношескихъ патріотическихъ стихотвореній Леопарди см. у Монтефредини, стр. 378 и слѣд., ср. также Эдуарда Рода, „Etudes sur le XIX siècle“, I. Giacomo Leopardi, Paris 1894; глава I. Любопытно, что еще въ 1856 году какой-то цирюльникъ Пьетро Мерлино былъ приговоренъ къ штрафу въ 1000 дукатовъ за то, что у него нашлась запрещенная книга подъ заглавіемъ: „Canti di Giacomo Leopardi“. Кардуччи, стр. 201—202.

[2]) „La sera del dì di festa“.

торый трудно сносить мыслящему человѣку; она не имѣетъ никакой цѣны, а между тѣмъ толпа лихорадочно держится, какъ бы цѣпляется за нее,—точно она заключаетъ въ себѣ реальное благо!.. Тоска, вызываемая неудовлетворенными желаніями, несбыточными мечтами о счастьѣ и постоянными разочарованіями, составляетъ удѣлъ всѣхъ вдумчивыхъ людей, которые напрасно иногда стараются заглушить ее путешествіями, развлеченіями, даже занятіями [1]). Участь людей на землѣ — вѣчная борьба съ препятствіями и опасностями всякаго рода, непрерывный рядъ лишеній, трудовъ и невзгодъ; ее можно сравнить съ тяжелою долею степного кочевника, который съ ранняго дѣтства и до конца дней своихъ странствуетъ по необъятнымъ пастбищамъ со своими стадами, внося холодъ и жару и постоянно разрывая одежду и раня свои ноги объ острые камни, часто попадаетъ подъ грозу и бурю въ открытомъ полѣ и совершенно не отдаетъ себѣ отчета, почему онъ долженъ всегда жить среди заботъ и страданій, и какова конечная цѣль этого безрадостнаго существованія. Такъ и всякій человѣкъ, въ сущности, родится, чтобы выносить муки и невзгоды; самое его появленіе на свѣтъ есть уже несчастіе, въ которомъ его стараются утѣшить родители, и день рожденія можно считать роковымъ для каждаго—è funesto a chi nasce il dì natale [2]). „Всѣмъ человѣческимъ душамъ,—говоритъ природа въ „Dialogo della natura e di un'anima", суждено быть жертвами несчастія, притомъ не по моей винѣ". „Я думаю, что нѣтъ ничего болѣе яснаго и осязательнаго, чѣмъ неизбѣжное несчастье всѣхъ живыхъ существъ", — говоритъ Элеандръ въ „Dialogo di Timandro e di Eleandro".—Въ одномъ интересномъ письмѣ къ Паолинѣ Леопарди доказываетъ ей однажды, что если отбросить тѣлесныя страданія, всѣ люди окажутся одинаково счастливыми или одинаково несчастными, все равно, будутъ ли они бѣдны, стары, слабы, уродливы, невѣжественны, или, наоборотъ, богаты, молоды, сильны, красивы, образованы; всѣ они подлежатъ однимъ и тѣмъ же міровымъ законамъ, и, слѣдовательно, ихъ участь является, до извѣстной степени, одинаковою [3])! Человѣчество такъ привыкло къ страданьямъ и опасностямъ, считая ихъ неотъемлемою принадлежностью своего существованія, что уже одно избавленіе отъ какой-нибудь опасности или бѣды кажется ему положительнымъ, реальнымъ счастьемъ.

---

[1]) „Al conte Carlo Pepoli".

[2]) „Canto notturno di un pastore errante dell'Asia".

[3]) Письмо изъ Рима отъ 28-го января 1823 года.

Когда гроза или буря, приведя въ трепетъ всѣ живыя существа, смѣняется затѣмъ тишиною и спокойствіемъ всей природы и яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, всѣ чувствуютъ себя точно обновленными, всѣ довольны и веселы,—а, собственно, что особеннаго радостнаго случалось для этихъ людей?.. можно ли назвать настоящимъ счастьемъ отсутствіе несчастныхъ, страха и печали? Но таковы уже взгляды, которыхъ придерживается умудренное опытомъ человѣчество: „избѣгнуть мукъ у насъ считается радостью“ [1])... Въ оригинальной, но совершенно фантастической „Storia del genere umano“ читаемъ, что самъ Зевсъ послалъ на землю страданія, болѣзни, создалъ гибельныя для людей явленія природы, бури, грозы, чтобы они болѣе дорожили своею жизнью, чувствуя себя постоянно въ опасности, и испытывали извѣстное наслажденіе и отраду, избавившись отъ того или другого бѣдствія...

И въ то самое время, какъ человѣкъ выноситъ всѣ эти страданія и невзгоды, томится неразрѣшимыми сомнѣніями и тревогами, природа остается совершенно равнодушною къ его участи,—хотя онъ и старается иногда найти въ ней отзвукъ своимъ мыслямъ и скорбямъ, пріобщить ее къ чувству тоски, одиночества или безсилія, волнующему его измученную грудь. Когда Брутъ младшій готовится къ смерти, видя крушеніе республиканскаго строя и упадокъ древняго Рима, онъ невольно поражается безучастностью природы, которой нѣтъ никакого дѣла до людскихъ горестей; блѣдная, прекрасная царица ночи — луна освѣщаетъ поля, залитыя кровью борцовъ за свободу, съ такимъ же холоднымъ величіемъ и красотою, какъ она озаряла когда-то великій городъ въ эпоху его славы и могущества [2]). „Vivi tu, vivi, o santa natura“?—съ горечью спрашиваетъ однажды поэтъ; и ему вспоминается античный міръ, когда вся природа казалась полною жизни, когда рѣки, лѣса и горы были населены по волѣ пылкой фантазіи благодѣтельными божествами, будто бы принимавшими близкое участіе въ судьбѣ людей. Теперь старыя вѣрованія забыты, но человѣчество все еще не хочетъ разстаться съ мыслью, что между нимъ и природою есть какая-то таинственная связь... У самого Леопарди вырывается однажды отчаянный возгласъ, обращенный къ природѣ, которую онъ призываетъ бросить сострада-

---

[1]) „La quiete dopo la tempesta“. Ср. также „Dialogo di Federico Ruysch e delle sue mommie“: „la cessazione di qualunque dolore o disagio è piacere per sè medesima“, говоритъ тамъ одна изъ мумій.

[2]) „Bruto minore“.

тельный взглядъ на муки людей [1]). Но этотъ возгласъ мы нахо димъ въ одномъ изъ раннихъ его произведеній; впослѣдствіи онъ освободился отъ всякихъ иллюзій по этой части. Онъ понялъ, что тотъ, кто страдаетъ или гонимъ людьми, напрасно сталъ бы искать утѣшенія и поддержки у природы [2]). Съ грустью блуждаетъ онъ по развалинамъ Геркуланума и Помпеи и призываетъ всѣхъ, кто еще считаетъ возможнымъ восхвалять человѣческую судьбу и заботливость природы о людяхъ, взглянуть, какое равнодушіе эта самая природа выказала когда-то къ участи своихъ предполагаемыхъ питомцевъ [3]). Въ діалогахъ Леопарди попадаются рѣзкія насмѣшки надъ обще-распространеннымъ мнѣніемъ, будто все въ природѣ создано для человѣка. Въ „Dialogo di un foletto e di un gnomo", напоминающемъ по общему духу тургеневскій разговоръ между Юнгфрау и Финстераргорномъ, Леопарди представляетъ себѣ, что родъ людской уже прекратилъ свое существованіе, и земля осталась совершенно безлюдною. И что же? все идетъ по прежнему, — море и рѣки, по которымъ не плаваютъ болѣе, какъ въ старину, торговыя суда, не высохли отъ этого и не измѣнили своего русла, звѣзды и планеты, призванныя играть, по мнѣнію людей, роль какихъ-то большихъ лампъ или свѣтильниковъ, спеціально созданныхъ, чтобы человѣчество могло что-нибудь видѣть ночью, по прежнему озаряютъ землю. Солнце не одѣлось въ трауръ по случаю исчезновенія человѣческаго рода, какъ то случилось, по увѣренію Виргилія, послѣ смерти Цезаря, которую оно на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, такъ же мало приняло къ сердцу, какъ статуя Помпея [4])... „Развѣ я нянька или поваръ человѣческаго рода, что меня считаютъ обязаннымъ приготовлять ему любимыя кушанья?—говоритъ солнце въ діалогѣ „Il Copernico":—„и съ чего я стану безпокоиться о томъ, что ничтожное количество маленькихъ незамѣтныхъ созданій, отдѣленныхъ отъ меня милліонами миль, не могутъ ничего видѣть и не въ силахъ бороться съ холодомъ безъ моего свѣта"? Но особенно ясно проведена мысль о безусловномъ равнодушіи природы къ судьбѣ людей въ знаменитомъ „діалогѣ между природою и исландцемъ". Уроженецъ бѣднаго, обиженнаго судьбою края, исходившій всю землю, съ цѣлью убѣжать отъ преслѣдованій природы, которая ему представляется въ видѣ злобнаго и

[1]) „Alla primavera o delle favole antiche".

[2]) „La vita solitaria".

[3]) „La ginestra o il fiore del deserto".

[4]) Сходную мысль см. въ „Philosophie des Unbewussten" Гартмана (Berlin, 1874), стр. 759.

мстительнаго божества, неожиданно сталкивается съ нею, лицомъ къ лицу, гдѣ-то около экватора, и въ горячихъ, страстныхъ выраженіяхъ упрекаетъ ее въ тѣхъ страданіяхъ, которыя она приноситъ человѣку, въ томъ, что она создала грозы, ураганы, тропическій жаръ, страшные холода, землетрясенія, изверженія вулкановъ, дикихъ звѣрей, ядовитыхъ змѣй, несмѣтныя тучи насѣкомыхъ, словомъ, сдѣлала все, чтобы человѣческая жизнь пріобрѣла тревожный и мучительный характеръ. Отвѣчая на эти укоры, природа не считаетъ нужнымъ ни опровергать ихъ, ни соглашаться съ ними; она просто разъясняетъ своему собесѣднику, что ей нѣтъ дѣла до людей, что, создавая тѣ или иныя явленія, она вовсе не думаетъ о томъ, будетъ ли это имъ пріятно, или нѣтъ. Если эти явленія доставляютъ имъ радость или горе, то это не значитъ, чтобы она съ самаго начала имѣла въ виду обрадовать или покарать кого-нибудь; это выходитъ совершенно случайно, — природа даже не обращаетъ вниманія на то, какое дѣйствіе оказываютъ ея поступки на людей, не интересуется тѣмъ, какого они мнѣнія объ ея мѣропріятіяхъ. Если-бъ даже весь родъ людской погибъ, она бы не замѣтила этого [1])!

Понятно, что полное равнодушіе къ судьбѣ человѣчества той самой природы, среди которой долженъ жить и съ которою принужденъ постоянно имѣть дѣло человѣкъ, съ точки зрѣнія Леопарди придаетъ нашему существованію еще болѣе безотрадный характеръ... Животныя, какъ онъ неоднократно повторяетъ съ какимъ-то мрачнымъ отчаяніемъ, гораздо счастливѣе насъ: они не знаютъ никакихъ сомнѣній, не задумываются надъ загадкою жизни, никогда не скучаютъ, достигаютъ старости, не размышляя о будущемъ. Безсловесное стадо, блуждающее безъ опредѣленной цѣли по различнымъ пастбищамъ, счастливѣе своего пастуха, потому что оно живетъ настоящею минутою, скоро забываетъ перенесенныя страданія, между тѣмъ какъ духъ человѣка ни-

[1]) „Dialogo della Natura e di un Islandese“. Невольно вспоминаются здѣсь сходныя мысли, высказанныя въ свое время различными писателями, между прочимъ Тургеневымъ (въ его „Поѣздкѣ въ Полѣсье“): „Трудно человѣку, существу одного дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно на него устремленный взглядъ вѣчной Изиды... Онъ чувствуетъ, что послѣдній изъ его братіи можетъ исчезнуть съ лица земли — и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ; онъ чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность и съ торопливымъ, тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни“. Ср. также нѣкоторыя стихотворенія г-жи Аккерманъ („La nature à l'homme“ „L'homme à la nature“ и др.), у которой вообще есть много общаго съ Леопарди (вспомнимъ ея „L'amour et la mort“, „L'homme“, „Le cri“.).

когда не знаетъ покоя [1]). У людей вообще есть въ сущности только одно несомнѣнное преимущество передъ звѣрями, отмѣченное еще Гомеромъ, но отнюдь не завидное и не приносящее имъ отрады; это „il principato della infelicità". Даже въ моментъ смерти сказывается разница между животными и людьми; первыя умираютъ гораздо спокойнѣе, ни надъ чѣмъ не задумываясь, не вспоминая своей прежней жизни, не безпокоясь о томъ, что ихъ ждетъ дальше... Еще въ самую отдаленную пору Зевсъ замѣтилъ, насколько люди несчастнѣе животныхъ, потому что они вѣчно стремятся къ чему-то невозможному и ничѣмъ не довольствуются, между тѣмъ какъ звѣри не идутъ въ своихъ желаніяхъ и требованіяхъ отъ жизни дальше удовлетворенія самыхъ элементарныхъ своихъ потребностей [2])...

Взглядъ Леопарди на человѣческую природу также отнюдь не отличается особымъ оптимизмомъ... Оплакивая людскія страданія и кратковременную, полную горя жизнь, онъ не дѣлаетъ себѣ никакихъ иллюзій относительно нравственныхъ достоинствъ человѣка. Иногда въ порывѣ раздраженія онъ придаетъ своимъ отзывамъ слишкомъ рѣзкій и безпокойный характеръ; онъ былъ гораздо мягче, терпимѣе и гуманнѣе, чѣмъ это можно заключить по инымъ его произведеніямъ. Если въ его лирическихъ стихотвореніяхъ довольно рѣдко встрѣчаются выходки противъ современниковъ, то въ прозаическихъ сочиненіяхъ своихъ онъ бываетъ порою неумолимъ въ отрицательныхъ приговорахъ [3]). Впрочемъ, въ числѣ его стихотворныхъ произведеній мы находимъ такую рѣзкую вещь, какъ „La ginestra o il fiore del deserto", съ насмѣшками надъ ничтожными современниками, надъ „гордымъ, но глупымъ вѣкомъ" и тѣми, кто ему льститъ и рукоплещетъ, и „La Palinodie" (о ней скажемъ далѣе).

Подобно этому, въ стоящемъ совершенно особнякомъ среди сочиненій Леопарди опытѣ въ эпическомъ родѣ „Paralipomeni della Batracomiomachia", онъ смѣется, иногда впадая въ крайности, надъ участниками неаполитанской революціи 1821 года, обличая ихъ неумѣлый и непрактичный образъ дѣйствій, наивность, отсутствіе необходимой подготовки [4]). Въ діалогахъ Леопарди

---

[1]) „Canto notturno" и пр.; „Bruto minore".

[2]) „Dialogo di Plotino e di Porfirio"; „Storia del Genere umano". Сходныя мысли попадаются и въ сочиненіяхъ Шопенгауера. Ср. James Sully, „Pessimism, history and criticism", стр. 95 и др.

[3]) Сатирическому элементу въ творчествѣ Леопарди посвященъ отдѣльный этюдъ въ книгѣ Дж. Вейса „Saggi Critici intorno a Giacomo Leopardi".

[4]) Paralipomeni и пр. Paris, 1842.—Ср. Монтефредини, стр. 605—611.

ироническій, полный сарказма, наконецъ, добродушно насмѣшливый тонъ преобладаетъ надъ грустнымъ, меланхолическимъ или чисто философскимъ. Въ оригинальномъ, хотя не свободномъ отъ утрировки „Dialogo della Moda et della Morte“, онъ бросаетъ ироническій взглядъ на то первенствующее значеніе, которое принадлежитъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ модѣ, уродующей и сокращающей нашу жизнь различными способами до такой степени, что она получаетъ извѣстное право назвать себя „сестрою смерти“. Вообще нашъ вѣкъ, по взгляду Леопарди, во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже предъидущихъ; тогда на первый планъ воздвигалась только посредственность, теперь же—ничтожество; всего хуже то, что мелкіе и незначительные люди мнятъ себя даровитыми и полезными для общества и способны оттѣснить на второй планъ немногихъ истинно выдающихся дѣятелей [1]).

Свѣтъ есть не что иное, какъ заговоръ негодяевъ противъ честныхъ людей и пошлыхъ противъ благородныхъ. Добрые, честные, правдивые люди всегда будутъ не ко двору въ человѣческомъ обществѣ, потому что они являются существами совершенно другой породы и только стѣсняютъ своимъ присутствіемъ; къ тому же они имѣютъ обыкновеніе называть вещи своими именами, а это свойство далеко не всегда удобное... Леопарди негодуетъ и по поводу вопіющаго разногласія и противорѣчія между словами и дѣлами, которое такъ часто замѣчается въ общежитіи. Но всего болѣе его возмущаетъ склонность людей къ рабству, иногда совершенно добровольному. Человѣческая натура съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ подчиняется силѣ, и тотъ, кто ее порабощаетъ и приводитъ въ трепетъ (поэтъ вспоминаетъ при этомъ случаѣ Наполеона), нерѣдко пользуется особымъ поклоненіемъ, почетомъ и даже любовью устрашенной имъ толпы. „Свѣтъ, какъ женщина, принадлежитъ тому, кто его соблазняетъ, наслаждается имъ, а потомъ попираетъ его ногами“ [2]).

Въ письмѣ къ Бригенти Леопарди даетъ аристократіи названіе „безжизненнаго общественнаго организма“, но ему тутъ же приходитъ въ голову мысль: какое сословіе можетъ, въ сущности, быть названо въ наши дни жизненнымъ? Всѣ классы заражены эгоизмомъ, разрушающимъ все прекрасное и великое; свѣтъ безъ энтузіазма, великодушныхъ мыслей и благородныхъ поступковъ представляетъ собою скорѣе что-то мертвое, чѣмъ

[1]) „Dialogo di Tristano e di un amico“.
[2]) „Pensieri“, I, XXIII, LXXIV, LXXV.

живое“ [1]). Въ другой разъ, желая утѣшить Бригенти въ постигшей его невзгодѣ, онъ очень оригинально принимается за дѣло, стараясь убѣдить его въ томъ, что несчастье—единственный удѣлъ, какой могъ выпасть ему на долю, какъ человѣку честному и добродѣтельному [2]).

Но, быть можетъ, человѣческая натура со временемъ измѣнится, и подъ вліяніемъ успѣховъ цивилизаціи поднимется нравственный уровень общества. Леопарди не вѣритъ и въ это! Идея прогресса кажется ему химерою и мечтою, она вызываетъ на его лицѣ только ироническую улыбку [3]). Пусть внѣшняя культура дѣлаетъ гигантскіе шаги впередъ, пусть электричество и желѣзныя дороги получаютъ все больше и больше значенія для *людей*, пусть возростаетъ число газетъ и журналовъ, природа человѣка отъ этого не измѣнится! Истинныя заслуги всегда останутся непризнанными; добродѣтель, скромность и честность обречены на то, чтобы всюду приносить тѣмъ, кто ими одаренъ, одно несчастье. При всякомъ государственномъ строѣ обманъ, наглость и ничтожество будутъ царить на землѣ; благородному, честному человѣку придется вѣчно томиться печалью, между тѣмъ какъ жизнь негодяя будетъ походить на праздникъ. Девятнадцатый вѣкъ не болѣе въ силахъ измѣнить этотъ порядокъ вещей, возродить и возвысить человѣческую природу, чѣмъ девятый, десятый или какіе-либо будущіе вѣка [4])... Когда Тимандръ старается увѣрить Элеандра въ томъ, что человѣкъ можетъ прогрессировать, что онъ и теперь сталъ уже лучше, чѣмъ прежде, тотъ отвѣчаетъ ему словами, полными горькой иронiи, доказывая, что такое предположеніе не имѣетъ за себя такихъ убѣдительныхъ доводовъ, что познаніе истины и расширеніе умственнаго кругозора едва ли можетъ сдѣлать человѣчество счастливѣе и лучше [5]). Такъ точно и Тристанъ скептически отзывается о способности нашего столѣтія совершить чудеса и даровать человѣчеству что-то въ родѣ золотого вѣка; его собесѣдникъ называетъ XIX вѣкъ переходнымъ, но Тристанъ замѣчаетъ, что до извѣстной степени можно, пожалуй, всѣ вѣка назвать переходными. Что же касается до того, что переломъ отъ XVIII вѣка къ XIX былъ гораздо болѣе рѣзкимъ и крутымъ, чѣмъ это случается обыкновенно, то

[1]) Письмо къ Пьетро Бригенти изъ Рекианати отъ 28 августа 1820 года.

[2]) Письмо къ нему же отъ 8 декабря 1820.

[3]) О томъ, какъ относится къ идеѣ прогресса Гартманъ см. James Sully, „Pessimism“, стр. 137, 249 и слѣд.

[4]) „Palinodia, al marchesse Gino Capponi“.

[5]) „Dialogo di Timandro e di Eleandro“.

Тристанъ, представитель поколѣнія, разочаровавшагося въ плодотворности какихъ-либо революціонныхъ переворотовъ, высказывается противъ такого перелома: все равно, онъ ничего измѣнить не можетъ, и чѣмъ болѣе страстный, порывистый характеръ онъ будетъ носить, тѣмъ сильнѣе будетъ реакція, которая его непремѣнно смѣнитъ, снова отодвинувъ человѣчество назадъ, притомъ, быть можетъ, еще дальше, чѣмъ оно было до тѣхъ поръ [1])... Равнодушіе Леопарди къ такимъ важнымъ фактамъ современной ему политической жизни, какъ, напримѣръ, іюльская революція во Франціи, и его скептическое отношеніе къ нимъ на первыхъ порахъ нѣсколько поражаетъ насъ, особенно, если вспомнить энтузіазмъ, вызванный этими же событіями у многихъ другихъ писателей того времени...

Параллельно съ категорическимъ отрицаніемъ прогресса, у Леопарди сказываются иногда идеи, нѣсколько напоминающія теоріи Руссо о первобытномъ состояніи человѣка. Считая своихъ современниковъ жалкими и ничтожными, скептически относясь къ успѣхамъ культуры, онъ любитъ иногда уноситься думами въ такую пору, когда люди были ближе къ природѣ, жили болѣе чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ. Миръ и душевное спокойствіе царили когда-то на землѣ, увѣряетъ себя Леопарди, но потомъ это все уступило мѣсто тревогамъ, заботамъ и печали, особенно послѣ того, какъ былъ воздвигнутъ первый городъ, „пріютъ и царство мучительныхъ заботъ“. Но поэтъ вѣритъ, что гдѣ-то въ лѣсахъ Калифорніи живетъ еще счастливое племя, не томящееся сомнѣніями и вѣчными неразрѣшимыми вопросами, близкое къ природѣ, неприхотливое въ своихъ желаніяхъ и требованіяхъ. Оно счастливо потому, что культурные европейцы еще не проникли въ этотъ заповѣдный уголокъ, не научили этихъ дѣтей природы невѣдомымъ имъ до сихъ поръ желаніямъ и мукамъ [2]). Въ другой разъ онъ съ какимъ-то озлобленіемъ отзывается о большихъ городахъ, гдѣ ненависть идетъ рука объ руку съ страданіемъ [3]). Въ „Dialogo di Plotino e di Porfirio“ второй собесѣдникъ отзывается очень иронически о цивилизаціи, какъ о „coruttela del nostra stato“. Сходную мысль Леопарди высказываетъ однажды и отъ своего собственнаго имени, обвиняя цивилизацію въ томъ, что она нерѣдко можетъ быть отождествлена съ упадкомъ нравовъ [4]). Когда, послѣ долгаго житья на родинѣ,

[1]) „Dialogo di Tristano e di un amico“.
[2]) „Inno ai patriarchi“.
[3]) „La vita solitaria“.
[4]) „Pensieri“, XXXIV.

поэтъ прибылъ въ Римъ, впечатлѣніе, произведенное на него большимъ городомъ, было весьма неблагопріятно. Чувства, вызванныя въ его душѣ непривычною обстановкою и отчасти отразившіяся въ его письмахъ, не многимъ разнились отъ нападокъ на города, какъ зловредное изобрѣтеніе человѣческаго ума, которыя мы находимъ въ его стихотвореніяхъ и діалогахъ [1]).

Понятно, что, оцѣнивая людей очень невысоко, Леопарди не могъ придавать большой цѣны и тому, что̀ для другого человѣка способно скрасить и облегчить самую тяжелую и грустную жизнь,—славѣ и популярности. Онъ не разъ задумывался надъ вопросомъ о томъ, можетъ ли слава быть предметомъ страстнаго желанія, стоитъ ли бороться и трудиться, чтобъ ея достигнуть. Когда-то онъ мечталъ о славѣ со всѣмъ пыломъ и воодушевленіемъ юности; въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ писемъ онъ откровенно признается, что жаждетъ славы. „У меня есть громадное, быть можетъ, неумѣренное и дерзкое желаніе славы“, говоритъ онъ, между прочимъ [2]). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ заявляетъ, что чувствуетъ смертельный страхъ передъ неизвѣстностью и скромною участью, что онъ хочетъ возвыситься надъ толпой и пріобрѣсти великое и вѣчное имя, благодаря своему уму и трудамъ. Но такъ дорожить славою можно только до тѣхъ поръ, пока мнѣніе людей вообще имѣетъ въ глазахъ писателя цѣну и значеніе; въ противномъ случаѣ приговоръ свѣта, естественно, теряетъ для него всякій смыслъ. Въ умѣ Леопарди рано сложилось убѣжденіе, что масса никогда не цѣнитъ по заслугамъ тѣхъ, кто трудится на ея пользу, при ихъ жизни, что она „любитъ умѣетъ только мертвыхъ“ и осыпаетъ иногда замѣчательныхъ людей похвалами, когда уже слишкомъ поздно [3])... Замѣтимъ, съ какимъ презрѣніемъ Брутъ Младшій отзывается передъ смертью о похвалахъ толпы, предпочитая, чтобы вѣтеръ развѣялъ по воздуху его славу, чѣмъ чтобы его имя жило въ памяти развращенныхъ и испорченныхъ внуковъ... Богиня славы болѣе страдаетъ слѣпотою, чѣмъ счастье, рокъ и любовь, говоритъ однажды Леопарди [4]). Въ „Dialogo della natura e di

[1]) См., напримѣръ, письмо къ Карлу Леопарди отъ 6-го декабря 1822 года, изъ Рима.

[2]) Письмо къ Пьетро Джордани отъ 21 марта 1817 года. Есть свѣдѣнія, что еще въ пору дѣтскихъ игръ и забавъ Джакомо всегда старался быть первымъ и повелѣвать другими; товарищи называли его „il prepotente“. См. „Appendice al Epistolario“, изд. подъ ред. П. Віани, стр. 33; Térésa Leopardi, „Notes biographiques“, стр. 31—33.

[3]) „Nelle nozze della sorella Paolina“.

[4]) „Al conte Carlo Pepoli“.

natura" природа рисуетъ яркую картину несправедливаго отношенія толпы къ ея великимъ дѣятелямъ. Если человѣкъ отличается выдающимися достоинствами, его зачастую преслѣдуютъ при жизни завистью и враждою или выказываютъ ему равнодушіе и холодность, не признавая его заслугъ и дарованія. Но послѣ смерти,—иногда тотчасъ же, какъ это случилось съ Камоэнсомъ, иногда черезъ нѣсколько лѣтъ, какъ это выпало на долю Мильтона, отношеніе къ навѣки утраченному дѣятелю кореннымъ образомъ мѣняется. Прахъ непонятаго при жизни человѣка нерѣдко покоится въ роскошной гробницѣ, его портреты расходятся по всей странѣ, его біографія дѣлается предметомъ изученія, малѣйшіе эпизоды его жизни вызываютъ тщательныя изысканія; наконецъ, молва объ его дѣятельности распространяется за предѣлы его родины, и скоро весь цивилизованный міръ полонъ его славы!

Въ „Epistolario" Леопарди также очень рано попадаются скептическіе отзывы о томъ утѣшеніи, которое, по обще-распространенному мнѣнію, можетъ доставить человѣку популярность у современниковъ. Ему еще не исполнилось двадцати лѣтъ, когда онъ заявляетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что начинаетъ презирать славу и понимать, какъ отрадно самому быть довольнымъ собою, что онъ хочетъ стать выше той славы и репутаціи, которую создаетъ, по своему усмотрѣнію, толпа и для полученія которой нужно иногда унижаться передъ людьми [1])...

Такимъ образомъ человѣческая жизнь получаетъ въ освѣщеніи Леопарди глубоко трагическій и безотрадный характеръ [2]). Скорбь царитъ въ мірѣ, все прекрасное непрочно, мимолетно, заранѣе осуждено на гибель, міровые вопросы неразрѣшимы, природа безучастна и равнодушна къ участи человѣчества, люди порочны, завистливы, легкомысленны и неразумны. При такихъ условіяхъ мыслящему человѣку тяжело и грустно жить на землѣ. Смерть является поэтому желаннымъ избавленіемъ отъ всѣхъ мукъ и невзгодъ, связанныхъ съ землею; еще въ самые юные годы поэтъ призывалъ ее среди радостей и забавъ, обыкновенно увлекающихъ и обманывающихъ людей въ этомъ возрастѣ, а теперь, когда онъ такъ много испыталъ, такъ глубоко созналъ все

[1]) Письмо къ Джордани отъ 16 января 1818 года.

[2]) Общую оцѣнку пессимизма Леопарди см., между прочимъ, у Монтефридини, Эд. Рода, П. Гейзе и др. Укажемъ и на одну изъ крайне малочисленныхъ русскихъ работъ, посвященныхъ Леопарди—Вл. Штейна, Гр. Джакомо Леопарди и его теорія „infelicita". (Спб. 1891). Ср. также статью профессора Н. И. Стороженка: „Поэзія міровой скорби" (Русская Мысль, 1889 годъ).

несовершенство окружающаго, она представляется ему лучшимъ, единственнымъ исходомъ. Онъ понимаетъ теперь „la gentilezza del morir", онъ обращается къ „красавицѣ смерти" съ мольбою, чтобы она закрыла его грустныя очи, прекратила его страданія,— вѣдь только она одна относится участливо къ тяжелой судьбѣ человѣчества и приходитъ ему на помощь [1]). Недаромъ Альфредъ де-Мюссе называлъ поэта „Sombre amant de la Mort, pauvre Leopardi" [2]). Въ письмѣ къ Джордани, отъ 26 апрѣля 1819 года, юный поэтъ уже говоритъ о смерти, какъ объ единственномъ средствѣ избавиться отъ несчастья и горя, томящаго его душу; въ концѣ того же года онъ признается Джордани, что считаетъ себя какъ бы уже мертвымъ; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ одномъ изъ его писемъ мы находимъ эту грустную фразу: „пора умирать". Проходитъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, и въ знаменитомъ письмѣ къ отцу изъ Флоренціи отъ 3 іюля 1832 года онъ опять заявляетъ, что если и возможно, что кто-нибудь когда-либо желалъ смерти столь же искренно и страстно, какъ онъ ея давно желаетъ, то уже навѣрное никто не превзошелъ его въ этомъ отношеніи. „Я завидую мертвымъ и только съ ними хотѣлъ бы помѣняться своею участью", говоритъ Тристанъ въ „Dialogo di Tristano e di un amico". Если бы ему предложили на выборъ или пріобрѣсти славу Цезаря и Александра Македонскаго, или сейчасъ же умереть, онъ безъ всякаго колебанія выбралъ бы послѣднее...

Но, являясь лучшимъ, прямо единственнымъ средствомъ избавиться отъ зла и горя, царящаго въ мірѣ, смерть, по взгляду Леопарди, приноситъ человѣчеству уже ту несомнѣнную пользу, что пріучаетъ его менѣе дорожить такъ называемыми благами жизни, показывая всю ихъ кратковременность и непрочность. Въ стихотвореніи „A Silvia" поэтъ вспоминаетъ, какъ смерть любимой дѣвушки открыла ему глаза на шаткость земного счастья, на мимолетный характеръ всякаго наслажденія, какъ, скрываясь во мракѣ вѣчной ночи, дорогое его сердцу существо показало ему въ туманной дали будущаго „холодную смерть и обнаженную могилу". Но, быть можетъ, всего ярче эти мысли о безсиліи красоты и молодости передъ всевластною, неумолимою смертью

---

[1]) „Le ricordanze", „Amore e morte".

[2]) Oeuvres complètes. Paris, 1889, „Après une lecture". Многіе вопросы, волновавшіе душу Леопарди,—объ участи всѣхъ людей, о мимолетности любви и счастья, объ отношеніи человѣка къ природѣ и т. д., отразились и въ произведеніяхъ самого Мюссе; укажемъ, для примѣра, на замѣчательный монологъ Франка въ четвертомъ дѣйствіи „La coupe et les lèvres".

отразились въ стихотвореніи „Sopra il ritratto di una bella donna“, напоминающемъ по общему колориту грустныя размышленія принца Гамлета на кладбищѣ или сходныя съ ними, полныя трагическаго паѳоса сѣтованія на судьбу людей Франсуа Виллона, который, задумываясь надъ загадкою смерти, рисуетъ грустную картину суеты всѣхъ земныхъ желаній, надеждъ и радостей, кратковременности и ничтожности всего, что̀ есть хорошаго и привлекательнаго въ мірѣ. Леопарди описываетъ прекрасный, полный жизни, страсти и поэзіи женскій образъ, воспроизведенный художникомъ на надгробномъ памятникѣ, представляетъ себѣ затѣмъ, во что̀ превратилась эта красота, рисуетъ въ своемъ воображеніи скелетъ, груду костей, прикрытыхъ этимъ безмолвнымъ памятникомъ, и задумывается надъ „вѣчною тайною нашего существованія“.

Юр. Веселовскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ВЕСЕННЕЕ.

Отгремѣли въ дымныхъ тучахъ разыгравшіеся громы;
Отблистали молній жгучихъ мимолетные изломы,
Вырываясь, какъ лава, струйкой яркою нежданно
Изъ расщелинъ и изъ трещинъ огнедышащихъ вулкана.

И весенній дождь веселый, голубыми полосами,
Палъ на нивы и на долы, окаймленные лѣсами,
Палъ счастливыми слезами первой страсти, вешней страсти,
У которой всѣ богатства, вся вселенная во власти.

Зашептался, засмѣялся дождь въ саду моемъ зеленомъ,
Каждый листикъ отозвался вздохомъ, шопотомъ, иль звономъ.
Садъ стоялъ въ цвѣту, подобно новобрачной у порога,
Осыпаемый, какъ хмелемъ, благодатью щедрой Бога.

Дождь прошелъ съ улыбкой вешней. Садъ затихъ и притаился,
Точно онъ душой безгрѣшной благодарственно молился,
И по небу, изъ-за тучи съ серебристыми краями,
Еле спрятанное солнце разбѣжалося лучами.

II.

ВЕЧЕРЪ.

Шумъ дневной утихъ съ закатомъ.
Вечеръ кротокъ, молчаливъ.
Влажно-теплымъ ароматомъ
Потянуло съ спѣлыхъ нивъ.

Облака завечерѣли
Въ пышныхъ грудахъ алыхъ розъ.
Ближе жаворонковъ трели,
Мягче тиканье стрекозъ.

Звонъ вечерній, колокольный,
Одинокихъ вѣрный другъ,
Онъ, какъ голосъ богомольный,
Разливается вокругъ.

Мѣдный звонъ благословенье
Призываетъ на поля.
Миръ вамъ, бѣдныя селенья!
Миръ тебѣ, о, мать-земля!

III.

ЗВѢЗДА.

Среди несмѣтныхъ звѣздъ, какъ пчелки, дружнымъ роемъ
Дрожащихъ въ небесахъ, обласканныхъ покоемъ,
Одна звѣзда влечетъ невольно грустный взглядъ.
У каждаго звѣзда своя есть,—говорятъ.
Быть можетъ, въ эту ночь прозрачно-голубую
Моя душа нашла звѣзду свою родную.

На небѣ и землѣ—святая тишина:
Какъ будто бы и тамъ летаетъ ангелъ сна.
Лишь звѣздочка моя сіяетъ одиноко,
Безсонно, какъ печаль, какъ счастіе—далеко,

И вдругъ, какъ бы меня узнавши на землѣ,
Она мнѣ шлетъ привѣтъ въ настороженной мглѣ,

И кажется, летитъ и все яснѣе блещетъ...
Какъ птичка крыльями, отъ радости трепещетъ,
Родные берега увидѣвъ сквозь туманъ...
Но близится заря. Небесный океанъ
Блѣднѣетъ, и звѣзда въ ея румянцѣ нѣжномъ
Растаяла, какъ снѣгъ, на утрѣ безмятежномъ.

О, еслибы и ты, душа моя, могла
Вернуть свою зарю! Отъ счастія свѣтла,
Въ ея живыхъ лучахъ, съ какою лаской млѣя,
Исчезла бы и ты, о жизни не жалѣя!

IV.

ОСЕННЕЕ.

День ото-дня душа унылѣй.
Всю землю тучи придавили,
И нѣтъ конца имъ, краю нѣтъ...
Ужъ видно, радость не вернется,
И счастьемъ сердце не забьется
На склонѣ омраченныхъ лѣтъ.

Сметаетъ вѣтеръ листья въ груду,
А по зарямъ, какъ саванъ, всюду
Густой туманъ стоитъ отъ росъ.
Земля глядитъ на небо скупо
Глазами стынущаго трупа,
Полуослѣпшая отъ слезъ.

V.

КЪ МОРЮ.

Я вижу снова берегъ дикій,
Обрывы, скалы и пески,
Гдѣ чаекъ жалобные крики
Томятъ созвучьями тоски.

Передо мною море! Море!
Безбрежность, даль и небеса,
И въ отуманенномъ просторѣ—
Какъ привидѣнья, паруса.

О, море! Море! Дни и ночи
Я здѣсь, наединѣ съ тобой
И не могу насытить очи
Твоей безмѣрной красотой.

Ревешь ли ты въ объятьяхъ бури,
Бросая въ бездну корабли,
Иль съ отраженіемъ лазури
Прильнешь къ подножію земли.

Въ полдневный часъ и въ блескѣ лунномъ,
И въ отраженьи заревомъ,
Ты говоришь мнѣ вѣчно-юнымъ
И вѣчно-новымъ языкомъ.

О мимолетности земного,
О гордомъ мужествѣ въ борьбѣ,
О томъ, что счастія основа—
Презрѣнье къ рабству и судьбѣ.

Какъ я люблю тебя, родное!
Къ тебѣ пришелъ я, жизнь кляня,
И, какъ свое дитя больное,
Ты успокоило меня.

Ты мнѣ шептало: „Полно... полно!..
Забудь страданья и печаль,
Они, какъ вѣтреныя волны,
Прихлынутъ и отхлынутъ вдаль.

Сомнѣнья, ревность и измѣна,—
Все—суета и тлѣнъ и прахъ,
Мгновенно тающая пѣна
На вѣчно плещущихъ волнахъ.

И я внималъ твоимъ призывамъ,
И слушалъ шопотъ твой, грустя,

И въ одиночествѣ счастливомъ
Позабывался, какъ дитя.

Прими же мой привѣтъ сердечный
Всеисцѣляющая ширь,
Живой, величественный, вѣчный
Непобѣдимый богатырь!

VI.

СПОКОЙСТВІЕ.

Свѣтлымъ дымомъ кадильнымъ клубился туманъ,
И окутывалъ берегъ о скалы.
Какъ подъ божьей десницей послушный органъ,
Море пѣло чуть слышно хоралы.

И молитвенный голосъ его долеталъ
Вплоть до неба, гдѣ ангелъ смиренный
Золотыя лампады, молясь, зажигалъ
Въ ослѣпительномъ храмѣ вселенной.

VII.

МОЕМУ СЫНУ.

Усни, мой мальчикъ, въ нѣгѣ сладкой.
Спи, баюшки-баю.
Какъ надъ томительной загадкой,
Я надъ тобой стою.

Что̀ ждетъ тебя? Какую долю
Тебѣ готовитъ рокъ?
Улыбки ль счастія и волю,
Терновый ли вѣнокъ?

Какъ часто въ глубь душѣ родную
Твоихъ невинныхъ глазъ
Гляжу съ любовью и тоскую
О томъ, что̀—мракъ для насъ.

И, какъ по звѣздамъ безмятежнымъ
Пытливый астрологъ,
Хочу прочесть по глазкамъ нѣжнымъ
Твою судьбу, сынокъ.

Но что̀ бъ тебя вдали ни ждало,
И кѣмъ бы ни былъ ты,
Живи во имя идеала
Добра и красоты.

Не забывай, что кровь народа—
Твоя родная кровь,
Что съ нимъ у васъ одна свобода
И благо и любовь.

Твой дѣдъ—былъ рабъ; онъ мнѣ въ наслѣдство
Оставилъ слѣдъ цѣпей.
Мое безрадостное дѣтство
Угасло безъ лучей.

Но ты живешь въ любви и холѣ,
Какъ ландышекъ въ тѣни.
Цвѣти, рости, дитя, на волѣ.
Господь тебя храни.

Заря твоей безвѣстной жизни
Ясна, свѣтла, какъ рай.
Что̀ далъ тебѣ я,—ты отчизнѣ
Какъ долгъ святой отдай.

И будетъ мнѣ легко въ могилѣ,
Коль заповѣдь мою
Исполнишь ты, покуда въ силѣ...
Спи... Баюшки-баю...

VIII.

ИЗЪ АД. АСНЫКА.

Между нами не бывало
Встрѣчъ, исполненныхъ отравой.
Насъ ничто не волновало,
Кромѣ грезъ весны лукавой,

Кромѣ красокъ и движенья,
Ароматовъ, нѣги, блеска,
Шума травъ и птичекъ пѣнья,
И ручьевъ живого плеска.

Кромѣ рощъ, луговъ въ нарядахъ,
Кромѣ радостной свободы,
Облаковъ, гирляндъ изъ радугъ
И сладчайшихъ чаръ природы,

Кромѣ нѣжныхъ первоцвѣтовъ,
Кромѣ звѣзднаго хорала,—
Ни вопросовъ, ни отвѣтовъ
Между нами не бывало.

А. М. Ѳедоровъ.

АНАТОЛЬ ФРАНСЪ

Критическій очеркъ.

Anatole France. Vie littéraire. 1894—97, v. I—IV. „Crime de Sylvestre Bonnard“; „L'Orme du Mail“; „Mannequin d'Osier“, etc. Paris. 1896—98.

Вглядываясь въ литературу современной Франціи, мы видимъ въ ней два противоположныхъ типа писателей. Одни—страстные искатели новизны; они какъ бы подвели итоги прошлому и отреклись отъ него, войдя въ міръ новыхъ ощущеній и настроеній, передѣлывая привычки французскаго ума и вступая въ общеніе съ идейной жизнью другихъ европейскихъ странъ. Существуетъ общеевропейское философско-эстетическое движеніе, разбивающее прежнія этическія и эстетическія нормы,—и въ этомъ движеніи роль Франціи почти передовая. Но ее исполняютъ во Франціи отдѣльные умы, далекіе отъ національныхъ традицій, связанные съ своимъ временемъ только общимъ настроеніемъ культурной усталости. Они ищутъ исхода, отрекаясь отъ всего стараго, вѣруя въ возможность новаго положительнаго содержанія въ искусствѣ. Въ нихъ дѣйствуетъ стихійная сила, необходимый созидательный элементъ всякой жизни, въ томъ числѣ и литературной. Въ этой новизнѣ, хотя бы она была иногда только литературной модой, есть большая сила—она разрушаетъ, и навсегда, устарѣвшія формы, которыя превращаются въ пыль отъ струи свѣжаго воздуха.

На ряду съ этой стихійностью отдѣльныхъ одинокихъ умовъ, во Франціи есть другая несокрушимая сила—культурность. Она заключается въ развитіи и сохраненіи здороваго наслѣдія про-

шлыхъ вѣковъ, въ мирной эволюціи, противоположной разрушительнымъ стремленіямъ стихійности. Часто это сводится къ повторенію устарѣлыхъ шаблоновъ, къ риторству, лишенному содержанія, но есть отдѣльные случаи, когда культурная сила равна стихійной, когда въ традиціонныя формы вкладывается столько свѣжести и непосредственности таланта, что получается въ результатѣ и нѣчто современное, и воплощающее въ себѣ цѣлые вѣка культурной жизни.

Такимъ носителемъ культурныхъ преданій Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, вполнѣ современнымъ, по тонкости и сложности вкуса, по эстетическому отношенію къ жизни, является Анатоль Франсъ. Изъ всѣхъ французскихъ писателей послѣднихъ десятилѣтій онъ наиболѣе искусно воплотилъ эстетизмъ новаго типа, почерпнутый имъ изъ глубины національнаго духа. Вслѣдствіе этого оригинальность его мыслей, предпочтеніе чувствъ и инстинктовъ теоріямъ, оцѣнка поступковъ и явленій мѣриломъ красоты—всѣ эти идеи и настроенія, разбивающія положительные идеалы въ искусствѣ и жизни и замѣняющія ихъ очень смутнымъ, полу-отрицательнымъ идеализмомъ, кажутся уже не чѣмъ-то случайнымъ, не литературной модой, подобной нѣкоторымъ новѣйшимъ ухищреніямъ формы, а слѣдствіемъ долгаго культурнаго процесса, воплощеніемъ въ искусствѣ философскихъ выводовъ цѣлой цивилизаціи. Обаяніе Анатоля Франса заключается въ томъ, что творчество его вполнѣ самобытное, что онъ, какъ художникъ, создалъ новый родъ произведеній, между тѣмъ, какъ міросозерцаніе его тѣсно связано съ идейнымъ прошлымъ Франціи. Онъ просто и ясно исповѣдуетъ мудрость вѣковъ, но, проникнувшись ею, освѣщаетъ жизнь и явленія совершенно иначе и создаетъ новое къ нимъ положеніе.

Благодаря этому сочетанію, оригинальности и традиціонности, Анатоль Франсъ наиболѣе національный изъ своихъ современниковъ, наиболѣе родной и близкій своимъ соотечественникамъ и въ сущности наименѣе оцѣненный за предѣлами Франціи писатель. Это въ своемъ родѣ Лафонтенъ нашего времени. Великій баснописецъ понятъ былъ во всей своей геніальности только во Франціи, гдѣ его разсудочное отношеніе къ жизни соотвѣтствовало основной чертѣ народнаго характера. Точно такъ же и Анатоль Франсъ болѣе полно, чѣмъ кто-либо другой, воплотилъ всѣ свойства и качества французской натуры; онъ проявилъ всѣ привычки французскаго ума, очень спокойнаго, не теряющаго власти надъ стихійными силами души, допуская проявленіе чувствъ, даже поощряя ихъ, но превращая

вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственность души въ нѣсколько намѣренную, разрѣшенную разумомъ сентиментальность. Анатоль Франсъ вѣрный показатель того, чѣмъ сдѣлался esprit français на протяженіи вѣковъ. Онъ такъ полно воспринялъ въ себѣ всю прежнюю культуру Франціи, что его собственный умъ и все его художественное творчество стало какъ бы выдержаннымъ старымъ виномъ, букетъ котораго обязанъ своею пряностью тому, что въ немъ сохранилась душа минувшихъ лѣтъ.

Анатоль Франсъ поражаетъ своею разносторонностью и, какъ кажется съ перваго взгляда, капризностью ума и вкуса. Это остроумный критикъ, который боится строгихъ убѣжденій; онъ подчиняется только своему личному вкусу, ищетъ въ литературѣ, такъ же, какъ и въ жизни, только источника ощущеній. Онъ занимается не догматической оцѣнкой произведеній, а только своими собственными, возникшими при чтеніи мыслями и настроеніями. По какому-то странному капризу, критика, т.-е., казалось бы, самый объективный и безстрастный родъ литературы, обращается имъ въ духовную автобіографію, въ исторію его собственной души, при чемъ, однако, личный характеръ критики не препятствуетъ вѣрной оцѣнкѣ разбираемыхъ произведеній.

На ряду съ критикомъ выступаетъ художникъ, обновляющій забытыя традиціи средневѣковыхъ разсказчиковъ, conteurs'овъ, разсказывающихъ прекрасныя сказки ради вымысла, безъ всякой нравоучительной цѣли. Иногда разсказы эти правдивы и показываютъ любовь къ жизни во имя ея красоты, иногда же вымышленны, какъ волшебныя сказки, при чемъ и то, и другое кажется художнику одинаково справедливымъ и соотвѣтствующимъ задачамъ художника:

„Художникъ долженъ любить жизнь,—говоритъ онъ,—и показывать, что она прекрасна: безъ него мы въ этомъ усомнились бы". И онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „Чтобы разсказать прекрасную исторію, нужно немного отрѣшиться отъ опыта и людскихъ дѣлъ".

Правдивыя и выдуманныя исторіи Франса относятся къ различнымъ эпохамъ. Онъ изображаетъ смутныя души людей тѣхъ вѣковъ, когда между язычествомъ и христіанствомъ не было еще рѣзкихъ граней, и среди жизнерадостныхъ извращенныхъ и уставшихъ душой язычниковъ послѣдней поры пробивалось христіанское настроеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ христіане еще полны были языческихъ чувствъ и желаній. Столь же близки Франсу люди другой, тоже двойственной поры, когда христіан-

ство и язычество снова стали тѣсно сплетаться, созидая сложную, ядовитую красоту эпохи возрожденія. И бьющая черезъ край жизнерадостность возрожденнаго полуязыческаго искусства, и идеализмъ кроткихъ, живущихъ въ мистическомъ созерцаніи монаховъ, одинаково понятны художнику, такъ же, какъ понятны ему аббаты XVIII вѣка, книжники съ открытой для вѣры душой, эпикурейцы, со словами благочестія на устахъ, наивные и добродушные въ своемъ грубоватомъ матеріализмѣ, освѣщенномъ и одухотворенномъ тонкостью вкуса и проницательностью гибкаго ума. Подходя болѣе близко къ современности, Франсъ съ тою же легкостью проникаетъ въ психологію людей иного міра, изображаетъ то книжниковъ, то женщинъ всѣхъ міровъ и положеній, объединенныхъ тѣмъ, что всѣ они живутъ инстинктами и чувствами, а не разумомъ,—то общественныхъ дѣятелей всѣхъ оттѣнковъ и положеній

Произведенія Франса даютъ очень своеобразное представленіе о личности автора. Хорошо извѣстно, каковъ Анатоль Франсъ въ дѣйствительности. Мы знаемъ, что онъ родился въ 1844 году, что онъ сынъ книгопродавца и коллекціонера, рано выступилъ въ литературѣ, участвовалъ въ различныхъ газетахъ и журналахъ и писалъ на литературные и общественные вопросы дня, прежде чѣмъ сталъ писать чисто художественныя произведенія; въ 1896 г. онъ выбранъ былъ въ члены академіи. Судя по послѣднимъ портретамъ его, это человѣкъ съ чрезвычайно умнымъ оживленнымъ лицомъ, узкими, нѣсколько насмѣшливыми глазами, скорѣе типъ человѣка, въ которомъ преобладаетъ умственная жизнь надъ порывами чувства. Очень плотныя черты лица, крупный носъ говорятъ объ эпикурейскомъ отношеніи къ жизни. Нескромность французскихъ газетъ даетъ достаточный матеріалъ для того, чтобы считать Франса однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ свѣтской жизни Парижа, и когда появился одинъ изъ его послѣднихъ романовъ, „Красная Лилія“, единственный, въ которомъ изображены свѣтскіе нравы, то въ прессѣ ясно говорили о самомъ авторѣ, какъ о героѣ довольно ординарнаго свѣтскаго романа. Но если отвлечься отъ дѣйствительности и отъ свѣдѣній, доставляемыхъ газетами, если видѣть въ Анатолѣ Франсѣ только автора его произведеній, то воображенію рисуется совершенно другой образъ. При чтеніи его разсказовъ невольно думается объ обширной, украшенной драгоцѣнными фоліантами, библіотекѣ, или, какъ онъ любитъ говорить, „республикѣ книгъ“, о бѣлыхъ монашескихъ одеждахъ, объ умиротворенномъ, улыбающемся лицѣ книжника съ наивной дѣтской душой; сквозь широкое окно свѣтлой

студіи онъ смотритъ на то, что за окномъ, на жизнь, не слышитъ многаго сквозь стекла окна, но все угадываетъ и обо всемъ судитъ изъ своего безмятежнаго уединенія.

Этотъ типъ писателя совершенно новый въ литературѣ. Въ ту пору, когда наука процвѣтала въ монастыряхъ, существовалъ очень привлекательный, но очень далекій отъ жизни типъ монаховъ-бенедиктинцевъ, отшельниковъ съ безстрастной душой, твердыхъ своею мудростью и своимъ спокойнымъ отношеніемъ къ жизни, а главное—своею глубокой любовью къ книгамъ. Книги удовлетворяли всѣмъ потребностямъ чувства и освобождали монаховъ отъ земныхъ страстей, отъ всякаго житейскаго отношенія къ людямъ. Въ наше время монастырей нѣтъ для тѣхъ, кто любитъ мудрость и ее исповѣдуетъ. Книги создаются инымъ путемъ, не въ мудрой тишинѣ, а среди шума, суеты и безпощадной быстроты существованія. Можно, однако, себѣ представить среди нашей торопливой культуры человѣка съ безмятежной душой, съ безконечной любовью къ книгамъ, къ предметамъ, а также къ людямъ, но отшельника въ душѣ, свободнаго отъ окружающей жизни, воспринимающаго ее только, насколько она красива, но столь мудраго и столь твердаго въ своей мудрости, что все для него одинаково понятно, что нѣтъ для него неправеднаго и злого, а все одинаково являетъ вѣчное. Такимъ современнымъ монахомъ бенедиктинцемъ кажется намъ Анатоль Франсъ. Онъ не уединился въ монастырѣ, а прошелъ черезъ всю сложность вѣковой культуры, и готовъ наслаждаться всѣмъ, что развлекаетъ его изощренный, иногда извращенный, иногда простой до наивности вкусъ; но онъ знаетъ цѣну метаній и смятеній духа и сохраняетъ среди всѣхъ неожиданностей жизни снисходительную улыбку философа. Онъ разсматриваетъ жизнь, какъ любопытствующій зритель, для котораго все одинаково интересно. Онъ ищетъ во всемъ наслажденія для разума, а чувствамъ его одинаково дороги всѣ проявленія бытія. Предметы, животныя, люди сливаются у него въ общую картину жизни, и ко всему онъ относится безкорыстно, какъ отшельникъ, требуя только, чтобы все на свѣтѣ было вѣрно своему назначенію и спокойно совершало свое дѣло жизни и смерти.

Для того, чтобы выработалось такое философское міросозерцаніе, въ которомъ пессимизмъ сливается не только съ покорностью жизни, но и съ глубокою радостью отъ всего живущаго, нужна была долгая подготовительная работа мысли. Анатоль Франсъ могъ явиться только какъ завершающее звено цѣлаго ряда философовъ-отрицателей, которыхъ во Франціи было не

мало. Изощренность критическаго ума—одно изъ свойствъ французской натуры. Начиная съ перваго скептика, Монтэня, торжество ума надъ требованіями чувства было непрерывнымъ во французской литературѣ, и отъ времени до времени стремленіе разрушать святыни для удовлетворенія жажды анализа создавало моменты особаго яркаго разцвѣта французскаго духа. Такъ оно было въ концѣ прошлаго вѣка, когда Вольтеръ царилъ надъ умами во Франціи и Европѣ. Но отрицаніе въ философіи XVIII вѣка было своего рода догматикой — исповѣданіемъ цѣльнаго послѣдовательнаго матеріализма. Въ XIX вѣкѣ французскій скептицизмъ сказался иначе: отрицаніе перешло въ сомнѣніе, одинаково допускающее и возможность и невозможность твердо отрицаемыхъ прежде святынь. Философія Вольтера смѣнилась другими, болѣе двойственными и болѣе широкими взглядами; жажда души стала казаться столь же убѣдительной, какъ требованія ума. Вольтеръ уступилъ мѣсто Ренану. Анатоль Франсъ видитъ въ Вольтерѣ прямого предшественника и ренановскаго, и своего собственнаго настроенія. Онъ восхваляетъ „Кандида“, какъ лучшую школу примиренности и снисходительности къ людямъ. Но, конечно, разцвѣтъ новаго скептицизма, объединяющаго отрицаніе съ религіозными настроеніями, одинаково близкаго къ молитвамъ и къ насмѣшкамъ, проявился въ сочиненіяхъ Ренана. Созданный имъ полу-религіозный скептицизмъ началъ собою новую эпоху въ исторіи французской мысли. Но Ренанъ—идеологъ, имѣющій дѣло съ отвлеченными понятіями, теоретикъ и ученый, который живетъ среди древнихъ памятниковъ, окруженный историческими источниками и озабоченный отвлеченными выводами. Художникъ по образности изложенія и по непосредственности своего отношенія къ жизни, онъ даже эти настроенія превращаетъ въ отвлеченныя теоріи.

Продолжателей у Ренана много,—вся новая французская критика, весь такъ называемый импрессіонизмъ исходитъ изъ Ренана въ своемъ отрицаніи положительныхъ и твердыхъ критеріевъ въ искусствѣ. Точно такъ же значительная часть молодыхъ французскихъ художниковъ, подъ вліяніемъ ренановскихъ идей, пришла къ своему крайнему субъективизму. Но всѣ они, воспитавшись на Ренанѣ, не являются, однако, его продолжателями, не остаются въ традиціяхъ французскаго духа, а уклоняются въ сторону, жертвуютъ аналитическими привычками разума, ищутъ положительныхъ идеаловъ. Поэтому почти единственнымъ послѣдователемъ и продолжателемъ Ренана является Анатоль Франсъ. Въ его лицѣ ренановскій скептицизмъ развился въ нѣчто болѣе сложное, бо-

лѣе цѣльное и болѣе современное. Ренанъ былъ теоретикомъ, а Франсъ—художникъ. Всеотрицаніе и вседопущеніе Ренана стало у Франса источникомъ художественнаго вдохновенія и воплотилось въ цѣломъ рядѣ беллетристическихъ произведеній на философской подкладкѣ. Анатоль Франсъ сталъ пророкомъ „библіи невѣрія", въ созиданіи которой участвовали и ангелы и демоны, подавая другъ другу руку, поучая другъ друга благочестію и святотатству, преклоненію предъ христіанскою кротостью и предъ языческой гордыней, оправданію всѣхъ пороковъ, исканію всѣхъ святынь.

Не одно какое-нибудь произведеніе Анатоля Франса является сводомъ его отрицательныхъ идей, приводящихъ его, однако, къ положительному нравственному ученію. Нужно разобраться во всѣхъ его многочисленныхъ книгахъ, историческихъ и современныхъ, относящихся къ самымъ различнымъ эпохамъ культуры, чтобы извлечь изъ нихъ сумму его поученій и показать, что ученіе его менѣе всего придумано, что оно естественно вытекаетъ изъ всего развитія французской культуры, и чтобы понять вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ самобытно Анатоль Франсъ претворилъ воспринятое имъ и примѣнилъ его къ потребностямъ и психологіи современнаго человѣка.

Основой библіи, которую проповѣдуетъ Франсъ, служитъ отсутствіе вѣры. Съ ироніей, доходящей до демонизма, онъ раскрываетъ внутреннюю сторону христіанскаго подвижничества и сопоставляетъ всѣ формы вѣры и всѣ виды отрицанія, заставляя по волѣ случая торжествовать тѣ или другія, считая всѣ не одинаково ложными, а одинаково правыми. Самымъ неожиданнымъ образомъ язычество выполняетъ миссію христіанства, а въ самомъ христіанствѣ сплетаются нравственные подвиги съ непобѣдимыми слабостями. Повѣсть „Таисъ" (Thaïs) и рядъ отдѣльныхъ разсказовъ рисуютъ отрицательное отношеніе Франса ко всѣмъ религіознымъ ученіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ его сочувственное отношеніе ко всѣмъ, кто исповѣдуетъ эти ученія; они его привлекаютъ тѣмъ, что такъ или иначе, торжествомъ духа или нравственнымъ паденіемъ, свидѣтельствуютъ о борьбѣ, составляющей основу духовной жизни и необходимо нужной для того, чтобы воплотилась въ людяхъ божественная тайна. Въ „Таисѣ" Анатоль Франсъ изображаетъ центръ эпикурейской и скептической философіи послѣдней блестящей эпохи греко-латинской культуры, т.-е. Александрію IV вѣка и отшельническую жизнь обитателей Θиваиды. Въ эти рамки онъ вкладываетъ исторію своего героя, Пафнуція. Въ душѣ благочестиваго отшельника борются

земныя чувства и религіозный фанатизмъ, а любимую имъ женщину томитъ пресыщеніе радостями жизни. Одно и то же чувство—любовь, доводитъ аскета до безумія, а куртизанку приводитъ къ суровой монастырской жизни и къ религіозному экстазу. Любовь праведнаго отшельника, давно отказавшагося отъ благъ жизни, къ прекрасной куртизанкѣ является какъ бы наущеніемъ дьявола; онъ будитъ въ отшельникѣ мысль обратить къ Богу извѣстную своимъ безпутствомъ куртизанку. Это вмѣшательство дьявола Франсъ изображаетъ наглядно: въ кельѣ Пафнуція, поглощеннаго внезапнымъ рѣшеніемъ спасти Таису, смѣется маленькій шакалъ, въ образѣ котораго караулитъ монаха нечистая сила. Всю психологію пустынника, въ которомъ загорѣлась жажда жизни, Франсъ рисуетъ образно, предметно изображая внѣшнія явленія, предметы, окружающіе юношу, мѣняющуюся обстановку его жизни. Онъ выдвигаетъ впередъ пластическую сторону душевныхъ происшествій, показываетъ, какъ искушеніе подошло къ монаху путемъ внѣшнихъ впечатлѣній, и объясняетъ психологическія событія воздѣйствіемъ внѣшнихъ зрѣлищъ. Красота и торжество земныхъ чувствъ съ одной стороны, томленіе духа съ другой, интересуютъ Анатоля Франса своей борьбой. Въ Пафнуціи силенъ религіозный экстазъ и столь же сильна человѣческая страсть. Въ томъ, что обѣ страсти не знаютъ одна другую, что духъ и плоть не побѣждаются взаимно, а одинаково существуютъ, заключается новизна психологическаго замысла. Только въ моментъ страстнаго пробужденія любви оказывается, что Пафнуцій никогда не переставалъ любить прекрасную Таису и не забылъ ее среди суровой отшельнической жизни, такъ же, какъ Таиса среди своей роскошной и порочной жизни помнитъ поученія перваго наставника дѣтства, обратившаго ее въ христіанство. Всѣ силы души одинаково существуютъ, добро и зло находятся въ зависимости только отъ обстоятельствъ, и нѣтъ ничего удивительнаго для философа въ томъ, что куртизанка Таиса кончаетъ жизнь какъ святая, въ то время, какъ праведный монахъ такъ ослѣпленъ своею плотской страстью, что даже въ минуту смерти Таисы помнитъ только о красотѣ ея тѣла. Когда Таиса мертва и монахини поютъ вокругъ нея отходныя молитвы, лицо Пафнуція искажается отъ его нечистыхъ помысловъ и всѣ въ ужасѣ глядятъ на него съ крикомъ: „вампиръ, вампиръ“! Въ самомъ дѣлѣ, онъ настолько уродливъ, что, проводя рукой по лицу, чувствуетъ свое уродство.

Въ побѣдѣ прекрасной язычницы надъ добродѣтельнымъ монахомъ Франсъ нашелъ источникъ умиленія, такъ же какъ и

обильную пищу для своего насмѣшливаго ума. Съ тонкой усмѣшкой, сквозящей въ каждомъ словѣ, но спокойно и невозмутимо, онъ передаетъ наивныя легенды о Ѳиваидѣ и населявшихъ ее праведникахъ, о демонахъ соблазнителяхъ, съ позоромъ убѣгавшихъ изъ келій суровыхъ подвижниковъ, о символическихъ животныхъ, окружавшихъ монаховъ и служившихъ эмблемой ихъ пороковъ и добродѣтелей, о томъ, какъ дикіе звѣри чувствовали святость отшельниковъ и становились ихъ вѣрными слугами, какъ львы рыли землю когтями, приготовляя могилу умирающему праведнику и т. д. Описывая же любящую нѣжную язычницу, жрицу красоты, Франсъ самъ умиляетъ и окружаетъ всѣ ея дѣйствія поэзіей безсознательной душевной чистоты.

Такой же попыткой слить христіанство и язычество, изображая духовную близость между представителями этихъ двухъ столкнувшихся міросозерцаній, является „Saint-Satyr", одинъ изъ самыхъ поэтичныхъ разсказовъ Франса. Самое названіе уже указываетъ на скептическое отношеніе художника къ разграниченію вѣрованій. Герой разсказа — сатиръ, дожившій до разложенія языческой культуры и понявшій, что наступила новая форма жизни. Онъ въ свое время видѣлъ низверженіе Сатурна Юпитеромъ и теперь съ опытностью и пониманіемъ философа не изумляется тому, что Юпитеръ долженъ былъ уступить мѣсто галилейскому богу. Онъ даже самъ содѣйствовалъ мягкости перехода, помогалъ новичкамъ христіанамъ находить пути въ языческомъ мірѣ, и въ то же время исполнялъ повелѣнія христіанства, жилъ праведникомъ, и послѣ смерти его причислили къ лику святыхъ. Зато на могилѣ его происходятъ чудеса: оживаютъ въ ночные часы фавны и нимфы и, предаваясь любовной игрѣ, становятся снова прекрасными и юными; когда же любовный экстазъ проходитъ, нимфы превращаются въ уродливыхъ вѣдьмъ. Только любовь возсоздаетъ нетлѣнную красоту,—когда любовь исчезаетъ, остается тлѣнъ. Это испытываетъ на себѣ монахъ фра-Мино, очутившійся во власти грѣховной языческой красоты и погибающій потому, что онъ хотѣлъ выдать открывшуюся ему тайну. Легенды, связанныя съ могилой св. Сатира, служатъ Франсу источникомъ граціозныхъ описаній—необычайно смѣлыхъ, почти дерзкихъ въ передачѣ подробностей—воскресшей языческой радости, увлекшей смиреннаго монаха. И смыслъ этихъ легендъ—философія терпимости, основанная на отсутствіи той полной и совершенной истины, которая исключала бы противоположную ей. Сатиръ, умудренный опытомъ вѣковъ, знаетъ, что ничто не проходитъ и потому все допустимо. „Смерть не

можетъ быть болѣе совершенной, чѣмъ жизнь,—говоритъ св. Сатиръ.—Нѣтъ начала и конца для живыхъ существъ. Какъ волны морскія, онѣ незамѣтнымъ образомъ возникаютъ и погибаютъ. Блѣдныя воспоминанія о подругахъ сатировъ въ золотомъ вѣкѣ еще чаруютъ мой взоръ и на устахъ моихъ безшумно витаютъ древніе гимны". Св. Сатиръ — идеалъ христіанскаго философа, потому что новая вѣра не вытѣснила въ немъ старой, и онъ съ улыбкой и любовью созерцаетъ цѣпь жизни, въ которой всѣ звенья одинаковы. Его мудрость дѣлаетъ его способнымъ воспринимать красоту, и рядомъ съ нимъ узкій фанатизмъ монаха кажется жалкимъ; трагикомическая месть нимфъ, превратившихся въ вѣдьмъ,—достойное наказаніе за отсутствіе терпимости, за слѣпыя проклятія дьяволу. И зло, воплощенное въ дьяволѣ, не можетъ быть цѣльнымъ и категоричнымъ по ученію Франса и его героя, св. Сатира. Въ дѣяніяхъ и наущеніяхъ дьявола есть крупицы добра. Дьяволъ—„задумавшійся архангелъ", и добрый христіанинъ долженъ надѣяться на его конечное спасеніе.

Этотъ разсказъ, какъ и другіе на ту же тему язычества и христіанства, рисуютъ Франса скептикомъ въ вопросахъ вѣры и религіи, но страннымъ образомъ,—и вотъ почему произведенія Франса можно назвать „библіей невѣрія"—Франсъ выводитъ изъ своего отрицанія положительное нравственное ученіе. Онъ объясняетъ устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ „Thaïs" эстетическую подкладку своего скептицизма, свою примиренность съ жизнью, какъ съ воплощеніемъ непонятной ему, но несомнѣнной цѣли: „Я въ самомъ дѣлѣ скептикъ, мой другъ, и принадлежу къ сектѣ, которая мнѣ кажется достойной похвалы, между тѣмъ какъ ты считаешь ее смѣшной, ибо тѣ же вещи могутъ быть различны. Пирамиды въ Мемфисѣ при утренней зарѣ кажутся конусами розоваго цвѣта. При закатѣ солнца онѣ кажутся черными треугольниками на пылающемъ небѣ. Но кто можетъ понять ихъ истинную сущность? Ты упрекаешь меня въ томъ, что я отрицаю видимое, а между тѣмъ видимое—та единственная дѣйствительность, которую я признаю. Солнце мнѣ кажется сіяющимъ, но природы его я не знаю. Я чувствую, что огонь жжетъ, но не знаю, ни почему, ни зачѣмъ".

Видимое примиряетъ его съ непонятнымъ и заставляетъ его все допускать и все претворять во имя красоты, т.-е. самаго осязательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго таинственнаго, составляющаго единственное отраженіе божественнаго на землѣ. Сильный своимъ пониманіемъ красоты, Франсъ не приходитъ къ пессимизму, а напротивъ того, проповѣдуетъ спокойное радостное

отношеніе къ жизни, любовь къ людямъ такъ же, какъ ко всему одушевленному и неодушевленному, полную снисходительность, терпимость и душевную тишину. Проповѣдь эта у Франса не отвлеченная. Онъ создалъ образъ философа по своему образцу, и цѣлый рядъ его произведеній, самыхъ лучшихъ изъ всего, что онъ писалъ, составляютъ послѣдовательную духовную исповѣдь современнаго философа. Для того, чтобы отнять всякій характеръ случайности у созданнаго имъ образа, Франсъ ставитъ его въ очень различныя общественныя условія, даетъ ему историческую основу и доводитъ его до ближайшей современности. Въ каждомъ новомъ воплощеніи философа, задуманнаго Франсомъ, одинаково отмѣчаются всѣ положительныя и отрицательныя стороны житейскаго мудреца, то, что связываетъ его съ людьми и заставляетъ понимать ихъ слабости, а также и то, что освобождаетъ его отъ страстей.

Самымъ цѣльнымъ, гармоничнымъ и художественнымъ воплощеніемъ созданнаго Анатолемъ Франсомъ типа является герой повѣсти „Le Crime de Silvestre Bonnard“. Не стѣсненный никакими историческими рамками, не стараясь, какъ въ другихъ книгахъ, воспроизвести колоритъ извѣстной эпохи, разсказывая свою повѣсть въ условіяхъ современной дѣйствительности, Франсъ имѣетъ возможность воплотить свое индивидуальное настроеніе въ душевномъ мірѣ своего героя. Книга написана юмористически, и тонъ этотъ Франсъ выдерживаетъ во всѣхъ дальнѣйшихъ воплощеніяхъ героя своихъ философскихъ біографій. Но юморъ его—не разрушающій, не обличающій, а напротивъ того, примиряющій. Франсъ хочетъ показать несостоятельность разсудочнаго начала жизни; въ его разсказѣ разумъ на каждомъ шагу терпитъ крушеніе, и всякое его стремленіе находится на краю абсурда, каждый лишній шагъ приводитъ въ область комизма. Вся легкая остроумная насмѣшка Франса направлена на разсудочную сторону жизни, назначеніе которой онъ видитъ только въ упражненіи интеллектуальныхъ способностей и сопряженномъ съ этимъ удовольствіи. Но слабости и ограниченности разсудочной стороны человѣка Франсъ противопоставляетъ богатство безсознательной жизни души, инстинктовъ, настроеній и чувствъ. Въ нихъ онъ вѣритъ, они для него источникъ красоты, ихъ онъ противопоставляетъ напрасной суетѣ разсудка. Изъ этихъ двухъ элементовъ, разсудочности и инстинктовъ, воплощенныхъ на этотъ разъ въ старомъ книжникѣ и въ молодой невинной дѣвушкѣ, состоитъ философскій замыселъ повѣсти. Разумъ—освобождающая сила, дающая право все судить и отъ

всего отрекаться. Но оправданіе жизни, то, что̀ даетъ ей торжество надъ критикой разума и составляетъ красоту существованія, заключается въ стихійномъ элементѣ, ежеминутно разбивающемъ мудрую холодность разсудка. Борьба этихъ двухъ началъ составляетъ внутреннее содержаніе юмора Франса, столь различнаго отъ нефилософскаго обличительнаго юмора сатиры. Герой повѣсти, Сильвестръ Боннаръ, семидесятилѣтній старецъ, безмятежно живущій въ своемъ городѣ книгъ, какъ онъ называетъ свою библіотеку, считаетъ, что нѣтъ на свѣтѣ выше радости, чѣмъ пріобрѣтеніе какихъ-нибудь рѣдкихъ рукописей. Его отношенія къ людямъ ограничиваются умѣніемъ ладить со своей старой домоправительницей, которая является какъ бы типомъ средняго добропорядочнаго и тѣмъ самымъ несноснаго человѣчества. Она упряма, глуха и всегда права: „Люди, у которыхъ нѣтъ слабостей, ужасны,—говоритъ Боннаръ.—Съ ними невозможно справиться. Вотъ, напримѣръ, Тереза, у нея нѣтъ ни одного порока, который далъ бы возможность подступиться къ ней“. Пользуясь ея услугами, т.-е. подчиняясь ея деспотизму, Боннаръ проявляетъ свое отношеніе къ людямъ. Онъ знаетъ, что его Тереза должна быть суетлива и должна осуждать все, нарушающее обычаи и общественные предразсудки. Онъ со всѣмъ этимъ мирится, зная, какъ уклоняться отъ вѣчнаго ея брюзжанія, и думая только о своихъ ученыхъ прихотяхъ. Но Боннаръ не педантъ. Онъ понимаетъ, что его любовь къ книгамъ — капризная игра ума и не ставитъ ее ни выше, ни ниже всякаго другого занятія въ жизни. Когда онъ отправляется въ Неаполь, разыскивая обѣщанную ему старинную рукопись, онъ встрѣчается тамъ съ путешествующей четой, русскимъ княземъ и его женой француженкой, которые заняты собираніемъ спичечныхъ коробокъ. Хорошенькая француженка разсказываетъ съ воодушевленіемъ Боннару, какъ эта невинная манія чуть не довела ихъ до тюрьмы, но тѣмъ самымъ сдѣлала ихъ фанатиками коллекціонерства. Сначала,—говоритъ она,—ей казалось глупымъ собирать спичечныя коробки, но когда оказалось, что это сопряжено съ опасностью для жизни, она почувствовала въ себѣ фанатическую любовь къ спичечнымъ коробкамъ и стремится уже изъ сицилійской глуши въ Швецію, чтобы тамъ дополнить свою коллекцію. Въ этой каррикатурѣ на свою собственную страсть Боннаръ находитъ источникъ новой мудрости; онъ понимаетъ, что всѣ порывы и одинаково серьезны, и одинаково смѣшны, и что важнѣе всего самые порывы, а не то, на что̀ они направлены. Но мудрость и свобода—только формы жизни, а не содержаніе

ея, и Сильвестръ Боннаръ не былъ бы философомъ, понимающимъ сущность жизни, если бы онъ не нашелъ внутренняго источника, дающаго ей смыслъ. Въ своемъ обычномъ полунасмѣшливомъ тонѣ Франсъ рисуетъ фантастическій образъ, въ которомъ воплощается внутреннее стихійное содержаніе его философіи.

Если у Анатоля Франса есть примиренное отношеніе къ жизни, то оно исходитъ изъ чувства красоты и пониманія, что въ человѣкѣ есть стихійная сила, творящая красоту. Сила эта—воображеніе. Страстный любитель сказокъ и всѣхъ наивныхъ вѣрованій дѣтей и толпы, онъ и воображеніе рисуетъ въ видѣ миніатюрной феи. Боннаръ, занятый разсматриваніемъ старинной рукописи, видитъ вдругъ на корешкѣ книги маленькое существо, задорное и красивое; странная фигурка позволяетъ себѣ щекотать концомъ гусинаго пера носъ стараго и почтеннаго ученаго. Волшебная палочка въ ея рукѣ служитъ доказательствомъ того, что она фея, и даетъ поводъ Боннару прочесть ей диссертацію о томъ, что царство фей давно уже прошло, и что она не имѣетъ болѣе правъ на существованіе въ мірѣ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. Въ отвѣтъ на это капризная фея произноситъ цѣлую рѣчь, излагая въ насмѣшливой формѣ сущность взглядовъ Франса на жизнь и искусство.

„Господинъ Сильвестръ Боннаръ,—говоритъ фея:—вы не что иное, какъ педантъ. Я всегда это подозрѣвала. Всякій мальчишка, который бѣгаетъ по улицѣ въ коротких штанишкахъ, знаетъ меня лучше, чѣмъ носящіе очки члены вашихъ институтовъ и академій. Знаніе ничего не значитъ, все дѣло въ воображеніи; существуетъ только то, что̀ создано воображеніемъ. Я живу въ воображеніи и, надѣюсь, это и есть настоящая жизнь. Обо мнѣ мечтаютъ. Меня видятъ во снѣ,—и я являюсь. Все дѣло въ снахъ, и такъ какъ никто не видитъ васъ во снѣ, Сильвестръ Боннаръ, то вы не существуете. Я чарую весь міръ, я вездѣ: въ лунномъ лучѣ, въ журчаніи скрытаго источника, въ трепетѣ листьевъ, въ бѣлыхъ парахъ, поднимающихся по утрамъ изъ глубины долинъ среди розовыхъ листьевъ. Я вездѣ, меня видятъ и любятъ. Легкій слѣдъ моихъ шаговъ возбуждаетъ вздохи и будитъ мертвые листы. Я возбуждаю улыбку у дѣтей и дѣлаю остроумными тупыхъ нянекъ. Нагибаясь надъ колыбелью, я ласкаю, утѣшаю, усыпляю, а вы еще сомнѣваетесь въ моемъ существованіи. Сильвестръ Боннаръ, вашъ теплый халатъ грѣетъ кожу осла“.

При помощи феи, являющейся изъ сказочнаго міра, Анатоль

Франсъ вводитъ элементъ красоты и мечтаній въ свой идеалъ жизненной философіи. Другимъ элементомъ, составляющимъ противовѣсъ разуму, является стихійность. Въ жизнь мудраго стараго Боннара художникъ вводитъ молодость и ту мудрость, которая выше всѣхъ теорій — непосредственность инстинктовъ и чувствъ. У Боннара сильная любовь къ жизни, потому что въ немъ говоритъ сила чувства. Онъ въ молодости любилъ, и когда узнаетъ, что жива дочь его прежней возлюбленной, онъ забываетъ всѣ заботы о книгахъ и жертвуетъ безмятежностью своихъ занятій, чтобы устроить судьбу молодой дѣвушки. Онъ такъ далеко заходитъ въ своемъ усердіи, что оказывается преступникомъ противъ закона, похищаетъ дѣвушку изъ школы, куда ее заточили, борется съ преслѣдующей его старой дѣвой, отбивается отъ разныхъ представителей закона и продѣлываетъ все это вопреки доводамъ эгоистичнаго разсудка, зовущаго его къ прежней тишинѣ. Спокойствіе наступаетъ снова, но уже тогда, когда вполнѣ сказалась широкая натура философа, когда старый книжникъ проявилъ вѣчную молодость чувства, умѣнье жертвовать всѣмъ для того, чтобы торжествовала любовь и красота. Его нѣжныя чувства къ молодой питомицѣ вносятъ даже нѣкоторый элементъ самопожертвованія въ заботы о ея бракѣ съ любимымъ юношей. И нужно, чтобы онъ прошелъ черезъ все это для того, чтобы философія его сдѣлалась полной. Онъ знаетъ грусть, вызывающую тихія настроенія и покорность въ его душѣ, и умѣетъ извлечь изъ грусти великій урокъ жизни; но болѣе всего онъ понимаетъ радость и высказываетъ свѣтлые взгляды на радость, какъ цѣль жизни. „Мы живемъ на землѣ, — говоритъ онъ,— чтобы радоваться прекрасному и доброму, и чтобы исполнять всѣ свои желанія, если они благородны, умны и доблестны. Воспитаніе, которое не воспитываетъ волю, развращаетъ душу“.

Такова философія Сильвестра Боннара, т.-е. Анатолія Франса, разсказанная въ легкомъ скептическомъ тонѣ и среди забавныхъ подробностей о приключеніяхъ стараго ученаго, который очутился среди сложныхъ житейскихъ событій. Юморъ Франса въ Сильвестрѣ Боннарѣ—благодушный и поэтичный, но онъ пріобрѣтаетъ другой характеръ, когда для болѣе свободнаго изученія дѣйствительности Франсъ переноситъ своего героя въ другія культурныя рамки. Въ двухъ связныхъ между собою книгахъ: „La Rôtisserie de la Reine Pédauque“ и „Les Opinions de Jerôme Coignard“, Франсъ разсказываетъ жизнь и излагаетъ взгляды Жерома Коньяра, т.-е. того же Сильвестра Боннара, или, вѣрнѣе, того же Анатоля Франса, подъ маской циничнаго эпикурейца-аббата XVIII вѣка,

который беретъ себѣ право судить жизнь и людей, въ то время какъ его собственные поступки даютъ поводъ къ самымъ строгимъ осужденіямъ. Нравственное ученіе Коньяра—самое возвышенное, и ученикъ его, отъ имени котораго ведется разсказъ, благоговѣйно передаетъ и возвышенные поступки своего учителя въ отдѣльные моменты жизни, и его благочестивую кончину, достойно завершающую его поучительную жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ разсказываетъ и о всѣхъ слабостяхъ, порокахъ и паденіяхъ учителя, столь же поучительныхъ и дополняющихъ образъ философа. По своей жизни и поступкамъ, Коньяръ напоминаетъ главнымъ образомъ героевъ Рабле, съ ихъ любовью къ осязательнымъ благамъ жизни и ко всему, что̀ услаждаетъ плоть, а по своему снисходительно отрицательному отношенію къ жизни,—это продолжатель вольтеровскаго Кандида. Только въ немъ больше примиренности и меньше сарказма. Францъ намѣренно идетъ по слѣдамъ Рабле и Вольтера. Благодаря имъ, типъ аббата, занятаго услажденіемъ своей плоти, настолько вошелъ въ литературный обиходъ, что оправдываетъ цинизмъ многихъ поступковъ и, главное—многихъ сужденій, высказываемыхъ героемъ Франса. Но оригинальность художника заключается въ томъ, что вся личность Жерома Коньяра проникнута большой красотой, и что цинизмъ отрицанія приводитъ его къ нравственному, гуманному и чрезвычайно широкому пониманію жизни. Такъ какъ Жеромъ Коньяръ—носитель философскаго міросозерцанія и судья въ вопросахъ нравственности, то его личный характеръ и образъ жизни имѣютъ большое значеніе. Не передъ судилищемъ безгрѣшныхъ ангеловъ, призванныхъ разсматривать непонятныя для нихъ прегрѣшенія, а передъ человѣкомъ, искушеннымъ во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ, познавшимъ и радости земныя, и нужду, испытавшимъ на себѣ слабость воли и духа, развертываются явленія жизни. Жизнь и приключенія Жерома Коньяра разсказаны юмористически. Францъ—неистощимо-изобрѣтательный разсказчикъ. Его не стѣсняетъ внѣшняя правдоподобность фабулы,—лишь бы люди и событія естественно сочетались въ веселомъ, остроумномъ и пестромъ разсказѣ.

Въ „Rôtisserie de la Reine Pédauque“ фантастическій вымыселъ переплетается все время съ изображеніемъ реальной дѣйствительности. Обстановка разсказа выдержана въ духѣ XVIII в., и языкъ разсказчика—вѣрный сколокъ монастырскихъ хроникъ прошлаго вѣка. Старинный уголокъ Парижа, улица св. Іакова въ Латинскомъ кварталѣ, харчевня, названная по имени легендарной королевы, имѣвшей ноги гусыни, хозяинъ харчевни и

его добродѣтельная жена, сынъ ихъ, которому поручаютъ въ шесть лѣтъ вертѣть вертелъ вмѣсто состарившейся собаки, исполнявшей до того эту должность, обученіе мальчика, названнаго по своему занятію верти-вертеломъ (Tournebroche), пьяницей капуциномъ, и, наконецъ, появленіе среди этой мирной компаніи у пылающаго очага, гдѣ постоянно жарятся вкусные куски мяса и разной птицы, философа Жерома Коньяра,—все это составляетъ реалистическую картину быта, обаятельную въ мастерскомъ изложеніи Франса. Онъ не безъ умысла поселилъ своего героя въ Парижѣ XVIII вѣка. Франсъ во всѣхъ своихъ повѣствованіяхъ умѣетъ „разсказывать только себя самого“, и только родственная его духу обстановка вдохновляетъ его фантазію. XVIII вѣкъ близокъ ему по духу, и, прикрываясь циничнымъ скептицизмомъ и безпечальной уравновѣшенностью добродушнаго книжника, онъ высказываетъ въ шутливой формѣ свое собственное, глубоко продуманное пониманіе жизни. Но кромѣ того онъ любитъ XVIII вѣкъ потому, что тогда существовалъ дорогой его сердцу старый Парижъ. Франсъ—парижанинъ, и любовь къ родному городу вмѣстѣ съ любовью къ стариннымъ книгамъ—отличительная черта этого бенедиктинца конца вѣка. „Я парижанинъ душой и тѣломъ, — говоритъ онъ самъ про себя: — мнѣ дороги всѣ улицы Парижа, мнѣ знакомъ каждый камень“. Но не Парижъ, и въ особенности не „весь Парижъ“, гипнотизирующій Бурже и другихъ свѣтскихъ романистовъ, предметъ нѣжной привязанности Франса. Парижемъ м-мъ де-Сталь была rue du Bac, и ручеекъ, протекающій въ этой улицѣ, вспоминался ей въ изгнаніи какъ утраченный міръ радостей. Также и у Франса есть свой единственно любимый Парижъ: это величавыя набережныя Сены, отъ Pont neuf до Pont Royal—центръ умственной работы Парижа. Если бы его спросили въ дѣтствѣ, гдѣ, по его мнѣнію, мѣсто земного рая, онъ указалъ бы набережную Вольтера. Тамъ разстилается Парижъ, нетронутый лихорадочнымъ исканіемъ новизны и внѣшнихъ перемѣнъ. Витрины букинистовъ, ютящіяся вдоль берега, благородныя очертанія Луврскаго дворца въ глубинѣ картины, а между берегами, покрытыми трепещущей зеленью платановъ, Сена, подернутая туманами по утрамъ, отливающая серебромъ въ лучахъ заката; на горизонтѣ густая зелень Люксанбургскаго сада, а съ другой стороны холмы Шалльо и Трокадеро. Еще далѣе въ глубину узкія улицы Латинскаго квартала, строгія, почернѣвшія отъ времени стѣны Сорбонны, золотистое кружево часовни св. Людовика, благородныя линіи старинныхъ сѣрыхъ зданій,—все это

дышетъ теперь такой же тишиной и такъ же располагаетъ къ раздумью, какъ цѣлые вѣка тому назадъ, когда тамъ сосредоточена была жизнь искавшихъ знанія юношей и безмятежныхъ скромныхъ книжниковъ, считавшихъ высшей радостью перелистываніе заманчивыхъ фоліантовъ и разглядываніе эстамповъ у знакомаго книгопродавца. Этотъ старинный Парижъ—духовная родина Франса, и онъ особенно любитъ переносить туда дѣйствіе своихъ повѣстей; онъ самъ сливается со вкусами и привычками дѣйствующихъ лицъ. Историческое воспроизведеніе эпохи становится вѣрнымъ отраженіемъ настроенія автора, и реализмъ художника получаетъ особый лирическій отпечатокъ. Въ „Rôtisserie de la Reine Pédauque“ бытовая сторона пріобрѣтаетъ, благодаря этому, особую поэтичность. Но вымыселъ такъ же дорогъ художнику, какъ близкая его эстетическимъ вкусамъ дѣйствительность—и онъ съ великимъ искусствомъ вводитъ чудесное въ свое историческое повѣствованіе.

Фантастическій элементъ врывается въ спокойный разсказъ съ появленіемъ страннаго черноволосаго человѣка въ харчевнѣ, гдѣ Жеромъ Коньяръ утвердился въ качествѣ новаго учителя маленькаго Жака. Человѣкъ быстро подходитъ къ пылающему очагу и начинаетъ искать въ огнѣ саламандру. Это Астарагъ, алхимикъ и магъ; на службу къ нему вступаютъ Жеромъ Коньяръ и его молодой ученикъ,—имъ порученъ разборъ древнихъ рукописей въ библіотекѣ Астарага. Съ этой минуты жизнь трезваго скептика и матеріалиста Коньяра сплетается съ фантастическимъ существованіемъ алхимика, исповѣдующаго вѣру въ саламандръ, сильфидъ и геніевъ воздуха. Излюбленный пріемъ Франса состоитъ въ томъ, чтобы противопоставлять сомнительной истинѣ нѣчто совершенно недопустимое и, оттѣняя одно другимъ, придти къ отрицанію того и другого и къ примиренію съ тѣмъ и другимъ.

Ученіе о саламандрахъ излагается очень обстоятельно, съ большимъ юморомъ и красотой. Мѣриломъ прогресса и совершенствованія человѣческаго рода Астарагъ считаетъ огонь—очистительное начало. Переходъ отъ сырой животной пищи первобытнаго человѣчества къ пищѣ, подверженной дѣйствію огня, является такимъ образомъ первымъ шагомъ прогресса. Астарагъ предвидитъ моментъ высочайшаго торжества человѣчества, когда люди станутъ подобны геніямъ воздуха, будутъ питаться химическими бальзамами, т.-е. пить свѣтъ—эссенцію огня, такъ что зубы ихъ будутъ похожи на жемчугъ, который и есть не что иное какъ „затвердѣвшій свѣтъ солнечныхъ лучей“. Несовершенной

любви къ женщинамъ Астарагъ противопоставляетъ любовь къ дѣвамъ огня—саламандрамъ, и нисколько не сомнѣвается въ дѣйствительномъ существованіи этихъ созданій своей фантазіи. Выставляя въ смѣшномъ видѣ ученіе мага, Франсъ незамѣтнымъ образомъ раздвигаетъ область насмѣшки, распространяя ее и на всякія другія формы предразсудковъ, сопоставляя поклонника саламандръ съ благочестивой женой харчевника, которая не позволяетъ своей старой собакѣ грызть кости въ страстную пятницу, и съ вѣчно пьянымъ капуциномъ, который продаетъ подъ видомъ реликвій оставшіеся отъ его обѣда бараньи кости.

Фабула повѣсти усложняется интригами стараго обанкрутившагося еврея, котораго Астарагъ принимаетъ за халдейскаго мудреца, обладающаго тайной безсмертія; племянница мнимаго мудреца играетъ роль соблазнительницы-саламандры. Взаимныя отношенія мага, мнимаго халдейскаго мудреца, капуцина, самого философа Коньяра, его ученика, двухъ молодыхъ женщинъ и нѣсколькихъ молодыхъ повѣсъ составляютъ веселую, откровенную до цинизма картину нравовъ. Въ концѣ она обрывается внезапной катастрофой—смертью Жерома Коньяра, предсказанной поклонникомъ саламандръ. Всѣ ученія и всѣ формы жизни сливаются и служатъ основой для философіи Жерома Коньяра, который изъ каждаго событія выводитъ поученія для своего ученика. Поученія эти собраны и приведены въ систему во второмъ томѣ: „Les Opinions de M. Jerôme Coignard“.

Главная основа ученія Коньяра—въ его снисходительности и терпимости, одинаково къ добрымъ и злымъ. Онъ прежде всего не вѣритъ въ то, что основа жизни добро, но вѣритъ въ добро, какъ выводъ изъ философскихъ и религіозныхъ ученій. „Не природа учитъ слѣдовать добру,—говоритъ онъ:—она сама по себѣ безразлична и не знаетъ ни добра, ни зла. Для того, чтобы знать и понимать людей, а также для того, чтобы управлять ими, надо помнить, что они „порочныя обезьяны“ (des mauvais singes). Несчастье людей въ томъ, что они считаютъ долгомъ уважать другъ друга“. „У меня нѣтъ иллюзіи относительно людей,—говоритъ онъ,—и чтобы не ненавидѣть ихъ, я ихъ презираю. Я съ нѣжностью ихъ презираю, но они не признательны мнѣ за это. Они требуютъ ненависти къ себѣ и сердятся, когда обнаруживаешь по отношенію къ нимъ самое нѣжное, доброжелательное, граціозное и человѣчное чувство — презрѣніе. А, между тѣмъ, взаимное презрѣніе водворило бы миръ на землѣ. Если бы люди взаимно презирали другъ друга, они не причиняли бы другъ другу зла и жили бы спокойно. Все зло куль-

турныхъ обществъ происходитъ отъ того, что граждане слишкомъ уважаютъ другъ друга и воздвигаютъ честь, какъ нѣкое чудовище, надъ слабостями плоти и духа. Это чувство дѣлаетъ ихъ гордыми и жестокими, и я ненавижу гордость, которая требуетъ поклоненія передъ собой и передъ другими, какъ будто кто-либо изъ потомства Адама имѣетъ право на поклоненіе. Животное, которое ѣстъ, пьетъ и любитъ, можетъ казаться жалкимъ, интереснымъ, иногда даже симпатичнымъ; но только нелѣпый и жестокій предразсудокъ можетъ обратить его въ предметъ всеобщаго почитанія. Предразсудокъ этотъ—источникъ всѣхъ нашихъ золъ. Чтобы сдѣлать жизнь людей хоть немного болѣе отрадной, слѣдуетъ вернуть ихъ къ природной скромности. Они будутъ счастливы, когда, понявъ истину относительно самихъ себя, будутъ презирать другъ друга и никто не захочетъ составлять исключенія изъ этого благотворнаго правила".

Отсюда его особое расположеніе къ грѣшникамъ. Коньяръ не вѣритъ въ устойчивость человѣческой морали и потому допускаетъ всѣ грѣхи. Его собственная жизнь, разныя продѣлки въ юности, склонность къ вину, къ картамъ, увлеченіе женщинами ставили его въ самыя непріятныя положенія въ жизни, но онъ вѣритъ въ благость Божію и думаетъ, что благочестіе важнѣе нравственности. Тутъ опять выступаетъ на сцену условность разума и вѣра въ инстинктъ. Предпочтеніе благочестиво настроенной души безупречному поведенію въ жизни составляетъ главную идею книги Франса и заслуживаетъ наибольшаго вниманія: „Есть много вещей,—говоритъ Франсъ устами Коньяра,—которыя осуждаются моралью, и которыя сами по себѣ безразличны или, по крайней мѣрѣ, не увеличиваютъ зла на свѣтѣ. Конечно, взаимодѣйствіе голода и любви заставляетъ насъ иногда совершать дурные поступки. Но если бы мы постоянно сдерживали естественную склонность къ чувственнымъ удовольствіямъ, то развѣ это не доказывало бы, что мы приписываемъ слишкомъ большое значеніе плоти. Нужно заботиться о душѣ, а не о плоти. Человѣческая мораль часто условна и измѣнчива. Если простые умы не рѣшаются освободиться отъ нея, то, по крайней мѣрѣ, люди разсуждающіе должны понять малое значеніе морали и заниматься не слѣдованіемъ общепринятымъ правиламъ, а спасеніемъ своей души. Не къ добродѣтели долженъ стремиться человѣкъ, а къ святости, ибо добродѣтель порождаетъ гордость. Мы не можемъ быть смиренными, какъ подобаетъ христіанамъ, если не поймемъ нашего жалкаго состоянія, а смиреніе возбуждается только грѣхомъ, и только грѣша, мы можемъ сохранить

смиреніе въ душѣ. Самые великіе святые—тѣ, которые раскаиваются, и такъ какъ раскаяніе соотвѣтствуетъ грѣху, то самые большіе грѣшники способны стать величайшими святыми. Источникъ святости—вожделѣнія и неумѣренность, грѣхи плоти и духа. Только накопивъ въ душѣ этотъ матеріалъ, нужно обращаться съ нимъ по указаніямъ божественной науки и выработать въ себѣ раскаяніе".

Исходя изъ этого ученія, Жеромъ Коньяръ судитъ о цѣломъ рядѣ современныхъ явленій, и подъ прозрачнымъ измѣненіемъ именъ въ отдѣльныхъ главахъ книги обсуждаются происшествія французской дѣйствительности, столь близкія, напр., какъ панамское дѣло, названное у него дѣломъ Миссисипи, или, напр., процессъ Рошфора, названнаго у него Рокстронгомъ. Вся внутренняя политика Франціи, вопросы объ арміи, правосудіи, о смѣнѣ правительствъ, обсуждаются философомъ, который проводитъ жизнь съ счастливой улыбкой сомнѣнія на устахъ. Взгляды Франса чрезвычайно гуманны и свободны. Въ шовинистской Франціи онъ рѣшается говорить въ главѣ объ арміи, что военное ремесло всегда внушало ему отвращеніе и ужасъ, потому что оно связано съ рабствомъ, ложнымъ честолюбіемъ и жестокостью. Точно такъ же во главѣ о правосудіи онъ высказывается противъ суда, противъ смертной казни, и говоритъ о своемъ недовѣріи къ законамъ, которые созданы людьми, а это, по его словамъ, очень темное и жалкое происхожденіе. Но въ общемъ эти разсужденія о современности грѣшатъ слишкомъ большой примиренностью съ временнымъ зломъ. Можно въ широкой философской системѣ мириться съ необходимымъ элементомъ зла; но вносить эту терпимость въ обсужденіе явленій дня—значитъ скорѣе быть равнодушнымъ, чѣмъ терпимымъ. Философъ долженъ скорѣе уклоняться отъ обсужденія современности и разсматривать жизнь схематически. Францъ иногда же пренебрегаетъ этимъ правиломъ и становится публицистомъ вмѣсто того, чтобы оставаться художникомъ.

Въ двухъ послѣднихъ книгахъ Франса, „L'Orme du Mail" и „Mannequin d'Osier", его излюбленный герой-философъ, размышляющій о жизни, находясь въ ея центрѣ, претерпѣваетъ дальнѣйшую метаморфозу. Изъ грѣшнаго и благочестиваго аббата онъ становится корректнымъ профессоромъ нашихъ дней и уже безъ всякой маски судитъ о современныхъ событіяхъ и углубляется въ собственную психологію, обусловленную привычками вѣковой культуры и свойствами національнаго ума. Францъ создаетъ новый родъ литературы этими двумя завершительными

звеньями своей философской эпопеи. Пока современность вводилась въ повѣствованіе аллегорически, или подъ вымышленными названіями, приключенія и размышленія героевъ Франса сохраняли характеръ философскихъ сказокъ. Когда же онъ подходитъ такъ близко къ современности, что предметомъ его обсужденій становится, напримѣръ, рѣчь патера Оливье послѣ пожара на благотворительномъ базарѣ, то повѣсти его становятся чѣмъ-то среднимъ между романами и историческими хрониками, написанными очень живо и утонченно зло. Франсъ самъ отмѣтилъ документарный характеръ своего вымысла, объединивъ „L'Orme du Mail" и „Mannequin d'Osier" общимъ заглавіемъ—„Histoire Contemporaine". Будь эти книги написаны съ меньшей объективностью, будь въ нихъ замѣтна попытка навязать обществу новые устои взамѣнъ устарѣвшихъ,—„Современная Исторія" Франса превратилась бы въ проповѣдь разрушительнаго анархизма—до того безпощадна и смѣла его критика дѣйствительности. Но цѣль Франса совершенно не та. Онъ прежде всего—философъ и съ устъ его не сходитъ улыбка скептика. Современность не болѣе—и не менѣе—волнуетъ его, чѣмъ судьбы древняго Египта. Событія, происходящія на его глазахъ, являются для него такимъ же историческимъ матеріаломъ, какъ всякая умершая культура. Если можно дѣйствительныя данныя греческой или египетской исторіи перемѣшивать съ вымысломъ, то независимый духомъ философъ можетъ точно такъ же поступать и относительно того, что̀ ему близко знакомо, и говорить о непосредственной дѣйствительности съ невозмутимостью историка, для котораго нѣтъ различія между настоящимъ и прошлымъ и для котораго исторія міра представляется цѣпью равнозначущихъ явленій.

Такое отношеніе къ современности дѣлаетъ Франса оригинальнѣйшимъ изъ историковъ. Конечно, свою безстрастную историческую критику современности Франсъ ведетъ не отъ своего имени. Ему нужно лицо, воплощающее его идеалъ философа, т.-е. человѣкъ, который и самъ живетъ въ центрѣ событій, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по своимъ интеллектуальнымъ вкусамъ, возвышается надъ жизнью, относясь къ явленіямъ какъ зритель. Такимъ философомъ является въ обоихъ романахъ Бержере—профессоръ филологическаго факультета, авторъ примѣчаній къ Виргилію для студентовъ, готовящихся къ экзамену. Этотъ почтенный университетскій дѣятель блестящимъ образомъ завершаетъ серію философовъ Франса. Онъ сочетаетъ въ себѣ слабость воли, необходимую для того, чтобы со всѣмъ мириться,

все понимать и ничего не осуждать, и даръ философскаго анализа, умѣнье во всемъ частномъ видѣть подтвержденіе міровыхъ законовъ,—умѣнье освобождаться отъ волненій жизни, понимая ее.

Въ первой книгѣ—„L'Orme du Mail"—профессоръ Бержере не играетъ еще первостепенной роли. Онъ одно изъ колесъ университетской жизни провинціальнаго города, гдѣ происходитъ глухая борьба между свѣтской властью, въ лицѣ префекта, и духовенствомъ. Отъ времени до времени сторонники и представители разныхъ партій сходятся на прогулкѣ, въ тѣни вязовъ на большой дорогѣ (оттуда заглавіе романа), и тамъ происходятъ безконечные теоретическіе споры и бесѣды о томъ, что происходитъ, и выясняются пружины дѣйствія разныхъ партій. Цѣльной фабулы въ романѣ Франса нѣтъ. Онъ только рисуетъ отдѣльные типы духовенства и магистратуры, намѣчаетъ ихъ столкновенія и оставляетъ всѣ задѣтые интересы въ томъ же положеніи въ концѣ книги, какими они были въ началѣ. Рѣчь идетъ о назначеніи епископа на открывшееся вакантное мѣсто. На лицо нѣсколько кандидатовъ: директоръ семинаріи, ненавистникъ республики и строгій ревнитель католическихъ традицій, ловкій аббатъ Гитрель, который ладитъ съ префектомъ, высказываетъ симпатіи къ существующему режиму и мечтаетъ о томъ, какъ, добившись цѣли, онъ круто поведетъ аттаку противъ республиканскихъ властей. Кромѣ того, есть еще кандидатъ архіепископа, папскаго нунція и т. д. Вокругъ этой кандидатуры вертится все содержаніе романа. Одна изъ партій пытается окружить себя ореоломъ, выдумавъ „чудо" въ своемъ приходѣ—ясновидящую, которая предсказываетъ сенсаціонныя событія. Другая партія съ помощью префекта устраняетъ „чудо" и т. д. Но въ концѣ книги мы даже не знаемъ, кто изъ кандидатовъ одержитъ побѣду. Это очень характерно для Франса. Онъ какъ бы останавливаетъ на минуту обычное теченіе жизни, присматривается къ случайному отрывку ея, рисуетъ типы, показываетъ пружины дѣйствій, захватывая дѣйствительность не широко, а глубоко. Сатира нравовъ исходитъ изъ сущности вещей, безъ намѣреннаго осужденія, безъ предпочтенія однѣхъ формъ жизни другимъ. Весь интересъ оригинально задуманнаго разсказа въ подробностяхъ, въ отдѣльныхъ чертахъ и сценахъ, въ тонкой, полунасмѣшливой улыбкѣ автора, передающаго то наивно, то совершенно объективно мельчайшія черты, брошенныя какъ бы зря, но болѣе характерныя, чѣмъ самый обстоятельный психологическій анализъ. Почтенный директоръ семи-

наріи пишетъ доносъ на своего подчиненнаго—и соперника, покупающаго каждую субботу два пирожка для себя и для своей старой служанки,—и іезуитскій тонъ письма, упоминаніе вскользь того, что составляетъ сущность обвиненія, елейность, прикрывающая злобу,—все это рисуетъ въ легкомъ шутливомъ тонѣ цѣлый міръ лицемѣрія, умственной узости и душевной сухости.

Франсъ ничего не подчеркиваетъ, держится видимо лишь поверхности явленій, а между тѣмъ съ улыбкой и какъ бы неожиданно для самого себя раскрываетъ трагическую основу вещей. Великолѣпный образецъ его манеры—сцена, гдѣ аббатъ Лантэнь, директоръ семинаріи, покоряясь тяжелому христіанскому долгу, рѣшается удалить изъ заведенія склоннаго къ вольнодумству мальчика. Онъ знаетъ, что губитъ жизнь ученика, и очень его жалѣетъ, но лицемѣря передъ самимъ собой, убѣждаетъ себя въ необходимости быть безпощаднымъ. Самый способъ удаленія и впечатлѣніе, которое на всю жизнь остается у мальчика, очень спокойно, но очень рѣзко рисуетъ пагубную власть догмата надъ свободной душой. Приводимъ эту сцену также какъ образчикъ художественныхъ пріемовъ Франса, отмѣчающаго оттѣнки мимолетныхъ чувствъ и настроеній, которые создаются взаимодѣйствіемъ внутренняго міра и внѣшнихъ явленій, даже неодушевленныхъ предметовъ, связанныхъ съ какими-нибудь воспоминаніями или отвлеченными идеями.

Лантэнь, принявъ рѣшеніе исключить Пьеданьеля, подзываетъ его къ себѣ на прогулкѣ и назначаетъ его своимъ прислужникомъ на ранней обѣднѣ слѣдующаго дня. Мальчикъ польщенъ назначеніемъ, которое считается почетнымъ среди воспитанниковъ семинаріи. На слѣдующее утро мальчикъ своевременно явился въ церковь и благочестиво выполнилъ свои обязанности во время службы. Наконецъ обѣдня кончилась. „Фирмэнъ Пьеданьель сталъ на колѣни на ступенькѣ алтаря, потомъ послѣ послѣднихъ словъ литургіи прошелъ передъ священникомъ въ ризницу. Аббатъ Лантэнь поставилъ на столъ дароносицу и при помощи прислуживающаго мальчика разоблачился. Фирмэнь Пьеданьель, воспріимчивый къ мистическимъ вліяніямъ предметовъ, чувствовалъ обаяніе этой простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ священной церемоніи. Душа его, проникнутая умиленіемъ, наслаждалась привычной величавостью богослуженія. Онъ приложился губами къ рясѣ и тщательно сложилъ ее, потомъ поклонился аббату Лантэню и направился къ выходу. Директоръ семинаріи, одѣвавшій свою будничную рясу, жестомъ остано-

вилъ мальчика и устремилъ на него взглядъ, исполненный такого благородства и такой кротости, что мальчикъ почувствовалъ себя облагодѣтельствованнымъ и получившимъ благословеніе. Послѣ долгаго молчанія директоръ заговорилъ:

„Дитя мое,—сказалъ онъ,—служа сегодня Господу и предложивъ тебѣ служить вмѣстѣ со мной, я просилъ Его дать мнѣ силу исключить тебя. Молитва моя услышана—ты уже не принадлежишь къ составу нашихъ воспитанниковъ".

„Услышавъ эти слова, Фирмэнъ обезумѣлъ. Ему показалось, что полъ дрожитъ у него подъ ногами. Онъ смутно видѣлъ отуманенными отъ слезъ глазами пустынную дорогу, дождь, жизнь въ нищетѣ, судьбу потеряннаго ребенка, страшившую его природную слабость и робость. Онъ взглянулъ на аббата Лантэни. Рѣшительность, мягкость и твердое спокойствіе этого человѣка возмутили его. Вдругъ въ немъ родилось и созрѣло чувство, давшее ему опору и силу: онъ возненавидѣлъ служителей церкви властной и плодотворной ненавистью, способной наполнить цѣлую жизнь. Не произнеся ни слова, онъ крупными шагами вышелъ изъ ризницы".

Въ томъ же тонѣ высшей утонченной сатиры написаны веселыя сцены, героемъ которыхъ является архіепископъ, монсиньоръ Шарло. Ему два раза приходится принять директора семинаріи, который въ первый разъ приходитъ жаловаться на одного изъ учителей, а второй разъ—говоритъ о своей возможной кандидатурѣ на епископское мѣсто. Оба раза архіепископъ отдѣлывается отъ него, не давая ему поговорить о главномъ. Въ юмористической передачѣ этихъ сценъ выступаетъ наружу все, что цѣлые вѣка традиціоннаго лицемѣрія накопили въ душахъ двухъ людей, очутившихся одинъ въ положеніи просящаго милости, а другой—могущаго дать ее.

„L'Orme du Mail" обрывается, только бѣгло очертивъ образъ профессора Бержере, „человѣка тонкаго ума, обращающаго остріе своихъ насмѣшекъ не только на окружающихъ, но и на себя... человѣка съ болѣзненной чувствительностью, способнаго испытывать отвращеніе и страданіе гораздо больше, чѣмъ удовольствіе и удовлетвореніе". Въ „Orme du Mail" Бержере—только зритель событій и разсуждаетъ о нихъ то на скамейкѣ подъ вязомъ, то въ лавкѣ знакомаго книгопродавца. Въ обществѣ его не любятъ за его злыя насмѣшки и остроты, за то, что нѣтъ для него ничего святого, что Жанну д'Аркъ онъ называетъ военной „mascotte" и т. д.

Во второй книгѣ „Современной Исторіи", въ „Mannequin

d'Osier", Бержере становится центральнымъ лицомъ, завершающимъ серію идейныхъ героевъ Франса. Философія его обращена на этотъ разъ не на внѣшній міръ, а на самого себя. Въ немъ самомъ происходитъ трагикомедія познаванія истины въ себѣ. Разсказывая судьбу своего героя, всецѣло состоящую въ событіяхъ внутренняго міра, Франсъ совершенно измѣняетъ обычный типъ современныхъ романовъ, въ особенности французскихъ. Утонченность анализа, исканіе тончайшихъ оттѣнковъ и движеній направлена не на событія души, не на чувства, а на переживанія разума, на мысли, на безсознательную иногда работу разума, которую пытливый, воспитанный въ привычкахъ самоанализа философъ обращаетъ въ плодотворное жизненное начало. Повѣсть Франса въ нѣкоторомъ родѣ—романъ Достоевскаго à rebours, такъ какъ чаша страданій испивается не оскорбленнымъ сердцемъ, а чуткой и трезвой мыслью. Герой Франса по своей судьбѣ и по своей болѣзненной чувствительности, страдающей отъ уродства жизни, могъ бы быть героемъ Достоевскаго и увеличить собой толпу униженныхъ и оскорбленныхъ. У Франса же онъ сдѣлался побѣдителемъ, вынесъ изъ борьбы свободную душу и достигъ свободы въ жизни. Возведеніе разума въ спасительное жизненное начало—чисто національная черта у Франса. Онъ тутъ является воплотителемъ „esprit français", забытаго современными романистами, опьяненными успѣхомъ Достоевскаго во Франціи. „Mannequin d'Osier"—вызовъ психологіи, основанной исключительно на движеніяхъ души. Взамѣнъ ея Франсъ хотѣлъ показать внутреннюю жизнь человѣка, у котораго мысль, культурность, вкусъ и точность безстрастнаго самоанализа одерживаютъ верхъ надъ внушеніями слѣпыхъ душевныхъ силъ, такъ что конечная свобода является созданіемъ собственныхъ рукъ человѣка.

Окруженный ежечасными униженіями жизни, Бержере кажется въ началѣ жалкимъ, но никогда его не покидаетъ отношеніе къ себѣ какъ къ объекту психологическаго анализа. Въ немъ параллельно идетъ жизнь и внутреннее толкованіе себя для себя. Въ этомъ параллелизмѣ, т.-е. въ отчетѣ о безсознательномъ процессѣ мысли въ каждомъ поступкѣ человѣка, заключается особенность повѣсти. Въ противоположность инстинктивнымъ натурамъ, Бержере проводитъ каждое свое чувство, каждое испытаніе жизни сквозь критику разсудка и достигаетъ путемъ размышленія той высокой нравственной свободы, которая недоступна людямъ, отдающимъ жизни невооруженную душу.

Чтобы наглядно показать медленный завоевательный процессъ

мысли, Франсъ рисуетъ самую мелкую, узкую и тривіальную обстановку. Профессоръ Бержере окруженъ величайшимъ уродствомъ. Въ домѣ его царятъ сварливая, погрязшая въ житейскія мелочи, жена и три дочери, и домашній шумъ преслѣдуетъ Бержере до его полутемнаго кабинета, откуда слышна кухонная перебранка. Тамъ же жена профессора поставила тростниковый манекенъ для примѣрки платьевъ. Эта глупая уродливая фигура безъ головы кажется Бержере эмблемой его семейной жизни, но по своей философской снисходительности онъ терпитъ присутствіе оскорбительной для его глазъ куклы, также какъ не протестуетъ противъ того, что жена и дочери пишутъ на поляхъ его рукописей свои хозяйскіе счеты. У Бержере только всегда двойной ходъ мыслей. Когда у него собираются нѣсколько человѣкъ его пріятелей и почитателей и когда въ невзрачномъ узкомъ кабинетѣ ведутся неспѣшныя бесѣды о милитаризмѣ, о причинахъ процвѣтанія государствъ и т. д., Бержере, руководя бесѣдой, слышитъ въ то же время, какъ рубится мясо въ кухнѣ, и думаетъ о неизбѣжномъ пирогѣ, который непремѣнно появится на столѣ въ этотъ день въ виду того, что ученые посѣтители останутся къ обѣду. Когда итальянскій полковникъ Аспертини — одинъ изъ гостей—комментируетъ отрывокъ изъ Донъ-Кихота, конецъ его рѣчи заглушается шипѣніемъ опрокинутаго котла съ кипяткомъ и отчаяннымъ воплемъ служанки, съ ужасомъ убѣгающей отъ плиты. „И тогда профессоръ Бержере, опечаленный обстановкою своей жизни, начинаетъ мечтать про себя о прекрасной виллѣ на берегу голубого озера, гдѣ онъ велъ бы мирныя бесѣды съ Аспертини и съ ученикомъ своимъ—Ру, въ тотъ часъ, когда влюбленная луна появляется на небѣ, чистая, какъ взоръ боговъ, нѣжная, какъ дыханіе богинь“. И все-таки онъ долженъ продолжать разговоръ въ самыхъ противоположныхъ его мечтамъ условіяхъ. Когда собесѣдники уже опредѣлили судьбы всѣхъ европейскихъ государствъ, дверь вдругъ съ трескомъ отворяется, манекенъ падаетъ къ ногамъ изумленнаго полковника, и на порогѣ показывается рыжая, косоглазая, уродливая, но молодая и сильная дѣвушка, съ красными щеками и багровыми руками, становится противъ хозяина и, грозно потрясая кочергой въ одной рукѣ, кричитъ на рѣзкомъ деревенскомъ нарѣчіи: „я ухожу“ (je m'en va).

Такія домашнія сцены часто повторяются, выставляя уродство жизни въ юмористическомъ свѣтѣ. Бержере спасается только тѣмъ, что уходитъ изъ дому или погружается въ ученыя размышленія. Но для него наступаетъ необходимость совершать по-

ступки: онъ узнаетъ, что жена его нарушила долгъ супружеской вѣрности. Онъ даже не имѣетъ надобности узнавать, а случайно лично убѣждается въ фактѣ измѣны. Сцена, въ которой Бержере, вернувшись домой ранѣе, чѣмъ предполагалъ, и зайдя въ гостиную за книгой, застаетъ жену въ объятіяхъ своего любимаго ученика Ру,—самая замѣчательная въ повѣсти. Французскіе романисты достаточно часто описывали откровенныя любовныя сцены и злоупотребляли этими описаніями, выдвигая всегда впередъ однѣ и тѣ же нелюбопытныя обыденныя подробности. Но Франсъ съумѣлъ создать нѣчто совершенно новое и по необычайной смѣлости реализма и по оригинальности психологическаго анализа. Серьезность и отчетливость, съ которой Франсъ изображаетъ зрѣлище, представившееся глазамъ Бержере, исключаетъ всякую порнографичность, отвлеченное же и безличное описаніе „напряженной позы, которая, совмѣщая любовь и борьбу, выражаетъ собой сладострастіе", дѣлаетъ изъ пикантной сцены предметъ глубокаго размышленія о жизни. Но преимущественное значеніе имѣетъ въ этой сценѣ то, что̀ думаетъ и дѣлаетъ Бержере. Франсъ воспроизводитъ и сознательныя и безсознательныя душевныя переживанія его. Въ нѣсколько секундъ онъ проходитъ черезъ цѣлый рядъ ощущеній, начиная отъ инстинкта оскорбительнаго звѣря до полнаго спокойствія философа. Быстро смѣняются отдѣльные моменты его душевнаго состоянія, сначала дикое и жестокое желаніе убить виновныхъ — слишкомъ мимолетное, однако, чтобы привести къ дѣйствію, — затѣмъ чувство общественнаго негодованія, воспитанное традиціями законности, желаніе наказать виновныхъ уже не по внушенію инстинкта, а въ силу человѣческой справедливости, и наконецъ, когда эти религіозныя и нравственныя соображенія отходятъ, глубокое чувство гадливости, которое заливаетъ грязнымъ потокомъ пламя его гнѣва. Гадливость все побѣждаетъ. Три секунды, въ теченіе которыхъ онъ перечувствовалъ всѣ эти ощущенія, прошли, онъ поступка не совершилъ и кончаетъ тѣмъ, что беретъ съ ближайшаго столика книгу и молча уходитъ, оставивъ у жены и у своего ученика сомнѣніе въ томъ, видѣлъ ли онъ что-либо. Борьба инстинкта, чувствъ и мыслей еще продолжается въ душѣ Бержере въ то время, какъ онъ садится за чтеніе грамматическаго трактата, продолжая думать о происшедшемъ.

Когда между разборомъ двухъ грамматическихъ формъ онъ машинально произноситъ вполголоса слово „адюльтеръ", оно падаетъ ему на языкъ, какъ „звонкая металлическая пластинка". Прежде всего онъ думаетъ о томъ, что̀ въ этомъ словѣ есть

тривіальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ трагичнаго, уродливаго, нелѣпосмѣшного. И онъ смѣется полный печали. Передъ его умственнымъ взоромъ проходятъ затѣмъ всѣ чувства, вызванныя неожиданнымъ событіемъ, и сожалѣніе къ себѣ, и негодованіе, и презрѣніе къ уродству, и мысли о позорѣ и стыдѣ, связанныхъ съ понятіемъ о супружеской измѣнѣ. Когда всѣ эти чувства проводятся имъ черезъ критику разума, онъ становится способнымъ дѣйствовать. Остатокъ инстинктивнаго чувства онъ изводитъ на то, чтобы изломать ненавистный ему манекенъ, эмблему семьи, и выбросить куски камыша за окно. Затѣмъ онъ уходитъ изъ дому и конечное спокойствіе духа нисходитъ на него въ то время, какъ привычной рукой онъ перелистываетъ у книгопродавца все тотъ же разрозненный томъ „Исторіи Путешествій“ и останавливается, какъ всегда, на той же страницѣ. Читая глазами знакомыя слова, онъ приходитъ къ убѣжденію, что въ недавнемъ событіи нѣтъ ничего удивительнаго для философа, что событіе это домашняго свойства и тѣмъ самымъ уничтожаетъ его домъ,— и что онъ теперь нравственно свободенъ. Придя къ этому выводу, увидѣвъ въ перспективѣ желанную свободу, онъ спокойно дочитываетъ обрывокъ разсужденія о Сандвичевыхъ островахъ. Образъ жены и его ученика сохраняется въ его сознаніи, но уже не возбуждая ни гнѣва, ни гадливости; онъ можетъ думать о застигнутой имъ сценѣ, какъ о виньеткѣ къ бельгійскому изданію какой-нибудь нескромной книги. Вернувшись домой, онъ смотритъ на часы и убѣждается, что ему нужны были девяносто минутъ, чтобы придти къ своему мудрому спокойствію.

Затѣмъ начинается дѣло освобожденія. Жена его перестаетъ существовать для него въ домѣ, она не можетъ перенести его молчанія и безпощаднаго презрительнаго уклоненія отъ всякихъ объясненій. Она предпочла бы бѣшеные взрывы гнѣва и хотѣла бы искупить вину и заслужить прощеніе. Но Бержере не считаетъ ее виновной и потому не можетъ ее простить; онъ хочетъ только освободиться и одушевленъ „безграничнымъ эротическимъ желаніемъ не видать болѣе м-мъ Бержере“ (l'Eros de ne plus voir m-me Bergeret). „И это свѣтлое ясное желаніе, не нарушаемое ни ненавистью, ни гнѣвомъ, имѣло счастье и силу любви“. Побѣжденная молчаливымъ протестомъ мужа, м-мъ Бержере покидаетъ его домъ. Такъ разыгрывается столкновеніе человѣка мысли съ пошлостью жизни, и къ такимъ необыденнымъ выводамъ оно приводитъ въ книгѣ Франса, показывающей жизненную силу разсудочнаго начала.

Идеологическія повѣсти Франса состоятъ такимъ образомъ

изъ серіи философскихъ переживаній его единственнаго, мѣняющаго лишь внѣшнія условія жизни героя. Принципіальная основа этихъ повѣстей не нова; она сводится къ примиренно-скептическому отношенію къ жизни, но изъ этого глубоко національнаго источника художественный талантъ, неистощимая фантазія и острый умъ Франса извлекаютъ оригинальныя красоты и очень современныя сложныя и тревожныя въ своей незаконченности настроенія. Цѣлый рядъ короткихъ разсказовъ и сказокъ обнаруживаетъ тѣ же свойства художественнаго таланта Франса. Всѣ они блещутъ неожиданностью, парадоксальностью мыслей, оттѣненной изысканной, слегка манерной простотой тона, краснорѣчивой проповѣдью еретическихъ ученій, ослѣпительной фантастичностью описаній, и всѣ проникнуты поэтической ироніей, среди которой распускается изысканный цвѣтокъ сомнѣнія. Франсъ отзывается въ нихъ на всѣ мимолетные вкусы времени, на всѣ фантазіи въ наукѣ и въ вѣрованіяхъ неустойчивыхъ современниковъ. Въ духѣ современнаго эстетизма задуманъ разсказъ о безсмертныхъ дочеряхъ пре-адамитки Лилитъ (La fille de Lilith), осужденныхъ вѣчно терзать людей, возбуждая любовь, которую онѣ сами не могутъ раздѣлить, давая радость, но безсильныя испытывать ее. Златоокая Леила оставляетъ, исчезая, измученному ея чарами юношѣ молитву, начертанную остріемъ кинжала на кинарисовомъ листѣ. Въ этой молитвѣ она взываетъ къ Богу, прося обѣщать ей смерть, чтобы она могла наслаждаться жизнью, дать ей муки раскаянія, чтобы стало возможнымъ удовольствіе, и сдѣлать ее равной дочерямъ Евы. Роковой законъ контрастовъ преподанъ съ небрежной граціей и неотразимой убѣдительностью — и красота Леилы, каждой чертой, уклоняющейся отъ естественности и природы, горитъ зловѣщимъ огнемъ въ фантастической повѣсти. Въ послѣднее время вопросы гипнотизма и магіи стали занимать общество и, слѣдуя теченію, Франсъ пишетъ разсказъ (M. Pigeonneau), въ которомъ рѣчь идетъ о старомъ ученомъ, читающемъ въ академіи докладъ о древнеегипетскихъ женскихъ нарядахъ, о шаловливой красавицѣ англичанкѣ, которая „помнитъ“, что она жила въ Θивахъ шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ, о гипнотизерѣ, имѣющемъ видъ ассирійскаго бога, о статуэткѣ богини Паштъ и, главное, о сѣрой маленькой кошечкѣ „Пору“. И несмотря на всѣ протесты вѣрящаго въ свой авторитетъ ученаго, все совершается не такъ, какъ онъ считаетъ нужнымъ, а какъ хотятъ капризы англичанки, ея докторъ и ея кошка. Ученый пишетъ въ угоду имъ смѣшныя сказки—и торжество на сторонѣ непонятной силы гипноза, представленной,

правда, съ забавной стороны, но въ обычной манерѣ Франса, открывающаго путь какъ вѣрѣ, такъ и отрицанію. Возродился интересъ къ евангельскимъ темамъ—и Франсъ пишетъ разсказъ за разсказомъ, то о жизни королей маговъ до того, какъ звѣзда указала имъ путь въ Виѳлеемъ, то о Маріи Магдалинѣ, приводящей къ Христу жену римскаго проконсула, при чемъ, однако, послѣдняя готова отказаться отъ новаго ученія при видѣ Магдалины, рыдающей послѣ смерти Христа. Она боится слишкомъ большой любви, колѣнопреклоненій съ распущенными волосами. „Я не хочу религіи, которая портитъ прически", говоритъ она, воплощая идеалъ, перешедшій отъ римлянъ къ носителямъ современной культуры.

Отъ разсказчика Франса къ критику переходъ не слишкомъ рѣзкій. Франсъ „разсказывалъ себя" среди вымышленныхъ событій и людей, и продолжаетъ ту же повѣсть своей открытой всѣмъ вліяніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неуловимой души среди книгъ и отвлеченныхъ идей. Переходомъ отъ беллетристическихъ произведеній Франса къ литературной критикѣ служитъ отчасти сборникъ афоризмовъ „Le Jardin d'Epicure". Все, что̀ рисуетъ міросозерцаніе Франса и воплощено въ блестящихъ разнообразныхъ образахъ его фантазіи, собрано здѣсь въ сжатыхъ точныхъ формулахъ. Это философія примиреннаго скептика, для котораго необходимость контрастовъ все объясняетъ и который выше всего цѣнитъ тревожность ума, ищущаго невозможныхъ конечныхъ цѣлей. Необходимость зла какъ условія жизни, грѣха какъ средства для спасенія души, невѣдѣнія какъ основы счастья, составляетъ тему блестящихъ парадоксовъ, на ряду съ оригинальностью психологическихъ анализовъ, объясняющихъ страсти тѣмъ, что въ нихъ таится опасность, влеченіе къ чистотѣ—тѣмъ, что она дѣлаетъ паденіе болѣе страшнымъ и обаятельнымъ и т. д. Нравственность Франсъ отдѣляетъ отъ выводовъ положительной науки и во имя чувства отрицаетъ всякія теоріи.

Величайшимъ врагомъ теорій Франсъ является и въ своей литературной критикѣ. Изъ всѣхъ французскихъ критиковъ импрессіонистовъ онъ наиболѣе цѣльно и убѣжденно отрицаетъ формулы и признаетъ лишь индивидуальное отношеніе къ произведеніямъ искусства, также какъ и къ непосредственнымъ явленіямъ природы и жизни. „Идеальнымъ критикомъ, — говоритъ онъ,—является тотъ, который по поводу образцовыхъ произведеній искусства передаетъ внутреннія переживанія своей души". Франсъ не всегда имѣетъ случай говорить объ образцовыхъ произведеніяхъ въ своихъ статьяхъ, составляющихъ нѣсколько кни-

жекъ „Vie Littéraire“. Изучая преимущественно литературу своего времени, онъ чаще говоритъ о недостаткахъ, чѣмъ о высокихъ достоинствахъ писателей, но что бы онъ ни разбиралъ, и какъ бы его эстетическое чувство ни страдало, напр., отъ пошлостей Жоржа Онэ или тому подобныхъ авторовъ, онъ не выставляетъ себя судьей и высказываетъ свои мнѣнія тономъ, не знающимъ негодованія, не умѣющимъ нападать. Въ его осужденіяхъ сохраняется примирительный духъ; шутливость смягчаетъ серьезность философскихъ выводовъ, а пессимизмъ его въ обсужденіи литературныхъ явленій современности лишенъ всякой горечи. Нѣтъ ничего трагичнаго въ его іереміадахъ, дающихъ ему случай проявить изощренность своего ума. Острота мысли, вкусъ и высокая культурность — основа художественныхъ достоинствъ Анатоля Франса въ критикѣ, какъ и въ повѣстяхъ. Внутренній же міръ этого оригинальнаго мыслителя и моралиста опредѣленъ имъ самимъ въ Jardin d'Epicure: „Чѣмъ больше я думаю о человѣческой жизни, — говоритъ онъ,—тѣмъ больше я полагаю, что судьями и свидѣтелями въ сужденіи о ней должны быть иронія и состраданіе, подобныя богинѣ Изидѣ и богинѣ Нефтидѣ, которыхъ египтяне призывали на помощь умиравшимъ. Иронія и состраданіе — двѣ хорошія совѣтчицы: одна, улыбаясь, дѣлаетъ жизнь болѣе отрадной; другая слезами придаетъ ей болѣе священный характеръ. Иронія, къ которой я взываю, не жестока. Она не осмѣиваетъ ни любви, ни красоты. Она кротка и доброжелательна. Ея смѣхъ усмиряетъ гнѣвъ, она учитъ насъ смѣяться надъ злыми и глупыми, которыхъ бы мы, безъ нея, имѣли слабость ненавидѣть“.

Таковъ этотъ художникъ-мыслитель, въ которомъ традиціи національнаго духа счастливо сочетались съ индивидуальными свойствами таланта. Оставаясь всегда самимъ собой, внося лиризмъ даже въ область отвлеченной мысли, Франсъ — носитель культуры, вкуса, утонченности, даже искусственности. Онъ весь принадлежитъ прошлому по образу мыслей; по манерѣ и чуткости художественнаго темперамента онъ сродни позднѣйшимъ поколѣніямъ французскихъ писателей. Его творчество характерно для современной Франціи. Въ немъ какъ будто бы хоронится нѣчто, навсегда исчезнувшее, распустившееся послѣднимъ пышнымъ цвѣтомъ въ намѣренно архаичныхъ мысляхъ и образахъ—но въ немъ и открывается путь иному пониманію искусства и философіи.

Зин. Венгерова.

НА ТОМЪ ЖЕ МѢСТѢ [1])

И помни весь путь, которымъ велъ тебя Превѣчный, Богъ твой, по пустынѣ, вотъ уже сорокъ лѣтъ...

Онъ смирялъ тебя, томилъ тебя голодомъ и питалъ тебя манною...

Одежда твоя не ветшала на тебѣ, и нога не пухла, вотъ уже сорокъ лѣтъ...

Сорокъ лѣтъ водилъ васъ по пустынѣ, и одежды ваши не обветшали на васъ, и обувь твоя не обветшала на ногѣ твоей.

(Второз. VIII, 2—4; XXIX, 5).

Ушли двѣнадцать лѣтъ отважныхъ увлеченій
И сновъ мучительныхъ и тягостныхъ заботъ,
Осилившихъ на мигъ и павшихъ искушеній
Похмелья горькаго и трезвенныхъ работъ.

Хвала Превѣчному! Израиля одежды
Въ пустынѣ сорокъ лѣтъ онъ цѣлыми хранилъ...
Не тронуты въ душѣ всѣ лучшія надежды,
И не изсохло въ ней русло творящихъ силъ.

Владычица-земля! Съ бывалымъ умиленьемъ,
И съ нѣжностью любви склоняюсь надъ тобой.
Лѣсъ древній и рѣка звучатъ мнѣ юнымъ пѣньемъ...
Все, вѣчное и въ нихъ, осталося со мной.

---

[1]) См. стихотвореніе „Земля-владычица! къ тебѣ чело склонилъ я“ (Вѣстникъ Европы, Іюль, 1886 г.).

Другой былъ, правда, день, безоблачный и яркій
Съ небесъ лился потокъ ликующихъ лучей
И всюду межъ деревъ запущеннаго парка
Мелькали призраки загадочныхъ очей.

И призраки ушли, но вѣра неизмѣнна...
А вотъ и солнце вдругъ взглянуло изъ-за тучъ...
Владычица-земля! Твоя краса нетлѣнна,
И свѣтлый богатырь безсмертенъ и могучъ.

Владиміръ Соловьевъ.

29 іюня 1898 г. Пустынька.

ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ

По устройству жилищъ для бѣдныхъ за границей.

Участіе женщинъ въ улучшеніи жилищъ бѣднаго населенія проявляется за границей въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Онѣ управляютъ чужими домами, строятъ или арендуютъ дома для сдачи квартиръ низшему классу народа, участвуютъ въ санитарномъ надзорѣ надъ жилищами и въ обществахъ, доставляющихъ дешевыя квартиры бѣдному населенію вообще или бѣднымъ женщинамъ и дѣвушкамъ въ частности.

Женщины, находящіяся въ Эдинбургскомъ соціальномъ и санитарномъ союзѣ, имѣющемъ смѣшанный характеръ, часто работаютъ въ немъ въ качествѣ санитарныхъ инспекторовъ. Послѣдніе посѣщаютъ дома, находящіеся въ различныхъ частяхъ города и населенные бѣдными жильцами, производятъ тамъ осмотры и о найденныхъ санитарныхъ недостаткахъ сообщаютъ мѣстнымъ властямъ. Инспектора союза не имѣютъ оффиціальнаго права войти въ квартиру безъ разрѣшенія жильцовъ, но они успѣли пріобрѣсти такое довѣріе со стороны бѣднаго населенія, что могутъ безпрепятственно посѣщать его жилища, и квартиранты встрѣчаютъ ихъ очень дружелюбно.

Женщины принимаютъ дѣятельное участіе въ лондонскомъ центральномъ комитетѣ санитарной помощи бѣдному населенію (Mansion house council on the dwelling of the poor), который организованъ въ 1884 г. Комитетъ имѣетъ главною цѣлью улучшеніе жилищъ бѣднаго населенія. Почти во всѣхъ лондонскихъ приходахъ онъ учредилъ мѣстные отдѣлы, члены которыхъ берутъ на себя трудъ изслѣдовать получаемыя комитетомъ жалобы на существующія антисанитарныя условія. Комитетъ при помощи

одного изъ своихъ членовъ или при помощи платнаго инспектора удостовѣряется въ справедливости каждой полученной жалобы и принимаетъ мѣры, необходимыя для устраненія санитарныхъ недостатковъ. Дѣятельность центральнаго комитета оказывается очень плодотворной. За послѣднее время онъ началъ получать ежегодно до 10.000 жалобъ на различныя санитарныя неурядицы въ жилищахъ бѣднаго населенія. Во многихъ случаяхъ ему удается устранить найденные имъ недостатки посредствомъ соглашенія съ домовладѣльцемъ. Если онъ не можетъ этого сдѣлать, то обращается къ властямъ. Въ санитарномъ отношеніи онъ сдѣлалъ очень много. Между прочимъ, благодаря ему, цѣлый городской участокъ въ одномъ изъ лондонскихъ приходовъ былъ признанъ нездоровымъ и подвергся экспропріаціи. Въ настоящее время на этомъ участкѣ, послѣ приведенія его въ порядокъ и снесенія старыхъ зданій, лондонское городское управленіе строитъ дома для рабочихъ. Для полученія необходимыхъ знаній, женщины-члены вмѣстѣ съ мужчинами посѣщаютъ гигіеническій музей Паркса, находящійся въ Лондонѣ. Тамъ спеціалисты показываютъ имъ различныя санитарныя принадлежности и даютъ объясненія. Пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ свѣдѣній оказывается совершенно достаточно, чтобы имѣть возможность судить объ обыкновенныхъ санитарныхъ неурядицахъ.

Въ Нью-Іоркѣ существуетъ общество санитарной помощи, состоящее исключительно изъ однѣхъ женщинъ, The ladies Health Protective Association, которое много занимается улучшеніемъ санитарнаго положенія жилищъ бѣднаго населенія. Члены ассоціаціи производятъ осмотры квартиръ и о найденныхъ антисанитарныхъ условіяхъ доводятъ до свѣдѣнія подлежащихъ властей.

Женщины принимаютъ также дѣятельное участіе въ обществахъ, цѣль которыхъ оказывать разнообразную помощь молодымъ дѣвушкамъ и женщинамъ. Въ Лондонѣ такія общества вообще имѣютъ смѣшанный характеръ и состоятъ изъ мужчинъ и женщинъ, но послѣднихъ гораздо больше. Напр., The Girls friendly Society, находящееся подъ покровительствомъ королевы Викторіи и принцессы Уэльской, состоитъ почти исключительно изъ женщинъ. Въ 1896 году оно насчитывало въ своей средѣ 150.055 членовъ въ одной Англіи. Въ ихъ числѣ было много гувернантокъ, учительницъ, ученыхъ сидѣлокъ и нянекъ, клерковъ, студентокъ и огромное число простыхъ работницъ: прачекъ, фабричныхъ, портнихъ и проч. Однѣхъ служанокъ-членовъ общество насчитываетъ до 60.000.

Дѣятельность этого общества распространяется не на одну

только Англію, но и на Америку, Австралію, Африку и европейскій континентъ, вообще по всему свѣту.

Главное управленіе обществомъ находится въ рукахъ центральнаго совѣта, въ которомъ въ 1896 г. были исключительно однѣ женщины. Исполнительный комитетъ и двѣ подкоммиссіи состояли также главнымъ образомъ изъ нихъ. Участіе мужчинъ выражалось въ томъ, что въ качествѣ почетныхъ президентовъ общества состояли архіепископъ кентерберійскій и архіепископъ іоркскій. Финансовый комитетъ состоялъ исключительно изъ мужчинъ. Казначей и почетный ходатай по дѣламъ были также мужчины.

Дѣятельность The Girls friendly Society очень разнообразна. Его члены посѣщаютъ рабочіе дома, въ которыхъ заключены женщины, и стараются доставить занятіе выходящимъ оттуда; помѣщаютъ дѣтей въ пріюты; устраиваютъ клубы для простыхъ дѣвушекъ, общества трезвости, сберегательныя кассы, классы для обученія шитью, кройкѣ, приготовленію кушаньевъ, стиркѣ бѣлья, веденію хозяйства и проч. У общества есть контора для пріисканія занятій. Оно издаетъ нѣсколько газетъ и журналовъ, печатаетъ листки и брошюры. Улучшеніе жилищъ бѣдныхъ работницъ также входитъ въ кругъ его дѣятельности. Въ 1896 г. въ Англіи ночлежныя помѣщенія общества содержали въ себѣ 737 кроватей. Въ продолженіе года въ нихъ перебывало 4.949 ч. Кровати могутъ заниматься членами и не-членами общества. При домахъ были устроены классы библіи, шитья, кройки, модныхъ нарядовъ, кухоннаго и прачешнаго искусства, священной и свѣтской исторіи, литературы, музыки, пѣнія, рисованія, французскаго языка, рѣзьбы изъ дерева и ухода за больными. При ночлежныхъ помѣщеніяхъ существуютъ и библіотеки. У общества есть домъ для эпилептиковъ и домъ, гдѣ утомленныя работницы могутъ короткое время пользоваться отдыхомъ. Въ Лондонѣ общество выстроило домъ, гдѣ находятъ пристанище около пятидесяти эмигрантокъ.

Въ союзѣ фабричной помощи—Factory helpers' union, состоящемъ подъ покровительствомъ лондонской христіанской ассоціаціи молодыхъ женщинъ (London young women's Christian association), женщины также принимаютъ дѣятельное участіе.

Factory helpers' union основанъ съ цѣлью помогать дѣвушкамъ-работницамъ въ затруднительныхъ случаяхъ. Союзъ установилъ правильное посѣщеніе фабрикъ и прачешныхъ во время обѣда и чая. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія посѣщенія совершаются и во время работы. Посѣтительницы даютъ работни-

цамъ краткій урокъ библіи или поютъ съ ними гимны. Въ 1896 году члены союза регулярно посѣщали около 300 фабрикъ и 200 прачешныхъ, гдѣ работаетъ около 20.000 дѣвушекъ.

Союзъ открываетъ учебныя заведенія и вечернія помѣщенія, въ которыхъ дѣвушки проводятъ время, присутствуя на полезныхъ урокахъ и развлеченіяхъ. Въ 1896 году у союза было семь учебныхъ заведеній и вечернихъ помѣщеній, одинъ ресторанъ и одинъ домъ, гдѣ дѣвушки могутъ жить на полномъ пансіонѣ. Въ продолженіе года въ ресторанѣ было отпущено около 52.208 блюдъ, считая обѣдъ, завтракъ и чай. У общества есть библіотека, миссія писемъ и миссія цвѣтовъ. Члены миссіи писемъ ведутъ правильную корреспонденцію съ одной или нѣсколькими работницами, входя такимъ образомъ съ ними въ болѣе близкія отношенія. Цвѣточная миссія занимается разсылкой букетовъ на фабрики и прачешныя, а также и въ клубы. Въ провинціи образованъ союзъ изъ деревенскихъ дѣтей, которыя занимаются приготовленіемъ букетовъ. За лучшіе имъ выдаются преміи. Желѣзнодорожныя компаніи, по просьбѣ союза фабричной помощи, понизили плату за провозъ цвѣтовъ.

Въ Лондонѣ существуетъ общество, которое занимается исключительно доставленіемъ жилищъ молодымъ работницамъ, Homes for working girls. Это общество, подобно вышеназваннымъ, состоитъ также изъ мужчинъ и женщинъ. Оно доставляетъ квартиры не только лондонскимъ молодымъ женщинамъ и дѣвушкамъ, но и провинціальнымъ, пріѣзжающимъ въ столицу на заработки.

Въ 1896 году въ квартирахъ общества жило 1.922 человѣка. Его помѣщенія всегда были полны, и многимъ желающимъ приходилось отказывать. Съ начала своей дѣятельности, 1879 г., по 1896 г. въ домахъ общества жило 23.983 человѣка. Въ настоящее время у него есть 9 домовъ, въ которыхъ жилицы помѣщаются на полномъ пансіонѣ или занимаютъ только квартиру. Во всѣхъ его домахъ одновременно можетъ помѣститься 514 чел. Полный пансіонъ (завтракъ, обѣдъ и чай) стоитъ 4 шил. 6 пен. въ недѣлю. Плата за помѣщеніе съ правомъ пользоваться столовой, читальней, книгами и газетами 2 шил. 6 пен. и 4 шил. въ недѣлю.

Изъ домовъ, выстроенныхъ женщинами для бѣднаго населенія, я могу указать на домъ г-жи Эммы Гассе въ Лейпцигѣ. Самое зданіе и внутреннее расположеніе квартиръ, находящихся въ немъ, можетъ служить образцомъ того, какъ желательно строить дома для бѣдныхъ жильцовъ. Домъ Эммы Гассе состоитъ

изъ нѣсколькихъ флигелей, раздѣленныхъ между собой большими промежутками. Спереди и сзади зданій оставлено открытое пространство, представляющее маленькіе садики. Отдѣльный садикъ дается каждому квартиранту, и послѣдній распоряжается въ немъ по своему усмотрѣнію. На дворѣ устроена довольно большая площадка для дѣтскихъ игръ, гдѣ находятся различные гимнастическіе приборы.

Квартиры устроены такимъ образомъ, что даютъ возможность видоизмѣнять ихъ величину. Смотря по обстоятельствамъ, одна квартира можетъ состоять изъ четырехъ, трехъ, двухъ и одной комнаты. Благодаря этому, бѣдные люди всегда имѣютъ возможность взять такое помѣщеніе, какое имъ кажется наиболѣе пригоднымъ, сообразно со средствами и величиной семьи. Квартиры хорошо освѣщаются дневнымъ свѣтомъ и могутъ хорошо вентилироваться, такъ какъ около дома оставлено большое открытое пространство. Всего въ домѣ устроено 65 квартиръ. Плата за нихъ колеблется между 96 и 228 марками въ годъ, смотря по величинѣ. Квартиранты могутъ платить понедѣльно или помѣсячно, смотря по тому, какъ имъ кажется удобнѣе. Въ ихъ распоряженіи находится десять прачешныхъ и катокъ для бѣлья. Въ пристройкѣ къ дому есть ванная комната, а въ одномъ изъ флигелей устроена мелочная лавочка. Ея содержатель не имѣетъ права продавать спиртные напитки.

Эмма Гассе установила въ своихъ домахъ надзоръ надъ квартирами по способу миссъ Хилль. За границей этотъ способъ въ настоящее время все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе.

Личность миссъ Хилль заслуживаетъ особеннаго вниманія. Ея дѣятельное участіе въ улучшеніи жилищъ бѣднаго лондонскаго населенія пользуется такой извѣстностью, что всѣ лица, интересующіяся даннымъ вопросомъ, со вниманіемъ прислушиваются къ ея мнѣнію. Что побудило ее заняться улучшеніемъ жилищъ бѣднаго населенія, можно видѣть изъ ея слѣдующихъ словъ.

„Когда я бываю въ жилищахъ народа,—говоритъ она,—мнѣ становится совершенно понятно, какъ много значитъ здѣсь одинъ или два лишнихъ фута пространства. Эта маленькая величина позволила бы хозяйкѣ открыть окно, не влѣзая на постель, и въ іюньскій день стать подальше отъ жаркаго огня. Эти два лишнихъ фута дали бы возможность входящему въ комнату не тереться о стѣну, оставляя на новыхъ обояхъ темное пятно.

„Когда я бываю на заднихъ дворахъ, то у меня появляется сильное желаніе подальше отодвинуть бѣлую стѣну, которая

препятствуетъ прониканію дневного свѣта въ маленькія комнаты. Иногда мнѣ хочется снести ее совсѣмъ прочь, чтобы вмѣсто нея осталось маленькое пространство для сушки бѣлья или крошечной прачешной. Когда я вижу безполезный кусокъ земли около фермы или коттеджа, то иногда думаю, что онъ очень пригодился бы на задворкахъ лондонскихъ домовъ.

„Жилища лондонскихъ бѣдняковъ на переднихъ дворахъ также оказываются не въ лучшихъ условіяхъ. Въ жаркій лѣтній вечеръ я иногда хожу на узкіе вымощенные лондонскіе дворы, окруженные со всѣхъ сторонъ зданіями. Солнце грѣетъ ихъ цѣлый день и въ концѣ концовъ выгоняетъ всѣхъ жильцовъ изъ комнатъ. Тѣ, которые не ушли въ трактиръ, стоятъ или сидятъ на лѣстницахъ, разгоряченные, грязные, раздраженные. Дѣти ползаютъ или сидятъ на раскаленныхъ камняхъ въ такомъ количествѣ, что каждый кусочекъ земли кажется живымъ, и идти по двору можно только по этой живой мостовой. Часто здѣсь раздаются далеко не любезныя словечки. На дѣлѣ всегда оказывается, что въ такіе вечера пьяные всегда бываютъ болѣе дики, брань сильнѣе и драки ожесточеннѣе. Одинъ изъ моихъ друзей, углекопъ, однажды сказалъ мнѣ: „Зима не такъ сильно подвергаетъ насъ испытаніямъ, какъ лѣто. Въ теплое время года народъ больше пьетъ и чаще бываетъ въ обществѣ другихъ людей, а тамъ всегда больше пороковъ“. Иногда въ лѣтній вечеръ на узкомъ раскаленномъ дворѣ я пытаюсь успокоить возбужденныхъ женщинъ и измѣнить ихъ сильный языкъ на болѣе мягкій. Тогда, взглянувъ внезапно вверхъ, я вижу одинъ изъ тѣхъ блестящихъ лѣтнихъ солнечныхъ лучей, которые падаютъ на сидящихъ женщинъ. Солнце красиво золотитъ печную трубу, но оно бросаетъ свои лучи слишкомъ прямо на головы бѣдняковъ, потому красота для нихъ становится незамѣтна. Видя это, мнѣ приходитъ мысль о прекрасномъ и спокойномъ мѣстѣ, гдѣ солнце нѣжно освѣщаетъ деревья, холмы и облака. Я сознаю тогда, что этотъ покой, эта красота и пространство скорѣе всего могли бы успокоить возбужденіе, господствующее вокругъ меня, нежели всѣ мои дружескія увѣщанія. Стихъ Лоуэлля невольно приходитъ мнѣ на память: „не видятъ безстрастнаго вліянія Бога, которое очищаетъ и умиротворяетъ“. Эти слова возбуждали во мнѣ страстное желаніе измѣнить существующее. И я спрашивала себя, какое средство въ этомъ случаѣ оказалось бы наиболѣе дѣйствительнымъ. Думая объ этомъ, я пришла къ заключенію, что большій просторъ имѣлъ бы здѣсь немаловажное значеніе“.

Между прочимъ миссъ Хилль убѣдилась, что одного увеличенія пространства недостаточно для улучшенія существующаго положенія бѣднаго населенія. Для этого необходимо также повысить умственный и нравственный уровень простого народа, пробудить его отъ равнодушія къ самому себѣ, улучшить его привычки, научить его самоуваженію и самодѣятельности. „Я желала,—говоритъ она,—имѣть возможность освободить хотя бы нѣкоторую часть бѣдняковъ отъ тиранніи и вреднаго вліянія низкаго класса домовладѣльцевъ, отъ дурного вліянія очень плохихъ квартирохозяевъ и отъ господствующей въ ихъ жилищахъ грязи. Я надѣялась все это сдѣлать, пробудивъ энергію бѣдняковъ и научивъ ихъ самопомощи. Я хорошенько сама еще не знала, что можно для нихъ сдѣлать. У меня было только сильное желаніе научить бѣдный народъ быть независимымъ даже отъ меня самой и вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки считать меня своимъ другомъ и путеводителемъ".

У миссъ Хилль не было собственныхъ средствъ для осуществленія своихъ плановъ на практикѣ. Случайно ей пришлось столкнуться съ Джономъ Рёскиномъ. Она высказала ему свои соображенія относительно улучшенія положенія бѣднаго населенія и встрѣтила съ его стороны самое теплое сочувствіе, которое не ограничилось одними словами. Рёскинъ далъ миссъ Хилль средства, необходимыя для практическаго осуществленія ея плановъ. Весь рискъ онъ взялъ на себя. Между прочимъ, онъ высказалъ мнѣніе, что было бы гораздо полезнѣе, еслибы предпріятіе не приносило убытка, и работникъ самъ могъ платить за свое жилище, принося домовладѣльцу небольшую прибыль.

Благодаря помощи Рёскина, миссъ Хилль купила три небольшихъ домика и начала свою дѣятельность въ очень скромныхъ размѣрахъ. Въ настоящее время ея дѣло значительно расширилось и въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, подъ ея управленіемъ и управленіемъ ея помощницъ, было около 5.000 квартиръ. Теперь у нея существуетъ до ста помощницъ.

Миссъ Хилль задалась цѣлью уничтожать грязные и нездоровые дома, и она поступаетъ такимъ образомъ. Она покупаетъ или арендуетъ старые дома, въ которыхъ живутъ бѣдные рабочіе. Послѣ пріобрѣтенія дома, миссъ Хилль производитъ въ немъ самыя необходимыя поправки: чинитъ крыши, устраиваетъ хорошее водоснабженіе и проч. Дальнѣйшія улучшенія производятся постепенно, сообразно съ тѣмъ, насколько сами жильцы имъ сочувствуютъ и содѣйствуютъ. Чтобы сдѣлать ихъ соучастниками въ улучшеніяхъ, миссъ Хилль послѣ необходимыхъ поправокъ

говоритъ своимъ жильцамъ: „Теперь все необходимое сдѣлано, и дальнѣйшія затраты будутъ производиться на улучшеніе вашихъ квартиръ. Вы сами должны этому содѣйствовать или уходить". Жильцы очень рѣдко не соглашаются на подобныя условія. Большинство принимаетъ ихъ съ полной готовностью. Только въ исключительныхъ случаяхъ квартиранты предпочитаютъ скорѣе уйти, нежели содѣйствовать улучшенію своихъ жилищъ.

Вмѣстѣ со своими бѣдными квартирантами миссъ Хилль обсуждаетъ вопросъ, какія улучшенія необходимо произвести въ домѣ, и послѣдній мало-по-малу приходитъ въ удовлетворительное состояніе. Постепенно, подъ вліяніемъ миссъ Хилль и ея помощницъ, тѣсныя и грязныя квартиры улучшаются. Семьи начинаютъ жить въ болѣе просторныхъ комнатахъ или просятъ добавочное помѣщеніе. Въ ихъ квартирахъ водворяется чистота и порядокъ.

Миссъ Хилль придаетъ большое значеніе индивидуальной дѣятельности въ томъ случаѣ, если приходится имѣть дѣло съ очень бѣдными и безпорядочными людьми. По ея мнѣнію, при доставленіи удовлетворительныхъ жилищъ бѣдному классу населенія единичная личность можетъ способствовать поднятію умственнаго и нравственнаго уровня массъ въ гораздо большей степени, нежели это могутъ сдѣлать различныя общества и компаніи. Въ подобныхъ случаяхъ нравственныя условія играютъ очень важную роль, потому главное вниманіе должно быть обращено на нихъ. Миссъ Хилль утверждаетъ, что при сношеніяхъ съ безнравственными людьми нравственное вліяніе всегда можетъ дать удовлетворительные результаты. Она говоритъ, что если хотятъ строить дома съ цѣлью поднять умственный уровень населенія, то необходимо опираться на нравственное вліяніе единичныхъ личностей. Только непосредственное наблюденіе можетъ намъ показать, дѣлается человѣкъ лучше или нѣтъ. Если онъ проявляетъ наклонность къ улучшенію, то необходимо оказать ему своевременную поддержку.

У миссъ Хилль бываютъ платныя и безплатныя помощницы, и она пришла къ заключенію, что дѣятельность послѣднихъ даетъ гораздо лучшіе результаты, нежели первыхъ. Противъ безплатнаго труда она высказывается только въ томъ случаѣ, если за него берутся, руководствуясь модой, капризомъ или увлеченіемъ.

Какое вліяніе миссъ Хилль успѣла пріобрѣсти надъ своими квартирантами и насколько удалось ей возбудить ихъ самодѣятельность, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Одна женщина жила въ ея домѣ съ мужемъ и четырьмя

дѣтьми. Ея семья занимала квартиру, состоящую всего изъ одной комнаты. Видя такую тѣсноту, миссъ Хилль замѣтила, что имъ надо было бы взять для себя еще одну комнату. Мать на это возразила, что дѣтямъ было бы гораздо полезнѣе купить лишнее для ѣды, нежели нанять другую комнату. Миссъ Хилль не стала настаивать, но сказала, что она думаетъ совершенно наоборотъ, такъ какъ научилась цѣнить благотворное вліяніе чистаго воздуха на здоровье, потому ее очень огорчаетъ такое мнѣніе. Черезъ нѣсколько недѣль семья наняла добавочную комнату, и та же самая мать заявила, что она находитъ необходимымъ увеличить расходъ на квартиру, такъ какъ хорошій воздухъ очень полезенъ для дѣтей.

Другой случай. Одинъ изъ жильцовъ въ домахъ миссъ Хилль не хотѣлъ посылать своихъ дѣтей въ школу. Грязныя, заброшенныя и несчастныя, онѣ постоянно портили что-нибудь въ домѣ. Не одинъ разъ миссъ Хилль говорила отцу, что ихъ необходимо отдать въ школу, но онъ не обращалъ вниманія на ея слова. Наконецъ, она заявила ему, что онъ долженъ или послать дѣтей въ школу, или выѣхать съ квартиры. Отецъ протестовалъ противъ этого, говоря, что домовладѣльцу нѣтъ никакого дѣла до его дѣтей и что такъ какъ онъ аккуратно платитъ за квартиру, то она не имѣетъ права гнать его изъ своего дома. Миссъ Хилль продолжала настаивать на своемъ требованіи и въ концѣ концовъ добилась того, что дѣтей послали въ школу.

Приходя въ близкое сношеніе со своими бѣдными жильцами, миссъ Хилль бывала не разъ свидѣтельницей, какъ въ то же время они усиливались аккуратно платить за квартиру и чрезмѣрно усердствовали въ этомъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Она видѣла ихъ усилія, во что бы то ни стало, посылать дѣтей въ школу, сохранять порядокъ. Не одинъ разъ жильцы уклонялись отъ ссоръ со своими сосѣдями или близкими изъ боязни, что этимъ они огорчатъ свою домовладѣлицу.

Одну зиму въ Лондонѣ была большая безработица, и бѣдные работники очутились въ критическомъ положеніи. Миссъ Хилль въ это время была на континентѣ и не могла оказать своимъ квартирантамъ иной помощи, какъ только предложивъ самымъ бѣднымъ семьямъ нѣкоторую сумму денегъ. Но ея жильцы отказались отъ ея помощи, такъ какъ въ лучшія времена они успѣли скопить маленькій запасъ денежныхъ средствъ, который позволилъ имъ пережить безработицу.

Успѣхъ, достигнутый при осуществленіи своихъ первоначаль-

ныхъ предположеній, миссъ Хилль приписываетъ тому, что она настойчиво требовала отъ жильцовъ аккуратнаго взноса квартирной платы, порядка, чистоты, не пріучала ихъ къ различнымъ подачкамъ, а стремилась оказывать болѣе разумную помощь. Она учила ихъ откладывать нѣкоторую сумму денегъ въ лучшія времена и доставляла заработокъ въ дурныя. Для послѣдней цѣли она откладываетъ производство необходимаго ремонта въ своихъ домахъ до того времени, когда бываетъ меньшій спросъ на трудъ, и употребляетъ своихъ наиболѣе нуждающихся квартирантовъ для производства работъ. Кромѣ того, безъ сомнѣнія, ея личное вліяніе, ея умѣнье заслужить симпатію и довѣріе жильцовъ играютъ здѣсь немаловажную роль.

Дѣятельность миссъ Хилль въ улучшеніи жилищъ бѣднаго населенія оказалась настолько успѣшной и плодотворной, что ей начали подражать сначала въ Англіи, а затѣмъ и въ другихъ цивилизованныхъ государствахъ. Ей подражаетъ Эдинбургскій соціальный союзъ, дѣятельность котораго обращена главнымъ образомъ на улучшеніе жилищъ бѣднаго населенія. Въ его домахъ квартирная плата взимается лэди и джентльменами, которые берутъ на себя этотъ трудъ съ цѣлью слѣдить за порядкомъ и чистотой въ помѣщеніяхъ бѣднаго населенія, помогать ему своими совѣтами и, входя съ нимъ въ близкія сношенія, способствовать поднятію его умственнаго и нравственнаго уровня. Одинъ изъ членовъ союза, миссисъ Брайдъ замѣчаетъ: „Наше вліяніе на поддержаніе чистоты и порядка въ квартирахъ очень велико. Иногда бываетъ необходимо сказать нѣсколько словъ упрека, въ другой разъ, если замѣчается наклонность къ улучшенію—слово одобренія. Все это дѣйствуетъ очень хорошо“.

Въ надзорѣ надъ жильцами бѣднаго населенія европейскія женщины показали себя съ такой выгодной стороны, что многія строительныя компаніи ввѣряютъ имъ главное управленіе своими домами. Въ Лондонѣ компанія многоквартирныхъ домовъ снабжаетъ свои помѣщенія всѣмъ необходимымъ и затѣмъ ввѣряетъ управленіе ими женщинамъ-агентамъ, которыя, посѣщая жильцовъ для сбора квартирной платы, слѣдятъ за порядкомъ и чистотой помѣщеній. Женщины-агенты находятся во всѣхъ домахъ бостонской кооперативной строительной компаніи и посѣщаютъ еженедѣльно квартиры бѣдныхъ жильцовъ. Какъ высоко цѣнится заграницей дѣятельность женщинъ въ подобныхъ случаяхъ, показываетъ слѣдующій фактъ. Многія заграничныя строительныя компаніи прямо говорятъ, что моральный и матеріальный успѣхъ

ихъ предпріятія зависитъ главнымъ образомъ отъ женщинъ, которымъ было ввѣрено управленіе домами.

Изъ этого короткаго очерка мы видимъ, что за границей женщины не остаются безучастными зрительницами того движенія, которое въ настоящее время все болѣе и болѣе захватываетъ образованное общество всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, именно къ улучшенію жилищъ бѣднаго населенія. Онѣ вносятъ въ это дѣло значительную часть своей энергіи. Ихъ дѣятельность оставляетъ здѣсь замѣтные слѣды и обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ лицъ, интересующихся даннымъ вопросомъ.

Если въ заключеніе мы спросимъ себя, почему дѣятельное участіе женщинъ въ улучшеніи жилищъ бѣднаго люда оказывается настолько плодотворнымъ, то намъ придется искать объясненіе этому въ ихъ соціальномъ положеніи и въ исторіи. Домашній очагъ созданъ женщиной. Липпертъ въ своей исторіи культуры говоритъ, что женщина была первой строительницей и первая поставила защиту отъ вѣтра и непогоды около огня, на которомъ варилась пища для семьи. Изъ этой примитивной ширмы мало-по-малу развилось жилище. Какъ у дикарей, такъ и у цивилизованныхъ народовъ забота о домашнемъ комфортѣ лежитъ главнымъ образомъ на женщинахъ. Когда женщины болѣе цивилизованныхъ странъ перестали ограничиваться тѣснымъ кругомъ домашнихъ занятій и начали участвовать въ общественныхъ дѣлахъ, то совершенно естественно, что онѣ не могли остаться равнодушными къ дурнымъ квартирнымъ условіямъ бѣдныхъ семей и начали принимать дѣятельное участіе въ ихъ улучшеніи. Женщинѣ слишкомъ знакомы всѣ домашнія мелочныя заботы и разныя дрязги, чтобы она могла не желать хотя бы нѣсколько облегчить существованіе тѣхъ изъ своихъ сестеръ, которыя живутъ въ наихудшихъ условіяхъ.

М. И. Покровская.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1898.

Народная школа въ Финляндіи, въ городѣ и въ деревнѣ [1]).

Въ Финляндіи, какъ и въ другихъ, въ прежнее время католическихъ, странахъ, реформація уже въ XVI-мъ вѣкѣ пробудила сознаніе необходимости народнаго образованія. Распространеніе грамотности среди финскаго народа въ ту эпоху было признано обязанностью церкви, и прошло много времени, прежде чѣмъ были приняты всесторонніе мѣры для обученія народныхъ массъ; но не ранѣе конца семнадцатаго столѣтія абоскіе епископы, Гезеліусы Старшій и Младшій, особенно ревностно принялись за это дѣло, и ихъ усиліямъ а также трудамъ другихъ позднѣйшихъ дѣятелей церкви финскій народъ обязанъ тѣмъ, что грамотность получила уже давно общее распространеніе въ Финляндіи. Но для достиженія этой цѣли долгое время особыя школы учреждались только въ исключительныхъ случаяхъ. Начальное обученіе дѣтей было возложено на семью, при чемъ духовенство на испытаніяхъ грамотности и при другихъ случаяхъ слѣдило за тѣмъ, чтобы родители добросовѣстно исполняли эту обязанность. Кромѣ того, обученіемъ дѣтей занимались спеціально также кистера, и такимъ образомъ получалась подготовка для конфирмаціонной школы, которая имѣла цѣлью главнымъ образомъ уясненіе истинъ вѣроученія для подростающаго поколѣнія, и являлась высшею ступенью тогдашняго народнаго образованія; ее считали совершенно достаточною для большинства народа. Конечно, и эта скромная цѣль не могла быть достигнута средствами одного духовенства. Съ теченіемъ времени все яснѣе выступала необходимость назначенія особыхъ учителей, съ цѣлью распространенія грамотности, и въ концѣ прошлаго столѣтія

[1]) Ср. статью кн. Д. В. Друцкого-Сокольнинскаго: „Народная школа въ деревнѣ“ (Внутр. Обозр., авг. 1897, стр. 80). — *Ред.*

начали возникать, одна за другою, школы начальнаго обученія дѣтей. Но разбросанность и бѣдность населенія Финляндіи имѣли естественнымъ послѣдствіемъ, что дѣятельность каждой школы въ большинствѣ случаевъ охватывала многочисленныя мѣстности, вслѣдствіе чего школа могла оставаться въ одномъ и томъ же селеніи только нѣсколько недѣль. Въ виду того эти школы вообще назывались странствующими или передвижными. Учебный планъ передвижныхъ школъ, конечно, былъ согласованъ съ требованіями времени и ограничивался долгое время однимъ чтеніемъ и Закономъ Божіимъ. Общее устройство школъ страдало крупными недостатками: свѣтскіе учителя не имѣли никакой подготовки въ дѣлѣ преподаванія и часто назначались изъ престарѣлыхъ и къ другимъ занятіямъ неспособныхъ лицъ, вслѣдствіе чего преподаваніе шло тихо, и результаты получались неудовлетворительные. Школа не имѣла особаго помѣщенія, а ученіе производилось на глазахъ у постороннихъ лицъ, въ любой крестьянской избѣ или въ другомъ мѣстѣ, которое могло быть отведено для этой цѣли. Даже и подобныя первобытныя школы существовали далеко не въ каждой общинѣ, и вообще ихъ нигдѣ не имѣлось въ достаточномъ количествѣ.

I.

Приблизительно въ такомъ весьма неудовлетворительномъ положеніи оставалось дѣло народнаго образованія въ Финляндіи до половины текущаго столѣтія. Между тѣмъ, въ обществѣ пробудилось сознаніе, что дѣти народа нуждаются также и въ другихъ познаніяхъ, кромѣ церковнаго чтенія. Неудовлетворительное состояніе тогдашнихъ школъ становилось все болѣе очевиднымъ. Уже наступали новыя времена.

Вступленіе на престолъ императора Александра II ознаменовало новую эру въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Финляндіи. Уже въ первый годъ своего царствованія государь посѣтилъ Гельсингфорсъ и 24-го марта 1856 года, занявъ предсѣдательское мѣсто въ общемъ собраніи сената, выразилъ свои намѣренія по многимъ вопросамъ благоустройства края. Между прочимъ, онъ повелѣлъ сенату „выработать проектъ о мѣрахъ, коими сельскимъ общинамъ облегчалось бы устройство школъ для народнаго образованія“. И съ этого времени, можно сказать, ведетъ свое начало современная народная школа въ Финляндіи.

Вслѣдствіе упомянутаго Высочайшаго повелѣнія, финляндскій сенатъ предложилъ тремъ духовнымъ консисторіямъ края представить соображенія относительно школьной реформы. Предположенія конси-

сторій были опубликованы, и всѣмъ интересующимся народнымъ образованіемъ предлагалось высказаться по этому поводу. Изъ присланныхъ отзывовъ самымъ важнымъ по содержанію и послѣдствіямъ являлась записка инспектора церковной школы финскаго прихода св. Маріи въ Петербургѣ, пастора Уно Сигнеуса.

Сигнеусъ, который съ полнымъ основаніемъ считается отцомъ финляндской народной школы, родился въ 1810 году, въ г. Тавастгусѣ. По окончаніи университетскаго курса онъ былъ рукоположенъ въ священники, и въ 1839 году назначенъ пасторомъ лютеранскаго прихода въ русскихъ колоніяхъ сѣверо-западной Америки. Пробывъ тамъ пять лѣтъ, Сигнеусъ переселился въ Петербургъ, гдѣ ознакомился съ воспитательною системою Песталоцци-Фрёбеля. Здѣсь же имъ была составлена и та записка объ устройствѣ народнаго образованія въ Финляндіи. Въ 1858 году Сигнеусъ былъ приглашенъ къ участію въ организаціи финляндскихъ народныхъ школъ. Ему было поручено ознакомиться съ современнымъ положеніемъ народнаго образованія въ Финляндіи, и по выполненіи этого порученія онъ въ томъ же году предпринялъ путешествіе по Швеціи, Даніи, Германіи и Швейцаріи. Во время этой поѣздки, имѣвшей очень важное значеніе для дальнѣйшей дѣятельности его, Сигнеусъ встрѣтился, между прочимъ, съ самымъ выдающимся дѣятелемъ того времени на поприщѣ народнаго просвѣщенія, А. Дистервегомъ, который несомнѣнно оказалъ значительное вліяніе на взгляды Сигнеуса. Настоящій прототипъ народной школы онъ нашелъ въ Швейцаріи, школы которой, и въ особенности ваттенгенская семинарія въ Аргау, произвели на него глубокое впечатлѣніе.

По возвращеніи на родину, Сигнеусъ, по предложенію финляндскаго сената, приступилъ къ составленію полнаго проекта устройства народныхъ школъ въ Финляндіи. Къ концу 1860 года проектъ былъ готовъ, и вскорѣ послѣ этого Сигнеусъ былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ народныхъ школъ.

Выработанный Сигнеусомъ проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе особой коммиссіи, которою затѣмъ были составлены какъ проектъ положенія объ устройствѣ народнаго образованія, такъ и проектъ инструкціи и учебнаго плана семинаріумовъ, для подготовки народныхъ учителей и учительницъ.

Мнѣнія коммиссіи во многихъ частяхъ расходились съ взглядами Сигнеуса: въ особенности же обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія различія. Сигнеусъ полагалъ, между прочимъ, что народная школа должна служить общею начальною школою, въ которой дѣти всѣхъ

сословій должны пріобрѣтать первыя общеобразовательныя познанія. Коммиссія съ своей стороны признала такое мнѣніе слишкомъ отвлеченнымъ и къ жизни непримѣнимымъ.

Введеніе ручныхъ работъ въ программу народной школы было завѣтною идеею Сигнеуса. Фрёбелевское правило „о воспитаніи трудомъ къ труду“ привлекало его вниманіе уже съ самаго начала, и подало ему мысль перенести этотъ принципъ изъ фрёбелевскаго „дѣтскаго сада“ въ народную школу. Воспитательное значеніе, которое Фрёбель придавалъ ручнымъ работамъ въ „дѣтскомъ саду“, по мнѣнію Сигнеуса, требовало примѣненія ихъ также и къ народной школѣ. Коммиссія съ своей стороны не оспаривала самой идеи, но основывалась на другихъ практическихъ соображеніяхъ, въ противоположность чисто-педагогической точки зрѣнія Сигнеуса.

Но еще болѣе рѣзкое противорѣчіе между взглядами коммиссіи и Сигнеуса обнаруживалось по другому вопросу. До-школьное домашнее воспитаніе дѣтей, представляющее чрезвычайную важность для физическаго и духовнаго развитія народа, по мнѣнію Сигнеуса, требовало улучшенія, и на это обстоятельство слѣдовало обратить особенное вниманіе при подготовкѣ учительницъ; въ этихъ видахъ необходимо было при семинаріумахъ народныхъ учительницъ устроить „ясли“ и „дѣтскіе сады“, гдѣ воспитанницы семинаріума могли бы обучаться уходу за маленькими дѣтьми и ихъ воспитанію. Для этой же цѣли Сигнеусъ также хотѣлъ устроить „ясли“ при женскихъ народныхъ училищахъ. Противъ всѣхъ этихъ предположеній со стороны коммиссіи было представлено не лишенное основанія возраженіе, что, служа вообще къ поднятію умственнаго и нравственнаго развитія народа, народная школа имѣетъ благотворное вліяніе также на семейную обстановку дѣтей, тогда какъ механическое обученіе уходу за дѣтьми только можетъ дѣйствовать отталкивающимъ образомъ.

Когда все это дѣло, по разсмотрѣніи финляндскимъ сенатомъ, было представлено на утвержденіе верховной власти, рѣшеніе состоялось болѣе согласное съ мнѣніемъ Сигнеуса, и въ результатѣ явилось первое „Положеніе о народныхъ школахъ Финляндіи, 11-го мая 1866 года“. Внѣшняя форма закона, очевидно, должна быть приписана вліянію коммиссіи, но внутреннее содержаніе далъ ему Уно Сигнеусъ.

Первою заботою при устройствѣ народныхъ школъ въ Финляндіи явилась, такимъ образомъ, подготовка учащихъ для народныхъ школъ. Еще въ 1863 году былъ открытъ временный семинаріумъ, съ финскимъ языкомъ преподаванія, съ мужскимъ и женскимъ отдѣленіями, въ г. Ювяскюля, на сѣверномъ берегу озера Пейяне, въ самомъ цен-

трѣ Финляндіи. Занимая должность главнаго инспектора, Сигнеусъ въ первое время также состоялъ и директоромъ новаго семинаріума; при чемъ въ помощь ему при преподаваніи были приглашены молодые учителя и учительницы, интересовавшіеся новымъ дѣломъ, изъ которыхъ большинство передъ тѣмъ получило командировку въ Швейцарію для подготовки къ будущей дѣятельности.

По изданіи новаго положенія о народныхъ школахъ, ювяскюльскій семинаріумъ получилъ окончательную организацію, оставаясь почти двадцать лѣтъ единственнымъ заведеніемъ этого рода для финскаго населенія въ краѣ. Только въ 1880 году былъ открытъ другой подобный же, мужской и женскій, семинаріумъ въ г. Сердоболѣ, въ восточной части Финляндіи, и затѣмъ спустя 16 лѣтъ, въ 1896 году, состоялось открытіе двухъ новыхъ финскихъ семинаріумовъ: женскаго въ г. Брагестадѣ, въ сѣверной Финляндіи, и мужского въ г. Раумо, въ юго-западной части края. Кромѣ того, для нуждъ мѣстнаго шведскаго населенія были учреждены: въ 1871 году женскій семинаріумъ въ Экенесѣ и въ 1873 году мужской семинаріумъ въ Нюкарлебю.

Въ теченіе всего разсматриваемаго періода число народныхъ училищъ постоянно возростало. Въ учебный годъ 1865-1866 существовало только 20 школъ въ сельскихъ общинахъ, тогда какъ въ городахъ не имѣлось ни одной школы. Но уже по истеченіи десяти лѣтъ большинство городовъ имѣло особыя народныя школы, и въ деревняхъ число ихъ увеличилось до 285. Къ тому же времени въ городскихъ школахъ числилось 180 учащихъ, при 6.483 ученикахъ и ученицахъ. Въ сельскихъ же школахъ соотвѣтствующія числа были 294 и 11.421. Хотя школьное дѣло въ сельскихъ общинахъ развивалось довольно медленно, но, принимая во вниманіе, что учрежденіе школъ зависѣло отъ согласія общинъ, приведенныя цифры все же заслуживаютъ вниманія.

Въ слѣдующіе затѣмъ годы замѣчается еще болѣе усиливающійся интересъ къ устройству народныхъ школъ. Въ 1885-1886 году въ сельскихъ общинахъ уже состояло 667 школъ, при преподавательскомъ составѣ изъ 683 лицъ; число учащихся возросло до 24.305. Но только въ текущемъ десятилѣтіи дѣло народнаго просвѣщенія получило особенно быстрое развитіе, и повсемѣстно было приступлено къ устройству *высшихъ* народныхъ школъ, при чемъ въ большинствѣ общинъ даже и было открыто нѣсколько такихъ школъ. Въ то же время число общинъ, не имѣющихъ школы, постоянно сокращалось, такъ что въ настоящее время изъ общаго числа 479 сельскихъ общинъ не болѣе 20 лишены народныхъ школъ. Къ учебному году 1895-1896

число сельскихъ народныхъ школъ уже увеличилось до 1.273, съ 1.396 учащими и 56.956 учащимися въ нихъ дѣтьми.

Несмотря однако на такой прогрессъ школьнаго дѣла, въ томъ же 1896 году въ Финляндіи числилось 139.745 дѣтей, въ возрастѣ отъ 9 до 13 лѣтъ, не посѣщавшихъ народной школы. Этотъ фактъ объясняется, несомнѣнно, главнымъ образомъ равнодушіемъ и отчасти также бѣдностью родителей, но иногда также недостаткомъ училищъ и неудобнымъ расположеніемъ ихъ. Въ виду этого возникла мысль, что намѣченная цѣль не можетъ быть достигнута добровольнымъ устройствомъ школъ, и прохожденіе полнаго курса народной школы должно быть обязательнымъ для всѣхъ безъ исключенія дѣтей. Но такъ какъ почва еще недостаточно подготовлена для такой рѣзкой перемѣны, то на послѣднемъ сеймѣ 1897 года были приняты переходныя мѣры для скорѣйшаго приближенія къ конечной цѣли. Согласно Высочайшему предложенію, земскіе чины опредѣлили, что вся Финляндія должна быть раздѣлена на школьные участки, съ тѣмъ, чтобы наибольшее разстояніе отъ школы, расположенной въ центрѣ участка, не превышало пяти километровъ; при этомъ также было опредѣлено, что въ каждомъ участкѣ должна быть открыта народная школа, какъ только въ предѣлахъ участка найдется тридцать дѣтей въ школьномъ возрастѣ, желающихъ учиться. Приведенныя опредѣленія земскихъ чиновъ и составили полный переворотъ въ дѣлѣ народнаго образованія, и такимъ образомъ добровольное устройство школъ и въ сельскихъ общинахъ также должно шагъ за шагомъ отступить передъ общечеловѣческимъ принципомъ обязательнаго обученія.

II.

Полный курсъ финляндской народной школы—*шестилѣтній*. Школа раздѣляется на два отдѣла: *низшую* и *высшую* народную школу; курсъ первой продолжается два года и послѣдней—четыре года. Въ первый или младшій классъ низшей народной школы принимаются дѣти по достиженіи семилѣтняго возраста и, слѣдовательно, ученіе вообще оканчивается по достиженіи 13 лѣтъ.

Таковъ нормальный типъ городской народной школы. Въ сельскихъ же общинахъ существуютъ только высшія народныя школы, и также съ четырехлѣтнимъ курсомъ. Дѣти принимаются въ школу въ 9-тилѣтнемъ возрастѣ и при обыкновенныхъ условіяхъ оканчиваютъ курсъ при достиженіи 13 лѣтъ.

Но тогда какъ въ младшій классъ городской народной школы дѣти принимаются безъ всякой подготовки, — для поступленія въ младшій

классъ сельской школы требуется умѣнье свободно читать по книгѣ, а также знаніе христіанскаго вѣроученія, какое можетъ быть получено при домашнемъ обученіи или въ дѣтской школѣ.

Такъ какъ въ деревняхъ не имѣется низшей народной школы въ собственномъ смыслѣ слова, то дѣйствующее церковное уложеніе, такъ же, какъ и положеніе о народныхъ школахъ, возлагаетъ главнымъ образомъ на семью обязанность первоначальнаго обученія дѣтей, а именно осмысленному чтенію на родномъ языкѣ и начаткамъ Закона Божія. Такое требованіе установлено издавна и на бумагѣ существуетъ понынѣ.

Но уже давно замѣчалось, что по той или другой причинѣ не всѣ семьи исполняютъ свою обязанность въ этомъ отношеніи и потому пришлось возложить на церковные приходы заботу о томъ, чтобы дѣти, которыя не могутъ получать дома удовлетворительнаго первоначальнаго наставленія, обучались въ постоянныхъ или „передвижныхъ“ школахъ. Соотвѣтствующія опредѣленія содержатся какъ въ церковномъ уложеніи, такъ и въ положеніи о народныхъ школахъ, и эти опредѣленія служатъ основаніемъ дѣятельности современной передвижной школы.

Въ сельскихъ общинахъ „передвижная“ школа является единственнымъ суррогатомъ низшей народной школы. Городскія народныя школы и высшія сельскія школы съ самаго начала учреждались попеченіемъ общинъ, а передвижная школа находилась въ полномъ вѣдѣніи церкви и была, слѣдовательно, изъята изъ общей системы народныхъ школъ. Однако, учебная программа ея положеніемъ о народныхъ школахъ была значительно расширена, такъ что въ настоящее время и въ „передвижныхъ“ школахъ преподаются, кромѣ Закона Божія и чтенія, также письмо, счетъ и пѣніе.

Въ послѣднее время принимались также другія мѣры къ улучшенію положенія „передвижной“ школы. По частной иниціативѣ открыты два семинаріума для спеціальной подготовки учителей, и кромѣ того школьные районы сокращены, такъ что школа теперь можетъ оставаться нѣсколько недѣль въ одномъ мѣстѣ; вслѣдствіе этого также было увеличено и число „передвижныхъ“ школъ. Вообще въ наше время обнаруживается явное стремленіе къ поднятію уровня „передвижной“ школы, чтобы она, сохраняя церковный характеръ, могла служить и съ педагогической точки зрѣнія положительнымъ фундаментомъ для высшей народной школы.

Въ дѣйствующемъ положеніи о народныхъ школахъ содержится правило о томъ, что если учащіеся высшихъ народныхъ школъ во время производства неотложныхъ хозяйственныхъ работъ, осенью и весною, не могутъ безъ вреда для хозяйства отлучиться изъ дому, то

они на это время освобождаются отъ занятій въ школѣ, въ которой въ это время должны обучаться дѣти младшаго возраста, въ особенности тѣ, которыя въ слѣдующую осень должны поступить въ народную школу.

На основаніи приведеннаго правила во многихъ мѣстахъ заведенъ такой порядокъ, что къ началу занятій въ сельскихъ высшихъ школахъ, въ которыхъ учебный годъ вообще начинается около 20 августа (новаго стиля), собираются не всѣ отдѣленія, а первыя недѣли, обыкновенно до конца сентября, посвящаются учителемъ или учительницею на начальное обученіе дѣтей младшаго возраста. Въ концѣ учебнаго года, весною, такое приготовительное обученіе происходитъ уже довольно рѣдко, хотя и допускается закономъ.

Эти дѣтскіе классы въ лучшемъ случаѣ только пополняютъ познанія, необходимыя для поступленія въ младшее отдѣленіе народной школы. При этомъ учащіеся подвергаются пріемному экзамену для поступленія въ народную школу уже при открытіи классовъ въ августѣ мѣсяцѣ, и затѣмъ занятія съ недостаточно подготовленными дѣтьми продолжаются не болѣе шести недѣль.

Но въ настоящее время дѣтскіе классы чаще всего служатъ паллiативнымъ средствомъ для замѣны низшей сельской школы въ деревняхъ. При этомъ принимаются не только дѣти, которыя по возрасту и познаніямъ могли бы поступить въ народную школу, но даже такія, которыя еще не знаютъ и азбуки. Этотъ смѣшанный контингентъ обыкновенно раздѣляется на два разряда, при чемъ въ первый разрядъ ставятся тѣ ученики, которые уже обладаютъ такими познаніями, что по прохожденіи дѣтскихъ классовъ, въ ту же осень, могутъ быть приняты въ младшее отдѣленіе народной школы; второй же разрядъ обнимаетъ всѣхъ остальныхъ дѣтей.

Учебную программу дѣтскихъ классовъ составляетъ главнымъ образомъ чтеніе, но въ нее входятъ также священная исторія, счетъ, географія, письмо и пѣніе. Грамота, первыя начала священной исторіи, дѣйствія надъ числами 1—100, краткое отчизновѣдѣніе, какъ подготовительный курсъ къ географіи, письмо и пѣніе, вотъ вкратцѣ вся программа дѣтскихъ классовъ. Они имѣютъ цѣлью дать учащимся перваго отдѣленія народной школы такую подготовку въ отношеніи познаній и дисциплины, чтобы они при начатіи, въ первыхъ числахъ октября, классныхъ занятій по всѣмъ отдѣленіямъ народной школы могли принимать участіе въ нихъ, не затрудняя общаго хода преподаванія.

Въ городскихъ народныхъ школахъ учебный годъ обыкновенно начинается въ первый непраздничный день сентября мѣсяца и продол-

жается не менѣе 32 недѣль, до послѣднихъ чиселъ мая или начала іюня мѣсяца; годъ дѣлится на два семестра, рождественскими каникулами въ двѣ или три недѣли. Занятія происходятъ въ младшихъ отдѣленіяхъ въ теченіе 3—4 часовъ и въ старшихъ въ теченіе 5—6 часовъ ежедневно.

Въ высшихъ сельскихъ школахъ занятія начинаются одновременно по всѣмъ отдѣленіямъ, не позже перваго непраздничнаго дня октября мѣсяца; тогда уже окончены сборъ хлѣбовъ и всѣ полевыя работы, и ученики старшихъ отдѣленій также могутъ явиться въ школу. Занятія прекращаются за нѣсколько дней передъ Рождествомъ, но возобновляются въ среднихъ числахъ января и продолжаются до конца мая или начала іюня. Положеніе о народныхъ школахъ вообще не содержитъ никакихъ правилъ о томъ, когда кончается учебный годъ, установляя только, что занятія должны продолжаться 36 недѣль; изъ этого времени не болѣе 6 недѣль можетъ быть посвящено дѣтскимъ классамъ.

Число уроковъ въ недѣлю колеблется отъ 30 до 36 и распредѣляется довольно ровно по шести днямъ недѣли. Установившійся во многихъ другихъ странахъ обычай, что учебный персоналъ пользуется полнымъ отдыхомъ, кромѣ воскресенья, еще въ одинъ непраздничный день недѣли, въ Финляндіи почти неизвѣстенъ, и для интересовъ школы это несомнѣнно представляется выгоднымъ.

Занятія начинаются въ 8 часовъ, въ половинѣ девятаго или въ 9 часовъ утра общею молитвою, послѣ которой слѣдуютъ три урока, продолжающіеся 50 минутъ, съ 10-минутнымъ перерывомъ послѣ каждаго урока, для рекреаціи учащихся на открытомъ воздухѣ. Послѣ обѣденнаго перерыва, продолжающагося, смотря по обстоятельствамъ, отъ получаса до полутора часа, занятія происходятъ въ томъ же порядкѣ, какъ утромъ, обыкновенно въ теченіе двухъ часовъ. Занятія кончаются въ 2 или 3 часа пополудни.

Предметы преподаванія въ народныхъ школахъ довольно точно опредѣлены соотвѣтствующими законоположеніями и установившейся практикою. Первое мѣсто въ учебной программѣ занимаетъ Законъ Божій, который обязательно входитъ въ программу всѣхъ школъ. Къ обязательнымъ предметамъ кромѣ того относятся: родной языкъ, ариѳметика и геометрія, географія, всеобщая исторія, исторія Финляндіи, естественная исторія, пѣніе, рисованіе и ручныя работы.

Положеніе о народныхъ школахъ, въ которомъ перечислены всѣ упомянутые предметы, предоставляетъ учредителямъ школы вводить въ учебный планъ и другіе полезные предметы, но на самомъ дѣлѣ

сверхъ обязательныхъ предметовъ преподается вообще только гигіена, обыкновенно въ связи съ естественною исторіею. Исключительно практическіе предметы, какъ-то земледѣліе, домоводство, кулинарное искусство и пр., не встрѣчаются въ программѣ народныхъ школъ; тамъ, гдѣ преподаются означенные предметы, они отнесены въ учебный планъ такъ называемыхъ дополнительныхъ курсовъ.

Въ городскихъ школахъ священная исторія уже входитъ въ программу низшей народной школы, при чемъ на этотъ предметъ назначено нѣсколько уроковъ въ обоихъ классахъ. Но преподаваніе на этой стадіи ведется часто безъ учебника и обнимаетъ только нѣкоторые избранные разсказы изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Систематическое изученіе священной исторіи начинается только съ перваго класса высшей народной школы и оканчивается въ два года, при 4 урокахъ въ недѣлю. На повтореніе пройденнаго и на чтеніе библіи въ третьемъ и четвертомъ классахъ назначено по два урока, и еще два урока опредѣлены на изученіе лютеранскаго катехизиса, съ разъясненіями, принятыми финляндскою церковью. Въ младшихъ классахъ городскихъ высшихъ школъ катехизисъ вообще не проходится въ видѣ самостоятельнаго предмета.

Въ учебномъ планѣ сельскихъ школъ для преподаванія этого предмета по всѣмъ отдѣленіямъ отведено по пяти уроковъ въ недѣлю, изъ которыхъ 3 урока назначены для священной исторіи и 2 урока на обученіе катехизису. Преподаванію Закона Божія посвященъ первый урокъ въ четыре дня недѣли и послѣдній урокъ въ субботу. Въ сельскихъ школахъ священная исторія проходится также въ два первые года, а слѣдующіе два года посвящаются на повторительный курсъ и чтеніе библіи, но катехизисъ начинается, по крайней мѣрѣ въ школахъ съ однимъ учителемъ, уже съ перваго отдѣленія.

Въ городскихъ низшихъ школахъ преподаваніе роднаго языка сосредоточено на чтеніи и письмѣ, при чемъ нѣсколько часовъ въ недѣлю назначаются для нагляднаго обученія съ цѣлью развитія въ ученикахъ наблюдательности и привычки къ устному изложенію. Въ высшихъ народныхъ школахъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, на преподаваніе роднаго языка, обнимающее также письменныя упражненія, назначено всего по 8 недѣльныхъ уроковъ на обоихъ низшихъ отдѣленіяхъ и по 6 уроковъ на высшихъ. Больше всего времени, конечно, уходитъ на чтеніе и письмо. Обученіе чтенію производится посредствомъ разбора подходящихъ разсказовъ; преподаваніе письма обнимаетъ чистописаніе и правописаніе и въ старшихъ классахъ также сочиненія на заданныя темы. Благодаря фонетическому письму финскаго языка, курсъ правописанія въ большинствѣ финляндскихъ школъ проходится сравнительно легко, но за то грамматика, которая начи-

нается уже въ первомъ и второмъ отдѣленіяхъ высшей народной школы, требуетъ для ознакомленія съ главными началами не менѣе одного урока въ недѣлю на третьемъ и четвертомъ отдѣленіяхъ.

Въ низшихъ народныхъ школахъ преподаются основныя начала счисленія, а именно: сложеніе и вычитаніе и, по мѣрѣ возможности, также прочія дѣйствія надъ числами до 100. Въ сельскихъ дѣтскихъ классахъ счетъ также обнимаетъ сложеніе и вычитаніе въ предѣлахъ первыхъ двухъ десятковъ, но въ лучшихъ условіяхъ эта часть находится тамъ, гдѣ существуетъ передвижная школа. Здѣсь дѣти при поступленіи въ дѣтскіе классы уже знаютъ первые начатки ариѳметики, такъ что эти классы въ данномъ отношеніи прямо примыкаютъ къ передвижной школѣ.

На двухъ младшихъ отдѣленіяхъ высшей народной школы преподаваніе этого предмета направлено къ основательному изученію четырехъ дѣйствій надъ цѣлыми числами; кромѣ того, въ планъ преподаванія входятъ мѣры и вѣсы и финляндская монета. Такъ какъ въ Финляндіи введена метрическая система и финская марка раздѣляется на 100 пенни, то прохожденіе этого дополнительнаго курса на означенной стадіи не представляетъ особенныхъ трудностей. На третьемъ и четвертомъ отдѣленіяхъ затѣмъ проходятся окончательно именованныя числа и кромѣ того простыя и десятичныя дроби, а также правила тройное, процентовъ и товарищества. Этимъ обыкновенно ограничивается курсъ ариѳметики въ народныхъ школахъ.

На преподаваніе геометріи на третьемъ и четвертомъ отдѣленіяхъ высшей народной школы назначенъ одинъ урокъ въ недѣлю, при чемъ курсъ обнимаетъ общія понятія, геометрическія построенія и измѣреніе геометрическихъ тѣлъ.

Систематическое преподаваніе географіи также обязательно начинается въ низшей народной школѣ; на второмъ отдѣленіи учащимся сообщаются, по наглядному методу, географическія свѣдѣнія о родинѣ. Въ деревняхъ дѣтскіе классы преслѣдуютъ ту же цѣль, но здѣсь преподаваніе, понятно, должно ограничиваться усвоеніемъ главнѣйшихъ географическихъ понятій.

Въ высшихъ народныхъ школахъ учащіеся сперва знакомятся съ географіею отечества и потомъ переходятъ къ прочимъ европейскимъ странамъ; курсъ проходится въ два года, при двухъ урокахъ въ недѣлю. На третьемъ и четвертомъ отдѣленіяхъ проходится географія остальныхъ частей свѣта и болѣе пространная географія Финляндіи, съ общимъ повтореніемъ пройденнаго. На этой стадіи еще могутъ быть преподаваемы начатки математической географіи, хотя эта часть также можетъ быть соединена съ курсомъ естествовѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ, на данный предметъ въ третьемъ и четвертомъ отдѣле-

ніяхъ народной школы можетъ быть назначено, смотря по обстоятельствамъ, по одному или два урока въ недѣлю.

Систематическое обученіе исторіи должно начинаться только съ третьяго отдѣленія высшей народной школы. Главное вниманіе обращается на исторію Финляндіи, въ связи съ изложеніемъ историческихъ судебъ Россіи и Швеціи, но и всеобщая исторія преподается во всѣхъ финляндскихъ школахъ въ видѣ необходимаго дополненія отечественной исторіи. На разсматриваемый предметъ назначено въ среднемъ по три урока въ недѣлю въ каждомъ отдѣленіи, съ распредѣленіемъ приблизительно поровну между исторіею Финляндіи и всеобщей исторіей. Такимъ способомъ возможно пройти связный курсъ всеобщей исторіи, при обстоятельномъ изученіи отечественной исторіи.

Изъ области естествовѣдѣнія въ финляндскихъ народныхъ школахъ въ настоящее время преподаются зоологія, ботаника и физика. Кромѣ того въ программу этого предмета часто уже входитъ гигіена, въ связи съ анатоміею, тогда какъ химія только въ исключительныхъ случаяхъ преподается въ видѣ самостоятельнаго предмета. Къ урокамъ естественной исторіи также могутъ быть пріурочены нѣкоторыя свѣдѣнія о земномъ шарѣ, солнцѣ и лунѣ. Преподаваніе всѣхъ перечисленныхъ предметовъ обыкновенно начинается съ третьяго отдѣленія высшей народной школы и слѣдовательно весь курсъ долженъ быть пройденъ въ два года. Въ сельскихъ школахъ для этого вообще назначено 2 урока въ недѣлю въ теченіе каждаго года, но въ городскихъ школахъ число уроковъ можетъ увеличиться, всего въ оба года до пяти и даже до шести въ недѣлю.

Къ числу обязательныхъ предметовъ еще принадлежатъ гимнастика, рисованіе, пѣніе и ручныя работы, изъ которыхъ послѣднія, занимая одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ учебномъ планѣ, заслуживаютъ особаго вниманія.

На обученіе ручнымъ работамъ уже въ низшихъ школахъ можетъ быть отведенъ одинъ часъ въ недѣлю, но въ сельскихъ школахъ оно обыкновенно начинается только съ перваго отдѣленія высшей школы и продолжается затѣмъ во всѣхъ классахъ, при чемъ на этотъ предметъ по учебному плану отведено не менѣе 3, но часто по 4 и иногда даже до 6 уроковъ въ недѣлю.

Программа занятій, конечно, двоякая: мальчики обучаются ручному труду, начиная съ самыхъ простыхъ вещей и проходя затѣмъ постепенно полную серію моделей до самыхъ трудныхъ работъ. Дѣвочки же обучаются шитью и вязанью чулокъ, согласно установленному плану, переходя отъ легкихъ къ болѣе труднымъ рукодѣльямъ, въ числѣ которыхъ послѣднимъ является женское платье. Всѣ означенныя занятія направлены къ развитію въ учащихся сноровки и вкуса.

Для ручныхъ работъ мальчиковъ во многихъ школахъ имѣется отдѣльная мастерская, снабженная верстакомъ, нужными инструментами и токарнымъ станкомъ. Дѣвочки занимаются рукодѣліемъ въ общей классной комнатѣ; въ числѣ учебныхъ пособій въ большинствѣ школъ теперь уже имѣется швейная машина.

Большинство народныхъ школъ находится въ вѣдѣніи одного учителя и одной учительницы, при чемъ учителя руководятъ ручными работами мальчиковъ, а учительницы рукодѣліями дѣвочекъ. Въ большихъ городахъ обыкновенно назначается особый наставникъ для ручныхъ работъ мальчиковъ и въ смѣшанныхъ сельскихъ школахъ часто опредѣляется особый учитель или особая учительница ручныхъ работъ, для мальчиковъ, когда школою завѣдываетъ учительница, и для дѣвочекъ, когда школа состоитъ въ вѣдѣніи учителя. Однако, въ нѣкоторыхъ школахъ учительницы прошли курсъ ручного труда и поэтому занимаются также обученіемъ мальчиковъ, но все же такой порядокъ остается и долженъ оставаться исключеніемъ. Вообще же дѣло развивается такимъ образомъ, что въ соотвѣтствующихъ случаяхъ для обученія ручнымъ работамъ мальчиковъ или дѣвочекъ будутъ приглашаться особые наставники или наставницы, спеціально подготовленные для этого и получающіе особое вознагражденіе.

На гимнастику, рисованіе и пѣніе, въ особенности въ сельскихъ училищахъ, пока еще не обращается серьезнаго вниманія и потому эти предметы могутъ быть разсмотрѣны вкратцѣ.

Для гимнастики вообще не имѣется особыхъ приспособленій, а упражненія въ лучшемъ случаѣ происходятъ въ мастерской, но часто также въ классной комнатѣ или на школьномъ дворѣ. По учебному плану на гимнастику назначено не менѣе двухъ уроковъ въ недѣлю, въ теченіе получаса каждый разъ.

Преподаваніе рисованія въ городскихъ школахъ можетъ начинаться уже съ перваго отдѣленія низшей народной школы, а затѣмъ на все остальное время ученія отводится по два урока въ недѣлю на рисованіе отъ руки и при помощи линейки. Въ сельскихъ же школахъ рисованіемъ занимаются самостоятельно ученики старшихъ отдѣленій въ тѣ часы, въ которые учитель даетъ урокъ учащимся младшихъ отдѣленій, которые вовсе не обучаются рисованію. Въ виду этого преподаваніе рисованія въ сельскихъ школахъ вообще не имѣетъ большого значенія,—хотя въ послѣднее время и въ учебный планъ названныхъ школъ вводится одинъ общій для всѣхъ отдѣленій урокъ рисованія.

На преподаваніе пѣнія по всѣмъ отдѣленіямъ опредѣлено по два урока въ недѣлю. Въ народныхъ школахъ большихъ городовъ для этого имѣются спеціальные учителя и потому преподаваніе въ нихъ

поставлено сравнительно хорошо, обнимая, кромѣ пѣнія, также и музыку; сельскія же школы находятся въ менѣе удовлетворительномъ положеніи. Но въ настоящее время въ финляндскихъ народныхъ школахъ вводится новая метода обученія пѣнію (Дессиріера), благодаря которой разсматриваемый предметъ несомнѣнно долженъ пріобрѣсти надлежащее значеніе.

Самою трудною задачею въ дѣятельности народнаго учителя являются одновременныя занятія съ учащимися различныхъ возрастовъ по нѣсколькимъ отдѣленіямъ. При веденіи преподаванія одновременно по всѣмъ отдѣленіямъ трудъ преподавателя чрезмѣрно раздробляется и такое преподаваніе, конечно, теряетъ всякое воспитательное значеніе. Для устраненія этого неудобства учителя все болѣе начинаютъ распредѣлять занятія такимъ образомъ, что два младшихъ отдѣленія соединяются въ одну группу и два старшихъ отдѣленія въ другую; пока учитель занимается съ первою группою, ученики второй группы занимаются самостоятельно письменною работою или чтеніемъ. При этомъ примѣняется или такъ называемое альтернативное, или же концентрическое преподаваніе. Для поясненія означенной системы приводимъ нѣсколько примѣровъ.

Законъ Божій представляется почти единственнымъ предметомъ, который преподается всѣмъ отдѣленіямъ одновременно. Всѣмъ ученикамъ задается общій урокъ какъ изъ священной исторіи, такъ и изъ катехизиса. При этомъ Ветхій Завѣтъ проходится въ одномъ году и Новый Завѣтъ въ слѣдующемъ. Первому и второму отдѣленіямъ задается общій новый урокъ, а третье и четвертое отдѣленіе одновременно проходятъ тотъ же урокъ, въ видѣ повторенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оба старшія отдѣленія знакомятся съ самою библіею, прочитывая мѣста, относящіяся къ данному уроку. Приведеннымъ способомъ одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть преподаваемъ всѣмъ отдѣленіямъ одновременно и преподаваніе ведется по связной системѣ.

Ариѳметика проходится по большей части всѣми отдѣленіями одновременно, изъ которыхъ первое и второе составляютъ одну группу, а третье и четвертое другую. Пока учитель проходитъ урокъ съ первою группою, вторая группа письменно рѣшаетъ задачи; при этомъ относительно младшей группы примѣняется концентрическое обученіе въ томъ отношеніи, что ученикамъ второго отдѣленія даются болѣе трудныя задачи, чѣмъ ученикамъ перваго отдѣленія; относительно же двухъ старшихъ отдѣленій примѣняется то альтернативное, то концентрическое преподаваніе или же смѣшанный методъ.

Для прохожденія географіи отдѣленія такимъ же образомъ соединяются въ двѣ группы. Младшая группа ежегодно обучается геогра-

фіи Финляндіи и остальной Европы, такимъ образомъ, что отъ учащихся перваго отдѣленія требуется знаніе только главныхъ пунктовъ заданнаго урока, тогда какъ ученики второго отдѣленія проходятъ урокъ въ полномъ объемѣ. Курсъ старшихъ отдѣленій распадается на двѣ смѣны, при чемъ въ одномъ году изучается географія остальныхъ странъ свѣта, а въ слѣдующемъ году географія Финляндіи въ болѣе подробномъ изложеніи. По прохожденіи полнаго курса остальное время года употребляется на повтореніе пройденнаго.

Исторія, которая собственно входитъ въ программу старшихъ отдѣленій, проходится такимъ образомъ, что въ одномъ году преподается исторія Финляндіи и въ другомъ году всеобщая исторія. Но въ четвертомъ отдѣленіи курсъ предшествовавшаго года повторяется въ связи съ спеціальнымъ курсомъ даннаго года.

Съ примѣненіемъ такихъ же альтернативныхъ курсовъ и концентрическаго обученія по всѣмъ предметамъ можетъ быть устроено общее для всѣхъ отдѣловъ преподаваніе.

Завѣдываніе всѣми вообще финляндскими учебными заведеніями сосредоточено въ главномъ управленіи училищнаго вѣдомства, въ Гельсингфорсѣ, которое подчиняется непосредственно финляндскому сенату и начальнику духовной экспедиціи сената. По части народныхъ училищъ въ названномъ управленіи состоитъ особый главный инспекторъ. Но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сенатъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ представленіемъ объ устройствѣ особаго отдѣленія въ главномъ управленіи для народныхъ школъ, въ составѣ двухъ старшихъ и двухъ младшихъ инспекторовъ народныхъ школъ.

Непосредственный надзоръ надъ народными школами возлагается на инспекторовъ, состоящихъ въ вѣдѣніи главнаго управленія. Въ каждомъ городѣ назначается особый инспекторъ народныхъ школъ, а сельскія мѣстности раздѣлены на 16 инспекціонныхъ округовъ, изъ которыхъ каждый обнимаетъ въ среднемъ около 100 школъ. Вообще городамъ предоставлена большая свобода въ отношеніи организаціи школьнаго дѣла; они опредѣляютъ содержаніе преподавательскому составу и даже сами назначаютъ инспекторовъ. Инспектора сельскихъ школъ назначаются финляндскимъ сенатомъ, по представленію главнаго управленія училищнаго вѣдомства.

Кромѣ того, въ каждомъ городѣ состоитъ школьная дирекція, которая совмѣстно съ инспекторомъ непосредственно завѣдываетъ мѣстными народными школами. Въ селеніяхъ имѣются школьныя дирекціи или особыя для каждой школы, или же общія для всѣхъ школъ данной общины. Члены городскихъ и сельскихъ школьныхъ дирекцій на-

значаются по выбору изъ лицъ обоего пола, пользующихся довѣріемъ населенія и интересующихся дѣломъ народнаго-просвѣщенія. Въ составъ дирекціи сельскихъ школъ обыкновенно, хотя не обязательно, входитъ одинъ изъ насторовъ прихода. Учебному персоналу предоставлено право выбирать изъ своей среды одного представителя въ дирекцію; когда же въ округѣ дирекціи имѣется только одинъ учитель или одна учительница, то онъ или она считаются непремѣнными членами дирекціи.

По окончаніи курса семинаріума, учителя и учительницы въ правѣ искать учительскія должности какъ въ городскихъ, такъ и въ сельскихъ народныхъ школахъ. На означенныя должности могутъ быть назначаемы исключительно лица, имѣющія выпускной аттестатъ изъ семинаріума или же сдавшія соотвѣтствующій экзаменъ.

Относительно замѣщенія учительскихъ должностей въ сельскихъ народныхъ школахъ установленъ слѣдующій порядокъ. Объ открывающейся вакансіи публикуется въ газетахъ, при чемъ желающіе приглашаются въ тридцатидневный срокъ подать прошеніе о назначеніи въ должность. Затѣмъ школьная дирекція назначаетъ на имѣющуюся вакансію способнѣйшаго изъ просителей; назначенное такимъ образомъ лицо должно быть утверждено въ должности инспекторомъ, который обязанъ удостовѣриться въ томъ, что назначеніе состоялось въ правильномъ порядкѣ.

Новые учителя назначаются сперва на испытаніе. По истеченіи двухъ лѣтъ учитель можетъ быть отрѣшенъ отъ должности, если школьная дирекція и инспекторъ единогласно признаютъ, что онъ неудовлетворительно исполнялъ свои обязанности; въ случаѣ же разногласія между дирекціею и инспекторомъ по этому вопросу, дѣло представляется на разрѣшеніе главнаго управленія. Если учитель, послѣ истеченія срока испытанія, будетъ утвержденъ въ должности, то ему выдается грамота и тогда уже онъ можетъ быть отрѣшенъ только по опредѣленію финляндскаго сената.

Первоначальный окладъ содержанія, отпускаемый изъ казенныхъ суммъ, составляетъ: для учителей 800 марокъ и для учительницъ—600 марокъ, съ прибавкою черезъ 5 лѣтъ службы въ размѣрѣ 10%, черезъ 10 лѣтъ—10%, черезъ 15 лѣтъ—10% и черезъ 20 лѣтъ—20%; въ общей сложности эта прибавка составляетъ для учителей 400 марокъ и для учительницъ 300 марокъ. Кромѣ того учредители школы (общины, частныя общества или лица) обязаны выдавать учителямъ и учительницамъ вознагражденіе, наличными деньгами или натурою, на сумму не менѣе 200 марокъ, и отвести имъ квартиру изъ двухъ комнатъ съ кухнею и отопленіемъ. Въ пользу учебнаго персонала также обращается половина взимаемой съ учениковъ платы, въ размѣрѣ одной

марки; эта статья дохода даетъ около 50 марокъ въ годъ. Такимъ образомъ низшій окладъ содержанія составляетъ приблизительно 1.050 марокъ для учителей и 850 марокъ для учительницъ, при готовой квартирѣ съ отопленіемъ. Но часто учредители школы платятъ больше чѣмъ 200 марокъ и тогда означенные оклады соотвѣтственно увеличиваются.

По прослуженіи 30 лѣтъ, изъ средствъ казны назначается пожизненная пенсія: учителямъ въ 1.000 марокъ и учительницамъ въ 750 марокъ въ годъ. Но уже ранѣе этого срока лицамъ, оставляющимъ службу по неизлечимой болѣзни, предоставляется пенсія пропорціонально сроку службы. Благодаря этому, матеріальное положеніе учителей и учительницъ представляется достаточно обезпеченнымъ, даже на тотъ случай, если бы они оказались вынужденными оставить свою должность до установленнаго срока.

Уже раньше было замѣчено, что города пользуются довольно широкою свободою въ отношеніи организаціи школьнаго дѣла. Вслѣдствіе этого и учебный персоналъ поставленъ неодинаково во всѣхъ городахъ, но вообще можно сказать, что, благодаря преимуществамъ, которыми пользуются городскіе учителя и учительницы, города имѣютъ возможность привлечь на службу въ народныхъ школахъ самыхъ выдающихся преподавателей.

Въ настоящемъ очеркѣ считаемъ излишнимъ приводить общія суммы расходовъ казны и взносовъ общинъ и частныхъ лицъ на содержаніе школъ. Въ виду происходящаго въ настоящее время быстраго развитія школьнаго дѣла, эти данныя не могли бы дать точнаго понятія о дѣйствительномъ положеніи дѣла. Гораздо цѣлесообразнѣе будетъ привести нѣкоторыя данныя объ издержкахъ казны и учредителей, въ среднемъ выводѣ на каждую отдѣльную школу.

Правительство и земскіе чины Финляндіи вообще щедрою рукою оказывали поддержку народнымъ школамъ. Содержаніе учительскому персоналу сельскихъ школъ производится изъ суммъ, ассигнованныхъ земскими чинами; изъ средствъ казны часто отпускается до 80% содержанія учителей, не считая квартиры съ отопленіемъ, и до 75% содержанія учительницамъ, но если принять въ разсчетъ прибавочные оклады, то приведенныя процентныя числа еще увеличатся. Учредители, съ своей стороны, обязаны отвести помѣщеніе подъ школу, состоящее изъ просторной классной залы, разсчитанной на 50 учениковъ, и двухъ жилыхъ комнатъ съ кухнею на каждаго учителя. Кромѣ того при школѣ часто устраивается особая мастерская и помѣщеніе для гимнастики, обыкновенно въ томъ же зданіи, какъ классная зала и квартира учителя. Кладовая, дровяной сарай и другія

нужныя службы должны быть построены отдѣльно отъ школьнаго зданія.

Въ видахъ цѣлесообразнаго устройства сельскихъ школьныхъ зданій, распоряженіемъ правительства издана особая коллекція образцовыхъ плановъ. По этимъ планамъ въ Финляндіи строятся, одна за другою, изящные школьные дома, а временныя и неудобныя наемныя помѣщенія понемногу исчезаютъ. Стоимость современнаго школьнаго зданія со всѣми службами составляетъ, въ среднемъ, отъ 8.000 до 10.000 марокъ.

Каждая школа должна быть снабжена столами, скамейками и прочимъ инвентаремъ, а также необходимыми учебными пособіями. Къ числу обязательныхъ учебныхъ пособій принадлежатъ: карты полушарій, Европы, Финляндіи и Палестины, счеты, геометрическія модели, картины по анатоміи и естественной исторіи, пособія для ручныхъ работъ, гармоніумъ, классная доска, часы и пр. Всѣ эти инвентарные предметы и пособія стоятъ немногимъ болѣе 1.000 марокъ.

Кромѣ единовременныхъ затратъ, учредители должны нести много постоянныхъ ежегодныхъ расходовъ. Сверхъ вознагражденія учителю и учительницѣ, деньгами или натурою, на сумму 200 марокъ, учредители также должны принимать на себя издержки по ежегодному ремонту построекъ, отопленію учительской квартиры и школьнаго помѣщенія, и пополненію учебныхъ пособій, не считая другихъ случайныхъ расходовъ; на школы съ однимъ учителемъ учредителями также отпускается около 100 марокъ для вознагражденія преподавателя или преподавательницы ручныхъ работъ. Общая сумма этихъ расходовъ, конечно, сильно колеблется по отдѣльнымъ годамъ, но въ среднемъ выводѣ она можетъ быть исчислена приблизительно въ 1.000 марокъ.

Вышеприведенными взносами исчерпывается участіе учредителей въ расходахъ по содержанію народныхъ школъ. Зато правительство и земскіе чины Финляндіи, о жертвахъ которыхъ на народное просвѣщеніе было говорено уже раньше, оказываютъ матеріальную поддержку школьному дѣлу еще и въ другихъ формахъ. Такъ, напримѣръ, изъ суммъ казны отпускаются пенсіи учителямъ и учительницамъ, такъ же какъ и пособія на содержаніе особыхъ наставниковъ и наставницъ ручныхъ работъ въ школахъ для совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ; эти послѣднія пособія составляютъ отъ 50 до 75 марокъ на каждую школу. Но этимъ еще не ограничивается воспособленіе, оказываемое финляндскою казною дѣлу обученія дѣтей ручнымъ работамъ. При первоначальномъ обзаведеніи школъ необходимыми инструментами для ручныхъ работъ мальчиковъ, казною отпускается, на извѣстныхъ условіяхъ, до одной трети ихъ стоимости, и

кромѣ того каждая школа, въ которой ручными работами занимаются мальчики, получаетъ изъ казны 80 марокъ для пріобрѣтенія токарнаго станка, не говоря о единовременныхъ пособіяхъ на устройство мастерской, покупку моделей и пр. На покупку швейной машины для женскихъ рукодѣлій также отпускается до 40% стоимости машины.

На устройство школьныхъ зданій, соотвѣтствующихъ современнымъ требованіямъ, изъ казенныхъ средствъ разрѣшаются единовременныя пособія или же ссуды на льготныхъ условіяхъ, на нѣсколько десятковъ тысячъ марокъ ежегодно; на дополнительные курсы для лицъ, кончившихъ курсъ народной школы, земскими чинами уже три раза были назначены пособія, на послѣднемъ сеймѣ 21.000 марокъ въ годъ.

Удовлетвореніе образовательныхъ нуждъ учебнаго персонала также не оставалось безъ должной поддержки. Во многихъ мѣстностяхъ устроены учительскія библіотеки, на пополненіе которыхъ отпускается до 17.000 марокъ въ годъ. Учителямъ и учительницамъ ежегодно выдаются стипендіи для посѣщенія семинаріумовъ и народныхъ школъ, съ цѣлью ознакомленія съ новѣйшими методами преподаванія. Черезъ каждые три года созываются періодическіе учительскіе съѣзды, при чемъ участвующія въ съѣздахъ лица пользуются льготнымъ проѣздомъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что на выдачу пособій учителямъ и учительницамъ, которые по болѣзни временно лишены возможности исполнять свои обязанности, ежегодно ассигнуется 15.000 марокъ.

Содержаніе городскихъ народныхъ школъ обходится казнѣ въ 40.000—50.000 марокъ въ годъ. Однако, наибольшую часть расходовъ несутъ сами города, но такъ какъ размѣръ этихъ расходовъ далеко не одинаковъ во всѣхъ городахъ, то мы не можемъ остановиться на этомъ вопросѣ, не вдаваясь въ подробности.

III.

Согласно правиламъ дѣйствующаго положенія о народныхъ школахъ, въ мужскія и женскія учительскія семинаріи принимаются лица въ возрастѣ не моложе 18 лѣтъ, бывающія у св. причастія, здороваго тѣлосложенія и хорошей нравственности, и обладающія познаніями въ объемѣ курса высшей народной школы.

Желающіе поступить въ семинарію уже весною присылаютъ собственноручно написанное прошеніе на имя директора семинаріи, съ приложеніемъ метрическаго свидѣтельства по установленной формѣ, выпускного аттестата народной школы, или же другого соотвѣтствующаго свидѣтельства, и нѣкоторыхъ другихъ документовъ. Лицамъ,

представившимъ установленныя бумаги, директоръ посылаетъ письменное приглашеніе явиться къ пріемному экзамену, который производится въ каждой семинаріи до 20 августа. Для пріема въ семинаріумъ требуются познанія по программѣ, установленной дѣйствующимъ положеніемъ и соотвѣтствующей полному курсу высшей народной школы.

Программа экзамена не вполнѣ одинакова во всѣхъ семинаріумахъ. Мы ограничимся изложеніемъ порядка пріемнаго экзамена въ Ювяскюльской семинаріи.

Въ назначенный день экзаменъ начинается съ письменнаго испытанія изъ роднаго языка. Съ этою цѣлью одинъ изъ учителей семинаріума читаетъ краткую лекцію, содержаніе которой затѣмъ передается экзаменующимся въ видѣ самостоятельнаго письменнаго сочиненія, на которое обыкновенно назначается два часа. Послѣ этого слѣдуетъ письменное рѣшеніе пяти ариѳметическихъ задачъ, въ теченіе двухъ часовъ. Затѣмъ провѣряются письменныя работы, и только тѣ изъ экзаменующихся, которые получили удовлетворительную отмѣтку, имѣютъ право участвовать въ слѣдующихъ затѣмъ устныхъ испытаніяхъ. По рисованію, ручнымъ работамъ и гимнастикѣ особыя испытанія вообще не производятся.

Такъ какъ число выдержавшихъ пріемный экзаменъ обыкновенно превышаетъ число вакантныхъ мѣстъ, которое опредѣлено въ 36, то на эти мѣста зачисляется соотвѣтствующее число лицъ, получившихъ по конкурсу высшій баллъ. При этомъ, однако, предпочтеніе дается тому, кто, при удовлетворительныхъ вообще познаніяхъ, выказалъ лучшія музыкальныя способности. Но вновь поступившіе воспитанники принимаются въ первый классъ семинаріи сперва на испытаніе, и затѣмъ только тѣ изъ нихъ, которые въ теченіе перваго полугодія выказали хорошіе успѣхи и удовлетворяютъ требованіямъ, предъявляемымъ къ будущимъ народнымъ учителямъ и учительницамъ, окончательно зачисляются въ постоянные ученики семинаріи.

Курсъ ученія въ финляндскихъ учительскихъ семинаріяхъ четырехлѣтній. Первые три года посвящаются на теоретическую подготовку, а четвертый годъ главнымъ образомъ на упражненія въ практикѣ преподаванія. По окончаніи курса трехъ классовъ, учащіеся подвергаются экзамену по всѣмъ пройденнымъ предметамъ, и выдержавшіе этотъ экзаменъ переводятся въ четвертый классъ, съ званіемъ кандидата на учительскія должности. Курсъ послѣдняго класса обнимаетъ преимущественно педагогику, методику и, прежде всего, практическія упражненія въ преподаваніи.

Учебный годъ начинается 20 августа и оканчивается въ среднихъ числахъ іюня мѣсяца; на рождественскихъ праздникахъ занятія прекращаются на $3^1/_2$ недѣли, и такимъ образомъ ученіе происходитъ въ теченіе 40 недѣль въ годъ.

Въ низшихъ классахъ число уроковъ колеблется отъ 38 до 45 въ недѣлю; обыкновенно бываетъ по 7 уроковъ въ день. Занятія начинаются въ 9 ч. 15 м. утра, послѣ общей молитвы, и продолжаются до 10 часовъ, съ 10-ти минутнымъ перерывомъ послѣ перваго урока. Послѣ завтрака слѣдуютъ три урока, отъ 11 ч. 10 м. до 2 ч. пополудни, съ перерывами въ 10 минутъ. Вечернія занятія происходятъ отъ 4 до 6 часовъ, а на мужскія ручныя работы назначено время отъ 3 до 7 часовъ вечера. Занятія оканчиваются также общею молитвою. По середамъ всѣ классы пользуются отдыхомъ, отъ 2 часовъ. Что же касается до классныхъ занятій учительскихъ кандидатовъ, то онѣ ограничиваются тремя лекціями въ день.

За незначительными, быть можетъ, отступленіями, та же программа проходится и въ остальныхъ семинаріумахъ Финляндіи, какъ и въ Ювяскюльской.

Законъ Божій является однимъ изъ важнѣйшихъ учебныхъ предметовъ. Преподаваніе его начинается уже съ перваго класса, при 3 урокахъ въ недѣлю, при чемъ проходится священная исторія Ветхаго Завѣта, примѣнительно къ будущей дѣятельности учащихся. Во второмъ классѣ такимъ же образомъ проходится исторія Новаго Завѣта, а въ третьемъ классѣ преподаются катехизисъ и церковная исторія; на первый изъ этихъ предметовъ назначено 3 и на второй 2 часа въ недѣлю.

Финскій языкъ въ первомъ классѣ занимаетъ всего 6 недѣльныхъ уроковъ, при чемъ преподаваніе сосредоточивается главнымъ образомъ на чтеніи и объясненіи финскаго народнаго эпоса, Калевалы, кромѣ того производится разборъ избранныхъ разсказовъ. Изъ грамматики проходится этимологія, и вмѣстѣ съ тѣмъ пишутся самостоятельныя сочиненія на легкія темы. Во второмъ классѣ учащіеся знакомятся съ сборникомъ древней лирической поэзіи финскаго народа, „Кантелетаръ“, и съ нѣкоторыми прозаическими произведеніями, проходятъ полный курсъ грамматики и пишутъ сочиненія; на все это назначено 5 часовъ въ недѣлю. Въ третьемъ классѣ на преподаваніе финскаго языка назначено 5 недѣльныхъ уроковъ, которые посвящаются изученію исторіи финской литературы, теоріи словесности и ознакомленію учениковъ съ новѣйшею литературою Финляндіи. Кромѣ того въ программу даннаго предмета входятъ повторительный и болѣе про-

странный курсъ грамматики, синтактическій анализъ и самостоятельныя сочиненія на заданныя темы.

На преподаваніе *ариѳметики* назначено: въ первомъ классѣ—4, во второмъ—2 и въ третьемъ классѣ 2 урока въ недѣлю, при чемъ преподаваніе вообще ограничивается объемомъ курса народной школы, который при этомъ только проходится болѣе обстоятельно. То же самое можно сказать о *геометріи*, на которую въ каждомъ классѣ выдѣленъ одинъ урокъ въ недѣлю.

На *исторію* назначено всего 7 часовъ въ недѣлю, а именно: въ первомъ классѣ — 3, во второмъ классѣ — 2 и въ третьемъ классѣ также 2 часа. Изъ всеобщей исторіи сперва проходится древняя и средняя исторія, послѣ чего слѣдуетъ средняя исторія Финляндіи, и затѣмъ уже въ общей связи преподается новая всеобщая исторія и исторія Финляндіи. Такъ какъ число уроковъ исторіи представляется недостаточнымъ, то полный курсъ часто оканчивается только въ четвертомъ классѣ.

На обученіе *географіи* выдѣлено по 2 урока въ каждомъ классѣ, т.-е. всего 6 уроковъ въ недѣлю. По подробномъ ознакомленіи съ географіею Финляндіи, учащимся постепенно сообщаются географическія свѣдѣнія о Европѣ и остальныхъ частяхъ свѣта, а также о движеніи земли. Означенный курсъ по большей части проходится въ два года, такъ что третій годъ можетъ быть употребленъ на повтореніе пройденнаго.

На изученіе *естественной исторіи* въ первомъ классѣ назначено 5 часовъ въ недѣлю. Изъ ботаники сообщаются элементарныя познанія, съ опредѣленіемъ растеній; преподаваніе зоологіи начинается съ изученія организма человѣка. Къ этимъ предметамъ во всякомъ случаѣ уже во второмъ классѣ присоединяются физика и краткій курсъ химіи. Въ этомъ классѣ на естественную исторію отведено 3 часа въ недѣлю, въ томъ числѣ 2 часа на физику и химію и 1 часъ на зоологію. Въ третьемъ же классѣ 2 урока въ недѣлю посвящаются на полное прохожденіе зоологіи и ботаники.

Гигіена, которая примыкаетъ къ естествознанію, преподается во второмъ и третьемъ классахъ, при одномъ урокѣ въ недѣлю. Учебный курсъ, поэтому, довольно ограниченъ, но можетъ быть расширенъ въ четвертомъ классѣ введеніемъ краткаго курса гигіены народныхъ школъ.

Шведскій языкъ, какъ второй мѣстный языкъ Финляндіи, входитъ въ программу семинарій для финскаго населенія, подобно тому, какъ финскій языкъ преподается въ семинаріяхъ для шведскаго населенія. Преподаваніе этого предмета, на который назначено 3 урока въ недѣлю во второмъ и 2 урока въ третьемъ классахъ, направлено къ

разъясненію общихъ грамматическихъ понятій и, по мѣрѣ возможности, къ практическому изученію языка.

Рисованіемъ ученики занимаются три часа въ недѣлю въ каждомъ классѣ. Учащіеся обучаются въ первомъ классѣ рисованію отъ руки, а также рисованію съ моделей на гладкомъ фонѣ и съ гипсовыхъ слѣпковъ, и во второмъ классѣ рисованію съ геометрическихъ фигуръ и архитектурныхъ орнаментовъ. Затѣмъ слѣдуетъ рисованіе проекціонное и перспективное. Въ женскомъ же отдѣленіи курсъ геометрическаго проекціоннаго рисованія нѣсколько сокращенъ.

На *пѣніе и музыку* во всѣхъ трехъ классахъ назначено всего 17 часовъ въ недѣлю. Одинъ часъ въ недѣлю посвящается на совмѣстное обученіе учащихся мужского и женскаго отдѣленій хоровому пѣнію. На спеціальное обученіе пѣнію отводится по два часа въ каждомъ классѣ, при чемъ первый и второй классы учатся пѣнію по нотамъ, по методѣ Десирьера, во всѣхъ мажорныхъ и въ большинствѣ минорныхъ тональностей, а также инструментальной музыкѣ. Въ третьемъ классѣ занятія продолжаются по той же программѣ и кромѣ того проходится гармонія. Обученіе инструментальной музыкѣ начинается съ упражненій въ игрѣ на фортепіано, но уже во второмъ классѣ вмѣсто этого инструмента вводится игра на гармоніумѣ; при этомъ учащіеся должны получить достаточную подготовку для исполненія на послѣднемъ инструментѣ молитвъ.

На *гимнастику* выдѣлено 3 часа въ недѣлю во всѣхъ классахъ, кромѣ чѣтвертаго. Гимнастическія упражненія имѣютъ главною цѣлью доставить ученикамъ и ученицамъ необходимую рекреацію; только въ третьемъ классѣ одинъ урокъ посвящается изученію теоріи гимнастики.

Ручныя работы, конечно, ведутся по различной программѣ въ мужскихъ и женскихъ отдѣленіяхъ. Учащіеся мужского отдѣленія исполняютъ работы изъ дерева и желѣза, при чемъ на эти работы назначено: въ первомъ классѣ 7 часовъ, во второмъ 8 и въ третьемъ классѣ 7 часовъ въ недѣлю. Въ первые два года проходится полный курсъ ручныхъ работъ изъ дерева и желѣза, по установленнымъ моделямъ народныхъ школъ. Въ третій годъ каждый ученикъ обыкновенно изготовляетъ стулъ на точеныхъ ножкахъ, съ рѣзною спинкою, и кромѣ того, какой-нибудь предметъ изъ желѣза. Ученики четвертаго класса обязаны изготовить болѣе трудную вещь, какъ, напримѣръ, туалетный комодъ или письменный столъ, при чемъ работа исполняется въ внѣклассное время. На рукодѣлія женскаго отдѣленія назначено 5+6+6 часовъ въ недѣлю; и здѣсь проходится курсъ народной школы, съ нѣкоторыми дополненіями.

Наконецъ, преподаваніе *психологіи* и *педагогики* въ Ювяскюльской

семинаріи начинается со второго класса, при чемъ на означенные предметы назначено два недѣльныхъ урока, изъ которыхъ одинъ по психологіи и другой по исторіи педагогики. Въ слѣдующій годъ оканчивается курсъ исторіи педагогики и проходится методика, при трехъ урокахъ въ недѣлю; въ связи съ послѣднимъ предметомъ происходятъ упражненія въ преподаваніи передъ классомъ. Систематическое изученіе педагогики перенесено въ четвертый классъ; на этотъ предметъ, а также на ученіе о школьной дисциплинѣ и завѣдываніе школою и на ознакомленіе съ законоположеніями, касающимися народныхъ училищъ, выдѣлено 3 часа въ недѣлю.

Для преподаванія всѣхъ перечисленныхъ предметовъ въ каждой семинаріи состоятъ директоръ и нѣсколько учителей, получившіе университетское образованіе; многіе изъ нихъ даже имѣютъ высшую ученую степень. Въ женскія семинаріи и женскія отдѣленія смѣшанныхъ семинарій кромѣ того назначаются начальница и нѣсколько учительницъ. Этотъ учебный персоналъ также обязанъ руководить упражненіями и учащихся въ практикѣ преподаванія, каждый по своей спеціальности.

Четвертый годъ семинарскаго курса почти исключительно посвящается практическимъ упражненіямъ воспитанниковъ и воспитанницъ въ методахъ преподаванія. Съ этою цѣлью при каждой семинаріи устроена образцовая школа, а въ семинаріяхъ съ мужскимъ и женскимъ отдѣленіями имѣются двѣ школы, одна для мальчиковъ и другая для дѣвочекъ. Эти школы шестиклассныя и слѣдовательно соотвѣтствуютъ городскимъ народнымъ школамъ. Кромѣ того при всѣхъ семинаріяхъ учреждена четырехклассная образцовая школа, соотвѣтствующая сельской высшей школѣ. Каждою школою завѣдываетъ начальникъ или начальница, которые имѣютъ непосредственный надзоръ за порядкомъ и ходомъ занятій и кромѣ того даютъ извѣстное число уроковъ въ недѣлю.

Но въ особенности въ шестиклассныхъ нормальныхъ школахъ преподаваніемъ занимаются большею частью кандидаты и кандидатки на учительскія должности. Ознакомившись уже въ третьемъ классѣ съ теоретическою частью методики, эти лица являются достаточно подготовленными, чтобы приступить къ практическому преподаванію. По открытіи семинаріи, въ концѣ августа, учебные предметы нормальныхъ школъ распредѣляются между названными лицами, съ такимъ разсчетомъ, что на долю каждаго приходится по нѣсколько уроковъ въ недѣлю. При распредѣленіи занятій соблюдается, чтобы уроки одного предмета въ одномъ и томъ же классѣ не были предоставлены нѣсколькимъ лицамъ и чтобы каждый преподавалъ только въ одномъ классѣ. Для каждаго урока составляется планъ, который про-

сматривается и исправляется подлежащимъ преподавателемъ семинаріи. Урокъ дается согласно этому плану, по возможности въ присутствіи того же преподавателя. Съ цѣлью предоставленія практикантамъ возможно разносторонней практики въ преподаваніи, распредѣленіе между ними предметовъ производится три или четыре раза въ годъ. Такимъ образомъ всѣ имѣютъ возможность преподавать отъ шести до семи разныхъ предметовъ, каждый предметъ безпрерывно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Въ четырехклассныхъ нормальныхъ школахъ, въ которыхъ веденіе преподаванія гораздо труднѣе, чѣмъ въ шестиклассныхъ школахъ, всѣ классныя занятія въ началѣ учебнаго года ведутся подлежащимъ учителемъ или учительницею. Только въ срединѣ сентября уроки по нѣкоторымъ предметамъ распредѣляются между практикантами, которые затѣмъ ведутъ преподаваніе, со смѣною какъ предметовъ, такъ и преподавательскаго состава черезъ каждые два мѣсяца.

Кромѣ самостоятельныхъ упражненій, практиканты также обязаны присутствовать на извѣстномъ числѣ уроковъ начальника и начальницы, а также другихъ практикантовъ въ шестиклассной школѣ, въ которой сами даютъ уроки, и кромѣ того въ четырехклассной нормальной школѣ. Практиканты, по очереди принимающіе на себя обязанность преподаванія, должны предварительно въ теченіе одной недѣли присутствовать на всѣхъ урокахъ по данному предмету въ томъ классѣ, въ которомъ сами будутъ заниматься. Этимъ способомъ уменьшаются вредныя послѣдствія отъ частыхъ перемѣнъ преподавательскаго состава въ нормальныхъ школахъ.

На ряду съ занятіями въ нормальной школѣ, практиканты слушаютъ извѣстное число лекцій (въ Ювяскюльской семинаріи — 18). Изъ нихъ 3 лекціи назначены на изученіе педагогики, подъ руководствомъ начальника или начальницы нормальной школы, и не менѣе одной лекціи на каждый изъ предметовъ, преподаваемыхъ въ нормальной школѣ. Главная цѣль при этомъ заключается въ педагогической и методической подготовкѣ воспитанниковъ къ будущей ихъ дѣятельности.

По окончаніи этого курса учащіеся получаютъ выпускное свидѣтельство, которое даетъ имъ право на занятіе всѣхъ учительскихъ мѣстъ въ народныхъ школахъ Финляндіи.

И. К Ирье-Коскинненъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1898.

Побѣды и пораженія въ испанско-американской войнѣ.—Важнѣйшіе итоги событій.—Французскія дѣла.—Торжество патріотовъ надъ „дрейфуссарами“ и популярность Кавеньяка.—Князь Бисмаркъ †.

Духъ военной славы господствуетъ теперь въ Соединенныхъ Штатахъ: великая американская демократія получила свое „огненное крещеніе“ въ побѣдоносной борьбѣ съ старою, могущественною нѣкогда европейскою державою, впервые открывшею и завоевавшею Америку пять вѣковъ тому назадъ. Послѣ уничтоженія испанской эскадры у Филиппинскихъ острововъ, близъ Манильи, адмираломъ Дьюи (Dewey), та же участь готовилась и флоту Серверы, укрывшемуся въ бухтѣ Сантъ-Яго де-Куба; наконецъ флотъ этотъ истребленъ адмиралами Шлеемъ и Сампсономъ 3 іюля (нов. ст.), послѣ отчаянной попытки вырваться въ открытое море и ускользнуть отъ сторожившихъ его американскихъ броненосцевъ. Двѣ недѣли спустя сдался на капитуляцію городъ Сантъ-Яго съ 23 тысячами солдатъ. Эти послѣдовательные жестокіе удары окончательно убѣдили Испанію въ безплодности дальнѣйшихъ подвиговъ ея испытанныхъ войскъ, и 26 іюля мадридское правительство оффиціально предложило Соединеннымъ Штатамъ черезъ посредство французскаго посла въ Вашингтонѣ, Камбона, начать переговоры о мирѣ. Испанцы должны будутъ помириться съ потерею Кубы и Порто-Рико, и вѣроятно также одного изъ Филиппинскихъ острововъ.

Иллюзіи испанскихъ патріотовъ, привыкшихъ полагаться на „историческіе завѣты“ былого національнаго величія, разсѣялись подъ вліяніемъ кровавыхъ событій; отсталая, разоренная, остановленная въ развитіи своихъ жизненныхъ силъ вѣковымъ владычествомъ придворныхъ ханжей, испанская нація въ дѣйствительности давно уже лишена возможности защищать свое положеніе въ мірѣ противъ передовыхъ культурныхъ народовъ и безповоротно обречена на внутреннее ничтожество, несмотря на традиціонныя доблести своей арміи и на внѣшній блескъ своего правящаго класса. Хорошія качества испанцевъ оставались какъ бы парализованными, подъ гнетомъ общественныхъ условій и порядковъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго; таланты отдѣльныхъ личностей только рѣзче оттѣняли вялость и безсиліе общества, утратившаго способность къ полезной самостоятельной работѣ

и доступнаго лишь мимолетнымъ порывамъ и увлеченіямъ. Патріотическія чувства, возбужденныя войною, проявлялись не только въ громкихъ и гордыхъ словахъ, но и въ самоотверженныхъ рѣшеніяхъ и поступкахъ; испанцы на дѣлѣ доказали, что они умѣютъ мужественно умирать въ бою: многіе эпизоды двухдневной битвы подъ Сантъ-Яго, 1 и 2 іюля, и сознательная гибель эскадры адмирала Серверы свидѣтельствуютъ о геройствѣ, которому должны были отдать полную справедливость и американцы. Но одно умѣнье умирать не составляетъ еще заслуги, если оно не соединяется съ стремленіемъ и надеждою принести пользу живущимъ; военное геройство, не разсчитанное на достиженіе какого-либо другого результата, кромѣ гибели, сводится только къ напрасной расточительности относительно человѣческихъ жизней, представляющихъ извѣстную цѣнность и для отечества. Всѣ разумные люди въ Испаніи ясно понимали съ самаго начала, что война противъ Соединенныхъ Штатовъ изъ-за Кубы не принесетъ странѣ ни славы, ни выгоды, и неизбѣжно окончится пораженіемъ. Американцы имѣли за собою слишкомъ явное превосходство силы, энергіи, богатства и знаній, чтобы возможны были какія-нибудь сомнѣнія насчетъ исхода предпріятія. Тѣмъ не менѣе испанскіе патріоты долго не допускали и мысли о мирныхъ переговорахъ, настойчиво повторяя геройскія фразы, употребительныя въ подобныхъ случаяхъ; сторонники мира заранѣе объявлялись измѣнниками, и такимъ образомъ искусственно создавалось общественное мнѣніе, за которымъ должно было идти правительство. Наиболѣе возвышеннымъ и упорнымъ патріотизмомъ отличались сановники, успѣвшіе составить себѣ состояніе путемъ удачныхъ хищеній; многіе изъ нихъ втихомолку переводили свои незаконно добытые капиталы въ заграничные банки, въ то самое время, какъ доказывали необходимость бороться до послѣдней крайности во имя чести и славы отечества. Имена этихъ ловкихъ дѣятелей хорошо извѣстны въ Мадридѣ, и однако никто не рѣшался раскрыть закулисную сторону ихъ патріотизма; современные законы о печати, о диффамаціи и клеветѣ вполнѣ ограждаютъ этихъ хищныхъ патріотовъ отъ нескромныхъ разоблаченій, ибо нѣтъ ничего труднѣе, какъ документально доказать факты, совершаемые обыкновенно безъ свидѣтелей и безъ письменныхъ документовъ. Можно только установить, что такой-то имѣлъ лишь долги до назначенія на должность, а черезъ нѣкоторое время сдѣлался капиталистомъ и землевладѣльцемъ, хотя ему не досталось никакого наслѣдства или лотерейнаго выигрыша; но этого еще недостаточно для обвиненія чиновника въ казнокрадствѣ или взяточничествѣ предъ судомъ. Бываютъ такія метаморфозы, которыя кажутся естественными и обычными, хотя онѣ вовсе не вытекаютъ изъ законовъ природы;

напр., бывшіе губернаторы и администраторы Кубы, уѣзжавшіе туда безъ значительныхъ средствъ или даже подъ бременемъ долговъ, возвращались богатыми, обезпеченными на всю остальную жизнь, и это неизмѣнное наблюденіе до того считалось согласнымъ съ природою вещей, что всякое изъятіе сдѣлалось бы событіемъ, предметомъ общихъ толковъ и недоумѣній. Политическія реформы явились въ Испаніи слишкомъ поздно: онѣ не могли измѣнить ни соціальнаго быта, ни укоренившихся нравовъ. Источники національной жизни какъ будто изсякли. Внѣшніе толчки и кризисы не вызываютъ уже жажды обновленія и подъема, а только растравляютъ старыя язвы, даютъ новый просторъ мертвящему владычеству святошей, промышляющихъ религіею, и еще глубже погружаютъ народъ въ безнадежную умственную тьму. Въ этой затхлой атмосферѣ начинаютъ вновь шевелиться карлисты, представители средневѣковыхъ феодальныхъ идей, организаторы безсмысленныхъ междоусобій. Министры, конституціонные и либеральные по имени, думаютъ устранить или ослабить недовольство при помощи мѣръ, направленныхъ къ ограниченію свободы печати и сходокъ. Декретъ 15 іюля о пріостановкѣ конституціонныхъ гарантій былъ первымъ политическимъ послѣдствіемъ военныхъ неудачъ. Правительство усмотрѣло опасность не въ самихъ фактахъ, а въ публичномъ обсужденіи ихъ; но факты сами по себѣ столь краснорѣчиво грозны, что оппозиція едва-ли могла бы усилить ихъ эффектъ своими комментаріями. Установлена военно-политическая цензура для газетъ, и этимъ вызванъ цѣлый рядъ неудобствъ, поддерживающихъ въ обществѣ раздраженіе, котораго предполагалось избѣгнуть. Умѣренныя газеты, безусловно вѣрныя династіи, какъ „Epoca“, „National“, „Imparcial“, „Correspondencia“, стали выходить съ пробѣлами и пропусками, раздражавшими читателей; оппозиціонные органы появлялись на половину пустыми, а въ „Correo Espanol“ вся первая страница оставалась иногда безъ печатнаго текста. Министерство запретило газетамъ показываться въ такомъ видѣ; оно не позволило также заполнять пробѣлы объявленіями, и нѣкоторыя газеты придумали уже особый способъ для замѣны исключенныхъ цензурою мѣстъ, чтобы имѣть все-таки возможность выходить своевременно, не нарушая сдѣланнаго распоряженія: онѣ запаслись матеріаломъ изъ поваренныхъ книгъ, текстами священнаго писанія и т. п., и вставляютъ эти цитаты куда слѣдуетъ или, вѣрнѣе, куда не слѣдуетъ. Администраціи приходится теперь возиться съ новыми, созданными ею же, затрудненіями, безъ малѣйшей пользы для правительства и даже къ явному его вреду; тревожные толки и слухи не устраняются, а усиливаются въ публикѣ именно потому, что не попадаютъ въ печать и не встрѣчаютъ надлежащей критики или опроверженія. Не такими, конечно,

мѣрами поднимется довѣріе къ существующему порядку вещей въ Испаніи.

Въ противоположность Испаніи, несомнѣнно клонящейся къ культурному упадку, Соединенные Штаты представляютъ собою великую міровую державу будущаго. Полная силъ и энергіи, непрерывно развивающаяся и бодро идущая впередъ американская нація, составленная изъ смѣси различныхъ европейскихъ народностей, подвергается теперь соблазну увлеченія старыми идеалами военнаго могущества и стоитъ какъ будто на перепутьѣ. Пойти ли по слѣдамъ Англіи и раздѣлить съ нею владычество на моряхъ, какъ предлагаютъ приверженцы американско-британскаго союза, или же сохранить характеръ мирной республики, свободной отъ обязательныхъ хроническихъ вооруженій и всецѣло преданной задачамъ культурнаго развитія?

Нѣкоторые симптомы указываютъ на то, что побужденія военнаго честолюбія и тщеславія могутъ легко овладѣть умами въ Америкѣ и создать почву для предпріимчивой „имперіалистской“ политики; такіе же симптомы обнаружились, правда, и послѣ междоусобной войны въ шестидесятыхъ годахъ, когда прославленный генералъ Грантъ сдѣлался національнымъ героемъ и когда военный элементъ надолго укрѣпился въ высшемъ американскомъ управленіи,—но тогда не было еще вопроса объ измѣненіи международной роли Соединенныхъ Штатовъ и народъ не испытывалъ еще опьяняющаго дѣйствія побѣдъ надъ чужими непріятельскими войсками. Въ настоящее время пробудились въ американцахъ инстинкты и чувства тѣхъ европейскихъ расъ, отъ которыхъ они произошли, и воинственные восторги дѣловитыхъ „янки“ мало чѣмъ отличаются отъ проявленій шовинизма въ Англіи и Германіи. Адмиралы Дьюи, Шлей и Самсонъ, генералъ Шафтеръ и Майльсъ стали сразу любимцами толпы, популярнѣйшими людьми въ Союзѣ, и ихъ сообщенія съ театра войны, по своему общему тону, невольно наводятъ на грустныя мысли. Адмиралъ Самсонъ телеграфируетъ, отъ 3 іюля: „Флотъ, которымъ я командую, приноситъ націи въ подарокъ къ празднику 4 іюля (годовщина декларація независимости 1776 года) истребленіе всей эскадры адмирала Серверы, изъ которой ни одинъ корабль не спасся. Она пыталась уйти въ девять съ половиною часовъ утра, а въ два часа пополудни послѣдній ея корабль, „Cristobal Colon“, подвергся крушенію въ шестидесяти миляхъ къ западу отъ Сантъ-Яго, гдѣ и спустилъ свой флагъ. „Infanta Maria-Teresa“, „Viscaya“ и „Oquendo“ вынуждены были стать на мель; они были сожжены и взорваны въ двадцати миляхъ отъ Сантъ-Яго. „Furor“ и „Pluton“ разрушены на разстояніи около четырехъ миль отъ порта. Наши потери состоятъ изъ одного человѣка убитаго и двухъ раненыхъ. Потери непріятеля вѣроятно доходятъ до

нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, погибшихъ отъ огня, отъ взрывовъ и въ морѣ. Мы взяли въ плѣнъ около 1.300 человѣкъ, въ томъ числѣ адмирала Серверу". Какъ ни радостно для націи впечатлѣніе одержанной побѣды, но гибель нѣсколькихъ сотъ человѣческихъ существъ не можетъ служить „подаркомъ" для великаго культурнаго народа. Война есть все-таки дѣло разрушенія и истребленія, и самое блестящее торжество надъ врагами не должно бы заставить говорить въ ликующемъ тонѣ о послѣдствіяхъ удачной разрушительной работы и о большомъ числѣ непріятельскихъ жертвъ, погибшихъ „отъ огня, отъ взрывовъ и въ морѣ". Можно считать войну печальною и жестокою необходимостью, но нельзя пріурочивать ея кровавые эпизоды къ національнымъ праздникамъ, подобно тому, какъ это дѣлали наполеоновскіе генералы, подгонявшіе боевыя событія къ именинамъ Бонапарта или членовъ его семьи. Подробныя описанія морской битвы у Сантъ-Яго даютъ картину всякаго рода ужасовъ, отъ которыхъ содрогается сердце; это была въ сущности не битва, а простое истребленіе убѣгающихъ, сознающихъ свою слабость, противниковъ, что видно уже изъ ничтожнаго количества потерь у побѣдителей. Испанскіе корабли были успѣшно взорваны, сожжены и потоплены съ значительною частью ихъ экипажа, при помощи усовершенствованій новѣйшей техники; эта сознательно устроенная катастрофа была вполнѣ логическимъ проявленіемъ войны, но не имѣла и не могла имѣть въ себѣ ничего праздничнаго съ точки зрѣнія американцевъ,—тѣмъ болѣе, что предшествовавшія аттаки на Сантъ-Яго съ суши обошлись имъ очень дорого: по точному счету генерала Шафтера, въ сраженіяхъ 1 и 2 іюля убито 22 офицера и 208 солдатъ, ранено 80 офицеровъ и 1203 человѣка, а пропало безъ вѣсти 79. Если же гибель флота Серверы была „подаркомъ" народу отъ адмирала Сампсона, то чѣмъ разнятся передовыя просвѣщенныя націи нашего времени отъ первобытныхъ дикарей, у которыхъ принято было подносить вождямъ головы ихъ враговъ, въ видѣ подарка? Американцы, насколько можно судить по газетнымъ отчетамъ, встрѣтили вѣсть о побѣдѣ съ какимъ-то шумнымъ и злобнымъ экстазомъ, точно дѣло шло не объ освобожденіи Кубы, а объ удовлетвореніи инстинктовъ, лежащихъ въ животной природѣ человѣка. Одинъ изъ нашихъ газетныхъ корреспондентовъ, талантливый и мыслящій наблюдатель, г. Сигма, пишетъ изъ Сантъ-Франциско, отъ 4-го іюля: „Со вчерашняго вечера весь городъ полонъ взрывовъ и выстрѣловъ. Съ крышъ стрѣляютъ изъ пушекъ, на главныхъ улицахъ жгутъ бураки и хлопушки и стрѣляютъ изъ ружей и револьверовъ. Флотъ Серверы уничтоженъ какъ разъ ко дню именинъ республики. Съ двѣнадцати-этажной башни газеты „The Call" каждыя пять минутъ раздаются пушечные выстрѣлы, а бенгальскій огонь за-

мѣняетъ зарево пожаровъ. И моя комната полна ѣдкаго дыма; я могу думать, что сижу въ траншеѣ близъ Сантъ-Яго де Куба, а не на Market Street Санъ-Франциско. И мнѣ жаль американской республики, —той, которую мы привыкли любить въ дѣтствѣ и въ юности,—той, которая обращалась къ народамъ съ обвинительнымъ актомъ противъ Георга III, той, которая освобождала рабовъ, которая давала пріютъ благороднымъ фанатикамъ свободы. Эти бутафорскіе выстрѣлы съ бастіоновъ бойкой газеты точно читаютъ отходную свободной Америкѣ и точно привѣтствуютъ новыхъ римлянъ, торжествующихъ казнь Брута и Цицерона и громкими возгласами встрѣчающихъ Августа-Кесаря. „Veni, Caesar, degenerati te salutant“ („Новое Время“, отъ 16 іюля). Корреспондентъ находитъ, что „съ американской демократіей творится что-то неладное; такое же впечатлѣніе отражается въ письмахъ изъ Америки, печатаемыхъ въ западно-европейскихъ газетахъ, особенно въ парижскомъ „Temps“. Мечты о замѣнѣ войны болѣе разумными способами разрѣшенія международныхъ споровъ разлетѣлись какъ дымъ и забыты при первой побѣдѣ Соединенныхъ Штатовъ, а между тѣмъ эти мечты имѣли когда-то наиболѣе убѣжденныхъ и энергическихъ защитниковъ между американцами.

Присутствуемъ ли мы при перерожденіи великой республики въ военную державу, или предъ нами только мимолетное, преходящее явленіе, которое останется безъ серьезныхъ послѣдствій для будущаго? Многія вѣскія соображенія говорятъ рѣшительно противъ идеи американскаго „имперіализма“, усердно проповѣдуемой нынѣ въ туземной патріотической печати. Прежде всего американцы не имѣютъ ни надобности, ни разсчета создавать себѣ постоянную многочисленную армію и обременять страну крупнымъ военнымъ бюджетомъ, а безъ постоянной арміи нельзя вести „имперіалистскую“ политику; военные честолюбцы и національные герои, какъ бы они ни прославлялись, лишены возможности превратиться въ Цезарей, пока нѣтъ войска, которое давало бы имъ реальную силу. Поэтому было бы крайне ошибочно проводить какую-нибудь параллель между Соединенными Штатами и, напр., Франціею, относительно шансовъ военной диктатуры. Генералъ Грантъ былъ популяренъ, но безсиленъ послѣ войны, такъ какъ армія, которою онъ командовалъ и которую водилъ къ побѣдамъ, была распущена по домамъ и не существовала больше; такъ же точно нынѣшнія американскія войска, собранныя для военныхъ дѣйствій, разойдутся по минованіи въ нихъ надобности, съ заключеніемъ мира. Когда побѣдители, доставившіе славу своимъ вождямъ, превратятся опять въ мирныхъ гражданъ, то не будетъ матеріала для стремленій и соблазновъ, опасныхъ для республики; военный шумъ пройдетъ, и вмѣстѣ съ нимъ пройдутъ и забудутся порывы

къ широкимъ имперіалистскимъ планамъ завоевательнаго свойства. Но что американцы способны къ этимъ порываиъ въ такой же мѣрѣ, какъ французы и англичане, — это выяснилось съ достаточною убѣдительностью, и вытекающіе отсюда выводы сохраняютъ свое полное значеніе.

Опытъ испанско-американской войны приводитъ, между прочимъ, къ нѣкоторымъ общимъ вопросамъ и сомнѣніямъ по поводу современной системы постоянныхъ вооруженій въ Европѣ. Американцы въ короткое время выставили десятки тысячъ войска, составленнаго изъ волонтеровъ, и довели общую цифру ихъ до двухсотъ тысячъ; эти волонтеры, обученные въ нѣсколько недѣль военному дѣлу, сражались не хуже опытныхъ солдатъ и отличались образцовою дисциплиною, которымъ могли бы позавидовать испанцы; они высказывали стойкость и неустрашимость, вызвавшія всеобщія похвалы очевидцевъ, и дѣйствовали по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, какъ будто готовились къ войнѣ годами. Не свидѣтельствуетъ ли этотъ фактъ о томъ, что современный способъ веденія войны исключаетъ необходимость продолжительной подготовки боевыхъ массъ, и что порядокъ комплектованія арміи, принятый въ европейскихъ государствахъ, можетъ считаться теперь устарѣлымъ? Нужно ли содержать милліонныя арміи въ мирное время, если значительная часть ихъ могла бы съ успѣхомъ составляться изъ ополченія, при извѣстныхъ постоянныхъ кадрахъ, подъ руководствомъ свѣдущихъ офицеровъ? Испанія надѣялась на превосходство—не только численное, но и качественное,—своихъ регулярныхъ войскъ на Кубѣ, и обманулась въ своихъ ожиданіяхъ; регулярныя войска, занимавшія Сантъ-Яго, должны были сдаться волонтерамъ, уступавшимъ имъ въ численности. Нѣтъ ли здѣсь полезнаго урока для европейскихъ спеціалистовъ военнаго дѣла? Заслуживаетъ также вниманія легкость, съ какою уничтожаются современные тяжелые броненосцы, снабженные, повидимому, всѣми условіями для защиты отъ непріятельскихъ ударовъ. Для динамита нѣтъ разницы между желѣзными судами и деревянными; выстрѣлы новѣйшихъ орудій разрушаютъ верхнія части броненосцевъ и истребляютъ ихъ экипажъ столь же безпощадно, какъ и при дѣйствіи противъ кораблей стараго типа. Стоитъ ли послѣ этого сооружать дорогія и неповоротливыя морскія чудовища, если онѣ въ сущности такъ же мало обезпечены отъ гибели, какъ и деревянныя суда? Важнѣйшее преимущество на морѣ есть быстрота хода, а не толщина и крѣпость стальной брони; въ этомъ убѣждаетъ и примѣръ злополучной эскадры адмирала Серверы.

Какъ бы то ни было, война окончилась и результаты ея будутъ спасительны для Кубы и Порто-Рико, а можетъ быть, и для Фи-

липпинъ. Главный изъ Филиппинскихъ острововъ, Люцонъ, находится отчасти во власти возставшихъ туземцевъ, руководимыхъ молодымъ Агвинальдо; послѣдній, будучи испанцемъ по воспитанію и образованію, долго преслѣдовался властями и сдѣлался наконецъ главою революціоннаго движенія, направленнаго противъ іезуитскаго режима, всѣ прелести котораго онъ испыталъ на себѣ. Такъ какъ нельзя уже разсчитывать на перемѣну испанскихъ порядковъ и традицій, то остается желать, чтобы возможно бо́льшая часть колоніальныхъ владѣній Испаніи избавилась отъ ея владычества, въ интересахъ человѣчности и культуры.

Французскія политическія дѣла не всегда понятны для иностранца: въ нихъ есть какія-то странности, зависящія, очевидно, отъ особеннаго склада ума и характера французской націи. Министерство Бриссона дѣлаетъ и заявляетъ почти то же самое, что̀ дѣлалъ и заявлялъ кабинетъ Мелина, и однако оно пользуется успѣхомъ и популярностью въ новой палатѣ, состоящей на половину изъ умѣренно-консервативныхъ элементовъ, на которые опирался Мелинъ. Единственная существенная разница между бывшими министрами и настоящими заключается въ отрицательномъ отношеніи послѣднихъ къ консерваторамъ; это обстоятельство должно было бы служить источникомъ слабости министерства, не имѣющаго за собою партійнаго большинства, и тѣмъ не менѣе кабинетъ Бриссона фактически одобряется и поддерживается большинствомъ, въ томъ числѣ и умѣренными и консервативными группами парламента. Министерская декларація, прочитанная въ засѣданіи 30 іюня (нов. ст.), не заключала въ себѣ никакихъ серьезныхъ отступленій отъ умѣренной республиканской программы, и однако она понравилась радикаламъ и умѣреннымъ, вслѣдствіе чего палата выразила довѣріе къ правительству, 316 голосами противъ 230.

Но область загадочнаго начинается съ рѣчи военнаго министра, Кавеньяка, по дѣлу Дрейфуса, въ засѣданіи 7-го іюля. Кавеньякъ повторилъ и подтвердилъ то, что̀ неоднократно высказывалъ его предмѣстникъ, генералъ Билльо, и произвелъ этимъ необыкновенный фуроръ: рѣчь его единодушно, 545 голосами, признана достойною обнародованія во всѣхъ общинахъ Франціи. Упомянувъ въ прошломъ обозрѣніи объ указаніи депутата Кастелена на исключительную, всепоглощающую важность дѣла Дрейфуса, мы отнеслись къ этимъ словамъ иронически;—оказывается, что мы ошиблись: само министерство и вся палата, очевидно, придаютъ этому дѣлу первостепенное, великое государственное значеніе, которое, впрочемъ, остается и теперь недоступнымъ нашему пониманію. Все непонятно въ дѣлѣ Дрейфуса—и необычайная страстность спора о виновности или невинности осуж-

деннаго офицера, и связь состоявшагося приговора съ потребностями патріотизма, и настойчивыя ссылки на оскорбленіе арміи въ случаѣ признанія возможности судебной ошибки, и мысль о непогрѣшимости военнаго суда, и наконецъ крайняя недостаточность и неясность фактическихъ доводовъ, выставляемыхъ за и противъ „измѣнника". Всякій, кто сопоставитъ и взвѣситъ имѣющіяся данныя по этому дѣлу, долженъ будетъ придти къ заключенію, что нельзя сказать положительно, виновенъ ли Дрейфусъ или невиненъ; но психологическая обстановка его предполагаемаго преступленія, упорныя увѣренія его о своей безусловной невинности и явная неправдоподобность уличающихъ его документовъ невольно склоняютъ къ мысли о судебной ошибкѣ. Кавеньякъ, какъ и Билльо и Мелинъ, заявилъ категорически, что онъ убѣжденъ въ виновности Дрейфуса и этимъ возбудилъ восторженное патріотическое настроеніе палаты; но почему было бы хуже для французскаго патріотизма, если бы оказалось, что между офицерами французскаго генеральнаго штаба вовсе не было измѣнника и что Дрейфусу ошибочно приписано было преступленіе, котораго онъ не совершалъ,—мы не знаемъ. Новый военный министръ не только выразилъ свое убѣжденіе, но и старался по возможности мотивировать его документальными доказательствами, чего не дѣлали и не желали дѣлать Билльо и Мелинъ; онъ сослался на двѣ записки, о которыхъ говорили уже генералы Пелльe и Буадефръ въ процессѣ Зола, и присоединилъ еще третій документъ слѣдующаго содержанія: „Сожалѣю, что не видѣлъ васъ передъ отъѣздомъ; впрочемъ я возвращусь черезъ восемь дней. Прилагаю при семъ двѣнадцать плановъ крѣпости (такой-то), которые далъ мнѣ для васъ каналья Д. (ce canaille de D...). Я ему сказалъ, что вы не намѣрены возобновлять съ нимъ отношенія. Онъ увѣряетъ, что произошло недоразумѣніе и что онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы васъ удовлетворить. Онъ говоритъ, что заупрямился и что вы за это на него не въ претензіи. Я ему отвѣтилъ, что онъ сумасшедшій и что я не думаю, чтобы вы желали вновь вступить съ нимъ въ сношенія. Дѣлайте, какъ хотите". Въ этомъ письмѣ иностраннаго военнаго агента, какъ убѣжденъ Кавеньякъ, слѣдуетъ подъ буквою Д. разумѣть Дрейфуса, и вся палата признала несомнѣнность этого вывода; но если имѣть въ виду тонъ и содержаніе передаваемаго въ документѣ разговора, то ясно какъ божій день, что разговаривать подобнымъ образомъ съ офицеромъ генеральнаго штаба было совершенно немыслимо, и что разговоръ могъ относиться только къ какому-нибудь мелкому проходимцу, съ которымъ не обязательно сохранять даже элементарныя внѣшнія приличія. Человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, принадлежащій къ такъ называемому хорошему обществу, матеріально вполнѣ обезпеченный

и носящій притомъ военный мундиръ, никакъ не могъ быть тѣмъ презрѣннымъ собесѣдникомъ, который обрисованъ въ этомъ письмѣ подъ именемъ „канальи Д". Простой здравый смыслъ рѣшительно устраняетъ предположеніе, въ истинность котораго вѣритъ Кавеньякъ; такое предположеніе въ самомъ дѣлѣ оскорбительно для французской арміи и для чести офицерскаго мундира, и надо только удивляться, что никто не замѣтилъ этого въ палатѣ, столь чувствительной къ вопросамъ, касающимся достоинства арміи и ея представителей. Палата уже знаетъ, что Дрейфусъ измѣнникъ, и потому она не нашла ничего особеннаго въ манерѣ обращенія съ нимъ иностраннаго агента; но тогда Дрейфусъ не былъ еще лишенъ званія капитана генеральнаго штаба, и даже будучи измѣнникомъ, онъ все-таки оставался французскимъ офицеромъ, формально ничѣмъ не опороченнымъ и имѣющимъ право на внѣшнее уваженіе, если не къ своей личности, то къ своему мундиру. Едва-ли кто изъ иностранцевъ могъ бы, напр., говорить теперь съ Эстергази въ грубомъ и презрительномъ тонѣ, даже послѣ всѣхъ скандальныхъ для него разоблаченій; а Дрейфусъ, до суда надъ нимъ, далеко не находился въ положеніи Эстергази. Догадка, что подъ буквою Д. скрывается имя Дрейфуса, подтверждается, по словамъ Кавеньяка, позднѣйшею запискою, гдѣ это имя названо уже цѣликомъ; въ этомъ извѣстномъ уже намъ документѣ упоминается о парламентскомъ запросѣ по дѣлу Дрейфуса и высказывается непремѣнное желаніе сохранить въ безусловной тайнѣ отношенія съ „этимъ жидомъ". Довѣрить бумагѣ и почтѣ именно то, что̀ желательно было скрыть, и впервые назвать при этомъ en toutes lettres имя, обозначаемое прежде инціалами,—это до того противорѣчило бы здравой логикѣ, что неизбѣжно является здѣсь мысль объ умышленной поддѣлкѣ. Иностранные агенты, живущіе оба въ Парижѣ и передающіе другъ другу свѣдѣнія по секретнѣйшимъ шпіонскимъ дѣламъ черезъ посредство туземной почты, были бы младенцами, какихъ вообще не встрѣчается среди чиновниковъ подобной профессіи; но чтобы они письменно же условливались между собою держать свои дѣла въ полнѣйшемъ секретѣ,—это превышаетъ уже всякую мѣру наивности и похоже скорѣе на шутовство или на обманъ. Между тѣмъ трудно сомнѣваться, что переписка по дѣламъ о шпіонствѣ дѣйствительно велась въ Парижѣ по почтѣ; мало того,—прочитанныя и разорванныя письма выбрасывались въ такія мѣста, откуда могли попадать въ руки секретной полиціи, передававшей ихъ въ спеціальное развѣдочное бюро военнаго министерства. Это невѣроятно, но это фактъ, обстоятельно разъясненный уже въ процессѣ Золя. Какъ говоритъ Кавеньякъ, въ министерскомъ бюро собрано въ теченіе восьми лѣтъ около тысячи документовъ такого рода—подлинниковъ, а не

копій. Быть можетъ, записка, свидѣтельствующая о желаніи скрыть происходившія сношенія съ Дрейфусомъ, имѣетъ тотъ смыслъ, что агенты думали не о французахъ, а о своихъ начальствахъ, т.-е. они условились не сообщать отечественнымъ министрамъ объ извѣстныхъ эпизодахъ своей дѣятельности, въ которыхъ фигурировалъ Дрейфусъ, —чтобы избѣгнуть отвѣтственности или порицанія за свои рѣшенія и поступки въ данномъ случаѣ. Такъ по крайней мѣрѣ можно понять нѣкоторые намеки Кавеньяка на безпокойство, овладѣвшее этими агентами и выражаемое ими въ другихъ письмахъ за то же время. Наконецъ, министръ придаетъ рѣшающее значеніе свидѣтельству одного офицера, при которомъ самъ Дрейфусъ на половину признался въ измѣнѣ, въ день своего разжалованья, хотя онъ и раньше и позднѣе настойчиво отрицалъ свою вину. Конечно, чужое свидѣтельство о какихъ-то словахъ обвиняемаго, содержавшихъ въ себѣ нѣчто въ родѣ признанія, не есть доказательство и не можетъ быть серьезно принимаемо въ соображеніе, если оно отвергается подсудимымъ и осужденнымъ.

Существуютъ только два человѣка, которые достовѣрно знаютъ истину въ этомъ темномъ и запутанномъ дѣлѣ, — военные агенты, ведшіе о немъ переписку и давно уже прямо названные французскими газетами, гг. Шварцкоппенъ и Паницарди. Оба они молчатъ, и ихъ молчаніе равносильно обвинительному приговору надъ Дрейфусомъ. Правительства Германіи и Италіи заявили оффиціально, что ихъ военно-дипломатическіе органы не имѣли никакихъ сношеній съ осужденнымъ офицеромъ; но тутъ необходимо было публичное, откровенное заявленіе непосредственно замѣшанныхъ въ дѣло лицъ, гг. Шварцкоппена и Паницарди, — заявленіе ихъ не какъ чиновниковъ, а какъ джентльменовъ, могущихъ сказать дѣйствительную правду и успокоить своими словами взволнованную общественную совѣсть. Если эти лица стѣснены своимъ служебнымъ положеніемъ и сохраняютъ тайну дѣла Дрейфуса по долгу службы, то легко себѣ представить происходящую въ нихъ душевную борьбу; но нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что они способны были бы сознательно, изъ-за какихъ бы то ни было интересовъ, воздерживаться отъ вмѣшательства, которое могло бы спасти невиннаго отъ незаслуженной гибели. Это единственный доводъ, говорящій противъ Дрейфуса,—доводъ молчаливый, но краснорѣчивый, не затронутый ни Кавеньякомъ, ни рукоплескавшими ему патріотами.

Кавеньякъ высказалъ свое твердое личное убѣжденіе, и оно изумительнымъ образомъ подѣйствовало на палату. Однако ни онъ, ни палата не рѣшили дѣла Дрейфуса; имъ вовсе и не принадлежитъ судебная власть, подтверждающая или провѣряющая произнесенные су-

домъ приговоры, и вопросъ не только не устраненъ, но вступилъ въ новый, болѣе трудный и сложный фазисъ. Министръ ссылался на документы, которые не были на разсмотрѣніи военнаго суда или по крайней мѣрѣ не были предъявлены обвиняемому и его защитнику. Судъ руководствовался лишь пресловутымъ „bordereau", о которомъ Кавеньякъ не сказалъ ни слова. Если эта записка считается теперь сомнительнымъ или недостаточнымъ доказательствомъ, въ виду возможнаго составленія ея другимъ офицеромъ, Эстергази, и если взамѣнъ приводятся уже другія данныя, то какъ избѣгнуть законнаго пересмотра процесса? Мы вообще не понимаемъ, почему этотъ пересмотръ возбуждаетъ такіе горячіе патріотическіе протесты и въ чемъ можетъ заключаться великая опасность, угрожаемая имъ Франціи и ея арміи. Намъ непонятно съ другой стороны и увлеченіе тѣхъ, которые возводятъ этотъ пересмотръ на степень великой государственной задачи и заранѣе провозглашаютъ невинность Дрейфуса въ видѣ безспорнаго догмата, отрицаемаго будто бы только недобросовѣстными людьми. Непостижимо также, почему требованіе пересмотра, исходящее отъ многихъ весьма извѣстныхъ и независимыхъ общественныхъ дѣятелей, сенаторовъ, писателей и ученыхъ, упорно приписывается какому-то темному синдикату, какой-то небывалой измѣнической партіи „дрейфуссаровъ", и почему эту явную нелѣпость повторяютъ у насъ нѣкоторыя изъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ газетъ. Намъ неизвѣстны причины, побудившія значительнѣйшую часть французскаго общества и французской печати усмотрѣть въ рѣчи Кавеньяка окончательное разрѣшеніе и устраненіе тягостныхъ вопросовъ и сомнѣній, связанныхъ съ дѣломъ Дрейфуса.

Правительственныя мѣры, принимаемыя для закрѣпленія блестящей побѣды новаго военнаго министра, столь же загадочны, какъ и ликованія, вызванныя его рѣчью. Полковникъ Пикаръ, уволенный въ отставку за свое участіе въ возбужденіи агитаціи по дѣлу Дрейфуса, обратился къ президенту совѣта министровъ, Бриссону, съ письмомъ, въ которомъ выражалъ готовность доказать, что изъ трехъ документовъ, прочитанныхъ Кавеньякомъ въ парламентѣ, два не относятся къ Дрейфусу, а третій—поддѣланъ. Такъ какъ Пикаръ стоялъ во главѣ спеціальнаго развѣдочнаго бюро военнаго министерства, то его предложеніе могло бы, вѣроятно, способствовать разъясненію истины; возможно также, что его обращеніе не соотвѣтствовало его званію офицера и должно было вызвать противъ него дисциплинарную кару,—но правительство поступило съ нимъ совершенно неожиданно: оно подвергло его аресту и суду по обвиненію въ шпіонствѣ, въ виду того, что онъ совѣщался въ своей канцеляріи съ адвокатомъ Леблуа о дѣлахъ своего вѣдомства и даже давалъ ему на домъ нѣкоторыя письма

и документы. Неправильныя служебныя дѣйствія, за которыя онъ уже наказанъ отставкою, подведены теперь подъ законъ о шпіонствѣ и государственной измѣнѣ,—какъ будто нарушеніе канцелярской тайны въ пользу парижскаго адвоката грозило опасностью для отечества, подобно передачѣ секретныхъ свѣдѣній иностранному военному агенту. Все это дѣла, не обѣщающія долгаго и прочнаго успѣха „радикальному“ министерству.

Къ разряду чисто-французскихъ дѣлъ, мало понятныхъ иностранцамъ, должны быть причислены и шумныя попытки Эмиля Золя доказать невинность Дрейфуса путемъ энергическихъ обвиненій и нападокъ противъ генеральнаго штаба, военныхъ судей, министровъ и солидарныхъ съ ними депутатовъ. Золя написалъ Бриссону длинное и рѣзкое посланіе, въ которомъ уличаетъ его въ измѣнѣ интересамъ правосудія и предсказываетъ ему неудачу на будущихъ президентскихъ выборахъ,—ибо президентомъ республики будетъ только тотъ, кто выскажется за пересмотръ процесса Дрейфуса. Дѣло самого Золя по обвиненію въ оклеветаніи военныхъ судей разсматривалось въ третій разъ 18-го іюля, въ Версали, и разрѣшено заочно, послѣ отказа суда исполнить требованіе подсудимаго и его защитника относительно расширенія узкихъ рамокъ, установленныхъ для разбирательства жалобъ частныхъ обвинителей. Приговоренный къ тюрьмѣ на одинъ годъ и къ уплатѣ денежнаго штрафа, Золя выѣхалъ изъ предѣловъ Франціи, въ ожиданіи лучшихъ временъ, болѣе благопріятныхъ для свободнаго судебнаго разсмотрѣнія данныхъ по дѣлу Дрейфуса.

Князь Бисмаркъ, о болѣзни котораго въ послѣднее время все чаще сообщали нѣмецкія газеты, скончался 30-го (18) іюля, на 84 году жизни. Проживая вдали отъ дѣлъ и отъ свѣта, въ своемъ имѣніи Фридрихсруэ, устроитель новой прусско-германской имперіи не наслаждался тѣмъ душевнымъ покоемъ, который выпалъ на долю другого могучаго старца, недавно умершаго Гладстона. Бисмаркъ игралъ такую выдающуюся и часто рѣшающую боевую роль въ политическихъ судьбахъ Европы за вторую половину XIX вѣка, что подвести итоги его дѣятельности съ надлежащею полнотою и безпристрастіемъ остается еще задачею будущаго.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Сборникъ учено-литературнаго Общества при Импер. юрьевскомъ университетѣ. Томъ I. Юрьевъ, 1898.

За послѣднее время въ нашихъ университетахъ размножаются ученыя общества, особливо въ кругу филологическихъ наукъ, и съ прошлаго года основалось учено-литературное Общество въ Юрьевѣ, бывшемъ Дерптѣ. Утвержденное министромъ просвѣщенія въ мартѣ 1897, Общество собралось въ первый разъ въ апрѣлѣ 1898 и организовало свой составъ и управленіе. Въ вышедшей теперь книгѣ мы имѣемъ начало его ученыхъ работъ.

Книга открывается статьей г. Красножена, профессора церковнаго права въ юрьевскомъ университетѣ: „Происхожденіе старокатоличества и IV интернаціональный старокатолическій конгрессъ въ Вѣнѣ", съ приложеніемъ матеріаловъ, относящихся къ вопросу о соединеніи старокатоликовъ съ православными. Авторъ былъ участникомъ съѣзда и разсказываетъ о происходившемъ, предпославъ этому свѣдѣнія о возникновеніи старокатоличества и его нынѣшней организаціи. Источникомъ „старокатоличества" было давно копившееся недовольство многихъ ученыхъ католическихъ богослововъ новѣйшими мѣропріятіями римскаго первосвященника, который установлялъ новые догматы и поручилъ католическому собору установить за самимъ папой божественное свойство непогрѣшимости. Въ 1854, папа Пій IX провозгласилъ догматъ о непорочномъ зачатіи Богородицы, а въ 1870 ватиканскій соборъ, большинствомъ голосовъ (около 150 изъ членовъ собора были противъ), установилъ папскую непогрѣшимость. Мѣра католическаго терпѣнія переполнилась.

„Когда,—говоритъ авторъ, — большинствомъ членовъ собора догматъ папской непогрѣшимости былъ принятъ, католическіе епископы въ своихъ церквахъ стали требовать отъ духовныхъ лицъ и всѣхъ ка-

толиковъ его исповѣданія. Тогда-то лучшіе люди католической интеллигенціи, знаменитѣйшіе католическіе германскіе ученые—богословы, канонисты и церковные историки, какъ, напр., Дёллингеръ, Фридрихъ, Губеръ, Лангенъ, Рейнкенсъ, Михелисъ и др., сочли долгомъ совѣсти заявить открыто, что они не могутъ далѣе подчиняться римской церкви, что они желаютъ возстановить истинную католическую церковь, старую, ту, какою она была въ періодъ древнихъ вселенскихъ соборовъ, до раздѣленія христіанъ западныхъ отъ восточныхъ. Такъ возникло старокатоличество"...

Эти первыя заявленія нѣмецкихъ „старокатоликовъ" встрѣтили сочувствіе среди многихъ католиковъ въ другихъ странахъ, именно въ Швейцаріи, Голландіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Англіи и Сѣверной Америкѣ. Германскіе старокатолики прежде всего успѣли организоваться, благодаря въ особенности тому, что въ это самое время Бисмаркъ началъ свою „культурную борьбу" съ Римомъ и нѣмецкими ультрамонтанами: старокатолики успѣли пріобрѣсти оффиціальное признаніе своихъ общинъ, своихъ епископовъ, назначенія жалованья своему духовенству. Вмѣстѣ съ тѣмъ они предприняли работы для опредѣленія своихъ церковныхъ отношеній, и особливо отношеній къ восточной церкви, въ частности къ церкви русской; они желали вызвать изученіе вопроса учеными богословами обѣихъ сторонъ, — и вопросъ дѣйствительно возбудилъ большой интересъ у богослововъ греческихъ, русскихъ, сербскихъ и румынскихъ. Съ этою цѣлью старокатолики устроили нѣсколько съѣздовъ, а именно, въ 1874, 1875, 1890, 1892, 1894 и наконецъ въ 1897, въ Боннѣ (первые два), Кёльнѣ, Люцернѣ, Роттердамѣ и Вѣнѣ, въ которыхъ приняли участіе и православные богословы, между прочимъ русскія духовныя лица. При св. синодѣ назначена была въ 1892 коммиссія, для изслѣдованія вопроса единенія, и выработала условія, которыя могли бы быть положены въ основу переговоровъ съ старокатоликами, желающими общенія съ восточною православною церковью. Коммиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ Антонія, арх. финляндскаго, исполнила эту задачу въ маѣ 1893.

На старокатолическомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ съ русской стороны приняли участіе протопресвитеръ Янышевъ, давно заинтересованный этимъ вопросомъ, и затѣмъ настоятели и члены причтовъ нашихъ посольскихъ церквей въ Берлинѣ, Буда-Пештѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ и Карлсруэ, и нѣсколько свѣтскихъ лицъ, а именно: г-жа О. А. Новикова, генералъ А. А. Кирѣевъ, редакторъ „Русскаго Паломника" г. Поповицкій, проф. Красноженъ и доцентъ казанской дух. академіи Керенскій.

Возникновеніе старокатоличества вообще, и въ частности теоретическія соображенія о возможности единенія или по крайней мѣрѣ сближенія церквей, составляютъ, безъ сомнѣнія, фактъ высокаго интереса.

Можно даже удивляться, что подобное движеніе не возникло раньше—потому что источникъ протеста противъ папскаго католичества заключается у старокатоликовъ не только въ упомянутыхъ новыхъ догматахъ 1854 и 1870 годовъ (они были только послѣднимъ поводомъ), но и въ рядѣ другихъ догматическихъ и каноническихъ положеній римской церкви, которыя давно существовали и только теперь также вспомнились—и опровергались. Старокатоличество является продолженіемъ тѣхъ протестовъ, какіе вызывала римская церковь противъ своихъ ученій и дѣйствій еще отъ среднихъ вѣковъ, потомъ въ эпоху реформаціи и выдѣленія національныхъ церквей. Старокатоличество желаетъ остаться на церковной католической почвѣ, но на почвѣ неискаженнаго преданія,—и отсюда обращеніе его къ церкви восточной, гдѣ оно находило это преданіе догматическое и каноническое, болѣе сохраннымъ.

Къ какимъ результатамъ можетъ привести вообще старокатолическое движеніе и въ частности возникшій интересъ къ общенію съ восточною церковью, конечно, сказать трудно, даже невозможно. Извѣстный результатъ, впрочемъ, пріобрѣтается: бывшіе католики, нынѣ старокатолики, поставивъ себѣ вопросъ о древнемъ церковномъ преданіи, нашли въ себѣ гораздо больше спокойствія и безпристрастія къ той восточной церкви, которая для прежнихъ истыхъ католиковъ, въ качествѣ „схизмы“, составляла и составляетъ предметъ величайшей ненависти. Сличая западное и восточное церковное преданіе, ученые богословы старокатоличества не могли не увидѣть, что восточное преданіе во многихъ случаяхъ дѣйствительно хранитъ гораздо вѣрнѣе церковную старину и потому должно представлять для нихъ много сочувственнаго. Предпринявъ изслѣдованіе того „новаго католицизма“, который эти ученые богословы отвергли послѣ 1870 года, они должны были осудить въ немъ не только его новыя догматическія изобрѣтенія, но также и тѣ старые догматы и каноническія положенія, какія давно осуждала церковь восточная, напр., извѣстную прибавку въ символѣ вѣры: „и отъ сына“ (filioque). Уже это одно могло доставить важные пункты сближенія съ ученіями восточной церкви; прибавились и другіе—именно болѣе безпристрастная, а потому и болѣе справедливая оцѣнка историческихъ явленій, какъ, напримѣръ, дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія, вопроса о національныхъ церквахъ, опредѣленія церковной роли Гуса. На эти послѣднія темы говорилось между прочимъ и на вѣнскомъ съѣздѣ 1897 года (авторъ статьи, къ сожалѣнію, не указываетъ были ли эти ораторы, напр., Милошъ Чехъ, славяне или уже нѣмцы). Дальнѣйшая разработка подобныхъ вопросовъ можетъ создать почти небывалое до сихъ поръ въ западной богословской литературѣ согласіе, напр., нѣмецкихъ ученыхъ съ славянскими, въ томъ числѣ русскими, и особливо славянофильскими историками.

Это—безъ сомнѣнія большое пріобрѣтеніе въ научно-богословскомъ отношеніи; но, какъ мы сказали, очень трудно загадывать, насколько это возникающее взаимное пониманіе можетъ распространиться на жизнь церковную, на „единеніе церквей". На это единеніе возлагаются большія надежды, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ лицъ, заинтересованныхъ дальнѣйшими судьбами старокатоличества. Но дѣло въ томъ, что такія широкія явленія, какъ возможность дѣйствительнаго единенія, создаются не на одной почвѣ кабинетно-ученаго богословія. Историки церкви, и восточные и западные, одинаково признаютъ, что самое образованіе церквей восточной и западной въ средніе вѣка было обусловлено историческимъ положеніемъ и національными характерами. Эти условія остаются и до сихъ поръ. Западное старокатоличество и восточное православіе могутъ взаимно приближаться на теоретической почвѣ, но ихъ дѣлитъ теперь, и вѣроятно будетъ еще долго дѣлить, различіе историческаго преданія и различіе политическаго положенія, просвѣщенія и нравовъ. При сходствѣ общихъ теоретическихъ понятій, западный старокатоликъ и восточный православный стоятъ въ совершенно различномъ положеніи по гражданскимъ нравамъ и по степени просвѣщенія: при этомъ различіи практическое единеніе едва-ли достижимо—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнута нѣкоторая возможность общаго уровня въ этихъ отношеніяхъ. Сами дѣятели конгресса, со старокатолической стороны, видимо понимали единеніе весьма условно, не забывая своей особности. Администраторъ вѣнскихъ старокатоликовъ, первый привѣтствуя собравшихся, говорилъ: „наше мирное дѣло состоитъ все въ болѣе и болѣе тѣсномъ сближеніи восточной и западной церквей *не на невозможномъ базисѣ* подчиненія всѣхъ подъ догмы и формулы одной церкви, но на основаніи свободнаго утвержденія въ существенномъ ученіи вселенской церкви, на каѳолическомъ основаніи дѣятельности въ духѣ христіанской истины и любви... Не ненависть и нетерпимость—нашъ мечъ, но любовь и истина".

Самая обширная статья сборника принадлежитъ г. Будиловичу и представляетъ: „Нѣсколько замѣчаній о научной постановкѣ славянской исторіи, ея объемѣ, содержаніи и періодахъ". Авторъ съ недоумѣніемъ и сожалѣніемъ говоритъ о томъ, что на вопросъ о возможности славянской исторіи, какъ самостоятельной науки, „многіе ученые донынѣ даютъ отвѣтъ отрицательный, ссылаясь на то, что со времени своего выступленія на историческое поприще славяне развивались во взаимномъ отчужденіи, подчиняясь одни вліяніямъ византійскаго юга, другіе—романо-германскаго запада, третьи—тюркскаго востока, а слѣдовательно не составляютъ одного историческаго организма и должны быть изучаемы или по отдѣльнымъ группамъ, или

даже въ составѣ другихъ культурныхъ организмовъ, напр., юго-славяне въ составѣ исторіи византійской, венеціанской, турецкой; славяне западные—въ составѣ исторіи романо-германской, главнымъ образомъ въ исторіи священной римской имперіи нѣмецкой націи и т. п." Авторъ въ этихъ первыхъ строкахъ уже немного преувеличилъ. Исторія отдѣльныхъ славянскихъ племенъ издавна установлена. Не говоря о русской или польской исторіи, еще съ конца восемнадцатаго вѣка писались исторіи западныхъ и южныхъ славянскихъ племенъ (даже Ранке писалъ исторію Сербіи), и никто не думаетъ искать исторію Чехіи въ исторіи священной римской имперіи, Болгаріи или Сербіи—въ исторіи имперіи турецкой, хотя въ извѣстные періоды и въ извѣстныхъ отношеніяхъ относительно судьбы этихъ племенъ надо дѣлать справки въ исторіи Турціи или нѣмецкой имперіи, въ составъ которыхъ они нѣкогда входили. Словомъ, исторія отдѣльныхъ славянскихъ племенъ существуетъ въ наукѣ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ были начаты первыя научныя изслѣдованія. Но авторъ не удовлетворяется этой постановкой славянской исторіи въ видѣ отдѣльныхъ трактатовъ или „механическимъ сброшюрованіемъ монографій" и считаетъ необходимой „цѣльную сравнительную обработку" судебъ славянскаго племени по его политической исторіи, литературѣ, языку, праву и т. д. Эта цѣльная обработка, конечно, гораздо труднѣе монографическихъ изученій, но, говоритъ авторъ, при рѣшеніи вопроса о возможности этого цѣльнаго изученія славянской исторіи мы должны руководиться не большею или меньшею трудностью задачи, а самой сущностью дѣла, именно рѣшеніемъ главнаго вопроса: представляетъ ли славянство только *племенное* цѣлое (и тогда достаточно монографическихъ изученій), или оно представляетъ также *культурно-историческое* цѣлое (и тогда необходима эта цѣльная обработка). „Есть ли славянство—историческій организмъ, всѣ части котораго связаны общностью не только происхожденія, но и историческихъ задачъ и цѣлей, единствомъ, наконецъ, управляющихъ ими законовъ развитія? Если такое единство существуетъ, то въ немъ, безспорно, заключается вполнѣ законный предметъ для историческаго изученія и изображенія, какъ ни трудно можетъ быть на первый разъ такое изображеніе. Особая наука объ историческихъ судьбахъ славянства будетъ въ такомъ случаѣ не только возможна, но и необходима въ такой же мѣрѣ, какъ, напр., наука объ историческихъ судьбахъ міра китайскаго, индійскаго, иранскаго, греческаго, римскаго, т.-е. исторія китайская, индійская, греческая и т. д."

Собственная мысль автора заключается въ томъ, что славянство составляетъ единый историческій организмъ, хотя очень сложный и расчлененный, и слѣдовательно цѣльная культурно-историческая на-

ука о славянствѣ возможна; но авторъ опять не могъ удержаться отъ преувеличеній, и онѣ могутъ повредить въ глазахъ читателя убѣдительности его аргументовъ. Міръ славянскій, если бы наукѣ удалось раскрыть его культурно-историческое единство и значеніе, до современнаго пункта своей исторіи не былъ такимъ явленіемъ, которое можно было бы сопоставить съ міромъ „китайскимъ", „греческимъ", „римскимъ" и т. д. Китай создалъ не только громадное государство, но и культуру (какова бы она, конечно, ни была), которая распространилась на чрезвычайно обширную территорію и на сотни милліоновъ китайскаго и не-китайскаго населенія. Греція не создала сама обширнаго государства, но имперія Александра Македонскаго распространяла греческую культуру и та же культура черезъ посредство римскихъ завоеваній стала надолго основою просвѣщенія въ античномъ мірѣ. Въ силу этой высокой культуры греческій языкъ сталъ языкомъ новой религіи, возникшей на семитской почвѣ, и преданіе греческой науки отразилось въ утонченной догматикѣ первыхъ вѣковъ христіанства и донынѣ устанавливающей церковную жизнь христіанскихъ народовъ. Римъ не только создалъ самое могущественное государство древняго міра, но и былъ источникомъ чрезвычайно обширнаго культурнаго вліянія, отголоски котораго достигаютъ въ видѣ римскаго права до современныхъ европейскихъ обществъ. „Всемірное" въ свое время господство Рима послѣ его политическаго паденія продолжало жить, съ одной стороны, въ средневѣковой „римской" имперіи, а главное, дало основу для той фикціи всемірнаго господства, какою жилъ нѣкогда, и до сихъ поръ себя обманываетъ, католицизмъ. Было ли что-либо подобное въ политической и культурной исторіи славянства? До сихъ поръ ничего подобнаго не было.

Далѣе, авторъ собираетъ доказательства въ защиту того, что славянство есть единый историческій организмъ. Прежде всего онъ, конечно, указываетъ на единство славянскихъ племенъ по языку, происходящему изъ одного древняго источника, „а такъ какъ въ языкѣ отражаются не только анатомофизіологическія, но и народопсихологическія основы жизни личной и собирательной, въ частности же вся познавательная дѣятельность человѣка и народа, то понятно, что по единству славянскаго языка можно заключать объ единствѣ этихъ основъ и этой дѣятельности, которая тѣсно связана съ наукой и поэзіей, слѣдовательно, составляетъ чуть ли не главную струю въ культурномъ оборотѣ народовъ". На эти теоретическія соображенія исторія замѣчаетъ, что, несмотря на эту „главную струю въ культурномъ оборотѣ", въ дѣйствительности единство языка создало только временную общность церковной письменности въ нѣкоторыхъ племе-

нахъ, но не создало культурной общности въ цѣломъ славянствѣ и не помѣшало двумъ наиболѣе многочисленнымъ вѣтвямъ племени быть въ теченіе всего историческаго тысячелѣтія ожесточенными врагами въ жизни религіозной, политической и общественной, и почти совершенно чуждыми въ жизни литературной.

Послѣ языка, вторую основу единства г. Будиловичъ указываетъ въ „общей византійской школѣ, которую славяне прошли то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ въ начальные вѣка своей культурной исторіи". Чтобы найти эту общую византійскую школу, автору пришлось опять обращаться къ древнимъ вѣкамъ (эпоха введенія христіанства), когда „могучій потокъ грекославянской образованности охватилъ и западныя области нашего племени: Угрію и Хорватію, Чехію и Польшу". Потокъ, однако, не былъ такъ могучъ, потому что и въ Угріи, и въ Чехіи, и въ Польшѣ восточное христіанство не удержалось и вскорѣ было замѣнено латинскимъ; и въ самомъ православномъ славянствѣ, южномъ и русскомъ, византійская школа простерлась только на созданіе церковной, особливо переводной, письменности, но совсѣмъ не принесла греческой образованности, которая, напротивъ, въ эпоху Возрожденія переселилась, вмѣстѣ съ хранившимися въ ней античными преданіями, именно на западъ Европы. Общая византійская школа опять не помѣшала упомянутой враждѣ главнѣйшихъ славянскихъ племенъ и вообще раздѣленію славянскаго міра на два лагеря, восточный и западный, православный и католическій. Авторъ замѣчаетъ, что потокъ грекославянской образованности, хотя и былъ въ западномъ славянствѣ „значительно ослабленъ вліяніями латино-нѣмецкими, однако не стертъ ими въ конецъ",—а именно отраженія его авторъ видитъ въ гуситствѣ, а также считаетъ его однимъ изъ двигателей новѣйшаго славянскаго возрожденія. Но въ самомъ гуситствѣ, кромѣ предполагаемыхъ воспоминаній о древней славянской церкви, дѣйствовали и другіе мотивы, и орудія богословской борьбы даны были не византійской, а латинской ученостью. Что касается новѣйшаго славянскаго возрожденія, его основа дана была не византійскими воспоминаніями, а новѣйшимъ европейскимъ движеніемъ съ конца XVIII вѣка.

Далѣе, авторъ указываетъ „историческое взаимодѣйствіе" между отдѣльными славянскими народами, которое „выражается прежде всего въ общности многихъ ихъ движеній, предпріятій, подвиговъ", и „независимо отъ прямыхъ сношеній между отдѣльными вѣтвями славянства, можно замѣтить внутреннюю связь ихъ судьбы въ племенной борьбѣ съ завоевательными стремленіями то европейскаго Запада, то азіатскаго Востока" (стр. 92, 94). И авторъ опять долженъ удаляться для доказательствъ въ средневѣковую древность, гдѣ, однако, „общіе

подвиги" бывали всего чаще результатомъ частныхъ и временныхъ условій, а не систематическимъ и сознательнымъ дѣйствіемъ въ смыслѣ какого-либо славянскаго начала. Такова была въ сущности и та великая борьба противъ германизма на западѣ и противъ азіатской орды на востокѣ, что авторъ считаетъ спеціальнымъ историческимъ назначеніемъ и заслугой славянства: и здѣсь опять происходила въ дѣйствительности борьба разрозненная, у каждаго племени своими силами и на свой страхъ, въ виду прямого нападенія, и всего чаще безъ какого-либо участія другихъ племенъ. Такъ никакое славянское племя не помогло древней Руси въ страшную эпоху татарскаго нашествія, отъ котораго потомъ, черезъ два съ половиною вѣка, она отбилась опять только собственными силами. Такъ погибали царства южнославянскія подъ нашествіемъ турецкимъ... Если въ новѣйшее время мы видѣли факты славянской солидарности въ освобожденіи Сербіи и Болгаріи русскою помощью, то извѣстно, что въ первомъ случаѣ не послѣдовало какого-либо особаго сближенія сербовъ съ началами русской жизни,—напротивъ, Сербія подпадала нѣмецкимъ, именно австрійскимъ, вліяніямъ, которыя, конечно, не останутся безъ своего нежелательнаго результата; во второмъ случаѣ мы были свидѣтелями довольно безсмысленнаго взрыва ненависти болгаръ противъ русскаго народа; конецъ освободительной войны разрѣшился такъ называемой оккупаціей Босніи и Герцоговины, что, по всей вѣроятности, будетъ означать полное присоединеніе ихъ къ австрійской имперіи съ новымъ расширеніемъ германизма и католичества.

Было бы долго останавливаться на всѣхъ подробностяхъ аргументаціи автора. Общій тонъ ея виденъ изъ приведенныхъ примѣровъ. Сдѣлаемъ еще двѣ-три цитаты.

По объясненію автора, напоръ запада на Россію въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкѣ „не мало облегченъ былъ латино-нѣмецкимъ воспитаніемъ и направленіемъ высшаго польскаго, а позже—и русскаго общества, которое *вслѣдствіе того* не только въ смутахъ *самозванчества*, но и позже, при Биронѣ, Чарторыжскомъ, Нессельроде и т. д., не мало послужило цѣлямъ и Рима, и Германіи, вообще —латино-нѣмецкаго запада". Оригинально сопоставленіе съ Бирономъ Нессельроде: если первый былъ дикимъ созданіемъ нашего восемнадцатаго вѣка, то второй вовсе не былъ какимъ-нибудь конюхомъ, попавшимъ въ фавориты, а былъ министромъ россійскаго императора, который нисколько не уступалъ ни ему и никому своего самодержавія и у котораго Нессельроде былъ такимъ же подчиненнымъ и подданнымъ, какъ всѣ другіе чиновники. Наконецъ, „русское общество" при Биронѣ, какъ и при Нессельроде, не имѣло вліянія на ходъ политическихъ событій.

По мнѣнію автора, признанію исторической солидарности *всѣхъ* вѣтвей славянскаго племени „вовсе не противорѣчатъ факты нерѣдкихъ раздоровъ и междоусобій въ ихъ средѣ, напримѣръ, вѣковыхъ антагонизмовъ между болгарами и сербами, сербами и хорватами, чехами и поляками, поляками и поморянами, особенно—поляками и русскими; *подобно тому*, какъ взаимные антагонизмы итальянцевъ и французовъ, французовъ и англичанъ, пруссаковъ и австрійцевъ, шведовъ и норвежцевъ и т. п. не исключаютъ культурной близости всѣхъ этихъ народовъ". Сопоставленіе совершенно неправильное: напр., между поляками, чехами, сербами, болгарами и т. д. и русскими вовсе не бывало такой культурной близости, которая у западныхъ народовъ достигнута была ихъ историческимъ развитіемъ еще съ среднихъ вѣковъ, независимо другъ отъ друга, но на общихъ основахъ просвѣщенія, политическаго развитія и культурнаго труда: они стояли на общей почвѣ до своихъ раздоровъ и послѣ нихъ; у насъ, напр. съ поляками, до и послѣ почва была различная.

Авторъ признаетъ, что западныя вѣтви славянства „довольно сильно пропитались идеями и формами западной жизни"; но онъ думаетъ, что это — вторичная прививка, которая, по его мнѣнію, должна уступить нѣкогда первичной прививкѣ—византійской. На это послѣднее онъ надѣется тѣмъ болѣе, что „образованность западная налегла болѣе или менѣе плотнымъ слоемъ лишь на верхи западнаго славянства, мало, иногда и вовсе не коснувшись народныхъ массъ, напр., на Словачинѣ, въ горахъ Словеніи, во внутренней Далмаціи, отчасти и въ глухихъ закоулкахъ чешской и польской народной области",—другими словами, западная образованность не коснулась такихъ глухихъ закоулковъ, въ которыхъ нѣтъ и никакой образованности и которые, слѣдовательно, остаются въ культурномъ отношеніи совершенно непроизводительными.

Авторъ полагаетъ, что славянскій міръ только „для поверхностнаго наблюдателя" представляется разбитымъ на двѣ части, восточно-христіанскую и западно-христіанскую; самъ онъ полагаетъ, напротивъ, что этотъ разрывъ „не оказывается столь глубокимъ, не прошелъ еще сверху донизу, а слѣдовательно, не можетъ считаться неодолимымъ препятствіемъ для возстановленія ихъ древняго культурнаго единства",—но мы упоминали, что это древнее „культурное единство" есть частію (гдѣ были дѣйствительно нѣкоторые его признаки) давно пережитый археологическій фактъ, частію ученая фантазія.

По мнѣнію автора, послѣднее время въ особенности указываетъ широкое развитіе славянской идеи. Такова была послѣдняя русско-турецкая война. Результаты ея не уничтожены ни ошибками дипломатіи, ни ошибками самихъ славянскихъ народовъ (сербовъ и бол-

гаръ); напротивъ, эти результаты „продолжаютъ развертываться все дальше и шире, соприкасаясь незримыми нитями съ вопросами армянскимъ (?), греческимъ, египетскимъ, — словомъ, со всѣми развѣтвленіями великаго восточнаго вопроса". Главной помѣхой къ настоящему блистательному развитію восточнаго вопроса являются несчастные западники. „Сущность восточнаго вопроса,—говоритъ авторъ,—и заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ осуществленіи духовной самобытности греко-славянскаго міра, оспариваемой издревле западными теоретиками и политиками, а съ ихъ голоса—и нашими западниками, столь еще многочисленными въ интеллигентныхъ кругахъ не только польскаго, чешскаго, словинскаго, хорватскаго, но и сербскаго, болгарскаго, а главнымъ образомъ—русскаго славянства. Этимъ западническимъ недомыслiемъ и объясняются, главнымъ образомъ, все возростающіе успѣхи на греко-славянской почвѣ разныхъ заносныхъ плевеловъ, въ родѣ наступательнаго германизма, итальянизма, мадьяризма, юдаизма и т. п., которые ослабляютъ организмъ не только западныхъ вѣтвей нашего племени, но и южныхъ и даже восточныхъ, облегчая экономическую ихъ эксплуатацію и духовное закрѣпощеніе". Какимъ образомъ происходитъ все это, напр., между прочимъ могущественное развитіе политическихъ и культурныхъ силъ Германіи, только „по недомыслію западниковъ"—невозможно понять.

Какъ видимъ, автору мечтается грандіозная картина цѣлаго славянскаго міра, съ его особой цивилизаціей на греко-славянской основѣ, совершенно независимой отъ цивилизаціи романской и германской. Ему мечтается не только племенное, но и культурное единство и такъ какъ, въ данную минуту, еще мало матеріала для постройки этого идеальнаго зданія, авторъ направляетъ свои гипотезы въ древность или въ нетронутые никакой образованностью закоулки славянскихъ племенъ,—гдѣ притомъ не оказывается никакихъ западниковъ. Удивительно, что въ его историческихъ и теоретическихъ соображеніяхъ нѣтъ мысли о томъ, что такія вещи, какъ „германизмъ", „западная цивилизація" и т. п., составляютъ такія могущественныя явленія, которыя вмѣшиваются въ исторію вовсе не по одной недогадливости западниковъ, а прежде всего именно въ силу своего политическо-матеріальнаго авторитета и культурнаго труда. Славянскій міръ, въ томъ грандіозномъ объемѣ, какого ожидаетъ для него авторъ, долженъ, конечно, развиваться во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ—въ матеріальной политикѣ, промышленной культурѣ, въ реальной и философской наукѣ и т. д.; и если до сихъ поръ славянскій міръ испытывалъ насильственное или добровольно воспринимаемое и искомое вліяніе запада, то и впредь, какъ очевидно по современному положенію вещей, онъ встрѣтится и съ враждебной матеріальной силой запада, и съ

подавляющимъ превосходствомъ его промышленной культуры, и еще долго будетъ испытывать принудительную или притягательную силу его науки и общественности. Отъ этого не спасутъ никакія фантастическія теоріи и никакія ругательства противъ западниковъ.

Мы думаемъ даже, что эти теоріи и ругательства крайне вредны для самого дѣла славянскаго міра: они развиваютъ только самомнѣніе и исключительность и отвлекаютъ вниманіе отъ тѣхъ непосредственныхъ, насущныхъ, первостепенно важныхъ задачъ, которыя стоятъ передъ славянскимъ міромъ и, что особенно важно для насъ, передъ русскимъ обществомъ и народомъ... Не будемъ вдаваться въ указаніе этихъ задачъ, которыя мало-по-малу начинаютъ бросаться въ глаза даже умственно-лѣнивому русскому обществу. Укажемъ одно—то низменное состояніе культуры, въ которомъ признанъ одинъ изъ основныхъ источниковъ упадка земледѣльческаго и вообще промышленнаго хозяйства. Таковы хроническіе голода; такова идущая въ послѣднее время быстрыми шагами промышленная эксплуатація русской территоріи иностранцами. Послѣдняя народная перепись указываетъ въ нѣкоторыхъ, именно центральныхъ, пунктахъ Россіи упадокъ или прямо остановку въ приростѣ населенія, между прочимъ въ самой Москвѣ. На этихъ дняхъ мы читаемъ разсужденія русскаго экономиста о хищнической роли иностранныхъ капиталовъ на русской почвѣ,—за крайней неразвитостью капиталистовъ русскихъ. О примѣрахъ такой эксплуатаціи и нашей культурной безпомощности можно читать въ газетахъ каждый день. Эта эксплуатація русской территоріи иноземцами есть своего рода экономическое завоеваніе, которое пропущено нашимъ строителемъ славянскаго культурно-историческаго единства.

По какой-то иронической случайности вслѣдъ за статьей г. Будиловича помѣщена статья проф. Ясинскаго: „Содѣйствіе чеховъ успѣхамъ германизаціи на берегахъ Балтійскаго моря". Здѣсь изложено, по старымъ и особливо вновь добытымъ историческимъ даннымъ, какимъ образомъ, наперекоръ всѣмъ идеямъ объ особомъ культурномъ единствѣ славянства въ противуположность „германизму" и т. п., сами славяне содѣйствовали утвержденію нѣмецкаго господства на Балтійскомъ морѣ, въ земляхъ литовскаго и славянскаго племенъ,—господства, изъ котораго выросла потомъ, съ одной стороны, Пруссія, оказавшая впослѣдствіи такое дѣятельное участіе въ расчлененіи польскаго государства и въ обнѣмеченіи поляковъ въ старыхъ гнѣздахъ польскаго племени, въ Познани, а съ другой—нѣмецкое господство въ Остзейскомъ краѣ, противъ котораго направляются теперь столь ревностныя усилія обрусѣнія.

„Призваніемъ рыцарей Тевтонскаго Ордена въ области нижней Вислы былъ положенъ руками *польскаго* князя краеугольный камень

германизаціи Прибалтійскаго побережья", — читаемъ у г. Ясинскаго. Далѣе: „когда польская политика приняла чрезвычайно враждебное сосѣдямъ-нѣмцамъ направленіе, въ роли вѣрныхъ союзниковъ Ордена выступаютъ *чехи* и ихъ государи, много содѣйствовавшіе въ XIII — XIV вв. дѣлу германизаціи Прибалтійскаго побережья". „Въ *чешскомъ* государствѣ благочестивые люди по духовнымъ завѣщаніямъ отказывали Ордену земли и капиталы; кромѣ того, здѣсь же производились сборы пожертвованій. Такимъ образомъ (говоритъ самъ чешскій историкъ, проф. Ярославъ Голль, трудъ котораго передаетъ г. Ясинскій)— чешское оружіе и чешскія деньги содѣйствовали основанію новаго нѣмецкаго государства на берегахъ Балтійскаго моря". Когда Литва нанесла нѣмцамъ сильное пораженіе и ихъ преобладанію на Балтійскомъ побережьѣ, повидимому, наступалъ конецъ,—„и на этотъ разъ опасность предотвращена была, благодаря помощи западнаго христіанскаго міра и въ частности—*чеховъ*",—въ походъ пошелъ, вмѣстѣ съ нѣмецкими государями, самъ чешскій король, знаменитый Отакаръ II, съ огромнымъ войскомъ, собраннымъ въ Чехіи, Моравіи, Австріи и Штиріи. Преемники его также заботились о процвѣтаніи нѣмецкаго Ордена въ славянскихъ земляхъ. Въ послѣднихъ строкахъ статьи г. Ясинскій хочетъ извинить чеховъ въ этомъ содѣйствіи успѣхамъ германства. „Повидимому, чешскіе государи и народъ XIII—XIV вѣковъ смотрѣли на свои услуги Ордену, какъ на служеніе высокой христіанской идеѣ. Не ихъ, конечно, вина, если идея распространенія христіанства обратилась въ рукахъ практичныхъ нѣмцевъ въ политическое орудіе, при помощи котораго должна была восторжествовать нѣмецкая культура". Конечно, чехи и поляки, и ихъ государи, служили идеѣ своего вѣка, и это вовсе не была греко-славянская культурная идея.

Далѣе въ книжкѣ помѣщены еще статьи — г. Ясинскаго: Чешское свидѣтельство XIV вѣка о русскомъ металлическомъ производствѣ; г. Пѣтухова: Лужицкіе Сербы (Лужичане); г. Будиловича: О причинахъ гибели балтійскаго славянства; г. Пѣтухова: Эпиграмматическія, сатирическія и шуточныя стихотворенія М. В. Ломоносова; г. Данилевича: Пути сообщенія Полоцкой земли до конца XIV столѣтія; г. Богушевскаго: Нѣсколько мыслей о системѣ сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи; г. Бѣлявскаго: Рабочіе дома и дома трудолюбія.

— Журналы дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Повседневныя записки генеральнаго ея императорскаго величества дежурства. Сообщилъ Л. В. Евдокимовъ, дѣйств. членъ Археологическаго Института. Выпускъ 1-й—1745, 1748—1751 гг. Спб. 1898.

Въ предисловіи говорится, что время императрицы Елизаветы въ нашей исторической литературѣ „небогато изслѣдованіями, которыя всесторонне знакомили бы насъ съ характеромъ, привычками, занятіями и забавами императрицы, дворцовымъ обиходомъ, а также частностями общественной, городской (въ обѣихъ столицахъ) и военной жизни того времени". Поэтому издатель полагалъ, что будутъ любопытны напечатанные здѣсь журналы генералъ-адъютантовъ, „относящіеся до повседневнаго распорядка жизни и дѣятельности императрицы Елисаветы Петровны и отчасти великаго князя Петра Ѳеодоровича, великой княжны, а затѣмъ и великой княгини Екатерины Алексѣевны и великаго князя Павла Петровича". „Интересъ печатаемыхъ матеріаловъ заключается, между прочимъ, въ любопытныхъ и характерныхъ подробностяхъ, основанныхъ на правдивыхъ и достовѣрныхъ данныхъ. Излагаемые факты связаны съ именами множества лицъ и значительнаго числа отдѣльныхъ частей войскъ и разныхъ правительственныхъ установленій".

Быть можетъ, интересъ журналовъ нѣсколько преувеличенъ. Журналы велись генералъ-адъютантами понедѣльно и вообще весьма однообразны. Изъ недѣли въ недѣлю записываются однородныя распоряженія по дворцовому распорядку, по военнымъ карауламъ, для которыхъ подробно указываются мѣста, обозначаются пароли и лозунги; записываются обстоятельно всѣ выѣзды императрицы въ Петербургѣ къ разнымъ знатнымъ лицамъ, выѣзды на дачное пребываніе въ Царскомъ Селѣ, въ Петергофѣ и т. д., гдѣ опять подробно передаются распоряженія о караулахъ въ разныхъ частяхъ и комнатахъ дворца, въ верхнемъ и нижнемъ саду, о томъ, кого куда должно пускать или не пускать; когда при дворѣ бывалъ куртагъ или балъ; когда императрица бывала въ „оперномъ домѣ"; въ какомъ часу выѣхала или пріѣхала; когда выѣзжала на охоту и т. д. Для детальной исторіи придворной жизни эти журналы могутъ быть, безъ сомнѣнія, весьма цѣнны (какъ параллельные имъ „камеръ-фурьерскіе журналы", съ которыми, впрочемъ, встрѣчаются нѣкоторыя небольшія разнорѣчія), потому что записи идутъ день за день и вообще должны отличаться большою точностью; но всѣ эти записи даютъ только чисто внѣшніе факты. „Былъ куртагъ", но конечно нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, кто былъ на этомъ куртагѣ и что на немъ происходило; императрица бывала въ домахъ у знатныхъ лицъ, но нѣтъ никакого

указанія о томъ, по какому случаю это могло быть; въ „оперномъ домѣ“ давалась французская комедія, „траждія“, итальянская интермедія, но не приведено даже названія пьесъ и т. д. Однимъ словомъ, отмѣчаются только чисто внѣшнія подробности,—какъ и было естественно въ подобномъ служебномъ журналѣ,—но здѣсь нельзя искать какихъ-либо данныхъ о внутренней жизни двора.

При всемъ томъ и эти внѣшнія подробности бываютъ нерѣдко весьма характерны и любопытны. Дворцовая жизнь видимо еще далеко не выработалась: въ ней еще смѣшиваются новыя требованія придворнаго этикета и старинная простота нравовъ. Это было какъ бы богатое барское хозяйство въ широкихъ размѣрахъ, но гдѣ еще нуженъ личный надзоръ и распоряженіе. Императрица Елисавета, какъ видно изъ журналовъ, дѣлала сама множество распоряженій по такимъ дѣламъ, которыя повидимому могли исполняться и безъ ея личнаго вмѣшательства: гдѣ ставить часовыхъ и простыхъ сторожей, какъ надо пускать въ гардеробную служащихъ тамъ людей; какъ не надо пускать ходить черезъ дворецъ постороннихъ людей, какъ надо палить изъ пушки при захожденіи солнца; постоянно повторяется распоряженіе, напр., въ Петергофѣ—„въ проходныхъ сѣняхъ кромѣ простого народа и челобитчиковъ и въ сѣрыхъ кафтанахъ и бабъ простыхъ, всѣхъ пропускать“, или „смотрѣть, чтобы кромѣ комнатныхъ придворныхъ ея императорскаго величества никто не ходилъ и тѣ-бъ ходили тихо и никакого шуму не было“, и т. п.; когда бывали пріемы иностранныхъ пословъ, опять дается личный приказъ о томъ, какъ слѣдуетъ карауламъ отдавать имъ честь (обыкновенно по одному образцу); даже когда бывали экстренные случаи, когда до императрицы доходили свѣдѣнія о происшедшей дракѣ, она дѣлала распоряженія о томъ, чтобы дѣло было разслѣдовано и виновные наказаны.

Пріемы дворцоваго быта повидимому именно сохраняютъ отголоски старыхъ временъ царя Алексѣя Михайловича: ихъ преданіе было еще не такъ далеко; но къ нимъ присоединились и черты временъ Петра. Императрица Елисавета, какъ извѣстно, любила пышность. Въ журналахъ записываются въ каждый большой праздникъ, рожденіе и тезоименитство лицъ царской фамиліи, что происходитъ пушечная пальба, во-первыхъ, во время церковной службы и, во-вторыхъ, во время обѣденнаго стола. Пушечная пальба производилась во время переѣздовъ императрицы изъ лѣтняго въ зимній дворецъ. Когда, живя въ Москвѣ, императрица дѣлала „троицкій походъ“ (выраженіе XVII вѣка), т.-е. отправлялась въ Троицкую лавру, дѣлая этотъ путь пѣшкомъ (если часть пути она ѣхала въ экипажѣ, то пропущенный путь она послѣ наверстывала при другомъ случаѣ), то при каждой остановкѣ для обѣда или ночлега также производилась пальба изъ

пушекъ, которыя слѣдовали за царскимъ поѣздомъ. По тому же примѣру царя Алексѣя Михайловича она любила охоту и лѣтомъ нерѣдко выѣзжала изъ Петергофа съ многочисленной псовой охотой (журналы генералъ-адъютантовъ отмѣчаютъ богатое убранство этой охоты) или выѣзжала стрѣлять птицъ. Далѣе, она очень любила свадьбы. Въ журналахъ очень часто отмѣчается, что при дворѣ происходила свадьба (обыкновенно офицеры изъ гвардейскихъ полковъ и дѣвицы изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ фамилій), послѣ которой „кушали за пріуготовленными столами“; иногда императрица въ тотъ же день бывала на вечерѣ у новобрачныхъ или они на другой день у нея обѣдали. Съ 1750 года появляются записи, что при дворѣ исполнялись „кадетами“ русскія комедіи и трагедіи: извѣстно, что императрица Елисавета была очень заинтересована этимъ первымъ русскимъ театромъ.

Наконецъ, журналы любопытны и въ другомъ отношеніи, а именно тѣмъ матеріаломъ, какой они доставляютъ для исторіи и словаря русскаго языка въ XVIII столѣтіи. Журналы писали обычнымъ дѣловымъ военно-канцелярскимъ языкомъ, иногда довольно уродливымъ, но гдѣ дѣло касается простыхъ житейскихъ случаевъ, тамъ пробивается народная рѣчь и иногда характерныя архаическія подробности.

— Хива. „Зимній походъ въ Хиву Перовскаго“ въ 1839 году,—и „Первое посольство въ Хиву“, въ 1842 году. И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1898.

Книжка г. Захарьина составилась изъ двухъ статей, помѣщенныхъ авторомъ въ 1891 и въ 1894 году въ „Русскомъ Архивѣ“ и въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, но теперь исправленныхъ и дополненныхъ. Статьи приняты были въ свое время съ большимъ сочувствіемъ въ военныхъ кругахъ, и это побудило автора къ ихъ отдѣльному изданію. Авторъ сталъ историкомъ Хивинскаго похода по обстоятельствамъ, которыя дали ему возможность близко познакомиться съ исторіей похода по современнымъ документамъ и разсказамъ участниковъ и очевидцевъ. Съ немногими уцѣлѣвшими изъ нихъ авторъ встрѣтился въ Оренбургѣ, гдѣ провелъ 1889—1890 годы по дѣламъ службы. Между этими лицами онъ воспользовался въ особенности сообщеніями бывшаго военнаго топографа, теперь отставного подполковника Г. Н. Зеленина, который не только многое передавалъ ему устно, но и сообщилъ имѣвшіяся у него записки.

Въ свое время Хивинскій походъ, особливо когда онъ окончился такъ бѣдственно, составлялъ государственную тайну. Тогда и вообще считалось невозможнымъ допускать въ печати какія бы то ни было сообщенія о правительственныхъ мѣрахъ, и особливо о военныхъ дѣй-

ствіяхъ кромѣ того, что̀ давалось въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ самого правительства. Такимъ образомъ первыя извѣстія о Хивинскомъ походѣ появились въ литературѣ, въ частномъ ученомъ изданіи, только черезъ двадцать лѣтъ послѣ событій, т.-е. уже въ новое царствованіе, когда не было въ живыхъ и главнаго дѣятеля похода, генерала В. А. Перовскаго. Г. Захарьинъ припоминаетъ при этомъ, что даже въ семидесятыхъ годахъ, когда предпринимался новый походъ противъ Хивы, при Кауфманѣ, были приняты всѣ мѣры, чтобы извѣстія о походѣ доходили въ Петербургъ только оффиціальнымъ путемъ, и чтобы при отрядахъ не было корреспондентовъ. Но судьба—по крайней мѣрѣ во второй походъ—распорядилась иначе: въ отрядъ генерала Кауфмана, когда онъ достигъ уже рѣки Аму-Дарьи, прибылъ, преодолѣвъ всѣ дѣлаемыя ему препятствія, безстрашный и неутомимый англійскій путешественникъ—корреспондентъ Макъ-Гаханъ, который и описалъ затѣмъ Хивинскій походъ 1873 г. въ особо изданной имъ книгѣ (1874). Сочиненіе это было переведено въ 1875 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и имѣло огромный успѣхъ среди читающей публики, какъ талантливое и, главное, единственное описаніе столь рѣдкаго и замѣчательнаго въ лѣтописяхъ военной исторіи похода. Намъ, русскимъ людямъ, довелось, слѣдовательно, узнать всѣ подробности этого героическаго похода нашихъ войскъ въ глубь Азіи отъ иноземнаго корреспондента“.

Когда запрещеніе устранилось само собою, въ печати появилось нѣсколько воспоминаній и современныхъ писемъ о Хивинскомъ походѣ, между прочимъ нѣсколько писемъ самого Перовскаго; явилась и книжка полковника Иванова, одного изъ участниковъ похода. Но главнымъ образомъ излагались оффиціальныя свѣдѣнія, которыя, по словамъ г. Захарьина, далеко не полны и не всегда согласны съ истиной. „Потому,—говоритъ авторъ,—теперь, при описаніи этого достопамятнаго по своему несчастію и героизму солдатъ и офицеровъ похода, приходится основываться, главнымъ образомъ, на частныхъ запискахъ и письмахъ лицъ, участвовавшихъ въ походѣ, и на устныхъ „разсказахъ очевидцевъ“, являющихъ собою вообще русское традиціонное хранилище свѣдѣній о новѣйшихъ событіяхъ отечественной исторіи“. И кромѣ того оффиціальныя свѣдѣнія никогда не даютъ такой полноты изображенія, которая достигается только живыми опытами и впечатлѣніями самихъ дѣятелей и очевидцевъ.

Разсказъ г. Захарьина, составленный съ большимъ обиліемъ такихъ свидѣтельствъ очевидцевъ, читается, поэтому, съ величайшимъ интересомъ—конечно тяжелымъ, потому что исторія Хивинскаго похода была съ его перваго дня и до конца непрерывнымъ рядомъ бѣдствій всей этой арміи отъ жестокой зимы съ страшными степными буранами и отъ всякой нераспорядительности начальства. Излагая съ

самаго начала исторію этого предпріятія, авторъ не обошелся безъ обвиненія противъ лицъ въ высшей петербургской сферѣ, которыя не хотѣли понять необходимости высоко поставить русскую власть на востокѣ: „во главѣ иностранной политики Россіи стояли въ то время иноземцы, съ графомъ Нессельроде во главѣ, которымъ были чужды и непонятны не только торговые интересы нашего отечества на какомъ-то тамъ дальнемъ Востокѣ, но даже его слава и государственная честь“ (стр. 16). Неужели же графъ Нессельроде въ самомъ дѣлѣ составлялъ русское правительство? Въ Петербургѣ, по словамъ автора, не понимали восточныхъ отношеній, которыя были понятны на мѣстѣ, но, какъ послѣ фатальнымъ образомъ оказалось, и на мѣстѣ плохо понимали положеніе вещей, отчего и произошла бѣдственная судьба всего предпріятія. Въ Петербургѣ не одни „иноземцы“ были противъ этого похода, но и настоящіе россіяне, какъ гр. Чернышевъ, военный министръ, и ихъ предвидѣнія, къ сожалѣнію, совершенно оправдались. Читая разсказъ, гдѣ авторъ вездѣ съ великими сочувствіями говоритъ о Перовскомъ, нельзя не удивляться тому, можно сказать, легкомыслію, съ какимъ принято было рѣшеніе о походѣ: онъ устроенъ былъ именно въ зимній холодъ, который съ трудомъ переносятъ вьючныя животныя и противъ котораго очень плохо обезпечены были и сами солдаты. Повидимому, „на мѣстѣ“ можно было имѣть понятіе о томъ, чѣмъ бываетъ степная зима; но мѣстные знатоки края объ этомъ не догадались. До похода произведена была предварительная рекогносцировка и на пути экспедиціи построены были впередъ два укрѣпленія на рѣкѣ Эмбѣ и дальше, въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ Оренбурга; но для укрѣпленій выбраны были мѣста совершенно негодныя, между прочимъ съ вредной водой (такъ что солдаты думали, что вода была отравлена хивинцами). Въ выборѣ этихъ мѣстъ авторъ обвиняетъ полковника Берга (впослѣдствіи польскаго намѣстника и графа); но неужели кромѣ Берга нельзя было найти другихъ источниковъ свѣдѣній о странѣ, откуда каждый годъ приходили хивинскіе торговые караваны съ тысячами хивинцевъ и куда, при всѣхъ препятствіяхъ, отправлялись караваны русскіе? Такія недоумѣнія приходятъ на мысль не однажды при чтеніи разсказа, и трудно сказать, кто былъ больше виноватъ въ печальномъ концѣ этого дѣла—Петербургъ или самъ Оренбургъ?—Д.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бельшевскій, А.—Гёте, его жизнь и произведенія. Переводъ О. Л. Рохмановой подъ ред. Петра Вейнберга. Т. I. Спб. 1898. Изд. Л. Ѳ. Пантелѣева. Ц. 2 р. 50 коп.

Бушуевъ, В. Ѳ.—О причинахъ тифа въ русской арміи. (Сообщено въ обществѣ кіевскихъ врачей). Оттискъ изъ газеты „Врачъ", 1898. № 22. Спб. 1898. Стр. 24.

Головинская, Е. Н.—Въ селѣ Спасскомъ. Бытовой очеркъ. М. 98. Стр. 167. Ц. 60 коп.

Дарвинъ, Чарльзъ.—Собраніе сочиненій, въ четырехъ томахъ. Т. I. Изд. 2-е. Спб. 1898. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 327.

Долгоруковъ, В. А.—Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Годъ третій. Томскъ, 98. Стр. 104, 496, 64. Съ портретами, рисунками и картой. Ц. 1 р. 50 коп.

Дубновъ, С. М.—Учебникъ еврейской исторіи для евр. юношества. Ч. I. Древнѣйшая (библейская) исторія. Одесса. 98. Стр. 152. Ц. 60 коп.

Захарченко, М. М.—Историческій очеркъ педагогическихъ классовъ С.-Петербургскаго Александровскаго Института, 1848—1898 г. Спб. 98. Стр. 106 и III. Ц. 75 к.

Зенченко, С.—Учебникъ древней исторіи. Вып. I. Востокъ и Греція. Изд. 2-е, испр. Москва, 98. Стр. 283. Ц. 80 к.

Кернъ, Э. Э., управляющій государственными имуществами тульской и калужской губерній.—Ива. Ея значеніе, разведеніе и употребленіе. Третье изданіе, дополненное. Съ одною таблицею и пятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 98. Стр. 177. Ц. 1 р.

Контъ, Огюстъ.—Соціологія Конта въ изложеніи Риголажа. Съ приложеніемъ двухъ вступительныхъ лекцій Конта въ „Курсъ положительной философіи". Переводъ съ франц. Н. Лосскаго. Спб. 98. Изд. Л. Ѳ. Пантелѣева. Стр. 406 и II. Ц. 2 р. 50 к.

Левассеръ, Э. вице-през. стат. инст.—Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Перев. подъ редакц. Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Съ приложеніемъ статей: 1) Народное образованіе въ Швейцаріи. Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. 2) Народное образованіе въ Финляндіи. В. Ю. Скалона. 3) Народное образованіе въ Россіи, Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Въ 2-хъ томахъ. Т. I. Спб. 1898. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 452. Ц. за оба тома 5 руб.

Міасковскій, Августъ, проф. полит. экон.—Проблема распредѣленія поземельной собственности въ историческомъ развитіи. Переводъ съ нѣмецкаго В. Поплавскаго. Съ приложен. статьи Т. Осадчаго: „Результаты господствующихъ взглядовъ на поземельную собственность". Кіевъ. 1898 г. Стр. 54. Ц. 30 к.

Осадчій, Т. И.—Крестьянское землепользованіе въ херсонской губерніи. (Изъ „Записокъ" Имп. Общества сельск. хоз. южной Россіи за 1898 г.). Одесса, 1898 г. Стр. 66.

Ранке.—Объ эпохахъ новой исторіи. Лекціи, чит. баварскому королю Максимиліану (въ 1854 г.). Переводъ И. И. Шитца, съ предисл. проф. П. Г. Виноградова. Москва, 98. Стр. 192. Ц. 35 коп. („Научно-образовательная библіотека").

Хижняковъ.—Земская медицина и санитарное состояніе Елисаветградскаго у. Херсонской губ. за 1897 г. Елисаветградъ. 1898. Стр. 117, 81.

Хрулевъ, С. С.—Нашъ ипотечный кредитъ. Опытъ статистическаго выясненія состоянія землевладѣнія въ зависимости отъ его задолженности. Спб. 98. Стр. 160. Ц. 1 р.

Чемберсъ.—Солнечная система. Переводъ съ англ. В. Щиглевой, подъ редакціей Н. Березина. Съ 78 рисунками. Спб. 93. Стр. 146 (Образовательная библіотека, изд. О. Н. Поповой). Ц. 40 коп.

Шерръ, Іоганнъ.—Комедія всемірной исторіи. Историческій очеркъ событій

1848 года. Переводъ съ нѣмецкаго. Въ двухъ томахъ. Т. I. Спб. 98. Стр. 27—325. Изданіе О. Н. Поповой. Ц. 3 р. 50 к.

Kovalevsky, Maxime.—Le régime économique de Russie. Paris, 98. Стр. 362. Ц. 7 фр.

Noïkow, Peter M., aus Jambol, Bulgarien. Das Activitätsprincip in der Pädagogik Jean-Jacques Rousseaus. Inaugural-Dissertation. Leipzig — R. 98. Стр. 160.

Wyzewa, Teodor, de.—Beethoven et Wagner. Essais d'histoire et de critique musicales. Paris, 98. Стр. 260.

— Musée social. Fête pour le concours sur les associations ouvrières et patronales, le dimanche 19 Juin 1898. Présidence de M. Ribot. Paris, 4°. Стр. 94.

— Безплатная народная библіотека. Читальня въ Иркутскѣ. Первые три мѣсяца ея дѣятельности (съ 10 ноября 1896 года по 9 февраля 1897 года). Отчетъ составленъ предсѣдателемъ совѣта библіотеки-читальни, А. А. Корниловымъ и членами ея Н. А. Корниловой и Н. А. Степановымъ. Иркутскъ, 1897 г. Стр. 48.

— Горное дѣло и металлургія на всероссійской промышлен. и художественной выставкѣ 1896 г. въ Н.-Новгородѣ. Изд. Горнаго Департамента. Спб. 1897—98 г. Вып. 1. Соль, с. 54. Вып. 2. Прочія полезныя ископаемыя, с. 61. Вып. 3. Артиллерійскіе орудія и снаряды, с. 41. Вып. 4. Ископаемые угли, с. 165. Вып. 5. Огнеупорные матеріалы, с. 88.

— Горные заводы, рудники и мѣсторожденія полезныхъ ископаемыхъ въ Уфимской губ. Изд. уфимск. губ. зем. управы. Уфа. 98. Стр. 257.

— Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Пермской губ. Т. I. Оханскій у. Изд. Пермскаго губерн. земства. Пермь. 1898 г. с. 216+179+386.

— Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и госуд. имуществъ за 4-й годъ его существованія (30 марта 1897—30 марта 1898). Спб. 98. Стр. 300.

— Отчетъ Харьковскаго комитета по перевозкѣ минеральнаго топлива и соли изъ западной части Донецкаго бассейна за 1897 г. Харьковъ 98. Стр. 20 и таблицы.

— Отчетъ о дѣятельности иркутской безплатной народной библіотеки-читальни за первый годъ ея существованія (10 ноября 1896—10 ноября 1897). Иркутскъ, 1898. Стр. 30.

— Сборникъ статистич. свѣдѣній по Уфимской губерніи. Т. I. Уфимскій уѣздъ. Изд. Уфимск. губ. зем. управы. Уфа, 98. Стр. XXX+780.

— Сборникъ Ученo-литературнаго Общества при Имп. Юрьевскомъ университетѣ. Томъ I. Юрьевъ, 98. Стр. XXXIV и 235. Ц. 2 р.

— Статистико-экономическій обзоръ по Елисаветградскому уѣзду Херсонской губерніи за 1897 г. Составленъ оцѣночно-статистическ. отдѣленіемъ елисаветгр. земск. управы. (Приложеніе къ общему отчету елисаветгр. земск. управы за 1897 годъ). Елисаветградъ, 1898 г. Стр. 71+LXIV.

— Труды Имп. вольнаго экономич. Общества. Т. I. № 2. Мартъ—Апрѣль. Спб. 1898. Стр. 148.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Henry Bérenger. La Conscience Nationale. Paris 1898. Стр. 338.

Книга Анри Беранже „La Conscience Nationale“ написана на очень современную тему. Въ послѣдніе годы французскіе писатели часто занимаются національнымъ самоанализомъ, т.-е. изученіемъ психологіи французскаго народа, опредѣленіемъ основныхъ свойствъ французскаго духа и сопряженныхъ съ этимъ историческихъ задачъ Франціи. Все болѣе и болѣе безсознательное творчество уступаетъ мѣсто отвлеченнымъ выводамъ, классификаціи, подведенію итоговъ. Франція чувствуетъ, что она приближается къ какому-то предѣлу—или, быть можетъ, поворотному пункту, и любитъ поэтому озираться на пройденный путь и заглядывать въ будущее, какъ бы считая настоящее переходной порой. Опредѣленіемъ національныхъ чертъ занимались многіе писатели, уже принадлежащіе прошлому. Низаръ опредѣлилъ „esprit français“ въ глубоко-продуманномъ, убѣдительномъ предисловіи къ своей исторіи литературы, Сентъ-Бёвъ высказалъ нѣсколько блестящихъ истинъ по этому поводу, Ренанъ высказывалъ странную для его общаго скептицизма вѣру въ отличительныя свойства французскаго духа, Тэнъ разсматривалъ съ обычнымъ научнымъ безстрастіемъ свойства французскаго характера въ „Origines de la France Contemporaine“. Въ настоящее время психологія французскаго народа и французской жизни занимаетъ уже не только историковъ, спокойно обсуждающихъ этотъ для нихъ столь же отвлеченный вопросъ, какъ и всякій другой; его изучаютъ писатели, болѣе близко стоящіе къ жизни и дѣлающіе практическіе выводы изъ своихъ наблюденій и психологическихъ опредѣленій. „Національная совѣсть“ ищетъ руководящей нити для жизни и старается найти опору въ пониманіи основныхъ свойствъ и задачъ національнаго духа. Такое общественное значеніе имѣютъ характеристики и замѣчанія нѣкоторыхъ современныхъ писателей, какъ, напр., Брюнетьера въ очеркѣ „Sur le caractère essentiel de la littérature française“, Лансона въ его новой „Исторіи французской литературы“, Фулье въ „Psychologie du peuple français“ и др.

Къ разряду практическихъ разсужденій о національномъ характерѣ

французовъ относится въ гораздо большей даже степени, чѣмъ названныя нами книги, La Conscience Nationale" Беранже. Авторъ ея очень молодъ, и книга его имѣетъ всѣ качества — и всѣ недостатки молодости. Онъ съ большой страстностью защищаетъ небольшой кругъ положительныхъ идей, въ которыя онъ самъ увѣровалъ. Интересъ его книги въ томъ, что, говоря отъ лица молодой Франціи, Беранже доказываетъ необходимость твердой идейной основы — положительнаго философскаго и этическаго идеала—для процвѣтанія всѣхъ сторонъ національной жизни. Франція долго жила однимъ только скептицизмомъ, только философскимъ отрицаніемъ,—и благодаря этому получилась блестящая культура—вся en façade, безъ глубокихъ корней, съ сознательнымъ преобладаніемъ формы и словъ надъ содержаніемъ и надъ стремленіемъ къ истинѣ. Отрадно видѣть, что начинаетъ пробуждаться пониманіе безсодержательности подобной культуры и общественности, существующей только блескомъ минуты. Беранже — выразитель этого несомнѣнно новаго во Франціи стремленія къ сочетанію „мысли и дѣла", къ осуществленію идеала цѣльной національной культуры, проникнутой во всѣхъ своихъ проявленіяхъ пониманіемъ смысла жизни въ высшемъ значеніи этого слова. Онъ требуетъ, чтобы жизнь, политика и общественные интересы не шли въ разрѣзъ, какъ это наблюдается съ особенной яркостью въ современной Франціи — съ отвлеченными истинами, какія раскрываются мыслителями и художниками,—чтобы философія, литература, искусство и жизнь, общественная и частная, шли по одному пути, и „національное самосознаніе" развивалось гармонично, опираясь на единеніе мысли и дѣла.

Эту восторженную, молодую проповѣдь жизни, достойной мыслящаго народа, Беранже произноситъ съ увлеченіемъ, не всегда въ достаточной мѣрѣ опирающимся на доводы разума. Исходя изъ правильной основной мысли, авторъ слишкомъ однако смѣло и быстро обобщаетъ факты и приходитъ практически къ опаснымъ заключеніямъ и правиламъ общественной жизни. Въ его нетерпѣливыхъ требованіяхъ слышится нетерпимость „молодыхъ поколѣній", считающихъ свое существованіе десятилѣтними періодами. Подобно русскимъ „семидесятникамъ", „восьмидесятникамъ" и т. д., и во Франціи стали говорить уже не о нѣсколькихъ основныхъ теченіяхъ мысли XIX в., а о поколѣніи семидесятыхъ годовъ, начавшемъ жить и дѣйствовать въ тяжелой атмосферѣ Седана, и, главнымъ образомъ, о двухъ слѣдующихъ десятилѣтіяхъ, создавшихъ будто бы очень отличныя одно отъ другого поколѣнія: позитивистовъ восьмидесятыхъ годовъ, и затѣмъ идеалистовъ текущаго десятилѣтія. Беранже относится къ поколѣнію 90-хъ годовъ, какъ видно и по его личнымъ воспоминаніямъ въ концѣ „Conscience Nationale". Онъ былъ ребенкомъ во время трагическихъ событій

1870 г., кончилъ курсъ въ университетѣ около 1889 и затѣмъ выступилъ въ литературѣ съ проповѣдью очень своеобразнаго патріотизма. Въ способѣ защиты своихъ идей Беранже является именно человѣкомъ одного десятилѣтія; для него важнѣе всего отстоять свою „отдѣленность“ отъ непосредственныхъ предшественниковъ, сказать какъ можно рѣзче и какъ можно быстрѣе найденную имъ и его ближайшими одновременниками и единомышленниками истину и отдать ее безъ провѣрки слѣдующему поколѣнію, которое измѣнитъ ее сообразно со своими новыми требованіями и условіями жизни. „Смерть,—говоритъ онъ,—есть не что иное, какъ разладъ между нашими мечтами и нашими силами. Нужно исчерпать себя, чтобы создать нѣчто отдѣльное отъ себя. Это нѣчто и составляетъ истину завтрашняго дня, то болѣе глубокое значеніе, которое будетъ открыто, опредѣлено и воплощено слѣдующимъ поколѣніемъ“. Въ этихъ словахъ, выражающихъ общую мысль, заключается вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленіе писателей, подобныхъ Беранже, и значенія ихъ. Онъ принадлежитъ къ глашатаямъ временныхъ истинъ, или, вѣрнѣе, попытокъ временнаго рѣшенія коренныхъ вопросовъ жизни. Его книга—вѣрное зеркало общественныхъ настроеній въ лучшей части современной французской молодежи. До „La Conscience Nationale“ Беранже написалъ нѣсколько книгъ въ томъ же общественно-этическомъ духѣ: два романа „L'Effort“ и „La Proie“, гдѣ доказывалъ важность стремленій и начинаній, т.-е. того, что̀ создаетъ извѣстнаго рода общественную атмосферу, предшествующую правильному развитію активныхъ силъ общества. Романы эти, написанные съ публицистической цѣлью, художественными достоинствами не отличаются. Болѣе зрѣлымъ и законченнымъ выраженіемъ его теорій была его слѣдующая книга „L'Aristocratie intellectuelle“,—и тѣ же идеи, только распространенныя на всю сложность національной жизни, изложены теперь въ „La Conscience Nationale“. Книга начинается короткимъ предисловіемъ, очень воинственнымъ по отношенію къ той Франціи, которая не задается „вопросами духа“ и не воплощаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ „національнаго идеала“, необходимаго для того, чтобы занять достойное мѣсто въ общемъ культурномъ движеніи народовъ. Но, при всемъ своемъ отрицательномъ отношеніи къ тому, что̀ осуществляется въ современной Франціи, Беранже сохраняетъ твердую вѣру въ будущность своего народа, который долженъ проникнуться сознаніемъ своей нравственной миссіи. По опредѣленію Беранже, нравственный идеалъ французовъ заключается „въ созданіи свободной и вполнѣ отвѣтственной за себя личности, и болѣе солидарнаго общества, способнаго въ свою очередь воспитать свободнаго человѣка“. Онъ показываетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, что всѣ элементы этого истинно національнаго идеала коренятся въ историче-

скомъ прошломъ Франціи, воплощались мыслителями и дѣятелями прежнихъ поколѣній, и современность только забыла ихъ. Есть чрезвычайно много преувеличеній въ манерѣ Беранже превозносить „французскіе идеалы", много патріотической риторики въ его критикѣ нравовъ и учрежденій, и, главное, много наивности въ указываемыхъ имъ мѣрахъ для возстановленія національнаго идеала во всей его неприкосновенности. Но, несмотря на эти недостатки, книга Беранже чрезвычайно интересна въ смыслѣ характеристики существующихъ въ современной Франціи идеалистическихъ стремленій, которыя направлены не только на искусство и литературу, но и на общественную дѣятельность.

Беранже проводитъ въ своей книгѣ двѣ основныя мысли, опредѣляющія для него задачу современной Франціи, озабоченной возстановленіемъ національнаго идеала. „Возстановленіе культа внутренней святыни—совѣсти,—вотъ задача нашей современности",—говоритъ онъ.—„Нужно отстоять единство и нераздѣльность духа противъ позитивизма, изгоняющаго высшія побужденія души изъ политики и общественной дѣятельности". Другая мысль заключается въ протестѣ противъ извращеннаго современнаго демократизма, который подчиняетъ мертвящему игу большинства плодотворность свободной воли, имѣющей возможность проявить себя. „Мы не признаемъ догмата абсолютнаго равенства",—говоритъ онъ.—„Мы не согласны съ чисто ариѳметическимъ принципомъ всеобщей подачи голосовъ. Демократія не должна быть „песчаною равниной", а іерархіей различныхъ проявленій личной воли, всегда сохраняющей свои права, но проявляющей ихъ лишь пропорціонально потребностямъ всего государственнаго организма. Великая, новая задача нашей демократіи заключается въ устройствѣ іерархическаго проявленія свободной воли, въ томъ, чтобы сохранить всѣмъ ихъ права и мѣсто въ государствѣ, не возстановляя однако ни касту, ни общественныхъ классовъ, и никогда не забывая, что братская солидарность—первая обязанность гражданъ". Въ этой замѣнѣ демократіи, какъ господства числа, интеллектуальной аристократіей, т.-е. приспособленностью общества къ управленію лучшими духовными силами страны, и заключается соціально-политическій идеалъ Беранже. Для того, чтобы страной управляли именно лучшія силы, Беранже считаетъ прежде всего необходимымъ бороться противъ роковаго разъединенія мысли и дѣла (le divorce de la pensée et de l'action), начавшагося во Франціи со времени второй имперіи, и длящагося до сихъ поръ. Въ горячо написанной главѣ „Политика Ламартина и новыя поколѣнія" Беранже доказываетъ, что въ самые блестящіе періоды французской жизни, въ особенности въ нашемъ вѣкѣ, во главѣ политики и общественной организаціи стояли люди мысли, даже

художники и поэты—и что въ этомъ залогъ государственнаго процвѣтанія. Современная Франція, которая такъ близка по духу эпохѣ романтизма, должна вернуться и къ тому культу общественности, которымъ были проникнуты „цѣльные люди“ эпохи романтизма. „Наше поколѣніе, — говоритъ Беранже, — не чувствуетъ себя ни сыномъ, ни внукомъ двухъ предшествовавшихъ поколѣній. Оно происходитъ по прямой линіи отъ эпохи романтизма, который превозгласилъ необходимость побѣды духа надъ матеріей, необходимость возмущенія человѣка противъ ограниченій, создаваемыхъ природой и людьми, противъ власти судьбы надъ свободной волей. Шатобріанъ, Ламартинъ, Гюго кажутся намъ образами цѣльныхъ людей, гармоничныхъ духомъ и плотью, въ мысляхъ и поступкахъ, въ политикѣ и поэзіи. Какъ бы глубока ни была рознь между ихъ романтизмомъ и нашимъ идеализмомъ, именно они, и только они, наши предшественники во Франціи. Въ нашихъ общественныхъ стремленіяхъ и отвлеченныхъ идеалахъ они—наши единственные иниціаторы и предшественники, ибо только они исповѣдывали героическую вѣру души, которая вдохновляетъ насъ“.

Эти слова Беранже чрезвычайно характерны. Они показываютъ, какъ онъ понималъ единеніе отвлеченныхъ идейныхъ стремленій съ общественной дѣятельностью. Эта связь часто понимается только какъ своего рода стѣсненіе свободнаго полета мысли и художественнаго творчества задачами непосредственной дѣйствительности, служеніемъ преходящему моменту съ его простыми и явными нуждами. Подобный утилитаризмъ чуждъ Беранже, или, вѣрнѣе, если онъ и считаетъ солидарность и взаимопомощь непремѣннымъ гражданскимъ долгомъ, то, говоря объ идеалѣ національной жизни, онъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду высшіе духовные интересы. Онъ не требуетъ, чтобы мыслители и художники, вступая въ общественную жизнь, жертвовали высотой своихъ помысловъ для непосредственныхъ требованій общественнаго строя, а чтобы, напротивъ того, политика и общественная жизнь основана была на широкомъ философскомъ міросозерцаніи, которое должно одинаково руководить какъ взглядами писателя, такъ и дѣйствіями политика.

Идеаломъ политическаго дѣятеля съ высокой цѣльной душой Беранже считаетъ Ламартина. Въ настоящее время, когда во Франціи „политика превратилась въ ремесло“, Ламартину ставятъ въ упрекъ его политическую дѣятельность, недостойную поэта. Но это охлажденіе къ памяти поэта за его сочувствіе къ судьбамъ своей родины Беранже считаетъ величайшей несправедливостью, непониманіемъ личности поэта, для котораго „поэзія и общественная дѣятельность одинаково были естественными движеніями души“. Беранже описываетъ въ краткихъ чертахъ жизнь Ламартина, который сдѣлался ак-

тивнымъ политическимъ дѣятелемъ въ сорокъ лѣтъ, но до того подготовлялся къ столь отвѣтственному дѣлу почти двадцатилѣтней непрерывной борьбой противъ общепринятыхъ идей своего времени, предразсудковъ высшихъ классовъ общества, противъ своей собственной семьи. Его обширная переписка вся проникнута этой непрерывной борьбой. Личная судьба, окружающая жизнь и отвлеченная работа мысли готовили Ламартина къ художественному творчеству и къ его общественной роли. Первымъ отраженіемъ его внутренняго міра были его поэтическія произведенія. „Méditations"—это исторія души, возставшей противъ своего времени и отважившейся жить въ себѣ самой. Любовь къ природѣ дополняетъ его духовное развитіе. Въ широкой природѣ, которую онъ воспѣлъ съ мыслью о Богѣ, онъ намѣчаетъ мѣсто человѣчества и проникается идеаломъ единенія людей. Въ политикѣ онъ впервые выступаетъ въ 1830 г., брошюрой „La Politique rationnelle", гдѣ изложено его соціальное credo. Ламартинъ является тамъ демократомъ-христіаниномъ, принимающимъ принципы революціи какъ слѣдованіе завѣту Христа. На этой почвѣ происходитъ сліяніе поэтической души Ламартина и его политической роли. То, что было душой „Méditations" и „Harmonies", воплотилось въ жизни. Къ сложнымъ задачамъ политической жизни Ламартинъ готовился примѣнять евангельское ученіе о равенствѣ людей. Такимъ образомъ, путь къ общественной дѣятельности Ламартинъ прошелъ внѣ житейскихъ вліяній и интересовъ, болѣе или менѣе преходящихъ и случайныхъ. Онъ преподалъ, такимъ образомъ, великій урокъ о томъ, что общественная дѣятельность можетъ быть плодотворной лишь тогда, когда она озарена свѣтомъ глубоко воспринятаго душой идеала.

Прежде чѣмъ вступить окончательно въ ряды политическихъ дѣятелей, Ламартинъ завершилъ еще кругъ личныхъ ощущеній и тяжелыхъ жизненныхъ испытаній. Онъ совершилъ путешествіе по востоку и пережилъ тяжкое горе — утрату дочери. Въ 1833, онъ вернулся во Францію, уже утративъ иллюзію личнаго счастья и готовый объединиться съ жизнью народныхъ массъ. Въ 1834, онъ избранъ былъ депутатомъ въ палату и тогда началась для него пора борьбы и торжества, закончившаяся черезъ семнадцать лѣтъ. Онъ сразу очутился одинокимъ въ палатѣ съ ея буржуазнымъ большинствомъ и вызвалъ смѣхъ, заявивъ о томъ, что соціальнымъ вопросамъ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе передъ вопросами чистой политики. Періодъ парламентской славы Ламартина относится къ 1840—49 г., когда онъ успѣшно боролся противъ бонапартизма и вмѣстѣ съ тѣмъ отстаивалъ экономическіе интересы бѣдныхъ классовъ. Въ 1847, онъ издалъ свою „Histoire des Girondins",—этотъ „памятникъ духу великой революціи", по выраженію Беранже. Критика нападала на отсутствіе истори-

ческой правды въ этомъ произведеніи Ламартина. Но авторъ не имѣлъ намѣренія быть точнымъ въ передачѣ событій. „Исторія Жирондистовъ“ —не передача историческихъ событій, а книга, „дѣлавшая исторію“. „Есть нѣчто болѣе высокое, чѣмъ задача историка,—говоритъ Беранже,—это создавать исторію своими произведеніями. „Жирондисты“, разошедшіеся въ количествѣ двухсотъ тысячъ экземпляровъ менѣе чѣмъ въ полтора года, укрѣпили въ воображеніи французской демократіи идеалъ свѣтлой и мирной революціи“. Разсказавъ исторію Ламартина въ дни его политической славы, Беранже пытается объяснить и паденіе его причинами, достойными геніальности поэта и политическаго дѣятеля. Ламартинъ былъ слишкомъ вѣренъ принципу демократіи и подчинялся всегда рѣшеніямъ большинства и избранникамъ народной воли. Въ этомъ заблужденіе его, омрачившее конецъ его жизни—и въ этомъ урокъ будущимъ поколѣніямъ. Самъ Ламартинъ—примѣръ плодотворнаго сочетанія отвлеченныхъ идеаловъ поэта и практическихъ начинаній политика; конецъ же его жизни—доказательство ограниченности демократизма, „господства числа надъ духомъ, царства ариѳметики, замѣщающаго господство нравственности, порабощенія избранныхъ лучшихъ людей толпой“.

Послѣ Ламартина начался разрывъ „мысли и дѣла“. Альфредъ де-Виньи первый превозгласилъ въ „Стелло“ антагонизмъ поэта и общества, и за нимъ всѣ художники и поэты, жившіе при второй имперіи, продолжали съ презрѣніемъ отворачиваться отъ политики и общественныхъ дѣлъ: Теофиль Готье, Бодлэръ, Гонкуры, Флоберъ—или равнодушны, или злобно и презрительно относятся къ событіямъ переживаемаго ими историческаго момента. Тэнъ и Ренанъ клеймятъ демократію и политическихъ дѣятелей. Въ современной Франціи Беранже начинаетъ видѣть среди литературной и университетской молодежи возрожденіе интереса къ общественной дѣятельности. Среди уже заявившихъ о себѣ политическихъ дѣятелей есть, правда, поэты и писатели — Деруледъ, Морисъ Барресъ и Мельхіоръ де-Вогюэ, но ихъ примѣръ Беранже не считаетъ убѣдительнымъ. Деруледъ, по его справедливому опредѣленію, скорѣе всего „предсѣдатель гимнастическаго общества, случайно затесавшійся въ литературу и политику“, Морисъ Барресъ слишкомъ близокъ къ скептицизму Ренана и къ поколѣнію, вырывшему пропасть между литературой и политикой. Мельхіоръ де-Вогюэ отражаетъ собой слишкомъ много литературныхъ вліяній, чтобы обладать „соціальной энергіей“.

Вторая часть книги Беранже посвящена разсмотрѣнію практическихъ мѣръ, которыя могли бы способствовать осуществленію его политическаго идеала: свободнаго человѣка въ солидарно устроенномъ обществѣ. Онъ говоритъ о томъ, что одно время молодая Франція въ

своихъ идеалистическихъ стремленіяхъ и въ своемъ исканіи святыни искала союза съ католической церковью, но это единеніе не долго длилось; оставаясь идеалистами, люди новаго поколѣнія вѣрны культу внутренняго божества (Le Dieu Intérieur) и чисто философской религіи; неокатолицизмъ же остался удѣломъ Брюнетьера и его немногочисленныхъ приверженцевъ.

Говоря затѣмъ о другихъ сторонахъ общественной жизни во Франціи, объ университетахъ и низшихъ школахъ, о прессѣ, объ арміи, Беранже обличаетъ повсюду растлѣніе нравовъ, вызванное перепроизводствомъ, ужасающимъ ростомъ интеллектуальнаго пролетаріата. Онъ предлагаетъ сдѣлать менѣе доступнымъ университеты, т.-е. возвысить научныя требованія, затѣмъ закрыть прессу невѣждамъ и аферистамъ, учредивъ какъ бы экзаменъ для журналистовъ и т. д. Но, очевидно, эти ограничительныя мѣры—стѣсненіе средствъ къ образованію, регламентація свободныхъ профессій, контроль надъ журналистами—привели бы гораздо скорѣе къ умственному оскудѣнію Франціи, чѣмъ къ поднятію интеллектуальной жизни. Мѣры, предлагаемыя Беранже, не обнаруживаютъ въ немъ широкаго пониманія затронутыхъ вопросовъ, и для того, чтобы сохранить благопріятное впечатлѣніе отъ его книги, нужно остановиться на его теоріяхъ, проникнутыхъ искреннимъ стремленіемъ къ осуществленію неяснаго еще идеала „цѣльной національной жизни“—З. В.

II.

Jean Richepin. La Martyre. Drame en cinq actes (en vers). Paris. Стр. 212.

Жанъ Ришпэнъ представляетъ своеобразное явленіе въ современной французской литературѣ. Онъ еще сравнительно не старъ—онъ родился въ 1849 г.,—но по характеру своего творчества принадлежитъ къ старѣйшему изъ литературныхъ теченій XIX вѣка. Ришпэнъ—романтикъ, и въ настоящее время единственный представитель традиціоннаго романтизма въ духѣ Виктора Гюго и Теодора Банвиля. Онъ выступилъ въ поэзіи ученикомъ Банвиля, такимъ же, какъ и онъ, искателемъ звучныхъ, разнообразныхъ и гибкихъ гармоній стиха, такимъ же ученымъ знатокомъ и собирателемъ народныхъ говоровъ и стиховъ Франціи минувшихъ вѣковъ. „Chansons des Gueux“ Ришпэна—результатъ его романтическаго увлеченія народной жизнью съ ея живописной стороны. Это—самое талантливое и оригинальное изъ всѣхъ произведеній Ришпэна, очень многочисленныхъ. Въ болѣе позднемъ поэтическомъ сборникѣ, „Blasphèmes“, Ришпэнъ внѣшнимъ образомъ

примкнулъ къ реализму и посылалъ проклятія иллюзіямъ чувства и вѣры во имя всеотрицающаго матеріализма. Но дерзновеніе его проклятій и намѣренное, исключительное исканіе грязи въ человѣкѣ отзывается чистѣйшимъ романтизмомъ и сводится къ нѣсколько наивной декламаціи, въ особенности когда Ришпэнъ ведетъ бесѣды съ демономъ. Поэтическая сторона „Blasphèmes“ слабая и временный успѣхъ этого сборника объясняется рѣзкостью тона, которая должна была нравиться въ періодъ полновластнаго господства натурализма въ литературѣ.

Но Ришпэнъ не долго тѣшился своей ролью разрушителя святынь. Слѣдующій сборникъ, „Mes Paradis“, имѣетъ совершенно иной характеръ. Это призывъ къ широкой жизни, къ удовлетворенію всѣхъ противорѣчивыхъ влеченій, живущихъ въ душѣ: „Во мнѣ не два „я“,— восклицаетъ онъ.—Ихъ во мнѣ десять, сто, цѣлыя тысячи. Пришедшіе изъ невѣдомаго прошлаго, изъ богъ вѣсть какихъ безднъ старинныхъ событій, ведущіе къ невѣдомымъ чертогамъ будущихъ надеждъ, отягченные воспоминаніями, обремененные трофеями, движимые надеждой на невѣдомую грядущую зарю—всѣ они, самые отдаленные и самые смутные, возродились во мнѣ. Все это было во мнѣ, есть во мнѣ и не можетъ исчезнуть“.

Послѣ безнадежнаго мрачнаго отчаянія и циничнаго отрицанія поэтъ вернулся къ своей естественной любви и вѣрѣ въ жизнь, въ ея свѣтъ и красоту: „Дѣло не въ поступкахъ, не въ ихъ послѣдствіяхъ, а въ томъ, чтобы душа была полна вѣры въ то, что̀ совершаешь“. Эта болѣе соотвѣтствующая его романтическому темпераменту философія побуждаетъ его принимать съ одинаковымъ благодарнымъ чувствомъ всѣ контрасты. Жизнь кажется ему прибоемъ волнъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ двѣ стороны; онѣ блестятъ на солнцѣ по волѣ вѣтра и соединяются лишь въ пѣнящейся верхушкѣ. Каждая волна имѣетъ два профиля — одинъ плачущій, другой смѣющійся, два голоса, изъ которыхъ одинъ манитъ, а другой отгоняетъ: „Думай о вѣчности, — что̀ тебѣ въ вѣчномъ имени? — Работай; живи въ праздности. Опьяняйся; будь трезвымъ. Ищи наслажденій; помни ихъ горечь. Пресыщайся; постись“.

Все дальнѣйшее творчество Ришпэна носитъ такой же отпечатокъ цѣльнаго, жизнерадостнаго романтизма. Стихи, романы, драмы рисуютъ широкую жизнь страстей. Отдѣльные типы и характеры обнаруживаютъ въ авторѣ свойственную романтикамъ сентиментальность; она проявляется также въ идеализаціи простой деревенской жизни, въ изображеніи вѣрныхъ поселянокъ, благородныхъ бродягъ и т. д. Ришпэнъ проникнутъ стихійнымъ, безпечнымъ духомъ свободы и жаждой дѣйствія, громкихъ дѣлъ и, главное, громкихъ, опьяняющихъ

звучныхъ словъ—въ этомъ основное свойство его лиризма. Оно роднитъ его съ нѣкоторыми сторонами народной жизни и послужило источникомъ его художественныхъ и подкупающихъ простотой, правдивостью и веселостью „Пѣсенъ нищихъ". Лучше всего ему удаются типы веселыхъ бродягъ, не желающихъ мѣнять свободу полей на удобства домашняго очага. Онъ любитъ природу и одинаково горячо воспѣваетъ величественныя зрѣлища природы, какъ и картины тихой жизни полей. Но болѣе всего Ришпэнъ любитъ море, чувствуя родство съ его мятежной измѣнчивой природой. Описанія морскихъ видовъ, приморской жизни, быта моряковъ занимаютъ большое мѣсто въ его поэзіи и прозѣ—но во всѣхъ этихъ описаніяхъ преобладаетъ романтическое отношеніе къ природѣ, то-есть очеловѣченіе ея, исканіе соотношеній съ настроеніями и чувствами людей, а не стремленіе проникнуть въ ея самобытный, сокровенный смыслъ, не вложенный въ нее человѣкомъ.

Романтическій лиризмъ Ришпэна обладаетъ еще одной чертой — театральностью. У него большая любовь къ жестикуляціи, которая въ поэзіи проявляется обиліемъ бурныхъ тирадъ, восклицаній, исканіемъ внѣшнихъ эффектовъ. Въ настоящее время, когда надъ французской поэзіей прошло очистительное вліяніе безмятежныхъ парнасскихъ поэтовъ, когда новые поэты довели культъ формы иногда даже до забвенія внутренняго содержанія, странно поражаетъ бьющая черезъ край страстность Ришпэна, его воинственные патріотическіе кличи и сентиментальная примиренность, которою заканчиваются обыкновенно его драмы послѣ необычайныхъ столкновеній любящихъ сердецъ, неумолимой судьбы, твердой воли и благородныхъ порывовъ.

Бурный, сильный, звучный, нѣжный, театральный Ришпэнъ пользуется во Франціи большой популярностью. Знамена, которыя онъ побѣдоносно потрясаетъ, — обветшалыя; но въ немъ самомъ, однако, столько свѣжести чувства и неподдѣльной искренности, что онъ создаетъ иллюзію вѣры въ то, что̀ уже не можетъ волновать современнаго человѣка. Изображаемыя имъ сердечныя добродѣтели идеальныхъ поселянъ и поселянокъ, моряковъ и храбрыхъ ихъ женъ и матерей отзываются идеализаціей и чувствительностью Жоржъ-зандовскихъ героевъ; всѣ они условны, психологія ихъ чисто внѣшняя—но поэтъ умѣетъ нарядить ихъ обыденныя драмы въ звучные, живописные стихи и подкупаетъ своей искренностью. На примѣрѣ Ришпэна видно, что нѣтъ мертвыхъ литературныхъ формулъ, и что художественныя свойства таланта могутъ дать временную жизнь устарѣлымъ формамъ искусства. Ничего новаго въ творчествѣ Ришпэна нѣтъ, и это ставитъ его ниже художниковъ, раздвигающихъ область прекраснаго, но свѣжесть и сила его лиризма такова, что онъ еще полонъ

обаянія для массы читателей. И названные нами сборники стиховъ, и романы Ришпэна („Cadet", „Madame André", „Césarine" и множество другихъ) пользуются успѣхомъ благодаря сложной фабулѣ, обилію приключеній, драматичности положеній и художественности исполненія.

Въ послѣдніе годы Ришпэнъ пишетъ главнымъ образомъ драматическія пьесы, имѣющія успѣхъ на французскихъ сценахъ. Иногда, какъ, напр., въ фантастической драмѣ „Nana Sahib", Ришпэнъ самъ исполняетъ главную роль, показывая, какъ въ его лицѣ сливаются искатель приключеній въ жизни и романтическій поклонникъ восторженныхъ натуръ въ поэзіи. Основныя темы драмъ Ришпэна столь же романтичны, какъ и содержаніе другихъ его произведеній. „Par le Glaive"—историческая драма, гдѣ воспѣвается патріотическое чувство; „Le Flibustier"—романтическая пьеса, гдѣ простые нравы и чувства бретонской семьи моряковъ составляютъ центръ трогательныхъ происшествій; „Le Chemineau"—наиболѣе удачная и пользующаяся успѣхомъ изъ пьесъ Ришпэна — восхваляетъ свободу въ образѣ вѣчно странствующаго весельчака рабочаго, который даже подъ старость, когда онъ неожиданно открываетъ существованіе у него взрослаго сына и любящей его семьи, все-таки не рѣшается измѣнить привычкамъ кочевой свободной жизни; онъ устраиваетъ дѣла своей семьи, и въ то время, какъ всѣ отправляются слушать рождественскую мессу, беретъ ломоть хлѣба со стола, приготовленнаго для ужина всей семьи, кладетъ въ котомку и тихо уходитъ изъ дома, ободряя себя словами: „Chemineau—chemine", девизомъ всей своей жизни. Самъ „Chemineau", его возлюбленная и весь ихъ деревенскій entourage вполнѣ напоминаютъ Жоржъ-зандовскихъ поселянъ; оригинальность же Ришпэна заключается въ томъ, что онъ внесъ элементъ удали въ свой сюжетъ и народный колоритъ, звучность и свѣжесть пѣсенъ, напоминающихъ „Chansons des Gueux".

Новая стихотворная пьеса Ришпэна, „La Martyre", нѣсколько уклоняется отъ обычнаго типа его произведеній. Поэтъ-романтикъ увлекся литературной модой на евангельскіе сюжеты и написалъ драму, гдѣ выступаютъ на сцену язычники и христіане и происходитъ столкновеніе между языческимъ культомъ красоты и любви и христіанской проповѣдью жертвъ и отреченія. Но, конечно, всякій сюжетъ подчиняется индивидуальности художника—и только ей одной. Борьба двухъ міросозерцаній, трагическая смѣна двухъ святынь, экстазъ обновленнаго вѣрой человѣчества, философское спокойствіе разлагающейся культуры, которая стремится только къ одному—къ тому, чтобы красиво умереть—всѣ эти сложные элементы переходнаго историческаго момента складываются у Ришпэна въ красивую мѣстами декорацію,

на фонѣ которой разыгрывается довольно обыденная любовная интрига. Идея пьесы—всемогущество любви, которая возрождаетъ усталыя души и дѣлаетъ способной на подвигъ слабую волю, до того близкую къ саморазрушенію. Едва-ли стоило для иллюстраціи такого общаго мѣста психологіи тревожить тѣни римлянъ первыхъ вѣковъ христіанства и апостоловъ Христа. Впрочемъ, въ изображеніи Ришпэна евангельскія фигуры настолько утратили сходство съ оригиналомъ, что дѣйствіе драмы получаетъ чисто фантастическій характеръ. Въ центрѣ дѣйствія стоитъ Іоаннъ, „Iohannès' apôtre des Chrétiens", лицо впрочемъ совершенно вымышленное и ни дѣйствіями, ни психологіей не напоминающее своего евангельскаго одноименника. Это скорѣе герой слащавой французской мелодрамы, колеблющійся между долгомъ совѣсти и соблазномъ въ лицѣ прекрасной язычницы. Есть отдаленное сходство между сюжетомъ „Martyre" и эпизодомъ Іоанна Крестителя и Саломеи, но Ришпэнъ исказилъ психологическую красоту евангельскаго сюжета, сдѣлавъ своего героя полувлюбленнымъ, слабымъ и неувѣреннымъ въ себѣ, и закончивъ его полу-романъ съ римлянкой Фламеолой обращеніемъ ея въ христіанство и ея мученичествомъ.

Наиболѣе удачно начало драмы — изображеніе скучающей Фламеолы среди забавляющей ее свиты рабовъ и прислужниковъ. Музыкантъ Главкъ, гордый сочиненной имъ кантатой, напрасно старается усладить слухъ своей повелительницы исполненіемъ стиховъ, которые ему самому кажутся прекрасными. И Фламеола, и старый мудрецъ Зитофанесъ, ея другъ и опекунъ, просятъ его перестать. Фламеола жалуется на отсутствіе желаній въ ней, и готова безъ разбора искать источника развлеченій въ высшихъ и низшихъ наслажденіяхъ. Для Зитофанеса тоже нѣтъ градацій ощущеній, нѣтъ разницы между высокимъ и низкимъ, и образчикомъ этого пресыщеннаго отношенія къ жизни у послѣднихъ римлянъ служитъ въ драмѣ Ришпэна бесѣда философа съ поваромъ Бделлой. Послѣдній объявляетъ, что самое царственное искусство изъ всѣхъ—поваренное, и царь всѣхъ becъ поваровъ—онъ, Бделла. Но на этотъ разъ его геній безсиленъ. Его „artolaganus", рецептъ котораго онъ декламируетъ съ паѳосомъ, не нравится Фламеолѣ; царь поваровъ готовъ пойти „открыть себѣ жилы", а философъ читаетъ ему наставленіе о томъ, что нужно не только удовлетворять вкусу, а возбуждать его къ жизни, когда его нѣтъ совсѣмъ. Фламеола, еще болѣе упавшая духомъ, говоритъ о самоубійствѣ и обѣщаетъ повременить „прекраснымъ и сладкимъ моментомъ смерти" лишь въ томъ случаѣ, если что-либо хоть на часъ займетъ ея вниманіе. Оказывается, что спасеніе отъ пресыщенія и скуки не такъ далеко, какъ она и опечаленный философъ полагаютъ. Въ дворецъ Фламеолы является Сфорагмъ, торговецъ диковинками, и послѣ урод-

ливыхъ животныхъ, возбуждающихъ отвращеніе и ужасъ въ молодой женщинѣ (un monstre doit être beau pour me plaire—говоритъ она), показываетъ ей привезенныхъ для нея рабовъ: гладіатора Латро, который добровольно поступаетъ въ рабство къ ней, потому что питаетъ къ ней тайную любовь. Фламеола рада пріобрѣсти его. „Sois auprès de moi l'homme qui tue"—говоритъ она, думая о своей смерти и готовя ловкаго гладіатора въ палачи для себя. Другую находку Сфорагма, граціозную танцовщицу Томрисъ, дикую, злобную и упрямую, Фламеола тоже оставляетъ у себя; дѣвочка влюблена въ Латро и слѣдуетъ за нимъ повсюду, какъ тѣнь его. Но спасительнымъ для скучающей патриціанки оказывается появленіе другихъ спутниковъ Сфорагма— христіанъ Іоанна и Арунса, которыхъ изворотливый продавецъ привезъ подъ выдуманнымъ предлогомъ, чтобы позабавить свою покровительницу. Суровый Арунсъ, призывающій проклятія на голову нечестивыхъ, пугаетъ Фламеолу, но душа ея открывается нѣжнымъ увѣщаніямъ второго христіанскаго проповѣдника. Іоаннъ упрекаетъ Арунса за его суровость и говоритъ, что Фламеола принадлежитъ также къ тѣмъ несчастнымъ, для спасенія которыхъ явился Христосъ: „И для нихъ также пришелъ часъ освобожденія",— говоритъ онъ.— „Всѣмъ неимущимъ Христосъ обѣщалъ избавленіе. Инымъ недостаетъ хлѣба,— эти же бѣдны надеждой. Болѣе покинутые, чѣмъ нищіе на большой дорогѣ, они протягиваютъ намъ душу свою, какъ нищій протягиваетъ руку".

Фламеола отозвалась на проповѣдь Іоанна и сдѣлалась его спутницей по всякимъ притонамъ, повсюду, гдѣ онъ проповѣдуетъ меньшей братіи ученіе Христа. Но ее привязываетъ къ апостолу не его ученіе, а вспыхнувшая въ ней любовь къ нему. Вся драма основана на различномъ отношеніи къ этой любви дѣйствующихъ лицъ. О томъ, что новая ученица Іоанна любитъ его, догадываются многіе. Это понимаетъ сама Фламеола и съ эгоизмомъ сердца, проснувшагося къ жизни, стремится соблазнить Іоанна, отвлечь его отъ его миссіи и всецѣло завладѣть его сердцемъ; философъ, счастливый тѣмъ, что новое чувство зародилось въ скучавшей питомицѣ, содѣйствуетъ ея планамъ и помогаетъ ей завлечь Іоанна, ученіе котораго онъ считаетъ вздоромъ, не достойнымъ обсужденія. Арунсъ видитъ опасность, грозящую Іоанну, предостерегаетъ его, потомъ проклинаетъ и въ концѣ концовъ жалѣетъ—и тѣмъ самымъ возвращаетъ его на истинный путь, вдохновляетъ на подвигъ. Знаетъ объ этой любви и Томрисъ, которая ненавидитъ Фламеолу за то, что ее любитъ Латро— и она служитъ причиной внѣшней катастрофы. Любви Фламеолы грозитъ сначала опасность со стороны обличающаго ея чувство Арунса. Но Іоаннъ не вѣритъ въ обвиненія Арунса и продолжаетъ вести

Фламеолу къ Христу, пока она сама въ катакомбахъ послѣ „братскаго“ пасхальнаго поцѣлуя не открывается ему въ своемъ преступномъ чувствѣ. Она молитъ его не лишать ее хотя бы слабой надежды, обѣщаетъ ему за это привести къ Христу весь патриціанскій Римъ, самого Цезаря,—и ослѣпленный Іоаннъ соглашается „оставить ей надежду“. Послѣ ея ухода онъ понимаетъ свою слабость, кается передъ Арунсомъ, молится,—но соблазнъ свилъ гнѣздо въ его душѣ. Когда Іоаннъ погруженъ въ молитву, къ нему прокрадываются Латро и Томрисъ; гладіаторъ хочетъ убить его, какъ соперника, и только на минуту колеблется, внимая его христіанской проповѣди. Онъ не можетъ, однако, повѣрить, что Фламеола предназначается Христу, думаетъ, что Іоаннъ его обманываетъ; онъ бросается на Іоанна, чтобы убить его и отнять тѣмъ самымъ Фламеолу и у Христа, и у его апостола—но обычная твердость гладіатора измѣнила ему: онъ только ранитъ Іоанна, котораго переносятъ въ домъ Фламеолы. Влюбленная патриціанка и ея вѣрный философъ пытаются возбудить въ ослабѣвшемъ апостолѣ нѣжныя настроенія, окружаютъ его цвѣтами, тѣшатъ слухъ его музыкой и будятъ въ немъ любовь къ красотѣ, покорность ея велѣніямъ. Любовь незамѣтно прокрадывается въ душу Іоанна, незамѣтно бесѣда объ экстазѣ божественной любви переходитъ въ мечты двухъ влюбленныхъ о вѣчной близости другъ къ другу, земная страсть вытѣсняетъ мечты о небѣ, языческое начало побѣждаетъ и сцена заканчивается лирическими строфами Фламеолы, гдѣ она предлагаетъ Іоанну сорвать съ ея устъ взятую ею въ ротъ вѣточку мяты: „Если бы ты сорвалъ съ моихъ устъ эту вѣточку мяты, ты утолилъ бы жажду, загорѣвшуюся въ твоей крови, какъ утоляется песокъ водой стекающаго съ горы ручья—если бы ты сорвалъ съ моихъ устъ эту вѣточку мяты! Ты не хочешь? Зачѣмъ страдать? Жажда твоя усиливается, я вижу... Ты излечилъ бы страданія, которыя мучатъ обоихъ насъ—если бы ты сорвалъ съ моихъ устъ эту вѣточку мяты“ и т. д.

Но месть Томрисъ готовитъ гибель влюбленнымъ. Она донесла на христіанъ и большинство ихъ уже взято стражей. Арунсъ, также предувѣдомленный стараніями Томрисъ, прерываетъ свиданіе Іоанна и Фламеолы и своимъ состраданіемъ къ павшему брату будитъ въ немъ раскаяніе. Арунсъ горитъ жаждой мученичества и хочетъ быть во главѣ группы христіанъ, которую пошлютъ въ циркъ на растерзаніе звѣрямъ. Но и Іоаннъ полонъ такого же экстаза, и когда стража приходитъ за нимъ, онъ отталкиваетъ Фламеолу и слѣдуетъ за центуріономъ съ кликами: „Осанна, Осанна!“

Фламеола все еще надѣется спасти Іоанна, убѣждаетъ Арунса смириться и этимъ облегчить судьбу Іоанна, но не можетъ измѣнить

рѣшенія Арунса идти на мученичество; стойкость всей толпы христіанъ смущаетъ ее. Наконецъ, она узнаетъ, что Іоаннъ уже подвергся казни. Она видитъ его на крестѣ — и объявляетъ себя христіанкой. Но ей не дано стать мученицей. Латро, боясь, чтобы смерть не соединила ее съ Іоанномъ, поражаетъ мечомъ и ее и себя, чтобы умереть вмѣстѣ въ язычествѣ. Но послѣднія минуты Фламеолы проникнуты экстазомъ вѣры. Она умираетъ, обмѣниваясь съ умирающимъ на крестѣ Іоанномъ словами утѣшенія и надежды.

Какъ видно изъ простого изложенія, христіанскій элементъ драмы не удался Ришпэну, и весь романъ Іоанна и язычницы съ завершеніемъ его на крестѣ кажется плохимъ маскарадомъ бульварнаго сюжета. Лучшая сторона драмы Ришпэна—изображеніе языческаго міра въ звучныхъ стихахъ (обиліе богатыхъ риѳмъ, доходящихъ до каламбуровъ, дѣлаетъ стихъ Ришпэна подчасъ слишкомъ виртуознымъ и лишеннымъ внутренней красоты), веселость описаній, легкость тона. Но христіанскаго настроенія въ драмѣ нѣтъ, и это дѣлаетъ La Martyre неудачнымъ образцомъ евангельской моды во французской поэзіи.

III.

Emile Faguet. Drame Ancien, Drame Moderne. Paris, 1898. Стр. 274.

Заглавіе книги почтеннаго французскаго критика и профессора можетъ ввести въ заблужденіе. „Новая драма“, казалось бы, включаетъ въ себѣ если не сѣверныхъ и нѣмецкихъ драматурговъ послѣднихъ лѣтъ, то, по крайней мѣрѣ, изъ французскихъ писателей Дюма, Ожье, Сарду и т. д. Но оказывается, что не только они, но и Викторъ Гюго не включенъ въ разрядъ представителей новой драмы. Фагé употребляетъ слово „новый“ въ принятомъ въ школахъ смыслѣ: новая драма обозначаетъ театръ Шекспира, Кальдерона и французскихъ классиковъ, Корнеля и Расина, въ противоположность греческой и римской драмѣ. Книга Фагѐ является такимъ образомъ теоретическимъ разсужденіемъ о характерѣ драмы у различныхъ народовъ. Впрочемъ, эту нѣсколько мертвую тему авторъ съумѣлъ сдѣлать интересной, высказавъ нѣсколько оригинальныхъ и новыхъ мыслей о соотношеніяхъ характера націи и ея художественнаго творчества. Особенно интересны его сужденія о психологическомъ источникѣ французской классической драмы. И то, что̀ онъ говоритъ о классическомъ французскомъ театрѣ XVII в., примѣнимо и къ позднѣйшимъ эпохамъ французской драмы. Въ лучшихъ классическихъ произведеніяхъ полнѣе сказывается сущность національнаго характера, вотъ почему онѣ представляютъ болѣе

подходящій матеріалъ для писателя, соединяющаго въ себѣ литературнаго критика и психолога. „Историческій вѣкъ великой націи,— говоритъ Фагé, — есть тотъ, въ которомъ выработалась форма, наиболѣе соотвѣтствующая духу народа, а классическій вѣкъ въ литературѣ не что иное, какъ историческій вѣкъ націи, духъ которой отразился въ этой литературѣ".

Классическая французская драма выработалась не самостоятельно, а подъ вліяніемъ различныхъ элементовъ, различнымъ образомъ сочетавшихся съ основными національными чертами. Трудно придумать болѣе вѣрное и трезвое опредѣленіе французскаго ума, чѣмъ то, которое даетъ Фагѣ, говоря о французахъ, какъ о націи, преисполненной здравымъ смысломъ и разсудочностью, и обладающей лишь очень слабой долей воображенія. Этими національными свойствами объясняется характеръ французской литературы съ самыхъ ея первыхъ шаговъ. Все въ ней соотвѣтствовало требованіямъ ясности, порядка, логики. „Теорія искусства для искусства почти невыносима намъ",— говоритъ Фагé — и эти слова очень характерны. Были, конечно, во Франціи художники, служившіе „искусству для искусства", но они антинаціональны и находили меньше сочувствія на родинѣ, чѣмъ за ея предѣлами.

Мистицизмъ, привившійся во Франціи въ средніе вѣка, Фагé считаетъ элементомъ наноснымъ, создавшимъ лишь случайныя явленія въ литературѣ. Франція вернулась къ національнымъ традиціямъ въ періодъ возрожденія, почерпнувъ изъ своего изученія древности лишь тѣ черты, которыя соотвѣтствовали народному духу. Сформировавшійся изъ этихъ различныхъ элементовъ—психологической первоосновы, средневѣковаго мистицизма и греческаго культа красоты—національный характеръ отразился полнѣе всего въ трагедіи, которую критикъ разсматриваетъ какъ типъ національнаго творчества и сравниваетъ ее съ греческой драмой съ одной стороны, англійской и испанской съ другой.

Греческую драму—или, вѣрнѣе, трагедію, какъ высшую ступень драмы этическаго творчества, Фагѣ считаетъ основой всей позднѣйшей, новой, европейской драмы. Характеръ греческой трагедіи менѣе всего синтетическій. Она не стремится къ кратчайшему ходу дѣйствія, къ быстротѣ развязки. Въ ней силенъ эпическій элементъ, основанный на томъ, что греки любили красоту ради нея самой, и такъ мало заботились о драматическомъ интересѣ, что охотно даже обходились безъ всякаго дѣйствія въ трагедіяхъ, превращая ихъ изъ драмъ въ трагическія картины, въ разсказы среди пассивныхъ положеній. Паѳосъ драматическаго интереса отсутствуетъ въ греческой трагедіи и это ведетъ и къ отсутствію единства. Если зритель не

заинтересованъ въ разрѣшеніи поставленной съ самаго начала загадки, то дѣйствіе можетъ распадаться на сколько угодно составныхъ частей, лишь бы каждая изъ нихъ представляла не драматическій, а художественный интересъ. Фагѐ насчитываетъ нѣсколько параллельныхъ дѣйствій въ драмахъ Эсхила и даже у Софокла, въ „Королѣ Эдипѣ", гдѣ нѣтъ единства дѣйствія: послѣ того какъ тайна раскрыта и дѣйствіе трагедіи тѣмъ самымъ кончается, Софоклъ продолжаетъ ее еще и пишетъ финальныя сцены, ненужныя для дѣйствія, но прекрасныя сами по себѣ.

Кромѣ эпическаго элемента, въ греческихъ драмахъ еще очень силенъ лирическій — не только въ хорахъ, но и внѣ ихъ, въ отступленіяхъ, которыя составляютъ иногда самую прекрасную, хотя и мало способствующую развитію дѣйствія часть.

Когда въ XV и XVI вѣкѣ четыре европейскія націи—итальянцы, испанцы, англичане и французы стали изучать древнюю трагедію, это повело къ созданію нѣсколькихъ типовъ драмы, различныхъ одинъ отъ другого; различіе обусловливалось тѣмъ, какая изъ пяти составныхъ частей греческой трагедіи (эпическій, лирическій, драматическій, музыкальный или пластическій элементъ) наиболѣе соотвѣтствовала характеру страны и получала наиболѣе широкое развитіе. Англичане и испанцы построили національную драму на эпическомъ и драматическомъ элементѣ, такъ что эпическій эпизодъ греческой трагедіи они превратили въ полную эпопею. Греческая трагедія—эпизодъ, англійская трагедія—поэма. Для греческой трагедіи достаточно было очень короткаго, но рѣшительнаго момента въ жизни героя, чтобы, разнообразя его изображеніе торжественными и трогательными лирическими и музыкальными строфами, создать величественныя потрясающія драматическія картины. Англійскій же драматургъ, лишенный вспомогательныхъ средствъ древней трагедіи, нуждается въ болѣе разнообразномъ и длинномъ дѣйствіи, и поэтому не ограничивается моментомъ кризиса, а захватываетъ значительную часть предъидущей жизни героя. То, что въ греческой трагедіи составляетъ всю драму, въ англійской становится лишь развязкой. Это измѣненіе драматической манеры, преобладаніе исторіи надъ драматическимъ моментомъ ведетъ въ англійской драмѣ къ широкому развитію психологіи, къ изображенію характеровъ и человѣческихъ массъ, которыя изъ служебной роли греческаго хора переходятъ къ широкому самостоятельному существованію въ драмахъ англійскихъ и испанскихъ авторовъ. Установившееся, какъ постоянный законъ, смѣшеніе трагическаго и комическаго элементовъ въ новой драмѣ повело также къ болѣе широкому изображенію жизненной правды, замѣнившему сжатость и сосредоточенность идейнаго начала въ античной трагедіи. Такимъ обра-

зомъ, перейдя изъ забытыхъ на время греческихъ и латинскихъ книгъ въ руки великихъ испанскихъ и англійскихъ поэтовъ, античная трагедія утратила многія свои составныя части, но за то обогатилась другими, развила свою историческую и этическую основу, и вмѣсто того, чтобы быть, какъ прежде, гармоничнымъ синтезомъ всѣхъ родовъ искусства, стала сильнымъ и глубокимъ выраженіемъ жизни, со всѣмъ ея разнообразіемъ.

Французская трагедія, вдохновляясь античной, также избрала лишь соотвѣтствующіе національному духу элементы. Лиризмъ изгнанъ совершенно, также какъ и сочетаніе эпоса съ драмой. У грековъ эпическій разсказъ составлялъ желательный аксессуаръ трагедіи, у англичанъ онъ сталъ основой всей драмы; французская же трагедія не терпитъ его ни въ центрѣ дѣйствія, ни въ видѣ побочныхъ эпизодовъ. Въ то время какъ англійская драма расширяла дѣйствіе античной трагедіи, французская, напротивъ того, стремится какъ можно болѣе съузить, сжать его. Единство дѣйствія становится абсолютнымъ закономъ. Въ этомъ сказывается направленіе французскаго ума. Лирическій и эпическій элементъ изгоняются изъ драмы, потому что французы не поэтическая раса. Фагѐ приводитъ знаменательныя слова Вольтера о томъ, что французы менѣе поэтичны, чѣмъ всѣ другіе народы, что изъ всѣхъ родовъ поэзіи во Франціи процвѣтаетъ только драма, которая пишется наиболѣе близкимъ къ дѣйствительности разговорнымъ языкомъ.

Изъятіе изъ драмы всѣхъ элементовъ, кромѣ чисто-драматическаго, соотвѣтствуетъ также французской любви къ ясности, къ простымъ линіямъ въ настроеніи. Драма, сведенная къ своей сущности, является только воспроизведеніемъ дѣйствія, развитіемъ интриги, которая составляетъ элементъ логики въ пьесѣ. Сопоставить извѣстное число отвлеченныхъ силъ, привести ихъ въ дѣйствіе, комбинировать ихъ взаимоотношенія, соразмѣрять слѣдствія съ причинами и направлять дѣйствіе къ единому, логически замыкающему дѣйствіе концу—въ этомъ заключается искусство создавать и вести интригу съ надлежащей точностью, прямотой, отсутствіемъ отклоненій, и въ этомъ искусствѣ французскіе классическіе драматурги великіе мастера. Драматическое творчество сводится ими къ своего рода психологическимъ загадкамъ, разрѣшеніе которыхъ и составляетъ развязку, такъ что главнымъ драматическимъ пріемомъ становится возбужденіе любопытства, что въ свою очередь ведетъ къ единству дѣйствія, потому что для того, чтобы какъ можно сильнѣе возбудить любопытство, нужно сосредоточить его на одномъ предметѣ. Быстрота развитія дѣйствія, напряженность его становится тѣмъ самымъ одной изъ отличительныхъ чертъ французской трагедіи.

Французскій умъ обладаетъ еще однимъ свойствомъ—практичностью, и въ трагедіи это ведетъ къ развитію нравоучительнаго элемента, къ сентенціозности французскихъ трагедій и ораторскому ихъ характеру. Въ греческой трагедіи дѣйствіе останавливается, чтобы уступить мѣсто одѣ, поэтическому размышленію или эпическому отрывку, французская же трагедія при всей своей напряженности оставляетъ мѣсто для нравоучительныхъ заключеній и сентенцій.

Въ трагедіи этого рода, гдѣ главной двигательной силой является драматическій интересъ, изображеніе характеровъ отступаетъ на второй планъ. Въ этомъ близость французской трагедіи къ греческой: и та и другая избираютъ лишь моментъ высочайшаго сосредоточенія душевныхъ силъ и изъ него извлекаютъ психологическій матеріалъ трагедіи; точно также исторія интересуетъ ихъ только какъ источникъ драматическихъ положеній и не какъ предметъ самостоятельнаго интереса. Если классическіе французскіе драматурги, Корнель, Расинъ, и обнаруживаютъ историческое чутье въ своихъ трагедіяхъ, если у нихъ воспроизведенъ колоритъ эпохи и мѣста, то въ этомъ сказывается ихъ индивидуальность, не укладывающаяся вполнѣ въ рамки національнаго творчества.

Сравнивая между собой три различныхъ типа драмы, созданныхъ взаимодѣйствіемъ греческаго вліянія и національнаго характера, Фагé опредѣляетъ французскую трагедію — самое полное отраженіе національнаго духа,—какъ твореніе логики, ораторскаго краснорѣчія и практической морали. „Это наименѣе поэтичный родъ драмы, — говоритъ онъ, — наименѣе реальный и живой, но самый точный, твердый въ своемъ развитіи, наиболѣе развившій нравоучительную сторону драмы".

Греки избирали какой-нибудь наиболѣе простой фактъ и окружали его всѣми измышленіями искусства, чтобы создать этимъ путемъ эстетическое цѣлое, преисполненное полной и совершенной гармоніи.

Англичане брали болѣе широкіе сюжеты и еще болѣе расширяли и развивали ихъ, стремясь обнять жизнь во всемъ ея безконечномъ разнообразіи. Французскіе же классики останавливаются на какомъ-нибудь простомъ событіи и располагаютъ причины и слѣдствія такъ, чтобы заключеніе выходило изъ посылокъ наиболѣе логичнымъ и неожиданнымъ образомъ.

Греки, любители красоты, изображаютъ простые характеры, потому что простота заключаетъ въ себѣ красоту линій и благородство положеній. Англичане, съ ихъ любовью къ реальной дѣйствительности, изображаютъ сложные характеры, потому что жизнь есть нѣчто безконечно сложное. Французы, для которыхъ доводы разума дороже всего, изображаютъ отвлеченные характеры, потому что отвлеченный характеръ воплощаетъ идею. Такимъ образомъ, греческая трагедія остав-

ляетъ общее впечатлѣніе художественнаго цѣлаго, англійская драма—широкой картины дѣйствительной жизни, французская трагедія—разсужденія, логически продуманнаго и доведеннаго до конца, до неожиданной и необходимой развязки. Интересъ греческой драмы — созерцаніе прекраснаго, англійской—ощущеніе полной жизни, французской—любопытства, удовлетвореннаго логикой.

Единство греческой драмы заключается въ единствѣ эстетическаго впечатлѣнія, единство англійской драмы—въ единствѣ историческаго или психологическаго цѣлаго, породившаго драму, французская же драма стремится къ единству дѣйствія. Муза греческой трагедіи—красота, англійской—истина, французской—разумъ. Въ греческомъ драматургѣ совмѣщается скульпторъ, музыкантъ, лирикъ, эпикъ, въ англійскомъ—историкъ, моралистъ, философъ, во французскомъ—діалектикъ, ораторъ и учитель нравственности.

Вотъ выводы, къ которымъ приходитъ Фагѐ въ своемъ сравнительномъ изученіи античной и новой драмы различныхъ типовъ. Ему нельзя поставить въ упрекъ шовинизма. Характеристика французской классической трагедіи сдѣлана съ полнымъ безпристрастіемъ и справедлива въ указаніи преобладанія раціональнаго элемента. Англійская драма, въ особенности Шекспиръ, едва ли исчерпывается бѣглыми замѣчаніями Фагѐ о преобладаніи дѣйствія надъ другими элементами драматическаго интереса. Но въ общей схемѣ различныхъ типовъ драмы отличительныя свойства отдѣльныхъ націй указаны очень справедливо и ярко.

Въ книгѣ Фагѐ есть много любопытныхъ подробностей въ разборѣ отдѣльныхъ видовъ драмы и, какъ сводъ теоретическихъ выводовъ изъ исторіи развитія драмы, книга его имѣетъ большой интересъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1898.

Характерныя черты трехъ Городовыхъ Положеній, изданныхъ въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія (1846—1892). — Видоизмѣненія главныхъ началъ, лежащихъ въ ихъ основаніи и опредѣляющихъ: 1) отношеніе городской администраціи къ городскому общественному управленію, и 2) предѣлы избирательнаго права обывателей столицы.—Можетъ ли государственный квартирный налогъ возмѣстить городу ущербъ отъ закрытія, по закону, нѣкоторыхъ источниковъ городскихъ доходовъ? —Необходимость, при этомъ, распространенія избирательныхъ правъ на плательщиковъ новаго налога.

Наше городское общественное управленіе, несмотря на истекшее первое столѣтіе его существованія (1786—1896 г.), едва ли не самое юное въ Европѣ, гдѣ подобныя учрежденія дѣйствуютъ уже въ теченіе многихъ столѣтій. Но и въ этотъ, относительно, краткій періодъ оно не имѣло возможности развиваться и укрѣпляться послѣдовательно; въ теченіе одного послѣдняго полувѣка оно трижды испытало на себѣ болѣе или менѣе рѣзкія перемѣны въ самыхъ основахъ—и притомъ иногда въ противоположныхъ направленіяхъ: въ 1846 г., 1870 г. и 1892 г. Это именно годы изданія трехъ Городовыхъ Положеній, смѣнившихъ, въ относительно короткое время, другъ друга, что, конечно, не могло послужить къ дальнѣйшему развитію городского общественнаго управленія на прочныхъ началахъ, въ соотвѣтствіи съ развитіемъ и успѣхами общественности въ городахъ за послѣднее время. При сравненіи этихъ трехъ вышеупомянутыхъ законовъ, можно усмотрѣть скорѣе колебанія между различными системами и иногда даже отступленія отъ тѣхъ началъ, которыя уже начали-было входить въ жизнь и укореняться. При такихъ частыхъ перемѣнахъ въ духѣ и направленіи городского законодательства, въ теченіе какого-нибудь пятидесятилѣтія, не должно быть особенно удивительно, если городское общественное управленіе не приносило до сихъ поръ тѣхъ плодовъ, какихъ слѣдовало бы ожидать отъ него, какъ не приносило бы никакихъ плодовъ и поле, перепахиваемое въ одно лѣто нѣсколько разъ, прежде нежели на немъ успѣло взойти посѣянное, будучи вновь засѣваемо по новымъ соображеніемъ новаго его собственника.

Различія, а иногда и противоположности основъ городского общественнаго управленія въ три различныя эпохи относились, главнѣйшимъ образомъ, къ двумъ пунктамъ, а именно: къ способу разграниченія правъ и обязанностей городского общественнаго управленія и городской ад-

министраціи, съ одной стороны, и съ другой—къ составу городской Думы и степени ея самостоятельности во внутренней жизни и дѣятельности, разсматриваемой въ предѣлахъ области городского хозяйства. Къ половинѣ 40-хъ годовъ городское общественное управленіе, призванное къ жизни впервые имп. Екатериною II, можно сказать, почти уже не существовало, уступивъ фактически свое мѣсто административному управленію,—и, какъ оказалось, не къ выгодѣ городского хозяйства, весьма сложнаго, отвѣтственнаго и уже довольно обширнаго даже и въ ту отдаленную отъ насъ эпоху. Первый законодательный актъ, въ началѣ послѣдняго пятидесятилѣтія,—Городовое Положеніе 1846 года,—имѣлъ потому въ виду возложить снова на городское общественное управленіе трудъ по завѣдыванію городскимъ хозяйствомъ, — трудъ, который во всемъ его объемѣ и вездѣ оказывается, рано или поздно, непосильнымъ для городской администраціи. Но въ этомъ первомъ Городовомъ Положеніи 1846 года сильный перевѣсъ тѣмъ не менѣе остался на сторонѣ городской администраціи, а составъ городской Думы явился сословнымъ. Второй законодательный актъ, Городовое Положеніе 1870 года, увеличилъ нѣсколько самостоятельность городской Думы, безъ чего нѣтъ, собственно говоря, и отвѣтственности, и въ то же время измѣнилъ составъ ея—прежняя сословная Дума сдѣлалась безсословною, но право участія въ городскихъ выборахъ было ограничено такими признаками, что изъ 600 — 700 тысячъ жителей Петербурга того времени избирательнымъ правомъ могли воспользоваться менѣе 20.000 лицъ. Послѣднее Городовое Положеніе 1892 года, третье въ истекшемъ пятидесятилѣтіи (1846—1896 гг.), значительно уменьшило самостоятельность городского общественнаго управленія, поставивъ его не только подъ контроль администраціи, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ полную зависимость отъ него — такъ, члены Управы могутъ, послѣ двукратныхъ выборовъ, не получившихъ утвержденія со стороны администраціи, прямо назначаться ею; многія изъ постановленій Думы нынѣ требуютъ также утвержденія; при составленіи городской смѣты Дума не пользуется прежнею степенью самостоятельности; исполнительныя коммиссіи, хотя предсѣдатели ихъ не утверждаются, не приступаютъ къ дѣйствію безъ особеннаго на то разрѣшенія администраціи и т. д., и т. д. Въ нынѣшнемъ году выборы товарища Городского Головы не состоялись, а потому въ первый разъ въ составъ Управы войдетъ лицо, назначенное администраціей; не утверждены первые выборы городского секретаря и предсѣдателя одной изъ исполнительныхъ коммиссій. Относительно же личнаго состава самой Городской Думы, послѣднее Городовое Положеніе 1892 г. сократило для г. Петербурга, какъ число гласныхъ, съ 252 на 160, такъ и число избирателей, сравнительно съ Городо-

вымъ Положеніемъ 1870 г.: вмѣсто прежнихъ 19 — 20 тысячъ избирателей, городъ, достигшій нынѣ 1.200.000 населенія, имѣетъ всего— отъ 6 до 7 тысячъ. Вообще, можно сказать, что послѣднее Городовое Положеніе стало ближе къ Положенію 1846 года и значительно отступило отъ Положенія 1870 года, что во многихъ отношеніяхъ понизило степень самодѣятельности городского общественнаго управленія — и, какъ показалъ опытъ, едва ли къ выгодѣ для дальнѣйшихъ успѣховъ городского хозяйства.

Но нѣкоторые органы печати не раздѣляютъ и такого взгляда на послѣднее Городовое Положеніе, находя, что нынѣ слѣдовало бы пойти гораздо дальше и радикально покончить съ городскимъ общественнымъ управленіемъ, передавъ все городское хозяйство въ руки администраціи. Газета „Гражданинъ“ даже припомнила, по этому случаю, извѣстное изреченіе Катона, и, касаясь дѣятельности столичной городской Думы, начала въ послѣднее время заключать всѣ свои разсужденія словами: „Caeterum censeo“ — городскую Думу нужно просто закрыть! Нельзя, конечно, оспаривать серьезно подобные афоризмы нашихъ доморощенныхъ „Катоновъ“; но пусть они вспомнятъ хотя бы то, что, въ эпоху самого императора Николая I, правительство нашло въ 1846 г. необходимымъ возвратить городской Думѣ хотя бы тѣнь самостоятельности, фактически уничтоженной администраціею предшествующаго времени. Дѣйствительно, еще въ 20-хъ годахъ роль городского общественнаго управленія была до такой степени ничтожна, что въ Комитетѣ, образованномъ, по Высочайшему повелѣнію 11-го ноября 1824 г., для пособія пострадавшимъ отъ наводненія 7-го ноября того же года, не было вовсе представителя отъ города, и Комитету было предоставлено избрать, „для присутствованія въ ономъ, двухъ членовъ изъ здѣшняго россійскаго купечества“. Съ другой стороны, пусть газета „Гражданинъ“ подумаетъ объ одномъ несравненномъ удобствѣ и выгодѣ, какія представляетъ городское общественное управленіе: его дѣйствія газета можетъ разбирать, хулить, даже безъ опасенія, притомъ, быть привлеченною къ какой-нибудь отвѣтственности; но, конечно, если бы желаніе газеты исполнилось, и все хозяйство городское перешло бы въ руки администраціи, то газета и не подумала бы воспользоваться мудростью Катона при обсужденіи городского хозяйства, и предпочла бы вспомнить болѣе современную и болѣе практичную поговорку: la silence est d'or!

Въ виду всей такой исторической судьбы нашего городского законодательства, было бы болѣе интересно обсуждать не дѣятельность городского общественнаго управленія, дѣйствительно неудовлетворительную во многихъ отношеніяхъ, главное же, не соотвѣтствующую

настоятельнымъ потребностямъ и нуждамъ столичнаго города, а изслѣдовать причины такой малоуспѣшности этой дѣятельности.

Именно объ этомъ-то всего менѣе и говорятъ, предпочитая болѣе доступное дѣло — критику дѣятельности городского общественнаго управленія, которое, нельзя не признать, — и само даетъ иногда не мало пищи для осужденія. Но не было ли бы справедливѣе и полезнѣе обратить, главнымъ образомъ, вниманіе на коренныя причины такого печальнаго явленія—печальнаго уже не для городского общественнаго управленія, но, что̀ гораздо хуже — для самого города и его хозяйства. Мы упомянули выше, что до сихъ поръ судьба городского общественнаго управленія зависѣла отъ неустойчивости основъ въ городскомъ законодательствѣ, слишкомъ часто измѣнявшихся,— иногда въ противоположномъ смыслѣ, и, притомъ, всегда въ зависимости отъ какихъ-нибудь посторонніхъ причинъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ такому дѣлу, какъ городское хозяйство—напримѣръ, отъ всего хода внутренней политики, съ которою оно, повидимому, не должно имѣть ничего общаго. Особенно важными являлись, при этомъ, два пункта: съ одной стороны, способъ разграниченія сферы городского общественнаго управленія и городской администраціи, съ тѣмъ, чтобы послѣдняя, имѣя самый бдительный надзоръ за первымъ, не замѣняла его собою; а съ другой—способъ опредѣленія состава представительства и самостоятельности его въ распоряженіи матеріальными средствами, получаемыми какъ отъ обывателей города, такъ и отъ собственной его предпріимчивости.

Что касается перваго пункта, то разсмотрѣніе его было бы возможно при пересмотрѣ нынѣ дѣйствующаго Городового Положенія, почти во всемъ его объемѣ, и притомъ съ точки зрѣнія интересовъ не городской администраціи и не городского общественнаго управленія,—а, что̀ гораздо важнѣе, съ точки зрѣнія интересовъ самого города и его хозяйства, и принимая, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ соображеніе указаніе практики другихъ странъ, гдѣ городское хозяйство давно уже находится въ цвѣтущемъ состояніи. Вотъ почему мы ограничимся нынѣ однимъ вторымъ пунктомъ, гдѣ достаточно было бы одной частичной перемѣны, безъ пересмотра Городового Положенія въ его полномъ составѣ, и что̀, по нашему мнѣнію, могло бы во многомъ улучшить ходъ городского хозяйства. Если слухъ, появившійся въ газетахъ прошедшею зимою, о томъ, что есть мысль о передачѣ городамъ въ ихъ распоряженіе государственнаго квартирнаго налога, въ виду того, что, съ перемѣною въ акцизномъ дѣлѣ, они должны будутъ потерять одинъ изъ важныхъ источниковъ дохода — сколько-нибудь справедливъ, то при этомъ представился бы вполнѣ удобный случай къ улучшенію личнаго состава представительства въ городахъ.

Этотъ вопросъ имѣетъ, впрочемъ, уже свою исторію, и довольно уже старую,—но одно въ этомъ старомъ остается постоянно новымъ: это—возраженія противъ того, чтобы, вмѣстѣ съ введеніемъ квартирнаго налога, были распространены на квартирантовъ и избирательныя права. Между тѣмъ, такое распространеніе было бы вполнѣ согласно съ духомъ всѣхъ трехъ Городовыхъ Положеній послѣдняго полувѣка, гдѣ въ основѣ избирательнаго права положено, главнѣйше, участіе лица въ доходахъ города, посредствомъ внесенія въ городскую кассу городскихъ повинностей и налоговъ. Тѣмъ не менѣе, подобная мѣра встрѣчала постоянно противодѣйствіе, и прежде всего со стороны самихъ Думъ, но возможно, что она имѣетъ не мало противниковъ и внѣ городского общественнаго управленія.

Разсмотримъ этотъ вопросъ нѣсколько ближе, и, притомъ, вовсе не съ какой-нибудь теоретической точки зрѣнія, а именно—съ практической. Одна простая передача государственнаго квартирнаго налога въ пользу городовъ, конечно, увеличитъ въ соотвѣтственной суммѣ доходъ городской кассы, хотя едва ли тѣмъ возмѣститъ вполнѣ то, что городъ теряетъ; но совершенно другое должно сказать, если такая передача будетъ неразрывно связана съ вопросомъ о распространеніи избирательнаго права на квартирантовъ.

Для успѣха каждаго дѣла, будетъ ли оно частное, общественное, или правительственное, обыкновенно считаются необходимыми два фактора: деньги, а еще болѣе—люди. Въ городскомъ общественномъ управленіи и то, и другое опредѣляется, во всѣхъ подробностяхъ, двумя группами статей нынѣ дѣйствующаго Городового Положенія 1892 г. Глава V-ая этого Положенія: „О сборахъ въ пользу городскихъ поселеній“ (статьи 127—137), опредѣляетъ тѣ основные источники, изъ которыхъ городамъ предоставлено почерпать матеріальныя средства для того, чтобы вести съ успѣхомъ, конечно, соотвѣтственнымъ этимъ средствамъ, все городское хозяйство, дополняя эти средства, безъ всякаго уже ограниченія, кромѣ общихъ существующихъ узаконеній, регулирующихъ всякую дѣятельность, доходами съ недвижимыхъ городскихъ имуществъ и капиталовъ, промышленныхъ предпріятій и т. п. Послѣдняго рода доходы, могущіе быть самыми важными и самыми удобными сравнительно съ налогами уже потому, что они не требуютъ увеличенія послѣднихъ,—зависятъ главнымъ образомъ отъ „людей“, т.-е. отъ возможности для города болѣе широкаго и цѣлесообразнаго выбора тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, которымъ приходится довѣрять веденіе городского хозяйства. Выборъ же лицъ для веденія городского хозяйства опредѣляется, или, вѣрнѣе сказать, тѣсно ограничивается другою группою статей Городового Положенія 1892 г., а именно первымъ отдѣленіемъ главы II-ой:

„Объ избраніи городскихъ гласныхъ“ (статьи 23—55). Статья 24-ая этого перваго отдѣленія главы второй подробно перечисляетъ всѣ тѣ существенные признаки, наличность которыхъ должна какъ бы ручаться за присутствіе, въ лицѣ избирателя и избираемаго, всѣхъ необходимыхъ качествъ для удачнаго выбора состава Думы, а слѣдовательно и для успѣшнаго веденія городского хозяйства. Такими главными признаками сочтены: 1) недвижимое имущество, и 2) торгово-промышленное предпріятіе, съ однимъ, впрочемъ, еще ограниченіемъ для столицъ, гдѣ лица первой гильдіи только въ такомъ случаѣ пользуются избирательными правами, если ихъ предпріятіе „*требуетъ* выборки свидѣтельства первой гильдіи“. Предполагается относительно всѣхъ такихъ лицъ, носящихъ на себѣ вышеупомянутые признаки, что они, во-первыхъ, особенно заинтересованы въ процвѣтаніи городского хозяйства, и, во-вторыхъ, что они платятъ налоги, изъ которыхъ составляется доходъ города, а потому является справедливымъ—имъ же предоставить и распоряженіе городскими расходами. На практикѣ же цѣлыхъ десятковъ лѣтъ оказалось, что въ дѣйствительности упомянутая статья тѣсно ограничила кругъ выбора, и тѣмъ самымъ исключила изъ него массу лицъ, которыя, однако, если и не обладаютъ тѣми двумя главными признаками, то имѣютъ другія не менѣе цѣнныя качества, но они вовсе не принимаются нынѣ въ разсчетъ при выборахъ, требующихъ отъ лица только недвижимой собственности, или торгово-промышленнаго предпріятія. При этомъ замѣчалось иногда еще и то, что домовладѣлецъ, какъ домовладѣлецъ, не охотно отстаиваетъ необходимость, напримѣръ, санитарныхъ мѣръ или увеличенія числа школъ и т. п., такъ какъ доходъ съ дома или торгово-промышленнаго предпріятія не только не увеличивается отъ повышенія городскихъ расходовъ на упомянутые предметы, а скорѣе уменьшается, ибо влечетъ за собою лишнія затраты, которыя могутъ потребовать повышенія налоговъ, т.-е. уменьшенія личныхъ доходовъ съ недвижимаго имущества или торгово-промышленнаго предпріятія. Да и вообще, пріобрѣтеніе недвижимой собственности въ городѣ, или открытіе торгово-промышленнаго заведенія доказываютъ не какія-либо особыя симпатіи лица къ городу, а только то, что домъ или фабрика въ данное время дѣлаются для владѣтеля капитала болѣе удобнымъ, болѣе выгоднымъ его помѣщеніемъ; купившій домъ или открывшій фабрику не обязанъ даже и проживать въ томъ городѣ, гдѣ онъ пріобрѣлъ недвижимую собственность. Платимый же домовладѣльцемъ налогъ оплачивается, собственно говоря, его квартирантами, такъ какъ онъ, конечно, разлагаетъ этотъ налогъ на собираемую имъ наемную плату за квартиры, и такимъ образомъ является для городского общественнаго управленія даровымъ сборщикомъ съ квартирантовъ, и хорошо еще, если онъ при этомъ не возлагаетъ на нихъ особаго чрезмѣрнаго вознагражде-

нія за свой не особенно тяжелый трудъ—получать съ нихъ плату за квартиру, а торговецъ, въ случаѣ повышенія взимаемаго съ него налога, ограничится возвратомъ этого повышенія въ цифрѣ его размѣра и не наложитъ на своего кліента, на всякій случай, вдвое противъ того.

Между тѣмъ, на основаніи 136-ой статьи новаго Городового Положенія 1892 г., какъ и по 135-ой статьѣ прежняго Городового Положенія 1870 г., городскимъ думамъ предоставлено, сверхъ сбора съ домовладѣльцевъ, вводить, установленнымъ порядкомъ, особо отъ того квартирный налогъ непосредственно на квартирантовъ, и при этомъ въ новомъ Городовомъ Положеніи 1892 г. уже прямо сказано, что сборъ взимается не съ квартиръ вообще, а съ самихъ нанимателей квартиръ. При всей ограниченности денежныхъ средствъ нашихъ городовъ сравнительно съ иностранными городами, до сихъ поръ, въ теченіе 25 лѣтъ, были весьма рѣдки примѣры ходатайства со стороны городскихъ Думъ о разрѣшеніи имъ ввести у себя квартирный налогъ и при томъ съ распространеніемъ на квартирантовъ избирательныхъ правъ. Такъ, въ 1888 году, предъ новыми выборами въ Москвѣ и Петербургѣ, городскія Управы сдѣлали попытку войти въ Думу съ докладомъ о введеніи квартирнаго налога, и при этомъ московская городская Управа предложила, вмѣстѣ съ тѣмъ, распространить на квартирантовъ и избирательныя права. Авторами этого послѣдняго доклада были магистранты московскаго университета по каѳедрамъ полицейскаго и финансоваго права, гг. Яновскій и Свирщевскій, разсмотрѣвшіе подробно всѣ возраженія, какія обыкновенно принято противопоставлять предложенію распространенія избирательныхъ правъ на квартиронанимателей. Но ни въ петербургской Думѣ, ни въ московской эти доклады, понятно, не встрѣтили сочувствія, и не могли встрѣтить, со стороны большинства, составившагося на основаніи ст. 24, а потому и ходатайствъ о введеніи квартирнаго налога, притомъ съ расширеніемъ круга избирателей, не состоялось, несмотря на то, что въ Москвѣ квартирный сборъ, по разсчету упомянутыхъ авторовъ доклада московской Управы, организованный на проектированныхъ ими началахъ, могъ бы дать городу Москвѣ до 800 тысячъ рублей ежегоднаго дохода; петербургская Управа ожидала, 10 лѣтъ тому назадъ, около 600 тысячъ рублей, что̀ нельзя не признать крайне умѣреннымъ, такъ какъ около того времени въ Берлинѣ (1885 г.) квартирный сборъ достигалъ $10^1/_2$ милліоновъ марокъ, или болѣе 5 милліоновъ рублей. Но наши города вообще предпочитали, повидимому, терпѣть нужду, отказывая жителямъ въ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ потребностей, и избѣгали квартирнаго налога. Для такого воздержанія отъ указаннаго въ законѣ средства увеличенія денежныхъ средствъ,

должна была существовать какая-нибудь общая всѣмъ городамъ причина. Но между тѣмъ какъ города, подъ вліяніемъ такой особой и весьма понятной причины, колебались воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ на ходатайство о введеніи квартирнаго налога, правительство само ввело этотъ налогъ въ пользу казны, и съ того времени явилось, такимъ образомъ, еще новое основаніе къ тому, чтобы города уже совершенно отказались на будущее время отъ взиманія, сверхъ государственнаго, также и городского квартирнаго налога, изъ естественнаго опасенія слишкомъ обременить городскихъ обывателей новымъ сборомъ съ того же плательщика и съ того же предмета.

Впрочемъ, если бы государственный квартирный налогъ и не былъ введенъ, то тѣмъ не менѣе и городской квартирный налогъ, надобно думать, оставался бы также не введеннымъ и до сихъ поръ, такъ какъ вышеуказанная главная причина такого воздержанія городскихъ думъ отъ квартирнаго налога продолжала бы дѣйствовать непрерывно. Постояннымъ препятствіемъ къ тому служило бы опасеніе, что рано или поздно квартирный налогъ могъ подвести квартирантовъ подъ тотъ принципъ, благодаря которому сами домовладѣльцы пользуются избирательнымъ правомъ, а именно: квартиронаниматели приняли бы личное участіе, помимо домовладѣльцевъ, въ доставленіи доходовъ городу, подобно самимъ домовладѣльцамъ, или лицамъ торговопромышленнымъ, а слѣдовательно, не было бы основанія лишать ихъ права быть избирателями и избираемыми. Ходатайства же о распространеніи такого права на квартирантовъ трудно было бы ожидать отъ большинства домовладѣльцевъ и торгово-промышленныхъ людей, такъ какъ такое ходатайство было бы равносильно просьбѣ о лишеніи ихъ той привилегіи, которою они пользуются.

Если вѣрить вышеупомянутымъ слухамъ, проникшимъ и въ печать, о томъ, что есть предположеніе о возмѣщеніи государственнымъ квартирнымъ налогомъ того ущерба, который ожидаетъ города, въ виду сокращенія нѣкоторыхъ изъ ихъ прежнихъ источниковъ,—то едва ли бы, по нашему мнѣнію, было полезно при этомъ ограничиться одною финансовою стороною такой передачи новаго источника доходовъ въ руки города, безъ совмѣстнаго разрѣшенія вопроса о распространеніи избирательныхъ правъ на квартирантовъ, такъ какъ они лично понесутъ на себѣ, одновременно съ домовладѣльцами, денежную повинность, и притомъ,—сверхъ того, что они уже уплачиваютъ городу въ квартирной цѣнѣ, чрезъ посредство домовладѣльца. Конечно, рѣшеніе вопроса о самой передачѣ городамъ государственнаго квартирнаго налога,—и на этотъ разъ безъ всякаго обремененія обывателей, такъ какъ они уже его вносятъ въ казну не

первый годъ,—прежде всего зависитъ отъ министерства финансовъ; вопросъ же о распространеніи, при этомъ, избирательныхъ правъ на плательщиковъ налога принадлежитъ тому министерству, въ вѣдомствѣ котораго находится городское общественное управленіе; но, собственно говоря, и министерство финансовъ, если и не имѣетъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи городского хозяйства, то оно тѣмъ не менѣе, какъ и министерство внутреннихъ дѣлъ, заинтересовано въ процвѣтаніи и особенно въ ростѣ богатства городскихъ поселеній.

Какъ видно изъ всей исторіи этого вопроса, при его разработкѣ на первомъ планѣ всегда встрѣчалось одно препятствіе, которое, главнымъ образомъ, противопоставлялось расширенію избирательныхъ правъ его противниками въ печати, а именно, указывалось при этомъ, что рѣшеніе такого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ непремѣнно должно пріобрѣсть какую-то политическую окраску. Подъ политической же окраской, конечно, разумѣется въ настоящемъ случаѣ опасность ввести при этомъ въ городскія Думы такой элементъ населенія, который можетъ представиться неблагонадежнымъ. При всей сомнительности такого мотива, который является въ видѣ гипотезы, съ другой стороны,—на практикѣ, приходится имѣть дѣло уже не съ гипотезой, а съ несомнѣннымъ фактомъ исключенія, изъ круга избирателей, людей самыхъ полезныхъ, которые въ то же время не даютъ никакого повода думать о ихъ такъ называемой неблагонадежности. Приэтомъ отъ законодателя всегда и вполнѣ зависитъ, признавъ въ принципѣ необходимость распространенія избирательныхъ правъ на квартирантовъ, какъ признаны въ принципѣ избирательныя права за домовладѣльцами. поступить при этомъ, хотя бы на первое время, точно такъ же, какъ поступаетъ законъ и по отношенію домовладѣльцевъ, установляя для нихъ имущественный цензъ, и назначить имущественный цензъ также и для квартиронанимателей, а также и срокъ времени, по истеченіи котораго можетъ быть пріобрѣтено избирательное право. Размѣръ ценза зависитъ опять и въ этомъ случаѣ отъ самого законодателя, а цензъ, тотъ или другой, во всякомъ случаѣ уничтожилъ бы по крайней мѣрѣ возможность противопоставлять предложенію расширить избирательныя права на квартирантовъ—опасеніе, что такое рѣшеніе можетъ пріобрѣсти политическую окраску, и вмѣстѣ съ тѣмъ явилась бы возможность городскимъ общественнымъ управленіямъ получить не мало полезныхъ людей, въ которыхъ именно они и испытываютъ недостатокъ такой же, если не большій, какъ и въ матеріальныхъ средствахъ.

Что касается самаго размѣра ценза для квартирантовъ, то указаніе на то можно усмотрѣть въ размѣрѣ ценза, уже опредѣленнаго Городовымъ Положеніемъ для избирательныхъ правъ самихъ домовла-

дѣльцевъ и для дѣйствующаго государственнаго квартирнаго налога. Послѣдній взимается въ настоящее время только съ тѣхъ квартиръ, плата за которыя превышаетъ извѣстный минимумъ (въ столицахъ—300 рублей). Минимальная же стоимость недвижимаго имущества, дающая избирательныя права домовладѣльцамъ, въ столицахъ опредѣлена въ суммѣ 3.000 рублей, т.-е., собственно говоря, такой цензъ для домовладѣльцевъ оказывается еще ниже тѣхъ 300 рублей стоимости квартиры, наниматель которой освобождается отъ платы квартирнаго налога, ибо едва-ли возможно платить болѣе 200—250 рублей за наемъ дома, оцѣненнаго въ 3.000 рублей. Избирательный цензъ домовладѣльцевъ предоставляетъ, такимъ образомъ, весьма небогатымъ лицамъ участіе въ выборахъ, и Городовое Положеніе допускаетъ такого размѣра цензъ. Спрашивается: на какое число квартирантовъ распространилось бы избирательное право, если для нихъ принять тотъ же размѣръ ценза, какой уже принятъ закономъ для домовладѣльцевъ? Довольно точныя свѣдѣнія даетъ о томъ, для города Москвы, вышеупомянутый докладъ московской городской Управы.

Разсчетъ московской городской Управы отправлялся отъ предположенія, что минимальная плата за квартиру, подлежащая обложенію налогомъ, будетъ 240 рублей (соотвѣтственно минимальной стоимости недвижимаго имущества, дающей избирательныя права домовладѣльцамъ въ столицахъ, 3.000 рублей); статистическое же отдѣленіе Управы подвело итогъ квартирамъ съ платою не менѣе 200 рублей, — и при всемъ томъ, новыхъ избирателей изъ квартирантовъ образовалось бы въ Москвѣ не болѣе 20.000 (т.-е. столько же приблизительно, сколько было въ Москвѣ избирателей по Городовому Положенію 1870 года), но въ томъ числѣ людей интеллигентныхъ около 13.000. На основаніи такого подсчета въ Москвѣ можно, съ большою вѣроятностью, предположить, что и въ Петербургѣ, при квартирномъ минимумѣ въ 300 руб., образовалось бы избирателей не болѣе 15.000 (т.-е. менѣе того, сколько было бы въ Петербургѣ по Городовому Положенію 1870 года — съ небольшимъ 19.000). Такія цифры, какъ 20.000 или 15.000 избирателей на Москву или Петербургъ, никакъ не могутъ сами по себѣ наводить на мысль о какой-нибудь окраскѣ состава Думъ, такъ какъ еще недавно въ обоихъ упомянутыхъ городахъ были именно таковы цифры состава избирателей въ столицахъ и никто не замѣчалъ въ немъ никакой особой окраски.

Передача государственнаго квартирнаго налога въ руки городовъ можетъ мотивироваться тѣмъ, что введеніе казенной продажи питей понизитъ городскіе доходы; но одна такая простая передача, какъ мы замѣтили, едва-ли представитъ соотвѣтственное возмѣщеніе потери городовъ, которую они испытаютъ отъ введенія казенной про-

дажи питей, такъ какъ сумма трехъ милліоновъ государственнаго квартирнаго налога, скромная, конечно, для всего бюджета имперіи, будучи раздѣлена между всѣми ея городами, не можетъ быть признана особенно значительною; города небольшіе, гдѣ чрезвычайно мало сколько-нибудь дорогихъ по цѣнѣ квартиръ, далеко не получатъ отъ мѣстнаго квартирнаго налога того, что они получали отъ патентовъ до введенія казенной продажи питей. Но совершенно иное, несравненно болѣе важное значеніе будетъ имѣть передача государственнаго налога городамъ тогда, когда она будетъ сопровождаться расширеніемъ избирательнаго права на квартирантовъ—при томъ или другомъ цензѣ квартирнаго найма. Безъ того,—явится, при простой передачѣ городамъ государственнаго квартирнаго налога, большое затрудненіе относительно принятія справедливыхъ и раціональныхъ мѣръ къ огражденію квартирантовъ отъ новой эксплуатаціи ихъ домовладѣльцами, при организаціи будущаго городского квартирнаго налога. Самая элементарная справедливость требуетъ, чтобы по крайней мѣрѣ половина членовъ присутствія по городскому квартирному налогу избиралась изъ нанимателей квартиръ, или, иначе, домовладѣльцы могутъ проявить слишкомъ много ревности къ интересамъ города, въ ущербъ вполнѣ законнымъ правамъ квартиронанимателей. Какъ мы не разъ слышали, и при сборѣ государственнаго налога, стремленія домовладѣльцевъ—или себѣ облегчить квартирный налогъ, или совершенно освободить себя отъ него,—хотя и встрѣчали противодѣйствіе со стороны коронныхъ предсѣдателей квартирныхъ присутствій, охранявшихъ интересы казны и право квартирантовъ на справедливое обложеніе со стороны плательщиковъ,—но не всегда имѣли полный успѣхъ. Если справедливо, что такъ это бываетъ при сборѣ государственнаго квартирнаго налога, то что можетъ произойти при сборѣ городского квартирнаго налога — легко себѣ представить. Но квартиронаниматели не образуютъ и не могутъ образовать изъ себя никакой организованной группы, которая сама могла бы выбирать изъ своей среды членовъ въ квартирныя присутствія, а городскія Думы всегда могутъ послать такихъ домовладѣльцевъ, которые хотя и имѣютъ собственные дома, но сами живутъ въ наемныхъ квартирахъ, или могутъ предложить для выбора своихъ людей и т. п. Изъ одного этого слѣдуетъ уже съ очевидностью, что предоставленіе Думамъ права собирать квартирный налогъ и, быть можетъ, еще увеличивать его до какихъ-нибудь размѣровъ выше нормы, безъ избирательныхъ правъ плательщиковъ налога, значило бы не только лишить квартирантовъ этихъ правъ, но, сверхъ того, предать ихъ въ полное распоряженіе домовладѣльцевъ, засѣдающихъ въ Думѣ: отъ нихъ главнѣйше будетъ зависѣть отклоненіе всякаго повышенія налоговъ, касающихся ихъ самихъ, и обращеніе къ увеличенію раз-

мѣра квартирнаго налога. Отъ квартирныхъ присутствій Думы еще менѣе могутъ квартиранты ожидать себѣ защиты, если, повторяемъ, справедливо то, что они съ трудомъ находили ее въ присутствіяхъ по сбору государственнаго квартирнаго налога. Этого одного соображенія достаточно, чтобы тѣсно связать вопросъ о передачѣ государственнаго квартирнаго налога въ руки городовъ — съ вопросомъ о передачѣ квартирантамъ вмѣстѣ съ тѣмъ и избирательнаго права, какимъ пользуются домовладѣльцы.

Въ городскихъ Думахъ и въ настоящее время, кромѣ домовладѣльцевъ и торгово-промышленниковъ, присутствуютъ, на основаніи Городового Положенія, лица, не принадлежащія ни къ тому, ни къ другому разряду, и которыхъ вполнѣ справедливо можно назвать квартирантами, такъ какъ лично они могутъ владѣть въ городѣ только квартирами и не имѣть никакой недвижимой собственности, ни торгово-промышленнаго заведенія; это — тѣ лица, которыя являются на избраніе гласныхъ Думы и сами избираются въ гласные—въ качествѣ представителей отъ различныхъ правительственныхъ или благотворительныхъ учрежденій. Отсутствіе личнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ или какого-нибудь торгово-промышленнаго заведенія, какъ оказывается, вовсе не дѣлаетъ эти лица неспособными къ обсужденію городскихъ дѣлъ и не сообщаетъ никакой окраски составу Думы. Въ средѣ такихъ гласныхъ могутъ легко оказаться и оказываются на дѣлѣ самые полезные городскіе дѣятели. Изъ этого видно, что ни личное домовладѣніе, ни торгово-промышленное предпринимательство не сообщаютъ еще обывателю никакихъ особыхъ качествъ, дѣлающихъ изъ него пригоднаго члена городской Думы, а ограниченіе тѣми одними признаками, сообщающими нынѣ избирательныя права, можетъ служить только къ пониженію уровня въ личномъ составѣ городского общественнаго управленія. Удобно ли, послѣ этого, оставлять городскія общественныя управленія, которымъ ввѣрено хозяйство городовъ и заботы о ихъ благосостояніи, въ настоящемъ ихъ положеніи, — и справедливо ли, оставляя ихъ въ такомъ положеніи, одновременно съ тѣмъ говорить о ихъ несостоятельности и неспособности стоять на высотѣ своего призванія, или упрекать за то, что они не оправдываютъ оказаннаго имъ довѣрія? Какое другое управленіе, будучи поставлено въ такія же условія для образованія своего личнаго состава, могло бы вести дѣло успѣшнѣе?

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Правленія Спб. Общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Кіевскаго Университета.

Лѣтомъ 1895 года скончался Николай Христіановичъ Бунге, Предсѣдатель Комитета Министровъ, незабвенный Профессоръ и Ректоръ Кіевскаго Университета. Николай Христіановичъ въ Кіевѣ родился, въ Кіевѣ воспитался, въ стѣнахъ Кіевскаго Университета получилъ высшее образованіе и на каѳедрѣ Кіевскаго Университета создалъ себѣ имя, почетное въ наукѣ, уважаемое всѣми просвѣщенными людьми Россіи.

Немного осталось теперь въ живыхъ его товарищей по Университету, помнящихъ его студенческіе годы; но еще много насъ, Кіевскихъ студентовъ, помнящихъ и неспособныхъ забыть нашего дорогого Профессора, нашего достойнѣйшаго Ректора. Сколько самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній соединяется съ этимъ именемъ: онъ воплощалъ въ себѣ наши лучшія представленія о Профессорѣ и руководителѣ студенческой молодежи.

Не станемъ перечислять всѣхъ заслугъ покойнаго: онѣ достаточно запечатлѣны въ сердцахъ его учениковъ. Скажемъ только, что его нравственный авторитетъ былъ такъ же великъ, какъ и авторитетъ ученаго, а можетъ быть и болѣе того. Вотъ почему во время его продолжительнаго ректорства Кіевскіе студенты не помнятъ серьезныхъ столкновеній съ университетскимъ начальствомъ, не помнятъ студенческихъ злоключеній и въ то же время прекрасно помнятъ, какое серьезное уваженіе къ Университету, этому храму науки, умѣлъ вселить въ насъ Ректоръ нашего университета Н. Х. Бунге.

Его высокія личныя достоинства и только они одни создали ему почетное положеніе въ Университетѣ, въ наукѣ, въ обществѣ и государствѣ. Призванный на высокій постъ Министра Финансовъ, Николай Христіановичъ и въ столицѣ всегда участливо и сердечно относился къ интересамъ родного Кіева, родного ему Кіевскаго Университета, къ бывшимъ Кіевскимъ студентамъ. Онъ былъ старѣйшимъ и щедрѣйшимъ членомъ существующаго издавна въ Петербургѣ Общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Кіевскаго Университета и, умирая, завѣщалъ значительную сумму на нужды этого Общества.

Признательные и всегда глубоко уважавшіе своего Профессора члены Общества порѣшили почтить память достойнѣйшаго и дорогого ихъ сердцу человѣка основаніемъ въ Кіевѣ городской школы его имени, и для этого въ Общемъ Собраніи своемъ 9-го Ноября 1895 г. постановили исходатайствовать чрезъ г-на Министра Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшеніе на открытіе повсемѣстной подписки для сбора пожертвованій среди бывшихъ Кіевскихъ студентовъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему Министра Внутреннихъ Дѣлъ докладу, въ 16 день января 1897 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на разрѣшеніе Правленію С.-Петербургскаго Общества для пособія бывшимъ воспитанникамъ Императорскаго Университета Св. Владиміра открыть повсемѣстно между бывшими воспитанниками названнаго Университета подписку на образованіе капитала для устройства школы въ Кіевѣ имени покойнаго Предсѣдателя Комитета Министровъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге.

На основаніи такого Высочайшаго разрѣшенія, Правленіе Общества приглашаетъ всѣхъ бывшихъ Кіевскихъ студентовъ къ пожертвованіямъ на устройство городской школы имени Н. Х. Бунге въ г. Кіевѣ. Правленіе питаетъ твердую увѣренность, что этотъ призывъ найдетъ радушный откликъ въ сердцахъ товарищей по Кіевскому Университету, съ воспоминаніями о которомъ такъ ярко выступаетъ имя Николая Христіановича, которое съ любовью и гордостью произноситъ каждый Кіевскій студентъ предъ лицомъ всей Россіи. Нашъ нравственный долгъ, какъ людей, обязанныхъ своимъ высшимъ образованіемъ Кіевскому Университету, создать этому имени достойный его памятникъ въ родномъ ему Кіевѣ. Такимъ памятникомъ можетъ быть вполнѣ благоустроенная городская школа.

Устройство такой школы потребуетъ, конечно, значительнаго капитала, но Правленіе вѣритъ, что усиліями бывшихъ воспитанниковъ Кіевскаго Университета намѣченная задача успѣшно будетъ выполнена, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказано будетъ, насколько образованные русскіе люди умѣютъ цѣнить высокія гражданскія доблести лучшаго изъ своихъ согражданъ.

Пожертвованія могутъ быть доставляемы въ С.-Петербургъ въ Правленіе Общества вспомоществованія бывшимъ Кіевскимъ студентамъ или передаваемы довѣреннымъ Правленіемъ лицамъ по особымъ сборнымъ листамъ за печатью Правленія и подписями Членовъ онаго.

II.—Отъ Комитета Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ.

Давно знакомы русскимъ людямъ лишенія, которыя выпадаютъ на долю переселенцевъ. Скудость средствъ при оставленіи родины, долгій томительный путь, болѣзнь и смерть слабѣйшихъ членовъ семьи, трудность водворенія на новомъ мѣстѣ, многолѣтняя борьба съ непривычными условіями далекаго края—вотъ тѣ матеріальныя нужды, на которыя откликается благотворительность.

Но велика и духовная нужда переселяющихся въ просвѣщеніи и первой ступени къ нему—грамотности. Большая часть переселенцевъ идетъ изъ земскихъ губерній, гдѣ уже выросла и окрѣпла народная школа. Она вошла въ жизнь крестьянъ, населеніе сблизилось съ нею матеріальными пособіями на ея поддержаніе; оно сроднилось съ мыслью, что если дѣды и отцы прошли жизнь въ потемкахъ, то дѣ-

тямъ доступна грамота и открытъ путь къ просвѣщенію. Кто не встрѣчалъ въ печати многочисленныхъ указаній на то, какъ тяготѣетъ деревня къ свѣту знанія!

Сибирь не можетъ отвѣтить на эту острую потребность. Населеніе рѣдко; десятки верстъ между деревнями; школъ мало, да и тѣ, которыя есть, бѣдны и учащими силами, и учебными пособіями. Водворившись за Ураломъ, переселенецъ долженъ проститься съ отрадной надеждой, что школа пріютитъ его дѣтей; онъ долженъ снова привыкнуть къ мысли, что дѣти останутся во тьмѣ, изъ которой пытались выйти еще отцы. А школа особенно нужна этому далекому краю; тамъ мало людей просвѣщенныхъ; въ сельскомъ хозяйствѣ еще нѣтъ навыковъ, которые даются многолѣтней осѣдлостью; природа еще не познана и еще не выработаны пріемы, которые могли бы подчинить ее волѣ переселенца. И только школа способна облегчить эту задачу.

Стремясь удовлетворить эти нужды, Общество для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ постановило образовать особый школьный фондъ, изъ котораго въ мѣстахъ водворенія переселенцевъ могли бы быть устраиваемы училища и выдаваемы пособія существующимъ школамъ. Общество твердо вѣритъ, что русскіе люди примутъ къ сердцу эту нужду и будутъ направлять свою ленту въ школьный фондъ. Пожертвованія просятъ направлять въ С.-Петербургъ, Поварской пер., д. 15, Обществу для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ, въ школьный фондъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль—Августъ 1898.

Книга седьмая. — Іюль.

	стр.
Экономическое положеніе крестьянъ въ россіи.—Ѳ. ТЕРНЕРА	5
Взятка.—Повѣсть.—АЛ. ЛУГОВОГО	53
Славянская Спарта.—Очерки путешествія по Далмаціи и Черногоріи.—ЕВГ. МАРКОВА	85
Изъ Ж. Ришпена: Sonnets amers.—1-4.—О. МИХАЙЛОВОЙ,	139
Золотопромышленность въ Восточной Сибири,—L'or en Sibérie Orientale, par Ed. Dav. Levat.—ЕГ. ИВ. БАРАНОВСКАГО	142
Алексѣй Заводчикъ.—Разсказъ.—СЕМЕНОВА	182
Е. М. Бакунина.—Біографическій очеркъ.—А. СИНИЦЫНА.	214
Свитезянка.—Баллада Мицкевича.—В. МАРКОВА	231
Книжная дѣятельность времени Петра Великаго—А. Н. ПЫПИНА.	236
„Меньшая братія".—Романъ.—The nether World, by George Gissing.—I-VIII. —А. Б—Г.	272
Современные софизмы. — Новыя сословныя тенденціи въ нашей печати.—Z.	323
11 іюня 1898.—Стихотвореніе.—ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА	337
Хроника.—Культурныя назначенія и источники покрытія въ финансахъ Германіи.—Письмо изъ Берлина.—Г. ЮЛЛОСА	338
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Губернская реформа и отношеніе ея къ земскимъ учрежденіямъ. — Губернскіе органы министерства земледѣлія.—Рѣчь варшавскаго генералъ-губернатора. – Письмо не-дворянина о дворянскомъ вопросѣ.—Еще проектъ „воспособленія".—Продовольственная нужда	360
Иностранное Обозрѣніе.—Неудовольствіе американцевъ по поводу отзывовъ европейской печати о войнѣ. — Письмо П. А. Тверского.—Возраженіе противъ нашихъ замѣчаній объ американской политикѣ относительно Кубы.—Прискорбныя увлеченія и погрѣшности американцевъ.—Перемѣна министерства во Франціи.—Парламентскіе выборы въ Германіи	379
Литературное Обозрѣніе.—Пятидесятилѣтняя память Бѣлинскаго.—Т. — Новыя книги и брошюры	394
Новости Иностранной Литературы. — Arvède Barine. Névrosés. — Ferd. Carez. Auteurs contemporains.—Georges Pellissier. Etudes de littérature contemporaine.—З. В.	415
Изъ Общественной Хроники. — Нѣмецкая книга о политикѣ и значеніе ея для русскаго общества.—Какъ понимаютъ свободу печати нѣмецкіе и русскіе публицисты. — Отголоски чествованія Бѣлинскаго. — Попытка вытѣснить Бѣлинскаго изъ „литературы" въ „публицистику" и провозгласить его „родоначальникомъ легкомысленной интеллигенціи"	431
Извѣщенія.—Отъ Правленія Спб. Общества вспомоществованія б. воспитанникамъ Кіевскаго университета	443
Библіографическій Листокъ.—Н. А. Бѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи. 3-е изданіе.—К. Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. Д. Протопопова.—И. С. Бліохъ. Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Т. I-V.—А. Богдановъ. Краткій курсъ экономической науки.— Финляндія. Подъ редакціей Д. Д. Протопопова. Съ 51 иллюстраціей. Изд. О. Н. Поповой.—Эли Берте. Маленькія школьницы пяти частей свѣта. Сочиненіе, одобренное французской академіей. Съ франц. М. Гранстремъ. Съ 104 рисунками.	
Объявленія.—I-IV; I-XVI стр.	

Книга восьмая. — Августъ. стр.

Славянская Спарта.—Очерки путешествія по Далмаціи и Черногоріи.—V-VII.—ЕВГЕНІЯ МАРКОВА 445
Взятка.—Повѣсть.—Окончаніе.—А.І. ЛУГОВОГО 481
Григорій VII и Августинъ.—Божье царство и теократія.—В. И. ГЕРЬЕ. 511
Другъ-Ксанто.—Разсказъ.—В. І. ДМИТРІЕВОЙ 546
Поѣздка къ Шамилю въ Калугу въ 1860 году.—Изъ записокъ и воспоминаній.—I-VIII.—И. Н. ЗАХАРЬИНА. 601
Меньшая братія.—Романъ.—The nether World, by George Gissing.—VIII-XIV.—А. Б—Г— 641
Джакомо Леопарди.—Ю. А. ВЕСЕЛОВСКАГО 697
Стихотворенія.—I-VIII.—А. М. ѲЕДОРОВА. 724
Анатоль Франсъ.—ЗИН. ВЕНГЕРОВОЙ 731
На томъ же мѣстѣ.—Стихотвореніе.—ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА 762
Женскій трудъ по устройству жилищъ для бѣдныхъ, за границей.—М. И. ПОКРОВСКОЙ. 764
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Народная школа въ Финляндіи, въ городѣ и въ деревнѣ,—И. К. ИРЬЕ-КОСКИНЕНА. 775
Иностранное Обозрѣніе.—Побѣды и пораженія въ испанско-американской войнѣ.—Вашнѣйшіе этоги событій.—Французскія дѣла.—Торжество патріотовъ надъ „дрейфуссарами“ и популярность Кавеньяка.—Князь Бисмаркъ †. 800
Литературное Обозрѣніе.—Сборникъ учено-литературнаго Общества при импер. юрьевскомъ университетѣ, т. I.—Журналы дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Царствованіе импер. Елисаветы Петровны. Выпускъ 1-й.—Хива, И. Захарьина (Якунина).—Д.—Новыя книги и брошюры 813
Новости Иностранной Литкратуры.—Henry Berenger, La Conscience Nationale. Jean Richepin, La Martyre.—Emil Faguet, Drame Ancien, Drame Moderne.—З. В. 832
Изъ Общественной Хроники.—Характерныя черты трехъ Городовыхъ Положеній, изданныхъ въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія (1846—1892).—Видоизмѣненія главныхъ началъ, лежащихъ въ ихъ основаніи и опредѣляющихъ: 1) отношеніе городской администраціи къ городскому общественному управленію, и 2) предѣлы избирательнаго права обывателей столицы. — Можетъ ли государственный квартирный налогъ возмѣстить городу ущербъ отъ закрытія, по закону, нѣкоторыхъ источниковъ городскихъ доходовъ? Необходимость, приэтомъ, распространенія избирательныхъ правъ на плательщиковъ новаго налога. 852
Извѣщенія.—I. Отъ Правленія Спб. Общества вспомоществованія б. воспитанникамъ Кіевскаго Университета. — II. Отъ Комитета Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ 864
Библіографическій Листокъ.—Иностранные капиталы, ихъ значеніе на экономическое развитіе страны. Часть первая. Теоретическія основанія.—Опытъ иностранныхъ государствъ. В. Ф. Брандта.—Поль де-Рузье. Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Струве. Изд. О. Н. Поповой.—С. С. Арнольди. Задачи пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. Изд. М. Ковалевскаго.—Аскоттъ Р. Гоопъ. Семь мудрыхъ школяровъ. Съ англійскаго М. Гранстремъ. Съ 96 рисунками.
Объявленія. — I-IV; I-XVI стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Иностранные капиталы, ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Часть первая. Теоретическія основанія.—Опытъ иностранныхъ государствъ. Б. Ф. Брандта. Спб., 1898. Стр. XV+312. Ц. 2 р.

Иностранные капиталы играютъ весьма крупную роль въ развитіи нашей промышленности, а между тѣмъ вопросъ о вліяніи ихъ на экономическіе интересы страны оставался до сихъ поръ не выясненнымъ. Въ печати нерѣдко высказывались рѣзкія отрицательныя сужденія о заграничныхъ предпринимателяхъ и капиталистахъ, завладѣвающихъ будто бы нашими природными богатствами въ ущербъ интересамъ Россіи, при чемъ самое основаніе новыхъ промышленныхъ дѣлъ и отраслей производства не находило себѣ должной оцѣнки. Изслѣдованіе г. Брандта представляетъ первый серьезный опытъ обстоятельнаго разсмотрѣнія общаго вопроса о переходѣ капиталовъ изъ богатыхъ странъ въ бѣдныя для производительныхъ цѣлей и объ экономическихъ послѣдствіяхъ такого перехода для заинтересованныхъ націй. Оказывается, что по этому предмету не имѣется никакихъ спеціальныхъ работъ не только въ русской, но и въ западно-европейской литературѣ, и автору пришлось собирать свои матеріалы изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Вышедшая теперь первая часть сочиненія распадается на два отдѣла: въ первомъ изложены общія причины и послѣдствія движенія капиталовъ изъ болѣе культурныхъ странъ въ менѣе культурныя, а во второмъ (гл. V—X) приведены и разобраны факты, касающіеся роли иностранныхъ капиталовъ въ Аргентинѣ, Мексикѣ, Австраліи, Сѣверной Америкѣ и въ балканскихъ государствахъ—Румыніи, Сербіи и Болгаріи. Книга написана живымъ и яснымъ языкомъ, что дѣлаетъ ее вполнѣ общедоступною, несмотря на спеціальность содержанія.

Поль де-Рузье. Профессіональныя рабочіе союзы въ Англіи. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Струве. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1898. Стр. XI+340. Ц. 1 р. 50 к.

Изслѣдованіе англійскихъ рабочихъ союзовъ произведено Полемъ де-Рузье и его четырьмя сотрудниками, Октавомъ Фести, Жозефомъ Вилельмомъ, Андре Флери и Франсуа де-Карбонелемъ, по порученію парижскаго „Соціальнаго музея“. Авторы исполнили свою задачу съ большимъ знаніемъ дѣла и съ полнымъ безпристрастіемъ; они собирали свои свѣдѣнія на мѣстѣ, путемъ опроса наиболѣе выдающихся участниковъ и руководителей „трэдъ-уніоновъ“, присутствовали на митингахъ, бесѣдовали съ простыми рабочими и вынесли изъ своихъ наблюденій самое отрадное впечатлѣніе. Англійскіе рабочіе достигли уже очень многаго, благодаря своему умѣнью организоваться и дѣйствовать сообща; они полагаются исключительно на свои собственныя мирныя усилія и стремятся не только къ улучшенію своего матеріальнаго быта, но и къ умственному развитію и образованію. Посѣщая жилища видныхъ дѣятелей „трэдъ-уніонизма“, де-Рузье почти у всѣхъ находилъ на почетномъ мѣстѣ библіотеку, наполненную книгами въ истертыхъ переплетахъ; рабочіе пользуются также „массою книгъ, легко добываемыхъ въ Англіи черезъ библіотеки для чтенія, и затѣмъ читаютъ ежедневную прессу“... Крупныя средства рабочихъ союзовъ позволяютъ имъ оказывать существенную поддержку нуждающимся членамъ; такъ, одно только „общество соединенныхъ плотниковъ и столяровъ“, въ теченіе 34 лѣтъ, выдало своимъ членамъ около 40 милліоновъ франковъ въ видѣ различныхъ пособій. —Редакторъ перевода, г. П. Струве, счелъ своимъ долгомъ заявить въ предисловіи, что „со многими взглядами авторовъ, вошедшихъ въ предлагаемый сборникъ монографій, онъ рѣзко не согласенъ“. Оказывается, что авторы повинны въ „буржуазно-либеральной точкѣ зрѣнія“ (чего мы, впрочемъ, совершенно не замѣтили); они „*не понимаютъ*, что суть дѣла не въ словахъ и кличкахъ и даже не въ радикализмѣ или умѣренности заявляемыхъ требованій, а во-первыхъ, въ объективномъ ходѣ экономическаго развитія, и во-вторыхъ, въ объективномъ же смыслѣ опирающагося на экономическую эволюцію движенія, и въ третьихъ, въ общественномъ характерѣ этого послѣдняго“. Намъ кажется, что редакторъ перевода, понимающій то, чего не понимаютъ будто бы переводимые авторы, могъ бы указать на это свое преимущество въ болѣе вѣжливой формѣ, не ограничиваясь притомъ голословными категорическими утвержденіями, лишенными опредѣленнаго смысла.

С. С. Арнольди. Задачи пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли. Изданіе М. Ковалевскаго. Москва, 1898. Стр. XII+371. Ц. 2 р.

Въ книгѣ г. Арнольди обсуждаются очень краснорѣчиво и горячо самые сложные вопросы соціальной философіи, коренныя основы разумнаго міросозерцанія и важнѣйшія задачи будущаго, съ точки зрѣнія бодраго критическаго отношенія къ историческимъ фактамъ и условіямъ. Въ идеяхъ автора мало новаго; но его вѣра въ творческую силу „развитой личности“ имѣетъ въ себѣ нѣчто заманчивое и подкупаетъ читателя своею искренностью. Не загроможденная балластомъ научныхъ ссылокъ и цитатъ, книга производитъ однако впечатлѣніе серьезнаго, глубоко продуманнаго трактата и читается съ большимъ интересомъ.

Аскоттъ Р. Гоопъ. Семь мудрыхъ школяровъ. Съ англійскаго М. Гранстремъ. Съ 96 рисунками. Спб. 1898. Стр. 203. Ц. 2 р.

„Мудрые школяры“ не пожелали въ праздничные дни сидѣть за книжками и рѣшились явиться въ училище послѣ рождественскихъ каникулъ, не приготовивъ заданныхъ строгимъ педагогомъ уроковъ; они придумали забавный способъ выпутаться изъ затрудненія: каждый по очереди старается заинтересовать учителя разсказомъ, болѣе или менѣе фантастическимъ, и добродушный наставникъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи слѣдить за плодами дѣтскаго воображенія, получившаго нѣкоторый просторъ подъ вліяніемъ „незаконнаго“ праздничнаго отдыха. Разсказы всѣхъ семи учениковъ составлены довольно мило, не безъ юмора. Внѣшность новой книги г-жи М. Гранстремъ, по обыкновенію, очень изящна.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1898 Г.

(Тридцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;

— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ Н. Н. Мамонтова, на Кузнец.-Мостѣ; Н. Н. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. Е. П. Распопова, Дерибасовская улица.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Новый-Свѣтъ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб., а иногородніе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билетомъ* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE JAN 10 1916

NOV 3-'60 H